

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

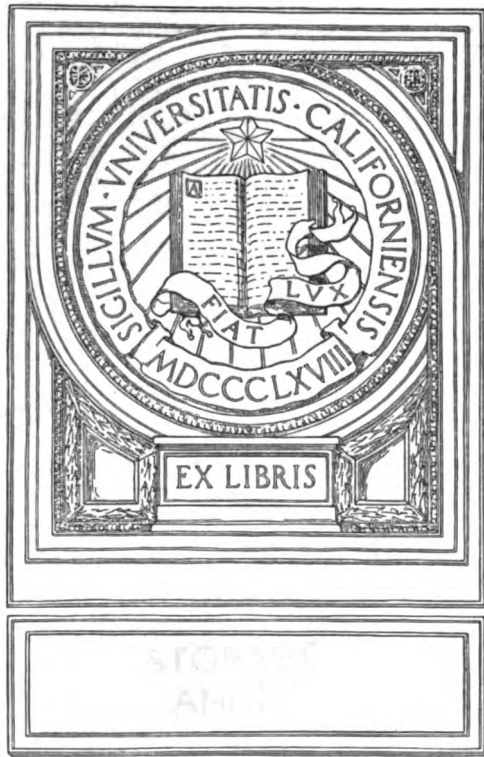
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Russia. Min. nar. pros.
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXIV.

1889.

ІЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Блашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1889.

L 451
A4
v. 264

Екатерининскій кан., д. 78.
№ 2894.

.....
.....

Муром.
40.

252

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

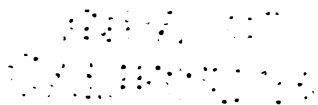
ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXIV.

1889.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 7б.
1889.

Екатеринославскій кан. № 78
2895.

Въ
Книжницѣ
Св. Синода
въ
С.-Петербургѣ

Н. урн.
110.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (17-го марта 1889 года). О производствѣ пріемныхъ экзаменовъ для поступленія въ гимназіи, прогимназіи и реальныя училища въ маѣ мѣсяцѣ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 17-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на производство пріемныхъ экзаменовъ для поступленія въ 1 классъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ одновременно какъ ученикамъ приготовительныхъ классовъ, такъ и поступающимъ со стороны, именно въ маѣ мѣсяцѣ.

2. (3-го апрѣля 1889 года). О сохраненіи приготовительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о сохраненіи приготовительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: За предсѣдателя государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Николаи.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

843063

1*

о сохраненіи пригвительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Вносить, начиная съ будущаго 1890 года, въ подлежащее подраздѣленіе смѣты министерства народнаго просвѣщенія, на содержаніе пригвительныхъ классовъ при Витебской и Читинской гимназіяхъ и Владивостокской, Якутской и Пятигорской прогимназіяхъ по 5,500 рублей ежегодно, по 1,100 рублей на каждый классъ и

2) Потребные въ текущемъ году на сей предметъ 5,500 рублей отпустить изъ кредита, назначеннаго по государственной росписи на экстренныя и не предусмотрѣнныя смѣтами надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналъ предсѣдателемъ и членами.

3. (27-го марта 1889 года). О переводѣ стипендіи имени Алексѣя и Ильи Федоровскихъ изъ Харьковскаго реальнаго училища въ Сумское.

При Харьковскомъ реальномъ училищѣ 28-го сентября 1880 года Высочайше разрѣшено учредить стипендію имени Алексѣя и Ильи Федоровскихъ.

Нынѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа, согласно желанію жертвователя отставнаго полковника И. Федоровскаго, вошелъ въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о разрѣшеніи перевести означенную стипендію изъ Харьковскаго реальнаго училища въ Сумское.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на переводъ означенной стипендіи.

4. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго астраханскимъ купцомъ Х. Е. Ефремовымъ.

Астраханскій купецъ Х. Е. Ефремовъ пожертвовалъ отъ себя и отъ своей жены облигацію 3 восточнаго займа въ 1,000 рублей для учрежденія при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества и Августѣйшей Семьи Его Величества отъ опасности при крушеніи поѣзда 17-го октября 1888 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 27-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ сердечно благодарить.

5. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Нижегородской мужской гимназіи одной стипендіи на счетъ процентовъ съ капитала, отчисленнаго для сей цѣли изъ средствъ нижегородскаго коммерческаго клуба.

Въ память чудеснаго избавленія Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей отъ опасности 17-го октября 1888 года общее собраніе членовъ нижегородскаго коммерческаго клуба постановило учредить при Нижегородской мужской гимназіи одну стипендію на счетъ процентовъ съ отчисленнаго для сей цѣли изъ средствъ названнаго клуба капитала въ одну 1,000 рублей, съ наименованіемъ воспитанника, пользующагося стипендіею „стипендіатомъ нижегородскаго коммерческаго клуба въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года“.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, поступившаго по сему предмету ходатайства попечителя Московскаго учебнаго округа, въ 27-й день марта 1889 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи и повелѣлъ сердечно благодарить.

6. (27-го марта 1889 года). О возложеніи обязанностей попечительнаго совѣта Кутаисской женской гимназіи на совѣтъ благотворительнаго общества св. Нины и о переименованіи означенной гимназіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, 27-го марта 1889 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) возложить обязанности попечительнаго совѣта Кутаисской женской гимназіи на Кутаисское правленіе общества св. Нины, но съ тѣмъ, чтобы въ составъ сего правленія, въ качествѣ непремѣнныхъ его членовъ, вошли предсѣдатель педагогическаго совѣта и начальница заведенія, а равно кутаисскій предводитель дворянства и мѣстный городской голова, и 2) переименовать означенную гимназію въ „Кутаисское женское учебное заведеніе св. Нины“.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

(28-го мая 1888 года). Утверждены на три года: генераль-лейтенантъ графъ Орловъ-Денисовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивановъ и отставной полковникъ Васильевъ—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый Новочеркасскаго, второй—Камратскаго и третій—Урюпинскаго.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: заслуженному ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Янсону—съ 20-го по 31-е августа 1889 года; магистру Императорскаго университета св. Владимира Шефферу съ 5-го іюня по 1-е сентября 1889 года.

Командированы съ ученою цѣлю: а) въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Докучаевъ—по 20-е августа 1889 года; Харьковскаго практическаго технологическаго института: профессора: Гречаниновъ, Предтеченскій, Зворыкинъ и Лидовъ, преподаватель Мухачевъ и механикъ Кнаббе—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1889 года; и б) за границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Цагарелли—съ 21-го августа по 3-е сентября 1889 года; директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ Струве и экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Богословскій—на двадцать восемь дней; ученый хранитель зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, коллежскій секретарь Бихнеръ—на одинъ мѣсяцъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ—съ 10-го августа по 20-е сентября 1889 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Боргманъ—съ 15-е іюня по 1-е августа 1889 года, бібліотекаръ Императорской Публичной Библіотеки, коллежскій ассессоръ Радловъ и адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Погорѣлко—на два мѣсяца, съ зачетомъ послѣднему въ эту командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Форстенъ—по 1-е

августа 1889 года, съ зачетомъ въ сію командировку отпуска за границу на одинъ мѣсяць; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Московскаго—статскій совѣтникъ Гротъ, св. Владимира—статскій совѣтникъ Чирьевъ, Варшавскаго—статскій совѣтникъ Сонинъ и Дерптскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Брикнеръ; ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея Тарасовъ; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Кесслеръ, привать-доценты Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Коркуновъ и Московскаго—Лопатинъ и директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сентъ-Илеръ—на лѣтнее вакаціонное время 1889 года; лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго С.-Петербургскаго университета Браунъ—съ 28-го мая по 15-е августа 1889 года, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на одинъ мѣсяць; привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины Тияковъ—на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 10 дней; профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института Пономаревъ—на три мѣсяца и пять дней, съ зачетомъ разрѣшеннаго ему отпуска за границу на два мѣсяца; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Никифоровъ—на одинъ годъ; привать-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ Шершеневичъ—съ 1-го іюня 1889 года по 1-е сентября 1890 года.

Уволены въ отпускъ: директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Аничковъ—на два съ половиною мѣсяца, за границу, по болѣзни (Высоч. пов. 16-го мая 1889 года); попечитель Московскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ графъ Калнисть—на три съ половиною мѣсяца, въ предѣлахъ Россійской Имперіи (Выс. пов. 16-го мая 1889 года).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Антонины Михайловны Кладбищевой, урожденной Сибиряковой, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго въ 1886 году потомственнымъ почетнымъ гражда-

ниномъ Иннокентіемъ Михайловичемъ Сибиряковымъ, учреждается при Томскомъ университетѣ стипендія имени „Антонины Михайловны Кладбищевой урожденной Сибиряковой“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ 300 руб., выдается студентамъ Томскаго университета, какъ изъ уроженцевъ Сибири, такъ и Европейской Россіи, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Если стипендія почему-либо не будетъ выдана, то не выданныя деньги идутъ на взносъ платы за слушаніе лекцій недостаточными студентами по усмотрѣнію правленія университета.

§ 5. Въ случаѣ упраздненія стипендіи, пожертвованный капиталъ съ процентами переходитъ въ одно изъ сибирскихъ обществъ попеченія о начальномъ образованіи.

§ 6. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Маріи Павловны Макиной при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей учреждается при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ стипендія имени жертвовательницы капитала дворянки Марьи Павловны Макиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность Демидовскаго юридическаго лица.

§ 3. Стипендіатъ избирается совѣтомъ лица изъ числа студентовъ извѣстныхъ совѣту по своимъ успѣхамъ и отличному поведенію, преимущественно старшихъ курсовъ.

§ 4. Стипендіатъ можетъ быть лишенъ совѣтомъ стипендіи за малоуспѣшность и неодобрительное поведеніе.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго русскимъ торговымъ сословіемъ нижегородской ярмарки и московскимъ купечествомъ и возросшаго по настоящее время до семи тысячъ девяти сотъ рублей, учреждается при Томскомъ университетѣ одна стипендія имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 6% закладныхъ листахъ московскаго земельного банка—4000 руб., въ 5% билетахъ государственнаго банка — 600 руб., въ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка — 400 руб., въ 5% облигаціяхъ перваго восточнаго займа — 100 руб., въ 5% облигаціяхъ втораго восточнаго займа — 2000 руб. и въ 5% облигаціяхъ третьяго восточнаго займа—800 руб. хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія, въ размѣрѣ трехсотъ рублей, обращается на полное содержаніе въ домѣ общежитія Томскаго университета, предпочтительно предъ другими, одного бѣднѣйшаго студента изъ числа тюменскихъ гражданъ.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется правленію университета на общихъ основаніяхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 5. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Превышающіе стипендіальную сумму (300 р.) проценты съ стипендіальнаго капитала, а также могущіе образоваться остатки отъ стипендіи въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи, должны быть причисляемы къ капиталу для образованія со временемъ второй стипендіи того же имени.

4. (22-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждается стипендія имени поручика Андрея Александровича Кирѣева

изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, завѣщаннаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендія, въ размѣрѣ, ежегодно получаемыхъ процентовъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога, предоставляется одному изъ студентовъ Харьковскаго университета, христіанскаго вѣроисповѣданія безъ различія факультетовъ, подъ условіемъ безукоризненнаго поведенія, на общихъ для назначенія стипендій, основаніяхъ.

§ 3. Студентъ, получившій стипендію, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ при условіи отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ, удостоверяемыхъ зачетомъ полугодій.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (26-го апрѣля 1889 года). Инструкція для преподаванія гимнастики въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

(Утверждена г. министромъ народнаго просвѣщенія).

I. Общія указанія.

Значеніе гимнастическихъ упражненій и характеръ преподаванія гимнастики.

§ 1. Преподаваніе гимнастики въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія имѣетъ цѣлью: во-первыхъ, способствовать физическому развитію учениковъ, упражненія наиболѣе важныя для движеній тѣла группы мускуловъ, усиливая кровообращеніе и дыханіе, увеличивая во всемъ тѣлѣ обмѣнъ веществъ, гимнастика въ значительной степени предохраняетъ дѣтей отъ болѣзней, происходящихъ въ молодомъ организмѣ отъ продолжительнаго сидѣнія; во-вторыхъ, гимнастика развиваетъ въ дѣтяхъ свободу и цѣлесообразную ловкость движеній, научаетъ ихъ соразмѣрять свои усилія съ представляющимися сопротивленіями, даетъ имъ увѣренность въ возможности преодоленія препятствій и умѣніе преодолѣть ихъ съ наименьшею затратою силъ; дѣйствуя такимъ образомъ, гимнастика способствуетъ нравственному воспитанію дѣтей: развивая въ мальчикахъ ловкость и мужество, она оказываетъ благотворное вліяніе на образованіе характера и вообще душевныхъ силъ учениковъ; наконецъ, в-третьихъ, упражненія мальчиковъ въ самыхъ простыхъ дви-

женіяхъ и построеніяхъ, принятыхъ въ русскихъ войскахъ, гимнастика знакомитъ дѣтей съ первоначальными основаніями воинской дисциплины и даетъ имъ навыкъ сообразовать свои движенія съ движеніями товарищей такъ, чтобы общія построенія были правильны и стройны, что значительно облегчитъ ученикамъ трудности строеваго ученія, когда имъ придется поступить на службу въ войска или ополченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ способствовать развитію въ нихъ патриотическаго чувства, напоминая мальчикамъ о томъ, что и имъ придется, быть можетъ, въ свое время встать въ ряды защитниковъ Престола и Отечества.

Но одинъ систематическій курсъ гимнастики, проведенный даже въ строгой постепенности и правильности, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ необходимыхъ условій для достиженія вышеозначенныхъ цѣлей. Необходимымъ дополненіемъ этого курса служатъ гимнастическія игры, во время которыхъ мальчики безъ всякаго стѣсненія проявляютъ физическую комбинацію движеній и усилій, причемъ возбуждается чувство соревнованія, которое еще усиливаетъ естественный порывъ къ дѣятельности. Въ этихъ играхъ, мальчикъ или юноша ближе всего найдетъ полное примѣненіе приемовъ, изучаемыхъ имъ на урокахъ гимнастики, и пойметъ пользу гимнастическихъ упражненій. Съ другой стороны, переходя отъ игръ къ систематическимъ упражненіямъ, онъ внесетъ и въ эти послѣднія извѣстный подъемъ духа, весьма необходимый для успѣшнаго хода физическаго развитія.

Поэтому, систематическій курсъ гимнастики долженъ обязательно сопровождаться соответственными возрасту подвижными играми, устраиваемыми подъ руководствомъ преподавателя во внѣклассное время, по возможности на открытомъ воздухѣ, причемъ, полезно иногда допускать игру и во время урока гимнастики.

Примѣчаніе. Перечень и описаніе игръ, годныхъ для учебныхъ заведеній, будутъ изданы отдѣльно, какъ приложение къ инструкціи, а пока выборъ игръ можетъ быть сдѣланъ изъ книги: Руководство гимнастики для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, сост. К. А. Шмидтомъ.

§ 2. Упражненія, помѣщенные въ прилагаемой при семъ программѣ, состоятъ изъ четырехъ отдѣленій:

1. Строевыя (порядковыя) упражненія.
- 2.вольныя гимнастическія движенія.
3. Упражненія съ подвижными снарядами.
4. Упражненія на неподвижныхъ снарядахъ.

Всѣ эти упражненія находятся въ тѣсной взаимной связи и, въ совокупности своей, представляютъ полный систематическій курсъ гимнастики, направленный къ достиженію всѣхъ вышепоставленныхъ цѣлей.

§ 3. Каждый изъ перечисленныхъ отдѣловъ имѣетъ кромѣ того и свое специальное назначеніе.

Такъ-называемыя порядковыя упражненія вводятся обыкновенно въ курсъ гимнастики для того, чтобы развить въ ученикахъ вниманіе, подвижность, умѣнье соразмѣрять свои движенія съ движеніями массы, подчиняться командному слову и вообще, чтобы дисциплинировать какъ каждую личность въ отдѣльности, такъ и всю обучающуюся массу.

Въ устанавливаемомъ нынѣ курсѣ гимнастики порядковыя упражненія должны получить болѣе ясно выраженный строевой характеръ, т. е. должны производиться по правиламъ, предписаннымъ „Уставомъ о строевой пѣхотной службѣ“, для одиночнаго, шереножнаго и взводнаго обученія нижнихъ чиновъ и согласно Наставленію, которое будетъ издано.

Строевыя упражненія, сохраняя за собою всѣ выгоды порядковыхъ движеній, имѣютъ передъ послѣдними большое преимущество какъ со стороны чисто гимнастической, такъ и со стороны дисциплинарной. Основываясь на точныхъ правилахъ для стойки и для исполненія всякаго движенія и не допуская въ этомъ отношеніи никакихъ произвольныхъ уклоненій, которыя неизбежны при менѣе строго поставленныхъ порядковыхъ упражненіяхъ, они способствуютъ выработкѣ въ ученикахъ стройной, красивой внѣшности и той свободы движеній, которая всегда отличаетъ хорошо обученнаго военнаго чело-вѣка. Съ другой стороны, характеръ военной команды, заставляющій ученика сосредоточить все свое вниманіе передъ произнесеніемъ исполнительнаго слова, требованіе полной тишины, а иногда и полной неподвижности въ строю (по командѣ „смирно“,—все это заключаетъ въ себѣ, при серьезномъ и умѣломъ веденіи строевыхъ занятій, такую дисциплинирующую силу, какой не могутъ представить не только порядковыя упражненія, веденныя общепринятымъ способомъ, но и никакой другой приѣмъ, употребляемый для приученія къ вниманію, порядку и послушанію.

§ 4. Вольныя движенія представляютъ, съ одной стороны, самостоятельныя упражненія, имѣющія цѣлью приучить мальчика управлять въ возможныхъ предѣлахъ всѣми частями своего тѣла, выработать развязность движеній, сдѣлать ихъ по возможности независи-

мыми одно отъ другаго и укрѣпить физическія силы ученика; съ другой стороны, заключая въ себѣ элементы всѣхъ доступныхъ организму движеній, они являются также подготовительнымъ средствомъ для упражненій съ подвижными снарядами и на снарядахъ неподвижныхъ. Къ числу вольныхъ движеній относятся простыя и сложныя движенія головой, туловищемъ, руками и ногами, приготовительныя упражненія къ прыганью, всѣ указанныя въ программахъ роды ходьбы и бѣга, а также приготовительныя приемы для фехтованія и плаванія.

Вольныя движенія производятся при соблюденіи тишины и полнаго порядка, какъ и строевыя, но при первыхъ должно быть допущено болѣе свободное положеніе тѣла безъ малѣйшей натянутости. Между тѣмъ какъ при строевыхъ занятіяхъ требуется однообразіе движеній всей массы, при вольныхъ движеніяхъ, которыя болѣе сложны, должна быть дана ученикамъ возможность сообразовать движенія съ своими силами и потому не слѣдуетъ требовать мелочнаго однообразія и педантичной точности. Со временемъ, когда ученики привыкнутъ къ упражненіямъ и силы ихъ разовьются, однообразіе въ движеніяхъ въ значительной степени само собою достигнется. Вольныя движенія должны быть производимы не иначе, какъ при совершенно правильномъ и цѣлесообразномъ начальномъ положеніи (положеніе тѣла при началѣ упражненія), указываемомъ каждый разъ учителемъ.

§ 5. Упраженія съ подвижными снарядами имѣютъ цѣлю, съ одной стороны, усложненіе вольныхъ движеній употребленіемъ деревянной палки, какъ снаряда, который обусловливаетъ извѣстное положеніе рукъ при движеніяхъ, съ другой — приученіе къ ловкому владѣнію палкою какъ ручнымъ орудіемъ, а также ко владѣнію палкой, мячемъ и деревяннымъ шаромъ, какъ орудіями метательными.

Снаряды (неподвижныя) имѣютъ значеніе искусственныхъ приспособленій, упражняясь на которыхъ ученикъ встрѣчаетъ сопротивленіе въ вѣсѣ собственнаго тѣла. Оканчательная цѣль упражненій на снарядахъ состоитъ въ исполненіи движеній съ наименьшею затратою силъ.

§ 6. Тамъ, гдѣ это не встрѣтитъ непреодолимыхъ препятствій, должны быть обязательно устраиваемы и поощряемы организованныя подвижныя игры, преимущественно на свѣжемъ воздухѣ. Онѣ могутъ устраиваться даже вмѣсто уроковъ гимнастики. Игры могутъ быть замѣняемы продолжительными прогулками, цѣли которыхъ могутъ и не имѣть прямого отношенія къ гимнастикѣ, но самый процессъ прогулокъ можетъ разнообразиться, то походнымъ движеніемъ въ строе-

вомъ порядкѣ (съ пѣніемъ), то упражненіями въ мѣрномъ или ускоренномъ бѣгѣ, то, наконецъ, глазомѣрнымъ опредѣленіемъ разстояній, что также имѣетъ прямое отношеніе къ физическому и военному образованію. Все сказанное объ играхъ и прогулкахъ имѣетъ значеніе какъ для среднихъ, такъ и для низшихъ учебныхъ заведеній и въ послѣднихъ встрѣтитъ вѣроятно менѣе затрудненій.

§ 7. Курсъ гимнастики съ вновь поступающими всегда начинается строевыми и вольными движеніями. Строевое обученіе надо вести съ большою постепенностью, особенно, если занятія начинаются въ очень раннемъ возрастѣ (7—10 лѣтъ); но, разъ уже строевыя упражненія усвоены, къ нимъ слѣдуетъ относиться съ неуклонной требовательностью. Съ особенною осмотрительностью долженъ употреблять обучающій команду „смирно!“ Для будущаго военнаго человѣка это слово должно навсегда сохранить свое обаяніе. Это призывъ къ безусловному вниманію, и съ произнесеніемъ команды „смирно“ должна мгновенно наступить полная тишина и неподвижность. Къ этой командѣ нужно приучать дѣтей постепенно, и произносить ее только въ тѣхъ случаяхъ, когда это дѣйствительно необходимо, иначе она можетъ утратить свое значеніе. При этомъ надо всегда имѣть въ виду, что въ неподвижномъ положеніи человѣкъ, а въ особенности мальчикъ, долго оставаться не можетъ. Если послѣ команды „смирно!“ не будетъ всегда своевременно слѣдовать какая нибудь другая команда, требующая извѣстнаго движенія или освобождающая ученика отъ натянутого положенія („вольно“, „разойдись“ и т. п.), то мальчикъ привыкнетъ самъ освобождать себя отъ него, что совершенно уже пойдетъ въ разрѣзъ съ основными требованіями строеваго обученія. Это обученіе надо довести до того, чтобы впослѣдствіи даже и безъ команды „смирно!“ дѣти привыкли сохранять въ строю тишину и порядокъ.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что военныя упражненія всегда очень нравятся дѣтямъ. Ихъ интересуетъ и красота военнаго строя, и молодцоватость одиночной выправки, и повелительный тонъ военной команды, и наконецъ, та торжественность и обрядность, какую обыкновенно представляютъ военныя ученія и военныя торжества. Этою чертою дѣтскаго характера можно съ успѣхомъ пользоваться для привлеченія дѣтей къ строевымъ упражненіямъ даже въ самомъ раннемъ возрастѣ и для постепеннаго приученія ихъ къ серьезнымъ строевымъ требованіямъ. Почти всѣ строевыя упражненія, за исключеніемъ ломки фронта, могутъ быть продѣланы въ первый годъ боученія. Дальнѣйшія упражненія должны содѣйствовать только бо-

лѣе точному усвоенію правилъ устава и болѣе серьезному взгляду на значеніе строя.

§ 8. Командныя слова для строевыхъ, какъ и для всѣхъ прочихъ гимнастическихъ движеній, должны быть произносимы по русски, каковъ бы ни былъ языкъ преподаванія по другимъ предметамъ. Объясненія на другомъ языкѣ допускаются лишь въ крайнемъ случаѣ, пока ученики не привыкли къ русскому языку.

§ 9. Курсъ вольныхъ движеній также не слѣдуетъ растягивать на продолжительное число лѣтъ, откладывая наиболѣе трудныя изъ нихъ до старшихъ классовъ. По мѣрѣ того, какъ ученики усваиваютъ элементарныя движенія, преподаватель переходитъ къ различнымъ ихъ сочетаніямъ. Всѣ помѣщенные въ программѣ вольныя движенія (кромѣ сложныхъ движеній головою) могутъ быть безъ затрудненія продѣланы и достаточно усвоены мальчиками 11-ти лѣтнаго возраста.

Въ продолженіе урока никогда не слѣдуетъ останавливаться долго на одномъ и томъ же вольномъ движеніи. Пока ученики не усвоили себѣ движенія, достаточно продѣлывать его на каждомъ урокѣ не болѣе пяти разъ (движеніе головою даже менѣе). Послѣдовательность вольныхъ движеній на урокѣ должно располагать такимъ образомъ, чтобы упражненія, требующія усилія различныхъ частей тѣла, чередовать между собою и чтобы не было исполняемо сразу нѣсколько упражненій, основанныхъ на дѣйствіи однихъ и тѣхъ же группъ мускуловъ.

§ 10 Вольныя движенія, по цѣлямъ, которыя они преслѣдуютъ, и по характеру ихъ исполненія, раздѣляются на плавныя и скорыя.

Всякое движеніе въ началѣ исполняется медленно, причемъ плавное нѣсколько быстрѣе, а скорое — нѣсколько медленнѣе ихъ нормальнаго размѣра, и только по мѣрѣ усвоенія ихъ учениками, дойдутся—первыя до той плавности, а послѣднія до той скорости, какая доступна упражняемымъ частямъ тѣла. При этомъ необходимо строгое и внимательное соображеніе съ естественной подвижностью различныхъ частей тѣла; такъ, напр., туловищемъ невозможно производить такихъ же скорыхъ движеній, какія дѣлаются руками и т. п.

§ 11. Во время обученія гимнастикѣ слѣдуетъ избѣгать длинныхъ словесныхъ объясненій, а дѣлать каждое движеніе понятнымъ для обучающихся, преимущественно личнымъ примѣромъ. Предъ каждымъ

упражненіемъ обучающій становится передъ учениками такъ, чтобы его всё видѣли и продѣлываетъ упражненіе самъ, кратко указывая на приемы и на условія правильного его исполненія. Затѣмъ упражненіе продѣлывается учителемъ еще разъ, отдѣляя каждое движеніе счетомъ вслухъ: разъ, два и т. д. Послѣ этого по исполнительской командѣ упражненіе повторяется учащимися съ тою скоростью и по тѣмъ приемамъ, какъ было указано. При этомъ учитель командуетъ самъ или заставляетъ учениковъ вести счетъ вслухъ при соблюденіи по возможности размѣра, указаннаго учителемъ; при нѣкоторомъ навыкѣ къ движенію ученики могутъ вести счетъ про себя. При упражненіяхъ на снарядахъ и другихъ сложныхъ движеніяхъ, ученикамъ старшаго возраста полезно объяснить смыслъ каждаго движенія и цѣль, которая имъ достигается, причемъ непремѣнно слѣдуетъ указать и на тѣ опасности, которымъ ученики подвергаются, если не будутъ соблюдены условія упражненія, указанные учителемъ.

§ 12. Командными словами для разныхъ вольныхъ движеній служатъ самыя названія упражненій, упоминаемая въ программѣ. Исполненіе же всѣхъ движеній дѣлается по командѣ: — начинай, если они производятся на мѣстѣ, и маршъ если движеніе сопряжено съ перемѣною мѣста. При движеніяхъ, требующихъ плавнаго исполненія, команда начинай произносится протяжно. Движеніе прекращается по командѣ — стой; послѣ этой команды ученики принимаютъ то положеніе, которое занимали до упражненія.

Движенія, усвоенныя уже учениками и доведенныя до возможной скорости или плавности, должны непремѣнно входить время отъ времени въ программу урока во все продолженіе курса.

§ 13. На упражненіе въ мѣрномъ бѣгѣ должно быть обращено особенное вниманіе. Послѣ того какъ ученики усвоятъ себѣ общія правила бѣга и бѣглый шагъ въ сомкнутомъ строѣ, мѣрный бѣгъ долженъ, по возможности, производиться на каждомъ урокѣ гимнастики, независимо отъ другихъ вольныхъ движеній. Цѣль этого упражненія заключается въ постепенномъ приученіи мальчиковъ къ продолжительному и непрерывному бѣгу. При постепенности упражненій они научаются владѣть своимъ дыханіемъ и мало по малу приобретаютъ необходимую для бѣга выносливость. Такъ какъ мѣрность шага составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ условій для непрерывности и продолжительности бѣга, то съ самыхъ первыхъ уроковъ его слѣдуетъ производить въ извѣстномъ строевомъ порядкѣ, начала разомкнутой шеренгой, съ поворотомъ на одинъ изъ фланговъ,

потомъ разомкнутыми рядами и наконецъ въ сомкнутомъ строѣ. Непрерывная продолжительность бѣга должна постоянно возрастать отъ $1/2$ минуты до 8 минутъ смотря по возрасту. Ученикамъ, которые при этихъ упражненіяхъ, по своему сложенію или по состоянію здоровья не могутъ переносить той продолжительности бѣга, какая предположена преподавателемъ на урокъ, можетъ быть дозволено выходить изъ строя. Опытному преподавателю не трудно будетъ контролировать, нѣтъ-ли между послѣдними уклоняющихся отъ упражненія, и за такими необходимо бдително наблюдать. Количество выхода пихъ должно служить для преподавателя мѣриломъ, до какой степени классъ или группа утвердилась на данной степени упражненія. Пока изъ строя выходитъ болѣе десятой части его состава, онъ не долженъ увеличивать продолжительности бѣга. Мѣрный бѣгъ всегда начинается и заканчивается ходьбою. Заключительная ходьба продолжается до тѣхъ поръ, пока упражнявшіеся совершенно не успокоятся отъ произведеннаго бѣгомъ возбужденія.

Упражненія въ бѣгѣ производятся по возможности на свѣжемъ воздухѣ, въ сухую погоду, даже зимою при сильномъ морозѣ и на расчищенномъ мѣстѣ. При этомъ, во первыхъ, не слѣдуетъ допускать слишкомъ теплой одежды, а во вторыхъ, немедленно послѣ бѣга вводить учениковъ въ теплое помѣщеніе, пока они остынутъ.

При полномъ недостаткѣ и неудобствѣ помѣщенія, вмѣсто бѣга, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть допущено вольное движеніе, состоящее изъ бѣга на мѣстѣ.

§ 14. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ на свѣжемъ воздухѣ при благопріятной погодѣ, для мальчиковъ старше 12 лѣтъ, полезно упражненіе въ мѣрномъ бѣгѣ попеременно съ ходьбою, какъ это дѣлается въ войскахъ. Продолжительность промежутковъ бѣга и ходьбы при вышеизложенныхъ условіяхъ можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ: 3 мин.—бѣгомъ, 5 мин.—шагомъ, 3 мин.—бѣгомъ, всего 11 минутъ (для мальчиковъ отъ 12 до 14 лѣтъ), еще 5 мин.—шагомъ и 3 мин.—бѣгомъ, всего 19 минутъ (для мальчиковъ старше 14 лѣтъ). Ходьба, которою заканчивается бѣгъ, можетъ съ большою пользою (особенно въ низшихъ училищахъ, ученики которыхъ рѣже видятъ военныя торжества) быть замѣнена церемонъ альнымъ маршемъ въ строгомъ строевомъ порядкѣ и, если возможно, съ музыкою или пѣніемъ.

§ 15. Ускоренный бѣгъ есть бѣгъ въ запуски съ опредѣленною цѣлю, причемъ не требуется никакихъ другихъ условій, кромѣ бы-

строты. Для упражненій въ ускоренномъ бѣгѣ должны служить главнымъ образомъ игры. Зимой даже въ гимнастическомъ залѣ, эти упражненія довольно затруднительны. Но весной, лѣтомъ и осенью, на плацахъ и на прогулкахъ въ подобномъ бѣгѣ ученики могутъ съ пользою практиковаться, но при этомъ учитель долженъ соблюдать большую осторожность и сообразовать продолжительность бѣга съ силами учениковъ, чтобы и слабые изъ нихъ не утомлялись чрезмерно отъ этого упражненія.

§ 16. Для вольныхъ движеній съ палками употребляются круглыя и гладкія деревянныя палки съ закругленными концами. Толщина палки отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ дюйма. Длина,—смотря по росту упражняющагося, можетъ видоизмѣняться отъ $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ арш. (Полагается, что поставленная у ноги палка должна доходить приблизительно до высоты уха ученика). Такія палки слѣдуетъ имѣть по числу учениковъ, бывающихъ одновременно на урокъ.

Палки, для метанья, должны быть равнообразной длины и различной тяжести, но вообще нѣсколько короче палокъ, употребляемыхъ для вольныхъ движеній (приблизительно отъ 1 до 2 арш. длиною). На переднемъ концѣ палки толщиною около дюйма, дѣлается острый или закругленный желѣзный наконечникъ, задній конецъ служивается до $\frac{3}{4}$ дюйма и скрѣпляется желѣзнымъ кольцомъ. Можно тоже употреблять палки съ острымъ стальнымъ копьеобразнымъ наконечникомъ.

Цѣль для упражненій въ метаніи палками можетъ представлять либо прочный и устойчивый деревянный щитъ, съ отверстіемъ, діаметромъ въ 1 ф., на высотѣ груди упражняющагося, либо цилиндрическая плетеная деревянная корзина, въ 1 арш. вышиною и $\frac{3}{4}$ арш. въ діаметрѣ, стоящая на такой же высотѣ.

Мячъ слѣдуетъ употреблять не легкій и не мягкій. Лучше всего дѣлать его изъ шерсти или изъ намотанныхъ резиновыхъ полосъ и обшивать кожей. Для метанья мячемъ можно употреблять разнообразныя мишени. Въ нихъ дѣлаютъ иногда нѣсколько отверстій, діаметромъ вдвое болѣе діаметра мяча.

Деревянный шаръ размѣромъ и вѣсомъ долженъ приближаться къ обыкновенному кегельному шару. Цѣлью для него служатъ—одна или нѣсколько кегель.

§ 17. Упраженія въ прыжкахъ и лазаньи (при должной постепенности) и хожденіи по горизонтальному низкому бревну, начинаются со второй половины перваго года обученія, а упражненія на

другихъ снарядахъ лишь съ 12-ти лѣтняго возраста и ведутся во всё слѣдующіе годы параллельно съ упражненіями въ вольныхъ движеніяхъ, въ той постепенности, какая указана въ программѣ. Упражнения на снарядахъ раздѣляются на три курса:

I курсъ—	для учениковъ	отъ 8 до 12 лѣтъ.
II	”	” ” 12 ” 15 ”
III	”	” ” свыше 15 ”

§ 18. При всѣхъ упражненіяхъ на снарядахъ слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на количество работы, сколько на ея качество. Преподаватель въ такомъ только случаѣ имѣетъ право увеличивать для учениковъ степень трудности упражненія на какомъ ибудь снарядѣ, когда всё условія того же упражненія въ болѣе легкой степени выполняются ими въ точности и безъ затрудненія.

Къ упражненіямъ въ прыганьи можно приступать только тогда, когда воспитанники совершенно усвоили себѣ всё роды пригготовительныхъ прыжковъ. Обучающему слѣдуетъ имѣть въ виду, что упражненія на снарядахъ гораздо болѣе зависятъ отъ индивидуальнаго физическаго развитія дѣтей, чѣмъ строевыя и вольныя движенія. Поэтому упражненія на снарядахъ не могутъ быть одинаково обязательны для всѣхъ учениковъ одного класса. Часто можетъ случиться, что по совѣту врача ученика придется совсѣмъ освободить отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ упражненій на снарядахъ.

Упражнения въ лазаньи должны вестись въ самой строгой постепенности, начиная съ упражненій притягиванія тѣла руками на лѣстницѣ, канатѣ или шестѣ.

§ 19. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ урокъ гимнастики продолжается около часа, упражненія полезно начинать съ строевыхъ и вольныхъ движеній и кончать бѣгомъ и ходьбою. Съ дѣтьми старше 12 лѣтъ, когда введены упражненія на снарядахъ, время одного урока распределяется примѣрно слѣдующимъ образомъ: 8 минутъ—строевое обученіе, 10 минутъ—вольныя движенія, 20 минутъ—упраженія на снарядахъ, а остальное время бѣгъ и ходьба. Съ дѣтьми младшаго возраста и въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ снарядовъ нѣтъ,—упраженія на сихъ послѣднихъ замѣняются гимнастическими играми или въ случаѣ большаго числа учениковъ, можно раздѣлить дѣтей на двѣ группы, изъ которыхъ одна отдыхаетъ, а другая упражняется въ строевыхъ или вольныхъ движеніяхъ. Если урокъ гимнастики приходится послѣднимъ и дѣти должны послѣ него уходить изъ училища, то необходимо, особенно въ холодное время года, дѣ-

лать упражненія въ бѣгѣ передъ упражненіями на снарядахъ, но оканчивать урокъ всегда ходьбою. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ уроки гимнастики продолжаются около 25 минутъ, вышеозначенное распредѣленіе времени измѣняется и можетъ быть допущено чередованіе упражненій: напр. одинъ день вольныя движенія и упражненія на снарядахъ, а на слѣдующій день—строевое ученіе и бѣгъ и т. под.

§ 20. Воплѣвъ хорошею гимнастическою залою слѣдуетъ считать такую, гдѣ на cadaго ученика приходится около квадратной сажени пола, такъ что для гимнастической группы въ 60 человекъ, которые упражняются разомъ, зала должна имѣть около 12 саж. длины и 5-ти ширины. Высота залы, гдѣ помѣщаются гимнастическіе снаряды, должна быть отъ 6 до 8 аршинъ. Полъ лучше всего дѣлать деревянный, некрашенный. Паркетъ для гимнастической залы неудобенъ, такъ какъ отъ него отдѣляется много пыли; простой полъ, выкрашенный масляною краскою удобнѣе паркета, потому что его можно часто мыть. Асфальтовый полъ также довольно хорошъ, но даетъ много пыли, если онъ сухъ. Отопленіе залы должно быть устроено такъ, чтобы оно способствовало вентиляціи и помѣщеніе было нагрѣто во время уроковъ до 12° Реомюра. Гимнастическая зала должна быть хорошо освѣщена и окна въ ней должны быть такъ устроены, чтобы можно было легко провѣтривать помѣщеніе до и послѣ cadaго урока. Если только погода дозволяетъ и нѣтъ сквозного вѣтра, то окна во время урока могутъ оставаться открытыми. Если ученики переодѣваются для уроковъ гимнастики, то лучше для этого устроить отдѣльную комнату, которая нагрѣта сильнѣе, чѣмъ гимнастическая зала. Передъ урокомъ гимнастики очень полезно вымести полъ мокрой шваброй, чтобы по возможности уменьшить пыль, которая во время гимнастическихъ упражненій особенно вредна, такъ какъ при усиленномъ дыханіи въ большемъ количествѣ проникаетъ въ легкія дѣтей. Гимнастическія залы лучше устраивать въ нижнемъ этажѣ, а если онѣ находятся въ другомъ этажѣ, то позаботиться о томъ, чтобы балки были прочно установлены и по возможности не качались, особенно при ритмическихъ строевыхъ движеніяхъ.

Но подобныя образцовыя гимнастическія залы могутъ имѣть лишь немногія учебныя заведенія. Въ большинствѣ случаевъ придется довольствоваться меньшимъ пространствомъ. Для 60-ти человекъ обучающихся, въ крайнемъ случаѣ достаточно и половины вышеупомя-

нутаго пространства, не считая мѣста для гимнастическихъ снарядовъ. При $\frac{1}{2}$ квадратной сажени на человѣка можно производить всѣ строевыя и вольныя движенія, указанныя въ программѣ, не дѣля группу въ 60 человѣкъ на отдѣленія. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что при уменьшеніи числа обучающихся, пространство для гимнастики не можетъ быть уменьшено пропорціонально, такъ что для группы въ 60 человѣкъ помѣщеніе въ 15 квадратныхъ сажень нельзя назвать просторнымъ, а для 20 человѣкъ—комнату въ 10 квадр. сажень уже слѣдуетъ считать недостаточною для производства всѣхъ гимнастическихъ упражненій. Однако, ни одно учебное заведеніе не имѣетъ права совершенно отказываться отъ гимнастики за недостаткомъ помѣщенія и учитель долженъ во всякомъ помѣщеніи заставить дѣтей дѣлать тѣ движенія, которыя возможны при данныхъ условіяхъ. Въ длинномъ, узкомъ корридорѣ можно упражнять мальчиковъ въ большинствѣ строевыхъ и вольныхъ движеній, въ бѣгѣ и ходьбѣ, а также производить упражненія на снарядахъ, если они помѣщены на концѣ корридора. Въ тѣсномъ классѣ, гдѣ классные столы занимаютъ почти все помѣщеніе и всѣ мѣста заняты учениками, можно вывести половину учениковъ изъ-за столовъ и, поставивъ остальныхъ на мѣстахъ своихъ по просторнѣе, продѣлать съ ними многія вольныя движенія руками.

Не слѣдуетъ даже отказываться совершенно отъ строевыхъ движеній по недостатку помѣщенія: если есть комната, гдѣ 15, 20 учениковъ могутъ встать въ три или четыре шеренги, не касаясь плечами (для 20 человѣкъ—двѣ квадратныя сажени), то учитель имѣетъ возможность ихъ выстроить, упражнять въ поворотахъ и ходьбѣ въ ногу въ крайнемъ случаѣ на мѣстѣ. Въ селахъ и деревняхъ можно воспользоваться для нѣкоторыхъ гимнастическихъ движеній гумномъ, пустымъ сѣннымъ сараемъ, навѣсомъ для телѣгъ и т. под., причѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что деревенскіе дѣти привыкли къ холоду гораздо лучше городскихъ и, если только урокъ гимнастики сдѣлать непродолжительнымъ (10—15 минутъ), то упражненія могутъ быть производимы и при нѣсколькихъ градусахъ мороза; послѣ нихъ, конечно, ученики, вводятся въ теплое школьное помѣщеніе, пока не обогрѣются. Вообще учебное начальство должно имѣть въ виду, что уроки гимнастики, кромѣ гигиенической цѣли, т. е. упражненія мускуловъ, имѣютъ еще цѣль упражнять дѣтей во вниманіи, повиновеніи командъ и стройности движеній, а потому, если дѣти умѣютъ стоять правильно, слушаться команды „мирно“, стройно поворачиваться на-

право и налѣво, ходить въ ногу и дружно дѣлать руками и туловищемъ по командѣ нѣсколько движеній, то цѣль преподаванія гимнастики, хотя отчасти, но достигнута. Всѣ же эти движенія и нѣкоторыя другія не требуютъ никакого особаго помѣщенія, кромѣ обыкновеннаго класснаго.

§ 21. Кромѣ гимнастической залы, желательно имѣть для строевыхъ и вольныхъ движеній, а также для гимнастическихъ игръ, возможно просторный плацъ или дворъ, не мощенный, а плотно утрамбованный пескомъ или щебнемъ. Мѣсто для прыжковъ должно быть усыпано мягкимъ пескомъ. Если есть возможность плацъ немного полить водою передъ урокомъ, то это очень полезно для избѣжанія пыли. На дворѣ слѣдуетъ дѣлать гимнастику по возможности чаще, имѣя въ виду, что при нѣкоторыхъ предосторожностяхъ, которыя укажетъ каждый знающій врачъ, гимнастическія упражненія можно дѣлать на воздухѣ и при довольно низкой температурѣ, о чемъ уже сказано выше, когда говорилось объ упражненіяхъ въ бѣгѣ. Вмѣсто плаца, можно довольствоваться лужкомъ съ короткой или скошенной травой, широкимъ бульваромъ или частью площади въ городахъ, песчанымъ пустыремъ или дорогой въ деревняхъ.

§ 22. Гимнастика есть обязательный предметъ обученія для всѣхъ мужскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Совершенно освободить ученика отъ уроковъ гимнастики можно лишь тогда, когда врачъ заведенія въ подробно мотивированномъ свидѣтельствѣ укажетъ на физическіе недостатки, которые не позволяютъ ученику участвовать въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ врача, учитель самъ освобождаетъ мальчиковъ отъ гимнастики въ случаѣ явной грыжи, сильной одышки, значительнаго искаженія правильности ногъ или хребтнаго столба, общей слабости, препятствующей производить усиленные движенія и т. под., но обязанъ при случаѣ повѣрять свои наблюденія, посоветовавшись съ врачомъ. Врачъ долженъ въ свидѣтельствѣ точно обозначить, слѣдуетъ ли ученика освободить отъ всѣхъ гимнастическихъ упражненій, или только отъ нѣкоторыхъ, на примѣръ, отъ бѣга, упражненій на снарядахъ и т. под. При этомъ должно имѣть въ виду, что нѣкоторыя строевыя движенія, на примѣръ, ходьба, повороты и т. под. не требуютъ особыхъ усилій и потому ученики освобождаются отъ нихъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Для временнаго освобожденія отъ гимнастики, на примѣръ, послѣ болѣзни, въ случаѣ временной слабости и т. под. особыхъ свидѣтельствъ не требуется: достаточно заявленія врача учебному началь-

ству или частной его записки. Наконецъ, если ученикъ просить объ освобожденіи на одинъ урокъ по случаю нездоровья или другой причины, то это можетъ быть ему разрѣшено директоромъ, инспекторомъ или учителемъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ заведенія. При этомъ однако, не надо упускать изъ виду, что правильно поставленный и умѣло веденный курсъ гимнастики всегда интересуется и увлекаетъ мальчиковъ; поэтому тамъ, гдѣ много попытокъ къ уклоненію отъ гимнастики, можно предполагать, что курсъ этого учебнаго предмета поставленъ не совсѣмъ правильно.

§ 23. Для правильнаго и внимательнаго руководства гимнастическими упражненіями, число учениковъ, приводимыхъ одновременно на урокъ, должно быть соображено съ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый изъ руководителей (преподаватель, монитеръ) имѣлъ во время урока подъ своимъ наблюденіемъ не болѣе 30 учениковъ. Слѣдовательно, при преподавателѣ и одномъ монитерѣ можно назначить одинъ общій урокъ приблизительно 60-ти воспитанникамъ. Если же, при соединеніи двухъ изъ младшихъ классовъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно бываетъ по 40 и больше учениковъ, окажется больше 60-ти воспитанниковъ, то слѣдуетъ или пригласить на эти уроки втораго монитера, или же, если это по недостатку средствъ или способныхъ монитеровъ оказалось бы затруднительнымъ, позаботиться о приготовленіи помощниковъ (фуртурнеровъ) изъ лучшихъ по гимнастикѣ учениковъ тѣхъ же классовъ, которые, назначенные по два человѣка на каждое отдѣленіе, могли бы помогать учителю и монитерамъ, особенно при упражненіяхъ на снарядахъ. Впрочемъ, помощниками изъ учениковъ слѣдуетъ воспользоваться и въ такомъ случаѣ, если число учениковъ, приводимыхъ одновременно на урокъ, даже меньше 60-ти, такъ какъ для упражненій на снарядахъ всю массу учениковъ непремѣнно слѣдуетъ разбить на отдѣленія, состоящія приблизительно изъ 16-ти учениковъ. Это требуется въ виду того, чтобы какъ можно большее число учениковъ могло упражняться одновременно. Съ этою цѣлью и слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣкоторые снаряды, какъ напримѣръ козлы, параллельные брусья, аппараты для прыганья, были приобрѣтены въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Низшія учебныя заведенія должны, по возможности, примѣняться къ этимъ же правиламъ, измѣняя ихъ по мѣстнымъ условіямъ, напримѣръ при тѣсномъ помѣщеніи, отдѣленія для гимнастики могутъ состоять изъ менѣе чѣмъ 30-ти учениковъ; въ случаѣ, если въ классѣ

два или болѣе отдѣленій, изъ которыхъ старшее болѣе сильно въ гимнастикѣ, чѣмъ младшее, то иногда слѣдуетъ отдѣлять старшихъ, чтобы съ ними продѣлать болѣе сложныя движенія, а легкія можно дѣлать всѣмъ классомъ, причемъ учитель долженъ младшихъ поставить впередъ, ближе къ себѣ, чтобы за ними лучше наблюдать. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ гимнастика дѣлается послѣ уроковъ, помощниками учителя могутъ быть болѣе опытные ученики старшаго класса или отдѣленія. Если въ школѣ кромѣ мальчиковъ есть и дѣвочки, то послѣднія отъ уроковъ гимнастики устраняются.

§ 24. Въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, учительскихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ полагается для каждаго класса или отдѣленія не менѣе двухъ часовъ занятій гимнастикою въ недѣлю, причемъ дозволяется устраивать или часовые, или получасовые уроки, смотря по мѣстнымъ условіямъ ¹⁾). Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть устроено еженедѣльно три часа занятій гимнастикою, по возможности во внѣклассное время. Въ это число какъ въ среднихъ такъ и въ низшихъ училищахъ не входятъ гимнастическія прогулки и участіе на различныхъ празднествахъ въ сопровожденіи учителей, въ строевомъ порядкѣ.

Гимнастическія прогулки могутъ быть устраиваемы особенно весною кромѣ праздниковъ и въ будніе дни, причемъ, смотря по отдаленности цѣли прогулки, ученики освобождаются отъ всѣхъ дневныхъ школьныхъ занятій или только отъ части ихъ. Подобное освобожденіе отъ учебныхъ занятій не можетъ однако повторяться болѣе двухъ или трехъ разъ въ годъ для каждаго класса. Распредѣленіе уроковъ гимнастики предоставляется педагогическимъ совѣтамъ учебныхъ заведеній, гдѣ такіе совѣты существуютъ, съ донесеніемъ о томъ Попечителю учебнаго округа или Директору народныхъ училищъ, по принадлежности, а въ другихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ это распредѣленіе предоставляется учителямъ, подобно распредѣленію уроковъ по другимъ предметамъ. Желательно, чтобы уроки гимнастики назначались не ранѣе, какъ послѣ двухъ утреннихъ уроковъ по учебнымъ предметамъ. Если урокъ гимнастики приходится послѣднимъ, чего однако, слѣдуетъ по возможности избѣгать, то въ холодную погоду учениковъ слѣдуетъ отпускать изъ училища только тогда,

---

¹⁾ Въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ число уроковъ можетъ быть временно увеличено до трехъ, чтобы скорѣе выпустить учителей, могущихъ преподавать этотъ учебный предметъ въ низшихъ училищахъ.

когда возбужденіе, произведенное урокомъ гимнастики совершенно прекратится. Въ интернатахъ уроки гимнастики не могутъ быть назначаемы ранѣе, чѣмъ черезъ часъ послѣ обѣда и черезъ полчаса послѣ завтрака, а по окончаніи ихъ слѣдуетъ оставить по крайней мѣрѣ $\frac{1}{4}$ часа до завтрака или обѣда.

§ 25. На прогулки, о которыхъ упомянуто въ предыдущемъ §, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе учебнаго начальства среднихъ учебныхъ заведеній и другихъ училищъ, расположенныхъ въ городахъ, гдѣ дѣти проводятъ большую часть дня или въ школѣ или въ тѣсныхъ квартирахъ. Несомнѣнно, что прогулки эти, кромѣ прямой гигиенической цѣли, оказываютъ оживляющее вліяніе на весь организмъ ребенка, измѣняя направленіе его душевныхъ силъ, которыя въ теченіе учебнаго года бывають усиленно сосредоточены на научныхъ занятіяхъ. Очень подробныхъ указаній относительно этихъ прогулокъ сдѣлать нельзя, такъ какъ устройство ихъ въ значительной степени зависитъ отъ различныхъ мѣстныхъ условій, но на счетъ ихъ могутъ быть даны слѣдующія указанія: 1) Прогулки слѣдуетъ предпринимать съ однимъ или двумя классами, не соединяя вмѣстѣ слишкомъ большаго числа дѣтей различныхъ возрастовъ, что дѣлаетъ надзоръ за ними затруднительнымъ. 2) Смотря по отдаленности цѣли прогулки, которая, само собою разумѣется, должна быть соразмѣрена съ силами учениковъ, слѣдуетъ совершить ее всю пѣшкомъ или воспользоваться желѣзной дорогой, пароходомъ или другимъ способомъ передвиженія, чтобы скорѣе достигнуть интересной мѣстности. При этомъ, конечно, слѣдуетъ по возможности избѣгать излишнихъ расходовъ для дѣтей, а за совершенно неимущихъ уплачивать расходы изъ специальныхъ средствъ заведенія или другихъ источниковъ. 3) При ученикахъ долженъ непремѣнно находиться учитель или воспитатель и по возможности преподаватель гимнастики, который въ такомъ случаѣ распоряжается порядкомъ прогулки. 4) Отъ времени до времени всѣмъ ученикамъ дѣлается сборъ, ихъ строятъ въ колонну и заставляютъ двигаться нѣкоторое время по командѣ обыкновеннымъ или бѣглымъ шагомъ, а также дѣлають въ удобномъ мѣстѣ строевое ученіе или другія гимнастическія упражненія. Особенно умѣстны на прогулкѣ гимнастическія игры и учителю здѣсь дается возможность разнообразить ихъ, смотря по количеству дѣтей и по мѣстности. При выходѣ изъ училища и при возвращеніи, лучше идти въ строевомъ порядкѣ, не утомляя однако этимъ дѣтей и давая имъ возможность разойтись, когда мѣстность представляетъ для этого

удобство. 5) Прогулками слѣдуетъ воспользоваться для географическихъ, естественно-историческихъ и другихъ учебныхъ цѣлей, напримеръ посѣщенія какой-либо исторической мѣстности, памятника и т. под. Желательно, чтобы кто-либо изъ сопровождающихъ учителей могъ дать ученикамъ указанія относительно наблюденія природы во всѣхъ разнообразныхъ ея явленіяхъ, а также другія указанія, имѣющія отношеніе къ цѣли прогулки. Учитель русскаго языка можетъ воспользоваться прогулкою, какъ темою для полезной письменной работы. 6) Участіе въ прогулкѣ не можетъ быть безусловно обязательнымъ для учениковъ: родители всегда имѣютъ право просить объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ прогулки по слабости здоровья или другимъ причинамъ.

§ 26. Въ пансіонахъ среднихъ учебныхъ заведеній и другихъ училищахъ, гдѣ ученики живутъ постоянно, кромѣ обыкновенныхъ уроковъ гимнастики, могутъ быть устраиваемы тамъ, гдѣ представляется возможность, кратковременныя (15—20 минутъ) упражненія въ вольныхъ и строевыхъ движеніяхъ послѣ вечернихъ занятій передъ чаемъ. Движенія въ этотъ короткій промежутокъ времени должны быть такъ рассчитаны, чтобы они равномерно распредѣлялись по всѣмъ частямъ тѣла и чтобы изо дня въ день они по возможности разнообразились. Руководить этими занятіями можетъ и не учитель гимнастики, а воспитатель или помощникъ класснаго наставника, но при томъ непрѣмномъ условіи, чтобы дисциплина на этихъ занятіяхъ была такая же какъ и на настоящихъ урокахъ гимнастики.

§ 27. Если начальникъ заведенія по своимъ соображеніямъ находитъ возможнымъ это допустить, то онъ можетъ дозволить ученикамъ по собственному почину заниматься гимнастикою въ опредѣленное время, свободное отъ учебныхъ занятій и для этого въ рекреационныхъ залахъ или на плацахъ могутъ быть устроены нѣкоторые гимнастическіе снаряды, именно: наклонная лѣстница, отвѣсныя шести, отвѣсныя канаты съ прикрѣпленными къ полу концами и низкое горизонтальное бревно для ходьбы. Упраженія на этихъ снарядахъ все таки могутъ быть допущены лишь подъ присмотромъ учителя или воспитателя и при этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы мальчики не увлекались какимъ-либо однимъ упражненіемъ и не задавались цѣлью преодолѣвать акробатическія трудности. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ надзоръ за учениками болѣе затруднителенъ, свободное пользованіе гимнастическими снарядами не желательно, хотя оно и очень привлекаетъ дѣтей.

§ 28. Строгихъ предписаній относительно одежды во время уроковъ гимнастики сдѣлать невозможно. Лучшею одеждою считается подотняная блуза, съ довольно свободнымъ мягкимъ кушакомъ, что можетъ быть сдѣлано обязательнымъ лишь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На урокахъ гимнастики, въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ, смотря по температурѣ помѣщенія, ученики могутъ быть въ своей обыкновенной классной одеждѣ, или даже безъ верхней одежды, если это окажется болѣе удобнымъ. Для вольныхъ движеній и упражненій на снарядахъ можно снимать поясной ремень, который носится при блузахъ. Для строевыхъ же движеній ученики должны быть одѣты, какъ въ классѣ, застегнуты на всѣ пуговицы и съ поясами. Подтяжки удобнѣе для гимнастики, чѣмъ затяжные поясные ремни, которыми придерживаютъ брюки. Высокіе галстуки слѣдуетъ на урокахъ гимнастики снимать.

§ 29. Для того, чтобы оживить упражненія въ ходьбѣ и бѣгѣ и сдѣлать ихъ по возможности правильными, очень желательно, чтобы эти движенія производились при участіи музыки или пѣнія. Хорошо прибранная пѣсня не только не утомляетъ дѣтей во время марша, но помогаетъ имъ для производства правильныхъ выдыханій и дѣйствуетъ оживляющимъ образомъ на настроеніе ребенка и юноши. Для музыки, кромѣ общеупотребительныхъ инструментовъ: барабана, трубы, фортепьянъ, скирипки и т. под. могутъ быть допущены и другіе мѣстные инструменты, а за неимѣніемъ ихъ можно довольствоваться тактомъ, отбиваемымъ палкой, хлопаньемъ въ ладоши или громкимъ счетомъ.

§ 30. Строевыя и вольныя упражненія производятся, если только это дозволяетъ помѣщеніе, со всѣми учениками одной гимнастической группы (до 60-ти человекъ) за-разъ. Для упражненій же на снарядахъ можно дѣлить группу на отдѣленія по успѣхамъ, видоизмѣняя упражненія по силамъ учениковъ, напримѣръ, уменьшая для слабыхъ размѣръ прыжка или высоту козла для припрыгиванья и т. под. Переводъ изъ слабого отдѣленія въ сильное долженъ быть производимъ въ извѣстные сроки, напримѣръ, ежемѣсячно и долженъ служить такимъ образомъ поощреніемъ для учениковъ.

§ 31. Желательно, чтобы врачъ учебнаго заведенія стоялъ, по возможности, ближе къ преподаванію гимнастики въ заведеніи, выражая свое участіе къ этому дѣлу не только освобожденіемъ отъ гимнастики больныхъ учениковъ, но также посѣщеніемъ отъ времени до

времени уроковъ гимнастики и наблюденіемъ за правильностью упражненій съ гигиенической точки зрѣнія. Всѣ свои замѣчанія врачъ передаетъ начальнику заведенія, а въ низшихъ училищахъ прямо учителю и можетъ войти съ особымъ представленіемъ, если замѣчанія его относятся къ существеннымъ измѣненіямъ въ преподаваніи гимнастики.

§ 32. Въ концѣ учебнаго года преподаватель гимнастики представляетъ по приложенной у сего формѣ отчетъ о занятіяхъ по этому учебному предмету во всѣхъ группахъ или отдѣленіяхъ, на которыя были раздѣлены ученики. Въ этомъ отчетѣ должны быть указаны всѣ упражненія, продѣланныя въ каждой группѣ, а также и замѣчанія учителя относительно успѣховъ отдѣльныхъ группъ вообще и указанія на благопріятныя и неблагопріятныя условія, которыя вліяли на успѣхи по гимнастикѣ. Кромѣ того преподаватель представляетъ именной списокъ учениковъ по группамъ, раздѣляя каждую изъ нихъ на три разряда по успѣхамъ. Къ первому разряду (хорошіе) слѣдуетъ отнести учениковъ, которые исполняютъ, въ указанныхъ для ихъ курса предѣлахъ, всѣ упражненія съ соблюденіемъ всѣхъ условій правильности ихъ. Къ разряду второму (удовлетворительные) относятся ученики, усвоившіе всѣ условія правильности упражненій, но не достигшіе предѣловъ, до которыхъ дошли ученики первой группы, или производящіе упражненія правильно, но не особенно отчетливо. Наконецъ, къ третьему разряду (неудовлетворительные), должны быть отнесены ученики, не усвоившіе условій упражненій и производящіе ихъ безъ должной отчетливости. При оцѣнкѣ успѣховъ по гимнастикѣ, слѣдуетъ больше обращать вниманіе на правильность движеній, чѣмъ на особую силу и ловкость, которыя даются лишь немногимъ мальчикамъ. Напримѣръ ученикъ, который можетъ сдѣлать прыжокъ дальше всѣхъ своихъ товарищей, не долженъ быть отличенъ отъ другихъ учениковъ, которые совершенно правильно дѣлаютъ прыжки, хотя не особенно большіе, но соответствующіе ихъ возрасту. Учитель гимнастики долженъ, какъ въ теченіе года, такъ и въ концѣ его указывать на нерадивыхъ и небрежныхъ учениковъ и начальство заведенія принимаетъ соответствующія мѣры, чтобы внушить ученикамъ, что къ урокамъ гимнастики слѣдуетъ относиться съ такимъ же вниманіемъ, какъ и къ другимъ учебнымъ предметамъ. Начальникъ заведенія дѣлаетъ, если найдетъ это нужнымъ, повѣрку поданнаго учителемъ отчета въ видѣ испытанія, причѣмъ онъ

имѣть право пригласить для участія въ испытаніи какое либо свѣдущее постороннее учебному заведенію лицо, напримѣръ военнаго или преподавателя другаго заведенія, который однако имѣетъ лишь совѣщательный голосъ при оцѣнкѣ успѣховъ по гимнастикѣ. Отмѣтка по гимнастикѣ (хорошо, удовлетворительно и неудовлетворительно) заносится въ концѣ года въ свидѣтельства объ успѣхахъ учениковъ въ выпускныя свидѣтельства кончающихся курсъ, а равно и въ свидѣтельства на льготу по воинской повинности. Для поощренія къ занятіямъ гимнастикою полезно отличать во время уроковъ по этому учебному предмету помощниковъ изъ учениковъ какимъ-либо внѣшнимъ знакомъ (цвѣтной кушакъ, кокарда, бантъ и т. под.).

Годичный отчетъ преподавателя гимнастики въ такомъ-то учебномъ заведеніи.

(Для приложенія къ инструкціи).

<p>Дѣленіе на группы. Особого учителя осотало въ каждой, и нѣко члены и от- дѣленія входяи въ оставя каждой въ группы, кто обучалъ каждо группу.</p>	<p>Число и продолже- тельность уроковъ въ каждой группѣ. Изъ нихъ сколько въ залѣ, и сколько на улицѣ, сколько въ про- гулки и какой про- должительности.</p>	<p>Краткое описаніе по- мѣщеній, въ которыхъ производилась работа каждъ въ залахъ, такъ и вне здания; и ка- кіе измѣнныя гимна- стическія снаряды.</p>	<p>Копіеякъ, пройденныхъ, упраж- неній, гимнастическихъ и строе- ныхъ. Если были учебныя отъ программы, то чѣмъ они были вынуждены. Если были уроки гимнастическа игры. Какіе до- стигнуты лучшия результаты размѣры прироста въ упражненіи на снарядахъ.</p>	<p>Офисна учитель. Раздѣленіе по опыту учениковъ на три разряда: хорошихъ, удовлетворительныхъ и неудовольствитель- ныхъ. Кто былъ уро- комъ отъ зачатій, вѣкъ или нѣкоторо- рыхъ, и по какому причинамъ.</p>	<p>Общія замѣчанія объ урокахъ, дѣяющахъ на ус- пѣхъ преподаванія гимнастики.</p>	<p>Замѣчанія началь- ства учебнаго заведе- нія и инспекти- рующахъ лицъ.</p>
<p>1-я группа.</p>						
<p>2-я группа.</p>						
<p>Въ обществѣ игого по втой графѣ, сколько было обучавшихся во всемъ заведеніи.</p>						

ПРОГРАММА ГИМНАСТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІИ ДЛЯ ГИМНАЗИИ,
РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ, УЧИТЕЛЬСКИХЪ ИНСТИТУТОВЪ И УЧИ-
ТЕЛЬСКИХЪ СЕМИНАРІЙ.

І. Строевыя (порядковыя) упражненія.

Предварительныя понятія о строе: шеренга, ранжиръ, фланги фронтъ; сомкнутый строй, разомкнутый строй. Команда.

1) Стойка. Глаза направо, налѣво.

Смирно.

Стоять вольно. Равняйсь.

Понятіе объ отданіи воинской чести.

Поклонъ. (Условія, при которыхъ военными поклонъ не дѣлается).

2) Повороты.

3) Движеніе шагомъ и бѣгомъ.

Одиночное и въ шеренгѣ.

Маршъ, стой.

Повороты на ходу и на бѣгѣ.

Равненія на ходу и на бѣгѣ, при движеніи части флангомъ и фронтомъ.

Ходьба и бѣгъ гимнастическіе. (Перемѣна темпа).

Упражненія въ мѣрномъ и ускоренномъ бѣгѣ. (Тамъ, гдѣ обучаются пѣнію,—ходьба и мѣрный бѣгъ съ пѣніемъ).

4) Осаживаніе и примыканіе.

5) Перемѣна направленія рядами. (Ходьба и бѣгъ одною и двумя шеренгами, по кривымъ линиямъ и ихъ сочетаніямъ, подобно фигурамъ въ полонезѣ).

Перемѣна направленія фронтомъ.

6) Расчетъ шеренги, на четные и нечетные номера. Передача номера отъ праваго фланга къ лѣвому и обратно.

Вздваиваніе рядовъ. Двухъ-шереножный строй.

Смыканіе и размыканіе шеренги и двухъ-шереножнаго строя.

7) Расчетъ строевой части и дѣленіе ея на болѣе мелкія части (соотвѣтственно дѣленію роты на полуроты, взводы и отдѣленія).

Примѣчаніе. Для того, чтобы заинтересовать учениковъ къ гимнастикѣ и строю, можно назначать командировъ частей изъ лучшихъ гимнастеровъ. Они же могутъ быть помощниками учителя при упражненіяхъ на снарядахъ.

8) Упражнения, продѣлывавшіяся въ началѣ одною шеренгою, — въ двухъ-шереножномъ строѣ.

9) Построеніе разомкнутыхъ колоннъ изъ развернутаго строя, съ мѣста и на ходу, въ сторону фланга и въ сторону фронта.

Построеніе развернутаго строя изъ разомкнутыхъ колоннъ, съ мѣста и на ходу, въ сторону фронта колонны и въ сторону ея фланга.

Перестроеніе разомкнутыхъ колоннъ.

Перемѣна направленія разомкнутыхъ колоннъ.

10) Сомкнутыя колонны. Смыканіе и размыканіе колоннъ.

Примѣчаніе. Этотъ послѣдній § можетъ вводиться только при успѣшномъ ходѣ обученія.

Церемоніальный маршъ. (Шеренгами и въ двухъ-шереножномъ строѣ).

II. Вольныя движенія.

1) Движенія головою.

Поворачиваніе головы направо и налево.

Нагибаніе головы впередъ и назадъ.

Нагибаніе головы направо и налево.

Круженіе головы (дѣлается медленно; въ младшихъ классахъ во- все не производится).

Примѣчаніе. Соединеніе двухъ, а тѣмъ болѣе нѣсколькихъ движеній головою въ одно, сложное, можетъ быть допущено со втораго года обученія, при условіи медленнаго размѣра движенія и при крайне ограниченномъ числѣ послѣдовательныхъ повтореній.

2) Движеніе туловищемъ (руки на бедра, руки въ стороны, руки вверхъ, руки скрестить назадъ; лѣвую или правую ногу въ сторону или впередъ).

Нагибаніе туловища впередъ и назадъ.

Нагибаніе туловища налево и направо.

Поворачиваніе туловища налево и направо.

Круженіе туловища: а) слѣва направо, б) справа налево.

Изъ этихъ движеній туловища могутъ составляться слѣдующія сложныя движенія:

Поворачиваніе туловища въ стороны съ нагибаніемъ впередъ и назадъ.

Нагибаніе туловища: а) впередъ, назадъ, налево и направо б) налево, направо, впередъ и назадъ.

Нагибаніе туловища впередъ и назадъ и поворачиваніе налѣво и направо (и наоборотъ).

Нагибаніе туловища налѣво и направо и поворачиваніе налѣво и направо (и наоборотъ).

Поворачиваніе туловища налѣво и направо и нагибаніе впередъ, назадъ, налѣво и направо (и наоборотъ) въ 6 счетовъ.

Эти сложныя движенія могутъ съ пользою быть введены въ курсъ, но не иначе, какъ послѣ твердаго усвоенія первоначальныхъ упражненій.

3) Движенія руками (лѣвую или правую ногу въ сторону или впередъ).

Разведеніе и сведеніе рукъ (при сведеніи ладони обращаются другъ къ другу, при разведеніи—внизъ и назадъ).

Подниманіе рукъ: а) впередъ, б) въ стороны, в) вверхъ, г) въ стороны—вверхъ.

Качаніе руками: а) впередъ и назадъ, б) влево и вправо, в) вверхъ и внизъ.

Сгибаніе рукъ въ локтѣ.

Сгибаніе и вытягиваніе рукъ: а) впередъ, б) въ стороны, в) вверхъ, г) внизъ.

Въ этомъ послѣднемъ движеніи направленія могутъ быть соединяемы по два, по три и по четыре.

Круженіе рукъ: а) сзади напередъ, б) спереди назадъ (одною или обѣими руками).

Круженіе рукъ можно соединять въ одно сложное движеніе съ подниманіемъ рукъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Напримѣръ: подниманіе рукъ въ стороны и круженіе ихъ спереди назадъ (въ 4 счета).

Круженіе рукъ, какъ самостоятельное упражненіе, полезно вначалѣ производить въ 4 счета.

4) Движеніе ногами (руки на бедра, руки въ стороны, руки вверхъ, руки назадъ).

Поперемѣнное подниманіе ногъ: а) впередъ, б) назадъ, в) въ стороны.

Въ этомъ движеніи направленія могутъ быть соединяемы по два и по три.

Качаніе лѣвою (или правую) ногою.

Поперемѣнное сгибаніе ногъ въ колѣнѣ: а) вверхъ, б) внизъ.

часть ссхiv, отд. 1.

Это движеніе можетъ дѣлаться съ вытягиваніемъ ноги впередъ или назадъ.

Круженіе лѣвой (или правой) ноги (поперемѣнное круженіе ногъ) а) спереди назадъ, б) сзади напередъ.

Круженіе ногъ можно соединять въ одно сложное движеніе: а) съ подниманіемъ ногъ въ одномъ или въ нѣсколькихъ направленіяхъ; б) со сгибаніемъ ногъ въ колѣнѣ. Напримѣръ: поперемѣнное подниманіе ногъ въ стороны съ круженіемъ ихъ сзади напередъ.

Круженіе ногъ, какъ самостоятельное упражненіе, полезно вначалѣ производить въ 4 счета.

5) Одновременное движеніе ногами и руками.

Поперемѣнное подниманіе ногъ.

Поперемѣнное сгибаніе ногъ въ колѣнѣ.

Поперемѣнное круженіе ногъ.

Съ подниманіемъ соответствующихъ, противоположныхъ или обѣихъ рукъ, въ указанномъ для ногъ или въ другомъ направленіи, съ круженіемъ соответствующихъ, противоположныхъ или обѣихъ рукъ.

Эти движенія могутъ вводиться въ курсъ только послѣ прочнаго усвоенія каждаго изъ входящихъ въ нихъ первоначальныхъ упражненій.

б) Составныя части прыжка; приготовительный прыжокъ.

Подниманіе тѣла на носки (плавное или скорое, руки на бедра);

Подниманіе тѣла на носки и присѣданіе (плавное или скорое, руки на бедра).

Тоже, съ подниманіемъ рукъ: а) впередъ, б) вверхъ, в) въ стороны.

Тоже, съ разведеніемъ и сведеніемъ рукъ.

Приготовительный прыжокъ одновременно обѣими ногами, а) на мѣстѣ, б) впередъ, в) назадъ, г) вправо, д) влѣво.

Приготовительный прыжокъ: а) съ шагомъ, б) со столькими-то шагами; съ лѣвой или правой ноги.

Приготовительный прыжокъ съ мѣста, со взмахомъ ноги: съ лѣвой или съ правой ноги.

7) Упражненія, соединенныя съ ходьбою и бѣгомъ.

Ходьба на носкахъ (руки на бедра).

Ходьба на носкахъ, со сгибаніемъ колѣнъ вверхъ или внизъ.

Ходьба съ вольными движеніями рукъ въ тактъ шага.

Гимнастическій бѣгъ.

Бѣгъ на мѣстѣ (со сгибаніемъ колѣнъ вверхъ или внизъ).

Бѣгъ съ подниманіемъ прямыхъ ногъ: а) впередъ, б) назадъ.

Бѣгъ съ различнымъ положеніемъ рукъ (на бедра, назадъ, въ стороны).

8) Приготовительныя упражненія для фехтованія и плаванія.

Выпады при различныхъ положеніяхъ рукъ:

а) Выпадъ лѣвою или правую ногою.	{	а) руки на бедра, б) руки впередъ, в) руки вверхъ, г) съ выбрасываніемъ руки (соотвѣтствующей или противоположной выпадающей ногѣ).
б) Выпадъ попеременно лѣвою и правую ногою.		

Приемы для плаванія: а) руками, б) попеременно лѣвою или правую ногою, в) руками и попеременно лѣвою или правую ногою.

III. Упраженія съ подвижными снарядами.

Приемы деревянными палками.

Основное положеніе.

На плечо.

Къ ногѣ.

Палку внизъ—впередъ.

Палку на грудь.

Палку вверхъ.

Палку назадъ—на лопатки.

Палку назадъ—на сгибъ локтей (на локти).

Палку внизъ—за спину.

Перенесеніе палки съ праваго плеча на лѣвое и обратно.

Перенесеніе палки съ праваго плеча на лѣвое и обратно, съ подниманіемъ вверхъ и опусканіемъ внизъ.

Вольныя движенія съ деревянными палками.

Сгибаніе и вытягиваніе рукъ: а) впередъ и внизъ, б) вверхъ и внизъ, в) впередъ, вверхъ и внизъ, г) вверхъ, назадъ и внизъ, д) впередъ, вверхъ, назадъ и внизъ.

Сгибаніе рукъ надъ головою.

Качаніе рукъ въ стороны.

Перенесеніе палки черезъ голову на лопатки.

Перенесеніе палки черезъ голову назадъ (на поясницу).

Перенесеніе палки черезъ голову назадъ—внизъ.

Малое круженіе палки вокругъ головы.

Большое круженіе палки вокругъ головы.

Качаніе рукъ въ стороны, передъ тѣломъ.

Движеніе туловищемъ.

Движеніе ногами.

Подниманіе на носки и присѣданіе.

Прыжки.

Приемы метанія деревянной палки, мяча и деревяннаго шара.

При различныхъ выходныхъ положеніяхъ и движеніяхъ палкой.

IV. Упражненія на неподвижныхъ снарядахъ.

Курсъ первый.

Для учениковъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ.

Прыганье въ ширину и прыганье черезъ веревку съ мѣста и съ разбѣгомъ.

Ширина и высота установки снаряда соразмѣряется съ тѣмъ требованіемъ, чтобы ученикъ могъ преодолѣть препятствіе съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ прыжка.

При ширинѣ, не требующей разбѣга, полезно назначать прыжокъ съ опредѣленной ноги. Вообще длина разбѣга не должна превышать 10—15 шаговъ, быстрота же его постепенно усиливается, по мѣрѣ приближенія къ постановкѣ.

Приготовительныя упражненія къ лазанью на канатахъ, на шестахъ и на наклонной лѣстницѣ. Притягиванье на ступенькахъ лѣстницы съ ладонью, повернутою къ себѣ и отъ себя. Для успѣвающихъ — выработка чистаго приема лазанья на канатахъ при помощи рукъ и ногъ. Хожденіе сверхъ лѣстницы руками и ногами (противоположными) лицомъ къ лѣстницѣ.

Горизонтальное бревно. Ходить по бревну впередъ, при высотѣ установки около $\frac{1}{4}$ арш.

Курсъ второй.

Для учениковъ отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ.

Прыганье въ ширину. Къ концу курса лучшіе по гимнастикѣ должны умѣть перепрыгнуть, съ полнымъ соблюденіемъ правилъ прыжка и съ разбѣгомъ отъ 10 до 15 шаговъ, ширину не менѣе 2 аршинъ.

Прыганье черезъ веревку. Съ мѣста—при высотѣ установки снаряда на $\frac{1}{2}$ арш.; съ разбѣгомъ на 1 арш.

Прыганье въ глубину. Начинать съ глубины не болѣе $\frac{3}{4}$ арш.; оканчивать глубиною около $1\frac{1}{2}$ аршина, считая отъ подошвы ногъ.

Козель. Приготовительныя упражненія.

Прыганье на козель и черезъ козель, при установкѣ снаряда узкой стороною къ ученикамъ и при высотѣ, соответствующей ихъ росту и силамъ.

Деревянная лошадь. Приготовительныя упражненія. Прыжки сбоку въ сѣдло и черезъ лошадь, при высотѣ установки не выше грудной клѣтки ученика.

Горизонтальное бревно. Приготовительныя упражненія къ перепрыгиванью черезъ бревно. Прыжки черезъ бревно, съ вынесениемъ ногъ въ сторону. Бревно устанавливается на высотѣ грудной клѣтки ученика.

Ходить по бревну впередъ и бокомъ. Встрѣчи и переходы. Подъемъ бревна отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ арш.

Наклонная лѣстница. Ходить съ нижней стороны лѣстницы руками и ногами (противоположными; руками за ступеньки и за брусъ). Лазить съ нижней стороны лѣстницы на однѣхъ рукахъ,—одною рукою за брусъ, другою за ступеньки, или обѣими руками за брусъ.

Отвѣсныя канаты и шести. Подниматься при помощи рукъ и ногъ; спускаться на однѣхъ рукахъ. Переходить съ одного шеста на другой.

Шведская мачта. Хожденіе вверхъ и внизъ при помощи рукъ и ногъ (противоположныхъ), лицомъ къ мачтѣ. Подниматься съ притягиваніемъ руками и съ постановкой ногъ на перекладины; лицомъ къ мачтѣ.

Параллельныя брусъя. Съ прыжкомъ становиться на брусъя вытянутыми руками. Первые приемы для выпрыгиванья впередъ и назадъ: качаться между брусъями и выбрасывать ноги на брусъя. Выпрыгивать впередъ и назадъ.

Курсъ третій.

Для учениковъ свыше 15-ти лѣтъ.

Упраженія, указанныя для предыдущаго курса, по мѣрѣ развитія учениковъ, должны постепенно доводиться до нижеслѣдующихъ размѣровъ:

Прыганье въ ширину. Умѣть перепрыгнуть съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ и съ разбѣгомъ не болѣе 15 шаговъ, ширину въ 3 арш.

Прыганье черезъ веревку. Съ мѣста — при высотѣ веревки не менѣе $\frac{3}{4}$ арш. Съ разбѣгомъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ аршина.

Прыганье въ глубину—съ высоты, равной росту ученика.

Козель. Прыганье черезъ снарядъ, при установкѣ его узкой и широкой стороною къ ученикамъ — и при высотѣ не ниже грудной клѣтки ученика.

Деревянная лошадь. Различные виды прыжковъ поперекъ лошади, смотря по силамъ учениковъ. Прыжки вдоль лошади съ крупа.

Горизонтальное бревно. Прыжки черезъ бревно, съ выносомъ ногъ въ сторону. Упражненія предыдущаго курса въ ходьбѣ по бревну.

Наклонная лѣстница. Лазанье вверхъ и внизъ на однѣхъ рукахъ: а) по брусамъ, б) по ступенькамъ.

Отвѣсныя канаты и шести. Лазанье вверхъ и внизъ на однѣхъ рукахъ. Лазанье по двумъ канатамъ на однѣхъ рукахъ.

Шведская мачта. Подниматься на однѣхъ рукахъ лицомъ къ мачтѣ.

Параллельные брусья. То же, что и въ предыдущемъ курсѣ. Кромѣ того: стоя на рукахъ опускаться и подниматься между брусьями: а) съ висящими ногами, б) съ ногами закинутыми на брусья. Для болѣе сильныхъ: ходить по брусьямъ впередъ и назадъ. Прыжки на рукахъ съ раскачиваніемъ ногъ.

Примѣчанія: 1) При упражненіяхъ на снарядахъ всѣ передвиженія отъ одного снаряда къ другому дѣлаются въ сомкнутомъ строѣ и бѣгомъ.

2) Учитель и его помощники руководятъ упражненіями каждаго ученика своей части, указывая ему легчайшіе способы для преодоленія препятствій и слѣдя за соблюденіемъ правилъ упражненій.

ПРОГРАММА ГИМНАСТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІИ ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ И ДВУКЛАСНЫХЪ СЕЛЬСКИХЪ УЧИЛИЩЪ.

(5-ти и 6-ти лѣтній курсъ).

I. Строевыя упражненія — по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

II. Вольныя движенія—по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

III. Упражненія съ подвижными снарядами — не обязательны, но могутъ производиться, гдѣ это будетъ признано удобнымъ.

IV. Упражненія на неподвижныхъ снарядахъ.

(Обязательны лишь для тѣхъ училищъ, которыя могутъ завести нужные снаряды).

Курсъ первый.

Для учениковъ отъ 8 до 12 лѣтъ.

По программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній безъ всякаго измѣненія.

Курсъ второй.

Для учениковъ свыше 12 лѣтъ.

Прыганіе въ ширину.

Прыганіе черезъ веревку.

Прыганіе въ глубину.

Козель.

Горизонтальное бревно.

Наклонная лѣстница.

Отвѣсные канаты и шести.

Упражненія на этихъ снарядахъ производятся въ тѣхъ размѣрахъ, какіе указаны для втораго курса въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ПРОГРАММА ГИМНАСТИЧЕСКИХЪ УПРАЖНЕНІЙ ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ СЪ ТРЕХЛѢТНИМЪ КУРСОМЪ.

I. Строевыя упражненія—по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

II. Вольныя движенія—по программѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, безъ всякаго сокращенія.

III. Упражненія съ подвижными снарядами не производятся.

IV. Упражненія на неподвижныхъ снарядахъ:

Прыганье въ ширину.

Прыганье черезъ веревку.

Прыганье въ глубину.

Хожденіе по горизонтальному бревну.

Лазанье по шестамъ и канатамъ.

Для этихъ упражненій можно пользоваться соотвѣтственными мѣстными предметами.

Размѣръ требованій не опредѣляется, но упражненія должны вестись съ строгой постепенностью и правильностью.

Примѣчанія. Настоящія программы могутъ подлежать нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ въ подробностяхъ, если это будетъ признано необходимымъ при составленіи учебника.

Приложеніе къ программѣ гимнастики.

Описаніе снарядовъ.

Изъ снарядовъ рекомендуются къ употребленію нижеслѣдующіе:

Снарядъ для прыганья въ ширину. Деревянная подставка (трамплинъ) длиною и шириною въ 1 аршинъ, утверждаемая къ полу болтами, и кожанная или парусинная подушка на деревянной рамѣ, такой же ширины и въ 1½ аршина длиною. Подушка скрѣпляется съ трамплиномъ ремнями, допускающими, посредствомъ колець или петель, постепенное увеличеніе ширины. На деревянномъ полу, для разбѣга, разстилается веревочный матъ. На чистомъ воздухѣ, на пескѣ или мягкомъ грунтѣ, ширина прыжка опредѣляется неглубокимъ (1½ арш.) рвомъ, даже чертами на землѣ или палочками.

Снарядъ для прыганія въ вышину (черезъ веревку). Двѣ вертикальныя стойки съ сквозными отверстіями для колышковъ, или съ постоянными колышками съ задней стороны стоекъ по всей ихъ длинѣ. Разстояніе между отверстіями или колышками каждой стойки не превышаетъ 1-го вершка; длина колышковъ тоже около 1-го вершка. Колышки должны быть перпендикулярны къ стойкѣ и съ каждой стороны обозначены соотвѣтствующимъ номеромъ высоты. На колышки наглядывается горизонтально тонкая веревка, натягиваемая повѣшенными на оконечностяхъ грузами (мѣшечками съ пескомъ). Въ случаѣ неудачнаго прыжка веревка должна свободно падать на землю. При прыганіи въ вышину съ мѣста, на деревянномъ полу подстилается подъ веревку, между стойками, веревочный матъ или толстый коверъ, на которомъ начинается и заканчивается прыжокъ. Для прыганія въ вышину съ разбѣгомъ, стойка и веревка приспособляются къ тамплину и подушкѣ.

Снарядъ этотъ можетъ быть значительно упрощенъ, особенно во время упражненій подъ открытымъ небомъ, но при томъ условіи, чтобы веревка не представляла никакого сопротивленія при неудачномъ прыжкѣ.

Снарядъ для прыганія въ глубину. Нѣсколько ступеней, отъ 4-хъ до 6-ти вершковъ вышины и около $\frac{1}{2}$ арш. ширины. Последняя ступень образуетъ площадку на высотѣ отъ 3 до $3\frac{1}{2}$ арш. Въ залахъ прыжокъ всегда дѣлается на подушку такого же устройства, какъ и для прыганія въ ширину, но нѣсколько большихъ размѣровъ, чтобы при неловкомъ прыжкѣ, предохранить упражняющихся отъ ушибовъ.

Подъ открытымъ небомъ и въ деревнѣ, снарядъ этотъ можетъ быть замѣненъ прыганьемъ въ ровъ, или со ступенекъ простой лѣстницы, прислоненной къ зданію. Прыгать слѣдуетъ всегда на мягкую подстилку (песокъ, солому, хвой и т. п. При обученіи прыганью въ ширину, въ вышину или въ глубину, для избѣжанія сотрясенія и ушибовъ, соблюдаются слѣдующія правила: опускаясь на землю, обучающійся долженъ становиться обѣими ногами одновременно и непрестанно на носки, а не на весь слѣдъ, причѣмъ слѣдуетъ имѣть каблукъ вмѣстѣ, носки врозь, колѣни разведенными въ стороны и согнутыми; корпусъ долженъ быть въ вертикальномъ положеніи, а руки уперты въ бедра или опущены вдоль тѣла.

Ковзель состоитъ изъ подушки, утвержденной на четырехъ расходящихся книзу ножкахъ. Подушка представляетъ деревянный ящикъ, набитый мочалой и обтянутый сверху кожей или парусиною. Длина подушки 13—14 вершк., ширина 8 вершк. и высота 6 вершковъ. Наклонъ (горизонтальная проекція) каждой ноги равняется обыкновенно $\frac{1}{3}$ ея высоты. Ковзель долженъ быть приспособленъ къ установкѣ на желаемой высотѣ. Для этого верхнія части его ногъ, идущія отъ подушки, дѣлаются полыми, а нижнія — изъ четырехъ угольныхъ брусковъ, которые свободно вкладываются снизу въ полныя части и закрѣпляются на той или другой высотѣ желѣзными болтами. При упражненіяхъ въ прыганіи черезъ ковзель слѣдуетъ употреблять трамплинъ и подушку описанныхъ выше размѣровъ. Для первоначальныхъ упражненій ковзель устанавливается узкою стороною къ ученикамъ и поднимается не выше нижней части ихъ грудной кѣтки.

Деревянная лошадь есть удлиненный ковзель, съ надѣвающимися на него сѣдельными луками. Длина туловища лошади до $2\frac{1}{2}$ аршинъ; толщина отъ 7 до 8 вершковъ. Высота установки такая-же какъ и

для козла.—Подробное описаніе козла и деревянной лошади см. въ книгѣ К. А. Шмидта: руководство гимнастики для резервныхъ и дѣйствующихъ войскъ. С.-Пб. 1872 г. стр. 135 и 141.

Горизонтальное бревно: отъ 7 до 9 аршинъ длины и 3 верш. въ поперечникѣ. Стесанными концами оно кладется въ прорѣзы двухъ вертикальныхъ стоекъ и укрѣпляется болтами. Стойки должны допускать высоту установки бревна отъ $\frac{1}{2}$ до 2 аршинъ. Для упражненій въ ходьбѣ, въ младшихъ классахъ, можно имѣть особое бревно съ постоянною высотой установки отъ 6-ти вершковъ до $\frac{1}{2}$ аршина.

Въ залахъ, при упражненіяхъ на бревнѣ, необходимо подстилать коверъ или матъ.

Горизонтальное бревно можетъ быть устроено такъ, чтобы одинъ конецъ его былъ не подпертъ, слѣдовательно, — нѣсколько качался. Подобное устройство даетъ возможность разнообразить упражненія. Въ деревнѣ этотъ снарядъ можетъ быть замѣненъ всякимъ бревномъ или толстою жердью, положенными на землю, черезъ ровъ, на нѣсколькихъ кирпичачъ и т. п. и укрѣпленными такъ, чтобы онѣ не вертѣлись.

Наклонная лѣстница. Наклонъ дается такой, чтобы лѣстница образовала съ поломъ уголъ отъ 60° до 70° . Длина лѣстницы отъ 5 до 8 аршинъ. Ширина—отъ 11 до 13 вершк.; разстояніе между ступенями $\frac{1}{4}$ аршина; толщина ступеньки $\frac{5}{8}$ вершка. Толщина бруса около 1 вершка; ширина его около 2 вершковъ. Верхній край бруса долженъ быть закругленъ, для удобнаго захватыванія руками.

Снарядъ этотъ можетъ быть замѣненъ въ случаѣ нужды всякой прочной лѣстницей, прислоненной къ стѣнѣ, но при томъ условіи, чтобы ступеньки можно было удобно обхватывать пальцами.

Параллельные брусья. Снарядъ долженъ быть приспособленъ къ подниманію и опусканію брусьевъ на совершенно одинаковую высоту, посредствомъ четырехъ полныхъ стоекъ, въ которыхъ движутся подставки брусьевъ. Закрѣпленіе производится желѣзными болтами въ направленіи, параллельномъ брусьямъ.

Полныя стойки утверждаются на четырехъугольной доскѣ съ боковыми выступами по угламъ, для предотвращенія качанія снаряда при упражненіи.

Брусья, около 1 вершка въ поперечникѣ и около 1 саж. длины, должны быть сверху закруглены и тщательно выглажены. Разстояніе между брусьями—отъ 9 до 11 вершковъ. Концами своими они выдаются въ каждую сторону на 6 верш. отъ подставокъ. Высота установки, смотря по росту ученика и роду упражненія, видоизмѣняется

отъ $1\frac{1}{4}$ до $1\frac{3}{4}$ арш. При упражненіяхъ въ выпрыгиваніи необходимо класть подушки или толстый матъ.

Снарядъ этотъ вполне полезенъ лишь при очень хорошемъ устройствѣ, поэтому лучше совсѣмъ отказаться, чѣмъ допускать плохой, дешевый аппаратъ. Нѣкоторыя движенія, которыя производятся на параллельныхъ брусьяхъ, напимѣръ, поднятіе на рукахъ и качаніе туловища, могутъ быть производимы въ классѣ, въ промежуткахъ между классными столами, упираясь на столы.

Шведская мачта. Въ горизонтальномъ разрѣзѣ около 3 верш. въ квадратѣ. Перекладины, такой же толщины какъ въ наклонной лѣстницѣ, имѣютъ съ каждой стороны не менѣе 3 вершковъ и отстоятъ одна отъ другой на $\frac{1}{2}$ аршина.

Отвѣсныя шесты, діаметромъ отъ одного до $1\frac{1}{4}$ вершка (толстое бревно для лазанья не употребляется).

Отвѣсныя канаты, діаметромъ отъ $\frac{3}{4}$ до 1 вершка. Нижний конецъ каната не прикрѣпляется къ полу.

Бѣгъ.

Упражненія въ бѣгѣ подраздѣляются на два основныя типа: бѣгъ гимнастическій и бѣгъ простой. Гимнастическимъ бѣгомъ называется такой, который соединяется съ нѣкоторыми вольными движеніями, напимѣръ: различнымъ положеніемъ рукъ (руки на бедра, руки назадъ и т. п.) и подниманіемъ прямыхъ или согнутыхъ ногъ, впередъ или назадъ. къ типу простого бѣга относятся: бѣгъ мѣрный и бѣгъ ускоренный. Мѣрнымъ называется бѣгъ, употребляемый въ войскахъ подъ названіемъ бѣглаго шага. Онъ производится всегда въ ногу, по опредѣленному ритму (счетъ голосомъ, барабанъ), при одной и тѣмъ же размѣрѣ шага во все время упражненія и съ соблюденіемъ порядка и равенія.

Преподаватель наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы во время мѣрнаго бѣга были соблюдаемы слѣдующія общія правила. По командѣ: бѣгомъ—ученики сгибаютъ руки въ локтяхъ такъ, чтобы кисти были на высотѣ локтей и свободно сжаты въ кулаки; локти подаются нѣсколько назадъ, съ цѣлью расправить грудь, не отдѣляясь отъ тѣла; въ то же время вся тяжесть тѣла незамѣтно передается на правую ногу. По командѣ маршъ—ученики начинаютъ бѣгъ съ лѣвой ноги, причемъ нога свободно сгибается въ колѣнѣ, выносится прямо передъ собою и становится на землю на переднюю часть ступни.

При проносѣ ноги, ученики свободно поднимаются и опускаются на согнутомъ колѣнѣ, стараясь не откидывать пятокъ назадъ и не поднимать высоко колѣнъ. Корпусъ подается нѣсколько впередъ, что способствуетъ свободному выносу ноги, и чѣмъ бѣгъ будетъ быстрѣе, тѣмъ наклонъ корпуса долженъ быть больше. Голову слѣдуетъ держать нѣсколько поднятою и стараться сохранить возможное спокойствіе во всѣмъ корпусѣ и въ плечахъ, но безъ малѣйшей натянутости. Руки, оставаясь согнутыми въ локтяхъ, должны имѣть свободное движеніе около тѣла, какъ это обыкновенно бываетъ при бѣгѣ, но не слѣдуетъ допускать сильнаго размахиванія и, въ особенности, откидыванія локтей въ стороны, такъ какъ это напрасно утомляетъ дѣтей и мѣшаетъ сомкнутости и стройности фронта.

Учитель долженъ указать ученикамъ, что при усиленномъ дыханіи, которымъ всегда сопровождается бѣгъ, необходимо вдыхать носомъ, а выдыхать ртомъ, что значительно облегчаетъ бѣгущаго и предотвращаетъ утомленіе.

6. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при 1-й Ярославской женской гимназіи имени полковника Семена Дмитріевича Хребтова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. при Ярославской Марининской женской гимназіи учреждается стипендія имени полковника Семена Дмитріевича Хребтова на счетъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., пожертвованнаго имъ съ этою цѣлю.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ 10-ти 5% билетахъ государственнаго банка 2-го выпуска, составляя неотъемлемую собственность женской гимназіи, остается на вѣчныя времена неприкосновеннымъ и хранится въ ярославскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ суммами, принадлежащими женской гимназіи.

§ 3. Стипендіей пользуется одна ученица.

§ 4. Выборъ стипендіатки, согласно желанію жертвователя Хребтова, предоставляется пожизненно дочери его, Софьѣ Семеновнѣ Муратовой, а по смерти ея или по ея желанію—попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г., передачѣ

въ казну, поступають въ уплату за обученіе стипендіатки обязательнымъ предметамъ въ теченіе гимназическаго курса.

§ 6. Остатки отъ процентовъ могутъ быть обращаемы на уплату за обученіе стипендіатки одному или нѣсколькимъ необязательнымъ предметамъ по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію Муратовой или попечительнаго совѣта.

§ 7. Стипендіатка пользуется стипендіей во все время пребыванія въ гимназій и можетъ быть лишена ея только по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію по соглашенію педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ гимназій.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

7. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени протоіерея Уводскаго при Александровской женской прогимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ шестьсотъ руб., пожертвованнаго прихожанами Александровскаго собора и гражданами города Александрова, учреждаются при Александровской женской прогимназій двѣ стипендіи имени протоіерея Александровскаго Христо-Рождественскаго собора Василя Петровича Уводскаго, въ память его 50-ти-лѣтней священнической службы при храмѣ собора.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ шести облигаціяхъ втораго восточнаго займа, втораго десятилѣтія за №№ 416,063, 416,225, 416,351, 416,617, 421,676 и 421,691 по 100 руб. каждая, хранится вмѣстѣ съ специальными средствами означенной прогимназій въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты, ежегодно получаемые съ капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 г., поступленію въ казну, употребляются на уплату за ученіе избранныхъ стипендіатокъ и на покунку для нихъ учебныхъ принадлежностей. Могущіе образоваться, по какому бы то ни было случаю, остатки должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для его увеличенія.

§ 4. Право избранія стипендіатокъ принадлежитъ пожизненно протоіерею Василю Петровичу Уводскому, а затѣмъ переходитъ къ Александровской городской управѣ или замѣняющему ее городскому

учрежденію; при чемъ для замѣщенія стипендіи должны быть избираемы ученицы отличнаго, по аттестаціи, данной педагогическимъ совѣтомъ, поведенія изъ числа дѣтей бѣдныхъ родителей купеческаго и мѣщанскаго званія города Александрова, Владимірской губерніи.

§ 5. Стипендіатки могутъ быть по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи лишены стипендіи въ томъ случаѣ, если поведеніе ихъ будетъ аттестоваться балломъ менѣе 4.

§ 6. Упомянутые въ п. 2 билеты, по отрѣзкѣ всѣхъ имѣющихся нынѣ при нихъ купоновъ, должны быть попечительнымъ совѣтомъ прогимназіи обмѣнены на новыя таковыя же государственныя 5% бумаги и всегда находиться въ такихъ бумагахъ.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Александровской прогимназіи въ какое-либо иное учебное заведеніе или учрежденія взамѣнъ ея какого-либо другаго заведенія, стипендіальный капиталъ переходитъ къ сему послѣднему.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(24-го мая 1879 г.). Утверждены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Махѣевъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ акушерства, съ 30-го апрѣля 1889 года; окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Свѣшниковъ—директоромъ Симбирской гимназіи, съ 18-го мая 1889 года; директоръ народныхъ училищъ Казанской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Износковъ—директоромъ Казанскаго реальнаго училища, съ 17-го мая 1889 года.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Трейдосевичъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ геологіи и палеонтологіи, съ 2-го мая 1889 года; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ зоологіи Митрофановъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ сравнительной анатоміи съ гистологіею и эмбриологіею, съ 27-го апрѣля 1889 года; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра Фокковъ—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя

Безбородко въ Нѣжинѣ по предмету классической филологіи, съ 1-го апрѣля 1889 года; доценты Казанскаго ветеринарнаго института: Гумилевскій и Гольцманъ—сверхштатными экстраординарными профессорами сего института: первый—по физиологіи и гистологіи съ эмбриологіею и послѣдній—по частной патологіи и терапіи, оба съ 2-го мая 1889 года; прозекторъ Харьковскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Новопольскій—экстраординарнымъ профессоромъ сего института по зоотоміи, съ 1-го мая 1889 года; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Родевичъ—начальникомъ Варшавской учебной дирекціи, съ 18-го мая 1889 года.

Перемѣщенъ ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ римской словесности, статскій совѣтникъ Цвѣтаевъ—тѣмъ же званіемъ на кафедру теоріи и исторіи искусствъ, съ 21-го апрѣля 1889 года.

Определены: директоръ Кіевскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагоріо—инспекторомъ студентовъ Императорскаго университета св. Владимира, съ 1-го мая 1889 г.; изъ оставшихъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Худзинскій и статскій совѣтникъ Воронковъ, магистръ Императорскаго Дерптскаго университета Владиславъ Ротертъ и кандидаты Императорскаго С.-Петербургскаго университета: Александръ Флоридовъ и Василій Соболевскій—на службу по министерству народнаго просвѣщенія, причисленными къ оному: первые двое—съ 3-го апрѣля 1889 г., третій—съ 3-го мая 1889 г., четвертый, съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную Библіотеку, съ 27-го апрѣля 1889 г., и послѣдній—съ 17-го мая 1889 года.

Причисленъ, согласно прошенію, въ министерству народнаго просвѣщенія, завѣдывающій домою призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ Императорскаго человеколюбиваго общества, дѣйствительный статскій совѣтникъ Липскій, съ 22-го апрѣля 1889 г., съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Оставлены на службѣ: окружный инспекторъ Дерптскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Лебедевъ—по 1-е августа 1889 г.; инспекторъ народныхъ училищъ, состоящій при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волинской, статскій совѣтникъ Коленко—на одинъ годъ, съ 5-го марта 1889 г.; директоръ Виленскаго реальнаго училища,

дѣйствительный статскій совѣтникъ Голубиновъ — на два года, съ 19-го марта 1889 г.; директоръ Таганрогской гимназіи, статскій совѣтникъ Нейкирхъ — на три года, съ 21-го апрѣля 1889 г.; ординарные профессора Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительные статскіе совѣтники: Склифасовскій и Бабухинъ — на пять лѣтъ: первый — съ 16-го іюня 1886 г. и послѣдній — съ 30-го марта 1889 года.

Командированы съ ученою цѣлью: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Коршъ — на лѣтнее вакаціонное время 1889 года на югъ Россіи, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Богородицкій — по 1-е сентября 1889 г., въ разныя губерніи; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Венюковъ и хранитель геологическаго кабинета сего университета Левинсонъ-Лессингъ — на четыре мѣсяца, въ Оренбургскую губернію, Уральскую и Тургайскую области.

Уволены въ отпускъ: въ Россіи: съ 16-го мая по 1-е іюня 1889 года, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Голстунскій; на одинъ мѣсяць — дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Драницынъ; на одинъ мѣсяць и десять дней, директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Раевскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: директоры гимназій: С.-Петербургской 10-й — статскій совѣтникъ Костевъ, Казанскихъ: 2-й дѣйствительный статскій совѣтникъ Имшеникъ и 3-й — дѣйствительный статскій совѣтникъ Иноземцевъ, Александровской Сумской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Сибилевъ, Керченской Александровской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Громачевскій, Немировской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихомировъ, Полтавской — статскій совѣтникъ Марковъ, Эриванской — статскій совѣтникъ Бражниковъ, Николаевской Александровской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Балмъ и Θεодосійской — статскій совѣтникъ Виноградовъ, директоры реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго — Фридрихсбергъ, Тамбовскаго — статскій совѣтникъ Заринскій, Ростовскаго Петровскаго на Дону — Сарандинаки, Астраханскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Виноградскій, Елабужскаго — коллежскій совѣтникъ Ливановъ, и Вятскаго — Никологорскій и директоры учительскихъ семинарій: Закавказской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Стрѣлецкій и Тотемской — стат-

скій совѣтникъ Соболевъ; съ 15-го іюня по 1-е августа 1889 г.— директоръ Севастопольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Урусовъ; съ 20-го іюня по 7-е августа 1889 г.— директоръ Урюпинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Ренчицкій; на два мѣсяца: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кладо, директоры гимназій: Елатомской—статскій совѣтникъ Яблонскій, Владикавказской—статскій совѣтникъ Виноградовъ и Елисаветпольской, статскій совѣтникъ Старицкій—всѣ трое—съ 20-го іюня 1889 г.; директоръ Сарапульскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Генкель, съ 8-го іюня 1889 г. и директоры народныхъ училищъ, губерній: Эриванской и Елисаветпольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Орловъ, съ 1-го іюня 1889 г. и Таврической—дѣйствительный статскій совѣтникъ Дьяконовъ, съ 10-го іюня 1889 г.; на лѣтнее вакаціонное время 1889 г. и 29 дней—директоръ Ларинской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кноррингъ; на три мѣсяца—начальница Сызранской женской гимназій Андреева; на четыре мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Янкевичъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Незеленовъ; въ Россіи и за границу, съ 1-го іюня по 10-е августа 1889 года ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиславлевъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 г.: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вейсманъ и учитель Петровскаго Ростовскаго на Дону реальнаго училища, статскій совѣтникъ Шкитко; съ 15-го іюня по 26-е августа 1889 г.—учитель Лебедянской прогимназій Тучапскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 г. и 15 дней—директоръ Варшавской II мужской гимназій, статскій совѣтникъ Троицкій; съ 31-го мая по 20-е августа 1889 года—заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Васильевъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 28 дней—директоръ Варшавской V мужской гимназій, статскій совѣтникъ Канскій; на четыре мѣсяца: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ламанскій и надзирательница Варшавской II женской гимназій баронесса Бойе, и за границу, съ

15-го іюля по 10-е августа 1889 года—заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Хвольсонъ; съ 5-го іюля по 7-е ав- густа 1889 года—учитель Костромской гимназіи, коллежскій со- вѣтникъ Шадекъ; на два мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Хрущовъ, начальникъ Холмской учебной дирекціи, дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Рублевскій, почетный смотритель Рязанскаго уѣзднаго училища, въ званіи ка- мергера, дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Беклемишевъ, дирек- торъ Харьковской 3-й гимназіи, статскій совѣтникъ Бѣлицкій, ди- ректоръ Сумскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Посад- скій-Духовской, инспекторъ народныхъ училищъ Херсонской гу- берніи, статскій совѣтникъ Шпановскій, учитель Курской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Ницкій, учитель Петровскаго Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Кошаръ и врачи: Немировской гимназіи, титулярный совѣтникъ Лозинскій, реаль- ныхъ училищъ: Бѣлоцерковскаго—Паргалинъ и Сумскаго—коллеж- скій ассессоръ Фрей и Бѣлоцерковской женской гимназіи Богуслав- скій и инспекторъ учебныхъ мастерскихъ Императорскаго Москов- скаго техническаго училища, коллежскій секретарь Протопоповъ; изъ сихъ лицъ: Бѣлицкій, Посадскій-Духовской, Ницкій, Кошаръ, Ло- зинскій и Фрей—съ 15-го іюня и Протопоповъ—съ 20-го іюня 1889 года; съ 3-го іюня по 5-е августа 1889 года, инспекторъ Рязан- ской прогимназіи, статскій совѣтникъ Пехачекъ; съ 15-го іюня по 25-е августа 1889 года, учитель Симбирской гимназіи, коллеж- скій ассессоръ Поръ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Москов- скаго—дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Боголѣповъ, св. Вла- димира—статскій совѣтникъ Цитовичъ, Харьковскаго—дѣйстви- тельный статскій совѣтникъ Алексѣенко, статскіе совѣтники: За- лѣсскій, Данилевскій и Гаттенбергеръ и коллежскій со- вѣтникъ Ярошъ, Новороссійскаго—дѣйстви- тельный статскій со- вѣтникъ Вериго и коллежскій совѣтникъ Меликовъ, Дерпт- скаго—статскіе совѣтники: Крепелинъ, Бруннеръ, Мукке, Бобертъ, Шуръ и Унферрихтъ, экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Гуровъ, Казан- скаго—Толмачевъ и Архангельскій и Дерптскаго—Кнезеръ и исправляющій должность Роландъ; доценты сего университета: статскій совѣтникъ Мазингъ, Молинъ и Штадельманъ, прозек-

торъ Императорскаго Казанскаго университета Кандаратскій, лекторъ французскаго языка Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій совѣтникъ Шапеллонъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Миллеръ, профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго университета Щеглаевъ, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бейльштейнъ, директоръ и профессоръ Рижскаго политехническаго училища, коллежскій секретарь Ливенталь; профессора сего училища: надворный совѣтникъ Бниримъ, коллежскій секретарь Кизерицкій, Ловичъ, Мольтъ, Векъ, Мальхеръ, Гренбергъ, Томсъ, Пфуль, Лангъ, Кохъ, Грюблеръ, Морманъ, Вишовъ и Шиндлеръ, лаборантъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, титулярный совѣтникъ Явейнъ, старшій учитель лицея Цесаревича Николая, статскій совѣтникъ Грингмутъ, младшій надзиратель сего лицея Яворовскій, учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, коллежскій совѣтникъ Голланъ, преподаватель въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, надворный совѣтникъ Теръ-Захаровъ, преподаватель и воспитатель въ гимназическихъ классахъ сего института, коллежскій совѣтникъ Юргенсенъ, директоры гимназій: Костромской—статскій совѣтникъ Пречанъ, Новгородсѣверской—статскій совѣтникъ Ронталеръ, Симферопольской—Тимошевскій и Рижской-Александровской—статскій совѣтникъ Бѣляевскій, директоры частныхъ гимназій и реальныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Гуревичъ и статскій совѣтникъ Май, исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской 10-й гимназій, коллежскій совѣтникъ Сѣдлатый, законоучитель лютеранскаго исповѣданія Варшавской 6-й мужской гимназій Медингъ, учителя гимназій: С.-Петербургской: 2-й — Де-ла-Дроатьеръ и Розовъ, 3-й — статскій совѣтникъ Рейманъ, коллежскій совѣтникъ Мазингъ и надворный совѣтникъ Сидоровъ, Ларинской—коллежскій совѣтникъ Залеманъ, Введенской—статскіе совѣтники: Влашимскій и Штернъ и коллежскій совѣтникъ Гинтовтъ, 10-й—коллежскій совѣтникъ Гризаръ и надворный совѣтникъ Струнке и Императорскаго человѣколюбиваго общества — коллежскій совѣтникъ Шнейдеръ и надворный совѣтникъ Шнукъ, частной Гуревича въ С.-Петербургѣ—коллежскій совѣтникъ Пташицкій, частной женской княгини Оболенской въ С.-Петербургѣ—Фидлеръ, Гельсингфорской Александровской—Де-

мерсье и надворный совѣтникъ Благовѣщенскій, Псковской—Прохаска и Таннеръ, Новгородской—Мерсь, Казанской 2-й—Пинегинъ, Астраханской—Томась, Саратовской—Смоляниновъ, Кіевской 4-й—коллежскій совѣтникъ Козловскій, Немировской—статскій совѣтникъ Ежовскій и Лопатиновъ, Николаевской-Александровской—Кейзларъ и статскій совѣтникъ Скробанскій, Керченской—коллежскій совѣтникъ Шкорпилъ, Эриванской—коллежскій совѣтникъ Вавра, Новочеркасской—статскій совѣтникъ Гальманъ и коллежскій совѣтникъ Пинкава, Таганрогской—Ганкевичъ, Кіево-Печерской—надворный совѣтникъ Валькеръ, Лубенской—Фонтень, Житомирской мужской—статскій совѣтникъ Гюгненъ и коллежскій совѣтникъ Пратскій, Прилукской—коллежскій ассессоръ Тюррианъ, Новгородсѣверской—статскій совѣтникъ Чехакъ, Каме-нецъ-Подольской—статскій совѣтникъ Форъ, Тульской—коллежскій совѣтникъ Млинаричъ, Александровской-Сумской—статскій совѣт-никъ Дагилисъ, коллежскій ассессоръ Цвѣтковъ и Безсоновъ, Тифлисскихъ: 1-й—надворный совѣтникъ Шульгинъ и женской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны Шульгинъ, Симбирской—кол-лежскій совѣтникъ Тихановскій, Симферопольскихъ: мужской—Лашковъ и Волошенко и женской—Ящуржинскій, Кишинев-ской 1-й—Марекъ, Одесской 2-й—статскій совѣтникъ Ліоте, Ананьев-ской—графъ Олизаръ, Елисаветградскихъ: мужской—надворный со-вѣтникъ Кончинскій и женской—Базилевичъ, Ѳеодосійской—кол-лежскій совѣтникъ Мильковичъ, Херсонскихъ: мужской; Шипин-скій, Ѳеодоровъ и коллежскій совѣтникъ Марекъ и женской—на-дворный совѣтникъ Котляревскій, Варшавскихъ мужскихъ: 3-й—Диспутъ, 4-й—Цибульскій и статскій совѣтникъ Конопчин-скій, 5-й: Ханецкій, Познанскій и Война и 6-й: Глясъ, Неру и статскій совѣтникъ Гольдбергъ, Плоцкой мужской: Масловскій, Служевскій и Паперна, Калишской мужской—коллежскіе ассессоры: Петровскій и Смогоржевскій, титулярные совѣтники: Галчин-скій, Росицкій, Реуттъ и Гиллеръ, Ломжинской мужской—Дом-бровскій, Люблинской мужской—Прюсъ, Радомской мужской: Свид-винскій, Каль и коллежскій ассессоръ Пюрекъ, Кѣлецкой мужской: статскіе совѣтники: Вабнеръ и Шперлъ, коллежскіе совѣтники: Рыбарскій, Матулевичъ и Стравинскій, коллежскіе ассессоры: Карчевскій, Варень и Эвардъ, Маріампольской—коллежскій со-вѣтникъ Влошекъ, Ченстоховской мужской—Дубицкій, Дерпт-ской: коллежскій совѣтникъ Вейнеръ и коллежскій совѣтникъ Шпиллингъ, Либавской Николаевской: Аустерманъ и Яндеръ,

Рижской городской—Данненбергъ; завѣдывающіе женскими гимназіями: Радомскою—статскій совѣтникъ Надеждинъ и Плодскою—коллежскій совѣтникъ Жуковъ; начальницы женскихъ гимназій Сумской—Штрикъ и Новозыбковской—Аваньева; воспитательницы Варшавской I женской гимназіи: Плещова и Веберъ; надзирательницы женскихъ гимназій: Рижской Ломоносовской—Шарова, Петроковской—Далматова и Сѣдлецкой—Шенебееръ; классныя дамы женскихъ гимназій; Варшавской I—Ватманъ, люблинской—Бородина и Петроковской—Водопьянова; учительницы женскихъ гимназій: Харьковской Маріинской: Вѣра Медвѣдева и Софья Медвѣдева, Харьковской 2-й—Остроумова, Вознесенской при евангелическо-лютеранской церкви въ Харьковѣ: Брендо и Гроссетъ и Варшавской 3-й—Шикеръ; учителя прогимназій Петергофской Императора Александра II—коллежскій совѣтникъ Птагицкій, Брянской—Яковъ, Одесской 1-й—Драгошъ, Измаильской: Шуми и Проданъ, Кутаисской—Вернеръ, Павлоградской—Ягъ, Варшавской 1-й мужской: Коперницкій и Горбаль, Замостьской мужской—Новакъ, Сандомирской мужской: Прибыловскій, Целиховскій и Норупъ; старшіе учителя Рижскаго женскаго училища, статскіе совѣтники: Глазенапъ и Людельшвабъ; начальница Сосницкой женской прогимназіи Угрехелидзе; учительницы женскихъ прогимназій: Николаевской—Кронбергъ и Сосницкой: Данилова и Соловкова и надзирательница сей прогимназіи Карпинская; директоръ Ровенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Гольдерекеръ; исправляющій должность инспектора Ловичскаго реальнаго училища Покровскій; исполняющій обязанности инспектора Псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Соколовъ; учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 1-го—Леве, частнаго Гуревича въ С.-Петербургѣ—Струве, Псковскаго Сергіевскаго—коллежскій совѣтникъ Копень, Череповскаго—исправляющій должность Ларошъ, Московскаго—статскій совѣтникъ Дудышкинъ, Костромскаго—статскій совѣтникъ Фарванья, частнаго Хайновскаго въ Москвѣ—Безрадецкій, Елабужскаго—Чирихинъ, Киевскаго—статскій совѣтникъ Игнатовичъ-Завилейскій, Астраханскаго—Вихманъ, Сумскаго—коллежскіе ассессоры: Новосильцевъ и Рѣшетилевичъ, Ровенскаго—Павровскій, Ромевскаго—надворный совѣтникъ Кучальскій, Рижскаго городского: статскій совѣтникъ Реймерсъ, надворные совѣтники: Бюнгнеръ, Штепанекъ, коллежскіе ассессоры: Эккардтъ, Фогтъ, Вассеръ и Сивицкій, Полтавскаго: Петрушевскій и Каваржикъ, Могилев-

сваго-на-Днѣстрѣ — Метее, Урюпинскаго — Гнатевичъ, Владикавказскаго — статскій совѣтникъ Долбежевъ, Бакинскаго — надворный совѣтникъ Поповъ, Одесскаго: Синицынъ и Князевъ, Николаевскаго: Генель и Козаковъ и Севастопольскаго: Искра и Дашкевичъ; исправляющій должность воспитателя при пансіонѣ реального училища Гуревича въ С.-Петербургѣ Рубинштейнъ; директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ; учителя сего училища: Анспахъ, Бонжуръ, Вороновичъ, Глевеке, Гальманъ, Давидовъ, Миллеръ, Натингъ, Штейнманъ и Фремонъ; директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ Кенигъ; учителя сего училища: статскіе совѣтники: Арронетъ, Бреме, Гикмшъ и Кизерицкій, надворный совѣтникъ Фридрица, Кальнинъ, Бауманъ и Кейслеръ; инспекторъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Гартманъ; учителя сего училища: Гаге, Нерлингъ и Петрикъ; инспекторъ училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, коллежскій совѣтникъ Глезеръ; учителя мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ: статскій совѣтникъ Кремеръ и коллежскій ассессоръ Дайгъ; учитель коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ, коллежскій совѣтникъ Ярешъ; учитель С.-Петербургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Беренштамъ; директоръ Острожской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богатиновъ; учитель Солецкой учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Мавродіади; наставникъ Киржачской учительской семинаріи Долговъ; инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскій совѣтникъ Карповъ; учитель сего училища Сиволобовъ; завѣдывающій Либавскими мореходными классами, надворный совѣтникъ Кваастъ; учитель приготовительной для поступленія въ Дерптскую гимназію школы, коллежскій ассессоръ Гаагъ и завѣдывающій Шкловскимъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ Шапиро; на время лѣтняго вакаціоннаго времени 1889 года: врачи гимназій: Одесской Ршелевской — Фіалковскій и Калишской мужской — надворный совѣтникъ Войцѣховскій; на лѣтнее вакаціонное время и по 20-е августа 1889 года, учитель Бахмутской прогимназіи Пасколо; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 7 дней, учитель Одесской женской гимназіи, учрежденной Пиллеръ, Милятицкой; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 10 дней: ординарные профессора Императорскихъ университе-

товъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Востоковъ и Харьковскаго — статскій совѣтникъ Гиршманъ; директоръ Александровской Старобѣльской гимназій, статскій совѣтникъ Преображенскій; учитель Либавской Николаевской гимназій, коллежскій ассессоръ Желобовскій и инспекторъ Рижскаго городского женскаго училища Вербатусъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 14 дней: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Кюстнеръ и старшій учитель Рижской городской гимназій, коллежскій совѣтникъ Шлау; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 15 дней, учитель Радомской мужской гимназій Верцинскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 20 дней: директоръ Либавскаго реальнаго училища Баумгертель и исправляющій должность учителя Вологодской гимназій Дерли; съ 22-го мая по 7-е августа 1889 года, законоучитель Новочеркасской гимназій, священникъ Кирилловъ; съ 1-го іюня по 15-е августа 1889 года, доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, коллежскій секретарь Мальцевъ и привать-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Протопоповъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 23 дня, исправляющій должность комнатнаго надзирателя при пансіонѣ Астраханской гимназій Рудневъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 28 дней: преподаватель Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Лямбль; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Высоцкій, съ 15-го мая 1889 г.; лекторъ французскаго языка сего университета, статскій совѣтникъ Семонъ; учитель музыки Императорскаго Дерптскаго университета Гартанъ; управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера Ляхницкій; учителя гимназій; С.-Петербургской 6-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бастень, Московской 5-й — статскій совѣтникъ Шульбахъ, Прилуцкой—коллежскій совѣтникъ Гребльдингеръ и Харьковской 2-й—Халанскій, учитель Астраханскаго реальнаго училища Бобелль и директоръ Волчанской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Хорошевскій; на три мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Поссе, съ 1-го іюня; почетный попечитель Керченской гимназій Цибульскій 1-й и почетный смотритель С.-Петербургскаго Андреевскаго городского училища, коллежскій совѣтникъ Бенардаки; на три мѣсяца и пять дней: привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Флери, оба—съ 15-го мая 1889 г.; на три съ половиною мѣсяца: заслуженный ординарный профес-

сорь Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Коркинъ; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богдановскій и ординарный профессоръ сего послѣдняго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Богишичъ, всѣ—съ 15-го мая 1889 г.; на четыре мѣсяца: приват-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Данилевскій и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, князь Гедройць.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, надворный совѣтникъ Шварсалонъ, съ 1-го мая 1889 года.

Уволены, согласно прошеніямъ: почетный попечитель Преславской учительской семинаріи Газадиновъ — отъ сей должности съ 4-го марта 1889 года; инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ, съ 1-го мая 1889 г., по болѣзни, и астрофизикъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ Гассельбергъ, съ 16-го мая 1889 г., оба отъ службы.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному блюстителю Камышевахскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, титулярному совѣтнику Депрерадовичу—за заслуги его по сему училищу; Тамбовскому уѣздному предводителю дворянства Петрово-Соловово и супругѣ его, попечительницѣ Александровскаго сельскаго училища, Тамбовскаго уѣзда Петрово-Соловово — за пожертвованіе ими дома въ пользу упомянутаго училища; попечителю Костеньевскаго начальнаго народнаго училища Костромской губерніи и уѣзда, священнику Николаю Копосову—за пожертвованіе имъ дома для сего училища; попечителю Барневскаго начальнаго училища, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, крестьянину Полушину — за пожертвованіе имъ двухъ-этажнаго каменнаго дома для сего училища.

Исключены изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Питра; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Циновскій; директоръ Казанскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Орловъ и дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера коллежскій совѣтникъ Комовскій

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Русская хрестоматія. Составилъ А. Галаховъ. Изданіе двадцать первое. Въ двухъ томахъ. С.-Пб. 1889“ — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ и женскихъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Произведенія Эврипида въ переводѣ Е. О. Шнейдера. Выпускъ I. Ипполитъ, трагедія. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 89. Цѣна 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ и одобрить для ученическихъ библіотекъ мужскихъ гимназій, для старшаго возраста.

— Книгу: „Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть Евгени Туръ. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1888. Въ 8-ку стр. 172—244. Цѣна 1 р. 50 коп.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для средняго возраста.

— Книжку: „М. Вольперъ. Этимологія русскаго языка въ таблицахъ (для употребленія преимущественно въ школахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ разговорный языкъ не русскій). Необходимое дополненіе къ учебникамъ по русской грамматикѣ. Орфографія по шестому изданію „Русскаго правописанія академика Якова Грота“. Въ концѣ приложенъ словарь, заключающій въ себѣ объясненіе болѣе трудныхъ словъ, встрѣчающихся въ этой книгѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Вильна. 1889. Въ 8-ку стр. 66. Цѣна 30 коп.“ — допустить какъ учебное пособие въ среднія учебныя заведенія, а также въ учительскіе институты и семинаріи округовъ Варшавскаго, Кіевскаго, Дерптскаго и Харьковскаго, а также Кавказа и Закавказья, для учениковъ не русскаго происхожденія.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга первая. Изданіе Александра Дмитріевича и Петра Дмитріевича Погодиныхъ. С.-Пб. 1888. Стр. XV+344. Книга вторая. С.-Пб. 1889. Стр. VIII+420“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ институтовъ и учительскихъ семинарій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Составленныя протоіереемъ Іоанномъ Наумовичемъ книги: 1) Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской народной жизни. М. 1888. Въ 8-ку 156 стр. Цѣна 25 коп., 2) Четыре путеводителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. Изд. 2-ое. М. 1888. Въ 8-ку 159 стр. Цѣна 20 коп., 3) „О. Ѳеодоръ. Повѣсть. (Сельско-хозяйственныя бесѣды). Выпускъ I. Кіевъ. 1888. Въ 8-ку 128 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— „Славянскія прописи для народныхъ школъ. Составилъ И. Н. Малиновскій. Гродно. 1888. 2 стр. текста и 8 стр. прописей. Цѣна 30 коп., съ пересылкой 40 коп.“—допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были исправлены ошибки и даны болѣе опредѣленныя методическія указанія.

— Книгу: „Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсъ I и II года. Составила учительница О. Скворцова. М. 1889. Въ 8-ку XV+145 стр. Цѣна 40 коп.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособия для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ.

— Книгу: „Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ учитель сельской школы Н. М. Пятяковъ. М. 1889. Въ 8-ку IX+126 стр. Цѣна 30 коп.“—одобрить для класснаго и вѣкъласнаго чтенія въ старшемъ отдѣленіи народныхъ училищъ.

— Книгу: „Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Составилъ Н. Раевскій. М. 1889. Въ 8-ку 96 стр. Цѣна 55 коп.“—допустить къ употребленію въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы къ этому же изданію былъ приложенъ листокъ съ исправленіемъ ошибокъ.

— Книги, составленныя П. Р. Фурманомъ: 1) „Григорій Александровичъ Потемкинъ. Историческая повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 185 стр. Цѣна 1 р., съ 12 картинами 1 р. 25 коп.“ 2) Князь Яковъ Ѳодоровичъ Долгоруковъ. Историческая повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 200 стр. Цѣна

75 к., съ картинами 1 р.^а и 3) „Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Историческая повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку 224 стр. Цѣна 1 р., съ картинами 1 р. 25 коп.“ — допустить въ ученическія бібліотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „На досугѣ. Бесѣды дѣдушки Андрея о печеночной глистной болѣзни овецъ. Составлены ветеринарнымъ врачомъ М. А. Исаковымъ. Казань. 1888. Въ 16-ю д. л. 15 стр. Цѣна 5 коп. съ пересылкою“ — одобрить для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ.

— Книгу: „Товарищъ. Книга для чтенія и письменныхъ работъ по русскому языку. Третій годъ. Составилъ Д. Поповъ. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 216+XIII стр. Цѣна 53 коп.“ — одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ, городскихъ и сельскихъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Предложеніями г. министра народнаго просвѣщенія, г. попечителю Варшавскаго учебнаго округа разрѣшено: 1) возвысить съ начала 1889—1890 учебнаго года, размѣръ платы за ученіе въ Лодзинской женской гимназіи во всѣхъ классахъ съ 30 на сорокъ рублей въ годъ съ ученицы; 2) возвысить съ начала 1889—1890 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Варшавской III женской гимназіи, во всѣхъ классахъ съ 30 на сорокъ рублей въ годъ съ ученицы; и 3) возвысить съ начала 1889—1890 учебнаго года размѣръ платы за ученіе въ Петровской женской гимназіи: въ основныхъ классахъ съ 30 на сорокъ рублей, и въ приготовительномъ классѣ съ 20 на тридцать руб. въ годъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію начальства Виленскаго учебнаго округа, въ февралѣ текущаго года послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Маслакахъ, Горецкаго уѣзда, Могилевской губерніи, при 64 учащихся.

— По донесенію главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, г. Иркутскимъ генераль-губернаторомъ, 30-го марта текущаго года разрѣшено преобразовать Братское одноклассное приходское училище, Нижнеудинскаго округа, Иркутской губерніи, въ двухклассное сельское училище.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе объявленнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія конкурса на соисканіе преміи императора Петра Великаго за „Книгу для класснаго и внѣкласснаго чтенія“ для сельской народной школы съ трехлѣтнимъ курсомъ, въ ученый комитетъ министерства было представлено шесть сочиненій, изъ коихъ три въ рукописяхъ, подъ девизами, и три въ печатномъ видѣ (изъ нихъ одно въ корректурномъ оттискѣ). Разсмотрѣніе этихъ трудовъ было возложено, съ утвержденія его сіятельства г. министра, на особую комиссію, состоявшую, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Майкова, изъ членовъ особаго отдѣла ученаго комитета К. К. Сентъ-Илера, И. П. Звѣрева и В. И. Шемакина, священника села Московской Славянки Аѳ. Бѣляева и кандидата Московскаго университета Н. М. Горбова. По разсмотрѣніи всѣхъ сочиненій, ни одно изъ нихъ не было признано комиссіей, а равно и особымъ отдѣломъ ученаго комитета, достойнымъ поощренія преміей. Опредѣленіе о семъ особаго отдѣла утверждено г. министромъ.

Лица, представившія свои сочиненія подъ девизами, приглашаются сообщить ученому комитету, куда должны быть посланы ихъ рукописи.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

7. (7-го апрѣля 1889 года). Объ измѣненіи порядка расходования процентовъ съ капитала, пожертвованнаго докторомъ медицины И ваномъ Лернетомъ.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія, согласно ходатайству начальства Кіевскаго учебнаго округа, было внесено въ комитетъ министровъ, представленіе объ измѣненіи порядка расходования процентовъ съ капитала, пожертвованнаго докторомъ медицины Иваномъ Лернетомъ.

Разсмотрѣвъ означенное представленіе, комитетъ полагалъ:

I. Пожертвованному докторомъ медицины Иваномъ Лернетомъ и хранящемуся въ числѣ специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія капиталу, съ наросшими на оный процентами, присвоить именованіе „неприкосновенный капиталъ доктора Ивана Лернета“, оставивъ капиталъ сей въ завѣдываніи и распоряженіи учебнаго вѣдомства.

II. На счетъ процентовъ съ сего капитала учредить при Житомирской гимназій стипендіи по триста руб. въ годъ каждая, для четырехъ учениковъ изъ числа дѣтей бѣднѣйшихъ родителей и уроженцевъ Волынской губерніи, безъ различія вѣроисповѣданія и происхожденія, съ сохраненіемъ стипендій за этими воспитанниками въ случаѣ поступленія ихъ въ университетъ св. Владиміра для продолженія образованія.

III. Остальные засимъ проценты съ Лернетовскаго капитала обратиться на содержаніе въ г. Луцкѣ 6-ти власснаго реальнаго училища

съ основнымъ отдѣленіемъ въ V и VI классахъ, когда таковое правительствомъ будетъ учреждено, съ тѣмъ, чтобы на счетъ процентовъ съ означеннаго капитала допускались въ бесплатному обученію въ семь заведеніи, сверхъ указанной въ ст. 29 устава реальныхъ училищъ, изд. 1888 года, нормы, не менѣе 10% общаго числа учениковъ заведенія, изъ числа дѣтей бѣднѣйшихъ родителей и уроженцевъ Волынской губерніи, безъ различія вѣроисповѣданія и происхождения.

IV. Выборъ какъ кандидатовъ на бесплатное обученіе въ Луцкомъ реальномъ училищѣ, такъ и стипендіатовъ, о коихъ упомянуто въ ст. II настоящаго положенія комитета, а равно представленіе ихъ на утвержденіе педагогическаго совѣта предоставить опекунамъ фонда: старшему потомку изъ рода тайнаго совѣтника Чацкого и Луцко-Житомирскому римско-католическому епископу.

V. Въ случаѣ упраздненія по какимъ-либо причинамъ учебнаго заведенія въ г. Луцкѣ, употреблять тѣ суммы, которыя будутъ на оное отпускаться изъ процентовъ съ капитала доктора Лернета, на тѣхъ же условіяхъ съ согласія опекуновъ и по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія—на содержаніе другаго средняго учебнаго заведенія въ районѣ Волынской губерніи, и

VI. Всѣ прочія условія, выраженныя въ фундушевыхъ актахъ Лернета, на сколько таковыя не противорѣчатъ настоящему положенію комитета министровъ и общимъ указаніямъ, оставить въ силѣ.

Государь Императоръ, въ 7-й день апрѣля 1889 года, изложенное положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

8. (14-го апрѣля 1889 года). О принятіи участка земли, пожертвованнаго землевладѣльцемъ Дмитріемъ Самаринимъ въ пользу Владимірскаго начальнаго училища, Самарской губерніи.

Комитетъ министровъ, по выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія о принятіи отъ землевладѣльца Дмитрія Самарина участка земли, жертвуемаго имъ изъ родоваго имѣнія въ пользу Владимірскаго начальнаго училища, Самарской губерніи, полагалъ: испросить на сіе, согласно съ представленіемъ, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ, въ 14-й день апрѣля 1889 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

9. (20-го апрѣля 1889 года). Объ обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада, въ пользу сего же сада.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада, въ пользу сего же сада, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада въ пользу сего же сада, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить въ пользу Варшавскаго помологическаго сада доходы, выручаемые отъ продажи произведеній этого сада.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

10. (2-го мая 1889 года). О пожертвованіи жителями г. Межирѣчья капитала въ 1,200 р. съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособіе для бѣдныхъ учениковъ Бѣльской гимназіи.

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа донесъ министерству народнаго просвѣщенія, что жители города Межирѣчья, въ ознаменованіе исполнинвагося 19-го февраля 1880 года, двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II, пожертвовали капиталъ въ 1,200 р., съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособія для бѣдныхъ учениковъ Бѣльской гимназіи, преимущественно на взносъ платы за ученіе.

О такомъ пожертвованіи жителей г. Межирѣчья министромъ народнаго просвѣщенія, 2-го мая 1889 года, всеподданнѣйше доведено до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія.

11. (2-го мая 1889 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго почетнымъ членомъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи А. П. Разцвѣтовымъ и объ учрежденіи на проценты съ сего капитала преміи и медали А. П. Разцвѣтова.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день мая 1889 года, Высочайше соизволилъ: 1) на принятіе Императорскимъ Московскимъ университетомъ жертвуемаго почетнымъ членомъ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при названномъ университетѣ, А. П. Разцвѣтовымъ капитала въ семь тысячъ четыреста рублей, съ причисленіемъ такового къ спеціальнымъ средствамъ университета и 2) на учрежденіе, на проценты съ сего капитала, при антропологическомъ отдѣлѣ Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи преміи и медали А. П. Разцвѣтова, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвержденія правилъ объ означенной преміи.

12. (2-го мая 1889 года). Объ описаніи форменной одежды воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, во 2-й день мая 1889 года, Высочайше соизволилъ на утвержденіе нижеслѣдующаго описанія форменной одежды воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.

На подлинномъ написано: „Высочайше утверждено“.

2-го мая 1889 года.

Подписалъ: Министръ народнаго просвѣщенія графъ Деляновъ.

Описание формы воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ.

1) Фуражка (съ козырькомъ) чернаго сукна и околышемъ изъ краснаго сукна и съ бѣлыми кантиками по образцу гимназической фуражки. Спереди помѣщаются металлическія буквы Н. Ц. Н. съ коронкой надъ ними (то-есть, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай) среди

двухъ желтыхъ же лавровыхъ вѣтвей по образцу гимназической фуражки.

2) Мундиръ чернаго сукна однобортный, застегивающійся на девять желтыхъ металлическихъ пуговицъ утвержденнаго для лица образца, то-есть, съ буквами Н. Ц. Н. съ коронкой. Воротникъ скошенный и обшлага прямыя изъ краснаго сукна, съ бѣлыми же кантиками по оторочкѣ какъ воротника, такъ и обшлаговъ, съ двумя петлицами изъ золотого галуна на воротникѣ и обшлагахъ и съ двумя такими же желтыми металлическими пуговицами на петлицахъ каждаго рукава.

3) Куртка темносѣраго сукна однобортная, застегивающаяся на крючкахъ со сборками въ талии, воротникъ отложной того же темносѣраго сукна, съ двумя краснаго сукна петлицами, отороченными бѣлымъ кантикомъ и черной вокругъ талии лакированный кушакъ съ желтою металлическою пряжкой, съ изображеніемъ на ней буквъ Н. Ц. Н. подъ коронкой.

4) Шаровары при мундирѣ чернаго, а при курткѣ темносѣраго сукна, длинныя, сверхъ сапоговъ безъ канта.

5) Пальто чернаго сукна, гимназическаго образца, двубортное, застегивающееся на шесть металлическихъ желтыхъ пуговицъ утвержденнаго для лица образца, съ красными суконными петлицами, отороченными бѣлыми выпушками на отложномъ воротникѣ и пуговицами по изложенному выше образцу на каждой петлицѣ. Въ зимнее время форменное пальто можетъ быть подбито мѣхомъ и съ мѣховымъ барашковымъ воротникомъ.

6) Перчатки бѣлыя замшевыя.

7) Башлыкъ общаго образца.

13. (4-го мая 1889 года). О разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе примѣчанія къ ст. 1740 уст. суд. мед. (св. зак. т. XIII) постановить:

Трупы, доставляемые изъ Дерптскаго уѣзда для судебно-медицинскаго изслѣдованія, отправляются въ судебно-медицинскій институтъ при анатомическомъ театрѣ Императорскаго Дерптскаго университета.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

14. (4-го мая 1889 года). О выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе примѣчанія 1 къ статьѣ 56 и пункта 3 статьи 63

устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, изд. 1886 г.), а также взаимныя примѣчанія 4 къ статьѣ 63, постановить:

1) Ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской свидѣтельства о знаніи курса названныхъ учебныхъ заведеній выдаются педагогическими совѣтами правительственныхъ гимназій и другихъ правительственныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, по надлежащемъ испытаніи означенныхъ учениковъ, на основаніи правилъ, устанавливаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ военнымъ и внутреннихъ дѣлъ.

2) Преподающимъ въ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинаріяхъ, волостныхъ и приходскихъ школахъ губерній Лифляндской, Курляндской и Эстляндской изъ лицъ, удовлетворяющихъ общепризнаннымъ для сего условіямъ, удостовѣренія въ томъ, что сіи преподаватели не оставили соотвѣтствующихъ ихъ знанію занятій, выдаются: преподавателямъ учительскихъ семинарій—попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, а учителямъ волостныхъ и приходскихъ школъ—инспекторами народныхъ училищъ въ названныхъ губерніяхъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

15. (6-го мая 1889 года). Объ устройствѣ VIII сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ г. С.-Петербургѣ.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 6-й день мая 1889 года, Высочайше соизволилъ:

I. Разрѣшить созывъ въ г. С.-Петербургѣ, съ 28-го декабря 1889 года по 7-е января 1890 года, VIII сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей и

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) утвердить, по бывшимъ примѣрамъ, основанія для предполагаемаго сѣзда естествоиспытателей и врачей и 2) войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ объ ассигнованіи денежнаго изъ казны пособія, необходимаго на покрытіе расходовъ по устройству сего сѣзда.

16. (18-го мая 1889 года). О закрытіи Вольской прогимназіи и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ де-

партаментъ государственной экономіи государственнаго совѣта, о закрытіи Вольской прогимназіи и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о закрытіи Вольской прогимназіи и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министру народнаго просвѣщенія сдѣлать распоряженіе о постепенномъ закрытіи классовъ въ Вольской 4 классной прогимназіи съ тѣмъ, чтобы въ 1889—1890 учебномъ году былъ прекращенъ приемъ въ 1 классъ и чтобы закрытіе прогимназіи закончилось въ теченіи трехъ лѣтъ.

2) По мѣрѣ закрытія классовъ въ Вольской прогимназіи приступить къ постепенному открытію приготовительнаго и трехъ низшихъ классовъ въ Вольскомъ реальномъ училищѣ.

3) Имѣющія образоваться отъ закрытія классовъ въ Вольской прогимназіи свободныя суммы обращать на содержаніе приготовительнаго и трехъ низшихъ классовъ въ Вольскомъ реальномъ училищѣ.

4) Служащихъ въ Вольской прогимназіи, если они не получаютъ новаго назначенія, оставить за штатомъ, на общемъ основаніи, съ производствомъ имъ заштатнаго содержанія изъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ прогимназіи.

5) Находящееся въ Вольской прогимназіи движимое имущество: книги, учебныя пособія и т. п. передать въ другія учебныя заведенія, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія.

6) По окончательномъ закрытіи Вольской прогимназіи, кредитъ на ея содержаніе изъ смѣты исключить, на содержаніе же Вольскаго реальнаго училища заносить въ финансовыя смѣты министерства народнаго просвѣщенія по двадцать три тысячи двѣст и восемьдесятъ восемь руб., въ годъ съ тѣмъ, чтобы жертвуемые изъ мѣстныхъ средствъ на это училище девять тысячъ пятьсотъ восемь руб., въ годъ показывались по доходной смѣтѣ министерства пособіемъ казнѣ по содержанію названнаго училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателями и членами.

17. (18-го мая 1889 года). О дополненіи штата и положенія о реальныхъ училищахъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о дополненіи штата и положенія о реальныхъ училищахъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о дополненіи штата и положенія о реальныхъ училищахъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Инспектора реальныхъ училищъ, а также преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ въ этихъ училищахъ, и учителя чистописанія, въ отношеніи пенсіи и другихъ служебныхъ правъ, пользуются преимуществами, предоставленными соотвѣтственнымъ должностнымъ лицамъ въ мужскихъ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

II. Определенную по дѣйствующему штату реальныхъ училищъ сумму на вознагражденіе учителей за уроки въ училищахъ съ двумя отдѣленіями въ V и VI классахъ увеличить до одиннадцати тысячъ шестисотъ восьмидесяти восьми рублей, а сумму на содержаніе основнаго отдѣленія сихъ училищъ до тысячи восьмисотъ шестидесяти рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

18. (18-го мая 1889 года). Объ открытіи высшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи высшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ открытіи высшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить министру народнаго просвѣщенія: 1) на содержаніе въ текущемъ году, по разчету съ 1-го іюля, при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ высшаго дополнительнаго класса, расходовать одну тысячу пятнадцать рублей, внесенные къ условному отпуску въ ст. 1 и 5 § 8 дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія и 2) о размѣрѣ потребнаго, на изъясненную надобность, кредита на будущее, съ 1890 г., время, войти въ государственный совѣтъ съ особымъ представленіемъ, по соображеніи сего размѣра, какъ съ могущими быть въ распоряженіи Рижскаго русскаго реального училища спеціальными средствами, такъ и съ Высочайше утвержденнымъ 9-го іюня 1888 г. штатомъ реальныхъ училищъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

19. (18-го мая 1889 года). 'Объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи оклада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири, мнѣніемъ положилъ.

1) Окладъ столовыхъ денегъ, назначенный главному инспектору Восточной Сибири (Высочайше утвержденное 11-го ноября 1874 г. мнѣніе гос. сов.), увеличить до тысячи восьмисотъ рублей.

2) Присвоить сей послѣдній окладъ столовыхъ денегъ лицу, зани-

мающему нынѣ упомянутую должность, со времени назначенія его на эту должность, то-есть, съ 21-го мая 1888 г.

3) Означенный въ предыдущей статьѣ расходъ отнести за 1888 г. на кредитъ, отпущенный въ томъ году по § 4 ст. 1 расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе личнаго состава главнаго управленія учебными заведеніями Восточной Сибири, а за 1889 г.—на счетъ равной суммы, назначенной къ условному отпуску по тому же подраздѣленію дѣйствующей смѣты министерства народнаго просвѣщенія,

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

20. (23-го мая 1889 года). О введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ:

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ, мнѣніемъ положилъ:

Предоставить министру народнаго просвѣщенія принимать мѣры къ постепенному введенію въ нынѣ существующихъ и во вновь открываемыхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, не распространяя сего требованія на преподаваніе закона Божія лютеранскаго исповѣданія, нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

8. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени медицинскаго фельдшера Н. В. Васильева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго въ 1885 г. отставнымъ медицинскимъ фельдшеромъ Амурской конной казачьей бригады Николаемъ Васильевичемъ Васильевымъ, учреждается при Томскомъ университетѣ, стипендія для немущихъ сибиряковъ имени „Н. В. Васильева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ 100 руб. выдается студенту Томскаго университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи того же имени.

9. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Михаила Андреевича Зензинова и братьевъ Зензиновыхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ десять тысячъ рублей, пожертвованнаго въ 1880 году торговымъ домомъ „братья Зензиновы“ въ Москвѣ, учреждаются при Томскомъ университетѣ двѣ стипендіи съ наименованіемъ одной изъ нихъ „стипендіею Михаила Андреевича Зензинова“, а другой „стипендіею братьевъ Зензиновыхъ“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи, по 250 руб. каждая, выдаются студентамъ изъ уроженцевъ Забайкальской области, преимущественно изъ бурятъ.

Примѣчаніе: за отсутствіемъ въ университетѣ студентовъ изъ

бурятъ, стипендія Михаила Андреевича Зензинова можетъ быть предоставлена студентамъ, независимо отъ ихъ происхожденія, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ поступленія въ университетъ уроженца изъ бурятъ, стипендія эта была передаваема сему послѣднему.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется правленію университета на общихъ основаніяхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 5. Стипендіи не налагаютъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія той или другой стипендіи, проценты причисляются къ основному стипендіальному капиталу каждой изъ стипендій по принадлежности, для образованія новыхъ стипендій, упомянутыхъ въ § 1 названной.

10. (27-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 21100 руб. учреждаются при Московскомъ университетѣ четыре стипендіи, по одной для каждаго факультета, имени завѣщателя капитала „поручика Андрея Александровича Кирѣева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 2-го восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5% государственнаго налога, двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ.

§ 4. Стипендіи назначаются, согласно существующимъ на сей предметъ правиламъ, недостаточнымъ студентамъ университета.

§ 5. Образовавшіеся по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному для увеличенія размѣра стипендій.

11. (29-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей учреждаются при Императорскомъ Московскомъ университетѣ двѣ

стипендіи имени завѣщателя капитала „коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ каждой стипендіи, за исключеніемъ изъ процентовъ съ капитала 5⁰/₀ государственнаго налога, двѣсти восемьдесятъ пять рублей въ годъ.

§ 4. Стипендіи должны быть назначаемы бѣднѣйшимъ студентамъ юридическаго факультета русскаго происхожденія.

§ 5. Порядокъ назначенія стипендій опредѣляется существующими на сей предметъ въ университетѣ правилами.

§ 6. Если по какому-либо случаю образуются остатки отъ процентовъ съ капитала, то таковыя присоединяются къ капиталу для увеличенія впоследствии размѣра стипендій.

12. (8-го февраля 1889 года). Правила о преміи имени заслуженнаго профессора Андрея Федоровича Павловскаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При физико-математическомъ факультетѣ Императорскаго Харьковскаго университета учреждается премія имени заслуженнаго профессора Андрея Федоровича Павловскаго.

§ 2. Премія выдается ежегодно въ размѣрѣ процентовъ, получаемыхъ съ капитала въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей, пожертвованнаго для этой цѣли сыномъ покойнаго, Федоромъ Андреевичемъ Павловскимъ, заключающагося въ семи билетахъ 2-го восточнаго займа и хранящагося въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Премія присуждается ежегодно физико-математическимъ факультетомъ Харьковскаго университета одному изъ студентовъ этого университета за сочиненіе, написанное на тему, предложенную факультетомъ.

§ 4. Предлагаемая факультетомъ тема избирается по очереди изъ слѣдующихъ предметовъ: математики, физики, химіи, астрономіи и механики. О темѣ, избираемой факультетомъ на текущій годъ, объявляется на торжественномъ актѣ 17-го января.

§ 5. Присужденіе преміи совершается ежегодно въ засѣданіи физико-математическаго факультета 30-го ноября, а выдается премія на торжественномъ актѣ университета.

§ 6. Еслибы въ какой-либо годъ премія не была выдана, то не израсходованная сумма процентовъ присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра преміи.

13. (10-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи двѣсти рублей, собраннаго по подпискѣ между чиновниками разныхъ вѣдомствъ и крестьянами Томской губерніи, учреждается при Томскомъ университетѣ стипендія имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ 160 рублей, за вычетомъ изъ сей суммы 5% государственнаго налога, выдается студенту Томскаго университета изъ уроженцевъ Томской губерніи безъ различія сословій и вѣроисповѣданія.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется правленію университета, на общихъ основаніяхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 5. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи, проценты причисляются къ стипендіальному капиталу, для образованія новой стипендіи того же имени.

14. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Людвигъ Эммануиловича Нобеля, учрежденной при С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ товариществомъ нефтянаго производства братьевъ Нобель.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа, по номинальной стоимости въ девять тысячъ пятьсотъ рублей, пожертвованнаго товариществомъ нефтянаго производства братьевъ Нобель, учреждается при С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ стипендія, именуемая стипендіей Людвигъ Эммануиловича Нобеля.

§ 2. Означенный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность часть ССЛXIV, отд. 1.

института, хранится съ прочими спеціальными средствами онаго депозитомъ въ мѣстномъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія Л. Э. Нобеля назначается для синовой служащихъ въ товариществѣ нефтянаго производства братьевъ Нобель и выдается стипендіату со дня вступленія во все время пребыванія его въ институтѣ. Предоставленіе сей стипендіи обучающемуся въ институтѣ сыну кого-либо изъ служащихъ въ названномъ товариществѣ, принадлежитъ правленію товарищества, которое до 1-го октября о семъ заявляетъ начальству института. Если же до 1-го октября правленіе никого не назначитъ на стипендію, то учебный комитетъ института имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, предоставить эту стипендію на одинъ годъ, кому-либо изъ студентовъ института, находящихся на послѣднемъ курсѣ.

§ 4. Изъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ 5% государственнаго налога и платы за право обученія въ институтѣ, выдается стипендіату Л. Э. Нобеля: по 30 рублей ежемѣсячно на содержаніе, 25 рублей единовременно при отправленіи сего стипендіата на фабрики или заводы для практическихъ занятій во время послѣднихъ вакацій, предъ окончаніемъ имъ курса, и 75 рублей единовременно на экипировку, по окончаніи имъ курса обученія.

§ 5. Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ товарищества нефтянаго производства братьевъ Нобель и, слѣдовательно, за несуществованіемъ лицъ, указанныхъ въ § 3 сего положенія, назначеніе стипендіи предоставляется учебному комитету института на общихъ основаніяхъ.

§ 6. Если отъ процентовъ съ капитала за удовлетвореніемъ всѣхъ расходовъ, упомянутыхъ въ § 4 сего положенія, образуется остатокъ, или же, если стипендія, по какимъ-либо обстоятельствамъ, останется въ теченіе нѣкотораго времени не занятою, то учебному комитету предоставляется употребить весь свободный остатокъ на пособіе бѣднѣйшимъ изъ учащихся въ институтѣ, преимущественно же на внесеніе за нихъ установленной платы за обученіе.

7) Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

15. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Васильевича Колобова при Императорскомъ С.-Петербуржскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ рублей,

пожертвованнаго по духовному завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина Василя Васильевича Колобова, учреждаются при С.-Петербургскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% бумагахъ, хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Стипендіи, въ 300 рублей каждая, за вычетомъ изъ сей суммы 5% государственнаго сбора, назначаются, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, студентамъ: одна юридическаго факультета, другая—естественнаго разряда физико-математическаго факультета.

§ 4. Стипендіатами могутъ быть студенты, безъ различія званія и состоянія, оказывающіе отличные успѣхи въ наукахъ и благоправнаго поведенія, но преимущественно бѣднѣйшіе и уроженцы города С.-Петербурга.

§ 5. Могущіе образоваться отъ стипендій остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендій, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

16. (20-го марта 1869 года). Положеніе о стипендіи имени губернскаго секретаря Ивана Николаевича Осипова при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго губернскимъ секретаремъ Иваномъ Николаевичемъ Осиповымъ капитала въ шесть тысячъ рублей, составляющихъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога, ежегодно 285 рубл., учреждается при Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ облигаціяхъ восточнаго займа и хранится въ уѣздномъ Одесскомъ казначействѣ, составляя собственность Новороссійскаго университета.

§ 3. Стипендіатомъ избирается недостаточный студентъ изъ дворянъ Херсонской губерніи, а ежели такового не окажется, то одинъ изъ бѣднѣйшихъ студентовъ христіанскаго вѣроисповѣданія, одобрительнаго поведенія, оказавшій хорошіе успѣхи въ наукахъ.

§ 4. Право избранія и утвержденія стипендіата предоставляется

правленію университета, согласно существующимъ о стипендіяхъ правиламъ.

§ 5. Въ случаѣ невзрасходованія процентовъ по какимъ бы то ни было причинамъ, излишки выдаются въ пособія бѣднымъ студентамъ, по усмотрѣнію правленія университета.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (28-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго студента Московскаго университета Евгенія Ивановича Миролюбова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Никаноромъ Ивановичемъ Русановымъ, учреждается при Императорскомъ Московскомъ университетѣ одна стипендія имени умершаго студента Московскаго университета Евгенія Ивановича Миролюбова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя неприкосновенную собственность Московскаго университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала пятипроцентнаго государственнаго налога, составляетъ двѣсти тридцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ въ годъ.

§ 4. Стипендія назначается одному изъ студентовъ безъ различія факультетовъ, но непременно дворянину бѣднаго состоянія, преимущественно Воронежской, Орловской и Московской губерній, русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія.

§ 5. Стипендія, по волѣ жертвователя капитала, должна быть назначаема внѣ конкурса, то-есть, безъ примѣненія къ ней правилъ о состязательныхъ испытаніяхъ и даже не стѣсняясь незачетами полугодій.

§ 6. Стипендія, по представленію факультета, назначается правленіемъ университета съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 7. Образовавшіеся по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному на предметъ увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

18. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Алексѣевича Гилярова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ рублей, собраннаго въ теченіи 1888 и 1889 гг. по подпискѣ между разными лицами, проживающими въ Томской губерніи, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ стипендія имени „дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Алексѣевича Гилярова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. За вычетомъ изъ доходовъ съ капитала 5% государственнаго налога, стипендія въ размѣрѣ 70 руб. 75 коп. выдается студенту Томскаго университета, православнаго исповѣданія, изъ воспитанниковъ Томскихъ гимназій или духовной семинаріи, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Если стипендія по чему-либо не будетъ выдана, то не выданныя деньги причисляются къ основному капиталу для увеличенія стипендіи до размѣра достаточнаго на полное годовое содержаніе студента, а впослѣдствіи не выданныя деньги могутъ быть употреблены на взносъ платы за слушаніе лекцій недостаточными студентами по усмотрѣнію правленія университета.

19. (4-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тюменскаго 1-й гильдіи купца Ивана Петровича Воинова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщаннаго тюменскимъ 1-й гильдіи купцомъ Иваномъ Петровичемъ Воиновымъ, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ стипендія имени „Ивана Петровича Воинова“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Тюменскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендія въ размѣрѣ трехсотъ рублей выдается студенту

Томскаго университета преимущественно изъ бѣдныхъ жителей города Тюмени, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендія не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи того же имени.

20. (22-го апрѣля 1889 года). Правила выдачи пособій бѣднымъ студентамъ Императорскаго Харьковскаго университета изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго поручикомъ Андреемъ Александровичемъ Кирѣевымъ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Пособія выдаются изъ процентовъ, ежегодно получаемыхъ съ капитала въ 7.185 руб. 60 к., завѣщаннаго для этой цѣли поручикомъ А. А. Кирѣевымъ, за вычетомъ изъ нихъ 5%, государственнаго налога.

§ 2. Назначеніе пособій предоставляется правленію университета.

§ 3. Пособія назначаются бѣднымъ студентамъ христіанскаго вѣроисповѣданія, отличнаго поведенія, безъ различія званія и сословія, а также факультетовъ; согласно волѣ жертвователя студенты казачьяго сословія имѣютъ преимущество предъ всѣми другими.

§ 4. Пособія выдаются въ размѣрѣ не свыше двадцати пяти рублей въ одинъ разъ и не могутъ быть получаемы однимъ и тѣмъ же лицомъ болѣе одного раза въ полугодіе.

§ 5. Полученіе пособій не возлагаетъ никакихъ обязательствъ на воспользовавшихся ими.

21. (25-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени генерала - адъютанта графа Николая Павловича Игнатъева, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двадцать двѣ тысячи пятьсотъ рублей, пожертвованнаго нижегородскимъ ярмарочнымъ купечествомъ и находившимися въ 1879 году въ Нижнемъ Новгородѣ сибиряками, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ три стипендіи имени „генерала-адъютанта графа Николая Павловича Игнатъева“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₁₀₀ государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи, по триста рублей каждая, выдаются студентамъ медицинскаго факультета Томскаго университета изъ уроженцевъ какъ Сибири, такъ и Европейской Россіи, по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ открытія при Томскомъ университетѣ другихъ факультетовъ, стипендіи имени графа Игнатьева должны быть раздѣлены между всѣми факультетами.

§ 4. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія стипендій, проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новыхъ стипендій того же имени.

22. (6-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича и Елены Ивановны Малеванскихъ при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія)

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ восемнадцать тысячъ восемьсотъ рублей, завѣщаннаго вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Еленою Малеванскою, учреждаются при университетѣ св. Владиміра три стипендіи по триста рублей каждая, имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васильевича и Елены Ивановны, Малеванскихъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₁₀₀ облигаціяхъ втораго восточнаго займа за №№ 101125, 081975, 208172, 193926, 190710, 187522, 183958, 155182, 148107, 139728, 132916, 131304, 126234, 132807, 143888, 185045, 197102, 217266 по 1000 рублей каждая, и за №№ 12415, 118826, 118827, 29438, 78348 173083, 173876 и 177828, по 100 рублей каждая, хранится въ Киевскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность университета св. Владиміра.

§ 3. Стипендіи называются, по очереди между факультетами, бѣд-

нѣйшимъ студентамъ русскаго происхожденія, православнаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Право назначенія стипендіатовъ принадлежитъ, согласно правиламъ о стипендіяхъ, факультетамъ съ одобренія правленія университета и съ утвержденіемъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа; при выборѣ кандидатовъ при равныхъ условіяхъ преимущество отдается лицамъ, происходящимъ изъ духовнаго званія.

§ 5. Стипендіаты имени Малеванскихъ обязаны подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени пребыванія своего въ университетѣ. Не выдержавшій испытанія, равно какъ недобросовѣстно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и хорошо выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

§ 6. Могущій образоваться отъ невыдачи стипендій остатокъ присоединяется къ капиталу для образованія со временемъ новыхъ стипендій того же имени.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

23. (13-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго присяжнаго повѣреннаго Василя Николаевича Данилова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго почетною гражданкою Фелицатою Ивановною Ушаковою.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣсти тридцать тысячъ рублей, составляющихъ, за исключеніемъ государственнаго налога, сумму въ десять тысячъ девятьсотъ двадцать пять рублей ежегоднаго дохода, учреждаются при каждомъ изъ четырехъ факультетовъ Московскаго университета по пяти стипендій для студентовъ, въ размѣрѣ четыреста двадцать пять рублей въ годъ, и по одной стипендіи для лицъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ размѣрѣ шестисотъ рублей въ годъ.

§ 2. Стипендіи эти, согласно волѣ завѣщательницы, именуется: „стипендіями имени умершаго присяжнаго повѣреннаго Василя Николаевича Данилова“.

§ 3. Стипендіи назначаются студентамъ исключительно русскаго происхожденія, преимущественно уроженцамъ Калужской губерніи; евреямъ стипендіи не могутъ быть назначаемы. Тѣмъ же условіемъ подчиняются и стипендіи для оставленныхъ при университетѣ лицъ.

§ 4. Стипендіи назначаются студентамъ бѣднаго состоянія, въ конкурсѣ и не стѣсняясь даже незачетомъ полугодій.

§ 5. Стипендіи оставляемымъ при университетѣ лицамъ назначаются срокомъ на два года со времени зачисленія ихъ стипендіатами; при этомъ пользовавшіеся во время университетскаго курса стипендіями имени Данилова, при равныхъ прочихъ условіяхъ, предпочитаются другимъ кандидатамъ на полученіе вышеозначенныхъ стипендій.

§ 6. Стипендіи по представленіямъ факультетовъ, а также и душеприказчика, назначаются правленіемъ университета съ утвержденіемъ г. попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 7. Оказавшіеся отъ процентовъ съ капитала остатки причисляются къ капиталу для увеличенія въслѣдствіи студенческихъ стипендій.

24. (15-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи покойнаго ординатора Одесской городской больницы Николая Михайловича Дитерихса при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, собраннаго почитателями, друзьями и товарищами покойнаго ординатора Одесской городской больницы Н. М. Дитерихса, а также при участіи Одесской городской думы, составляющихъ, за вычетомъ 5% государственнаго налога, ежегодно 285 рублей, учреждается при Новороссійскомъ университетѣ стипендія имени Николая Михайловича Дитерихса.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Одесскомъ уѣздномъ казначействѣ, составляя собственность Новороссійскаго университета.

§ 3. Стипендія выдается студенту медицинскаго факультета, со времени могущаго послѣдовать учрежденія сего факультета при Новороссійскомъ университетѣ, а до тѣхъ поръ студенту физико-математическаго факультета отдѣленія естественныхъ наукъ.

§ 4. Стипендіатомъ можетъ быть студентъ, преимущественно изъ дѣтей одесскихъ гражданъ, матеріально не обезпеченный, одобрительнаго поведенія, оказавшій отличные успѣхи въ наукахъ.

§ 5. Право избранія и утвержденія стипендіатовъ предоставляется правленію Новороссійскаго университета, согласно существующимъ о стипендіяхъ правиламъ.

§ 6. Въ случаѣ неизрасходованія процентовъ по какому бы то ни было причинамъ, излишки выдаются въ пособіе бѣднѣйшимъ студентамъ изъ одесскихъ гражданъ по усмотрѣнію правленія университета.

§ 7. Въ случаѣ закрытія Новороссійскаго университета, стипендія передается на медицинскій факультетъ университета св. Владимира.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

25. (7-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Надежды Николаевны Сверчевской при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ учреждается стипендія имени дворянки Надежды Николаевны Сверчевской, на счетъ пожертвованнаго ею для этой цѣли капитала въ пять тысячъ рублей, въ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка.

§ 2. Стипендіатъ избирается совѣтомъ курскаго дворянскаго Александровскаго пріюта и при жизни учредительницы стипендіи утверждается ею, по соглашенію съ правленіемъ Харьковскаго университета.

§ 3. При назначеніи стипендіи принимается во вниманіе какъ успѣхи въ наукахъ и поведеніе, такъ и имущественное и семейное положеніе учащагося.

§ 4. При равныхъ во всемъ условіяхъ преимущественнымъ правомъ на полученіе стипендіи пользуются воспитанники Александровскаго пансіона-пріюта изъ дворянъ Тимскаго уѣзда, Курской губерніи.

§ 5. Получившій стипендію пользуется ею въ теченіе всего университетскаго курса. Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата ректоръ университета, въ концѣ каждаго года, увѣдомляетъ совѣтъ Александровскаго пансіона-пріюта, который прекращаетъ выдачу стипендіи и передаетъ ее другому, если стипендіатъ по успѣхамъ и поведенію окажется недостойнымъ дальнѣйшаго пособія. Равнымъ образомъ ректоръ университета увѣдомляетъ совѣтъ Александровскаго пансіона о выходѣ стипендіата изъ числа студентовъ.

§ 6. Стипендія открывается съ 1-го августа 1890 г. Проценты, имѣющіе нарости къ тому времени, равно какъ и тѣ, которые, за невнѣніемъ когда-либо стипендіата, не будутъ выданы, употребляются

на покупку государственныхъ процентныхъ бумагъ и присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Размѣръ ежегодной стипендіи опредѣляется суммою процентовъ, получаемыхъ съ капитала, за вычетомъ 5⁰/₀ государственнаго налога.

§ 8. Стипендіальный капиталъ передается Императорскому Харьковскому университету съ назначеніемъ перваго стипендіата и хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Харьковского университета.

26. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени коммерціи совѣтника Захарія Михайловича Цибульскаго при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ восемьсотъ рублей, пожертвованнаго коммерціи совѣтникомъ З. М. Цибульскимъ, учреждается при Императорскомъ Томскомъ университетѣ стипендіа имени „коммерціи совѣтника Захарія Михайловича Цибульскаго“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5⁰/₀ билетахъ государственнаго банка, облигаціяхъ восточнаго займа и другихъ 5⁰/₀ гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, хранится въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіа, въ размѣрѣ трехсотъ рублей, выдается студенту Томскаго университета по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендіа не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія стипендіи проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи того же имени.

27. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II и Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ двадцать тысячъ

рублей, пожертвованнаго коммерціи совѣтникомъ З. М. Цибульскимъ, учреждаются при Императорскомъ Томскомъ университетѣ три стипендіи, изъ коихъ двѣ—имени въ Божѣ почившаго Государа Императора Александра II и одна—имени благополучно царствующаго Государа Императора Александра Александровича.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Тобольскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность Томскаго университета.

§ 3. Стипендіи, по триста рублей каждая, выдаются студентамъ Томскаго университета по назначенію правленія университета, на основаніи утвержденныхъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ.

§ 4. Стипендіи не налагаютъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 5. Въ случаѣ незамѣщенія какой-либо изъ означенныхъ стипендій, проценты причисляются къ стипендіальному капиталу для образованія новой стипендіи имени Государа Императора Александра Александровича.

28. (16-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Его Величества Государа Императора Александра III при Слободскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го іюня 1880 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ четыреста рублей, пожертвованнаго учителями, духовенствомъ и гражданами города Слободскаго, учреждаются при Слободскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ, въ память исполнившагося въ 1887 г. столѣтія сего училища, четыре стипендіи имени Его Величества Государа Императора Александра III.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, составляетъ неприкосновенную собственность Слободскаго городского училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

§ 3. Изъ процентовъ съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 г., по постановленію педагогическаго совѣта производится взносъ платы за ученіе за наиболѣе бѣдныхъ учениковъ училища, безъ различія сословій или званій, отличающихся благонавіемъ и хорошими успѣхами, или же специальная сумма выдается такимъ ученикамъ на руки.

§ 4. Остатки отъ стипендій присоединяются къ основному капиталу.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на спендіатовъ никакихъ обязательствъ.

29. (16-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Мейнгардъ-Крамеръ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ рублей, пожертвованнаго Аделандою Карловною Крамеръ, учреждается при С.-Петербургскомъ университетѣ одна стипендія имени „Мейнгардъ-Крамеръ“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя собственность С.-Петербургскаго университета.

§ 3. Стипендія въ триста рублей, за вычетомъ 5% государственнаго сбора, назначается, согласно существующимъ для частныхъ стипендій общимъ правиламъ, студенту юридическаго факультета и христіанскаго вѣроисповѣданія.

§ 4. Могущіе образоваться остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

30. (17-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго городского головы Николая Ивановича Переломова при Нерчинскомъ уѣздномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти рублей, собраннаго по подпискѣ почитателями дѣятельности бывшаго нерчинскаго городского головы Н. И. Переломова по народному образованію, учреждается при Нерчинскомъ уѣздномъ училищѣ одна стипендія имени Переломова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ двухъ облигаціяхъ перваго и третьяго восточныхъ займовъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ сего училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Въ случаѣ преобразованія уѣзднаго училища въ городское,

поименованный капиталъ переходитъ въ распоряженіе послѣднаго на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 4. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ 5% въ доходъ казны, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, обращаются на уплату за право ученія одного бѣднаго ученика православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословія, отличающагося отличнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами.

§ 5. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

31. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при Варшавской 4-й мужской гимназій въ память чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ при катастрофѣ 17-го октября 1888 года.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Для всегдашняго сохраненія среди учащихся и учащихся въ Варшавской 4-й мужской гимназій живого воспоминанія о чудесномъ спасеніи Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ отъ угрожавшей Имъ страшной опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ 17-го октября 1888 г., учреждается при означенной гимназій, на счетъ собраннаго служащими въ гимназій лицами капитала стипендія въ размѣрѣ полной, установленной въ гимназій, годовой платы за одного ученика оной.

§ 2. Стипендіи присвоивается наименованіе: „стипендія въ память чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ при катастрофѣ 17-го октября 1888 года“.

§ 3. Стипендія обезпечивается собраннымъ по добровольной подпискѣ служащихъ въ гимназій лицъ капиталомъ въ восемьсотъ рублей, обращеннымъ въ 5¹/₂% государственныя свидѣтельства крестьянскаго поземельнаго банка.

§ 4. Означенный въ § 3 капиталъ хранится въ Варшавскомъ губернскомъ казначествѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Варшавской 4-й мужской гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, поступаютъ на плату за ученіе стипендіата.

§ 5. Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту

гимназіи и обусловливается какъ способностями ученика и его успѣхами въ наукахъ, такъ еще болѣе добрымъ и честнымъ характеромъ и вообще безукоризненнымъ поведеніемъ его.

§ 6. Назначеніе стипендіи производится каждое полугодіе одновременно съ освобожденіемъ учениковъ отъ платы за ученіе; объ удостоенномъ стипендіи ученикѣ каждый разъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе по всѣмъ классамъ гимназіи.

§ 7. Если, за выдачею стипендіи, образуется какой-либо остатокъ отъ ежегоднаго процентнаго дохода съ поименованнаго въ § 3 капитала, то остатокъ этотъ причисляется къ стипендіальному фонду.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

32. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени камердинера Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, въ чинѣ VIII класса, Сергѣя Ивановича Терентьева-Датскаго при С.-Петербургской 3-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На капиталъ въ три тысячи рублей, завѣщанный умершимъ камердинеромъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Александровича, Сергѣемъ Ивановичемъ Терентьевымъ-Датскимъ, учреждаются при С.-Петербургской 3-й гимназіи двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Означенный стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на выдачу двумъ недостаточнымъ ученикамъ гимназіи, при чемъ преимущество отдается дѣтамъ бѣдныхъ родителей, служившихъ въ придворномъ вѣдомствѣ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ душеприказчикамъ завѣщателя: полковнику А. Ф. Мѣшкову и коллежскому ассессору А. С. Иванову, а послѣ ихъ смерти педагогическому совѣту С.-Петербургской 3-й гимназіи.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала выдаются стипендіатамъ на покупку учебныхъ книгъ и пособій.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

33. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софіи Анисьиной при Вятской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 16-го іюня 1889 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ 3,000 руб., пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Ушковымъ, учреждаются при Вятской Маріинской женской гимназій стипендіи имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софіи Владиміровны Анисьиной.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ 5% билетахъ государственной желѣзнодорожной ренты, выпуска 1866 года, каждый билетъ по 1,000 руб., и безъ шести купоновъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, какъ ея неотъемлемая и неприкосновенная собственность.

§ 3. Изъ процентовъ стипендіальнаго капитала ежегодно, прежде всего, отдѣляется не менѣе пятидесяти рублей для причисленія къ основному капиталу, съ цѣлью увеличенія послѣдняго, въ виду могущаго быть съ теченіемъ времени повышенія размѣра платы за право ученія, а равно съ цѣлью предоставленія въ будущемъ одной или нѣсколькимъ стипендіатамъ полнаго содержанія на частной квартирѣ, или въ пансіонѣ при гимназій.

§ 4. Изъ процентовъ основнаго капитала, по ежегодномъ отчисленіи на увеличеніе онаго части, опредѣленной § 3 сего положенія, выдаются нуждающимся воспитанницамъ Вятской Маріинской женской гимназій пособія въ размѣрѣ, который опредѣляется каждый разъ постановленіями педагогическаго и попечительнаго совѣтовъ гимназій.

§ 5. вспомошествованія эти, до увеличенія основнаго капитала, на первое время заключались во взносѣ платы за ученіе и въ выдачѣ учебныхъ пособій, оказываются нуждающимся въ матеріальной помощи дѣтямъ служившихъ и служащихъ въ Вятской губерніи гражданскихъ чиновниковъ и военныхъ офицеровъ.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту гимназій съ одобренія Вятскаго губернатора. Изъ отчисленной въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ части процентовъ съ капитала на увеличеніе послѣдняго, когда образуется изъ этихъ отчисленій сумма, достаточная для приобрѣтенія 5% билета внутренняго съ выигрышами займа, то

имѣть быть приобрѣтенъ одинъ такой билетъ въ сто рублей нарицательной цѣны, на застрахованіе котораго отъ убытковъ противъ курсовой стоимости, при выходѣ въ тиражъ погашенія, расходъ производится на счетъ процентовъ основнаго капитала. Въ случаѣ выхода билета съ выигрышами займа въ тиражъ погашенія, попечительный совѣтъ женской гимназіи долженъ замѣнить вышедшій билетъ другимъ.

§ 7. Если на билетъ внутренняго съ выигрышами займа послѣдуетъ одинъ или нѣсколько выигрышей въ общемъ не свыше 5,000 рублей, то сумма эта причисляется къ основному неприкосновенному капиталу, а сумма свыше 5,000 руб. получаетъ особое назначеніе на нужды Вятской Марининской женской гимназіи, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

34. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи Общества вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ при Нижегородской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности 17-го октября 1888 года учреждается на пожертвованный Обществомъ вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ капиталъ въ одну тысячу двѣсти рублей при Нижегородской мужской гимназіи одна стипендія съ наименованіемъ: „стипендія Его Императорскаго Величества Императора Александра III и Августѣйшей Семьи“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ въ 1,200 рублей заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, приносящихъ не менѣе 5% годоваго дохода, и хранится въ Нижегородскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на взносъ платы за право ученія, въ продолженіе всего курса въ Нижегородской мужской гимназіи, за одного бѣднаго ученика, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ и поведенію. Могущіе же образоваться отъ процентовъ остатки выдаются стипендіату на учебныя пособія.

§ 4. Въ стипендіаты избирается общимъ собраніемъ дѣйствительныхъ членовъ Общества ученикъ, родители котораго состоятъ или

состояли членами Общества. При равныхъ условіяхъ нѣсколькихъ дѣтей, выборъ стипендіата рѣшается по жребію. Въ случаѣ же, если изъ дѣтей членовъ Общества не окажется ни одного ученика достойнаго по своимъ успѣхамъ и поведенію получить ту стипендію, выборъ принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій изъ общаго числа учащихся.

§ 5. Объ успѣхахъ и поведеніи ученика, пользующагося правомъ означенной стипендіи, педагогическій совѣтъ гимназій два раза въ годъ сообщаетъ въ правленіе Общества.

§ 6. Въ случаѣ закрытія общества, право избранія въ стипендіаты переходитъ къ педагогическому совѣту гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакого обязательства.

35. (24-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Евменія Филипповича Аристова при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты, получаемые съ собраннаго по открытой съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 23-й дѣнь февраля 1876 года, между учениками и почитателями покойнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Евменія Филипповича Аристова подпискѣ капитала, заключающагося въ государственныхъ пятипроцентныхъ бумагахъ, на сумму 10.000 рублей, учреждается при медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета стипендія имени заслуженнаго профессора Е. Ф. Аристова.

§ 2. Сумма процентовъ, получаемыхъ съ указаннаго въ § 1 основнаго капитала, а равно всѣхъ къ нему приращеній, обращающихся правленіемъ университета въ процентныя бумаги за вычетомъ 5% государственнаго налога, имѣеть своимъ назначеніемъ: а) выдачу стипендіату во время прохожденія университетскаго курса ежегодно по триста рублей на содержаніе и, кромѣ того, на взносъ платы за слушаніе лекцій въ пользу университета и въ гонораръ профессоровъ за обязательные предметы сколько будетъ слѣдовать; б) выдачу стипендіи тому же стипендіату по окончаніи имъ курса на указанныхъ ниже сего въ § 5 основаніяхъ.

§ 3. Стипендія профессора Аристова назначается лучшимъ студентамъ медицинскаго факультета, безупречнаго поведенія, пробывшимъ не менѣе года въ университетѣ, при соблюденіи ими правилъ о состязательныхъ на стипендіи и пособія испытаніяхъ, какъ при назначеніи и продолженіи стипендій, такъ и во время прохожденія стипендіатами учебнаго курса.

4. Выборъ кандидата на стипендію профессора Аристова представляется медицинскому факультету, причѣмъ при равныхъ успѣхахъ отдается предпочтеніе лицамъ русскаго происхожденія, преимущественно же тѣмъ, которые оказали отличные успѣхи по физиологической или патологической анатоміи. Объ избранномъ кандидатѣ факультетъ сообщаетъ правленію университета, а сіе послѣднее представляетъ попечителю учебнаго округа на общемъ основаніи.

§ 5. По представленію профессоровъ физиологической или патологической анатоміи, стипендія профессора Аристова можетъ быть выдаваема и по окончаніи стипендіатомъ курса не болѣе, впрочемъ, какъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, въ случаѣ если стипендіатъ изъявитъ желаніе продолжать занятія по вышепоименованнымъ предметамъ. Въ этомъ случаѣ медицинскій факультетъ чрезъ правленіе университета испрашиваетъ на продолженіе стипендіи особое разрѣшеніе попечителя учебнаго округа и устанавливаетъ особыя обязательныя правила для занятій стипендіата. При этомъ факультету, въ томъ случаѣ, когда окончившій курсъ стипендіатъ будетъ продолжать свое образованіе въ Каванскомъ университетѣ, или же стипендіату будетъ предстоять поѣздка для усовершенствованія въ другіе Россійскіе университеты или за границу, по особымъ о томъ ходатайствамъ профессоровъ физиологической или патологической анатоміи, представляется входить съ представленіемъ о разрѣшеніи на выдачу стипендіи въ усиленномъ размѣрѣ, указанномъ помянутыми профессорами, не выходя, однакоже, за предѣлы получаемыхъ съ капитала въ теченіе года процентовъ и тѣхъ сбереженій отъ процентовъ, которые накопились во время продолженія стипендіатомъ университетскаго курса.

§ 6. Студенты, получающіе настоящую стипендію, во время пользованія ею, именуется стипендіатами Е. Ф. Аристова и никакой обязательной службѣ за пользованіе стипендіей не подлежатъ.

§ 7. Всѣ сбереженія отъ процентовъ, не выданныя стипендіатамъ, а равно могущіе быть нѣвне вклады и пожертвованія на усиленіе средствъ стипендіи имени профессора Аристова, превращаются въ

процентныя бумаги, которыя и идутъ на приращеніе стипендіальнаго капитала впредь до увеличенія его до размѣра 20.000 рублей. По достиженіи этой цифры (20.000 руб.), сбереженія идутъ на образованіе капитала для новой стипендіи, которая также должна именоваться стипендіей Е. Ф. Аристова, имѣть то же назначеніе и выдаваться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и первая стипендія.

36. (29-го іюня 1889 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени тюменской 1-й гильдіи купеческой вдовы Ирины Григорьевой Воиновой при Тюменской женской прогимназіи.
(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго тюменскою 1-й гильдіи купеческою вдовой Ириной Григорьевой Воиновой, учреждается при Тюменской женской прогимназіи девять стипендій имени Ирины Григорьевны Воиновой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% банковыхъ билетахъ, хранится въ Тюменскомъ окружномъ казначействѣ, составляя собственность Тюменской женской прогимназіи.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону 20-го мая 1885 года обращенію въ доходъ казны, употребляются на уплату за право ученія избранныхъ стипендіатовъ изъ бѣдныхъ ученицъ Тюменской женской прогимназіи, отличающихся хорошими успѣхами и поведеніемъ, православнаго исповѣданія, безъ различія сословій.

Примѣчаніе. Въ случаѣ увеличенія платы за ученіе, число стипендіатовъ уменьшается.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту, а утвержденіе стипендій попечительному совѣту прогимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6. Въ случаѣ незамѣщенія стипендій проценты съ капитала употребляются по усмотрѣнію попечительнаго совѣта на нужды ученицъ прогимназіи.

§ 7. Въ случаѣ закрытія или преобразованія прогимназіи въ другое учебное заведеніе, городской думѣ предоставляется право употребить стипендіальный капиталъ для тѣхъ же цѣлей, которыя намѣчены жертвователъницей.

37. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гвардіи капитана Александра Федоровича Григоріуса при Рязанской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго умершимъ гвардіи капитаномъ Александромъ Федоровичемъ Григоріусомъ, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 г., учреждается при Рязанской гимназіи одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ двухъ билетахъ государственнаго банка, по тысячѣ рублей каждый, составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Выборъ и назначеніе стипендіата имени А. Ф. Григоріуса изъ бѣдныхъ воспитанниковъ гимназіи предоставляется правленію существующаго въ г. Рязани Общества, вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Рязанскихъ гимназіи и прогимназіи, а въ случаѣ прекращенія дѣйствій Общества педагогическому совѣту гимназіи, при чемъ однако стипендіей не могутъ пользоваться ученики, имѣющіе баллъ менѣе 4 за поведеніе.

§ 4. Могущій образоваться по чему-либо остатокъ отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала причисляется къ сему послѣднему, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

38. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской мужской гимназіи.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу двѣсти р., пожертвованнаго Маріей Карловной Сухановой, учреждается при Симферопольской мужской гимназіи стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Пожертвованный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ % бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность Симферопольской гимназіи, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначей-

ствѣ и не можетъ быть обращенъ на на какія другія нужды гимназій.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за право ученія за одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназій православнаго исповѣданія, по преимуществу изъ дѣтей чиновниковъ, при удовлетворительныхъ успѣхахъ, отличающагося отличнымъ поведеніемъ.

§ 4. Въ случаѣ, если образуется остатокъ, то таковой выдается стипендіату при окончаніи имъ полнаго курса гимназій.

§ 5. Право выбора стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

39. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени покойной вдовы крестьянина Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Толвуйской волости, деревни Масельгской Горы, Ольги Петровны Захарьевой, при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ учреждается стипендія имени крестьянской вдовы Ольги Петровны Захарьевой на счетъ процентовъ съ капитала въ двѣсти руб., завѣщаннаго ею съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ 5% бумагахъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ училища,

3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ части, подлежащей по закону къ поступленію въ казну, употребляются, согласно волѣ завѣщательницы, на взносъ платы за ученіе бѣдныхъ учениковъ означеннаго училища, дѣтей гражданъ города Повѣнца.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, а равно и прекращеніе выдачи стипендій, принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Въ случаѣ выхода составляющихъ стипендіальный капиталъ процентныхъ бумагъ въ тиражъ, педагогическій совѣтъ училища обязанъ озаботиться пріобрѣтеніемъ, взамѣнъ ихъ, новыхъ бумагъ того же достоинства.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіантовъ никакихъ обязательствъ.

40. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гофмейстера двора Его Величества тайнаго совѣтника Георгія Петровича Алексѣева, при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г., при Екатеринославской Маріинской женской гимназіи, учреждается стипендія имени бывшаго губернскаго предводителя дворянства гофмейстера двора Его Величества, тайнаго совѣтника Георгія Петровича Алексѣева, на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу пятьсотъ руб., отчисленнаго изъ пожертвованнаго дворянствомъ помянутой гимназіи капитала.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ восточнаго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названной гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, въ количествѣ 75 руб., за вычетомъ части подлежащей, по закону 20-го 1885 г., обращенію въ казну, употребляются на взносъ платы за право ученія избранной стипендіатки.

§ 4. Остатки, имѣющіе образоваться отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала, причисляются къ тому же капиталу, на случай увеличенія платы за право ученія.

§ 5. Право назначенія стипендіатки изъ воспитанницъ гимназіи предоставляется пожизненно тайному совѣтнику Георгію Петровичу Алексѣеву, а по смерти послѣдняго переходитъ къ попечительному совѣту гимназіи.

§ 6. Избранная стипендіатка сохраняетъ за собою право на пользованіе опредѣленною стипендіей во все время пребыванія ея въ названной гимназіи.

§ 7. Право на пользованіе стипендіей прекращается:

- а) по выѣздѣ стипендіатки изъ гимназіи, за окончаніемъ курса или по другимъ причинамъ;
- б) при исключеніи стипендіатки изъ гимназіи, по опредѣленію педагогическаго совѣта;
- в) по неудовлетворительности успѣховъ и поведенія стипендіатки;

но если малоуспѣшность стипендіатки произошла отъ болѣзни, или, если стипендіатка, по той же причинѣ осталась въ одномъ и томъ же классѣ на второй годъ, то отъ попечительнаго совѣта будетъ зависѣть продолжить или прекратить производство стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 9. Стипендія выдается въ два срока, по полугодіямъ, впередъ, въ началѣ учебнаго и въ началѣ гражданскаго годовъ.

41. (12-го іюня 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ исчисленіи по финансовымъ смѣтамъ расходовъ въ металлической валютѣ и о производствѣ заграничныхъ платежей.

Министръ финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ, призналъ нужнымъ установить нижеслѣдующія правила для исчисления по финансовымъ смѣтамъ расходовъ въ металлической валютѣ и для производства заграничныхъ платежей.

А. По кредитамъ на металлическіе расходы, исчисляемымъ по 3-хъ лѣтней сложности.

Для расчета кредитовъ на металлическіе расходы, опредѣляемыхъ по 3-хълѣтней сложности, берутся въ основаніе дѣйствительныя уплаты за 3 года металлическими рублями и выведенная, согласно 13-й статьѣ приложенія къ смѣтнымъ правиламъ, сумма перечисляется на кредитную валюту по смѣтному курсу, предположенному для того года, на который смѣта составляется.

Б. По заграничнымъ платежамъ векселями и кредитами.

1) Всѣ вѣдомства, имѣющія надобность произвести за границею расходъ, для котораго назначенъ по смѣтѣ кредитъ въ металлической валютѣ съ переложеніемъ на кредитные рубли по смѣтному курсу, выдаютъ на главное казначейство ассигновку на всю сумму, на этотъ расходъ по смѣтѣ назначенную, то-есть, на металлическіе рубли по переложеніи ихъ въ кредитные рубли по смѣтному курсу, и талонъ отъ ассигновки прилагаютъ къ посылаемымъ ими въ особенную канцелярію по кредитной части требованіямъ о покупкѣ векселей или кредитивовъ.

2) Если по смѣтѣ подлежащаго вѣдомства назначается особою статьею сумма на уплату банкирскихъ расходовъ, то къ суммѣ уплачиваемой по ассигновкѣ, прибавляется изъ сей статьи добавочная

плата на банкирскіе расходы въ размѣрѣ, на каждый рубль сими смѣтами опредѣленномъ.

3) Кредитная канцелярія высылаетъ въ подлежащее вѣдомство векселя или кредитивы со счетомъ иностраннаго отдѣленія, въ какомъ счетѣ показывается дѣйствительная, по современному курсу, стоимость посылаемыхъ документовъ, и получивъ по талону изъ главнаго казначейства деньги, вноситъ ихъ полностью на текущій свой счетъ въ государственномъ банкѣ.

4) По распоряженіямъ кредитной канцеляріи, посылаемымъ въ послѣдній день каждаго мѣсяца въ государственный банкъ, банкъ этотъ перечисляетъ съ текущаго счета кредитной канцеляріи на текущій счетъ департамента государственнаго казначейства, для обращенія въ доходъ казны, ту часть изъ полученныхъ отъ подлежащихъ вѣдомствъ денегъ, которая превышаетъ дѣйствительную стоимость выданныхъ векселей или кредитивовъ со включеніемъ банкирскихъ расходовъ. Основаніемъ для опредѣленія сихъ излишковъ служатъ выданные иностраннымъ отдѣленіемъ вышеуказанные счета.

5) Одновременно съ распоряженіемъ по банку (п. 4) кредитная канцелярія препровождаетъ въ департаментъ государственнаго казначейства, въ двухъ экземплярахъ, подробную вѣдомость о суммахъ, которыя поручено банку перечислить на текущій счетъ департамента. Одинъ изъ экземпляровъ этой же вѣдомости департаментъ сообщаетъ государственному контролю.

6) Если стоимость кредитивовъ превышаетъ смѣтное назначеніе, то министръ финансовъ, по докладу департамента государственнаго казначейства, испрашиваетъ Высочайшее разрѣшеніе на отнесеніе передержки на шестимилліонный фондъ, назначаемый на экстренныя надобности.

7) По расходамъ подобнаго рода, уже произведеннымъ разными вѣдомствами съ 1-го января 1889 года до времени введенія въ дѣйствіе настоящихъ правилъ, соблюдается слѣдующій порядокъ возврата въ казну излишковъ отъ смѣтныхъ ассигнованій на разницу въ курсѣ, оставшихся въ распоряженіи вѣдомствъ:

а) Кредитная канцелярія посылаетъ въ подлежащіа вѣдомства свѣдѣнія о всѣхъ затребованныхъ ими изъ сей канцеляріи, съ 1-го января 1889 года по день введенія въ дѣйствіе настоящихъ правилъ, векселей и кредитивовъ; и отъ сихъ вѣдомствъ будетъ зависѣть возвратъ въ казну разницы между суммою, ассигнованною по смѣтѣ и дѣйствительно израсходованною кредитною канцеляріею по каждому отдѣльному требованію.

б) По полученіи означенныхъ свѣдѣній, вѣдомства даютъ главному казначейству оборотныя ассигновки на подлежащія возврату въ казну суммы, для перечисленія ихъ изъ расходныхъ смѣтъ вѣдомствъ въ доходную смѣту департамента государственнаго казначейства.

в) Копіи съ упомянутыхъ въ пунктѣ а свѣдѣній кредитная канцелярія доставляетъ департаменту государственнаго казначейства, отъ котораго уже будетъ зависѣть наблюденіе за поступленіемъ денегъ въ казну и сообщеніе государственному контролю потребныхъ по сему предмету свѣдѣній.

В. По платежамъ золотою и серебряною банковою монетою.

1) Во всѣхъ случаяхъ производства расходовъ золотою и серебряною банковою монетою, ассигновки составляютъ на номинальную сумму металлическихъ рублей, подлежащихъ отпуску, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ассигновкѣ поручается казначейству уменьшить кредитъ на сумму, составляющую курсовую разность на отпускаемые металлические рубли по перечисленіи ихъ въ кредитную валюту по смѣтному курсу.

2) Главное, губерскія и уѣздныя казначейства, а также казенныя палаты выписываютъ въ расходъ номинальную сумму отпущенныхъ по ассигновкамъ распорядительныхъ управленій металлическихъ рублей, а на сумму, составляющую курсовую разность ихъ, лишь уменьшаютъ кредиты по своимъ бухгалтерскимъ книгамъ и счетамъ. Въ мѣсячныхъ отчетныхъ вѣдомостяхъ, посылаемыхъ въ контрольныя учрежденія, главное казначейство и казенныя палаты объясняютъ, по какимъ смѣтамъ и смѣтнымъ подраздѣленіямъ, на какія суммы и на основаніи какихъ именно ассигновокъ уменьшены кредиты для исключенія курсовой разности.

Увѣдомляя о семъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сообщить вышеизложенныя правила подвѣдомственнымъ вамъ учебнымъ заведеніямъ и учрежденіямъ, для свѣдѣнія и въ потребномъ случаѣ для руководства.

III. ПРИКАЗЫ УПРАВЛЯВШАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ТОВАРИЩА МИНИСТРА.

27-го іюня 1889 года. Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Некрасовъ — вновь деканомъ историко-филологиче-

скаго факультета сего университета, на четыре года, съ 1-го октября 1888 г.; ординарный профессор Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Ковалевскій — деканомъ медицинскаго факультета сего университета, на четыре года, съ 13-го іюня 1889 г.; экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, докторъ астрономіи и геодезіи, статскій совѣтникъ Глазенапъ, Московскаго, коллежскій совѣтникъ Виноградовъ, Варшавскаго: доктора медицины: коллежскіе ассесоры Тумасъ и Лукьяновъ и Харьковскаго: докторъ медицины, статскій совѣтникъ Дудукаловъ, докторъ русской словесности Сумцовъ и докторъ русской исторіи Багалъѣй — ординарными профессорами сихъ университетовъ по занимаемымъ ими кафедамъ: Глазенапъ — астрономіи, съ 24-го мая 1889 г., Виноградовъ — всеобщей исторіи, съ 10-го іюня 1889 г., Тумасъ — фармакологіи, Лукьяновъ — общей патологіи, оба съ 1-го мая 1889 г., Дудукаловъ — оперативной хирургіи и топографической анатоміи, съ 20-го мая 1889 г., Сумцовъ — русскаго языка и словесности и Багалъѣй — русской исторіи, оба съ 1-го іюня 1889 г.; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, надворный совѣтникъ Подрезъ — штатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ хирургической факультетской клиники, съ 20-го мая 1889 г.; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ чистой математики, коллежскій совѣтникъ Назимовъ — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ чистой математики, съ 21-го мая 1889 г.; исправляющій должность директора Уральской войсковой гимназіи, статскій совѣтникъ Федоровъ — въ сей должности, съ 15-го іюня 1889 г.; докторъ медицины, надворный совѣтникъ Шапиро и лѣкари Штиглицъ и Королько — ассистентами клиническаго института великой княгини Елены Павловны, съ 26-го мая 1889 года, первый — младшимъ, а второй и третій — сверхштатными.

Назначены: привать-доценты Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ фізіологіи Введенскій и докторъ зоологіи Шимкевичъ — экстраординарными профессорами сего университета по кафедамъ: первый — фізіологіи и послѣдній — зоологіи, оба съ 24-го мая 1889 г.; привать-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, магистръ фармаціи Лоначевскій-Петруняка — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи, съ 27-го мая 1889 года.

Перемѣщенъ: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета по кафедрѣ хирургической патологіи, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ Субботинъ—тѣмъ же званіемъ на кафедру хирургической госпитальной клиники, съ 20-го мая 1888 г.

Опредѣлены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: изъ отставныхъ надворный совѣтникъ Фабіанъ Дорліакъ—причисленнымъ къ министерству, съ 11-го іюня 1889 г.; докторъ римской словесности, статскій совѣтникъ Модестовъ—съ назначеніемъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ классической филологіи, съ 18-го мая 1889 г.

Оставлены на службѣ: директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, статскій совѣтникъ Дружининъ—по 1-е іюля 1890 г.; директоръ и профессоръ Харьковскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кирпичевъ—на пять лѣтъ, съ 19-го марта 1889 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зарубинъ и ординарный профессоръ сего университета, статскій совѣтникъ Морозовъ—по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, первый—съ 21-го апрѣля и второй—съ 24-го мая 1889 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Теофилактовъ—по выслугѣ 45 лѣтъ по учебной части, съ 30-го мая 1889 года.

Командированы, съ ученою цѣлью: ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радловъ—съ 1-го іюля по 15-е августа 1889 г., въ сѣверо-западныя губерніи Россіи; исправляющій должность хранителя ботаническаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета Смирновъ—на 4 мѣсяца и 25 дней, въ Самарскую и Саратовскую губерніи.

Продолженъ срокъ отпуска въ Россіи, директору Казанской 2 гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Имшенику—на 28 дней, сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1889 г., по болѣзни.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: на двадцать восемь дней: начальникъ Лодзинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Абрамовичъ; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Тропинъ и помощники дѣлопроизводителей сего департамента, коллежскій

секретарь Александръ Гергинъ и не имѣющій чина Григорій Гергинъ; на двадцать девять дней, бухгалтеръ департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Сафоновъ; на мѣсяцъ: начальникъ Сувалкской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Маркіановичъ; по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители: VI класса—статскій совѣтникъ Пяткинъ и VII класса—коллежскій совѣтникъ Зеленинъ; помощники дѣлопроизводителей: губернский секретарь Смирновъ и коллежскій регистраторъ Ивановъ и помощникъ журналиста коллежскій регистраторъ Янковскій; инспекторъ училищъ города Варшавы, коллежскій совѣтникъ Ивановъ и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ, губерній: Кіевской, Подольской и Волынской Калабановскій; съ 20-го іюня по 1-е августа 1889 года, директоръ Виленскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Дуровъ; съ 1-го іюля по 15-е августа 1889 года, директоръ Могилевской гимназіи, статскій совѣтникъ Адо; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Совѣтовъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Красносельцевъ; инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Цивильковъ и св. Владиміра—дѣйствительный статскій совѣтникъ Лагоріо; лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета Немировскій; инспекторъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ Смирновъ; директоры гимназій: С.-Петербургскихъ: 1-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Груздевъ, 3-й—тайный совѣтникъ Лемоніусъ, 5-й—статскій совѣтникъ Янко, 6-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Пустонскій, и 8-й—статскій совѣтникъ Моръ, Кронштадтской—статскій совѣтникъ Козеко; Вологодской—статскій совѣтникъ Исполатовъ, Витебской—статскій совѣтникъ Фелицынъ, Ковенской—статскій совѣтникъ Шокальскій, Кіевской 4-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайловъ, Житомирской—статскій совѣтникъ Омелянскій, Лубенской—статскій совѣтникъ Лазаренко, Саратовской—статскій совѣтникъ Боголюбовъ, Таганрогской—статскій совѣтникъ Нейкирхъ, Екатеринбургской—статскій совѣтникъ Сатурновъ, Троицкой—статскій совѣтникъ Тихомировъ; Киши-

невскихъ: 1-й — дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ и 2-й—статскій совѣтникъ Алаевъ, Мариупольской—Броницкій; Варшавскихъ: I—дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефановичъ, III—статскій совѣтникъ Соколовъ, и IV—статскій совѣтникъ Истоманъ; начальницы женскихъ гимназій: Петропавловской въ Москвѣ—Керберъ, Царицынской и Маринской—Колчина, содержимой г-жею Ульрихъ въ гор. Саратовѣ—Эмилиа Ульрихъ, Тифлисской, Великой Княгини Ольги Θεодоровны—Клаусъ и Бакинской Маринской—Лютеръ; директора прогимназій: Острожской—статскій совѣтникъ Горкуновъ и Аккерманской—статскій совѣтникъ Паховскій; директора реальныхъ училищъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Кривоносовъ, Костромскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Булгакъ и Муромскаго—статскій совѣтникъ Зегеръ, Полтавскаго—статскій совѣтникъ Водолагинъ, Кременчугскаго—статскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко, Сызранскаго—статскій совѣтникъ Адіасевичъ, Воронежскаго—статскій совѣтникъ Вяхиревъ, Бакинскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Каменскій и Влоцлавскаго—статскій совѣтникъ Агапитовъ; директоръ мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, статскій совѣтникъ Берндеръ; директора учительскихъ институтовъ: Глуховскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлявскій, Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ и Θεодосійскаго—коллежскій секретарь Снѣсаревъ; директора учительскихъ семинарій: Вольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Зимницкій и Новинской—коллежскій совѣтникъ Товаревскій и инспекторъ татарскаго отдѣленія Закавказской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Черняевскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 5 дней, директоръ Херсонской прогимназіи Супруненко; на два мѣсяца: дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія V класса — дѣйствительный статскій совѣтникъ Скоробогатый, VI класса — коллежскій совѣтникъ Талантовъ и надворный совѣтникъ Дебольскій; VII класса—надворный совѣтникъ Бѣликовъ и VIII класса— титулярный совѣтникъ Лобойковъ; причисленные въ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Радонежскій и не имѣющій чина князь Валентинъ Волконскій; окружный инспекторъ Киевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шульженко; директоръ коллегіи Павла Галагана въ Киевѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нечипоренко; ди-

ректоръ Несвижской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Николаевскій; директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ и правитель канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Пинаевъ; съ 18-го іюня по 20-е августа 1889 года, ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ Лавровскій; съ 10-го іюня по 16-е августа 1889 года, директоръ Нижегородской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Миротворцевъ; съ 7-го іюня по 15-е августа 1889 года, начальница Сарапульской женской гимназіи Крелленбергъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 14 дней, директоръ Новочеркаскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Пестовъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 18 дней: директоръ Николаевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Тарапыгинъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и 28 дней: директоръ гимназій: Курской — тайный совѣтникъ Жаворонковъ, С.-Петербургской Введенской — дѣйствительный статскій совѣтникъ Чистяковъ и Каменецъ-Подольской — статскій совѣтникъ Фирсовъ; на три мѣсяца, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Смирновъ; въ Россіи и за границу: съ 25-го іюня по 10-е августа 1889 года, регистраторъ Императорской публичной библіотеки, коллежскій совѣтникъ Миллеръ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: инспекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барсовъ и учитель Выборгскаго реальнаго училища Большегагаринскій; на четыре мѣсяца: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Мусселиусъ и не имѣющій чина Соболевскій, и за границу: на двадцать одинъ день лекторъ русскаго языка Императорскаго Варшавскаго университета Кулаковскій и директоръ народныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ Покровскій; на двадцать пять дней: ординаторъ Императорскаго Московскаго университета Млодзѣевскій; на двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Ельцинскій; на мѣсяць: помощникъ директора и профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Лабзинъ; съ 15-го іюня по 25-е іюля 1889 г.: исполняющій обязанности инспектора Вѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Павловскій; съ 11-го іюня по 6-е ав-

густа 1889 года: учитель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища, коллежскій совѣтникъ де-Мобежъ; съ 15-го іюня по 1-е августа 1889 года: учитель Сумской гимназіи Лащенко и учитель Динабургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Булле; съ 20-го іюня по 10-е августа 1889 года: секретарь совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Орловъ; съ 15-го іюня по 6-е августа 1889 года: учитель Бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Шмидтъ; на мѣсяць и двадцать семь дней: врачъ Рижскаго реальнаго училища Рудаковъ и учитель С.-Петербургскаго Рождественскаго городского училища, надворный совѣтникъ Дмитріевъ; съ 15-го іюня по 10-е августа 1889 года: инспекторъ народныхъ училищъ Новгородской губерніи, статскій совѣтникъ Сомчевскій; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года: ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Св. Владимира—дѣйствительный статскій совѣтникъ Пихно, Харьковскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Оболенскій, Казанскаго—Ивановскій и Сколовъ и Дерптскаго—статскіе совѣтники: Рауберъ и Дицель; экстраординарные профессеры Императорскаго Казанскаго университета: Студенскій и Разумовскій; лекторъ англійскаго языка Императорскаго Новороссійскаго университета Гердъ; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Московскаго—коллежскій совѣтникъ Поржевинскій и Новороссійскаго — Зелинскій, Вернеръ и Андрусовъ; приватъ-доцентъ сего университета Иловайскій; хранитель зоотомическаго кабинета того же университета Бучинскій; учитель верховой ѣзды Императорскаго Дерптскаго университета Блокъ; наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Шмидтъ; профессеры С.-Петербургскаго Практическаго Технологическаго института, статскій совѣтникъ Вылежинскій и коллежскій совѣтникъ Котурницкій; адъюнкты-профессоръ сего института, надворный совѣтникъ Денпъ; преподаватель того же института, инженеръ-технологъ Вороновъ; репетиторъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ Тумскій; экстраординарный профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Веселовскій; исправляющіе должность экстраординарныхъ профессоровъ сего института; статскій совѣтникъ Муркосъ и Халатянцъ; директоры гимназій: Тифлисской 1-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Марковъ и Ченстоховской мужской—статскій совѣтникъ Дахновичъ; исправляющій должность

инспектора сей гимназій, надворный совѣтникъ Геевскій; исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской 8-й гимназій, статскій совѣтникъ Фохтъ; законоучитель Кіевской 2-й гимназій, священникъ Коровицкій; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: Ларинской—Ростовцевъ, 5-й: статскій совѣтникъ Гопфронъ-де-Ляфоссъ и коллежскій совѣтникъ Нингеръ, и 6-й—Мижувъ, Смоленской: Гернъ и Дюперре, Ярославской—коллежскій совѣтникъ Морозовъ, Александровской Смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ, титулярный совѣтникъ Любимовъ, Кіевской 1-й Григоровичъ и статскій совѣтникъ Черкуновъ, Лубенской—Андерле, Курской—Блукетъ, Симферопольской—коллежскій совѣтникъ Маркевичъ, Минской—статскій совѣтникъ Смородскій, Слуцкой—статскій совѣтникъ Піеррель, Ставропольской—статскій совѣтникъ Миловичъ, Владикавказской—Вире, Варшавскихъ мужскихъ: 2-й—статскій совѣтникъ Полкотыцкій и 3-й: Уздовскій и Ходыревъ, Сѣдлецкой: Брамманъ и статскій совѣтникъ Шиманскій, Прагской мужской—Жааъ, Рижской городской: статскій совѣтникъ Гиргенсонъ и надворный совѣтникъ Боке, Гольдлингенской—надворный совѣтникъ Егеръ, Митавской—Шванбергъ, Ревельской губернской—коллежскій совѣтникъ Кирхгоферъ, воспитатель частной гимназій Видемана въ С.-Петербургѣ де-Ремакеръ; помощникъ воспитателя пансіона Тифлисской 1-й гимназій Сапаровъ, учителя женскихъ гимназій въ С.-Петербургѣ Покровской—Роговскій и частной г-жи Шаффе Образцовъ и Гревсъ и Рижской Ломоносовской Маршалъ; начальница Рижской Ломоносовской женской гимназій Глазюсъ; учительницы женскихъ гимназій: Рыбинской Маринской—Рейнгардтъ, Петропавловской въ Москвѣ: Стелла Ретгенъ и Эмма Ретгенъ, Харьковской 2-й—Верховская, Нѣжинской (П. И. Кушакевичъ)—Мержеевская, Одесской 2-й: Бродецкая и Шишковская и Варшавской I—Брендель; классныя надзирательницы женскихъ гимназій Донской Маринской—Протопопова и Шебаева, Одесскихъ: Маринской—Шишковская и 2-й—Булацель и Головкинская, Рижской Ломоносовской—Александрова и Петропавловской въ Москвѣ: Бурка и Отто; классная дама Ломжинской женской гимназій Небольсина; учителя прогимназій: Бѣлевской—Бюдо, Рославльской—надворный совѣтникъ Ласкинъ, Вобруйской: надворные совѣтники Созановичъ и Андерсенъ и Гиршфельдъ, Черкасской—Рябчевскій, Кутанской—статскій совѣтникъ Олиферовъ-Мануйловичъ и Варшавской II мужской: Редзюкинасъ и Лаинскій; начальницы женскихъ прогимназій

навій: Херсонской—Шипова и Лебединской—Блюмель, учительница сей прогимназіи Невельская; директоръ Ревельскаго реальнаго училища Оссе; учителя реальныхъ училищъ: частнаго Гуревича въ С.-Петербургѣ—Гольдштейнъ, Псковскаго Сергіевскаго—коллежскій совѣтникъ Соколовскій, Виленскаго—надворный совѣтникъ Покровскій, Динабургскаго—Шарфе, Кіевскаго—статскій совѣтникъ Чернушевичъ, Кременчугскаго—статскій совѣтникъ Сипко, Бѣлоцерковскаго: Лебединцевъ и Дюранъ, Ровенскаго: Гутковскій и Марксеръ, Сумскаго—Цыценко, Екатеринбургскаго Алексѣевскаго—коллежскій совѣтникъ Писаревъ, Херсонскаго—Шиповъ, Екатеринославскаго—Руссо, Одесскаго—Рябковъ, при евангелическо-лютеранской церкви, св. Павла въ Одессѣ—Жуковскій, Ревельскаго—баронъ Энгельгардтъ, Рижскаго городскаго—коллежскій совѣтникъ Меттигъ, Влодавскаго—коллежскій совѣтникъ Лишко и Варшавскаго: статскій совѣтникъ Клавель, коллежскій совѣтникъ Балекъ и Делакруа; инспекторъ мужскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла въ Москвѣ, статскій совѣтникъ Кохъ; учителя главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ Аккерманъ и Кохъ; учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ Нуссбаумъ; учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища: статскій совѣтникъ Маркевичъ и коллежскій совѣтникъ Шмидтъ; учителя Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ: Новицкій и Витковскій, учительница сего института Доманская; учителя учительскихъ институтовъ: С.-Петербургскаго—Семеновъ и Виленскаго—коллежскій совѣтникъ Бывалькевичъ; наставникъ Волчанской учительской семинаріи Поповъ, учитель Рижскаго политехническаго училища Верлинь и учитель Царскосельскаго городскаго училища Афанасьевъ; на время лѣтнаго вакаціоннаго времени 1889 года: врачи: Полтавской гимназіи—Вогацкій и Харьковскаго уѣднаго училища Петровскій; на лѣтнее вакаціонное время и по 1-е сентября 1889 года: учительница частной женской гимназіи г-жи Гедда въ С.-Петербургѣ Вилкеръ и надзирательница сей гимназіи Гротхусъ; на два мѣсяца: директоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, тайный совѣтникъ Ильинъ; бібліотекари Императорской публичной бібліотеки: тайный совѣтникъ Стасовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Феттерлейнъ; почетный попечитель реальнаго

училища при реформатской церкви въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фидлеръ; сверхштатный ассистентъ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь Саваневскій; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Харьковскаго университета Ильевъ; профессоръ Императорскаго Московскаго технического училища, статскій совѣтникъ Эшлиманъ; ассистентъ сего училища, губернской секретарь Румянцевъ; учитель Владимірской земской женской гимназій Зевинъ; учитель Θεодосійскаго учительскаго института, коллежскій совѣтникъ Лисенко; инспекторъ народныхъ училищъ Тифлисской губерніи, коллежскій ассессоръ Монастырцевъ; врачи гимназій: С.-Петербургской 8-й — Терещенко и Нарвской мужской — надворный совѣтникъ Андерсонъ и завѣдывающій Каховскимъ еврейскимъ начальнымъ училищемъ Шлифштейнъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и пятнадцать дней: учитель Курской гимназій, статскій совѣтникъ Брезоваръ; на два мѣсяца и десять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Данилевскій; на два съ половиною мѣсяца: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Скворцовъ; доцентъ Императорскаго Московскаго технического училища, губернской секретарь Худяковъ; учитель Виленской 2-й гимназій, надворный совѣтникъ Пуринъ-Звигуль и учитель Пришибскаго центрального училища, Мелитопольскаго уѣзда, Зилинскій; на два мѣсяца и двадцать дней, прозекторъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины Высоковичъ; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и двадцать пять дней, приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Федоровъ; на двадцать-восемь дней и лѣтнее вакаціонное время 1889 года, учитель Роменскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Каура; на лѣтнее вакаціонное время 1889 года и двадцать-восемь дней: приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета Режабекъ; учитель Варшавскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ Козіоровскій; старшій учитель Рижской городской гимназій, статскій совѣтникъ Гельмзингъ и учитель С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, статскій совѣтникъ Кизерицкій; на три мѣсяца и четырнадцать дней, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Введенскій; на три съ половиною мѣсяца, лекторъ французскаго языка Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣт-

никъ Пекюсъ; на 4 мѣсяца, почетный попечитель Курской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левковичъ.

Отчисленъ, согласно прошенію, отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству и откомандированный для занятій въ Императорскую Публичную Библіотеку, коллежскій ассесоръ Бейзе, съ 27-го мая 1889 года.

Уволены: заслуженный сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ Павловъ, согласно прошенію, отъ службы, съ 15-го іюня 1889 года; членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Григоровичъ, по болѣзни, отъ службы при сей комиссіи, съ 19-го іюня 1889 года.

Дозволено: бывшему помощнику попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику Сидорскому, носить въ отставку мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: попечителю Быстровецкой начальной школы, Псковской губерніи и уѣзда, дѣйствительному статскому совѣтнику Фанъ-деръ-Флигу — за пожертвованія въ пользу сей школы и вообще за содѣйствіе его въ дѣлѣ народнаго образованія въ Псковскомъ уѣздѣ; Сердобскому городскому головѣ Щеглову — за заботы его по дѣлу народнаго образованія.

Исключенъ изъ списковъ умершій: директоръ Вытегорской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Блюдухо.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. П. Дм. Брянцева. Вильна. 1889. Стр. XII+659. Цѣна 4 р.“ одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Метеорологія и климатологія. Составилъ Д. А. Лачиновъ, доцентъ Лѣснаго института. Съ 122 рисунками и 6-ю рас-

крашенными картами. Изданіе Ф. Павленкова. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. VII+332. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, и для фундаментальныхъ библіотекъ женскихъ гимназій, учительскихъ институтовъ и семинарій и шести-классныхъ городскихъ училищъ.

— Учебникъ: „Cours complet de langue française par A. Chalande's. Première année. St. Pétersbourg. 1885. pages 84 in 8°, Prix 35 cop. (Полный курсъ французскаго языка. Составилъ А. Шаландъ. Первый годъ. С.-Пб. 1885. Стр. 84 въ 8-ку. Цѣна 35 коп.)— допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній министерства, съ тѣмъ, чтобы авторъ озаботился при слѣдующемъ изданіи этой первой части учебника замѣченные въ ней недостатки исправить.

— Книгу: „I. Racine. I. Esther. Tragédie en trois actes et en vers.—II. Athalie. Tragédie en cinq actes et en vers. (Édition épurée). Выпускъ IV. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. С.-Пб. 1889. Стр. XVI+53+78+36. Цѣна 1 руб.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи французскаго языка для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей, преимущественно въ школьномъ возрастѣ. Лекціи, читанныя учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ Терской области врачомъ Владикавказскаго реальнаго и городского Николаевскаго училищъ Р. А. Кобылянскимъ. Владикавказъ. 1889. Стр. IV+101, въ 8-ку. Цѣна 50 коп.“—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Уходъ за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными, дѣтьми и первая помощь до прибытія врача. Составилъ Михаилъ Залуговскій, старшій врачъ 8-го гренадерскаго Московскаго полка, членъ Общества русскихъ врачей въ Москвѣ и др. Изданіе 4-е, дополненное. Съ 127 рисунками въ текстѣ. Тверь. 1889. Стр. 424 въ 8-ку. Цѣна 2 руб.“—рекомендовать для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книжку: „Десять посланій Квинта Горація Флака, избранныя и снабженныя примѣчаніями Георгіемъ Ланге, преподавателемъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 3-й гим-

нази. Москвы. 1888. Въ 8-ку стр. 72. Цѣна 50 коп.—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Extemporalla съ русскаго языка на латинскій для среднихъ и старшихъ классовъ гимназій составилъ И. Виноградовъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ку стр. XII+158. Цѣна 85 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для гимназій и прогимназій.

— Книгу: „Д. Шнелле. Сборникъ статей для перевода на греческій языкъ. Для старшихъ классовъ русскихъ гимназій обработалъ Е. Павликовскій, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназій. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. VIII+285. Цѣна 1 руб. 25 коп.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для употребленія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Nouvelle grammaire française à l'usage de la jeunesse russe, pour les classes moyennes et supérieures, par Alphonse Rancu. Lexicologie et Syntaxe. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. 234. Цѣна 1 руб. 15 коп.“—одобрить для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ и высшихъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Prascovie ou La jeune sibérienne (Параша Сибирячка), par Xavier de Maistre, съ примѣчаніями и словаремъ издалъ А. Алексѣевъ, преподаватель Царицынской Александровской гимназій. Выпускъ второй. С.-Пб. 1889. Въ 12-ю д. л. стр. 115. Цѣна 40 коп. съ пересылкой“—одобрить въ качествѣ пособия при преподаваніи французскаго языка въ среднихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Протоіерей І Наумовичъ. Бесѣды Степана Сторазумова о сельскомъ хозяйствѣ, Вып. I. Кіевъ, 1888. Въ 16-ю д. л. 64 стр., цѣна 15 коп.“—одобрить для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ и городскихъ народныхъ училищъ.

— Журналъ „Техникъ“ издаваемый въ Москвѣ подъ редакцію Г. Энгельмейера, одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ реальныхъ, коммерческихъ и промышленныхъ училищъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищем министра, постановлено:

— Книги А. Баранова: 1) „Наше Родное. Русскій и церковно-славянскій букварь и сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи, съ образцами для письма и матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Первый годъ обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. 7-е, значительно исправленное, изданіе. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 95 стр. Цѣна 30 коп.“; 2) „Наше Родное. Книга для класснаго и домашняго чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Второй годъ обученія. Сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи съ матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 142 стр. Цѣна 40 коп.“, и 3) „Наше Родное. Книга для класснаго и домашняго чтенія въ сельскихъ народныхъ школахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Третій годъ обученія. Сборникъ статей для упражненія въ русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи съ матеріаломъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 238 стр. Цѣна 60 коп.“ — одобрить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— Изданіе А. Д. Ступина: „Прописи и рисованіе по клѣткамъ, для городскихъ народныхъ училищъ. М. 1888. 16 стр. Цѣна 10 к.“ — допустить къ употребленію въ народныхъ школахъ.

— Книгу „Краткій еврейскій катихизисъ, съ прибавленіемъ важнѣйшихъ молитвъ для дѣтей и краткой священнои исторіи. Составилъ Б. Л. Сегаль. Изд. 12-е. Одесса. 1888. Въ 32-ю д. л., 68+81 стр. Цѣна въ переплетѣ 25 коп.“ — одобрить для употребленія въ еврейскихъ училищахъ.

— Книгу „Пространный еврейскій катихизисъ. Составилъ Б. Л. Сегаль. Изд. 3-е. Одесса. 1888. Въ 8-ку 133 стр. Цѣна 70 коп.“ — одобрить для употребленія въ качествѣ руководства при обученіи еврейскаго юношества законамъ вѣры.

— Книгу „Краткая исторія евреевъ до заключенія Талмуда, съ переводомъ еврейскаго текста на русскій языкъ. Составилъ Б. Л. Се-

галь. Изд. 6-е. Одесса. 1887. Въ м. 8-ю д. л., 78+78 стр. (цѣна не обозначена) — одобрить къ употребленію, въ видѣ руководства, въ еврейскихъ училищахъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ евреи обучаются закону своей вѣры.

— Книгу: „Полный курсъ исторіи Израильскаго народа отъ сотворенія міра до новѣйшихъ временъ. Въ двухъ частяхъ. Составилъ М. О. Немзеръ, преподаватель закона Божія Моисеевой вѣры въ московскихъ гимназіяхъ. Часть первая (отъ сотворенія міра до переселенія евреевъ въ Вавилонію). Вильна. 1888. Въ 8-ку 321 стр. (цѣна не обозначена)“ — одобрить, какъ учебное пособіе при преподаваніи закона Божія Моисеевой вѣры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Министерство народнаго просвѣщенія предложеніемъ на имя г. попечителя Виленскаго учебнаго округа разрѣшило увеличить размѣръ платы за ученіе, съ начала 1889—1890 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ Поневѣжскаго реальнаго училища съ 30 до сорока руб., а въ приготовительномъ классѣ до тридцати руб., въ годъ съ cadaго ученика.

— Г. министр народнаго просвѣщенія изволилъ признать возможнымъ допустить въ учительскія бібліотеки народныхъ училищъ составленную священникомъ Г. М. Дьяченко книгу: „Доброе слово. Книга для класснаго и внѣкласснаго чтенія“. Годъ I. М. 1888. Въ 8-ку 372 стр. Цѣна 60 коп.—Годъ II. М. 1888. Въ 8-ку 338 стр. Цѣна 60 коп.—Годъ III. М. 1888. Въ 8-ку 1033 стр. Цѣна 1 р. 60 коп.

— Новгородсѣверская женская прогимназія преобразуется въ гимназію съ открытіемъ при ней, съ начала 1889—1890 учебнаго года, 7-го класса.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 15-го мая сего года послѣдовало преобразование однокласснаго начальнаго училища на станціи Чусовой Уральской желѣзной дороги, Пермской губерніи, въ двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 122 учащихся.

О ДВѢНАДЦАТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Подробные разборы сочиненій, представленныхъ на соисканіе премій императора Петра Великаго въ 1889 году.

Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики.
Изданіе Льва Поливанова для семьи и школы. Пять томовъ. Москва.
1887—1888.

Почти одновременно съ изданіемъ всѣхъ сочиненій Пушкина (черезъ пятьдесятъ лѣтъ по его кончинѣ) вышло другое, хотя и уступающее первому въ полнотѣ, но за то представляющее особенныя достоинства. Трудился надъ нимъ Л. И. Поливановъ, извѣстный нѣсколькими учебными книгами по русскому языку и словесности, изданіемъ Избранныхъ сочиненій Державина и Карамзина, въ особенности же своею историко-литературною монографіей, изданной подъ псевдонимомъ Загаринъ: „Жуковский и его произведенія“. Вышеназванный новый трудъ, при появленіи первыхъ двухъ томовъ, обратилъ на себя общее вниманіе, вызвалъ не мало журнальных похвалъ, изъ коихъ наиболѣе замѣчательная принадлежитъ профессору К. Н. Бестужеву-Рюмину¹⁾, и одобренъ ученымъ комитетомъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Но полезность изданія не ограничивается

---

¹⁾ Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія 1888, январь.

одною сферою учащихся; оно представляет большой интерес и пособие и для совершеннѣтнихъ, желающихъ основательно ознакомиться съ содержаніемъ и значеніемъ твореній нашего гениальнаго поэта.

Прежде всего слѣдуетъ ознакомиться съ содержаніемъ и цѣлью изданія. Оно состоитъ изъ пяти томовъ: первый заключаетъ въ себѣ произведенія лирическаго, второй—эпическаго (поэмы, сказки, баллады, эпическаго пѣсни), третій—драматическаго; четвертый—Евгеній Онѣгинъ и повѣсти, пятый—прозаическаго сочиненія (критическаго и историко-литературнаго, историческаго, автобіографическаго, письма). Къ болѣе подробному изложенію содержанія мы обратимся впоследствии, при обзорѣ каждаго тома въ отдѣльности, а теперь остановимся на понятіи самого издателя о своемъ трудѣ: какою именно цѣль онъ предназначалъ ему?

Дешевыя изданія произведеній Пушкина не могли не порадовать публику, потому что они необходимо должны расширить кругъ читателей нашего поэта. „Это, конечно, важно“, говорятъ г. Поливановъ,—„но немаловажно и то, какъ будутъ читать его. Кому неизвѣстно, что большинство читателей нашего времени, какъ юноши, такъ и не юноши, обращаются къ Пушкину съ интересомъ крайне ограниченнымъ? Иной въ жизни великаго поэта заинтересованъ лишь исторіей его сердечныхъ привязанностей и увлеченій; другой, опуская всю поучительную повѣсть его самовоспитанія и поэтическаго роста, старательно выискиваетъ тѣ случаи его литературной дѣятельности, гдѣ она встрѣчалась съ препятствіями цензурнаго вѣдомства, или ограничиваетъ весь интересъ свой къ Пушкину, какъ къ лицу, не ладившему съ администраціей. Есть даже и такіе люди, которые изъ всей его жизни ничѣмъ не интересуются столько, какъ исторіей его дуэли“ (Предисловіе, стр. IV). Напрасно издатель остановился здѣсь, имѣя въ виду только полубразованную часть общества. Онъ могъ бы, по всей справедливости, перейти и къ части образованной или, по крайней мѣрѣ, долженствующей отличаться образованіемъ, именно къ цѣнителямъ поэтическаго творчества. Критика произведеній Пушкина, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, обнаружила удивительную неустойчивость и разнокалиберность. Она, какъ это видно изъ статей Писарева, ни во что ставила художественное достоинство и потому считала ихъ бесполезными; или усиливалась открыть въ нихъ другое значеніе, лежащее внѣ поэзіи, то-есть, определенное направленіе, тенденцію въ ту или другую сторону. Какъ

стародавній журнал Маякъ судилъ о Пушкинѣ съ точки зрѣнія нравственности, такъ, въ ближайшее къ намъ время, ставились на первый планъ его юношескія произведенія, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежать къ запретнымъ, а переходъ отъ нихъ къ болѣе серьезной дѣятельности считался уже пониженіемъ поэтическаго уровня. Понятно такое увлеченіе въ юншествахъ, когда, напримѣръ, студенты 20-хъ годовъ съ наивнымъ азартомъ декламировали „Оду на свободу“ или „Кинжалъ“; но въ извѣстный возрастъ забавно постановлять приговоръ о Пушкинѣ, какъ поэтѣ, на рѣшеніи вопросовъ: былъ ли онъ крѣпостникъ, или нѣтъ? шелъ ли онъ по слѣдамъ Радищева, или не шелъ? Впослѣдствіи самъ Пушкинъ отнесся отрицательно къ своему юношескому тщеславію: онъ сознался въ своей суетности, осудилъ свое стремленіе къ успѣхамъ въ свѣтѣ, къ хвалебной молвѣ и шумнымъ рукоплесканіямъ. Въ первой „Лицейской годовщинѣ“ (19-го октября 1825 г.), обращаясь къ Дельвигу и Кюхельбекеру, онъ говоритъ:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивнсе волненье мы познавъ;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизньъ, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты.....
Опомнися—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не вида тамъ....

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоять мѣр; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизньъ подъ снѣмъ уединенья.

Дополнимъ вышесказанное еще одною замѣткой. По случаю памятнаго Пушкину и пятидесятилѣтія со времени его кончины многое было говорено и писано о немъ, но въ сущности не сказано ничего новаго сравнительно съ отзывами критики прежнихъ лѣтъ. Иванъ Кирѣевскій и Вѣлинскій—вотъ, по моему мнѣнію, первые и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрные цѣнители поэта. Къ ихъ критикѣ надобно присоединить почтенные и по своей цѣнности выдающіеся труды П. В. Анненкова, М. Н. Каткова, Я. К. Грота, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова. Еще въ

1828 году, въ статьѣ Московскаго Вѣстника: „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“, Кирѣевскій, указавъ послѣдовательныя степени ея развитія, назвалъ третью—поэзіей русско-пушкинской, слѣдовательно ему, а не Ф. М. Достоевскому, принадлежитъ честь первенства въ опредѣленіи существеннаго ея свойства. Бѣлинскій, благодаря своему необычайно сильному эстетическому чувству, раскрылъ отличительную сущность творчества Пушкина, доказавъ, что онъ не просто поэтъ, но поэтъ-художникъ. Онъ же объяснилъ изумительную способность нашего гениальнаго поэта проникать въ многообразныя сферы жизни, отзываться на всякія душевныя состоянія людей, къ какой бы національности, званію, полу и возрасту ни принадлежали они. Въ стихотвореніи „Эхо“ онъ видѣлъ поэтическій образъ самого автора. Поэтому названіе „всечеловѣкъ“, отнесенное Достоевскимъ къ Пушкину, не есть новость. Что же касается до такъ-называемыхъ „скитальцевъ“ нашихъ, которыхъ видитъ Достоевскій въ Овѣгнѣ, Алеко и тому подобныхъ лицахъ, то и это—старина. Первичные славянофилы (Хомяковъ, К. Аксаковъ, И. Кирѣевскій) издавна смотрѣли на русскихъ европейцевъ, какъ на людей, оторвавшихся отъ своей отчизны, потерявшихъ родную почву, беспочвенныхъ. Поэтому А. Н. Пыпинъ въ сужденіи о нововышедшихъ трудахъ, имѣющихъ предметомъ жизнь и дѣятельность Пушкина, совершенно правдиво пришелъ къ заключенію, что вѣрное опредѣленіе художественной дѣятельности Пушкина принадлежало Бѣлинскому ¹⁾, и что (прибавлю отъ себя), послѣ Бѣлинскаго и другихъ указанныхъ мною лицъ, о Пушкинѣ не сказано ничего существенно новаго, а если и говорилось что-нибудь, то говорилось то же самое, только другими словами.

Школьное знакомство съ отечественною словесностію начиналось у насъ почти всегда еще при жизни извѣстныхъ ея главнѣйшихъ представителей. Каждая эпоха выставляла новыхъ дѣятелей на смѣну ихъ предшественниковъ или въ дополненіе къ нимъ. До Карамзина читались сочиненія Ломоносова, Сумарокова, Державина, фонъ-Визина, Хераскова. Въ періодъ Карамзина гимназическое преподаваніе русскаго языка сопровождалось не только чтеніемъ, но и заучиваніемъ наизусть многихъ произведеній какъ его самого, такъ и другихъ того же періода—Дмитріева, Крылова, Жуковскаго, Батюшкова. На долю Пушкина выпало иное: при жизни своей онъ былъ для юношества подъ запретомъ. Только по смерти его, въ началѣ сороковыхъ

¹⁾ *Вѣстникъ Европы* 1888, ноябрь.

годовъ, появились нѣкоторыя изъ его произведеній въ одной хрестоматіи, которая поэтому и подверглась опалѣ; изъ самихъ преподавателей родной литературы многіе сторонились поэта, считая его не имѣвшимъ права стоять на ряду съ другими давно извѣстными именами. Но хрестоматіи, какъ сборники, ограниченные въ своемъ составѣ извѣстными положеніями (напримѣръ, мѣрою заимствованія матеріала изъ чужаго литературнаго достоянія) не могли достаточнымъ образомъ знакомить учащихся съ Пушкинымъ. Только недавно открытъ къ нему полный доступъ, которымъ г. Поливановъ и воспользовался вполне удовлетворительно.

Цѣль изданія ознакомить съ существенной стороною жизни Пушкина—съ его поэтическимъ творчествомъ, съ которымъ и школа имѣетъ преимущественно дѣло (Предисловіе, IV). „Если другихъ первоначальныхъ писателей нашихъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ недостаточно читать въ ограниченныхъ отрывкахъ хрестоматіи“, говоритъ издатель,—„то такое чтеніе произведеній Пушкина нынѣ не могло бы найти никакихъ оправданій. Произведенія Пушкина должны стать настольною книгою всякаго русскаго юноши, претендующаго завершить свое среднее образованіе.... Непосредственное знакомство съ ними должно стать обычаемъ всякой порядочной школы. Читая иное въ классѣ, иное внѣ класса, учащійся долженъ знакомиться съ ними не въ отрывкахъ, а по возможности вполне“ (ib. V).

Содержаніемъ изданія служатъ тексты произведеній Пушкина въ надлежащей для указанной цѣли полнотѣ. „Въ немъ“, по замѣчанію издателя,—„сохранено все, что представляетъ художественный интересъ и заслуживаетъ общаго вниманія; такого, что было бы неумѣстнымъ для семьи и школы, у Пушкина оказалось весьма немного. Вотъ почему я не считъ возможнымъ, назвать свое изданіе избранными сочиненіями“ (VI). Но какъ бы оно ни называлось, выборъ исполненъ тщательно и осмотрительно, и вполне заслуживаетъ отзыва профессора К. Н. Бестужева-Рюмина: „Самая строгая мать семейства, самая строгая школа дадутъ новое изданіе въ руки дѣтямъ или воспитанникамъ“ ¹⁾. Нельзя сказать того же о нѣкоторыхъ изданіяхъ отдѣльныхъ произведеній Пушкина другими лицами; они не отличаются разборчивостью, такъ что считаютъ дозволеннымъ предлагать, напримѣръ, учащимся полный текстъ „Руслана и Людмилы“, безъ всякихъ исключеній.

---

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, январь, отдѣлъ критики и библиографіи.

Текст сопровождается обстоятельными комментаріями. Первый изъ нихъ историческій, объясняющій время и мѣсто написанія каждаго произведенія и тѣ измѣненія, которымъ оно подвергалось. Если произведеніе подражательное, то оно сличается съ тѣмъ образцомъ, который послужилъ Пушкину; если переводный — приводится самый текстъ подлинника; приводятся также и источники оригинальныхъ произведеній Пушкина. Отдѣльные произведенія, такъ объясненныя, связываются съ предшествующими; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы наглядно показать постепенный ходъ въ развитіи творчества поэта (VI—VII).

Второй комментарий—реальный, объясняющій лица и предметы или во вступительной замѣткѣ, или, большею частью, въ выноскахъ, сопровождающихъ самые тексты произведеній (VIII). Наконецъ, третій и самый важный комментарий — критическій или эстетическій, то-есть, оцѣнка произведеній Пушкина. Она исполнена сводомъ важнѣйшихъ критическихъ отзывовъ о каждомъ произведеніи. Эти отзывы расположены по большей части хронологически. Первое мѣсто отведено мнѣніямъ современниковъ Пушкина или его самого, если онъ высказалъ оцѣнку своего произведенія. Затѣмъ приводятся сужденія критиковъ позднѣйшаго времени ихъ подлинными словами. Такимъ образомъ читатель знакомится не только съ постепеннымъ развитіемъ таланта, но и съ постепеннымъ ходомъ оцѣнки нашего національнаго поэта. Эти выдержки изъ критикъ — не простая перепечатка ихъ отзывовъ, прибавляетъ г. Поливановъ. Онъ бралъ изъ этихъ отзывовъ лишь то, что преимущественно служитъ эстетическому комментарийю, чуждаясь публицистики и моралистическихъ трактатовъ, на которые такъ падки были критики и рецензенты, увлекавшіеся современными имъ вѣяніями. Другой, еще бѣльшій трудъ издателя состоялъ въ изслѣдованіи источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно тѣхъ образцовъ, которымъ онъ подражалъ или которые переводилъ. Онъ сличалъ подражанія Шенье, Байрону и древнимъ съ источниками; крупныя произведенія требовали пересмотра писателей, которые отразились на нихъ, и источниковъ, которыми нашъ поэтъ пользовался (см. объясненія Руслана и Людмилы, Кавказскаго плѣнника, Бахчисарайскаго фонтана, особенно же Подражаній Корану, Полтавы и Пѣсенъ западныхъ славянъ) (VIII—IX).

Изъ вышеизложеннаго достаточно ясно, что изданіе г. Поливанова, хотя и уступаетъ въ полнотѣ другимъ изданіямъ Пушкина, но за то

превосходитъ ихъ значеніемъ: цѣль послѣднихъ — преимущественно чтеніе произведеній нашего поэта; цѣль перваго — изученіе этихъ произведеній, обстоятельное ознакомленіе съ ихъ содержаніемъ, характеромъ и художественнымъ достоинствомъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію каждаго тома въ отдѣльности.

Лирическія стихотворенія, наполняющія первый томъ, объясняются въ связи съ жизнью поэта, почему комментарий къ нимъ не безъ основанія названъ „послѣдовательною біографіей Пушкина“ — разумѣется не въ точномъ значеніи этихъ словъ, а въ смыслѣ біографическаго матеріала. Кому не извѣстно, что лирика есть поэзія субъективная, выражающая внутренній міръ автора, служащая зеркаломъ его души? — Издатель раздѣлилъ содержаніе перваго тома на девять отдѣловъ, по внѣшнимъ обстоятельствамъ всей жизни поэта, въ такомъ порядкѣ: Лицейскія стихотворенія (1812—17), написанныя по выходѣ изъ лицея (1817—19), на югѣ Россіи (1820—24), въ Михайловскомъ (1824—26), по возвращеніи изъ Михайловскаго до поѣздки на Кавказъ (1826—29), Кавказскія (1829), по возвращеніи съ Кавказа до поѣздки въ Болдино (1829—30), Болдинскія (1830), послѣдняго періода жизни (1831—37). Дѣленіе это нѣсколько сходственно съ тѣмъ, какое принялъ П. В. Анненковъ въ своей книгѣ: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху (1799—1826)“. Здѣсь восемь главъ, обнимающихъ не полный вѣкъ поэта, а двадцатипятилѣтіе: До лицея (1799—1811), Лицей (1811—17), Большой свѣтъ (двѣ главы, 1817—20), На югѣ Россіи (двѣ главы, 1820—23 и 1823—24), Михайловское (двѣ главы, 1824—26). „Каждому отдѣлу“, говоритъ г. Поливановъ (VII), — „предпосылается сжатый очеркъ внѣшней жизни въ связи съ краткимъ обзоромъ литературной дѣятельности тѣхъ годовъ, которые къ этому отдѣлу относятся; затѣмъ во вступительныхъ замѣткахъ къ самимъ произведеніямъ вводятся тѣ подробности, которыя служатъ возможно близкому знакомству съ внутреннею жизнью поэта“. Представимъ примѣръ полноты и обстоятельности комментарія, сопровождающаго каждую изъ помѣщенныхъ піесъ. Выбираемъ для этого № 86: „Къ морю (1824)“ (стр. 153). Вотъ составъ его: 1) вступительная замѣтка, указывающая время, мѣсто сочиненія и тяжкія обстоятельства автора, мнѣнія Бѣлинскаго и Анненкова о піесѣ, подражаніе Байрону, влеченіе Пушкина къ англійскому поэту и къ другой личности — Наполеону, взглядъ его на освобожденіе Греціи, отзывъ Стоюнина о стихотвореніи, гдѣ оно впервые напечатано; 2) въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ — стихотворный переводъ тѣхъ мѣстъ изъ Чайльд-Гарольда,

которыя представляют нѣкоторое сходство съ тремя строфами „Ель морю“; 3) въ выноскахъ же—варианты, такъ какъ издатель свѣрлягъ текстъ съ старымъ изданіемъ Пушкина и частью съ рукописями. Укажу еще на объясненія, сопровождающія первую „Лицейскую Годовщину“ (19-го октября 1825, № 106, стр. 199) и стихотвореніе „Червь“ (1828, № 156, стр. 260). Однимъ словомъ, чтеніе комментарія не только важно и полезно для разъясненія поэтическаго творчества Пушкина, но онъ самъ по себѣ очень интересенъ, вопреки большинству комментарий, наводящихъ на читателей тягостную скуку.

Нѣкоторыя піесы напечатаны не вполнѣ, а съ выпусками, ради педагогическихъ побужденій; таковы: „Недвижный стражъ дремалъ“ (стр. 146, № 80), два „Посланія къ Цензору“ (стр. 169 и 171, № 90 и 91), и другія.

Нѣкоторыя піесы вызываютъ замѣчанія, которыя я и прилагаю.

Въ элегій: „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ (326), стихъ: „И жить хочу, чтобъ мыслить и страдать—принадлежить Байрону, въ драмѣ „Каинъ“. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Люциферъ (въ концѣ 2-го акта) обращается къ Каину съ такимъ совѣтомъ: „умѣйте (смертные) мыслить и страдать, и создайте, въ вашей душѣ, внутренній міръ, для борьбы съ міромъ вѣшнимъ.“

Относительно подражанія Пушкина Томасу Муру въ стихотвореніи „Эхо“ (стр. 354—355, № 213) справедливо было замѣчено въ Русскомъ Архивѣ на 1888 г. (книжка 8, стр. 500), что оно ни по мысли, ни по выраженію не представляетъ сходства съ піесой того же названія англійскаго поэта. Поэтому падатель напрасно ихъ сопоставляетъ.

Къ достоинствамъ стихотворенія „Бородинская Годовщина“ (стр. 356, № 215) слѣдовало бы присоединить и отношеніе поэта къ предмету, выраженное въ строфѣ 4-й:

Они (враги) народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Такимъ гуманнымъ чувствомъ не отличалась лира прежнихъ нашихъ пѣвцовъ. Державинъ, въ одѣ „На взятіе Варшавы“ рисуетъ такую картину:

Лежитъ взмѣнница (Варшава) и взоры,
Потуля, обращаетъ вергузь;

Терзають грудь ея укоры...
И се—днесь надъ сарматою плѣннымъ
Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.

Въ разборѣ этой оды Мерзляковъ замѣтилъ, что картина несогласна съ великодушiемъ русскаго народа, у котораго есть пословица: „лежачаго не бьютъ“.—И. Дмитриевъ въ началѣ своей оды: „Гласъ патриота на взятiе Варшавы“ обращается къ Польшѣ съ такою рѣчью:

Ходи съ поникшею главою;
Шатайся, рвись вокругъ селъ несчастныхъ,
Вкругъ древнихъ, горныхъ, падшихъ стѣнъ,
Въ терзавшихъ совѣсти ужасныхъ
И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ.

Замѣчательно, что кн. П. А. Вяземскiй съ сильнымъ негодованiемъ относился (въ 1831 г.) къ обоимъ стихотворенiямъ Пушкина (Клеветникамъ Россiи и Бородинская годовщина)¹⁾.

Второй томъ содержитъ въ себѣ произведенiя эпическiя. Первое мѣсто отведено „Руслану и Людмилѣ“. Комментарiй, сопровождающiй эту поэму, замѣчателенъ тѣмъ, что къ источникамъ, которыми авторъ ея больше или меньше пользовался, присоединенъ новый— „Волшебныя сказки“ Антуана Гамильтона (1646—1720). Подражанiя Ариосту, то-есть, его „Неистовому Орланду“, также указаны, съ приложенiемъ мѣстъ въ русскомъ переводѣ. Слѣдовало бы сказать и о третьемъ источникѣ, „Орлеанской Дѣвственницѣ“ Вольтера, влiяние котораго обнаруживается въ приступахъ къ той или другой пѣснѣ, образующихъ лирическiй элементъ повѣствованiя. И. В. Кирѣевскiй обратилъ на нихъ вниманiе, при второмъ изданiи Руслана и Людмилы (1828), отмѣчая притомъ и подражанiе Ариосту, почему въ Московскомъ Вѣстникѣ того же года, въ статьѣ: Нѣчто о характерѣ поэзи Пушкина“, первый перiодъ этой поэзи, заключающiй въ себѣ „Руслана и Людмилу“ и нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотворенiй, назвалъ перiодомъ италiанско-французскимъ.

Издатель вполне справедливо видитъ младенческое состоянiе тогдашней критики въ разборѣ поэмы, подписанномъ буквою В. (стр. 21), не выставляя полной фамилии: чегожь и добраго можно было ожидать отъ такой личности? Это—Воейковъ, Александръ Феодоровичъ, безспорно обладавшiй сатирическимъ талантомъ, но въ сужденiяхъ объ изящномъ выказывавшiй круглое невѣжество. Крыловъ назвалъ

¹⁾ Сочиненiя вв. Вяземскаго, т. IX.

означенный разборъ „тяжкимъ“; вѣрнѣе слѣдовало бы его назвать „пошлымъ“, такъ какъ онъ преимущественно наполненъ пустыми замѣтками о нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ и банальною характеристикою дѣйствующихъ лицъ, къ числу которыхъ причислена даже „мертвая голова“ на ратномъ полѣ.

Весьма интересны объясненія „Подражаній Корану“ (стр. 129). Они начинаются краткою замѣткой объ Алкоранѣ; затѣмъ слѣдуютъ отзывы Бѣлинскаго, обстоятельное сужденіе Н. Н. Стрхова и наконецъ текстъ каждаго подражанія въ отдѣльности съ предварительнымъ объясненіемъ и съ приложеніемъ подлинника (Корана) во французскомъ переводѣ Савари.—Поэма „Полтава“ также предшествуется и сопровождается обширными примѣчаніями. Можно пожалѣть, однакожь, почему не приведены, изъ современной ей критики, сужденія о двойственности поэмы. Статью о той же поэмѣ, напечатанную въ Вѣстникѣ Европы 1829 года и принадлежащую Надеждину, издатель назвалъ критическою слѣпотой, какаа часто отличаетъ современниковъ“. Впослѣдствіи, познакомивъ съ крайне невыгоднымъ мнѣніемъ того же лица объ Евгеніи Онѣгинѣ, онъ замѣчаетъ въ выноскѣ: „Вотъ какъ отзывался о Пушкинѣ одинъ изъ образованнѣйшихъ критиковъ!“ (т. 4, стр. 126). Дѣйствительно, сужденія Надеждина о Пушкинѣ заслуживаютъ названія дикихъ, чудовищныхъ. Приводимъ тому нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ 4-го тома: Сферу дѣятельности Пушкина критикъ ограничивалъ забавной болтовней, рисованіемъ картинокъ, но не картинъ (стр. 120); шестую главу Онѣгина находилъ хуже предыдущихъ и объяснял это пониженіе тѣмъ, что талантъ, безъ истиннаго образованія, очень скоро выдыхается; что хвалебные о немъ отзывы забросили его за облака и, не могли поддержать на такой высотѣ, уронили въ преисподнюю (123—124); единственно неподдѣльнымъ сокровищемъ поэта-художника критикъ считалъ стихотворческой талантъ; совѣтовалъ ему разбайрониться, съечь Годунова (!) и докончить Онѣгина; „ему“ (Пушкину), говорилъ онъ, — „не дано видѣть и изображать природу поэтически—съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія: онъ можетъ только мастерски выворачивать ее наизнанку“ (126). Такія нелѣпости—по моему взгляду—не могутъ быть объяснены единственно слѣпотой, которая, дѣйствительно, поражаетъ по преимуществу современниковъ. Къ этой возможной слѣпотѣ нужно присоединить и другія причины. Критика отражаетъ въ себѣ свойства ея производителя. Надеждинъ былъ несомнѣнно ученый и

многознающій человѣкъ, но онъ не получилъ отъ природы ни чувства, ни воображенія: какимъ образомъ, безъ этихъ способностей, могъ онъ правдиво судить о произведеніяхъ поэтическихъ, еслибъ и хотѣлъ быть правдивымъ? Его лекціи и сочиненія выказываютъ такъ-называемое краснорѣчіе, но какое? холодное, ровно текущее, нигдѣ не обнаруживающее духовнаго подъема, свойственнаго тому, кто одаренъ чутьемъ изящнаго, прирожденнымъ вкусомъ изящнаго. Къ этимъ недостаткамъ присоединилась и намѣренность дѣйствія. Критикъ преслѣдовалъ Пушкина и вмѣстѣ князя Вяземскаго въ угоду врага ихъ, издателя Вѣстника Европы, Каченовскаго, на плечахъ котораго (по его собственному выраженію) онъ вѣхалъ въ Московскій университетъ профессоромъ теорій изящныхъ искусствъ и археологіи.

Закончу обзоръ 2-го тома указаніемъ на комментарий къ „Пѣснямъ западныхъ славянъ“, переложенымъ изъ сборника Проспера Меримэ. Этотъ комментарий представляетъ любопытный и подробный очеркъ знакомства европейскаго общества и въ частности Пушкина съ славянскою поэзіей (241—250). Выбранныя пѣсни, числомъ 16, расположены въ трехъ отдѣлахъ: а) переводы изъ народныхъ пѣсенъ, б) переводы пѣсень Меримэ, которымъ Пушкинъ далъ форму пѣсенъ народныхъ, и в) переводъ пѣсень, получившихъ форму римованныхъ тоническихъ пѣсень.

Что же касается до объясненій Мѣднаго Всадника, то къ сожалѣнію, издатель не могъ дополнить ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ статей г. Спасовича: „Байронизмъ Пушкина“, помѣщенныхъ въ Вѣстникъ Европы за 1888 годъ, такъ какъ эти статьи явились послѣ изданія.

Съ наибольшою полнотою и тщаніемъ изложена литература двухъ капитальныхъ произведеній: Бориса Годунова (3-й томъ) и Евгенія Онегина (т. 4-й). Комментарии къ нимъ составляютъ цѣнный вкладъ въ науку, по словамъ профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, въ вышецитированной статьѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Представляемъ здѣсь выводы изъ его сужденій, относительно драмы: Издатель показываетъ вліаніе на Пушкина драматической теоріи Шлегеля и хроникъ Шекспира; объясняетъ несходство „Годунова“ съ этими хрониками и опредѣляетъ главную мысль нашей драмы; при разборѣ содержанія драмы, искусно выставлены значеніе въ ней народа, бояръ, самозванца; характеристики Бориса и Самозванца сдѣланы съ большимъ искусствомъ; заключеніе соотвѣтствуетъ

интересу анализа. Объ изслѣдованіи Поливановымъ „Евгенія Онѣгина“ критикъ отзывается такимъ образомъ: г. Поливановъ обстоятельно указавъ на сходство формы „Онѣгина“ съ формою Байроновыхъ поэмъ, замѣтилъ существенную особенность Пушкина, отличающую его отъ Байрона — равновѣсіе духа; на основаніи того, что въ рукописяхъ существуютъ стихи, написанные для „Онѣгина“ и перенесенные въ Цыганъ, заключилъ, что Алеко и Евгенийъ проистекли изъ одного источника; раскрылъ сложный процессъ созданія Евгенія; опредѣлилъ, на сколько этотъ герой романа является лицомъ дѣйствительнымъ, принадлежащимъ обществу того времени, и далъ очеркъ его личности; въ изображенія Татьяны мѣтко указалъ два начала, имѣвшія вліяніе на ея развитіе: европейскіе романы конца XVIII и начала XIX вв. и преданія русской старины.

Представивъ сжатое извлеченіе изъ прекрасной статьи г. Бестужева-Рюмина, сдѣлаю нѣсколько замѣтокъ, касающихся „Бориса Годунова“. Мнѣ кажется, въ числѣ мнѣній объ этомъ произведеніи напрасно дано мѣсто отзыву Плетнева (т. 3, стр. 114), ничего не говорящему, кромѣ общихъ мѣстъ. Съ другой стороны, напрасно не приложены, для сличенія, къ сценѣ появленія Курбскаго и Самозванца близъ русской границы (ib., стр. 228), соответствующія сцены изъ трагедіи Шиллера: „Дмитрій Самозванецъ“ и изъ драматической хроники Шекспира: „Генрихъ IV“. Не возможно отрицать того, что Пушкинъ имѣлъ ихъ въ виду: ужъ если издатель нашелъ сходство стихотворенія „Эхо“ нашего поэта съ стихотвореніемъ того же имени, Томаса Мура, то какъ не найти сходства между вышеуказанными мѣстами?—На стр. 120 (ib.) историческія воззрѣнія Бѣлинскаго, въ сужденіи о Годуновѣ, объясняются разрывомъ его съ московскими друзьями за ихъ временное сближеніе съ славянофильскимъ кружкомъ, и негодованіемъ за то, что въ Отечественныхъ Запискахъ на ряду съ сочувственнымъ отзывомъ о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго помѣщена была сочувственная рецензія диссертациі славянофила Самарина: „Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ“. Это — не такъ. Означенную рецензію написалъ П. Н. Кудрявцевъ, не состоявшій ни во временномъ, ни въ постоянномъ сближеніи съ славянофилами, но умѣвшій отдавать справедливость каждому. Онъ показалъ достоинство диссертациі Самарина, потому что она дѣйствительно выходила вонъ изъ ряда. Диспутъ по ея поводу былъ своего рода событіемъ въ Московскомъ университетѣ. Рецензентъ вовсе не имѣлъ надобности, при оцѣнѣ ученаго труда, справляться съ расположеніемъ

духа Бѣлинскаго. Что же касается Грановскаго, то онъ хотя и не раздѣлялъ ученія славянофиловъ, но былъ знакомъ съ ними и не избѣгалъ ихъ общества, какъ общества людей весьма почтенныхъ и многообразованныхъ.

Во вступительной замѣткѣ о „Сценѣ изъ Фауста“ (т. III, стр. 273) справедливо отдано предпочтеніе слѣдующему мнѣнію Бѣлинскаго, названному „близкимъ къ истинѣ“: „Фаустъ Пушкина не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, un homme blasé“. Въ самомъ дѣлѣ, скучаніе Фауста у Пушкина вовсе не похоже на чувство, одолевшащее настоящаго Фауста, какимъ онъ является у Гете. Еще страннѣе, что для утоленія своей скуки Фаустъ отдаетъ приказъ Мефистофелю утопить все на испанскомъ кораблѣ, готовившемся пристать къ берегамъ Голландіи: и людей, и грузъ. Мнѣніе Бѣлинскаго сформировано подъ влияніемъ друзей его: частію В. П. Боткина, частію И. С. Тургенева: оба они были очень свѣдущими въ нѣмецкой литературѣ. Пушкинъ, напротивъ, не отличался ея знаніемъ; онъ не читалъ къ ней сочувствія, да едва ли и зналъ хорошо нѣмецкій языкъ, такъ какъ въ періодъ его воспитанія и ученія гувернеры-нѣмцы были не въ модѣ: родители боялись, что грубый ихъ выговоръ повредитъ усвоенію чисто-парижскаго произношенія французскихъ словъ. Есть свидѣтельство, что Пушкинъ читалъ Шиллера во французскомъ переводѣ; по крайней мѣрѣ въ его произведеніяхъ не видно сочувствія ни лирѣ, ни драмѣ Шиллера. Иное дѣло—литературы французская и англійская: къ нимъ онъ часто обращался въ своей дѣятельности. Профессоръ Висковатовъ, въ своихъ лекціяхъ о Фаустѣ Гете ¹⁾ подтвердилъ мнѣніе Бѣлинскаго: „Пушкинъ не понялъ характера Фауста, который у него является скучающимъ старикомъ, доходящимъ отъ скуки до озлобленія. Пушкинскій Фаустъ отъ скуки приказываетъ потопить корабль съ людьми. Между тѣмъ Гетевскій Фаустъ—человѣкъ, вѣчно исполненный стремленій, не знаетъ скуки, а если и былъ знакомъ съ нею, то до такого озлобленія, чтобы губить людей, дойти не могъ; онъ, напротивъ, желаетъ помочь людямъ; всѣ его стремленія направлены къ благу и счастью ихъ; улучшение ихъ участи постоянно занимаетъ его“ ²⁾. Такимъ образомъ, „Сцена изъ Фауста“ является какъ бы нѣкото-

¹⁾ Двѣ лекціи (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1871, июль и сентябрь).

²⁾ *Иб.*, сентябрьская книжка, стр. 65.

рымъ ограниченіемъ положенія о дарѣ нашего поэта воспроизводитъ творчество чуждыхъ намъ художниковъ, своего рода возраженіемъ на его мастерство свободно усваивать отличительный характеръ каждаго изъ нихъ. Впрочемъ, это исключеніе, кажется, единственное; другихъ не имѣется.

Во вступительной замѣткѣ къ „Скупому Рыцарю“¹⁾ приведено мое указаніе на сходство монолога барона въ подвалѣ съ монологомъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа В. Скотта, но самый романъ не названъ. Это — „Пертская красавица“, а лицо—аптекарь Дуннингъ (Dwining), оправдывающій свою страсть къ скопленію денегъ тѣмъ, что источникъ ея—стремленіе къ власти, къ господству надъ людьми, которые поклоняются золоту.

Весьма интересны объясненія пьесы: „Пиръ во время чумы“ (т. III, 2 отдѣлъ драматическихъ сочиненій, стр. 79—93). Пьеса, эта заимствована Пушкинымъ изъ трехактной драматической поэмы англійскаго поэта Вильсона: „Чумной городъ“. Пушкинъ перевелъ только послѣднюю (4-ую) сцену перваго акта. Издатель изложил содержаніе всѣхъ трехъ актовъ, перевелъ указанную 4-ую сцену и сличилъ ее съ пьесой нашего поэта.

Къ отзыву Анненкова о Дубровскомъ (IV, 2-й отдѣлъ, стр. 175) слѣдовало бы прибавить его замѣчаніе, не помню гдѣ высказанное, что въ этой повѣсти впервые у Пушкина выступаетъ направленіе, или тенденція, обозначенная отвѣтомъ Дубровскаго кузнецу Архипу, который пришелъ съ топоромъ убить приказныхъ: „Послушай, Архипъ: оставь свои затѣи — не приказные виноваты“. Сцена смерти отца Дубровскаго при видѣ Троекурова, пріѣхавшаго съ нимъ помириться, напоминаетъ подобную сцену въ романѣ В. Скотта „Маннерингъ“. Здѣсь тоже одно изъ лицъ „Вертрамъ“, лишившійся всего имущества по кознямъ негодяя Глоссина и разбитый параличемъ, приходитъ въ изступленіе при видѣ своего злодѣя и умираетъ (гл. 13). Разница та, что при немъ дочь, а не сынъ.

По словамъ самого Пушкина, анекдотъ служившій основой Капитанской дочки, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ. Исходъ же ея, говорится въ объясненіи (стр. 240), сходенъ съ исходомъ повѣсти Ксавье де Местра: „La jeune Sibérienne“. Но нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ подражалъ, въ концѣ повѣсти, и роману В. Скотта: „Эдин-

¹⁾ Томъ 3, отдѣлъ III (Драматическія произведенія 1830 г.), стр. 8.

бургская темница¹⁾. Вѣлинскій сравнивалъ Савельича съ Калобомъ (въ романѣ В. Скотта „Ламермурская невѣста“). Сходство дѣйствительно есть, только родовое. Оба они типы дядекъ, радѣющихъ о здоровьѣ, чести и имуществѣ своихъ господъ, но одинъ изъ нихъ чисто-русскій слуга, а другой чисто-англійскій; между ними такое же различіе, какъ между двумя скунцами: Плюшкиннмъ и Гарпагономъ, или Гарпагономъ и Скупымъ рыцаремъ.

Пятый томъ достойнымъ образомъ завершаетъ капитальный трудъ г. Поливанова. Въ немъ помѣщены прозаическія статьи и письма Пушкина. Статьи, какъ выше сказано, дѣлятся на три отдѣла: критическія и историко-литературныя, историческія, автобіографическія; выдержки изъ писемъ, относящіяся къ критикѣ, литературѣ и автобіографіи, образуютъ четвертый отдѣлъ, затѣмъ слѣдуютъ дополненія и поправки. Какъ въ предыдущихъ томахъ, такъ и въ этомъ послѣднемъ предлагается юношеству все, способное интересовать его и дающее ему средство точнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ Пушкиннмъ. По отношенію къ такому гениальному поэту, какъ представителю народнои сущности и изобразителю родной природы, можно замѣтить, что излишекъ предлагаемаго извинительнѣе, чѣмъ недостатокъ: лучше нѣсколько чрезъ мѣру, чѣмъ въ скупой мѣрѣ. Никто, напримѣръ, не посѣтуетъ на издателя, что онъ въ послѣднемъ томѣ почти цѣликомъ помѣстилъ и „Исторію Пугачевского бунта“ и „Поездку въ Арверумъ“. Содержаніе этого тома (то-есть, тексты) по прежнему тщательно разъясняется подробными комментаріями. Во вступительныхъ замѣткахъ къ статьямъ читатель знакомится съ поводами къ ихъ появленію, съ перемѣнами, если онѣ подвергались таковымъ, съ ихъ содержаніемъ или отношеніемъ къ другимъ статьямъ подобнаго содержанія. Привожу нѣсколько примѣровъ: передъ текстомъ „о слогѣ“ сдѣланъ сводъ мнѣній Пушкина объ этомъ предметѣ стилистики (стр. 5—7); отзывъ „О предисловіи француза Лемонтѣ къ переводу басенъ Крылова“ пополняется изложеніемъ сущности этого предисловія (стр. 18); при сужденіи о драмѣ Погодина; „Марса Посадница“, помѣщены разборъ этой пьесы и выдержки изъ нея (стр. 94—107); тоже относится къ статьямъ о сочиненіяхъ Катенина (стр. 119) и о стихотвореніяхъ Теплякова: Фракійскія элегіи

---

¹⁾ Это подражаніе указано въ моихъ „Замѣткахъ о подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ“ (*Русск. Старина* 1888 г., книжка январская).

(стр. 209); изложено содержаніе трех повѣстей Н. Ф. Павлова (стр. 170); передъ отдѣломъ: „Статьи и замѣтки изъ Современника 1836 года“ говорится о журнальной дѣятельности Пушкина и представлено обзорѣніе всѣхъ четырехъ томовъ этого изданія за указанный годъ; иногда даются отрывки изъ тѣхъ сочиненій, которыя помещались въ Современникѣ и о которыхъ издатель его выражалъ свое мнѣніе. Въ комментарий при Исторіи Пугачевского бунта внесены: рецензіи Сенковского и Броневского, съ отвѣтомъ Пушкина послѣднему, примѣчанія Я. К. Грота и выдержки изъ новѣйшаго труда Н. Ѳ. Дубровина: „Пугачевъ и его сообщники“. Это сдѣлано въ виду того, что повѣствованіе Пушкина мѣстами заключаетъ фактическія неточности и для современнаго читателя требуетъ исправленія и дополненій.

Отдѣлъ „Писемъ“ также не оставленъ безъ объясненій: къ письму 15-му приложено стихотвореніе Плетнева (514—515), къ 24-му—стихотвореніе Баратынскаго: „Призваніе“ (522 — 523); къ 23-му — „Родина“ Плетнева (528); къ 26-му главные мысли изъ статьи кн. П. А. Вяземскаго: „Замѣчанія на краткое обзорѣніе русской литературы 1822 года (524); къ 37-му—изъ двухъ думъ Гдѣева: Иванъ Сусанинъ и Петръ I въ Острогжскѣ (534); къ 182-му — объясненіе характеристики Чаадаева и французскій подлинникъ его письма (537) и проч.

Въ концѣ моего мнѣнія замѣчу, что изложеніе собственныхъ взглядовъ и объясненій г. Поливанова отличается прекраснымъ языкомъ, вполне отвѣчающимъ предмету изданія. Словесное выраженіе, какъ элементъ внѣшній, то-есть, какъ форма мыслей, должно быть вѣрнымъ отраженіемъ внутренняго элемента, то-есть, мысленнаго матеріала: объ изящномъ и говорить надобно изящно.

Изъ всего, мною высказаннаго, я вывожу такое заключеніе: изданіе Сочиненій Пушкина для семьи и школы г. Поливанова, есть трудъ капитальный, заслуживающій стать на ряду съ изданіями сочиненій Державина (Я. К. Грота) и Батюшкова (Л. Н. Майкова), на основаніи чего и имѣю честь предложить ученому комитету удостоить издателя большой Петровской преміи.

II.

Профессоръ *М. Н. Петровъ*. Лекции по Всемирной исторіи, изданныя подъ редакціей профессора *В. К. Надлера*. Томъ первый. Исторія древняго міра, обработанная приватъ-доцентомъ *А. Деревичкимъ*. Харьковъ. 1888. Томъ второй. Исторія среднихъ вѣковъ, обработанная и дополненная профессоромъ *В. К. Надлеромъ*. Харьковъ. 1888. Томъ третій. Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ обработкѣ *В. П. Бузескула*. Харьковъ. 1888.

Въ общей оцѣнкѣ лекцій бывшаго харьковскаго профессора *Михаила Назарьевича Петрова*, послужившихъ основою для дѣлаго изданія, мы вполне согласны съ мнѣніемъ главнаго редактора, занимавшагося ихъ обработкою, профессора *Надлера*, и отчасти воспользуемся для характеристики ихъ его словами. Важно прежде всего то, что издаваемая лекція, когда онѣ будутъ dokonчены, то-есть, когда явится вторая половина новой исторіи, будутъ представлять единственную оригинальную русскую книгу, въ которой бы излагалась всемірная исторія въ ея дѣлности и въ строго научномъ духѣ, которая могла бы служить пособіемъ и руководящею нитью для студентовъ университетовъ, для преподавателей исторіи и вообще для любителей исторіи. Предлагаемый издателями курсъ всемірной исторіи написанъ русскимъ ученымъ и носить на себѣ явную печать своего происхожденія. Онъ не есть передѣлка какой-нибудь французской или нѣмецкой книжки, онъ не излагаетъ событія съ какой-нибудь чуждой намъ національной точки зрѣнія. На ряду съ исторіею европейскаго запада онъ отводитъ подобающее мѣсто исторіи народовъ славянскихъ и старается уяснить значеніе славянскаго элемента въ исторіи. Изъ той части курса, которая посвящена средневѣковой исторіи, читатель уже вынесетъ довольно ясное и опредѣленное понятіе о славянствѣ, какъ историко-этнографическомъ типѣ, о всемірно-исторической роли славянскаго племени, о тѣхъ принципахъ, которые легли въ основаніе исторической жизни славянскихъ народовъ и государствъ. Исторія славянскаго міра, отодвигаемая до сихъ поръ на второй планъ въ большинствѣ даже русскихъ учебниковъ, стоитъ у *М. Н. Петрова* на первомъ планѣ, излагается, пожалуй, даже съ большею подробностью нежели исторія романо-германскаго запада, и, что самое главное,—не стоитъ особнякомъ, приставленная съ боку, прицѣпленная чисто внѣшнимъ образомъ, а вводится органически въ изображеніе всеобщаго развитія человѣчества.

Покойный профессор Петровъ имѣлъ ясное и точно опредѣленное понятіе о задачахъ и цѣляхъ исторической науки. Онъ не думалъ, что такъ-называемая культурная или бытовая исторія должна стоять на первомъ планѣ въ ущербъ исторіи политической. Не увлекаясь модными теоріями и вѣяніями, онъ вмѣстѣ съ Ранке и другими значительными германскими историками полагалъ, что исторія должна прежде и больше всего слѣдить за политическимъ и общественнымъ развитіемъ, а также обязана имѣть въ виду интеллектуальное развитіе, но что она можетъ свободно предоставить археологій и древностямъ изслѣдованіе нравовъ и матеріальной обстановки жизни минувшихъ поколѣній. Въ силу этихъ общихъ воззрѣній автора, бытовая исторія занимаетъ въ его курсѣ лишь второстепенное значеніе. Все вниманіе сосредоточено на исторіи политической, на развитіи государственныхъ отношеній. О войнахъ лекторъ говорилъ лишь мимоходомъ, но онъ обращалъ должное вниманіе на религиозное развитіе и на умственную дѣятельность.

По свидѣтельству его учениковъ и преемниковъ, профессоръ Петровъ, съ честью занимавшій кафедру всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ въ теченіи тридцати-пяти лѣтъ, мало занимался спеціальными изслѣдованіями и почти всецѣло посвящалъ свои силы преподаванію исторической науки. Онъ читалъ общіе курсы по всѣмъ тремъ главнымъ отдѣламъ исторіи; за исключеніемъ средней исторіи, которая была имъ излагаема не болѣе двухъ разъ, остальные два или три курса были повторяемы изъ году въ годъ, при чемъ профессоръ каждый разъ дополнял и улучшалъ свою программу. Обладавъ высокимъ ораторскимъ даромъ и замѣчательнымъ искусствомъ изложенія, онъ былъ однако далекъ отъ погони за фразою и внѣшними эффектами, которыми пріобрѣтается дешевая и скоропреходящая популярность. Онъ всегда имѣлъ въ виду лишь интересы исторической науки, облекая ихъ притомъ въ изящную форму, не роняющую достоинства исторіи. Онъ неутомимо слѣдилъ за развитіемъ своей науки и въ читаемыхъ курсахъ тщательно взвѣшивалъ каждый фактъ, каждое слово, неустанно стараясь достигнуть высоты современнаго историческаго знанія. Лекціи его главнымъ образомъ стремились обнять и прослѣдить общій ходъ историческаго развитія, профессоръ хотѣлъ останавливаться только на дѣйствительно важномъ и существенномъ. Соответственно этому, напечатанные теперь курсы отличаются сжатостію, то-есть, удовлетворяютъ первому и основному требованію, какое слѣдуетъ предъявлять къ научному руко-

водству, къ книгѣ, долженствующей служить пособіемъ для студентовъ. Главное достоинство ихъ, которое особенно проявляется въ древней и новой исторіи есть систематичность, умѣнье выбрать изъ массы матеріала самое существенное и характерное, отбросить его, освѣтить смыслъ событій, выяснить ихъ связь. Весь объемъ изданія былъ первоначально рассчитанъ на шестьдесятъ листовъ и, по видимому, только немногимъ превзойдетъ эту норму въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе при чтеніи его легко убѣдиться, что на этихъ сравнительно немногихъ листахъ отведено мѣсто всѣмъ наиболѣе важнымъ явленіямъ, такъ что, вообще говоря, руководство, не смотря на краткость будетъ отличаться соотвѣтственно другому основному требованію отъ такого рода книгъ и надлежащею полнотою. Если можно въ этомъ отношеніи сдѣлать какія оговорки, то онѣ должны касаться развѣ только средней исторіи. Тисячелѣтнему періоду среднихъ вѣковъ удѣлено около 300 страницъ печати, и оттого изложеніе здѣсь имѣетъ иногда слишкомъ общій характеръ, не столько даетъ фактическій матеріалъ, сколько представляетъ историко-философскій очеркъ средней исторіи, слѣдя больше за связью событій и предполагая многое какъ бы извѣстнымъ слушателю. Новая исторія уже много подробнѣе. Покойный профессоръ полагалъ, и не безъ основанія, что курсъ новой исторіи долженъ отличаться большимъ объемомъ, такъ какъ и самая эпоха, составляющая предметъ его, заслуживаетъ болѣе тщательнаго и всесторонняго изученія уже вслѣдствіе своей близости къ нашему времени и важности ея для пониманія фактовъ современной исторической жизни.

Уже первоначальный составитель курсовъ имѣлъ обычай дѣлать указанія на источники и литературу предмета. Имѣя въ виду, что книга назначается преимущественно какъ руководящее пособіе для студентовъ и преподавателей среднеучебныхъ заведеній, редакторы при обработкѣ всѣхъ трехъ частей ея обратили особенное вниманіе на библиографическую сторону. Профессоръ Надлеръ, на долю котораго досталась средняя исторія, старался ориентировать читателя не только въ новой литературѣ, но и въ особенности въ источникахъ средневѣковой исторіи. Въ цѣломъ рядѣ очерковъ и отдѣльныхъ подстрочныхъ замѣчаній онъ не только указывалъ на важнѣйшихъ средневѣковыхъ авторовъ, но и далъ краткую характеристику какъ средневѣковой исторіографіи вообще, такъ и выдающихся ея произведеній въ частности. Что касается позднѣйшей литературы, то здѣсь приведены всѣ выдающіеся ученые труды, а сочиненія русскихъ уче-

ныхъ перечислены съ возможно большею подробностью. Объ этомъ въ свою очередь заботился и г. Деревяцкій, и особенно г. Бузескулъ, занимавшійся новою исторіей, то-есть, другою, съ точки зрѣнія условій конкурса, наиболѣе важною частью. Сдѣланныя съ очевидною компетентностію и сведенныя въ систематическія обзорѣнія, вообще довольно полныя указанія на источники и пособія могутъ сослужить хорошую службу какъ студентамъ-филологамъ, такъ и преподавателямъ гимназій. Жаль только, что въ средней исторіи усвоенъ былъ хотя и облегчающій, но могущій повести къ практическимъ затрудненіямъ приѣмъ—приводить имена авторовъ и заглавія иностранныхъ сочиненій только въ русскомъ переводѣ. Въ будущихъ изданіяхъ необходимо будетъ хотя въ концѣ приложить списокъ такихъ трудовъ съ подлинными ихъ заглавіями.

Вообще редакторы приложили всѣ старанія, чтобы сохранить достоинства первоначальной основы и удержать изложеніе на уровнѣ современнаго состоянія науки. Тамъ, гдѣ того требовали необходимость и польза дѣла, они вносили измѣненія и дополненія; такихъ поправокъ и дополненій въ концѣ концовъ накопилось довольно много; но виною тому было не желаніе расширить книгу подробностями, а единственно стараніе поставить изложеніе М. Н. Петрова на уровень современнаго историческаго знанія и удалить все устарѣлое и ошибочное. Не подлежитъ сомнѣнію, что они оказали весьма важную услугу какъ дѣлу университетскаго преподаванія, такъ и нашей среднеучебной школѣ.

III.

Учебникъ начальной географіи. Курсъ I. Первоначальныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Изданіе второе, исправленное. Кіевъ. 1886.—Курсъ II. Африка, Австралія, Америка и Азія въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Изданіе третье. Кіевъ. 1888.—Курсъ III. Страны Западной Европы. Кіевъ. 1886.

Разсматривая учебникъ, составленный г. Турчаковскимъ, прежде всего нельзя не замѣтить, что авторъ знакомъ съ новѣйшею нѣмецкою учебною литературою по географіи.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ преподаваніе географіи въ германскихъ школахъ значительно оживилось. За составленіе учебниковъ привялись такіе крупныя спеціалисты географіи, какъ профессора

Германъ Вагнеръ, Альфредъ Кирхгофъ, Зупанъ и другіе, и ихъ изданія стали вытѣснять изъ употребленія прежнихъ Даниелей и Пютцовъ; изложеніе географическихъ фактовъ въ ихъ причинной связи дало учебникамъ болѣе научный характеръ и избавило ихъ отъ упрека, что они составляютъ только сборники общепользныхъ, а иногда и просто мелочныхъ, свѣдѣній, и что изученіе географіи составляетъ дѣло одной памяти; географическій матеріалъ подвергся пересмотру, многое лишнее было выкинуто, много ошибокъ исправлено; учебники стали выходить съ картами, рисунками и картинками, съ обозначеніемъ профилей, съ указаніемъ правильнаго произношенія и значенія географическихъ именъ; введены метрическая система и Гринвичскій меридіанъ; стали издаваться стѣнные картины типическихъ мѣстностей (напр. Гельцеля), устраиваться при школахъ географическіе кабинеты; специально для учителей сталъ выходить съ 1879 г. небольшой географическій журналъ—*Zeitschrift für Schulgeographie*, который поставилъ себѣ цѣлью знакомить учителей въ сжатыхъ очеркахъ и извлеченіяхъ съ научными изданіями, имѣющими отношеніе къ географіи, съ новыми открытіями и изслѣдованіями, новыми статистическими данными; журналъ этотъ также помѣщаетъ у себя статьи для чтенія въ классѣ, статьи по методикѣ, словомъ много матеріаловъ, полезныхъ для учителей географіи, и все это въ очень небольшомъ объемѣ и за шесть марокъ въ годъ.

Г. Турчаковский, на сколько извѣстно, былъ первымъ изъ составителей учебниковъ, который обнаружилъ свое знакомство съ указаннымъ новымъ движеніемъ въ учебной литературѣ Германіи, въ изданномъ имъ въ 1883 г. курсѣ всеобщей географіи для 2-го класса. Знакомство это дало ему возможность значительно освѣжить географическій матеріалъ учебника путемъ исправленія ошибокъ и неточностей и оживить его изложеніе необходимыми пополненіями.

1) Нѣсколько ошибокъ, довольно крупныхъ, повторявшихся въ нашихъ учебникахъ географіи изъ года въ годъ, были имъ исправлены. Этимъ трудомъ г. Турчаковского воспользовался въ числѣ другихъ составителей учебниковъ и г. Смирновъ, учебникъ котораго былъ наиболѣе распространенъ у насъ до послѣдняго времени. Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ исправленій:

Въ прежнія времена Африку обыкновенно раздѣляли, по отношенію къ виду ея поверхности, на сѣверную—низменную и на южную—возвышенную. Невѣрность заключенія о преобладаніи низменности въ сѣверной Африкѣ сдѣлалась извѣстна еще со времени путе-

шестья Барта. Тѣмъ не менѣе г. Смирновъ въ каждомъ своемъ изданіи повторялъ все то же дѣленіе и исправилъ его только послѣ изданія труда г. Турчаковского.

Г. Турчаковскимъ исправлено опредѣленіе географическаго положенія нѣсколькихъ крайнихъ мысовъ частей свѣта, такъ, на примѣрѣ, вмѣсто мыса Баррова крайнею сѣвѣрною оконечностью сѣв. Америки названъ м. Мурчисонъ: г. же Смирновъ еще въ 1884 г. называлъ въ своемъ учебникѣ м. Барровъ, а г. Семеновъ называетъ его еще въ послѣднемъ своемъ 14-мъ изданіи 1886 г. Крайній сѣверный мысъ Азіи въ настоящее время принято называть Челюскинымъ, также какъ мысъ Восточный—Дежневымъ (послѣдній по предложенію Норденшильда), въ память извѣстныхъ русскихъ труженниковъ-моряковъ, участниковъ второй Беринговой экспедиціи. Не говоря уже о томъ, что названіе мыса Сѣверовосточнымъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному его положенію въ Азіи, названіе „Челюскинъ мысъ“ уже принято во всѣхъ нѣмецкихъ учебникахъ и на всѣхъ картахъ, и притомъ въ правильномъ правописаніи, тогда такъ нѣкоторые русскіе составители учебниковъ и картъ (Пуликовскій въ 1887 г., Гердъ, Ильинъ на картѣ сѣвѣрной Азіи) пишутъ Телушкинъ, коверкая такимъ образомъ имя русскаго моряка, заслугамъ котораго, наравнѣ съ другими участниками знаменитой экспедиціи, отдають честь такіе иностранные ученые какъ Пешель и Норденшильдъ ¹⁾. Произошла эта ошибка, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: составители нѣмецкихъ картъ, которые ранѣе русскихъ исправили очертаніе сѣверныхъ береговъ Сибири, на основаніи трудовъ второй Беринговой экспедиціи, остававшихся долгое время не разработанными и не нанесенными на карту, писали правильно Tscheluschkin; но вѣроятно, составителямъ русскихъ атласовъ и учебниковъ показалось подозрительнымъ такое названіе и они предположили, что нѣмецкіе картографы переверкали русское слово Телушкинъ. Г. Турчаковскій называетъ оба мыса правильно. Г. же Смирновъ до сихъ поръ, повидимому, сомнѣвается въ правильности прозвоншенія Челюскинъ, потому что въ послѣднемъ своемъ изданіи 1888 г. рядомъ съ этимъ именемъ ставитъ въ скобкахъ—Телушкинъ. Г. Смирновъ сдѣлалъ еще нѣсколько другихъ поправокъ по учебнику г. Турчаковского. Такъ, на примѣрѣ, у Турчаковского сказано (изд. 1884—1888 гг.): „Рѣки Японіи не

¹⁾ См. Сѣверовосточный мысъ; опись штурмана Челюскина въ 1742 г. въ IX части записокъ гидрографическаго департамента 1851 г.

судоходны^а; по Смирнову еще въ 1884 г. было много судоходныхъ рѣкъ въ Японіи, а въ 1887 г. оказалось, что „рѣкъ очень много, но онѣ не судоходны, потому что текутъ очень быстро“. Въ описаніи Японіи у него вообще цѣлыя фразы напоминаютъ учебникъ г. Турчаковскаго. Вѣроятно, также изъ послѣдняго г. Смирновъ заимствовалъ интересное свѣдѣніе, что въ г. Киото, въ числѣ многихъ буддѣйскихъ храмовъ, есть одинъ, „который украшенъ 333,333 статуями боговъ“ (въ изданіи 1884 г. этого свѣдѣнія не было); но г. Турчаковскій въ послѣднемъ изданіи благоразумно выпустилъ эту замѣтку. Готтентоты и бушмены въ первый разъ въ русскомъ учебникѣ были отнесены у г. Турчаковскаго къ расѣ, отдѣльной отъ негровъ.

Г. Турчаковскій даетъ въ своемъ учебникѣ отдѣльное описаніе Океаніи, что необходимо, такъ какъ она отличается отъ материка Австраліи по климату, флорѣ, фаунѣ и народонаселенію. Другіе составители учебниковъ въ настоящее время также описываютъ Океанію отдѣльно отъ Австраліи, въ томъ числѣ и г. Смирновъ, у котораго, однако, еще въ 1884 г., вслѣдствіе смѣшаннаго описанія Австраліи вмѣстѣ съ Океаніею встрѣчались, напримѣръ, такія несообразности, что на одной и той же страницѣ (82) стояли два противоположныя опредѣленія климата Австраліи: „Климатъ Австраліи по преимуществу морской и отличается большимъ разнообразіемъ“ (курсивомъ), и чрезъ нѣсколько строкъ ниже: „Вообще климатъ сухой“.

2) Нѣкоторыя отдѣльныя описанія въ учебникѣ г. Турчаковскаго отличаются живостью изложенія и интереснымъ подборомъ фактовъ; сюда относятся, напримѣръ, описанія быта дикарей, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ (стр. 8—10, 39—41, 48—51, 60—62); климата и растительности материка Австраліи (35—36), степи Карру (27), Монголіи (стр. 124: описаніемъ этимъ воспользовался г. Смирновъ на стр. 18), Голландіи.

3) Въ учебникѣ г. Турчаковскаго выпущены историческія замѣтки, которымъ мѣсто, по вѣрному замѣчанію автора, въ исторіи, а также мелочныя свѣдѣнія въ родѣ 333,333 идоловъ въ одномъ Японскомъ храмѣ или въ родѣ тѣхъ, которыя сообщаетъ г. Смирновъ, напримѣръ, о страсбургскихъ пирогахъ и часахъ ¹⁾.

---

¹⁾ Впрочемъ у г. Смирнова такого рода сообщенія также исчезаютъ мало по малу; такъ въ изд. 1888 г. уже ничего не говорится о статуѣ Геркулеса въ Касселѣ; еще раньше исчезло свѣдѣніе о томъ, что въ Мейсенѣ „сдѣлано первое сортепіано“.

4) Учебникъ г. Турчаковскаго улучшается въ новыхъ изданіяхъ. Курсъ II-го класса, вышедшій въ 1884 г. вторымъ и въ 1888 г. третьимъ изданіемъ, подвергся оба раза серьезной переработкѣ. Авторъ исполнилъ обѣщаніе, данное имъ въ первомъ изданіи „съ признательностію принять указанія критики“. Многія мѣста книги значительно сокращены, многія написаны вновь, языкъ упрощенъ. Выпущены многія длинноты въ описаніяхъ и много лишнихъ географическихъ названій.

Какъ на примѣры значительныхъ сокращеній, укажемъ на описанія:—государствъ южной и средней Америки, растительности сѣв. Америки (изъ 40 строкъ втораго изданія—18 въ третьемъ), Восточнаго Туркестана, Занзибара.

Насколько курсъ II-го класса, изданный въ 1883 г., подвергался въ послѣдующихъ изданіяхъ сокращеніямъ, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

	А ф р и к а.		Австралія.		Америка.		А з і я.	
	стран.	назв.	стран.	назв.	стран.	назн.	стр.	назв.
въ 1-мъ изд.	46	болѣе 190;	23	72;	62	220;	42	около 280
„ 2-мъ „	37	около 170;	26	70;	49	около 190;	43	250
„ 3-мъ „	32	146;	21	68;	38	167;	38	260

Тѣмъ не менѣе изложеніе г. Турчаковскаго требуетъ все еще значительныхъ исправленій, и въ особенности въ курсѣ 1-го класса. Изложеніе г. Турчаковскаго никакъ нельзя назвать сжатымъ; между тѣмъ краткость изложенія составляетъ весьма важное достоинство учебника, не отнимая у ученика много времени для прочтенія урока и заставляя его вдумываться въ прочитанное. Рѣчь у г. Турчаковскаго живая, и въ сухости изложенія его ни въ какомъ случаѣ упрекнуть нельзя; мѣстами его изложеніе отличается краснорѣчіемъ и даже картинностію, необычными вообще въ учебникахъ; такъ, на примѣръ, описывая окрестности Андовъ въ Аргентинѣ, онъ говоритъ: „Роскошные луга чередуются здѣсь съ превосходными дубовыми и кедровыми лѣсами, а позади ихъ, въ туманной дали, бѣлѣютъ вершины Андовъ, отражающіяся въ зеркальной поверхности красивыхъ горныхъ озеръ“ (II, стр. 68). По поводу Мангрововыхъ лѣсовъ авторъ пишетъ: „Ящуръ-чешуйникъ грѣется на краю болота, пока испуганный шумомъ не бултыхнется въ воду“. Но иногда г. Турчаковскій обнаруживаетъ свое пристрастіе къ высокому слогу въ ущербъ ясности

изложенія для учениковъ младшаго возраста. Такъ, напримѣръ, въ курсѣ 1-го класса онъ называетъ небесныя тѣла мірами, которыя восходятъ и заходятъ (стр. 15). Часто употребляетъ выраженіе „наша планета“, вмѣсто того, чтобы просто сказать земной шаръ, земли; „Гренландія—первый по величинѣ островъ нашей планеты“ (II, стр. 75); „Лабрадоръ принадлежитъ къ числу очень холодныхъ областей нашей планеты“ (II, стр. 77; см. также стр. 57); „могучія горы нашей планеты“ (въ курсѣ 1-го класса)! Погоня за красивою фразою кажется всего менѣе у мѣста въ учебникѣ.—Слово цивилизація, попадавшееся довольно часто въ первомъ изданіи II курса, было изгнано во 2-мъ изданіи, въ предисловіи къ которому авторъ заявилъ, что языкъ его упрощенъ. Намъ кажется, что и послѣ 3-го изданія (1888 г.) все еще требуется значительное упрощеніе изложенія. Такъ, напримѣръ, авторъ очень любитъ выраженія: „зачатки образованности, зачатки просвѣщенія, зачатки европейской жизни (см. II, стр. 25, 51, три раза на одной страницѣ, 80, 98). Иногда красивое выраженіе у г. Турчаковского ничего не означаетъ, такъ какъ ограничивается однимъ словомъ. Напримѣръ: „прелестный островъ Тасманія“ (44), „великолѣпное озеро Цана“ (15): почему онъ прелестенъ и озеро великолѣпно, остается неизвѣстнымъ ученикамъ. Такія красивыя выраженія, обыкновенно чисто риторическія, довольно часто попадаютъ у г. Турчаковского. Такъ, напримѣръ, на стр. 100, II-го же курса: „панцирные фрегаты лѣтливо покачиваются на рейдахъ“. Между прочимъ и со словомъ „цивилизация“ въ курсѣ II класса, авторъ все еще не можетъ окончательно разстаться; такъ онъ говоритъ на стр. 28: „кочевники распространяли бѣдствія по всему цивилизованному міру“ и на стр. 119: „въ послѣднее время китайцы начали вводить у себя нѣкоторыя новшества европейской цивилизаціи“.

Лучшимъ языкомъ написанъ курсъ III класса; изложеніе автора здѣсь логично и серьезно и не щеголяетъ риторическими украшеніями.

Дурную сторону этой части учебника составляетъ только не всегда удачное подраздѣленіе государствъ по ихъ естественнымъ областямъ. Г. Турчаковскій слѣдуетъ въ такомъ порядкѣ изложенія примѣру Штуцера и нѣмецкихъ учебниковъ ¹⁾. Административное дѣленіе государствъ авторъ совершенно устранилъ, пояснивъ въ своемъ предисловіи, что поступилъ такъ потому, что, по его мнѣнію, перечень

---

¹⁾ Г. Смирновъ въ послѣднихъ изданіяхъ слѣдовалъ за другими.

административныхъ и политическихъ составныхъ частей западно-европейскихъ государствъ есть элементъ, не поддающийся усиленнымъ дѣтской памяти. Почему группировка по естественнымъ областямъ или такъ-называемымъ „ландшафтамъ“ (удовлетворимъ пристрастіе г. Турчаковскаго къ иностраннымъ терминамъ), въ особенности если такая группировка сдѣлана мелочно, почему она представитъ элементъ, менѣе трудный для памяти учениковъ? Почему подраздѣленіе Франціи на 9 областей, въ числѣ которыхъ ставится отдѣльно низменность р. Шаранты съ однимъ г. Коньякомъ, легче для запоминанія, чѣмъ старинное раздѣленіе Франціи на историческія области, все еще живущія въ памяти народовъ, для насъ это остается неяснымъ. Во всякомъ случаѣ думаемъ, что при раздѣленіи страны на ея естественныя области, которое должно быть сдѣлано во всякомъ случаѣ въ самыхъ крупныхъ чертахъ, не должно быть забыто политическое раздѣленіе страны. Почему ученикъ можетъ не знать о составѣ и отношеніяхъ двухъ почти самостоятельныхъ частей Австро-Венгрии, когда уже одно названіе ея должно обратить на себя его вниманіе? Авторъ хочетъ предоставить ознакомленіе учениковъ съ политическимъ и административнымъ дѣленіями учителю исторіи, но въ какомъ же классѣ сообщить учитель исторіи о дѣленіи Австро-Венгрии, послѣдовавшей только послѣ Пражскаго мира 1866 г. Изъ учебника г. Турчаковскаго ученикъ узнаетъ, что Германская имперія состоитъ изъ 25 какихъ-то государствъ; но о существованіи королевствъ Баваріи, Саксоніи и Виртемберга, онъ узнаетъ только случайно при упоминаніи ихъ столицъ. Ему нужно будетъ еще разбираться въ городахъ, такъ какъ въ обзорѣ Германіи по ландшафтамъ Штутгартъ стоитъ рядомъ съ Нюрнбергомъ, а Лейпцигъ рядомъ съ Галле.

Къ сожалѣнію, курсъ 1-го класса, то-есть, та часть учебника, которая требуетъ наибольшаго вниманія со стороны автора, страдаетъ часто спутанностію и неясностію. Правда, что автору представляются здѣсь и наибольшія трудности. Начальныя свѣдѣнія изъ космографіи, помѣщаемыя въ курсѣ 1-го класса, представляютъ всегда для учениковъ большой камень преткновенія, и до сихъ поръ мы еще не встрѣчали ни въ одномъ учебникѣ географіи достаточно яснаго ихъ изложенія. Благоразумно во всякомъ случаѣ поступаютъ тѣ составители учебниковъ, которые на первыхъ страницахъ книги излагаютъ только ученіе о вращеніи земли около оси, о движеніи же земли вокругъ солнца говорятъ во второй половинѣ курса, излагая это

ученіе вмѣстѣ съ ученіемъ о климатѣ. При такомъ порядкѣ вопервыхъ, одна изъ наиболѣ трудныхъ частей курса излагается позднѣе, примѣрно во второй половинѣ учебнаго года, и ученіе о перемѣнѣ времени года излагается въ связи съ ученіемъ о климатѣ, разновидности котораго, по отношенію къ степени его теплоты, зависятъ именно отъ косвеннаго положенія земной оси, при движеніи земли вокругъ солнца. Нашъ авторъ не только излагаетъ оба движенія земли въ самомъ началѣ курса, но еще особенно затѣмняетъ свое изложеніе тѣмъ, что говоритъ одновременно о дѣйствительномъ движеніи земли и о кажущемся движеніи солнца. Изложеніе выходитъ вслѣдствіе этого чрезвычайно неяснымъ и запутаннымъ. Такъ, онъ говоритъ: „Вслѣдствіе такого положенія оси земли, при движеніи ея вокругъ солнца, намъ кажется, что дневной путь солнца въ теченіе одного полугодія отклоняется къ сѣверу, а въ теченіе другаго полугодія къ югу (стр. 10). Въ своемъ кажущемся годовомъ движеніи солнце никогда не переходитъ за предѣлы пояса, простирающагося вокругъ земли на разстояніи $23\frac{1}{2}^{\circ}$ къ С. и къ Ю. отъ экватора“. Далѣе авторъ распространяется о длинѣ дневныхъ дугъ солнца въ различныя времена года. Еще далѣе говоритъ, что солнце полгода „восходитъ и заходитъ надъ сѣвернымъ полушаріемъ“ и другіе полгода „восходитъ и заходитъ надъ южнымъ полушаріемъ“ (стр. 11). Еще менѣе можетъ быть понято учениками перваго класса явленіе приливовъ и отливовъ въ объясненіи г. Турчаковскаго. Въ курсѣ географіи 1-го класса мы встрѣчаемся съ такими научными данными, ясное пониманіе которыхъ дѣтьми не возможно; сюда отнесится, напримѣръ, законъ тяготѣнія. Въ этихъ случаяхъ благоразумнѣе поступаютъ тѣ, которые только указываютъ явленіе, если ужъ никакъ нельзя обойти его молчаніемъ, и описываютъ его безъ объясненія причинъ, на вѣру; такъ поступилъ и г. Турчаковскій съ приливами и отливами, въ 1-мъ изданіи своего курса, но во 2-мъ онъ пускается въ объясненіе приливовъ и отливовъ по чертежу и хотя начинается словами „чтобы ясно понять“, но, конечно, не даетъ дѣтямъ даже и смутнаго понятія о явленіи. Вообще г. Турчаковскій часто не соразмѣряетъ выборъ учебнаго матеріала и его изложеніе со степенью умственныхъ силъ учениковъ 1-го класса. Говоря о морскихъ теченіяхъ, нашъ авторъ ограничивается перечнемъ явленій ихъ вызывающихъ: 1) вѣтры, 2) неодинаковое нагреваніе солнцемъ въ жаркомъ и холодномъ поясахъ земли и 3) вращеніе земли вокругъ оси (стр. 31). Въ томъ же курсѣ 1-го класса

онъ помѣщаетъ въ мелкомъ шрифтѣ теорію вулканизма, но ограничивается нѣсколькими общими мѣстами. Есть у г. Турчаковского глава о минералахъ, но въ ней не содержится ничего существенно-научнаго. „Минералами“, говоритъ онъ, — „называются разнообразныя вещества, входящія въ составъ земнаго шара“, и вслѣдъ затѣмъ перечисляетъ минералы полезные для человѣка. Иногда встрѣчается у г. Турчаковского научное выраженіе, какъ бы въ видѣ намека, совершенно отрывочно, безъ всякаго объясненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ нужды, въ родѣ встрѣченныхъ уже нами эпитетовъ „преlestный“, „великолѣпный“. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 1-мъ курсѣ онъ говоритъ: „Каждый ручеекъ, повинаясь притяженію земли, стекаетъ съ болѣе высокой мѣстности въ болѣе низменную“.

Строгою выдержанностію въ опредѣленіяхъ г. Турчановскій вообще не отличается. Слово масса пестритъ его изложеніе и ставится имъ въ различныхъ значеніяхъ; такъ, материка онъ называетъ огромными массами суши (I, стр. 18). Тѣмъ же словомъ онъ обозначаетъ ту форму рельефа, которую нѣмцы называютъ *Massiv*, *Massengebirge*. Горы, говоритъ онъ на стр. 23 1-го курса, „встрѣчаются въ видѣ, во первыхъ, горныхъ группъ, вторыхъ, горныхъ массъ и третьихъ, горныхъ цѣпей“, и дѣлаетъ при этомъ неточное опредѣленіе того, что онъ называетъ горными массами, это „возвышенности, длина и ширина которыхъ почти одинаковы“. „Азія“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „въ общей массѣ материковъ занимаетъ центральное положеніе“ (II, стр. 92). Въ курсѣ 3-го класса онъ называетъ Гардтъ плоскогоріемъ, а совершенно сходный съ нимъ Оденвальдъ — горною массою (стр. 90). Слово бассейнъ г. Турчановскій ставитъ съ двумя значеніями: съ обычнымъ въ географіи и со значеніемъ воднаго пространства (II, стр. 94).

Вообще многія опредѣленія г. Турчаковского отличаются неточностію. Такъ, горизонтомъ онъ называетъ „кругъ видимой нами поверхности земли“ (I, стр. 5). „Параллели“, говоритъ онъ, — „лежатъ другъ отъ друга въ разстояніи одного градуса“ (I, стр. 14).

Вслѣдъ за многими другими составителями учебниковъ онъ говоритъ, что коралловые острова построены полипами, какъ будто коралловый полипъ дѣйствительно что-нибудь строитъ, подобно муравью или пчелѣ; вслѣдъ затѣмъ какъ бы нарочно для того, чтобы сдѣлать возможнымъ подобное сравненіе, онъ еще добавляетъ: коралловые полипы — „неутомимые труженики“.... Къ числу подобныхъ неточностейъ нужно также отнести мѣста учебника, гдѣ авторъ, под-

раздѣливъ какую-нибудь страну на части, оставляетъ одну изъ нихъ безъ описанія. Такъ, говоря о растительности Африки, онъ говоритъ о сѣверной окраинѣ Африки, о тропической ея области, и ни однимъ словомъ не обмолвился о южной ея окраинѣ (II, стр. 5—7). Тибетъ онъ подраздѣляетъ на сѣверный, южный и восточный, описываетъ же только первыя двѣ части (стр. 122—123). Подобнымъ же образомъ онъ поступаетъ, описывая область Атласскихъ горъ (стр. 17—18) и южную окраину Африки (стр. 26—27).

Укажемъ еще другіе пропуски.

Въ курсѣ II-го класса, вышедшемъ послѣднимъ изданіемъ въ 1888 году, не упоминается ни однимъ словомъ о Германскомъ Восточно-Африканскомъ Обществѣ, о протекторатѣ Франціи надъ Мадагаскаромъ и о зависимости Белучистана отъ Англии; встрѣчается еще названіе Новая Британія, вмѣсто новаго: „Бисмарковъ архипелагъ“. Не названы также хотя бы главнѣйшія изъ германскихъ государствъ въ курсѣ III-го класса.

Выпущены въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ II курса университеты въ Сидни и Мельбурнѣ, и вмѣсто того отмѣчены университеты въ Дунединѣ и въ Монровіи (?!). Откуда могъ взять авторъ это послѣднее свѣдѣніе?

Если встрѣчаются въ учебникѣ пропуски, то есть въ немъ и лишнія свѣдѣнія. Къ такого рода свѣдѣніямъ, кромѣ уже указаннаго объ университетѣ въ Монровіи, мы относимъ и нѣкоторыя новости, которыми, впрочемъ, часто щеголяютъ и другіе составители учебниковъ, и которыя обыкновенно оказываются скороспѣлыми, вычитанными изъ какого-нибудь сомнительнаго источника и недостаточно проверенными. Таковы, напримѣръ, были извѣстія, еще недавно помѣщавшіяся въ нашихъ учебникахъ географіи, напримѣръ, о новооткрытой, высочайшей въ мірѣ, вершинѣ Геркулесъ на Новой Гвинее, о высочайшей въ Америкѣ вершинѣ Лириксъ, которой нельзя было найти даже въ хорошемъ и довольно подробномъ атласѣ Рихарда Андре, объ островѣ Гамилтонѣ, прибрѣтенномъ англичанами и т. п. Къ такого же рода извѣстіямъ слѣдуетъ, вѣроятно, отнести и сообщеніе г. Турчаковскаго о Маунтѣ-Кларксъ, какъ самой высокой вершинѣ въ Австраліи ¹⁾; въ курсѣ 1-го класса онъ почему-то называется въ Африкѣ

---

¹⁾ По крайней мѣрѣ упоминанія объ этой вершинѣ являть ни у Гуте-Вагнера, Lehrbuch, ч. I, стр. 179—180, ни на картѣ Штилера № 74: у обоихъ по прежнему показана г. Косцюшко высочайшею.

только Драконовы горы, не упоминая о другихъ, болѣе высокихъ горахъ.

Не смотря на то, что авторъ въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ своего II курса (въ особенности же во 2-мъ изданіи) исключилъ много лишнихъ географическихъ названій, въ учебникѣ все еще много такихъ, которыя могутъ послужить только обремененіемъ памяти учащихся. Предлагаемъ къ исключенію еще слѣдующія названія: Заира (теперь уже совершенно оставленное названіе рѣки Конго), Баръ-эль-Арабъ, Собать, Рио-Гранде (въ Сенегамбіи), Лимпопо, Комадугу, оз. Моэро (внесено въ 3-е изданіе), оазы Фарафра, Радамесь, Куфра, Туатъ, Тафилеть, Варгла, г. Эль-Обейдъ, г. Фашеръ (не упоминается даже у Гуте-Вагнера въ руководствѣ, предназначенномъ въ пособіе студентамъ и лицамъ, держащимъ экзаменъ на званіе учителя географіи), Колла, бенгази, гебли (другое названіе самума), мандинго, йолофы, Гаусса, Гандо, Массина, Багирми, Вадай, Марицбургъ, Блемфонтейнъ, Преторія, Делагоа, Дельгадо, Суахель, Виви (въ Конго), г. Леопольдвилль (про который сказано, что онъ современемъ будетъ центромъ королевства¹⁾), Спенсеровъ заливъ, зал. св. Винцента, цѣль Макъ-д'Оннела, р. Викторія (на сѣверѣ материка Австраліи), Флиндерсъ, Фицрой, Морромбиджи, оз. Амедея, рч. Торренсъ, г. Дунединъ, зал. Фонсека, г. Пуэбла, Кингстонъ (на Ямайкѣ) Портъ-о-Пренсъ, Санъ-Доминго (въ республикѣ Доминикѣ), архипелагъ королевы Шарлотты, Севъ-Поль (въ Соедин. Штатахъ), Торонто, р. Леонть (въ Сириі; внесена только въ 3-е изданіе, взаи́мъ прежде ошибочно показаннаго Иордана), Кафиристанъ, народъ Сіапоши, Лабуанъ, Алтынъ-Тагъ. Изъ III курса: Сегуръ (на которомъ стоитъ г. Мурсія), Вербье, Штейеръ, Идрія, р. Керешъ; г. Крефельдъ, Ремшейдъ, Дортмундъ, Мекльсфильдъ, Стокъ на Трентѣ, Дэнди, Одедзе. Итого 67 названій.

Укажемъ теперь ошибки, замѣченныя нами въ учебникѣ.

II, стр. 24. Тимбукту принадлежитъ туарегамъ, а не государству Массина.

Стр. 34. Стиль-Поинтъ показанъ на 133° в. д. ф.⁰, тогда какъ онъ лежитъ на 131° (собственно говоря, даже не доходитъ и до 131° на $\frac{1}{4}$ градуса); см. № 75 въ атласѣ Штиллера; вѣрно показанъ въ

---

¹⁾ Кстати, почему г. Турчаковскій называетъ государство Конго Конгойскимъ королевствомъ?

учебникахъ Кёльнера и Семенова; на 133°— у Турчаковскаго, Смирнова и Янчина, у Пуликовскаго—132°.

Стр. 34. Мысъ Байронъ не на 173°, а между 171° и 172° в. д. ф°.

Стр. 51. Острова Фиджи отнесены къ Микронезіи, тогда какъ они входятъ въ составъ Мелонезіи.

Стр. 79. „Бизоны“, по мнѣнію г. Турчаковскаго, „и теперь еще водятся большими стадами, въ 50 и болѣе тысячъ головъ“.

Стр. 54. Мысъ Принца Уэльскаго показанъ на 174° з. д., в. ш. 151° з. д. ф°; конечно, это опечатка, но она повторена во всѣхъ 3-хъ изданіяхъ.

Стр. 67. По видимому, г. Турчаковскій не знаетъ, что Боливія въ послѣднюю войну ея съ Перу и Чили, лишилась морскаго прибрежья; по крайней мѣрѣ онъ называетъ Парагвай единственнымъ сухопутнымъ государствомъ Америки. И неужели главное занятіе жителей Парагвая составляетъ разведеніе парагвайскаго чая? Такъ можно по крайней мѣрѣ заключить изъ того, что онъ упоминаетъ только объ этомъ занятіи: „населеніе его занимается разведеніемъ парагвайскаго чая“.

Стр. 75. Г. Турчаковскій упоминаетъ два полуострова Мерилэндъ и Делаверъ, тогда какъ это имена двухъ штатовъ, расположенныхъ на одномъ полуостровѣ.

Стр. 76, 77, 79. Смѣшиваетъ территорію Аляску съ полуостровомъ того же имени; говоритъ, напримѣръ, что „на границѣ этого полуострова лежатъ самый высокій пикъ сѣв. Америки, вершина св. Иліи“. Гора св. Иліи находится на юго-восточной границѣ территоріи Аляски.

Стр. 96. Неправильно сказано, что Дежневъ открылъ мысъ, названный его именемъ.

Стр. 97. Орангутангъ водился на Суматрѣ и Явѣ (вм. Борнео).

Стр. 99. Горные кражи, опоясывающіе плоскогорье Малой Азіи, достигаютъ наибольшей своей высоты“, правда, на юго-востокѣ, но не „въ вершинахъ Антитавра“, а въ Киликійскомъ Таврѣ въ хребтѣ Булгаръ-Дагѣ, въ вершинѣ Метдезисъ, 3477 литровъ. См. Вагнера, 487 и атласъ Шпидера карта № 60.

Стр. 103. Никакъ нельзя сказать, что озеро Ванъ лежитъ между истоками Куры и Аракса; недосмотръ вслѣдствіе измѣненія текста III изданія.

Стр. 115. Бирманское королевство показано только находящимся

въ зависимости отъ Англіи, между тѣмъ какъ оно уже причислено къ непосредственнымъ англійскимъ владѣніямъ. См. статистическія таблицы Юрачека.

Стр. 115. „Тонкинъ и Аннамъ“, сказано въ текстѣ, „находятся въ зависимости отъ Франціи“, а въ выноскѣ къ этому мѣсту: „значительная область Аннама при у. р. Ганоя составляетъ, кромѣ того, непосредственное владѣніе Франціи“; но вѣдь эта послѣдняя область и называется Тонкиномъ, съ тою только разницею, что главная рѣка, которая принадлежитъ Тонкину, притомъ не однимъ только устьемъ, а значительною частію своего теченія, называется не Ганоемъ, а Сонг-ка (Song-ka), то-есть, Красная рѣка, Ганоемъ же называется городъ на этой рѣкѣ.

Стр. 121. Ханькоу показанъ лежащимъ при сліянніи Ян-цзы-цзяна съ главнѣйшими его притоками. При Ханькоу впадаетъ въ Ян-цзы-цзянъ одна только рѣка Хань. См. карту собственнаго Китая.

Стр. 121. Макао названъ весьма важнымъ торговымъ городомъ. На самомъ дѣлѣ городъ этотъ имѣетъ значеніе только какъ мѣсто вывоза китайскихъ рабочихъ—кули. Вагнеръ, I, 556.

Стр. 129. Токио, съ превосходною гаванью, въ которой можетъ помѣститься огромный флотъ. До Токио не доходятъ сколько-нибудь значительныя морскія суда, и гаванью для столицы служитъ г. Иокогама, лежащій при той же бухтѣ, что и Токио, но ближе къ открытому торю.

III, стр. 73. Рѣка (г. Турчаковскій пишетъ двояко: Рѣка на стр. 72 и Рѣка на стр. 73)—главный портъ Венгріи. Какіе же еще порты въ Венгріи?

Стр. 87. Эльзась-Лотарингію нельзя назвать провинціею, такъ какъ она не принадлежитъ никакому государству Германіи.

Стр. 93. Лейна и Верра ошибочно названы притоками Везера.

Въ заключеніе скажемъ, что г. Турчаковскій доказалъ знаніе своего дѣла, внимательность къ замѣчаніямъ критики и добросовѣстность, съ которою исправляетъ каждое новое свое изданіе; поэтому можно надѣяться, что его учебникъ, исправленный въ изложеніи и въ выборѣ учебнаго матеріала, сдѣлается лучшимъ въ ряду руководствъ географіи, существующихъ по настоящее время.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКІЕ ОТРЫВКИ.

(Посвящается Э. А. Брауну).

I.

Rosmuðill и остзейскіе готы.

Въ Atlakvíða Атли-Аттила шлетъ посла къ Гуннару и братьямъ, чтобы позвать ихъ къ себѣ въ гости. Онъ соблазняетъ ихъ подарками, уступкою волостей: онъ даетъ имъ

5 stadi Danrag,
Hris hat it maera,
Er meðr Myrkvið kalla:

городъ Днѣпра и славный дремучій лѣсъ.

Въ этой мѣстности живутъ Готскіе цари Невгагасага, живеть, согласно съ Вигфуссоновою эмендаціей одного стиха Hamðis-mál'я, и Эрманарихъ ¹⁾. Этой эмендаціи не перечить то обстоятельство, что его область названа „землей Аттилы“ (land... Atla.): самоубійство Эрманариха послѣдовало вслѣдъ за побѣдоноснымъ вторженіемъ гунновъ (Ашм. Магс. XXXI, 3); Аттила сталъ ихъ эпическимъ показателемъ въ позднѣйшемъ преданіи, и страна Эрманариха могла быть названа страной Аттилы.

Иорданъ въ гл. 24-й прибавляетъ объ Эрманарихѣ, что передъ самымъ нашествіемъ гунновъ Rosomogum (vas. Rasimanogum, Rosomanogum, Rosomogum) gens infida, quae tunc inter alias illi famu-

---

¹⁾ Киевъ — градъ Днѣпра, *Зап. ром.-черм. отд. филол. общ. при С.-Пет. унив.*, вып. I, стр. 62 слѣд.

latum exhibebat, tali eum nanciscitur occasione dicipere. dum enim quandam mulierem Sanielh (var. Sonilda, Suanthildam, Sunihil) nomine, ex gente memorata, pro mariti fraudulentio discessu, rex furore commotus, equis ferocibus illigatam, incitatisque cursibus, per diversa divelli praecipisset, frater ejus Sarus et Ammius germanae obitum vindicantes, Ermanarici latus ferro petierunt, quo vulnere saucius, aegram vitam corporis imbecillitate contraxit. Какъ извѣстно, это древнѣйшее изъ эпическихъ воспоминаній о смерти Эрманариха, отразившихся между прочимъ и въ сѣверномъ *Hamðismál*.

Что Росомоны Иордана не Роксоланы—на это указалъ уже проф. Васильевскій ¹⁾; вѣроятною кажется мнѣ его догадка, что тутъ разумѣется, быть можетъ, какой-нибудь изъ подвластныхъ Эрманариху кавказскихъ народцевъ: оромуски Менадра (τὸ φῶλον τῶν Ὀρομουσῶν), жившіе гдѣ-то около Кубани, либо росмосоки, кавказскій же гуннскій народецъ, упоминаемый у армянскаго писателя X вѣка, Моисея Каганкатвадци.

Это возвращаетъ насъ къ *Atlakviða*.

Гуннаръ съ братьями ѣдутъ къ Атиллѣ, вступили въ его покой; здѣсь встрѣчаютъ ихъ Гудруна, ихъ сестра, жена Атиллы, и предупреждаетъ о печальной участи, которую, зазвавъ ихъ, готовитъ имъ ея мужъ. Гуннаръ отвѣчаетъ:

19. Seinat er nú, systir,
at samna Niflungum,
langt er at leita
lýða sinnis til,
of rosmufjöll Rinar
rekka óneissa.

Bodo Wenzel (*Die aelttere Edda*) переводить:

Nun ist's zu spät, o Schwester,
Die Niflunge zu sammeln,
Zu weit ist's, die Leute
Herbei zu rufen
Von den Bergen des Rheins
Die tapfern Recken.

Переводчикъ обогатилъ темное значеніе *gösmu*—(*feöll*), ограничившись передачей второй части слова=горы; но какія горы на Рейнѣ, въ странѣ Нифлунговъ? Вигфуссонъ (*Corp. poet. boreale*, I, стр. 48)

¹⁾ *Васильевскій*, О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Готовъ и Роксоланъ, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, ч. ССХХІІ, отд. 2, стр. 184 слѣд.

рѣшился перевести, но съ сомнѣніемъ, gösmu = craggy: it is too far to get their help, my blameless champions, across the craggy mountains of the Rhine. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (I. с. I, стр. 474) онъ говоритъ о нихъ, какъ о *sui interpretum*, и предлагаетъ поправку: across the hills of the Rosmons, съ ссылкой на приведенный выше разказъ Іордана. Въ такомъ случаѣ эти горы не на Рейнѣ, чтò и вѣроятно, если Rīnar (род. пад.) отнести не къ Rosmufjöll (горы на Рейнѣ, Рейна), а къ слѣдующему гека *óneissa*: поздно призывать на помощь прирейнскихъ славныхъ витязей черезъ горы Росмоновъ; Гуннаръ съ братьями находились уже по ту ихъ сторону, въ землѣ Аттилы, въ старой волости Эрманариха. Если Rosmoni = 'Ορομοσχοι, то Rosmufjöll оказались бы такимъ же мѣстнымъ опредѣленіемъ, какъ Ясскія горы, Jösurfjöll въ *Hevvaragsaga* ¹⁾.

Aspelin ²⁾ выставилъ недавно гипотезу касательно Росмоновъ, которой надо коснуться. Упомянувъ о попыткѣ этимологическаго объясненія ихъ имени (Бугге: *gusmunans* = рыжіе), онъ отождествляетъ его съ Ruotsi, названіемъ, которымъ финны обозначали въ историческую пору финляндскихъ шведовъ (*Svear*), повдиге выселив-

¹⁾ Мелкія замѣтки къ былинѣмъ, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, ч. CCLVII, отд. 2, стр. 89. Вопросомъ о Jösurfjöll послѣ Heinzel'я занялся R. Much, въ *Zs. für deutsch. Alterthum*, XXXIII, стр. 1 слѣд. По его мнѣнію, 'Ασχιβοῦρῦιον ὄρος Птолемея—моравско-силезскій горный хребетъ къ сѣверу отъ Моравіи, собственно „ясеневый“ (*Ask*—нѣм. *Esche*), слав. *Jesenik*, *Jasenik*. Такъ какъ въ старослав. языкѣ ясень и ясинъ (=аланъ) созвучны, то смѣшеніемъ того и другаго объясняется сѣверная форма *Jassafjöll*, рядомъ съ Jösurfjöll. Переходъ предполагается такой: герм. *Asci* (*burgium*) переведенъ былъ славянами въ Ясень, ясень понято нѣмецкими нарѣчіями какъ падежная форма отъ темы *na—an*, *Jasen—*, *Jasun—*; отсюда уже, при нѣмецкомъ посредствѣ, сѣв. *Jassa* (род. пад. множ. числа)—*fjöll*—похъ вліяніемъ этническаго имени ясовъ (стр. 6—7). Гдѣ и въ какой ередѣ совершилось предполагаемое вліяніе и смѣшеніе ясена съ ясами—авторъ не поясняетъ, да оно и не мыслимо, какъ невѣроятно, что въ названіи *Dunheid* сохранилась память о нѣмецкомъ народѣ (*Δούβιοι*) Δούβιοι Птолемея, жившемъ къ сѣверу отъ Моравіи; невѣроятно уже потому, что Δούβιοι принадлежатъ конъектурѣ *Zeuss*'а, а не рукописямъ (стр. 3, 8). Что касается битвы, которая по *Hevvaragsaga* происходила на *Dunheidi* и у Ясскихъ горъ, то авторъ усматриваетъ въ ней отраженіе другой, разказанной у Павла Діакона (*Hist long.* I, 16, 17), хотя мѣстность послѣдней не указана, да и бьются въ ней съ гуннами не готы, а лангобарды. Замѣна лангобардовъ готами въ сѣв. Much (стр. 12) навивно объясняетъ тѣмъ, что историческая роль готовъ въ борьбѣ съ гуннами была болѣе громкая и блестящая и замѣна подсказалась естественно.

²⁾ *J. R. Aspelin*, *La Rosomanorum gens et le Ruotsi. Etude d'histoire et d'archéologie*. Helsingfors. 1884.

шихся въ Скандинавію, и готскіе народы, жившіе въ нынѣшнихъ Остзейскихъ провинціяхъ и отодвинутые на западъ въ пору великаго переселенія народовъ. Собственно *Kuotsi* обозначало первоначально готовъ, говоритъ проф. Аспелинъ (I. с. 25), опираясь на мнѣніе Томсена (стр. 13) и на разказъ о смерти Эрманариха у Саксона Грамматика (стр. 9 и сл.), помѣщающаго мѣсто дѣйствія на Сѣверной Двинѣ. На сколько эта локалізація древняя, не принадлежащая измышленію Саксона, этимъ вопросомъ авторъ не задался; обозначеніе Росомоновъ, готскаго народа, отпавшаго отъ короля готовъ, какъ *gens infida*, не заронило въ немъ сомнѣнія. Если въ обычномъ толкованіи сомнительны рейнскія горы Росомоновъ, то тѣмъ труднѣе ихъ искать на берегахъ Двины. Какъ бы ни рѣшилось дѣло о національности Росомоновъ, общій вопросъ, вновь поднятый по ихъ поводу проф. Аспелиномъ, не лишень значенія именно для насъ. Если, какъ полагаетъ Кронъ ¹⁾, скандинавскіе (неизвѣстные мѣ) мотивы русскихъ былинъ занесены были къ намъ заходими варягами, то другіе мотивы того же источника, обогатившіе содержаніе финскаго эпоса, одолжены своимъ происхожденіемъ шведамъ, осѣдлымъ по юго-западному берегу Финляндіи и на эстонскихъ островахъ. Въ древнюю пору границы ихъ поселеній были шире, чѣмъ теперь; они и могли быть, въ 900—1100 гг., распространителями среди финскаго населенія сагъ о Нифлунгахъ, о чудесной мельницѣ Гротти (= Сампо), объ *Obgaerig's*, смерти Балдра, Иггдрозилъ и другихъ германскихъ сюжетовъ, вошедшихъ, въ своеобразной переработкѣ, въ содержаніе Калевалы.

Но и остзейскіе готы не могли безслѣдно исчезнуть на мѣстахъ, съ которыхъ двинуло ихъ великое переселеніе народовъ. На это указываютъ археологическія находки въ Курляндіи, представляющія особое развитіе стиля германскихъ (Aspelin I. с. 22); рядомъ съ относительно живучестью готскаго имени и преданія на югѣ Россіи можно поставить названіе, которое въ прусской Литвѣ даютъ литовцамъ, живущимъ въ Польшѣ къ югу отъ Мемеля: *Gudaĩ* = готы, тогда какъ на Жмуди такъ зовутъ бѣлоруссовъ ²⁾. Тамъ и здѣсь разумѣется чуждая по отношенію къ Литвѣ народность; перенесеніе древняго имени на другихъ повиднѣйшихъ насель-

¹⁾ *Kalevalastudien* von J. Krohn, übers. von V. Hackmann в *Zeitschrift für Volkskunde*, hrsg. v. E. Veckenstedt, I, 213.

²⁾ *Kurschat*, Litt. deutsches Wörterbuch a. v. gudas, gudè, gudélka, gudinis и др.

никовъ вополнѣ мыслимо, но по отношенію къ Guthiuda готскаго календаря Gudaī возбуждаетъ сомнѣніе. Можетъ быть, мы въ правѣ допустить существованіе двойственныхъ формъ: Гѣте, Готе лѣтописи, Готѣя сиводальной Александріи № 86, готскій, гочѣкый, гочскій, гоцкой берегъ нашихъ грамотъ, готскія дѣвы Слова о Полку Игоревѣ—и Gudaī, Гданскъ, Гдовъ, Гдечь¹⁾. Сл. въ былинахъ: Хотенъ, Котенъ (Хотей, Фотей) и Годинъ (Горденъ; сл. Ивана и Ставра Годиновичей); можетъ быть, такое же этническое прозвище, какъ Плен(овичъ)-Френкъ, Франкъ; Казаринъ. Замѣтимъ, что годинъ = готинъ дѣйствительно встрѣчается въ славянскихъ чудесахъ св. Артемія: „Годинъ нѣкто родомъ, мужъ именемъ Θεοδορῆς, и въ томъ родѣ пребываніе имѣя“, явился въ Царьградъ искать исцѣленія у мощей святаго; онъ сподобился его позже, уже отплывъ въ свой градъ²⁾. Не лишено значенія и необычное, едва ли славянское (не смотря на мнѣніе Томсена) отчество нашего былиннаго Година-Хотена: Блудовичъ. Эта точка зрѣнія не поможетъ ли намъ освятить причины его распри съ Чесовою вдовой?

Встрѣчая въ Калевалѣ не финскіе (?) сюжеты, не знакомые Эддѣ или искаженные въ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ германскіе, Krohn (I. c. 213) ставитъ вопросъ о путяхъ, которыми они зашли къ финнамъ. Дѣло касается мифовъ: о ежегодномъ появленіи съ острова богини Nerthus, приносящей плодородіе; объ освобожденіи солнца изъ его заключенія въ облакахъ, объ охотѣ за солнечнымъ оленемъ и сломанномъ колесѣ солнечной повозки. Krohn готовъ былъ бы признать всѣ эти мотивы готскими, еслибъ они не были распространены исключительно въ Финляндіи; эсты не знаютъ ихъ, не знаютъ и другія болѣе восточныя финскія племена. Отсюда заключеніе, что указанные мотивы заимствованы были финнами отъ осѣдлаго среди нихъ шведскаго населенія. Далѣе (стр. 214) готская гипотеза снова обновляется, но на этотъ разъ дѣло идетъ о представленіи, общемъ нѣсколькимъ финскимъ народностямъ, на примѣръ, финнамъ и мордвѣ, и ставится вопросъ: литовскимъ или готскимъ воздѣйствіемъ слѣдуетъ объяснить представленіе объ облачныхъ дѣвахъ, производящихъ все живущее?

Едва ли всѣ эти вопросы получаютъ когда-либо иное, кромѣ пред-

¹⁾ Иное толкованіе у *Perwolf*, *Slavische Völkernamen*, въ *Arch. f. slav. Philologie*, VII, стр. 594—595 и 612.

²⁾ Великія Четиві Миней, собр. Всеросс. митрополитомъ Макаріемъ, изд. Археогр. ком., октября 19-го, стр. 1639 (указаніе В. Г. Васильевскаго).

положительнаго разрѣшенія; но они важны намъ, какъ импульсъ—искать и на русскомъ югѣ слѣдовъ тѣхъ преданій и пѣсней, которыя когда-то „готьскія красныя дѣвы въспѣша на брежѣ синему морю“.

II.

Валькириі — Welis, Ἠλόσιον παιδίον, Вида — Viola.

Русалки — маны, чествовались особымъ поминальнымъ обрядомъ русалій, то-есть, *rosalia* или *rosaria*, слѣды котораго въ Италіи и среди романизованнаго населенія Балканскаго полуострова восходятъ далеко. Напомнимъ лишь сопоставленія, сдѣланныя Томашкомъ ¹⁾: въ двухъ надписяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Драмы, завѣщаются *οἰαζιώταμ* Liber Pater'a суммы, изъ процентовъ которыхъ совершались бы ежегодно на могилахъ усопшихъ тризны, и именно—*rosalibus*, въ началѣ лѣта, когда въ садахъ и лугахъ всё отдавались веселью, вѣнчали себя розами и поминали покойниковъ. Такъ-называемое *Feriale sampranum* приурочиваетъ *Rosaria* къ 13-му мая; если свидѣтельство *Calendarium Lambecianum* (изъ временъ Константина II, 337—361) относится къ тому же обряду (*X. Kal. lun. macellus rosasumat*), то ихъ отбывали и 23-го мая, что согласно съ позднѣйшимъ совпадениемъ русалій съ Духовнымъ днемъ; свидѣтельство другихъ надписей указываетъ еще на 11-е и 21-е мая. Поминальный характеръ обряда засвидѣтельствованъ его сопоставлениемъ съ *parentalia*: *rosalia et parentalia*, *parentalia et rosaria*, *tempore parentaliorum... et rosae*. Въмѣсто *rosalia* встрѣчается и *dies rosae* или *rosationis*, и рядомъ съ нимъ *dies violae*, *violationis*, *violaris*, относившійся къ началу весны, 23-му марту, и также сопряженный съ поминками умершихъ. Въ одной надписи завѣщается совершать жертвы четыре раза въ году: въ день рожденія умершаго, *et rosationis et violae et parentalibus*,

Итакъ, *rosalia* и *dies violae* отбывались въ честь манъ, первые—въ началѣ лѣта, вторые—въ началѣ весны. Оба празднества, объединенныя одною идеей и содержаниемъ культа, могли смѣшиваться и даже сближаться хронологически, выражаться въ сходныхъ обрядахъ и отразиться въ народной фантазіи олицетворениемъ манъ, за кото-

¹⁾ Ueber Brumalia u. Rosalia, *Sitzungsber. d. Kais. Ak. der Wiss. zu Wien*, LX Band, H. 1 (1868), стр. 373 слѣд. Всѣ цитаты взяты оттуда.

рыми удержались древнія имена праздника: русалии дали намъ русалокъ; *dies rosae*, можетъ быть, *belo Ruso* словинцевъ ¹⁾; *dies violae* не остались ли въ образѣ вилъ? не опредѣлили ли по крайней мѣрѣ ихъ очертанія и имя, наклонившись на другое аналогичное народное представленіе? Ставимъ этотъ вопросъ, потому что онъ былъ исходною точкой и слѣдующихъ соображеній.

Южно-славянскія вилы не проявляютъ характера манъ, но въ словенско-хорватскихъ сказкахъ онѣ еще являются въ роли роженницъ или сужденницъ, нарицающихъ судьбу дѣвочкѣ (*Valjaves, Narodne pripoviedke*, стр. 56, 57), а намъ извѣстны отношенія роженницъ къ культу предковъ — дѣдовъ. Вилы — дѣвы воинственнаго типа; у нихъ опредѣленная роль въ юнацкомъ эпосѣ; но боевой періодъ, создавшій героическій эпосъ южныхъ славянъ, могъ повліять на измѣненіе первичнаго представленія о нихъ. Такъ и на скандинавскомъ сѣверѣ въ пору викинговъ валкирии обратились въ воинственныхъ дѣвъ, покровительствующихъ только витязямъ, тогда какъ, вѣроятно, въ началѣ онѣ были просто фильгьями—роженницами, состоявшими при извѣстномъ лицѣ, умиравшими и возрождавшимися вмѣстѣ съ нимъ, какъ въ поэтической легендѣ о *Helgi*. Возможенъ поэтому вопросъ: не есть ли извѣстное посестримство вилъ съ юнаками поздняя замѣна другихъ родовыхъ отношеній, связывавшихъ человѣка съ его роженницей, фильгьей? У каждаго юнака есть своя посестрима вила, помогающая ему во всемъ и одаряющая его. Чудесный конь королевица Марка былъ подаренъ вилами; дѣвушку, молившую денницу сообщить ей свою красу, ея посестрима вила украшаетъ золотымъ перомъ и бисеромъ. Посестримство съ вилой приноситъ счастье; человѣку, встрѣтившему спящую вилу въ лѣсу и прикрывшему ее вѣтками отъ лучей солнца, она посылаетъ во всемъ удачу. Какъ въ Малороссіи приносятъ жертвы русалкамъ — манамъ, такъ хорватскія дѣвушки ставятъ плоды, цвѣты, мотки шелку, приговаривая: *Uzmi vilo što je tebe mlo*. — Кралевицу Марку его вила предрекла его смерть ²⁾.

Во всемъ этомъ есть черты прирожденной доли, вышедшей къ олицетворенію изъ культа рода, манъ, которыхъ чествовали въ *dies violae*, какъ *xῆρες*—души усопшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣвы (смертной)

¹⁾ См.; Генварскія русалии въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, сентябрь 1885 г., стр. 5.

²⁾ *Arkiiv za pověstnicu jugoslovensku*, I, стр. 94—97.

судьбы считались тайно присутствующими въ празднованіе аѳинскаго цвѣтнаго праздника Анеестерій.

Вила — *viola* ¹⁾ могла повліять съ своей стороны на народное усвоеніе сивиллы—самовилы и смѣшаться съ нею по образу и имени. Если въ Болгаріи русаліи называются самовильскими праздни-ками, то я вижу въ этомъ хронологическое сближеніе древнихъ поминальныхъ праздниковъ, *dies rosae* и *dies violae*, русалій съ праздниками виль, замѣненныхъ самовилами.

III.

Сербскія пѣсни поютъ о девяти — десяти вилахъ:

Sletiše se vile posestrime
Nešta malo devetdeset vilah ²⁾.

Такъ и въ древнихъ рукописныхъ свидѣтельствахъ о нихъ, къ сожалѣнію, ничего не разъясняющихъ относительно ихъ культа ³⁾. Слово Христороубца по Паисіеву сборнику XIV вѣка говоритъ, что двоевѣрные люди вѣрують „в Перуна і в Хорса і в Мокошь і в Сима і ве Ръгла і въ вилы, іхже числомъ .г.б. сестрѣницъ, глаголатъ невѣгласи і мнать богинями і тако подкладывахуть имъ теребы і куры імъ рѣжють і шгневѣ молатьса“; тамъ же „і виламъ і Мокоши і Симу і Ръглу і Перуну“.

Въ томъ же памятникѣ по рукописи XV вѣка: „въ Сима и въ Ръгла и въ Мокошь и въ вилы ихже числомъ тридесате сестре-ницъ“; тамъ же: „іже ставать трапезу рожаницамъ, корован молатъ виламъ и шгневи подъ швиномъ... іже молатся шгневи, виламъ Мокошья, Симоу, Ръглоу“. Интересны славянскіе варианты перевода слова св. Григорія *сіс та аѳа фѳта*; профессоръ Тихонравовъ напечаталъ греческій текстъ *en regard* съ переводомъ по рукописи С.-Пб. духовной академіи № ⁴³/₁₁₂₀; мы беремъ въ разчетъ изданные имъ же тексты того же слова по Паисіеву сборнику и рукописи Новг. Соф. библиотеки № 1295.

¹⁾ Объясненія слова вила сл. у *Аванасьева*, Повт. возвращенія, III, 153, 182; *Потемки*, О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. повѣи, стр. 122; у него же: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ нар. пѣсень, стр. 401; *Miklosich*, Etymol. Wb., a. v. vila; *Krek*, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2-е изд., стр. 407, прим. 1: das Etymon des Wortes ist dunkel.

²⁾ *Архив*, I. с., 96.

³⁾ Сл. относящіяся сюда тексты въ *Тихонравова Лѣтописяхъ* IV, Сибѣ, стр. 82 слѣд. Сл. стр. 88, 89, 92, 94, 96 слѣд.

καὶ Σεμέλης κεραυνὸς προκυνού-
μενος.

Οὐδέ Ἀφροδίτης πορνικά μυστήρια,
τῆς αἰσχρῶς, ὡς αὐτοὶ λέγουσι, καὶ
γεννομένης καὶ πρωμένης.

Οὐδὲ Φαλλοὶ τινες καὶ Ἰθυφαλλοὶ,
αἰσχροὶ καὶ τοῖς σχήμασι καὶ τοῖς
πράγμασιν.

Οὐδὲ Ταύρων ξενοκτονία, καὶ λα-
κωνικῶν ἐφήβων ἐπιβώμιον αἷμα, ξαι-
νομένων ταῖς μαστιξί, καὶ τοῦτο μό-
νον κακῶς ἀνδριζομένων, οἷς τιμᾶται
θεᾶ, καὶ ταῦτα παρθένος.

Οἱ γὰρ αὐτοὶ καὶ μαλακίαν ἐτίμη-
σαν καὶ θρασύτητα ἐσεβάσθησαν.

Ркп. $\frac{48}{1130}$,

и Сьмелино требокладеніе громау
и мол'ніамъ. (То же въ двухъ дру-
гихъ спискахъ: переводчикъ такъ
объяснилъ себѣ кераυνὸς проκυ-
νούμενος).

ib. и виламъ. И ѣ бысть идолъ
Виль нарицаемъ, его же по-
губи Данилъ пророкъ въ Ва-
вилонѣ. — Напечатанное съ раз-
рядкою, очевидно, глосса перевод-
чика; въ двухъ другихъ текстахъ
вилы исчезли, осталась лишь
глосса: Виль.

ib. фаликациже ифаѳоули чтоутъ
срамныа оуды и кланаются имъ
и требы имъ кладоутъ. — И въ
этомъ переводѣ есть элементъ
глоссы; какъ и непосредственно
слѣдующее принадлежитъ южно-
славянскому переводчику: „Ѡ них-
же писанїи болгаре наоучѣ-
шеса Ѡ срамныхъ оудъ ис-
текшую скверноу вкоушають,
рекоуще мако тѣмъ вкоушени-
емъ очищаются грѣси“. Такъ
и въ текстѣ Пансіева сборника;
въ ркп. № 1295 здѣсь пропускъ.

ib. тавер'ская дѣторѣзаніа идо-
ломъ, иже Ѡ пер'венець лакоб-
ская требищная кровь просажает-
ся ранами, еѳ можноуть Екадию
богяни, сиѳ дѣвоу мѣнати (Екадія
подсказана слѣдующею далѣе въ
греческомъ текстѣ Гекатой). То же
въ Панс. сборн.; въ № 1295 нѣтъ.

И Мокошь чтоутъ и малакию
и килоу вел'ми почитаютъ, ре-
коуще буавини. — Сл. сборн. Панс.:
и Мокашъ чтуть і малакию велми
почитають, рекущи бутавини.

Текстъ, очевидно, не понять (*σεβάζονται* понято какъ *σεβονται*) и спутанъ въ переводѣ. Если буквы *νι=δρα* относится къ *μαλακίη*, то и здѣсь мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ глоссою, въ родѣ отмѣченной выше о болгарахъ и обличенія поганскаго брачнаго обряда въ Словѣ Христолюбца по рукописи Новг. Соф. библи. № 1285¹⁾). Мокось остается не объясненною; можетъ быть, позволено предположить, что въ текстѣ № $\frac{48}{1190}$ слѣдуетъ читать вилоу вм. килоу потому, что мокошь и вилы уже встрѣчались намъ въ такомъ именно сосѣдствѣ. Такъ еще въ русскихъ текстахъ слова св. Григорія, въ частяхъ, не отвѣчающихъ подлиннику. Сл. Паис. сборн.: мокоши і вилу; рукопись № 1295: виламъ и мокошьи, мокоши и виламъ; рукопись № $\frac{48}{1190}$: мокоши, виломъ; въ Словѣ святаго отца нашего Іоанна Златоустаго „о томъ како първое погани вѣрвали въ идолы“²⁾): виламъ и мокоши, оупиремъ и берегинамъ, ихже нарицають три. ѿ. сестриницъ“; въ рукописи Моск. Син. библи. № 954: виламъ и мокошѣ“³⁾).

Другое сосѣдство, въ которомъ стоятъ вилы отреченныхъ текстовъ, это—огонь: имъ ставать треби, огню молятся. Культъ очага былъ культомъ предка, мант; это подтвердило бы наше соображеніе относительно значенія вилъ. Въ такомъ случаѣ Мокось объяснилась бы вмѣстѣ съ ними; въ сѣверо-русскія повѣрья она проникла, подъ названіемъ Мокуши, можетъ быть, изъ знакомыхъ намъ обличеній, какъ и многое другое, литературное и отреченное. Мокуша объявляется въ великомъ посту, ходитъ по домамъ и смотритъ за пряжей; когда спать, и покажется, что веретено урчитъ, говорятъ: Мокуша пряла; выходя изъ дома, она иногда пойдетъ да о брусъ-отъ, о полатѣ-то веретеномъ-то и щелкнетъ. Овца, какъ долго не стригутъ шерсти, иногда и вытретъ; ой, говорятъ, Мокуша остригла овецъ; порожнія ножницы не оставляютъ, а кладутъ въ нихъ на ночь по клочку шерсти: это—треба Мокушѣ. Въ одномъ „худомъ номоканунцѣ“ XVI вѣка дузовникъ спрашиваетъ на исповѣди женщину: „Не ходила ли еси къ Мокушѣ?“⁴⁾). Древняя Мокось очутилась здѣсь знахаркой, какъ въ одномъ болгарскомъ словѣ по рукописи XVIII вѣка⁵⁾ въ той же роли являются самовилы.

. Слово начинается такимъ образомъ: „Самовилы и бродницы и обалл-

¹⁾ Тихонравовъ въ Лѣт. IV, 1. с. стр. 92.

²⁾ 1. с., стр. 108.

³⁾ 1. с., стр. 86.

⁴⁾ Е. В. Барсовъ, Слово о Полку Игоревѣ, I, 360.

⁵⁾ Качановскій, Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсень, стр. 22, 24, 26, 32, 33.

ницы тѣ са антихртови оученицы, и които ходать на ныхъ, на врага се покланаяа, и записуе гы врагъ и онъ да са негови ... а които ходать на самовили и на бродницы, на магесницы, на залаганѣ, на баанѣ, тѣа вси ѿречутсе ѿ Христа ... кои ходать на самовили, и на магесницы, и на баснарки, они нарицаютсе идолопоклоняцы, които лакутъ шлово и който вѣруать на басы на залагане, чародѣаніе, които завезуать звѣри и мечки и вѣлцы и глѣдять на звезды, и завезуать младенцы ...; или самовили или баснарки или бродницы или биларе, и кои-то нѣсать бураны на себѣ и тѣа неверни и идолопоклоницы, ꙗкоже шниа, които се покланаятъ на много бѣгове". Въ другомъ словѣ того же сборника „ради магесницы и самовили и баснарки и залаганіе и бродницы и бааніе“ писатель или проповѣдникъ говоритъ: „и азъ помногу зѣмли ходихъ, и неемамъ видѣль толико многу магесницы, кѣто оу тѣа наша зѣмля бльгарска, и самовилы и бродницы“.

Магесница, баснарка ¹⁾ въ этихъ текстахъ, очевидно, колдунья, чародѣйка; самовили поняты въ томъ же смыслѣ; вѣроятно, и бродницы, иначе встрѣчающіяся въ значеніи водяныхъ вилъ:

Стоянь е юзель две ставни,
Та е на вода отишелъ,
На тихи бѣли Дунава,
Тамъ си завари младъ Стоянь,
Три жены до три бродница.

Сл. „бродарицу“ вилу на зеленомъ озерѣ въ одной пѣснѣ о Марѣ Кралевичѣ ²⁾.

Вилы живутъ не только въ горахъ и воздухѣ, но и въ водѣ, какъ, на оборотъ, ново-греческое повѣрье знаетъ не только морскихъ перендѣ (*θαλασσιναῖς*), но и горныхъ (*βουνισιαῖς*). Морская вила упоминается уже въ Троянской притчѣ: „молѣхъ морской вилѣ, да оставить морскыжъ вльны“; сл. въ переводѣ хроники Амартола „сврены . . . рекше вилы“ и *vila povodkinja*, *morska diklica* сербохорватскаго повѣрья. Въ томъ же значеніи встрѣчается и самовила: такъ въ болгарской легендѣ объ Александрѣ Македонскомъ, гдѣ она отгнѣчаетъ перендѣ ³⁾; такъ въ болгарскомъ же повѣрьи, гдѣ морская Самовила чередуется съ Юдой Самовилой, то-есть, водною (жда ==

¹⁾ У *Дювернуа*, Словарь болгарскаго языка, только „баснарка“: произносящая чародѣйные заговоры, колдунья.

²⁾ *Arkiv*, I. с., стр. 89.

³⁾ *Archiv f. slav. Philol.*, I, 608—611.

латинское unda, литовское wandū, жмудское wundu, undū, wundū, древне-прусское undas; сл. болгарское уда=вода), какъ, напримѣръ, въ слѣдующей болгарской пѣснѣ (Миладиновы № 7):

Брата ти любить морска Самовила

Подъ дѣрво то седитъ морска Самовила.

Юдо-Самовило! отпуши ми брата.

Бродницы, водныя, морскія вилы, юдо-самовилы соотвѣтствуютъ нашимъ русалкамъ, сходясь съ ними не только въ происхожденіи (если мои догадки вѣрны), но и въ приуроченіи.

Интересно еще слѣдующее: водные духи европейскихъ мифологій¹⁾ отличаются особымъ символическимъ признакомъ, обнаруживающимъ ихъ привязанность къ стихіи: нѣмецкіе нисы узнаются по ихъ ледянымъ и гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ свои длинныя платья; у русалокъ пальцы на ногахъ соединены перепонкой, какъ у гуся, что заключаютъ по ихъ слѣдамъ, либо у нихъ ноги гусиныя. На оборотъ, у греческихъ nereidy онѣ козлиныя или ослиныя; такъ и сербо-хорватское повѣрье знаетъ вилъ съ козьими ногами и конскимъ хвостомъ: онѣ — дѣвцы, которыхъ Господь наказалъ, такимъ образомъ, за ихъ гордость²⁾. Обратное развитіе представляетъ типъ средневѣковой Сивиллы: въ мусульманской повѣсти (и вѣроятно, въ ея талмудическомъ источникѣ) царица Валькисъ, вступивъ въ воду, предстала передъ Соломономъ съ ногами, обросшими волосами; такъ и въ коптской легендѣ о Соломонѣ, недавно переведенной Amélineau; въ западно-европейскихъ пересказахъ этого сюжета вмѣсто Валькисъ является, при тѣхъ же обстоятельствахъ, гусеногая Сивилла; такъ и въ болгарской легендѣ³⁾, дѣлающей ее дочерью Давида. Viola — вила, обитательница водъ, какъ и русалка, могла отдать свой признакъ—гусиныя ноги, Сивиллѣ-самовилѣ, какъ опредѣлила отчасти и звуковое приуроченіе ея имени.

Предыдущія соображенія вызваны были гипотезой, что вила=viola, въ сущности, маны; но я далеко отъ намѣренія объяснить перую въ этой древней, предположительной стадіи ея типа, отраженіемъ

¹⁾ *Deanaszew*, *Поэтыческія воззрѣнія*, III, стр. 126, 164, 188; *Πολίτης Μελέτη* I, 92, 97.

²⁾ *Arkiv*, I, с., стр. 90.

³⁾ *Опыты по исторіи развитія христіанской легенды*, II, I, 251—252.

одного лишь римскаго имени и вѣрованія, пережившихъ на Балканскомъ полуостровѣ до славянской поры. Въ вилѣ я вижу сложный образъ, въ которомъ римская *viola* слилась съ древнимъ *вѣла = вила. На этотъ разъ я исхожу изъ аналогіи валькирій. Индо-европейскій корень *wel = гибнуть могъ дать такія формы перезвука: *wel*, *wol*, *wēl*, *wōl*; *wol* дало старо-сѣверное *valg*, англосаксонское *wael*, староверхненѣм. *wal* = гибель, сумма погибшихъ, мѣсто гибели (въ бою); отсюда цѣлый рядъ сѣверныхъ представленій и образовъ, древнее значеніе которыхъ недавно раскрыто было Schullerus'омъ ¹⁾. *Valhöll* лишь съ половины IX вѣка стала посмертнымъ жилищемъ героевъ, витязей: въ основѣ это просто палата, обитель усопшихъ, обведенная изгородью, *Valgrind*, о которой не многіе знаютъ (какъ она замыкается; передъ нею рѣка мертвыхъ, *Valglaumr* (*Grimnismál*, 21, 22); Одинъ, какъ властитель Валгаллы, зовется *Valfödr* = отецъ мертвыхъ; половину избираетъ себѣ онъ, другую Фрея (*Grimnismál*, 14); *Valfreja* въ *Njalssaga* гл. LXXIX означаетъ, собственно, госпожу, властительницу надъ усопшими. Я полагаю, что и валькиріи, обитательницы *Valhöll*, не выходили первоначально изъ этой сферы представленій и означали не воительницъ (*Schullerus*), а масть, выскавшихъ смертную долю, умершихъ, затѣмъ уже опредѣляющихъ судьбу другихъ, главнымъ образомъ, смертную. Перезвукъ *wōl* отразился въ англо-саксонскомъ *wōl - daeg* = *Tag der Pest* (*Groschopp*), старо-верхненѣм. *wuol*: поражение, гибель. Наконецъ, *wēl* дало цѣлый рядъ литовскихъ и латышскихъ отраженій ²⁾: у литовцевъ *welís*, *welionis* мужск. рода — покойникъ, *wel'eĩ* — души умершихъ людей *wēlės* женск. рода множественнаго числа — *in Samogitien die geisterhaften Gestalten der Verstorbenen und wohl überhaupt geisterhafte Wesen, wie die Laumes*; *wel'ĩ welikas* (иначе *wel'ані petnis'a*) — пасха велей въ день великой пятницы. Въ латышскомъ языкѣ *wel'i* = *Geister der Verstorbenen*, *wel'и laiks*, *gagu laiks* — время отъ Михайлова до Мартынова дня, и во всякомъ случаѣ мѣсяцъ октябрь, когда, по народному вѣрованію, души умершихъ ходятъ по землѣ, чтобы получить жертвоприношенія; кромѣ того, въ народныхъ пѣсняхъ употребляется форма *weleni'si* — *die abgeschiedenen Geister*, *wel'eni'ks* = покойникъ, веля — *māte* = мать

¹⁾ *Paul und Braune's Beiträge*, XII, стр. 221 и слѣд.

²⁾ Сл. Литовскій катихизисъ Н. Даушисъ, по изданію 1595 года вновь перепечатанный и снабженный объясненіями Э. Вольтеромъ (С.-Пб. 1886), Словарь, а. в. *welinas*, стр. 121 и слѣд.; стр. 122—123. Сл. *Вольтеръ* въ журналѣ засѣд. отдѣл. этнографіи, 4-го апрѣля, 1886 г., стр. 329.

велей, мертвецовъ, напоминающая сѣверную Valfreya'ю, тогда какъ Vielona deus animagum, если это не измышление Ласицкаго, отвѣчалъ бы Valfödur'у. Но мы найдемъ въ латышскомъ повѣр'ѣ и представленіе Valgrind'a: миръ велей—манъ—загробный, загороженный воротами, которыя открываются новичку при посредничествѣ и помощи предковъ, родителей, умершихъ раньше дѣтей. Сл. латышское причитаніе:

Испеки мнѣ, матушка, бѣлый хлѣбъ,
Провожай меня на кладбище!
Будетъ чѣмъ угостить дѣтей мертвецовъ,
Которыя створять ворота велей.

Вели — это предки, „домовые“; обойдя всѣхъ жителей деревни, чтобы пригласить ихъ на свадьбу, невѣста возвращается въ сумеркахъ домой и, подойдя къ дверямъ, причитаетъ; просить родителей либо старшихъ въ семьѣ:

Открывайте дверцы велей (вело дуралесь),
Отодвиньте стальныя влямки,
Ой пускайте меня, вашу дочь,
Меня дочь вашу слугу.

Это причитаніе указываетъ на извѣстное отношеніе велей-предковъ къ понятію родовой, прирожденной доли. Вели въ самомъ дѣлѣ смѣшиваются съ лаумами, роженицами славянъ, и какъ о лаумахъ говорятъ, что онѣ уносятъ новорожденныхъ, такъ и о веляхъ: если родильница спитъ безъ лучины, прійдутъ вельсь и обмѣнятъ ребенка.

Чередованіе велей съ лаумами указываетъ на процессъ, одинаково поведшій къ развитію идеи доли въ представленіи вилъ и валькирій; далѣе пути расходятся въ силу особыхъ культурныхъ условій, положившихъ печать воинственности на образъ вилъ и ихъ сѣверныхъ совопросницъ, оставившихъ велей—манами и отнесшихъ въ фантастическую даль обитателей Элизія, Ἠλύσιον πεδίων. Они, вѣроятно, тѣ же маны: *ἦλος (оттуда=ἦλόσιος)—литовское wēlis, славянское *вѣла=вила; Элизій первоначально долина мертвыхъ вообще, не однихъ блаженныхъ. Если мое соображеніе вѣрно, то оно поведетъ насъ къ нѣсколькимъ этимологіямъ по аналогіи: съ сербскаго вилован — lumphaticus, виловит id. виловѣякъ = бијесан човјек да су виле у њему—можно сравнить ἦλεος, ἦλος, ἦλίθιος: помѣшанный, непонятный, глупый; и можетъ быть, ἦλι-φάρμακος (растеніе) слѣдуетъ объяснить въ связи съ растеніями, названными отъ вилъ, въ родѣ вилин лукъ (hyacinthus comosus), виливо сито (herbae genus), виловѣяча (fungi genus).

Александръ Веселовскій.

КЪ ИСТОРИИ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

I.

Нѣсколько лѣтъ назадъ академикъ А. Н. Веселовскій указалъ на одинъ бѣлорусскій памятникъ, упоминающій о двухъ богатыряхъ Владимірова цикла—Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Будимировичѣ и позволяющій думать, что былины Владимірова цикла нѣкогда были хорошо извѣстны въ Бѣлоруссіи. Это—сатирическо-юмористическое произведеніе XVI вѣка, имѣющее форму письма оршанскаго старосты Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу и помѣченное 1574 годомъ (Южно-русскія былины, I, 61). Мы нашли другой памятникъ, менѣе важный, чѣмъ письмо Кмиты, но тѣмъ не менѣе не лишенный значенія для опредѣленія области распространенія былины Владимірова цикла въ старое время. Это—статья Румянцовскаго сборника № 358.

Нѣтъ надобности говорить о составѣ этого сборника, давно описаннаго Востоковымъ; можно только замѣтить, что онъ очень разнообразенъ. На первыхъ листахъ сборника мы читаемъ вкладную старца Кириллова Бѣлозерскаго монастыря Исаи, помѣченную 1568 годомъ. Статьи, писанныя тѣмъ же почеркомъ, которымъ писана интересная для насъ статья, заключаютъ въ себѣ рядъ данныхъ, посредствомъ которыхъ можно опредѣлить время и мѣсто ея написанія. Одна изъ нихъ („Родословіе великихъ князей Русскихъ“, л. 206 об. слѣд.) оканчивается упоминаніемъ объ Иванѣ III и его сыновьяхъ—Иванѣ, затѣ Стефанѣ Волошскаго († 1490 г.), и Василіи Новгородскомъ (Василій объявленъ великимъ княземъ Новгородскимъ въ 1499 г.). Другая перечисляетъ Русскихъ митрополитовъ; здѣсь, послѣднимъ, послѣ

Алексѣя, Діонисія, Пимины, Кипріана и Фотія названъ Герасимъ († 1435 г.). Такимъ образомъ время написанія интересной для насъ статьи можетъ быть опредѣлено началомъ XVI вѣка. Что касается мѣста ея написанія, то, кромѣ упоминанія митрополита Герасима (Литовскаго, а не Московскаго), кромѣ указанія, что Владимиръ Святой сѣлъ „на великомъ княженъи всея земля рускыя и литовскія“, о немъ говорятъ особенности языка: у вмѣсто в и на оборотъ и твердое р вмѣсто мягкаго (течаше у великое озеро, утекла у вѣликое озеро, донти... у варягы, испросиша в нихъ, бяше... две в нихъ сестры; Рурикъ, Игорьъ, Игоря, у Выгора, богатыровъ, жеролъ=жерѣлъ и т. п.). Названныя особенности, несомнѣнно бѣлорусскія, показываютъ, что статья написана въ Бѣлоруссіи.

Она озаглавлена „О начальствѣ рускыя земля“ (л. 175) и есть не что иное, какъ краткая, неуклюжая передѣлка лѣтописнаго разказа. Вотъ ея начало. „Не было на русской земли князей, но ехавши новгородци в немецкую землю, и испросиша в нихъ три братеники: князя Синеуса, Рурика, Труфора, и выведоша на Русь. Сѣлъ убо Рурикъ в Новеградѣ, а Сивѣусъ на Белѣ озѣре, а Труфоръ в Ызборску; и родишася отъ Сенеуса князи Низовскія, а отъ Труфора не бысть отрода, а отъ Рурика в Новѣгородѣ родися сынъ — Игорьъ князь. И сѣлъ Игорьъ княземъ и поятъ себе жону отъ Пскова, именемъ Ольгу. А гдѣ нынѣ градъ Кіевъ, отъ начала не бысть ту града при князѣ Игорѣ. Живущи бяше в то врѣмя на томъ мѣсте, идеже нынѣ градъ Кіевъ; ти — бра(те)ники быша: Кнѣ, Щека, Хоривъ, и две в нихъ сестры: Лыбедь...¹⁾ И шодъ Игорьъ князь, победи три братеника Кнѣ, Щека и Хорива. И оттолѣ заложилъ градъ Кіевъ. И родися у Выгора Святославъ в Новегородѣ. По сихъ убиша князя Игоря дѣвляне, и еха Ольга въ Царьградъ и крестися отъ патріарха и възвратися на Русь. И родишася у Святослава 2 сына: Оль, Роговолодъ. И бяше въ то врѣмя у Волге ключница девка велми красна. И нача с нею пребывати Святославъ, сынъ Ольгинъ. И родися у Святослава у тоя дѣвницы князь Володимиръ в Новегородѣ. Князя же Володимера ведоша новгородци в градъ Кіевъ на столъ златъ, и сядѣ Володимеръ во градѣ Кіеве на златомъ столѣ на великомъ княженъи всея земля рускыя и литовскія, и нача обладати отъ моря и до моря. Бысть слава его и гроза на всѣхъ стра(на)хъ. Уби князь Володимиръ 2 брата своа Ольга и Роговолода. И быша у князя Владимера

¹⁾ Другое имя написано: *кел. лме.*

храбрии вои мнози въ градѣ Киевѣ, и начаша избивати силы великыя половецкія подъ городомъ подъ Киевомъ; и оттолѣ начаша бояться цари ординскіа. У князя Володимера было храбрыхъ богатыровъ много; и начатъ ихъ посылати по всѣмъ градомъ и странамъ, послы своа слати во жыды и в тотары и в немци и во арменови и въ Царьградъ. Тня же послы, приехавъ изо всѣхъ вѣрь, исповѣдаша ему, како вѣрують въ Царягородѣ. Изобра грѣческую православную христьянскую...“

Далѣе развязывается о походѣ Владимира на Корсунь и о крещеніи. Мы не находимъ возможнымъ считать напечатанныя съ разрядкой слова основанными на разказѣ какого-нибудь лѣтописнаго свода, въ родѣ Никоновскаго. По нашему мнѣнію, трудно сомнѣваться, что это извѣстіе о „богатыряхъ“ Владимира Святаго, избивавшихъ „силы великія половецкія“ и заставившихъ бояться „царей ординскихъ“, взято авторомъ статьи изъ бѣлорусскихъ народныхъ пѣсень его времени, гдѣ онъ слышалъ, можетъ быть, тѣ самыя подробности объ пораженіи подступившаго подъ Кіевъ войска, которыя извѣстны намъ изъ онежскихъ былинь объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ-Батыгѣ, но съ тою разницею, что въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ побитые враги именовались не только татарами-ординцами, но и половцами.

II.

Какъ извѣстно, Никоновскій лѣтописный сводъ XVII вѣка въ разказѣ о княженіи Владимира Святаго сообщаетъ нѣкоторое количество свѣдѣній о богатыряхъ Владимира и ихъ подвигахъ. Въ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ эти свѣдѣнія отсутствуютъ, и потому, мы думаемъ, не лишень нѣкотораго значенія разказъ о тѣхъ же богатыряхъ, почти тожественный съ разказомъ Никоновскаго свода, но находящійся въ памятникѣ XVI вѣка.

Это—обширное житіе великаго князя Владимира, написанное при Иванѣ Грозномъ по благословенію и повелѣнію митрополита Макарія и сохранившееся до насъ, если не ошибаемся, только въ одномъ спискѣ—въ іюльской книгѣ Милютинскихъ Четіихъ-Миней (въ Московской синодальной бібліотекѣ). Въ немъ мы находимъ, кажется, всѣ свѣдѣнія о Владимірѣ, какія только могъ найти книжный человекъ Московской Руси въ XVI вѣкѣ. Авторъ этого до сихъ поръ неизвѣстнаго произведенія пользуется многочисленными и разнообразными источниками—лѣтописями, хронографами, житіями, твореніями свв. отцовъ, народ-

часть сслxiv, отд. 2.

ными преданіями. Въ началѣ, послѣ длиннаго, недурно составленнаго вступленія, онъ помѣщаетъ свѣдѣнія о предкахъ Владимира и о происхожденія ихъ отъ кесаря Августа, въ весьма интересной редакціи (лл. 783—784): „Не худа же рода баху и не незнаема, но паче преименита и славна—римскаго Кесаря Августа, обладающаго всею вселенною и единоначальствующаго на земли во время перваго пришествія на землю Господа Бога нашего Иисуса Христа, иже егда нашего ради спасенія изволи родитися отъ безневѣстныхъ и пречистыхъ Приснодѣвы Маріи. Сій кесарь Августъ разряди вселенную братии своей и сродникомъ. Ему же баше присный братъ, именованъ Прусь. И сему Прусу тогда поручено бысть властодержество въ берегахъ Вислы рѣки—градъ Мадборокъ и Турусъ и Хвойница и пресловый Гданескъ и инши многи грады по рѣку глаголемую Немось, впадшую в море,—иже и донныѣ зовется Пруска земля. Отъ сего же Пруса сѣмени баше выше реченный Рюрикъ и братія его. И егда еще живяху за моремъ, и тогда варязи именовашася и изъ (за)морія имаху дань на Чуди и на Словенехъ и на Кривичахъ“....

Дальше авторъ разказываетъ о путешествіи апостола Андрея по Руси и здѣсь, между прочимъ, сообщаетъ, что когда апостолъ былъ у устья Днѣпра, онъ стоялъ на большомъ камнѣ на берегу моря и молился, что на этомъ камнѣ „воглубинообразились“ ноги Андрея, что онъ остается на прежнемъ мѣстѣ, и что многіе больные мажутся водою изъ впадинъ камня и исцѣляются. Кромѣ того, авторъ упоминаетъ объ оставленіи апостоломъ жезла своего въ Грузинѣ.

Дальше мы находимъ разказъ о разбойникѣ Могутѣ, осужденномъ на смерть, но выпросившемъ у Владимира помилованіе, ушедшемъ къ митрополиту Іоанну для безысходнаго житія въ его домѣ и потомъ показавшемъ много христіанскаго умиленія и смиренія.

Далѣе авторъ помѣщаетъ слѣдующее повѣствованіе о богатыряхъ Владимира (л. 916 сл.): „Дарова ему Богъ и вельможи его премудры и разумны и въ благосовѣтти дивны, мнози же и сильны и храбростию удалы и нарочиты. Яко же нѣкогда Давидъ царь имѣаше у себе сильныхъ мужъ тридесять и семь таковы мужествены, яко меншему ихъ могущу выйти на сто мужей, вѣщшему же наипаче возможно и противу тысящи братися,—такъ и сей блаженный Владимиръ по благодати Божии имаше у себе, яко же выше реченно, мужи храбры и удалы и сильны. Въ нихъ баше преже реченный Янъ Усмошвецъ, иже убивый исполина печенѣжанина велика и силна. Тако же дивенъ баше в побѣдахъ и Рагдай Удамый, иже на брань единъ могый

исходити противу триехъ сотъ сопротивныхъ. Подобно же симъ мужество и храбрость имѣя и Александръ рекомый Поповичъ. Таковъ же бѣ и Малврѣдъ Силный. Равенъ же мужествомъ и Андрихъ Добрянковъ и нини мнози. Бысть же тогда нѣкто половчинъ, именуемый Володаръ. И сей диволимъ научениемъ, забывъ многое к себѣ благодарѣние государя своего святаго и великаго князя Владимира, прииде бранию ко граду Киеву съ братомъ си и со многими половцы, яко время удобно усмотривъ своему зломыслию, великому бо князю Владимиру самому не сущу тогда в Киевѣ, но в Переславцѣ на Дунаи. И бысть тогда в Киевѣ смятение великое; но обаче вѣры ради и благодарѣннѣя блаженнаго Владимира, вскорѣ разори Богъ неправедныя совѣты безумнаго Володара, и не токмо не успѣ граду ничто же зло сотворити, наипаче же самъ погиге и прочии с нимъ. На нихже, Богомъ подвижаемъ, изыде нощию выше реченный Александръ Поповичъ, и абие побѣди ихъ, самого же враждотворца Володара оружию в снѣдъ сотвори и конечной пагубе предаде; с нимже вкупѣ и брата его низложивъ, и мертва сотвори, и иныхъ множество половець изби, овѣхъ же в поле прогна. Слышавъ же сия, блаженный самодержецъ Владимиръ возрадоса зѣло; велие благодарение воздаваше Богу, на Александра же возложи гривну алату и сотвори его вельможу честна в полатѣ своей. И паки потомъ Александръ Поповичъ и Янъ Усмошвецъ, иже убивый печенѣжска исполина, и сия предивна храбра оба вкупѣ, помощию Божію, многи побѣды показаша и многимъ сопротивнымъ одолѣваша. Нѣкогда же множество печенѣгъ избиша и самого князя ихъ Радмана и с трема сыны его живы изымаша и к блаженному Владимиру в Киевъ приведоша "...

Сличеніе житійнаго повѣствованія о богатыряхъ съ разказомъ о нихъ Никоновскаго свода показываетъ, что первое не можетъ быть считаемо оригиналомъ втораго, и что они оба основаны на одномъ и томъ же источникѣ. Авторъ житія, по видимому, ограничился только перефразировкой этого источника да вставкою богатыря Малврѣда, который, безъ сомнѣнія, обязанъ своимъ происхожденіемъ лѣтописному извѣстію о смерти Малфреди.

А. Соболевскій.

РУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ¹⁾.

III.

Греко-униатская церковь подъ управленіемъ князя А. Н. Голицына. Митрополиты Григорій (Кохановичъ) и Юсафатъ (Булгакъ). Усиленіе базилианъ и протесты Брестскаго капитула.

Съ образованіемъ особаго самостоятельнаго высшаго управленія дѣлами иностранныхъ исповѣданій, вѣреннаго князю А. Н. Голицыну, начинается новый періодъ въ исторіи греко-униатской церкви. Этотъ періодъ характеризуется, съ одной стороны, возрожденіемъ надеждъ базилианскаго ордена къ возвращенію прежняго могущества и вліянія на судьбы русской униі, съ другой—протестами бѣлаго духовенства, особенно Брестскаго капитула.

Брестскій капитулъ, съ устройствомъ котораго мы познакомились впоследствии, старался поддержать реформаторскіе планы Лисовскаго и такимъ образомъ вступилъ въ упорную и непрерывную борьбу съ базилианскимъ орденомъ. Капитулъ частью представленіями, подерѣвленными архивными документами, частью же разоблаченіями базилианъ добивался довершенія преобразованій въ церкви, приостановленныхъ не столько событіями отечественной войны, сколько неудачнымъ составомъ высшей духовной іерархіи въ униі послѣ Лисовскаго. Главноуправляющій князь А. Н. Голицынъ, запутавшійся въ интригахъ іезуитовъ, сталъ орудіемъ ихъ усердныхъ послѣдователей—базилианъ, которые сумѣли подогрѣвать въ честолюбивомъ государственномъ сановникѣ эгоистическія мечты и на-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. июньскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

клонность къ мистицизму. Обратный ходъ въ дѣлахъ греко-униатской церкви выразился замѣтно въ 1817 году, когда князь А. Н. Голицынъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а епископъ Булгакъ возведенъ въ санъ митрополита русскихъ униатовъ. Не скрываемое уже базилианами намѣреніе снова занять въ церковной униатской іерархіи господствующее положеніе, стремленіе провинціаловъ разстроить правительственныя мѣры, склонившіяся къ улучшенію быта благаго духовенства; кичливость и заносчивость настоятеля св. Троицкаго базилианскаго монастыря, а затѣмъ литовскаго провинціала Цезарія Каминскаго и монаха-богослова Маевскаго, открытое потворство базилианскимъ интересамъ митрополита Булгака и Виленскаго епископа Адріана Головни поднали на ноги представителей благаго духовенства въ Виленской и Брестской епархіяхъ и повели къ образованію изъ нихъ коалиціи, вступившей въ открытую борьбу съ базилианами.

Спусти не болѣе полугода послѣ смерти Ираклія Лисовскаго, благаго духовенство Брестской и вновь образованной Виленской епархіи вошло съ представленіями черезъ свои консисторіи о тяжелой своей участи и просило возвращенія незаконно захваченныхъ базилианами монастырей, нѣкогда принадлежавшихъ свѣтскому клиру. „Базилиане“, сказано въ представленіи Брестской консисторіи отъ 28-го января 1810 г.,— „захватили фондуши благаго духовенства, о чемъ былъ поданъ протестъ духовенствомъ Виленской епархіи еще въ 1776 году. Въ монастыряхъ Черлѣнскомъ, Хомскомъ, Даревскомъ, Лысковскомъ, Рожанскомъ, Волнянскомъ, Мирскомъ и Чечерскомъ имѣются приходы, которые прежде управлялись священниками и существовали на счетъ свѣтскихъ приношеній. О томъ, чтобъ эти церкви назначались для пребыванія монаховъ въ фундаціяхъ вовсе не упоминается, и не извѣстно на какомъ основаніи они были обращены въ монастыри“. Монаховъ въ этихъ монастыряхъ столь небольшое число, что они подлежатъ упраздненію, согласно постановленіямъ папъ и конституціямъ. Въ буллѣ Иннокентія X, 1652 г., которая начинается словами: „Instaurandae regularis Disciplinae“ опредѣлено уничтоженіе малыхъ монастырей; въ буллѣ Бенедикта XIV, 1744 года, начинающейся словами: „Inter plures“, монастыри, имѣющіе менѣе восьми монаховъ, подлежатъ упраздненію; въ высочайше утвержденныхъ пунктахъ для духовенства римско-католическаго и униатскаго исповѣданій отъ 11-го декабря 1800 г. въ п. 15 опредѣлено: „Епархіальные архіереи не должны давать монахамъ приходовъ въ управленіе, дабы

черезъ то не подавать имъ случая преступить объѣты нищеты, данныя передъ Богомъ⁴. Въ силу такихъ постановленій, консисторія отъ лица бѣлаго духовенства проситъ, чтобы „высочайше назначенный комитетъ о реформѣ базилианскаго ордена, имѣя этотъ вопросъ въ виду, не отнималъ имущества у бѣлаго духовенства“.

Заявленіе Брестской консисторіи епископъ Иосафатъ Булгакъ представилъ во 2-й департаментъ коллегіи при рапортѣ отъ 31-го января съ своимъ заключеніемъ. Основываясь на законахъ римско (sic)-униатской церкви, епископъ проситъ департаментъ защитить бѣлое духовенство отъ притязаній базилианъ и изложенныя въ представленіи консисторіи претензіи (?) представить на рѣшеніе всемилоствѣйше утвержденного комитета съ тѣмъ, чтобы поименованныя въ прошеніи базилианскіе монастыри со всѣми фондушами были возвращены бѣлому духовенству, а управленіе ими ввѣрено епархіальному епископу, а не етиторамъ; доходы означенныхъ церквей должны быть обращены на вознагражденіе заслуженныхъ членовъ кафедральнаго собора (капулульныхъ прелатовъ) и обучающихся въ главной семинаріи юношей¹⁾.

Вслѣдъ за симъ министръ народнаго просвѣщенія графъ А. Разумовскій препроводилъ во 2-й департаментъ коллегіи поданную ему жалобу Виленской митрополичьей консисторіи и просьбу о возвратѣ свѣтскому клиру приходскихъ церквей, обращенныхъ въ монастыри Раковскій, Кашуцкій и Поставскій, во вновь учрежденной Виленской епархіи.

„Монахи“, пишетъ консисторія,— „отнимаютъ способы униатскимъ мірскимъ священникамъ къ приличному по ихъ сану содержанію, честныхъ мужей бѣлаго духовенства, въ богословіи просвѣщенныхъ, удаляютъ отъ принадлежащей имъ должности, стѣсняя ихъ нищетою“. И далѣе: „Обучающіеся въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ студенты четырехъ униатскихъ епархій приготавливаются къ занятію должности въ приходяхъ, а между тѣмъ они будутъ оставаться безъ мѣстъ, въ виду того, что базилиане отняли фондуши“.

„Ваша свѣтлость, милостивѣйшій благодѣтель, воззри окомъ милосердія на нищету и притѣсненія унитскаго бѣлаго духовенства и благоволи оное принять подъ свое покровительство и защиту, дабы

¹⁾ См. архивъ, 2-го деп. р.-к. коллегіи. Дѣло 1810 г., № 6. Представленіе подписали: предѣдатель консисторіи оециалъ Антоній Тувальскій, ассессоры: Степанъ Горбацевичъ и Брестскій каноникъ Яковъ Клевскій.

вышеупомянутыя приходскія церкви, въ вѣдѣніи базилианъ находящіяся, унитарному бѣлому духовенству со всѣми имуществами, нынѣ при нихъ находящимися, возвращены были⁴⁾.

Жалобы обѣихъ консисторій разсматривались въ департаментѣ коллегіи въ засѣданіяхъ 16-го февраля, 31-го мая, 2-го, 3-го и 7-го іюня 1811 года, и затѣмъ послѣдовала слѣдующая резолюція: „Дѣло это не подлежитъ сужденію коллегіи (sic) и зависитъ отъ верховнаго государственнаго правительства, о чемъ и дать знать епископу Булгагу и Виленской консисторіи“. Журналь подписали: Полоцкій архіепископъ І. Крассовскій, ассессоръ Луцкій прелатъ Іоаннъ Гачевскій, ассессоръ Іосафатъ Горбацевичъ (послѣдній отъ Брестской и Виленской епархій).

Замѣчательно, что засѣдатель Іосафатъ Горбацевичъ объ этомъ дѣлѣ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ старался доказать неправильность иска своихъ собратій, брестскихъ канониковъ. Вотъ что писалъ Горбацевичъ: Въ одиннадцати названныхъ монастыряхъ, обращенныхъ изъ приходскихъ церквей въ XVII и XVIII столѣтіяхъ (1637—1711), состоитъ теперь 57 монаховъ, числится 484 души крестьянъ, 3 уволокъ земли и капитала на 25,876 руб.; монахи обязаны ежегодно служить 3,547 литургій, но такое количество облигацій не въ состояніи будутъ исполнить приходскіе священники. Между тѣмъ на базилианскихъ монаховъ возложено содержаніе 20 епархіальныхъ семинаристовъ бѣлаго духовенства, ихъ обучать, снабжать ихъ одеждою, пищею и т. п. (вѣроятно, дѣло идетъ о Лаврышевской семинаріи, существовавшей на бумагѣ). Кромѣ того, базилианскіе монастыри Литовской провинціи (въ составъ которой входятъ означенныя 11 монастырей) обязаны платить на содержаніе униатскихъ клириковъ главной духовной семинаріи ежегодно по 1,211 рублей. Помнится Горбацевичу, что когда, вслѣдствіе указа 12-го іюля 1804 г., предложено было уменьшить число базилианскихъ монастырей, то коллегія опредѣлила, въ случаѣ уничтоженія лишнихъ монастырей, имущество ихъ передать прочимъ базилианскимъ монастырямъ, и такое мнѣніе вмѣстѣ съ дѣломъ отослано въ сенатъ въ началѣ 1805 года.

⁴⁾ Тамъ же. Прошеніе подписали: каноникъ (Брестскій) предсѣдатель консисторіи Ілья Мокрицкій, каноникъ (Брестскій) вице-президентъ консисторіи Іосифъ Шидловскій, каноникъ (Брестскій) засѣдатель консисторіи Клементій Косецкій. Вильно мая 11-го дня 1810 г. Ілья Мокрицкій, кажется, былъ сыномъ о. Іоанна, подавшаго протестацію, о которой мы упоминали выше.

Далѣ представитель интересовъ уніатскаго духовенства въ столицѣ дѣлаеть ссылку на докладъ 27-го іюля 1807 года о базилианскомъ обществѣ, гдѣ въ п. 18 сказано объ образованіи „эдукаціоннаго фундуша“; послѣдній же долженъ быть въ распоряженіи базилианъ; но для разрѣшенія этого вопроса учрежденъ особый комитетъ.

Въ заключеніе своего мнѣнія членъ департамента коллегіи отъ Брестской епархіи приводитъ въ справкѣ постановленія благопріятныя интересу базилианъ и опускаетъ все то, что должно служить поддержкою петиціи бѣлаго духовенства. Такъ онъ ссылается на конституцію 1775 года (до которой не было никакого дѣла русскому правительству); послѣдняя же предписывала оставить въ спокойномъ обладаніи базилианъ всѣ прежнія пожалованія; далѣ онъ указываетъ на трактатъ между Польшею и Россіей, отрицаетъ силу буллы папы Бенедикта XIV (?) и приводитъ п. 10 Замостьскаго собора 1721 года, утвержденнаго папою въ 1724 г.: „Соборныя церкви, которыя по фундаціи, или по древнему владѣнію принадлежали монахамъ быть (должны?) ими управляемы, прочіе же священники бѣлаго духовенства и настоящій родъ ихъ перемѣняемъ быть не можетъ“. Приведа такіи односторонніи и невѣрныи справки, засѣдатель Юсафатъ Горбачевичъ заключаетъ, что домогательства бѣлаго духовенства не согласны съ интересами ордена базилианъ, но полагаетъ однако нужнымъ, въ случаѣ удаленія (?) базилианъ, передать захваченныи ими фундуши бѣлому духовенству, о чемъ и сообщить комитету ¹⁾.

Брестской и Виленской консисторіямъ указомъ 10-го іюня 1811 года дано было знать, что „коллегія въ разбирательство по духовнымъ фундушамъ входитъ не имѣетъ власти“.

Уніатскій департаментъ коллегіи рѣшилъ вопросъ вопреки намѣреніямъ императора Александра I, выраженнымъ въ указѣ 1804 года, который въ свою очередь былъ повтореніемъ указовъ 1795 и 1797 годовъ объ ограниченіи числа монастырей въ уніатской церкви. Рѣшеніе департамента не согласовалось также и съ буллами папъ Иннокентія X и Бенедикта XIV, требовавшими закрытія мелкихъ монастырей и ограничивавшими общежительство восемью монахами. Журналъ подписанъ однако и архіепископомъ Красовскимъ, столь

¹⁾ Тамъ же. Особое мнѣніе Горбачевича, поданное имъ на другой день послѣ подписанія журнала.

усерднымъ исполнителемъ мѣръ, клонившихся къ ограниченію вліянія базилианскаго ордена въ униі при Лисовскомъ ¹⁾).

Дѣло секуляризаціи монастырей Литовской провинціи было отложено опять въ долгій ящикъ въ угоду епископамъ, всецѣло преданнымъ базилианскому ордену—Булгаку и Головніѣ. Первый дѣйствовалъ уклончиво: въ 1810 году онъ поддерживалъ жалобы духовенства своей епархіи, и по видимому, входилъ въ его интересы; но спустя годъ, назначенный имъ же засѣдатель въ департаментѣ I. Горбачевичъ становится великодушнымъ защитникомъ базилианскаго ордена! Другой, епископъ Головня, просто умылъ руки: онъ предоставилъ Виленской консисторіи самой подать жалобу одному изъ членовъ высочайше утвержденнаго комитета, графу Разумовскому. Послѣдній точно также отклонилъ отъ себя ходатайство консисторіи. А затѣмъ департаментъ коллегіи въ своемъ рѣшеніи даже и не потрудился объяснить, кто именно долженъ входить въ разбирательство жалобъ униатскаго духовенства...

Митрополитъ Григорій Кохановичъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Лисовскому и самъ происходя изъ среды благаго духовенства (онъ былъ вице-офиціаломъ и офиціаломъ въ Полоцкой епархіи при Лисовскомъ), оставался въ Жидичинѣ спокойнымъ и безучастнымъ зрителемъ происходившаго и почти не руководилъ дѣлами своей церкви. Даже и столь энергичный Красовскій, стоявшій на стражѣ благаго духовенства Полоцкой епархіи при митрополитѣ Лисовскомъ, дѣйствовалъ теперь уклончиво.

Все это даетъ намъ нѣкоторое понятіе объ отношеніи іерарховъ и высшихъ правительственныхъ органовъ къ дѣламъ униатской церкви. Сенатъ, главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, 2-й департаментъ римско-католической коллегіи и епархіальныя власти не могутъ сладить съ притязательностью монашескаго ордена, владѣвшаго милліоннымъ капиталомъ и множествомъ крѣпостныхъ людей!...

Сенатъ съ 1804 года все еще не успѣлъ собрать свѣдѣній о числѣ монастырей и его фондушахъ въ трехъ униатскихъ епархіяхъ. Голицынъ въ качествѣ главнаго начальника, не заинтересовался даже узнать, почему указъ 1804 года оставался безъ исполненія. Объ этомъ

¹⁾ I. П. С. З. Сенатскій указъ, 17-го мая 1804 г.: „Въ виду несообразности числа униатскихъ монастырей“ упразднить малые монастыри, а школы (упраздненныхъ монастырей) принять министру народнаго просвѣщенія“.

указъ ничего не хотѣлъ знать и членъ коллегіи Горбачевичъ, не забывавшій однако ни постановленій Замостьскаго собора 1721 г., ни польскихъ конституцій 1775 года, вовсе не относившихся къ дѣлу, поднятому консисторіями. Непонятна также роль старшаго члена коллегіи архіепископа Брасовскаго, на которое бѣлое духовенство имѣло основаніе разчитывать, какъ на единственную свою опору...

Рано было поднимать свой голосъ Брестскому капитулу, къ которому принадлежали предсѣдатели и члены консисторіи двухъ епархій.

Базилианскому ордену необходимо было подорвать авторитетъ Брестскаго капитула, возстановленнаго въ 1775 г. епископомъ Млодовскимъ и утвержденнаго привилегіями Польскаго короля Станислава Августа 19-го августа 1780 г. ¹⁾.

Въ 1808 г. епископъ Булгакъ актомъ 6-го декабря возстановилъ упавшій капитулъ, замѣстивъ вакантныя мѣста прелатовъ и канониковъ вновь избранными лицами. Въ 1810 г. въ составъ Брестской епархій вошли церкви упраздненной Супрасльской епархій, и тогда же Супрасльскій капитулъ слился съ Брестскимъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе возстановленія Виленской митрополичей епархій, Брестская каедрa лишена была своихъ послѣднихъ фундушей, отошедшихъ на содержаніе епархіальнаго епископа. Предполагалось возстановить Супрасльскую каедрu, передавъ ея фундуши на содержаніе Брестскаго капитула, въ которомъ теперь соединились представители бѣлаго духовенства, бывшихъ четырехъ епархій: Пинской, Туровской и Супрасльской, слившихся вмѣстѣ съ Брестскою ²⁾.

Между тѣмъ членъ Брестскаго капитула Шядловскій, занимая должность вице-предсѣдателя въ консисторіи возстановленной Виленской епархій, рѣшилъ принять на себя инициативу по возстановленію каедральнаго собора въ Вильнѣ и образованію новаго капитула.

¹⁾ Брестскій капитулъ существовалъ еще въ XVI вѣкѣ. Еще за 10 лѣтъ до введенія уніи каедральное русское духовенство называлось капитуломъ, выраженіемъ взятымъ у латынявъ. Многіе акты свидѣтельствуютъ о существованіи Брестскаго капитула при Брестскомъ Николаевскомъ соборѣ въ XVII вѣкѣ. Капитулъ, упавшій вслѣдствіе внутреннихъ смуть въ Польшѣ, возстановленъ 14-го мая 1775 г. Его составляли: архипрєсвитеръ Антоній Корончевскій, архидіаконъ Прибышевичъ, схоласть Загоровскій, екслезіархъ Ходевичъ, хартоулакъ Духновскій, канторъ Артецкій. Роль Брестскаго капитула выдвинулась въ слѣдующій періодъ исторіи; поэтому съ его организаціей и составомъ мы познакомимъ читателя подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

²⁾ Архивъ св. синода, 2-го деп. коллегіи. Дѣло 1818 г.: „Актъ Брестскаго капитула“, лл. 10—22.

Съ этою цѣлью въ 1811 году онъ обратился съ ходатайствомъ къ митрополиту Григорію Кохановичу объ утвержденіи его въ званіи Виленскаго каноника, съ назначеніемъ архипресвитеромъ или архидіакономъ. По этому поводу вотъ чтò писалъ митрополитъ Кохановичъ изъ Жидичина (гдѣ онъ жилъ въ качествѣ Луцкаго епископа) къ Виленскому епископу Адриану Головнѣ отъ 14-го декабря 1811 г.:

„До сихъ поръ не знаю, на какомъ основаніи епископъ Брестскій (Булгакъ) основалъ свой капитулъ и канониковъ, такъ какъ у апостольскаго кардинала Литта я не нахожу установленнаго Брестскаго капитула съ канониками и прелатами, и полагаю, что все это онъ установилъ правомъ обычая; на такомъ же основаніи нѣкоторые брестскіе каноники въ 1809 году переименованы (Лисовскимъ) въ виленскіе. Папскія буллы не устанавливали ни прелатуры, ни канониковъ, а вводили ихъ какъ церковныя отличія (*altare privilegiatur*). Для образованія капитула нужно имѣть высочайшее разрѣшеніе и обладать достаточными фундашами. Самъ „Луцкій капитулъ только тѣшится правами и бѣдными фундашами. Прелатуры и каноніи свойственны исключительно церкви римско-католической. Но о Брестскомъ капитулѣ не извѣстно—утвержденъ ли онъ? А пока не наступитъ торжественное признаніе его существованія, правъ и фундашей, до тѣхъ поръ и каноники эти существуютъ лишь по праву обычая“¹⁾.

Митрополитъ Кохановичъ въ своихъ объясненіяхъ ошибался. О капитулахъ западно-русской церкви упоминается въ нѣкоторыхъ актахъ еще въ XVI в. Такъ основатели Волчинской церкви, Солтанъ и его супруга Марія, въ актѣ 1586 г. поручили охранять церковныя фундаши „владыкѣ и его капитулѣ“, на правѣ опекуновъ. Соборное духовенство при епископской кафедрѣ всегда имѣло извѣстное отношеніе къ паствѣ: оно составляло совѣтъ епископа, служило ему въ помощь и, какъ установленіе, пользовалось извѣстными преимуществами, правами, обязанностями. Сущность дѣла тутъ не въ названіи, не въ каноніяхъ и прелатурахъ. Вслѣдствіе сосѣдства съ Польшею, послѣ того когда Русская церковь, слѣдовавшая греческому обряду, была соединена съ Римскою въ унію, особенно же во второй поло-

¹⁾ Это оециальное письмо (на польскомъ языкѣ) привелъ ученый монахъ св. Троицкаго монастыря Тома Маевскій, въ своей статьѣ „О іерархіи, соединенной съ римскою“—*Dieje Dobroc.* 1823 г., t. 1. Базиліанскій богословъ въ ней старается доказать, что со времени Замостьскаго собора епископы „для пользы душъ вѣрныхъ“ поручали должности соборныхъ священниковъ базиліанскимъ монахамъ, а не свѣтскому клиру.

винѣ XVII вѣка, многія греческія названія начали замѣнять латинскими, а русскія слова—польскими. Пренія названія—протопопъ, протопресвитеръ — замѣнены каноникомъ, русское слово священникъ (см. актъ 1586 г.) замѣнено польскимъ словомъ ксендзъ. Вмѣсто „собора“, въ смыслѣ соединенія протопоповъ при епископской кафедрѣ, стали употреблять слово „капитулъ“. Но эти перемены въ названіяхъ въ началѣ XIX в. не имѣли мѣста только въ Бѣлорусской (или Полоцкой) епархіи, откуда происходилъ Кохановичъ. При Лисовскомъ соборное духовенство Полоцкой епархіи, архипресвитеръ и протопресвитеры, имѣли однако большое значеніе; благодаря энергіи соборнаго духовенства и содѣйствію протопресвитеровъ, названныхъ потомъ канониками, Лисовскій могъ рѣшиться на реформы обрядовъ въ своей епархіи. Брестскій капитулъ или старшее духовенство, состоявшее изъ 6 прелатовъ и 12 канониковъ, оказывалъ энергическое содѣйствіе въ управленіи епархіи: его члены производили ревизіи, заботились о сохраненіи чистоты обрядовъ, объ образованіи; но епископъ Булгакъ, всею душою преданный базилианамъ, недовѣрчиво и подозрительно относился къ коалиціи соборныхъ протоіереевъ или канониковъ; и не смотря на это, онъ не только подтвердилъ актъ брестскаго капитула 6-го декабря 1808 года, но и постоянно замѣщаль открывающіяся вакансии прелатовъ и канониковъ вновь избираемыми; фактъ этотъ легко повѣрить по послужнымъ спискамъ прелатовъ и канониковъ Брестской епархіи. Само правительство, учреждая въ 1804 г. штаты уніатскихъ консисторій, опредѣлило замѣщаль должности предсѣдателя и членовъ консисторій—прелатами и канониками. И въ другихъ постановленіяхъ мы встрѣчаемся съ уніатскимъ капитуломъ, какъ съ установленіемъ, признаннымъ русскимъ законодательствомъ въ уніи. Но уніатскіе епископы еще въ XVIII столѣтіи старались, по возможности, устранить вліяніе капитула или старшаго духовенства на дѣла въ своихъ епархіяхъ; подъ давленіемъ базилианскихъ притязаній исчезли соборы или капитулы въ Вильнѣ, Минскѣ, Новогрудкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упразднены были въ свѣтскомъ духовенствѣ самыя названія: соборные клирошане, протопресвитеры, протопопы. Имуществомъ соборовъ овладѣли епископы и монастыри. Что же касается до базилианъ, то они въ свѣтскомъ клирѣ допускали только священниковъ или пресвитеровъ, между которыми, по ихъ мнѣнію, могли быть только титулованные протопресвитеры или каноники, отличаемые отъ священниковъ диаконскіими крестами, которые митрополитъ могъ возла-

гать по своей милости не болѣе какъ на 30 достойнѣйшихъ священниковъ во всѣхъ униатскихъ епархіяхъ. Усиленія свѣтскаго клира при епископскихъ кафедрахъ, какъ мы знаемъ, базилиане не допускали, не взирая на буллы папъ Бенедикта XIV и Пія VI и не смотря на императорскіе указы, въ которыхъ опредѣленъ былъ порядокъ управленія дѣлами церкви ¹⁾.

Брестскій капитулъ стоялъ на почвѣ права, а потому и не могъ допустить въ церковной іерархіи отступленій въ угоду базилианамъ.

Въ началѣ 1811 года въ Полоцкѣ состоялось посвященіе въ архіепископы Іоанна Красовскаго, и въ епископы—Адриана Головни и акова Окелло Мартусевича. Ни митрополитъ Кохановичъ, ни униатскіе іерархи, избранные Лисовскимъ, не успѣли еще ничѣмъ заявить своей дѣятельности на пользу церкви. Между тѣмъ базилианскій орденъ воспользовался политическими замѣшательствами и особенно отечественною войною, чтобы возвратить себѣ утраченное при Лисовскомъ вліяніе на дѣла западно-русской униатской церкви.

Въ Вильнѣ учрежденъ былъ „религіозный комитетъ“, въ составъ котораго, кромѣ магнатовъ и епископовъ латинскаго обряда, вошли слѣдующія духовныя особы греко-униатскаго исповѣданія: Виленскій епископъ Головня, настоятель Троицкаго монастыря архимандритъ Ленартовичъ, консулторъ монахъ Троицкаго Виленскаго базилианскаго монастыря Цезарій Каминскій. Комитетъ, въ которомъ не было ни одного представителя со стороны бѣлаго униатскаго духовенства, обложивъ монастыри и церкви контрибуціей въ пользу Наполеона, составилъ планъ низверженія митрополита Кохановича и архіепископа Красовскаго, указавъ кандидатами на Луцкую и Полоцкую епархіи монашествующихъ базилианскаго ордена, которые, подобно епископамъ Булгаку и Головнѣ, по происхожденію были поляками, а по исповѣданію, до поступления въ монашество,—римскими католиками. Эти базилианскіе кандидаты были уже представлены Наполеону и ожидали только своего утвержденія, но французы были изгнаны, и комитетъ исчезъ. „Если все это правда“, такъ писалъ Кохановичъ къ Красовскому 6-го марта 1813 г.,—„то можно сказать, что о насъ хорошо помнили и хорошо заботились. Но благодареніе

¹⁾ Въ буллѣ Бенедикта XIV требуется возстановить значеніе унававшего свѣтскаго клира и сократить число монаховъ. Пій VI въ буллѣ 6-го марта 1798 г. устанавливаетъ Супрасльскій капитулъ съ двумя прелатами и двумя канониками. Въ императорскихъ указахъ встрѣчаемъ упоминанія о *прелатахъ и каноникахъ*.

Богу и государю вѣчная слава за побѣду, замыслы нашихъ враговъ разсѣялись и изчезли, и обратися болѣзнь на главу ихъ" ¹⁾.

Въ отечественную войну пострадали всѣ сословія: широкая полоса Западной Россіи, особенно же Бѣлорусскій край, была разорена, а нѣкоторыя церкви обращены въ развалины; но всего болѣе досталось базилианскому ордену и не столько отъ нашествія непріятеля, сколько отъ его усердія къ врагамъ Россіи. Наравнѣ съ имѣніями польскихъ помѣщиковъ, пострадали монастырскія имѣнія. Нѣкоторые базилианскіе монастыри, преимущественно Луцкой епархія, оказавшіе явное содѣйствіе непріятелю, были закрыты. Другіе лишились своихъ имѣній, а слѣдовательно, и доходовъ на содержаніе монаховъ. Капиталы нѣкоторыхъ монастырей были растрачены ²⁾. Въ донесеніяхъ объяснялось, что многіе монастыри Бѣлорусской провинціи, по бѣдности своей, не въ состояніи были платить незначительной складчины на семинарію. Такъ, по крайней мѣрѣ, оправдывали настоятелей сами епископы. „Крестыяне“, писалъ архіепископъ Красовскій, — „совершенно разорены; имъ необходимо выдавать ссуды лошадьми и припасами, нѣтъ средствъ удовлетворять земскія повинности; монастырскія церкви лишены утвари и украшеній. Платить денегъ на семинаріи они не могутъ“. Почти то же самое доносилъ въ коллегію и Луцкій епископъ о монастыряхъ Русской провинціи: „Нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ денегъ на прокормленіе живущихъ монаховъ или же не получаютъ никакихъ процентовъ съ капиталовъ, ввѣренныхъ помѣщикамъ“ ³⁾. При такихъ условіяхъ правительство нашло нужнымъ сложить съ монастырей, какъ римскихъ, такъ и базилианскихъ, недоимку за три года въ количествѣ 45,000 руб., а это обстоятельство было существенною причиною замедленія къ возобновленію главной духовной семинаріи, закрытой при самомъ началѣ отечественной войны ⁴⁾.

¹⁾ Записки Василя Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго, *Пр. Собесѣдн.* 1884 г., іюль, стр. 254—258.

²⁾ Арх. св. синода. Дѣло 1813 г., № 21, „О растратѣ фундушей Безводкадкаго монастыря“. Часть денегъ, сказано въ одной жалобѣ, растрачена была по случаю прошедшей революціи(?). Жалоба подана въ августѣ 1813 г.

³⁾ Арх. св. синода. Дѣло 1815 г., № 6, на 408 листахъ.

⁴⁾ *Платона Жуковича*, „Объ основаніи и устройствѣ главн. дух. семинаріи при Виленскомъ университетѣ“. Авторъ представляетъ общую картину развитія этого расадинка ученыхъ униатовъ, совершившихъ воссоединеніе, касается и матеріальныхъ средствъ; мы дополняемъ его свѣдѣнія новыми фактами.

Возобновленія главной духовной семинаріи не желало монашеское духовенство обоихъ исповѣданій, которое между тѣмъ охотно продолжало нести большія тягости на „народное образованіе“ въ своихъ публичныхъ и приходскихъ школахъ. Департаментъ коллегіи (р.-католической) принялъ сторону монаховъ и, на основаніи донесенія униатскаго епископа Головни, который осматривалъ семинарію въ 1814 году заочно, когда не было клириковъ, составилъ докладъ о закрытіи главной духовной семинаріи, какъ учебнаго заведенія, вреднаго по своему направленію¹⁾. Пока шла переписка, главная семинарія была возобновлена 24-го сентября 1816 года. Попечитель Виленскаго университета князь А. Чарторижскій нашелъ соображенія коллегіи неосновательными и доказалъ необходимость и пользу этого лучшаго богословскаго института въ Западной Россіи.

Неудовлетворительный составъ клириковъ, неустройство внутренней жизни и другіе недостатки, замѣченные въ первые годы ея существованія (1806 — 1812 гг.), послѣ ея возобновленія въ 1816 г. были устранены, и въ послѣдующій періодъ дѣятельности, до самаго закрытія въ 1832 г., эта высшая богословская школа получила образцовое устройство, окрѣпла, разцвѣла и стала разсадникомъ главныхъ дѣателей греко-униатской церкви, занявшихъ мало по малу, какъ увидимъ, согласно съ цѣлями самаго устава, важнѣйшіе посты въ коллегіи (послѣ 1820 года), въ консисторіяхъ, въ епархіальныхъ семинаріяхъ и въ духовныхъ училищахъ.

Когда главная семинарія была вновь призвана къ жизни, когда въ ней преподавали и учились будущіе дѣатели, ученые и подвижники воссоединенія униатовъ съ православіемъ²⁾, греко-униатская

¹⁾ Протявъ возобновленія главной духовной семинаріи былъ и архіепископъ Красовскій. Донося 2-му департаменту коллегіи о необходимости освободить монастыри отъ платежа складчины на главную семинарію въ Вильнѣ и о разстройствѣ Полоцкой семинаріи, ввѣренной его непосредственному надзору, архіепископъ писалъ, что отъ своей епархіальной семинаріи онъ ожидаетъ болѣе пользы, чѣмъ отъ главн. дух. семинаріи. „Туда изъ моей семинаріи посылать не стоитъ, ибо мои семинаристы получаютъ болѣе основательное образованіе въ Полоцкой іезуитской академіи, гдѣ, навѣрно могу сказать, они получаютъ гораздо превосходнѣйшее просвѣщеніе въ наукахъ, утвердятся въ благонравіи, въ законахъ вѣры“. Архивъ св. синода. Дѣла 1815 г., № 6.

²⁾ Въ первые три года по возобновленіи, въ главной семинаріи воспитывались: Іосифъ Свямашо, Василій Лужинскій (1816 — 1820 гг.) и Антовій Зубко (1818—1822 гг.), главнѣйшіе дѣатели въ періодъ реформъ обрядовъ церквей; Пла-

церковъ находилась въ весьма печальномъ состояніи. Отъ этой семинаріи отрезался Полоцкій архіепископъ, противъ нея интриговали Брестскій и Виленскій епископы и всѣ монашескіе ордена.

По исповѣднымъ книгамъ греко-уніатскихъ прихожанъ послѣ войны 1812 г. числилось уже не болѣе 1.500,000 душъ обоюго пола, а именно въ епархіяхъ: Виленской митрополичьей до 291,000, въ Полоцкой—свыше 540,000, въ Брестской — 535,000, въ Луцкой—не болѣе 120,000 д. об. п. Приходское духовенство, котораго благосостояніе зависѣло отъ доброй воли ктиторовъ-помѣщиковъ латинской вѣры, находилось, какъ и прежде, въ совершенномъ уничиженіи и загонѣ. Но просвѣщенные и энергическіе его представители изъ числа членовъ Брестскаго капитула въ Вильнѣ и въ Жировицахъ не теряли надежды на возрожденіе упавшей церкви и въ этой мысли, съ вѣрою на промыслъ Божій, поддерживали лучшихъ своихъ питомцевъ, воспитывавшихся въ главной семинаріи или слушавшихъ курсъ богословскихъ наукъ въ Виленскомъ университетѣ. Они неотступно слѣдили за происками латинизаторовъ и, не забывая о программѣ Лисовскаго, своевременно выступили съ протестами.

Въ епархіальныхъ семинаріяхъ духовное просвѣщеніе оставалось въ жалкомъ состояніи; только одна Полоцкая, устроенная Лисовскимъ, подавала вѣсти о своемъ существованіи; однако послѣ отечественной войны и она пришла въ совершенное разстройство; она нѣсколько оправилась не равѣе 1817 года, и тогда въ ней обучалось 74 ученика. Ни греческій, ни церковно-славянскій языки не входили однако въ составъ предметовъ, преподаваемыхъ полоцкимъ уніатскимъ семинаристамъ¹⁾. Обученіе велось на польскомъ языкѣ; учениковъ очень много занимали латынью, математикой, естественными науками; въ старшемъ классѣ вмѣстѣ съ богословіемъ преподавали метафизику, физику, химию, высшую математику. По окончаніи шестилѣтняго курса наукъ, ученики поступали для довершенія бого-

---

тонъ Сосновскій (1817 — 1821 г.), известный профессоръ пастырскаго богословія, къ сожалѣнію, умершій при самомъ разцвѣтѣ своихъ силъ (1827 г.). На возобновленіе семинаріи оказали особенное вліяніе профессора Клонгевичъ и Михайлъ Бобровскій, первый ученикъ перваго выпуска въ 1812 г.

¹⁾ Этому впрочемъ не слѣдуетъ удивляться. И въ греко-російскихъ семинаріяхъ и академіяхъ, въ которыхъ программы и методы обученія заимствованы изъ Кіева, на первомъ планѣ былъ латинскій языкъ. Только съ 1808 г. въ семинаріяхъ введено преподаваніе греческаго языка наравнѣ съ латинскимъ.

словскаго образованія въ Полоцкую іезуитскую академію ¹⁾. Въ такомъ положеніи находилось образованіе униатскихъ семинаристовъ до закрытія Полоцкой іезуитской академіи. Семинарія въ Полоцкѣ во всякомъ случаѣ имѣла подобіе школы и была устроена не хуже латинско-польскихъ и базилианскихъ учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи. О ней по крайней мѣрѣ заботился епархіальный епископъ, награждалъ преподавателей небольшими окладами—рублей по 100 или 200 ежегодно; но особаго ректора въ ней не было: руководить образованіемъ своего духовенства желалъ самъ архіепископъ Красовскій.

Епархіальныя семинаріи прочихъ трехъ униатскихъ епархій не были устроены. Въ семинаріи Брестской епархіи, которая находилась въ Лаврышовѣ (монастырь близъ Новогрудка) воспитывалось отъ 10 до 15 учениковъ. На содержаніе (одежду, пищу, освѣщеніе, отопленіе) этой семинаріи, вмѣстѣ съ вознагражденіемъ за преподаваніе, расходовалось отъ 400 до 600 руб. въ годъ. Учителями были три престарѣлые базилианскіе монахи на покоевѣ. Курсъ продолжался два года. На польскомъ языкѣ преподавались: богословіе догматическое и нравственное, кантъ (ирмологія) и обряды церковныя. Здѣсь былъ особый ректоръ — базилианскій монахъ. Между тѣмъ на семинарію Брестской епархіи въ разное время завѣщаны были значительныя фондуши. Фондуши эти безслѣдно погибли. Съ 1810 г. новый семинарскій фондъ, составленный изъ части денегъ, вырученныхъ отъ продажи папскаго алумната въ Вильнѣ и изъ завѣщаннаго на Супрасльскую семинарію капитала епископа Духновскаго, доставлялъ ежегодно до 2¹/₂ тыс. руб. дохода, а между тѣмъ на образованіе семинаристовъ для 450 церквей епископъ Булгакъ полагалъ достаточнымъ удѣлять только четвертую долю. Булгакъ рѣшилъ, что образованіе для униатскаго священника, не облеченнаго въ монашескую рясу, составляетъ роскошь!...

О Свержанской семинаріи Виленской епархіи изъ официальныхъ источниковъ знаемъ только, что въ ней состояло 4 ученика (а иногда только одинъ) и 3 учителя, тоже изъ числа престарѣлыхъ монаховъ. На устройство ея въ 1743 году пожертвованъ былъ капиталъ въ 74,000 злотыхъ (до 12,000 р.). Сначала въ Свержани полагалось

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му департ. Дѣло 1817 г., № 12 и 13. Въ спискахъ учениковъ встрѣчаемъ Антонія Зубку—въ старшемъ курсѣ и Михаила Шелетина—въ среднемъ классѣ, двухъ будущихъ ректоровъ семинарій—Полоцкой и Жировицкой.

воспитывать 22 семинаристовъ. Семь лѣтъ семинарія продерживалась. Но съ 1750 г. въ теченіе 70-ти лѣтъ наслѣдники завѣщателя князя Радзивилла выплачивали проценты (по 5%) такъ не аккуратно, что образовался долгъ въ 216,499 злот. 23 гроша. Многіе года велась бесплодная тяжба, и вполсѣдствіи фундушъ Сверхжанскій признанъ безнадежнымъ ¹⁾.

Въ Луцкой епархіи пропали капиталы, завѣщанные на семинарію разными духовными лицами и митрополитомъ Кишкою; поэтому здѣсь не было и епархіальной семинаріи.

Печально было матеріальное и умственное состояніе бѣлаго духовенства въ униатскихъ епархіяхъ, въ которыхъ числилось до 2,000 приходскихъ церквей и до полутора миліона прихожанъ. И большую ответственность передъ потомствомъ несутъ епископы, беззаботно и небрежно относившіеся къ бѣлому духовенству, лишая его источниковъ просвѣщенія въ духѣ греко-славянскаго восточнаго обряда ²⁾.

Совершенно въ другихъ условіяхъ находилось образованіе базилианскихъ монаховъ. По свѣдѣніямъ 1813 г., въ трехъ провинціяхъ, согласно показаніямъ провинціаловъ, состояло монастырей: 85 мужскихъ и 11 женскихъ, и въ нихъ числилось 694 монаха и 115 монахинь. Доходы всѣхъ монастырей простирались до 95,000 руб. одними процентами съ капиталовъ, помѣщенныхъ подъ залогъ имѣній помѣщиковъ латинской вѣры; впрочемъ, значительная часть базилианскихъ капиталовъ, какъ извѣстно, находилась подъ тяжбами и не приносила процентовъ. Тяжбами базилианъ съ ихъ кредиторами переполнены были суды всѣхъ инстанцій и 3-й департаментъ сената. Кромѣ процентовъ съ капиталовъ, базилианскіе монастыри пользовались продуктами въ натурѣ съ своихъ населенныхъ имѣній.

Въ каждой провинціи—Вѣлорусской, Литовской и Русской—находились школы двоякаго рода: духовныя и свѣтскія. Духовныя школы были трехъ разрядовъ: новиціаты, для юношей отъ 14 лѣтъ,

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му деп. код. Дѣло 1820 г., № 19.

²⁾ Въ вѣдѣніи Дрогоичинскаго благочиннаго (Антонія Сосновскаго) состояла школа церковниковъ въ Клецеляхъ при Николаевской церкви. Она существовала болѣе ста лѣтъ и въ бывшей Супрасльской епархіи образовала многихъ священниковъ; теперь, за отсутствіемъ семинаріи, она оказывала большую услугу Брестской епархіи (Холм. мѣсяц. на 1867 г. Ст. *Плакида Яковскаго*). Брестскій капитулъ ее поддерживалъ. Въ Жировицахъ обучалось нѣсколько ставленниковъ при консисторіи. Преподавателемъ здѣсь былъ одинъ изъ членовъ Брестскаго капитула. Въ Клецельской школѣ обучали церковно-славянскому языку.

вступающихъ въ монашество, философская и богословская студіи для дальнѣйшаго образованія. Монахами большею частью были лица дворянскаго происхожденія, сыновья родителей латинской вѣры. Карьера монаха начиналась съ 14—16 лѣтъ; пройдя разныя школы, молодой монахъ становился учителемъ въ свѣтскихъ школахъ базилианскаго ордена. Этихъ учителей монаховъ базилиане постоянно перемѣщали изъ одного монастыря въ другой. Сыновьямъ священниковъ доступъ въ базилианскіе монахи былъ закрытъ. Монахинями были большею частью бѣднѣйшія шляхтянки; въ женскихъ монастыряхъ также имѣлись школы или пансіоны для образованія дочерей дворянъ или людей достаточныхъ. Въ базилианскихъ монастыряхъ преподаваніе велось на польскомъ языкѣ. Вездѣ процвѣтали латинская литература и польская поэзія; нигдѣ не считали нужнымъ преподавать церковно-славянскій языкъ. Согласно положенію 1810 г., въ каждой базилианской провинціи въ болѣе значительныхъ монастыряхъ имѣлись свѣтскія публичныя или повѣтовыя школы; нѣкоторыя изъ нихъ были на степени гимназій; почти во всѣхъ монастыряхъ, не исключая архимандричьихъ, были приходскія школы. Кромѣ приходящихъ учениковъ, въ публичныхъ и приходскихъ монастырскихъ школахъ содержалось болѣе или менѣе значительное число веимущихъ дворянскихъ мальчиковъ. Въ этихъ общественныхъ школахъ обученіе велось на польскомъ языкѣ. Ни церковно-славянскаго, ни даже русскаго языка въ нихъ не преподавалось. Учителями были исключительно базилианскіе монахи ¹⁾.

Легко судить о направленіи общественнаго образованія въ школахъ, ввѣренныхъ попеченію латинизаторовъ монашескаго ордена въ униі; въ публичныхъ школахъ базилиане систематически развивали духъ нетерпимости къ русской народности; въ духовныхъ школахъ они поддерживали фанатизмъ и наклонность монаховъ къ латинизаціи церковнаго греко-славянскаго обряда; послѣдній, по мнѣнію базилианскихъ

¹⁾ О состояніи народныхъ или публичныхъ школъ, устроенныхъ базилианцами, мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія только о Русской провинціи (Волынская, Подольская и часть Кіевской губерніи) за 1813 годъ. Повѣтовыя школы были въ шести монастыряхъ, приходскія въ пятнадцать. Преподавателей базилианскихъ монаховъ—въ повѣтовыхъ школахъ было 37, въ приходскихъ 23. Во всѣхъ школахъ провинціи на вѣдѣніи монастырей содержалось 110 дворянскихъ мальчиковъ. Архивъ св. синода по 2-му департаменту, 1815 г., № 41. По этимъ даннымъ можно заключить о числѣ подобныхъ же школъ въ Литовской провинціи, гдѣ имѣлось 43 базилианскихъ монастыря.

богослововъ, долженъ состоять въ смѣшеніи обрядовъ греческихъ съ латинскими съ дополненіемъ молитвословія на польскомъ языкѣ. Въ этомъ соединеніи двухъ обрядовъ, полагали базилиане, собственно и должна быть уніа! Въ типографіяхъ базилианскихъ, Виленской и Почаевской, въ XIX столѣтіи перестали печатать богослужебныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ; напротивъ того, изъ озлаченныхъ типографій базилиане распространяли повсюду польскіе азбучники и молитвенники. Громадныя монастырскія средства тратились на просвѣщеніе юношества западныхъ губерній въ духѣ польской народности и на духовное образованіе латинниковъ—уніатскихъ богослововъ, проповѣдниковъ и учителей. Только гроши удѣлялись на образованіе священниковъ.

Подъ покровомъ благочестивыхъ монаховъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ колонизація населенія Западной Россіи дѣлала громадныя успѣхи ¹⁾. Попечитель Виленскаго учебнаго округа, какъ довѣренный органъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія, съ большимъ искусствомъ управлялъ всѣми пружинами колонизаціи и латинизаціи девяти западныхъ губерній. Главноуправляющей духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій князь А. Н. Голицынъ со времени отечественной войны, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго синода, безучастно относился ко всему, чтò дѣлалось въ греко-уніатской церкви; вниманіе его было занято библейскимъ обществомъ, имъ устроеннымъ въ Петербургѣ въ 1813 году, по подобію Лондонскаго и согласно его уставу. Скоро вся имперія покрылась сѣтью комитетовъ библейскаго общества; членами его были многіе православные архіереи, архимандриты, протоіереи и духовныя лица инославнаго исповѣданія—уніаты, католики, протестанты. Директора департаментовъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія были секретарями комитета библейскаго общества ²⁾.

¹⁾ Въ римско-католическихъ монастыряхъ сначала было 43 публичныхъ школы для первоначальнаго обученія, потомъ, по проекту Чацкого, думали прибавить еще 48. Всѣ эти школы были орудіемъ пропаганды. Въ монастырскихъ латинскихъ школахъ принимались также и дѣти греко-уніатовъ; ихъ обучали догматамъ латинской вѣры, заставляли ходить въ костель и принимать участіе въ богослуженіи. Этими способомъ латиняне подготавливали уніатовъ къ возвращенію. *Tolstoy, Le Cathol. Rom., II, 291. I. П. С. З. XXVII, № 21089.* Докладъ министра народнаго просвѣщенія, 19-го декабря 1803 года „о заведеніи и содержаніи училищъ“ римско-католическимъ духовенствомъ.

²⁾ О библейскомъ обществѣ, его значеніи и распространеніи даютъ понятіе: *Липинъ: „Россійское Библейское Общество“, Вѣстникъ Европы на 1868 г.,*

Увлеченій князя Голицына не раздѣлялъ архіепископъ Красовскій. Оставаясь членомъ 2-го департамента коллегіи, онъ могъ надѣяться занять митрополичью кафедру послѣ смерти Кохановича. Прошло три года, но мѣсто митрополита оставалось вакантнымъ. Булгакъ еще въ 1814 году добивался получить митрополичью кафедру черезъ своего родственника и сосѣда, Слонимскаго маршала Пусловскаго: онъ дѣйствительно былъ старше Красовскаго, но послѣдній занималъ кафедру архіепископа Полоцкаго. Красовскій, какъ и многіе другіе пастыри, считалъ библейское общество нечестивымъ франкмасонствомъ, а распространеніе Библіи на всѣхъ языкахъ самымъ вреднымъ для церкви и самымъ вѣрнымъ средствомъ къ введенію реформаци въ Россіи ¹⁾. Въ началѣ 1817 г. митрополитомъ былъ назначенъ не Полоцкій архіепископъ Красовскій, а Брестскій епископъ Булгакъ, и въ концѣ того же года князю Голицыну высочайше вѣрено управленіе духовными дѣлами и народнаго просвѣщенія. Кабинетъ Голицына, какъ предсѣдателя библейскаго общества, наполнился представителями квакеровъ и масоновъ, лютеранъ и католиковъ, униатовъ и православныхъ; разные сектанты засѣдали рядомъ съ православными священнослужителями и іерархами. Для дѣятельности князя Александра Николаевича въ Западной Россіи почва была подготовлена усердіемъ дворянства и монаховъ. Булгакъ отличался, говорятъ, примѣрнымъ благочестіемъ; но онъ ревностно поддерживалъ друзей своихъ базилианъ. Какъ тонкій іезуитъ, Булгакъ не видѣлъ въ предпріятіи библейцевъ большого затрудненія и надѣялся при помощи князя водворить порядокъ въ униі на свой ладъ, проще сказать, повернуть унию къ латинству. Департаменты министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ съ своими начальниками стали спеціальными органами библейскаго общества и также наполнились масонами и мистиками всякихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Чиновники всякой вѣры и національности старались выслуживаться усердіемъ къ веденію дѣлъ библейцевъ. Благочестивый князь покровительствовалъ мечтателямъ, стремившимся къ обновленію внутренняго челоуѣка и борющимся съ княземъ тьмы; но къ „святому дѣлу“ примѣшивались

Чистовичъ, Исторія перевода Библіи на русскій языкъ, 1873 г., *Н. Астафьевъ*, „Опытъ исторіи Библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ“, *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1888 г., октябрь, стр. 286—320. См. ниже о библейскихъ комитетахъ въ Западной Россіи по новымъ источникамъ.

¹⁾ Записки Василя Лужинскаго, *Православный Собесѣдникъ*, 1884 г., июль, стр. 260, 261.

человѣческія слабости и заблужденія; князь не допускалъ критики своихъ воззрѣній и дѣйствій; онъ умѣлъ ненавидѣть людей, относившихся, подобно архіепископу Красовскому, съ недоумѣемъ и насмѣшкою къ идеямъ моднаго мистицизма. За это архіепископъ Красовскій долженъ былъ оставить столицу и удалиться въ свою епархію.

Первымъ дѣломъ митрополита Булгака послѣ вступленія въ должность предсѣдателя департамента (3-го сентября 1818 года) было распоряженіе о назначеніи въ число униатскихъ членовъ представителя отъ базилианскаго ордена, въ замѣнъ засѣдавшаго отъ Виленской митрополичьей епархіи каноника ¹⁾. Извѣстный фанатикъ и личный врагъ Полоцкаго архіепископа іеромонахъ Мудровичъ избранъ былъ секретаремъ канцеляріи митрополита ²⁾.

Базилианскій орденъ, укрѣпившись въ самомъ департаментѣ двумя сфіціальными агентами, имѣя тайныхъ благопріятелей въ министерствѣ и располагая безконтрольно секретными суммами, могъ дѣйствовать теперь съ большею самоувѣренностью; онъ прежде всего позаботился о возвратѣ утраченнаго господства въ униі, старался усилить вліяніе провинціаловъ и закрыть дорогу къ епископскому сану достойнѣйшимъ прелатамъ блага духовенства.

Съ самаго начала пожалованія митрополитомъ греко-униатской церкви въ Россіи, Булгакъ, почувствовавъ твердую почву въ Петербургѣ, пересталъ хитрить съ брестскими прелатами и канониками и открыто показалъ себя сторонникомъ латинскихъ хищниковъ въ униі. Князь Голицынъ, задумавъ лишить Красовскаго сана Полоцкаго архіепископа ³⁾, тѣмъ болѣе могъ разчитывать на содѣйствіе

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му деп. р.-в. кол., дѣла: 1817 г., № 8, 1818 г. № 33, 1819 г. № 5. Въ указѣ сенату 31-го января 1819 года сказано: „Не признается нужнымъ имѣть засѣдателя отъ Виленской митрополичьей епархіи, но признается нужнымъ избрать архимандрита базилианскаго ордена. Поэтому на мѣсто бывшаго въ свою епархію канонита Фомы Бѣлиновича, избранъ архимандритъ Полоцкой епархіи Аврелій Сулятицкій, который прибылъ въ коллегію 19-го января 1820 года“.

²⁾ Мудровичъ въ 1799 г. былъ приговоренъ къ двухлѣтней епитиміи съ другими монахами за возстаніе противъ власти архіепископа Лисовскаго. Дѣло 1827 г., № 109.

³⁾ *Правосл. Собесѣдн.* 1884 г., июнь, стр. 264. Булгакъ совѣтовалъ архіепископу ускорить свой переездъ изъ Струни въ Полоцкъ „для избѣжанія несприятностей отъ сильныхъ міра сего, мечтающихъ ему и ищущихъ его гибели“. Въ отвѣтномъ письмѣ митрополиту Красовскій выразился рѣзко на счетъ Голицына. Іеромонахъ Мудровичъ добылъ это письмо и доставилъ его князю Голицыну. Записки Вислаія Лужинскаго.

Булгака, что послѣдняго несравненно болѣе интересовали богатые епископскіе фондуши Полоцкой епархіи, чѣмъ скудные фондуши епархіи Брестской. Нашлись недостойные люди, готовые играть роль доносчиковъ на опального архіепископа.

О своемъ усиленіи въ столицѣ базилиане не замедлили дать почувствовать кому слѣдуетъ въ провинціи; монахи св. Троицкаго базилианскаго монастыря, который въ данную эпоху былъ главнымъ центромъ базилианскаго ордена, не скрывали своего торжества. Въ самомъ городѣ Вильнѣ они относились къ бѣлому духовенству съ высокоуміемъ. Обучавшихся въ главной семинаріи клириковъ монахи св. Троицкаго монастыря преслѣдовали насмѣшками, называли ихъ поповичами. Архіепископъ Лужинскій въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что профессора Бобровскаго и клириковъ, въ числѣ которыхъ находились онъ, Лужинскій, и Іосифъ Сѣмашко, когда они явились въ св. Троицкій монастырь съ поздравленіемъ, настоятель монастыря Каминскій назвалъ публично „схизматиками“.

Викарный епископъ Головня поддерживалъ сношенія съ библейцами и масонами и самымъ усерднымъ образомъ содѣйствовалъ базилианскимъ монахамъ въ распространеніи польскихъ книгъ религіознаго содержанія между униатами.

Второй департаментъ коллегіи, по своему образу дѣйствій, не способенъ былъ оказывать поддержку бѣлому духовенству. По смерти митрополита Лисовскаго епархіальные епископы—Булгакъ, Головня, даже Мартусевичъ относились совершенно равнодушно, безучастно къ самымъ вопіющимъ нуждамъ своей церкви. Архіепископъ Красовскій, будучи старшимъ членомъ униатскаго департамента, обращалъ исключительное вниманіе только на свою Полоцкую епархію, уклоняясь отъ разсмотрѣнія возбуждаемыхъ общихъ вопросовъ. Нерѣдко наравнѣ съ другими членами коллегіи, онъ подписывалъ опредѣленія, противныя интересамъ бѣлаго духовенства и благопріятныя базилианамъ, если дѣло не касалось его семинаріи или его епархіи. Онъ даже поддерживалъ мнѣніе латинскихъ и униатскихъ монаховъ о необходимости упраздненія главной семинаріи. И тѣмъ не менѣе представители бѣлаго духовенства другихъ епархій—Брестской, Виленской, даже Луцкой, никогда не забывали тѣхъ важныхъ заслугъ, которыя были оказаны Красовскимъ для униатовъ при митрополитѣ Лисовскомъ, и свисходили къ нѣкоторымъ слабостямъ Полоцкаго архіепископа.

Луцкаго епископа Якова Мартусевича, выдвинутаго Лисовскимъ,

несравненно болѣе беспокоили случаи перехода униатовъ его епархіи въ православіе (что не возбранялось высочайшими указами), чѣмъ систематическое совращеніе униатовъ въ латинство. Мартусевичъ сквозъ пальцы смотрѣлъ на настоятелей базилианскихъ монастырей, продолжавшихъ неисправно вносить на семинарію деньги, причитавшіяся по раскладѣ на Русскую провинцію, не смотря на постоянныя напоминанія ему и понужденія. Такъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. епископъ Мартусевичъ усиленно жалуется коллегіи на притѣсненія униатовъ греко-россійскимъ духовенствомъ и въ то же время тщательно ограждаетъ отъ отвѣтственности базилианскіе монастыри, которые не платили денегъ на содержаніе униатскаго отдѣла главной семинаріи. Нельзя не изумляться равнодушію Мартусевича къ своимъ обязанностямъ пастыря и распоряженіямъ правительства. Однимъ словомъ, хотя Мартусевичъ принадлежалъ къ составу бѣлаго духовенства, но ставши епископомъ, сдѣлался благопріятелемъ базилианъ, и, подобно Булгаку и Головнѣ, равнодушно относился къ нуждамъ церкви. Это мы видимъ изъ многихъ фактовъ и явленій того времени.

О плачевномъ состояніи духовнаго образованія въ свѣтскомъ клирѣ мы уже говорили. Упомянемъ еще о прогрессивномъ увеличеніи недоимокъ на содержаніе главной духовной семинаріи и о совращеніяхъ униатовъ въ католицизмъ.

Въ 1820 году недоимки со всѣхъ монастырей, какъ униатскихъ, такъ и католическихъ достигли 56,045 рублей. Попечитель Виленскаго учебнаго округа доложилъ министру въ 1821 году, что недоимки означенныхъ монастырей годъ отъ году увеличиваются такъ, что если эта неисправность будетъ продолжаться и впредь, то существованіе самаго заведенія должно прекратиться ¹⁾.

Совращеніе греко-униатовъ въ римскую вѣру составляетъ одно изъ весьма прискорбныхъ явленій въ униі той эпохи и служить вѣскимъ доказательствомъ сознательнаго бездѣйствія епископовъ Брестскаго и Виленскаго: о такихъ событіяхъ, какъ о чрезвычайныхъ провешествіяхъ, они даже не считали нужнымъ, какъ слѣдовало, доносить во 2-й департаментъ коллегіи.

До 1804 г. русское правительство смотрѣло на унию, какъ на частицу Римской церкви ²⁾. Совращенія униатовъ въ латинство дѣла-

¹⁾ Архивъ св. синода. Дѣла, начатыя въ 1815 г. №№ 27, 6 и 13.

²⁾ Стоитъ сличить указы по Полному Собранію Законовъ, №№ 17836, 18503, 18733, 18734, 19706, 20053.

лись даже цѣлыми приходами. Римско-католическая коллегія указомъ 9-го сентября 1801 года имѣла дерзость объявить, что „перехожденіе исповѣдниковъ изъ униатскаго (sic) обряда въ римско-католическій, яко заключающій въ себѣ одно и то же исповѣданіе (?), по каноническимъ духовнымъ правиламъ позволительно и высочайшимъ узаконеніямъ не противно“ (sic). Этимъ опредѣленіемъ коллегія нарушала буллу папы Урбана VIII, запрещающую переходъ униатовъ въ латинство. Постановленія Павла I, благопріятныя латинникамъ, были отмѣнены императоромъ Александромъ I въ 1803 году послѣ того, когда въ католицизмъ стали переходить цѣлые приходы вмѣстѣ съ своими священниками. Мы говорили уже о совращеніяхъ греко-униатовъ бѣлорусскихъ, въ губерніяхъ Витебской и Могилевской. Скажемъ теперь о совращеніяхъ греко-униатовъ Брестской и Виленской епархій. Въ католицизмъ былъ совращенъ Заславскій приходъ съ священникомъ Веригю. Оказалось, что католическій кеендзъ Іодко и его викарный, доминиканскій монахъ Новинскій, объявили съ амвона, что отнынѣ будутъ только два вѣроисповѣданія—римско-католическое и православное, и своими оболъщеніями увлекли въ латинство 200 прихожанъ униатовъ. Совращенія распространились по Брестской епархіи, но епископъ Булгакъ, вопреки законамъ о церковномъ правительствѣ римско-католической церкви (13-го ноября 1801 года) и указамъ 1804—1807 годовъ, продолжалъ смотрѣть на совращеніе въ латинство, какъ на естественный переходъ въ обрядъ болѣе совершенный. Затѣмъ въ 1807 году (указомъ 25-го октября п. VIII) предписано: перешедшихъ въ католическій обрядъ униатскихъ священниковъ и ихъ прихожанъ возвращать въ унию, и это распоряженіе распространено было на всѣ губерніи отъ Польши присоединенныя. Исполненію таковой высочайшей воли обязаны были содѣйствовать гражданскія власти, но переходить въ благочестіе униатамъ не возбранялось. Здѣсь взглядъ нашего правительства не могъ сходиться съ взглядомъ бавиліанъ и униатскихъ епископовъ. Совращенія униатовъ въ католицизмъ продолжались. Вслѣдствіе того сенатскимъ указомъ (іюня 12-го дня 1810 года) предписано 2-му департаменту коллегіи наблюдать за подчиненными, чтобы не было совращеній (униатовъ въ латинство), но не дѣлать препятствій желающимъ принять господствующую вѣру; указомъ же 8-го августа 1810 года разрѣшено униатскимъ священникамъ, перешедшимъ въ латинство до 1799 года, оставаться въ немъ и такую давность считать въ дѣлахъ о преслѣдованіи за совращеніе. Но совращеніямъ не предвидѣлось конца. Въ

1814 году число совратившихся въ латинство уніатовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Виленской митрополичьей епархіи ¹⁾ достигло 19790 человекъ, вмѣстѣ съ 16 приходскими церквами и ихъ фундаши и записями, 9 священниками и съ 10 приходами безъ церквей.

Въ 1814 году профессоръ Голянский съ секретаремъ Бобровскимъ, по порученію университета, произвелъ ревизію уѣздныхъ и приходскихъ школъ Минской губерніи и былъ пораженъ громаднымъ числомъ греко-уніатовъ, совращенныхъ въ латинство. „Латинскіе священники“, доносила Виленская консисторія 24-го іюня 1814 года, — „большую часть Минской римско-католической епархіи, не только не исполнили именного указа 1807 года и перешедшихъ въ латинскій обрядъ уніатовъ съ вѣдома епархіальнаго епископа Дедерки въ своихъ костіолахъ исповѣдуютъ, приобщаютъ, преподаютъ онимъ требы, но и вновь совращаютъ въ латинскій обрядъ, сочетаваютъ браками, крестятъ новорожденныхъ, хоронятъ умершихъ. Мало того, по сношенію съ ктиторами забираютъ приходскія церкви и приписныя къ нимъ фундаши, осмѣливаются вновь посвящать таковыя и называть ихъ костіолами. Всѣ эти дѣйствія латинянъ въ Минской губерніи такъ усилились, что эта губернія останется скоро безъ церквей и приходовъ. Многократныя и настоятельныя требованія консисторіи и сношенія съ 1810 года остаются безъ всякихъ послѣдствій“ ²⁾.

Это вопіющее дѣло, требовавшее прежде всего энергическихъ дѣйствій епископа Головни, который не доносилъ о совращеніи въ коллегію, пролежало во 2-мъ департаментѣ безъ всякаго исполненія нѣсколько лѣтъ и разрѣшилось указомъ отъ 31-го января 1819 года, коимъ коллегія въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ опредѣлила: произвести разслѣдованіе о перешедшихъ уніатахъ въ латинство депутатамъ, избраннымъ отъ уніатской и римско-католической епархіи, при чиновникахъ отъ земской полиціи. Но и чиновники земской полиціи, будучи сами католиками, не оказали никакой помощи уніатскимъ депутатамъ изъ духовенства; духовные же депутаты отъ Минской римско-католической епархіи просто не являлись на мѣсто. „Дѣло не двигается впередъ“, доносилъ предсѣдатель консисторіи прелатъ Лопушинскій; на это донесеніе уніатскій депар-

¹⁾ Не забудемъ, что до 1810 г. здѣсь была Брестская епархія.

²⁾ Архивъ св. синода. Дѣло 1814 г., № 14. Рапортъ консисторіи подписали: офиціаль Ілья Мокрицкій, ассессоры: каноникъ Григорій Бялиневичъ и Вареломей Ідамовичъ.

таментъ не обратилъ никакого вниманія. Въ послѣдній разъ вопросъ этотъ былъ поднятъ новымъ предсѣдателемъ консисторіи Антоніемъ Сосновскимъ въ 1828 году. Рядомъ съ преступнымъ бездѣйствіемъ епископовъ Брестскаго, Виленскаго и Луцкаго, при бесилии консисторій, на представленія которыхъ департаментъ не обращалъ вниманія, развивались библейскіе комитеты и начали возникать тайныя общества. Латино-польская пропаганда работала съ усердіемъ.

Со времени занятія митрополитомъ Булгакомъ должности предсѣдателя 2-го департамента римско-католической коллегіи (3-го сентября 1818 года), въ управленіи дѣлами униатской церкви господствовала совершенная неурядица. Базилианскій орденъ, укрьѣвившись въ столицѣ, дѣлалъ быстрые успѣхи на пути склоненія униі въ латинству; бѣлое духовенство, не находя поддержки ни въ коллегіи, ни у униатскихъ епископовъ, видя безсиліе консисторій, приходило въ уныніе. Греко-униатская церковь, казалось, должна была стать жертвою латино-польской интриги. Вся интеллигенція, руководимая Чарторыжскимъ, мечтала о восстановленіи Польши въ ея старыхъ предѣлахъ. Библейскіе комитеты, составленные изъ чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, развивали ланкастерскія школы для обученія польской грамотѣ. Латинизація церковныхъ обрядовъ въ греко-славянской церкви и ополяченіе молодежи всѣхъ сословій посредствомъ школъ, вѣрившихъ попечительности враговъ русской національности, послѣ Вѣнскаго конгресса дѣлала невѣроятные успѣхи. Подъ предлогомъ развитія благотворительности, стали возникать благотворительные комитеты, душою которыхъ были латинскіе монахи и дамы высшаго круга въ Вильнѣ, Новогрудѣ, Слонимѣ и другихъ значительныхъ центрахъ Западной Россіи. Кассы комитетовъ наполнялись щедрыми приношеніями. Оставалось склонить на сторону латинниковъ только бѣлое греко-униатское духовенство.

Брестскій капитулъ, состоявшій изъ старѣйшихъ или наиболѣе просвѣщенныхъ представителей бѣлаго духовенства Брестской униатской епархіи, не разъ уже вступавшихся за права своей уничиженной братіи, почувствовалъ серьезную опасность для униі. Въ этомъ хаосѣ общественной жизни не потерялъ головы одинъ только Брестскій капитулъ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1819 г. капитулъ составляли: архипресвитеръ Гавріаль Янковскій, архидіаконъ Тома Восцелловичъ, схолярхъ (схоластъ) Антоній Тучальскій, канторъ Илья Мокрицкій, кустошъ Іосафатъ Горбачевичъ, хартулярій (канцлеръ)

Брестскіе уніатскіе прелаты и каноники во всеподданнѣйшемъ прошеніи, въ запискѣ министру народнаго просвѣщенія и духовникъ дѣлъ и въ представленіяхъ въ департаментъ коллегіи изображали смутное положеніе греко-уніатской церкви и указывали на необходимость довершенія реформъ въ церкви, начатыхъ Лисовскимъ, но пріостановленныхъ вслѣдствіе бездѣйствія епархіальнаго епископа и незаконной притязательности базилианскаго ордена. Прошенія капитула подкрѣплены были историческими данными и справками въ архивахъ. По мнѣнію Брестскаго капитула необходимо было: 1) поднять богословское образованіе бѣлаго духовенства, и съ этою цѣлью устроить семинаріи на прочныхъ основаніяхъ; 2) ближайшимъ къ тому средствомъ должна служить секуляризація базилианскихъ монастырей, бывшихъ прежде приходскими; 3) возстановить каедральный соборъ въ епархіи, обративъ Жировицкій монастырь, бывший въ рукахъ базилианскихъ монаховъ, подъ помѣщеніе семинаріи, каедральнаго собора и консисторіи; 4) дать средства на воспитаніе сиротъ, обезпеченіе вдовъ и на учрежденіе школъ для образованія священническихъ дочерей, какъ будущихъ матерей, и для этихъ настоятельныхъ надобностей назначить Торкованскую обитель (Гродненской губерніи Кобринскаго уѣзда), которая искони предназначалась подъ помѣщеніе пріюта для сиротъ духовнаго сословія уніатскаго исповѣданія.

Исходя изъ такихъ положеній—что базилианскій орденъ относится враждебно къ требованіямъ „русской паствы“; что всѣ его усилія направлены къ развитію своего могущества на счетъ фондушей церковныхъ, вслѣдствіе чего греко-уніатскія церкви приведены въ крайнее убожество, а монастыри богатыютъ; что духовными капиталами провинціалы распоряжаются безконтрольно, не давая отчета даже епархіальному епископу, „котораго окружаютъ не дремлющимъ окомъ“, Брестскій капитулъ въ заключеніе указываетъ на необходимость по-

---

Степанъ Лопушинскій; послѣ прелатовъ слѣдовали 12 канониковъ: Фѣдоръ Будвиловичъ, Григорій Чохрайскій, Петръ Олешкевичъ, Антоній Шиманскій, Михайлъ Бобровскій, Василій Гречко, Сильверстъ Пероцкій; каноники бывшаго Супрасльскаго капитула: Иванъ Красовскій, Василій Маркевичъ, Антоній Сосновскій и Василій Лопушинскій. Подлинный актъ Брестскаго капитула за подписью архипресвитера Янковскаго и другихъ членовъ (за исключеніемъ отсутствовавшихъ) представленъ во 2-й департ. коллегіи чрезъ Брестскую консисторію при рапортѣ 10-го мая 1819 г., за подписью: *А. Тупалскаго, И. Дылевскаго и А. Шиманскаго*. Архивъ св. синода. Дѣло о составѣ капитула 1818 г., № 39, лл. 10—22.

ложить конецъ существующей въ греко-униатской церкви анархіи и неправдѣ ¹⁾. Базиліане, сказано въ протестѣ, забравъ въ свои руки фондуши, вѣкогда принадлежавшіе церквамъ, бѣлому духовенству и семинаріямъ, тщательно вытѣсняли изъ церкви образованное бѣлое духовенство, замѣняя народный русскій элементъ иноземцами и ино-славцами, воспитанными въ Римѣ, Грацѣ, Брунсбургѣ, или католиками, обучавшимися въ римской іезуитской школѣ de propaganda fide ²⁾; съ этою цѣлю они разрушили всѣ духовныя семинаріи, предназначенныя для образованія униатскихъ священниковъ изъ туземцевъ, и захватили въ свои руки капиталы и фондуши, назначенныя на соборы и приходскія церкви. Существующія нынѣ яко бы спеціальныя школы для лицъ бѣлаго духовенства въ монастыряхъ Сержанскомъ и Лаврышовскомъ на самомъ дѣлѣ обращены въ пріютъ для отжившихъ свой вѣкъ базиліанскихъ старцевъ, которые обучаютъ вѣсколькихъ ставленниковъ—безъ контроля, безъ системы и опредѣленной цѣли, выдавая аттестаты оплаченные или вымоленные.

„Брестская епархія самая обширная, самая богатая вкладами завѣщанныхъ фондушей для образованія бѣлаго духовенства, вынуждена теперь Христа ради выпрашивать для своихъ ставленниковъ пріютъ у тѣхъ именно, кто воспользовался достояніемъ предназначеннымъ на семинаріи. У базиліанъ же существуютъ въ полномъ изобиліи и новиціаты, и богословскіе курсы (collegium), и свѣтскія школы (studia humaniorum). Владѣя большими капиталами и богатыми монастырскими имѣніями, базиліанскіе монахи пользуются еще выгодами отъ значительныхъ приходовъ, ибо за своими обителями они сохраняютъ характеръ приходскихъ церквей, между тѣмъ какъ такое совмѣщеніе и вообще исправленіе мірскихъ требъ строжайше запрещается церковными законами: „сіе дѣло безчестіе есть“, сказано въ номоканонѣ и подтверждено на Римскомъ соборѣ 826 года (8-й канонъ, XVI, 9). „Руководясь постановленіями помѣстного Замостьскаго собора (1721 г.), базиліане навязывали исключительно изъ своей среды архипастырей, заботливо выговаривая себѣ независимость и самоуправленіе; буллы же папы Бенедикта XIV,

¹⁾ Изъ статистическихъ данныхъ о капиталахъ видно, что на одного базиліанскаго монаха причиталось 464 рубля, между тѣмъ какъ на все семейство приходскаго священника едва только 25 руб. ассигновками.

²⁾ Кстати сказать, что, въ Римской школѣ пропаганды получили высшее богословское образованіе: митрополитъ Юсифъ Буликъ и литовскій провинціалъ Цезарій Каминскій.

упрекавшаго епископовъ въ небреженіи о свѣтскомъ клирѣ и предписывавшаго допускать къ архіерейству неженатыхъ и вдовыхъ священниковъ, беззащѣливо отрицали“.

При этомъ Брестскій капитулъ напоминалъ о закрытіи Виленскаго папскаго алумната, доставившаго въ короткій періодъ своего существованія унитскимъ епархіямъ нѣсколькихъ образованныхъ богослововъ ¹⁾, представлялъ факты плодотворной дѣятельности архіереевъ сосѣднихъ епархій изъ блага духовенства, случайно возвысившихся до епископскаго сана. Такъ напримѣръ, Супрасльскій епископъ Духновскій (бывшій членъ Брестскаго капитула) учредилъ семинарію въ Супрасли и пожертвовалъ на нее значительную сумму; Полоцкій архіепископъ Красовскій открылъ семинарскіе фондуши (скрытые, какъ намъ уже извѣстно у базилианокъ) и содѣйствовалъ учрежденію Полоцкой семинаріи, увеличивъ въ ней до „безпримѣрной цифры“ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, и призрѣвалъ на свой счетъ болѣе 30 семинаристовъ сверхъ комплекта; даже Луцкій епископъ Мартусевичъ, при полномъ отсутствіи фондушей ²⁾, открылъ на свой счетъ семинарію на 20 человекъ, обезпечивъ воспитанниковъ полнымъ содержаніемъ.

Протесты Брестскаго капитула встревожили епископовъ и базилианъ ³⁾. Впервыхъ, представленія капитула доказывали существованіе въ западно-русской церкви людей, вѣрно понимавшихъ причины гибели „Русской церкви“, которые открыто и честно высказали передъ правительствомъ о беззащѣнномъ самоуправствѣ базилианскаго ордена въ униі; монахи, находя покровительство и у еписко-

¹⁾ Въ продажѣ недвижности Виленскаго алумната въ 1799 г. обвинялись, какъ мы знаемъ, епископъ Булгакъ и монахъ *Лешинскій* (бывшій ректоръ). По указаніямъ капитула алумнать въ Вильнѣ существовалъ ранѣе повелѣнія папы Веведякта XVI, отъ 12-го февраля 1753 г. въ буллѣ, начинающейся словами: „*Commendatissimum studium*“, по которой іезуиты обязаны были *возвратить* алумнать униатамъ. Еще въ 1709 г. базилиане пытались овладѣть деньгами, выслезаемыми на его содержаніе.

²⁾ Эти фондуша состояли изъ капиталовъ, завѣщанныхъ на четыре семинаріи.

³⁾ Содержаніе протеста въ статьѣ протоіерея Павла Янковскаго: „На рубежѣ. Очерки недавняго и современнаго быта воссоединеннаго духовенства“. *Литовск. епарх. вѣд.* на 1867 г., № 6. *М. Колловичъ*, а за нимъ *Дылевскій* въ статьяхъ о митрополитѣ Іосифѣ, упоминаютъ вскользь объ этомъ важнѣйшемъ актѣ въ исторіи униатской церкви XIX стол. Сравни. статьи *Е. В. Дылевскаго*: *Іосифъ (Сямашко) митрополитъ Литовскій. 1869. Изданіе Странника; М. Колловича*: *О почившемъ митрополитѣ Іосифѣ. 1869.* Вообще протесты Брестскаго капитула представляютъ малозначущими...

повъ, и въ столицѣ, и въ коллегіи, были главными противниками къ осуществленію реформъ, намѣченныхъ Лисовскимъ. Вовторыхъ, всякій пунктъ жалобы брестскихъ канониковъ подкрѣпленъ историческими документами, добытыми въ архивахъ; поэтому и всѣ обличенія не могли быть опровергнуты никакими умствованиями базилианъ. Втретьихъ, приведенные въ протестѣ факты раскрыли глубокія язвы, таившіяся въ нѣдрахъ русской униі, но скрываемаыя отъ глазъ правительства, вслѣдствіе господствующихъ злоупотребленій въ іерархіи. Само правительство смотрѣло на униатовъ глазами латинско-польской партіи, официальнымъ органомъ которой были епископы и провинціалы трехъ базилианскихъ провинцій вмѣстѣ съ консултаторами и настоятелями. Брестскій капитулъ, обличая насилія и неправду въ русской униатской церкви, намѣтилъ свою программу реформъ, необходимыхъ для сохраненія униі въ цѣлости и огражденія отъ расхищенія.

На представленія старшаго духовенства князь Голицынъ обратилъ весьма малое вниманіе. Онъ предложилъ въ маѣ 1819 года жалобы разобрать митрополиту, противъ дѣйствій котораго собственно онѣ и были направлены, и удовлетворить желаніе капитула. Князь Голицынъ все болѣе и болѣе втягивался въ мистицизмъ ¹⁾. Не извѣстно, доведенъ ли былъ тогда же протестъ брестскихъ канониковъ до свѣдѣнія императора Александра I, который съ 1803 года неоднократно выражалъ искреннее участіе къ судьбѣ бѣлаго униатскаго духовенства и въ настоящемъ случаѣ, конечно, не оставилъ бы безъ рассмотрѣнія жалобъ духовенства на вопіющія злоупотребленія латинниковъ. Если судить по ходу дѣлъ во второмъ департаментѣ римско-католической коллегіи, то о нуждахъ, выраженныхъ въ протестахъ представителей бѣлаго духовенства, императоръ могъ узнать не ранѣе 1822 года, именно отъ „бѣлаго“ архіерея, послѣ отрѣшенія его отъ управленія Полоцкою епархіей въ ноябрѣ 1821 года. Красовскій, долгое время находясь подъ слѣдствіемъ, въ ноябрѣ 1821 года былъ преданъ суду епископовъ и въ началѣ 1822 года съ высочайшаго соизволенія вызванъ въ столицу ²⁾.

¹⁾ „Слушать проповѣдниковъ“, пишетъ Знаменскій, — „стекались цѣлыя толпы православныхъ людей изъ образованнаго общества высшаго чиновничества; послѣднее въ угоду Голицыну вмѣстѣ съ нимъ усердно вздыхало около ихъ кафедръ, плакало и становилось на колѣна“. *Пр. Собесѣди*. 1885 г., мартъ, стр. 283.

²⁾ Архивъ св. синода. Дѣло 1826 г., № 44. Отрѣшеніе архіепископа Красовскаго отъ Полоцкой епархіи; начато 25-го ноября 1821 г. На 382 листахъ. О

Представленія и жалобы Брестскаго капитула смущали духъ митрополита Булгака. Въ качествѣ епископа Брестской епархіи, онъ хотя отнесся къ жалобѣ съ укоризною, но чувствуя, что дѣло могло принять неблагопріятное направленіе, счелъ необходимымъ предупредить опасность и прежде всего успокоить брестскихъ канониковъ. Руководимый Мудровичемъ и партіей, враждебною русской національности, митрополитъ поспѣшилъ въ свою епархію, чтобы остановить по возможности волненіе, успокоить умы и подъ рукою оказать содѣйствіе настойчивому домогательству базиліанъ. Въ концѣ 1819 года (19-го декабря) съ высочайшаго соизволенія Булгакъ выѣхалъ на годъ изъ Петербурга во вѣренныя ему Литовскія — (Виленскую и Брестскую) епархіи. Прѣздомъ въ Жировицы Булгакъ побывалъ въ Полоцкой епархіи. Во время его отлучки изъ столицы въ коллегію и въ министерство поступили жалобы священниковъ Полоцкой епархіи на архіепископа Красовскаго и его консисторію; священникъ Арматовичъ лично прибылъ въ столицу, не испросивъ дозволенія въ епархіи, съ запасомъ обвиненій своего архіерея; по приказанію князя Голицына второй департаментъ обязанъ былъ выдать ему видъ на жительство въ С.-Петербургъ до окончанія дѣла по жалобамъ на епархіальное начальство. Весь 1820 годъ прошелъ въ подготовкѣ матеріаловъ для обвиненія Красовскаго столь желательнаго и для Голицына, и для Булгака; послѣдній въ ноябрѣ возвратился въ столицу, а 5-го декабря 1820 года бѣлорусскій провинціалъ Смыковичъ подалъ митрополиту Булгаку рапортъ съ проектомъ соединенія Бѣлорусской провинціи съ Литовскою для лучшаго устройства монастырей ¹⁾. „Прежде эта провинція не была отдѣлена отъ Литовской и нынѣ“, писалъ митрополитъ въ коллегію, — „исчезла надобность въ раздѣленіи“. Припомнимъ, что въ 1802 году орденскій капитулъ, собранный въ Тороконахъ, признавалъ нужнымъ соединить обѣ провинціи въ одну. Эту опасную затѣю поддерживалъ Булгакъ въ качествѣ Брестскаго епископа. Но постановленіе капитула тогда осталось безъ исполненія, и Булгакъ теперь мстилъ

сѣдствіи и судѣ надъ архіепископомъ Красовскимъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Василій Лужинскій. См. еще дѣла 1820 г., №№ 15, 26, 38, 37. Автору записокъ дѣйствія митрополита представлялись невинными, потому что онъ въ своихъ мемуарахъ руководился личными соображеніями и незнакомъ былъ съ фактами предшешей дѣятельности глагоу базиліанскаго ордена въ Брестской епархіи, какъ мы убѣждаемся изъ дѣлъ архива.

¹⁾ Архивъ св. синода по второму департ. 1821 г., № 8.

Красовскому, за его постоянное противодѣйствіе къ осуществленію замисловъ базилианъ; онъ не могъ простить Красовскому его содѣйствія къ раскрытію факта растраты фундушей папскаго алузната, за что Булгаку сдѣланъ былъ высочайшій выговоръ. Теперь Булгакъ, возвратившись въ Петербургъ 30-го ноября, нѣкоторое время рапортовался больнымъ, а 28-го января 1821 года приказалъ департаменту войти въ разсмотрѣніе предложенія Смыковича, которое одобрялъ въ виду недостатка въ особахъ способныхъ къ занятію должностей игуменовъ и учителей въ Полоцкой епархіи: „Я это вижу изъ поступающихъ ко мнѣ заявленій... Молодыхъ базилианскихъ монаховъ приходится посылать въ Виленскій университетъ и поручать ихъ надзору базилианъ св. Троицкаго монастыря, которые не обязаны смотрѣть за ихъ поведеніемъ и успѣхами (?). Это неудобство (?) не имѣло бы мѣста, еслибы Бѣлорусская провинція соединена была бы съ Литовской (?)“. Второй департаментъ коллегіи указомъ 3-го февраля потребовалъ отъ провинціаловъ доставить свѣдѣнія о числѣ монаховъ и дать заключеніе консульторовъ. Бѣлорусская консульта сказала, что въ этомъ предпріятіи Смыковича она видитъ „славу и благо базилианскаго ордена и пользу для монастырей Бѣлоруссіи“. Литовскій провинціалъ Каминскій и его консульторы признали единогласно проектъ Смыковича цѣлесообразнымъ. Оставалось знать мнѣніе архіепископа Красовскаго. Въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ митрополиту (отъ 6-го марта 1821 года) Красовскій назвалъ представленіе Смыковича неприличнымъ домогательствомъ: „декреты апостольской столицы съ утвержденіемъ особой базилианской провинціи Св. Николая находятся въ дѣлахъ коллегіи“. Поэтому онъ считаетъ лишнимъ приводить содержаніе этихъ документовъ, но напоминаетъ митрополиту о прежнихъ распоряженіяхъ и объ указѣ 8-го ноября 1795 года, коимъ число базилианскихъ монастырей ограничивалось 24 и 27 во всѣхъ трехъ провинціяхъ (вмѣсто существующихъ 86). „Въ такомъ положеніи дѣла ваше высокопреосвященство („Sua Excellentia Illustrissima“) прилично ли было провинціалу Смыковичу являться съ такимъ проектомъ, по причинѣ малаго числа духовныхъ лицъ ордена. Провинція Бѣлорусская существуетъ уже 50 лѣтъ и, принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, нѣтъ причины измѣнять ея положеніе“. Было предположеніе преобразовать базилианскій орденъ, о чемъ составлялъ докладъ министръ народнаго просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій вмѣстѣ съ монахами означеннаго ордена, и даже тогда предполагалось имѣть на всю унию

одного генерала и двѣ провинціи,— „но сію стратагемму покойный митрополитъ Лисовскій въ своемъ мнѣніи по высочайшему повелѣнію, на ономъ докладѣ учиненномъ, достаточно открылъ и объяснилъ, и это дѣло высочайше назначеннымъ комитетомъ, въ которомъ я имѣлъ честь присутствовать, окончено въ 1810 году“.

Съ такимъ твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ архіереемъ не было никакой возможности открыто бороться митрополиту, который во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ привыкъ дѣйствовать съ уклончивою осторожностью. Ему, однако, во чтѣ бы ни стало, хотѣлось добиться возвращенія ордену утраченнаго имъ исключительнаго господства въ униі и самому стать твердою ногою въ Полоцкой епархіи, каедрa которой была самая богатая.

Не могли успокоиться также и базилиане: администраторъ Полоцкой епархіи архимандритъ Исаія Шуляковичъ, мечтавшій объ епископствѣ, прислалъ, въ январѣ 1822 года, въ департаментъ рапортъ, въ которомъ, поддерживая проектъ Смыковича и указывая на неправильную будто бы передачу въ пользу Полоцкой семинаріи базилианскаго монастыря (чѣмъ нанесенъ явный ущербъ ордену), представлялъ о затрудненіяхъ въ приисканіи достойныхъ настоятелей, ректоровъ, учителей классовъ и проповѣдниковъ, вслѣдствіе недостаточнаго числа монаховъ въ Бѣлорусской базилианской провинціи. „Мѣстныя обстоятельства таковы“, заключаетъ Шуляковичъ,— „что я прихожу въ затрудненіе при исполненіи своихъ обязанностей и не могу избрать ректора Полоцкой семинаріи, какъ требуется 5-мъ пунктомъ указа 16-го октября 1806 года“¹⁾.

Потерпѣвъ неудачу съ проектомъ о соединеніи базилианской провинціи, митрополитъ получилъ отказъ и отъ Брестскаго капитула во время пребыванія своего въ своей Брестской епархіи. Брестскій капитулъ въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ держался твердо. Присутствіемъ митрополита въ Жировицахъ въ 1820 году воспользовался Дрогичинскій благочинный, настоятель Клещельской церкви, энергичный членъ Брестскаго капитула Антоній Сосновскій. Онъ надѣялся склонить высокопреосвященнаго на необходимость не только принять болѣе рѣшительныя мѣры для улучшенія быта блага духовенства,

¹⁾ Архивъ св. синода. Дѣло 1821 г., № 8. Начато 29-го января 1821 г. Прошеніе провинціала Смыковича о соединеніи Бѣлорусской базилианской провинціи съ Литовскою для общей пользы.

но и къ искорененію вкравшихся въ нѣкоторыхъ приходахъ „суетвѣрій“, „недѣлностей въ молитвахъ“ и вообще къ исправленію церковнаго неустройства ¹⁾. Сосновскій хотя и не получилъ высшаго богословскаго образованія, тѣмъ не менѣе приобрѣлъ отличныя познанія въ законахъ каноническихъ и выдержалъ въ этомъ предметѣ экзаменъ при университетѣ. Кромѣ того, занимаясь постоянно въ архивѣ Супрасльскаго монастыря, потомъ разбирая церковныя и городскіе архивы въ Брестѣ и другихъ городахъ на своей родинѣ — Подлясіи, онъ развилъ опытность въ чтеніи древнихъ русскихъ и славянскихъ рукописей и успѣшно открывалъ цѣнныя для униатовъ документы, относившіяся къ фондусевымъ записямъ, опредѣленнымъ русскими людьми на содержаніе церковнаго клира, семинаріи и т. п. надобности. Вообще, Антоній Сосновскій былъ хорошимъ знатокомъ исторіи церковной униі. Полагаютъ поэтому, что онъ-то и былъ составителемъ протеста Брестскаго капитула ²⁾. Принадлежа къ составу бѣлаго духовенства бывшей Супрасльской епархіи, Антоній Сосновскій постоянно выражалъ свою горячую заботливость объ улучшеніи положенія семействъ священно-служителей, горячо возставалъ противъ базилианской монополіи въ униатской церкви.

На рапорты Сосновскаго, какъ благочиннаго къ своему епархіальному епископу въ 1820 г. (отъ 28-го мая, за № 59, 2-го іюля за № 37 и 22-го іюля, за № 83), въ которыхъ объяснялось неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ нѣкоторыхъ приходахъ и признавалось полезнымъ для устраненія вкравшагося неустройства въ униатской церкви, созвать епархіальный синодъ, митрополитъ отвѣчалъ уклончиво. Въ резолюціи отъ 12-го іюля за № 133

¹⁾ Антоній Сосновскій происходилъ, подобно Красовскому, изъ древнихъ дворянъ Червонной Руси (Холмской области), съ 1801 г. былъ настоятелемъ св. Николаевской церкви въ Клецеляхъ (въ 20 верст. къ югу отъ Бѣльска), по должности Дрогичинскаго благочиннаго вступался за неприкосновенность греко-униатовъ, совращенныхъ въ латинство при прусскомъ правительствѣ, былъ членомъ Супрасльскаго капитула, а теперь Брестскаго, имѣлъ отличное знакомство съ древними русскими памятниками и былъ страстно приверженъ къ греческимъ обрядамъ.

²⁾ Мы имѣемъ собственноручную записку Антонія Сосновскаго, въ которой напечатаны доказательства, основанныя на архивныхъ документахъ на весь пунктъ протеста Брестскаго капитула. Къ сожалѣнію, множество документовъ собранныхъ членами Брестскаго капитула, хранившихся въ Литовской конексторіи, сгорѣло въ 1836 году. Что Сосновскій могъ быть редакторомъ протеста, можно судить по свойственной ему одному манеру изложенія официальныхъ бумагъ.

высокопресвященный не признавалъ нужнымъ собирать синодъ (соброръ помѣстный), но полагалъ достаточнымъ ограничиться донесеніями въ консисторію съ показаніемъ, въ какихъ именно приходахъ люди употребляютъ вмѣсто обыкновенныхъ молитвъ иныя суевѣрныя“. Не трудно догадаться, откуда распространялись „суевѣрія“, возмущавшія русскаго греко-уніата, приверженнаго къ старинѣ.

Благочинный Сосновскій рѣшился подать прошеніе на Высочайшее имя во второй департаментъ коллегіи. Основываясь на постановленіяхъ: вопервыхъ, Замойскаго уніатскаго синода (1721 г.), гдѣ въ п. 6-мъ о „епископахъ“ сказано, что на благочинныхъ возлагается обязанность наблюденія о собраніи синода, въ случаѣ злоупотребленій или безпорядковъ въ приходахъ, и вовторыхъ, Кіевскаго провинціального синода 1620 года, обратившаго вниманіе на строеніе церкви, Сосновскій просилъ распоряженія департамента о созваніи епархіального синода для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ церкви: „Я послалъ епископу копіи съ фанатическихъ молитвъ и пѣснопѣній, практикуемыхъ въ нѣкоторыхъ приходахъ, и объяснялъ, что только въ собраніи синода могутъ быть обстоятельно выяснены всѣ нужды церкви... Но пресвященный Булгакъ въ своей резолюціи ограничился указаніемъ на присылку въ консисторію донесеній. Такое средство, по моему мнѣнію, недостаточно для устраниенія укоренившагося зла; притомъ одними донесеніями въ консисторію не возможно оказать помощи всѣмъ нуждамъ цѣлой епархіи, да и подобный способъ сношеній несогласенъ съ церковною практикою и можетъ открыть лишь двери для личныхъ притязаній. Между тѣмъ къ созванію синода имѣются и другіе поводы: 1) Нѣкоторые священники въ епархіи не имѣютъ пристанища и для содержанія своего и своего семейства должны собирать милостыню. 2) Священническія вдовы остаются безъ всякой опеки, а это обстоятельство даетъ поводы къ неприличіямъ. 3) Сироты духовныхъ лицъ не имѣютъ никакихъ средствъ для образованія и даже лишены пристанища, оттого многіе изъ нихъ обращаются въ праздноватающихъ. 4) Между тѣмъ средства для образованія имѣются въ епархіи; для этой цѣли назначены фондуши Тороканскаго монастыря, какъ постановлено Кобринскимъ синодомъ (1626 г.), предписаніями Сигизмунда III короля Польскаго и Петра Великаго (въ регламентѣ). 5) Проектируемый планъ устройства епархіальной семинаріи, между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противенъ церковнымъ канонамъ Тридентскаго

собора и несогласенъ съ Высочайшими указами. 6) Въ этомъ проектѣ не исчислены всѣ источники семинарскаго фонда, которые открыть однако необходимо для достиженія цѣли просвѣщенія духовенства и все это необходимо провѣрить. Самъ епископъ Булгакъ, созывавшій однажды, въ 1810 г., епархіальный синодъ, едва ли можетъ отрицать необходимость вторичнаго его созыва. Сношенія же съ консисторіей повели бы только къ интригамъ и проволочкамъ ¹⁾.

Едва ли Сосновскій могъ ожидать успѣха въ департаментѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Булгакъ, имѣя сторонниками своими архимандрита Аврелія Сулятицкаго, члена отъ базилианскаго ордена, и прелата школы Кирилла Сѣроцинскаго, члена отъ Луцкой епархіи, извѣстнаго фанатика. Своимъ прошеніемъ, которое можетъ служить дополненіемъ къ протесту Брестскаго капитула, Сосновскій напоминалъ своимъ братьямъ по коллегіи о тѣхъ жгучихъ вопросахъ въ греко-униатской церкви, разрѣшеніе которыхъ откладывать долѣе было, по мѣстнымъ соображеніямъ, не безопасно. Упоминаемый въ прошеніи Сосновскаго планъ устройства епархіальной семинаріи (въ п. 5) въ Супрасльскомъ монастырѣ (а не въ Жировицкомъ) былъ составленъ во время пребыванія митрополита Булгака въ Жировицахъ подъ диктовку и въ интересахъ базилианскаго ордена. Владѣя большими капиталами, располагая безконтрольно, по своему усмотрѣнію, секретными суммами, орденъ никогда добровольно не пожертвовалъ бы частью своихъ фондушей на устройство семинарій и на улучшение быта бѣлаго духовенства. Необходимо было побудить правительство принять на свое попеченіе заботу о доставленіи приличнаго и сообразнаго съ достоинствомъ духовнаго лица содержанія и обезпеченія въ нуждахъ жизни и упрочить способы для духовнаго образованія.

Но старыя вопросы—о семинаріи, о каедрѣ, о пріютахъ и о другихъ нуждахъ греко-униатской церкви—при Голицынѣ не находили себѣ поддержки въ департаментѣ коллегіи и въ министерствѣ ²⁾.

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му департаменту. Дало 1820 г., № 41 „О возникновеніи въ народѣ суевѣрій и о собраніи епархіальнаго синода“.

²⁾ Для подкрѣпленія своихъ объясненій о нуждахъ церкви, Сосновскому понадобились какіе-то документы изъ архива брестской консисторіи. Консисторія резолюціей 13-го мая 1820 г. не разрѣшила ему сдѣлать справки; Сосновскій обратился съ жалобой во 2-й департаментъ. Отказать въ такой бездѣлицѣ не было основанія, искать необходимые документы было разрѣшено подъ надзо-

Черезъ полтора года послѣдовало опредѣленіе 2-го департамента на жалобу Сосновскаго: „предоставить все это дѣло власти епархіальнаго епископа“ (журн. 26-го іюля 1822 г.).

Стремленія представителей бѣлаго духовенства Брестской епархіи къ возстановленію чистоты греко-славянскаго богослуженія, къ поднятію и расширенію духовнаго образованія, къ улучшенію общественнаго быта убогаго духовнаго сословія были достигнуты другими путями, противъ воли и безъ содѣйствія епархіальнаго начальника.

Въ концѣ 1821 года, по предложенію Голицына, болѣе года собиравшаго свѣдѣнія для обвиненія непокорнаго архіепископа, состоялось высочайшее повелѣніе о преданіи его суду, и въ началѣ 1822 г. Красовскій, въ качествѣ подсудимаго, получилъ дозволеніе прибыть въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда въ столицу, архіепископъ получилъ аудіенцію у государя, на которой представилъ ему продѣлки базилианскихъ монаховъ въ униатской церкви, объяснилъ, что базилиане, соединясь съ латино-польскою партіей, подъ покровомъ благопріятствующихъ имъ епископовъ, имѣютъ вездѣ себѣ поддержку и парализуютъ всѣ предначертанія правительства, разказалъ о продолжающихся бѣдствіяхъ бѣлаго духовенства, которое не находитъ себѣ защиты ни въ министерствѣ, ни въ коллегіи, ни у епархіальныхъ начальниковъ, о томъ, что враждебная партія бѣлому духовенству выставила уже двухъ кандидатовъ на Полоцкую епархію: первымъ — архимандрита Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Шуляковича, администратора Полоцкой епархіи, вторымъ — іеромонаха Мудровича, секретаря канцеляріи митрополита Булгака, о чемъ затовляется уже и докладъ ¹⁾.

ромъ архиваріуса. Архивъ св. синода. Дѣло 1820 г., № 22. Департаментъ коллегіи дѣлалъ уступку въ мелочахъ, а дѣла первостепенной важности оставлялъ по нѣскольку лѣтъ безъ разсмотрѣнія!...

¹⁾ Записки архіепископа Лужинскаго. *Правосл. Собесѣдн.* на 1884 г., іюнь, стр. 268 и 269. Авторъ смѣшиваетъ бѣлое греко-униатское духовенство съ православіемъ; стараясь выгородить митрополита Булгака, Лужинскій всю накипѣвшую на базилианъ личную злобу, обращаетъ исключительно на Шуляковича. Известно, что Лужинскій во время производимаго суда надъ Красовскимъ находился при немъ въ качествѣ секретаря (1822—1824 г.) и потому могъ хорошо замѣтить, къ чему уже склонялся въ это время униатскій вопросъ. Известно, что въ это время въ Петербургѣ все болѣе и болѣе обозначалась партія враждебная библейскому обществу, и увеличивалось значеніе людей, приверженныхъ къ старинѣ, къ святости церковно-славянскаго текста.

Аудиенція ли Красовскаго раскрыла императору козни враговъ русскаго духовенства и интриги вѣрныхъ слугъ латино-польской партіи, или другими путями дошло до государя свѣдѣніе о современныхъ явленіяхъ въ греко-униатской церкви, во всякомъ случаѣ были серьезныя причины, которыя побудили Александра I отдать рѣшительное приказаніе министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну о неотлагательномъ приведеніи въ исполненіе высочайшихъ указовъ по упраздненію нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей и учрежденію духовныхъ училищъ. Въ первыхъ числахъ сентября 1822 г. 3-й департаментъ сената потребовалъ изъ униатскаго департамента копию съ высочайшаго именнаго указа 1797 г., даннаго Беклемишеву — объ упраздненіи излишнихъ базилианскихъ монастырей, а 28-го сентября послѣдовало предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына 2-му департаменту римско-католической коллегии о неотложномъ окончаніи дѣла, помѣченнаго къ разрѣшенію еще въ 1805 г.: „2-й департаментъ, находясь въ нынѣшнемъ отдѣльномъ составѣ 16 лѣтъ, могъ собрать точнѣйшія свѣдѣнія о состояніи базилианскихъ монастырей и о нуждахъ вообще униатскаго духовенства“. Но 2-й департаментъ, какъ увидимъ, застигнутъ былъ врасплохъ: въ немъ не было собрано свѣдѣній, какія полагалось собирать по регламенту 1801 года.

Были весьма серьезныя причины, побудившія императора Александра I выразить лѣтомъ 1822 г. свою рѣшительную волю о немедленномъ приведеніи въ исполненіе его намѣренія улучшить бытъ и положеніе низшаго греко-униатскаго духовенства. Какія были причины измѣненія политики по отношенію къ обширной западной окраинѣ Россіи, даетъ отвѣтъ исторія послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Одною изъ причинъ было возстаніе грековъ, несчастная участь которыхъ подъ владычествомъ мусульманъ, какъ и участь южныхъ славянъ, нашихъ единовѣрцевъ, была предметомъ заботъ благочестиваго настроенія императора. Греко-униаты, по вѣрѣ, были тѣ же греки, какъ выразился однажды Лисовскій. Получались донесенія о существованіи явныхъ и тайныхъ обществъ, которыя вмѣстѣ съ развитіемъ латино-польской пропаганды, поддерживали и питали въ молодежи преступныя идеи о восстановленіи „старой Польши“, объ отторженіи къ Польской коронѣ всей страны, составлявшей Виленскій учебный округъ. Недавно, въ 1818 году, облегчена была участь крестьянъ западныхъ губерній, положеніе которыхъ стало невыноси-

мымъ отъ притѣсненій латино-польскихъ владѣльцевъ, которые удерживали ихъ на работахъ подъ разными неблагоприятными предлогами, лишали ихъ способовъ продовольствія, налагали на нихъ жестокія наказанія и т. д. Сама логика вещей вызывала необходимость облегченія и участи бѣлаго униатскаго духовенства, о печальномъ положеніи котораго, послѣ ряда голодныхъ лѣтъ въ той странѣ, доходили вѣсти въ столицу. Бѣлорусскіе священники, а не только одни крестьяне, питались хлѣбомъ изъ ржи съ примѣсю дубовыхъ жолудей или древеснаго мха!...

Петиціи Брестскаго капитула и докладъ архіепископа Красовскаго о тяжкихъ условіяхъ быта бѣлаго духовенства греко-униатской церкви, о неравномѣрномъ распредѣленіи фундушей между базилианами, нерѣдко утопавшими въ роскоши, и священниками, обремененными семействами, когда все имущество священника ограничивалось 36-ю десятинами земли (на причтъ), о недостаткахъ средствъ духовнаго образованія, объ упадкѣ монашеской дисциплины—приводили къ одному и тому же выводу—къ неустройству греко-униатской церкви, а слѣдовательно, къ необходимости положить конецъ безпорядкамъ въ униі. Въ промежутокъ времени, отъ окончанія Лайбахскаго конгресса (въ маѣ 1821 г.) и до поѣздки на новый конгрессъ въ Веронѣ (въ августѣ 1822 г.) (а эти конгрессы собирались для противодѣйствія опаснымъ замысламъ тайныхъ обществъ въ Европѣ), государю были уже извѣстны успѣхи польской пропаганды между русскими прихожанами въ западныхъ губерніяхъ; до него доходили недобрыя вѣсти объ успѣхахъ тайныхъ обществъ на всемъ пространствѣ Виленскаго учебнаго округа ¹⁾. Многіе симптомы ясно обнаруживали, что скорое разрѣшеніе униатскаго вопроса, сущность котораго могла уже достаточно выясниться въ правительственныхъ сферахъ, становилось дѣломъ политической необходимости.

Въ этомъ читатель убѣдится изъ ближайшаго разсмотрѣнія состоянія и направленія просвѣщенія въ странѣ и положенія русской греко-униатской церкви послѣ изгнанія иезуитовъ изъ Полоцка въ 1820 году.

III. Бобровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Императоръ Александръ посѣтилъ Вильну лѣтомъ 1822 г. (вѣроятно, въ августѣ); 7-го сентября онъ прибылъ въ Вѣну, а 4-го (16-го) октября въ Верону. Ео времени пріѣзда государя въ Вильну приняты были весьма строгія полицейскія мѣры, и тогда же, какъ обнаружено слѣдствіемъ, прекратили свое существованіе тайныя общества студентовъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Опытъ историко-библиографическаго обзора).

Около двухъ столѣтій отдѣляютъ насъ отъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, но мы какъ будто все еще стоимъ подъ обаяніемъ этой эпохи и, переживая ее, не въ силахъ отнестись къ ней вполне спокойно и объективно. Духъ Петра точно еще вѣетъ среди насъ, и самъ царь не успѣлъ стать вполне историческою личностью. Дѣйствительно, это не Иванъ III, не царь Грозный, даже не Алексѣй Михайловичъ, такъ близко по времени стоящій къ преобразователю: только что названные государи отошли для насъ такъ далеко, что мы можемъ говорить о нихъ, выражаясь словами поэта, ихъ „добро и зло внимаая равнодушно“. Не таковъ Петръ: его „добро“ слишкомъ еще ощутительно; отъ его „зла“ все еще, минутами, трудно дышется. Великій императоръ ребромъ поставилъ вопросы, которые мы и до сихъ поръ окончательно не рѣшили, и волей-неволей живемъ мы въ томъ обиходѣ понятій и практической дѣятельности, каковій впервые былъ выясненъ только при немъ.

Но именно эта-то насущность и жизненность вопроса и вызываетъ всевозможныя усилія для правильнаго и возможно безповоротнаго его рѣшенія. Нельзя сказать, чтобы ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи: время отъ времени публикуются изслѣдованія, еще чаще — очень цѣнные матеріалы, но въ будущемъ работа предстоитъ еще не малая: потребуется осмыслить всѣ эти матеріалы, добавить ихъ новыми и связать въ одно цѣлое представленія, донныя остающіяся пока отрывочными и мало выясненными.

Но такая работа не исключаетъ, конечно, и ретроспективнаго

взгляда на пройденный путь. Знакомство съ тѣмъ, какъ болѣе раннія поколѣнія понимали и изучали реформу, быть можетъ, облегчитъ нашу собственную задачу и поможетъ разобраться въ ней нѣсколько отчетливѣе. Изъ этихъ основаній вышелъ и предлагаемый нами очеркъ. Спѣшимъ впрочемъ оговориться, что въ данную минуту мы были далеки отъ мысли изучать взгляды на реформу, довольствуясь пока однимъ внѣшнимъ наброскомъ смѣнявшихся воззрѣній въ русскомъ обществѣ и русской литературѣ и предоставляя себѣ въ дальнѣйшемъ будущемъ болѣе основательное изученіе взглядовъ, высказанныхъ о царственномъ реформаторѣ. Заранѣе указываемъ на неполноту и на обиліе пробѣловъ въ библиографической части настоящаго очерка. Поэтому просимъ смотрѣть на нашу работу не болѣе какъ на попытку разчистить путь изученія эпохи преобразования въ направленіи, до сихъ поръ остававшемся въ пренебреженіи. То, что попытка является первою, да послужить извиненіемъ ея недостатковъ.

I.

Движеніе, создавшее эпоху преобразования, началось еще въ XVII столѣтіи. И тогда уже отъ общаго ядра началъ отдѣляться оппозиціонный лагерь, стали формироваться двѣ партіи, стоявшія одна противъ другой. Но въ ту пору причина недовольства чужалась пока довольно смутно, и самое недовольство понималось весьма односторонне; взаимные враги, оба лагера, скорѣе пораженные неожиданностью, удивленно смотрѣли другъ на друга. Движеніе началось, но еще не выясненное, почти инстинктивное. Еще не сознавали, что настоящій моментъ есть уже канунъ крупныхъ событій. Эти люди сегодня съ ужасомъ приняли бы извѣстіе, еслибъ имъ сказали, какая глубокая пропасть успѣла лечь между ними, а на завтра они же нервно возьмутся за оружіе. Сегодняшняя химера скоро соберетъ вокругъ себя цѣлую толпу убѣжденных приверженцевъ.

Среди такого-то общества появился Петръ. Онъ прямо и открыто поставилъ вопросъ, который, я полагаю, можно считать за основной выводъ всей его государственной дѣятельности: Коснѣтъ ли завѣдомо въ старинѣ, или обильно черпать знаніе у тѣхъ, кто имъ обладаетъ? Запереться ли въ свой уголокъ и закрыться отъ свѣта истины, чтó разливаетъ благодатные лучи свои на родъ людской, или широко растворить двери этому свѣту и расчистить имъ мракъ, накопившійся за многіе годы? Петръ какъ бы спрашивалъ: будемъ ли мы смотрѣть

назадъ, на пройденный путь и на немъ искать своихъ образцовъ, или признаемъ, что понятіе о лучшемъ выражается въ прогрессѣ, въ движеніи и измѣненіи, и что всякое усовершенствованіе не мыслимо безъ заимствованій, безъ общенія? Сохранимъ ли старое только потому, что оно старое, прадѣдовское, или послѣдуемъ за логикой, за разумомъ, если они скажутъ, что новое есть истинное, лучшее?

Петръ далъ рѣшеніе въ послѣднемъ смыслѣ, и вотъ движеніе началось, движеніе быстрое, головокружительное. Люди стараго закала не могли не идти, не могли не бѣжать: они вѣдь составляли органическую часть государственнаго тѣла, приведеннаго въ движеніе. Но они пошли противъ желанія. Скорбь, закрывшаяся еще раньше, теперь превращается въ настоящее негодованіе, въ чувство не смываемаго оскорбленія. Въ самомъ дѣлѣ, станемъ на ихъ точку зрѣнія. Виноваты ли они въ томъ, что въ бородѣ и длиннополомъ кафтанѣ, въ постѣ и отчужденіи отъ басурмана видѣли свой завѣтъ, свою религію? А между тѣмъ эту религію такъ оскорбляли! Съ чѣмъ они сжились, что стало для нихъ священнымъ, духовною потребностью, все это исчезало на вѣки. Для человѣка, сколько-нибудь убѣжденнаго и уважающаго себя, легче перенести любую физическую боль, чѣмъ безнаказанно отдать на поруганіе свой нравственный міръ, все то, въ чемъ выражается его я. Сомнѣній, какъ поступить, не можетъ быть въ данномъ случаѣ: вызванный на борьбу человѣкъ съ отчаяніемъ безнадежности хватается за оружіе.

Чѣмъ болѣе гнетущимъ было вліяніе Петра, тѣмъ страшнѣе, необычайнѣе, тѣмъ коллосальнѣе казалась сторонникамъ московской старины самая фигура царя. И вотъ онъ вырастаетъ у нихъ въ сверхчеловѣческое существо, въ одержимаго бѣсомъ, въ родившагося отъ нечистой дѣвы, въ самого антихриста!.. Потому-то и водится онъ съ нѣмцами, потому-то и рекрутчину ввелъ, и новобранца клеймитъ раскаленнымъ желѣзомъ—печатью антихриста; потому-то и стрѣльцовъ мучаетъ лютыми казнями, постовъ не соблюдаетъ, брѣетъ бороду, одѣлся въ короткое платье, ввелъ новые налоги и поборы съ христіанскаго міра!.. Было семь антихристовъ; по Писанію, долженъ народиться восьмой: онъ и есть теперь во образѣ Петра ¹⁾.

¹⁾ *Соловьевъ*, XV (изд. 1873), 121—131. Сказку о Стекольномъ царствѣ, гдѣ Петра хотѣли посадить въ бочку и бросить въ море, см. въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1862, № 4, смѣсь, стр. 2. О печати антихриста съ самыми рисунками см. *Русск. Архивъ* 1873, № 10, стб. 2068—2074; № 11, стб. 02296—02297. О княгоплецѣ Григоріи Талицкомъ, который въ проклама-

И это слышится во всёхъ углахъ Русскаго государства, объ этомъ толкуютъ всё слои общества: крестьянки и жены солдатскія, холопы, и монахи; эти опасныя рѣчи произноситъ сынъ боярскій, крестьянинъ, нищій, хлѣбный старецъ монастырскій, дьячекъ и священникъ, каждый на свой ладъ, но всё на одну тему: „Какой это царь! Весь міръ переѣлъ, нѣмцы обошли его! Давно бы раздѣлаться съ нимъ надо!“ ¹⁾ Напрасно жестокими казнями думали заглушить оскорбительную молву, напрасно оппозиціонной литературѣ противопоставляли правительственную ²⁾: тщетныя усилія! Народное недовольство продолжало расти ³⁾.

Для знакомства съ враждебными взглядами на Петра очень цѣнно одно раскольничье сочиненіе, хотя и составленное въ началѣ нашего вѣка, но всецѣло сохранившее на себѣ свѣжесть яркихъ впечатлѣній болѣе ранняго времени. Это такъ-называемая „Выписана исторія печатная о Петрѣ Великомъ. Собраніе отъ Святаго Писанія о антихристѣ“ ⁴⁾. Написанная съ большимъ чувствомъ, она проникнута сильною вѣрой и согрѣта не только теплымъ, но и страстнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Перомъ составителя руководило не серьезное изученіе, а горячее убѣжденіе, фанатизмъ сторонника партіи. Называя Петра антихристомъ, авторъ, очевидно, произноситъ не бранный

цѣнхъ проповѣдывалъ убійство Петра, какъ антихриста, — у *Есипова*, Раскольничьи Дѣла XVIII стол., I, 59—84. Сравни также указанія, собранныя у *Брикнера*, Исторія Петра Вел., 292—293, 303—306. О бородахъ и нѣмецкомъ платьѣ отдѣльная статья *Есипова* въ Расколѣ. Дѣлахъ, II, 159—186.

¹⁾ *Соловьевъ*, XV, 119—121, 124—125.

²⁾ Противъ Талицкаго Стефанъ Яворскій написалъ изданное въ 1703 году „Знаменіе пришествія антихристового и кончины вѣка“, которое въ свою очередь вызвало сочиненіе известнаго Андрея Денисова: „О бытіи послѣдняго времени и противникѣ антихристѣ“, гдѣ доказывалось, что „существующее время по всемъ обстоятельствамъ самое послѣднее“ (Каталогъ или библиотечка старообръч. церкви, собранный тѣщаниемъ *П. Любопытнаго*. Библиотеч. Записки 1861, № 8, стбц. 262). Впрочемъ, это сочиненіе не помѣшало тому же Денисову написать „Панегирикъ Петру Вел. и прославить „особенно его покровительство старообръчскихъ церквей и всёхъ старообрядцовъ“ (*ibidem*, 1861, № 9, стбц. 270—271).

³⁾ Такъ, напримѣръ, въ 1707 г. появилось подметное письмо о рожденіи антихриста (*И. Чистовичъ*, Новгородскій митрополитъ Іовъ. Страники 1861, № 2, стр. 66). О проповѣдникахъ антихриста: Левинъ (1722)—у *Есипова*, Расколѣ. Дѣла XVIII столѣтія I, 3—57; Самуилъ Выморковъ (1722—1725)—у *Семевского*, Слово и Дѣло (изд. 1884), стр. 125—184. Жалобы раскольниковъ въ современной „Интерлюдія“ въ *Литоп. русск. литер.—Тихонова*, II, 37—60.

⁴⁾ *Чтен. Общ. Ист. и Древн.* 1863, № 1, стр. 52—71.

эпитетъ, но искренно вѣрить въ реальность этого отождествленія, именно отождествленія, а не сравненія. Собственно исторіи Петра здѣсь нѣтъ; это скорѣе указанія на нѣкоторыя мѣропріятія царя, пересыпанныя страстными филиппиками, ссылками и выписками изъ отцовъ церкви, съ постояннымъ повтореніемъ и возвращеніями къ только что сказанному. Возбужденное состояніе, по всему видно, мѣшало автору сосредоточиться и систематизировать свои мысли.

Со времени звѣрнаго 1666 года (когда новоисправленные книги получили санкцію Московскаго собора) царь Алексѣй становится въ глазахъ „Исторіи“ „жидовиномъ“ и „мучителемъ“; Петръ постоянно называется „лютымъ звѣремъ“, „воли сатаниной исполненнымъ“, „антихристомъ, скрывшимъ пагубное имя свое подъ литерою М“, ибо въ остальныхъ буквахъ слова Императоръ благочестивый старовѣръ находятъ звѣрное число 666 ¹⁾. Сильно достается Петру за учрежденіе синода, за именованіе себя отцомъ отечества, что являлось, по мнѣнію безыменнаго автора, кощунствомъ надъ саномъ патріарха ²⁾. Особенно сильны нападки за перемѣну лѣтосчисления; сѣтованія на это разбросаны по всему сочиненію ³⁾. Что же касается до введенія подушной переписи, то она кажется нашему автору такимъ богоотступнымъ дѣломъ, что мысль его никакъ не можетъ примириться съ этимъ фактомъ. Онъ съ рѣшительностью провозглашаетъ, что „таковому лжехристу въ послушество отдатися не хотимъ и въ книги его законопреступныя писатися никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися никому не совѣтуемъ. Творите съ нами, что хотите... ибо мы отъ святаго крещенія записаны есмы въ книги животныя у Царя небеснаго на небесѣхъ“ ⁴⁾.

Но если такое впечатлѣніе выносили законнѣйшіе противники Петра, то совсѣмъ иное чувство возбуждалъ послѣдній своею дѣятельностью въ новыхъ людяхъ, въ сторонникахъ реформы. Рядомъ съ только что приведеннымъ воплемъ отчаянія слышится и голосъ торжества: тотъ, кто еще ранѣе, хотя однимъ глазомъ, видѣлъ крашеекъ этого новаго міра, кто по натурѣ своей былъ склоненъ отозваться на новый призывъ, кто въ душѣ своей уже разорвалъ со старымъ, но еще не присталъ къ другому берегу, при чемъ и самый берегъ носился

¹⁾ і (10)+п (80)+е (5)+р (100)+а (1)+т (300)+о (70)+р (100)=666.

²⁾ Исторія, стр. 53, 54, 58, 60—64, 67.

³⁾ Ibidem, 55, 60, 61, 68—70.

⁴⁾ Ibidem, стр. 59. Сравни. о томъ же стр. 68, 57, 70.

ему въ неясномъ туманѣ, тотъ чувствовалъ себя теперь совсѣмъ иначе! Заколустный провинціалъ, неожиданно попавшій въ круговоротъ шумной столичной жизни и совершенно ослѣпленный невиданными диковинками, — вотъ на кого походилъ всякій, кто питалъ сочувствіе къ Петру и крѣпко держался его преобразованій. Какъ ничтожна, мелка должна была казаться ему теперь вся его прежняя обстановка и дѣятельность! Теперь онъ выросталъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, какъ бы вновь рождался, чтобы зажить болѣе широкою и содержательною жизнью. И все это совершилось въ мгновеніе ока, по мановенію какой-то волшебной руки! Честь и хвала этой силѣ! Кто въ состояніи сравниться съ нею? Это сила необычная, свѣтоносная, божественная, — это самъ Богъ!

Такая мысль слышится среди современниковъ Петра и ближайшаго потомства, и ее можно прослѣдить повсюду въ той или другой формѣ.

По заключеніи Ништадтскаго мира, поднося Петру титулъ императора, канцлеръ Головкинъ, отъ имени сената и всѣхъ государственныхъ чиновъ, говоритъ царю такіа слова: „... единныя вашими неуспынными трудами и руководствомъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣденія на оеатръ славы всего свѣта и тако рещи изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“ ¹⁾. Для Головкина прошлое отдѣлено широкою пропастью, сводилось къ нулю, и людьми въ настоящемъ смыслѣ этого слова рускіе становятся только теперь. Посошковъ, въ живомъ образѣ рисуетъ намъ то удивленіе и сочувствіе, какое возбуждали въ современникахъ труды Преобразователя: „Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ о семь трудить себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ?“ ²⁾

Извѣстно, что Теофанъ Прокоповичъ былъ не только сторонникомъ, но и ревностнымъ пропагаторомъ Петровской реформы. Едва ли въ какой-нибудь изъ его проповѣдей не найдется страстной филиппики противъ враговъ новаго направленія вмѣстѣ съ горячимъ прославленіемъ всего содѣланнаго. Онъ славитъ Полтавскую побѣду и любимца Меншикова, даетъ картину всѣхъ дѣлъ Петровыхъ, оправ-

¹⁾ Полн. Собр. Зак. VI, № 3840.

²⁾ *Посошковъ*, Сочиненія, I, 95.

дываетъ поѣздки за границу и сношенія съ иностранцами, отстаиваетъ безпрекословное повиновеніе самодержавной власти, какъ бы предваряя въ этой проповѣди будущую „Правду воли Монаршей“. Не забылъ Теофанъ и развитіе могущества Россіи на морѣ; что не было договорено въ Духовномъ Регламентѣ, тому дается мѣсто въ словѣ, сказанномъ предъ открытіемъ св. синода. Разумѣется, Ништадтскій миръ не могъ быть игнорированъ знаменитымъ витіей. Наконецъ, за нѣсколько недѣль до смерти Петра Великаго, Теофанъ Прокоповичъ произноситъ проповѣдь, оправдывая въ ней перенесеніе новаго года съ сентября на январь ¹⁾.

Въ духѣ Прокоповича дѣйствуютъ и другіе проповѣдники: епископъ Рязанскій Гавріилъ Бужинскій и іеромонахъ Симонъ Кохановскій. Первый изъ этихъ ораторовъ превозноситъ самоотверженную любовь Русскаго императора къ отечеству, и какъ оберъ-іеромонахъ флота, особенно подчеркиваетъ значеніе флота и побѣдъ надъ врагами. Въ увлеченіи новою столицей, онъ готовъ даже отстаивать красоту петербургскихъ болотъ ²⁾.

Изъ семи словъ преосвященнаго Гавріила ³⁾ остановимся на послѣднемъ, произнесенномъ въ день поминовенія усопшаго государя, чрезъ годъ послѣ его смерти. Основная тема проповѣди сводится къ тому, „что Петръ Великій еще и умре, но живъ есть“ (стр. 230), живъ въ своихъ дѣлахъ. Надобно только проникнуться его примѣромъ и во всемъ слѣдовать ему. „Петръ Великій живъ есть: азъ есмь воскресеніе и животъ ... и всякъ вѣрующій въ мя не умретъ во вѣки (Іоанн. гл. II, ст. 25). Се уже инаши Россіе пластырь на сердечную язву твою!“ (стр. 241) ⁴⁾.

¹⁾ *Теофанъ Прокоповичъ*, Слова и рѣчи., ч. I (изд. 1760) и 8 словъ во второй части (изд. 1761). Сравни *Самаринъ*, Сочиненія, V, 413—442. *Порфирьевъ*, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 49—55.

²⁾ *Порфирьевъ*, Истор. русск. словес., ч. II, отд. I, стр. 56—58.

³⁾ Слова эти: 1) въ похвалу Петербурга; 2) о Пелтавской побѣдѣ; 3) о побѣдѣ Гангудской; 4) въ воспоминаніе взятія въ 1702 г. крѣпости Шлиссельбурга; 5) о взятіи Нотебурга (Шлиссельбурга); 6) на память св. апостола Андрея—безъ политическаго характера; и 7) въ поминовеніе головщины смерти Петра. (Полное собраніе поучит. словъ, сказываемыхъ *Гаврииломъ Бужинскимъ*. Москва. (безъ года), издѣв. *Н. Новикова* и К^о).

⁴⁾ О Симонѣ Кохановскомъ свидѣнія сообщены у *Лекарскаго*, Наука и Литер. при Петрѣ В., I, 492—494.

Смерть Петра глубоко поразила его сторонниковъ.

„Нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами“, замѣчаетъ Нартовъ,— „однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ; и мы, имѣвшіе счастье находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ, для того что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него“¹⁾.

А Неплюевъ замѣчаетъ: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди,—однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть, и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“²⁾. Сколько непосредственной искренности въ этихъ словахъ!

„Охъ горе! охъ увы!“ пишетъ графъ А. А. Матвѣевъ изъ Москвы къ А. В. Макарову, получивъ вѣсть о кончинѣ царя,— „какъ то есть не токмо мнѣ, бѣдняку, но и всѣмъ вѣрнымъ его высокопомянутаго величества подданнымъ работъ“. Матвѣевъ сообщаетъ, что въ первопрестольной столицѣ, едва увѣдали „о той трагедіи“, подняли такой „вой, крикъ, вопль слезный, что нельзя женамъ больши того выть и горестно плакать, и во истинну такова ужаса народнаго отъ рожденія моего я николи не видалъ и не слыжалъ, что какъ слышно и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилося“³⁾. Пекарскій, приводит это извѣстіе, замѣчаетъ, что „плакать и рыдать при каждомъ погребеніи лицъ изъ царскаго семейства“ было стариннымъ обычаемъ⁴⁾; но трудно однимъ только этимъ объяснить описанныя Матвѣевымъ сцены⁵⁾. Петра оплакивали и заграничные русскіе: агентъ фанъ-деръ-Бургъ 9-го марта 1725 г. доносилъ изъ Амстердама, что русскіе ученики, бывшіе въ Голландіи, услыхавъ о смерти императора, „неутѣшно“ рыдаютъ⁶⁾. Цѣнное свидѣтельство сохранилъ французскій посолъ при русскомъ дворѣ, Кампредонъ: *L'affection de sa mort est universelle... ne ge-*

¹⁾ А. Нартовъ, Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго. *Москвитиникъ* 1842, № 8, стр. 336.

²⁾ Неплюевъ, Записки. *Русск. Архивъ* 1871, стр. 651.

³⁾ Пекарскій, Современное извѣстіе о кончинѣ Петра В., *Записки Акад. Наукъ*, IV, стр. 66.

⁴⁾ Ibidem, 64.

⁵⁾ Голяковъ сходно съ Пекарскимъ описываетъ впечатлѣніе москвичей при извѣстіи о смерти Петра (Дьянія, IX, 249—250).

⁶⁾ Пекарскій, loco citato.

marque aucune espèce de mouvement que ceux de la tristesse parmi les troupes et le peuple" ¹⁾).

Не было недостатка и въ литературномъ выраженіи понесеннаго горя. Впереди всѣхъ, конечно, стоитъ знаменитое надгробное слово Теофана Прокоповича. Пусть былъ онъ страстный врагъ враговъ Петра, пусть со смертью царя онъ терялъ или рисковалъ потерять для себя очень многое; но очевидно, не одни личныя соображенія, а прежде всего искреннее убѣжденіе, сильное чувство могло подсказать проповѣднику тѣ образы и сравненія, какими богата его знаменитая рѣчь, произнесенная при погребеніи императора: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра великаго погребаемъ! не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе?“ Ударъ былъ слишкомъ ужасенъ, чтобы не ошеломить. Человѣкъ, „воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію“, „рождшій и воспитавшій“ ее, казалось, не могъ покинуть своихъ дѣтей. Его смерть, дѣйствительно, представлялась скорѣе тяжелымъ кошмаромъ, нежели осязательною дѣйствительностью ²⁾).

Тогда же оплакалъ смерть Петра и В. К. Тредіаковскій, написавшій „Плачь о кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора и самодержца всероссійскаго Петра Великаго, отца отечества“ ³⁾. Условная реторика, неизбежныя въ этихъ случаяхъ мифологическіе образы ⁴⁾, гиперболизмъ въ прославленіи, переходящій всякую мѣру, все это мѣшаетъ свободно проявиться искреннему чувству; его надо искать не въ тѣхъ или другихъ выраженіяхъ, сравненіяхъ, а въ общемъ тонѣ, въ томъ торжественномъ настроеніи, которое автору, дѣйствительно, удалось провести чрезъ весь „Плачь“. Отмѣтимъ отдѣльныя строфы:

Все добро съ тобой нынѣ умираетъ:
 Былъ всему учитель въ россахъ ты единъ (326)....
 Новый государства своего творецъ (327)....
 Рассмотрѣлъ все впервые, премѣнилъ и ввелъ,
 Нравы украсилъ и страну велику

¹⁾ Ibidem, 64—65. Сравн. о впечатлѣніи (при извѣстїи о смерти) жителей города Дербента и командира Матюшкина у *Голікова*, Дополненія къ Двѣяніямъ, XVII, 456—457.

²⁾ *Ө. Прокоповичъ*, Слова и рѣчи, ч. II, стр. 127—128.

³⁾ Сочиненія и переводы, ч. II (изд. 1752), стр. 323—330.

⁴⁾ Авторъ заставляеть Славу, Вселенную, Палладу, Марса и Политику оплакивать Петра.

Величайшу сдѣлалъ, не градовъ и селъ,
 Ни земель и странъ покорилъ что много,
 Но что гнусну грубость отъ своихъ отгналъ,
 Но прокляту злость истребилъ что строго,
 И ученымъ, добрымъ, подданнымъ быть далъ (329) ¹⁾.

Въ 1730 году Антиохъ Кантемиръ началъ было цѣлую поэму подъ названіемъ: „Петрида или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго, императора Всероссійскаго“ ²⁾. Разчитана она была, по видимому, гораздо на бѣльшій объемъ сравнительно съ тѣмъ отрывкомъ, который дошелъ до насъ. Въ единственной написанной „первой книгѣ“ разказывается, какъ Господь Богъ, возрѣвъ на землю и увидавъ на ней господство зла и коварства, призналъ ее недостойною носить на себѣ Петра и потому

Къ себѣ мужа возвести и духомъ, и тѣломъ
 Божественна, смертныхъ всѣхъ превзошедша дѣломъ,
 Восхоти.

Онъ призываетъ архангела Михаила и поручаетъ ему исполнить его волю. Михаилъ спускается въ адъ, выводитъ оттуда Странгуріо („Запоръ мочи“) въ Петербургъ и, введя ее къ Петру, поручаетъ исполнить свое назначеніе: отнять у земли великаго челоуѣка.—На этомъ обрывается поэма (въ 250 стиховъ), богатая картинами: передъ читателемъ проходитъ адъ, испуганный появленіемъ Божія посланника, цвѣтущій Петербургъ, Петръ среди вельможъ въ своемъ дворцѣ и друг. ³⁾.

Едва только скончался Петръ Великій, какъ императрица Ека-

¹⁾ Указаніе на время составленія „Плача“ (въ 1725 году) дано самимъ авторомъ въ предисловіи къ своимъ „Сочиненіямъ“ (ibid., ч. I, стр. XXIII), а первая редакція этого стихотворенія, написанная силлабическимъ размѣромъ, находится въ приложеніи къ изданной Тредіаковскимъ въ 1730 г., въ Петербургѣ, „Бадѣ на островъ любви“. Сравни. не напечатанный переводъ Тредіаковскаго: „Сравненіе между Людовикомъ XIV и Петромъ Алексѣевичемъ Россійскимъ императоромъ въ разсужденіи славы“ (*Леккерскій*, Ист. Акад. наукъ, II, 26, прим. 1-е).

²⁾ Сочиненія, письма и избранные переводы кн. *А. Д. Кантемира*, подъ ред. Ефремова, ч. I, стр. 297—304.

³⁾ Кроме того, мы еще встрѣтили указаніе на „Елегію о кончинѣ Государи Императора Петра Великаго, отца отечества, Россію новымъ образомъ переродившаго, сочиненную при арміи въ 1749 г. чрезъ капитана *И. Владыкина* въ знакъ достоудолжныя и глубочайшія благодарности“. М. 1763. 4^о (*Сониювъ*, III, № 3704). Очевидно, о ней упоминаетъ Новиковъ въ Опытѣ историч. словаря, изд. *Ефремова*, стр. 26.

терина спѣшить вызвать изъ ссылки барона Шафирова и поручаетъ ему составить исторію царствованія своего предшественника ¹⁾). Если въ этомъ порученіи и сказалось непониманіе невозможности писать исторію только что совершившихся событій, за то въ немъ слишкомъ очевидно желаніе сохранить въ памяти потомства дѣянія великаго мужа и достойнымъ образомъ прославить ихъ.

Именно прославить, преклониться передъ Петромъ—вотъ какое чувство охватываетъ тогда многихъ. Дворянинъ Крекшинъ трудился 20 лѣтъ надъ собираніемъ матеріала о Петрѣ и откровенно говоритъ, что онъ „недостойнъ отрѣшати и ремень сапога его, долженъ блаженныя дѣла его прославлять, а не образомъ исторіи писать дерзать“ ²⁾). Крекшинъ такъ прямо и обращался къ Петру съ званіемъ: „Отче нашъ, Петръ Великій! ты насъ отъ небытія въ бытіе привелъ!“ ³⁾ Сумароковъ идетъ еще далѣе, сравнивая Петра съ Иисусомъ Христомъ, а Коломенское, предполагаемое мѣсто рожденія Петра, съ Вилеемомъ ⁴⁾).

Какимъ чувствомъ благоговѣнія проникнуты были къ Петру люди, имѣвшіе случай дѣлать съ нимъ труды и опасности жизни, лучшимъ примѣромъ служить инвалидъ Кириловъ. Этотъ старикъ многими годами пережилъ царя и доживалъ свои дни на покоѣ; но время не изгладило въ немъ живой и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарной памяти. У него былъ небольшой финифтяный портретъ государя, который онъ ежедневно лобызалъ и, поставивъ его среди образовъ, въ переднемъ углу, теплилъ предъ нимъ свѣчу и каждую ночь молился передъ нимъ, какъ передъ изображеніемъ угодника. На замѣчаніе мѣстнаго архіерея о несоотвѣтствіи подобныхъ поступковъ съ предписаніями православной церкви, Кириловъ съ негодованіемъ и упрекомъ возразилъ: „Петръ былъ нашъ ангель-хранитель, защищалъ отъ враговъ,

¹⁾ *Устряловъ*, Истор. царств. Петра Великаго, I, 322—325 и Полн. собр. Закон., VII, № 4721.

²⁾ Записки *Крекшина*, изд. *Сахарова*, предисл., стр. IV.

³⁾ Записки *Крекшина*, изд. *Сахарова*, Къ читателю, стр. 4.

⁴⁾ *Сумароковъ*, Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. VI, стр. 302—303.

Россійскій Вилеемъ, Коломенско село,
Которое на свѣтъ Петра провазело!
Ты счастья нашего источникъ и начало,
Въ тебѣ величіе Россійско возсіяло!

Первоначально сказано это было въ 1759 году (*Трудолюбивая Пчела* 1759, октябрь, 240—242).

наравнѣ дѣлилъ всѣ трудности походовъ, ѣдалъ съ нами общую кашу, обращался какъ равный и отецъ; самъ Богъ прославилъ его побѣдами, не допусая коснуться до него смерти и раны; а ты говоришь: не должно образу его молиться! Единственное, на что согласился старикъ, это не ставить свѣчи; но портретъ продолжалъ стоять на ряду съ образами ¹⁾.

Какъ на новый примѣръ благоговѣнія къ памяти Петра, можно указать на В. Н. Татищева, который пишетъ свою „Исторію“ главнымъ образомъ съ цѣлью воздать должную благодарность царю за его милости, а также и къ славѣ и чести Русскаго государства ²⁾. Обратимъ вниманіе на заглавіе, данное И. И. Кириловымъ своему сухому статистическому труду о Россіи 1727 года ³⁾, чтобы понять, какими чувствами и онъ былъ проникнутъ къ преобразователю. Лучшіе люди Россіи первой половины XVIII столѣтія привыкли сколько-нибудь значительный шагъ свой связывать съ именемъ Петра и учиться у него любить свою родину, свою честь.

Какъ ничтожны должны были казаться послѣдующія поколѣнія для тѣхъ, кто прошелъ Петровскую школу, былъ зрителемъ и даже участникомъ въ великихъ событіяхъ этого времени! На согласіе Екатерины II уволить его отъ службы подъ условіемъ найти ей вмѣсто себя человѣка съ такими же, какъ онъ, достоинствами, извѣстный уже намъ Неплюевъ даетъ такой характерный отвѣтъ: „Нѣтъ, осударыня, мы Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили, и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя, и инако мыслятъ; и такъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться“ ⁴⁾. Неплюевъ безъ слезъ не могъ вспоминать великаго императора ⁵⁾. Съ такимъ же чувствомъ умиленія и со слезами на глазахъ вспоминалъ о Петрѣ и Ѡ. И. Ушаковъ, находясь на смертномъ одрѣ ⁶⁾.

Періодъ времени отъ смерти Петра до воцаренія Елизаветы былъ преимущественно эпохою временщиковъ. Это была пора тяжелая для

¹⁾ Голицовъ, Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-е, т. XV, отд. 1-е, стр. 275—276.

²⁾ Татищевъ, Исторія Россійская, т. I, предисловіе, стр. XVI.

³⁾ И. Кириловъ, Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечества. 2 чч. М. 1831.

⁴⁾ Голицовъ, Дополн. къ Дѣян., XVII, 449.

⁵⁾ Голицовъ, Дополн. къ Дѣян., XVII, 458.

⁶⁾ Ibidem., 458—459.

всѣхъ, кому были дороги Петровскіе идеалы; великое дѣло попало въ мелкія руки; великаго борца смѣнили жалкіе эпигоны; интересъ національный былъ забытъ, и тотъ завѣтъ, что далъ преобразователь на поляхъ Полтавскихъ, говоря: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія во славу и благоденствіи“,—завѣтъ этотъ былъ отданъ на поруганіе Биронамъ и разнымъ заѣзжимъ авантюристамъ. Негодованіемъ бились сердца птенцовъ Петровыхъ, его учениковъ, и чѣмъ ничтожнѣе представлялось имъ настоящее, тѣмъ величавѣе вставало въ воображеніи недавнее прошлое, тѣмъ большіимъ ореоломъ окружался образъ Петра. Пройдетъ немного времени, и великій русскій поэтъ воскликнетъ: „Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія“, выражая этимъ возгласомъ далеко не личное только настроеніе.

Вотъ почему съ такимъ восторгомъ встрѣчено было востшествіе на престолъ императрицы Елизаветы. Въ дочери Петра видѣли залогъ возврата къ національной программѣ, къ дальнѣйшему преуспѣванію. При ней можно было открыто чтить память „земнаго бога“; при ней станутъ не разрушать памятники Петровской старины ¹⁾, а на оборотъ, заботиться о ихъ сохраненіи ²⁾. Такимъ образомъ идея получала преемственность, не затеривалась. Недавнее прошлое начинало казаться однимъ сномъ, смѣнившись твердою вѣрою въ будущее и чувствомъ восхищенія.

Очень хорошо отгнѣняютъ это настроеніе придворныя проповѣди, говоревныя въ это время. Петръ Великій изображается въ нихъ то съятеlemъ, то воскресившимъ спящую въ летаргическомъ снѣ Россію, то великимъ художникомъ, изваявшимъ изъ грубаго матеріала прекрасныя статуи: „Запamатовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своими руками коль въ красныя статуи передѣлалъ, да еще и небездушныя?“ Надо

¹⁾ Такъ, напpимѣръ, сломанъ былъ деревянный дворецъ Петра въ городѣ Осередѣ (нынѣ Павловскъ, Воронежской губерніи) и сплавленъ по рѣкѣ Дону въ новозаводившуюся въ 1739 г. крѣпость св. Анны (*Е. Болховитиновъ, Описание Ворон. губ.*, 113).

²⁾ Живописецъ Вешняковъ исправлялъ въ 1748 находившійся въ сенатѣ старый портретъ Петра (*Солов.*, XXII, изд. 2-е, стр. 321); годомъ раньше сенатъ утверждалъ донесеніе Нартова о необходимости сберечь для потомства нѣсколько костяныхъ паникадилъ и одинъ животворящій крестъ съ апостольскими лицами—работы Петра Великаго (*ibidem.*, 296—297).

имѣть слабую память или стать совершенно неблагодарнымъ, чтобы не сознавать, какъ многимъ обязаны мы Петру. Раньше была Россія „некрѣпкая, немудрая, нестройная, у всѣхъ презрѣнная“, а теперь... Кто учредилъ коллегіи, заводы и фабрики съ разнообразнымъ производствомъ? Кто показалъ образецъ для „веледѣльныхъ домовъ, не токмо къ житію, но къ прохладному житію довольныхъ?“ Кто воздвигнулъ училища и семинаріи? Кто соорудилъ флотъ? и т. д. и т. д.? Петръ, одинъ Петръ. „Одна всѣхъ повѣсть, что Россія все свое лучшее состояніе Петру должна. Общенародный голосъ, что у насъ тое только не Петрово, что худое“. Желая сказать пріятное наслѣднику престола, проповѣдники сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія не находили ничего лучшаго, какъ признать въ немъ или пожелать ему тѣ же качества и добродѣтели, какими обладалъ первый нашъ императоръ ¹⁾.

Но едва ли кто полнѣе и восторженнѣе популяризовалъ имя Петра и разъяснялъ значеніе его царствованія, какъ пѣвецъ Елизаветы, Ломоносовъ. Проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ величію его дѣяній, онъ пользовался каждымъ случаемъ напомнить о заслугахъ царя и вызвать благодарное о нихъ воспоминаніе.

Не говоримъ о его „надписяхъ (числомъ 5) къ статуѣ Петра Великаго“ ²⁾, перечислявшихъ подвиги „земнаго бога“ (надпись первая), про котораго

Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,

Но въ жизнь его уже за Бога почитали (надпись четвертая);

не будемъ долго останавливаться и на его „героической поэмѣ“: „Петръ Великій“ ³⁾. Поставивъ себѣ образцомъ Вергилія ⁴⁾, поэтъ задался цѣлью показать, какъ Петръ „превыше человѣка понесъ“

¹⁾ Н. Поповъ, Придворныя проповѣди въ царствованіе Елизаветы Петровны. *Лѣтописи русск. литер. и древн.*—Тихомирова, т. II, отд. III, стр. 2, 3, 5, 7, 8, 27—29. Сравн. современное, въ риторическомъ и церковномъ стилѣ написанное, „Историческое описаніе о возшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны“. *Русскій Вѣстникъ* 1842 г., т. VI, стр. 1—15.

²⁾ Сочиненія Ломоносова, изд. 1840, ч. I, стр. 321—324.

³⁾ *Ibidem.*, ч. II, стр. 3—71.

⁴⁾ „Ломоносовъ слѣдовалъ Вергилію и въ планѣ, и въ частностяхъ. Первая пѣснь есть сокращенное подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ Энеиды: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней разказываетъ Дидонѣ о разореніи Троя, такъ русскій царь разказываетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о стрѣльческихъ бунтахъ“. *Галаховъ*, Истор. русск. слов., ч. I (изд. 1863), стр. 343—344.

труды для насъ неслыханы отъ вѣка“, какъ любилъ отечество, подвергался опасностямъ и проч. Поэма, по видимому, задумана была въ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ первыя двѣ пѣсни ¹⁾ могутъ служить развѣ только введеніемъ въ прославленіе истинныхъ заслугъ государя.

Гораздо полнѣе рисуется Ломоносовъ, какъ почитатель и духовный ученикъ Петра, въ своемъ „Похвальномъ словѣ“ ему. Это цѣлый рядъ похвалъ и прославленій. Петръ славится за устройство войска, флота, за покровительство торговлѣ, за сношенія съ Европою, но всего болѣе—за распространеніе просвѣщенія. Реторическіе приемы, въ особенности гиперболы, по литературнымъ правиламъ того времени, подобно „Плачу“ Тредіаковского, даютъ всему произведенію характеръ чего-то ходульнаго, такъ что самую мысль иногда трудно отыскать въ изворотахъ затѣйливой формы ²⁾.

Въ концѣ рѣчи, резюмируя все сказанное, авторъ возвышается до истинной поэзіи и произноситъ нижеслѣдующія слова: „Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многочисленными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе;

¹⁾ Въ нихъ воспѣта поѣздка царя къ Архангельску и Бѣлому морю и затѣмъ взятіе Шлиссельбурга.

²⁾ Сочиненія Ломоносова, изд. 1840, ч. II, стр. 320—356. Обыкновенно называютъ (*Пекарскій*, Ист. Ак. Н., II, 579—580) Каченовскаго, какъ перваго, который указалъ въ 1812 г. (въ *Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов.*, ч. III) на заимствованія въ этомъ Словѣ изъ Панегрика Плинія Младшаго императору Траяну, и говорятъ, что позже г. Галаховъ (въ *Отч. Зап.* 1843, XXX) дополнилъ указанія Каченовскаго. Между тѣмъ это заимствование отмѣчено было еще *М. Н. Муравьевымъ* въ статьѣ его: „Разсужденіе о различіи слоговъ“ (*Опытъ трудовъ Вол. Росс. Собр.*, ч. VI (М. 1783), стр. 20). Въ 1759 г. вышелъ сдѣланный барономъ Чуди французскій переводъ Слова (*Panegyrique de Pierre le Grand*), mais traduit fort mal, какъ замѣчаетъ самъ Ломоносовъ, et contre les protestations de l'auteur (*Пекарскій*, *ibidem*, II, 579). Впрочемъ столѣтіемъ позже къ переводу Чуди отнеслись менѣе строго. Мицловъ такъ отзывался о немъ: La traduction française est fort bien faite et se lit même avec plus d'agrément que l'original, la langue littéraire n'étant encore qu'à son début à cette époque en Russie (Pierre le Grand, 103). Въ 1765 году понадобилось второе изданіе оригинала (*Пекарскій*, *ibidem*).

и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрачія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто триумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако чело-вѣческаго достоинства и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употребляю примѣровъ кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ отъ первой пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своей жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всеильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнеть духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымаются. Но мыслямъ чело-вѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ чело-вѣческомъ видѣ. Итакъ, ежели чело-вѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю¹⁾.

Выше мы видѣли, что духовная проповѣдь охотно сближала великаго князя Петра Феодоровича съ его великимъ дѣдомъ. То же самое видимъ мы и въ современной поэзи. Тотъ же Ломоносовъ въ одной изъ одъ (IV-й) высказываетъ пожеланія, чтобы Россія нашла въ наслѣдникѣ престола преемника славныхъ дѣлъ. Если Господу угодно излить свои щедроты на Россіанъ, то да дозволить Онъ внуку превзойти дѣда—не въ дѣлахъ: они несравнимы, а хотя бы продолжительностію жизни. Въ этой же одѣ находятса знаменитыя строки:

Нептунъ позналъ его (то-есть, Петра I) державу,
 Съ Минервой сильный Марсъ гласить:
 Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
 Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,

¹⁾ Сочиненія Ломоносова, ч. II, стр. 354—356.

Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
 Овъ нынѣ въ вѣчности сіяеть
 . . . . .
 Среди героевъ, выше звѣздъ ¹⁾.

Таково отношеніе Ломоносова къ Петру I. Личность послѣдняго была такъ полна обаянія, что самыя непримиримыя враги сходились въ одинаковой оцѣнкѣ своего великаго царя. Сумароковъ, въ одѣ на восшествіе на престолъ императора Петра Феодоровича, сплетая новому государю вѣнецъ пожеланій, въ сущности только повторяетъ Ломоносова, когда говоритъ:

Дабы ты, Петръ, былъ Петръ Великій ²⁾.

Въ цѣлой массѣ „Надписей“ — этой излюбленной въ прошломъ столѣтїи литературной формы — Сумароковъ идетъ въ слѣдъ за вѣнкомъ, надѣляя Петра эпитетами въ родѣ: „Творецъ“, „подобень Богу“ и т. п. ³⁾.

Когда бы въ древній вѣкъ,
 Каковъ былъ ты, такой явился человекъ,
 Отцемъ ли бѣ ты народъ, великимъ ли бѣ нарекъ?—
 Ты названъ былъ бы Богомъ! ⁴⁾

Воспѣвая Петровскія побѣды, Сумароковъ незамѣтно для себя впадаетъ въ крайній гиперболизмъ; Россія—по изображенію поэта—поднята Петромъ до небывалой высоты. Побѣды царя приводятъ, на примѣръ, къ такимъ результатамъ:

Хва (то-есть, Китай) вопять за стѣною,
 . . . . .
 Паки Кодоманъ трепещеть,
 Индъ робѣя смутно плещеть
 И страшится Океанъ.
 . . . . .
 О премудро Божество!
 Отъ начала перва вѣка
 Таковаго человекъ
 Не видало естество.

¹⁾ Сочиненія Ломоносова, изд. 1840, ч. I, стр. 95—96.

²⁾ Сумароковъ, Полное собран. сочин., изд. 2-е, 1787 г., ч. II, стр. 29.

³⁾ Ibidem, ч. I, стр. 265.

⁴⁾ Ibidem, ч. I, стр. 268. Вотъ перечень этихъ „надписей“ (числомъ 8): къ статуѣ Петра Великаго (3), къ столпу на Полтавскомъ полѣ, къ ботику, къ домику, къ образу, къ портрету Петра Великаго (ч. I, стр. 265—269).

Явись Петръ въ языческую пору, и его назвали бы не царемъ, а богомъ ¹⁾.

Впрочемъ Сумароковъ, подобно Ломоносову, полнѣе высказалъ свой взглядъ на Петра не въ стихотворной, а въ прозаической формѣ. Быть можетъ, не безъ намѣренія состязаться со своимъ соперникомъ, онъ готовитъ въ 1759 году „Слово похвальное о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ“ ²⁾. Задача автора, какъ опредѣляетъ ее самъ онъ, не увеличить славу Петра, и безъ того гремящую во всей подсолнечной, но освѣжить ее въ памяти слушателей (стр. 221). И Сумароковъ дѣйствительно уходитъ въ область воспоминаній, пользуясь современными ему событіями, напримѣръ, побѣдами русскихъ войскъ надъ Фридрихомъ Прускимъ, чтобъ оправдать и реальнѣе обозначить положительную сторону Петровскихъ преобразованій. Сумароковъ вполне сторонникъ новаго направленія: „До времени Петра Великаго“, замѣчаетъ онъ,—„Россія не была просвѣщена ни яснымъ о вещахъ понятіемъ, ни полезнѣйшими знаніями, ни глубокимъ ученіемъ; разумъ нашъ утопалъ во мракъ невѣжества, искры остроумія угасали и воспламениться не имѣли силы“ ³⁾.

Возстановляя духовный образъ монарха, современники Елизаветы пытались, кромѣ того, увѣковѣчить его дѣянія и въ формѣ болѣе осязательной. Извѣстный актеръ Волковъ, написавшій утерянную оду Петру Великому, по отзыву Новикова, „великой похвалы достойную“, работаетъ надъ бюстомъ царя ⁴⁾; Нартовъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ сочиняютъ медали ⁵⁾; италянцамъ Растрелли и Мартелли поручаютъ отливку конной статуи ⁶⁾. Но всего больше и въ этой области работаетъ тотъ, чьему умственному взору яснѣе прочихъ видна была колоссальная фигура царя: Ломоносовъ готовитъ мозаичный портретъ государя ⁷⁾ и таковыя же изображенія глав-

¹⁾ *Сумароковъ*, ч. II, стр. 3—12.

²⁾ Первоначально въ *Трудолюбивой Пчелѣ* 1759, октябрь, стр. 579 — 592; позже въ *Собран. сочин.*, част. II (изд. 2-е), стр. 219—228. Цитруемъ по этому последнему.

³⁾ *Ibidem*. См. также речованную реторику *А. Б. Селія* въ его „Зерцалѣ историческомъ государей Россійскихъ“. *Древн. Росс. Визитов.*, изд. 2-е, т. XVI, стр. 35—36.

⁴⁾ *Словарь Новикова*, въ изд. Ефремова, стр. 25.

⁵⁾ *Биларскій*, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 268, 271, 274.

⁶⁾ *Соловьевъ*, XXII, изд. 2-е, 321; XXVI, 343.

⁷⁾ Вышедшій Впрочемъ неудачнымъ. *Пекарскій*, *Исторія Акад. Наукъ*, II, 496—497, 550, 589, 590.

ныхъ моментовъ царствованія для проектированнаго надгробнаго памятника ¹⁾.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка на ряду съ симпатіями русскихъ людей не трудно найти аналогичныя движенія и среди иноземцевъ. Англійскій Spectator особенно цѣнилъ въ Петрѣ его отношенія въ Европѣ и готовность учиться. „Герои древности“, читаемы въ этомъ журналѣ, — „далеко отъ него отстали, и нѣтъ изъ нихъ ни единого, котораго бы сіянія не помрачилъ онъ“. Его поступки „нѣкій родъ чуда, и ежели хотѣтъ ему сдѣлать похвалу, не извѣстно, чѣмъ начать и чѣмъ окончить“ ²⁾.

Но конечно, болѣе отголосковъ нашла дѣятельность Петра у единоплеменныхъ славянъ. Еще въ 1710 году, подъ впечатлѣніемъ Полтавской побѣды, одинъ дубровчанинъ, Игнатій Градичъ, пишетъ оду: „Plam Sieverski“, въ которой угодобляетъ Русскаго царя всеокрушающему пламени, не находящему себѣ никакихъ преградъ. „Дѣла его“, говоритъ поэтъ, — „извѣстны всему міру; слава дѣла его не погибнетъ, доколѣ солнце будетъ сіять и быстрыя рѣки течь къ морю. Никогда на свѣтѣ не услышать о такихъ доблестяхъ, о такомъ могуществѣ, какими обладаетъ Петръ; никогда солнце не откроетъ подобнаго ему витязя“ ³⁾. Подобнымъ же образомъ славить Петра и другой поэтъ изъ города Рагузы, Стефанъ Ружичъ, авторъ другой оды, „Pettar Alechssiouich“ ⁴⁾. Съ особенною любовью останавливается онъ на преобразованіяхъ Петра, преимущественно на распространеніи просвѣщенія въ народѣ. Подобно Градичу, Ру-

¹⁾ Ibid., II, 634, 711, 712, 765, 856, 863, 884. Сравни 798 — 799. Выполнена была всего одна картина, изображавшая Полтавскій бой; остальные пять остались въ проектѣ. См. о нихъ подробнѣе *ibidem*, II, 855. Двѣ записки Ломоносова 1764 года, относящіяся до мозаичныхъ картинъ, приведены въ статьѣ *Вельтмана*, Портфель служебной дѣятельности Ломоносова, въ *Очеркахъ Россіи*, В. Пассека, кн. II (М. 1840), стр. 66—69. Ср. замѣтку г. *Божерянова*, Мозаичная картина Ломоносова, въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1886, № 9, стр. 655—656.

²⁾ *Сумароковъ*, Поля. собр. сочиненій, изд. 2-е, ч. IX, стр. 256—258.

³⁾ Plam Sieuerski to iies Pieuagnie u hualu Mosckouskoga Veliccianstua — вполнѣ напечатанъ у *Макушева*, въ Матеріалахъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою республикой, стр. 74—89. Сравни стр. 15. Также В. *Качановскій*, Значеніе не изд. дубровн. поэта А. Глечевича. Дубровницкіе отголоски о Петрѣ I Великомъ. *Памяти. Др. Письм.* XIII, 1881, стр. 23—27.

⁴⁾ Pettar Alechssiouich alli ti petnes slamegniâ, diellâ i cestî Petra Paruoga, Zarra i Samodarsgza Russinskoga spieuagnie pò Stiepu Rusichiu, popu Dubrouackomu, godiscta 1717—у *Макушева*, *ibidem*, стр. 90—113. Также *Качановскій*, *ibidem*, 17—22.

живъ высказываетъ надежду, что Русскій царь нѣкогда разрушитъ Турецкую имперію, „освободитъ христіанъ отъ ига мусульманъ и станетъ господствовать надъ всѣмъ міромъ“ ¹⁾. У черногорцевъ складывается пѣсня о томъ, какъ Петръ звалъ ихъ вмѣстѣ воевать противъ турокъ за вѣру православную ²⁾; помнятъ Петра и хорваты ³⁾; русскій посланникъ при турецкомъ дворѣ, Вишняковъ писалъ канцлеру Воронцову, что лучшія рѣчи турецкихъ христіанъ, особенно славянъ въ „бесѣдахъ о Россіи, самое пріятное чтеніе—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь“ ⁴⁾.

Это восторженное чувство, съ какимъ относилось къ первому нашему императору ближайшее за нимъ поколѣніе, можно до известной степени прослѣдить и чрезъ всю литературу Екатерининскаго царствованія. И здѣсь нѣтъ недостатка въ тѣхъ же гиперболахъ, въ томъ же восторгѣ. Херасковъ преклонится предъ царемъ, какъ законодателемъ и назоветъ „безсмертнымъ“ ⁵⁾, а Іоанна Грознаго заставить отозваться о немъ словами: „се Богъ иль человѣкъ?“ ⁶⁾; другой поэтъ того времени, Державинъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ и мелкихъ стихотвореній сравнитъ его съ Богомъ, назоветъ „богомъ свѣта“ и т. п. ⁷⁾. Первоклассныхъ поэтовъ, разумѣется, повторяютъ второразрядные: въ устахъ одного Петръ Великій—„чуднѣйшій ге-

¹⁾ *Макушевъ*, Матеріалы, 16—17. Сравн. повму неизвѣстнаго автора: *La felicità comune. Voto di Pietro il Grande, Czar del Russie*, напечатана у *Макушева*, *ibid.*, 113—116. Въ ней авторъ „изображаетъ Петра I посланникомъ небесъ для утѣшенія страждущаго человѣчества“ (*ibid.*, 17).

²⁾ Напечатана у *Милутиновича*, Исторія Черне Горе, стр. 50 слѣд., приведено у *Кочубинскаго*, Сношенія Россіи при Петрѣ I съ южными славянами и румынами. *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1872, кн. 2-я, стр. 81 слѣд. Пѣсни черногорцевъ о началѣ сношеній съ Россіею при Петрѣ приведены у *Макушева*, *Задуги* и адриатич. славяне, стр. 163 слѣд.

³⁾ *П. Витзовичъ*, Стихотвореніе о Петрѣ Великомъ. *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1862, кн. 2-я, стр. 1—28.

⁴⁾ *Соловьевъ*, XXII, изд. 2-е, 87.

⁵⁾ Нуа или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 178.

⁶⁾ Россіяда. М. 1779. стр. 179.

⁷⁾ *Державинъ*, Сочиненія, изд. Академія Наукъ, I, 17—23, 315—316, 432; III, 250, 252, 280—281, 383, 468. Книжнинъ оставилъ послѣ себя начатую повму о Петрѣ. Собраніе сочиненій *Я. Б. Книжнина* (М. 1802), томъ I, стр. 10.

рой¹⁾; по словамъ другаго, дѣянія Петра столь необычайны, что потомки сочтутъ ихъ за вымыселъ²⁾; третій восклицаетъ: „Россия Петромъ лишь просіяла!“³⁾ и т. п.⁴⁾. Поэтамъ вторять проповѣдники съ церковныхъ кафедръ; блестящій вѣти, митрополитъ Платонъ, точно копируя Неплюева, говоритъ: „На что ни обратимъ взоръ свой, все ему одолжено началомъ, все плодъ его благоразумія и просвѣщенія... Все что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случай подалъ“⁵⁾; сухой учебникъ географіи, лишь только приходилось говорить о Петрѣ, сейчасъ же повышалъ тонъ и отзывался о царственномъ реформаторѣ, какъ о „наивеличайшемъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ российскихъ владѣтелей“, какъ о даровавшемъ „имперіи своей совсѣмъ новый видъ“⁶⁾. Вспомнимъ также благородную горячность Порошина, съ какою онъ старается при всякомъ случаѣ напечатлѣть въ сознаніи своего царственнаго ученика образъ его великаго дѣда; обиліе анекдотовъ о Петрѣ въ „Запискахъ“ Порошина лучше всего показываетъ, какъ еще ярко жилъ этотъ образъ въ сознаніи потомства⁷⁾.

Купецъ Голиковъ съ молодыхъ лѣтъ проявляетъ живой интересъ къ исторіи Петра. Отвлекаемый обязанностями своего положенія, онъ тѣмъ не менѣе пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы удовлетворить своей любознательности и подъ конецъ посвящаетъ всю жизнь на собраніе матеріаловъ для исторіи своего излюбленнаго „иря“⁸⁾. Результатомъ такого увлеченія являются знаменитыя „Дѣянія Петра Великаго“. Чувство восторга и безпредѣльнаго благоговѣнія къ царю,

1) Я. *Большаковъ*, Стихи на прибытіе Петра Вел. въ Архангельскъ. О нынѣшнихъ пришествіяхъ Петра изъ града Москвы на Двину. М. 1783, стр. 6.

2) А. *Лопухинъ*, Мадригалъ Петру Вел. *Чтеніе для вкуса, разума и чувствования* 1793, ч. X, стр. 3.

3) Н. *Николевъ*, Рондо Петру Вел. *Дониды*, кн. I, М. 1796, стр. 78—81.

4) Сравни четверостишіе *Лисарева* въ Дополненіяхъ *Голикова*, XVIII, 561.

5) Слово надъ гробомъ Петра Вел. по случаю празднованія Чесменской побѣды. Продолженіе седьмое поучительныхъ словъ при Высочайшемъ дворѣ, стр. 2, 3.

6) Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта. Сочинено.... учеными россиянами. С.-Пб. 1795, ч. II, стр. 23.

7) *Порошинъ*, Записки, изд. *Русской Старины*, 96—98; 103—104, 107—110, 114, 116, 132, 133, 148, 167, 178, 292, 552.

8) *Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго, предисловіе къ первой части.

какъ къ великому творцу и мудрому учителю, легко прослѣдить на каждой страницѣ этого многотомнаго труда.

На ряду съ этою восторженностью идетъ, правда, болѣе спокойная, но за то и болѣе разумная, болѣе сознательная оцѣнка Петра, впрочемъ съ такимъ же безусловнымъ восхваленіемъ царя, предъ совершенствами котораго, какъ государя, по ея мнѣнію, ступеньваются его недостатки.

Для императрицы Екатерины Петръ рисуется въ видѣ греческаго мудреца, учителя *par excellence* ¹⁾. Она беретъ у него уроки государственной опытности; принимаясь за какое-нибудь дѣло, роется въ архивахъ, увѣренная, что оно „было уже имъ обдуманно“ ²⁾; носить съ собою табакерку съ изображеніемъ Петра, чтобы постоянно вспоминать о послѣднемъ и справляться: какъ поступилъ бы онъ въ томъ или другомъ случаѣ на ея мѣстѣ? ³⁾. Оттого главнымъ образомъ и симпатизировала Екатерина Иосифу II, что тотъ напоминалъ ей Петра живостью характера, преданностью государственному благу и постояннымъ желаніемъ учиться и учить другихъ ⁴⁾. Императрица сама свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ Вольтеру, что всего болѣе цѣнитъ она въ Петрѣ то, что, при всей горячности его натуры, истина постоянно одерживала надъ нимъ верхъ ⁵⁾. Увѣковѣчить имя Петра въ достойномъ памятникѣ Екатерина считала своимъ нравственнымъ долгомъ, и Фальконетъ съ m-lle Колло явились достойными выразителями ея замысловъ. Быть можетъ, не безынтересно сопоставить мнѣнія Русской императрицы съ взглядами другаго царственнаго представителя XVIII вѣка? Фридрихъ II, въ ранней перепискѣ съ Вольтеромъ (1737—1738 гг.) такъ отзывается о Петрѣ: „Онъ не обладалъ ни малѣйшимъ признакомъ челоѣчности и доблести; крайне невѣжественный, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своихъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ, порывовъ. Жестокій во время мира, слабый на войнѣ, Петръ былъ обязанъ въ жизни счастію, а не уму“. Много лѣтъ спустя Фридрихъ радикально измѣнилъ свой взглядъ, и въ его

¹⁾ Сравни. *Державинъ*, Рѣчь 1803 года. Сочиненія, VII, 416.

²⁾ *Пушкинъ*, Сочиненія, изд. *Аксаковъ*, V, 319.

³⁾ *Prince de Ligne*, *Portrait de Catherine le Grand. Oeuvres* (édit. 1860), tom. III, p. 17.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Oeuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition, tome XLIII* (Paris. 1881), pag. 16.

„Histoire de mon temps“¹⁾ встрѣтимъ мы уже такія слова: „Подобно тому, какъ крѣпкая вода воздѣйствуетъ на желѣзо, такъ и Петръ кореннымъ образомъ преобразовалъ свою націю. Онъ былъ истинный законодатель и основатель своей монархіи; онъ создалъ людей, солдатъ и министровъ; воздвигъ на морѣ силу, достойную удивленія, и поставилъ народъ свой на виду всей Европы, заставивъ ее признать свои рѣдкостныя таланты“)“²⁾. Первое мнѣніе высказываетъ молодой, неопытный принцъ, живущій еще одними теоріями и отвлеченными умозрѣніями. Позже годы и опытъ умудрятъ его, онъ самъ пройдетъ трудную школу управления государствомъ и сумѣетъ признать истинно великое въ великомъ человѣкѣ.

Возвращаясь на отечественную почву, обратимъ вниманіе на общій тонъ сатирическихъ журналовъ 1769 — 1774 гг.; весь онъ проникнутъ уваженіемъ къ реформѣ.

Еще съ большимъ основаніемъ то же можно сказать про „Письма русскаго путешественника“, которыя всецѣло оправдываютъ идею заимствованія у другихъ народовъ. „Путь образованія или просвѣщенія“, говоритъ Карамзинъ, — „одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣ русскихъ, итакъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?“³⁾. Короткое платье покойнѣе, удобнѣе и пріятнѣе длиннополага кафтана; борода — признакъ дикаго человѣка; не брить ее — то же, что не стричь ногтей. „Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому русскому упряму, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать“. Не довольствуясь этими въ столь ярко-западническомъ духѣ сказанными словами, Карамзинъ продолжаетъ далѣе: „Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Чтò хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и, что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣчества, то мое, ибо я человѣкъ!.. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться“³⁾. И восемь лѣтъ спустя, въ 1798 г., проектируя (не выполненное) похвальное слово Петру, Карамзинъ держится того же

¹⁾ Oeuvres de Frédéric le Grand, tom. II. (édit. 1846), p. 21.

²⁾ Заимствовано у Sadler, Peter der Grosse, 31, 221, равно какъ и выше-приведенную ссылку на „Histoire de mon temps“.

³⁾ Карамзинъ, Сочиненія, изд. 1848, т. II, стр. 513—516.

взгляда. До-Петровская Русь, по его опредѣленію, безобразный, не обдѣланный кусокъ мрамора, новая Россія—статуя Зевса, изваянная Фидіемъ. Безъ подражанія Европѣ Россія не ушла бы далеко впередъ: стоитъ ли толковать объ измѣненіи народнаго характера, когда въ замѣнъ его намъ былъ открытъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ благъ! ¹⁾

Но едва ли изъ современниковъ Екатерины II, кто другой такъ глубоко и сознательно оцѣнилъ роль Петра Великаго въ русской исторіи, какъ сдѣлалъ это графъ Сем. Ром. Воронцовъ въ письмѣ своемъ 14-го декабря 1789 г. къ брату послѣ прочтенія первыхъ девяти томовъ Голиковскихъ „Дѣяній“. Онъ не боится признать ошибки въ узаконеніяхъ царя, крайнюю суровость къ сыну, податливость къ женѣ и т. п., такъ какъ все это съ избыткомъ выкупается высокимъ его умомъ, умѣнемъ выбирать людей, творить при малыхъ средствахъ великія дѣла. „Величіе“ Петра, очевидно, не одна только фраза въ устахъ Воронцова: оно заключается для него не въ однихъ только дѣлахъ, которыя по самому свойству своему кричатъ о себѣ; Воронцовъ сумѣлъ подмѣтить это величіе и въ мелкомъ фактѣ, и въ блѣдной чертѣ, и, конечно, всего болѣе во всей совокупности поступковъ ²⁾.

Такимъ образомъ, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ общественнаго мнѣнія, мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка на ряду съ прежними восторгамъ и благоговѣніемъ, у нѣкоторыхъ иногда проявлявшимися даже въ формахъ шаблонныхъ, начинается пробиваться чувство благодарности не менѣе

¹⁾ *Полудинъ*, Н. М. Карамзинъ, часть I, стр. 277, 294. Сравни. *Галаховъ*, Исторія русской словесности II, 4.

²⁾ *Д. Рябининъ*, Графъ С. Р. Воронцовъ. *Русскій Архивъ* 1879, книга I, стр. 495—496 (я въ Архивѣ кн. Воронцова, IX, 158—161). Сравни. въ томъ же духѣ (весьма впрочемъ шаблонную) оцѣнку Петра въ статьѣ гр. *С. П. Румянцова*: „Петръ Великій“ въ *Собесѣдникъ любит. досс. слова*, ч. VII (1783), стр. 169—177. О принадлежности этой статьи Румянцову см. въ автобіографіи послѣдняго *Русскій Архивъ* 1869, 850. Подобную же характеристику можно читать въ книгѣ: „Хронологія, переведенная тщаніемъ сочинителя еялосова дворянина, изъ науки, которую сочинилъ г. де *Шелимъ*; часть I. М. 1782, стр. 248—250. Много мѣстъ, полныхъ уваженія и благодарной памяти къ Петру, разсыяно въ *Дневникѣ П. И. Челищева*, не упускавшего случая реставрировать памятники пребыванія Петра въ Архангельскомъ краѣ (Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 году, стр. 61, 71, 73, 78, 103, 105, 106, 121).

сильной, но болѣе сознательной, а потому и болѣе спокойной, болѣе ровной. Поколѣніе позднѣйшее, люди Екатерининской эпохи не находились уже подъ непосредственнымъ обаяніемъ титанической натуры царя и результатовъ его дѣятельности. Вторая половина XVIII вѣка успѣла уже сдѣлать самостоятельныя шаги впередъ по пути прогресса. Временная задержка, наступившая по смерти Петра, очевидно для всѣхъ, окончилась. Извнѣ Россія успѣшно боролась съ Польшою и Турціей, и то, что составляло завѣтъ предшествовавшихъ поколѣній, казалось, было достигнуто. Берега Азовскаго и Чернаго морей не оглашаются болѣе дикими криками разбойничьяго гвѣзда татарскаго, нашедшаго себѣ пріютъ въ степяхъ Тавриды. Западно-русскія области воссоединены съ великорусскимъ населеніемъ. Отношенія Европы къ Россіи полны уваженія и даже тайнаго страха. Внутри просвѣщеніе духовное, культура внѣшняя дѣлаютъ видимыя успѣхи. Являются Болотовы, вносящіе гуманныя начала въ деревенскую, прежде столь одичалую, глушь. Самый „Недоросль“ показываетъ, что истинное образованіе для средняго класса считалось тогда не только необходимымъ, но и возможнымъ. Если казнокрадство, неправосудіе и другіе пороки можно было встрѣтить на каждомъ шагу, за то отношеніе общества къ этимъ явленіямъ становится уже инымъ. Прежде Петръ былъ одинокимъ со своей карающею дубинкой; теперь одни сатирическіе журналы уже ясно говорили, что изъ массы выдѣлилась лучшая часть и сознательно стояла на сторонѣ благихъ начинаній правительства. Уваженіе къ знанію увеличивалось, нравы замѣтно смягчались, явилась жизнь общественная, общественные интересы....

Конечно, всякій, кто только серьезно задумывался надъ этими явленіями, долженъ былъ признать ихъ корень въ реформѣ Петра. Но то высокопочтительное отношеніе, какое современники Екатерины питали къ царю, за рѣдкимъ развѣ исключеніемъ, не переходило болѣе въ прежнее идолопоклонство. Для людей этого времени Петръ, какъ мы сейчасъ видѣли, скорѣе является въ образѣ греческаго мудреца, учителя по преимуществу. Да и то не для всѣхъ. Все чаще появляются лица, которымъ хочется разобраться въ своихъ чувствахъ и проанализировать ихъ. Въ Петрѣ готовы они видѣть не абсолютное зло или абсолютное добро, но только моментъ, за которымъ неизбѣжно послѣдуютъ другіе лучшіе моменты, лучшіе даже съ точки зрѣнія безусловныхъ почитателей великаго императора.

Такимъ образомъ эпоха Екатерины незамѣтно выходитъ на путь критики.

„Петръ Великій создалъ въ Россіи людей, ваше величество влагаете въ нихъ души“, говоритъ Бецкій Екатеринѣ, поднося ей уставъ воспитательнаго дома ¹⁾. „Петръ далъ намъ бытіе, Екатерина — душу“, говоритъ Сумароковъ въ надписи къ статуѣ Петра I ²⁾. Ту же мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, высказываетъ и Херасковъ: „Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина — душу“ ³⁾.

Среди общаго торжественнаго хора мало по малу начинаютъ выступать голоса, если еще и не противоположнаго содержанія, то совершенно съ инымъ оттѣнкомъ, и не со стороны тѣхъ, кто видѣлъ въ Петрѣ антихриста, а въ бородѣ—все спасеніе; нѣтъ, эти голоса раздаются уже среди обритыхъ короткокафтанниковъ, среди людей, освоившихся съ западною цивилизаціей. Это были голоса, еще не нападавшіе на Петра, но всю силу своихъ доводовъ употребившіе на защиту старины. Пока они не противъ реформы, но стоятъ только сдѣлать одинъ шагъ, логическій выводъ, — и они очутятся въ ряду противниковъ перваго нашего императора ⁴⁾.

Гдѣ же искать причину такого раскола въ новомъ лагерѣ? Дѣло въ томъ, что реформа сказалась и обратною стороною: у многихъ

¹⁾ Генеральный планъ Московскаго воспитательнаго дома. С.-Пб. 1767, стр. VIII.

²⁾ *Сумароковъ*, Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. I, стр. 268.

³⁾ Нума или процвѣтающій Римъ. М. 1768, стр. 180.

⁴⁾ Двойственность своего положенія приходилось сознавать еще современникамъ Петра В. Напримѣръ, *Стефанъ Яворскій* удивляется генію Петра, славить его победы, неутомимую дѣятельность, создавшую могущество Россіи, и въ то же время не въ силахъ удержаться, чтобы не выразить своего несочувствія многимъ изъ его реформъ, и всего болѣе, конечно, тѣмъ, которыя затрогивали церковные порядки. Известна его рѣчь 17-го марта 1712 г., направленная противъ еискаловъ, гдѣ по сподручности онъ нападаетъ и на самого царя за разводъ съ Евдокією и, точно въ противовѣсъ ему, молится за здоровье царевича Алексѣя, „нашей единой надежды“. Также указываетъ онъ на бѣдственное положеніе народа и на порчу нравовъ, благодаря проникновенію иновѣрныхъ ученыхъ (эти данныя сведены у *Шорфирьева*, Истор. русск. слов., ч. II, отд. I, стр. 38—43. Сравн. *Тихонравова*, Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій. *Русск. Вѣстн.* 1870 г., № 9, стр. 37—41). Официальное положеніе Яворскаго въ значительной степени объясняетъ рѣдкость подобныхъ выходовъ въ его проповѣдяхъ; она коренится, думаемъ, не въ однихъ схоластическихъ приемахъ, какъ это предполагалъ Самаринъ (Сочиненія, V, 377—378).

презрѣніемъ къ національному и увлеченіемъ иноземнымъ ради одной моды. Противъ этого-то и послышались обвиненія: можно стремиться къ образованію, говорятъ они,—и не разрывать связи съ прошлымъ; можно уважать иноземное и не презирать своего роднаго! Если новые порядки и вызовутъ въ старикахъ указаніе на Петровскую эпоху, какъ на примѣрную ¹⁾, то въ то же время проявится серьезный отпоръ общераспространенному взгляду о яко бы полной несостоятельности русскаго общества конца XVII вѣка.

Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Манштейнъ оспаривалъ мнѣніе, будто до Петра всѣ русскіе вообще были глупы и тупы. Онъ признавалъ въ массѣ народной сметку, здравый смыслъ, пожалуй, даже въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ у другихъ народовъ Европы. Послѣ бѣдствій смутнаго времени, говоритъ онъ,—русскіе сумѣли освободиться отъ Польши и Швеціи, вернуть потерянное и стать снова самостоятельной націей, а глупцу этого не сдѣлать! ²⁾

Сумароковъ, забывая о своихъ прежнихъ диопрамбахъ, такъ выражается на своемъ грубомъ нарѣчій: „Бредятъ люди, проповѣдывающіе то, что мы до временъ Петра Великаго варвары или паче скоты были; предки наши были не хуже насъ, а сей послѣдній царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ нашей древности былъ достойный братъ Петру Великому“ ³⁾.

То же самое, но только еще съ большимъ авторитетомъ говоритъ академикъ Миллеръ: „На исторію Ѳеодора можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ... Исторія должна справедливо... замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго“ ⁴⁾. Новиковъ съ горечью замѣчаетъ, что и самыя добродѣтели предковъ нашихъ подвергаются осмѣянію. Изданіемъ Вивлюевки онъ рассчитывалъ противодействовать этому направленію, выставя величіе духа предковъ и разъясняя истинное значеніе событій ⁵⁾. Защиту старины и борьбу противъ

¹⁾ Вышеприведенный отзывъ Неплюева Екатерины; сравн. слова Фонъ-Визинскаго Сгародума, дѣйств. III, явл. 1.

²⁾ *Манштейнъ*, Записки о Россіи, изд. 1875 г., стр. 327—328.

³⁾ *Сумароковъ*, Первый и главный стрѣлецкій бунтъ въ маѣ 1682 года. *Туманскій*, IV, 246 и Полн. собр. сочин., изд. 2-е, ч. VI, стр. 172.

⁴⁾ Рукописная „Исторія жизни и царствованія Ѳеодора Алексѣевича“, предисловіе; приведено у *С. М. Соловьева*, Г. Ф. Мюллеръ. *Современникъ* 1854, № 10, стр. 142 и у *Е. Е. Замысловскаго*, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, стр. 08.

⁵⁾ Предисловіе къ первому тому *Древн. Росс. Вивлюевки*.

новомодныхъ французскихъ обычаевъ принимаетъ на себя и графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, пользуясь для этого найденнымъ поученіемъ Владиміра Мономаха ¹⁾.

Даже императрица Екатерина, относившаяся, какъ мы видѣли, къ Петру съ чувствомъ глубокаго уваженія, въ 1790 году, на предложеніе французскаго эмигранта Senac de Meilhan написать исторію Россіи XVIII вѣка, ставитъ непремѣннымъ условіемъ не „утверждать, что Россія до Петра Перваго не имѣла ни законовъ, ни устройства, между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное“. Россія прежде „шла наравнѣ со всею Европою“, и только смуты конца XVI и начала XVII вѣка „остановили ея успѣхи на 40 или 50 лѣтъ“ ²⁾. Та же забота объ охранѣ древнихъ русскихъ доблестей руководитъ государыней, когда она составляетъ „Записки касательно Россійской исторіи“ ³⁾.

Но никто изъ принадлежавшихъ къ этой группѣ не высказывался такъ опредѣленно за старину, какъ неизвѣстный авторъ „Мыслей о Россіи, или нѣкоторыхъ замѣчаній о гражданскомъ и нравственномъ состояніи русскихъ до царствованія Петра Великаго“ ⁴⁾. Это былъ русскій вельможа, изложившій по французски свои мнѣнія, въ отвѣтъ на запросы его заграничныхъ друзей. Статья не предназначалась для печати и въ русскомъ журналѣ появилась, къ сожалѣнію, въ сокращеніи. Это въ сущности первый по времени трактатъ, рассматривающій до-Петровскую эпоху въ рѣзко-славянофильскомъ духѣ. Авторъ прежде всего востаетъ противъ французскихъ писателей, провозгласившихъ Петра творцомъ вышней Россіи. Они забываютъ, говоритъ онъ, — что изъ ничего ничего и не бываетъ. Петръ дѣйствовалъ на почвѣ, подготовленной предшественниками. Если бы Россія до Петра была ничѣмъ, то откуда же взяла она силы вывести всѣ

¹⁾ Духовная в. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ. С.-Пб. 1793, примѣч. 9, 11, 20, 31, 41, 42, 43, 44, 49.

²⁾ Переписка о Сенакѣ въ *Русск. Архив.* 1866, столбцы 421—459; Сочиненія Екатерины, изд. *Смирдина*, т. III, стр. 413—418 (письмо къ Мордвинову).

³⁾ Первоначально въ *Собесѣдникѣ Любителей Росс. Слова*; позже отдѣльно въ 6 частяхъ. Защита до-Петровской старины въ *Амидотѣ*, можетъ быть, вытекала изъ соображеній менше безкорыстныхъ; полемика императрицы съ французскимъ аббатомъ приняла такой рѣшительный характеръ, что объѣзжать старую Русь было необходимо, разъ на нее нападалъ авторъ *Voyage en Sibirie* (Сравн. Оснадацатый вѣкъ, *Бартемега*, IV, 289—294).

⁴⁾ *Вѣстн. Европы* 1807, част. XXXI, январь, №№ 1 и 2, стр. 8—29, 107—120.

тягости Смутнаго времени?.. Вотъ, напримѣръ, какую картину жизни рисуетъ намъ авторъ: „До Петра I, а особливо при жизни родителя его, російскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ, твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; наслажденія русскихъ состояли въ простыхъ произведеніяхъ здраваго смысла. Незнакомы были имъ изступленія и мечты распаленнаго воображенія, равно какъ и его очарованія. Никто не выказывалъ себя знающимъ то, чего не вѣдалъ, и всѣ довольны были тѣмъ, что знали. Промышленность ограничивалась предѣлами родной страны, и русскіе не желали наслажденій искусственныхъ и удовольствій иноземныхъ. Русскій народъ имѣлъ собственный свой характеръ—суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но характеръ прямой и честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство“ (стр. 6).

Съ идеализаціей и вполнѣ наивно изображается читателю Красная площадь въ Москвѣ. Это своего рода биржа, современный клубъ, аэиинская стѣа; сюда сходилса каждый... „На сей-то Красной площади давались и принимались спасительные совѣты; отсюда каждый возвращался домой богатѣе познаніями и добродѣтелями. Тамъ старики учили молодыхъ должностямъ ихъ и обязанностямъ, тамъ простой мѣщанинъ дѣлалъ упреки молодому сыну боярина за то, что онъ рѣдко посѣщалъ сіе священное собраніе ¹⁾. Тамъ пылкая юность училась воздерживать себя, молчать и терпѣливо слушать старшихъ; тамъ всякій человекъ... почиталъ себя подверженнымъ суду народа“ (18). Царь Алексѣй, который вообще у автора представленъ идеальнымъ государемъ, любилъ смотрѣть изъ оконъ дворца своего на Красную площадь; „всякій день доносили ему, что замѣчательное было говорено на площади, и какъ народъ о томъ думаетъ... всѣ знали, что царь былъ свидѣтелемъ всего случившагося“ (19).

¹⁾ Любопытно, что подобная же мысль выражена и въ „Антидотѣ“ императрицы *Екатерины*: „Существовалъ обычай, чтобы въ городахъ, каждый взрослый мужчина, около полудня, отправлялся къ тому мѣсту, гдѣ творится судъ и расправа. Такимъ мѣстомъ въ Москвѣ была Кремлевская площадь, именуемая Ивановскою; тамъ толковали она о своихъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ. Когда какой-либо старикъ замѣчалъ, что вѣтатый молодой человекъ день или два не являлся на площадь, онъ дѣлалъ ему упреки и грозилъ ему навестить о томъ его отца: не присутствовать на этихъ собраніяхъ считалось признакомъ дурнаго поведенія и лѣни; на нихъ можно было получать свѣдѣнія объ общественныхъ дѣлахъ и состояніи государства, и видѣть знакомыхъ“ (Оснадцатый Вѣкъ, *Бартенева*, IV, 293).

Это-то духовное общеніе между главою государства и его подданными и было лучшею гарантіею общественнаго блага Россіи.

Только что приведенные взгляды, какъ мы уже сказали, отнюдь не были нападеніемъ на Петра; но отъ обороны старины до отрицанія реформы, хотя бы только въ ея частяхъ, и притомъ не существенныхъ, былъ всего одинъ шагъ. Дѣйствительно, защищая старину отъ неуважительныхъ на нее нападокъ и отыскивая причину этого неуваженія къ положительнымъ сторонамъ прежняго времени, многіе искали и находили ее въ самомъ Петрѣ Великомъ. Этотъ отрицательный взглядъ на реформу идетъ рука объ руку съ мнѣніями и передовыхъ умовъ запада.

Такъ, Ж.-Ж. Руссо говорить, что изъ русскихъ ничего не выйдетъ, потому что Петръ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нихъ русскихъ, сталъ ихъ передѣлывать въ нѣмцевъ и англичанъ. Обладая однимъ подражательнымъ гениемъ, царь помѣшалъ своему народу развиться самобытно, увѣривъ ихъ, что они—то, чѣмъ на самомъ дѣлѣ не могутъ стать ¹⁾. Аббатъ Мабли считаетъ Петра способнымъ и умнымъ человѣкомъ, хорошимъ полководцемъ, но плохимъ законодателемъ, неуклюжимъ администраторомъ. Все, что Петръ ни творилъ, создавалось на пескѣ. Все держалось только личною волею царя; не стало его—и все рухнуло ²⁾. Что касается Монтеस्कье, то онъ обвиняетъ Петра въ тиранніи: бритье бороды и замѣна длиннаго платья короткимъ были проведены путемъ суроваго закона, тогда какъ слѣдовало прибѣгнуть къ примѣру и поощренію. Легкость и быстрота, съ какою Россія пошла по дорогѣ прогресса, лучше всего показываютъ, что государь составилъ слишкомъ дурное о ней представленіе, и что народъ русскій не былъ стадомъ (*bêtes*), какъ онъ его называлъ. Насильственные мѣры оказались бесполезными, а

¹⁾ Les russes ne seront jamais vraiment policés parce qu'ils l'ont été trop tôt. Pierre avoit le génie imitatif; il n'avoit pas le vrai génie, celui qui crée et fait tout de rien. Quelques unes des choses qu'il fit étoient bien, la plupart étoient déplacées. Il a vu que son peuple étoit barbare, il n'a point vu qu'il n'étoit pas mûr pour la police; il l'a voulu civiliser quand il ne falloit que l'aguerrir. Il a d'abord voulu faire des allemands, des anglois quand il ne falloit commencer par faire des russes: il a empêché ses sujets de jamais devenir ce qu'ils pourroient être, en leur persuadant qu'ils étoient ce qu'ils ne sont pas (*Oeuvres complètes* (édit. 1790), t. VIII (*Contrat Social*), pp. 82—83.

²⁾ Заимствовано у *Туманскаго*, Подяево описаніе дѣяній Петра В., предисловіе, стр. XLVI—XLIII.

между тѣмъ, можно было бы достигнуть того же самого одною простотой¹⁾.

Съ этими иностранными воззрѣніями можно сопоставить и свои, домашнія. Извѣстный сподвижникъ Екатерины II въ дѣлѣ воспитанія, И. И. Бецкій прямо указываетъ на односторонность въ реформахъ Петра и говоритъ, что утилитарный взглядъ на образованіе оказался невѣрнымъ, а одна вѣщность, только и перенятая съ запада, — очень плохую гарантію противъ невѣжества. Если дворяне, посланные Петромъ за границу, и вернулись съ знаніемъ, то, имѣя открытый путь къ почестямъ и повышеніямъ, не „упражнялись“ въ этомъ знаніи. Кто же „изъ подлости“ попалъ въ образованные люди, тѣ „скорѣе еще въ прежнее невѣжество и самое небытіе возвратились“. Опытъ доказалъ, что одно образованіе недостаточно: необходимо также воспитаніе, основанное на нравственныхъ началахъ²⁾.

Въ томъ же духѣ высказывается и И. Н. Болтинъ, взявшійся за перо, чтобы возражать на крайне пристрастный трудъ французскаго писателя³⁾. Остановливаясь, между прочимъ, на запрещеніи въ прежнее время ѣздить русскимъ за границу, Болтинъ доказываетъ, что это запрещеніе вытекало изъ „мудрой предосторожности“, ибо для плодотворной поѣздки требовался „зрѣлый разумъ и утвержденіе въ отеческомъ законѣ и нравахъ“. Петръ думалъ, что стоитъ только съѣздить за границу, и—просвѣтишься; „но опытъ оправдалъ стариковъ нашихъ мнѣніе, что вмѣсто ожидаемой пользы вышелъ изъ того вредъ. Большая часть изъ посланныхъ имъ возвратились не просвѣщеніе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были. Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желаемый плодъ“⁴⁾.

Тотъ же духъ критики слышится въ одномъ литературномъ произведеніи, гдѣ, подъ общераспространенною формою такъ-называемаго „Разговора“, выведенъ Лейбницъ, съ теоріей самодержавною, но проникнутою патріотизмомъ и любовью къ подданнымъ, власти; Мен-

¹⁾ *Montesquieu*, Oeuvres. Paris. 1796, tome second, L'esprit des loix, livre XIX, chap. XIV, pag. 48—49.

²⁾ Полн. Собр. Закон., XVI, № 12103, стр. 669.

³⁾ *И. Болтинъ*, Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Деклера, 2 чч. С.-Пб. 1788. Эта была критика на *Histoire de la Russie ancienne et moderne*, par *Le Clerc*. 6 vls. 1783—1794.

⁴⁾ II, 252.

шиковъ, охотнѣе опирающійся на силу внѣшнюю, на страхъ, и наконецъ, Петръ Великій, готовый признать справедливость перваго мѣннѣя, но безъ желанія разстаться съ выгодною стороною втораго воззрѣннѣя ¹⁾).

Но всѣ эти нападки на Петра ничто въ сравненнѣи съ тѣмъ, что говоритъ про него княгиня Е. К. Ром. Дашкова. Задолго до Петра, замѣчаетъ княгиня, — русскіе покорили царства Казанское, Астраханское и Сибирское; предметы русскаго искусства, особенно живописи, восходятъ къ самымъ отдаленнымъ временамъ; еще со временъ до-монгольскихъ хранится столько литературныхъ памятниковъ, сколько вся остальная Европа не имѣетъ ихъ. Считать поэтому Петра за творца Россіи было бы самымъ грубымъ заблужденнѣемъ; его „твореннѣе“ не болѣе, какъ „мнимое“ („cette prétendue création“). Петръ былъ геніаленъ, полонъ энергнѣи, стремился къ улучшеннѣю, но у него не хватало воспитаннѣя сдерживать свои порывы. Полный насилнѣя, деспотизма, онъ обращался со всѣми, какъ съ рабами; недостатокъ образованнѣя мѣшалъ ему видѣть, что многое, насильственно имъ вводимое, давно уже спокойно прививалось, благодаря времени, торговымъ сношеннѣямъ и примѣру. Петръ не исказилъ бы характера народнаго, если бы не далъ такого предпочтеннѣя иностранцамъ, не ослабилъ бы уваженнѣя къ законамъ, если бы не столь часто измѣнялъ ихъ. Свобода гражданъ была уничтожена, создано военное управленнѣе. Сколько жертвъ было принесено, чтобы создать столицу на неводскихъ болотахъ!.. Построили адмиралтейство у рѣки, а морскія суда не могутъ идти дальше Кронштадта!.. Наконецъ, совсѣмъ не дѣло Петра было лазить по мачтамъ и работать съ топоромъ на верфяхъ. Къ чему было посылать знатныхъ людей за-границу учиться ремесламъ и дѣлать изъ дворянъ какихъ-то садовниковъ, кузнецовъ, рудокоповъ? Если нуждались въ рабочихъ рукахъ, то каждый дворянинъ охотно послалъ бы за себя трехъ-четырехъ человекъ своей двори ²⁾.

Если воззрѣннѣя Дашковой и не трудно отпарировать, то онъ чрезвычайно любопытны, какъ отраженнѣе времени. Грубыя формы эпохи преобразованнѣя оскорбляли уже нравственное чувство современниковъ Екатерининскаго царствованнѣя. Воспитаннѣе сердца, ува-

¹⁾ Петръ Великій, Меншиковъ и Лейбницъ. Разговоръ, бывший въ Торгау 1711 года. Берлинъ. 1861. 8°. 20 стр.

²⁾ Histoire de ma vie въ Архивъ кн. Воронцова, XXI, стр. 219—222.

женіе къ личности, сознание, что убѣжденіе должно быть выше физической силы; наконецъ, просто голосъ женщины, все сказалось въ нападкахъ Дашковой. Она смотритъ на эпоху Петра, какъ на фактъ, и мѣрлетъ ее аршиномъ конца XVIII вѣка; Дашкова еще не въ состояніи стать на историческую точку зрѣнія, не невозможную однако для другихъ. Въ послѣднихъ же словахъ своихъ Дашкова, сама того не замѣчая, заимствуетъ у иностранцевъ взгляды, которымъ Петръ—этотъ поклонникъ, по ея мнѣнію, всего иноземнаго—никогда не могъ бы сочувствовать... Что, какъ не сословное высокомеріе, почва которому, конечно, не въ Русской землѣ, слышится въ упрекѣ за посылку дворянъ въ чужія страны, когда всѣмъ этимъ преаршиннымъ ремесламъ могла-де посвятить себя и челядь?!.. Очевидно, кн. Дашковой непонятенъ Петръ съ его воззрѣніемъ на трудъ, какъ на извѣстную форму общезитія, облагораживающую человѣка и создающую духовную солидарность между людьми ¹⁾).

Разобранными мнѣніями не исчерпываются воззрѣнія второй половины XVIII вѣка на Петра. Подлѣ безусловныхъ поклонниковъ царя, подлѣ сторонниковъ XVII вѣка, еще остерегающихся произнести слово осужденія, и наконецъ, подлѣ критиковъ, осмѣлившихся заявить свое недовольство, стоитъ еще новая группа,—правда, самая малочисленная, но за то въ извѣстномъ отношеніи едва ли и не самая интересная. Въ то время, какъ первыя группы въ сущности представляютъ видоизмѣненія тѣхъ взглядовъ на Петра, которые высказывались современниками послѣдняго и непосредственно слѣдующимъ за нимъ поколѣніемъ, эта новая группа пытается оцѣнить дѣятельность Петра научными, вполне историческими приемами. Субъективные соображенія уступаютъ мѣсто объективному пониманію: преобразователь разсматривается, какъ явленіе историческое, и судъ надъ нимъ произносится примѣнительно къ условіямъ его времени. Говоря это, мы имѣемъ въ виду Радищева и Щербатова.

Радищевъ издалъ въ 1789 году небольшую брошюрку, посвя-

¹⁾ Скорѣе благогерствомъ, чѣмъ серьезнымъ осужденіемъ отзываются замѣчанія, сохраненныя Порошинымъ въ его „Запискахъ“ (изд. *Русск. Стар.*, 96—97). Слова же Екатерины: „онъ (Петръ) самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно“, сохраненныя Грибовскимъ (Записки о имп. Екатеринѣ Великой. М. 1864, стр. 94), приведены безъ достаточной мотивировки, а потому, въ виду свидѣтельствъ Пушкина и принца де-Линя (см. выше), не могутъ быть приняты въ буквальный смыслъ слова.

ценную воспоминаніямъ о торжествѣ открытія памятника Петру на Сенатской площади ¹⁾). При бѣгломъ чтеніи этого „письма“ можно, пожалуй, причислить Радищева къ толпѣ безусловныхъ почитателей царя; но, вчитываясь внимательно, мы натолкнемся на мысли, которыя плохо вяжутся съ хвалебнымъ тономъ. Въ нихъ ясно проглядываетъ возможность для автора критическаго отношенія къ Преобразователю. Частный человѣкъ, разсуждаетъ онъ,—гораздо скорѣе станетъ великимъ: достаточно для этого выдаться одною какою-нибудь стороною; а чтобы стать великимъ государемъ, надо обладать многими добродѣтелями. По мнѣнію Радищева, Петръ великъ уже однимъ тѣмъ, что привелъ въ движеніе такую громаду, какъ Россія, остававшюся до него неподвижною. Но въ похвалахъ Петру слышится будущій авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. По его мнѣнію, Петръ могъ бы быть еще славнѣе, еслибъ „утвердилъ вольность частную“. Окончательное прикрѣпленіе крестьянъ казалось Радищеву самымъ темнымъ пятномъ въ преобразовательной дѣятельности царя.

Что высказывается у Радищева только вскользь, мелькомъ, то возведено на степень опредѣленнаго взгляда княземъ М. М. Щербатовымъ. Въ своемъ „Разсмотрѣніи о порокахъ и самовластіи Петра Великаго“ ²⁾ знаменитый екатерининскій историкъ-публицистъ устанавливаетъ точку зрѣнія, единственно, по его мнѣнію, гарантирующую безошибочность въ оцѣнкѣ личности преобразователя. Духъ времени, грубость нравовъ, невоспитанность, потребности государственныя,—вотъ данныя, которыя помогутъ, говоритъ онъ,—разобраться въ противорѣчивыхъ воззрѣніяхъ.

Петра обвиняютъ въ жестокости, какую онъ особенно выказалъ во время стрѣлецкихъ казней 1698 года. Да, тяжело видѣть ее; но, умный человѣкъ, Петръ поступалъ, руководясь не однимъ темпераментомъ: стрѣльцы были политическою партіей, враждебною всѣмъ нововведеніямъ; слѣдовательно, ихъ уничтоженія требовали интересы государственныя. Что касается до пріемовъ уничтоженія, то въ нихъ виновато и худое воспитаніе, и грубость нравовъ. Говорятъ, что Петръ былъ жестокъ къ своему сыну! Но сынъ былъ противникомъ

¹⁾ Письмо къ другу, жительствующему въ Tobольскѣ, по долгу званія своего. Печатаемо въ *Русск. Старина* 1871. т. IV, стр. 295—299.

²⁾ *Библиогр. Записки* 1859. № 12, стр. 353—371 и въ *Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* 1860, № 1, стр. 1—22.

реформы, горяч имъ послѣдователемъ старины! Вступивъ на престолъ по смерти отца, Алексѣй уничтожилъ бы все, созданное Петромъ. Спаси свое созданіе царь могъ только губя сына, и онъ имъ пожертвовалъ во имя интересовъ государственныхъ....

Другое обвиненіе противъ Петра—это тѣ наказанія, побои, какии подвергались всѣ люди, безъ различія званія и чиновъ.... Но тогда налку не считали безчестьемъ. Я самъ, прибавляетъ для большей убѣдительности Щербатовъ,—знаю современниковъ, битыхъ царемъ, но сохранившихъ къ нему одно только глубокое уваженіе. Не забудемъ, что пуская въ ходъ свою дубинку, Петръ въ то же время умѣлъ выслушивать правду и добрый совѣтъ.

Обвиняютъ Петра въ любострастіи, побудившемъ его развестись съ Евдокіей и жениться на Екатеринѣ. Но эта слабость никогда не поработала царя; во второй женѣ онъ нашелъ близкаго друга, и супружествомъ съ нею, признаніемъ ея дочерей законными дѣтьми своими онъ только утверждалъ спокойствіе престола и страны. Пьянство и спаваніе—было въ нравахъ того времени.

Остается разсмотрѣть, продолжаетъ нашъ авторъ,—еще послѣднее обвиненіе, именно въ „самовластіи“ (подъ этимъ выраженіемъ Щербатовъ понимаетъ крутыя мѣры, деспотизмъ и насиліе). Но какъ Петръ могъ бы обойтись безъ него? Россія конца XVII вѣка была страной безъ войска и торговли, безъ просвѣщенія и безъ желанія образованія.... Предоставленная самой себѣ, безъ Петра, Россія только къ 1892 году пришла бы въ то состояніе, въ которомъ она находилась послѣ Петра ¹⁾).

Точка зрѣнія Щербатова весьма близко по существу подходит ко взгляду С. М. Соловьева; послѣдній только развилъ мысль своего

¹⁾ Считаю отъ 1682 г., когда заведена была Законопоспасская школа, понадобилось бы не менѣ двухъ поколѣвій, то-есть, 60 лѣтъ, чтобы только познать пользу науки; три поколѣвія (90 л.)—преодолѣть ненависть къ чужеземцамъ; одно поколѣвіе (30 л.)—привыкнуть видѣть надъ собою (въ роли учителя) чужестранца и не знатнаго человека и обучиться необходимому; и столько же—вести войну, завоевать гавани, словомъ, и въ международныхъ отношеніяхъ занять мѣсто европейской державы. Все это подъ условіемъ, если не будетъ никакихъ помѣхъ. Этого расчета Щербатовъ дѣлаетъ въ другой статьѣ: „Состояніе Россіи до Петра Великаго“. *Чтенія Общ. Ист. и Др. Р.* 1860, ч. I, стр. 23—28. Сравн. его же „Отвѣтъ гражданина на рѣчь об.-прокурора сената Нехлюдова, 1790 г.“, горячую защиту Петра (*Библ. Зап.* 1859, № 13, столб. 385—394 и *Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1860, ч. III, стр. 41—49).

предшественника, яснѣе доказаль ее и обставиль существенными дополненіями (преемственность между эпохой XVII вѣка и эпохой преобразованія). Но для восемнадцатаго столѣтія оказалась еще невозможною опредѣленность и устойчивость въ пониманіи реформы. Тотъ же Щербатовъ спустя нѣсколько времени въ другомъ сочиненіи—„О поврежденіи нравовъ въ Россіи“—проводить взгляды совершенно иные ¹⁾.

Реформа, говорятъ онъ на этотъ разъ,—въ основѣ хотя и необходимая, проводилась не всегда умѣренно. За „людскостью“ отношеній вошла роскошь, а за нею и лесть. Уничтожая суевѣріе, вѣру въ чудесное, уничтожали и самое чувство религиозное (сравненіе съ искуснымъ садовникомъ). Разводъ съ Евдокіей уже не оправдывается болѣе; осуждаются мѣры, замѣнившія значеніе мѣстничества значеніемъ чина, доступнаго для каждаго. Въ послѣднихъ словахъ такъ и слышится спѣсъ боярина, оскорбленнаго тѣмъ, что служебная табель о рангахъ поставила на одну доску и дворянина, и разночинца.

Сводя вмѣстѣ разнорѣчивые отзывы Екатерининскаго времени, можно сдѣлать такое заключеніе: вторая половина XVIII вѣка, подобно первой, также двойственно смотрѣла на Петра Великаго, и если свела его съ небесъ и ада на землю, какъ поприще болѣе соответственное, то очевидно, далеко еще не была въ состояніи уяснить себѣ мѣсто, какое должна занять среди нихъ фигура Петра. Самые взгляды того и другаго лагеря страдаютъ недосказанностью, неполнотой, а потому и не ясны, мало доказательны. Единственное положительное приобрѣтеніе за это время—начало критики и первыя попытки объективнаго анализа.

Переходъ восемнадцатаго вѣка къ девятнадцатому въ историографіи, посвященной Петру Великому, не ознаменовался ничѣмъ выдающимся. Эпоха Александра I не выработала новыхъ точекъ зрѣнія на Петра. Будучи далеки отъ желаемой законченности, воззрѣнія той поры являлись, самое болѣе, дальнѣйшимъ развитіемъ высказаннаго въ царствованіе Екатерины. Поэты, а тѣмъ болѣе заурядные риторослагатели, по прежнему создавали ходульныя вирши, злоупотребляя правомъ *licentiae poeticae*; ихъ напыщенныя панегирики, шаблонныя гиперболы теперь отзывались еще большею дѣланностью: что казалось простительнымъ для вѣка XVIII-го, то начинаетъ рѣ-

¹⁾ Русск. Старина 1870, т. II; 1871, т. III.

затѣ ухо, когда вспомнишь, что это говорится поколѣніемъ болѣе позднимъ. Притупившееся впечатлѣніе читателя съ большою требовательностью относится къ безконечной вариации на одну и ту же тему. Но современники, надо думать, смотрѣли иными глазами.

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ;

Богъ рекъ: да будетъ Петръ—и бысть въ Россіи свѣтъ.

Это двестишесте „знаменитаго поэта“¹⁾ стало очень популярнымъ и быстро пошло въ обращеніе²⁾. У извѣстнаго графа Хвостова Петръ, „подобный въ смертныхъ Богу“, говоритъ:

„Россія будь!“—Россія процвѣла³⁾.

Какая-нибудь „Прогулка по берегу озера Плещеева.“ вызываетъ подобныя же размышленія: „Богъ рече: да будетъ свѣтъ! и бысть. Подобно Петръ Великій устроилъ Россію. ...Такъ творить гений!“⁴⁾.

Эта холодная реторика такъ и осталась несогрѣтою даже въ минуты празднованія столѣтней годовщины основанія Петербурга. Въ проповѣдяхъ говорятъ о „новомъ мірѣ“, созданномъ Петромъ для Россіи⁵⁾; Хвостовъ пишетъ „Оду на случай воздвиженія 1803 года маія 1-го дня близъ города Переславля-Залѣскаго на берегу озера его, именуемаго Плещово, въ селѣ Вельвовѣ каменнаго зданія для храненія фрегата Петромъ Великимъ въ ономъ мѣстѣ сооруженнаго“⁶⁾, рисуя въ ней Петра, который

отъ горнихъ къ намъ летать,
Блжъ солнце пламенно восходить,
Благословеніе приводитъ
И громъ, и масляны дождить⁷⁾;

¹⁾ Къ портрету Петра В. *Любитель Словесности* 1806, ч. III, № 7, стр. 45. Однородное по формѣ двестишесте *Попа* о Ньютонахъ:

Сокрять природы былъ во тьмѣ законъ и слѣдъ;

Богъ рекъ: чѣтобъ былъ Невтонъ!... и бысть повсюду свѣтъ

(*Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій* 1793, ч. XII, стр. 227, переведено Б), можетъ быть, послужило образцомъ.

²⁾ Сравни. Собраніе образц. русск. сочиненій и переводовъ въ стихахъ, изд. Общ. Люб. Отеч. Словесности, изд. 2-е, ч. VI (1822), стр. 79. Также *Бялинскій*, Сочиненія, IV, 370.

³⁾ Надпись Петру В. *Друзъ Просвѣщ.* 1804, ч. III, июнь, стр. 29.

⁴⁾ *Друзъ Просвѣщ.* 1805, ч. III, июль, стр. 38—40.

⁵⁾ Митрополитъ *Евгеній*, Собраніе поучительныхъ словъ, IV, 103.

⁶⁾ Москва. 1803.

⁷⁾ Стр. 10.

Подобную же „Пѣснь“ сооружаетъ и князь И. М. Долгорукій ¹⁾; пишутся поэмы ²⁾, „по языку и эпическому складу самой низкой пробы, долгое время служившія для литераторовъ предметомъ смѣха“ ³⁾ и т. п.

Въ ряду поэтическихъ произведеній, по задачѣ близкихъ къ поэмі Сладковскаго, еще не безъ достоинствъ „лирическое пѣснопѣіе въ 8 пѣсняхъ“ князя Шихматова: „Петръ Великій“ ⁴⁾: оно по крайней мѣрѣ оригинально, съ патриотическимъ воодушевленіемъ, выраженнымъ мѣстами сильно, хорошимъ стихомъ ⁵⁾. Но эти достоинства только относительныя ⁶⁾. Вслѣдъ за Шихматовымъ Грузинцевъ написалъ „Петриаду, поэму епическую“ въ 10 пѣсняхъ ⁷⁾; построенная по образцу Вольтеровой „Генриады“, она взяла изъ нея же и ея риторической тонъ, стихотворный метръ и т. п. ⁸⁾.

Къ разряду такихъ же произведеній относится и прозаическое „Похвальное Слово императору Петру Великому, отцу отечества, мудрому преобразователю Россіи“ ⁹⁾, сочиненное купцомъ Зубчаниновымъ. Высокопарная нота поднята съ первыхъ же строкъ и тянется не переставая на цѣлыхъ полутора ста страницахъ. Петръ, конечно, „отъ небесъ ниспосланное божество“ (стр. 3), „порфиросный наперстникъ земли и неба“ (42), лицо, которое да не дерзнетъ никто и въ мысляхъ сравнивать съ героями, царями-побѣдителями, кто бы они ни были. Нѣтъ ему подобнаго, нѣтъ ему и равнаго! Петръ единъ несравненный и себѣ только подобный“ (147). Риторическая монотонность воззваній, фигуръ и оборотовъ, размѣщенныхъ по всѣмъ правиламъ пиитики, дѣлаетъ чтеніе нестерпимымъ. Искреннаго чувства,

¹⁾ Пѣснь на случай введенія ботика Петра Великаго, хранившагося въ городѣ Переславль-Залѣскомъ при озерѣ Плесовѣ на мысу Гремячъ съ 1722 года, въ новое каменное зданіе. М. 1803. („Великій Петръ! Екатерина! Богоподобные царя!“ и пр.).

²⁾ Р. Сладковскій, Петръ Великій, героическая поэма въ VI пѣсняхъ стихами сочиненная. С.-Пб. 1803. 4°. 145 стр.

³⁾ Галаховъ, Исторія русск. словесности, II (изд. 1868), стр. 158, прим.

⁴⁾ С.-Пб. 1810. 8°. 216 стр.

⁵⁾ Галаховъ, назв. сочиненіе, II, 158—159.

⁶⁾ Вспомнимъ эдія эпиграммы Батюшкова: „Какое хочешь имя дай“, и проч. (Сочиненія, изд. 1885 г., ч. I, стр. 160). Сравни Галаховъ, Историч. Христоматія новаго періода, т. II (изд. 1864), стр. 164. Впрочемъ поэма Шихматова нашла очень сочувственнаго критика въ лицѣ В. Кюхельбекера (Смысл Отеч. 1825, ч. 102, стр. 257—276, 357—386).

⁷⁾ Выдержала два издавія. 1812 (4°. 229 стр.) 1817 (4°. 200 стр.).

⁸⁾ Галаховъ, Истор. русск. слов., II, 158—159.

⁹⁾ С.-Пб. 1812. 8°. 155+63 стр. (приложенія).

если оно и было, не видать совсѣмъ. Какъ понимаетъ авторъ развитіе Петра, можно судить хотя бы потому, что поѣздку въ Архангельскъ 1698 года онъ объясняетъ желаніемъ царя познакомиться съ нуждами страны и запастись государственной мудростью (15—18)!

Такимъ казался Петръ въ устахъ людей, парившихъ на облакахъ реторики; спускаясь на землю, на почву обыденной прозы, писатели не находили ничего иного, кромѣ шаблонныхъ характеристикъ и самыхъ обыкновенныхъ выраженій ¹⁾. Фонтенелево похвальное слово, переведенное въ это время на русскій языкъ ²⁾, тоже не представляло особенныхъ достоинствъ, вмѣсто характеристики группируя далеко не всегда яркіе факты и черты изъ жизни Петра Великаго. Да и апологіи нельзя назвать удачными ³⁾.

Вообще можно замѣтить, что искреннее чувство охотнѣе замѣнялось напыщенной фразою или по крайней мѣрѣ свободно уживалось рядомъ съ нею. Каждый вѣкъ имѣетъ свою манеру, и наши дѣды, очевидно, не находили безвкуснымъ того, что имъ предлагалось.

¹⁾ Напримеръ, *Ал—стій Пыл—огъ*, Мысли касательно монумента Екатерины Великой и памятника Петру Великому, какъ основателю С.-Петербурга; съ краткимъ присовокупленіемъ историческаго обозрѣнія Петербурга отъ построенія его до нынѣшнихъ временъ, изображенія великихъ дѣлъ Екатерины и Петра и описанія древняго и настоящаго состоянія Россіи. С.-Пб. 1809. 12°. 86 стр. *Е. Филимоускій*, Краткое историч. и хронолог. описаніе жизни и дѣяній великихъ князей Россійскихъ, царей, императоровъ и проч., ч. III (М. 1810), стр. 58—59. *П. Львовъ*, Петръ Первый, творецъ Маринскаго канала. *Отеч. Записки* 1821, ч. VII, № 17, сент., 277—309.

²⁾ *Фонтенель*, Похвальное слово императору Петру Великому, переведено съ французскаго *А. Воиновымъ*. М. 1807, 8°. 73 стр.

³⁾ Краткое обозрѣніе воинской исторіи 18-го столѣтія, съ опроверженіемъ мнѣнія г. Гибера о Петрѣ Великомъ. Издано находящимся при военномъ министрѣ *Яковомъ де-Сангленомъ*. С.-Пб. 1809. По мнѣнію Гибера (въ соч. *Essai général de tactique*), Петръ поторопился проевѣтять Россію; она была бы нынѣ много опаснѣе для Европы, еслибъ онъ не сосредоточивалъ всѣхъ силъ страны въ западныхъ областяхъ своего государства, не принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ Европы, заботился бы болѣе о земледѣліи вмѣсто постройки городовъ, не вводилъ роскоши, сохранилъ бы у русскихъ ихъ дикость въ наружности и нравахъ (*sic!*) и проч. Сангленъ возражаетъ на это (стр. 97—112): полезное идетъ рука объ руку съ роскошью; если хочешь приобрести первое, надо терпѣть второе; точно такъ же вмѣстѣ съ искусствами входятъ и пороки; деревни и городъ взаимно дополняютъ другъ друга; перенести на западъ центръ тяжести государственной жизни было необходимо. Разумѣется, критикъ безъ труда разбиваетъ Гибера по вопросу о томъ, лучше ли было или нѣтъ сохранить дикость русскаго народа.

Прекрасною иллюстраціей того, до какой потери историческаго чутья доводила привычка пускаться въ ходъ особый аршинъ и приподнимать тонъ, чуть только рѣчь заходила о царственномъ „ироѣ“, могутъ служить двѣ книги: нѣмецкая—Ваккербарта, въ переводѣ Лизогуба: сравненіе Петра съ Карломъ Великимъ ¹⁾, и русская—Голикова: такое же сравненіе Петра съ другимъ дѣятелемъ всемірной исторіи, Константиномъ, императоромъ Римскимъ ²⁾. Нѣмецкій авторъ задался, —вѣроятно, для вѣщей славы Русскаго государя—несчастною мыслію: отыскать сходство въ жизни и дѣяніяхъ его и Карла Великаго и, разумѣется, нашелъ таковое безъ малѣйшаго затрудненія. Поприще, на которомъ происходили поиски за этимъ сходствомъ, было слишкомъ обширно и богато данными, чтобы не придти къ желаемому результату, особенно если принять во вниманіе нетребовательность, мѣстами доходящую до наивности.

Сравненія сплошь и рядомъ поражаютъ своею натянутостью: и у Карла, и у Петра въ первые годы ихъ царствованія были братья—соправители (стр. 18); Карлъ неожиданно былъ отвлеченъ отъ войны съ Саксами необходимостью спѣшить въ Италію; такъ и Прутскій походъ прервалъ нормальное теченіе Великой Сѣверной войны (23); у Петра былъ свой Витекинъ—Карлъ XII, и своя добыча Саксонія—берега Балтійскаго моря (28—30). Оба императора впервые у себя выбиваютъ медали за отличіе (34); оба—законодатели (50), оба заботятся объ исправленіи духовенства (61—62), сооружаютъ новые города (69), заботятся о промышленности и торговлѣ (66—67). Было бы скучно перечислять всѣ эти сравненія; отмѣтимъ только наиболѣе курьезныя: какъ въ Карловой Франціи за труднопроходимыми Пиринеями жили культурные арабы, такъ и за недосыгаемымъ кавказскимъ хребтомъ находилась Персія, гдѣ во времена Петра процвѣтали (?) науки и искусства (16); четыре короля Европы просили помощи у Петра, и четыре же, ни больше ни меньше, у Карла (81—82). Старшіе сыновья Карла и Петра противодѣйствовали своимъ отцамъ (57); ихъ жены жили не въ ладахъ съ мужьями (58—59); новая

¹⁾ Сравненіе Петра Великаго съ Карломъ Великимъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Яковъ Лизогубъ. С.-Пб. 1809. 8°. 112 стр. Имя автора указано у Минилова, Pierre le Grand, 104.

²⁾ И. Голиковъ, Сравненіе свойствъ и дѣлъ Константина Великаго, перваго изъ римскихъ христіанскаго императора, съ свойствами и дѣлами Петра Великаго, перваго всероссійскаго императора, и происшествій, въ царствованіе обоихъ сихъ монарховъ случившихся. 2 части. М. 1810. 8°. 78+239 стр.

столица, Ахенъ, смѣнила старшій Ингельгеймъ, подобно Петербургу, отстранившему Москву (70). Дважды объѣхалъ Петръ почти всю Европу; два же раза являлся Карлъ въ Италію (85—86). Оба императора по утрамъ занимались государственными дѣлами (43—44), оба были почти одинаковаго роста (84), оба любили исторію (94), ландкарты (99), лѣчились и купались: одинъ въ „Олонецкихъ баняхъ“, другой—въ „баняхъ“ Ахенскихъ, и наконецъ, оба скончались въ одинъ и тотъ же день, 28-го января (110). Конечно, никакихъ выводовъ изъ всѣхъ этихъ сближеній авторъ не дѣлаетъ, да и что могъ бы онъ сказать?

Сочиненіе Голикова ¹⁾ совершенно въ духѣ Ваккербартовской книжки; поэтому можно избавить себя отъ выписокъ для ознакомленія съ его содержаніемъ. Впрочемъ есть и отличія. Вторая, большая по объему, часть посвящена не „сходству“, а описанію „разностей“, и такъ какъ оно изложено въ видѣ двухъ цѣльныхъ очерковъ каждаго царствованія, то эту половину книги можно разсматривать какъ своего рода исторію Петра Великаго.

Въ ряду указанныхъ памятникѣвъ литературы о Петрѣ Великомъ болѣе стройное впечатлѣніе производитъ небольшая книжечка Тимоея Семеновича Мальгина ²⁾, и не потому, чтобы она избѣгла реторики и ходячихъ выраженій, или что ихъ было въ ней меньше, но потому, что вся она вылилась изъ теплаго искреннаго чувства. Авторъ, уже старикъ ³⁾, сохранилъ однако живое воспоминаніе о покойномъ государѣ: видно, что это человѣкъ болѣе раннаго, болѣе близкаго къ Петру поколѣнія, въ памяти котораго личность преобразователя вѣззалась сильно и глубоко. Вся статейка автора полна наивности ⁴⁾;

¹⁾ Въ предисловіи Голиковъ заявляетъ, что его работа въ первоначальномъ видѣ заготовлена была протоіереемъ московскаго Архангельскаго собора, П. Алексѣевымъ, имъ же, Голиковымъ, дополнена, расширена и приведена въ настоящій видъ.

²⁾ *Т. Мальгинъ*, Историческое изображеніе трехъ главныхъ достопримѣчательнѣйшихъ свойствъ или добродѣтелей всероссійскаго императора Петра Великаго. С.-Пб. 1811. 12°. 45 стр.

³⁾ Такъ самъ себя называетъ онъ въ предисловіи; родившійся въ 1752 году, онъ умеръ въ 1819 г. (*Сухомлиновъ*, Ист. Росс. Акад., V, 28).

⁴⁾ Содержаніе: главнѣйшими добродѣтелями Петра были: Вѣра, Надежда, Любовь. Первая („твердость вѣры“) доказывается апокрифическимъ приказаніемъ Петра во время пренія въ грановитой палатѣ изгнать расколъниковъ и не попустить оскорбленія церкви; вторая („мужество“) — письмомъ въ сенатъ съ береговъ Прута и умнѣемъ выпутаться изъ Прутской западни; третья („человѣколюбіе“) — спасеніемъ утопающихъ на Лахтѣ осенью 1724 года.

можно подумать, что читаешь страницу изъ Крекшина. Мальгинъ не можетъ иначе говорить о Петрѣ, какъ „со страхомъ, съ благоговѣніемъ, со слезами“ (31); восторги его превращаются въ ликованіе; „прославлять толь великаго и рѣдкаго проя“ кажется ему „однимъ дерзновеніемъ“ (2); но при этомъ читателю не приходится вѣрить на слово, и онъ безъ усилій понимаетъ, почему память великаго государя была такъ дорога русскому человѣку.

Обозрѣвая періодъ Александровскаго царствованія, нельзя опустить безъ вниманія взглядовъ Карамзина и Сперанскаго. Послѣдній прямо нигдѣ не высказывается о Петрѣ, но стоить всмотрѣться въ характеръ всей его дѣятельности, чтобы признать въ немъ ученика и горячаго послѣдователя реформы. Онъ весь отдается идеѣ заимствованія и настежь раскрываетъ двери политическимъ теоріямъ, циркулировавшимъ въ его время въ западной Европѣ. Въ его проектѣ „Организаціоннаго плана“ нашли себѣ мѣсто и принципы 1789 года, и ученіе объ аристократіи, поддерживающей равновѣсіе между націей и престоломъ, и ученіе Монтескье о раздѣленіи государственной власти, и избирательная теорія Сійэса ¹⁾).

Карамзинъ XIX вѣка перестаетъ быть авторомъ „Писемъ русскаго путешественника“. Въмѣсто горячаго поборника Петровскихъ реформъ предъ нами—авторъ „Записки о древней и Новой Россіи“, подобно Щербатову, явившійся защитникомъ родовитой аристократіи, противникомъ табели о рангахъ, осуждающій царя за униженіе русской національности, заимствованіе иноземныхъ обычаевъ, за утрату русскими добродѣтелей гражданскихъ, униженіе церкви, наконецъ, за космополитизмъ, который тотъ будто бы привилъ въ сердца русскихъ людей...²⁾ Какъ все это не похоже на горячія тирады, въ какихъ тотъ же авторъ недавно отстаивалъ дѣло Петра! Тѣмъ неожиданныѣ услышать намъ отъ Карамзина, семь лѣтъ спустя послѣ

¹⁾ *Романозичъ-Славатинскій*, Государственная дѣятельность Сперанскаго. Кіевъ. 1873.

²⁾ *Русск. Архивъ* 1870, столбцы 2251—2256. Не менѣе горячее сочувствіе старинѣ проявилъ и *Павелъ Львовъ* въ статьѣ: Примѣчаніе на древнее состояніе Россіи (Взятыя изъ введенія въ повѣствованіе о бояринѣ А. С. Матвѣевѣ) *Сынъ Отец.* 1814, ч. XIV, стр. 129—144, 189—195, 225—244 (въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ собственно только „О просвѣщеніи Россіи въ древнія времена“). Начало этой статьи (вступленіе) приведено въ брошюрѣ *Львова*: „Бояринъ Матвѣевъ“ (С.-Пб. 1815, стр. 3—6) и во второмъ изданіи послѣдней, вошедшей въ составъ книги того же автора: „Достопамятное повѣствованіе о великихъ государяхъ и знаменитыхъ боярахъ“ (М. 1821), стр. 155—158.

Записки, слова, какъ будто снова возвращающія его къ идеямъ „Писемъ русскаго путешественника“. Вотъ что говоритъ онъ въ рѣчи 1818 года по поводу избранія своего въ члены Россійской академіи: „Петръ Великій.... сдѣлалъ насъ подобными другимъ европейскимъ народамъ. Жалобы бесполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалась на вѣки... Красоты особенныя, составляющія характеръ словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей.. Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго“¹⁾.

Это колебаніе въ оцѣнкѣ реформы лучше всего показываетъ, какъ трудно еще было ориентироваться въ вопросахъ, связанныхъ съ преобразованиемъ, и отыскать общую руководящую нить. И раньше мы могли видѣть, какъ въ одномъ и томъ же умѣ уживались представленія, логически непримиримыя (Сумароковъ, Екатерина II). Но тамъ, гдѣ холодный анализъ, серьезная мысль или, спускаясь ниже, журнальная замѣтка, ходячая молва не удовлетворяютъ насъ, запрещающая признать въ нихъ яркое отраженіе возрѣвнѣй вѣка, тамъ позволительно обратиться къ корифеямъ поэтической литературы: въ нихъ, какъ въ фокусѣ, отчетливѣе и полнѣе отражаются господствующія вѣянія времени. И въ этомъ отношеніи мы не ошибемся. Пусть насъ не смущаютъ ни нападки Грибоѣдова на слѣпое подражаніе москвичей западной Европѣ, ни „Думы“ Рылѣева, согрѣтыя любовью къ старинѣ, съ ихъ желаніемъ „прославить подвиги славныхъ предковъ“²⁾,—рядомъ съ этими поэтами стоятъ иной поэтъ. Это онъ сказалъ про Петра:

Но правдой онъ привлекъ сердца,
 Но нравы укротилъ наукой,
 И былъ отъ буйнаго стрѣльца
 Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
 Самодержавною рукой
 Онъ смѣло сѣялъ просвѣщеніе;
 Не презиралъ страны родной,
 Онъ зналъ ея предназначенье.
 То академикъ, то герой,
 То мореплаватель, то плотникъ,
 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ!...

¹⁾ *Карамзинъ*, Сочиненія, изд. Смирдина, III, 648—649.

²⁾ *Рылѣевъ*, Сочиненія и переписка, подъ редакц. Ефремова, предисловіе.

Это онъ написалъ: „Мѣднаго Всадника“, „Полтаву“, „Пирь Петра Перваго“, „Арапа Петра Великаго“, и въ стихахъ полныхъ неотразимой силы и мощи нарисовалъ тотъ лучезарный нимбъ, которымъ личность Петра была окружена въ сознаниіи Пушкинскаго поколѣнія. Здѣсь, конечно, слѣдуетъ оговориться. Что отчетливо рисовалось поэту, то только въ неясныхъ образахъ представлялось толпѣ, и нужны были работы слѣдующихъ поколѣній, чтобы сорвать завѣсу со все еще неяснаго облика. Не забудемъ, что рядомъ съ Пушкинымъ встрѣчается другой поэтъ, Батюшковъ. Устами Кантемира онъ отстаиваетъ отъ сомнѣній иностранцевъ прочность Петровскихъ преобразований. Многое, по его мнѣнію, кажется неустойчивымъ только потому, что еще не успѣло пустить корней. „Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума“. Петръ создалъ въ Россіи людей. „Онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя, онъ выдѣлилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты свойственны человѣчеству“¹⁾.

Если не Батюшковъ, то Пушкинъ—современникъ двухъ царствованій и такимъ образомъ вводитъ насъ въ новую эпоху. Царствованіе Николая I есть дѣйствительно новая эпоха въ изученіи личности Петра. Если начальная четверть нынѣшняго столѣтія не только еще не произнесла послѣдняго приговора, но и вообще не оставила яркаго слѣда въ изученіи Петровской дѣятельности, то никогда еще вопросъ о Петрѣ не ставился такъ прямо, такъ рѣшительно, не затрогивался такъ глубоко, какъ въ царствованіе императора Николая. Это время такъ-называемыхъ западниковъ и славянофиловъ. Мѣрка индивидуальныхъ симпатій, кое-гдѣ развѣ перемѣшанныхъ попытками на критику, уступаетъ теперь мѣсто цѣльнымъ мировоззрѣніямъ; уже не случайная догадка, а опредѣленный принципъ кладется въ основу изученія произведеннаго переворота. Національное и общечеловѣческое вступаютъ въ ожесточенную борьбу.

Въ виду серьезныхъ положеній этихъ двухъ школъ совершенно отступаютъ на задній планъ тѣ дифирамбическіе возгласы, которые такъ часто раздавались въ прежнія царствованія. На ряду съ К. Ак-

¹⁾ К. Н. Батюшковъ, Сочиненія, изд. 1885, т. II, стр. 229, 228, въ статьѣ: „Вечеръ у Кантемира“.

саковымъ и Никитенкомъ, Хомяковымъ и Бѣлинскимъ уже не стоить упоминать о какомъ-нибудь Башуцкомъ, который девизомъ въ своей „Исторіи С.-Петербурга по день кончины Петра I“ беретъ слова изъ Библии: „земли же бѣ невидима и неустроена: и тма верку безднѣ“¹⁾; о Лузиковѣ съ его экспромтомъ: „Петръ Великій“²⁾ и проч.; похвальное слово Савостьянова съ его тупою риторикой и сплошнымъ наборомъ фразъ не прибавить, конечно, ничего новаго къ раѣе извѣстному³⁾; равно какъ не открытіемъ будетъ и фраза Олина: „Ему единому всѣмъ мы обязаны: просвѣщеніемъ, законами, славою; свяжу болѣе—самими даже благодатными для отечества царствованіями послѣдующими, какъ созрѣвшимъ уже плодомъ мудрыхъ его проразумѣній“⁴⁾. Да и количественно подобнаго рода литература начинаетъ встрѣчаться все рѣже и рѣже⁵⁾. Новое поколѣніе получило возможность взглянуть на дѣло съ иныхъ, болѣе совершенныхъ сторонъ и значительно подвинуть впередъ анализъ своей задачи.

Основные положенія западниковъ и славянофиловъ на столько общезвѣстны, что было бы излишне излагать и перечислять ихъ въ этомъ мѣстѣ. Мы ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ только сторонъ.

Однимъ изъ болѣе яркихъ представителей славянофильскаго лагеря былъ, разумѣется, Константинъ Аксаковъ. Свою теорію земли и государства, „внутренней правды“ и „правды внѣшней“ примѣняетъ онъ къ исторіи Россіи и запада. Подъ напоромъ внѣшнихъ

¹⁾ *Д. Башуцкій*, Панорама С.-Петербурга, ч. I (С.-Пб. 1834).

²⁾ *Малъ* 1844, т. XVI, 3 (сочинено въ Архангельскѣ въ 1840 году).

³⁾ *Н. М. Савостьяновъ*, Похвальное слово на сооруженіе памятника имп. Петру Первому въ г. Воронежѣ, произнесенное 30-го іюня 1834 г. *Воронежская Бесѣда* на 1861 г. Ворон. 1861, стр. 355—357.

⁴⁾ *В. Олинъ*, О рожденіи Петра Великаго. Преданіе. С.-Пб. 1835, стр. 2—3.

⁵⁾ Прямо въ примѣчаніе относимъ мы статью *В. Б(урнашова)*, Цвѣтокъ на гробъ Великаго Петра (*Отеч. Записки* 1829, ч. 39, № 112, стр. 194—242), настоящіе цвѣты краснорѣчія и восторга, разсыпанные на всеиъ пространствѣ разнообразныхъ дѣлъ великаго царя. Точна зрѣнія автора достаточно опредѣляется избранными имъ вииграомъ изъ Ломоносова: онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія! См. также *Л. П(ушкина)*, Петръ Великій (стихотвореніе, *ibid.*, 1842 г., XXIII, 152—154) — заурядная хвала; *В. П.*, Изображеніе Петра Великаго (*Смысл Отеч.* 1840, т. III, стр. 521—538), по поводу наданія портрета Петра I, работы Фросте (Петръ—это геній, все провидѣлъ, сблизилъ Россію съ Европою и т. п.); наконецъ: Петръ Великій. Историческая ораторія въ двухъ отдѣленіяхъ. Передѣланная съ нѣмецкаго *П. Г. Ободовскимъ*. Положенная на музыку *И. Л. Фужомъ*. С.-Пб. 1842. 8°, 17 стр. (стихи, по русски и по нѣмецки).

неблагопріятныхъ условій, говоритъ онъ, земля Русская, для спасенія своей земской жизни, призываетъ государство. Но именно потому, что это призывъ, а не завоеваніе, земля и государство не смѣшиваются, и государство становится не цѣлью, а средствомъ для существованія земли ¹⁾. Вотъ почему въ основѣ западно-европейскихъ обществъ, какъ созданныхъ завоеваніемъ, путемъ поработенія земли государствомъ, лежитъ насиліе, рабство и вражда; въ основѣ Русскаго государства, сложившагося путемъ добровольнаго соглашенія, лежитъ добровольность, свобода и миръ ²⁾. Порядокъ этотъ, говоритъ Аксаковъ,—существовалъ до Петра, покуда не былъ имъ уничтоженъ. Петръ оказался не только продолжателемъ, но и революционеромъ. Заимствованія полезнаго отъ иностранцевъ были и до Петра, и въ этомъ отношеніи онъ не сказалъ ничего новаго. Но „прежде принимали одно полезное отъ иностранцевъ, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началахъ своей жизни, и Россія оставалась самостоятельною. Петръ же, напротивъ, сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую жизнь иностранную, со всѣми случайными ея подробностями... Переломленъ былъ весь строй русской жизни, перемѣнена была самая система. Такимъ образомъ, даже самое полезное... стало... рабскимъ подражаніемъ. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно, насиліе, неотъемлемая принадлежность дѣйствій Петра... Поэтому преобразование Петра есть рѣшительно уже переворотъ, революція, а въ этомъ и заключается особенность и историческое значеніе его дѣла... Нѣтъ, у него не было предшественниковъ въ древней Руси“: такъ заканчиваетъ Аксаковъ развитіе своихъ положеній ³⁾.

Можно не соглашаться съ высказанными положеніями, но едва ли позволительно видѣть въ нихъ что-либо обскурантное, какъ это кричали въ періодъ ожесточенной вражды двухъ направленій. Хомяковъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей прямо говоритъ, что для нихъ, славянофиловъ, весь вопросъ въ томъ: былъ ли Петръ

¹⁾ Полное собраніе сочин. т. I (М. 1861), стр. 2—3.

²⁾ Ibidem., стр. 8—9.

³⁾ Ibidem., стр. 41, 42. По существу переворотомъ признаетъ реформу Петра и Ю. О. Самаринъ. См. его замѣчанія на статью Соловьева: „Шлегель и антиисторическое направленіе“ въ *Русск. Бесѣдѣ* 1857, III, кн. 7, стр. 102. Сравни также его оцѣнку преобразованій Петра въ сферѣ церковной: Сочиненія, V, 245—256.

полнымъ представителемъ потребностей русскаго народа—потому что частная правда его дѣла ими никогда не отвергалась. А такъ какъ таковымъ (то-есть, полнымъ) представителемъ не въ силахъ быть ни одинъ, даже великій дѣятель, будетъ ли это Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Фридрихъ II, ибо всѣ они только отчасти, нѣкоторыми сторонами выполняли потребности своего времени, то ясенъ выводъ и по отношенію Петра ¹⁾.

Было время, когда тѣ же славянофилы высказывали мысли, очень близкія къ воззрѣніямъ противоположной школы. Такъ, напримѣръ, Ив. В. Кирѣевскій въ 1830 г. замѣчаетъ: хотя европейское просвѣщеніе начало вводиться у насъ и до Петра, но очень слабо, „мало по малу и отрывисто, отчего, по мѣрѣ своего появленія въ Россіи, оно искажалось вліяніемъ нашей пересиливающей національности“. Правда, переворотъ Петра „былъ не столько развитіемъ, сколько переломомъ нашей національности; не столько внутреннимъ успѣхомъ, сколько внѣшнимъ нововведеніемъ“; но это было неизбѣжно: своей образованности у насъ не было, а будучи заимствована, она должна была вступить въ борьбу съ чуждою ей русскою національнію. Если и есть что въ поступкахъ Петра такого, чего желательно было бы избѣгнуть, то все выкупаетъ та образованность, какую внесъ онъ въ Россію ²⁾.

Въ томъ же духѣ высказывается и Хомяковъ въ 1839 году: я знаю, писалъ онъ,—что въ Россіи, какую засталъ ее Петръ, „хранилось много прекрасныхъ истинннковъ... что мы попрали святія истины равенства, свободы и чистоты церковной; но нельзя не признаться, что всѣ лучшія начала не только не были развиты, но еще были совершенно затемнены и испорчены въ жизни народной, прежде чѣмъ законъ коснулся ихъ мнимой жизни“ ³⁾.

Вообще нельзя не замѣтить, что причина спора между западниками и славянофилами въ значительной степени коренилась во взаимномъ непониманіи. Идея просвѣщенія нерѣдко смѣшивалась съ характеромъ самаго просвѣщенія. Въ пылу спора обѣ стороны не хотѣли или не могли понять, что для каждой изъ нихъ одинаково дорого просвѣщеніе, свѣтъ истины. Въ этомъ отношеніи любопытно сопоставить взгляды Бѣлинскаго и Ив. В. Кирѣевскаго.

¹⁾ Хомяковъ, Сочиненія, М. 1861, т. I, стр. 589. Писано въ 1857 году.

²⁾ Кирѣевскій, Сочиненія, т. I, стр. 81, 83, въ статьѣ: „Девятнадцатый вѣкъ“.

³⁾ Хомяковъ, Сочиненія, т. I, стр. 365, въ статьѣ: „О старомъ и новомъ“.

Бѣлинскій, западникъ, положительную сторону реформъ видитъ въ томъ, что Россія изъ державы неподвижной и оцѣпенѣлой выведена была на путь развитія и измѣненій. Сознывая, что прогрессъ немислимъ безъ оживленной дѣятельности, онъ за то такъ и цѣнить Петра, что послѣдній далъ возможность старое содержаніе замѣнить новымъ, лишь только въ послѣднемъ стала чувствоваться необходимость. „Именно потому-то“, говоритъ онъ,—„и нельзя полагать, что Петръ искажилъ русскую жизнь и насильно совершилъ свою реформу“. Петръ, по мнѣнію талантливаго критика, даже и не пересоздалъ народа, а только „вывелъ его изъ кривыхъ, избытыхъ тропинокъ на столбовую дорогу всемірно-исторической жизни“. Медлить сближеніемъ съ Европою было нельзя, а сближеніе было немислимо „безъ насильственной реформы и отторженія, хотя бы и временнаго отъ старины“¹⁾.

Если параллельно съ этими мыслями прочитать статью Кирѣевскаго: „О характеръ просвѣщенія Европы и его отношенія къ просвѣщенію Россіи“, статью, которую можно считать наиболѣе яркимъ отраженіемъ взглядовъ славянофильскаго кружка,—то не борьбу со знаніемъ найдемъ мы, а только желаніе указать несходство тѣхъ началъ, на какихъ развилась жизнь запада и Россіи. Эти начала авторъ сводитъ къ тремъ элементамъ. Христіанство проявилось на западѣ и востокѣ въ формахъ по существу несходныхъ; образованность древне-классическаго міра была воспринята западною Европою и Россіей не вполне: каждая остановилась на одной какой-либо сторонѣ и только ее и развивала; наконецъ, государственнй бытъ сложился тоже не одинаково: на западѣ путемъ завоеванія, на востокѣ путемъ мирнаго соглашенія²⁾.

Но если теперь, на разстояніи почти полувѣка, многое рисуется намъ въ иномъ свѣтѣ, то въ ту пору теорія „гнилаго запада“, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она понималась современниками, вызывала ожесточенную распрю и, безъ всякаго сомнѣнія, въ значительной степени обуславливала потребность особенно рельефно оттънить заслуги преобразовательной эпохи.

Западническое увлеченіе Петромъ въ литературѣ Николаевскаго времени, быть можетъ, никто не доводилъ до такой крайности,

¹⁾ *Бѣлинскій*, Сочиненія, IV, 333, 387, 399, 386, 391, 388.

²⁾ *Кирѣевскій*, Сочиненія, II, 238—240.

какъ профессоръ Никитенко ¹⁾. Его похвальное слово Петру ²⁾ на столько характерно, что на немъ стоитъ остановиться подольше.

Авторъ не дерзаетъ чертить исполинскій образъ царя, а хочетъ принести лишь одну дань благоговѣнія; да и къ чему раскрывать славу его дѣлъ, когда она и безъ того глубоко запала въ памяти и сердцахъ нашихъ? „Петръ Великій есть одно изъ тѣхъ необычайныхъ явленій нравственнаго міра, коихъ изученіе составляетъ задачу для мудрыхъ и кои только отважному взору генія допускаютъ коснуться глубокой тайны своихъ силъ и начинаній“ (стр. 6). „Исторія“ по справедливости „назвала Петра величайшимъ изъ людей, коихъ имена когда-либо она принимала на свои страницы“: слава завоевателя, властителя обширныхъ владѣній, слава великаго мужа, повелѣвающаго

¹⁾ Сравни. однако Ѳ. *Морошкина*, Объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. М. 1839: Петръ былъ—„посланникъ неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій... Дивное явленіе! отъ сложенія міра не бывало такого государя! Говорятъ, что крутость его ума и воли происходила отъ того, что онъ не получилъ надлежащаго воспитанія; но, Боже мой! какая наука могла ограничить эту алмазную душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзные мышцы воли? Если природа должна была уступать ему, то чтожь могла сдѣлать изъ него наука?“ (стр. 60—62). Точно также и у *Н. А. Полевая*: „Петръ Великій былъ творецъ величія и могущества Россіи.... вдохнулъ русскому царству новую жизнь и началъ его всемірную исторію.... Избранникъ Божій.... онъ убѣдился съ юныхъ лѣтъ въ необходимости воинскихъ силъ для крѣпости и могущества государства“ (Русскіе полководцы или жизнь и подвиги рос. полководцевъ, отъ времени импер. Петра Великаго до царствованія импер. Николая I. С.-Пб. 1845, стр. 21—23). Настоящіе дѣятели въ духѣ XVIII вѣка произносятъ *тотъ же* писатель въ другомъ мѣстѣ: „Геній его (Петра) могутъ постигнуть только или благоговѣнное удивленіе, или умъ, всматриваній изученіемъ исторіи и глубокою думою о судьбѣ человѣчества.... непостижимѣе всѣхъ ихъ (явленій исторіи) Петръ—одно изъ самыхъ огромнѣйшихъ явленій человѣчества.... Будетъ время, когда Петръ сдѣлается знаменіемъ величія для историка, великою тайною провидѣнія для философа. А для народа русскаго? О, храмъ славы Петра будетъ безмѣренъ, когда въ предверіи его станутъ племена полушарія и гимнъ благоговѣнія выдетъ предъ изображеніемъ его отъ конецъ земли, и во прахъ лягутъ предъ нимъ безсильная зависть и высокоумная систематика Запада!“ (О бумагахъ и запискахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ его собственномъ кабинетѣ. Сто русскихъ литераторовъ, томъ I (С.-Пб. 1839), стр. 529, 533.

²⁾ *А. Никитенко*, Похвальное слово Петру Великому, императору и самодержцу всероссійскому, отцу отечества, произнесенное въ торжественномъ собраніи Императорскаго С.-Пб. университета, марта 25-го дня 1838 года. С.-Пб. 1838. 8°. 23 стр.

умами людей („вожда умовъ“), она ниже славы того, кто просвѣтилъ свой народъ и создалъ нравственный порядокъ. Заслуги Петра не въ томъ, что онъ увеличилъ существовавшія силы новыми силами; нѣтъ, онъ сдѣлалъ гораздо большее: дѣятельность его—„это цѣлое, полное міротвореніе! Изъ того, что онъ создалъ, ничего не существовало и что онъ создалъ, обречено вѣчному существованію. Не измѣряйте однимъ царствованіемъ пребыванія его на земли: въ его біографіи преднаписана исторія многихъ царствованій. Онъ столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго; скорѣе не ставьте вѣковъ для совершенія его предначертаній, чѣмъ истощится богатство послѣднихъ“ (7). Благодаря Петру, на нашу долю выпала завидная „честь существовать по человѣчески и право возвышать и облагодѣлывать свое существованіе всѣми нашими силами матеріальными и нравственными“ (10). Петръ—источникъ всѣхъ тѣхъ разнообразнѣйшихъ благъ, которыми мы пользуемся нынѣ (*ibid.*)... Авторъ спѣшитъ предупредить вопросъ: „не надлежало ли намъ идти медленнѣе по новому пути“?—и даетъ отрицательный отвѣтъ: „это значило бы“, говоритъ онъ,—„отваживать будущность новаго порядка вещей и самую будущность государства на невѣрное покровительство удачи и случая“ (11). Нельзя было медлить, когда вокругъ возникали могущественныя державы. Что стало бы съ нами, еслибъ побѣдилъ Карлъ XII? еслибъ Наполеонъ I встрѣтилъ въ насъ одно только мужество, но безъ знанія (11—12)? „Нѣтъ, Петръ Великій не только просвѣтилъ Россію, но спасъ ее,—спасъ, потому что просвѣтилъ!“ (12)

Очертивъ значеніе Петра для Россіи, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ его, какъ дѣятеля всемірнаго. И здѣсь заслуги императора представляются ему не менѣе серьезными. Сближеніе Россіи съ западною Европой было благотворно не только для нашего отечества, но и для сосѣдей. „Оживотворивъ своимъ дыханіемъ“ Россію, Петръ „возвратилъ ее человѣчеству. Свѣжія энергическія силы влились мгновенно въ ослабѣвшее тѣло Европы,—и міръ получилъ новаго двигателя образованности еще неутомленнаго и непресыщеннаго успѣхами, готоваго усвоить себѣ, возрастить и пронести въ концы его все великое и прекрасное, все человѣческое, кромѣ оболоченій ложной истины“ (12—13). Мы съ избыткомъ отплатили Европѣ за ея услуги, вырвавъ ее „изъ кровавыхъ рукъ мужа судьбы (Наполеона), научивъ сражаться за свою независимость и благодѣлать побѣдою“; а въ эпоху диваго разгула политическихъ страстей, поддерживая колеблющіяся „троны и союзы общественныя“ (13—14). „Россія торжественно

слагаетъ съ себя вину предъ человѣчествомъ, что она не принимала участія въ судьбѣ его; она разомъ заплатила ему всѣ свои долги—она принесла ему въ даръ Петра“ (14).

Вторая половина рѣчи Никитенка посвящена анализу собственно личности Петра Великаго. Хотя и здѣсь встрѣчаются увлеченія, нерѣдко переходящія въ гиперболизмъ, но есть и нѣсколько очень мѣткихъ указаній. Характеръ царя, конечно, отнесенъ ораторомъ къ числу столь же необычайныхъ, какъ необычайно величіе самихъ дѣлъ его. „Идеи его были выше понятій его народа; но, подобно небу, котораго предѣлы кажутся отовсюду слитыми съ предѣлами земли, эти идеи всею внутреннею силою своею опирались на народныхъ правахъ и судьбѣ. Куда бы вы ни пошли по путямъ народной нашей дѣятельности, вы вездѣ будете подъ этимъ небомъ; васъ вездѣ обхватитъ горизонтъ этого дивнаго ума, и между тѣмъ вы будете чувствовать, что надъ вами горитъ солнце и блеститъ звѣзды вашей святой отчизны. Онъ есть въ высочайшей степени представитель своего народа. Онъ впиталъ въ себя вдругъ съ исполнскою силою всю его жизнь и, переработавъ ее въ нѣдрахъ своей души, возвратилъ ее тому же народу въ лучезарныхъ потокахъ свѣта и славы“ (стр. 15). „Онъ (русскій народъ) принялъ отъ Петра свой умъ, свою нравственную силу и свои руки“ (стр. 16). „У другихъ, также мужей знаменитыхъ, вы находите умъ, какъ бы вылитый въ извѣстную форму человѣческаго образованія, умъ, такъ сказать, извѣстной эпохи; вы видите, что онъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ предразсудковъ. Такіе умы бываютъ представителями одной идеи и осуществляютъ ее одну въ своихъ подвигахъ. Въ умѣ Петра, напротивъ, нѣтъ никакой наклонности къ утвердившимся понятіямъ или установленному способу соображенія: это чистый, если можно такъ выразиться, стихійный умъ, какинъ бываетъ онъ въ нѣдрахъ самой природы, прежде чѣмъ мы испортимъ его ложнымъ ученіемъ, суетнымъ и страстями нашими,—умъ человѣческій, безъ примѣси того, что происходитъ отъ вѣковыхъ навыковъ. Для его дѣятельности какъ будто нѣтъ условныхъ формъ времени или мѣста. Для него существуетъ одна форма—истина и ясность. Казалось, отъ его мысли отпадали весь обыкновенный снарядъ обсуживанія, всѣ эти топическія дѣйствицы, по коимъ мы медленно и оступью подвигаемся къ истинѣ, однимъ мѣткимъ ударомъ ума своего онъ разбивалъ въ дребезги кору, облекающую сущность вещей, и вещи послушно предавали ему глубочайшія свои тайны, коихъ тщетно домогались другіе. Въ одно и то же время

необъятный, какъ Россія, и удобовѣстимый въ самой мелкой подробности, этотъ дивный умъ равно изумителенъ въ силѣ своего расширенія и въ силѣ сжатости своей“ (стр. 17—18).

Таковъ нашъ великій царь. Но, что же сдѣлало его таковымъ? Примѣнимо ли къ нему обычное представленіе о томъ, что великіе люди „приготавливаются предшествующими событіями“ (стр. 19)? „Гдѣ его предтеча?... Было ли до него пробуждено хоть въ одномъ умѣ ясное сознаніе необходимости новаго порядка вещей?“ Авторъ рѣшительно отвѣчаетъ на это: нѣтъ. „Не было ни одного стремленія въ его пользу, ни одного начатка.... Все надлежало создать самому: цѣли, средства, людей,—самого себя... Общество ничего ему не дало ни для его намѣреній, ни для генія... Петръ все получилъ или отъ неба, или отъ себя самого... Его умъ и воля—дары провидѣнія; знаніе онъ исторгъ силою изъ рукъ непріязненной судьбы“ (стр. 20). Рисуя Петра неземнымъ титаномъ, Никитенко совершенно послѣдовательно говоритъ дальше: „это уже не монархъ-повелитель: это Божій посланникъ, принесшій милліонамъ людей слово истины и себя, какъ образецъ для послѣдованія“ (стр. 21).

Но, поднимаясь все выше и выше по лѣстницѣ восторга и удивленія, авторъ отыскиваетъ еще новую ступень. Онъ задается вопросомъ: если указанными свойствами дѣяній и характера Петра легко объяснить чувство благоговѣнія, то гдѣ источникъ нашей любви къ Петру? Одного удивленія еще мало, чтобъ обожать, а между тѣмъ Петръ, „не смотря на строгія черты своего лица“, поработилъ не только умъ, но и сердца наши? Источникъ этотъ — безпредѣльная любовь царя къ отечеству, готовность жертвовать собою для блага родины (стр. 21—22). „Но здѣсь нѣтъ уже мѣста никакому разбирательству, никакому суду. Петръ является намъ въ полномъ свѣтѣ самой чистой, прекраснѣйшей славы. Мы радостно войдемъ въ пантеонъ великихъ мужей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, и съ гордостью падемъ предъ нетлѣннымъ образомъ Петра“ (стр. 22)... „Здѣсь прекращаю мое слово.... Здѣсь можно только молиться“ (стр. 23). Молитвеннымъ обращеніемъ авторъ дѣйствительно и заканчиваетъ свою рѣчь. Онъ взошелъ на самую верхнюю ступень своей лѣстницы.

Рѣчь Никитенка, разумѣется, встрѣчена была весьма сочувственно единомышленниками ¹⁾ и очень враждебно въ противоположномъ ла-

¹⁾ Сравни, напримеръ, *Бѣлинскій* (VII, 412): „образцовое произведеніе, полное здравыхъ мыслей“.

герѣ. Всего сильнѣе напалъ на нее журналъ *Маякъ* въ лицѣ своего сотрудника В. Бѣлаго ¹⁾). Излагать его возраженія мы не будемъ; въ нихъ повторялось то же, что и обыкновенно въ ту пору писалось по адресу западниковъ: доказывалось примѣрами, что и древняя Русь не безъ доблестей, знаній, съ пониманіемъ необходимости новаго порядка вещей; что Петръ не могъ быть великимъ представителемъ Россіи, если до него не было великаго представляемаго и т. п. (стр. 99—110). „Дерево русской образованности“ еще до Петра приносило добрые плоды, хотя и медленно готовившіеся. Петръ же „взрыхлилъ только почву, корни окопалъ гноемъ, отребилъ бесплодное и сухое рождіе, подвизалъ вѣтви, угрожавшія отяжелѣть плодами—и вотъ мы радуемся дереву и плодамъ его! Но дерево было до Петра; при Петрѣ былъ собственно только цвѣтъ его, изумительный, роскошный“ (стр. 115) ²⁾).

Борьба западниковъ съ славянофилами принесла несомнѣнную пользу: она выяснила два основныхъ принципа, которые должны лечь въ основу всякаго историческаго мышленія,—а именно: развитіе общества, переходъ изъ одного состоянія въ другое долженъ совершаться путемъ заимствованія; чѣмъ тѣснѣе духовное единеніе одного народа съ другимъ, тѣмъ обезпеченнѣе и самый прогрессъ; не механическое сочетаніе слагаемыхъ—народностей составляетъ сумму—человѣчество, а каждая нація есть органическая часть великаго цѣлаго. Но все это не только не мѣшаетъ самостоятельному существованію каждой національности въ отдѣльности; но даже обязываетъ

¹⁾ В. Бѣлый, Древніе и новѣйшіе судьи дѣяній Петра Великаго. *Маякъ* 1844, т. XVIII, глава IV (притика), стр. 79—115.

²⁾ Какъ противовѣсъ рѣчи Никитенка, Бѣлый ставитъ похвальное слово *Ломосова*, которое и перепечатывается въ передачѣ на современный языкъ (26-го апрѣля 1755 г. въ Петербургѣ. *Маякъ* 1844 г., т. XVII, стр. 38—62). Въ *Маякѣ* же появилось, въ переводѣ А. Зражевской, похвальное слово *Фонтенелля* (*Маякъ* 1840 г., часть IV, стр. 101—122). Сочувственно относясь къ основнымъ положеніямъ французскаго академика, редакция снабдила переводъ многочисленными примѣчаніями (А. В. Висковатова, Полеваго (изъ Очерковъ русской литературы) и своих), гдѣ опровергала взглядъ Фонтенелля на до-Петровскую Русь, какъ невѣжественную и лишенную добродѣтелей. Сравнительно съ переводомъ Воинова въ новомъ допущены два несущественныхъ пропуска (*Маякъ*, 120, срав. *Воиновъ*, 64). С. П. Шевыревъ, ничего по существу не возражая противъ Никитенка, находилъ только неудобнымъ помѣщать въ „Полной русской хрестоматіи“ Галахова, предназначенной для юношества, нѣкоторые выраженія. Неужели, замѣчалъ онъ,—русскій народъ до Петра Великаго не имѣлъ „чести существовать по человѣчески?“ (*Москвитянинъ* 1843 г., № 6, стр. 525—526).

ее каждое заимствованіе предварительно провести черезъ горнило своего національнаго духа и крѣпко держаться традицій, не формъ, а именно традицій старины.

Впрочемъ, въ сороковыхъ годахъ еще не время было дѣлать такіе выводы. Въ пылу полемики обѣ стороны старались только отмѣтить свои противоположности и тѣмъ болѣе не допускали и мысли о какихъ-нибудь точкахъ соприкосновенія. А между тѣмъ таковыя существовали, и ихъ было даже больше, чѣмъ это могло казаться на первый взглядъ. Дѣло въ томъ, что обѣ школы выходили изъ основаній отвлеченныхъ, теоретическихъ; фактическое изученіе Петровскаго царствованія въ размѣрахъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ все еще оставалось дѣломъ будущаго, и таинственную завѣсу не сдернулъ еще никто. Вотъ почему, когда настала пора непосредственнаго знакомства съ фактами, односторонность и общая обѣимъ школамъ беспочвенность воззрѣній неизбежно должна была раскрыться ¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ еще нѣкоторыя наиболее замѣчательныя статьи. Такъ *Н. А. Полевой* помѣстилъ въ *Русск. Вѣстникѣ* 1841, № 1, стр. 95 — 134 статью: „Европа, Россія и Петръ Великій“, основная мысль которой такова: Россія по географическому своему положенію есть посредникъ между Европою и Азією. Но чтобы стать живительнымъ началомъ для Запада, слѣдовало совершиться преобразованію. Еще въ 1689 г. мы не были готовы для такого подвига. Но providѣніе послало Петра—и Россія исполнила свою высокую миссію.—Для годичнаго собранія Академіи Наукъ 29-го декабря 1842 г. *Устряловымъ* была приготовлена (но не прочитана) рѣчь: „О состояніи Россіи предъ восшествіемъ на престолъ Петра Великаго“ (*С.-Петербур. Вѣдомости* 1843, №№ 11, 12, 13). Авторъ оспариваетъ мысль Карамзина, признававшаго, что Россія и безъ внезапнаго, крутаго переворота, а сама собою достигла бы нынѣшняго своего благосостоянія. Правда, замѣчаетъ Устряловъ, въ Россіи и до XVIII столѣтія были хорошія стороны, прежде всего православіе и самодержавіе; но за то была и та косность, то невѣжество, то неуваженіе къ закону, та беспомощность по отношенію къ сосѣдямъ, парализовать которыя необходимо было возможно скорѣе (Рѣчь эта впоследствии цѣликомъ вошла въ „Исторію царствованія Петра Великаго“, т. I, введеніе, глава: *Россія до Петра В.*, стр. XI—XXX.—*С. П. Шевыревъ* провелъ параллель между Петромъ и Ломоносовымъ (вошла въ составъ „Академическихъ бесѣдъ въ 135 верстахъ отъ Москвы“. *Москвитинимъ* 1844, № 10, стр. 346—358), указывая, во первыхъ на то, что послѣдній есть необходимое слѣдствіе и дополненіе перваго, и во вторыхъ, на *двойственность*, съ какою представляется намъ царь въ своихъ поступкахъ: такъ, на примѣръ, *въ религии* онъ допускаетъ осмѣяніе (всеявянѣйшій соборъ) и въ то же время ревностно защищаетъ православіе (Сорбонна), оставаясь и самъ глубоко религіознымъ; *въ народности* — преслѣдуетъ національную одежду, покровительствуетъ

Новый поворотъ въ изученіи первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка наступаетъ со времени вступленія на престолъ императора Александра II. Общее оживленіе сказалось и на литературѣ Петровскаго вопроса. Старыя воззрѣнія, конечно, еще не сошли со сцены; напротивъ, съ прежнею энергіею продолжаютъ они защищать свои положенія... Устряловъ въ „Исторіи царствованія императора Петра Великаго“ выступить такимъ же колѣнопреклоненнымъ предъ образомъ Петра, какъ и Никитенко; и въ то же время, напримѣръ, И. Д. Бѣляевъ совершенно въ духѣ крайнихъ славянофиловъ нападетъ на царственного реформатора ¹⁾; да и наиболѣе изъ видныхъ представителей славянофильскаго лагеря—К. Аксаковъ, Хомяковъ—покинуть перо не тотчасъ послѣ 1855 года; тѣмъ не менѣе новая струя даетъ себя чувствовать все сильнѣе и замѣтнѣе.

Болѣе близкое знакомство съ XVII вѣкомъ начинаетъ понемногу раскрывать черты, роднившія его въ глазахъ людей XIX вѣка съ вѣкомъ Петра. Самъ Бѣлинскій уже замѣчалъ, что „потребность преобразованія сильно обнаружилась еще въ царствованіе Алексія Михайловича, и уничтоженіе мѣстничества при царѣ Θεодорѣ Алексіевичѣ было тоже слѣдствіемъ этой потребности“ ²⁾. Кавелинъ въ 1846 году говорилъ, что реформа подготовлена всѣмъ предыдущимъ бытомъ; она дѣйствовала круто, но иначе не могла. Петръ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ, онъ хорошо зналъ свою Россію ³⁾. Возражая противъ господствующаго убѣжденія, Горскій доказывалъ, что Россія не есть созданіе Петра, только довершившаго то, что сознавали и начали дѣлать его предшественники ⁴⁾.

На прочныхъ основаніяхъ развилъ эту мысль С. М. Соловьевъ. Онъ показалъ, что XVII вѣкъ, хотя и медленно, хотя и незамѣтно для самого себя, но шелъ къ той же цѣли, которую разрѣшилъ

иновѣдцамъ, а между тѣмъ рѣчь его съ чисто русскими оборотами, онъ прекрасно знаетъ Св. Писаніе, прилагаетъ большія усилія засадить русскую науку, заводитъ сношенія съ славянскими народностями; въ самомъ характерѣ царя много народнаго юмора (Сопоставленіе Ломоносова съ Петромъ вышло довольно слабымъ и мѣстами натянутымъ).

¹⁾ *И. Бѣляевъ*, Русское общество при Петрѣ Великомъ. *Дневн.* 1864, №№ 2, 3.

²⁾ *Бѣлинскій*, Сочиненія, IV, 398.

³⁾ *Кавелинъ*, Сочиненія, I, 369—371.

⁴⁾ *С. Горскій*, Объ историч. значеніи царствованія Алексія Михайловича (Казань. 1857), стр. 1—7.

Петръ Великій; что переломъ былъ необходимъ, неизбеженъ, вытекалъ изъ самаго порядка вещей, и что поэтому одинаково неосновательны были и lamentaціи славянофиловъ, и восторги западниковъ: Петръ совершалъ реформу не потому, что хотѣлъ разорвать связь съ прошлымъ и не потому, что хотѣлъ ввести въ жизнь какія-то общечеловѣческія начала: его реформа разрѣшала чисто національныя задачи,—и ничего больше ¹⁾.

Взглядъ знаменитаго историка, можно сказать, и до сихъ поръ остается краеугольнымъ камнемъ нашихъ возрѣній на Петра Великаго. Не послѣднее значеніе имѣеть и то, что столь глубокой знатокъ до-Петровской старины, какъ И. Е. Забѣлинъ всецѣло принимаетъ освѣщеніе московскаго профессора. Нѣмецкій стиль переворота, говоритъ онъ,—не въ состояніи скрыть вполне народной сущности реформы: „Мы осуждены давно уже и за долго до Петра жить такъ, какъ живетъ Европа, а не такъ какъ жили наши предки“ ²⁾. Въ то же время мы видимъ, что основныя положенія Соловьева находятъ дальнѣйшее развитіе; такъ, напримѣръ, Е. Е. Замысловскій особенно подчеркнул тотъ фактъ, что сближеніе съ западною Европой началось у насъ еще до Петра ³⁾.

Но прежде чѣмъ взглядъ Соловьева завоевалъ себѣ право гражданства ⁴⁾, Петровская историографія пережила полосу, правда, непродолжительную, но довольно яркую.

Дѣло въ томъ, что когда, со второй половины пятидесятихъ го-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, томы 13—18. М. 1863—1868.

²⁾ И. Е. Забѣлинъ, Опыты изученія русск. древностей, I, 86, 347. Сравн. 351.

³⁾ Е. Е. Замысловскій, О значеніи XVII вѣка въ русской исторіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1871, № 52, стр. 178.

⁴⁾ Сравн. М. К. (Н. Я. Аристовъ), Взглядъ г. Соловьева на реформу Петра (Отеч. Записки 1865, № 3 (евр. кн. 1), стр. 497—520: Соловьевъ наложилъ-де густыя краски на недостатки XVII вѣка (509). Еще сильнѣе расходится съ авторомъ „Исторіи Россіи“ тотъ же критикъ въ другой своей статьѣ (Отечест. Записки 1867, № 2, т. 170, стр. 96—122). Журналъ Учитель (редакція Паульсона и Весселя) въ руководящей статьѣ (1861, № 1) отрицалъ почти всякое вліяніе реформы на жизнь народную; послѣдняя продолжала будто бы идти прежнею дорогою; ельетонскія С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (1861, № 218: Литературная глетопись) разбираетъ эту статью, не только раздѣляетъ ея мысль, но и указываетъ, что готовныя формы запада занесены были на чужую почву, что реформа разъединила народъ съ образованнымъ обществомъ и т. п. Н. Я. Аристовъ говоритъ о тѣхъ же „готовыхъ иностранныхъ плодахъ“, внесенныхъ „безъ всякаго соображенія съ народными стремленіями“ (О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи. Учен. Записки Казанск. Univ. 1868, вып. I, стр. 11—12).

довъ, печати стали доступны историческіе факты XVIII вѣка, считавшіеся до той поры подъ запретомъ цензуры, то частью подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, охватившихъ тогдашнее общество, частью на основаніи этихъ новыхъ фактовъ, раскрывавшихъ многія неприглядныя стороны прошлаго столѣтія,—Петра Великаго стали осуждать во имя началъ гуманности, нравственности и свободы. Въ этомъ осужденіи ничего общаго не было съ критикою славянофиловъ, подобно тому какъ и раньше критики въ Екатерининское царствованіе и раскольники-бородачи выходили не изъ одинаковыхъ основаній. Теперь Петра винили въ томъ, что онъ купилъ осуществленіе реформы слишкомъ дорогою цѣною, „скасовывая“ сотнями и тысячами своихъ враговъ, что слишкомъ жестокія мѣры должны были озлобить и огрубить народъ, поколебать успѣхъ самаго дѣла. Формы государственнаго устройства стали казаться слишкомъ жесткими, требованія правительства—порабощавшими свободу гражданъ. Задавали вопросъ: не слишкомъ ли приподнять былъ пьедесталь, на который поставили царя? Преобладающее направленіе, охватившее тогдашнее общество и такъ ярко отражавшееся въ современной печати, въ значительной степени объясняетъ успѣхъ этихъ воззрѣній, хотя и подкрѣпленныхъ фактами, но разработанныхъ односторонне и совершенно неправильно.

Типичнымъ представителемъ этого направленія былъ М. И. Семевскій ¹⁾. Онъ далъ рядъ статей ²⁾, въ которыхъ Петръ рисуется преимущественно человѣкомъ жестокимъ, невоздержнымъ и безчеловѣчнымъ. За пьянствомъ и казнями авторъ проглядѣлъ истиннаго Петра. Какой впрочемъ уже и въ то время оцѣнки дождался г. Семевскій, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного его критика: „Историкъ сдѣлался лѣтописцемъ всѣхъ казней и пытокъ дѣйствительно грознаго времени преобразованія, онъ съ наслажденіемъ рисуетъ ихъ картины, кропотливо собираетъ изъ всѣхъ доступныхъ ему источниковъ все, что только можетъ служить къ обвиненію Петра и къ оправданію его жертвъ, или вовсе не подвергая этихъ извѣстій, писанныхъ часто подъ вліяніемъ ненависти и предразсудковъ, никакому критическому разбору, или комментируя ихъ самымъ

Semenovskii

¹⁾ Сравни также *Z (А. Циммерманъ)*, Фрейлина Гамильтонъ. *Своерн. Пчела* 1860, №№ 73, 85. Заповѣдальнымъ отголоскомъ подобныхъ же воззрѣній была статья *В. В. Андреева*: Знаніе, мысль и слово въ Россіи во времена имперіи. Петръ I. Нравственный уровень Петра (*Всемирн. Трудъ* 1871, № 1, стр. 1—21).

²⁾ См. перечень ихъ въ его же книгѣ: Слово и Дѣло, изд. второе, стр. 343, 344, 349.

недобросовѣстнымъ (?) образомъ. Напротивъ, все, что только служить къ оправданію Петра, подвергается его сомнѣнію, перетолковывается въ дурную сторону, или вовсе даже оставляется безъ вниманія. Что ему за дѣло, что эпоха Петра была эпохой перелома въ жизни государственной и общественной, что подобныя эпохи никогда и нигдѣ не давались даромъ, особенно же при такихъ условіяхъ, при которыхъ происходила реформа Петра. вмѣсто оцѣнки общей дѣятельности Петра, вмѣсто опредѣленія отношенія его времени къ предшествовавшему и послѣдовавшему быту Россіи, г. Семеновскій занимается только жалкою игрою въ слова „великій“, „геніальный“, „премудрый“, употребляемымъ въ ироническомъ смыслѣ; мы говоримъ жалкою, потому что истинный историкъ позволить снять съ извѣстнаго лица маску величія, если потомство, по убѣжденію его, несправедливо кого-либо имъ наградило, но никогда не позволить себѣ издѣваться надъ титуломъ, утвержденнымъ приговоромъ потомства въ лицѣ дѣлаго міра, имѣя только въ пользу своего мнѣнія одни жалкіе факты, разсматриваемые съ односторонней точки зрѣнія“¹⁾).

Эта выдержка, хотя и не лишена полемическаго задора, показываетъ, что и въ пору своего возникновенія новая точка зрѣнія встрѣтила достойный отпоръ. Въ противоположность западникамъ и славянофиламъ, теперь не станутъ уже отрицать вредныхъ сторонъ преобразованія: признаютъ жестокость царя, незаконность пытокъ надъ царевичемъ Алексѣемъ послѣ его осужденія²⁾; согласятся, что при Петрѣ пролито было не мало крови³⁾; не всѣ его воззрѣнія примутъ⁴⁾ и т. д.; но въ то же время объяснять эту грубость вліяніемъ среды⁵⁾, ненормальными условіями воспитанія⁶⁾; напоминать, что тѣ же нравы существовали и на западѣ⁷⁾, что ба-

¹⁾ Н. В. Покровский, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Миръ* 1861, № 82, стр. 1374.

²⁾ К. Задлеръ, Опытъ историческаго оправданія Петра I противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. С.-Пб. 1861, стр. 24, 76—77. Сравн. 69.

³⁾ Г. Шишкинъ, Панегиристы и порицатели Петра В., *Русское Слово* 1861, № 7, стр. 2.

⁴⁾ Н. Покровский, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Миръ* 1861, № 72, стр. 1210.

⁵⁾ Шишкинъ — *Русское Слово* 1861, № 7, стр. 10.

⁶⁾ Ibidem, № 8, стр. 21 слѣд.

⁷⁾ Задлеръ, 16—22; Шишкинъ, № 7, стр. 19—20.

тоги и лютая казнь для той поры были явленіями обиденными ¹⁾. Поэтому — скажутъ — ошибочно измѣрять событія прошлаго времени гуманнымъ аршиномъ современной поры, иначе это будетъ не судъ исторіи, а Шемакинъ; можно не быть апологетомъ Петра и все-таки признавать, что историческихъ дѣятелей надо судить въ связи съ условіями ихъ времени ²⁾.

Вообще можно замѣтить, что шестидесятые годы, не удовлетворяясь старомъ постановкою вопроса, пытаются выработать новую. Противникъ славянофиловъ, Н. В. Покровскій видитъ крайности и у западниковъ, которые, по его мнѣнію, напрасно возводили Петровское государство на степень какого-то государственнаго идеала. Значеніе реформы, по его мнѣнію, болѣе отрицательное, чѣмъ положительное. Петръ хотѣлъ уничтожить старое Московское государство и достигнуть этого, „положилъ основной камень Россіи, но не могъ придать ей формъ окончательной отдѣлки“ за недостаткомъ времени. Вернуться къ старому порядку мы уже не можемъ; „но въ самой поспѣшности, въ самой быстротѣ реформы, обусловившейся гениальностью одного человѣка, заключалась уже недолговѣчность созданнаго имъ новаго положенія, и для Петровской эпохи пробилъ нынѣ часъ, какъ нѣкогда пробилъ онъ для эпохи московской, и она, съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, готова отойти въ вѣчность, не показавъ намъ идеала общества, но составивъ необходимое звено въ развитіи русскаго народа“ ³⁾.

Но всѣ попытки подобнаго рода объясненія реформы оставляютъ по прежнему желать лучшаго. Еще въ сороковыхъ годахъ Кавелинъ правильно объяснялъ отсутствіе послѣдняго слова о Петрѣ „тѣмъ, что мы еще почти современники великаго и едва только начинаемъ освобождаться изъ подъ непосредственнаго вліянія реформы, имъ произведенной. Для насъ эта реформа не есть еще вполне прошедшее, на которое бы мы могли смотрѣть прямо и безпристрастно“ ⁴⁾. Но

¹⁾ Шишкинъ, № 8, стр. 9.

²⁾ А. Н. Аванасъевъ, Переписка Петра В. съ Екатериной. *Русская Рѣчь* 1861, № 9, стр. 133—134. Сравни Покровскій, Общій взглядъ на характеръ современной литературы исторіи Петровскаго періода. *Русскій Міръ* 1861, № 46, стр. 790. Сравни взглядъ Добролюбова (Сочиненія, изд. 1871, т. II, стр. 91, 101 и друг.).

³⁾ Н. В. Покровскій, Общій взглядъ на характеръ современной литературы исторіи Петровскаго періода. *Русскій Міръ* 1861, № 46, стр. 788.

⁴⁾ Кавелинъ, Сочиненія, I, 217.

что было справедливо для сороковыхъ годовъ, то не потеряло значенія и для шестидесятыхъ и будетъ сознаться и въ эту пору ¹⁾).

Примѣромъ этой неустойчивости понятій, невыработки опредѣленнаго взгляда можетъ служить М. П. Погодинъ. Въ 1831 году пишетъ онъ свою трагедію „Петръ I“, о которой такъ отзывается въ 1873 году: „Петръ вышелъ у меня слишкомъ идеализированный согласно съ моими тогдашними понятіями. Замѣчу, впрочемъ, что въ трагедіи выставлена только одна свѣтлая сторона его“ ²⁾. Въ 1838 году изъ-подъ пера историка выходитъ характеристика императора, доказывающая необходимость преобразованій и энергично защищающая его отъ нападокъ ³⁾, характеристика, гдѣ такъ образно показано, какъ весь строй нашей современной жизни носить отпечатокъ дѣятельности Петровой. Авторъ рисуетъ картину нашего дня. Мы просыпаемся—какой сегодня день? Положимъ 1-е января 1841 года. Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, новый годъ отъ января. Одѣваемся—наше платье шито по фасону, данному Петромъ; шерсть для сукна собрана съ овецъ, разведенныхъ имъ же; беремъ утреннюю газету—газеты заведены Петромъ; любая книга—шрифтъ ея введенъ Петромъ; языкъ этой книги сталъ литературнымъ только съ Петра. Покупаемъ ли мы какую-нибудь вещь—однѣ онъ выписалъ, другія ввелъ въ употребленіе, третьи привезены на его корабль, въ его гавань, его каналомъ. За обѣдомъ селедка, картофель, виноградное вино снова напоминаютъ намъ о Петрѣ: ихъ не было (?) у насъ до него. Ѣдемъ въ гости—это Петровская ассамблея; встрѣчаете тамъ дамъ—онѣ допущены въ мужскую компанію Петромъ. Служба даетъ чинъ—по табели о рангахъ Петра; чинъ даетъ дворянство—такъ установилъ Петръ Великій. Вздумаемъ путешествовать—по примѣру Петра; за границей насъ хорошо примутъ—ибо Петръ помѣстилъ Россію въ число европейскихъ государствъ (стр. 9—10).

Такимъ рисовался Петръ воображенію Погодина въ 1830-хъ годахъ. Но чрезъ 20 лѣтъ, подъ впечатлѣніемъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ, историкъ начинаетъ колебаться. Судебное дѣло съ его

¹⁾ *Н. Покровский*, Переписка Петра I съ Екатериной. *Русскій Миръ* 1861 № 72, стр. 1209.

²⁾ *М. Погодинъ*, Петръ I, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. 1831 (М. 1873). См. стр. 160. Первоначально въ альманахъ „Утро“ 1859 и 1868 годовъ.

³⁾ *М. Погодинъ*, Петръ Великій. *Москвитянинъ* 1841, № 1, стр. 3—29. Отдѣлку этой статьи см. у *Кавелина*, Сочиненія, II, 132—140.

пытками представляется ему царствомъ ужасовъ и безчеловѣчія. Рѣшительнаго осужденія Петру не высказано, но, кажется, только потому, что не хватаетъ на это рѣшимости: Погодинъ предлагаетъ молиться о прощеніи прегрѣшеній царя ¹⁾. Впрочемъ, спѣшимъ заявить, что колебанія эти были лишь временными. Не говоря уже про то, что на склонѣ лѣтъ маститый ученый посвятилъ свой досугъ изученію царствованія Петра во всемъ его объемѣ ²⁾, еще много раньше онъ возвращается къ „старымъ богамъ“ и мысли, высказанныя въ Москвитянинѣ, развиваетъ въ новой статьѣ, гдѣ, становясь прежнимъ горячимъ поклонникомъ реформы, выставляетъ рядъ тезисовъ съ цѣлью защиты Петра отъ наветовъ противниковъ ³⁾. Считаемъ не лишнимъ привести эти тезисы: они дадутъ возможность установить точку зрѣнія Погодина:

1) Вся наша современная жизнь сложилась подъ вліяніемъ началъ европеизма. 2) Россіи не возможно было уклониться отъ европейскаго вліянія. 3) Самобытнаго развитія безъ пріхода новыхъ идей было бы недостаточно для Россіи. 4) Несовершенства русскаго общественнаго строя требовали реформъ, обновленія во что бы то ни стало. 5) Реформа началась въ Россіи за долго до Петра. 6) Положеніе Россіи въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ было таково, что некогда было ждать органическаго развитія, а надо было спастись себя заимствованіемъ европейскаго знанія, хотя бы это заимствованіе и происходило торопливо, безъ системы, насильно. 7) Для спасенія Россіи необходимо было не что иное, какъ европейская реформа. 8) Многія нововведенія Петра новы только по формѣ, по имени; по существу же они глубоко коренятся въ русской жизни. 9) Употребляя насиліе, Петръ не вводилъ чего-либо новаго: насильственныя мѣры существовали за долго до него. 10) Въ личномъ характерѣ Петра надо строго отличать пороки времени и не приписывать лично Петру того, что было несовершенствомъ всей эпохи. 11) Петръ не долженъ отвѣчать за ошибки своихъ предшественниковъ, не мало исказившихъ основныя начала его преобразованій; а

¹⁾ М. Погодинъ, Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Эпизодъ изъ жизни Петра Великаго. *Русск. Бесѣда* 1860, I, стр. 85—86.

²⁾ М. Погодинъ, Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. М. 1875.

³⁾ Погодинъ, Петръ Первый и національное, органическое развитіе. *Русск. Вѣстникъ* 1863, № 7, стр. 373—400.

то направленіе государственное, которое обыкновенно зовется петербургскимъ, началось еще въ Москвѣ, царь же только увѣнчалъ и довершилъ эту систему.

Ознакомившись со взглядами людей XVIII и первой половины XIX вѣка на личность Петра и его реформы, мы можемъ видѣть, какимъ колебаніямъ они подвергались, какъ были неустойчивы и въ конечномъ своемъ выводѣ все еще далеки отъ твердыхъ основаній и удовлетворительнаго рѣшенія.

Юбилейная литература 1872 года не много подвинула насъ впередъ въ этомъ отношеніи. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Она отражала на себѣ современное ей состояніе науки, а, слѣдовательно, и ея незаконченность, ея пробѣлы въ оцѣнѣ реформы. „Публичныя Чтенія о Петрѣ Великомъ“ С. М. Соловьева ¹⁾, лучшей вкладъ въ литературу Петровскаго юбилея, были прекраснымъ обобщеніемъ уже ранѣе высказаннаго талантливимъ историкомъ въ его обширной „Исторіи Россіи“, и только популяризировали взгляды московскаго профессора, но не раскрывали чего-либо новаго. Вотъ почему и въ это время, какъ и раньше, мы встрѣтимъ неодинаковую оцѣнку дѣяній Петра и старья точки зрѣнія. Будутъ и хвалить, и осуждать.

Если самый характеръ юбилея обусловливалъ розовую окраску изображенія; если, напримѣръ, рѣчь Я. К. Грота будетъ посвящена оправданію Петра отъ взводимыхъ обвиненій и указанію положительныхъ сторонъ его дѣятельности ²⁾; если въ другой рѣчи, М. Н. Петрова, Петръ будетъ высоко превознесенъ за заслуги, оказанныя имъ родиѣ ³⁾,—то въ то же время возможною окажется и такая оцѣнка ⁴⁾ въ лицѣ Н. Я. Данилевскаго: заимствованія культурныхъ сокровищъ запада, и притомъ быстрыя, были необходимы. Но, страстный и увлекающійся, Петръ влюбился въ западъ и хотѣлъ во что бы то ни стало сдѣлать Россію Европой. Родину свою онъ и любилъ, и ненавидѣлъ. Любилъ ея силу и мощь, ненавидѣлъ начала русской жизни. Потому-то дѣятельность государственная заслуживаетъ вѣчной признательности, „всѣмъ этимъ заслужилъ онъ себѣ

¹⁾ М. 1872, 4^о. 134 стр.

²⁾ Я. К. Гротъ, Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. С.-Иб. 1872. 56 стр.

³⁾ М. Н. Петровъ, Петръ Великій. Юбилейная рѣчь. Изъ всемірной исторіи. Очерки, изд. 2-е. Харьковъ. 1862, стр. 429—437.

⁴⁾ Хотя и высказанная не спеціально по поводу юбилея.

имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія“; но, измѣняя бытъ, нравы, обычаи и понятія русскаго народа, онъ искалѣчилъ свой народъ и принесть тѣмъ величайшій вредъ ¹⁾. Естественно и въ журналистикѣ найти такую же разногласицу. Напримеръ, одинъ изъ ея органовъ, Вѣстникъ Европы, доказывалъ существованіе опредѣленной программы въ реформахъ Петра ²⁾; другой же, Отечественныя Записки, въ лицѣ своего критика, Н. К. Михайловскаго, опровергалъ это вообще, отрицая какую-либо систему и готовые принципы въ преобразованіяхъ русскаго императора ³⁾.

Семидесятыя годы, разумѣется, отказались отъ густыхъ красокъ критики сороковыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе и теперь живо чувствовалась потребность найти хоть какую-нибудь опору въ постоянныхъ противорѣчіяхъ и побуждала изучать не только самую реформу, но также и отношенія къ ней общества и литературы. В. И. Григоровичъ находилъ, что хвалить или порицать теперь излишне: если что прежде было худо, то нынѣ уже пережито, а между тѣмъ прежнія невзгоды дали намъ возможность пользоваться теперешними благами ⁴⁾. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, изслѣдуя „причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ“, находить, что дѣло Петра было искажено при его преемникахъ, иностранцы получили незаконное преобладаніе, и съ критикой реформы „выступила, разумѣется, идеализація стараго быта“. Возраженія славянофиловъ справедливы только отчасти; „мало ли сколько постоянныхъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра“ впоследствии? ⁵⁾. Наконецъ, О. Θ. Миллеръ полагалъ, что правое дѣло Петра сильно исказилось послѣ его смерти, а это и вызвало столь не одинаковые отзывы о реформѣ въ литературѣ XVIII и XIX столѣтій ⁶⁾.

Этими указаніями мы можемъ считать задачу свою — представить

¹⁾ Н. Я. Данилевскій, Россія и Европа. С.-Пб. 1871, стр. 280—281.

²⁾ Государственныя идеи Петра В. и ихъ судьба. *Вѣстн. Европы* 1872, № 6, стр. 770—796.

³⁾ Н. К. Михайловскій, Сочиненія, томъ 2-й (С.-Пб. 1881), стр. 7, 20.

⁴⁾ В. И. Григоровичъ, О нѣкоторыхъ явленіяхъ народной русской жизни въ эпоху преобразованій Петра Великаго съ точки зрѣнія науки славянской. Одесса. 1872, стр. 3—4, 13.

⁵⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1872, № 6, стр. 149—156.

⁶⁾ О. Θ. Миллеръ, Объ отношеніяхъ русской литературы къ Петру Великому. *Русск. Стар.* 1873, т. VII, № 3, стр. 406—411.

историческій очеркъ смѣны возрѣвній русскаго общества и литературы на эпоху Петра Великаго—законченною. Указывать на статьи послѣднихъ 17 лѣтъ значитъ подбирать вариации къ основнымъ темамъ, уже ранѣе намѣченнымъ. Въ этой позднѣйшей литературѣ встрѣтимъ мы ¹⁾ точку зрѣнія и западниковъ ²⁾, и славянофиловъ ³⁾; одни писатели будутъ выдвигать заслуги Петра, въ то же время допуская и недостатки его ⁴⁾; другіе, отыскивая предшественниковъ царя въ XVII вѣкѣ, подчеркнутъ тѣ факты изъ жизни этого столѣтія, которыми подтверждаются измѣненія стараго быта еще до реформы ⁵⁾ и т. п. Встрѣтимся мы и съ такими писателями, гуманная мѣрка которыхъ напомнитъ до нѣкоторой степени критику конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ ⁶⁾. Наконецъ, за послѣдніе мѣсяцы мы могли слѣдить за возгорѣвшею и, по видимому, далеко еще не потух-

¹⁾ Нижеслѣдующіе примѣры приведены безъ соблюденія требованій строгаго подбора.

²⁾ А. Ф. Бичковъ, Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1877 годъ. *Сборн. 2-го Отдѣл. Акад. Н.*, т. XVIII: „Значеніе Петра Великаго было опредѣлено Нивитенкою чрезвычайно вѣрно, и сказавъ, что „преобразователь Россіи столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго“, онъ выразилъ истину, которую едва ли кто будетъ теперь оспаривать“ (стр. XXXVIII—XXXIX). Страстнымъ сторонникомъ Петра является В. И. Межовъ; см. предисловіе къ его книгѣ: „Юбилей Петра Великаго. С.-Пб. 1881“.

³⁾ Сравн., напримѣръ, И. С. Аксаковъ, Полное собраніе сочиненій, т. 2-й (М. 1886): Славянство и Западночество, стр. 419 и др.

⁴⁾ А. Н. Пыпинъ въ цѣломъ рядѣ статей; напримѣръ, Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ (*Вѣсти. Европы* 1884 г., № 5, 6, 7), Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ (*ibid.* 1886, № 5) и др.

⁵⁾ В. С. Иконниковъ, Влиятѣльнѣе бояринъ Орданъ-Нащокинъ. *Русск. Старина* 1883 г., ноябрь.

⁶⁾ В. Гольцевъ, Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. М. 1886. Авторъ становится на сторону обвинителей Петра въ жестокости (17), бритіи бородъ и ношеніи нѣмецкаго платья (18—19); „вводя женщину въ общество пьяныхъ, разнузданныхъ людей, заставляя ее принимать участіе въ самыхъ грубыхъ увеселеніяхъ“, Петръ испортилъ благотворныя послѣдствія освобожденія женщинъ изъ теремъ (23). Сравн. стр. 25, 131 и др. Въ другомъ мѣстѣ (Къ вопросу о Петровской реформѣ. *Русск. Мысль* 1886 г., № 8) авторъ причисляетъ себя „къ той группѣ историковъ, которая полагаетъ, что въ Петровскихъ преобразованіяхъ... было много грубой и вредной ломки, слишкомъ много жестокости, слишкомъ мало заботы о человѣкѣ и гражданнѣ.... Нельзя утверждать... что Петръ Великій былъ во всемъ выше лучшихъ представителей предшествовавшаго ему столѣтія.... Вопреки С. М. Соловьеву, г. Гольцевъ не считаетъ возможнымъ восхищаться „революціонною“ дѣятельностью Петра (173, 175).

шею полемикой, вызванной статьею В. С. Соловьева ¹⁾. Poleмика эта какъ бы желаетъ лишній разъ подтвердить зависимость нашего времени отъ преобразовательной эпохи и доказать, что роковое наслѣдіе еще не пережито нынѣшнимъ поколѣніемъ. Вотъ почему хочется повторить вмѣстѣ съ Погодинымъ, прибѣгая къ его поэтическому и образному языку: Петръ и въ наши дни все еще „бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее и даже заститъ намъ древнюю исторію“ ²⁾; Петръ—употребляя на этотъ разъ сравненіе другаго почитателя русскаго царя—Петръ, это гигантская волна, что разлилась на пространствѣ двухъ столѣтій, и брызги которой достигаютъ и до нашихъ ногъ....

Да, мы еще не произнесли послѣдняго слова и трудно предвидѣть, когда произнесемъ. Но въ хаосѣ безконечныхъ противорѣчій да послужить намъ опорой и путеводною нитью народная русская пѣсня, въ теченіе полутора вѣка лѣтъ не переставшая воспѣвать и прославлять подвиги Петра Великаго и въ художественныхъ образахъ запечатлѣвшая силу его творческаго генія. Обликъ русскаго царя проходить въ этой пѣснѣ на пространствѣ нѣсколькихъ поколѣній неизмѣнно величавымъ и благороднымъ ³⁾. А гласъ народа—гласъ Божій!

Е. Шмурло.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Статьи В. С. Соловьева и Н. Н. Страхова въ *Вѣстникъ Европы* и *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1888 и 1889 годы.

²⁾ *Погодинъ*, Петръ Великій. *Москвитинимъ* 1841, № 1, стр. 3—4.

³⁾ Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Вып. 8-й (М. 1870), а также приложенія къ вып. 9-му (М. 1872), стр. III—XLI. Е. В. Барсовъ, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ сѣвернаго края. *Бесѣда* 1872, № 5, стр. 295—310. Важныя указанія на 8-й выпускъ Пѣсенъ Кирѣевского сдѣланы Н. А. Ласровскимъ въ *Филологич. Запискѣхъ* 1872 (отд. оттискъ, 32 стр.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ VII. Тифлисъ. 1889.

Даваъ отчетъ о предшествующихъ выпускахъ „Сборника“, мы имѣли случай отмѣтить отраднѣйшій фактъ, что полезное предпріятіе правленія Кавказскаго учебнаго округа нашло цѣлѣный рядъ дѣятельныхъ участниковъ во всѣхъ кавказскихъ губерніяхъ и областяхъ, главнымъ образомъ въ средѣ учителей народныхъ училищъ. Еще болѣе отраднѣйшій фактъ, что вслѣдъ за учителями на призывъ редакціи „Сборника“ начинаютъ откликаться и учительницы. Такъ VII-й выпускъ открывається обширною статью учительницы Бороздинскаго станичнаго училища Е. Бутовой, доставившей въ „Сборникъ“ весьма обстоятельное (въ 156 страницъ) программное описаніе Бороздинской станицы Кизлярскаго округа Терской области, основанной терскими и донскими казаками въ половинѣ XVIII столѣтія. За описаніемъ внѣшняго быта, слѣдуетъ (далеко не привлекательная) характеристика нравственныхъ свойствъ, „свичаевъ и обычаевъ“ населенія станицы, подробное описаніе свадьбы и, что придаетъ наибольшій интересъ очерку, до 105 пѣсенъ, пошлѣвшихся бороздинцами, а также нѣсколько сказокъ. Всего обширнѣе, по обыкновенію, отдѣлы свадебныхъ и любовныхъ пѣсенъ, при чемъ репертуаръ бороздинцевъ, также какъ пѣсенный репертуаръ многихъ русскихъ деревень, подвергся уже въ достаточной степени опошляющему вліянію городской культуры. Къ такимъ пошлымъ произведеніямъ трактирнаго пошиба относятся, напримѣръ, слѣдующіе стихи:

„Ты прощай, моя милая,
 Радость дорогая!
 Я не скоро къ тебѣ буду,—
 Тебя позабуду!
 — „Запрягай, милый, карету,
 Сяду я — поѣду;
 Запрягай, милый, другую, —
 Сяду я въ любую, —
 Запрягай, милый, во (sic) третью,
 Сядеть кучеръ съ плетью (стр. 89).

Или вотъ какъ дѣвица отвергаетъ любовь своего милаго:

„Я умру—жива не буду отъ любви отъ своей:
 Отъ этой отъ любви приключилася болѣзнь;
 Отъ этой отъ болѣзни излетаетъ злая смерть;
 Я на гробѣ распишуся—всѣмъ подружкамъ расскажу:
 — Ужь вы, нянюшки-подружки, вы не дѣлайте того,
 Вы не дѣлайте того—не любите никого и т. д. (стр. 87).

Но рядомъ съ этими ужасными образцами новѣйшаго творчества въ пѣсняхъ бородинцевъ продолжаютъ звучать и старыя мотивы, переносящіе насъ къ „высокимъ теремамъ“ и „широкимъ дворамъ“, къ зеленымъ дубровушкамъ и бѣлымъ горючимъ камушнямъ. Такъ, въ одной изъ такихъ старинныхъ пѣсенъ находимъ слѣдующую картину:

„Подъ порогомъ бѣль-горючъ камень лежитъ;
 Изъ-подъ камушка быстра рѣчка бѣжитъ,
 На быстрой рѣчкѣ суденышко лежитъ,
 На суденышкѣ немножечко людей,
 Немножечко людей—всего восемь человѣкъ,
 Девятая красная дѣвица,
 А десятый—удаль-добрый молодець,—
 По суденышку похаживаетъ,
 Туго лукъ натягиваетъ,
 Калену стрѣлу накладываетъ,
 Каленѣ-то стрѣлѣ приказываетъ:
 — „Полети, моя каленая стрѣла,
 Высокомъ-то высокохонько
 А далекомъ-то далекохонько;
 Ты убей-то, убей, моя каленая стрѣла,
 Струю утку въ тепломъ гнѣздѣ,
 Бѣлую лебедушку на свѣтлой водѣ,
 Красную дѣвушку въ высокомъ терему... (стр. 85).

Хотя пѣсни и не вполне выдержана, но все же въ ней чувствуется какъ бы припоминаніе стародавнихъ картинъ и приемовъ. Такимъ

же припоминачіемъ чего-то весьма отдаленнаго отзывается пѣсня о Черменѣ-кораблѣ, въ изображеніи котораго проскальзываютъ отдѣльныя черты Сокола-корабля, хорошо извѣстнаго въ былевой поэзіи:

Ужъ не по морю было, по моречку,
 Было по морю синему:
 Не по синему было—по Хвалынскому,—
 Тамъ плыли, всплывали
 Ови, тридцать кораблей.
 Одинъ изъ нихъ—чермень-корабль—
 Напередъ рѣзво бѣжитъ,
 Какъ ясенъ соколъ летитъ,—
 Хоботь-ворму держитъ
 Ровно по звѣриному,
 Рулемъ правитъ чермень-корабль,
 Ровно по змѣиному,
 Хорошо корабль изукрашенъ,
 Бѣлымъ серебромъ корабль изукраванъ,
 Жолтымъ золотомъ корабль изукрашенъ.

Если мы пропустимъ неумѣстно вставленное отрицаніе не, то получимъ зачало былинны о Соколѣ-кораблѣ, на которомъ ѣдетъ Илья Муромецъ. У этого корабля

Бока сведены по звѣриному,
 А носъ-отъ да корма по змѣиному ¹⁾.

Но число тридцать кораблей занесено въ кавказскую пѣсню изъ другой былинны—о Соловьѣ Будимировичѣ, гдѣ Соколъ-корабль представленъ во главѣ тридцати другихъ ²⁾. Далѣе въ кавказской пѣснѣ говорится:

На корабликѣ бесѣдушка,
 Она вновь построена.

Эта бесѣдушка—искаженный отголосокъ одной детали Сокола-корабля, на которомъ ѣдетъ Соловей Будимировичъ:

На томъ Соколѣ-кораблѣ
 Сдѣланъ муравленъ чердакъ;
 Въ чердакъъ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
 Подернута бесѣда рытнимъ бархатомъ ³⁾

Если до сихъ поръ въ бороздинской пѣснѣ еще звучать кой-какіе отголоски былинной старины, то дальнѣйшіе стихи переносятъ насъ

¹⁾ *Киртесскій*, I, 22.

²⁾ *Киртесскій*, VI, стр. 100.

³⁾ Тамъ же.

съ Сокола-корабля, пожалуй, ужъ на палубу какого-нибудь каспійскаго парохода:

Во бесѣдушѣ сидѣли люди вольные,
Люди вольные сидѣли,—купцы торговые,
Армяне, они сидѣли съ визильбанами (то-есть, персіянами).

Далѣе мы узнаемъ, что эта корабельная публика играетъ въ шашечки тувалторовыя, и притомъ, что весьма странно, о своихъ буйныхъ головушкахъ. Наконецъ, пѣсня совершенно бессмысленно оканчивается слѣдующимъ неожиданнымъ событіемъ:

Что на морѣ погодушка, она поднималась,
Вѣтры паруса, погодушка, она сорывала;
Этихъ купчиковъ, купцовъ торговыхъ,
Она потопляла.

Въ отдѣлѣ историческихъ пѣсень находимъ нѣкоторые отголоски казацкихъ походовъ, при чемъ иногда старыя погудки переделываются на новый ладъ. Въ пѣсняхъ упоминаются Салтыковъ князь, Паскевичъ, Долгорукій, Воронцовъ и Прусскій король. Мѣстная природа отразилась, и притомъ очень удачно, въ пѣснѣ о Терекѣ Горыновичѣ, на нашъ взглядъ лучшей во всемъ сборникѣ (стр. 119):

Ужъ ты, батюшка нашъ, батюшка,
Терекъ Горыновичъ!
Про тебя то лежитъ,
Батюшка, быстрый Терекъ,
Лежитъ рѣчь хорошая
И славушка добрая:
— „Какъ прорылъ, прокопалъ
Батюшка быстрый Терекъ,
Горы высокія ¹⁾;
Что устьичкомъ впадаетъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Да онъ во синемъ морѣ;
Что изъ горъ выкопалъ
Батюшка, быстрый Терекъ,
Бѣль-горючій камень“.
Тутъ шли-то, прошли
Кизлярскіе казаки,
Они — со баталицы,
Съ той-то было

¹⁾ О Днѣпрѣ Словутичю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю Половецкую. Слово о полку Игоревѣ.

Со батальицы со Турецкой;
 Не дошедши они,
 Бизлярскіе казаки,
 До бѣлаго камушка,
 Они остановилися;
 Промежду-то себя,
 Они задувалили (стали дѣлать добычу):
 Доставалось имъ,
 Кизлярскимъ казакамъ,
 Имъ по пяти сотъ рублей;
 Атаману съ есаулушкой —
 Имъ по тысячѣ;
 Одному-то изъ нихъ
 Кизлярскому казаку, —
 Красна дѣвица:
 Убору-то на ней—
 Во пятьсотъ рублей,
 Что коса-то руса,
 У красной у дѣвицы
 Стоитъ рублей тысячу;
 За умъ ея — разумъ,
 Красной дѣвицы —
 Ей и смѣты нѣтъ. —

Оставляя въ сторонѣ двѣ слѣдующія статьи I-го отдѣла—П. Федоровскаго — Страничка изъ жизни грузинъ-поселенцевъ въ Малороссіи (составлена по документамъ, извлеченнымъ изъ архива бывшей Малороссійской коллегіи) и В. Иванова — „Городъ Ахалцихъ“, переходимъ ко 2-му этнографическому—отдѣлу, открывающемуся „Сказаніями о нартахъ“ (богатыряхъ), записанными въ русскомъ переводѣ со словъ туземцевъ учителемъ осетинской Георгіевской школы Кубанской области Баталпагинскаго уѣзда А. Кайтмазовымъ.

Въ виду быстрого вымирания сказаній о нартахъ, нѣсколько новыхъ осетинскихъ былинъ представляютъ цѣнный матеріалъ для изученія „кавказскаго“ эпоса. Нѣкоторые мотивы въ сказаніяхъ, записанныхъ г. Кайтмазовымъ, уже извѣстны въ раньше изданныхъ сказаніяхъ, другіе встрѣчаются впервые. Отмѣтимъ, что вліяніе иранскихъ сказаній на кавказскія, слѣды котораго мы указали въ одной осетинской былинѣ¹⁾, становится вполне несомнѣннымъ изъ записаннаго г. Кайтмазовымъ сказанья о томъ, „какъ Ростомъ убилъ своего сына Зурапхана“ (стр. 17 — 20). Необыкновенной свѣжестью и

¹⁾ Осетинскіе этюды, I, стр. 11, № XV.

наивностью языческих представлений отличается любопытное предание об охотникѣ Куси Дзутовѣ и осетинскомъ богѣ, властителѣ дикихъ животныхъ, Авсати (стр. 27 — 30). Ловкій охотникъ Куси сильно досаждаеть богу, убивая безъ его согласія его туровъ. Богъ, не смотря на всѣ свои старанія, ничего не можетъ подѣлать съ охотникомъ и жалуется святому Уастырджи (Георгію), который предоставляетъ себѣ расправиться съ непочтительнымъ звѣробоемъ. Дѣйствительно, Куси заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вынесенъ на „Большой лугъ“ и положенъ на свой халатъ. Со всѣхъ мѣстностей сколдился народъ, чтобъ отдать покойнику послѣдній долгъ. Въ это время нѣкто Бисолтанъ Кастмазовъ отправился къ Авсати, чтобы первымъ извѣстить его о такой для него радости. Авсати не вѣритъ своему счастью, и Бисолтанъ приглашаетъ его посмотрѣть самому при восходѣ солнца на „Большой лугъ“. Когда утромъ Авсати при помощи подзорной трубы убѣдился въ смерти Куси, онъ желаетъ по обычаю отблагодарить Бисолтана за сообщеніе радостнаго извѣстія и посылаетъ звать его къ себѣ въ гости. На пирѣ онъ сажаетъ его за одинъ столъ со св. Георгіемъ побѣдоносцемъ и архангеломъ Гавріиломъ и, по просьбѣ Бисолтана, награждаетъ его тѣмъ, что и онъ, и всѣ его потомки будутъ имѣть удачу на охотѣ. „Съ того времени“, заключаетъ сказаніе, — „изъ Кастмазовыхъ, которые почти всѣ занимались охотою, не было ни одного неудачнаго охотника“.

Слѣдующая статья В. Кикнадзе — „Памятники древности Телавскаго уѣзда Тифлисской губерніи“ — представляетъ интересъ въ виду производящихся въ настоящее время археологическихъ изысканій на Кавказѣ. Археологи несомнѣнно будутъ благодарны редакціи „Сборника“ за то, что она начинаетъ отводить мѣсто и для статей археологическаго содержанія. Указанія мѣстныхъ жителей, имѣющихъ возможность собирать археологическія данныя въ предѣлахъ своего района, въ высшей степени цѣнны для пріѣзжихъ изслѣдователей, которые, по порученію ученыхъ археологическихъ учреждений, больше занимаются раскопками и изученіемъ древнихъ памятниковъ, чѣмъ туземцы. Авторъ названной статьи указываетъ развалины городовъ, описываетъ вратцѣ древніе монастыри, церкви, замки и гробницы. Въ виду интереса, возбуждаемаго въ настоящее время кавказской „бронзовою могильною культурой“ (могильники: Кобанскій, Казбекскій, Самтаврскій и проч.), любопытно для опредѣленія района этой культуры указаніе, что и въ Телавскомъ уѣздѣ, въ Цинандалахъ, при рытьѣ земли для подваловъ, найдены гробницы съ бронзовыми пред-

метами—браслетами, витыми кольцами и кинжалами (стр. 49). Въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда (къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ, гдѣ именно) при раскопкахъ находили бронзовые топоры, украшенные черточками и фигурами (стр. 50). Это напоминаетъ топоры, найденные въ изобиліи въ знаменитомъ Кобанскомъ могильникѣ въ Осетіи.

Остальная часть разсматриваемаго выпуска состоитъ изъ 14 мелкихъ статей, большею частью не превышающихъ нѣсколькихъ страницъ, и только послѣдняя, статья 15-я, болѣе обширнаго размѣра. Не имѣя возможности останавливаться на каждой статьѣ, отмѣтимъ только нѣкоторыя изъ нихъ, содержащія въ себѣ что-нибудь болѣе новое и интересное. Такъ статейка М. Погосова—„Тамерланъ, по разказамъ джеванширскихъ армянъ“—содержитъ въ себѣ странное преданіе объ армянскомъ происхожденіи этого завоевателя. Оказывается, что онъ былъ сыномъ одного армянскаго священника, жившаго нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ въ селѣ Баллуджѣ (Шушинскаго уѣзда Елисаветпольской губерніи). Рожденіе ребенка сопровождалось смертью матери, вслѣдствіе чего отецъ возненавидѣлъ сына. Мальчикъ, окрещенный по обряду армяно-грегоріанской церкви, получилъ однако арабское имя Эмиръ. Онъ отличался необыкновенною силой и быстротой ногъ, такъ что однажды загналъ въ домъ отца зайца, принявъ его за ягненка. Опасаясь, что сынъ причинитъ много зла, отецъ ночью связываетъ его и вырѣзаетъ ему икроножныя мышцы, вслѣдствіе чего мальчикъ сталъ хромымъ и получилъ прозвище ланетъ-эмиръ (?), которое яко бы значить по арабски хромоу эмиръ. Видя ненависть къ себѣ отца, онъ бѣжалъ въ Дагестанъ, принялъ магометанскую вѣру и, проживъ нѣсколько времени среди лезгинъ, отправился оттуда въ Среднюю Азію. Прошло 20 лѣтъ, и вотъ изъ Средней Азіи двинулся Тамерланъ съ огромнымъ войскомъ турокъ-селджуковъ въ Малую Азію. Отсюда одинъ отрядъ направился по сѣверному Кавказу, другой—по долинѣ рѣки Аракса, а третій, съ самимъ Тамерланомъ во главѣ,—по области Сюникъ (нынѣшніе Зангегбургскій, Шушинскій и Джеванширскій уѣзды Елисаветпольской губерніи). Страшный завоеватель опустошаетъ все огнемъ и мечемъ и избиваетъ всѣхъ христіанъ. Онъ самъ нарочно идетъ въ свое родное селеніе Баллуджу, но уже не застаётъ своего отца въ живыхъ. Преданіе оканчивается разказомъ о разрушеніи знаменитаго армянскаго города Заръ-Загара, котораго развалины сохранились и понынѣ на западной границѣ Джеванширскаго уѣзда. Въ

этомъ любопытномъ народномъ преданіи донеслось до насъ воспоминаніе объ ужасномъ опустошеніи, постигнувшемъ Сюникъ пять столѣтій тому назадъ. Народная память объ этомъ бѣдствіи поддерживается доселѣ еще не заглаженными его слѣдами — развалинами 27 церкви (стр. 67).

Въ доставленной г. Израеловымъ армянской легендѣ о Евреѣ и серебрякѣ находимъ мѣстную версію древняго мотива о перстнѣ, проглоченномъ рыбою (Поликратовъ перстень). Чтобы подвесть подъ гнѣвъ царя серебряка, которому царь отдалъ въ починку кольцо, еврей, пользуясь минутнымъ отсутствіемъ хозяина изъ мастерской, похищаетъ кольцо и бросаетъ его въ море. Прискавъ долго кольцо понапрасну, серебрякъ по обыкновенію ударилъ три раза молотомъ о наковальню и сказавъ: „велика сила Спасителя!“ — пошелъ изъ мастерской къ себѣ домой. На другой день онъ вышелъ на берегъ моря купить рыбы на обѣдъ, чтобы въ послѣдній разъ пообѣдать съ своимъ семействомъ, будучи увѣренъ, что царь велитъ его казнить за утрату кольца. Но едва распоролъ одну рыбу, какъ изъ нея выпало проглоченное ею кольцо, и серебрякъ былъ спасенъ, а еврей, увѣровавъ въ Спасителя, принялъ св. крещеніе.

Преданіе о св. Симонѣ ¹⁾, сообщенное Е. Зедгендзе, любопытно наслоеніемъ на имя этого святаго одной детали изъ распространенныхъ на Кавказѣ сказаній о поколѣніи великановъ, предшествовавшемъ поколѣнію людей. Старикъ-охотникъ изъ села Рустави (Ахалкалакского уѣзда Тифлисской губерніи), пробродивъ долго понапрасну, случайно открылъ пещеру, изъ которой вырвался тусклый свѣтъ. Пробравшись далеко вглубь по узкой галлерей, охотникъ увидѣлъ велью и въ ней старика предъ иконой Божьей Матери. Отшельникъ спрашиваетъ пришельца, что дѣлается на землѣ, и какъ живутъ люди. Затѣмъ онъ проситъ показать себѣ хлѣбъ, употребляемый людьми современными. Охотникъ вынулъ оставшійся у него отъ завтрака хлѣбъ и подалъ старику. Тотъ взялъ его въ руки и сжалъ: изъ хлѣба упала капля крови. Старикъ тяжело вздохнулъ и сказалъ: „О, сколько зла творится на землѣ, сколько порочныхъ дѣяній, сколько преступленій!“ Потомъ онъ взялъ свой хлѣбъ, сжалъ его, и оттуда упала капля молока; при этомъ старикъ сказалъ: „Вотъ, сынъ мой, прежде мы питались такимъ хлѣбомъ; не

¹⁾ Церковныя преданія о св. Симонѣ Апостолѣ см. у *Brosset*, *Histoire de la Géorgie*, 1-e partie, p. 61.

знали, что такое зло, что кража, обманъ, и жили въ истинной братской любви“ (стр. 91). Это чудо съ хлѣбомъ, совершенное отшельникомъ, оказавшимся, какъ сообщаетъ преданіе, св. Симономъ, напоминаетъ, напримѣръ, осетинское преданіе о великанѣ, напечатанное въ томъ же выпускѣ „Сборника“ и записанное г. Кайтмазовымъ. „Воскрешенный“ изъ гигантскихъ костей, по молитвѣ Дарезановъ, великанъ требуетъ у нихъ хлѣба, и точно также изъ людскаго хлѣба подъ давленіемъ его руки потекла кровь. Про свой же хлѣбъ великанъ говоритъ, что въ его время брали горсть земли, выжимали изъ нея соевъ и имъ были сыты (стр. 17). Такимъ образомъ поколѣніе великановъ получало пищу отъ земли безъ всякаго труда, и въ прежнія времена жилось на землѣ легче. Въ сказаніи о св. Симонѣ этотъ мотивъ о хлѣбѣ получилъ уже религиозно-нравственную окраску: поколѣніе людское утратило прежнее нравственное совершенство.

Преданіе о царицѣ Тамарѣ, записанное г. Галаджевымъ въ селеніи Белоканы, Закатальскаго уѣзда, любопытно по перенесенію на царицу Тамару сказочнаго мотива о посѣщеніи переодѣтымъ царемъ красавицы-царицы, мотива извѣстнаго уже изъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ. При полномъ отсутствіи хронологическихъ свѣдѣній, свойственномъ народнымъ преданіямъ, современникомъ Тамары (конецъ XII и начало XIII вѣка) является Персидскій шахъ Аббасъ, жившій въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія. Послѣдній, переодѣвшись помощникомъ лудильщика, проникаетъ въ ея замокъ и бросаетъ на царицу страстный взоръ. Тамара, какъ женщина проницательная, догадалась, что передъ нею не простой человѣкъ, и дѣйствительно, на второй день по уходѣ лудильщика, ей донесли, что вмѣстѣ съ нимъ къ ней являлся шахъ Аббасъ. Въ началѣ слѣдующаго года Персидскій шахъ собралъ огромное войско и двинулся на крѣпость Тамары, въ надеждѣ овладѣть царицей. Персіане одолѣли войско Тамары, но гордая красавица, чтобы живою не попасть въ руки шаха Аббаса, рѣшилась лучше погубить себя: она поднялась на куполь церкви и бросилась внизъ (стр. 97). Для объясненія генезиса этого преданія нужно вспомнить, что съ именемъ царицы Тамары связывается на Кавказѣ представленіе о самомъ счастливомъ и блестящемъ періодѣ исторіи Грузіи, а имена нѣкоторыхъ Персидскихъ шаховъ памяты по ужаснымъ опустошеніямъ, постигшимъ эту страну отъ персіанъ. И вотъ, народная фантазія, олицетворивъ отношенія Грузіи къ Персіи въ образахъ Тамары и шаха Аббаса, внесла

въ эти отношенія романическую черту о нераздѣляемой любви и самоотверженной смерти ¹⁾).

Пять татарскихъ сказокъ, записанныхъ г. А. Калашевымъ въ селеніи Сагіянь, Шемахинскаго уѣзда, Бакинской губерніи, отличаются замысловатостью и народнымъ юморомъ, особенно № IV (Абутъ) и № V (Шейдулла). Въ сказкѣ „Ухай“ развивается тотъ же мотивъ, что въ нашей „Хитрая наука“ ²⁾ и во многихъ западно европейскихъ.

Образчики народного юмора, прохаживающагося на счетъ жителей цѣлаго селенія, можно видѣть въ „Анекдотахъ Шемахинскихъ армянъ“, сообщенныхъ также г. А. Калашевымъ. Жители селенія Керкенджъ (не далеко отъ г. Шемахи), по словамъ собирателя, пользовались въ старину репутаціей людей глупыхъ, неразвитыхъ, грубыхъ и вполнѣ невѣжественныхъ. Фантазія народная постоянно выводила ихъ, въ своихъ анекдотахъ, въ роляхъ комическихъ героев. Дѣйствительно, пять записанныхъ г. Калашевымъ анекдотовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что керкенджцы, по догадливости, не превышаютъ нѣмецкихъ Lallenbürger'овъ и нашихъ пошехонцевъ: одинъ съѣдаетъ лягушку вмѣсто кебаба, другой повѣрилъ тому, что изъ арбуза родятся ослы, другіе разгоняютъ туманъ палками и т. п.

Болѣе крупную статью 2-го отдѣла представляетъ сборникъ армянскихъ сказокъ, записанныхъ г. Н. Калашевымъ въ шемахинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи. Изъ двѣнадцати довольно пространныхъ и сложныхъ сказокъ нѣкоторыя представляютъ по содержанію сходство со сказками, уже раньше напечатанными въ другихъ выпускахъ „Сборника“. Не смотря на несомнѣнную древность и фантастичность нѣкоторыхъ мотивовъ, кое-гдѣ чувствуется недавняя ретушировка деталей, при чемъ разказчикъ нерѣдко вводитъ въ содержаніе разказа

¹⁾ Впрочемъ преданіе о сватовствѣ шаха Аббаса, быть можетъ, представляетъ искаженный отголосокъ дѣйствительнаго событія. Въ 1596 году шахъ Аббасъ прислалъ къ грузинскому царю Александру посла своего Вирбеа, чтобы просить себя въ жены дочь Александра. Послѣдній не могъ исполнить желанія шаха, такъ какъ раньше просваталъ дочь свою за князя Дадіана. Въ слѣдующемъ году шахъ двинулъ войска свои къ границѣ Грузіи и подъ угрозой войны сталъ требовать себя въ жены какую-нибудь другую грузинскую царевну, и Александръ послалъ ему свою племянницу. См. А. Блюкхуровъ, Сношенія Россіи съ Кавказомъ, въ *Чтеніяхъ въ Моск. Общ. ист. и др. Росс.*, кн. 146, М. 1889, стр. 310.

²⁾ *Аванасьева*, V, № 22. VI № 45.

современныя черты. Такъ, въ одной сказкѣ герой (Юсуфъ) отправляетъ ящикъ съ своей возлюбленной и сокровищами на пароходъ (стр. 198); въ другой—нѣкій государь Кули-ханъ, потерявъ сыновей, показываетъ приближеннымъ ихъ фотографическія карточки и т. п. Видно, что на востокѣ фантастическая сказка еще не вполне застыла въ своихъ древнихъ эпическихъ чертахъ и не удалилась изъ общества мужчинъ въ дѣтскую и женскую половину дома, какъ чудесная сказка народовъ запада.

Кончая этимъ нашъ бѣглый обзоръ содержанія VII-го выпуска „Сборника“, мы должны въ заключеніе замѣтить, что участіе редакціи въ этомъ выпускѣ замѣтнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ, быть можетъ, вслѣдствіе раздѣленія труда. Первый отдѣлъ изданъ подъ редакціей г. Словинскаго, второй—подъ редакціей г. Черникова, главное же руководство и наблюденіе, по изданію и редакціи, принадлежало, какъ и въ прежнихъ выпускахъ, Н. А. Короваеву. Редакторы старались дать возможность читателю нѣсколько разобратся въ массѣ сыраго матеріала по народной словесности, накапливающагося все въ большемъ и большемъ количествѣ съ каждымъ новымъ выпускомъ. При пѣсняхъ, сказкахъ и т. п. указываются въ выноскѣ варианты или сходные мотивы въ матеріалахъ, изданныхъ раньше; кое-гдѣ находимъ объясненія отдѣльныхъ словъ и нѣкоторыя историческія справки. Все это можетъ только возвысить цѣну „Сборника“ для всякаго, интересующагося этнографіей Кавказа.

Всес. Шиллеръ.

Каталогъ греческихъ аеонскихъ рукописей.

Καταλόγος των εν ταις βιβλιοθηκαις του Αγίου Ορους ελληνικων χειριων.
Υπο Επιμελησανος Π. Λαμπρου... Τ. Α'. Μερ. Α'. Εν Αθηναις. 1888.

Эта книга, по соображеніямъ автора, составляетъ едва двѣнадцатую часть всего труда его по описанію рукописей Аэона; а между тѣмъ каждому, занимающемуся старинною письменностью, какъ греческою, такъ и славянскою, и по этой малой части всего труда уже видно, съ какой стороны и какъ можетъ быть оказана польза упомянутымъ занятіямъ. До сихъ поръ можно было изслѣдователямъ греческой и славяно-русской старины справляться съ греческими рукописями, хранящимися въ западной Европѣ и въ Россіи; о руко-

писяхъ Аѳона слышали и знали, но ссылаться на нихъ было крайне неудобно—по разбросанности свѣдѣній о нихъ и по невозможности въ точности знать, о какой рукописи идетъ рѣчь. Теперь мы имѣемъ точное, хотя и не очень подробное, описаніе 865 рукописей, входящихъ въ составъ восьми святогорскихъ обителей, а именно: Протата, св. Анны, св. Павла, Хиліандарія, Зографа, Констанонита, Григорія, Ксенофонта. Рукописи каждой библіотеки описаны отдѣльно. „Рѣдко“, говоритъ въ предисловіи авторъ о себѣ,—„прилагалъ я примѣчанія о томъ, издано ли, и гдѣ именно, или еще не издано какое-либо сочиненіе: это было сдѣлано для сбереженія мѣста“. Не смотря однако на краткость описанія, авторъ каждую рукопись обозначаетъ двумя нумерами, изъ которыхъ первый есть, такъ-сказать, общій аѳонскій, а второй относится къ той или другой библіотекѣ. Сверхъ того, въ рукописяхъ-сборникахъ идетъ еще одна нумерація при перечтѣ составляющихъ ихъ статей. При каждомъ спискѣ опредѣлены его вѣкъ, матеріалъ, форматъ и т. п. Мы замѣчаемъ, что въ разбираемомъ каталогѣ нѣтъ ни одной рукописи вѣковъ VIII и IX, между тѣмъ какъ всѣ остальные вѣка отъ древнѣйшаго, VI, до нынѣшняго включительно, доставляютъ больше или меньше рукописей. Подтвердятся ли такое наблюденіе и по спискамъ прочихъ библіотекъ знаменитаго полуострова, увидятъ тѣ, которые доживутъ до полныхъ ихъ каталоговъ.

При изученіи разсматриваемаго каталога вниманіе наше естественно привлечено было тѣми фактами и намеками, какіе онъ содержитъ въ себѣ по внѣшней и внутренней исторіи Святой Горы, по ея отношеніямъ къ Россіи, по духовной брани съ латинствомъ, по содержащимся въ библіотекахъ актамъ, по нѣкоторымъ малоизвѣстнымъ сочиненіямъ, по литературѣ прорицаній и т. п. Такіе розыски привели насъ къ нѣкоторымъ замѣткамъ, которыя мы здѣсь и сообщимъ.

Происхожденіе обителей Аѳонскихъ представляетъ, какъ и вообще начатки поселеній и учрежденій, много неяснаго. По поводу сказанія о сооруженіи монастыря св. Павла издатель каталога, помѣстивъ въ немъ извѣстіе о построеніи монастыря Богоматери въ 6388= (830) г. царевичемъ Прокопіемъ, нареченнымъ впоследствии Павломъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „И слогъ, и содержаніе извѣстія, и письменная его форма дѣлаютъ это извѣстіе подозрительнымъ; потому я и полагаю, что оно написано въ новѣйшее время“ (№ 128). Мы не станемъ упрекать автора Каталога въ томъ, что онъ не упоминаетъ о другихъ ученыхъ, высказавшихся сходно съ нимъ. Пока

нѣтъ ни одного ученаго періодическаго изданія по литературѣ и древностямъ византійскимъ, въ которомъ могли бы участвовать изслѣдователи разныхъ національностей, и которое служило бы для нихъ какъ бы общимъ средоточіемъ, до тѣхъ поръ труды одной мѣстности будутъ оставаться болѣе или менѣе неизвѣстными другой. Будемъ надѣяться, что мысль проф. Θ. И. Успенскаго, высказанная имъ въ засѣданіи Греческаго Историческаго и Этнологическаго Общества, въ Афинахъ, рано или поздно осуществится ¹⁾). Воротимся къ извѣстію объ основаніи обители св. Павла. Это извѣстіе вмѣстѣ съ хрисовулами, служащими ему почвой, призвано было подложнымъ еще въ исходѣ прошлаго столѣтія Эсфигменскимъ игуменомъ Θεодоритомъ, а затѣмъ, совершенно независимо отъ Θεодорита, покойнымъ преосвященнымъ Порфиріемъ Успенскимъ. Недавно, въ спеціальному сочиненіи объ Аѳонѣ, г. Гедеонъ высказалъ и свои сомнѣнія. Четверо ученыхъ высказываютъ свое мнѣніе относительно поддѣльности означенныхъ документовъ ²⁾). Другія статьи по вопросу о происхожденіи обителей, такъ-называемыя *πάτρια*, находимъ въ №№ 101, 498, 636. Ко времени исторически извѣстному относится одинъ памятникъ, имѣвшій большое значеніе въ судьбѣ Аѳона: это хати-шерифъ султана Селима, выданный монастырю Ксиропотамскому, адресованный на имя паши Θεσσαλονικησкаго въ 922 г. отъ Мухаммеда (это Селимъ I). Онъ кончается характерными словами въ турецкомъ вкусѣ, которыя назидательно прочесть нашимъ туркофиламъ: „Кто бы изъ васъ стали дѣйствовать“, сказано въ хати-шерифѣ, — „въ противность или несогласно съ сѣмъ моимъ хати-шерифомъ, тѣ да будутъ имѣть надъ собою гнѣвъ и проклятіе Божіе и да подвергнутся наказанію въ обоихъ мірахъ, а именно въ настоящемъ и будущемъ“ ³⁾). Такъ было въ первой четверти XVI вѣка, когда Оттоманская имперія еще была могоуча и дика. Но вотъ одинъ памятникъ нашего вѣка, относящійся

¹⁾ Греческая рѣчь Θ. И. Успенскаго помѣщена въ 7-мъ вып. Δελτιον της Ιστορ. και Εθν. Ετ. τ. Ελλάδος, а въ русскомъ извлеченіи въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1888 г., май, въ нашей рецензій на упомянутый выпускъ.

²⁾ Отрывокъ Θεодорита у г. Гедеона, 91—94; критика Θεодорита о двухъ Хрисовулахъ тамъ же 86, 87; а тутъ и сужденіе г. Гедеона. Критика преосв. Порфирія въ 1-мъ путешествіи, I, I. 345, 349 и дал., 365. Отчего преосв. Ламбрь не приводитъ мнѣнія г. Гедеона? Потому полагаю, что Каталогъ г. Ламбра, хотя и вышелъ въ свѣтъ въ 1888 г., но былъ отпечатанъ уже за шесть лѣтъ до того (см. Предисловіе, стр. I); книга же г. Гедеона вышла въ 1885 г.

³⁾ Δαμ. Κατ. № 786,5=Ξενωφ. 84.

къ Портѣ уже ослабѣвшей, обличающій всю свирѣпость мусульманскаго государственнаго строя, не смотря на его безсиліе. Событіе, напоминаемое памятникомъ, о которомъ мы сейчасъ скажемъ, связано съ исторіей славнаго греческаго возрожденія. Въ статьѣ 4-й № 153 читаемъ: „Въ новое воскресеніе Оомы поется молебное и благодарственное послѣдованіе объ избавленіи Святой Горы отъ десятилѣтняго гоненія“. Эта служба, какъ мнѣ хорошо извѣстно, составлена послѣ той кары, которой подвергся Аеонъ за свое участіе въ войнѣ за независимость. Въ 1821 г. многіе иноки аеонскіе выступили въ походъ подъ знаменемъ креста, подъ предводительствомъ Эммануила Папѣ. Въ то время крѣпкіе монастыри Аеона снабжены были и холоднымъ, и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Такъ какъ война имѣла характеръ не только политическій, но и религіозный, замѣчаетъ историкъ Трикупи,—то и монахами овладѣлъ сильный энтузіазмъ, и больше двухъ тысячъ молодыхъ иноковъ вооружились. Къ нимъ на помощь пришли извнѣ многіе міряне. Все, казалось, содѣйствовало долгому и успѣшному сопротивленію. Но и игумены, и проигумены находились между собою въ разногласіи. Большая ихъ часть, подъ конецъ возобладавшая, искала свою безопасность тамъ, гдѣ могла лишь найти свою погибель, въ покорности ¹⁾. Напугало ихъ и свирѣпое разореніе турецкими войсками городка Кассандры, и вмѣсто того, чтобъ ихъ вооружить, оно ихъ обезоружило. Обмануло ихъ и лукавство турецкаго военачальника Абдул-Абут-паши, хотя у нихъ на глазахъ были его звѣрскіе поступки. Когда рѣшеніе покориться злодѣямъ взяло верхъ, то многіе изъ отцовъ, не склоняясь къ мысли вступить въ соглашеніе съ турецкими войсками, выѣхали изъ Аеона со святыми мощами и утварью. Уѣхалъ и главный двигатель аеонскаго возстанія—Эммануилъ Папѣ: во время плаванія онъ заболѣлъ и умеръ на кораблѣ и похороненъ въ Идрѣ. По отбытіи упомянутыхъ лицъ сдались остальные иноки Св. Горы: они были обезоружены, получили амнистію, выдали заложниковъ и два съ половиной милліона гросіевъ (левовъ) и приняли къ себѣ турецкую стражу съ условіемъ кормить ее на свой счетъ. Эта стража, состоявшая изъ трехъ тысячъ солдатъ,

¹⁾ Филимонъ утверждаетъ, что на сторонѣ Эммануила Папѣ, богатаго серрскаго банкира, организовавшаго возстаніе въ Македоніи, находилась бдльшая часть аеонскихъ отцовъ (Φιλιμωνος Δοχμιου περι της Ελλ. επαναστασεως, III, 143). Что большинство стояло за возстаніе, это слышалъ я и отъ аеонитъ, о которомъ ниже будетъ упомянуто.

заняла Св. Гору 15-го декабря 1821 года; она своими поступками привела къ горькому раскаянію тѣхъ святогорцевъ, которые противодѣйствию предпочли подчиненіе. Стража оставалась у нихъ девять лѣтъ ¹⁾. Этотъ-то разгромъ и поминаютъ афониты, молясь о благополучномъ избавленіи отъ прещенія. Каждый годъ, какъ сообщилъ мнѣ на дняхъ одинъ почтенный святогорецъ, заслуживающій полного довѣрія, во всѣхъ обителяхъ Афона происходитъ въ ночь съ субботы на Фомино Воскресеніе, долгое всенощное бдѣніе, состоящее изъ горячихъ благодарственныхъ молитвъ объ упомянутомъ освобожденіи отъ тяжкаго и мучительнаго ига. Вернемся къ старинѣ. О внутренней жизни афонскихъ обителей находимъ намеки въ Νικόλαου τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ποιήμα πρὸς τὸν πρῶτον τοῦ ἀγίου ὄρους = „Николая свѣтѣйшаго патріарха Константинопольскаго стихотвореніе къ проту Святой Горы“ (Κατάλ., № 333, статья 8, ркп. перг. XIII вѣка = № 7 Ζωγρ. ²⁾). Это стихотвореніе содержитъ въ себѣ руководство для жизни духовной сперва общее, необходимое для всѣхъ христіанъ, а потомъ особенное для монаховъ. Первый отдѣлъ состоитъ изъ поученій Спасителя и апостоловъ, очень близко къ текстамъ Новаго Завѣта переложенныхъ въ политическіе стихи; второй же отдѣлъ представляетъ положительныя правила, которыхъ на основаніи церковныхъ каноновъ, монастырскихъ уставовъ и обычаевъ, должны держаться монахи въ постные и праздничные дни. Совсѣмъ не мудрено, что авторъ этого произведенія самъ называетъ его въ стихѣ 410 παραίνεσις—„назиданіемъ, наставленіемъ“: весь характеръ произведенія краткій, совѣтпый. Если же въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ заглавія слѣдуютъ слова ὡς τοῦτιχόν „въ видѣ типика или устава“,

¹⁾ Мы передали эти событія по Τριχοῦκη. Ἱστορία τ. Ελλ. ἐπαναστάσεως, т. 2, кн. 28, с. 178—179.

²⁾ Епископъ Порфирій во 2-мъ Путешествіи на Афонъ, Москва, 1880, стр. 157, пишетъ: „Λαυσαϊχόν на пергаинѣ въ 4-ю долю листа написанъ стенографически въ XIII вѣкѣ; къ этой греческой рукописи присоединена переплетчикомъ статья: Νικόλαου τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ποιήμα πρὸς τὸν Πρῶτον τοῦ ἀγίου ὄρου.“. Заглавіе это дословно тождественно съ приводимымъ въ каталогъ г. Ламбра: здѣсь тоже 1-ю статью названъ: Λαυσαϊχόν. Но каталогъ между Λαυσαϊχомъ и стихотвореніемъ Николая помѣщаетъ еще 6 статей въ томъ же самомъ сборникѣ. Еще въ 1877 году епископъ Порфирій издалъ это произведеніе тоже по списку Зографскому и тоже пергаинному, а между тѣмъ читаемъ у него нѣсколько отличное заглавіе: Νικ. τοῦ ἀγ. πατρ. Κ—с πρὸς τὸν Πρῶτον τοῦ ἀγίου ὄρου ἐπιστολὴ συμβουλευτικὴ (Ἱστορία Αἰώνα, III, 340; опредѣленіе списка на с. 207, тамъ же).

то позволено думать, что это не слова автора, а приписка, сдѣланная на Аѳонѣ: за уставъ могъ для себя и своихъ иноковъ принять эти стихи и самъ протѣ, глава всѣхъ обителей. И вотъ съ этой точки зрѣнія это произведеніе, содержа въ себѣ подробныя указанія для цѣлаго жизненнаго строя, должно бы быть разсматриваемо историками замѣчательнаго полуострова, въ связи съ предыдущими и послѣдующими уставами и руководствами. А такая задача налагала бы обязанность опредѣлить: кто изъ Константинопольскихъ патріарховъ, носившихъ имя Николая,—авторъ этого полу-типака. Самъ г. Ламбрь, кромѣ вышеприведеннаго заглавія, не даетъ ничего. Фабрицій пишетъ, что не извѣстно, кто изъ патріарховъ Николаевъ авторъ этого стихотворенія Грамматикъ ли, Мистикъ, Хрисовергъ или Музалонъ. Прежніе издатели Маи и Минь помѣщаютъ это произведеніе между трудами Николая Мистика. Новые издатели его, они же и историки Аѳона, епископъ Порфирій Успенскій и греческій ученый г. Гедеоуъ, приписываютъ этотъ трудъ Николаю Грамматику ¹⁾. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ упомянутыхъ ученыхъ не приводитъ въ подтвержденіе своего положенія никакихъ доводовъ. Попытаемся дознаться истины. Изъ четырехъ Константинопольскихъ патріарховъ, по имени Николаевъ, едва ли будетъ основательно допустить Николая I Мистика и Николая II Хрисоверга, ибо первый былъ патріархомъ въ первый разъ въ 895—906 гг., во второй—въ 911—925; а Хрисовергъ—въ 984—995 годахъ. Между тѣмъ еще не завѣрено, чтобы политическій размѣръ употреблялся въ X вѣкѣ въ большихъ произведеніяхъ: изъ этого времени и болѣе раннаго извѣстны нѣкоторыя поговорочныя изреченія, имѣющія этотъ размѣръ. И Николая VI Музалона допустить было бы тоже неосторожно по другой причинѣ. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ его патріаршества (1147—1151) онъ, хотя и утвержденный императоромъ, несъ на себѣ укоры жителей Царяграда, обличавшихъ его рукоположеніе какъ незаконное. Можно ли предположить, чтобы глава строгаго Аѳона обратился къ спорному патріарху за рѣшеніемъ главныхъ вопросовъ жизни? Не думаемъ. Остается Николай III Грамматикъ, извѣстный изданными имъ актами, какъ человѣкъ, посвященный въ каноническую науку, человѣкъ духовной

¹⁾ Хотя Порфирій этого патріарха Николая не называетъ ни третьимъ, ни грамматикомъ, но что его разумѣть, это видно изъ того, что относитъ его къ царствованію Алексія Комнина и ставитъ его патріаршество между 1084 и 1110 гг. (Исторія Аѳона, ч. III, стр. 205).

жизни, благочестивый, скромный, но смѣло дававший отпоръ знаменитому своему государю, настойчивому Алексію Комнину, когда послѣдній дѣйствовалъ противъ постановленій церкви. Николай III былъ патриархомъ съ 1084 года до 1111, и къ этому-то времени, къ концу XI или къ началу XII вѣка, относится стихотвореніе, которое состоитъ изъ 420 стиховъ и начинается словами:

Πολλάκις με ἐβίασας καὶ ἐξέθλιψας, τέχνον ¹⁾,

Сношенія Св. Горы съ Россіей многосложны; сближеніе этихъ единовѣрныхъ странъ никогда не прекращалось: объ этомъ свидѣтельствуютъ разнородные, отчасти уже изданные акты. Но мы здѣсь должны ограничиться тѣми скудными намеками, какіе встрѣчаются въ каталогахъ восьми упомянутыхъ обителей. Есть, на примѣръ, такое заглавіе: „Иже во свѣтлыхъ отца нашего Димитрія Россійскаго патриарха о святыхъ страстѣхъ Христовыхъ, какъ открылись онѣ ему въ явленіи святаго ангела“ (№ 589, 6—Григ. 42, въ ркп. XIX в.). Тутъ вкралась, конечно, ошибка; такого патриарха на Руси не было: мы желали бы, чтобы знатоки нашей старинной письменности произнесли свое слово: нѣтъ ли тутъ отношенія къ св. Димитрію, митрополиту Ростовскому?—Въ одномъ изъ монастырей хранится греческій текстъ „слова“, обращеннаго къ великой императрицѣ Россійской Екатерины II мудрѣйшимъ господиномъ Евгениемъ въ день его посвященія въ архіерея, октября 1-го, въ Москвѣ, въ греческомъ монастырѣ 1775 г.“ (Дарт. № 136, 28—сп. Пав. 9, ркп. XVIII вѣка). Объ этой рѣчи не упоминаютъ въ своихъ историко-литературныхъ и библиографическихъ обзорѣніяхъ ни Пападопуло-Вретò, ни Сава, ни Рангавъ ²⁾, ни Николаи. Но за то ее перевелъ на русскій языкъ, и

¹⁾ Дарт. Катал. N. 333.—*Fabricii* V. G. XI, 285 (ed. *Harl.*, мы и дальше будемъ ссылаться на изданіе Харлеса).—*Migne*, *Patrologiae* a. g. Tom. CXI.—Порфирій въ Исторіи Аеона напечаталъ греческій текстъ, ч. III, 340—348; русскій переводъ 205—214.—Гедεών 'Ο Αθως; текстъ 275—288; вступленіе Гедεона 273—274.—О Николаѣ III Грамматикѣ, Киннамъ II, 18; *Mortreuil*, *Histoire du droit Byzant.* III, 385—61; Гедεών, *Πατριαρχικοί Πίνακες*, Выпускъ 5, 338—347, 1887.—Послѣ заглавія... *Νικολαου* ....*Ορου*, слѣдуетъ въ некоторыхъ спискахъ: *ως τοπικον δια στίχου*; это у Минья является въ такомъ переводѣ: *ut typum in ordine vitae*; между тѣмъ оно значитъ: какъ типикъ, въ стихахъ. Самое слово *ποίημα* значитъ здѣсь не *opus*, а стихотвореніе. Однако стихотвореніе-типикъ прежде издавалось, какъ проза Маемъ, Минемъ, Порфиріемъ Успенскимъ, и только Гедεонъ отдѣлялъ стихъ отъ стиха. Между тѣмъ уже Фабрицій именовавъ его *„car-men, quod versibus politicis exstat Mstum in bibl. caes. etc.* (Fab. ib.).

²⁾ Παπαδ.-Вр., *Νεοελλ. Φιλολ.* I, 186; Σαθα, *Νεοελλ. Φιλολ.*, 569, 571; *Rangabé*, *A. R.*, *Précis d'une hist. de la littérature Néo-Hellénique*, I, 63—69; *Nico-*

перевелъ превосходно, покойный Порфирій ¹⁾). И понятно, почему эта рѣчь, неизвѣстная присяжнымъ ученымъ, появилась въ укромномъ закоулкѣ земнаго шара. Какъ было не интересоваться этому закоулку словомъ, произнесеннымъ однимъ изъ его просвѣтителей предъ лицомъ той, на которую весь православный греческій міръ взиралъ, какъ на свою главу? „Храмъ новый съ основаній зиждется среди гонителей и варваровъ“, сказалъ Екатеринѣ, между прочимъ, Евгений Булгари, — „храмъ древній и истлѣвшій возобновляется, престолъ архіепископскій водружается тецерь, новое вмѣстилище для принатія прибѣгающихъ овецъ словесныхъ съ трудомъ ограждается среди лютыхъ волковъ и противъ ихъ, кивоть между иноплеменниками чувствуется, и Дагонъ, падая предъ симъ кивотомъ, разбивается въ дребезги. Все это церковь передаетъ изъ рода въ родъ въ памятяхъ своихъ, вписавши въ нихъ имя великой императрицы Екатерины наряду съ именами Константиновъ, Θεодосіевъ“ и т. д. (Порфирій. тамъ же). Произносившій это слово былъ не иной кто, какъ тотъ самый глубоко-ученый мужъ, который нѣкогда основалъ на Св. Горѣ знаменитую Аеоніаду, державшуюся въ продолженіе пяти лѣтъ съ громаднымъ успѣхомъ подъ его главнымъ руководствомъ (съ 1753 по 1758 г.). Оставленіе Евгениемъ этого училища было послѣдствіемъ личныхъ противъ него интригъ: ни Аеонъ, ни греческая нація никогда не забывали, какимъ разсадникомъ высшей науки явилось это училище на общую пользу всѣхъ. Но вотъ другая рукопись, въ которой кроется что-то странное: на заглавіи греческой рукописи значится, что она переведена съ русскаго языка; въ концѣ же заглавія читаемъ: „въ Константинополѣ, въ Неохорійской типографіи Пресвятаго Гроба“. (Катал. № 341—Зогр. 15, XIX вѣка). Послѣдняя приписка, должно быть, и послужила поводомъ г. Ламбру высказать предположеніе, что эта рукопись есть копія съ печатной книги, носящей тоже заглавіе.

laï, R., Gesch. d. Neugriech. Litteratur, стр. 123, § 53, пр. 151. Пападопуло-Вредо, Сава и Николай увѣряютъ, что Евгений хиротонисанъ въ 1776 г. У Ламбра въ статьѣ 28-й (№ 136) приведенъ 1775 г. 1-е октября. Которое указаніе вѣрнѣе? Замѣтимъ, что у Пап.-Вр. и Саваы тоже 1-е октября, но слѣдующаго 1776 г. Я предпочитаю 1-е октября 1775 г.: въ словѣ своемъ Евгений желаетъ благоденствія Екатеринѣ, Павлу и супругѣ его Наталіи: значитъ, великая княгиня Наталія была еще въ живыхъ; скончалась же она въ апрѣлѣ 1776 г. Рѣчь Евгений произносилъ по случаю своего рукоположенія.

¹⁾ Эта рѣчь преемъ Порфиріемъ на греческомъ языкѣ найдена была въ бібліотекѣ Метеоровардамскаго монастыря въ Фессаліи, близъ тамошняго города Трики (Аеон. книжники, 22).

Вотъ заглавіе греческой книги: „Духовное зеркало сердце человѣка (πνευματικὸς καθρέπτης ἢ καρδία τοῦ ἀνθρώπου) становится либо храмомъ Божиимъ, либо обиталищемъ сатаны, какъ изображено на начертаніи, состоящемъ изъ 10 картинъ и проч. съ русскаго на разговорный греческій языкъ нынѣ впервые переведенное Петромъ, роднымъ братомъ архіерея Фаворскаго, печатано на счетъ блаженнѣйшаго, божественнѣйшаго и многочимаго Іерусалимскаго патріарха господина Аванасія III на душевную пользу православныхъ. Въ Константинополь“ и т. д. Спрашивается: съ какой русской книги это переведено? Прошу читателя сравнить предыдущее заглавіе со слѣдующимъ русскимъ: „Зеркало внутренняго человѣка, въ которомъ каждый себя видѣть, состояніе души своей познавать и исправленіе свое по тому располагать можетъ, въ десяти картинахъ представленное, съ объясненіемъ оныхъ“; пер. съ нѣмецкаго (Александръ Лабзинъ). С.-Пб. 1821 г. (12) ¹⁾. Вставленныя въ скобки слова: „Александръ Лабзинъ“ принадлежатъ знатоку тогдашней библиографіи, составителю Смирдинскаго каталога Василю Григорьевичу Анастасевичу; стало быть, въ томъ, что переводчикомъ съ нѣмецкаго былъ Александръ Фодоровичъ Лабзинъ, бывшій тогда конференцъ-секретарь академіи художествъ, нельзя сомнѣваться. И выходитъ, что нѣмецкую книгу, переведенную на русскій языкъ переводчикомъ Экартсгаузена и Юнга Штиллинга, въ самый голъ ея русскаго изданія успѣшили перевести и напечатать по гречески на средства Іерусалимской патріархіи для душевнаго спасенія православныхъ, а инокъ Св. Горы не преминулъ списать греческій переводъ съ печатной книжки. Довольно странно.

Изъ статей, направленныхъ противъ латинства, мы укажемъ прежде на тѣ, которыя можемъ приурочить къ опредѣленной эпохѣ. Къ XII вѣку относящіяся два разсужденія Николая, епископа Мееонскаго, объ исхожденіи Св. Духа, противъ утвержденія латинянъ (№ 721—Ксен. 19, статьи 6 и 7, сп. XVIII вѣка) ²⁾. Къ XIV вѣку относится

¹⁾ Роспись рос. книгамъ для чтенія, въ библиотекѣ Ал. Смирдина. С.-Пб. 1828, см. № 950, стр. 74.

²⁾ Статья 6-я, № 721 Кат. *Ламбра*, должна быть тождественна съ статьей Моск. синод. библиотекѣ, р. 23 cod. XII, fol. 121: τοῦ μεθ' ὧν; καρδὸς Νικολάου, περὶ τοῦ ἐκπορεύεσθαι τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐκ τοῦ πατρὸς μόμου. Та и другая начинаются молитвой: *Matthaei*, Notitia cod. Mosq. Время житія Николая Мееонскаго недавно точнѣ своихъ предшественниковъ опредѣлялъ профессоръ В. Г. Васильевскій въ статьѣ: Одинъ изъ греческихъ сборниковъ Моск. син. библ. С.-Пб. 1886, стр. 6 и 7. Въ 1156 г. Николай называетъ себя старцемъ.

Марка Евгеника, архієпископа Ефесскаго, разсужденіе (κεφάλαια συλλογιστικά) о томъ же предметѣ (№ 721=Ксен. 19, стат. 1, сп. XVIII вѣка). Кромѣ западно-европейскихъ библіотекъ, оно находится и въ Московской синодальной и въ русскомъ переводѣ ¹⁾. Ко второй половинѣ XVIII вѣка принадлежитъ сочиненіе Аѳанасія Парійскаго „О необходимости крестить возвращающихся изъ латинства“ на разговорномъ греческомъ языкѣ (№ 790, 13=Ксен. 88) ²⁾. Этотъ Аѳанасій, ученый очень плодовитый, извѣстенъ, между прочимъ, и своимъ сочиненіемъ о Маркѣ Евгеникѣ, озаглавленномъ „Антипапа“ (изд. въ 1785 г., въ 8^о) ³⁾, съ которымъ въ связи находится и вышеприведенная не изданная книга. Кромѣ того, есть сходнаго содержанія статьи, которыхъ время здѣсь не опредѣлено. „Фотія святѣйш. патр. К—го ереси Франговъ, изъ окружнаго посланія“: это должно быть извлеченіе изъ того знаменитаго окружнаго Фотіева посланія 867 г., въ которомъ онъ оповѣщаетъ всѣ православные престолы объ отступничествѣ папы Николая и его приверженцевъ. Нѣтъ хронологическаго указанія и при слѣдующей полемической статьѣ: „Обзоръ (σύνοψις) свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, изъ божественныхъ и священныхъ каноновъ и изъ латинскихъ ересей, изъ изложенія латинской вѣры, посланнаго папою Григоріемъ къ святѣйш. патр. Кон—у Герману“ (№ 630, 7=Григ. 83). Какъ ни безтолково изложено это заглавіе, все же ясно, что оно содержитъ въ себѣ опроверженіе посланія папы Григорія IX, обращеннаго, какъ извѣстно, въ 1233 г. къ жившему въ Никеѣ Константинопольскому патриарху Герману, — того пресловутаго посланія, гдѣ объявлено, quod utrumque gladium ad romanum pertinere pontificem ex evangelica lectione tenemus (на томъ основаніи, что Господь сказалъ Петру: convertite gladium tuum in locum suum). Въ рукописи XIV в. находимъ: „Собесѣдованіе (διάλεκτις) нѣкоего православнаго съ латиномъ въ 20-ти главахъ“, начинающееся словами: „Зачѣмъ вы отъ насъ отторгаетесь“ (διὰ τὴ ἀποσχίσεσθε ἀφ’ ἡμῶν (№ 716, 23).

¹⁾ *Fabr.*, В. G. XI, 674—5, гдѣ ссылка на Mosq. cod. Syn. 394, № 1. Въ *Notitia Matthaei* этого нѣтъ. *Востокова* Описаніе... Рум. Муз. сборникъ N. ССCLX, л. 158: „прибнаго Марка главы“. Это долженъ быть переводъ того же; но говорю, не сличивъ ихъ, основываясь на сходствѣ заглавія.

²⁾ Объ этомъ сочиненіи, какъ не изданномъ, упомянулъ А. З. Мамука въ своей біографіи Аѳанасія Парійскаго, который былъ его учителемъ. Эта біографія, написанная по просьбѣ Саенъ, помѣщена имъ въ его N. Ф. См. стр. 641.

³⁾ *Σαφα*, N. Ф. 638, *Παπ.-Βρ.* N. Ф. I, № 312. Ни одинъ не упоминается о мѣстѣ изданія.

Новоизданный каталогъ упоминаетъ и о нѣсколькихъ актахъ, содержащихся въ библиотекахъ, въ копіяхъ. „Хрисовулъ покойнаго царя Кира Никифора Вотаниата, утверждающій соборныя рѣшенія о не дозволенныхъ бракахъ“ (№ 716, 19=Ксен. 14). Онъ печатался нѣсколько разъ по западно-европейскимъ спискамъ; теперь узнаемъ и о спискѣ аэно-ксенофоновскомъ. Упомянутыя соборныя рѣшенія совершились при патриархѣ Ксифилинѣ (1066 и 1067 гг.) и послѣ его смерти подтверждены упомянутою новеллой. — Далѣе находимъ: „Новеллу, изданную христолюбивымъ царемъ нашимъ Комниномъ Киромъ Алексіемъ о обрученіи (περί μνηστείας) въ іюнѣ мѣсяцѣ 7-го индикта въ лѣто 6592¹⁾“ (№ 716, 20 = Ксен. 14). По этой новеллѣ, какъ извѣстно, обрученіе почти приравнивается браку, такъ какъ и оно совершается со священнымъ благословеніемъ. — Кромѣ того, находимъ такой рѣдкій актъ: Τὸ ἴσον τῆς ὁμολογίας τῆς κραταιᾶς καὶ ἁγίας ἡμῶν δεσποίνης ἐπὶ τοῖς ἐκκλησιαστικαῖς πράγμασιν ὅσα διὰ οἰκαιοχείρου σταυροῦ ἀπαρχῆς (то-есть, ἀπ' ἀρχῆς) ἐπιστάσατο καὶ κάτω διὰ τῆς οἰκείας στήλης, ἐν χρυσίνῃ βούλλῃ φερομένης καὶ ἀπρωρημένης δι' ὀξείας μελάνης“. Не безъ опасенія впасть въ ошибки перевожу: „Копія исповѣданія (вѣры) державной и святой нашей властительницы, по церковнымъ дѣламъ, утвержденная ею въ началѣ собственноручнымъ крестомъ, а внизу собственною подписью, нанесенною и исполненною на золотой грамотѣ красными чернилами“. Въ этой выпискѣ вычурность оборота затемнила простой ея смыслъ; оттого переводъ неволью обратился въ перифразъ. Στήλη значить столбъ, статуя, вообще изображение; такъ какъ здѣсь можетъ быть рѣчь только о подписи, то я предполагаю, что это слово подпись = ὑπογραφή замѣщено здѣсь словомъ στήλη — изображение: διὰ τῆς οἰκείας στήλης. Словами χρυσίνῃ βούλλῃ замѣняется, полагаю, болѣе употребительное χρυσοβούλλον или χρυσοβούλλιον — хрисовулъ. Царица подписалась, какъ было принято, красными чернилами: ярко-красный цвѣтъ назывался въ средніе вѣка τὸ ὀξύ²⁾, какъ бы окисью: это и выражено здѣсь словами δι' ὀξείας

¹⁾ Она издавалась много разъ; помѣщена между прочимъ въ сочиненіи *Ралли* и *Потли* (Σύνταγμα, т. VI, 180—182) съ толкованіемъ Валсамона въ Святягмѣ Вастара бук. Г', гл. 15.—Въ нѣкоторыхъ спискахъ іюнь, въ другихъ іюль, см. *Mortreuil*, Histoire du droit Byz. III, 160; *Muralt*, Essai de chron. Byz., подъ 1084 г., стр. 54.

²⁾ „Παρά Βυζαντινοῖς ἰδίως ὀξύ τὸ ἀνοικτὸν πορφυροῦν τὸ φεσ—ρέγκι“ (Σχαρ. Βυζαντ. Λεξικὸν τ. ελλ. γλωσσ.—древн.-греч. съ новымъ подъ ὀξύς.—Ср. въ Διαταξίς Ἀτταλαεταίου· „Ἐτερον βλαττίον καταπέτασμα ὀξύς“. У *Sathas*, В. G. M. АЕ.

μελάνης, при чемъ ἡ μελάνη—чернила (болѣе старая форма τὸ μέλαν) утратила свое значеніе черноты, совершенно какъ у насъ говорятъ: написано синими, красными чернилами. Настоящаго, спеціальнаго значенія, какое здѣсь имѣеть причастіе ἀπρωρημένης я не знаю, и перевелъ лишь по догадкѣ. Представлялась мнѣ сначала вислая печать, такъ какъ ἀπρωρημαі значитъ „я повисъ, я вишу“, а βούλλη значитъ „печать“, но весь оборотъ этого не допускаетъ. Начало названной грамоты: „Θεοδώρα во Христѣ Богѣ вѣрная Августа и самодержица Ромеевъ „дукина“ (?) Комнина Палеологъ. Я размышляю о благочестіи не такъ, какъ о прочихъ подвигахъ, какіе могутъ быть совершаемы для своего спасенія“ (Θεοδώρα ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὴ Αὐγούστα καὶ αὐτοκράτεισα Ῥωμαίων δούκαινα Κομνηνὴ ἡ Παλαιολογίνα. Οὐχ ὥσπερ..... № 716, 26=14 Ксен.). Писавшій эту копію при словѣ δούκαινα быть можетъ, воображалъ себѣ какое-то званіе Θεοδору; оттого, входя въ его мысль, я и перевелъ „дукина“: но его мысль ошибочна: нужно писать большою буквою Δούκαινα и переводить какъ имя фамиліное, „Дука“. Это и само собою понятно; совершенно же убѣдительнымъ становится при сличеніи этой подписи со снимкомъ, прекрасно воспроизведеннымъ красною краскою, подписи Михаила, основателя династіи: „† μιχαήλ ἐν χϋ τῷ θῷ πῖστός βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων δούκας ἄγγελος κομνηνός ὁ παλαιολόγος † 1)“. Но которая изъ Θεοδору Палеологъ подписала свое исповѣданіе вѣры, мы теперь рѣшить еще не въ состояніи. О хаги-шерифѣ Селима мы уже говорили. Изъ посланій историческихъ лицъ въ каталогѣ важное мѣсто занимаетъ посланіе Тарасія, патріарха Константинопольскаго, къ Адриану, папѣ Римскому, о томъ, чтобы рукоположенія совершались не за деньги (№ 716, 6 = Ксен. 14). Оно помѣщается въ русскомъ переводѣ въ Кормчихъ: „посланіе сѣго Тарасія еѣкпа Константина града къ Андрѣяноу папѣ римскому не поставляти на мздѣ КД“ 2). „По по-

I, 51. Сравни въ словарѣ профессора турецкаго языка въ Отдѣленіи восточныхъ языковъ г. Фардиса: „ρόδοχρως=χιούλλ ρενκί (Фардѣ, Λεξ. ἑλληνοτουρκικόν, Κωνστ. 1860).

1) См. снимокъ этотъ на табл. Е', приложенной къ Δελτίον της ιστ. κ. εθν. εταιρίας, Т. 2, τευχ. 6. Αθ. 1885. Самый хрисовулъ Михаила см. на стр. 275.

2) Восточная, Опис. Рум. и Си. Кормчихъ №№ 231, л. 197, 232 л. 180.—Греческаго текста списки европейскіе указаны Харлесомъ (Fabr. В. G. XI, 184, въ прим. h); на списокъ трапезундскій ссылаются Ралли и Потли, помѣтившіе это посланіе въ IV т., стр. 375 и т. д. своей Синтагмы; въ предисловіи къ этому тому можно найти указаніе на сборники каноническихъ посланій.

воду усилившагося мздоимства при поставленіи въ санъ священный, пишетъ нашъ канонистъ епископъ Іоаннъ, патріархъ Цареградскій Тарасій принужденъ былъ писать особое посланіе къ папѣ Адріану, для совокупнаго истребленія этого зла по всей церкви и для возобновленія правилъ отеческихъ о безкорыстномъ сообщеніи даровъ благодати достойнымъ священства. Посланіе Тарасія писано около 787 года и отличается множествомъ собраныхъ противъ симоніи свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, постановленій соборныхъ и отеческихъ¹⁾. — Въ томъ же № 716 названы посланіе папы Николая къ Игнатію, патріарху Константинопольскому, гдѣ папа жалуется на нескончаемыя гоненія, которымъ подвергается отъ грековъ (начало: Γράψα; σὺχ οἶον τε..), и еще одно посланіе того же папы къ константинопольскимъ синклитикамъ (№ 716, 29, 30=Ксен. 14).

Нѣкоторые рукописи, изъ означенныхъ въ каталогѣ, заключаютъ въ себѣ сочиненія древнихъ классиковъ, отцовъ и учителей церкви, писателей эпохи византійской и подъяремной, заключаютъ въ себѣ номоканоны, житія святыхъ, служебныя послѣдованія, церковныя пѣснопѣнія. Близкій разборъ всѣхъ такихъ рукописей со временемъ покажетъ, на сколько можно разчитывать на исправленіе греческихъ текстовъ при помощи аеонскихъ списковъ. Но такъ какъ научное значеніе этой массы рукописей по столь важнымъ и разнообразнымъ предметамъ далеко еще не изслѣдовано, то мы на этихъ рукописяхъ и не можемъ остановиться. Намъ подручнѣе будетъ ограничиться указаніемъ на нѣкоторые факты, по видимому, мало извѣстные, о которыхъ, кое-что узнаемъ изъ заглавій и выписокъ разбираемаго каталога, пополняя ихъ изъ другихъ источниковъ. Извѣстно, что въ Патрологіи Миня толкованія Никиты Серрскаго на Григорія Бослова изданы въ латинскомъ переводѣ и кое-что лишь по гречески; а въ Зографской обители находятся они на языкѣ подлинника: „Νικήτα τοῦ παμρωτάτου μητροπολίτου Σερρών ἐξήγησις εἰς τοὺς ἀναγινωσκόμενους λόγους τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ Θεολόγου“.

¹⁾ Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Архимандрита *Іоанна*, вып. 2. С.-Пб. 1851, § 62.—Г. Муральтъ не упоминаетъ объ этомъ посланіи Тарасія къ Адріану, а о томъ, что Адріанъ порицалъ Тарасія, упоминаетъ; см. *Essai*, стр. 377 и сл. Г. Гедеонъ дѣлаетъ предположеніе, что Тарасій осудилъ хиротоніи, совершаемыя за деньги на собранномъ въ Константинополѣ соборѣ; а о его посланіи къ папѣ по сему предмету упускаетъ сказать, — и гдѣ же? въ Исторіи Константинопольскихъ патріарховъ, стр. 266, вып. 4, *патріарχικοὶ πινακὲς*. Упущенія, конечно, случайныя.

Г. Ламбръ прибавляетъ: начинается съ бесѣды „на Пасху и на (свое) замедленіе“ и доходитъ до бесѣды „объ отцѣ“ (№ 327 — Зогр. I). Таково содержаніе 1-го и 16-го словъ Григорія Богослова, и его толкователя Никиты по греческимъ спискамъ, сколько намъ извѣстно: но послѣдовательность 16-ти словъ Григорія не вездѣ одна и та же, и мы жалѣемъ, что г. Ламбръ не выставилъ ее по поводу толкованій малоизвѣстнаго Никиты Серрскаго. Замѣтимъ: ни греческія, ни латинскія заглавія, ни біографическія свѣдѣнія, намъ извѣстныя, не объяснили намъ одного непонятнаго слова, вторгшагося въ нѣкоторыя русскія списки Никиты. Вотъ чтò тамъ читается: „Толкованіе на слова Григорія Богослова, митрополита раклійскаго (читай: Ираклійскаго), кур. Никиты анепсѣя же митрополита сѣрскаго“. Мы знаемъ, что Никита былъ сперва архіереемъ въ Серрахъ, а потомъ митрополитомъ въ Иракліи (Θρακίης): такъ, что испорченное „анепсѣя“ (вар. анепсея, анепсеа), можетъ быть, кроетъ, что-нибудь въ родѣ „прежде бывшаго“, а ужь никакъ не слово ἀνεψίος — племянникъ. Итакъ, чтò такое анепсея? Это нашъ вопросъ русскимъ филологамъ ¹⁾. Коснемся и другихъ сочиненій малоизвѣстной эпохи. Одно изъ нихъ, хранящееся въ Зографскомъ монастырѣ, было хорошо знакомо на Руси. Вотъ его начало по каталогу (№ 333, 6 == Ζωγρ. 7):

Κλαυθμοὶ καὶ θρήνοι μοναχοῦ ἀμαρτωλοῦ καὶ ξένου
δι' ὧν καὶ ἀπελέγετο πρὸς ψυχὴν τὴν ἰδίαν,

то-есть, „плачь и рыданіе инока грѣшваго и чужаго, съ которыми онъ обращался въ своей душѣ“.

До 360 стиховъ, написанныхъ большею частью въ видѣ прозы (καταλογαδῆν), которыхъ первая буква выписана красными чернилами. Ко-нецъ:

¹⁾ Свѣдѣнія о греческихъ спискахъ Никиты въ Европѣ у *Fabr.* В. G. VIII, 431, и прим. п. Указаніе г. Саэмъ на греческій списокъ Святогорскаго подворья въ Константинополѣ въ *Bibl. Gr. med. aev.* I, 304. Указаніе г. Пападопула-Керамея на списокъ, принадлежащій евангельскому училищу въ Смирнѣ. *Καταλογος τ. χειρογραφ. της εν Σμυρνῃ βιβλ. τ. Ευαγγ. Σχολης. Σμυρνῃ.* 1877, стр. 11 (А — 6) и стр. 50 (В — 74). О славяно-русскихъ спискахъ: *Востокова* Оп., №№ 85 и 86, особенно 85; Описаніе *Калайдовича* и *Строва*, №№ 80, 106, 143, 163, 260, 309, особенно три послѣднія семлки. *Голубинскаго*, *Исторія русской церкви.* М. 1880, т. I, стр. 723. *Migne, Patrol. gr.* V, 127, въ *Addenda*, также томы 36 и 37: въ этомъ изданіи большая часть толкованій Никиты издана въ латинскомъ переводѣ по Библию.

Τὸ τοῦ σημείου πέφυκεν ἀγάπης πληρωτάτης
 Τὸ χαίρειν μετὰ χαίροντος, τὸ συμπανθῆν πενθοῦσα.

Мы имѣемъ здѣсь, продолжаетъ издатель,—часть такъ-называемой Діоптры монаха Филиппа, которая издана только по латини въ Миневоѣ Греческой Патрологіи, т. 127, ст. 701 и сл. ¹⁾). Жаль, что г. Ламбрь выразился неточно, говоря: „Мы имѣемъ здѣсь часть такъ-называемой Діоптры“ и т. д. Спрашиваю: какая часть Діоптры содержится въ упомянутой Зографской рукописи? Я полагаю, что это первое изъ пяти словъ, изъ которыхъ состоитъ Діоптра Филиппа Пустынника; сузу по сравненію со слѣдующимъ началомъ стариннаго русскаго перевода: „Плачеве и рыданія инока грѣшна и странна, имже спирашеса къ души своей“ (Толст. № 7, ст. 3). Это дословный переводъ вышеприведенныхъ греческихъ стиховъ. Сличимъ число стиховъ: по г. Ламбру, ихъ въ выпискѣ Зографской 360; по Строеву и Калайдовичу, въ первомъ словѣ 370 стиховъ: почти совпаденіе. Прочія слова содержатъ въ себѣ больше тысячи, а пятое—за двѣ тысячи стиховъ, по даннымъ означенныхъ русскихъ ученыхъ. Но если таково начало греческой и русской Діоптры, то отчего же въ латинскомъ ея переводѣ Якова Понтана, читаемъ совсѣмъ другое начало? См. Миня СХХVII, ст. 710. На это Ламбецій, превосходно знакомый съ вѣнскими списками греческой Діоптры, даетъ отчасти объясненіе: „Ac Lambecius quidem observat“, сообщаетъ Фабрицій,—„in Pontani editione librum primum integrum omissum, excerpto exordio, quod ad calcem libri quarti sub titulo flebilis lamentationis subnexuit“ (сравн. κλαυθμοὶ καὶ θρήνοι, плачеве и рыданія). Итакъ, вступленіе=exordium, которое въ греческихъ спискахъ вѣнскихъ, въ спискѣ зографскомъ, въ русскомъ, стоитъ на своемъ мѣстѣ, въ изданіи Якова Понтана переставлено къ концу книги четвертой. Къѣмъ переставлено писцомъ ли аугсбургскаго кодекса или переводившимъ его Понтаномъ,—намъ не извѣстно. Мы желали бы провѣрить это замѣчаніе Ламбеція, повторенное Фабриціемъ, но не имѣемъ изданія Понтанова (Ingolstadt, 1604, 4); въ перепечаткѣ же Понтанова перевода Миньемъ мы упомянутаго вступленія—exordium—ни въ началѣ, ни въ концѣ не находимъ. Книгою первую Понтанъ съ Миньемъ называютъ, по видимому, вторую книгу Филиппа Пустынника. Но къ этой трудности, которою наградила насъ или аугсбургскій кодексъ, или его латинскій переводчикъ, присоединяется еще одна у русскихъ—тоже не знаю пере-

¹⁾ И въ лаврѣ Аеонской есть списокъ Діоптры, Σαθα, Bibl. Med. aevi, I, 273.

водчиковъ либо писцовъ. Въ концѣ 5-го слова (по Рум. N. XCV) сочинитель объявляетъ, что онъ написалъ книгу свою, „не ѿ себе устремляемъ, но принужденъ бывъ ѿ оца дѣнаго именемъ Калиника жїе убо имущу во странахъ смоленскихъ“. Востоковъ оставляетъ это мѣсто безъ разъясненія. Издатели же каталога Толстовскихъ рукописей пишутъ особо въ примѣчаніи, что Филиппъ написалъ Діоптру, „какъ полагають, въ 1095 г., для духовнаго отца своего Калиника, жившаго въ Смоленскихъ предѣлахъ“. И многоученный авторъ „Историческаго ученія объ отцахъ церкви“ повторилъ: „для Смоленскаго инока Калиника“. Профессоръ Голубинскій поясняетъ дѣло слѣдующимъ образомъ: „Подъ странами Смоленскими“, пишетъ онъ, — „видно, что по гречески Μέρη τῶν Σμολένων, должно разумѣть предѣлы не нашего города Смоленска, а греческаго (болгарскаго) города Смоленъ (τὰ Σμολένα), находившагося въ митрополіи Филиппской (каталогъ архіерейскихъ кафедръ, усвоенный надписаніемъ императору Льву Мудрому) и полагаемаго учеными на мѣстѣ нынѣшняго приморскаго городка Орфано или Орфани (недалеко на востокъ отъ впаденія въ море р. Струмы, между Авономъ и островомъ Тавосомъ, Тафель, De via Romanorum Egnatia, Tubingae 1841, p. 16“. Эта догадка правдоподобна. Что же касается до стиховъ „Константина нѣкоего Ивеста книзѣ глѣмѣй Діопатра“, то я предлагаю слѣдующую поправку. Это заглавіе въ латинскомъ переводѣ читается такъ: „Versus Constantini grammatici et Vesti in laudem Dioptrae et auctoris ejus Philippi“ (въ статьѣ Харлеса у Fabr. B. G. (Harl.) X, 62). И русскій, и латинскій переводъ сдѣланъ съ греческаго. Но русскій одинъ писецъ пропустилъ „грамматика“; другой, найдя „и вестъ“ соединилъ эти два слова въ одно: „Ивеста“. Очевидно, „грамматикъ“ указываетъ на занятіе Константина, а „вестъ“ на его званіе гардеробмейстера, или тому подобное ¹⁾). Не мѣшаетъ замѣтить, что та „Діоптра“, которая въ Россіи печаталась нѣсколько разъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, есть другое сочиненіе, отличное отъ описаннаго Востоковымъ въ №№ XCV и XCVI, какъ утверждаетъ покойный Пекарскій ²⁾).

¹⁾ Строева и Калайдовича, Опис. рук. Толстаго, отд. I, № 7, стр. 3.—Востокова, Опис. Рум. М. № 95 и 96.—Migne, Patrol. s. g. V. 127, ст. 701 и дал. Замѣчаніе Ламбеція у Fabr. B. G. X, 62, прим. 00.—Филарета, Ист. ученіе объ отц. цер. III, § 280, прим. 13 (п, Филиппъ Пустынникъ). Голубинскаго, Исторія Русской церкви, т. I, 725.

²⁾ П. Пекарскаго, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. II, № 1, стр. 1 и 2, прим. 2.

Отъ книги высоко нравственнаго содержанія перейдемъ къ книгѣ сомнительныхъ правоученій, къ разказамъ о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, обошедшимъ полміра, начиная съ береговъ Ганга: и такая книга, слышшая въ средневѣковыхъ литературахъ Азіи и Европы за назидательную, оказалась и на Аѳонѣ, въ Ксенофонтовой обители (№ 794, 3=Кс. 92). Въ концѣ этой рукописной статьи, писанной на новогреческомъ языкѣ, есть такая приписка: „Настоящая книга, именуемая Перзудѣ (τὸ παρὸν βιβλίον ὀνομαζόμενον Περζουδέ), написана рукою моею смиреннаго Іоасафа, іеромонаха города Завиева и изъ обители Симопетрской изъ Аѳона . . . года 1614, іюля 29-го“. Давно ужъ разъяснено, что подлинникъ, принадлежащій санскритской письменности, былъ сперва переведенъ на средне-персидскій языкъ, потомъ съ средне-персидскаго на арабскій, съ арабскаго на греческій: этотъ послѣдній переводъ сдѣланъ во второй половинѣ XI в. по желанію царя Алексія Комнина его ученымъ современникомъ, Симеономъ Сиеомъ. Черезъ южныхъ славянъ проникъ славянской переводъ и въ Россію, какъ доказалъ посредствомъ сличенія русскаго текста съ греческимъ г. Пыпинъ. Какимъ путемъ то же сочиненіе изъ Азіи попало въ западную Европу—это тоже изслѣдовано, но насъ здѣсь не занимаетъ. Мы ставимъ вопросъ, который разрѣшить, за неимѣніемъ матеріаловъ, не можемъ; а именно: съ какого греческаго текста перевели сербы разказы о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, съ текста ли Симеона Сиеа, или съ новогреческаго? А за неимѣніемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мимоходомъ вспомнимъ, что Перзудѣ есть имя того традиціоннаго врача, котораго въ VI вѣкѣ по Р. Хр. послалъ въ Индію за мудрыми баснями Персидскій царь Хозрой Нуширванъ (варианты: Περζουδέ, Περζουδέ, Pēgoz, Berzuie, Vizgovieh и проч.)¹⁾. — Перейдемъ къ одному житію, о которомъ г. Ламбръ замѣчаетъ: „Богословское разсужденіе безъ начала, въ которомъ говорится о мытарствахъ и о ихъ преодолѣніи“ (№ 751, 1=Ксен. 49, рук. XIV в.). Однако намъ совершенно случайно удалось опредѣлить, что это отрывокъ изъ житія Василія Новаго, написаннаго его ученикомъ Григоріемъ, и именно изъ того мѣста, гдѣ описываются мытарства, которымъ подверглась св. Θεодора.

¹⁾ Печатная и рукописная литература предмета приведена у *Fabr.*, В. G. VII, 777—781, XI, 326—327; у *Пыпина*, Очеркъ литературной исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ, 157—159; ср. *Дичъ*, Исторія сербско-хорватской литературы (древній періодъ), переводъ съ сербско-хорватскаго. Казань. 1871, №т. 126.

Слѣчаю начало упомянутого отрывка, приводимое г. Ламбромъ, съ соответствующимъ отрывкомъ изъ названнаго житія, съ которымъ познакомилъ меня академикъ А. Н. Веселовскій:

Κατάλογος (Λάμπρου) № 751—(49),
(Бод. бум. XIV вѣка).

.... γνησίως ἐπευφραίνετο καὶ φησὶ πρὸς με κύριέ μου Γρηγόριε, τί σε τοῖς ᾧδε ἀποκατέστης(;) μὴ ἀπέθανες καὶ ἀπὸ τοῦ ματαίου ἐκείνου κόσμου ἡλευθερώθης καὶ πρὸς τὴν ἀνέσπερον ταύτην διαγωγὴν καὶ μακαρίαν μονὴν κατήντησας. Ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα ξενίζομένου καὶ ὅλως ἀγνοοῦντος τὰ λεγόμενα παρ' αὐτῆς· οὐ γάρ ἐδόχουν ἐν ἐκστάσει εἶναι καὶ νοεῶς ὄραν τὰ γινόμενα ἀλλ' ὡς ὕπαρ καὶ ἐν ἀληθείᾳ· καὶ λέγω πρὸς αὐτὴν κυρία μου ἀμμάς· ἐγὼ ἀκμὴν οὐκ ἐτελεύτησα, ἀλλὰ τῇ εὐχῇ καὶ ἀντιλήψει τοῦ ὁσίου ἡμῶν πατρὸς ἐτι ἐν τῷ βίῳ παροδεύω.

Житіе Василія Новаго по синод. сп. № 249, издаваемому А. Н. Веселовскимъ. F. 70 г. f. 70 v. (Печ. стр. 13). (Бум. XVI вѣка).

Ἡ δὲ κυρά Θεοδώρα συναντήσαά μοι (f. 70 v.) καὶ περιπλακείσα χαρὰς ἀπάτου πεπληρωμένη, γνησίως κατησπάζετο καὶ ἐπευφραينوμένη πρὸς με φίλτατα διελέγετο καὶ φησι· Τίς ἄρα ἐστὶν ὁ ἀποκαταστήσας σε τοῖς ᾧδε, γλυκυτότῳ μου τέκνον Γρηγόριε, ἀπὸ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου πρὸς τὴν ἀνέσπερον ἡμέραν ταύτην; μὴν ἄρα γε τετελεύτησας ὅτι ἐνταῦθα παραγέγονας, ἡλευθερωθεὶς τῶν τοῦ κόσμου ἐκείνου ματαίων φροντίδων, καὶ πρὸς τὴν μακαρίαν ταύτην διαγωγὴν καταντήσας; ἐμοῦ δὲ πρὸς ταῦτα ξενιζομένου καὶ παντελῶς ἀγνοοῦντος τὰ παρ' αὐτῆς μοι λεγόμενα, τίνα εἶεν, οὐ γάρ ἐδόχουν ἐν ἐκστάσει με εἶναι ἐκείσε καὶ νοεῶς ὄραν τὰ γινόμενα, ἀλλ' ὡς ὕπαρ καὶ ἐν αἰσθητοῖς ὀφθαλμοῖς βλέπειν ταῦτα, λέγω πρὸς αὐτὴν· Κυρία μου ἀμμάς, ἐγὼ ἀκμὴν οὐκ ἐτελεύτησα, ἀλλὰ τῇ εὐχῇ καὶ ἀντιλήψει τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν ἐτι τῷ βίῳ παροδεύων εἶμι.

Г. Ламбръ приводитъ конецъ этой статьи; но не имѣя подѣ рукою конца житія по списку синодальному, я не могу судить, одинаково ли оканчиваются эти два списка. Житіе Василія Новаго имѣется и въ двухъ другихъ спискахъ Аѳонскихъ, но въ каталогѣ приведены только заглавія (№№ 572 и 719); поэтому и не знаю, примыкають ли въ сихъ спискахъ къ житію Василія мытарства или нѣтъ.

Разбираемый каталогъ даетъ нѣсколько заглавій и выписокъ по литературѣ прорицаній. Такъ, въ монастырѣ Григорія хранится рукопись съ прорицаніями Льва Мудраго: Αἰνίγματα συγγραφέντα μυθιγραφικῶς παρὰ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κύρ Λέωντος τοῦ σοφοῦ καὶ ἐξηγηθέντα παρὰ τοῦ ἀγιωτάτου Μεθοδίου Πατάρων. *Арх.

Αἰνίγμα λέξεων Δέοντος σοφωτάτου
 συμβολικῶς λήξαντος ἐν Βυζαντίῳ
 μυθογραφικῶς ἐνεσόπτρῳ (то-есть, ἐν ἐσόπτρῳ) ἐμφάνας (578,

24=Григ. 31). Съ этою статьей находится въ предметной связи слѣдующая статья въ той же библіотекѣ обители св. Григорія: Μεθοδίου ἐπισκόπου Πατάρων (то-есть, Πατάρων) πρόφθεγμα περὶ τῶν ἐσχάτων ἡμερῶν, ὅπερ ἀνεγράφη ὑπὸ τινος παλαιοῦ χειρογράφου... ἐμαρτύρησε τὴν 20 Ἰουνίου 311 ἐπὶ Διοκλητιανοῦ (№ 581,3=Григ. 34). Первая изъ сихъ статей представляетъ Меодіа Патарскаго жившимъ послѣ Льва Мудраго, если только я вѣрно понимаю таинственные обороты этой статьи, а во второй статьѣ онъ отнесенъ ко времени Діоклетиана. Очевидно, рѣчь идетъ въ обѣихъ статьяхъ о прореченіяхъ, приписываемыхъ Льву Мудрому и же-Меодію, котораго надо отличать отъ Меодіа Патарскаго. Быть можетъ, первая статья имѣетъ сродство съ Χρημοὶ Льва Мудраго, изданными Ламбеціемъ, а вторая—съ такъ-называемымъ откровеніемъ Меодіа, изданнымъ Гринеемъ ¹⁾. Замѣтимъ синонимизмъ словъ: αἰνίγμα и πρόφθεγμα, и ихъ связь со словами: χρησμός, ὀπτασία, ὄρασις, προόρασις, употребляемыми въ другихъ текстахъ. Въ первой изъ двухъ вышеназванныхъ рукописей Григоріева монастыря есть „предсказаніе“=Χρησμός о взятіи Кипра. Начало:

Ὁδαί σοι τλήμων καὶ κεκαυμένη Κύπρος
 τάλαινα ζωώδη καὶ βεβορβορωμένη..

(№ 578, 25=Григ. 31). Тутъ же въ слѣдующей статьѣ (26-й): στοίχοι τῆς Κωνσταντινοπόλεως τοῦ ἀγγελοφόρου, то-есть, стихи вѣстника, обращенные къ Константинополю. Начало:

Πάριθι παντάλαινα Βαβυλῶν νέα...

Это начало прореченія, изданнаго Леграномъ ²⁾.

Βύζαντος αὐλή ἐστία Κωνσταντίου.

¹⁾ *Lambecii*, Imp. Leonis Oracula; приложены къ Georgii Codini... De antiquit. Constantinopolitanis... Paris. 1655.—(Grynæi) Monumenta Orthodoxographa, Basil. 1569 (стр. 95). Ср. №№ 12, 14, 15, 16 и 17 въ „Рукописномъ греческомъ сборникѣ прореченій, относящемся къ концу XVI“ (Уваровскомъ), нынѣ печатаемомъ въ Трудахъ Моск. Археолог. Общества. Содержаніе такъ-называемаго откровенія Меодіа разобрано академикомъ А. Н. Веселовскимъ, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды—*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1875, апрѣль.

²⁾ Сравни *Lambec.*, Imp. L. Or. стр. 279 — и Λάμπρου Καταλ., 652, 19=Григ. 105.

(№ 652, 19—Григ. 105). Это послѣднее въ печатномъ текстѣ Ламбеція продолжается такъ:

Ῥώμη, Βαβυλῶν, καὶ Σιών ἄλλη νέα.

Въ этомъ послѣднемъ Царюграду предсказано: „Ты лучше прежняго будешь господствовать надъ народомъ, сдѣлаешься домою Божіей славы, когда ближніе припадутъ къ твоимъ стопамъ“¹⁾. Вотъ еще довольно ходячее прореченіе о появленіи нищаго царя; начало:

Καὶ στόλος φανείσιν ἀναβοήσαι μέγα...

(№ 578, 27—Григ. 31); сравн. это начало съ началомъ оракула, изданнаго Леграномъ:

Καὶ στόλος φανείσιν ἀναβοᾶ σοι μέγα...

Ἀναβοᾶ есть исправленіе Леграна, ибо въ его спискѣ ἀναβοᾶ. Исправленіе Леграна неудачное, потому что здѣсь, въ предсказаніи требуется время будущее: въ ἀναβοήσαι. Аерно-Григоріевскаго списка мы получаемъ настоящее чтеніе. Это чтеніе подкрѣпляется соотвѣтствующимъ стихомъ Льва (по Ламбецію):

Κήρυξ ἀφανῆς τρίς ἀνακράξει μέγα...

и соотвѣтствующимъ стихомъ другаго оракула по Дюканжу:

κήρυξ βοήσσει πᾶς (?) ἀναφωνήσσει μέγα...²⁾

Въ той же рукописи Григоріева монастыря: στοιχοὶ τοῦ κόσμου(;) περὶ τῆς τοῦ Ἀντιχρίστου ἐπιδημίας ἔχοντες οὗτος. Ἄρχ.

Καὶ κόψεται πάμπολα τῶν βροτῶν γένος.

¹⁾ *Legrand*, Les oracles de Léon le Sage, Paris. 1875 (Collect. des monum., № 5, nouv. série, см. стр. 43).

²⁾ *Legrand*, Les oracles de Léon le Sage, Paris. 1875 (Collect. d. monum. № 5, nouv. sér.), см. стр. 46. IV: ἕτεροι στίχοι διὰ τὸν βασιλεῖαν; по списку № 929 Націон. Библиот.—*Lambecius*, Imp. L. O., p. 266 (Εὐλαβεια, Oracul. XIII). *Ducanji* Annot. ad Zonar. (ed. *Dind.* VI 200). Очень интересно сличеніе этихъ двухъ стихотвореній. Исправляемъ:—*Legr.* v. 3. φιλόνομον, читай: φίλον ἐμόν (у *Ламб.* и у *Дюканжа* ἐμόν φίλον).—*Legr.* 5, στόλος читай: τόλος (не столбъ на ногъ, а моволь), согласно съ Ἀωνόμου παράφρασις (*Lamb.*, p. 276—*Migne* CVII, 1141. (Patrol. Gr.).—*Legr.* 6, βλέπειν читай: βλέπει.—*Legr.* 8 ἄζεται τοῦτον[τῆς] βασιλείας δόμοις—по смыслу догадываюсь, что надо прочесть: ἄξετε τοῦτον εἰς βασιλείας δόμους.—*Ducange*, l. c., καὶ τοῦτου (ч. τοῦτον) θέσθαι (ч. θέσθε) πρὸς βασιλείας (ч. βασιλείας) δόμους.

Это исправится, если дополнить: σίχοι (περὶ τοῦ τέλους) τοῦ κόσμου (καὶ) περὶ τῆς τοῦ ἀντιχρίστου ἐπιδημίας, ἔχοντες οὕτως (л. 578, 28—Григ. 31). Сравните это съ другою статьей: προόρασις τινὸς ἁγίου γέροντος πνευματικῆς ἐξ ὄψεω ἐγερθῆσθαι ἀγιστάτου βασιλέως καὶ περὶ τέλους τοῦ κόσμου (№ 581, 2—Григ. 34, рукопись XVIII вѣка). Здѣсь, какъ и въ такъ-называемомъ откровеніи Мессодія, соединено возвращеніе умершаго царя съ концомъ міра. — Но вотъ видѣніе сравнительно недавнее; очень жалѣемъ, что ничего не сказано о его содержаніи, хотя предполагаемъ, что дѣло идетъ о скоромъ паденіи Турціи, возстановленіи Греческаго царства, наступленіи общаго благоденствія и т. п. Это: „Видѣніе (ὄρασις) киръ Даниїла монаха, бывшее въ тысяча семьсотъ четвертомъ году по Р. Хр. въ царствованіе султана Мустафы“ (№ 581, 4 — Григ. 34, XVIII вѣка). Здѣсь 1704 годъ не вѣренъ: Мустафа II отказался отъ престола раньше того; еще 22-го августа 1703 года вступилъ на престолъ братъ его Ахметъ III¹⁾; но не въ ошибкѣ дѣло, тѣмъ болѣе, что она и не велика: важно появленіе иноческаго видѣнія скоро послѣ того, когда Карловацкимъ миромъ 1699 года Оттоманская имперія лишилась массы завоеванныхъ ею нѣкогда земель.

Фактъ совпаденія усиленія разныхъ державъ на счетъ Порты съ предсказаніями грековъ о ея паденіи не есть фактъ одинокій. Въ упомянутомъ трудѣ нашемъ, теперь издаваемомъ, я доказываю, что цѣлый греческій сборникъ прореченій, Уваровскій, составленный изъ разновременныхъ матеріаловъ, появился къ концу XVI вѣка, какъ разъ къ тому времени, когда Турція потеряла рядъ пораженій отъ Персіи. Тамъ же я привожу и прореченіе одного греческаго логіотата о предстоящемъ паденіи Турціи, написанное въ исходѣ XVIII вѣка, въ поясненіе двухъ мѣстъ изъ Апокалипсиса; это толкованіе явилось вслѣдъ за побѣдами Екатерины II надъ оттоманами. Итакъ, къ извѣстнымъ предсказаніямъ, явившимся по поводу побѣдъ латиновъ и агарянъ надъ православными, можно приложить предсказанія по поводу уроновъ, претерпѣнныхъ турками въ исходѣ XVI вѣка отъ персовъ, въ концѣ XVII отъ союза Россіи съ другими державами, въ исходѣ XVIII в. отъ Россіи. Къ симъ наблюденіямъ приведенъ я былъ недавно по поводу разработки Уваровскаго списка: до того я предсказаніями не занимался, хотя выслушивалъ ихъ изъ устъ любителей. Но чаянія народа и его представителей, по видному, стали облекаться въ какую-то теорію. Такъ попалось намъ

¹⁾ Hammer, Histoire de l'empire Ottoman, trad. p. Hellert, т. XIII, стр. 131.

даже такое мудрованіе: „Руководство и выводъ изъ событій о томъ, (ἐχειρίδιον καὶ συμπέρασμα ἐκ τῶν πραγμάτων). что такое царствіе Моамеа и кто такой антихристъ, сочиненіе мудросвященно-ученѣйшаго (σοφοῖεροελλογιωτάτου) господина Анастасія Гордіа¹. (№ 767=Ксен., 65). Сравн. № 50, 9 Пападопула-Керамея въ Κατάλογος τ. χειρογράφων τ. ἐν Ἐπισημῇ βιβλιοθήκῃ τ. Βοσάν, Ἐχολῆς, Ἐπισημῇ, 1877 г., гдѣ, по видимому, хранится другой списокъ того же сочиненія. Этотъ Анастасій Гордій принадлежитъ къ числу усердныхъ дѣателей эпохи Николая Мавровордата; Гордій только четырьмя годами пережилъ Петра I: можно съ нѣкоторою увѣренностію догадываться, что Антихристомъ Гордій обзываетъ Мухаммеда и царство мухаммеданъ, и что Гордіа окрыляли политическіе замыслы и подвиги Петра Великаго¹). Подобныя книги потрясающимъ образомъ дѣйствовали на читателей—въ свое время.

Мы не можемъ заняться здѣсь вопросомъ о томъ, чѣмъ именно одолжено греческое племя Аеону, хотя вполне увѣрены, что одолжено оно ему многимъ и по благочестію и нравственности, и по научно-литературному развитію. Много подготовлено для рѣшенія этого вопроса епископомъ Порфиріемъ и М. И. Гедеономъ²). Мы только упомянемъ, и то очень коротко, о нѣкоторыхъ научныхъ работахъ, хранящихся въ рукописяхъ на Св. Горѣ, не касаясь церковно-научныхъ, потому что это завело бы насъ въ многосложныя разысканія. Таковы грамматическіе труды Николая Критія, бывшаго учителемъ у Унгротлашскаго господара Стефана Кантакузина, которые, по свѣдѣнію г. Ламбра, не изданы (№ 646, 2; Григ. 99, рук. XVIII вѣка)³); толкованіе на 4-ю часть грамматики Θεοδωρα Газі, написанное Даніиломъ, иномомъ Патмійскимъ; и того же Даніила грамматика въ вопросахъ и отвѣтахъ (№№ 791=Ксеноф. 89; и 792=Кс. 90, рукопись XVIII

¹) *Demetrii Procopii De eruditio Graecis*; это сочиненіе, писанное въ 1721 г. по гречески, помѣщено у *Fabr. В. G. XI* (съ лат. пер., см. стр. 549 для года). О Гордіа см. Σαδὰς Ν. Φ., 438) и Παπαδοπ.-Κεραμεύς, Κατάλογος, ст. 28—29 и 34—35.

²) *Πορφυρίης*, Аеонскіе книжники. Москва. 1883 (см. и прочія его сочиненія объ Аеонѣ, въ особенноти исторію (Христіанскаго) Аеона и О религиозно-нравственномъ состояніи обитателей во времена турецкаго владычества. Еще больше свѣта прольется на вопросъ, когда Академія Наукъ исполнитъ передъ наукой свой долгъ изданіемъ завѣщанныхъ ей приснопамятнымъ Порфиріемъ письменныхъ сокровищъ. — Μανουῆλ Ι. Γεδεών. Ὁ Ἄθως... Κονστ.—λ., 1885. См. особенно стр. 198—235.

³) Объ этихъ трудахъ ни слова нѣтъ ни у *Саом Ν. Φ. 476*, ни у *Димитракопуло*, Προσθήκαι... 1871; указавъ на эти труды Каталогъ.

вѣка). Есть и статьи по риторикѣ и письмовнику. По географіи и „сферической теоріи“ писалъ Теофілъ Коридалея (№ 740, 14=Ксен. 38) ¹⁾. Его же проλεγομένα ἐν τῷ περὶ ψυχῆς, за чѣмъ слѣдуетъ вся его психологія (642=Григ. 95, рукопись XVIII вѣка). Спрашиваемъ: не то ли это самое сочиненіе, которое приписываетъ Коридалею Андроникъ Димитракопуло подъ заглавіемъ: ἐρμηναία εἰς τὸ περὶ ψυχῆς τοῦ Ἀριστοτέλους? ²⁾. Въ Каталогѣ есть чье-то „вступленіе (προδιόκησις) въ весь логическій методъ Аристотеля“ (783, 5=Кс. 81). Это сочиненіе принадлежитъ перу Георгія Сугдурѣ въ спискѣ библіотеки Смирнскаго Евангельскаго училища (Παπαδοπούλου-Κεραμέως Κατάλογος χειρογράφων τ. ἐν Σμῶνῃ Ευ., Σχ. ст. 38, № В—23). Оно издано въ Вѣнѣ 1792 г. Какого-то мудрѣйшаго и тайнаго совѣтника толкованіе на разсужденіе Аристотеля Περί γενέσεως καὶ φθορᾶς (644=Григ. 97 ³⁾). Прибавимъ метафизикъ Викентія Дамода (№ 640=Гр. 93). По врачеванію отмѣтимъ рук. 244, XVII вѣка, по календарнымъ и физико-географическимъ свѣдѣніямъ — № 649 (XVIII вѣка), по сельскому хозяйству — № 67, 4. Разумѣется, рядомъ съ научными книгами находимъ въ одной рукописи XVI вѣка въ иномъ отношеніи занимательныя статьи: громовники (βροντολόγια), тросословъ, (трепетникъ?) (σεισμολόγιον) или примѣты о землетрасеніяхъ; въ рук. XVIII вѣка предсказанія по созвѣздіямъ и т. и. на простомъ греческомъ языкѣ, (№ 511, 244, 776, 3),—все статьи, какъ видно, интeресующія не однихъ мірянъ.

Мы упоминали о томъ, что разбираемый каталогъ изданъ исправно, но кратко. Хотя и нельзя не пожалѣть объ этой краткости, но она была вызвана необходимостью сбереженія мѣста: издателю предстоитъ пустить въ свѣтъ, по его разчету, еще очень много выпусковъ, пока явятся всѣ плоды его трудовъ по Аѳону, совершенныхъ совокупно съ его помощниками. Поэтому и неудивительно, что мы въ напечатанной части каталога не находимъ исправленій къ тексту. Мы вполне согласны съ издателемъ относительно необходимости букввальнаго воспроизведенія греческихъ текстовъ, заим-

¹⁾ Этого сочиненія другой списокъ находится въ Вѣнской библіотекѣ, LIII пр. 2, какъ утверждаетъ Харлесъ (*Fabr.*, В. G. XI, 526 пр. i).

²⁾ Δημητράκοπουλου, *Προσθήκαι καὶ διορθώσεις εἰς τ. Νεοελλ. φιλολ. Κ. Χαθα, ἐν Λεϊψία, 1871.* стр. 41, ср. Παп.-Кер., стр. 40.

³⁾ *Παπαδοπούλ-Κεραμῆ* доказываетъ, что это сочиненіе Теофила Коридалея, а не Маврокордата (Алскс.), какъ прежде думали, ибо рукопись Смирнской библіотеки (А—9. XVIII вѣка) есть не что иное какъ изданное въ Венеціи въ 1780 г. сочиненіе Теофила Коридалея подъ этимъ самымъ заглавіемъ.

ствованныхъ изъ рукописей; какъ иначе и издавать палеографическую книгу? Хотя мы въ этой статьѣ выписывали тексты въ томъ видѣ, какъ ихъ находили въ разбираемой книгѣ, тѣмъ не менѣе мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность указать на нѣкоторые тексты, которые по ошибочности своей представляютъ темноту: наши поправки дѣлаемъ мы, разумѣется, не въ укоръ издателю и не для его назиданія, въ которомъ онъ, какъ знатокъ дѣла, не нуждается. Дѣлаемъ это ради ученыхъ молодыхъ и вмѣстѣ неопытныхъ, на случай, если они займутся изученіемъ изданнаго нынѣ каталога.

(Катал. № 27).

Въ Критѣ, по приказанію царя, одинъ угодникъ построилъ ναὸν καὶ μοναστήριον τῆς Θεοτόκου καλῶς ἀγρὸς ἀχοῦσον. Читай: Καλὸς Ἀγρὸς ἀχοῦσον: то-есть, „обитель, слывущую подъ именемъ Калось Агрось“ (= прекрасное поле или огородъ).

№ 36. τὸν αὐτοκράτορα ἀντιστρατιωτικῶν ἔπλων ταῦτα καθόπισσον... Читай: ἀντὶ στρατιωτικῶν, а подъ ταῦτα разумѣй предшествовавшее въ не сохранившемся текстѣ слово ἀλύσει; то-есть, „нашего самодержца вмѣсто воинскихъ оружій сими (веригами св. Петра апостола). вооружа“. Это мы основываемъ на томъ, что, по издателю, рѣчь идетъ о „не надписанномъ словѣ на честныя вериги“, и на томъ, что въ начальной выпискѣ, имъ приведенной, названъ первоверховный апостоль.

№ 48, 2... γνέντιος дополни такъ: (Μα)γνέντιος; это имя Діоклетианова проконсула въ похвалѣ Андрея Критскаго св. великомученику Георгію.

№ 136, 18 (Пав. 9). Слѣдующее мѣсто о Эммануилѣ Филі, современникѣ Михаила Палеолога Младшаго, умершаго въ 1321 г., сличаемъ съ соотвѣтствующею выпиской изъ другаго кодекса,

Кат. Лам. № 136, 13.

Fabr. В. G. VIII, 141 (Hagl.)

τοῦ Φιλῆ πρὸς τὸν αὐτοκράτορα
ὅτε ἐπὶ χρονογραφίᾳ μεταμελη-
θεὶς ¹⁾ ἀστητήθη ²⁾ ὄρμον ³⁾ περὶ
ἀσφαλείας ἰαμζικοὶ στίχοι.

ὅτε ἐπὶ χρονογραφίᾳ μεταβλη-
θεὶς ¹⁾ ἀπητήθη ²⁾ ὄρμον ³⁾ περὶ
ἀσφαλείας.

¹⁾ Оба написанія возможны, хотя первое толковѣе; но не вѣрнѣ ли допустить διαβληθεὶς?

²⁾ ἀστητήθη, если не опечатка, то непременно ошибка; ἀπητήθη настоящее чтеніе.

³⁾ ὄρμον въ обоихъ текстахъ вовсе не внушаетъ подозрѣнія. „Онъ попросилъ безопаснаго пристанща“, какъ понимаетъ и Фабрицій.

№ 185 . . . „περι μοναχοῦ ὁποῦ δὲ ψάλει τὰς ὄρας“. Для не привыкшихъ къ народному новогреческому выговору замѣтить, что здѣсь δὲ не есть описка писца, и не означаетъ же; это подражаніе произносимому: многіе говорятъ δὲ вмѣсто δὲν = не.

№ 225 (рвп. XIII в.). Стихи кончаются:

σὺν σοὶ τυχεῖν με τῆς ἄνω κληρονομίας
 . . . ταῖς φαειναῖς τῆς πανάγου Μαρίας . . .

Здѣсь, кажется, стояло (λι)ταῖς: „съ тобою получить высокій жребій свѣтлыми молитвами пречистой Маріи“.

№ 578, 6 (XVI в.). Ἐντικέλα надо раздѣлить на: ἐν τῇ κέλλῃ (или κέλλῃ) = „въ келии“. Здѣсь имѣемъ любопытную древнѣйшую форму κέλλα отъ лат. cella, замѣненную позже уменьшительными формами κελλίον, κελλί, κελί.

№ 654. οἱ πρῶτοι στίχοι
 τῶν εἰς νόμους

Νέος ὢν ἀκούειν τῶν γερτετέρων θέλη
 Ἰσχυρόν ὁ νόμος, ἐστὶν ἣν ἄρχοντα ἔχει.

Необходимо первый стихъ отнести къ группѣ одностийшій εἰς νεότητα, а второй стихъ къ группѣ εἰς νόμους. Въ первомъ стихѣ должно быть: ὢν и θέλε, во второмъ ἄρχοντ' (см. Poetae Graeci gnomici, Lips., ed. ster.).

Здѣсь мы остановимся и постараемся хотя въ немногихъ словахъ изложить содержаніе изданныхъ въ минувшемъ же году двухъ брошюръ профессора Ламбра, которыя могутъ служить дополненіемъ къ его аеонскимъ работамъ. Одна изъ этихъ брошюръ содержитъ въ себѣ обстоятельное описаніе всѣхъ видѣнныхъ имъ на Аеонѣ палимпсестовъ: ихъ всего 13. Онъ доказываетъ, что „средневѣковые монахи не разоряли систематически текстовъ по классической филологіи, какъ это предполагали нѣкоторые изъ прежнихъ ученыхъ, якобы для того, чтобы на нихъ написать сверху труды апостоловъ и отцовъ церкви, но что палимпсесты происходили вслѣдствіе того, что случайно стирались всякія болѣе старыя и ненужныя для пишущаго рукописи, на которыя онъ переписывалъ новый текстъ, который ему былъ нуженъ“¹⁾).

¹⁾ Σ. Π. Λαμπροῦ, Περὶ τῶν παλιμψησταῶν κωδικῶν τῶν ἀγιορειτικῶν βιβλιοθηκῶν, Ἀθην. 1888. Ср. стр. первую и послѣднюю. — Ср. стр. 23 и 24 отчета г. Ламбра объ Аеон. рукоп. Εξέθεσις, и стр. 165 моего извлеченія изъ этого отчета въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880 или 1881.

Въ другой книжкѣ авторъ говоритъ о находящихся въ обители Діонисіевой „избранныхъ выпискахъ изъ жизнеописаній Плутарха (№ 90 Діон. библ.)“. Изъ многихъ предложенныхъ г. Ламбромъ сличеній разныхъ выписокъ, содержащихся въ упомянутомъ изборникѣ съ печатнымъ греческимъ текстомъ Плутарховыхъ жизнеописаній Денера (Döhner), греческій ученый дѣлаетъ такой весьма основательный выводъ: составитель изборника главнымъ образомъ озабоченъ передачей изреченій и анекдотовъ, и рѣже пересказомъ историческихъ фактовъ. Изъ разночтеній нужно отмѣтить ἀνελεῖν вмѣсто извѣстнаго доселѣ и принятаго ἀμελεῖν. Плутархъ пишетъ: „Нѣкогда прочтено полученное изъ Дельфовъ прорицаніе, въ которомъ было писано, что всѣ аѳиняне единогласны въ мнѣніи своемъ; но что одинъ изъ нихъ думаетъ иначе, нежели другіе. Фокіонъ, выступивъ въ средину аѳинявъ, сказалъ: „Не безпокойтесь, человѣкъ, котораго вы ищете, это я! мнѣ одному ничто то не нравится, что вы дѣлаете“. Фокіонъ ἀμελεῖν ἐκέλευσεν = велѣлъ не безпокойться: такъ читалось по сихъ поръ. По изборнику: ἀνελεῖν ἐκέλευσεν ἐαυτόν = велѣлъ себя убить ¹⁾. Варіантъ интересный: что такъ могъ выразиться Фокіонъ — это правдоподобно. Далѣе авторъ брошюры приводитъ доводы, на основаніи которыхъ относитъ изборникъ къ XIII вѣку.

Изъ нашего разбора видно, что г. Ламбру лучше удается осуществить свои замыслы, чѣмъ приснопамятному Порфирію Успенскому, которому однако принадлежитъ первенство надъ всѣми знатоками Аѳона, прошедшими и настоящими, греческими, русскими и иностранцами.

Гавріилъ Дестунисъ.

Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. I. С.-Пб. 1889 (Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XLVII).

Сборники статей, нѣкогда помѣщавшихся въ журналахъ и являющихся въ своемъ старомъ, не исправленномъ видѣ, быть можетъ, не всегда понятны для читателя современнаго, переносятъ человѣка,

¹⁾ Σ. Π. Λαμπρού, Πλουτάρχεια ἀπανθίσματα . . . Αθήναι 1888. См. для выписки ст. 7 (изд. Döhner'a VIII, 2); я привелъ въ переводѣ моего отца: Плутарховы сравнительн. жизн. славн. мужей. Перев. съ греческаго Спир. Дестунисъ, 1820, ч. X, стр. 19.—Выводъ Ламбра, стр. 19. Опредѣленіе времени, стр. 23.

нѣкогда знакомаго съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, въ то время, когда онѣ писались, живо воспроизводятъ всю полемику того далекаго времени. Такія впечатлѣнія почувствовалъ и пишущій эти строки, пробѣгая сборникъ статей А. А. Котляревскаго. Большинство ихъ напечатано было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Отечественныхъ Запискахъ въ то время, когда я и самъ въ нихъ участвовалъ. Такія воспоминанія молодости, кажется, должны бы представлять и самыя статьи нѣсколько въ иномъ отчасти идеализированномъ свѣтѣ; но послѣ того прошло слишкомъ много времени, и слѣдовательно, каждый изъ жившихъ и писавшихъ тогда уже не чувствуетъ себя такимъ, какимъ онъ былъ въ тѣ давніе годы. Опытъ жизни показалъ фантастичность многого, во чтѣ съ жаромъ вѣрилось въ то слишкомъ уже отъ насъ далекое время. Вотъ почему именно люди, пережившіе то, чтѣ теперь снова встаетъ передъ ними, яснѣе видятъ значеніе этого прошлаго. А. А. Котляревскій началъ писать съ 1855 года: его первыя статьи относятся къ тому времени, о которомъ на историческомъ обѣдѣ московскихъ литераторовъ въ августѣ 1856 г. сказалъ Н. Ф. Павловъ: „Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“. И дѣйствительно, настало новое время, но едва ли многіе изъ самыхъ дѣятелей новаго времени были приготовлены къ поставленнымъ имъ широкимъ задачамъ. Тяжелая эпоха предшествовала ему: особенно тяжелы были для умственнаго развитія Россіи года послѣ 1848 г. Въ университетахъ замолкло преподаваніе философіи, стѣснены были всѣ теоретическія науки; въ гимназіяхъ введена была печальная система бифуркаціи, техническимъ знаніямъ давалось преобладаніе надъ знаніями гуманитарными. Въ литературѣ возможно было только печатаніе невинныхъ романовъ да статей или по археологій, или по старой библіографіи, или по наукамъ прикладнымъ. Молодое поколѣніе, лишенное правильнаго руководства, лишенное теоретическихъ знаній, и такъ уже стоявшихъ не высоко, принужденное довольствоваться смутными понятіями, долетавшими въ обрывкахъ, лишено было и критерія, который помогъ бы отдѣлать истинное отъ ложнаго, фантастическое отъ реального. Людей съ глубокимъ образованіемъ, каковы были славянофилы, кое-кто изъ профессоровъ, а изъ молодыхъ Б. Н. Чичеринъ, было очень немного. Молодые студенты собирались въ кружки, въ которыхъ по своему рѣшали задачи теоретическаго свойства; къ одному изъ такихъ кружковъ принадлежалъ и А. А. Котляревскій. Воспоминанія о томъ, какъ въ этотъ кружокъ ходилъ спорить Хомяковъ, находятся въ статьѣ А. А. Козлова, напечатанной въ никому

теперь неизвѣстномъ журналѣ Московскій Вѣстникъ 1860 года. Замѣчу кстати, что московскій профессоръ А. Н. Веселовскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объ А. А. Котляревскомъ (Кіевская Старица 1888 г.) напрасно приписываетъ А. А. Котляревскому руководящее значеніе въ основаніи и изданіи другаго теперь забытаго журнала Московское Обозрѣніе. Какъ одинъ изъ редакторовъ этого журнала, я смѣло могу заявить, что сотрудничество А. А. Котляревскаго ограничивалось помѣщеніемъ только одной статьи, что хорошо знавшіе А. А. Котляревскаго мы, редакторы этого журнала, едва ли знали другихъ членовъ этого кружка; я по крайней мѣрѣ съ этими остальными членами знакомъ не былъ. Нынѣшніе читатели статей Котляревскаго должны, мнѣ кажется, имѣть въ виду разницу времени: во многихъ статьяхъ встрѣтятся они съ понятіями, теперь уже отжившими. Я, конечно, говорю не о тѣхъ намекахъ на крѣпостное право, которые встрѣчаются, напримѣръ, въ статьѣ о Маркѣ Вовчкѣ, но преимущественно о яростныхъ нападеніяхъ на славянофиловъ, которые смѣшиваются съ представителями официальной народности, а также на статью о магистерской диссертациі О. Θ. Миллера, которая тоже преслѣдуется весьма жестоко, въ томъ предположеніи, что авторъ ея держится официальной морали. Къ счастью, для А. А. Котляревскаго этотъ отголосокъ шатанія умовъ не составляетъ главнаго содержанія его умственнаго запаса. Въ университетской своей жизни А. А. Котляревскій имѣлъ рѣдкое, не всякому на долю выпадающее счастье—встрѣтить учителя, труды котораго составили эпоху въ изучаемомъ имъ предметѣ. Учителемъ этимъ былъ Θ. И. Буслаевъ, тогда еще почти только начинавшій свою ученую дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, расширявшій ее съ непререкаемымъ авторитетомъ. Когда Θ. И. Буслаевъ всходилъ на кафедру Московскаго университета, лучшими представителями такъ-называемой „россійской словесности“ были на университетскихъ кафедрахъ: въ Москвѣ Шевыревъ, въ Петербургѣ Никитенко, въ Кіевѣ почти только что оставившій кафедру Максимовичъ. Шевыревъ, о которомъ мы еще недавно говорили, много работалъ и много зналъ, но онъ былъ далекъ отъ современной ему науки, онъ не вносилъ въ свое изложеніе ни сравнительнаго метода, ни глубокаго пониманія народной поэзіи. Его исторія литературы, очень полезная во многихъ отношеніяхъ, не была исторіей въ надлежащемъ смыслѣ. Никитенко, какъ можно было догадываться по его статьямъ и какъ можно теперь видѣть изъ его записокъ, былъ чело-

вѣкъ не большаго образованія и не знавшій ни одного иностраннаго языка, не знавшій древней русской литературы, имѣвшій весьма странное понятіе о древней русской жизни, что доказываетъ его фразистое „Введеніе въ исторію русской литературы“. Самой исторіи, къ счастью для своей репутаціи, Никитенко никогда не написалъ. Максимовичъ, ботаникъ по воспитанію, страстный собиратель малороссійскихъ пѣсень, страстный любитель малороссійской старины, былъ болѣе способенъ къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, чѣмъ къ цѣлостному воспроизведенію жизни и раскрытію ея основъ. При такомъ состояніи этой каедры на ней появился Ѳ. И. Буслаевъ. Надо вспомнить, что это было въ 1847 году, чтобъ уяснить себѣ, что научные взгляды и понятія, которые теперь намъ кажутся элементарными, тогда должны были производить переворотъ въ умахъ. Ѳ. И. Буслаевъ, ученикъ школы Гримма, соединилъ изученіе законовъ языка съ изученіемъ законовъ творчества въ ту эпоху, которая называется обыкновенно эпическою эпохой. Отсюда пошелъ онъ къ сравнительному изученію памятниковъ средневѣковой литературы и средневѣковаго искусства. Приходятъ новые учителя, приносятъ новыя точки зрѣнія; самъ Ѳ. И. Буслаевъ сознаетъ это въ предисловіи къ изданію своихъ статей подъ заглавіемъ „Народная поэзія“, хотя хорошо поступаетъ, оставя эти статьи безъ существенныхъ измѣненій: онѣ важны и дороги не только какъ памятникъ давно миновавшихъ временъ, какъ изложеніе ученія, на которомъ воспитались сами новые учителя, но и какъ непрекаемое указаніе на то, что литературныя заимствованія, которыя нынѣ слишкомъ выставляются на первый планъ, не могутъ одни, сами по себѣ, объяснить народную литературу. Мы убѣждены въ томъ, что будущая наука сумѣетъ найти точку, возвышающуюся надъ обоими взглядами, которыхъ противоположность должна быть снята другимъ болѣе широкимъ возрѣніемъ. Какъ бы то ни было, труды Ѳ. И. Буслаева являются эпохой въ развитіи русскаго самосознанія. Въ нихъ впервые выступило въ яркихъ образахъ время эпическаго творчества, въ нихъ сказались оттѣнки областной литературы, важныя для пониманія общаго облика русскаго народа; нравственный обликъ его начинаетъ ярче выступать съ появленіемъ трудовъ Ѳ. И. Буслаева. Исторія русскаго языка, уже и прежде начатая разработкой въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ трудахъ, ярче всего выразилась въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева и вошла въ тѣсную связь съ исторіей русской литературы и съ исторіей русской жизни. Кто вчитается въ труды Ѳ. И. Буслаева, тотъ пойметъ, почему народившееся тогда стремленіе къ замѣнѣ исторіей народа исто-

ріи государственной, представителемъ которой являлся тогда С. М. Соловьевъ, нашли себѣ опору въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева. Мы теперь ясно видимъ, что конечная цѣль исторической науки—не замѣна втораго понятія первымъ, а ихъ сліяніе и взаимное дополненіе. Мы теперь ясно видимъ, что внесеніе народнаго элемента объяснить и самый характеръ исторіи государственной, и ея ходъ; но этому мы выучились въ трудахъ того же Ѳ. И. Буслаева. Ясно, что къ такому выводу можно обратиться послѣ многихъ лѣтъ, а въ то время труды эти получали одностороннее и исключительное толкованіе, опиравшееся на труды другихъ менѣе осторожныхъ, но болѣе рѣшительныхъ изслѣдователей. А. А. Котляревскій началъ свою литературную дѣятельность, еще бывши студентомъ подъ полнымъ вліяніемъ Ѳ. И. Буслаева; взгляды учителя, само собою разумѣется, видоизмѣнялись въ этихъ первыхъ трудахъ ученика подъ вліяніемъ мыслей, развивавшихся въ кружкѣ, о которомъ мы выше говорили. Сознаніе глубокаго значенія народной поэзіи соотвѣтствовало въ значительной степени тому взгляду на народъ, который развивался въ тогдашнихъ кружкахъ и въ тогдашней литературѣ: взглядъ этотъ не былъ тожественъ со взглядомъ славянофильскимъ; для славянофиловъ исконныя свойства народа сливались со свойствами, принятыми имъ въ христіанской религіи. Взглядъ тогдашній указывалъ на то, что христіанство пришло къ намъ изъ Византіи, а византіиство привило къ нашей старой основѣ много нежелательныхъ явленій: сюда относили тогда аскетизмъ и схоластическое пониманіе истинъ христіанства. Славянофилы тоже знали, что не одно добро пришло къ намъ изъ Византіи, и Хомяковъ не только въ стихахъ говорилъ „о безвѣрной вѣрѣ, лести и развратѣ“ Византіи, но то же говорилъ онъ и въ своемъ извѣстномъ спорѣ съ И. В. Кирѣевскимъ. Славянофилы сумѣли отдѣлить пшеницу отъ плевелъ въ византійскомъ вліяніи, хотя изученія византійскія стояли тогда не такъ высоко, какъ они стоятъ теперь. Ѳ. И. Буслаевъ и тогда не былъ безусловнымъ противникомъ византійскаго вліянія,—но въ своей рѣчи о народной поэзіи онъ высказалъ, что съ литературной стороны Византія имѣла на насъ и хорошее вліяніе. Теперь, благодаря трудамъ В. Г. Васильевскаго, А. Н. Веселовскаго, Е. В. Барсова, Ѳ. И. Успенскаго и др., мы вполне убѣждены въ этомъ. Но Котляревскій, исходя изъ точки зрѣнія кружка, во многомъ воспитаннаго на западныхъ понятіяхъ, и потому смотрѣвшаго на Византію и на все византійское съ нѣкоторымъ предубѣ-
часть ССЛXIV, отд. 2.

жденіемъ, хвала вообще рѣчь Ѳ. И. Буслаева, возстаетъ именно противъ этого мѣста. А. А. Григорьевъ въ частномъ разговорѣ замѣтилъ одному изъ молодыхъ людей того времени: „Для васъ русская народность то же самое, какъ и всѣ другія народности“. По чувству, можетъ быть, каждый изъ тогдашнихъ молодыхъ людей болѣе былъ русскимъ, чѣмъ это казалось, но въ воззрѣніяхъ народность далеко не играла такой роли, которая ей принадлежитъ въ дѣйствительности. То была отвлеченная общецарійская народность, изъ которой возникло обще-европейское просвѣщеніе, долженствующее стать общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ. Такая точка зрѣнія поддерживалась, съ одной стороны, нерасположеніемъ къ официальной народности, съ которою мѣшались и славянофилы, съ другой стороны—результатами сравнительнаго историческаго изученія народной поэзіи, изученія, въ кругъ котораго Ѳ. И. Буслаевъ внесъ и русскій языкъ, и русскую народную поэзію. Этою стороною молодня направленія конца пятидесятихъ годовъ отличались отъ воззрѣній Бѣлинскаго и его современниковъ. Для западниковъ 30-хъ и 40-хъ годовъ существовала новая Европа съ ея привлекательными изгледами, изрѣдка только имъ вспоминались корни европейской образованности въ средневѣковой Европѣ и объединяющей власти папства. Этотъ послѣдній взглядъ принадлежитъ почти исключительно Чаадаеву, но оба они сходились въ сознаніи кореннаго различія западной Европы отъ восточной: на западѣ—свѣтъ и прогрессъ, на востокѣ мракъ и застой. Новое поколѣніе открыло общую почву развитія для востока и запада; Гриммовская школа послужила ей исходною точкой. Этимъ она ближе даже самихъ славянофиловъ двигала къ пониманію русской народности; въ этомъ ея высокая заслуга и право на благодарность слѣдующихъ поколѣній. Учитель ихъ въ дѣлѣ науки, Ѳ. И. Буслаевъ, не выходилъ изъ предѣловъ своей специальности. Глубокое знаніе, вдумчивость во всѣ изучаемые предметы приводили его очень часто къ неожиданнымъ выводамъ и результатамъ, освѣщали пути и въ другихъ областяхъ жизни, но самъ онъ не входилъ въ предѣлы другихъ специальностей и очень рѣдко, какъ бы мимоходомъ, вдавался въ полемику. Любопытно, что въ позднѣйшей своей дѣятельности Ѳ. И. Буслаевъ выступилъ съ сильнымъ отрицаніемъ реалистическаго направленія въ искусствѣ. Такое отрицаніе для него, идеалиста по природѣ, выходявшаго изъ основнаго принципа Гриммовской школы о гармоническомъ единствѣ жизни въ эпискомъ періодѣ, для него, страстнаго

поклонника искусства, такой выводъ былъ логически неизбеженъ¹⁾. Позднѣе Ѳ. И. Буслаевъ также во многомъ склонялся къ новой школѣ антропологовъ, переставшихъ видѣть въ идеалистическомъ видѣ первоначальную эпоху. Отступленіе отъ Гриммовской схемы какъ будто объясняется тѣмъ, что наплывъ новыхъ изысканій былъ слишкомъ силенъ, чтобы войти въ соглашеніе съ существовавшими уже взглядами. Не теряемъ надежды, что наука найдетъ возможнымъ согласить то, что пока еще не согласимо. Это разсужденіе нѣсколько отвлекло насъ ко времени уже позднѣйшему. Въ то же время, о которомъ мы говоримъ, Гриммовская схема была „последнимъ словомъ науки“. Установленіемъ ея и примѣненіемъ къ фактамъ русской жизни занятъ былъ Ѳ. И. Буслаевъ. На помощь ему шли одинъ за другимъ сборники пѣсенъ, этнографическія статьи, замѣтки, болѣе или менѣе удачныя попытки объяснять старую русскую мифологію. Къ этому-то движенію примкнулъ и А. А. Котляревскій; живой, блестящій, остроумный, онъ въ началѣ посвятилъ свою дѣятельность полемикѣ, предвѣщенной поддерживать и развивать новое направленіе. Эти-то статьи его составляютъ содержаніе ввова появившагося перваго тома сочиненій А. А. Котляревскаго. Они направлены были главнымъ образомъ, съ одной стороны, противъ Шевырева и другихъ представителей официальной народности, къ которымъ присоединяли тогда и славянофиловъ. Съ другой стороны, полемика А. А. Котляревскаго преслѣдовала обветшалые методы преподаванія русскаго языка и русской словесности. Poleмика противъ Шевырева велась подъ знаменемъ чистой науки. А. А. Котляревскій приводилъ Шевыреву любопытныя слова преосв. Филарета Черниговскаго о невозможности полной исторіи русской литературы: „Для такого сочиненія въ настоящее время недостаетъ еще многихъ данныхъ, а писать исторію по предположеніямъ, по соображеніямъ, не основаннымъ ни на чемъ,—дѣло не умное“. Исходя изъ такой точки зрѣнія, А. А. Котляревскій, въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ двухъ разныхъ журналахъ, доказалъ Шевыреву, что въ его исторіи многого недостаетъ и многое лишнее. Съ этой сто-

¹⁾ А молодые его поклонники именно являлись ревностными поклонниками реалистической поэзіи, хотя А. А. Котляревскій страннымъ образомъ считаетъ реалистическими сентиментальныя измышленія Марко Вовчка; впрочемъ, въ то время вѣрно опредѣлилъ этого писателя только одинъ Дружининъ, и то при общихъ крикахъ негодованія.

роны можно сказать, что роль исторіи Шевырева покончена этою статьей, хотя относительно фактовъ и до сихъ поръ приходится справляться съ „Исторіей русской словесности преимущественно древнею“. Конечно, научная точка зрѣнія была сильна у А. А. Котляревскаго и въ тогдашнюю пору его жизни, но жаръ его полемикѣ придавало иное обстоятельство: въ Шевыревѣ онъ видѣлъ самаго виднаго представителя византизма, а византизмъ, по его мнѣнію, былъ источникомъ всѣхъ печальныхъ явленій въ нашей жизни. Иныхъ изъ этихъ явленій Котляревскій, разумѣется, не называлъ, но цензура сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ пріучила писателей выражать свои мысли между строками, а читателей—понимать не досказанное. Въ нашихъ глазахъ эта сторона полемики Котляревскаго съ Шевыревымъ менѣе вѣрна, чѣмъ чисто научная, но конечно, Шевыревъ являлся весьма неловкимъ адвокатомъ того, что онъ хотѣлъ защищать: онъ мало звалъ и русскую народность, и самую Византию, и потому съ этой стороны виталъ въ области гаданій и предположеній. Наука нашего времени стоитъ на другихъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ и, несомнѣнно, въ болѣе или менѣе скорое время достигнетъ возможности представить синтезъ уже многихъ изслѣдованій, которыя должны освѣтиться лучами теоретическихъ размысленій великихъ учителей славянофильства. Обсуждая полемику того времени, нельзя не имѣть въ виду и неловкости защитниковъ и другихъ тогдашнихъ обстоятельствъ. Poleмика А. А. Котляревскаго противъ славянофильства выразилась главнымъ образомъ въ его статьѣ „Сказанія о русскихъ богатыряхъ“. Статья эта направлена противъ мнѣнія о богатыряхъ, высказаннаго К. С. Аксаковымъ. Этотъ „честный писатель“, какъ мѣтко его называлъ самъ А. А. Котляревскій, былъ въ сущности глубокой идеалистъ и теоретикъ. Его представленіе о богатыряхъ, основанное на давныхъ, тогда еще не многочисленныхъ, было построениемъ чисто теоретическимъ, и А. А. Котляревскому съ точки зрѣнія сравнительнаго языковеденія не трудно было разрушить основныя начала К. С. Аксакова, но позднѣйшія работы должны внести многія поправки въ мнѣнія самого А. А. Котляревскаго. Историческое развитіе богатырскихъ типовъ было для него только гаданіемъ; возможность литературныхъ вліяній на созданіе этихъ типовъ едва ли и провидѣлась. Сверхъ того, въ богатырскихъ типахъ просвѣчиваютъ черты народности, и замѣтно христіанское вліяніе, такъ что и гаданія К. С. Аксакова не останутся безплодными для будущаго цѣльнаго пред-

ставленія эпической дѣятельности русскаго народа. Борьбѣ съ устарѣлыми методами преподаванія словесности посвящена статья „Рутиня въ преподаваніи исторіи словесности“, написанная по поводу книги И. А. Линниченки „Курсъ исторіи поэзіи“. Курсъ этотъ авторъ расположилъ по родамъ поэзіи. Критикъ указываетъ ему на неудобство и неточность подобнаго расположенія и вообще, исходя изъ своей исторической точки зрѣнія, осуждаетъ и самое раздѣленіе родовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ подобной мысли заключается значительная доля правды, особенно, когда дѣло идетъ объ историческомъ, а не теоретическомъ изложеніи. Конечно, греческая лирика ближе съ греческимъ эпосомъ и греческою драмой, чѣмъ съ лирикой трубадуровъ или миннезингеровъ, конечно, лирика Байрона въ тѣсной связи съ его поэмами. Правда и то, что самая теорія поэзіи можетъ быть только результатомъ ея исторіи. Въ этой статьѣ А. А. Котляревскаго весьма любопытно указаніе на то, что новый взглядъ на народную поэзію никакъ не уживается съ классическимъ понятіемъ объ эпосѣ. Очевидно, что такія понятія были полезны и новы въ то время, когда такъ-называемая словесность преподавалась по книжкамъ Георгіевскаго, Зеленецкаго, или даже Давыдова, у котораго первыя части заимствованы были изъ устарѣвшаго Влера, а послѣдняя—изъ блистательной, хотя въ то время уже не совсѣмъ удовлетворительной книги главы романтической школы Августа-Вильгельма Шлегеля. Но и къ Шлегелю во имя его католическихъ тенденцій, заставлявшихъ его ставить Кальдерона выше Шекспира, не могъ сочувственно относиться Котляревскій, который впрочемъ о немъ и не упоминаетъ. Эту статью Котляревскаго можно и теперь рекомендовать вниманію составителей учебниковъ и программъ по русской словесности. Преподаваніе русскаго языка отчасти разсматривается въ статьѣ Котляревскаго о грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева. Статья эта, къ сожалѣнію, осталась не оконченною; оцѣнки труда Ѳ. И. Буслаева въ ней такъ и не сдѣлано. Авторомъ написано было только введеніе, состоящее изъ обзора развитія языкознанія въ Европѣ и исторіи изученія языка въ Россіи до грамматики Ѳ. И. Буслаева. Статья эта до сихъ поръ сохранила свое достоинство; я, по крайней мѣрѣ, не знаю на русскомъ языкѣ болѣе яснаго и живаго обзора этого вопроса; обзоръ этотъ и теперь можетъ съ пользой быть употребленъ и студентомъ, и молодымъ преподавателемъ русскаго языка. Конечно, языкознаніе послѣ того сдѣлало значительные успѣхи: появились новыя теоріи, сдѣлано много частныхъ

ислѣдованій, но во всякомъ случаѣ для ознакомленія съ тѣмъ, что сдѣлано до шестидесятихъ годовъ, статья Котляревскаго можетъ служить лучшимъ руководствомъ. Даже въ статьяхъ, посвященныхъ произведеніямъ, которыя нравились Котляревскому, мы постоянно встрѣчаемся съ полемическими нападеніями на непріязненные ему воззрѣнія. Даже статьи о самыхъ фактахъ историко-литературныхъ, какъ напримѣръ, статья о лубочныхъ картинахъ, заключаютъ въ себѣ тоже полемическій элементъ. То же замѣчаніе прилагается и къ статьѣ о рѣчи В. И. Григоровича „Сербія и ея отношенія къ сосѣднимъ державамъ“, которая подаетъ Котляревскому поводъ снова напасть на Византію. Замѣтимъ, что, даже сочувствуя во многомъ направленію книги, авторъ, не стѣняясь указываетъ на ея существенные и весьма важные недостатки. Такъ, напримѣръ, разбирая извѣстную книгу А. П. Милюкова „Очеркъ исторіи русской поэзіи“, которая ему въ изложеніи новой литературы, очень нравится, а изложеніе это является какъ бы популяризаціей и сводомъ статей Бѣлинскаго, Котляревскій указываетъ на полное незнакомство ея автора съ древнею русскою литературой и тѣмъ наглядно показываетъ, какъ далеко отстоятъ науки пятидесятихъ годовъ отъ взглядовъ, высказывавшихся въ сороковыхъ годахъ. Во время Бѣлинскаго можно еще было пренебрегать древнею русскою литературой, хотя и тогда уже были ея знатоки; но послѣ лекцій Ѳ. И. Буслаева подобное пренебреженіе было не возможно, по крайней мѣрѣ относительно поэзіи народной и того воздѣйствія, которое могла она оказать на письменную словесность. Хотя изученіе старой нашей письменности и отношеній ея къ Византіи тогда еще только начиналось, то-есть, въ истинно научномъ смыслѣ, хотя противъ Византіи существовало непреодолимое предубѣжденіе, но все же можно было предвидѣть уже и тогда, что вопросъ этотъ можетъ скоро представиться и въ иномъ свѣтѣ. Не перечисляя и не характеризуя всѣхъ остальныхъ статей А. А. Котляревскаго, касающихся разнообразныхъ вопросовъ русской и европейской старины мы укажемъ только на любопытную статью „Старина и народность за 1861 годъ“, представляющую обзоръ сочиненій, появившихся по этимъ вопросамъ за данный годъ. Статья эта принадлежитъ къ тому разряду общихъ обзоровъ, которые часто появлялись въ журналахъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ и которые, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ вывелись нынѣ. А между тѣмъ рядъ такихъ обзоровъ за много лѣтъ можетъ представить любопытную картину смѣны воззрѣ-

ній и интересовъ. Обзоръ А. А. Котляревскаго свидѣтельствуеъ о разнообразіи его интересовъ въ занимающей его обширной области, о живости его ума и поразительной его начитанности. Лежащій передъ нами томъ свидѣтельствуеъ между, прочимъ, о живомъ интересѣ А. А. Котляревскаго къ той части Русской земли, въ которой онъ родился. Онъ посвящаетъ нѣсколько статей Малороссіи: остроумно разбираетъ книгу Г. П. Данилевскаго объ Основьяненкѣ, симпатически относится къ повѣстямъ Марка Вовчка, восторженно хвалитъ „Богдана Хмельницкаго“ Костомарова и вноситъ свое слово въ поднятый П. А. Лавровскимъ и Погодинымъ вопросъ о происхожденіи малорусскаго народа. Извѣстно, что Погодинъ вѣрилъ въ переселеніе малороссовъ въ Великую Россію въ эпоху татарскую и въ заселеніе Малороссіи пришельцами изъ Галиціи. Браткая статья Котляревскаго, ставшаго на сторону Максимовича противъ Лавровскаго и Погодина, очень мѣтка. По любви своей къ Малороссіи Котляревскій напоминаетъ Максимовича болѣе, чѣмъ кого-нибудь другаго. Эта любовь къ своей родной старинѣ, любовь къ родному небу, къ привычнымъ обычаямъ — и болѣе ничего. Правда, что Котляревскій нигдѣ въ ту пору ясно не высказался, какъ сдѣлалъ Максимовичъ, въ пользу органическаго соединенія обоихъ племенъ русскихъ, но, читая его, какъ-то невольно чувствуешь, что его любовь къ Украинѣ лишь только археологическая и этнографическая. Вообще, А. А. Котляревскій во всей своей литературной дѣятельности постоянно оставался въ предѣлахъ изучаемаго имъ предмета, который онъ мѣтко обозначилъ словами: „Старина и народность“.

Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать слѣдующихъ томовъ начатаго Академіей изданія, долженствующихъ заключать въ себѣ произведенія зрѣлой поры жизни ихъ автора. Ожидаемъ также обѣщанной біографіи А. А. Котляревскаго, надѣясь, что эта біографія уяснитъ вполне опредѣленно характеръ дѣятельности этого замѣчательнаго ученаго, такъ рано сошедшаго съ поприща.

К. Вестумевъ-Рюминъ.

Забутый путь въ Китай.

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима. *Н. М. Пржевальскаго*. С.-Пб. 1888.

En aquesta ciutat de Lop venen mercaders de vers lo imperi de Sarra per ana a Alcaraya (sic) per la carera dreta, e van ab bou, e ab caretas e ab camels.
(Каталанскій атласъ).

Послѣдняя книга знаменитаго путешественника также интересна, какъ и всѣ предшествующія описанія его путешествій; то же мастерское и живое изображеніе природы, то же богатство новыхъ научныхъ фактовъ и увлекательную подневную исторію путешествія читатель найдетъ и въ этой, къ сожалѣнію, послѣдней книгѣ Пржевальскаго. Кромѣ изложенія путешествія, книга содержитъ въ себѣ двѣ примѣчательныя главы, имѣющія въ настоящее время, по смерти автора, особливую цѣнность; въ нихъ мы имѣемъ какъ бы научное завѣщаніе знаменитаго путешественника. Въ первой главѣ Пржевальскій излагаетъ свой многолѣтній опытъ странствователя и изслѣдователя. Онъ учитъ, какъ нужно путешествовать съ толкомъ и съ пользою. Во второй, послѣдней въ книгѣ, онъ подводитъ итогъ своимъ воззрѣніямъ на среднеазиатское населеніе. Не смотря на глубокой интересъ этихъ двухъ главъ, не на нихъ, однакоже, мы остановимся въ настоящихъ замѣткахъ, не станемъ также разбирать и излагать четвертое путешествіе во всей его цѣлости; задача наша болѣе ограниченная; мы постараемся выяснитъ читателю археологическое и этнографическое значеніе тѣхъ мѣстностей, которыя Пржевальскій прошелъ въ третій періодъ своего путешествія, слѣдуя изъ Лоба въ Хотанъ. Значеніе это самъ путешественникъ вполне сознавалъ: въ концѣ 1-й главы (стр. 66), онъ отмѣтилъ Черченъ, какъ пунктъ для будущихъ специальныхъ археологическихъ изслѣдованій.

Всякій разъ, когда приходится давать отчетъ о какомъ-нибудь новомъ значительномъ открытіи въ области географіи Центральной Азіи, исторія этого открытія необходимымъ образомъ должна быть приведена въ связь съ тѣмъ, что сообщалъ по тому же вопросу Марко Поло. На Памирѣ, въ Тибетѣ и на путяхъ изъ южнаго Китая въ Индію, или въ Индо-Китай современные путешественники

разъясняютъ и дополняютъ старинныя показанія и свѣдѣнія Марко Поло. Такъ и въ данномъ случаѣ. Пржевальскій шелъ дорогою Марко Поло и своими наблюденіями и описаніями еще разъ подтвердилъ громадность заслугъ великаго венеціанца. Последняя книга Пржевальскаго заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особливаго вниманія, именно та часть, гдѣ описывается путь отъ Лоба до Хотана, и къ разсмотрѣнію которой мы обратимся теперь.

I.

„Не много болѣе десяти лѣтъ тому назадъ“ — такъ начинается Пржевальскій свой разказъ о Лобъ-норѣ — „мѣстности, о которыхъ ниже пойдетъ рѣчь, представляли собою одинъ изъ самыхъ невѣдомыхъ уголковъ Центральной Азіи“ (стр. 285). Все сказанное — совершенная правда. О Лобъ-норѣ и о странахъ сопредѣльныхъ до послѣдняго путешествія Пржевальскаго знали очень мало. Къ тому, что разказывалъ о нихъ Марко Поло, въ послѣдующія столѣтія прибавилось не много достовѣрныхъ извѣстій. Масса любопытныхъ свѣдѣній объ этихъ мѣстностяхъ существуетъ въ китайскихъ источникахъ, но китайскіе источники или недоступны въ оригиналахъ европейскимъ географамъ, или не всегда вразумительны въ переводахъ. Разпросныя свѣдѣнія о пути на Лобъ были, конечно, и до путешествія Пржевальскаго, но, какъ извѣстно, они всегда кратки и сбивчивы, а нерѣдко и недостовѣрны. Въ 1862 г. такія разпросныя данныя были нанесены на одну изъ картъ, изданныхъ въ Индіи ¹⁾, и на ней же былъ намѣченъ путь изъ Яркенда на Хотанъ, Кэрія, Нія и т. д. Въ 1866 г. Джонсонъ ²⁾, доѣзжавшій изъ Хотана до Кэрія, привезъ изъ своего путешествія развѣдочныя свѣдѣнія о пути отсюда къ Лобъ-нору черезъ Черченъ или, какъ онъ называетъ эту мѣстность Ча-чанъ. Въ 1873 г., во время пребыванія извѣстной Форсайтовой экспедиціи въ Яркендѣ, свѣдѣнія его дополнились новыми разпросами ³⁾. И только въ 1876 г., впервые послѣ Марко Поло, на Лобъ-норѣ побывалъ европеецъ. То былъ Пржевальскій.

¹⁾ Разумѣемъ карту приложенную къ Report on the trade and Resources of the countries on the North-Western Boundary of British India. Lahore. MDCCCLXII.

²⁾ См. Johnson, W. H. Report on his Journey to Icheé, the Capital of Khotan въ The J. of the R. G. Soc. vol. XXXVII, 1 и сл.

³⁾ См. разные дорожники въ Report of a Mission to Yarkund in 1873. Calcutta. 1875.

Описаніе этого путешествія было издано отдѣльно ¹⁾, а краткій пересказъ того же самаго находится и въ послѣднемъ трудѣ безвременно погибшаго знаменитаго нашего путешественника. Въ первое свое путешествіе Пржевальскій не пошелъ на западъ отъ Лобъ-нора; маршрутъ, говоря собственными словами путешественника, былъ таковъ: въ половинѣ августа 1876 г. путешественникъ выступилъ изъ Кулджи и, пройдя вверхъ по долинамъ рѣкъ Или и Кунгеса, а затѣмъ вдоль по Малому Юлдусу черезъ Тянь-шань, спустился въ половинѣ октября въ долину Хайдугола, близъ города Карашара (стр. 286). Перейдя затѣмъ изъ долины Хайдугола въ городъ Курля, экспедиція выступила отсюда 4-го ноября къ Лобъ-нору. Сначала слѣдовали 85 верстъ до Тарима; на этомъ пути дважды переправлялись съ верблюдами вплавъ черезъ рѣки Конче-Дарья и Инчике-Дарья. Дальнѣйшій путь лежалъ по лѣвому берегу Тарима до переправы черезъ него, называемой Айрылгонъ. На этомъ пространствѣ изрѣдка встрѣчались поселенія туземцевъ; пришлось также переправляться (на плоту) черезъ значительный рукавъ Тарима—Кюкь-аладарья, въ который вскорѣ впадаетъ рѣка Конче-Дарья. Самый же рукавъ соединяется вновь съ Таримомъ возлѣ названной переправы, за которою экспедиція шла по правому берегу Тарима почти до самаго впаденія его въ озеро Кара-буранъ; затѣмъ минуя и это озеро, и Лобъ-норъ, она спустилась еще верстъ 40, къ югу до деревни Чахарлыкъ (стр. 287). Послѣ экскурсій къ западу въ Алтын-тагъ, и въ мѣстности на протяженіи 250 верстъ, на пути отъ Чахарлыка къ оазису Са-чжеу, въ началѣ февраля 1877 г. путешественники вернулись къ Лобъ-нору, а въ концѣ марта пошли прежнимъ путемъ въ Кулджу.

Всѣмъ слѣдящимъ за успѣхами географическихъ знаній, конечно, памятно, съ какимъ глубокимъ интересомъ были приняты свѣдѣнія о странахъ, которыя почитались новооткрытыми. Возникла даже полемика о томъ, былъ ли Пржевальскій на Лобъ-норѣ ²⁾. Такъ много неяснаго и гадательнаго было въ европейскихъ свѣдѣніяхъ объ этихъ странахъ. Въ свое послѣднее путешествіе Прже-

¹⁾ Отъ Кулджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норъ. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго. С.-Пб. 1878.

²⁾ *Richthofen*, Bemerkungen zu den Ergebnissen von Oberstlieutenant Prjewalski's Reise nach dem Lop-noor und Altyn-tagh въ *Verhandlungen d. G. für Erdkunde zu Berlin*, V. 112. Срав. англійскій переводъ путешествія Пржевальскаго From Kulja etc., стр. 185 и сл., а также предисловіе.

вальскій пришелъ на Лобъ-норъ иною дорогою, а оттуда прослѣдовалъ до Хотана; съ Лобъ-нора онъ шелъ южною дорогою китайцевъ, путемъ стариннымъ, по которому слѣдовали китайскія посольства на западъ, буддійскіе монахи (Сунъ-юнъ, Сюанъ-цзанъ), и который гораздо позднѣе описалъ Марко Поло. Изъ Хотана Пржевальскій повернулъ на Аксу, но дорога, которую онъ тутъ оставилъ, направляется далѣе на западъ. Этотъ путь, остававшійся до послѣдняго времени столь мало извѣстнымъ въ новой Европѣ, былъ однакоже не невѣдомымъ, а лишь забытымъ. О его западномъ концѣ слышалъ еще Птоломей; между Кашгаромъ и Ташкурганомъ слѣдуетъ искать его каменную башню и стоянку, гдѣ западные купцы, отправлявшіеся въ Серамъ, находили пристанище ¹⁾. И эта башня, и этотъ постоянный дворъ находились въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда гораздо позднѣе на забытый въ новой Европѣ путь выступилъ Сюанъ-цзанъ ²⁾, направляясь изъ Индіи домой, въ Китай. Едва ли онъ не видѣлъ ту же самую стоянку, о которой слышалъ Птоломей. Китайскій паломникъ разказываетъ, какъ задолго до его времени нѣкій милосердый святой и чудотворецъ спасъ тысячи купцовъ въ дикихъ ущельяхъ Цзунъ-лина и выстроилъ для нихъ постоянный дворъ, куда еще во времена китайскаго путешественника стекались изъ отдаленныхъ странъ кунцы и путники и жили тамъ благостынею давно почившаго святаго. Восточный конецъ этого же пути живописалъ наглядно авторъ Каталанскаго атласа ³⁾, и для него городъ Лобъ былъ мѣстомъ вѣдомымъ, куда на волахъ, въ телегахъ, на верблюдахъ шли западные купцы по прямой дорогѣ изъ Сарая въ Китай. Въ тѣ отдаленныя времена, когда этою дорогою ѣзжали къ великому хану европейцы, порогъ Азіи находился въ предѣлахъ Европейской Россіи; въ Судаки или въ Танѣ путешественникъ снаряжался въ дальній азіатскій путь, на край свѣта и сейчасъ же по выходѣ изъ Судака или изъ Таны передъ европейцемъ выступалъ диковинный азіатскій міръ. Наивный и надобдивный азіатъ, котораго путешественникъ и теперь можетъ наблюдать даже не въ трущобахъ, но только нѣсколько подале, являлся тогда передъ путешественникомъ уже въ привольныхъ степяхъ южной Россіи. „Мнѣ казалось“, говоритъ Рубрукъ ⁴⁾,—

¹⁾ См. *Yule's, Cathay and the way thither*, cxlix и сл.

²⁾ *Beal's Si-yu-ki*, vol. II, 303.

³⁾ *Notices et Extraits des Mss. de la bibliotheque du roi*. XIV, 2, стр. 132.

⁴⁾ Въ изданіи *Бергсера*, стр. 20 и сл.

„что я попалъ въ иной міръ“. Встрѣчавшіеся по дорогѣ татары обступали его и надоѣдали разпросами и попрошайничествомъ. Имъ, казалось, необходимо было знать, откуда и куда ѣдутъ путешественники, а главное, что они везутъ въ своихъ арбахъ; все, что было у путешественниковъ вино, хлѣбъ, разныя мелочи, какъ напримѣръ, ножики, перчатки, кошельки и т. п. вещи, все это вождедѣль встрѣчавшійся татаринъ и навойливо выпрашивалъ; давалась ему бутылка вина, онъ мгновенно ее осушалъ и просилъ другую, замѣчая съ лукавою усмѣшкой, что одною ногою въ домъ не входятъ. Ѣздить по Авіи, какъ теперь, такъ и тогда нужно было умѣючи и съ толкомъ; и тогда уже выработывалась практическая сноровка въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ѣзжали многіе европейцы; одинъ италіанскій писатель ¹⁾, самъ не ѣздившій по этой дорогѣ, но слыжавшій много отъ людей бывалыхъ о томъ, какъ туда ѣздить, сохранилъ намъ прелюбопытныя указанія о самомъ способѣ путешествія. Пускаясь въ путь, слѣдовало не бриться; прежде всего нужно было отпустить длинную бороду. Въ Танѣ необходимо было нанять переводчика, и скупиться на жалованье ему не слѣдовало; лучше было заплатить подороже, да взять хорошаго; кромѣ переводчика, не худо было привагать двухъ исправныхъ слугъ, знавшихъ по кумански. Купецъ, по желанію, могъ также изъ Таны взять съ собою женщину; „Se non la vuole menare, non fa forza, ma pure se la menasse, sarà tenuto di miglior condizione, che se non la menasse“; выбрать нужно было спутницу, знавшую куманскую рѣчь, съ куманскимъ языкомъ, такъ-сказать. Не извѣстно, всѣ ли купцы слѣдовали этому послѣднему совѣту; изъ путешественниковъ одинъ только Ибнъ-Батута ²⁾ отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, что изъ Сарая, онъ выѣхалъ въ арбѣ, съ тремя спутницами. Вычислены были даже стоимость такого путешествія въ Китай, расходы по содержанию вьючныхъ животныхъ, жалованье слугамъ и т. д. Путешествіе съ товарами обходилось до четырехсотъ золотыхъ флориновъ. Ѣздили, впрочемъ, всего чаще не тѣмъ путемъ, о которомъ говорятъ Марко Поло и, быть можетъ, съ его же словъ, Каталанскій атласъ; слѣдовали сѣвѣрною дорогою, поворачивая съ Бухары на сѣверъ и сѣверо-востокъ, сѣвѣрною окраиною великой пустыни. По южной же дорогѣ, мастерски описанной Пржевальскимъ, проѣзжало, какъ кажется, сравнительно меньше европейцевъ; по крайней мѣрѣ, сохранилось одно только ея описаніе, правда, удивитель-

¹⁾ Della Decima etc., III, 2 и сл.

²⁾ Voyages d'Ibn Batoutah, III, 2.

ное по своей ясности и полнотѣ: оно принадлежит Марко Поло. До Марко Пола отъ Хотана на Лобъ-норъ проѣхалъ извѣстный китайскій паломникъ Сюанъ-цзанъ, и еще ранѣе его другой буддѣйскій монахъ Сунъ-юнь. Этотъ путь общенія востока съ дальнимъ западомъ описанъ, такимъ образомъ, немногими очевидцами; и изъ нихъ одинъ видѣлъ эти страны на канунѣ господства ислама и описалъ намъ закатъ древнихъ культуръ; черезъ шесть слишкомъ вѣковъ прослѣдовалъ тутъ же безпристрастный и гениальный венеціанецъ и нарисовалъ намъ яркую картину монгольскаго господства, полный расцвѣтъ міродержавнаго величія великаго хана. И не удивительно, что южный путь по крайнѣйшей песчаной степи мало по малу сталъ забываться; здѣсь, какъ бы по евангельскому слову, нечистый духъ изыдетъ отъ человѣка, преходить сквозь безводныя мѣста, ища покоя и не обрѣтая... Очевидцы съ ужасомъ описываютъ впечатлѣніе безжизненной пустыни, гдѣ нѣтъ ни звѣря, ни птицы, ни воды, ни травы; тамъ все безжизненно „потому что“, говоритъ Марко Поло¹⁾,— „звѣрямъ нечего тамъ ѣсть... Но“, прибавляетъ онъ,— „есть тамъ вотъ какое чудо: ѣдешь по той пустынѣ ночью, и случится кому отстать отъ товарищей за какимъ-либо дѣломъ, или просто поспать, и какъ станетъ тотъ человѣкъ нагонять своихъ, слышитъ онъ говоръ духовъ, и почувится ему, что товарищи зовутъ его по имени, и зачастую духи заводятъ его туда, откуда ему не выбраться, такъ онъ тамъ и погибаетъ... и двумъ люди слышать голоса духовъ, и часто чудится, точно слышишь, какъ играютъ на многихъ инструментахъ, словно на барабанахъ“... Объ этихъ звукахъ, давая имъ совершенно рациональное объясненіе, говоритъ и Пржевальскій: здѣсь почва даже въ оазисахъ—оголенная лессовая глина съ пескомъ, то покрытая довольно твердою солонцоватою корою, то совершенно рыхлая какъ песокъ. Подъ деревьями вездѣ валяются груды обломанныхъ бурями сучьевъ и кучи сухихъ листьевъ, которые звенятъ словно каменные, если ихъ катить сильный вѣтеръ (стр. 358)... При такихъ звукахъ, совершенно понятно разгоряченная фантазія могла рисовать человѣку, объятому ужасомъ, видѣнія; то ему, какъ Сюанъ-цзану, являлись вражескія рати, и толпы демоновъ, то мнилъ онъ, какъ Одорикъ Корденонскій, что стоитъ въ долинѣ смерти: предъ нимъ многое множество костяковъ, отовсюду несутся звуки музыки, а со скалы на него глядитъ страш-

¹⁾ Марко Поло цитируется по старо-французскому тексту изд. Георг. Общ. въ Парижѣ.

ный ликъ, и въ ужасѣ онъ крестится и шепчетъ: *Verbum caro factum* ¹⁾... И эти мѣста ужасовъ—громадны по своему протяженію. Въ таримской котловинѣ пески отъ Нижняго Тарима до Яркенда тянутся, по словамъ Пржевальскаго, на 950 верстъ; на меридіанѣ Кэри наибольшая ихъ ширина 370 верстъ. „Эти сыпучіе пески“, говоритъ онъ,—„залегаютъ сплошь на такое обширное пространство, какъ нигдѣ во всей Средней Азии отъ Китая до Каспійскаго моря; притомъ по своей недоступности они также могутъ занять первенствующее мѣсто“ (стр. 354).

Песчаная степь не только пугала воображеніе рѣдкихъ здѣсь путешественниковъ, но и грозна была ея роль въ судьбахъ тамошней цивилизаціи. Сыпучіе пески таримскаго бассейна представляютъ собою, какъ вездѣ, самаго страшнаго врага культуры... справедливо замѣчаетъ Пржевальскій. Здѣсь, какъ и въ западномъ Туркеставѣ, многія процвѣтавшія въ древности мѣстности уничтожены, и вообще раіонъ культурныхъ площадей стѣсняется все болѣе и болѣе, область же сыпучаго песка расширяется (стр. 355). Жители Хотана, Кэри, Нія и другихъ пока уцѣлѣвшихъ оазисовъ ежегодно осенью и зимою ходятъ въ пески искать оголенные бурями остатки древнихъ поселеній. Тамъ, какъ говорятъ, находятъ иногда золото и серебро. Попадаются даже уцѣлѣвшія сакли, а въ нихъ одежда и войлоки; то и другое обыкновенно истлѣло до того, что отъ прикосновенія руки разсыпается въ пыль. Искатели отправляются пѣшкомъ, но везутъ на верблюдахъ, иногда же несутъ на собственныхъ плечахъ, вьюки шестовъ, которые, съ навязанными на нихъ красными и синими тряпками, втыкаются на болѣе высокихъ песчаныхъ холмахъ и такимъ образомъ обезпечиваютъ себѣ обратный путь (стр. 356).

Исторія свидѣтельствуетъ, что здѣсь гибель культуры началась очень давно; еще Сюань-цзанъ, слѣдуя изъ Хотана, отмѣчаетъ мѣста, разрушенныя натискомъ песковъ; онъ видѣлъ разрушенные и оставленные города древняго царства Тухара; а о гибели города Холло-ло-кіа онъ слышалъ сказаніе, которое въ измѣненномъ вѣскольکو видѣ разказывали на мѣстѣ и Пржевальскому (стр. 367). Въ пескахъ, на правой сторонѣ Тарима, противъ д. Ахтармы туземцы указываютъ старинный городъ Кутель-шари. Жители исповѣдывали языческую вѣру (буддизмъ?): капища ихъ были такъ украшены, что вѣ-

¹⁾ *Yule*, I. с., 158.

которыя колонны дѣлались изъ чистаго золота (стр. 367). О разрушеніи этого нѣкогда блестящаго города нынѣшнее мусульманское на селеніе разказываетъ слѣдующее: „Одинъ изъ рыцарскихъ проповѣдниковъ мусульманства предложилъ владѣтелю и обитателямъ описываемаго города принять ученіе пророка. Согласія на это не послѣдовало. Тогда по молитвѣ того же магометанскаго миссіонера, поднялась страшная буря и засыпала нечестивый городъ. Однако жители его не погибли. Они, какъ гласитъ легенда, живутъ до сихъ поръ, питаются корнями кендыря. Живы даже остались куры, такъ что изъ-подъ песка иногда слышится пѣтушиное пѣніе“ (стр. 337). Легенду о засыпанномъ городѣ Сюанъ-цзанъ слышалъ въ царствѣ Бимо (около Кэрія) или Пеннѣ Марка Поло. Въ разказѣ благочестиваго буддиста гибель города произошла иначе: былъ городъ, по его словамъ, нечестивый, значитъ, съ его точки зрѣнія, не буддійскій; тамъ невѣрующій царь воздвигъ гоненіе на одного буддійскаго святаго, и святой предъ смертью пророчилъ, что городъ черезъ семь дней будетъ засыпанъ. Прошло семь дней, и поднялся ураганъ, съ неба посыпались драгоценности. Возликовалъ народъ и бросился сбирать богатства; но радость была не продолжительна, пошелъ вслѣдъ затѣмъ песчаный дождь, и городъ засыпало. Ту же легенду разказывали Форсайту въ Хотанѣ ¹⁾).

Память объ исчезнувшей здѣсь культурѣ, очевидно, живетъ среди мѣстнаго населенія; она поддерживается находками, болѣе или менѣе пѣнными, неопровержимо свидѣтельствующими, что когда-то здѣсь была иная жизнь. Между мѣстными жителями, какъ выше было указано, образовался особаго рода промыселъ: ходятъ въ старыя города за золотомъ. Еще Джонсонъ, побывавшій въ Хотанѣ въ 1866 г., разказываетъ, что въ засыпанныхъ городахъ находятъ золотыя монеты и украшенія и вырываютъ чай. Форсайтъ производилъ самъ раскопки около Янги-Гиссара, въ 35 миляхъ, около одного мазара. Небогаты были находки, но очень любопытны; найдены были между прочимъ монеты и битое стекло; послѣднее весьма интересно: въ Кашгарѣ въ настоящее время стекла не употребляютъ и не умѣютъ дѣлать. Но еще важнѣе то, что Форсайтъ видѣлъ изъ чужихъ находокъ; въ близости Кэрія было найдено нѣсколько греческихъ и византійскихъ монетъ, золотыя женскія украшенія подобныя современнымъ индійскимъ. Около Ильчи было найдено золотое изображеніе коровы, и золотое же укра-

¹⁾ *Journal of the R. G. Soc.*, vol. XLVII, 5.

пеніе вѣсомъ въ 16 фунтовъ (англ.); оно имѣло форму вазы съ цѣпью; по мнѣнію туземцевъ, то было шейное украшеніе Афрасіаба. Изъ мѣстностей же около Кэриі Форсайту были принесены двѣ статуетки, одна изображала Буддху, другая—Ганумана. Изъ Хотана ему доставили золотыя кольца, кольца для ношенія въ носу, совершенно подобныя теперешнимъ индійскимъ, и греко-бактрійскія, римскія и греческія монеты. О весьма интересныхъ находкахъ говоритъ Пржевальскій: „Слѣды древнихъ поселеній и городовъ встрѣчаются также по всему среднему теченію Черченъ-дарьи. Эти остатки всѣ лежатъ на западной сторонѣ названной рѣки, въ разстояніи 5—15 верстъ отъ нынѣшняго ея русла... Старое русло Черченъ-дарьи мѣстами также видно между упомянутыми развалинами, нынѣ большею частью засыпанными пескомъ пустыни. По преданію, здѣсь нѣкогда жило племя мачинъ, какъ и далѣе вплоть до Лобъ-нора“ (стр. 367).

Находки въ этихъ мѣстахъ описаны у нашего путешественника кратко, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать ихъ важность. Случается находить здѣсь мѣдныя и золотыя монеты, серебряныя слитки, золотыя украшенія одежды, драгоценныя камни (алмазы и бирюзу), бусы, жемчужныя вещи, кузнечный шлакъ, мѣдную посуду и, что замѣчательно, битое стекло въ самомъ древнемъ городѣ; въ болѣе же новомъ городѣ черченцы добываютъ для своихъ надобностей жженый кирпичъ (стр. 336) Въ этихъ случайныхъ археологическихъ свѣдѣніяхъ очень интересны данныя о погребальныхъ обычаяхъ: „При раскопкахъ встрѣчаются склепы и отдѣльные деревянные гробы. Въ тѣхъ и другихъ трупы (не бальзамированные) обыкновенно сохранились очень хорошо, благодаря, конечно, чрезвычайной сухости почвы и воздуха. Мужчины весьма большаго роста и съ длинными волосами, женщины съ одною или двумя косами. Однажды открытъ былъ склепъ съ 12-ю мужскими трупами въ сидячемъ положеніи. Въ другой разъ найдена была въ гробу молодая дѣвушка. У ней глаза были закрыты золотыми кружками, а голова связана отъ подбородка черезъ темя золотою пластинкою, на тѣлѣ надѣта длинная, но узкая шерстяная одежда (совершенно истлѣвшая), украшенная на груди нѣсколькими тонкими золотыми звѣздочками, около дюйма въ діаметрѣ; ноги оставлены босыми. Даже дерево гробовъ, какъ намъ говорили, иногда такъ хорошо сохранилось, что черченцы употребляютъ его на кое-какія подѣлки. Вмѣстѣ съ человѣческими трупами въ могилахъ попадаются кости лошадей и барановъ“ (стр. 366—367).

Случайныя находки и отрывочныя свѣдѣнія о древностяхъ здѣш-

них мѣстъ заставляють чаять великихъ археологическихъ открытій на этомъ забытомъ, прямомъ пути съ запада на крайній востокъ. Цвѣла здѣсь культура,—въ этомъ уже теперь нельзя сомнѣваться; но памятники письменности раскрываютъ передъ нами прошлыя судьбы этихъ странъ очень неполно. Была ли тутъ самобытная цивилизація, или только одна извнѣ занесенная культура? Дѣйствительно ли, какъ увѣряютъ китайцы, они научили здѣшнихъ обитателей земледѣлю и цивилизовали ихъ вообще, или послѣдующимъ изслѣдователямъ суждено найти слѣды совершенно оригинальнаго самобытнаго развитія? Свидѣтельства очевидцевъ, начиная съ V вѣка по Р. Х., указываютъ на господство здѣсь иноземной цивилизаціи; все, что было здѣсь до этого, пока скрыто для современнаго историка судьбъ чело- вѣчества. Сохранившіяся показанія древнихъ очевидцевъ поражаютъ, однакоже, крайнею, какъ бы предвзятою односторонностію; буддійскіе паломники какъ будто хотѣли видѣть только одно, и ни однимъ словомъ они не обмолвились о томъ, что рядомъ съ господствомъ индійской цивилизаціи, на что они постоянно указываютъ, здѣсь могли существовать и другія культуры, самостоятельныя и заносныя. Чжанъ-кянъ, китайскій Колумбъ, открывшій для своихъ соотечественниковъ западный край въ 127 до Р. Х., говоритъ въ своемъ официальномъ донесеніи: Лэу-ланъ и Гушы (иначе страны прилобскія) имѣютъ города по берегамъ Соленого озера, и показаніе это относится къ такому времени, когда трудно предполагать вліяніе индійской цивилизаціи.

II.

Но вліяніе Индіи несомнѣнно было здѣсь; оно сказывается уже въ самомъ названіи туземцевъ—Мачинъ.

Мачинцы считаютъ себя кореннымъ населеніемъ восточнаго Туркестана, живутъ отъ Черчена до Хотана и по сосѣднимъ горамъ, попадаютъ также и въ Яркендъ (стр. 362). У нихъ существуетъ преданіе, что предки ихъ въ глубокой древности пришли сюда изъ Индіи и затѣмъ смѣшались съ китайцами. Послѣднихъ называли Чинъ; именемъ же Ма, поясняли намъ, говоритъ Пржевальскій, —вѣроятно, назывался пришедшій изъ Индіи народъ; отсюда и вышло мачинъ. Племя это называетъ себя также мальчи. По другому извѣстію, оно считаетъ себя давнишнимъ кореннымъ населеніемъ восточнаго Туркестана (стр. 420). Ранѣе также мачинцы были, какъ они сами го-

ворять, огнепоклонники и идолопоклонники (буддисты?). Много имѣлось тогда у нихъ волшебниковъ (стр. 430). Мачинъ несомнѣнно есть искаженіе санскритскаго слова Махâчйна, то-есть, великая Чйна или великій Китай; подъ этимъ именемъ индійцы издавна знали всѣ страны къ сѣверу отъ Гималая, и въ этомъ же смыслѣ употребляетъ Беруни географическій терминъ Махâ-чинъ. Позднѣе терминъ Чинъ ¹⁾ и Мачинъ стали употребляться въ иномъ и не всегда ясномъ значеніи, и онъ сдѣлался порою также теменъ, какъ и термины Синдъ и Хиндъ, или Гогъ и Магогъ; ему давали разныя толкованія, и даже нашъ Аванасій Никитинъ слышалъ его во время своихъ хожденій за три моря. Въ Индіи Мачинъ порою говорится и нынѣ, хотя и не всегда въ старинномъ значеніи. Махâ-чйна страна прекрасная, семью стѣнами окруженная играетъ нѣкоторую роль въ буддійскихъ легендарныхъ сказаніяхъ ²⁾. Полуясные намеки на господство индійской культуры здѣсь въ старину сохранились кое-гдѣ не только въ развалинахъ и въ вещественныхъ памятникахъ древности, но и въ нѣкоторыхъ явленіяхъ религіозной жизни туземцевъ. Такъ, напримѣръ, высокочтимую святость всего Лобъ-нора составляетъ небольшой мазаръ, находящійся близъ д. Старый Абданъ, въ одной отъ нея верстѣ вверхъ по Тариму (стр. 314). Въ этой небольшой загородкѣ закопана въ землю главная святыня, мѣдная чашка, и кромѣ того лежитъ небольшой красный флагъ, также святой (тамъ же). Святыни эти суть предметы особаго рода культа; на небольшихъ подмосткахъ въ порядкѣ разложены нѣсколько десятковъ мараліихъ роговъ, головы харасультъ и домашнихъ барановъ, а также нѣсколько хвостовъ яковъ и пара ихъ роговъ. Всѣ эти приношенія предназначены святынямъ. О происхожденіи святынь разсказывается вотъ что: „Въ давнія времена проходили изъ Хотана черезъ Лобъ-норъ шестеро магометанскихъ святыхъ съ одною при нихъ собакою. Эти святые и подарили за какую-то услугу одному изъ предковъ Кунчи-канъ-бека вышеупомянутую мѣдную чашку, а затѣмъ прислали изъ Турфана красный флагъ и бумагу на владѣніе обѣими подаренными драгоценностями. Сами святые, какъ гласитъ легенда, ушли въ пещеру недалеко къ сѣверу отъ Турфана, сказавъ, что „мы еще вернемся“; собака лежитъ окаменѣлою у входа въ эту пещеру. По тому же преданію, во

¹⁾ Alberuni's India, 1. 207. Срв. Yule and Burnell, Glossary, s. v.

²⁾ О странѣ Махâчйна говорится въ Свајамбхупуранѣ. Оттуда вышелъ Манжуря, см. Burnouf, Lotus, стр. 502.

время пути святыхъ въ Турфанъ, ихъ преслѣдовали, съ цѣлью убить, монголы. Разбойники эти искали намѣченныя жертвы по слѣду собаки. Тогда у нея были отрублены ноги, но собака все таки не отстала отъ своихъ хозяевъ“ (стр. 314). Въ этомъ культѣ чаши нельзя не признать переживанія очень древняго буддійскаго культа святой чаши Будды, которую до сихъ поръ чтутъ и въ другомъ мѣстѣ мусульманскаго міра, въ Кандакарѣ. Любопытныя слѣды буддійскаго культа сказались еще въ другой мелочной подробности одного мѣстнаго обычая. Мазары, разказываетъ Пржевальскій, обыкновенно на здѣшнихъ магометанскихъ кладбищахъ утыканы жердями съ привязанными къ нимъ тряпками и хвостами яковъ (стр. 410). Не трудно въ этихъ жердяхъ съ тряпками узнать тѣ знамена, которыми по сіе время украшаются буддійскія ступы; такія знамена нѣкогда красовались вокругъ знаменитаго храма въ Балкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуесть Масуди.

Во весь путь отъ Лоба до Хотана, даже при бѣгломъ слѣдованіи, путешественнику представляются слѣды древней цивилизаціи или въ остаткахъ древностей, или въ народныхъ сказаніяхъ.

Нынѣшній Лобъ-норъ, говоритъ Пржевальскій,—протягивается отъ юго-запада къ сѣверо-востоку (по распроснымъ свѣдѣніямъ) верстъ на 100. или немного менѣе.... Абсолютная здѣсь высота 2,600 футовъ. Наибольшая ширина Лобъ-нора достигаетъ по словамъ туземцевъ, до 20 верстъ въ срединѣ общаго протяженія этого озера (стр. 292). Тамъ, гдѣ входятъ въ пустыню, по словамъ Марко Поло, стоялъ Лобъ,—большой городъ великаго хана. Кому дорога черезъ пустыню, тотъ останавливался тутъ набраться силъ. Здѣсь дѣлались запасы для дальнѣйшаго слѣдованія. Во времена Марка Поло жители Лоба были мусульмане. Но о Лобѣ, городѣ знатномъ, китайцы сохранили извѣстія, начиная со II вѣка до Р. X. Въ разныя времена черезъ него проходили буддійскіе паломники, и одинъ изъ нихъ, Фасянъ, разказываетъ, что въ его время здѣсь было до четырехъ тысячъ монаховъ; отсюда, по словамъ этого очевидца кожда IV и начала V вѣка, начиналось господство индійскаго вліянія. Не только монахи прилежно изучали буддійскую литературу, но и міряне слѣдовали предписаніямъ индійскихъ законовъ.

Слѣды стараго города, видѣннаго и описаннаго еще Марко Поло, нынѣ сохранились на рѣкѣ Джахансай-дарья, верстахъ въ 30 къ югу отъ деревни Старый Абдалъ, на Лобъ-норѣ. На правомъ берегу названной рѣчки, среди совершенной пустыни, разбросанно

торчатъ глиняные остовы сакель, стѣнъ, изрѣдка башенъ. Эти руины тянутся верстъ на шесть въ поперечникѣ отъ запада къ востоку; въ окрестности имѣютъ, какъ говорили Пржевальскому, до 15 верстъ. Таковую площадь, быть можетъ—и большую, занималъ нѣкогда цвѣтущій оазисъ (то-есть, городъ съ окружающими его селеніями) Лобъ. Теперь все это засыпано пескомъ и мелкою галькою; даже рѣка Джахансай течетъ нѣсколько западнѣе разваливъ. Лобъ-норцы называютъ это мѣсто „Коне-шари“, старый городъ (стр. 301). Разореніе случилось, по мѣстному, преданію за три года передъ тѣмъ какъ Туглукъ Тимуръ ханъ принялъ магометанство, слѣдовательно, въ 1373 году нашей эры.

Пятьдесятъ дней прожили путешественники на Лобъ-норѣ, и 20-го марта 1885 года двинулись оттуда (стр. 349). Они пошли къ населенію Чархалыкъ, до котораго отъ Лобъ-нора около сотни верстъ. Расстояніе это было пройдено въ три дня съ небольшимъ. Около Чархалыка до сихъ поръ видны разрушенныя стѣны небольшого города (стр. 350). Далѣе, въ четыре небольшихъ перехода, пройдено было 77 верстъ отъ Чархалыка до урочища Вапъ-шари. Изъ семи верстахъ къ юго-западу отъ обитаемаго нынѣ урочища Вапъ-шари видны слѣды древняго города (стр. 353). Кое-гдѣ на свободныхъ площадкахъ встрѣчаются остатки сакель изъ глины, рѣже изъ обожженнаго кирпича. Тутъ же валяются черепки глиняной посуды и человѣческія кости; иногда находятъ мѣдныя монеты; мѣстами, какъ говорятъ, торчатъ иссохшіе поломанные стволы тополей и абрикосовыхъ деревьевъ.

14-го апрѣля 1885 г. путешественники прибыли въ самый Черченъ, гдѣ были встрѣчены мѣстными властями—хакимомъ (уѣздный начальникъ) и аксакаломъ (волостной старшина). Какъ уже сказано, Черченъ, до послѣдняго времени, былъ извѣстенъ только изъ описаній Марко Поло, да по немногимъ разспроснымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ путешественниками нашего вѣка, Джонсономъ и экспедиціей Форсайта. Экспедиція Форсайта привезла извѣстія, что близъ Черчена есть Хадлакскія золотыя россыпи, а между Лобскимъ округомъ и Черченомъ есть нѣсколько оазисовъ, гдѣ кочуютъ Сокпо или Калмыки. Марко Поло шелъ изъ Черчена въ Лобъ пять дней песками; это противорѣчитъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ и можетъ быть объяснено только предположеніемъ, что во времена Марко Поло оазисъ Черченъ былъ гораздо обширнѣе; вѣроятность такого предположенія подтвер-

ждается другимъ извѣстіемъ Марко Поло о Черченѣ: тамъ, по его словамъ, было много городовъ, городковъ.

Теперешній Черченъ лежитъ на абсолютной высотѣ 4100 футовъ по обѣ стороны Черченъ-дарьи, верстахъ въ 60 по выходѣ ея изъ горъ, на небольшой лёссовой площади, окруженной сыпучими песками (стр. 361). Нынѣшнее черченское поселеніе заключаетъ въ себѣ около 600 дворовъ и отъ 3—3¹/₂ т. жителей. Основано оно 90 лѣтъ тому назадъ колонистами изъ Кэрин, Хотана, Кашгара и Аксу (стр. 362). Въ Черченскомъ оазисѣ нѣтъ города или вообще мѣста, обнесеннаго стѣною. При Якубъ-бекѣ выстроенъ здѣсь былъ небольшой глиняный фортъ, но теперь онъ совсѣмъ развалился (стр. 363). Всего обработанной земли въ Черченѣ едва ли наберется одна тысяча десятинъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ оазисахъ Центральной Азій, поля скорѣе могутъ быть названы огородами по ихъ миниатюрности и тщательности обработки (стр. 363).

Среди совершенной пустыни, отчасти покрытой лёссовыми песчаными буграми, видны слѣды древней культурной площади. Здѣсь на протяженіи 7—8 верстъ отъ сѣвера къ югу и около двухъ или болѣе отъ востока къ западу встрѣчаются остатки башенъ, сакель и мѣста прежнихъ арыковъ. По туземному преданію, на указанномъ мѣстѣ одновременно существовали два города (стр. 365). Нынѣшніе жители Черчена производятъ иногда раскопки на мѣстѣ вышеописанныхъ городовъ; гораздо же чаще ходятъ они туда на поиски послѣ сильной бури, мѣстами выдувающей песокъ на значительную глубину (стр. 366).

Современное преданіе гласитъ, что процвѣталъ древнѣйшій городъ при Сіавушъ-ханѣ, который, согласно тому же преданію, считался потомкомъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ самого Ноя. Этотъ царь, равно какъ и жители описываемаго города, исповѣдывали также вѣру Ноя. Къ западу отъ городскихъ стѣнъ былъ выкопанъ огромный прудъ, вода въ который напускалась изъ Черченъ-дарьи. Вокругъ пруда расположены были сады, цвѣтники, бесѣдки, статуи и здѣсь устраивались празднества, на которыхъ присутствовалъ Сіавушъ-ханъ. Ему же приписываютъ основаніе обширнаго города Шаристанъ, слѣды котораго нынѣ видны въ пескахъ близъ Хотана. Недалеко тамъ былъ и убитъ столь прославленный ханъ, по приказанію тестя своего Афрабъ-сіяба. Изъ пролитой тогда крови выросла на мѣстѣ преступленія трава, называемая пырь-сія-вушъ-ханъ и понинѣ, какъ говорятъ, употребляемая туземцами на лѣкарства (стр. 366).

Легенды о древнихъ городахъ, безъ сомнѣнія, полны глубокаго интереса. Къ сожалѣнію, путешественникъ не сообщаетъ, отъ кого онъ слышалъ сказанія о древнихъ городахъ: разказывалъ ли ихъ какой-нибудь начетчикъ, знакомый съ Шахъ-наме, или же неграмотный обыватель тѣхъ мѣстъ. О древнѣйшемъ городѣ сохранилось преданіе, что онъ былъ уничтоженъ около 3000 лѣтъ тому назадъ богатыремъ Рустемъ-Дагестаномъ. Другой, болѣе новый городъ, уже 900 лѣтъ, какъ разоренъ монголами подъ начальствомъ Алтамыша. Послѣднимъ царемъ самаго древняго города былъ Аплапъ-сала (стр. 365).

Ни къ Черчену, ни отъ него колесныхъ дорогъ нѣтъ; даже въ самомъ этомъ оазисѣ ѣздятъ только верхомъ на лошадяхъ, ослахъ, иногда и на коровахъ. „Ни одной колесной повозки“, говоритъ Пржевальскій,—„мы здѣсь не видали“ (стр. 371).

Отсюда до Кэриі путь лежалъ у подножія хребта, впервые описаннаго Пржевальскимъ и имъ же названнаго Русскимъ (стр. 368). Хребетъ этотъ тянется на 400 слишкомъ верстъ къ западо-юго-западу до прорыва Кэрійской рѣки. На сѣверномъ склонѣ Русскаго хребта общій его характеръ составляютъ дикость, грандіозность формъ и труднодоступность, тогда какъ южный тибетскій склонъ несомнѣнно короче и мягче въ своемъ рельефѣ. Наиболѣе высокая, вѣчно снѣговая часть того же хребта лежитъ въ западной его окраинѣ между рѣками Чижчанъ и Кэрійскою. Вблизи послѣдней высится громадная покрытая ледниками вершина, поднимающаяся, вѣроятно, выше 20 т. фут. и названная г. Пржевальскимъ горой Царя-Освободителя (стр. 368). Описавъ далѣе другія снѣговныя группы Русскаго хребта и потоки, вытекающіе съ его сѣвернаго склона, путешественникъ продолжаетъ: Преобладающую горную породу въ описываемомъ хребтѣ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной его окраинѣ, посѣщенной русскими путешественниками, составляетъ гранитъ; кромѣ того, здѣсь встрѣчаются сіенитъ, кварцитъ, даломитъ кремнистый и известково-глинистый сланцы. Тотъ же хребетъ обилень нефритомъ, столь дорого цѣнимымъ въ Китаѣ, а изъ металловъ — золотомъ (стр. 369). Какъ по своей флорѣ, такъ и по фаунѣ, хребетъ вообще можетъ быть названъ весьма бѣднымъ (стр. 369). Жители въ Русскомъ хребтѣ маичинцы (тамъ же).

Черезъ Русскій хребетъ существуютъ лишь немногія тропы, доступныя, да и то съ большимъ трудомъ, только для лошадей, ословъ или яковъ; на верблюдахъ же пройти нигдѣ нельзя (стр. 371). Раз-

казываютъ однако же, что вдоль южнаго склона описываемыхъ горъ въ глубокой древности (еще до Чингисъ-хана) пролегалъ колесный путь изъ Яркенда въ Сининъ. Дорога эта поднимается отъ Яркенда на плато Тибета и слѣдовала здѣсь, съ переваломъ черезъ сѣвѣрой хребетъ, вдоль южнаго подножія Русскаго хребта, быть можетъ, въ урочище Гасъ, а оттуда въ Сининъ. По ущелью р. Толанъ-ходжа къ указанной дорогѣ примыкала другая, также колесная, пересѣкавшая Русскій хребетъ. Оба эти пути давно заброшены и испорчены временемъ, но до сихъ поръ еще, какъ говорятъ, по нимъ валяются ободки колесъ, желѣзо отъ телегъ, иногда и верблюжьи кости (стр. 371).

Отъ Черчена въ Нія есть двѣ дороги: по нижней дорогѣ до Нія 290 верстъ; въ древнія времена по ней лежало много оазисовъ, отъ которыхъ нынѣ уцѣлѣли лишь мѣстами незначительные слѣды. Дорога эта представляетъ много неудобствъ, и путешественники выбрали верхнюю дорогу, окружную, вдоль подножія Русскаго хребта; по ней до Нія 391 верста (стр. 371—373).

Въ первый же день путешественникамъ пришлось сдѣлать весьма значительный безводный переходъ (стр. 373): далѣе слѣдованіе было также не безъ неудобствъ и лишеній. Послѣ урочища Копà, которое находится въ предгорьяхъ Русскаго хребта и славится какъ пріискъ золота, Пржевальскій отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее: Дорогою отъ самаго урочища Копà, нѣсколько разъ встрѣчались небольшія партіи туземцевъ изъ оазисовъ Нія, Кэрія и др. Эти партіи направлялись, тихомолкомъ отъ китайцевъ, на цѣлое лѣто въ „Долину вѣтровъ“ и въ урочищѣ Бугулукъ добываютъ тамъ золото. Промышленники большею частью шли пѣшкомъ и везли на ослахъ, изрѣдка на лошадахъ, свою поклажу; нѣкоторые тащили ее на себѣ (стр. 380).

Оазисъ Нія расположенъ на абсолютной высотѣ 4,000 футовъ, по обѣ стороны рѣки того же имени, верстахъ въ 50 по выходѣ ея изъ Русскаго хребта (стр. 385). По разспроснымъ свѣдѣніямъ, въ оазисѣ Нія считается отъ 1,000—1,200 дворовъ, слѣдовательно, можно положить число жителей отъ 5,000—6,000 душъ обоюго пола. Все это мачинцы... (тамъ же), какъ и въ другихъ оазисахъ. Главное занятіе жителей Нія составляетъ земледѣліе... Кромѣ того, здѣсь развито и скотоводство. На окрестныхъ оазису болотахъ много пасется барановъ, ословъ, коровъ и частью лошадей; послѣднія почти исключительно кобылы и жеребята, ибо жеребцовъ и мериновъ отбираютъ китайцы (стр. 386). Постоянной торговли въ оазисѣ Нія

нѣтъ. Только однажды въ десять дней здѣсь бываетъ базаръ, на который прѣзжаютъ торговцы изъ Кэріи. Торгъ производится ограниченный, предметами необходимыми для обихода мѣстныхъ жителей; достаточно привозятъ русскихъ красныхъ товаровъ (ситцы, кумачъ, платки и пр.); бываетъ также нашъ сахаръ, зажигательныя спички и т. п. (стр. 386).

Нія, по всей вѣроятности,—то же, что Ничанъ Сюанъ-цзана, гдѣ въ тѣ времена была восточная граница Хотанскаго царства.

Отъ Нія до Кэріи разстояніе 93 версты; дорога по прежнему вьючная, хотя съ трудомъ, пожалуй, можно проѣхать здѣсь и на двухколесной арбѣ. Первый безводный переходъ занимаетъ 51 версту (стр. 391). Мѣстность на описываемомъ безводномъ переходѣ совершенная пустыня, большею частью песчаная; однако большіе пески, передвинувшіеся къ оазису Нія, лежатъ здѣсь нѣсколько поодаль. Сама дорога вообще хороша и на случай пыльной бури обозначена воткнутыми въ землю жердями.

Кэріа, безъ всякаго сомнѣнія,—то же, что Пейнъ Марко Поло и Вимо Сюанъ-цзана, гдѣ, по словамъ послѣдняго, была чудотворная статуя Буддхи. Марко Поло говоритъ о Пейнѣ, что въ этомъ царствѣ городовъ, городковъ много. Пейнъ самый знатный городъ и столица царства... Всего тутъ вдоволь, и много хлопку. Народъ торговый и занимается ремеслами. Есть у нихъ вотъ какой обычай: коль мужъ отъ жены уйдетъ на сторону дней на двадцать, жена, какъ только онъ ушелъ, беретъ себѣ другаго, и по ихъ обычаю, это ей дозволено, а мужъ тамъ, куда пошелъ, женится на другой.

Отъ Лобъ Нора до Кэріи 870 верстъ (стр. 395). Оазисъ Кэріи лежитъ при абсолютной высотѣ 4,700 футовъ на лѣвомъ берегу р. Кэріа-дарья, верстахъ въ 50 по выходѣ ея изъ горъ... Отъ сѣвера къ югу описываемый оазисъ простирается верстъ на 14, при наибольшей ширинѣ около 8 верстъ; къ западу же, по хотанской дорогѣ, неширокая культурная полоса тянется еще верстъ на 13 или около того. Населеніе Кэріи составляютъ мачинцы, число дворовъ которыхъ простирается нынѣ до 3000 (стр. 396)... Предметы вывоза отсюда составляютъ золото и камень юй (нефритъ) (стр. 397). Дважды въ недѣлю, именно въ четвергъ и пятницу, устраивается кочующими изъ одного оазиса въ другой купцами торгъ въ родѣ нашей ярмарки. На этомъ базарѣ изобильны русскіе красные товары—ситцы, кумачъ, платки, пльсь и др., также зажигательныя спички и сахаръ; продаются они не дорого... Наши кредитныя

бумажки и мелкое серебро принимаютъ охотно... Среди торгующихъ купцовъ встрѣчаются наши подданные, уроженцы западнаго Туркестана (стр. 397).

Въ административномъ отношеніи Кэрія составляетъ центръ отдѣла третьей степени, находящагося подъ управленіемъ китайскаго чиновника, подвѣдомственнаго начальнику Хотанскаго округа. Кэрійскій отдѣлъ захватываетъ обширную мѣстность — къ сѣверовостоку до Чахарлнка, а къ востоку почти до Хотанской рѣки съ оазисомъ Сампула включительно; кромѣ того, сюда же причислены и горные мачинцы. Общее число жителей (все мачинцевъ) того же отдѣла простирается до 15000 семействъ по слѣдующему приближительному расчету: Черченъ—600 семействъ, Нія — 1,000, Керія — 3,000, Шиваль—200?, Гулакма и Домаку—800, Чира—1,000. Сампула — 5,500; горныхъ мачинцевъ: въ русскомъ хребтѣ — 1,000, въ Кэрійскомъ—2,000 семействъ (стр. 388).

Изъ Кэрія путешественники отправились въ Полу. Простоявъ тамъ пять сутокъ и убѣдившись, что пройти отсюда въ Тибетъ ущельемъ р. Курабъ невозможно, они двинулись вдоль сѣвернаго подножія Кэрійскаго хребта. Безъ малаго цѣлый мѣсяць употребленъ былъ на эту экскурсію (стр. 433). Въ результатѣ получилось опредѣленія общаго направленія Кэрійскаго хребта и его топографическаго характера; флора и фауна были достаточно обследованы; притомъ дознано, что проходовъ въ Тибетъ здѣсь нѣтъ (стр. 436). Свѣдѣніе это неточно. Дорога изъ Полу въ Рудокъ есть, по ней проходилъ Карей, и еще ранѣе свѣдѣнія о ней были добыты экспедиціей Форсайта.

Крайнимъ западнымъ пунктомъ движенія вдоль Кэрійскихъ горъ было урочище Улукъ-Ачикъ (стр. 436). Передневавъ тутъ на абсолютной высотѣ 11,200 футовъ, путешественники пошли отсюда въ оазисъ Чира (стр. 438). На первомъ переходѣ, внизъ по р. Караташъ, встрѣтились разработки золота, которыя тянутся верстъ на 8 — 10, какъ то видно было по старымъ и новымъ шахтамъ (стр. 439). Оазисъ Чира лежитъ на Кэрійско-хотанской дорогѣ при абсолютной высотѣ въ 4,500 футовъ. Число жилыхъ саклей простирается до тысячи или немного болѣе. Кромѣ мачинцевъ главнаго населенія, въ западной окраинѣ того же оазиса живутъ такъ-называемыя куль, то-есть, рабы. По преданію, они были приведены въ древности военноплѣнными изъ Балту (Балтистана) (стр. 441).

Мѣстность отъ Чира на протяженіи 40 слишкомъ верстъ до боль-

шаго оазиса Сампула представляетъ пустыню, кое-гдѣ поросшую тамарискомъ и совершенно безводную (стр. 445). Вправо отъ пути сплошные сыпучіе пески тянулись невдалекѣ. На окраинѣ этихъ песковъ, въ 6—7 верстахъ къ сѣверу отъ лянгера Бешъ-тугракъ, находятся, какъ говорятъ, слѣды древняго города Шаристанъ. Преданіе гласитъ, что этотъ городъ, основанный Сіавушъ-ханомъ, былъ весьма обширенъ и имѣлъ 24 воротъ; при каждахъ воротахъ стоялъ караулъ въ тысячу человѣкъ. Въ срединѣ города лежалъ огромный прудъ. Жители Шаристана были мачинъ, на половину огнепоклонники, на половину вѣры Ноя. Время разоренія этого города, какъ кажется, неизвѣстно (стр. 495—496).

Миновавъ пустынную къ западу отъ Чира полосу, экспедиція пришла къ оазису Сампула. Оазисъ лежитъ при абсолютной высотѣ 4,500 футовъ, на лѣвомъ берегу р. Юрунь-кашъ и весь орошается ея водою (стр. 446). По своей величинѣ оазисъ Сампула самый обширный изъ всѣхъ, до тѣхъ поръ видѣнныхъ путешественниками. Онъ состоитъ изъ 15 волостей (кэндъ), управляемыхъ каждая особымъ минъ-баши; всѣ онѣ подчинены одному хакиму (тамъ же). Изъ названій этихъ волостей замѣчательно одно, несомнѣнно, индійскаго происхожденія Рахманъ-пуръ (Брѣхмана-пура). Общее число жителей во всѣхъ волостяхъ простирается до 5,500 семействъ. Все это мачинцы, за исключеніемъ лишь волостей Лобъ и Хангуй. Въ первой изъ нихъ, считающей у себя 275 дворовъ, живутъ потомки бѣглецовъ разореннаго города Лобъ; вторая, имѣющая 130 дворовъ, населена, по мѣстному преданію, потомками богатыря Рустемъ-Дагестана. Тѣ и другіе нынѣ не отличаются отъ прочихъ оазисныхъ мачинцевъ, въ особенности лобцы. Между жителями Хангуй еще попадаются, даже нерѣдко, мужчины съ свѣтлыми волосами; случайно путешественники видѣли здѣсь даже женщину-блондинку; но все-таки черный цвѣтъ всюду преобладаетъ (стр. 447).

Путешественники провели цѣлую недѣлю на восточной окраинѣ Сампула, въ урочищѣ Кутасъ (стр. 449). Отсюда до Хотана только 20 верстъ. Весь этотъ путь лежитъ сплошными оазисами — сначала Сампула, а потомъ Юрунь-кашъ (стр. 452). Юрунь-кашъ считается городомъ, и здѣсь имѣется довольно большой базаръ (стр. 453). Рѣка Юрунь-кашъ отдѣляетъ оазисъ того же имени отъ собственно Хотана или Ильчи. Эту рѣку чаще называютъ здѣсь Хотанскою, хотя послѣднее имя принадлежитъ собственно рѣкѣ, обра-

зовавшейся изъ соединенія Юрунь-каша и Кара-каша, верстахъ въ 100 ниже Хотанскаго оазиса (стр. 454).

Обширный оазисъ Хотанъ лежитъ на абсолютной высотѣ 4,400 футовъ и орошается водою двухъ рѣкъ—Юрунь-кашъ и Кара-кашъ, соединяющихся верстъ за сотню ниже въ одну рѣку, называемую Хотанъ-Дарья. Кромѣ деревенскихъ поселеній, тотъ же оазисъ состоитъ изъ трехъ городовъ—собственно Хотана или Ильчи, Юрунь-каша и Кара-каша (стр. 455). Хотаномъ звался городъ и вся страна во время Марко Поло. „Столица всего царства“, говоритъ онъ,— „называется Хотаномъ, и страна зовется также. Здѣсь всего доволь: хлопку родится много; у жителей есть виноградники и много садовъ; народъ тутъ смиренный, торговый, занимается также ремеслами“. Нынѣшній Хотанъ, по словамъ Пржевальскаго, состоитъ изъ тѣсно скученныхъ сакель и узкихъ улицъ между ними. Замѣчательныхъ архитектурныхъ построекъ здѣсь нѣтъ, какъ и въ другихъ городахъ восточнаго Туркестана; нѣтъ и городской стѣны, но видѣнъ старый валъ, которымъ былъ обнесенъ прежній, болѣе обширный городъ. Нынѣшній раздѣляется на четыре части. На восточной сторонѣ города находится разваливающееся укрѣпленіе временъ Якубъ-бека, а на западной, немного въ отдаленіи, выстроена китайцами крѣпость, такъ-называемый Янги-Шаръ.

Не таковъ былъ Хотанъ въ старину, когда его видѣли буддійскіе паломники, а по иранскимъ сказаніямъ, пребывавъ здѣсь Афрабѣсиабъ тестъ Сіа-вуша, о которомъ до сихъ поръ мѣстное населеніе разсказываетъ легенды, какъ это видно изъ упоминаній Пржевальскаго, приведенныхъ выше. Хотанъ былъ независимымъ государствомъ до вторженія сюда монголовъ. Между Индией и этою страню сношенія были частыя; связь была торговая, а позднѣе — религіозная. Тутъ было множество буддійскихъ монастырей; сюда являлись учиться индійской мудрости изъ отдаленныхъ восточныхъ странъ; здѣсь запасались священными книгами. Ученостью хотанцы славились и позднѣе, въ мусульманскія времена. Въ Хотанѣ, говоритъ Ибнъ-Асиръ,—много ученыхъ и достойныхъ людей. Страна была воедѣлана, и славилась не только нефритомъ и обиліемъ земныхъ плодовъ, но и своими мануфактурами. Даже Сюанъ-цзанъ, челоуѣкъ не отъ міра сего и чуждый всякой роскоши, замѣтилъ прекрасные ковры и шелковыя ткани хотанскаго производства. Жители были высоко цивилизованы и жили среди всякаго довольства; они занимались литературой и искусствами, любили музыку и танцы и славились своею

музыкальностью. Фасянъ, побывавшій также въ Хотанѣ, упоминаетъ также о музыкальности хотанцевъ и описываетъ, какъ очевидецъ, религиозную процессію въ Хотанѣ. Онъ видѣлъ тамъ вѣнчаннаго царя, преклоняющимся передъ святынею, съ фиміамомъ и цвѣтами шествующаго на встрѣчу святыни, окруженной толпою монаховъ.

Китайскихъ путешественниковъ поразила свобода, которою пользовались женщины въ Хотанѣ въ ихъ время. Онѣ принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ, свободно появлялись въ обществѣ, даже въ присутствіи иностранцевъ. Остатки этой свободы тамошнія женщины сумѣли сохранить и по сіе время. Одинъ изъ новѣйшихъ русскихъ путешественниковъ (г. Громбчевскій) свидѣтельствуетъ: „Въ попутныхъ по дорогѣ въ Хотанъ селеніяхъ, а также и въ самомъ Хотанѣ, женщины, встрѣчаясь съ моимъ караваномъ, останавливались и только, насмотрѣвшись вдоволь на не виданныхъ ими русскихъ казаковъ, дѣлали видъ, что закрываютъ лица кисейными платками.... Женщины въ Кашгаріи занимаются мелочною торговлей и сидятъ въ мелочныхъ лавкахъ, что въ другихъ странахъ Средней Азіи видѣть не приходится. Въ старыя времена, здѣсь онѣ ѣздили верхомъ по мужски на лошадяхъ и верблюдахъ.

Окрестности Хотанской рѣки представляютъ собою песчаную пустыню, простирающуюся къ западу до рѣки Яркендской, а къ востоку до Лобъ-Нора и нижняго Тарима. Въ этой пустыни встрѣчаются остатки древнихъ городовъ и оазисовъ. По Хотанъ-дарѣ такіе остатки чаще попадаются на восточной ея сторонѣ и еще болѣе по сосѣдней Кэрийской рѣкѣ, прежнее русло которой тянется отсюда на разстояніи 5 — 6 дней пѣшей ходьбы. Мѣстами, какъ говорятъ, встрѣчаются уцѣлѣвшія сакли, съ провалившимися отъ тяжести нанесеннаго песка потолками; изрѣдка попадаются даже древнія кумиры, съ глиняными, иногда вызолоченными идолами (стр. 471). Называются древній городъ Талесманъ въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ лежащаго на низовьѣ Хотанъ-дарьи урочища Ягузъ-кумъ. По замѣчанію Пржевальскаго, животная жизнь на Хотанской рѣкѣ, какъ и во всей котловинѣ Тарима, бѣдна разнообразіемъ видовъ (стр. 470). Въ числѣ тамошнихъ видовъ млекопитающихъ онъ отмѣчаетъ степную крысу (*Nesokia brachyura* n. sp.) (стр. 470). Крысы играли роль въ исторіи Хотана. Сюанъ-цзанъ разказываетъ, что имъ выстроенъ былъ храмъ въ Хотанѣ, приносились жертвы. Проѣзжавшіе мимо этого храма выходили изъ своихъ колесницъ и шли пѣшкомъ изъ уваженія къ святыни. Сюда сносились богатая жертво-

приношенія, одѣянія, луки, стрѣлы, благоуханія и богатяя явства. Этотъ культъ крысъ не имѣетъ въ себѣ ничего буддійскаго, и какъ бы сознавая это, Сюань-цзанъ приводитъ въ объясненіе его происхожденія легенду, точно выписанную изъ Геродотовыхъ повѣствованій о Египтѣ. Въ пустынь кругомъ Хотана было много крысъ, величиною съ ежа, золотистаго и серебрянаго цвѣта. Крысы эти жили гдѣ-то въ пустынь, около песчаныхъ холмовъ, и слыли за чудодѣйственныхъ животныхъ. Случилось, что напала на Хотанъ многочисленная рать хунновъ и остановилась у тѣхъ самыхъ холмовъ, гдѣ водились крысы. Хотанскій царь испугался вражьей силы и не зная что и дѣлать; рѣшилъ онъ наконецъ принести жертву крысамъ; въ чемъ состояло это жертвоприношеніе, Сюань-цзанъ не говоритъ. Въ ту же ночь царь видитъ сонъ: является къ нему большая крыса и говоритъ: „Хочу тебѣ помочь, на завтра веди свое войско, нападай на врага, ты побѣдишь“. Царь такъ и сдѣлалъ, а въ ночь крысы перегрызли у врага всю сбрую, тетивы у луковъ и т. д. такъ что, когда хотанцы напали, врагъ былъ безпомощенъ и побѣжденъ¹⁾. Въ хотанскихъ степяхъ такимъ образомъ если вѣрить Сюань-цзану, повторилась исторія неудачнаго похода Сенахериба на Египеть, о которомъ повѣствуетъ Геродотъ.

Въ Хотанѣ мы простимся съ интересною книгою Пржевальскаго. Цѣль нашего краткаго пересказа третьяго періода его путешествія была выставить на видъ археологическій интересъ, связанный съ всестороннимъ изученіемъ этой части Средней Азіи; покойный знаменитый путешественникъ былъ совершенно правъ, рекомендуя вниманію археологовъ изслѣдованіе Черчена; но не только Черченъ, вся страна отъ Лобъ-нора до Хотана, ждетъ специальныхъ розысканій въ историко-археологическомъ отношеніи. Ставемъ надѣяться, что починъ въ этомъ дѣлѣ выпадетъ на долю русскихъ путешественниковъ и ориенталистовъ.

И. Минаевъ.

¹⁾ Si-yu-ki, II, 315.

Историческій очеркъ Польскаго сейма. *Н. Карѣва*. Москва. 1888.

Польскія отношенія играютъ столь важную роль въ русской исторіи, что безпристрастное, чисто-объективное изученіе исторіи Польши, и особенно причинъ ея паденія, для насъ обязательно. Между тѣмъ такое изученіе сравнительно съ научнымъ изученіемъ русской исторіи, началось у насъ лишь недавно, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Но и съ этого недавняго времени труды Костомарова — „Послѣдніе годы рѣчи Посполитой“, Соловьева — „Паденіе Польши“ и два послѣдніе тома его „Исторіи Россіи“ (XXVIII и XXIX), Иловайскаго — „Гродненскій сеймъ“, Трачевскаго — „Польское безкорольеве“ и нѣкоторыя другія ученыя работы пролили много свѣта на судьбу Польши, особенно на эпоху ея раздѣловъ. Въ послѣднее время труды проф. Карѣва, особенно трудъ, означенный нами въ заглавіи и построенный на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій польскихъ ученыхъ, вносятъ новый и цѣнный вкладъ въ объясненіе исторіи Польши и причинъ ея паденія. Въ этомъ трудѣ болѣе ясное, чѣмъ прежде, формулированіе причинъ постоянного преобладанія шляхты освѣтило окончательно вопросъ, почему Польша не могла выбиться изъ безнарядья. Проф. Карѣвъ на основаніи новѣйшихъ польскихъ изслѣдованій доказываетъ, что центръ тяжести въ вопросѣ о причинахъ паденія Польши кроется въ устройствѣ польскаго сейма, которое не позволяло сдѣлать ни одного шага для улучшенія государственнаго строя. Первый ученый, который обратилъ серьезное вниманіе на эту сторону дѣла, былъ Зигфридъ Гюппе въ своемъ сочиненіи „Verfassung der Republik Polen“, изданномъ въ 1867 году, а затѣмъ въ началѣ текущаго года явился на польскомъ языкѣ трудъ варшавскаго профессора Павинскаго — „Исторія Куявской земли и историческіе къ ней акты“; въ этомъ трудѣ разработанъ вопросъ, до него не тронутый, о польскомъ областномъ самоуправленіи (Карѣвъ, стр. 3). Полную разработку исторіи законодательной власти въ Польшѣ и разработку исторіи сеймовъ проф. Павинскій предоставляетъ будущему; „но для общаго очерка исторіи польскаго сейма“, говоритъ профессоръ Карѣвъ, — „и въ данную минуту мы обладаемъ достаточнымъ матеріаломъ и, въ извѣстной степени, выработанными научными положеніями“. Нельзя не поблагодарить проф. Карѣва за его трудъ. Подобныя работы имѣютъ значеніе и для образованной публики, и для дальнѣйшей научной разработки вопроса. Большая часть образованной публики не будетъ, конечно, читать ни Гюппе,

ни Павинскаго, но съ пользою прочтеть трудъ г. Карѣва, изъ котораго получить ясное понятіе о существенномъ вопросѣ польской исторіи. Для дальнѣйшаго изслѣдованія вопроса подобныя труды указываютъ путь, объединяя результаты спеціальныхъ монографій и въ то же время предостерегая отъ излишнихъ мелочей, часто только путающихъ дѣло.

Новѣйшія изслѣдованія выяснили, что двѣ особенности польскаго сейма служили исходнымъ пунктомъ развитія государственныхъ учреждений Польши, а потомъ и главною причиною паденія этого государства. Эти особенности были слѣдующія: 1) односословность сейма, ибо онъ состоялъ только изъ представителей дворянства, и 2) конгрессивный характеръ сейма. Сеймъ, будучи *de jure* представителемъ одного государства, *de facto* получилъ характеръ международнаго конгресса, то-есть, какъ бы собранія представителей многихъ государствъ. Эти особенности г. Карѣвъ и противопоставляетъ аналогическимъ учреждениямъ на западѣ, въ которыхъ, говоритъ онъ, — участвовали и другія сословія: духовенство, гражданство и крестьянство (стр. 8).

Относительно этого противоположенія нельзя однако не сдѣлать одного замѣчанія. И во Франціи, и въ Англіи сначала также господствовала односословность. До Филиппа IV во Франціи только духовенство и дворянство считались государственными сословіями, то-есть, имѣющими голосъ въ дѣлахъ государственныхъ, а такъ какъ высшее духовенство почти все принадлежало къ сословію дворянства, то и выходило, что до Филиппа IV представительство въ *états-généraux* было только односословное, дворянское. Въ Англіи великій совѣтъ до превращенія его въ парламентъ и до призыва, въ 1264 году, въ его засѣданія депутатовъ отъ джептри и городовъ былъ также односословный. Конгрессивность также не составляла исключительнаго удѣла польскаго сейма. Конгрессивный характеръ имѣли и *états-généraux*, ибо Франція складывалась изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ. Но исторію *états-généraux* нельзя начинать съ Филиппа IV, призвавшаго къ участію въ засѣданіи ихъ буржуазію, ибо по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ Французскіе короли еще въ XIII в. собирали въ своихъ доменахъ отдѣльно представителей буржуазіи; такъ, въ 1262 г. Людовикъ Святой собиралъ представителей своихъ городовъ — Парижа, Орлеана, Лаона, Санса, чтобъ узнать ихъ мнѣніе объ ордонансахъ, касающихся монетной систѣмы. Въ южной же Франціи, гдѣ удержались римскія муницип-

пальныя преданія, однословности въ собраніи представителей, кажется, и прежде не было; такъ, въ 1080 г. въ Нарбоннѣ представители горожанъ засѣдали рядомъ съ прелатами и баронами. Что касается до Филиппа IV, то призывъ буржуазіи на засѣданія états-généraux, кажется, сдѣланъ былъ имъ только въ виду борьбы съ Бонифаціемъ VIII. Такъ черезъ годъ, въ 1303 г., въ собраніи états-généraux оиать не было представителей буржуазіи. Это было то знаменитое собраніе, въ которомъ легистъ Ногаре читалъ въ собраніи епископовъ и бароновъ составленный имъ обвинительный актъ противъ папы Бонифація VIII. Филиппъ IV на этотъ разъ не нуждался въ представителяхъ буржуазіи, которые въ предыдущемъ году поддерживали уже его на столько, что онъ смѣло сжегъ папскую буллу, лишавшую его престола.

Разница въ томъ, что въ Польшѣ не было почти совсѣмъ национальной буржуазіи, а во Франціи она была, и короли умѣли ею пользоваться. Такимъ образомъ, коренная причина, почему польскій сеймъ до конца существованія Рѣчи Посполитой оставался однословнымъ, кроется въ устройствѣ польскихъ городовъ.

Профессоръ Карѣвъ не пропускаетъ общезвѣстнаго факта, что польскіе города, населенные вѣмпцами, пользуясь свободою отъ податей и военной повинности, мало интересовались обще-государственными польскими дѣлами, и сопровождаетъ указаніе этого факта замѣчаніемъ, что когда эти города полонизировались, тогда уже господствовала шляхта, не допустившая ихъ до участія въ сеймѣ. Однако, къ сожалѣнію, о польскомъ городѣ въ очеркѣ говорится мало, какъ бы мимоходомъ. Такъ, говоря, что города уклонились прислать выборныхъ на сеймъ по приглашенію короля Александра (1501—1506 гг.), авторъ не упомянулъ, идетъ ли рѣчь о воловомъ сеймѣ, или о сеймикахъ. Только изъ словъ польскаго историка Бобржинскаго, приведенныхъ въ примѣчаніи, можно заключить, что рѣчь идетъ о сеймикахъ. По словамъ Бобржинскаго, города не послали своихъ представителей на сеймики потому, что не предчувствовали будущаго значенія послѣднихъ. Положимъ, такъ; но изъ текста очерка г. Карѣва можно заключить и о другой причинѣ: кромѣ недалеко-видности мѣщанъ, можно заключить, что мѣщане боялись, что шляхта или не допуститъ ихъ на сеймики, или если допуститъ, то заставитъ разыграть жалкую роль. Еще въ 1496 г. шляхта выставила принципъ, что кто не несетъ военной повинности, тотъ не имѣетъ права владѣть земскими (вѣггородскими) имуществами, а только съ зем-

ским имуществомъ и было связано право голоса на сеймикахъ и сеймахъ.

Униженіе городовъ и повело къ вѣковой сословной косности сеймиковъ. Сеймикъ, говоритъ профессоръ Павинскій,—въ своемъ корпоративномъ коснѣніи не поднимался до высшаго понятія о гражданствѣ, которое вводила въ жизнь французская революція 1789 г. Въ этомъ замѣчаніи польскаго историка, слова котораго приводитъ профессоръ Карѣевъ, намъ не понятно, какимъ образомъ идеи 1789 года могли повліять на польскіе сеймики, когда въ 1795 г., то-есть, спустя только шесть лѣтъ, не стало не только сеймиковъ, но и самой Рѣчи Посполитой? Мимолетное вліяніе идей 1789 г. отразилось въ проектѣ такъ-называемой конституціи 3-го мая 1791 года, въ которомъ горожане допускались на сеймъ, но было уже поздно. Въ апрѣлѣ того же 1791 года англійскій посолъ Гельсъ писалъ: „Все, что будетъ постановлено на сеймѣ, не будетъ принято націей и уничтожится на сеймикахъ. Учредятъ ли наслѣдственное правленіе, или Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ, — все равно, ей предстоитъ сдѣлаться добычею свальвѣйшихъ“ (Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой Костомарова, стр. 311, изд. 1870 г.). Во время преній на сеймѣ по поводу городскихъ правъ выяснились вполне положеніе городовъ къ концу существованія Рѣчи Посполитой и вѣковая шляхетская политика относительно городовъ. „Бросьте взоры“, говорилъ Нѣмцевичъ,—„на разсыянные города наши; это не города, а какія-то развалины. Вездѣ упадокъ, бѣдность, промыслы въ небреженіи“. Другой защитникъ городовъ высказался еще рѣзче: „Право голоса городамъ ничего не поможетъ: они имѣли его и потеряли потому, что оно было для нихъ бесполезно. И возникъ въ кандалахъ имѣеть такой голосъ—онъ вопіеть о человѣколюбіи, да развѣ это облегчитъ его участь?“ (тамъ же, стр. 306). Хорошо же было это право, если оно, по выраженію того же оратора, надобно городамъ! Вѣковая политика шляхты относительно городовъ выразилась, во время этихъ преній, по преимуществу въ рѣчахъ противниковъ дарованія голоса городскимъ посламъ; одинъ изъ этихъ противниковъ, Платеръ, прямо совѣтовалъ не допускать усиленія городовъ и разъединять ихъ интересы, раздѣливъ города на категоріи.

Давая относительно мало мѣста городскому дѣлу въ своемъ историческомъ очеркѣ польской конституціи, профессоръ Карѣевъ выписалъ въ концѣ своей книги важнѣйшія статьи конституціи 3-го мая, но къ сожалѣнію, не сдѣлалъ выписки текста тѣхъ пунктовъ, кото-

рые касались городовъ. Хотя на стр. 158 своего очерка г. Карѣвъ и указалъ, какъ мало было сдѣлано для представительства городовъ (именно дозволено было только важнѣйшимъ городамъ посылать по одному уполномоченному на сеймъ съ рѣшающимъ голосомъ въ дѣлахъ, касающихся городовъ и съ совѣщательнымъ во всѣхъ иныхъ), но все-таки выписка текста изъ конституціи 3-го мая была бы не лишнею. Она нагляднѣе уяснила бы для многихъ читателей заключительное вѣрное слово г. Карѣва о четырехлѣтнемъ сеймѣ. „Если“, говоритъ онъ,—этотъ сеймъ, съ одной стороны, и произвелъ нѣкоторыя реформы по отношенію къ сеймикамъ (устраненіе съ нихъ голеты), а съ другой—и допустилъ на сеймъ мѣщанскихъ депутатовъ, то все-таки онъ не рѣшился уничтожить односословность посольской извы и не подчеркнул того положенія, что посольская изба не могла быть конгрессомъ пословъ съ суверенныхъ сеймиковъ“. Последнее замѣчаніе особенно важно, ибо съ конгрессивностію сейма связавы были и *liberum veto*, и конфедераціи. Оставивъ, слѣдовательно, конгрессивность сейма, конституція 3-го мая ничего не сдѣлала, или очень мало, для того, чтобы снять путы съ дальнѣйшаго развитія Польши. Сохраняя односословность сейма во имя яко бы необычайныхъ заслугъ шляхты, конституція 3-го мая сохраняла все старое вполнѣ, а для полного отстраненія небольшихъ перемѣнъ въ сеймикаль открыта была полная возможность на всякое время и на всякъ часъ, когда будетъ нужно. Событія четырехлѣтнаго сейма ретроспективно освѣщаютъ и предыдущую сеймовую исторію, дѣлаютъ осязательно яснымъ и не для специалистовъ по польской исторіи, какъ упорно и сознательно дѣйствовала шляхта въ захватѣ и удержаніи власти исключительно за своимъ сословіемъ. Во второмъ пунктѣ извлеченія изъ конституціи 3-го мая шляхта сама себя дала похвальный аттестатъ, какъ учредительницѣ свободы, сама собою утвердила за собою льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни. Однимъ словомъ, польскіе магнаты и шляхта дѣйствовали діаметрально противоположно мудрой политикѣ британскихъ лордовъ, прицѣпившихъ къ себя городскія общины.

Вышеуказанное беззастѣнчивое самовосхваленіе шляхты составлено и обнародовано тотчасъ послѣ глубоко вѣрнаго указанія на зло, вытекавшее изъ пользованія свободой однимъ сословіемъ. Въ апрѣлѣ 1791 г. брацлавскій посолъ Вавржицкій сказалъ такую истину, которая, казалось, должна была бы освѣтить пропасть, на краю коей

стояла Польша. Вавржицкий между прочимъ сказалъ: „Были у насъ тяжелыя времена: войска московскія, шведскія, австрійскія опустошали нашъ край; шляхта билась съ неприятелемъ — народъ ея не поддерживалъ; народныя громады не заботились о судьбѣ страны и въ такихъ случаяхъ или запирались въ домахъ своихъ, или уходили за границу. Плохая та свобода, которой лишены милліоны, а защищаютъ ее только сотни“ (Послѣдніе годы рѣчи посполитой Н. Ностемарова, стр. 306, изд. 1870 г.). Въ этихъ немногихъ словахъ очерчено и прошедшее Польши, и мрачное предсказаніе о близкомъ ея паденіи, которое и послѣдовало вслѣдъ за этою суровою и мужественною рѣчью, дѣйствительно мужественною, ибо рѣчь сказана была передъ толпою нафанатизированныхъ шляхетскимъ патриотизмомъ представителей воеводствъ.

Косность надменной шляхты въ своихъ предрасудкахъ, ея надменное самообожаніе привели Рѣчь Посполитую къ паденію. Нельзя, впрочемъ, винить специально польскую шляхту въ слѣпотѣ, съ которою она удерживала свои привилегіи: вездѣ до сихъ поръ, кромѣ Англій, высшія сословія уступали свои привилегіи или напору снизу, или эти привилегіи сокрушались сверху монархическою властью.

Причину одвосословности и конгрессивности польскаго сейма проф. Карѣвъ объясняетъ быстрымъ объединеніемъ Польши. При Владиславѣ Локотѣ (1296—1332 гг.), когда Польша объединилась, удѣльныя княжества, получивъ общаго князя, представляли какъ бы отдѣльныя государства подъ скипетромъ одного государя. Съ Казиміромъ Великимъ (1332—1370 гг.) кончилась династія Пястовъ и сляніе земель прекратилось. Власть перешла къ możновладству, т-есть, къ мочнымъ, могучимъ людямъ, богатымъ панамъ, которые какъ разъ сильнымъ были мѣстнымъ значеніемъ, что, конечно, еще болѣе поддержало обособленность старыхъ княжествъ, переименованныхъ въ воеводства (Карѣвъ, стр. 18). И воеводства сдѣлались какъ бы отдѣльными штатами, а Польша—федераціей этихъ штатовъ.

Казиміръ Ягеллончикъ искалъ опоры противъ możновладства въ шляхтѣ и призвалъ ее къ государственной дѣятельности; но и шляхта не могла иначе выступить въ своей новой роли, какъ по воеводствамъ. Обстоятельства такого хода дѣлъ требовали бы нѣкотораго выясненія. Потому ли шляхта не могла выступить въ новой роли, что объединеніе удѣльныхъ княжествъ не было кончено и, превращенныя въ воеводства, они оставались при своемъ обособленіи, которое отразилось и на шляхтѣ, или же потому, что Казиміръ Ягел-

ловичъ, не имѣя государственнаго ума, не умѣлъ создать общаго сейма, съ общими польскими интересами? Польша собственно не знала объединительнаго процесса. Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что объединеніе слѣдуетъ отличать отъ ассимиляціи. Объединеніе, разрушеніе мѣстныхъ привилегій, всякаго рода уравниенія совершались насильно, во имя блага цѣлаго; объединялось однородное, но разрозненное. Иноземное же ассимилировалось превосходствомъ учреждений, культуры. Такъ, Эльзась былъ Франціей ассимилированъ, а Пикардія объединена съ остальною Франціей.

Во Франціи велика была сила и объединенія, и ассимиляціи. Этою послѣднею способностью въ значительной степени обладала и польская шляхта, ассимилировавшая литовско-русское дворянство; но объединительной силы привилегированныя сословія никогда не проявляли. Объединительный процессъ государствъ всегда былъ дологъ, труденъ и жестокъ. Объединеніе Франціи, прерванное въ началѣ XIV вѣка, возобновилось во второй половинѣ XV вѣка, при Людовикѣ XI. Ослабленное реформаціоннымъ движеніемъ въ XVI в., оно съ удвоенною энергіей продолжалось въ XVII, при Ришельѣ и Людовикѣ XIV. Но это объединеніе, какъ бы грозно оно ни было, кончилось компромиссомъ: феодалы потеряли политическую власть, но остались господами Франціи въ качествѣ придворной и служилой знати. Потомуки феодаловъ были довольны компромиссомъ, и очень естественно почему: потому, что они въ сущности никогда не были такими полными владѣльцами Франціи, даже въ средніе вѣка, какъ при Бурбонахъ. Ворчанье, театральная фрондерская война и протесты знати по смерти Людовика XIV особеннаго значенія не имѣли. Но буря, поднявшаяся въ концѣ XVIII в., разсѣяла это довольство. Дѣло Людовика XI, Ришелье и Людовика XIV закончилъ страшный переворотъ, который упразднилъ даже названіе провинцій, напоминавшее средневѣковое дѣленіе.

Не менѣе тяжелъ былъ процессъ объединенія и въ Россіи, хотя объединеніе ея совершилось при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, являясь объединеніе Польши. Первое отличіе—преобладаніе одного княжества, постепенно подчинившаго себѣ другія княжества Восточной Руси. За это княжество стояли митрополитъ, глава духовенства, въ XIV в. самое вліятельное лицо въ Россіи, и бояре московскіе, видѣвшіе въ усиленіи Москвы и ея князей усиленіе собственнаго значенія. Ревнивые къ своему вліянію и къ выгодамъ, которые оно доставляло, московскіе бояре не допускали бояръ удѣльныхъ княжествъ

стать на ряду съ собою, не признавали ихъ себѣ равными. Даже дворяне московскіе, въ удѣльный періодъ низшая ступень дружиннаго сословія, съ XVI в. считались выше областныхъ. Во все время отъ Калиты до Грознаго включительно мы не видимъ ни одного высоко поднявшагося дворянскаго или даже боярскаго рода изъ удѣльныхъ княжествъ. За то, съ Василія Темнаго обездоленные потомки удѣльныхъ князей, какъ племени Владиміра Святаго, такъ и Гедиминова племени, сами становятся въ ряды московскаго боярства. Это породило новое соперничество въ средѣ боярства, соперничество, которымъ умѣли пользоваться Іоаннъ III и Василій III. Къ довершенію всего, Грозный въ эпоху опричины сокрушилъ почти всѣ остатки удѣльныхъ особенностей. Къ тому же политическій сепаратизмъ дружиннаго сословія встрѣтилъ сильное сопротивленіе: въ политической ловкости такихъ Московскихъ князей, какъ Юрій и Иванъ Даниловичи, Василій Дмитріевичъ, и въ государственномъ умѣ Іоанна III, Василія III и Іоанна IV. Эти три государя съ 1462 по 1584 г., слѣдовательно, сто двадцать-два года, вели дѣла въ одномъ направленіи: явленіе, у насъ не повторявшееся, да кажется, безпримѣрное и во всемірной исторіи. Это явленіе еще не оценено у насъ въ достаточной мѣрѣ. И въ Россіи были элементы односословности и конгрессивности. Но ни Смутное время, ни реакція мѣрамъ Іоанна въ XVII в. не могли воскресить ихъ. Реакція не могла и имѣть другаго исхода; бояре въ Смутное время и во весь XVII в., думая разрушить дѣло Іоанна, въ концѣ концовъ только укрѣпили его и къ исходу XVII в. потеряли уже всякій авторитетъ. Реакція разрушила самоуправленіе, данное Грознымъ городамъ, задавила земскіе соборы и создала владичество дьяковъ, то-есть, канцелярій, въ чемъ несправедливо обвиняютъ Петра Великаго. Всѣ земскія учрежденія Петръ нашелъ уже въ развалинахъ. Переимѣна названій, замѣна приказовъ коллегіями не измѣнила существа дѣла касательно самоуправленія. Касательно же центральной власти дѣло Грознаго было столь прочно, что замыслы олигархін разбились даже о пассивное сопротивленіе царей Алексѣя и Θεодора (см. наши статьи „Объ истор. значенія русск. боярства — Журн. Мин. Нар. Пров. за 1886 г., январь, февраль и мартъ, и „Моск. смута въ концѣ XVII в.“ — Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., январь и февраль). Русская олигархія XVII в. встрѣтила сильнаго противника въ лицѣ патріарка Іоакима, который помѣшалъ образованію наслѣдственныхъ штатгалтерствъ (намѣстничествъ). Она не встрѣтила сочувствія и въ младшихъ членахъ бывшаго дружиннаго,

тогда уже служилаго сословія, въ дѣтяхъ боярскихъ и дворянахъ. Со временъ рязанскаго движенія Ляпунова и нижегородскаго—Мининско-Пожарскаго въ дѣтяхъ боярскихъ и дворянахъ, не смотря на нѣкоторые общіе интересы съ боярствомъ аристократическимъ, случилось инстинктивное сознаніе, что земство есть ихъ стихія, что они—передовые борцы земства, вслѣдствіе чего они, вмѣстѣ съ народомъ, такъ недоувѣрчиво относились къ боярству и такъ уперно держались за центральную власть царя. Это сознаніе земскаго значенія служилаго сословія стало имѣняться лишь подъ вліяніемъ польскимъ, которое обнаружилось по смерти Петра Великаго; но дворянство поддавалось означенному вліянію медленно; мало того: въ образованнѣйшихъ представителяхъ дворянства исключительная польская односословность никогда не встрѣчала сочувствія.

Въ Польшѣ шляхта не допустила на нѣкоторое время образоваться олигархіи; но, присвоивъ себѣ исключительную власть въ республикѣ, она сковала всѣ жизненные отправления въ узкія формы, ибо поработила сельскій людъ и отняла у городовъ возможность развиваться. Шляхта поглотила въ себѣ и духовенство; прелаты, каноники являлись на сеймѣ не какъ представители капитуловъ, и аббаты—не какъ представители монастырей, а только какъ владѣльцы собственныхъ, наследственныхъ владѣній. Не это ли обстоятельство, сливъ церковные интересы съ интересами господствующаго сословія, придаде польской исторіи клерикальный характеръ? Не оно ли придаде острый характеръ вѣроисповѣднымъ отношеніямъ въ Рѣчи Посполитой? Поэтому едва ли вполне, безъ ограниченій, справедливо выразился проф. Карѣвъ, говоря, что къ эпохѣ прекращенія наследственной монархіи въ Польшѣ шляхта была въ Рѣчи Посполитой именно тѣмъ самымъ всѣмъ, чѣмъ, по мысли аббата Сіейса, въ началѣ французской революціи, было въ дѣйствительности *tiers-état*. Не смотря на всѣ заблужденія буржуазіи въ эпоху революціи относительно ея отношеній къ народу, представитель ея имѣлъ много правъ сказать, что она—все. Хорошо ли, душно ли было третье сословіе, но оно дѣйствительно представляло интересы всего народа: феодальное рабство далъ передъ его напоромъ; шляхта же, сама работавшая народъ, не могла играть этой роли. Шляхта была всѣмъ только потому, что горожскія и сельскія массы были ею же лишены всякаго значенія. Всѣ факты изъ междусословныхъ отношеній, приводимые самимъ авторомъ въ его очеркѣ, ясно указываютъ на это различіе между польскою шляхтой и французскимъ третьимъ сословіемъ.

Любопытный примѣръ сословнаго самообольщенія г. Карѣвъ приводитъ, говоря о вліяніи римскихъ политическихъ понятій на шляхту. Земскіе послы, говоритъ онъ,—воображали себя народными трибунами; котѣрымъ принадлежало *jus intercedendi*. Замѣчательно, что и знаменитый Явъ Замоискій также думалъ: *Nuntii, qui vocantur terrestres, habent intercessionem tribunensiae potestatis adeo ut ex his unus possit omnia perturbare impedire* (стр. 121). Дѣйствительно, нужно было сильное воображеніе, чтобы находить сходство при полномъ различіи, и все только на основаніи одного слова: *nie pozwolam, veto!* Какой глубокой смыслъ имѣло трибунское *jus intercedendi* для плебса, граждански свободнаго, но политически неравноправнаго, и какая бессмыслица *jus intercedendi* въ рукахъ господствующей шляхты! Это *jus* сводилось къ защитѣ собственныхъ привилегій. Шляхта дѣйствительно играла роль *populus*; да радостнѣе съ нимъ были только хлопы, а не свободный плебсъ. Такъ и было до конца: передъ первымъ раздѣломъ Польши извѣстный Дюмурье, отправленный въ Польшу французскимъ министерствомъ, доносилъ послѣднему: Польша называется аристократическою республикой; но въ ней нѣтъ свободнаго народа, котѣрымъ аристократія могла бы править. Ея паны-плантаторы — рабовладѣльцы, и вся Польша — союзъ плантаторовъ. Таковъ былъ отзывъ практическаго француза, далекаго отъ пустой фразеологій. И этотъ отзывъ многозначителенъ: полнаго объединенія въ Польшѣ не было, а федеративное начало, сдѣлавшись орудіемъ преобладанія одного сословія, исказилось и, вмѣсто свободы, принесло массѣ народной рабство. Много высокоталантливыхъ вождей политическихъ и военныхъ выставила исторія Польши; но всѣ они бесполезно для Рѣчи Посполитой вертѣлись въ этомъ бѣличьемъ колесѣ, созданномъ польскою шляхетскою односословностью, пока не сгорѣли оси колеса.

Мы указали только на сущность содержанія очерка г. Карѣва, но читатель найдетъ еще много интереснаго въ этомъ почтенномъ и полезномъ трудѣ; между прочимъ пусть обратитъ вниманіе на новое объясненіе происхожденія *liberum veto* и конфедераций изъ самостоятельности воеводствъ и федеративности отношеній. Въ упрекъ автору можно поставить краткость объясненія нѣкоторыхъ важныхъ пунктовъ, касающихся политическаго строя Рѣчи Посполитой, какъ напримѣръ, краткость исторіи и функцій сената.

Евгеній Бѣловъ.

КНИЖЕННЫЯ НОВОСТИ.

Извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составленныя *Е. Е. Замысловскимъ*. Изданіе Археографической Комиссіи. Выпускъ первый. С.-Пб. — Важное значеніе переписныхъ книгъ, какъ научнаго матеріала, давно уже разъяснено историческою критикою. Заключая въ себѣ названія населенныхъ мѣстъ, свѣдѣнія о числѣ жителей въ посадахъ, волостяхъ, станахъ и деревняхъ, онѣ даютъ, кромѣ того, обширный матеріалъ для изученія формъ землевладѣнія, состоянія промышленности, торговли и особенно состава населенія и его размѣщенія. Нельзя поэтому не порадоваться, что археографическая комиссія приступила къ изданію этихъ цѣнныхъ историческихъ памятниковъ. Въ вышедшій первый выпускъ вошли извлеченія изъ переписныхъ книгъ, составленныхъ въ царствованіе Теодора Алексѣевича, для 18 городовъ и 11 уѣздовъ, названія которыхъ начинаются съ буквъ А и Б; нѣкоторыя изъ переписныхъ книгъ этой эпохи или не дошли до насъ, или дошли въ извлеченіяхъ, находящихся въ официальныхъ актахъ. Проф. Замысловскій собралъ и эти отрывки, касающіеся 18 населенныхъ мѣстъ. Въ виду невозможности издавать книги цѣликомъ, комиссія рѣшила издавать лишь извлеченіе тѣхъ данныхъ, которыя составляютъ цѣнный для исторіи матеріалъ; въ видѣ дополненій къ основному матеріалу г. Замысловскій помѣстилъ въ примѣчаніяхъ свѣдѣнія, относящіяся къ способамъ владѣнія землею, промышленности, торговлѣ и этнографіи. Эти примѣчанія представляются намъ особенно важными. Собственно какъ статистическій матеріалъ, переписныя книги не могутъ не возбуждать недоумѣнія въ виду рѣзкой разницы въ цифрѣ дворовъ и населенія по переписямъ, раздѣляемымъ немногими годами. Такъ по переписи 1682 г. въ Мудьюжской волости оказалось 26 лишнихъ дворовъ противъ переписи 1678 г.: вмѣсто 38 дворовъ 64 (стр. 21 и 91). Такого прироста въ четыре года очевидно быть не могло, и слѣдуетъ предполагать, что какая-нибудь изъ сообщенныхъ цифръ не вѣрна, или онѣ обѣ не полны. Но, напримѣръ, неоднократно сообщенія въ Двинскихъ книгахъ, что землю сошедшихъ съ своихъ жеребьевъ крестьяне „пашутъ міромъ“, не могли быть выдуманы писцами и должны быть принимаемы за неоспоримое свидѣтельство о существованіи мірскаго землевладѣнія въ то время. Изъ книгъ не видно, что слѣдуетъ разумѣть подъ „міромъ“: жителей ли одной деревни, или цѣлой волости. Но сопоставляя эти выраженія съ свидѣтельствами юридическихъ актовъ болѣе древней эпохи, а также принимая во вниманіе выраженія самихъ переписныхъ книгъ въ родѣ: „тѣми деревнями, по продажѣ, владѣютъ Стозерской волости крестьяне“ (стр. 65), можно предполагать, что подъ „міромъ“ разумѣется населеніе или всей волости, или сосѣднихъ деревень. Любопытно также указанія книгъ на составъ сельскаго населенія на сѣверѣ, занятомъ преимущественно черными деревнями; оно состояло изъ церковниковъ крестьянъ и небольшого числа бобылей; попадаются тоже изрѣдка сосѣди, подсосѣдки. Въ центральныхъ и южныхъ уѣздахъ, среди населенія, жившаго въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, были еще крѣпостные „задворные и дѣловые люди“, между которыми попадаются и иновемцы. Затѣмъ, важны свѣдѣнія о ремесленникахъ и т. п. Въ заключеніе не можемъ не пожелать, чтобы въ слѣдующихъ выпускахъ для каждаго уѣзда, въ видѣ образца переписи, по крайней

мѣрѣ, по одной волости или стану печаталось дѣликомъ, а книги, относящіяся къ мѣстностямъ, сохранившимъ болѣе древній строй, каковы Двинскія, могли бы быть напечатаны совсѣмъ безъ сокращеній. Между прочимъ замѣтимъ, что въ оглавленіи не указаны населенныя мѣста Двинской переписной книги 1682 г. Но вообще изданіе выполнено весьма тщательно и далеко оставляетъ за собою изданія Неволіна и Колосова.

Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга третья. Издана подъ редакціей *Н. П. Дашкевича*. Кіевъ.—Общество Нестора лѣтописца, послѣ перваго тома своихъ трудовъ, изданнаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выпустило въ прошломъ году второй, а нынѣ и третій томъ. Томъ этотъ открывается протоколами засѣданій за 1888 годъ. Чрезвычайно любопытныя и многостороннія чтенія, происходившія въ засѣданіяхъ Общества, къ сожалѣнію, въ изданіяхъ его передаются не вполне, а сокращенно. Понятно, что главная причина этого въ недостаткѣ средствъ, но для читателей весьма прискорбно отгаскивать заинтересовавшія ихъ статьи по разнымъ другимъ изданіямъ. Вполнѣ сообщается въ занимающемъ насъ томѣ только интересная статья *Ө. И. Кнаузера*: „О курганахъ, раскопанныхъ въ южной Бессарабіи“. Настоящій томъ приноситъ читателямъ три очень любопытныя приложенія. Первое изъ нихъ — статья *Н. П. Дашкевича*: „Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси“, уже знакомая читателямъ по Кіевскимъ Университетскимъ Извѣстіямъ. Основная идея автора объ исторической подкладкѣ нашихъ былинь не нова уже, но она является у него въ болѣе полномъ развитіи и обоснованная болѣе новыми доказательствами и весьма интересными сближеніями съ западно-европейскимъ эпосомъ. Алеша—по изслѣдованію *Н. П. Дашкевича* — ростовскій богатырь, участвовавшій, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ, въ Липецкой и Калкской битвахъ. Черты, которыми характеризуютъ его повдѣвшія былины, авторъ возводитъ къ общимъ эпическимъ мотивамъ. Сказанію о томъ, какъ перевелись богатыри на Святой Руси, авторъ ищетъ основы въ сказаніяхъ о Калкскомъ побоищѣ. Статья заключается любопытными, хотя и болѣе или менѣе уже известными фактами о слѣдахъ былиннаго эпоса въ южнорусской поэзіи. Соображенія *Н. П. Дашкевича* составляютъ новый, весьма важный шагъ въ изслѣдованіи нашихъ былинь. Будущій изслѣдователь, конечно, приметъ ихъ во вниманіе на ряду съ другими, уже существующими изслѣдованіями. Другой важный вкладъ въ русскую историческую науку, представляемый третьею книгой Чтеній есть статья *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*: „Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства“. Темный вопросъ о земельладннн въ Литовскомъ государствѣ выясняется въ этой статьѣ на фактическомъ основаніи актовъ Литовской метрики. Очевидно, что статья эта, касаясь только мимоходомъ порядковъ Кіевской Руси, тѣмъ не менѣе проливаетъ на нихъ яркій свѣтъ, и въ значительной степени объясняетъ и помѣстное право въ Восточной Руси. Образцовый юридическій анализъ всѣхъ отгѣнковъ изучаемаго института не оставляетъ желать ничего лучшаго; яркое изображеніе перехода помѣстій въ вотчины въ Литовскомъ государствѣ чрезвычайно поучительно. Книга заключается заимствованной изъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій „Поминкой по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ“, покойномъ предсѣдателѣ Общества Нестора лѣтописца. Поминки эти состоятъ изъ живыхъ и горя-

чихъ воспоминаній объ этомъ ученомъ, такъ рано умершемъ для русской науки, П. И. Алаидскаго, И. Н. Жданова и Н. П. Дашкевича; заключается же она сплскомъ сочиненій А. А. Котляревскаго, впрочемъ весьма неполнымъ, ибо онъ собыль тотчасъ послѣ его смерти.

Путевыя замѣтки на сѣверъ России и Норвегія. Академика архитектуры В. В. Сусллова.—Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ появляется книга, знакомящая читателя съ интереснѣйшими подробностями культуры края, рѣдко посѣщаемого туристами и тѣмъ не менѣе, по богатству находящихся въ немъ данныхъ, заслуживающаго внимательнаго изученія. Академикъ Суслловъ проѣхалъ по Швеціи, Норвегіи, побывалъ и Архангельскѣ и его уѣздѣ, въ Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ, въ Олонецкой губерніи и вездѣ внимательно наблюдалъ за особенностями быта и обстановки жителей. Естественно, что наиболѣе онъ интересовался постройками и, въ особенности, церквями, изъ коихъ многія, при превосходной сохранности, представляютъ драгоценные типы деревянной архитектуры. Эта послѣдняя уже довольно давно обратила на себя вниманіе нашихъ археологовъ и дѣйствительно заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія, такъ какъ представляетъ типичные образцы построекъ, не столь тѣсно связанныхъ своимъ матеріаломъ, какъ каменные, и потому дающихъ болѣе простора индивидуальности зодчаго. Для знакомства съ деревянными церквями „Замѣтки“ г. Сусллова представляютъ драгоценный матеріалъ. Но не только его найдетъ читатель въ этой превосходно изданной и изящно иллюстрированной книгѣ; онъ встрѣтитъ здѣсь много данныхъ и для знакомства съ другими особенностями быта сѣверянъ, которые также представляютъ не мало интереса по своей характерности. Любопытно то, что при всѣхъ особенностяхъ происхожденія, религіи, языка, у сѣверянъ—норвежцевъ и русскихъ замѣчается не мало подробностей быта почти тождественныхъ, которые рѣзко указываютъ на могучее дѣйствіе окружающей физической среды. Трудъ г. Сусллова можно смѣло рекомендовать всякому, интересующемуся этнографическими особенностями жителей нашего сѣвера.

Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества. Академика архитектуры В. В. Сусллова. С.-Пб.—Въ „Очеркахъ“ г. Суслловъ далъ мѣсто пяти отдѣльнымъ монографіямъ, касающимся частью исторіи нашего, преимущественно церковнаго зодчества, частью описаніе сохранившихся доселѣ его памятниковъ. Монографии эти суть слѣдующія: 1) Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей; 2) Памятники древней деревянной архитектуры въ южной Россіи; 3) Замѣтки о калмыцкихъ и древне-русскихъ постройкахъ; 4) О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи, и 5) Древніе соборы въ гор. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Всѣ эти статьи снабжены множествомъ прекрасно и отчетливо исполненныхъ рисунковъ и представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для всякаго изучающаго наше старинное зодчество.

Гр. Зенгера. Замѣтки къ латинскимъ текстамъ. Выпускъ IV. Варшава.—Въ свое время мы указывали на брошюры г. Зенгера, какъ на пріятное явленіе въ нашей филологической литературѣ. Появившійся недавно четвертый выпускъ „Замѣтокъ“ также заслуживаетъ вниманія со стороны всякаго интересующагося критикой

текста и пониманіемъ древнихъ авторовъ и, въ частности, Цицерона. Выпускъ этотъ посвященъ исключительно сочиненію Цицерона *De oratore* и содержитъ въ себѣ текстъ десяти первыхъ главъ первой книги, снабженный русскимъ переводомъ и примѣчаніями. Теперь этотъ не претендуетъ на значеніе критическаго изданія, но представляетъ такъ-называемую вульгату съ присоединеніемъ подъ строкою тѣхъ вариантовъ, которые имѣютъ наиболѣе интереса для критической оцѣнки извѣстнаго мѣста. Русскій переводъ также имѣетъ служебное значеніе: въ немъ заключается иногда косвенное опроверженіе чужихъ мнѣній, иллюстрація испорченнаго преданія и иногда—воспроизведеніе того чтенія, которое рекомендуется въ примѣчаніи. Критическое чутье г. Зенгера не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ съ большимъ остроуміемъ и нерѣдко убѣдительною указываетъ на несостоятельность того или другаго чтенія; конечно, не всегда можно согласиться съ предлагаемыми имъ исправленіями, но это нисколько не умаляетъ интереса его трудовъ, и можно пожелать, чтобы за IV-мъ выпускомъ „Замѣтокъ“ появилась еще новая ихъ серія.

ГРЕЧЕСКІЕ И РИМСКІЕ ПИСАТЕЛИ, ЧИТАЕМЫЕ ВЪ ГИМНАЗИЯХЪ И ПРОГИМНАЗИЯХЪ.
I. Цицеронъ. Составилъ *Адрианосъ*. Кіевъ.—Эта брошюра представляетъ начало предпріятія, взятаго на себя Кіевскимъ отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогикіи, которое, по почину своего предсѣдателя И. Я. Ростова, обогатило нашу учебную литературу многими цѣнными вкладками. И настоящее предпріятіе Отдѣленія заслуживаетъ полнаго сочувствія: дѣло въ томъ, что, приступая къ чтенію какого-нибудь классическаго автора въ гимназій, учитель необходимо долженъ ввести учениковъ въ это чтеніе, сообщивъ имъ главнѣйшія подробности біографіи писателя, характеристику его литературной дѣятельности и перечень его главнѣйшихъ трудовъ. Такъ и дѣлается, но при этомъ учащіе лишены всякихъ пособій и не въ состояніи дополнить и выяснить того, что сказано учителемъ, и что ими или не точно понято, или не твердо запечатлѣно въ памяти. Обращаться къ курсамъ литературы, въ родѣ издаваемаго подъ редакціей проф. Кирпичичева, они въ огромномъ большинствѣ случаевъ не въ состояніи; прибѣгать къ помощи „введеній“, которыми снабжены нѣмецкія комментированныя изданія, — также, и потому въ ихъ свѣдѣніяхъ оказываются трудныя восполнимыя пробѣлы. Помочь этому и имѣть въ виду издаваемая серія біографій древнихъ авторовъ, начало которой положено біографіей Цицерона. Она составлена съ надеждами знаніемъ дѣла, и хотя не можетъ претендовать на достоинства ученаго трактата, тѣмъ не менѣе не носитъ на себѣ и признаковъ дилетантизма: видно, что за составленіе ея взялся человекъ, знакомый съ источниками и пособиями и обладающій солиднымъ знаніемъ въ разрабатываемомъ предметѣ. Въ небольшой брошюрѣ онъ изложилъ вкратцѣ обстоятельства жизни Цицерона, перечисливъ его произведенія и даже счелъ возможнымъ въ немногихъ словахъ указывать ихъ содержаніе. Объ одномъ можно пожелать, что значеніе Цицерона въ исторіи развитія латинской литературной рѣчи указано не достаточно рельефно. Можно пожелать продолженія этого полезнаго предпріятія, которое несомнѣнно сослужитъ добрую службу нашему юношеству, приступающему къ ознакомленію съ произведеніями античныхъ литераторъ.

— Въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ теченіе іюня мѣсяца доставлены слѣдующія новыя книги:

Пятидесятилѣтіе воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью (1839—1889 г.). Составилъ *Ю. Крачковскій*. Издано на средства Виленскаго учебнаго округа. Вильна.

Сборникъ распоряженій, напечатанныхъ въ циркулярахъ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ. Четвертое пятилѣтіе 1882—1886. Тифлисъ.

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за время съ 7-го сентября 1886 г. по 31-е декабря 1887 г. Астрахань.

Отчетъ о состояніи народныхъ чтеній въ г. Астрахани за 1888—1889 годъ. VII-й годъ. Составилъ *Н. Е. Воздвиженскій*. Астрахань.

Михаилъ Никифоровичъ Батковъ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ *Н. А. Любимова*. Съ портретомъ и факсимиле. С.-Петербургъ.

Еврей король Польскій. Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста-Литовскаго, преемникъ Стефана Базарія. (Историческая легенда). *С. А. Бершадскаго*. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала Восходъ).

А. Мизгевичъ. Восшествіе на престолъ Михаила Феодоровича Романова. Драматическая хроника. С.-Пб.

ПО П Р А В К И.

Въ 2-мъ отдѣлѣ іюньской книжки верались слѣдующія опечатки, которыя необходимо исправить:

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
292	2 снизу	1882 г.	1822 г.
304	7 сверху	въ школахъ затѣмъ; а замѣненъ	въ школахъ, а затѣмъ замѣненъ
305	19 снизу	потому-то	почему-то
316	22 сверху	вводить	выводить
328	17 сверху	достать	достигать
386	17 сверху	Луцкаго епископа, суфрагана Красовскаго	Луцкаго епископа Кохановича и суфрагана Красовскаго
493	17 сверху.	преслѣдователей	изслѣдователей
496	6 снизу	переводъ	періодъ.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ ПО ИСТОРИИ ОСАДЫ И ВЗЯТІЯ ВИЗАНТІИ ТУРКАМИ ВЪ 1453 ГОДУ.

Graeciae caput, splendor et decus orientis gymnasium optimarum artium bonorumque omnium receptaculum (Ep. Bessarionis ad d. Venetorum).

Византія въ средніе вѣка была хранительницей ¹⁾ просвѣщенія, которое не угасало тамъ до послѣднихъ дней ея самостоятельнаго существованія, когда въ стѣнахъ ея, подъ непрестаннымъ громомъ вражескихъ пушекъ, среди отчаянной борьбы противъ обложившихъ городъ турокъ, еще велась переписка книгъ и лѣтописей ²⁾. Не смотря однако на процвѣтаніе у грековъ богословія, философіи, языкованія, краснорѣчія, не смотря на существованіе цѣлаго ряда даровитыхъ дѣписателей, изобразившихъ въ своихъ произведеніяхъ всю тысячелѣтнюю судьбу Восточной имперіи,

---

¹⁾ Ποῖόν τε καὶ οἷον ὑπῆρξε τὸ γένος ἡμῶν, τοῦτο μὲν σοφία, τοῦτο δὲ καὶ ἄλλη ἀρετὴ καὶ μὲν κατὰ κόσμον ἐξουσία τε καὶ ἀρχὴ καὶ δυνάμει οἱ ἡμέτεροι γὰρ πάσης σοφίας καὶ πάσης ἐπιστήμης οὐχ' εὐρεταὶ μόνον ὑπῆρξαν, ἀλλὰ καὶ εἰς τέλος αὐτὰ ἤγαγον (Bessarionis Encyclica ad Graecos. *Migne, Patr. Curs. Compl.*, Pat. Gr. 161, 452).

Amisssā civitas famosissima et ratione situs et aliis conditionibus ad tutelam christianorum necessaria . . . . . taceamus de litteris et bonarum omnium artium studiis, quae veluti domicilium proprium Constantinopolim ex tota Graecia habuere. (Выдержка изъ письма императора Фридриха III, помѣщеннаго въ Архитовскомъ изданіи переписки Энея Сильвія Пикколомини).

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ любопытныя заключительныя слова переписки сочиненія Квиннама.

литературный упадокъ связывался двойнымъ образомъ: вопервыхъ, ослабленіемъ поэтическаго творчества, для котораго недоступно стало прежнее богатство стихотворныхъ размѣровъ, а вовторыхъ, глубокимъ разладомъ между языкомъ литературнымъ и языкомъ простонароднымъ. Въ странѣ, обладавшей безсмертными произведеніями Гомера, Фукидида, Демосфена, слишкомъ сильно было обаяніе древности для того, чтобы кто-нибудь дерзнулъ возвести на степень литературнаго языка простонародный говоръ. Каждый, на оборотъ, византійскій писатель считалъ долгомъ подражать своимъ великимъ предшественникамъ, на сколько хватало его силъ и умѣнія; однимъ удавалось достигать своей цѣли болѣе, другимъ менѣе и почти никому вполнѣ, ибо народная рѣчь, которою говорили всѣ, которая звучала въ ушахъ у всѣхъ, оказывала часто непобѣдимое воздѣйствіе на слогъ византійцевъ, въ тѣ минуты, когда напряженность ихъ вниманія слабѣла. Впрочемъ, въ XV вѣкѣ мы видимъ рядъ лицъ, достигшихъ высокой степени въ искусствѣ писать языкомъ древнихъ. Во главѣ ихъ стоялъ знаменитый философъ и политическій дѣятель Гемистъ Плионъ, справедливо славившійся чистотою своей аттической рѣчи даже по отзыву своихъ враговъ (οὐκ ἄττικιστὸς ἐμὲν βουόμενος τῇ δοχούσῃ καλλιρρημοσύνῃ. Рит. Мануила пр. Плиона. Хр. Чт. 1886 г. II, 133). За нимъ слѣдовали имена Виссаріона Никейскаго, Марка Ефесскаго, Георгія Схоларія, Іоанна Плусіадина, Амидури, Андроника Каллиста, Маттея Камариоты, Критувула и другихъ, которымъ удавалось такъ или иначе приблизиться къ своему идеалу. Даже въ произведеніяхъ плохихъ аттицистовъ, каковы Франдзи и въ особенности Дуга, греческій языкъ не дошелъ до такой степени паденія, какъ латинскій языкъ того времени на западѣ. Для примѣра можно сравнить хотя бы слогъ извѣстія о паденіи Византіи, полученнаго епископомъ Авиньонскимъ съ сочиненіями Франдзи и Дуки.

Итакъ, передъ окончательною утратою Цареградомъ его политической самостоятельности, просвѣщеніе не только не пришло въ упадокъ подобно самому государству, но даже разцвѣло послѣднимъ цвѣтомъ, какъ это доказываетъ рядъ названныхъ лицъ, оставившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ драгоцѣнное свидѣтельство о пережитомъ ими плѣненіи роднаго города.

Но такъ какъ гибель Византіи имѣла не только мѣстное, но и всемірное значеніе, такъ какъ ея послѣдствія несла вся Европа и въ особенности государства, непосредственно связанныя въ своихъ

интересахъ съ бытіемъ Цареграда, то и въ историческихъ памятникахъ другихъ народовъ нашло свой отзвукъ это событіе, отзвукъ особенно сильный въ итальянской и русской литературѣ, въ силу исконныхъ тѣсныхъ отношеній, существовавшихъ между этими національностями и Византіей.

Выяснивъ такимъ образомъ причины относительнаго обилія матеріала для изученія фактической стороны осады и взятія Константинополя турками въ 1453 г., я перехожу къ ближайшему разсмотрѣнію каждого изъ этихъ источниковъ въ отдѣльности, раздѣливъ ихъ на группы, для внѣшняго удобства, по національностямъ.

I.

Источники греческіе.

1. Франдзи.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія исторіи послѣднихъ дней Византіи являются анналы Георгія Франдзи, на основаніи которыхъ можно было бы возстановить также и полную біографію автора, — до того часто, много и охотно говоритъ онъ о своей жизни и дѣятельности. Для насъ довольно знать, что Франдзи былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, ходъ которыхъ онъ могъ знать, какъ никто, вслѣдствіе своей близости ко двору по званію протовестіарія и дружбы съ императоромъ Константиномъ, скрѣпленной общими воспитаніемъ и воспоминаніями дѣтства. Вся жизнь Франдзи прошла въ многообразной и полезной для государства службѣ, сопряженной съ дальними путешествіями, опасностями, плѣномъ и другими невзгодами. Переживъ гибель роднаго города, поруганіе вѣры, смерть императора и друга, разсѣяніе и позоръ своей семьи, удрученный годами, Франдзи нашелъ успокоеніе въ монастырской кельѣ, въ тиши которой онъ описалъ видѣнныя и оплаканныя имъ событія *ὄψε προσ χάριν ὄψε προσ φθόνον, ἀλλ' ἱστορίας μόνον χάριν*: безъ пристрастія, безъ ненависти, единственно ради исторіи. Но чувство, наполнявшее его душу, сказывается неволью: все сочиненіе проникнуто любовью къ дому Палеологовъ, стоявшему во главѣ Византіи, въ особенности же къ послѣднему императору-герою, для восхваленія котораго онъ не находитъ достаточно словъ. Говоря о самыхъ порочныхъ и неспособныхъ императорахъ, Франдзи не только не про-

вносить ни одного слова осужденія, на что такъ щедръ другой историкъ той же эпохи, Дука, но напротивъ старается даже смягчить въ своемъ разказѣ рѣзкость самихъ фактовъ. Въ самомъ жгучемъ вопросѣ своего времени, въ вопросѣ объ уніи, одного имени которой было достаточно для того, чтобы въ сердцахъ ея противниковъ и сторонниковъ разгорались самыя бурныя чувства, Франдзи сумѣлъ сохранить безпристрастіе, не осыпая упреками ни той, ни другой стороны въ отличіе отъ остальныхъ соотечественниковъ. Хотя вся его любовь и расположеніе принадлежали противникамъ уніи, тѣмъ не менѣе, руководимый сознаніемъ ея политической необходимости, онъ считалъ нужнымъ уступить силѣ обстоятельствъ, покорившись папѣ въ чаяніи спасенія отъ другихъ враговъ, и въ этомъ шелъ такъ далеко, что предлагалъ императору сдѣлать патриархомъ кардинала Исидора, знаменитаго сторонника уніи еще на Флорентійскомъ соборѣ (Phg. 326, с. 16). Не смотря однако на свою вѣротерпимость, Франдзи всегда оставался православнымъ, и чувство привязанности къ греческой церкви, убѣжденности, что исповѣданіе ея есть единое истинное, только росло подѣ влияніемъ пережитыхъ бѣдствій.

Предпринявъ по просьбѣ жителей острова Корфу описаніе событій, очевидцемъ которыхъ онъ былъ, Франдзи начинаетъ свое повѣствованіе краткимъ введеніемъ въ видѣ исторіи дома Палеологовъ (1261 — 1410), опираясь въ разказѣ на показанія какъ современниковъ, такъ и лѣтописцевъ (1—65 ст.). Отъ этого введенія Франдзи рѣзко отдѣляетъ главную часть сочиненія, основанную на личномъ знакомствѣ съ событиями. Я намѣренъ, говоритъ онъ передъ нею, разказать о важныхъ достопамятныхъ событіяхъ, совершившихся отъ 1410—1486 года... что хорошо мнѣ извѣстно вслѣдствіе моего возраста¹⁾; и затѣмъ онъ подробно излагаетъ ту послѣдовательность, которую намѣревается соблюдать въ сочиненіи²⁾.

¹⁾ Ταῦτα οὖν διὰ τὸ τῆς ἡλικίας μου ἐντελὲς καλῶς καὶ ἀκριβῶς εἰδότες. Phg. 67.

²⁾ Вотъ она: Phg. 65. Я намѣренъ разказать о важныхъ и достопамятныхъ событіяхъ, совершившихся отъ 10 до 86 года; я подразумеваю во первыхъ: прибытіе на западъ пяти сыновей Баязета: Мусульмана, Османа, Мозеса, Ессаа, Мехмета и Юсуфа, принявшаго впоследствии христіанство подѣ именемъ Дмитрія, о смерти въ Фессалоникахъ императора киръ Іоанна и о прибытіи туда сына его императора Мануила; о поставленіи тамъ государемъ сына его киръ Андроника; о смерти въ Спартѣ государя Θεодора Πορφυρογεννητου; о пришествіи императора и брата его Мануила въ Πελοπόννησος. Я разкажу о смерти Мусульмана отъ руки его брата Мозеса, о трехлѣтней войнѣ его съ императоромъ Ма-

Въ дальнѣйшемъ же своемъ повѣствованіи Франдзи очень мало заботится о начертанномъ имъ планѣ разказа, который отнюдь не обнимаетъ всего разнообразнаго содержанія анналовъ, а лишь часть его, преимущественно I и II книги. Лѣтописи Франдзи представляютъ изъ себя не строго историческое сочиненіе, а скорѣе мемуары, въ которыхъ страннымъ образомъ историческіе факты переплетаются съ семейными воспоминаніями, а размышленія богословскія (431—446, 329—378) смѣшиваются съ разсужденіями о фияикѣ (378—383), политическіе акты (404) и письма (43, 44, 416—423) съ географическими описаніями, иногда чуть не баснословнаго характера (Phg. 207, 208, 209). По своей эпизодичности ¹⁾ сочиненіе Франдзи превосходитъ знаменитыя Музы отца исторіи, съ тою только разницею, что у нашего автора встрѣчается повтореніе, объясняемое легко его преклоннымъ возрастомъ, когда слабѣетъ память. Что касается до означеннаго въ предисловіи періода времени (1410—1487 гг.), то онъ, въ свою очередь, не совпадаетъ съ періодомъ, дѣйствительно описаннымъ Франдзи, и, кромѣ того, прямо противорѣчитъ помѣткѣ, сдѣланной на концѣ книги и относящей написаніе ея къ 1478; дѣйствительно послѣднее происшествіе въ разказѣ Франдзи относится къ 1477 году; единственное событіе болѣе позднее есть смерть Мехмета II, завоевателя Византіи (Phg. 95, стр. 11).

Вопросъ о времени написанія Франдзи его Анналовъ, можетъ быть, долго не будетъ рѣшенъ окончательно ни въ ту, ни въ другую сторону, но главныя противорѣчія могутъ быть сглажены, благодаря тому обстоятельству, что трудъ нашего лѣтописца дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ: одну мы необходимо должны предположить болѣе обработанною и потому болѣе поздней, а другую — первоначальною,

---

нужномъ и объ ослѣпленіи Орхана, сына Мусульмана въ Лариссѣ, о прибытіи съ востока на западъ брата его Мехмета, о возвращеніи Мехмета на востокъ, о новомъ его приходѣ во Фракію и Европу и о побѣдахъ его. Я скажу о смерти Мовеса, потомъ о смерти втораго сына императора Мануила, бывшей въ Монемавасіи и двухъ дочеряхъ его, и о рожденіи повелителя киръ Михаила, по смерти его отъ чумы. Я буду повѣствовать о смерти Дмитрія Целены, сына султана Баязета и брата султана Мехмета, и о рожденіи повелителя киръ Оумы.

¹⁾ (47—93) Исторія турокъ. (97—107) Исторія острова Крита. (140—144) Житіе св. Фоманды, тетки Франдзи. (189—190) Описаніе Оробуркіона. (294—302) Исторія Магомета и его первыхъ преемниковъ. (310—328) Полемяя съ латинянами. (329—378) Полемяка съ мусульманами. (379—383) О причинахъ грома, молній, землетресеній, появленій кометъ. (396—399) Исторія Монемавасіи. (431—446) Изъясненіе символа вѣры. (207—209) Приключенія Евраима.

представляющею погодный набросокъ, обширность котораго обуславливается отнюдь не относительною важностью событій (напримѣръ, взятію Византіи удѣленъ тамъ всего одинъ столбецъ), а личными соображеніями автора, очевидно намѣревавшагося развить сказанное вератцѣ, а недостающее дополнить, какъ на основаніи личныхъ воспоминаній, такъ и показаній современниковъ, книжныхъ и устныхъ. Такое совмѣстное существованіе двухъ редакцій для насъ въ высшей степени важно, потому что изъ сличенія ихъ мы можемъ опредѣлить время написанія не только всего сочиненія, но въ главныхъ чертахъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ частности главы, посвященной осадѣ Византіи въ 1453 г. Если относить первоначальную редакцію къ 1477 году, такъ какъ годъ этотъ представляется естественнымъ предѣломъ разказа, тутъ и обрывающагося, то мы изъ этого необходимо должны вывести то заключеніе, что всѣ не встрѣчающіеся въ *Chronicon Minus* эпизоды суть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное между 1477—1488 годами, послѣдній срокъ дается вторымъ предисловіемъ; при семъ, не дѣлая особенно смѣлыхъ предположеній, мы можемъ сузить предѣлы до 1481 г., принимая во вниманіе, что позднѣйшее событіе, о какомъ встрѣчается упоминаніе, есть смерть Мехмета. Не смотря на то, что Франдзи находился въ ту пору въ очень преклонномъ возрастѣ, не смотря на то, что въ 1477 году здоровье его было потрясено опасною болѣзью, послѣ которой онъ оставался нѣкоторое время полуслѣпымъ, полуглухимъ, по его собственному сознанію, мы тѣмъ не менѣе не имѣемъ основаній отвергать принадлежности ему второй дополнительной редакціи; на оборотъ, можно даже представить въ подтвержденіе такого предположенія нѣсколько доводовъ; самый сильный изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ *Annales* находится полное и подробное описаніе геройской обороны Византіи отъ турокъ, носящее на себѣ отпечатокъ, не допускающій даже малѣйшаго сомнѣнія относительно принадлежности Франдзи, который говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ и выставляетъ на видъ ту долю участія, какую онъ и самъ принималъ въ совершавшихся событіяхъ.

Конечно, нельзя совершенно отрицать, чтобы нѣкоторыя части сочиненія Франдзи не возбуждали извѣстной доли подозрѣнія своею законченностью, цѣльностью и обработкой, выдѣляющими ихъ изъ общаго тона повѣствованія лѣтописца,—точно ли лицо, писавшее то и другое, было одно и то же, нѣтъ ли тутъ позднѣйшихъ вставокъ и передѣлокъ; хотя бы, напримѣръ, эпизодъ, посвященный краткой исторіи турокъ отъ ихъ происхожденія до смерти султана Мех-

мета II. По крайней мѣрѣ, о половинѣ событій, здѣсь разказанныхъ, дальше повѣствуется еще съ большею подробностью, тогда какъ упоминаніе Мехметова похода на Караманъ встрѣчается лишь въ одной турецкой исторіи, хотя событие это предшествовало осадѣ Византіи, почему и естественно было искать тамъ о немъ болѣе подробнаго повѣствованія. Но всѣ эти соображенія не такой силы, чтобы поколебать полную принадлежность анналовъ перу Франдзи, потому что при каждомъ почти сомнительномъ эпизодѣ существуютъ доводы, ослабляющіе причины сомнѣній. Напримѣръ, возьмемъ тотъ же эпизодъ о турецкой исторіи; корень ея, по моему, находится въ *Chronicon Minus*, гдѣ въ соответствующемъ мѣстѣ содержится перечисленіе турецкихъ султановъ, такъ что отсюда въ дальнѣйшемъ развитіи могъ возникнуть занимающій насъ эпизодъ. Точно также обработанность одной части сравнительно съ другою нѣкимъ образомъ не можетъ служить для какихъ бы то ни было заключеній, и вотъ почему: Франдзи, вообще, старался придать своимъ анналамъ болѣе совершенную форму, чѣмъ *Chronicon Minus*; самаго поверхностнаго сличенія достаточно для того, чтобъ увидѣть разницу въ слогѣ, отдѣляющую одну редакцію отъ другой, но, конечно, онъ въ этомъ не вездѣ одинаково успѣлъ, ибо не во всѣхъ частяхъ работалъ съ одинаковымъ напряженіемъ.

Франдзи въ своемъ повѣствованіи, какъ я уже сказалъ, руководствовался не одними только личными воспоминаніями и свидѣтельствомъ лицъ, бывшихъ очевидцами событій¹⁾; источникомъ ему служило также письменное преданіе. Такъ, напримѣръ, въ первомъ предисловіи онъ слѣдовалъ Георгію Акрополитѣ (*Allatius, Diatriba de Georgiis*), и сокращеніе сочиненія Никифора Григоры, обнимающаго начальную исторію дома Палеологовъ, составляетъ содержаніе его первыхъ главъ (*Pontanus*).

Не смотря на всю разнородность содержанія, духъ сочиненія вездѣ одинаковъ. Удрученный горемъ и годами, изможденный болѣзнями, старикъ описываетъ со смиреніемъ и незлобіемъ,—плодомъ монастырскаго уединенія и пережитыхъ несчастій—все видѣнное и слышанное имъ на долгомъ поприщѣ его многообразной дѣятельности. Онъ да-

¹⁾ Τα μὲν ὑπὸ ἀξιολόγων καὶ σοφῶν συγγραφέων γεγραμμένα μέρος εἶδόμεν τὰ δὲ ὑπ' ἀρχόντων τῆς βασιλικῆς βουλῆς καὶ αὐτῆς καὶ τῆς συγκλήτου σοφῶν καὶ συνετῶν καὶ γράσιων ἀκούσαμεν. Напримѣръ, господара Дмитрія въ разказѣ о походахъ императора во Флоренцію и Венецію.

лежъ отъ того, чтобы осыпать упреками латинъ или турокъ, цѣль его только возстановить честь императора, родины и греческаго православія, тѣмъ болѣе, что послѣднее находилось въ особенной опасности: съ одной стороны, латинны отторгали посредствомъ уни нѣкоторую часть греческой церкви, съ другой—каждый день она несла потери въ лицѣ принимавшихъ мусульманство. При видѣ торжества ислама надъ христіанствомъ, торжества, достигнутаго лишь силою оружія, Франдзи старается пространно доказать неизмѣримое нравственное превосходство греческой вѣры, желая укрѣпить богословскими разсужденіями въ православіи своихъ соотечественниковъ.

Разказъ Франдзи о паденіи Византіи представляетъ наиболѣе цѣльную и обработанную часть его сочиненія. Помимо подробнаго и надежнаго повѣствованія о ходѣ осады, сочиненіе φιλαλληθούς Франдзи, какъ его называетъ Паспати, имѣетъ то неоспоримое преимущество надъ другими источниками, что изъ него мы черпаемъ много свѣдѣній о закулисной сторонѣ дѣла, которая никому иному не могла быть извѣстна, кромѣ присныхъ императора.

Языкъ Франдзи не отличается ни чистотою формъ, ни изяществомъ выраженія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ глубины чувства, самый слогъ теряетъ свою валость и становится живымъ и сильнымъ, въ особенности вслѣдствіе цитатъ изъ Св. Писанія.

Изданъ Франдзи впервые въ латинскомъ переводѣ Понтана, въ началѣ XVII вѣка.

2. Кр и т о в у л ь.

Въ числѣ важныхъ источниковъ для изучаемаго нами вопроса находится также исторія царствованія Мехмета II, написанная Критовуломъ, съ острова Имвроса. Хотя самъ Критовуль, принимавшій важное участіе въ событіяхъ своего вѣка, не могъ оставаться невѣдомымъ современникамъ, тѣмъ не менѣе ни у одного изъ византійскихъ писателей XV вѣка мы не находимъ указаній о его жизни и дѣятельности, и потому всѣ наши свѣдѣнія о немъ основываются лишь на томъ, что онъ говоритъ о себѣ самъ. Въ ту эпоху, когда турки готовы были овладѣть Византією, когда отношенія между двумя народами, не смотря на ихъ враждебность, были чрезвычайно тѣсны, часто встрѣчались люди, благопріятствовавшіе туркамъ изъ корыстныхъ разчетовъ. Когда же прекратилось самостоятельное су-

ществованіе Византіи и на Цареградскомъ престолѣ султаны смѣнили императоровъ, близкія сношенія побѣдителей съ побѣжденными стали еще болѣе необходимы въ силу самыхъ вещей, при чемъ среди грековъ не только нашлось много лицъ, которыя подчинились новому порядку, сознавая свое безсиліе сопротивляться ему, но нашлись даже такія, которыя не замедлили направить къ своему личному благу общее бѣдствіе своихъ единовѣрцевъ, стараясь угодить новому повелителю, снискать его благоволеніе, для чего въ случаѣ нужды не затруднялись измѣнять своему православію.

Послѣдняго не приходилось дѣлать грекамъ, ученымъ и литераторамъ: въ ихъ рукахъ было иное средство расположить къ себѣ поклонника наукъ и искусствъ, славолюбиваго Мехмета, поставившаго своимъ идеаломъ Александра Великаго и зачитывавшагося (по свидѣтельству венеціанца Jacomo Langusto L. D. 6, 7) подвигами древнихъ героевъ въ исторіяхъ: Геродота, Квинта Курція, Ливія и др. Для снисканія милостей Мехмета нужно было увѣковѣчить его подвиги литературными памятниками, въ которыхъ передъ всѣмъ свѣтомъ выставялась бы доблесть героя новаго времени. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ и авторъ исторіи Мехмета Критовуль, всегда стоявшій на сторонѣ турокъ и подъ конецъ захотѣвшій доказать свою преданность султану не одною только политическою, но и литературною дѣятельностью. Критовуль предвидѣлъ однако, какимъ напакамъ подвергнется онъ, грекъ родомъ, выступая панегиристомъ исконнаго врага греческаго міра, поработителя Византіи, котораго другіе историки той же эпохи награждали нелестными эпитетами зловѣрнаго, безбожнаго, ненасытнаго онагра, коварнаго кровопійцы (Pusc. II 261 τράννος δυσσεβής, ἐχθρός πατριάρος, ἀντίχριστος, ὀλέτηρ τοῦ γένους ἡμῶν). Чтобъ оправдать себя въ глазахъ читателей (Посвященіе Мехмету и первыя три главы первой книги), Критовуль объясняетъ истинную цѣль и намѣреніе своего сочиненія: желаніе его возстановить непрерывность исторіи, которая, повѣствуя о подвигахъ древнихъ героевъ, ничего не говоритъ о событіяхъ новыхъ, хотя они по важности ни въ чемъ не уступаютъ древнимъ. „Какъ пала старая Византійская имперія и на развалинахъ ея воздвиглась новая, какъ старыхъ повелителей смѣнилъ новый, благодаря своимъ подвигамъ возобладавшій надъ половиною вселенной, объ этомъ хочетъ говорить Критовуль, чтобы событія эти не вверглись въ пучину забвенія, но пребывали бы живыми въ народной памяти для назиданія потомства“. Писать объ этомъ можетъ онъ, не боясь упрековъ со стороны

грековъ, ибо нельзя же требовать отъ Византійской имперіи, чтобы она одна оставалась несокрушимой, когда все кругомъ разрушилось и измѣнилось: такова судьба людей. Всемирное господство перешло преемственно то къ ассирійцамъ, то къ мидянамъ и персамъ, то къ эллинамъ и римлянамъ, а послѣдніе, въ свою очередь, должны уступить его туркамъ. Не довольствуясь этими общими разсужденіями о бренности всего земнаго и измѣчивости счастья, чѣмъ греки освобождаются отъ всякой вины въ происшедшемъ, Критовулъ въ свое оправданіе приводитъ примѣръ Іосифа Флавія, также описывавшаго гибель своего народа и подвиги поработителей его римлянъ.

Но относительно объясненій Критовула можно съ правомъ примѣнить французскую поговорку: *qui s'excuse s'accuse*. Въ самомъ дѣлѣ автору можно было бы повѣрить въ чистотѣ его намѣреній, еслибы онъ не обличалъ противнаго каждою своею строчкой. Онъ не только превозносить Мехмета за все то, что дѣйствительно могло возбуждать удивленіе среди современниковъ, но прибѣгаетъ даже къ искаженію или замолчанію фактовъ, если они не говорятъ въ пользу его героя; такъ напримѣръ, Критовулъ ни полсловомъ не обмолвился объ убіеніи Мехметомъ роднаго брата, о Бѣлградскомъ пораженіи, въ которомъ открыто признается Сеидъ-единъ; онъ умаляетъ значеніе побѣдъ Скандербегъ и пр. Зная, чѣмъ подлестить Мехмету, стремившемуся выставить себя преемникомъ Византійскихъ императоровъ, Критовулъ во всѣхъ случаяхъ называетъ его βασιλεὺς, а не ἀμνηστὸς какъ другіе источники. Правда, въ своемъ восхваленіи Мехмета Критовулъ не доходитъ до такой степени приниженія, до какой выпускается другой панегиристъ побѣдителя Византіи, трапезунтскій грекъ Георгій Амируци, льстившій Мехмету, уже совсѣмъ забывъ о томъ, что существуетъ на свѣтѣ совѣсть (*Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος. Αθῆν. 1885, τόμ. δεύτερος, 275—282* изъ *Δαμπερος*), Амируци называетъ, напримѣръ, Мехмета, „сверкающею звѣздою, ослѣпительнымъ свѣточемъ, любителемъ образованности и поклонникомъ музъ, витяземъ и царемъ эллиновъ“, или въ другомъ хвалебномъ гимнѣ онъ обращается къ Мехмету въ такихъ выраженіяхъ: „Великій царь царей, владыка, высочайшій изъ высочайшихъ ханъ, свѣтлое солнце, золотыми лучами своими ослѣпляющее все тебѣ подвластное, привѣтствую тебя (*χαῖρε*), скипетродержатель вселенной, ибо если остались еще люди, гордящіеся своею силою, то и тѣ дрожа подчиняются твоему могуществу, потому что одинъ ты владыка на свѣтѣ, повелѣвающій всѣми земными царями; привѣтствую тебя, справедливѣйшій

изъ справедливыхъ государь, ты дорожишь лишь однимъ вѣнцомъ— вѣнцомъ справедливости, вознаграждая добрыхъ и наказуя злыхъ". Въ третьемъ стихотвореніи Амируци торжественно заявляетъ, „что въ Мехметѣ чудодѣйственнымъ образомъ соединились мудрость, скромность (sic!), храбрость, отвага, милосердіе, справедливость, благотворительность, какого соединенія не встрѣчается ни въ одномъ другомъ смертномъ“¹⁾.

Такимъ образомъ Критовулъ является не единственнымъ перебѣжчикомъ въ лагерь турокъ; такихъ перебѣжчиковъ на оборотъ было очень много. Это обстоятельство любопытно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ легко приняла турецкое завоеваніе часть Византійскаго общества и какъ понизились его нравственные идеалы, если изъ среды его выходили такіе беззастѣнчивые слуги поработителей отечества. Къ чести Критовула нужно однако сказать, что онъ никогда не отзывается дурно о своихъ соотечественникахъ; въ его изображеніи сглаживаются даже тѣ застарѣлыя недуги, которые подтачивали изо дня въ день существованіе Византіи и заставили ее наконецъ рухнуть, не смотря на геройскую оборону ея защитниковъ. Въ изложеніи Критовула Византія является скорѣе мощною и сильною, чѣмъ разслабленною и одряхлѣвшею. Виновныхъ въ ея паденіи нѣтъ, ибо всю вину авторъ сваливаетъ, благодаря своему историческому фатализму, на судьбу, избѣжать которой никто не можетъ.

Опредѣливъ степень безпристрастія автора въ изображеніи описываемыхъ имъ событій, посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ могъ онъ ихъ знать. Вотъ его подлинныя слова (Письмо къ султану, ст. 53): „Послѣ упорнаго труда составилъ я эту книгу, ибо самъ не присутствовалъ при событіяхъ и не зналъ точнаго ихъ хода, но я разспрашивалъ очевидцевъ и восстанавливалъ такимъ образомъ истину“. Не смотря на эти старанія, Критовулъ не избѣгъ ошибокъ, въ особенности въ упоминаніяхъ именъ не греческихъ и не турецкихъ²⁾. Какъ бы въ замѣнъ того, близкое знакомство и связи среди вліятельныхъ турокъ дали Критовулу возможность сообщить нѣсколько свѣдѣній, какихъ мы не находимъ у другихъ историковъ, о томъ,

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Амируци приводитъ *Leclercq* въ предисловіи къ изданію стихотвореній. Тамъ приведены и отзывы объ Амируци Критовула: Ст. IV, 9, 2, 3, который говоритъ съ большою похвалою объ умѣ и образованіи Амируци. Письмо о взятіи Трапезунта у *Migne*, т. 161.

²⁾ Джустиніани названъ Юстиномъ; вмѣсто Сербскаго краля Георгія—Лазарь, вмѣсто папы Каллиста II—его предшественникъ Николай V.

что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ. Таковы диспозиціи турецкихъ войскъ, имена военачальниковъ, описаніе экспедицій султана противъ Терапіи, Студійской крѣпости и Принцевыхъ острововъ. Предметъ, который всего ближе извѣстенъ автору—это исторія острова Имвроса, въ которой Критовулъ принималъ непосредственное и дѣятельное участіе. Когда его соотечественники боялись за свою судьбу послѣ паденія Византіи, Критовулъ предложилъ имъ отправить посольство къ Мехмету, благодаря чему Имвросъ сохранилъ свою независимость. Въ 1456 году Критовулъ получилъ отъ султана тотъ же островъ въ управленіе и спасъ его для турокъ отъ венеціанскаго нашествія, случившагося въ слѣдующемъ году. Впослѣдствіи Критовулъ не переставалъ играть выдающуюся роль въ исторіи Имвроса, постоянно держа сторону турокъ и оказывая имъ существенныя услуги. При его, напримѣръ, содѣйствіи острова Лемносъ съ Имвросомъ подчинились Мехмету, который отдалъ ихъ тестю своему Дмитрію Палеологу, опять-таки не безъ посредства Критовула, который, безъ сомнѣнія, продолжалъ управлять островомъ Имвросомъ отъ имени Палеолога, какъ раньше управлялъ отъ имени султана. Въ 1466 году, когда Имвросъ былъ занятъ венеціанцами, нашъ историкъ удалился въ Византію, гдѣ и окончилъ свое сочиненіе въ періодъ времени отъ 1466—1470 гг., по остроумнымъ соображеніямъ Миллера. Дѣло въ томъ, что, во первыхъ, Критовулъ описываетъ какъ очевидецъ чуму, свирѣпствовавшую въ Византіи въ 1467 году (доказательство, что онъ былъ тамъ), а во вторыхъ, онъ не говоритъ ни слова о побѣдѣ, одержанной турками надъ венеціанцами въ 1470 году, о чемъ онъ не преминулъ бы сказать къ вышему прославленію своего героя. О смерти его мы не знаемъ ничего; можетъ быть онъ и поступилъ въ монастырь на Аѳонъ, какъ это говоритъ Тишендорфъ ¹⁾, не приводя однако основанія для своихъ словъ. Исторія его кончилась на семнадцатомъ годѣ царствованія Мехмета, вѣроятно, потому, что султанъ не догадался поощрить Критовуловы занятія исторіею, а можетъ быть, и другія обстоятельства помѣшали окончанію его труда. Вѣрнаго сказать ничего нельзя.

Подводя итогъ сказанному о сочиненіи Критовула, мы видимъ, что о занимающемъ насъ вопросѣ о паденіи Византіи Критовулъ пишетъ не какъ очевидецъ и съ заранѣе предвзятою цѣлью восхвалять своего героя Мехмета. Сравнительная отдаленность описываемаго со-

¹⁾ Notitia editionis codicis Bibliarum Sinaitici. Лейпцигъ. 1860.

бытія (14—17 лѣтъ), котораго притомъ авторъ не видѣлъ лично, порождаетъ неточности, въ особенности въ хронологіи, а пристрастіе и желаніе написать Мехмету панегирикъ заставляютъ иногда автора если не исказить факты совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, придавать имъ иную окраску. Такіе общіе недостатки усугубляются еще формою изложенія: Критовуль, подражая Фукидиду, изъ котораго онъ заимствуетъ цѣликомъ многіе обороты рѣчи, представляетъ и героя своего Мехмета чѣмъ-то среднимъ между Бразидомъ и Александромъ Македонскимъ. Въ уста Мехмета Критовуль влагаетъ такія рѣчи, какія могли произносить только дѣятели Пелопоннесской войны, да и то пожалуй лишь въ воображеніи ихъ историковъ. Мѣстности и народы носятъ у Критовула не тѣ названія и имена, которыя они имѣли во время описываемыхъ имъ событій, а тѣ, какія носили въ древности, благодаря чему происходятъ новыя неточности, вслѣдствіе плохаго искусства автора приурочивать древнія имена къ новымъ: Момевасія, напримѣръ, называется голоднымъ Епидавромъ.

Авторъ подражаетъ Фукидиду и въ языкѣ, но, не умѣя съ еукидидовскою свободою располагать богатствомъ греческаго языка, грѣшитъ многорѣчиемъ и однообразными, утомительными повторами однихъ и тѣхъ же оборотовъ, единственно вслѣдствіе желанія выразиться изящнѣе, чѣмъ можетъ. Когда же Критовуль оставляетъ неудачныя попытки въ аттическомъ краснорѣчии и обращается къ простому повѣствованію, тогда онъ умѣетъ придавать своей рѣчи ясность и стройность, устраняя въ то же время съ успѣхомъ латинскія и славянскія слова, обильно вкравшіяся въ греческій простонародный говоръ, и пользуясь съ послѣдовательностью формами и синтаксисомъ древняго языка, хотя ему все-таки не удается удержаться на одномъ чистомъ аттицизмѣ, а приходится употреблять въ дѣло не только іоническія, но даже и позднѣйшія реченія такъ-называемые κοινῆς διαλέκτου.

Издано сочиненіе Критовула Карломъ Миллеромъ въ пятомъ томѣ Fragmenta Historiæ Græcorum по рукописи, найденной въ Сераля. Къ изданію приложены описаніе самой рукописи и біографія съ оцѣнкой трудовъ Критовула. Подъ текстомъ находится по истинѣ монументальный комментарий, въ которомъ Миллеромъ сведены всѣ извѣстія современныхъ писателей, способствующія освѣщенію сочиненія Критовула, и оцѣненъ его, какъ историческаго источника. Имѣетъ большое значеніе и то обстоятельство, что Миллеръ употребилъ для этой цѣли Пускула, источникъ очень важный, которымъ пренебре-

гали однако византійскіе историки послѣ его издателя Еллисена. Въ виду сказаннаго трудъ Миллера вмѣстѣ съ сочиненіемъ Heud'a долженъ быть руководящею нитью для всякаго, изучающаго паденіе Византіи.

О Критовулѣ въ 1870 г. появилась живая и интересно написанная статья Ubicini, основаніемъ которой послужило изслѣдованіе Миллера (Annuaire de l'Association pour l'encouragement des Etudes Grecques. 1871, стр. 49). Убичини развиваетъ и дополняетъ слова Миллера, но попытки его читать между строкъ Критовула не всегда можно признать удачными.

3. Дука.

Другой историкъ той же эпохи Дука оставилъ разказъ о разореніи Византіи турками—въ своей Historia Byzantina. Дука былъ потомокъ знатной византійской фамиліи, не самъ въ Цареградѣ не жилъ, потому что еще дѣдъ его Михаилъ принужденъ былъ покинуть родной городъ и бѣжать въ Малую Азію, въ Ефесъ, гдѣ и поселился навсегда. Съ тѣхъ поръ сыпъ его и внукъ не возвращались въ Византію, перейдя на службу къ богатому, и могущественному Гателузи, по дѣламъ котораго нашъ историкъ Дука отправлялся нерѣдко къ султану и визирямъ съ посольствами. Вотъ, въ краткихъ словахъ, тѣ немногія свѣдѣнія, какія мы почерпаемъ изъ малочисленныхъ упоминаній Дуки о самомъ себѣ (ст. 162, 165, 248, 257, 260, 287, 318, 321, 326, 328, 334, 337).

Сочиненіе Дуки распадается на двѣ неравныя части. Первая совершенно законченная и обработанная (съ 1 по 318 стр.) содержитъ въ себѣ разказъ о томъ, какъ сблизись мысли дѣда историка, бывшія въ то же время его собственными,—что „скоро вся Фракія до Дуная подчинится власти турокъ, и турки станутъ обладателями и повелителями ея, какъ недавно покорили еще Фригію и Малую Азію по волѣ Божіей, наказующей Византію за грѣхи ея“. Въ этой части, за краткимъ перечнемъ событій со времени Адама до 1341 года, слѣдуетъ подробная исторія событій отъ 1341—1453. Вторая, меньшая и хуже обработанная часть есть погодное изложеніе событій, предпринятое авторомъ не безъ колебанія, потому что онъ хотѣлъ сначала закончить свою Византійскую исторію паденіемъ самой Византіи, и только потомъ уже рѣшился продолжать свое сочиненіе въ надеждѣ, что ему еще придется описывать избавленіе роднаго города отъ власти

невѣрныхъ. См. Дис. 319 с. Трудно опредѣлить навѣрное время написанія исторіи Дуки; была ли сначала обработана первая ея часть и потомъ къ ней уже присоединена вторая, представляющая скорѣе сводъ замѣтокъ и записей, чѣмъ настоящую исторію,—или сочиненіе написано цѣликомъ послѣ 1462 года. Мнѣ кажется, что первое предположеніе вѣроятнѣе, ибо за него говоритъ какъ цѣльность и обработанность первой части, сравнительно со второю, мало отдѣланною, такъ и второе предисловіе, разбивающее все повѣствованіе на двѣ половины, неравныя по объему и различныя по содержанію, безъ котораго, конечно, могъ бы обойтись авторъ, еслибъ онъ писалъ сочиненіе цѣликомъ.

Точка зрѣнія, съ какой Дука смотритъ на совершавшіяся событія, крайне враждебна Византіи и очень благопріятна Западу. Дука никогда не могъ простить Византіи, что дѣдъ его принужденъ былъ бѣжать изъ нея: съ злорадствомъ описываетъ онъ неспособность и раздоры Палеологовъ, когда имперія находилась на краю гибели; съ негодованіемъ изображаетъ пороки и упорство въ заблужденіяхъ народа, православіе котораго было противно его латинскому настроенію мыслей. Первый герой Дуки — императоръ Іоаннъ, сторонникъ Запада, принявшій унію; о послѣднемъ защитникъ Византіи, императоръ Константины, который не любилъ въ душѣ Запада, Дука говоритъ, не воздавая должнаго ни его храбрости, ни его неутомимой дѣятельности ¹⁾. Что же касается Запада, то Дука рисуетъ самыми яркими красками геройство венеціанцевъ и генуэзцевъ, въ особенности вождя ихъ Джустиніани, самое удаленіе котораго послѣ раны въ рѣшительную минуту приступа, этотъ историкъ старается представить въ благопріятномъ видѣ, противорѣча многимъ другимъ источникамъ. Даже для недостойнаго поведенія Галаты, служившей одновременно туркамъ и византіяцамъ, онъ находитъ оправданіе, для чего не стѣсняется подтасовывать факты.

Разказъ Дуки относительно самаго паденія Византіи отличается большою полнотою и картинностью, но, къ сожалѣнію, точность не составляетъ его достоинства. На основаніи многихъ мѣстъ, гдѣ Дука

¹⁾ Дука говоритъ даже по поводу раны Джустиніани, что императоръ оробѣлъ и потерялся ἐδελιάσεν, чего, вопервыхъ, онъ и знать не могъ, а во вторыхъ, о чемъ говорятъ иначе другіе болѣе надежные источники, а въ уста императору влагаютъ предсмертныя слова: „Развѣ нѣтъ здѣсь христіанина, чтобы отрубить мнѣ голову?“

расходится съ свидѣтельствомъ самовидцевъ (хотя бы въ вопросѣ объ экспедиціи Коко, о послѣднемъ приступѣ), на основаніи того, что Дука, по его собственнымъ словамъ, собиралъ немедленно послѣ войны свѣдѣнія отъ очевидцевъ о ходѣ событій (287, 20: καὶ γὰρ ἐγὼ μετὰ τὸν πόλεμον ἐνέτυχον πολλοῖς καὶ διηγήσαντο μοῖ, πῶς φοβούμενοι τοὺς ἔμπροσθεν ἐσφάττομεν τοὺς προλαβόντας), мы можемъ заключить съ вѣроятностью, что авторъ не былъ въ Византіи во время ея паденія, иначе онъ обмолвился бы хоть словомъ о томъ, что сталося съ нимъ во время взятія города турками, какъ это дѣлаютъ свидѣтели событій: Франдзи, Леонардъ Хиосскій, Барбаро, Пускулъ, Тедалди. Но съ другой стороны мы не можемъ отрицать того, что авторъ былъ въ окрестностяхъ Византіи въ теченіи зимы, предшествовавшей осадѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сочиненіе Дуки, написанное по свѣжимъ слѣдамъ самаго событія, является важнымъ историческимъ источникомъ, но при пользованіи имъ не нужно упускать изъ виду точку зрѣнія, съ которой авторъ смотрѣлъ на лица и вещи. Въ частности, въ занимающемъ насъ вопросѣ Дука не можетъ быть авторитетнымъ свидѣтелемъ, какъ человѣкъ ослѣпленный пристрастіемъ въ одномъ и ненавистью къ другимъ. Изъ всей *Historiae Byzantinae* наибольшую полноту и точностью отличается разказъ о судьбахъ западнаго побережья Малой Азіи и острововъ Архипелага, исторія которыхъ совершалась на глазахъ самого дѣписателя, наименьшею основательностію сообщенія о славянахъ и венгерской исторіи, которая извѣстна нашему автору только въ самыхъ общихъ и смутныхъ чертахъ. Писавшій языкомъ, запечатлѣннымъ сильнымъ вліяніемъ простонародной рѣчи, Дука въ этомъ отношеніи стоитъ ниже не особенно искуснаго активиста Франдзі, но за то далеко превосходитъ послѣдняго литературною обработкой своего сочиненія, обладающаго относительною стройностію и свободнаго отъ эпизодическихъ вставокъ.

Editio princeps Bullialdi graece et latine Parisiis, 1649 повторено въ Венеціи 1729. Вонское изданіе 1834 съ краткимъ предисловіемъ Беккера, перепечаткой предисловія и комментарія Буллиалда; здѣсь же приложенъ открытый знаменитымъ Ранке италіанскій переводъ исторіи Дуки; переводъ этотъ, передавая текстъ въ нѣсколько со-

¹⁾ Дука говоритъ самъ о трупахъ экипажа корабля Риццо 248,1: νεκροὺς, οὓς καὶ ἐγὼ εἶδον μεθ' ἡμέρας ὀλίγας ἐκτὶ διαγομένου μῦθ (въ Дидимотихіи).

кращенномъ видѣ представляетъ любопытныя дополненія по вопросу о сношеніи Византіи съ Западомъ. Изданіе Беккера перепечатано у Migne, Patr. Graeca.

4. Леонардъ Хиосскій.

Письмо о паденіи Византіи, отправленное къ папѣ Николаю V Леонардомъ Хиосскимъ, архіепископомъ Митиленскимъ, спутникомъ и сотрудникомъ Исидора, митрополита Киевскаго и всея Россіи, является для насъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для изученія исторіи послѣднихъ дней Византіи. Донесеніе Леонарда пріобрѣтаетъ еще особую цѣну въ томъ отношеніи, что оно написано немедленно (26-го августа 1453 г.) послѣ страшнаго событія, всѣ подробности котораго были еще свѣжи въ памяти его свидѣтелей. Мѣстомъ написанія былъ островъ Хиосъ, куда спаслись всѣ избѣгшіе гибели и плѣна, и гдѣ Леонардъ могъ легко возобновить въ памяти то, что онъ забылъ, и провѣрить то, въ чемъ сомнѣвался. По самой своей роли въ совершавшихся событіяхъ, Леонардъ наиболѣе зналъ объ униі, которую онъ вводилъ вмѣстѣ съ Исидоромъ и которой въ своемъ донесеніи онъ отводитъ большое мѣсто. Въ минуту общей тревоги и ужаса, охватившихъ весь міръ при извѣстіяхъ о новыхъ побѣдахъ турокъ, о новыхъ потеряхъ христіанства, раздавались, конечно, голоса, обвинявшіе папу, который такъ недостойно допустилъ гибель Византіи. Такимъ людямъ Леонардъ старается доказать, что кара, постигшая Византію, вызвана не небреженіемъ и нерадѣніемъ папъ, а поразила грековъ за отступленіе отъ лона ваволической церкви и за притворное, неискреннее присоединеніе къ ней. Желая убѣдить весь міръ, что „non unio facta, sed unio ficta civitatem perdidit“, авторъ часто прерываетъ нить своего повѣствованія для богословскихъ споровъ и разсужденій; обличая греческія заблужденія, Леонардъ мрачными красками рисуетъ разложеніе общества, въ которомъ пало все: нравственность, честь, патриотизмъ, и осталось только упорство въ ошибкахъ, вызываемое не глубиною убѣжденія, а чрезмѣрнымъ самолюбіемъ.

Имѣя въ виду эту точку зрѣнія автора, нужно пользоваться съ осторожностью его повѣствованіемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно, покидая борьбу грековъ съ турками, говоритъ объ отношеніяхъ Востока къ Западу.

Изданія:

Chronici Turcicorum, т. I, 315—356. Филиппъ Лоницеръ. Франкфуртъ. 1584.

Historia captae a Turca Constantinopolis, a Leonardo Chiensi. Roting. 1544.

Leonardii Chiensis, Mitylenaei Archiepiscopi historia de urbis Constantinopoleos jactura captivitateque. Basil. 1562. Изд. Рейснера.

Patrologia Graeca, Migne, t. 159, p. 923, 944, исправленное издание по Ватиканской рукописи.

Atti della società Ligure di storia patria, t. XIII, 223—257.

И. И. Срезневскій указываетъ другой годъ Франкфуртскому изданію Леонарда: у него стоитъ 1578 и 1598.

5. Халкокондилъ ¹⁾).

Знатный афинянинъ также разказываетъ о паденіи Византіи въ ἀπόδειξις ἱστοριῶν, повѣствующихъ о ξυννευχθέντων, οὐδαμῆ ὡς ἐμοὶ δοχεῖ ἐλασσόνων τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην ποτε γενομένων μνήμης ἀξίων τῆς τε Ἑλλήνων φημί τελευτῆς τὰ εἰς τὴν ἀρχὴν αὐτῶν ἐπισυμβεβηκότα καὶ Τοῦρκων ἐπὶ μέγα δυνάμει καὶ ἐπὶ μεγίστων τῶν πώποτε γενομένων. Въ своей исторіи Халкокондилъ изображаетъ ростъ могущества турокъ на развалинахъ Византійской имперіи и царства османлисовъ отъ 1298—1463, когда разказъ вдругъ обрывается на побѣдѣ, одержанной Мехметомъ II надъ венеціанцами и венграми. Не смотря на то, что авторъ былъ проникнутъ величіемъ и мировымъ значеніемъ событій, описать которыя онъ считалъ себя призваннымъ, ему не удалось справиться съ своимъ предпріятіемъ. Отсутствие стройности, происходящее отъ частныхъ отступленій, недостатковъ въ критической оцѣнкѣ приводимыхъ свѣдѣній, испорченный языкъ и вялое изложеніе служатъ признаками упадка, во времена котораго писалъ Лаоникъ Халкокондилъ. Достоверность разказа о самой осадѣ Византіи ослабляется, во первыхъ, тѣмъ, что авторъ не былъ очевидцемъ описанныхъ происшествій, а во вторыхъ, отъ общаго труда нельзя требовать особой отчетливости въ изображеніи подробностей. Сказаннымъ объясняется второстепенное значеніе исторіи Халкокондила въ

¹⁾ Самаго имени его мы не знаемъ въ точности вследствие разнородныхъ чтеній, даваемыхъ рукописями то Халкондилъ, то Халкокондилъ; по видимому, последнее чтеніе имѣетъ за себя болѣе основаній, во первыхъ, потому что оно дается какъ лучшею, парижскою рукописью, такъ и самимъ текстомъ, а во вторыхъ, потому, что изъ Халкокондилъ мы легко можемъ допустить возникновеніе чтенія Халкондилъ, посредствомъ собращенія столь обычнаго при двухъ одинаковыхъ слогахъ.

ряду другихъ источниковъ, повѣствующихъ о послѣднихъ дняхъ Византийской имперіи.

Какъ вслѣдствіе важности своего предмета, такъ и вслѣдствіе вниманія, обращеннаго на него знаменитымъ византинистомъ Вольфомъ, Лаоникъ Халкокондилъ изданъ много разъ и въ подлинникѣ, и въ переводахъ. Латинскій переводъ его исторіи, сдѣланный въ 1556 году въ Базелѣ Конрадомъ Клаузеромъ и свѣренный съ не изданнымъ переводомъ Филиппа Гундели, напечатанъ во Франкфуртѣ въ 1568 г., какъ продолженіе изданій Зонары, Никиты Акомината изъ Хонъ и Никифора Григоры, благодаря чему получалось „*Integrum totius byzantinae historiae corpus et omnibus prope numeris suis aq, solutum*“ ¹⁾ (слова Вольфа). Греко-латинскій текстъ напечатанъ въ 1615 г. въ Генуѣ. Парижское изданіе 1650 съ глоссаріемъ Фабро и съ выписками изъ турецкихъ источниковъ, сдѣланными Левенкляу, повторено въ Венеціи, въ 1726 г. Боннское изданіе Беккера 1843 перевздано у Migne въ *Patrologia Graeca*, 159 томъ, 1866 года.

6. Ἐρῆνος τῆς Κωνσταντινουπόλεως.

Авторъ сочиненія: Ἐρῆμος τῆς Κωνσταντινουπόλεως остается неизвѣстнымъ, ибо предположеніе Кораиса въ "Ατακτα, будто имъ могъ быть Еммануилъ Георгилла, описавшій чуму въ Родосѣ, не имѣетъ за собою сколько-нибудь прочныхъ основаній, какъ это доказано съ полною убѣдительностью ²⁾ Еллисеномъ въ его *Analekten der mittel-und neugriechischen Literatur. Band III*, гдѣ помѣщенъ самый текстъ этого Плача. Тѣмъ не менѣе Егжеръ слѣдуетъ мнѣнію Кораиса, противорѣча Джуканжу и Еллисену и не объясняя, какими соображеніями онъ при этомъ руководствуется. На мой взглядъ мы должны отказаться отъ попытокъ узнать имя автора, такъ какъ признаки, придаваемые имъ самимъ себѣ, слишкомъ общаго характера, для того чтобы бросить свѣтъ на его личность, намѣренно оставленную въ тѣни τοῦνομα μὲν οὐ γράφω τὸ διὰ τι ποτὶς ἔσωρῶ. Взамѣнъ того, благодаря изысканіямъ Еллисена выяснилось время написанія Плача, приходящееся на пространство трехъ лѣтъ отъ 1453 до 1456, что подтверждается слѣдующими соображеніями: вопервыхъ, поэма эта упоминаетъ объ Іоаннѣ Гуніадѣ (526 стихъ), умершемъ въ 1456 году, еще какъ о находящемся въ живыхъ, вовторыхъ, резиденціей сул-

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1837, ч. ССL, отд. 2. стр. 239.

²⁾ Стр. 12 и 13.

тана навмывается Адрианополь (749 и 782 стихи). (Какъ извѣстно Мехметъ перенесъ свое мѣстопребываніе въ Константинополь только на третій годъ послѣ его взятія). Папою, къ которому обращается авторъ, могъ быть или Николай V, или Каллистъ III (1447—1455, 1456—1458). Оба они съ одинаковымъ усердіемъ и одинаковою безуспѣшностью проповѣдывали крестовый походъ противъ турокъ. Корансъ склоняется видѣть здѣсь Пія II, которому дѣйствительно хоть отчасти удалось привести въ исполненіе тѣ проекты крестоваго похода, за которые онъ ратовалъ, бывши еще кардиналомъ; но мы должны отказаться отъ мнѣнія Коранса на томъ основаніи, что понтификатъ Пія II относится ко времени болѣе позднему, нежели написаніе самой поэмы. Цѣль Плача подвигнуть на помощь поработенному востоку христіанскій западъ (463: ἄλλοις μᾶς θέλει φάγειν), которому также грозитъ опасность со стороны Мехмета. Авторъ поочередно обращается ко всѣмъ народамъ и государямъ Европы, призывая ихъ на помощь угнетенныхъ единовѣрцевъ. Единство поэмы постоянно нарушается отступленіями и повтореніями, благодаря которымъ и безъ того длинное произведеніе становится еще длиннѣе безъ всякой пользы и нужды. Въ изложеніи мы видимъ не только отсутствіе поэтическихъ образовъ, но даже сноснаго языка. Не смотря на это, авторъ берется за перо, чтобъ излить свой ужасъ и отчаяніе и возбудить состраданіе къ несчастіямъ Византіи среди народовъ Европы. Благодаря глубокому чувству, его одушевлявшему, вопреки своей бездарности и литературному неумѣнію, авторъ достигаетъ своей цѣли: читателя трогаетъ въ такой же мѣрѣ бѣдствіе Византіи, какъ беспомощность и неумѣлость пѣвца ея паденія. „Rien n'est triste et navrant comme ce cri d'une nationalité souffrante“ ¹⁾. Его описаніе, переносащее читателей въ среду пострадавшихъ отъ ужасовъ паденія Византіи, болѣе способно тронуть сердца, чѣмъ всѣ искусственные цвѣты краснорѣчія, разсыпаемые въ рѣчахъ Энея Сильвія и Виссаріона. Авторъ въ своемъ произведеніи держится по возможности безпристрастной точки зрѣнія. Онъ признаетъ господство папы, къ которому обращается за помощью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далекъ отъ того, чтобъ осыпать упреками своихъ несчастныхъ соотечественниковъ за ихъ ереси и пороки, какъ это дѣлаютъ Дука и Леонардъ Хиосскій. Значеніе Θρήνος, какъ историческаго источника для изученія взятія Византіи турками, стоитъ невысоко; авторъ мало гово-

¹⁾ Выраженіе Эгжера.

рять о ходѣ осады, останавливаясь главнымъ образомъ на ужасахъ, сопровождавшихъ самое паденіе. Изъ сообщаемыхъ свѣдѣній нѣкоторыя неосновательны, а нѣкоторыя прямо баснословны, какъ, напримеръ, разказъ о судьбѣ императора Константина. Только два важныхъ свидѣтельства даетъ намъ авторъ *Θρήνος*: во первыхъ, сообщая общее число турецкихъ войскъ, при чемъ количество солдатъ, выставляемыхъ каждымъ округомъ, опредѣляется съ точностью, во вторыхъ, указывая на непрочность турецкаго господства во вновь завоеванной странѣ. По словамъ „Плача“, стоило только появиться западнымъ войскамъ, какъ въ Македоніи, Фракіи, Елладѣ возникнетъ восстаніе, и крестоносцы найдутъ прочную поддержку въ христіанскихъ подданныхъ турокъ. Подобная мысль въ послѣдствіи возникала неоднократно у лицъ, предпринимавшихъ походы противъ турокъ. Какъ извѣстно, знаменитый Ласкарисъ былъ посланъ на Балканскій полуостровъ съ тѣмъ, чтобы тамъ разузнать настроеніе христіанъ.

Отъ внутренняго содержанія *Θρήνος* обратимся къ формѣ, въ какую оно облечено. Поэма эта, какъ и всѣ политическіе стихи, написана ямбическимъ каталектическимъ триметромъ, но автору не удалось выдержать схему взятаго размѣра; многочисленныя отступленія и нарушенія правилъ метрики до такой степени уродуютъ стихъ, что иногда онъ съ трудомъ поддается скандировкѣ, а языкъ, представляющій чистую *ρωμαϊκή*, дѣйствуетъ на читателей утомительно своею безжизненностью, растянутостью и отсутствіемъ яркихъ поэтическихъ образовъ. Авторъ такъ далеко отстоитъ отъ писателей, стремившихся формою изложенія и чистотой слога не уступать древнимъ, что даже трудно предположить въ немъ литературное образованіе. Не могъ же онъ одинъ писать нарочно народнымъ языкомъ, когда всѣ его современники стремились подражать *Θουκιδиду* и другимъ столпамъ аттическаго краснорѣчія. Да и познанія его въ исторіи, на сколько мы можемъ видѣть, были не велики. Нѣсколько упоминаній объ Иракліѣ, Юстиніанѣ—и только. Единственно, гдѣ авторъ является сильнымъ—это въ перечисленіи народовъ и государствъ Европы, которые ему извѣстны почти всѣ, за малыми лишь исключеніями.

Для описанія разграбленія Византіи, помимо другихъ источниковъ, можетъ служить *Mathaei Cameriotae de Constantinopoli carta narratio lamentabilis*. Камаріота, извѣстный риторъ и философъ своего времени, родомъ изъ Фессалоникъ, былъ сыномъ священника, погибшаго во время паденія Византіи. Кромѣ этого письма о плачевной участи Цареграда, переписаннаго риторомъ Зигомалою въ его сочиненіи о

пораженіяхъ и опасностяхъ Византіи (Крузе, Туркогреція I, 76), отъ того же автора сохранились еще Synopsis риторической и восхваленіе трехъ іерарховъ Василія В., Григорія и Златоуста. Затѣмъ Камаріотѣ приписываются сохранившіяся въ рукописи сочиненія Mathaei Monachis et presbyteri Thessalonicensis de divina gratia et lumine adversus eos, qui creaturam dixere и Tractatus de eis, qui spuria et aliena docent in ecclesia. Narratio lamentabilis напечатана у Migne, т. 160, стр. 1059. Монодія о паденіи Византіи, составленная Андроникомъ, сыномъ Каллиста, замѣчательна не только со стороны литературной, но также и со стороны исторической. Помимо картины разоренія и опустошенія, которую представляла Византія, захваченная турками (что мы можемъ найти и въ другихъ источникахъ), мы находимъ тамъ описаніе стѣнъ, зданій и красоты Цареграда до его паденія. Самъ Каллистъ по свидѣтельству современниковъ обладалъ почти универсальнымъ знаніемъ и истиннымъ краснорѣчіемъ. Знаменитый Филельфо жалѣлъ, напримѣръ, что ему не удалось найти въ Византіи такого учителя. Жизнь свою, исполненную странствій, Андроникъ кончилъ во Франціи. Кромѣ монодіи на паденіе Византіи, ему принадлежатъ два трактата въ защиту философіи Платона и похвала Георгію Палеологу. Изданы всѣ они у Migne, т. 161, стр. 1131.

Γεωργίου Ἀμυροῦζη Ποιήματα, напечатанныя Лампромъ въ Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας. 1885, 2-й томъ, и его же письмо о разореніи Трапезунда (Migne, 161 томъ), любопытны не въ томъ отношеніи, что сообщаемая авторомъ характеристика султана истинна; на оборотъ, эта грубая лесть далека отъ правды, но самое появленіе подобныхъ хвалебныхъ сочиненій знаменательно, какъ доказательство того, съ какою легкостью часть византійскаго народа склонилась подъ турецкое ярмо.

По вопросу объ униі, исторія которой находится въ такой связи съ паденіемъ Византіи, мы имѣемъ источники въ изобиліи; для насъ въ особенности важны тѣ изъ нихъ, которые проливаютъ свѣтъ на отношеніе византійскаго народа къ униі; таковы сочиненія знаменитыхъ поборниковъ православія Марка Ефесскаго (Migne, Patrologia graeca, т. 160, стр. 1071 seq.), Георгія Схоларія (Migne, т. 160, стр. 1 seq.), а также противниковъ ихъ—Виссаріона Никейскаго и Иоанна Плузіадина (первый въ 161 т. Migne, а второй—т. 159 стр., 957 seq.). Сюда же примыкаютъ Κόρου Μανουήλ τοῦ μεγάλου ῥήτορος περὶ Μάρκου τοῦ Ἀγιωτάτου μητροπολίτου Ἐφέσου καὶ τῆς ἐν Φλωρεντία συνόδου καὶ περὶ Γεμιστοῦ καὶ Βησσαρίωνος καὶ ἀνατροπῆ τῶν δυσσεβῶν συγγραμμάτων αὐτῶν

(напечатано пр. Троицкимъ въ Христіанскомъ Читеніи 1886 г., т. II, стр. 102 сл.). Сочиненіе это, выражая воззрѣнія византійскаго общества на унию, даетъ любопытную характеристику главныхъ дѣятелей Флорентійскаго собора. По вопросу о смерти Луки Нотары имѣетъ значеніе Ιωάννου τοῦ Μόσχου λόγος ἐπιτάφιος ἐπὶ τῷ Δουκᾷ Νοταρᾷ, изданный въ Δελτιόν τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος 1887 г., т. II, стр. 413—424.

II.

Источники италіанскаго происхожденія.

Источники, проливающіе свѣтъ на исторію послѣднихъ дней Византійской имперіи, происхожденіемъ своимъ связанные съ Италіей раздѣляются на двѣ неравныя группы, изъ которыхъ первую составляютъ памятники документальнаго характера, тогда какъ вторую образуютъ повѣствованія, основанныя какъ на личномъ знакомствѣ, такъ и на разказахъ очевидцевъ. Къ первой менѣе многочисленной принадлежатъ слѣдующіе памятники: Договоръ Мехмета II съ Галатой, содержащійся впрочемъ въ хроникѣ Долфина, помѣщенъ въ III томѣ Acta et Diplomata Graeca Миклошича на стр. 287 сл.; въ 13-мъ томѣ Atti della società Ligure di storia patria, fasc. primo, 226 и сл. Genova. 1884.

Письма подесты Галаты Ломеллино (Atti, XIII. 229—233, Notices et extraits XI, 75—79, par Sacy) и Джустиніани, который былъ назначенъ генуезскимъ сенатомъ заступить мѣсто Ломеллино, но не успѣлъ сдѣлать этого по случаю взятія Византіи турками (письмо его помѣщено въ Atti, VI, 19—21). Въ XIII же томѣ актовъ важныя документы (стр. 222) относительно тревожныхъ вѣстей, приходившихъ изъ Византіи въ Геную въ 1452 году, и посланіе генуезскаго сената къ королю Арагоніи по поводу коалиціи противъ турокъ (стр. 224—226). Тамъ же помѣщены указы сената, коими Ломеллино и Джустиніани назначались на свои должности (стр. 224). Изъ источниковъ, напечатанныхъ у Migne (т. 160, стр. 1201 sqq.), достойны вниманія Nicolai Quinti Pontificis Maximi ad Constanti um Romanorum imperatorem epistula de unione ecclesiarum.

Изъ болѣе крупныхъ источниковъ италіанскаго происхожденія обращаетъ на себя вниманіе извѣстіе, полученное архіепископомъ Авиньонскимъ о паденіи Византіи, какъ потому что оно, не смотря

на свою важность и давнее появленіе въ печати, не привлекалось въ должной степени изслѣдователями при изученіи конца Восточной имперіи ¹⁾, такъ и потому, что взаимное отношеніе трехъ существующихъ редакцій не выяснено въ той мѣрѣ, въ какой это представляется желательнымъ.

Первая редакція на латинскомъ языкѣ напечатана Martin и Durand въ V томѣ *Collectio amplissima* (786 sq. Парижъ. 1729), вторая, французская, составляетъ вводную часть въ *Histoire de Charles VII par Chartier sous-chantre de S. Denys, mise en lumière par Denys Godefroy*, и наконецъ третья, также на французскомъ языкѣ, извлечена Лефевромъ изъ Камбрейскаго архива (*La prise de Constantinople, recit des deux marchands florentins. Revue des Sociétés Savantes, 2-me serie, VIII, 500—505*).

Самаго поверхностнаго сличенія этихъ источниковъ достаточно для того, чтобы на основаніи тождественности ихъ содержанія убѣдиться въ однородности ихъ происхожденія, а при болѣе тщательномъ изслѣдованіи является даже возможность, если не возстановить съ полною точностью ихъ взаимныя отношенія, то во всякомъ случаѣ отдѣлить оригиналь отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и переводовъ. *Tractatus de exurgatione urbis Constantinopolitanae*, превосходя остальные редакціи какъ по точности сообщаемыхъ свѣдѣній, облеченныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ болѣе совершенную литературную форму, такъ и по времени своего возникновенія непосредственно за описываемымъ событіемъ, послужилъ безъ сомнѣнія первоисточникомъ, изъ котораго путемъ передѣлокъ и переводовъ возникли позднѣйшія французскія редакціи, потому что признать ихъ оригинальными нельзя въ силу слѣдующихъ соображеній: во первыхъ, трудно допустить, если не умѣніе, то по крайней мѣрѣ желаніе со стороны флорентинца писать по французски въ то время, когда переписка, въ особенности дипломатическая, велась по латыни; во вторыхъ, въ пользу того же самаго говорятъ и болѣе позднее ихъ происхожденіе, которое доказывается приложеннымъ къ нимъ и отсутствующимъ въ *tractatus* письмомъ Мехмета II къ папѣ.

Впрочемъ представляясь въ главныхъ чертахъ тождественными по содержанію и согласными въ порядкѣ изложенія, редакціи эти въ

¹⁾ О немъ говоритъ вскользь Heud, который впрочемъ и не задается цѣлью дать полную картину осады и взятія Византіи турками. Цитуетъ его и Вастъ, не извлекая однако ничего существеннаго для пополненія своего разказа.

нѣкоторыхъ случаяхъ расходятся не до такой однако же степени, чтобы возникающія разнорѣчія не могли быть примирены безъ вреда для предположенія объ ихъ единствѣ. Таковъ именно вопросъ объ авторѣ. Лицо, писавшее *tractatus de expugnatione urbis Constantinopolitanae* говоритъ про себя въ послѣсловіи: *Ego igitur Simon de Ympegem hanc certificationem scedulam domino cardinali Avnionensi transmissam per Franconem de Twayr ad finem usque produxi in civitate Pisiensi in monasterio beati Ioannis Lateranensis anno domini 1453 in solemnitate Purificationis Mariae Virginis.* Кто же былъ авторъ? Импегемъ ли, подписавшійся подъ этимъ донесеніемъ, или другое лицо? Но Импегемъ монахъ, по видимому, не былъ въ стѣнахъ Византіи во время разоренія ея турками, иначе это обнаружилось бы въ разказѣ. Между тѣмъ повѣствованіе носитъ несомнѣнный характеръ личнаго свидѣтельства, и его авторъ не принадлежитъ къ духовному званію, потому что разказываетъ о грекахъ, не разражаясь по ихъ направленію упреками, подобно папистамъ Ленарду и Пускулу. Если усомниться разъ въ авторствѣ Импегема, то всего естественнѣе приписать разбираемья сочиненія флорентійцу Тедади, какъ потому что онъ является въ разказѣ дважды дѣйствующимъ лицомъ и притомъ сразу съ эпитетомъ *graepominatus*, хотя раньше о немъ не было никакой рѣчи, такъ и потому, главнымъ образомъ, что сходныя по содержанію французскія редакціи его именно называютъ своимъ авторомъ. Что касается до Импегема, то ему могла принадлежать литературная обработка и переводъ сказанія на латинскій языкъ, послѣ чего уже оно и было отправлено къ кардиналу Авиньонскому для пропаганды крестоваго похода противъ турокъ, какъ это можно заключить изъ 24 и 25 главы, гдѣ говорится о необходимости всеобщаго европейскаго союза противъ непожѣрно возросшаго могущества Мехмета II.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что изъ трехъ существующихъ редакцій оригинальнымъ нужно признавать только латинскій *tractatus de expugnatione urbis Constantinopolitanae*, то съ другой стороны, возможны значительныя разногласія относительно тѣхъ способовъ, какими на его почвѣ возникли французскіи *Relation* (въ хр. Шартъэ) и *Recit des deux marchands* (*Revue d. Soc. Sav.*). Казалось бы самымъ естественнымъ предположить, что *tractatus*, введенный сначала въ хронику Шартъэ, появился потомъ отдѣльно; но, такимъ образомъ, останется не объясненною значительная разница въ языкѣ обѣихъ французскихъ редакцій, изъ которыхъ *Recit* сохранился въ очень

испорченномъ видѣ, что особенно замѣтно въ искаженіи собственныхъ именъ, при чемъ вмѣсто Тедалди стоитъ Deceldy ¹⁾). Допустить ли самостоятельное параллельное возникновеніе на почвѣ tractatus и Recit, и Relation? Тогда какое объясненіе дать тому обстоятельству, что то и другое помѣщаютъ одинаково письмо Мехмета II? Сказать ли, что Recit предшествовалъ Relation по времени, но этому противорѣчитъ сжатость изложенія и испорченность языка, мѣшающія видѣть въ немъ источникъ для Шартье. Остается, на мой взглядъ, одно: вывести обѣ французскія редакціи изъ третьей, утраченной, въ основу которой легъ не только текстъ tractatus съ припиской имени автора, но также и письмо Мехмета къ верховному первосвященнику.

Хотя Лефевръ, издатель Recit, упомянувъ вскользь о существованіи въ камбрѣйской рукописи посланія завоевателя Византіи къ папѣ, не счелъ даже нужнымъ помѣщать его, считая завѣдомо апокрифическимъ, тѣмъ не менѣе отъ одного голословнаго утвержденія вопросъ еще далеко не представляется разрѣшеннымъ. Конечно, съ формальной стороны можетъ быть выставлено противъ подлинности памятника то искаженіе, какому въ немъ подверглись не только собственные имена, но даже самая дата (840 гиджра), по которой, письмо должно относиться къ 1441 г. послѣ Р. X., когда Мехметъ не вступалъ еще на престолъ. Но если, съ другой стороны, обратиться къ внутреннему содержанію письма, то оно даетъ несомнительныя свѣдѣтельства подлинности, конечно, не французскаго испорченнаго пе-

¹⁾ Tractatus.

Quadam vero pars (erat munita) ad modum Hungorum seu quorundam aliorum bellatorum pileis ferreis, quos galeas vocamus, sese tuebantur et ballistis arcubus, gladiis et diversi generis instrumentis defendere se videbantur. Residua vero pars ejusdem diabolici exercitus erat fere inermis hoc excepto quod quidam scuta ferebant aut peltas aut umbones, quorum multi erant mercatores...

Relation.

Et aucuns (avoient armes) à la guise de Bulgarie autres en autres façons et aucuns avoient chapeaux de fer et aucuns avoient arcs et crenequins. Les autres gens de fait étoient pour la plupart sans armes excepté qu'il avoient targes et targettes ou cimenterres, qui sont manière d'espés à la Turque...

Recit.

Les autres (étoient armés) à guise de Hongrie de coppiaux de fer et de crenequins et s'en y avoit sans armes, qui n'avoient fors targes et épés et tout le remenant qui suivoient pour gagner...

ревода, а оригинала, не дошедшаго до нашихъ дней. Вопервыхъ, тонъ изложенія, переполненнаго реминисценціями изъ классическихъ авторовъ, вполне соответствуетъ тому представленію о побѣдителяхъ Византіи, какъ о поклонникѣхъ древности, какое сложилось на основаніи согласныхъ показаній современниковъ. Въ вторыхъ, заключающіяся въ письмѣ историческія черты вполне соответствуютъ дѣйствительности, и въ третьихъ, попытка Пія II обратить Мехмета въ христіанство, въ письмѣ открывающаго ему заманчивыя картины безспорнаго и освященнаго церковью владычества надъ всѣмъ Востокомъ, могла имѣть своимъ основаніемъ не только слухъ объ уваженіи, съ какимъ относился побѣдитель Цареграда къ вѣроисповѣданію своихъ новыхъ подданныхъ, но также слова Мехмета о Христѣ, *le quel il réputé d'avoir été un tres grand prophète* (Hist. de Charl. par. Charlier, 280). Что касается до времени, къ которому должно приурочить это посланіе, то опредѣлить его возможно только на основаніи данныхъ, содержащихся въ немъ самомъ. Цѣль письма устранить христіанъ отъ участія въ начинавшейся венеціанско-турецкой войнѣ, показавъ, что вмѣшательство это не только неосновательно, такъ какъ, по мнѣнію Мехмета, у той и другой стороны не было причинъ къ взаимной ненависти, но вмѣстѣ съ тѣмъ сопряжено съ гибельными послѣдствіями для христіанъ, которые испытаютъ всю силу турецкой мести на поляхъ Италіи, подъ стѣнами самого Рима. Такимъ образомъ, время письма должно совпадать, во первыхъ, съ венеціанскою войною, а во вторыхъ, съ усиленными проповѣдями крестоваго похода противъ турокъ, какимъ годомъ всего удобнѣе счесть 1463, когда началась Венеціанская война (1463 — 1479), когда послѣ Мантуанскаго конгресса вслѣдствіе энергической дѣятельности Пія II христіанскіе государи, казалось, были готовы соединить свои силы для крестоваго похода, составляющаго вѣчный страхъ турокъ и надежду поработенныхъ ими народовъ. Къ тому же времени относится письмо Пія II къ Мехмету, которое нельзя не поставить въ связь съ разбираемымъ памятникомъ.

Вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ редакцій, о подлинности или подложности письма Мехмета, конечно, очень любопытны, но въ какую бы сторону они ни были разрѣшены, отъ этого не умалится значеніе сказанія Тедвалди, какъ историческаго источника. Помимо своей полноты и точности, его свидѣтельства приобрѣтаютъ особую цѣну еще потому, что записаны въ то время, когда всѣ обстоятельства были свѣжи въ памяти автора-очевидца. Во всѣхъ почти слу-

- чаяхъ сходствуя съ самыми надежными повѣствователями о разореніи Цареграда турками, источникъ этотъ не только подтверждаетъ, но и нерѣдко пополняетъ ихъ существеннымъ образомъ. Уступая Барбаро въ точности хронологическихъ показаній, сочиненіе Тедалди должно занять мѣсто рядомъ съ лѣтописью Франдзи.

Въ ряду сочиненій, описывающихъ паденіе Византіи занимаетъ важное мѣсто *Constantinopolis*, поэма въ четырехъ пѣсняхъ, принадлежащая Убертину Пускулу изъ Брешии. Издана она впервые въ 1856 году въ III томѣ *Analekten der mittel und neugriechischen Literatur* Еллисеномъ, которому и послужило однимъ изъ источниковъ при изслѣдованіи вопроса о разореніи Цареграда турками въ его предисловіи къ этому тому. Но ни Краузе, ни Вастъ, занимавшійся впоследствии этимъ вопросомъ, не обратили вниманія на поэму Пускула, хотя она помѣщена въ одномъ томѣ съ *Ἐρῆνος*, упоминаемомъ ими не разъ. Впервые послѣ Еллисена воспользовался этимъ источникомъ Миллеръ и то лишь по столыку, по скольку Пускулъ служить поясненіемъ Критуволу.

О жизни Пускула мы знаемъ очень мало. Родился онъ въ Италиі, въ Брешии занимался науками, для усовершенствованія въ которыхъ, подобно многимъ гуманистамъ, отправился въ Византію, гдѣ хранились сокровища древняго знанія, и попался въ плѣнъ туркамъ при взятіи ея. Онъ самъ говорить:

(IV пѣснь конецъ) *Brixia me genuit civem: Ubertinum Puscula honesta
Gens tulit; haec ausus talia, quae cecini
Me Constantini studiis urbs dulcis habebat
Cum cecidit bello; barbaro praeda fui.*

Освободившись изъ плѣна, Пускулъ вернулся въ свой родной городъ, гдѣ сдѣлался преподавателемъ греческаго языка. Современники удивлялись его дарованіямъ, утверждая, что „небо надѣлило его многими рѣдкими талантами, которыми онъ увѣковѣчитъ свое имя“.

У себя на родинѣ Пускулъ рѣшилъ воспѣть претерпѣнныя имъ несчастья въ полной увѣренности, что событія, свидѣтелемъ которыхъ ему довелось быть, нимало не уступаютъ въ величіи сюжетамъ Вергилія и другихъ древнихъ поэтовъ ¹⁾). Пускулъ не рѣшается од-

¹⁾ *Puscul.*, I, 11: *Non antiqua canas jubeo, nam vidimus ipsi
Excindi magnum imperio belloque potentem
Sublatamque urbem insignem, manibusque cadentem
Teucrorum, quos ipsa prius subjeeerat armis.*

нако идти самостоятельнымъ путемъ, избирая предметомъ подражанія того же Вергилія и отчасти Гомера; напримѣръ, въ перечисленіи войскъ султана ¹⁾ замѣтно сильное вліаніе Гомеровскаго каталога кораблей; еще дальше заходить нашъ поэтъ въ подражаніи Вергилію, изъ котораго онъ заимствуетъ не только отдѣльные вараженія и образы, но прямо цѣлыя стихи. Самостоятельно же Пускулъ не создалъ ни одной художественной картины, не далъ ни разу удачнаго выраженія тому чувству горечи, какое невольно должно было возникать въ душѣ его при воспоминаніи о пережитыхъ страданіяхъ. Стихотворная форма, избранная авторомъ изъ подражанія древнимъ, не только не помогла ему стать поэтомъ, но даже способствовала затемненію многихъ историческихъ чертъ, какія мы нашли бы иначе въ его сочиненіи. Ради желанія, напримѣръ, вставить поэтическое мѣсто, заимствованное у другихъ, Пускулъ разказываетъ въ десятка къ стиховъ о ничтожномъ происшествіи, тогда какъ по неволѣ умалчиваетъ и упоминаетъ кратко о важныхъ происшествіяхъ, если они трудно укладываются въ стихъ. Замѣна новыхъ названій мѣстностей и народностей тѣми, какія носили онѣ въ древности, затрудняетъ пользованіе его богатыми географическими и этнографическими указаніями. Тѣмъ не менѣе, поэма Пускула какъ историческій источникъ имѣетъ важное значеніе, принадлежа перу человѣка, который принималъ непосредственное участіе въ описанныхъ имъ происшествіяхъ. Онъ самъ говорить о себѣ.

Haec ego dira saenam, nam pars ego parvula quamvis
Exitii, raptusque locos invitus ad omnes
Praeda fui.

Pusc., I, 37.

У Пускула мы находимъ много такихъ историческихъ указаній, какихъ нѣтъ въ другихъ источникахъ, въ особенности это можно сказать относительно вопроса объ униіи. Много разъ поэма Constantiopolis подтверждаетъ свидѣтельства другихъ источниковъ, стоявшихъ доселѣ одиноко. Все повѣствованіе вообще представляетъ полную и широко очерченную картину паденія Византіи и его причинъ. Авторъ однако не отличался безпристрастіемъ при составленіи этой поэмы, которую онъ, какъ ревностный католикъ, посвятилъ папѣ ²⁾.

¹⁾ Pusc. IV, 9.

Dic mihi, Musa, quibus terris coire tot armis
Instructi varii populi tot dissona voce
Agmina in excidium Grajorum nominis unum.

²⁾ Pusc. I, 33—36.

Выставляя унію, какъ событіе неразрывно связанное съ разрушеніемъ Цареграда турками, Пускуль смотритъ на все съ точки зрѣнія въ высшей степени враждебной грекамъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ страстныхъ выраженіяхъ за ихъ лицемерное, недобрычливое отношеніе къ папѣ, вызвавшее неискренность и неохоту, съ какою Западъ въ свою очередь помогалъ Византіи. Ни одинъ изъ источниковъ не запечатлѣнъ въ такой мѣрѣ приторнымъ раболѣпствомъ передъ папою и нелюбовью къ византійцамъ. Теряя въ исторической правдѣ, поэма Пускула пріобрѣтала такимъ образомъ единство содержанія. Мысль, что Богъ наказалъ Византію за ея прегрѣшенія, а главное за схизму, развиваемая послѣдовательно во всемъ сочиненіи, придаетъ ему стройность и внутреннюю связь. Одно только заключеніе ни по своему содержанію, ни по объему не соотвѣтствуетъ ходу всего разказа, вслѣдствіе чего сочиненіе имѣетъ видъ какъ бы прерваннаго и не доведеннаго до своего настоящаго конца. Впрочемъ это можно объяснить и тѣмъ, что авторъ, по видимому, не успѣлъ придать окончательной отдѣлки своимъ стихамъ.

Изъ другихъ сочиненій Пускула извѣстны: „Видѣніе пророка Даніила“ и „Profetio praedicta de libello graeco vetustissimo“.

Въ числѣ источниковъ для описанія взятія Византіи турками можетъ служить также воззваніе *Universi Christi fidelibus* знаменитаго Исидора ех-митрополита Русскаго, кардинала Сабинскаго, а впоследствии Греческаго вселенскаго патріарха, ставленника папы. Воззваніе это, умоляющее всѣхъ христіанъ опоясаться мечомъ въ защиту погибающей христіанской вѣры, подобно многимъ другимъ воззваніямъ, которыя дѣлались во время Николая V, Калиста III и Пія II съ ихъ преемниками, когда проповѣдывался крестовый походъ противъ мусульманъ. Но каждая историческая черта, сообщаемая намъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей совершившихся событій, пріобрѣтаетъ для насъ особую цѣну, не только сама по себѣ, но также какъ способъ провѣрить слова другихъ историковъ паденія Византіи. Воззваніе это издано у Migne, *Patrologia Graeca*, 159, 953 (подъ заглавіемъ: *Isidorus cardinalis Ruthenus, episcopus Sabinensis Legatus pontificis universi Christi fidelibus*) и, какъ замѣчаетъ Вастъ, видѣвшій рукопись, довольно небрежно; издателемъ вставлены цѣлыя слова, сама помѣтка о времени написанія болѣе чѣмъ странна: 1452 г.

Къ числу такихъ же источниковъ, какъ воззваніе Исидора, но меньшей, однако, цѣны, какъ не принадлежащія перу очевидцевъ, относятся переписка и рѣчи кардинала Энея Сильвія Пикколомини,

впослѣдствіи папы Пія II, и Виссаріона, знаменитаго архіепископа Никейскаго, кардинала Римской куріи и преемника Исидора на тронѣ Константинопольскаго патріарха, поставленіемъ папы (см. о немъ соч. Садова и Васта). *Graecorum latinissimus et Latinorum graecissimus*, Виссаріонъ, живя въ Римѣ, никогда не прерывалъ сношеній со своею родиной, за судьбой которой онъ слѣдилъ всегда неослабно и, конечно, въ совершенствѣ зналъ ея послѣдніе горестные дни. Эней Сильвій Пикколомини находился во время паденія Цареграда въ Венгріи (письмо 169), когда достигла до него страшная вѣсть о разореніи Цареграда турками, и потому могъ знать его подробности не изъ однихъ только италіанскихъ, но также изъ венгерскихъ источниковъ, ибо связи Венгріи съ Византіей были очень живы и крѣпки вслѣдствіе борьбы противъ одного общаго врага, турокъ ¹⁾.

Виссаріонъ и Піи II принадлежали къ числу самыхъ ревностныхъ поборниковъ крестоваго похода противъ турокъ. Они стремились къ этой цѣли всѣми средствами, вліяніемъ, связями, деньгами, дипломатическимъ искусствомъ и словомъ, письменнымъ и устнымъ. Въ рѣчахъ, которыми старались они воспламенить души христіанскихъ государей, равнодушно смотрѣвшихъ на ростъ мусульманскаго и умаленіе христіанскаго могущества, тамъ и сямъ разсыпаны драгоценныя свѣдѣнія о силѣ и устройствѣ турецкаго войска, о разореніи Византіи, о разграбленіи ея и о похищенныхъ святыняхъ, о поведеніи ея жителей, объ отношеніи Европы къ совершившимся событіямъ.

Собраніе сочиненій Виссаріона находится въ 161 томѣ Патрологіи Мина, гдѣ впрочемъ не помѣщено письмо того же Виссаріона къ Венеціанскому дожу съ извѣстіемъ о разореніи Цареграда турками. Вслѣдствіе чего Vast, считая этотъ памятникъ не изданнымъ, напечаталъ его въ своихъ приложеніяхъ, 454—456; но онъ ошибся, потому что письмо это обнародовано еще Muratori въ 25 томѣ *Regum Italicarum Scriptorum*, какъ часть сочиненія неаполитанца Порчеллари о Сципіонѣ Пичинини (35—38).

Письма Энея Сильвія Пикколомини изданы въ 1496 г. у Амбросія

¹⁾ Судя по смыслу, какую дѣлаетъ Peter di Reva въ своихъ центуріяхъ *de Monarchia et S. Corona Regum Hungaricarum* (*Reg. Hung. Script. Schwandtner*, II, ст. 668) можно думать, что перу Энея Сильвія принадлежало болѣе цѣльное описаніе разоренія Цареграда турками. Было ли это отдѣльнымъ трудомъ или входило какъ составная часть въ другое сочиненіе—мы не извѣстно. У Voigt's въ его живнеописаніи Пикколомини по этому предмету свѣдѣній нѣтъ.

Архонта въ Миланѣ; другія сочиненія въ „*Pri Secundi Pontificis Magni commentarii rerum memorabilium, quae temporibus suis contigerunt.* Франкфуртъ. 1614.

Изъ числа италіанскихъ источниковъ первое мѣсто принадлежитъ безспорно *Giornale dell' Assedioidi Constantinopoli*, веденному во время самыхъ событій знатнымъ венеціанцемъ Николаемъ Барбаро, какъ о томъ свидѣтельствуеъ начало и заключеніе его дневника, гласящее: „Находясь лично въ несчастномъ Константинополѣ, авторъ рѣшился записать все случившееся при нападеніи Мехмета бей, сына Мурата, нападенія, послѣ котораго онъ овладѣлъ названнымъ городомъ; а чтобы можно было понять, какимъ образомъ онъ былъ взятъ, будетъ сказано сначала, откуда возникла война турокъ и грековъ, а потомъ по порядку пойдетъ повѣствованіе о битвахъ, бывшихъ изо дня въ день отъ начала (осады) до самаго печальнаго и горестнаго его взятія“. Замѣчательная точность, съ которою Барбаро отмѣчаетъ по днямъ всѣ происшествія борьбы турокъ съ греками, составляетъ самую сильную сторону его сочиненія, какъ историческаго источника, послужившаго краеугольнымъ камнемъ при восстановленіи хронологіи обороны Византіи. Каждое показаніе *Giornale* заслуживаетъ почти безусловнаго довѣрія, потому что его авторъ держится правила говорить только о близко извѣстныхъ ему предметахъ, лицахъ и событіяхъ, отчего, съ другой стороны, онъ по неволѣ грѣшитъ нѣкоторою односторонностію. Находясь на венеціанскихъ корабляхъ, Барбаро всего ближе могъ знать ту роль, какую играли въ паденіи Византіи италіанскіе народы, и, дѣйствительно, этому предмету въ сочиненіи отводится главное мѣсто: дается списокъ именъ всѣхъ венеціанцевъ, принимавшихъ участіе въ оборонѣ города, говорится о числѣ ихъ кораблей, точно воспроизводятся всѣ условія и переговоры, въ силу которыхъ они остались на службѣ императора Константина; за то, напримѣръ, объ уни, стѣнахъ Цареграда, диспозиціи греческихъ и турецкихъ войскъ сообщаются только самыя общія свѣдѣнія, неполнота которыхъ именно и проистекаетъ изъ того обстоятельства, что они наименѣе могли быть извѣстны автору, находившемуся во время осады на морѣ, а не на сушѣ.

Настроенъ Барбаро въ высшей степени враждебно мусульманамъ и сочувственно грекамъ, къ которымъ онъ отнюдь не питаетъ ненависти, дышащей на каждой строкѣ сочиненій сторонниковъ уни.

Единственный предметъ, о которомъ Барбаро не можетъ говорить равнодушно, это—*sani traditori de Zenovezi*; къ нимъ онъ проник-

нутъ глубокою ненавистью, какъ подобаеть истому венеціанцу; на нихъ онъ готовъ клеветать, лишь бы только очернить ихъ въ глазахъ читателей.

Сказаннымъ опредѣляется первостепенное значеніе дневника Барбаро, какъ историческаго источника, незамѣнимаго руководства для возстановленія послѣдовательности событій.

Сочиненіе Барбаро написано древневенеціанскимъ нарѣчіемъ, значительно разнящимся отъ тосканскаго, что затрудняетъ его пониманіе. Слогъ сухой и простой, вполне соотвѣтствующій дѣловому характеру изложенія, представляющаго изъ себя скорѣе родъ донесенія, нежели исторію.

Дневникъ Барбаро изданъ впервые Генрихомъ Корнетомъ подъ заглавіемъ: *Giornale dell'assedio di Constantinopoli*. Vienna. 1856. Изданіе, сдѣланное по рукописи библіотеки св. Марка, снабжено примѣчаніями не особенно впрочемъ полными и точными; важнѣе ихъ приложение, содержащее въ себѣ выписки изъ *Libri Secretorum* въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія даютъ свѣдѣнія относительно осады Византіи турками и событій, ей предшествовавшихъ.

Письмо Лавро Квирины къ папѣ Николаю V о паденіи Византіи, изданное въ Венеціи 1752 Agostini, по свидѣтельству Васта, есть важный источникъ по исторіи этой эпохи, хотя и не принадлежитъ перу очевидца. Къ сожалѣнію, изданіе это составляетъ библіографическую рѣдкость, такъ какъ Васту, занимавшемуся во многихъ библіотекахъ Франціи и Италіи, удалось найти его только въ книгохранилищѣ св. Марка, почему и я могу указать на него лишь для полноты обзора.

Отрывокъ изъ венеціанской хроники Долфина (*Z. Dolfin*)¹⁾, касающейся разоренія Цареграда турками, имѣетъ важное значеніе для изученія этого вопроса, заключаая въ себѣ много такихъ свѣдѣній, какихъ мы не находимъ въ другихъ источникахъ. Главною основой для разказа Долфину послужило письмо Леонарда Хюсскаго, значительно, однако, передѣланное и дополненное. Долфинъ выпускаетъ всѣ богословскія разсужденія Леонарда, устраняетъ все то, что запечатлѣно если не ненавистью, то во всякомъ случаѣ враждебностью къ византіяцамъ, ибо подобныя нападки, объяснимыя въ

¹⁾ *Cronaco di Venezia* auctore Zorzi Dolfin находится въ библіотекѣ святаго Марка; выписка сдѣлана извѣстнымъ Thomas'омъ въ *Sitzungsberichte der Königlischen Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München*. 1868. Band II.

устахъ Леонарда, яраго паписта, звучали бы странно, исходя отъ одного изъ венеціанцевъ; не смотря на столкновения, неизбежныя при частыхъ сношеніяхъ, Венеція относилась въ общемъ очень дружелюбно къ Византіи, питая къ ней „дочернее“ чувство. Въ передачѣ Долфина изъ письма Леонарда остается лишь одно существенное, благодаря чему повѣствованіе выигрываетъ въ занимательности. Недовольствуясь тою канвой, которую составляли для него свѣдѣнія, даваемые Леонардомъ, Долфинъ старается дополнить и развить отдѣльныя части своего изложенія, какъ на основаніи другихъ источниковъ (Филиппъ да Римаго, Лангусто), такъ и собственнаго знакомства съ исторіей Венеціи. Заботясь объ интересѣ своего разказа для читателей, Долфинъ приводитъ текстъ договора, заключеннаго Мехметомъ съ Перой, потому что всякій вопросъ, касающійся соперниковъ-генуезцевъ, былъ близокъ сердцу венеціанцевъ.

Вотъ въ этихъ-то дополненіяхъ и заключается главная цѣна хроники Долфина, какъ источника для изученія взятія Византіи турками. Благодаря имъ, мы имѣемъ, напримѣръ, удачную и въ высшей степени любопытную характеристику Мехмета II, заимствованную изъ не дошедшаго до насъ сочиненія Лангусто. Изъ нихъ мы черпаемъ свѣдѣнія о томъ, какъ рѣшили венеціанцы послать Византіи вспомогательную эскадру, какъ снаряжали ее и кого поставили во главѣ; чтò исполняетъ и оживляетъ сухія данныя дипломатической переписки и актовъ венеціанскаго сената (*Libri Secretorum*). Въ яркихъ краскахъ описываетъ намъ эта хроника, съ какимъ трепетомъ ожидали въ Венеціи вѣстей изъ Византіи, каковъ былъ взрывъ всеобщаго негодованія противъ сената, своимъ недовѣріемъ доведшаго до гибели Цареградъ.

Долфинъ не обладалъ, однако, талантомъ на столько, чтобы составить изъ собранныхъ свѣдѣній вѣчто цѣлое, единое; въ его передачѣ каждое извѣстіе не теряетъ того облика, какой данъ былъ ему авторомъ; швы между различными выписями видны ясно. Долфинъ доводитъ свою небрежность до такой степени, что не затрудняется приводить два противорѣчащихъ показанія объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ то время, когда Томасъ издавалъ свои извлечения изъ хроники Долфина, текстъ Леонарда Хюсскаго находился въ плачевномъ положеніи ¹⁾. Обстоятельство это помѣшало Томасу

¹⁾ Въ то время существовали лишь изданія XVI столѣтія: Базельское и Франкоуртское.

опредѣлеть степень зависимости, въ какой Долфинъ находится по отношенію къ Леонарду ¹⁾, и заставило придавать этой хроникѣ значеніе равное дневнику Барбаро. Преувеличенность такого мнѣнія объясняется вообще пристрастіемъ ученыхъ къ источникамъ, ими впервые открытымъ. Извѣстія Леонарда Хюсскаго въ италян-

¹⁾ Для того, чтобы доказать справедливость своего мнѣнія о зависимости Доленна отъ Леонарда, я попытаюсь разобрать по главамъ, откуда Доленнъ черпалъ свои свѣдѣнія:

I. Come venne nova chel Turco se preparava alla expugnation de Constantinopoli, стр. 1 (*Munch. Sitzung ber.* 1868, В. II). Свѣдѣніе самостоятельное, потому что Доленнъ пишетъ о всемъ, происходившемъ въ Венеціи, не нуждаясь въ замѣтваніи изъ другихъ источниковъ.

II. Come Stephano Porcario fece novita in Roma contra il papa (2), равно какъ и III Come fu decreto armar gallie 15 et do navi de mandar in auxilio a Constantinopoli (3,4) извѣстіе очень любопытное и самостоятельное.

IV. Come el Turco havea edifica un castello in bocca del Bosphoro e la nave che pericolo (4,5) замѣтвано, вѣроятно, изъ Филиппа да Римаго, какъ онъ самъ даетъ понять ниже, V.

V. Come fu lo excidio di Conetantinopoli et a che modo (6,7). Характеристика Мехмета, замѣтванная изъ Жакolio Лангусто Венеціанца, и указаніе авторовъ, описавшихъ паденіе Византіи (Леонардъ, епископъ Митиленскій, и Филиппъ да Римаго, съ острова Корфу).

VI. Come el Turco venne a Sampo a Constantinopoli cum trecenta milia combattenti (8,9) переведено изъ Леонарда Хюсскаго съ тою только разницею, что Апрельскіе Ноны замѣнены 5-мъ апрѣлемъ, кромѣ того, сдѣлано нѣсколько сокращеній.

VII. Come fu data la bataglia a Constantinopoli, 9, 10, 11 страницы есть переводъ съ 237, 238, 239 стр. Леон. Хюсскаго. 12-я переведена съ 240-й, при чемъ выпущена большая часть того, что Леонардъ говоритъ объ убитъ; въ замѣнъ того, подробнѣе развита мысль Леонарда о томъ, что, переправляя корабли по суку, Мехметъ подражалъ венеціанцамъ. Доленнъ приводитъ даже имена совершившихъ его венеціанцевъ, чего нѣтъ у Леонарда.

VIII. Come el Turco fece expugnar che socorrevano Constantinopoli de formento (13 и 14), стр. 241 и 242 Леонарда.

IX. Come venne discension tra Veneti et Genovesi (15). Разказъ о столкновеніи венеціанцевъ съ генуэзцами излагается болѣе подробно нежели Леонардомъ, 242—243 стр. Доленнъ приводитъ имена капитановъ кораблей. Экспедиція же съ цѣлью поджечь турецкіе корабли и мирными предложеніи турокъ описаны по Леонарду.

X. Come quelli di Constantinopoli preparavano la statione per la battaglia general voleva et Turco (16, 17) и

XI. Come furono molti prodigii avanti el perder de Constantinopoli. Эти двѣ главы съ особенною яркостью обличаютъ несамостоятельность автора, приходящаго своимъ извѣстіямъ безъ всякой критики. На стр. 17 Доленнъ излагаетъ

своей обработкѣ Долфина могутъ играть относительно латинскаго текста ту же роль, какую играетъ италіанскій переводъ Дучи относительно греческаго подлинника, давая возможность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправлять его, въ особенности въ собственныхъ именахъ, сохранившихся лучше въ италіанизированной формѣ.

диспозицію греческихъ войскъ, вѣроятно, по Филиппу да Римано (свѣдѣніа, которыя въ данномъ случаѣ совпадаютъ съ показаніями Пускула). На страницѣ 19 Долфинъ опять обращается къ Леонарду и выписываетъ отъ него также диспозицію, не замѣчая, что она противорѣчитъ приведенной раньше. Въ остальномъ содержаніи этихъ главъ опять слѣдуетъ Леонарду.

XII. Come el Turco fece consejo cum li sui avanti desse la battaglia a Constantin—li, 23, см. Lion. Q., 249.

XIII. Come il Imperador fu avisato del dar de la battaglia et come il Turco proclamò Cons—li a sacho, 24. Въ виду того, что этотъ небольшой отрывокъ можетъ служить мѣриломъ отношеній Долфина къ Леонарду, я приведу латинскій подлинникъ и его италіанскую передачу.

Leon. 250.

Itaque ut Collibascia, senior consularis complacuisse regi Zagani aemulatoris sui consilium intellexit, definitumque esse certamen, internunciis admodum fidissimis, ut amicus Imperatori cuncta, denuntiat. Hortatur, ut non expavescat tumultuissimi adolescentis insanium, nec terrere nimis eorum, qui magis timuissent nec inductiore multitudine commoveri. Custodes sint vigiles et pugnam perseverantes expectent. Frequentes enim epistolae ad Imperatorem ex Collibascio portabantur.

Z. Dol. 24.

Come Collibascia, vecchio consejo intese che consejo de Xagano bassa suo emulator havea inclinato el animo del signor a definir a zorno, che se doveva dar la battaglia, allhora per fidati nuncio, come amico de christiani, tutto la deliberation, tutto fa note al imperador, confortando quello non se impaurisca de tal Emulentissimo signor, ne per tal minaze impaurisse contra multitudine inexperta et facia far boni guardie per tute le station, expectando el di de battaglia. De qual bassa spese lettere al imperador veguiavano porte.

XIV. Come fu data la battaglia general a Constantinopoli, 24, 25, переведено съ 250 стр. Леонарда.

XV. Come lo imperador exhorto tutti le christiani esser de bono animo, 27 и 29.

XVI. Come se persa la citta Constantinopoli et mori lo imperador. Какъ и предшествовавшій отрывокъ переведенъ изъ Леонарда 250—254 стр.

XVII. Come fu sacconata la citta, 30. Составлено по Леонарду, хотя есть и дополненія, напримѣръ, розыски трупа императора.

XVIII. Come el Turco celebra sue festi in Cons—li et fu accusato Callibassa esser amico de Greci et quello successe (32). О судьбѣ Нотары прямо переведено изъ Леонарда, о смерти Минотто, венеціанскаго консула, скавано подробнѣе.

XIX. Come el grand Turco fece uno privilegio a Genovesi per haverli date Pera, 35. Свѣдѣніе или самостоятельное, или заимствованное отъ Филиппа да

Кромѣ названныхъ сочиненій, имѣющихъ первостепенную важность для изученія послѣднихъ дней Византіи, въ современной, а отчасти и въ послѣдующей италіанской литературѣ сохранился цѣлый рядъ, какъ полныхъ повѣствованій о разореніи Цареграда, такъ и отдѣльныхъ замѣтокъ, любопытныхъ конечно для изслѣдователя, но далеко не имѣющихъ равной цѣны съ главными источниками, такъ какъ обыкновенно основаніемъ имъ служитъ не личное свидѣтельство, а устное или письменное преданіе изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Въ этомъ разрядѣ источниковъ выдѣляется отрывокъ *Vitae ducum venetorum* въ *Regum italicarum scriptores*, гдѣ авторъ ихъ Марино Сануто описываетъ гибель Константинополя не только по Долфину, на котораго ссылается мелькомъ: *Jo vedi in scopica Dolfini*, но также на основаніи другихъ источниковъ, напимѣръ, въ перечисленіи венеціанцевъ, убитыхъ турками, въ чемъ онъ сходствуетъ съ Барбаро.

Въ сборникѣ Сансовино *Dell' historia universale dell' origine et imperio de Turchi nella quale si contengono tutte le guerre fatte da quella nazione con la veteri particolarmente dei principi ottomani. Venezia. 1560*, важнѣе другихъ та часть сочиненія Камбини, которая посвящена взятію Византіи турками, тѣмъ болѣе, что авторъ, по замѣчанію составителя, въ особенности былъ свидѣцъ въ вопросахъ, касающихся судьбы Цареграда. Хотя разказчика отъ описываемыхъ имъ событій отдѣляетъ не менѣе 68 лѣтъ, хотя занимающему насъ вопросу тамъ удѣлено только 6 страницъ довольно впрочемъ убористой печати, оно не вполне недостойно вниманія изслѣдователя, прибавляя нѣсколько чертъ къ общей картинѣ борьбы грековъ съ турками, чертъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что справедливость ихъ подтверждается какъ показаніями другихъ источниковъ, такъ и археологическими изслѣдованіями стѣнъ Византіи. Разказъ, не смотря на свой общій характеръ, носитъ слѣды несомнѣнной оригинальности, отнюдь однако не выражающейся отступленіями отъ истины и вымысломъ автора. Только въ одномъ вопросѣ Камбини грѣшитъ противъ истины, бросая неблагоприятную тѣнь на послѣдніе дни импе-

---

Римано. Содержаніе договора приведено точно, не вѣрна лишь дата по замѣчанію Гейда.

XX. Come venne la nove a Venezia, 'come era perso C—li.

XXI. Come fu fatto legato al Turco per veder de far la pace (38).

XXII. Come papa Nicolo manda ad armar 5 gallie a Venezia per mandar contra Turchi (38). Свидѣнія самостоятельныя и очень любопытныя, въ особенности XX.

ратора Константина. Подобное отступленіе не лишено впрочемъ своей доли важности, потому что имъ измѣряется степень распространенности подобнаго же показанія Дуки. Впрочемъ въ той же Флоренціи, гдѣ жилъ Камбини, существовали и другія болѣе благоприятныя извѣстія для памяти послѣдняго Византійскаго императора. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ развернуть того же Сансовина, помѣстившаго *Discorso di Theodoro Spanugino Cantacusino dell origine de principj Turchi*, гдѣ мученическая кончина императора изображается очень подробно и сочувственно. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ Кантакузинеъ, писавшій въ понтификатъ Клемента VII, по краткости сообщаемыхъ свѣдѣній и по отдаленности своей отъ описываемыхъ происшествій, стоитъ еще ниже Камбини.

Относительно внутренняго состоянія Византіи на канунѣ ея гибели и мѣръ, принятыхъ для предотвращенія грозившей ей опасности, сохранилось очень немного данныхъ, почему для восстановленія полноты картины изслѣдователь необходимо долженъ пользоваться всѣми указаніями, находящимися въ тогдашней литературѣ, независимо отъ ихъ размѣровъ. Къ числу такихъ указаній относятся и слова знаменитаго Макиавели (*Parole da dirle sopra la provisione del danajo. Antologia di Firenze, 1822, tomo VII, pag. 3—10*), увѣщавшаго флорентійцевъ согласиться лучше на всяческія жертвы для спасенія отечества, пока еще есть время, и не слѣдовать примѣру византійцевъ, не захотѣвшихъ по приглашенію императора расстаться съ деньгами для обороны роднаго города. Такой же примѣръ выставляетъ и *Vespasiano di Filippi* въ *Lamento d'Ofranto* (*Archivio Storico Italiano, IV т., 1848*), желая заставить опомниться итальянцевъ, „видя не видащихъ и слыша не слышащихъ“ той грозы, которая на нихъ надвигается со стороны турокъ. Извѣстія эти цѣнны не только сами по себѣ, но также какъ дополненіе недостаточнаго показанія Іоанна Моска въ его надгробномъ словѣ Лукъ Нотарѣ.

III.

Турецкіе источники.

Турецкое сказаніе, переведенное Мордтманномъ изъ Евдія Челеби, важно не только своею фактической стороною, сколько тѣмъ, что въ немъ ясно и точно отразилось то впечатлѣніе, какое произвело на умы побѣдителей великое событіе, составлявшее чаяніе всего мусуль-

манскаго міра. Народная фантазія, работавшая надъ разукрашеніемъ завоеванія Цареграда, неизмѣнно оставила только основу событія, съ остальнымъ же поступила по своему произволу. Сверхъестественный элементъ занялъ важное, чуть не первенствующее мѣсто; одни происшествія оставлены въ тѣни, тогда какъ другія, менѣе важныя, выдвинулись на первый планъ. Наконецъ, третьимъ событіямъ приданъ совсѣмъ не тотъ видъ, какой они имѣли въ дѣйствительности, а тотъ, какой должны были бы имѣть для вышшаго удовлетворенія турецкаго національнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ сказаніи мы находимъ нѣсколько фактовъ, не противорѣчащихъ исторической дѣйствительности; таковы, напримѣръ: 1) построеніе крѣпости на Босфорѣ: число два не вѣрно; 2) обложеніе города турками и способъ осады; 3) полученіе турецкими войсками постоянныхъ подкрѣпленій; 4) перевозъ судовъ по суши; 5) неудачный для турокъ ходъ осады; 6) появленіе галеръ на помощь городу; 7) смерть императора при взятіи Византіи турками; 8) обращеніе Агіа Софія въ мечеть и пр.

Сеадъ-Эддинъ въ своей „Оттоманской исторіи“ даетъ краткое описаніе событій 1453 года, черпая свои свѣдѣнія изъ хроника Тарициель-и Отманъ. Первый переводъ этой хроники на французскій языкъ относится къ 1740 г. и принадлежитъ Галланду, италіанскій переводъ — Браттутти 1649—1652 гг., латинскій — Kollar Keresten 1755 г.; отдѣльный отрывокъ о паденіи Византіи переведенъ Garcin de Tassy въ 1826 г., и Клаусе съ французскаго на вѣмецкій, какъ приложение къ его статьѣ о паденіи Цареграда.

IV.

Источники славянскаго происхожденія.

Въ ряду источниковъ о взятіи Цареграда, имѣющихъ славянское происхожденіе, первое мѣсто занимаетъ историческая повѣсть объ этомъ событіи, написанная Искиндѣромъ. Эта повѣсть о разореніи Цареграда турками, напечатанная много разъ, впервые помѣщена въ Царственномъ Лѣтописцѣ (1772 г., ст. 306 — 358); затѣмъ въ лѣтописи по Никонскому списку (1789, V, 222—277) и кромѣ того, почти всею полнотью вошла въ изданную Новиковымъ въ 1767 г. книгу, подъ заглавіемъ: „Скинская исторія, содержащая въ себѣ: о названіи Скиѣи и границахъ ея; о народѣхъ скинскихъ, о началѣ и умноженіи

Золотыя орды и царѣхъ, бывшихъ тамо; о Казанской ордѣ и царѣхъ ихъ по взятіи города Казани; о Перекопской ордѣ или Крымской и о царѣхъ ихъ; о Мохаметѣ, прелестникѣ Агарявскомъ и о прелести, вымышленной отъ него; о началѣ Турокъ и о султанахъ ихъ съ приложеніемъ повѣсти о поведеніи и жительствѣ Турецкихъ султановъ въ Константинополѣ; изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, паче же изъ російскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей отъ Андрея Лызлова прилѣжными трудами сложена и написана лѣта 1692^г.

Въ предисловіи къ этому изданію Новиковъ говоритъ, что „учинено оное съ наилучшими списками изъ всѣхъ тѣхъ, которые я имѣлъ и которые мнѣ ведѣть случалось. Сей списокъ находится въ Москвѣ въ патриаршемъ книгохранилищѣ, написанный изряднымъ и чистымъ стариннымъ почеркомъ въ листъ. Я рѣшился предпочесть его другимъ спискамъ наипаче по подписи, что оный самимъ сочинителемъ отданъ въ книгохранилище“.

Лызловъ строитъ свой разказъ на основаніи свѣдѣній, добытыхъ изъ русскихъ и польскихъ источниковъ, лѣтописей, Степенной Книги, Житій святыхъ, сочиненій Гвагнина, Бѣльскаго, Кромера, Стрыйковскаго и другихъ, пользуясь ими съ замѣчательною точностію и добросовѣстностію, никогда не выдавая чужаго за свое, всегда указывая въ примѣчаніяхъ, откуда дѣлается выписка. Такъ какъ нѣкоторые изъ его источниковъ для насъ утратились, то тѣмъ самымъ извлеченія приобрѣтаютъ особую цѣну, сохраняя остатки не дошедшихъ до насъ сочиненій, а въ тѣхъ случаяхъ, когда сочиненія, служащія основаніемъ „Скиѣской исторіи“, извѣстны намъ изъ другихъ источниковъ,—лызловскія выписки не теряютъ своего значенія, сохраняя нерѣдко довольно древнее рукописное преданіе. Слѣдуя тщательно за текстами своихъ русскихъ источниковъ, нашъ авторъ однако сумѣлъ *sibi res, non se rebus subjungere*; ему удалось составить изъ своихъ выписокъ нѣчто цѣлое, при чемъ соединяющимъ звеномъ служилъ его самостоятельный взглядъ на изображаемыя событія, который проведенъ съ большою послѣдовательностію по всему сочиненію. Лызловъ считаетъ русскихъ „избавителями пригнетенныхъ убогихъ народовъ“ и смирителями непомерно возросшаго могущества турокъ; онъ видитъ русскихъ людей, которые, „возбуждены будучи отъ всѣсвятаго Духа, пріявъ въ руцѣ свои непобѣдимое оружіе крестъ Господень и воздвигая свои крестовосныя хоругви“, пойдутъ „на оныхъ ненасытныхъ псовъ басурманскихъ, своимъ ихъ провѣщаніемъ осужденныхъ“ и свободятъ, по волѣ Божіей,

„христіанъ, подъ тяжелымъ ярмомъ поганскимъ вопіющихъ“ (Лызловъ, Сѣнеск. исторія, книга III, ч. IV, лл. 80 и 81).

Итакъ, книга Лызлова достойна нашего вниманія въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, она представляется замѣчательнымъ по своему времени русскимъ трудомъ по исторіи турокъ (что вообще относится къ изучаемому нами вопросу); вовторыхъ, въ части сочиненія, относящейся собственно до разоренія Цареграда турками, авторъ почти буквально слѣдуетъ русскому сказанію Искиндѣра¹⁾, сохраняя этимъ довольно древній его списокъ и прибавляя нѣсколько историческихъ чертъ въ картинѣ осады, каковую мы могли составить изъ сличеній всѣхъ остальныхъ списковъ. Особенностью передачи Лызлова, является также сокращенное изложеніе молитвъ осажденныхъ и важное добавленіе хронологическихъ указаній. Литературный пересказъ русскаго сказанія о разореніи Цареграда турками сохранился еще въ сочиненіи Михайлова: „Исторія о послѣднемъ разореніи святаго града Іерусалима и о взятіи Константинополя столичнаго града греческой монархіи. Москва. Въ губернской типографіи у Рѣшетникова 1810. Часть II, 1—81. На сколько я могъ заключить, Михайловъ излагаетъ событіе не прямо по сказанію, а по Лызлову, доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что хронологическія добавленія Лызловскаго текста встрѣчаются и у Михайлова, которому однако удалось опредѣлить, что такое Зиновія, родина Джустиніани, Іустуней сказанія, надъ чѣмъ тщетно ломалъ голову самъ Лызловъ, беспомощно по этому поводу говорящій въ примѣчаніи (II, 160). „Сей князь коея бѣ страны или области, о томъ не могло обрѣстися въ подтвержденіе отъ иныхъ исторій иностранныхъ, токмо въ російскихъ обрѣтается написано тако: страны же или области или града Зиновеи не могохъ у описателей и историковъ обрѣсти, но ниже имени таковаго, когда въ оныхъ странахъ обношашеса“. Другою особенностью Михайловскаго изданія является прибавленіе „Свидѣтельство историка Кальвизія о разореніи Константинополя“, II, 81, 82.

Въ 1854 году въ Запискахъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ, кн. 1, стр. 101, появился пересказъ „Повѣсти“ Измаила Ивановича Срезневскаго, снабженный богатымъ филологическимъ и историческимъ комментариемъ. Кромѣ изыщества изложенія самого разбитаго текста, Срезневскій въ комментарий, предисловіи и послѣсло-

¹⁾ Лызловъ. Сѣнеская исторія. Книга четвертая, глава 6-я, стр. 153—192.

віи, помимо объясненій, намѣтилъ много вопросовъ, касающихся какъ внутренней стороны сказанія, такъ и значенія его въ ряду другихъ источниковъ. Хотя Срезневскій не былъ византинистомъ, тѣмъ не менѣе его работа, отличающаяся всѣми достоинствами филологическихими, и со стороны исторической представляетъ первую строго-научную разработку вопроса о паденіи Византіи, основанную на тщательномъ сличеніи и объясненіи источниковъ по всѣмъ правиламъ исторической критики. Въ свое время трудъ Срезневскаго былъ единственнымъ; онъ не уступаетъ по своимъ достоинствамъ монументальному комментарию Миллера, къ Критобуду имѣющему лишь то преимущество, что Миллеръ могъ располагать большимъ числомъ источниковъ.

Въ 1859 появилось изданіе „Повѣсти“ А. Ф. Вычкова (въ Воскресенской лѣтописи) на основаніи сличенія трехъ рукописей. За нимъ въ 1868 г. послѣдовало изданіе Яковлева по одному списку съ прибавленіемъ разночтеній Воскресенской лѣтописи и наконецъ въ 1880 году—8-е по счету изданіе Общества любителей древностей письменности, по вновь найденному Троице-Сергіевскому списку, самому важному изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, какъ по своей древности, такъ и по своему повію, слѣслооткрывающему намъ имя автора, бывшее прежде тайной¹⁾

Появленіе этого изданія вызвало статью Г. С. Дестуниса въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., февраль, гдѣ авторъ разбираетъ какъ значеніе вновь изданнаго списка въ ряду другихъ, такъ и сообщаетъ свои замѣчанія, служащія отчасти къ исправленію комментарія Срезневскаго, отчасти къ его пополненію.

При разборѣ этого сказанія, какъ источника историческаго, является первымъ вопросомъ: кто былъ его авторомъ? „Списатель-же симъ, азъ многогрѣшный и бѣззаконный Несторъ Искиндѣръ“, говоритъ авторъ въ послѣсловіи, „измлада взятъ быхъ и обрѣзанъ. Много врѣмя пострада въ ратныхъ хоженіихъ, оувривался семо и онамо да не умру въ океанной сей вѣрѣ..... Всѣмогущая же и животворящая троица да мя приобщитъ паки стаду своему и овцамъ пажити своея, яко да и азъ препрославию и возблагодарю великолѣпное и превысокое имя твое, аминъ“. На основаніи этихъ краткихъ свѣдѣній мы можемъ сказать только, что Искиндѣръ, невольный потурченецъ, проведшій свою жизнь среди мусульманъ, въ ихъ вѣрѣ, участвовав-

¹⁾ Начертаніе этого имени, насколько мы можемъ судить по фототипическому снимку послѣсловія, даетъ чтеніе Искиндѣръ, а не Искандеръ, какъ думаетъ архим. Леонидъ. Ср. спорную б хотя бы съ заключительнымъ словомъ Аминъ.

шій въ войнахъ и походахъ султана противъ христіанъ. Освободившись, наконецъ, отъ власти невѣрныхъ, онъ снова вернулся въ лоно православной вѣры, которую не оставлялъ никогда исповѣдывать въ душѣ, хотя наружно и былъ принужденъ поклоняться Магомету. Но кто онъ родомъ, русскій или грекъ? Все говоритъ въ пользу перваго предположенія: эпическій характеръ сочиненія историческаго, отступление отъ обыкновенныхъ приемовъ греческаго повѣствованія, выставленіе на первое мѣсто цара, царицы (съ двумя даже дочерьми)—природный грекъ не могъ не знать, что Константинъ былъ вдовъ, приданіе духовенству и патриарху такого важнаго, первенствующаго значенія, котораго они не имѣли въ изображеніи другихъ источниковъ; наконецъ, заключеніе, предсказывающее русскимъ роль побѣдителей турокъ, освободителей Византии и замѣстителей ея во всемірной исторіи ¹⁾. Самый же главный доводъ, который заставляетъ признать русскимъ Искандѣра, есть то полное и глубокое знакомство со всѣми сокровищами русскаго языка, какое онъ обнаруживаетъ на страницахъ своей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно предположеніе, будто грекъ могъ научиться русскому языку уже въ зрѣломъ возрастѣ въ такой мѣрѣ, чтобы не только говорить на немъ, но и писать съ такою же свободой и искусствомъ, какъ на родномъ, поль-

¹⁾ Въ пользу принадлежности автора къ русской національности говорить, по видимому, и то обстоятельство, что всѣ западные народности, принимавшія участіе въ оборонѣ Византии, носятъ въ сказаніи одно общее имя нѣмцевъ, словоупотребленіе, наиболее свойственное русскимъ, такъ какъ у современныхъ греческихъ писателей общее названіе для западныхъ народовъ — латины, а для нѣмцевъ—германцы, аллеманы, такъ какъ проникшее въ греческій языкъ слово нѣмецъ въ XV столѣтіи распространенія не имѣло.

Съ другой стороны, точное изслѣдованіе языка Искандѣра и восстановленіе первоначальнаго текста на основаніи точнаго сличенія различныхъ списковъ равнымъ образомъ должно пролить свѣтъ на національность автора, такъ какъ и при настоящемъ состояніи текста сказанія возможно указать нѣсколько единичныхъ случаевъ употребленія формъ и реченій южно-русскаго характера, и притомъ случаевъ тѣмъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ древнѣе рукопись, заключающая ихъ. Особенности эти, обусловленные, можетъ быть, происхожденіемъ автора, выразившіеся вполнѣ въ первоначальномъ текстѣ, потомъ постепенно сглаживались и стѣрались при переписываніи сказанія великоруссами; нѣкоторые изъ нихъ однако сохранились, каковы: *всѣхъ*, 7, 9, 35, 38, *всѣмъ*, 34, 35 (дважды), *ми* (11), *башта* 30, 31 (дважды) (впрочемъ слово можетъ быть признано слѣдомъ турецкаго вліянія), *израда* 38, у Дылова (списокъ Моск. Син. Библи.) *шю* сказ. кто съ *кимъ*; *туатъ*, *ти* сказ. впередъ. Примѣромъ возможности исправлять текстъ сказанія на основаніи списка Моск. Син. Библи. можетъ служить чтеніе *помовавъ* вмѣсто *помотавъ* рукою, что стоитъ въ другихъ рукописяхъ.

зуюсь всёми его богатствомъ для составленія разказа, истинно художественнаго по слогу.

Такое основательное знаніе русскаго языка могло быть приобретено лишь измлада и потомъ, послѣ освобожденія изъ плѣна, возстановлено опять. Грецизмы автора, указываемые г. Дестунисомъ, легко объясняются какъ тѣмъ, что вообще русскій языкъ былъ въ то время проникнутъ греческимъ, такъ въ частности вѣроятнымъ знакомствомъ Искиндѣра съ греческимъ языкомъ, на сколько мы можемъ судить по множеству приводимыхъ имъ греческихъ терминовъ. Поэтому, на основаніи всего сказаннаго, я принимаю положеніе архим. Леонида, что авторъ былъ происхожденія русскаго; онъ „измлада взятъ бѣ и обрѣзанъ“ — вѣроятно, крымскими татарами во время одного изъ ихъ набѣговъ на южную Россію, потомъ попалъ въ войска султана, служа въ которыхъ и былъ свидѣтелемъ паденія Византіи.

Теперь объ историческомъ значеніи этого памятника, одного изъ главныхъ источниковъ при описаніи паденія Византіи. „В сѣмъ великомъ и страшномъ дѣлѣ“ (то-есть, при паденіи Византіи), говоритъ авторъ, — „оуловляя время дозрѣніемъ и испытаніемъ великимъ писахъ въ каждый день творимая дѣянія отъ турковъ внѣ града. И пакы егда попущеніемъ Божиимъ внидохомъ въ градъ вѣрмянемъ испытахъ и собрахъ отъ достовѣрныхъ и великихъ мужей вся творимая дѣянія во градѣ противу безвѣрныхъ и вкратце изложихъ и христіаномъ предахъ на воспоминаніе преужасному сему и предивному изволенію Божию“. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ повѣствованіемъ очевидца, который самъ долженъ былъ бы принять участіе въ совершавшихся событіяхъ, но который успѣвалъ уклониться отъ битвы съ единовѣрными ему въ душѣ греками „овогда болѣзнію, овогда скриваніемъ, овогда-же совѣщаніемъ пріятелей своихъ“. Повѣствованіе его въ особенности любопытно для насъ въ томъ отношеніи, что изображаетъ ближе и точнѣ дѣйствія турокъ и знакомитъ насъ наравнѣ съ Критовуломъ не только съ тѣмъ, что творилось въ стѣнахъ самой Византіи, но и съ тѣмъ, что дѣлалось въ лагерѣ осаждавшихъ. Правдивость разказа Искиндѣра, представляющаго нерѣдко отклоненія отъ общепринятыхъ источниковъ, каковы Франдзі, Дука, Халкокондилъ, подтверждается сличеніемъ съ вновь изданными источниками. Чѣмъ болѣе будемъ мы имѣть ихъ подъ рукою, тѣмъ болѣе, на мой взглядъ, увѣрится въ истинности показаній Искиндѣра, даже самыя заблужденія котораго нерѣдко раздѣляются другими очевидцами взятія Цареграда Мехметомъ II. Къ сожалѣнію, разказъ Искиндѣра

не могъ быть надлежащимъ образомъ разсмотрѣнъ и оцѣненъ Срезневскимъ, какъ вообще потому, что, въ 50-хъ годахъ этого столѣтія было издано недостаточно источниковъ для изученія послѣднихъ дней Византіи, такъ и потому, что послѣсловіе съ именемъ Искиндѣра, поясняющее его отношенія къ описаннымъ событіямъ было, открыто только впоследствии. При сличеніи же съ вновь изданными памятниками той эпохи, мы можемъ указать многое, что увеличиваетъ, а не умаляетъ историческое достоинство повѣствованія Искиндѣра. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Диспозиція турецкихъ войскъ, сообщаемая Критовуломъ и Искиндѣромъ, сходится вполне (Crit. 51 и частію Vmpreg., с. XV) ¹⁾. Извѣстіе Искиндѣра о томъ, что Мехметъ посредствомъ пушекъ металъ трупы въ городъ, желая заразить воздухъ, извѣстіе, не встрѣчающееся ни у одного изъ историковъ паденія Византіи, находимъ мы у Виссаріона Никейскаго, въ его рѣчахъ, побуждавшихъ италіанскихъ князей двинуться противъ мусульманъ ²⁾. Все, сообщаемое Несторомъ о пушкахъ, о башняхъ, о стѣннбитныхъ козняхъ и машинахъ турокъ находится въ другихъ источникахъ. Свидѣтельство Нестора о томъ, что греки сумѣли взорвать ровъ, наполненный турками, заранѣе минируя его; чего нѣтъ въ другихъ источникахъ, подтверждается, однако, подобными примѣрами при осадѣ средневѣковыхъ городовъ, собранными у Мейнерта или у Пузыревскаго (Военное искусство въ средніе вѣка). Слова Искиндѣра о томъ, что Византію окружали „рвы и потоци“, соотвѣтствуютъ результатамъ, добытымъ археологическими изслѣдованіями Паспати, устанавливающимъ тотъ фактъ, что у части византійскихъ стѣнъ находился наполненный водою ровъ. Сравн. также свидѣтельство Андроника Каллиста.

Или вотъ примѣръ заблужденія, въ какое впадаетъ не одинъ Искиндѣръ. Онъ говоритъ объ отчаянной защитѣ византійцевъ на улицахъ города. Противоположное свидѣлствуютъ всѣ другіе очевидцы, и мы не можемъ принять его показанія; но любопытно, что

¹⁾ V mp. pp. XV. Biglardi dux exercitus Turcorum ordinatus et constitutus erat cum 20000 bellatoribus ad portam civitatis vocabulo Pigii, ubi maximus putabatur instare resistendi insultus.

²⁾ Bessarionis Orationes contra Turca Magnae, 161 т., 665 с. Nostrorum cadavera cum moenia oppugnarentur (at non dicam, incredibile enim est, imo vero dicam, quoniam ita se habet) nostrorum inquam cadavera in vasa imposita machinis bellicis intra urbem adversus nostros immittebantur (говорится про осаду Халкиды).

такой же разказъ мы находимъ въ Челеби, пер. Мордтмана. Свѣдѣнія, даваемыя Несторомъ относительно дѣйствій грековъ, заслуживаютъ также вниманія и довѣрія. При этомъ нужно, однако, имѣть въ виду, что Несторъ былъ простой воинъ, описывавшій только то, что онъ зналъ, видѣлъ, или о чемъ слышалъ. Познанія его не возвышались надъ уровнемъ общихъ слуховъ, которые ходили въ арміи между солдатами, и въ которыхъ находила выраженіе не столько сама дѣйствительность, сколько впечатлѣніе, произведенное ею. Потому-то, напримѣръ, Искиндѣръ даетъ такія огромныя цифры для потерь, повесенныхъ турками: 16000, 35000, въ одинъ приступъ, что выражаетъ не столько настоящей уронъ турокъ, сколько тотъ ужасъ, который наведенъ былъ на мусульманъ геройствомъ защитниковъ Византіи.

Вопросъ о флотѣ, о морскихъ битвахъ не затронуть Несторомъ по двойной причинѣ: во первыхъ, потому, что онъ мало могъ знать объ этомъ предметѣ, находясь на сушѣ; во вторыхъ, вѣроятно, еще потому, что для русскихъ, мало знакомыхъ съ моремъ, подробности о морскихъ битвахъ могли показаться и неинтересными, и мало понятными. Съ другой стороны, свѣдѣнія, сообщаемыя Несторомъ о дѣйствіяхъ византійцевъ, собранныя имъ послѣ вступленія турокъ въ городъ, могли основываться преимущественно на разказахъ заурядныхъ грековъ, опять-таки стоявшихъ вдалекѣ отъ главныхъ дѣятелей совершавшихся событій. Разказы эти проникнуты были естественно чувствомъ удивленія въ геройскимъ подвигамъ императора, павшаго на стѣнахъ Византіи; равнодушіе и даже недовольство, которое питали греки къ Константину вслѣдствіе принятія имъ уніи, уничтожилось во время обороны имъ города и перешло послѣ его смерти въ благоговѣнное уваженіе къ его мученичеству. Съ восторженнымъ удивленіемъ греки говорили о его мужествѣ и непобѣдимой храбрости, о силѣ его рукъ, отъ которыхъ, по ихъ словамъ, погибло въ одинъ день 600 турокъ. Слова эти производили сильное впечатлѣніе на автора, который самъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго опустошенія, произведеннаго греками въ рядахъ нападавшихъ; въ его изображеніи обликъ императора возросъ непомерно, превзойдя самыхъ героевъ древности; и если называть какое-нибудь изъ сочиненій о паденіи Византіи панегирикомъ Константина, то такимъ сочиненіемъ по справедливости является исторія Искиндѣра. Въ повѣствованіи преобладаетъ эпическій характеръ, приличный въ изображеніи подвиговъ мужей, „кои во истину людие быша и не туне

на бранѣхъ подвизашася и смерть съ радостью воспріимаху, но обаче уже преидоша, и нини по сихъ симъ подобнии не будутъ“ (Лызловъ, IV, 189).

Такимъ характеромъ сочиненія объясняются, можетъ быть, многія изъ преувеличеній, какія позволяетъ себѣ Искиндѣръ для большей яркости и картинности изложенія.

Но главнымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ изучающихъ это сказаніе, какъ историческій источникъ, являются не эти преувеличенія или искаженія, легко объясняемая положеніемъ автора, его пристрастіемъ къ грекамъ и эпическимъ характеромъ его сочиненія, — главнымъ камнемъ преткновенія является вопросъ о хронологіи. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ Искиндѣръ отступаетъ въ существенномъ отъ согласныхъ свидѣтельствъ всѣхъ историковъ событія, опредѣлая, противно имъ, срокъ осады не 59-дневный, а пятимѣсячный, и притомъ такъ, что извѣстіе это нельзя счесть ошибкою переписчика, ибо оно встрѣчается не однажды. Неточность его хронологическихъ показаній такъ велика, что, напримѣръ, вступленіе султана въ городъ, имѣвшее мѣсто немедленно послѣ его взятія (см. всѣ источники Phg., Duc., Pusc., Leon., Imp., Lomel., Джустиніани) Искиндѣръ отсрочиваетъ на одиннадцать дней и съ 29-го мая (число взятія дается вѣрно) переноситъ на 8-е—9-е іюня (Лызловъ). Потому-то мнѣ кажутся неудачными всѣ попытки приурочить къ истинной—хронологію Искиндѣра, тѣмъ болѣе, что въ относительно древнемъ спискѣ Лызлова встрѣчаются цифры, прямо противорѣчащія свидѣтельству другихъ списковъ той же повѣсти; но уже если восстанавливать ее, то иначе, чѣмъ это дѣлаетъ Срезневскій, незнакомый съ дневникомъ Барбаро. Является вопросъ теперь, какъ могъ авторъ отклониться въ такой мѣрѣ отъ истины? Предположить ли, что Искиндѣръ принималъ участіе въ одномъ изъ передовыхъ отрядовъ, державшихъ Византію въ блокадѣ всю зиму, или объяснить характеромъ сочинителя, которому казалось мало 59 дней геройской обороны, а надо было пять мѣсяцевъ для полного выставленія доблестей защитниковъ города. Хотя первое предположеніе имѣетъ за себя болѣе вѣроятностей (кон сведены особо въ примѣчаніе съ соотвѣтствующимъ примѣрнымъ разчетомъ) ¹⁾, однако, какъ бы возможными ни

¹⁾ Для того, чтобы какъ-нибудь приурочить хронологію Искиндѣра къ хронологіи другихъ писателей, нужно, во первыхъ, признать за его показаніемъ о пятимѣсячной борьбѣ грековъ съ турками значеніе относительное, то-есть, не

казались эти приуроченія, нельзя ручаться за вѣрность ни одного изъ нихъ, и эта самая шаткость и непрочность хронологіи въ значительной мѣрѣ ослабляетъ цѣнность сказанія, какъ историческаго источника. Въ отдѣльности вѣрно почти каждое показаніе Искин-

принимать это за время осады города, а признать выраженіемъ продолжительности того періода, когда Византія была отрѣзана турками отъ сообщеній съ сусей; въ такомъ смыслѣ показаніе это имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе, потому что, по извѣстіямъ другихъ источниковъ, Мехметъ II разсмалъ свои отряды подѣ стѣны Византіи раньше, чѣмъ явился самъ. Слова эти въ буквальный значеніи принимать нельзя, потому что Искиндръ распределяетъ время событій по срокамъ: второй приступъ (стр. 8) былъ черезъ 15 дней послѣ перваго; третій послѣ перваго же на 30-й (12 стр.); четвертый на девятый день послѣ третьяго (15 ст.); днемъ же минувшимъ 25 (хотя относительно точнаго значенія этого показанія можетъ быть сомнѣніе, не входятъ ли въ него и всѣ послѣдующіе дни, во въ данномъ случаѣ примемъ это въ отдѣльности, для того чтобы установить невѣрность буквального пониманія выраженія „пятимѣсячная борьба“ во всѣхъ случаяхъ); затѣмъ три дня, то-есть, 6-го мая (19) и время до паденія 29-го мая (22 дня). Итого всего, на все осада продолжалась $30+9+25+3+22=89$, а не пять мѣсяцевъ, хотя мы давали намѣренно наибольшее протяженіе срокамъ Искиндра, чего съ полнымъ правомъ могли бы не дѣлать. Считаая, на основаніи сказаннаго, что слова пять мѣсяцевъ борьбы имѣютъ только относительный, а отнюдь не точный смыслъ, мы можемъ строить свои соображенія, не боясь впасть въ противорѣчіе съ вышеприведеннымъ показаніемъ нашего автора. Исходною точкою въ нашей попыткѣ должна служить дата паденія Византіи 29-го мая (Иск., 37), которая намъ извѣстна не изъ одного только Искиндра, но и изъ другихъ источниковъ; къ нимъ-то теперь и обратимся и посмотримъ, сколько длилась осада и походъ Мехмета, чтобы при помощи ихъ установить время перваго приступа и т. д. Источники еданогласно даютъ какъ дату выступленія Мехмета изъ Адрианополя 23-го марта. Итого вся осада длилась вмѣстѣ съ походомъ, вычитая изъ 29-го мая 23-е марта $(31+28+31+30+28) - (31+28+22)=148-81=67$ дней. Обратимся къ нашему источнику и назовемъ для большей легкости вычисленія каждый изъ приступовъ отдѣльною буквою. Искиндръ говоритъ прямо, что отъ А до С прошло 30 дней, отъ С до Д—9 дней и потомъ (Иск. 16) „днемъ же минувшемъ 25, тако бѣющася по вся дни паки безбожный повелѣ прикати оу душку велію, бѣ бо“ и пр. Думать ли, что въ этихъ 25 дняхъ заключается все послѣдующее время, или производить счетъ отдѣльно? Мнѣ кажется, что справедливѣе будетъ, вмѣстѣ со Срезневскимъ, держаться перваго мнѣнія, подрѣывая его хотя бы тѣмъ, что и раньше срокъ приступа С включаетъ въ себя срокъ приступа В. Итакъ, принимая мнѣніе Срезневскаго, произведемъ расчетъ: отъ приступа А до С прошло 29 дней, приступъ С 2 дня, отъ С до Д 9 дней, приступъ Д 1 день, отъ Е до паденія Византіи 25 дней, итого 66 дней.

дѣла, но только безъ отношеній ко времени, потому что каждое хронологическое приуроченіе имѣетъ за себя лишь данныя вѣроятности.

Изъ другихъ источниковъ на русскомъ языкѣ важно посланіе великаго князя Василя Васильевича къ императору Константину, напечатанное въ 6-мъ томѣ (575 sq.) Русской Исторической Библиотеки.

Изъ другихъ источниковъ славянскаго происхожденія, можно указать хотя бы на извѣстіе, находящееся въ 13-й книгѣ лѣтописи Длугоша, имѣющее значеніе, потому что основой его послужило утраченное письмо Александра, воеводы Молдавскаго, къ королю Казимиру. Впрочемъ здѣсь на изображеніи послѣднихъ дней Византіи наложенъ католическій отпечатокъ, никимъ образомъ не могшій принадлежать православному господарю, который конечно не сталъ бы упрекать грековъ въ неискреннемъ принятіи уніи и отпаденіи отъ лона католической церкви (Длугошъ. *Lipsiae. MDCCXII*, 115—119). Съ разказомъ польскаго лѣтописца можетъ быть сопоставленъ отрывокъ изъ венгерской хроники *Tarosl* (Прага. *Hung. Script. Francforti. 1600*, стр. 160), относящейся къ царствованію въ Германіи Максимилиана I.

Вычитая полученное нами изъ даты 29-го мая, получимъ 23-го марта, какъ разъ тотъ день, когда султанъ выступилъ изъ Адрианополя. Посмотримъ теперь, дадутъ-ли намъ эти вычисленія другія вѣрныя цѣны. Вопервыхъ, приступъ къ Византіи, бывшій на 14-й день послѣ 23-го марта, падетъ на 5-е апрѣля, когда султанъ дѣйствительно подступилъ къ Византіи: новое оправданіе вычисленія. Преступъ С, бывшій на 30-й день послѣ А, падаетъ на 24-е апрѣля, приступъ Е—на 3-е мая. Преступъ С намъ не удалось приурочить съ полною точностью къ показаніямъ другихъ очевидцевъ; впрочемъ, если даже не говорить о томъ, что турки вообще дѣлали частыя нападенія на городъ и, что весьма естественно, не все эти нападенія занесены въ источникъ, мы имѣемъ свидѣтельство Барбаро (С. N. 23) о приступѣ въ ночь на 18-е число, и если отождествить его съ приступомъ С Искіндѣра, то мнѣ кажется, мы не сдѣлаемъ слишкомъ снѣлаго предположенія, — вѣдь все-таки отъ нашего автора нельзя требовать особенной точности.

Что касается до самаго взятія Византіи, то оно, по свидѣтельству Искіндѣра, совершилось въ три дня. На мой взглядъ, причину такого растяженія нужно видѣть въ эпическомъ характерѣ повѣствованія, какимъ объясняются многія преувеличенія, свойственныя сказанію, а во вторыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что и въ дѣйствительности приступовъ было не одинъ, а три; ихъ-то и разивѣтлѣлъ Искіндѣръ на пространствѣ трехъ дней, вмѣсто одного, соблюдая однако во всемъ остальномъ ту же послѣдовательность, что и другіе очевидцы.

Сочиненія по исторіи паденія Византіи.

Начиная съ Гиббона дѣлая плеяда ученыхъ одни за другими старались воспользоваться бывшимъ на лицо историческимъ матеріаломъ для воссозданія передъ глазами читателей картины разоренія Царсграда турками. Самъ разказъ Гиббона, проницательный болѣе одушевленіемъ, написанъ на основаніи Франдзи, Дуки, Халкокондила, Леонарда Хиоскаго и отчасти Лавро Квирины, ибо только эти источники были обнаружены въ XVIII вѣкѣ. Ихъ же почти, съ немногими только добавленіями, держится Le Beau (*Histoire du Bas Empire corrigée et augmentée par M. de Saint-Martin et continuée par Brosset jeune. XXI. P. 1836*). Что касается до Гаммера, то ояъ свое капитальное сочиненіе по исторіи Османской имперіи (*Geschichte des Osmanischen Reiches durch Joseph von Hammer. Band I*), писалъ преимущественно по турецкимъ источникамъ и для изображенія послѣднихъ дней Византіи пользуется только однимъ изъ нихъ (Сеадъ-Единоу), а въ основу разказа полагаетъ тѣ же источники, что и его предшественники Гиббонъ и Le Beau. Важнымъ дополненіемъ представляется только разработка вопроса о византійскихъ стѣнахъ и воротахъ, точное знаніе которыхъ необходимо для правильнаго разумѣнія всего хода осады. Сочиненія Zinkeisen: „*Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*“ и Finlay: „*A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time*“. A new edition revised throughout by the author and edited by Tozer, — по своему общему характеру довольствуются картиной паденія Византіи въ главныхъ чертахъ, не останавливаясь на тщательномъ изученіи подробностей.

Первою спеціальною монографіей по этому предмету былъ на западѣ трудъ Мордтманна подѣ заглавіемъ: *Belagerung und Eroberung Constantinpels durch die Türken im Jahre 1453. Stuttgart und Augsburg. 1858*, построенный на въ высшей степени важномъ для исторіи паденія Византіи дневникѣ Барбаро, благодаря чему автору удалось точно установить хронологію осады. Цѣнность этого сочиненія увеличивается также тѣмъ обстоятельствомъ, что Мордтманнъ не только изучилъ на мѣстѣ топографію Константинополя и развалины его стѣнъ, но даже при помощи знанія турецкаго языка привлекъ къ своему изслѣдованію два новыхъ турецкихъ источника, одинъ изъ которыхъ въ переводѣ помѣщенъ имъ въ концѣ книги. Соединеніемъ всѣхъ этихъ качествъ объясняется важность труда Мордтманна

въ разработкѣ фактической стороны паденія Византии, но съ другой стороны, мы тщетно искали бы въ немъ выясненія историческаго значенія, сопряженнаго съ такимъ мировымъ событіемъ; авторъ беретъ описываемый предметъ отдѣльно, не считая нужнымъ возстановлять его связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Мордтманъ позволяетъ себѣ отступить отъ буквальнаго почти слѣдованія источникамъ и пускается въ разсужденіе историко-философскаго свойства, разсужденія эти не только не придаютъ цѣны сочиненію, но скорѣе идутъ ему въ ущербъ, потому что хотя авторъ гордится „своимъ здравымъ человѣческимъ мышленіемъ, тѣмъ не менѣе оно съ нимъ нерѣдко играетъ злыя шутки“. Что касается до археологическихъ изысканій Мордтманна, то они, какъ доказалъ это Пастати, имѣютъ болѣе значеніе какъ собраніе матеріала, нежели удачная его обработка.

Необходимымъ дополненіемъ къ труду Мордтмана является рецензія Фойгта (*Voigt*): *Die Eroberung von Constantinopel und das Abendland* ¹⁾, гдѣ указываются упущенія и недостатки сочиненія Мордтманна, которые и восполняются отчасти при помощи сочиненія *Zhischmann'a* по исторіи уніи.

Введеніе Еллисена въ его третій томъ *Analecten der mittl. und pœugriech. Literatur* соединяетъ всѣ качества, какія можно требовать отъ спеціальной монографіи по исторіи осады и взятія Византии турками. Къ сожалѣнію кругъ источниковъ, которыми пользовался авторъ, былъ расширенъ противъ прежнихъ однимъ Пускуломъ, если не считать *Ἐρῆνος*; дневникъ Барбаро появился послѣ отпечатанія III тома *Analecten*. Понявъ однако всю важность новаго источника, Еллисенъ сдѣлалъ изъ него довольно полное извлеченіе, которое и помѣстилъ въ концѣ книги.

Въ 1870 году появилось изслѣдованіе Краузе: *Die Eroberungen von Constantinopel im dreizehnten und fünfzehnten Jahrhunderte, nach byzantinischen, fränkischen, türkischen Quellen und Berichte*. Halle. Не смотря на громкое заглавіе, Краузе пользовался не только турецкими, но даже и италіанскими источниками не изъ первыхъ рукъ, а въ византийскихъ слѣдовалъ разработкѣ предшественниковъ. Половина книги, посвященная разоренію Царегграда турками, представляетъ скорѣе компиляцію, нежели самостоятельное изслѣдованіе предмета. Какъ мало изучалъ авторъ источники, видно хотя бы изъ того,

¹⁾ *Historische Zeitschrift*, Dritter Band. 1860.

что онъ ни разу не ссылается на Пускула, помѣщеннаго въ томъ же третьемъ томѣ *Analekten* Еллисена, который онъ цитируетъ по поводу *Ἐπίφορος*. Въ замѣнъ того, Краузе дѣлаетъ выписки о происхожденіи турокъ изъ *Deguignes*, *Hammer* и *Zinkeisen* и даетъ характеристику новыхъ завоевателей.

Въ 1877 г. увидѣло свѣтъ сочиненіе Васта: *Le cardinal Besson ou étude sur l'histoire de Renaissance*, гдѣ паденію Византіи отводится цѣлая глава, напечатанная и отдѣльно въ *Revue historique* Моно. Превосходное знакомство съ богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ архивахъ и историческихъ изданіяхъ Франціи и Италіи, дало возможность автору сообщить драгоценныя библиографическія указанія въ примѣчаніяхъ къ самому тексту. Не задаваясь цѣлью писать специальное изслѣдованіе о взятіи Византіи турками, авторъ воспользовался довольно поверхностно собраннымъ матеріаломъ, что, впрочемъ, восполняется живостью и картинностью всего изложенія.

Въ томъ же году появились *Βυζαντινὰ μελέτα τοπογραφικὰ καὶ ἱστορικὰ ἐπὶ Πασιπᾶτι*. На основаніи самостоятельнаго и глубокаго изученія константинопольскихъ древностей, соединеннаго съ обширнымъ знакомствомъ съ византійскими писателями, Паспати даетъ полный, ясный и точный очеркъ стѣнъ Византіи, сообщая при этомъ нѣсколько весьма важныхъ соображеній по поводу ея паденія. Что касается второй части этого сочиненія, то она посвящена отношеніямъ Византіи къ западнымъ народамъ до конца XIV вѣка (стр. 127—277), ибо въ нихъ Паспати усматриваетъ одну изъ главныхъ причинъ гибели Царегграда.

Критика всѣхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ вопроса о состояніи византійскихъ стѣнъ во время ея паденія, содержится въ статьѣ г. Дестуниса (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ССХІХ и ССХХV) и въ отдѣльной брошюрѣ, принадлежащей тому же автору и озаглавленной: *Историко-топографическій очеркъ стѣнъ Византіи*. Одесса. 1887.

Въ 1883 году вышло въ свѣтъ французское изданіе „Исторіи левантской торговли въ средніе вѣка“ Гейда, переработанное и дополненное самимъ авторомъ сравнительно со вторымъ нѣмецкимъ изданіемъ. Сочиненіе это представляетъ вѣчный памятникъ того, что можетъ создать нѣмецкая ученость въ соединеніи съ нѣмецкимъ трудолюбіемъ и точностью. Хотя авторъ говоритъ объ осадѣ лишь вскользь, имѣя главнымъ образомъ въ виду торговля сношенія Востока и За-

пада, тѣмъ не менѣе его немногочисленныя страницы по богатству данныхъ, по точности и безпристрастію, по огромному количеству источниковъ, на которые дѣлаются ссылки, должны быть руководствомъ при изученіи исторіи послѣднихъ дней Византіи.

Изъ другихъ сочиненій важны для занимающихся исторіей взятія Цареграда турками IV томъ *Storia documentata di Venezia Romana* (Romanin), 1885 г., гдѣ содержатся драгоценныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ венеціанскихъ архивовъ, о роли, которую играла Венеція въ событіяхъ 1453 года.

Изысканія Романина такъ полны и точны, что на нихъ дѣлаетъ ссылки самъ *пелорагъ* (по выраженію Паспати) Гейдъ. Кромѣ сочиненія Романина, важны Hoff: *Geschichte Griechenlands im Mittelalter* и Hertzberg: *Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart*.

Необходимымъ пособіемъ для изученія личности завоевателя должна служить книга *Thuasne: Gentile Bellini et sultan Mohamed II*. Paris. 1886, гдѣ собраны богатые матеріалы для характеристики Мехмета, а также приложены снимки съ дошедшихъ до насъ его портретовъ.

Изъ русскихъ сочиненій по этому вопросу имѣетъ значеніе изслѣдованіе Стасюлевича, помѣщенное въ I-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ II отдѣленія Академіи Наукъ, а потомъ особымъ изданіемъ. Благодаря легкости изложенія и искусному выбору наибодѣе яркихъ подробностей, автору удалось возсоздать живую картину описываемыхъ событій, чѣмъ искупается недостаточно глубокое изученіе источниковъ и ограниченное ихъ количество; не привлечено, напримѣръ, къ дѣлу и русское сказаніе, помѣщенное однако въ томъ же томѣ Записокъ, гдѣ и статья Стасюлевича; разказъ Тедалди и италіанскіе источники, собранные у *Muratari*, точно также оставлены въ сторонѣ.

Основаніемъ нашей характеристикѣ сочиненій по исторіи осады и взятія Византіи турками была та постепенность, въ которой расширялся кругъ источниковъ, доступныхъ авторамъ, сообразно съ чѣмъ выяснялась прагматическая сторона событія; но въ свою очередь любопытны взгляды различныхъ авторовъ на причины этого событія, кореннымъ образомъ измѣнявшаго условія жизни всѣхъ народностей, входившихъ раньше въ составъ Византійской имперіи. Внѣшніе враги съ одной стороны, внутреннее разложеніе съ другой: въ такомъ видѣ представлялись эти причины современникамъ и отъ нихъ перешли и къ историкамъ, которые не стали подвергать ихъ повѣркѣ и подроб-

ному изслѣдованію, а считали достаточнымъ наметить ихъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Между тѣмъ сколько важнаго можно сдѣлать именно въ выясненіи этихъ причинъ, показала работа г. Паспати, который первый съ убѣдительною и послѣдовательною провель національно-экономическое воззрѣніе на исторію послѣднихъ лѣтъ Византіи, помѣщая весь источникъ зла въ томъ порабощеніи, въ какомъ находились греки отъ запада. Стасюлевичъ указываетъ въ попыткахъ уніи корень разслабленія Греческой имперіи, не разрабатывая однако своего взгляда съ такою глубиною, какъ Паспати, а довольствуясь лишь выраженіемъ его въ общихъ чертахъ.

И. Ногодинъ.

РУССКАЯ ГРЕКО-УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЦАРСТВОВАНІИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ¹⁾.

IV.

Состояніе греко-униатской церкви въ первые годы послѣ
изгнанія іезуитовъ изъ Россіи.

Не долго іезуиты пользовались плодами своей Полоцкой академіи, открытой съ необычайнымъ торжествомъ 10-го іюня 1812 г., то-есть, почти на канунѣ нашествія Наполеона на Россію: указомъ правительствующаго сената 19-го марта 1820 года, съ приложеніемъ Высочайше подтвержденнаго доклада министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, предписано было выслать изъ Россіи іезуитовъ и взять имѣнія ихъ въ казенное вѣдомство. Полувѣковое пребываніе ихъ въ предѣлахъ Россіи со времени возвращенія въ 1772 году Бѣлоруссіи, не взирая на уничтоженіе іезуитскаго общества буллою папы Климента XIV (1773) и изгнаніе ихъ изъ всѣхъ римско-католическихъ странъ Европы, принесло Россіи горькіе плоды, нанесло глубокія раны греко-униатской церкви, повело къ совращенію въ латинство многихъ тысячъ бѣлоруссовъ и содѣйствовало ополченію значительнаго края. Русское правительство предоставило въ ихъ пользу недвижимыя имѣнія, разрѣшило имѣть своего генерала, независимаго отъ епархіальнаго архіерея и митрополита, допустило ихъ въ С.-Петербургѣ къ богослуженію въ церкви св. Екатерины, дозволило имъ заниматься воспитаніемъ юношества въ устроенныхъ ими школахъ. Изъ коллегіи образована была Полоцкая іезуитская академія съ предоставленіемъ правъ независимаго учрежденія, сво-

---

¹⁾ *Продолженіе.* См. іюльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

боднаго отъ надзора властей Виленскаго учебнаго округа. Отверженныя папоу, іезуиты явились недостойными оказаннаго имъ покровительства и вниманія царствующихъ государей. Своими внушеніями они обольщали вѣранныхъ имъ питомцевъ и людей, принадлежащихъ православнои церкви, и даже обращали въ латинство военно-служащихъ. Утвердившись въ римско-католической коллегіи, уставъ которой былъ вновь составленъ по начертанію патера Грубера (ставшаго впоследствии во главѣ іезуитскаго ордена), іезуиты, наперекоръ государственнымъ узаконеніямъ, обращали въ латинство въ Бѣлоруссіи цѣлыя приходы греко-уніатовъ, въ Фригѣ и Саратовскихъ колоніяхъ обольщали послѣдователей евангелическаго исповѣданія и во многихъ мѣстахъ соврачали насиліемъ дѣтей еврейскихъ. Подговорами и обольщеніями они посѣвали въ семействахъ раздоръ и несогласіе. Съ подвластными же имъ крѣпостными крестьянами поступали вопреки правилъ христіанскаго человеколюбія, чѣмъ нарушали правительственныя распоряженія 1818 г. Многие изъ крестьянъ іезуитскихъ имѣній были отпускаемы іезуитами въ рубищахъ, слѣпые и увѣчные, съ плакатными паспортами, для вымаливанія подаванія. „По Высочайшему повелѣнію“, сказано въ докладѣ Голицына, — „я писалъ іезуитскому генералу (Березовскому), что пускать по міру нищихъ и немощныхъ людей несообразно съ христіанскими правилами, наипаче, когда іезуитское общество имѣетъ всѣ средства призрѣть ихъ“. Авторъ высочайшаго доклада сознается, что оказываемое іезуитскому обществу довѣріе и уваженіе съ возложеніемъ на іезуитовъ священной обязанности образованія юношей, съ цѣлью просвѣщенія ихъ разума наукой и ихъ сердца религіей, повело къ грустнымъ разочарованіямъ: орденъ остался вѣренъ своему знамени, и всѣ дѣйствія іезуитовъ были направлены къ собственнымъ ихъ выгодамъ и распространенію власти, оправдывая свою совѣсть и рядъ нарушеній государственныхъ законовъ, правилами своего ордена ¹⁾).

¹⁾ *Морозкинъ*, Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени, ч. II, приложенія 1, 2, 3 и 4. Объ изгнаніи іезуитовъ см. П. С. З. XXXVII, № 28198: „Іезуитовъ, какъ забывшихъ священныи долгъ не только благодарности, но и подданческой присяги, и потому недостойныхъ пользоваться покровительствомъ російскихъ законовъ, выслать, подъ присмотромъ полиціи, за предѣлы государства и впредь ни подъ какимъ видомъ и наименованіемъ не впускать въ Россію“. Сравн. этотъ указъ съ буллою папы Клементя XIV „Dominus ac Redemptor“ 1773 г., которая уничтоженіемъ іезуитскаго общества стремилась возвратитъ миръ и порядокъ церкви римско-католической.

Иезуиты были изгнаны, Полоцкая академія и подвѣдомственные ей училища упразднены, наличные капиталы поступили въ приказъ общественнаго призрѣнія, недвижимыя имѣнія съ крестьянами поручены вѣдѣнію казенныхъ палатъ съ обращеніемъ доходовъ на нужды римско-католическаго духовенства и потребности народнаго просвѣщенія. Но остались явные и тайные послѣдователи иезуитскаго ученія, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ званіи, въ министерствахъ и канцеляріяхъ, въ школахъ и въ монастыряхъ. Иезуитамъ было разрѣшено вступать въ другіе ордена или въ бѣлое духовенство латинскаго обряда... Они появились въ Вильнѣ и свили себѣ гнѣздо при университетѣ, куда ранѣе не имѣли доступа.

Иезуиты были изгнаны изъ Бѣлоруссін, но и здѣсь, и въ Литовской Руси, и въ Волынской и Подольской губерніяхъ осталось 30 различныхъ римско-католическихъ орденовъ съ цѣлымъ полкомъ монаховъ, владѣвшихъ десятками тысячъ крестьянъ и громадными капиталами. Число монаховъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ превышало число даже свѣтскихъ священниковъ!

Не смотря на всѣ старанія иезуитскихъ генераловъ Грубера и Березовскаго, иезуитамъ не удалось утвердиться въ Виленскомъ университетѣ; тогда опасно было раздражать князя Адама Чарторыжскаго, пользовавшагося силой и особымъ довѣріемъ императора Александра I; но теперь, съ упраздненіемъ ордена, который съ такимъ успѣхомъ развивалъ латинскую пропаганду въ Бѣлоруссін и въ обѣихъ столицахъ, иезуиты приняты были съ особенною благосклонностію въ Вильнѣ и подвѣдомственныхъ Виленскому университету учрежденіяхъ, частью въ одеждѣ смиренныхъ пастырей, частью въ качествѣ чиновниковъ и учителей. А это обстоятельство не замедлило оказать послѣдствія, въ извѣстномъ отношеніи весьма вредныя. Послѣ изгнанія иезуитовъ ревность пропаганды даже усилилась, и въ данный періодъ палма нервенства принадлежала базилианскому ордену, который, находя поддержку въ столицѣ и ободреніе въ министерствѣ и коллегіи, проявилъ особенную дерзость: онъ сталъ собираться съ силами для утвержденія полнаго господства въ униі, съ цѣлію совращенія греко-униатовъ въ латинство.

Къ счастью для русской народности въ западныхъ губерніяхъ Россіи, базилиане на пути своей разрушительной дѣятельности встрѣтили упорное сопротивленіе въ бѣломъ духовенствѣ. Борьба литовской консулты съ Жировицкою и Виленскою консисторіями, за которыми во всеоружіи стоялъ Брестскій капитулъ съ запасомъ обли-

ченіи въ хищническихъ замислахъ ордена, принимала къ концу царствованія императора Александра I все болѣе и болѣе острый характеръ. Никогда еще бѣлое греко-уніатское духовенство не терпѣло такихъ грубыхъ выходовъ со стороны базилианъ, особенно виленскихъ, никогда интриги базилианъ не отличались такою смѣлостью, какъ въ первые годы послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Россіи. Поэтому было бы наивно допускать, что съ 1820 года фактически прекратилось существованіе іезуитовъ въ обществѣ. Въ русской греко-уніатской церкви базилиане, точно также, какъ іезуиты въ латинской, пренебрегали властью епархіальныхъ архіереевъ и всѣ свои противозаконныя дѣйствія оправдывали правилами своего ордена. Губернская администрація была къ услугамъ базилианскаго провинціала Каминскаго и его консулты. Базилианская интрига проникла въ Виленскую греко-уніатскую консисторію, развращая колеблющихся ея членовъ и возбуждая ихъ противъ официаловъ. Базилиане, подстрекаемые тайными іезуитами и руководителями латино-польской пропаганды, дѣйствовали рука въ руку съ партией, враждебною русской національности, особенно въ Вильнѣ, главномъ очагѣ разныхъ обществъ дозволенныхъ и не дозволенныхъ правительствомъ или властью ректора университета. Не поддавались стремленіямъ латинизаторовъ бѣлый архіепископъ Крассовскій, прелаты и каноники Брестской епархіи, уніатскіе профессора, большинство воспитанниковъ главной духовной семинаріи и старѣйшіе уніатскіе священники въ епархіяхъ: они не забывали ни бѣдствій народныхъ подъ владичествомъ Польши, ни тѣхъ ударовъ, которые въ теченіе двухъ вѣковъ нанесены были Русской церкви.

Само министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, увлекаясь отвлеченными идеалами христіанскаго благочестія и оставивъ въ сторонѣ заботу о руководствѣ просвѣщеніемъ въ Бѣлорусіи, Литвѣ, Подоліи и Волнѣ, съ усердіемъ занималось дѣлами библейскаго общества и распространеніемъ благотворительныхъ кружковъ, скрывавшихъ, между тѣмъ, въ западныхъ губерніяхъ подъ личиною общественной благотворительности дѣла политическія. Обширное вѣдомство, вѣренное князю А. Н. Голицыну, крайне пестрое по составу и обильное по объему своей многосторонней дѣятельности ¹⁾, послѣ изгнанія іезуитовъ, продолжало пассивно отно-

¹⁾ П. С. З., т. 34, № 27, 106. Манифестъ 25-го ноября 1817 г. объ учрежденіи мин. духовн. дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ министерствѣ состоятъ: 1) де-

ситься къ направленію и духу народнаго образованія въ восьми сѣверо-западныхъ губерніяхъ и Вѣлостоцкой области, составлявшихъ Виленскій учебный округъ, допуская на свободѣ развиваться пропагандѣ, враждебной русской національности и противной религіозному духу греко-униатовъ.

Въ Виленскомъ университетѣ, въ Кременецкомъ лицей, въ гимназіяхъ, уѣздныхъ училищахъ, пансіонахъ, конвиктахъ и приходскихъ школахъ число учащихся достигло болѣе 21,000 (въ томъ числѣ въ Виленскомъ университетѣ состояло около 1,000 студентовъ), при чемъ большая половина учениковъ обучалась въ училищахъ, бывшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ базилианскаго и римско-католическихъ: піаровъ, доминикановъ, миссіонеровъ, бернардиновъ, францисканъ, тринитаровъ. Такъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Виленскаго университета были (до 31-го октября 1824 года): въ Вѣлорусскихъ губерніяхъ 2 гимназіи, 9 уѣздныхъ училищъ, 10 приходскихъ школъ, а въ нихъ учащихся 914. Въ вѣдѣніи же монашескихъ орденовъ: 1 высшее училище и 3 уѣздныхъ. Въ нихъ обучалось до 800 человекъ. Кромѣ приходскихъ училищъ, бывшихъ при фарныхъ костелахъ, въ губерніяхъ Литовскихъ (Виленской, Гродненской, Минской), въ Подольской, Волынской и въ области Вѣлостоцкой состояло (кромѣ университета): 1 лицей, 5 гимназій, 4 уѣзд-

---

партаментъ духовныхъ дѣлъ; 2) департаментъ народнаго просвѣщенія; 3) главное училищъ правленіе: а) ученый комитетъ и б) хозяйственный комитетъ. Дѣла римско-католическаго, греко-униатскаго и армянскаго исповѣданій вѣдаются во 2-мъ отдѣленіи департамента духовныхъ дѣлъ. Въ кругъ занятій этого отдѣленія (въ 3-хъ столахъ) входятъ, между прочимъ, статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ при церквахъ и монастыряхъ, свѣдѣнія о духовныхъ имуществвахъ, описи и отчетность о состояніи церквей и монастырей, генеральныя посѣщенія монастырей ихъ начальниками (визиты), дѣла о главной и епархіальныхъ семинаріяхъ, дѣла тяжбы о духовныхъ имѣніяхъ, объ отдачѣ въ аренду недвижимаго имущества церковнаго и монастырскаго и т. п.—§ 11—14. Училища, состоящія въ вѣдѣніи департамента народнаго просвѣщенія, раздѣлены на шесть учебныхъ округовъ. Къ Виленскому учебному округу отнесены училища въ губерніяхъ: 1) Виленской, 2) Гродненской, 3) Могилевской, 4) Витебской, 5) Волынской, 6) Подольской, 7) Кіевской и 8) Минской и въ Вѣлостоцкой области. Виленскій университетъ имѣетъ: 1) совѣтъ, 2) правленіе, 3) цензурный комитетъ. При университетѣ находятся: 1) главная духовная семинарія, управляемая совѣтомъ, и 2) медицинское общество. — § 38. Полоцкая іезуитская академія не зависяетъ отъ округа: напротивъ, отъ нея зависяетъ училища (іезуитскія): въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Ужвѣльдѣ, Могилевѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Ригѣ, Романовѣ, Одессѣ и Астрахани.

ныхъ училища, 258 приходскихъ школъ. Въ лицей и гимназійхъ состояло 2,668 учащихся, въ уѣздныхъ училищахъ—8,359 мальчиковъ и дѣвочекъ, въ приходскихъ школахъ—6,781 мальчикъ и 663 дѣвочки. Изъ числа 47 уѣздныхъ училищъ означенныхъ губерній въ вѣдѣніи монашескихъ орденовъ состояло 37. Точно также въ вѣдѣніи римско-католическаго духовенства была большая часть приходскихъ школъ. Выставляя успѣхи, достигнутые католицизмомъ въ западныхъ губерніяхъ, извѣстный благопріятель іезуитовъ Шангырь въ сочиненіи „Wlademosci do Dziejow. Kosciola i Religii katolickiej w krajach panowaniu Rosyjskiemu podleglych“, удостовѣряетъ, что римско-католическіе монашескіе ордена имѣли 76 публичныхъ или всенародныхъ училищъ, и кромѣ того, можно считать до 800 приходскихъ школъ устроенныхъ приходскими священниками (ч. I, стр. 387). Эти школы приходскія не входили въ отчеты попечителя Виленскаго учебнаго округа. Все это достаточно убѣждаетъ насъ, какими громадными способами обладало латинское духовенство для образованія русскаго народа согласно съ видами польско-латинской партіи. Слѣдуетъ упомянуть еще о 45 пансіонахъ и конвиктахъ, бывшихъ въ рукахъ различныхъ предпринимателей мужскаго и женскаго пола (въ этихъ частныхъ римско-католическихъ школахъ обучалось 1,091 дѣтей обоюго пола), объ 11 школахъ взаимнаго обученія, въ которыхъ по ланкастерскому методу обучали чтенію, письму и арифметикѣ, (разумѣется—на польскомъ языкѣ), и о Могилевской военной школѣ при главномъ штабѣ 1-й арміи юнкеровъ и подпоручиковъ. И не смотря на развитіе школъ подъ призрѣніемъ и руководствомъ монашескихъ орденовъ, съ цѣлью народнаго просвѣщенія, семинаріи для блага духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греко-уніатскаго находились въ жалкомъ состояніи ¹⁾. Въ латинскихъ епар-

¹⁾ Отчетъ ректора Виленскаго университета за 1823—1824 учебный годъ, читанный 30-го іюня 1824 г. См. еще гр. Толстаго: *Le Catholicisme Romain*, II, p. 232, 355, 356 о римско-католическихъ и базилианскихъ школахъ. Школы базилианскія для свѣтскаго юношества находились: 1) въ монастыряхъ Валоруской провинціи двѣ школы: въ Вержиловскомъ (Витебской губ.) и Толочинскомъ (Могилевской губ.) 2) въ монастыряхъ Литовской провинціи—шесть школъ: въ Жяровицкомъ на степени гимназій (Гродненской губ.), прочія на степени училищъ: въ Брестъ-Литовскомъ (Гродн. губ.), Поддубскомъ и Борунскомъ (Виленской губ.), Лядскомъ и Березычскомъ (Минской губ.); 3) въ монастыряхъ Русской провинціи, также шесть школъ, изъ коихъ четыре на степени гимназій, а именно: въ Барскомъ (Подольской губ.), Уманьскомъ (Кіевской губ.), Любарскомъ и Овручскомъ (Волинской губ.), и двѣ на степени уѣздныхъ училищъ: въ Владимірскомъ (Волинской губ.) и Каневскомъ монастыряхъ (Кіевской губ.).

хіяльных семинаріяхъ, при скудномъ богословскомъ образованіи, воспитывали фанатиковъ, съ презрѣніемъ и ненавистью относившихся ко всему русскому.

Наибольшимъ усердіемъ къ просвѣщенію свѣтскаго юношества Западной Россіи отличались монахи базилианскаго ордена. Базилианскихъ школъ для образованія свѣтскаго юношества или публичныхъ было четырнадцать (не считая двѣнадцати новиціатовъ для духовнаго образованія монаховъ и десяти пансіоновъ въ монастыряхъ базилианокъ), а въ нихъ учащихся было 4384, и въ этомъ числѣ большая часть воспитанниковъ, бывшихъ на попеченіи греко-униатскаго монашескаго ордена, принадлежала къ римско-католическому исповѣданію! За базилианами слѣдовали доминиканы, за ними піары; послѣ изгнанія іезуитовъ піары заразились духомъ ультрамонтанства, прежде у нихъ не замѣчаемаго; нѣкогда школы піаристовъ отличались хорошими методами преподаванія, шли впереди всѣхъ; къ піарамъ же перешла Полоцкая іезуитская академія, преобразованная въ высшую школу или лицей, и типографія ¹⁾.

Въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ процвѣтали латинскій языкъ и латино-польская поэзія, русская же исторія и географія, какъ и вообще всѣ предметы, преподавались на польскомъ языкѣ. Русскій языкъ, столь необходимый для образованія русскихъ подданныхъ значительной окраины Русскаго государства, населенной русскими людьми, оставался въ пренебреженіи. Преподаваніе русскаго языка было въ такомъ же жалкомъ положеніи и во всѣхъ семинаріяхъ и базилианскихъ новиціатахъ. Въ приходскихъ школахъ обучали дѣтей по системѣ ланкастерской или Песталоцци. Базилиане, усвоивъ себѣ воспитательные приемы іезуитскаго ордена, не оцѣнили однако дальновидной политики бѣлорусскихъ іезуитовъ въ одномъ отношеніи: іезуиты вмѣняли въ обязанность поступившему въ ихъ орденъ заграничному пришельцу учиться русскому языку, и изъ этого правила не исключались даже старики ²⁾. Базилиане

¹⁾ Арх. мин. нар. просв. по Виленскому учебному округу: 1820 г., № 64991, карт. 2437. объ учреженіи училищъ въ Бѣлорусскомъ округѣ въ замѣнъ іезуитскихъ, 1823 г., № 8538, карт. 194. Полоцкимъ піарамъ разрѣшено имѣть типографію.

²⁾ *Морошкинъ*. Іезуиты въ Россіи, ч. 1, стр. 177, примѣчаніе: „Библіотека іезуитская въ Полоцкѣ имѣла сочиненія всѣхъ русскихъ литераторовъ, всѣ богослужебныя православныя книги и четьи минси. Нередко видѣли старика-іезуита, родомъ француза или италіянца, читающаго полуславянскія четьи минси, или Ломоносова, или Кантемира. Нѣкоторые были отличными знатоками русской литературы“.

не обучали своихъ монаховъ даже церковно-славянскому языку, и провинціали всю официальную переписку даже съ коллегіей вели на польскомъ языкѣ. Не ранѣе, какъ послѣ паденія князя Галицына и удаленія князя Чарторыйскаго, совѣтъ Виленскаго университета нашелъ полезнымъ расширить въ школахъ требованія по русскому языку, преподавать російскую исторію на русскомъ языкѣ и примѣнять къ ланкастерскимъ школамъ таблицы на русскомъ языкѣ, напечатанныя въ С.-Петербургѣ въ особомъ комитетѣ и передѣланныя при Виленскомъ университетѣ ¹⁾.

Вышеизложенное даетъ лишь общее понятіе о тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыми располагали римскіе католики въ западныхъ губерніяхъ при Чарторыйскомъ для развитія просвѣщенія въ духѣ польской національности, враждебной Россіи ²⁾. За-одно съ римскими латинизаторами дѣйствовали базилиане съ тайною цѣлью обращенія русскихъ униатовъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ въ латинство. Такимъ образомъ подъ покровомъ министерства базилиане свободно выполняли свою латинизаторскую миссію въ униі и притомъ съ усердіемъ,

¹⁾ *Dzieln. Wilen.* 1824 г., т. II, № 7, стр. 233—247. Арх. мин. нар. просв. 1824 г., дѣло № 16,606, кн. 581, № 16,607, кн. 581.

²⁾ Чтобы дать болѣе полное понятіе о развитіи учебныхъ средствъ Виленскаго учебнаго округа въ сравненіи съ прочими частями государства, приведемъ слѣдующую выдержку изъ вѣдомости о *составѣ учебныхъ заведеній и числа учащихся въ Россіи въ 1824 году*

	Въ Виленскомъ учебн. окр. Виленская, Гродненская, Бѣлостокская обл., Минская, Волынская, Подольская, (6 губ.) (Витебская и Могилев- ская губ. съ 31-го октября отошли къ Петерб. уч. округу).	Въ прочихъ пяти учебн. округахъ, а въ нихъ 49 губ.: Московского окр. 11 губ., Харьковскаго 14, Петербургскаго 9, Казанскаго 12, Дерптскаго 3.
Учебныхъ заведеній	368	1,043
Учащихъ	901	3,707
Другихъ чиновниковъ	107	1,129
Учащихся мальчиковъ	20,082	43,700
„ дѣвочекъ	583	5,256
Всѣхъ	20.665	48.964

Впрочемъ въ эту вѣдомость не вошли: военно-учебныя заведенія, школы кантонистовъ, всѣ духовныя заведенія православнаго и иностранныхъ исповѣданій, академіи и учебныя заведенія разныхъ спеціальныхъ заведеній.—*Dzieln. Wilen.* 1826, т. I на основаніи данныхъ изъ *Дневника Народн. Просвѣщ.*

Кромѣ того, въ 6 университетахъ: 255 учащихся и 2667 учащихся, въ томъ числѣ въ Виленскомъ 42 учащихся и 976 учащихся.

превосходящимъ двухъ-вѣковья усилія римскихъ паперовъ подѣ владычествомъ Польши.

Князь Адамъ Чарторыйскій, которому императоръ Александръ I довѣрилъ общественное образованіе губерній, отъ Польши возвращенныхъ, не исключая бѣлорусскихъ, въ качествѣ попечителя Виленскаго университета, направлялъ всѣ учебныя силы къ распространенію просвѣщенія въ духѣ польской національности, дабы такимъ способомъ облегчить достиженіе своей завѣтной цѣли, тщательно имъ скрываеваемой отъ русскихъ. На свой учебный округъ онъ смотрѣлъ какъ на часть Польши, подѣ скипетромъ Александра I. „Виленскій университетъ“, пишетъ Чарторыйскій въ своихъ мемуарахъ, — „былъ совершенно польскимъ и служилъ для интересовъ губерній этой (то-есть, польской?) націи. Въ теченіе немногихъ лѣтъ все пространство Польши (читай: губерній отъ Польши возвращенныхъ) покрылось школами, въ которыхъ съ полною свободою развились польскія чувства“. Университетъ, въ который призваны были знаменитые ученые свои и иностранные, исполняли эту роль съ умомъ и ревностью, и „это никого тогда не удивляло“¹⁾.

Чарторыйскій былъ достойнымъ ученикомъ іезуитовъ: онъ лестилъ, если это необходимо было для достиженія цѣли, и подобно имъ былъ неразборчивъ на средства. Онъ не желалъ однако (или не могъ желать) раздѣлять съ іезуитами власть по управленію просвѣщеніемъ въ своемъ округѣ: университетъ съ самаго своего преобразования въ 1803 г. опасался принять къ себѣ іезуитовъ, впустить къ себѣ эту мрачную силу, враждебную просвѣщенію. Черную работу національнаго образованія молодежи, какъ орудія для своей цѣли, Чарторыйскій предоставилъ ректору университета Снядецкому, особенно же главному своему агенту Чацкому и нѣкоторымъ первостепеннымъ агентамъ изъ среды польскихъ дворянъ, занимавшихъ официальные должности въ фундушевой комиссіи, а равно провинціаламъ римско-католическихъ и базилианскаго орденовъ. Эти послѣдніе обязаны были напичивать сердца дѣтей фанатизмомъ. Отсюда и та связь Чарторыйскаго съ базилианами, умѣвшими извлекать пользу у могущественнаго вельможи для противодѣйствія замысламъ Лисовскаго и Красовскаго. Мечтая быть вице-королемъ восстановленной Польши, Чарторыйскій всецѣло отдался интересамъ своей эгоистической политики и не могъ имѣть достаточно времени для непосредственнаго

¹⁾ Mémoires du Prince Adam Czartoryski, I, p. 323.

руководства просвѣщеніемъ въ школахъ своего округа. Для него и его именемъ работали усердные агенты и въ столицѣ, и въ провинціяхъ.

Въ теченіе своего двадцатилѣтняго попечительства надъ Виленскимъ университетомъ, Чарторыйскій бывалъ въ Вильнѣ только нѣсколько разъ, и то лишь на короткое время. Поэтому, впоследствии, когда пришлось дать отчетъ императору о своей дѣятельности, Чарторыйскій не считалъ себя виновнымъ въ политическомъ развращеніи учащагося юношества въ своемъ округѣ.—Такъ ли это?.

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ императору Александру I отъ 23-го октября 1823 г. Чарторыйскій сваливаетъ вину на другихъ: „Въ эту должность (попечителя Виленскаго округа) я назначенъ въ 1803 году. Но постоянное пребываніе въ Петербургѣ и занятія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, не позволяли мнѣ исключительно заниматься дѣлами Виленскаго округа. Событія 1805, 1806, 1807 гг. отвлекали меня въ область другаго рода. Въ 1810 г. я оставилъ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ обстоятельства на долгое время удерживали меня за границею. Мои занятія въ 1814 и 1815 гг. извѣстны вашему величеству; я снова вступилъ въ должность попечителя въ 1816 г.“ Чарторыйскому понадобилось опять побывать въ Варшавѣ по своимъ дѣламъ, откуда онъ возвратился въ Вильну лишь на короткое время въ 1817 г., чтобы подъ предлогомъ осмотра разныхъ школъ, преимущественно на Волыни и Подолиі, прожить нѣкоторое время въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ.

Въ октябрѣ 1817 г. Чарторыйскій опять отпрашивается за границу. „Je suis marié depuis quelque temps“, а это обстоятельство было уважительною причиною для путешествія за границу, „d'aller voyager“ ¹⁾. Въ 1818 г. мы видимъ Чарторыйскаго въ Варшавѣ, гдѣ онъ находитъ дѣла въ плохомъ видѣ. „Въ мартѣ (1818 г.) поѣду въ Вильну, а потомъ въ Кременецъ для осмотра учебныхъ заведеній“. Не извѣстно, исполнилъ ли свое намѣреніе попечитель. Во всякомъ случаѣ забота о ходѣ дѣлъ въ университетѣ была на послѣднемъ планѣ, ибо въ письмѣ изъ Сенявы отъ 2 (14)-го августа, Чарторыйскій писалъ государю, что состояніе здоровья его жены требуетъ новой отлучки за границу, на этотъ разъ продолжительной. „Доктора настаиваютъ на ея отъѣздѣ, она должна лѣчиться въ Бадевъ-Баденѣ. Я долженъ ее сопровождать“ ²⁾.

¹⁾ Mémoires, II, 369.

²⁾ Mémoires, II, 371. Изъ слѣдующихъ строкъ видно, что Чарторыйскаго

Во время продолжительнаго отсутствія князя Чарторыйскаго, управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ принялъ на себя министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (съ 23-го іюня 1819 г. ¹⁾). Князь-попечитель могъ и не торопиться въ Вильну; изъ Баденъ-Бадена онъ ѣздилъ въ Парижъ, побывалъ въ Лондонѣ. Наконецъ 21-го августа 1821 г. онъ вернулся, но не въ Вильну, а сначала въ свое имѣніе Сеняву: „*Revenu dans mes foyers je crois remplir un devoir en soumettant à Votre M. I. et R. quelques observations que j'ai faites pendant le peu de jours que j'ai passé à Varsovie*“.

Послѣдовавшія событія въ Европѣ со времени конгрессовъ въ Троппавѣ и Лайбахѣ, революціонное движеніе къ Неаполѣ и Пьемонтѣ, напентываніе Меттерниха о тайныхъ обществахъ, готовившихъ безпорядки въ самой Россіи, недобрныя вѣсти, приходившія изъ конституціонной Польши, обязанной своимъ преимуществомъ великодушію Русскаго государя, возстаніе грековъ—вездѣ одни и тѣ же явленія—произвели столь сильное впечатлѣніе на императора Александра I, что онъ не только совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей по отношенію къ полякамъ, которыхъ облагодѣтельствовалъ, но даже сознавалъ несвоевременность дарованной Польшѣ конституціи. Послѣ Отечественной войны императоръ давалъ понять Чарторыйскому, что онъ смотритъ на Бѣлоруссію, Литву, Подоль и Волинь, населенныя малороссами и бѣлоруссами, какъ на неотъемлемую собственность Россійской имперіи. Въ своихъ письмахъ онъ выражалъ намѣреніе ограничить возстановленіе Польскаго государства лишь предѣлами великаго герцогства Варшавскаго, за исключеніемъ частей, долженствующихъ отойти въ вознагражденіе Австріи и Пруссіи, то-есть, части Познани съ г. Торномъ и части Галиціи съ г. Величвомъ. Императоръ писалъ Чарторыйскому: „Образъ дѣйствій польской арміи подъ Смоленскомъ, въ Москвѣ и опустошенія разбудили у русскихъ старую ненависть. Не забывайте, что Литва, Подоль, Волинь до сихъ поръ считались русскими провинціями, и никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить Россію, что онѣ могутъ быть подъ скипетромъ другаго государя, а не того, который цар-

---

особенно занимала Варшава, которую онъ оставилъ въ глубокой печали („*моgne tristesse*“); о Вильнѣ князь не заботился: тамъ и во всемъ округѣ среди дворянства съ 1815 года насаждались сѣмена революціоннаго движенія его агентами; въ этомъ направленіи дѣйствовали, между прочимъ, и благотворительные кружки, бывшіе въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

¹⁾ Арх. мин. нар. просв. 1819 г., № 7860, карт. 187.

ствуеть въ Россіи⁴⁾. Но Чарторійскому, не видя на очевидную несообразность, хотѣлось увѣрить себя и другихъ, что эти провинціи (les huit anciens (?) gouvernements) составляютъ не болѣе какъ часть Польши! Поэтому онъ соблаговолилъ принять ихъ подъ свое покровительство для защиты отъ варварства русской администраціи, неспособной ласкать дворянство и католическое духовенство за имѣнну Русскому государю во время нашествія Наполеона. „Эти провинціи, такъ много пострадавшія при нашествіи непріятели, заслуживаютъ“, писалъ князь въ 1813 г., — „чтобы и на нихъ были распространены тѣ благодѣянія, какими Вашему Величеству угодно было облагодѣтельствовать Польшу“.

Съ того времени прошло около десяти лѣтъ, и въ этотъ продолжительный періодъ учащейся молодежи восьми западныхъ губерній и Бѣлостокской области на школьной скамьѣ внушалось, что эти провинціи не имѣютъ ничего общаго съ Россіей, на которую поэтому должно смотрѣть какъ на враждебное государство, какъ на своего врага!... И все это дѣлалось съ вѣдома и подъ руководствомъ попечителя.

Посмотримъ, какъ оправдывался князь Чарторійскій въ упомянутомъ письмѣ своемъ къ императору Александру I отъ 23-го октября 1823 г.: „Во время продолжительнаго моего отсутствія, университетъ и школы округа оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, при чемъ система обученія не подвергалась никакимъ укорамъ. Управление школами и развитіе просвѣщенія (sic) были предметомъ чрезвычайныхъ заботъ (1), но для наблюденія за ними требовалось болѣе свободы (?). Послѣ моего возвращенія въ концѣ 1821 года, я нашелъ положеніе весьма серьезнымъ и труднымъ. Школьное дѣло совершенно измѣнилось. Матежный духъ, распространившійся въ разныхъ университетахъ Германіи, и пагубное стремленіе къ образованію тайныхъ обществъ между учениками университетовъ подвергли преслѣдованію правительствъ. Зараза могла легко распространиться (слѣдовательно, еще не распространилась?) и на наши школы. Въ ноябрѣ 1821 г., вскорѣ послѣ моего возвращенія, я предписалъ университету усилить бдительность и строго воспретить тайныя общества. И это распоряженіе не осталось безъ должнаго вліянія, ибо, судя по разслѣдованіямъ (Новосильцева) въ Вильнѣ, тайныя общества были закрыты или разстроены. Въ мартѣ

⁴⁾ Mémoires, II, 302, 303.

1822 г., послѣ трехлѣтняго моего отсутствія, я осмотрѣлъ университетъ и затѣмъ оставался въ Вильнѣ до іюня мѣсяца. Зная о положеніи школьнаго дѣла въ Европѣ и о перемѣнѣ взглядовъ правительства, я съ того времени старался всѣми силами отвѣчать намѣреніямъ Вашего Величества и спасти Виленскій университетъ отъ несчастія, которое ему угрожалъ, какъ и другимъ университетамъ въ Европѣ. Прежде всего я озабочился найти способнаго ректора, но назначеніе замедлилось на шесть мѣсяцевъ ¹⁾, и я лишень былъ возможности привести въ исполненіе предположенныя реформы, а это обстоятельство и было, полагаю, одною изъ главныхъ причинъ бѣды, обрушившейся на университетъ. Когда же новый ректоръ (Твардовскій) принялся за приведеніе въ исполненіе моей инструкціи о полицейскомъ надзорѣ, онъ былъ арестованъ, и наша работа въ Вильнѣ была парализована. Эти несчастія университета совпали съ моимъ семейнымъ горемъ и я считаю этотъ годъ самымъ печальнымъ въ моей жизни ²⁾.

Итакъ, обращеніе Виленскаго университета въ орудіе польско-латинской пропаганды, во время двадцатилѣтняго управленія князя Адама Чарторыйскаго, для удовлетворенія его личныхъ честолюбивыхъ замисловъ, было дѣломъ его гордыхъ, политическихъ мечтаній и немало не соответствовало ни желаніямъ, ни намѣреніямъ императора Александра I, ибо тутъ дѣло шло о части Русскаго государства, подвластной скипетру Русскаго императора. Этого мало. По уставу 1803 года, университетъ неразрывными узами связанъ былъ съ гимназіями и низшими школами. Поэтому нѣкоторыя гимназіи обращены были въ притоны революціонеровъ; юношамъ и дѣтямъ, поданнымъ русскимъ, внушалась ненависть къ Русскому царю, къ русской націи; вмѣна своему государю возвышалась въ священный культъ, какъ подвигъ, достойный истиннаго польскаго патріота! Письмо Чарторыйскаго 23-го октября 1823 года, въ которомъ онъ

¹⁾ Послѣ Снядецкаго ректоромъ университета былъ утвержденъ *Малеескій*, (9-го марта 1817 г.), а въ 1820 г. профессоръ Малеескій снова избранъ ректоромъ на новое трехлѣтіе и утвержденъ (20-го мая 1820 г.). Отъ должности ректора Малеескій уволенъ 10-го апрѣля 1822 г., а на его мѣсто временно назначенъ профессоръ каноникъ *Дломесичъ*, а затѣмъ утвержденъ *Твардовскій*, оставшійся ректоромъ до 1-го іюня 1824 г. Арх. мин. нар. просв., Дѣла—1817 г. № 7641, к. 182; 1820 г. № 7993, к. 182; 1822 г. № 8268, к. 190, № 8543, к. 194; 1824 г. № 16554, к. 190.

²⁾ Mémoires, II, стр. 391.

старается свалить вину на другихъ, въ связи съ другими его письмами и мемуарами, ясно обнаруживаетъ обыкновенный лезуитскій способъ дѣйствій—съ безстыднымъ лукавствомъ стараться умыть свои руки и для достиженія своей личной цѣли прибѣгать къ безнравственнымъ средствамъ.

Распространеніемъ польской пропаганды, кромѣ учебныхъ заведеній и монашескихъ орденовъ, усердно занимались различныя благотворительныя и богоугодныя заведенія, бывшія также въ вѣдѣніи попечителя Виленскаго учебнаго округа. Эти учрежденія получили развитіе съ 1819 года, когда Чарторнскій жилъ за границею, а дѣлами округа управлялъ министръ народнаго просвѣщенія князь Голицынъ. Послѣ Отечественной войны, въ С.-Петербургѣ подъ опекою императрицы Елизаветы Алексѣевны было основано женское патріотическое общество, которое въ теченіе десяти лѣтъ (1812 — 1822 гг.) выдало пособій и на богоугодныя заведенія болѣе 880.000 руб. Благодаря царскимъ щедротамъ, благотворительность оказала несчастнымъ сиротамъ, вдовамъ и убогимъ съ того времени въ Россіи громадныя услуги; но польская партія пользовалась ею для достиженія своихъ политическихъ замысловъ. С.-Петербургское женское патріотическое общество съ самаго начала своего учрежденія дѣйствовало съ замѣчательнымъ успѣхомъ и образовало множество частныхъ благотворительныхъ учрежденій. Предсѣдательницей этого общества была княжна Екатерина Мещерская, секретаремъ ст. сов. Александръ Тургеневъ. Служба многихъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ была связана съ благотворительными занятіями въ патріотическихъ кружкахъ, быстро распространявшихся по Россіи ¹⁾. Подобное же общество уже давно существовало въ Вильнѣ—*Towarzystwo Dobroczynności Wilenskie*. По его примѣру образовались патріотическія частныя общества въ разныхъ мѣстахъ Виленскаго учебнаго округа—въ Слуцкѣ, Гроднѣ, Новогрудкѣ, Россіенахъ, Юганишкахъ и т. п., а равно при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Благотворительныя провинціальныя общества имѣли уставы, иногда утвержденные высочайшею властью. Къ членамъ обществъ принадлежали: военный губернаторъ и губернаторы, предводители дворянства, литовско-русская знать обоюга пола, прелаты римско-католическаго духовенства ²⁾. Изъ устава челоуѣколюбиваго общества въ г. Слуцкѣ видимъ, что

¹⁾ Дѣян. благотв. (*Dzieje Dobroczyn.*) на 1823 г., т. III, стр. 301, 445.

²⁾ Дѣян. благотв. 1821 г., годъ 2-й, стр. 445, 464, 2054, 471, IV, стр. 460.

въ немъ состояли членами: жена предводителя дворянства Поцѣй-Непокойчицкая, княжна Радзивиль, графиня Чапская, Моржеевская и проч. Ежегодно происходили торжественныя засѣданія благотворительныхъ обществъ, въ присутствіи членовъ комитета и дамъ-благотворительницъ. Католическіе и базилианскіе проповѣдники въ своихъ рѣчахъ не щадили лести для превознесенія князя Голицына, покровителя немущихъ. Въ кассу собирались приношенія на дѣла благотворительныя, для вспомоствованія нищимъ. Отчеты публиковались. Кромѣ благодѣанія нищимъ, дамы-благотворительницы охотно несли пожертвованія на содержаніе недостаточныхъ студентовъ Виленскаго университета. Вскорѣ образовалось въ Вильнѣ самостоятельное товарищество или общество для пособія недостаточнымъ ученикамъ. Примѣромъ организаціи такого общества, какъ увѣряютъ, служила Германія, гдѣ почти каждый университетъ располагалъ значительнымъ капиталомъ для содержанія недостаточныхъ учениковъ. Изъ этихъ суммъ немущимъ ученикамъ выдавался бесплатный столъ (Freytisch), денежное пособіе (Stipendium), доставлялось помѣщеніе, покупались учебныя книги. Учредители Виленскаго общества указывали, какъ на примѣръ, достойный подражанія, университетъ въ Галле, при которомъ филантропъ Августъ-Германъ Франке устроилъ институтъ для нуждающихся учениковъ, и благодаря такой помощи, Галльскій университетъ сталъ въ числѣ первыхъ, а „это подняло Пруссію“. 26-го августа 1821 г. ректоръ университета Симонъ Малевскій одобрилъ правила общества для пособія недостаточнымъ студентамъ въ такихъ выраженіяхъ: „Видѣлъ и намѣреніе нахожу похвальнымъ и полезнымъ“¹⁾.

Каждый членъ общества обязанъ былъ вносить въ кассу единовременно по 3 р. и ежемѣсячно по 30 к. (два золотыхъ); могли быть принимаемы и другія пожертвованія. На собранныя деньги со временемъ полагалось приобрести домъ съ садомъ, устроить общественный столъ и помѣщеніе для нѣкоторыхъ учениковъ. Общество избирало директора, секретаря, кассира и исполнительный комитетъ, который вѣдывалъ имуществомъ, расходовалъ деньги, распредѣлялъ пособія.

¹⁾ Дѣян. благотв. 1821 г., стр. 2221—2230. Учредителями общества для вспомоствованія студентамъ были: *Николай Малевскій* (профессоръ акушерскаго искусства), *Михаилъ Дмоховскій*, *Ианъ Рихтеръ*, *Робертъ Клечковскій*, *Иванъ Фольфанъ* (профессоръ), *Казиміръ Контрикъ* (адъюнктъ-профес.), *Леонъ Боровскій*, *Родзевичъ*, *Вроблевскій*, *Карчевскій*, *Лачевицкій*, *Гечевичъ*, *Балинскій*, *Аврамій Дмоховскій*, *Иванъ Шантыръ* (преподаватель геометріи), *Сесевичскій*.

Комитетъ могъ составиться, когда соберется 25 членовъ общества. Онъ долженъ былъ составить уставъ. Столовая имѣла быть устроена въ удобномъ мѣстѣ. Обѣдъ предполагался изъ 2-хъ блюдъ, ужинъ изъ одного блюда. Билеты на право пользованія даровымъ столомъ раздаются директоромъ помѣсячно. Подъ этими правилами подписались учредители, поименованные въ примѣчаніи на стр. 273.

Общество вспомошествованія недостаточнымъ ученикамъ университета быстро организовалось. 7-го сентября были составлены временныя правила для избранія недостаточныхъ студентовъ; каждый членъ общества могъ рекомендовать студента, нуждающагося въ помощи; затѣмъ выборы дѣлались въ общемъ собраніи по большинству голосовъ. Къ 1-му декабрю общество состояло изъ 392 членовъ, которые внесли единовременно 1249 руб. (ежемѣсячно по 30 коп.), въ сложности 817 р. 20 к., а всего 2072 р. 40 коп. Сверхъ того, отъ 348 благотворителей собрано было приношеній на сумму въ 552 р. 65³/₄ к. Учениковъ на содержаніе общества поступило 26, изъ нихъ медицинскаго факультета 15, словеснаго 3, правовѣдовъ 3, инженеровъ 3, архитекторовъ 1, художниковъ 1. Кромѣ того, общество учредило школу ремесленниковъ, въ которой состояло 70 учениковъ, болѣею частью изъ виленскихъ мѣщанъ.

Въ засѣданіи 28-го сентября 1821 г. общество или товарищество установило поставить кружку (кабоне), въ которую члены благотворители, во всякое время, могли вносить свои пожертванія. Во время засѣданій кружка находилась при дверяхъ, а остальное время хранилась въ кассѣ; ключъ отъ кружки находился у особо избраннаго члена. Со времени открытія кружки (2-го ноября) по 1-е января 1822 г. собрано было 7 р. 21 к. с. Деньги эти имѣли особое назначеніе, по усмотрѣнію распорядителей общества.

Къ 1-му января 1822 г. оставалось въ кассѣ общества 2644 р. 79³/₄ коп. Въ теченіе 1822 г. вновь поступило 3626 руб. 6¹/₂ коп. Израсходовано всего 2437 р. 9¹/₂ к. Въ томъ числѣ: на столъ недостаточныхъ учениковъ, число которыхъ постоянно прибывало (съ начала года на содержаніи было по 25 учениковъ, а съ 1-го октября по 49, а всего въ годъ 316 (по 5 руб. въ мѣсяць)—1655 р.; на ремесленную школу по 6-е іюля 1822 г. 36 р. и т. д. Къ 1-му января 1823 г. оставалось въ кассѣ 3842 р. 92¹/₂ коп. Кромѣ того, на 365 членахъ числилось недоимокъ въ 752 р. 40 к. ¹⁾

¹⁾ Дѣян. благотв. 1821 г., стр. 2230. Временныя правила, стр. 2235—2267, вѣдомость членовъ вкладчиковъ въ общество, стр. 2269—2288, вѣдомость благо-

Особенное усердіе въ сборахъ приношеній оказывали дамы-благотворительницы, которыя съ книжками являлись даже въ квартиры холостыхъ людей. Въ высшемъ сословіи шляхты обнаружилось изумительное усердіе къ благотворенію немущимъ.

Благотворительныя общества и учрежденное въ 1821 г. въ Вильнѣ товарищество или общество для вспомошествованія студентоѡ, какъ теперь оказывается, имѣли связь съ прежними обществами студентоѡ, устроенными первоначально по образцу германскихъ буршей, а затѣмъ преобразившимися въ тайныя общества подъ различными наименованіями. Но тайныя общества были закрыты въ концѣ 1822 г., а ихъ замѣнили общества благотворительныя, поощряемыя правительствомъ.

11-го февраля 1817 г., съ разрѣшенія ректора университета Андрея Снядецкаго, было открыто общество „шубравцевъ“ (голышей), въ основаніе котораго (какъ и въ основаніи общества германскихъ буршей) положены были чисто нравственныя начала: трезвая жизнь, искорененіе въ обществѣ разныхъ пороковъ, сутяжничества, правдности, пьянства. Съ этою цѣлью издавались обществомъ „бруковныя (уличныя) вѣдомости“ въ сатирическомъ духѣ. Уставу шубравцевъ сочувствовало само правительство, не подозрѣвая, конечно, тайныхъ цѣлей, скрытыхъ въ основѣ учредителями общества. Около того же времени (1817—1818 гг.) между студентами университета организовалось еще общество филмановъ, которое распадалось на отдѣлы: литературный и физико-математическій; въ первомъ предсѣдательствовалъ Адамъ Мицкевичъ, а послѣ назначенія его учителемъ въ Ковну — Чечотъ, во второмъ Юма Занъ. Цѣлью этого общества было „возвысить благосостояніе отечества, подъ которымъ разумѣлись губерніи, входившія въ составъ Виленскаго учебнаго округа“. Филманы стремились занимать мѣста учителей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и потому преобразились въ общество „промышленовъ“ (лучезарныхъ). Въ 1820 г. появился уставъ общества промышленовъ подъ наименованіемъ: „друзей полезныхъ увеселеній“. Въ маѣ 1820 г. ректоръ Малевскій утвердилъ этотъ уставъ, не подозрѣвая, какъ онъ

творителей по 72 прошнурованнымъ книгамъ, стр. 2289, о кружкѣ и числѣ вспомошествоваемыхъ учениковъ стр. 2291—2296, балансъ кассы; 1823 г., т. 1—балансъ кассы за 1822 г. и о добавочныхъ членахъ. Въ перечисленіи членовъ упоминаются: генералъ маіоръ Бушуевъ, плацъ-маіоръ Богдановичъ, четверо Святопольи-Мирскихъ, генералъ Васильчиковъ, маіоръ Іосифъ Шебеко и много другихъ русскихъ фамилій.

объяснял въ послѣдствіи, что уставъ, поддерживая сходки, содѣйствовалъ распространенію между студентами броженія политическаго характера. Сходки были запрещены, разрѣшеніе взято назадъ, но запрещеніе сходокъ повело къ образованію тайнаго общества „филаретовъ“.

• Тома Занъ, Францъ Малевскій (сынъ ректора) и нѣсколько другихъ товарищей начертали уставъ общества „филаретовъ“, дополнившій уставъ общества „променистовъ“. Это новое общество задано цѣлю возстановленія Польши въ прежнемъ составѣ; отъ поступающихъ требовалась клятва („клянусь именемъ поляка и честнаго—попогоwego—человѣка, что существованіе общества сохраню въ тайнѣ и буду помогать ему всѣми зависящими средствами“), и единовременный взносъ въ 1 рубль и ежемѣсячный по 15 коп. (одинъ злотый). Членами общества могли быть одни только студенты и лица, принадлежавшія къ учебному вѣдомству. Общество имѣло свою бібліотеку. Каждому члену на каникулярное время выдавалась печатная программа, какъ руководство, для описанія церковныхъ приходоу въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ: о народонаселеніи, нравахъ, обычаяхъ, имуществѣ жителей; программу эту отпечатала типографія Вилонскаго базилианскаго монастыря. Въ числѣ членовъ общества филаретовъ были сыновья лучшихъ дворянскихъ фамилій, нѣсколько іезуитовъ бывшей Полоцкой академіи и учителей гимназій. На сходкахъ общества читались произведенія ея членовъ, напримѣръ: „Печаль Сармата надъ гробомъ Сигизмунда Августа“. Въ исходѣ 1822 г., это общество было закрыто: окончившіе курсъ студенты разѣхались въ провинцію, прочіе вступили въ упомянутое общество „вспомоществованія бѣднымъ ученикамъ“¹⁾.

¹⁾ *Шолювича* „Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ Зап. Россіи“. *Сборникъ*. Вильна. 1885. Фактическія свѣдѣнія о разныхъ обществахъ переданы авторомъ по документамъ слѣдственной комиссіи. Нельзя согласиться съ нѣкоторыми обобщеніями автора, основанными на единичныхъ случаяхъ. *Вѣстникъ Европы* на 1888 г., октябрь, ст. *Вержбовскаго*: „Адамъ Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ (1815—1824)“. Организаторомъ разныхъ студенческихъ обществъ въ Вильнѣ „филаретовъ“, „лучезарныхъ“, „филаретовъ“, авторъ считаетъ университетскаго бібліотечнаго Казимира Контрыма, въ семействѣ у котораго Занъ былъ репетиторомъ.—Подобныя общества существовали въ Германіи. Сущность движенія школьной молодежи (1815—1822) не была повята Новосильцевымъ; ея смыслъ и значеніе онъ преувеличивалъ, полагая, что она стремилась къ возстановленію Польши въ древнихъ предѣлахъ ея. Только люди, давшіе инициативу этому движенію, имѣли въ виду дѣйствительно эту политическую цѣль. *Г. Вержбовскій* откладываетъ до будущаго времени обстоятельный разборъ этого вопроса.

Общества были закрыты, безъ сомнѣнія, по сигналу, данному Чарторыйскимъ, отъ наблюденія котораго не могли ускользнуть принятыя правительствомъ болѣе строгія полицейскія мѣры, вслѣдствіе полученныхъ въ Петербургѣ извѣстій о ненадежномъ состояніи умовъ въ губерніяхъ, входившихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, особенно же о фанатическомъ настроеніи студентовъ и учащейся молодежи. Чарторыйскій приказалъ принять строгія полицейскія мѣры во всѣхъ заведеніяхъ своего округа. Но уже было поздно. Нельзя было остановить потока возбужденныхъ страстей въ школьной молодежи. Лѣтомъ 1822 года императоръ Александръ I (на пути въ Верону) посѣтилъ Вильну, и вскорѣ послѣдовало распоряженіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о приведеніи немедленно въ исполненіе прежнихъ указовъ государя объ упраздненіи нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей съ цѣлью устройства семинарій и духовныхъ училищъ для греко-униатскаго блага духовенства.

Совпаденіе этихъ событій имѣетъ важное историческое значеніе. Въ то время, когда римско-католическое духовенство (особенно монахи) и базилиане принимали дѣятельное участіе въ благотворительныхъ явныхъ и тайныхъ обществахъ, покрывшихъ густою сѣтью верхній слой общества въ губерніяхъ Виленскаго учебнаго округа, низшее духовенство оставлено было въ покоѣ. Униатскихъ „поповъ“ и „поповичей“ не считали достойными къ общенію съ собою польская шляхта и базилианскій орденъ. Послѣдній считался обществомъ аристократическимъ: такъ по крайней мѣрѣ отзывался о своемъ орденѣ даже въ официальныхъ бумагахъ извѣстный литовскій провинціалъ Каминскій, латинизаторъ и фанатикъ. Представители блага духовенства обѣихъ Литовскихъ епархій подозрительно и съ безпокойствомъ смотрѣли на движеніе всѣхъ латино-польскихъ силъ вмѣстѣ съ базилианами. Хотя въ спискахъ благотворителей мы не встрѣчаемъ фамилій сколько-нибудь извѣстныхъ священниковъ, а въ вѣдомостяхъ товарищества для пособія студентамъ не видимъ ни одного студента главной духовной семинаріи, не только униата, но и католика, но въ студенческія общества университета было увлечено нѣсколько студентовъ, сыновей священниковъ, напримѣръ, Иванъ Янковскій, сынъ архипресвитера Брестскаго капицула.

Съ самаго начала XIX в. въ іерархіи греко-униатской церкви ясно обозначились два направленія: базилиане, какъ латинизаторы, дѣйствовали за-одно съ помѣщиками и чиновниками, а бѣлое духовенство чуждалось помѣщиковъ, не отдѣлялось отъ народа и, съ тру-

домъ перебиваясь въ заботахъ дня, терпя постоянное униженіе, ожидало, какъ милости, защиты отъ правительства. Базиліанамъ, какъ и помѣщикамъ, были невыгодны ограниченія ихъ произвола надъ ихъ крѣпостными крестьянами, участь которыхъ была облегчена указомъ 1818 г. Старшіе представители бѣлаго духовенства, прелаты и каноники, негодовали на базиліанъ, считая ихъ виновниками угнетенія и униженія своей братіи. Эти двѣ партіи греко-уніатскаго духовенства, различныя по своимъ стремленіямъ и цѣлямъ, мы будемъ называть латинниками и ориенталистами. Въ протестахъ Брестскаго капитула, заявленіяхъ Брестской консисторіи, жалобахъ благочиннаго Антонія Сосновскаго, какъ у всѣхъ вообще ориенталистовъ въ русской уніи того времени, представлялись бѣдность духовенства, упадокъ религіи, латинизація въ обрядахъ. Но эти петиціи о ненормальномъ состояніи церкви оставались министерствомъ безъ всякаго вниманія до тѣхъ поръ, пока не понята была связь латинизаторовъ въ уніи съ польскою пропагандою въ школахъ учебнаго округа и монашескихъ. Ни митрополитъ Булгакъ, въ качествѣ Брестскаго епископа, ни 2-й департаментъ коллегіи, ни департаментъ духовныхъ дѣлъ до 1822 года не сдѣлали ни одного шага, чтобы выискнуть въ причины, вызвавшія неоднократныя жалобы и заявленія представителей Брестской епархіи (съ 1810 по 1820 гг.). Мы видѣли, что князь Голицынъ обращалъ эти жалобы къ митрополиту. Но не прошло и трехъ лѣтъ со времени протестовъ бѣлаго духовенства Брестской и Виленской епархій, какъ правительство выразило свое рѣшительное намѣреніе придти на помощь бѣлому духовенству для удовлетворенія вопиющихъ его нуждъ. Предложеніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отъ 28-го сентября 1822 г., перазило базиліанъ своею неожиданностью и вызвало опасеніе за будущую судьбу ордена.

Обратимся теперь къ анализу состоянія греко-уніатской церкви въ эти смутные годы. Начнемъ съ высшей іерархіи, а затѣмъ объяснимъ лихорадочное стремленіе латинизаторовъ захватить унію въ свои руки.

О греко-уніатскомъ митрополитѣ Иосафатѣ Булгакѣ можно сказать то же самое, что говорятъ историки о его современникѣ Римскомъ папѣ Піѣ VII. При мягкости своего характера Булгакъ всегда находился подъ вліяніемъ людей, его окружавшихъ. Поэтому въ его дѣйствіяхъ замѣчается двойственность, и нерѣшительность, какая-то неуловимость, не разъ приводившая въ недоумѣніе Брестскій капитулъ, со времени его возобновленія въ 1808 году.

Булгакъ происходилъ изъ небогатаго католическаго дворянскаго семейства Слоимскаго повѣта Гродненской губерніи и во всю свою жизнь оставался въ душѣ римскимъ католикомъ, ревностнымъ защитникомъ интересовъ базилианскаго ордена. Булгакъ получилъ первоначальное образованіе въ Жировицкомъ училищѣ, при базилианскомъ монастырѣ (1768—1777); на 16-мъ году поступилъ въ духовное званіе, прошелъ риторику и философію и въ 1782 г. отправленъ въ Римскую коллегію (*Collegium de Propaganda fide*) ¹⁾. Здѣсь онъ обучался съ 1782 по 1785 г. догматическому богословію, каноническому праву, италянскому языку, былъ посвященъ въ Римѣ греческимъ епископомъ въ іеромонахи и, возвратившись въ 1785 году со степенью доктора богословія, философіи и каноническаго права, поступилъ учителемъ сперва въ Березвеческій, а потомъ Жировицкій базилианскіе монастыри. Но черезъ годъ (въ 1786 г.) іеромонахъ Булгакъ былъ назначенъ коадьюторомъ Полоцкаго и Туровскаго епископовъ съ наслѣдствомъ. Такова была быстрая карьера въ русской униі монаховъ базилианскихъ, которые проходили римскую школу *de Propaganda fide*. Вслѣдъ за назначеніемъ Булгакъ рукоположенъ въ епископы Туровской епархіи. Послѣ третьяго раздѣла Польши Польская и Туровская епархіи были упразднены. Съ образованіемъ въ 1795 г. Брестской епархіи въ новомъ составѣ (изъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Курляндской), Булгакъ былъ

¹⁾ Во время польскаго владычества изъ Литовской базилианской провинціи ежегодно посылали въ Римъ четырехъ клириковъ базилианскаго ордена для полученія образованія; изъ нихъ двое помѣщались въ коллегію пропаганды и двое— въ греческую коллегію при церкви св. Азанасія. Съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи высылка базилианскихъ клириковъ въ Римъ была прекращена. Арх. св. сан. по 2-му департ. 1822 г., д. № 54. Въ Римѣ съ половинъ XVII в. существовала греко-униатская колонія при церкви *Della Madonna de Pascolo* (то-есть, во имя Жировицкой Божьей матери). Кардиналъ Антоній Варберини, братъ папы Урбана VIII, купилъ домъ при этой церкви для базилианъ и вообще оказывалъ особое покровительство русскимъ униатамъ, прибывавшимъ изъ Польши. Колонія базилианская была въ вѣдѣніи прокураторовъ. Съ 1639 г. было здѣсь 27 прокураторовъ. Въ колоніи съ давнихъ поръ существовала духовная школа для образованія русскаго духовенства изъ Польши и Литовской Руси; кромѣ присылаемыхъ греко-униатовъ, въ ней обучались и русскіе путешественники. Послѣднимъ ректоромъ и прокураторомъ былъ Юрданъ Мицкевичъ, который въ 1819 г. представилъ рапортъ русскому послу тайн. сов. Италіиному о „состояніи дома и церкви во имя Пресвятой Богородицы Жировицкой“. См. замѣтки профессора М. Бобровскаго въ „Dziej. Dobroc.“ на 1822 г., стр. 1247, 1248.

назначенъ Брестскимъ епископомъ. Съ самаго начала управленія этою обширною епархіей епископъ проявлялъ себя недоброжелателемъ блага духовенства, покровителемъ латинизаціи греко-славянскихъ обрядовъ, сторонникомъ самостоятельности базилианскаго ордена въ Уніи: онъ-то и поддерживалъ стремленія базилианъ къ восстановленію званія генерала или протоархимандрита, стѣснялъ образованіе блага духовенства своей епархіи (вспомнимъ закрытіе папскаго алушната) и вовсе не заботился объ улучшеніи его быта. Эти и другія дѣйствія Булгака отталкиваютъ отъ него представителей блага духовенства. Намъ уже извѣстны отношенія его къ митрополиту Лисовскому. Благодаря энергіи офиціала Тупальскаго, управлявшаго дѣлами епархіи съ 1807 г. и имѣвшаго большое вліяніе на своего епископа, Булгакъ долженъ былъ, волей-неволей, уступать просьбамъ Брестскаго капитула. Съ 1814 г., послѣ смерти митрополита Кохановича, Булгакъ исправлялъ должность архіепископа Луцкой епархіи. Его желаніе занять митрополичью кафедру послѣ смерти Кохановича въ 1814 г. не осуществилось, не смотря на все стараніе его пріятеля и сосѣда Пусловскаго, слонимскаго предводителя дворянства, который, минуя главное управленіе духовныхъ дѣлъ, хлопоталъ черезъ главный штабъ дѣйствующей арміи. Однако, спустя три года, Булгаку при содѣйствіи друзей въ столицѣ удалось достигнуть своей цѣли: 2-го января 1817 г. онъ былъ пожалованъ въ митрополиты греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, а 24-го октября 1817 г., на основаніи положенія о министерствѣ духовныхъ дѣлъ, назначенъ предсѣдателемъ 2-го департамента римско-католической коллегіи ¹⁾). Со времени переселенія своего въ Петербургъ, Булгакъ обнаружилъ свою тактику въ отношеніяхъ къ бѣлому духовенству своей Брестской епархіи; онъ попалъ подъ вліяніе своего секретаря іеромонаха Мудровича, воспитанника Полоцкой іезуитской коллегіи, личнаго врага архіепископа Красовскаго ²⁾), вступилъ въ

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му департ., дѣла 1817 г., № 8, 1818 г., № 33. Гр Толстаго: „Le Catholicisme Romain“, II, стр. 361 и слѣд.—Записки Іосифа, митр. Литовскаго, I, 53: „кроткаго и честнаго нрава, не дальняго ума и ученія. По характеру онъ не былъ евангеликомъ. Дѣлами никогда не занимался. Имѣлъ любостыжаніе въ пользу родныхъ“. Въ Запискахъ *Василія Лужинскаго*, архіепископа Полоцкаго, еще болѣе сочувствія къ Булгаку. Съ ходомъ дѣлъ въ Уніи правдоподобнѣе сужденіе о Булгакѣ *Антонія Зубки*; см. *Русск. Вѣстникъ* 1864 г.

²⁾ Іеромонахъ Іосафатъ Мудровичъ воспитывался у полоцкихъ іезуитовъ съ 1785 по 1794 г. Былъ подвергнутъ наказанію вмѣстѣ съ другими базилианамъ

вице-президенты библейскаго общества и сталъ всѣми способами содѣйствовать князю Голицыну къ низверженію Полоцкаго архіепископа. Со времени переселенія Булгака въ столицу всѣ дѣйствія его и окружающихъ его базилианъ возбуждали ропотъ и неудовольствіе въ бѣломъ духовенствѣ Полоцкой, Брестской и Виленской епархій. Въ этомъ отношеніи оставалось позади прочахъ духовенство Луцкой епархій, можетъ быть, потому, что ею управлялъ епископъ Мартусевичъ, а послѣ него съ 1823 г. епископъ суфраганъ Сѣроцинскій, которые, хотя и происходили изъ бѣлыхъ, всею душою были отданы латинству и тѣсно связаны съ базилианскимъ орденомъ.

Греко-униатскими епархіями управляли: Виленскою митрополичею епископъ суфраганъ, Брацлавскою—архимандритъ Адрианъ Головня, Полоцкою—архіепископъ Іоаннъ Красовскій, Луцкою—епископъ Іаковъ Окелло-Мартусевичъ и Брестскою—самъ митрополитъ, имѣя суфраганомъ Владимирскаго епископа, Супрасльскаго архимандрита Льва Яворовскаго. Съ 1823 года главное начальство надъ четырьмя епархіями раздѣлили между собою—митрополитъ Булгакъ и епископъ Мартусевичъ, первый въ Брестской и Виленской митрополичѣй, второй въ Полоцкой и Луцкой. Такимъ образомъ, послѣ удаленія архіепископа Красовскаго, греко-униатская церковь оказалась въ рукахъ латинизаторовъ-фанатиковъ.

Первое мѣсто по значенію въ Уніи занималъ Полоцкій архіепископъ Красовскій, который, получивъ первоначальное образованіе у оршанскихъ іезуитовъ, поступилъ въ духовное званіе въ 1792 г. и вскорѣ по окончаніи папскаго алумната въ Вильнѣ (въ 1798 г.) занялъ видное мѣсто при кафедрѣ архіепископа Лисовскаго ¹⁾. Выстрымъ своимъ возвышеніемъ онъ обяванъ сколько своимъ талантамъ, столько же и личному довѣрью къ нему Лисовскаго. Онъ многіе годы заздаль во 2-мъ департаментѣ коллегіи. Мы видѣли, съ какимъ успѣхомъ

за участіе въ дѣлѣ Киріата, возставшаго противъ архіепископа Лисовскаго. Затѣмъ занималъ должность преподавателя Полоцкой семинаріи (при Красовскомъ). Съ 25-го мая по 10-е іюня 1823 г., былъ секретаремъ при митрополитѣ Булгакѣ, а затѣмъ занималъ должность бѣлорускаго провинціала. Архивъ св. синода по 2-му департаменту 1825 г., № 42.

¹⁾ Архивъ св. синода. по 2-му депар. 1819 г., дѣло № 40. Въ 1798 году, по возвращеніи изъ Виленскаго алумната, онъ былъ назначенъ преподавателемъ, домашнимъ богословомъ и исправляющимъ должность секретаря экспедиціи, а въ 1802 г., аудиторомъ при дѣлахъ архіерейскихъ и преподавателемъ ставленниковъ. Послѣ рукоположенія въ іереи онъ былъ опредѣленъ членомъ консисторіи и назначенъ вскорѣ архипресвитеромъ.

онъ управлялъ дѣлами Полоцкой епархіи при Лисовскомъ, знаетъ также о заботахъ его о просвѣщеніи бѣлаго духовенства своей епархіи и о причинахъ ненависти къ нему бѣлорусскихъ базилианъ. Но архіепископъ Красовскій имѣлъ непонятное пристрастіе къ полоцкимъ іезуитамъ, можетъ быть — потому, что при ихъ содѣйствіи надѣялся достигнуть митрополичьей кафедрѣ. Онъ былъ крутогонимъ и, по видимому, не отличался строгимъ воздержаніемъ. Вѣроятно, поэтому, онъ имѣлъ многихъ враговъ, даже въ средѣ бѣлаго духовенства своей епархіи. Для базилианъ Красовскій былъ опасенъ потому, что представлялъ неподкупную силу, на которую опирался свѣтскій клиръ; онъ, поочередъ, осмѣливался претендовать на первенство въ греко-униатской церкви, явно противился порабощенію этой церкви латинскою, добивался упраздненія базилианскихъ монастырей, слѣдовательно, посягалъ на самое существованіе ордена. Базилианамъ необходимо было унижить и устранить Красовскаго, какъ опаснѣйшаго своего врага, между тѣмъ Полоцкая кафедра, самая богатая и почетная, служила приманкою для честолюбцевъ базилианскаго ордена; самъ митрополитъ не прочь былъ утвердиться въ Полоцкой епархіи. Не даромъ архимандритъ Шулякевичъ, личный врагъ Красовскаго, по порученію митрополита, присматривалъ подъ рукою за дѣйствіями архіепископа въ 1820 и 1821 годахъ. Шулякевичу извѣстно было не удовольствіе министра Голицына на Красовскаго, и тайное желаніе митрополита Булгава захватить въ свои руки богатія имѣнія Полоцкой архіепископіи, доставлявшія дохода болѣе 60.000 р. асс. Онъ зналъ объ этомъ отъ своего пріятеля Мудровича, также добивавшагося епископства. Въ концѣ 1821 г., немедленно послѣ отрѣшенія Красовскаго отъ архіепископской кафедрѣ, администраторомъ Полоцкой епархіи назначенъ архимандритъ Исаія Шулякевичъ, тотъ самый, который нѣкогда писалъ памфлеты противъ достойнѣйшаго митрополита Лисовскаго, который вмѣстѣ съ Мудровичемъ возбуждалъ монаховъ къ возстанію противъ власти владыки, принимавшаго горячо къ сердцу благо своихъ единовѣрцевъ, и который, наконецъ, не гнушался ролью шпіона и подстрекателя. Но Шулякевичъ, со дня на день ожидавшій епископскаго сана, умеръ 15-го октября 1822 г., то-есть, еще до окончанія суда надъ Красовскимъ, а затѣмъ въ мартѣ 1823 г. управленіе Полоцкою епархіей временно ввѣрено было Луцкому епископу Іакову Мартусевичу ¹⁾.

¹⁾ Дѣло архива св. синода 1819 г., № 40, 1820 г., № 44, 1823 г., № 18. — Справ. Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго. Казань. 1885. Авторъ,

Луцкій епископъ Іаковъ Мартусевичъ, хотя и принадлежалъ къ бѣлому духовенству и своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ Красовскому и Кожановичу, однако находилъ для себя болѣе выгоднымъ угождать базилианамъ и ухаживать за латинянами. Онъ провелъ свою молодость въ Полоцкѣ (его отецъ многіе годы былъ вице-офицеромъ), воспитывался у полоцкихъ іезуитовъ и вполне проникнуть былъ духомъ ультрамонтанства. Къ православнымъ отнесся съ предубѣжденіемъ фанатика. „По его понятіямъ, только одна римско-католическая церковь, а съ нею и римско-униатская была истинною церковію Христовою“. Управление Мартусевича Луцкою епархіей ознаменовалось возбужденіемъ православныхъ прихожанъ, нѣкогда перешедшихъ изъ уни, къ обратному переходу въ унию и поблажкою базилианамъ, не желавшимъ платить складчины на главную семинарію. Мартусевичъ въ Луцкой епархіи обращался безперервно съ фундушными имѣніями Мидичинской экономіи, а переселившись въ Полоцкъ въ 1823 г., постарался разстроить все то, что было сдѣлано полезнаго его предшественниками, Лисовскимъ и Красовскимъ: уничтожалъ введенные грековосточные обряды въ церквахъ и возобновлялъ въ нихъ латинскіе порядки. Своимъ покровительствомъ базилианамъ онъ внушалъ недоверіе въ бѣломъ духовенствѣ.

Оставляя въ мартѣ 1823 г. Жидичинъ, Мартусевичъ передалъ управленіе дѣлъ Луцкой епархіи предсѣдателю консисторіи архипресвитеру Кириллу Сѣроцинскому, своему сподручнику и благопріятелю, также упорному фанатику, вскорѣ наименованному епископомъ. Послѣ насильственной смерти Красовскаго (1827 г.), Мартусевичъ продолжалъ завѣдывать Луцкою епархіей до ея упраздненія, но оставался въ Полоцкѣ въ качествѣ епископа Полоцкой епархіи, до своей смерти въ 1833 г. ¹⁾.

очевидецъ происходившаго въ Петербургѣ съ 1822 по 1824 г., даетъ много весьма важныхъ указаній, относящихся къ судьбѣ архіепископа Красовскаго и тѣсно связаннымъ съ нею дѣламъ въ Полоцкой епархіи. Записки Іосифа митрополита Литовскаго, I, 53.— „На Красовскаго имѣли, кажется, виды, какъ на продолжателя дѣла послѣ митрополита Ираклія, и едва ли не уклоненіе отъ сего было поводомъ кругатаго поворота бывшаго о немъ дѣла, кончившагоса судомъ“. Эти замѣчанія не согласны съ обстоятельствами дѣла. Поводы къ суду вполне выяснены Лужинскимъ, графомъ Толстымъ въ сочиненіи *Le Catholic. Romain*, ч. II, и дѣйствіями Булгака, Шулякевича, Мудровича.

¹⁾ Архивъ св. синода, по 2-му деп. 1814 г., № 6, 22; 1823 г. № 18; 1826 г. № 82. Жалоба Красовскаго на дѣйствіи Мартусевича. Іосифъ Свиешко, какъ видно изъ его „Записокъ“, обязанъ былъ Мартусевичу своимъ быстрымъ возвыше-

Что же касается до Оршанскаго епископа Адриана Головна, управлявшаго Виленскою митрополичею епархіей, и Владимирскаго епископа Льва Яворовскаго, то оба они всецѣло принадлежали базилианскому ордену и оба дѣйствовали во вредъ греко-униатской церкви на пользу латинянъ. Епископъ Яворовскій, живя въ Супрасльскомъ монастырѣ, въ качествѣ суфрагана Брестской епархіи, ничѣмъ особенно не заявилъ своей дѣятельности; онъ исполнялъ, однако, иногда важныя порученія Вулгака, между прочимъ, былъ старшимъ членомъ суда надъ Красовскимъ и старался во чтобы то ни стало обвинить его ¹⁾.

Несравненно болѣе опасенъ былъ для униатовъ епископъ Адрианъ Головна, обязанный своимъ воспитаніемъ витебскимъ іезуитамъ; онъ, какъ увидимъ, отличался фанатическою ревностью къ латинизаціи греческихъ обрядовъ въ униі. Онъ былъ усерднымъ слугою литовскихъ провинціаловъ и для защиты базилианскаго ордена, не смотря на свой независимый постъ и преклонные годы (въ 1820 г. ему было 70 лѣтъ), противодѣйствовалъ своему официалу Антонію Сосновскому, даже поддерживалъ интриги базилианъ между членами

ніемъ по службѣ и пользовался его расположеніемъ; это, кажется, единственная заслуга Мартусевича. Печать іезуитизма лежала на всѣхъ дѣйствіяхъ епископа, жившаго въ постоянныхъ сношеніяхъ съ іезуитами до самаго ихъ изгнанія и принадлежавшаго ихъ братству. „Онъ былъ вполне фанатикомъ, ненавидѣлъ все русское и православное“. Записки митрополита Іосефа, т. I, стр. 20, 53, 54. Еще откровеннѣе говоритъ о Мартусевичѣ Дулянский: „Я скажу не обинуясь, что онъ былъ по образу мыслей и направленію самый опасный для дѣла воссоединенія греко-униатовъ съ православно-восточною католическою церковію“. Записки Василія архіепископа Полоцкаго, стр. 58, 59. О Свроцинскомъ въ „Запискахъ Іосефа Сѣмашки“ сказано глухо: „Человѣкъ дѣльный и безъ лишнихъ предразсудковъ, однакожь, не податливъ“. Іосефъ Сѣмашко о своемъ дядѣ не рѣшился писать откровенно. Официальные источники представляютъ Свроцинскаго человѣкомъ вреднымъ для русской народности въ униі.

¹⁾ Левъ Яворовскій, изъ дворянъ Вѣлостокской области, получилъ первоначальное воспитаніе въ Вѣлостокскомъ повѣтовомъ училищѣ, епископъ же и богословію обучался въ Супрасльскомъ духовномъ училищѣ, съ 1780 по 1787 г. Поступивъ (въ 1799 году) въ монахи Супрасльскаго Благовѣщенскаго монастыря, Яворовскій долгое время занималъ различныя въ немъ должности, по смерти епископа Духовскаго въ 1806 г. управлялъ епархіей, а въ 1809 г. наименованъ епископомъ Владимирскимъ и жилъ почти безвыходно въ Супрасльскомъ монастырѣ, до своей смерти въ 1833 г. Дѣло Арх. св. снв. по 2-му департ. 1819 г., № 40. Въ „Запискахъ митрополита Іосефа“ Яворовскій признаванъ ничтожнымъ по характеру, неспособнымъ ни на полезное, ни на вредное, т. I, стр. 57. Въ безвредности Яворовскаго мы сомнѣваемся.

виленской консисторіи, своими дѣйствіями раздражилъ бѣлое духовенство, препятствовалъ къ открытію документовъ въ митрополичьемъ архивѣ на церковныя имущества, захваченныя базилианами, прикрывалъ совращенія и ничего не сдѣлалъ для обезпеченія духовнаго образованія своей паствы. Напротивъ, того, онъ усердно распространялъ между униатами своей епархіи польскія изданія богослужебныхъ книгъ. Онъ былъ членомъ виленской масонской ложи. Къ характеристикѣ епископа Головни слѣдуетъ добавить, что онъ разстроилъ фондуши Брацлавскаго монастыря, передавъ часть денегъ въ руки извѣстнаго выходца Мануччи ¹⁾.

Вслѣдствіе фанатической ревности латинянъ, поощряемой греко-униатскими епископами (кроме Красовскаго), бѣлое греко-униатское духовенство приведено было въ такое раздраженіе, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ не возможно было ожидать какого-либо соглашенія между монахами базилианскаго ордена и свѣтскимъ клиромъ; первые тянули греко-униатовъ къ Риму, навязывая уставы, формы и обряды римскіе и распространяя польскія изданія религиозныхъ книгъ; послѣдніе напоминали имъ и своимъ прихожанамъ о древнемъ греческомъ богослуженіи, о древнихъ уставахъ, обрядахъ и обычаяхъ греческой церкви, которыхъ еще не удалось совершенно изгладить въ униі. Какая же изъ двухъ партій въ церкви должна была взять перевѣсъ? Монахи ли, сплоченные въ одну корпорацію и засѣвшие въ монастыряхъ, покрывавшихъ густою сѣтью Бѣлоруссію, Литву, Польшу, Волынь и Подоль, или бѣлое духовенство, разбросанное, по-

---

¹⁾ Въ монашескомъ званіи Головни обучался стихотворству и краснорѣчію, былъ проповѣдникомъ въ Витебскомъ и Жировицкомъ монастыряхъ, потомъ секретаремъ при митрополитѣ Θεодосіи Ростоккомъ. Затѣмъ, въ 1793 г. назначенъ архимандритомъ Брацлавскаго монастыря, въ 1807 г. — ассессоромъ коллегіи, въ 1809 г. — суфраганомъ востановленной Виленской епархіи. Дѣло архива св. синода 1819 г., № 40. До наименованія епископомъ вновь учрежденной епархіи, архимандритъ Головни былъ командированъ митрополитомъ въ Вильну и весьма подробно описалъ плачевное состояніе греко-униатской церкви въ Вильнѣ. Д. 1809 г., № 4, 1816 г., № 10, 1817 г., № 32. Его письма разоблачали злоупотребленія базилианъ. Іосифъ Сзмашко (Записки, I, 54) считаетъ Головню ничтожнымъ по характеру человекомъ, который не могъ быть самъ собою ни полезнымъ, ни вреднымъ (какъ и Яворовскій). Но это сужденіе не согласно съ дѣйствіями Головни въ его отношеніяхъ къ оециалу Сосновскому. Онъ чрезвычайно много вредилъ бѣлому духовенству. См. его донесеніе о главн. дух. семинаріи въ арх. мин. нар. проsv. и его донесенія во 2-й департаментъ римско-католической коллегіи въ 1826 и 1827 г. о дѣйствіяхъ оециала Сосновскаго.

давленное ктиторами, вѣчно грозившими изгнаніемъ изъ прихода, ограниченіями въ сервитутахъ, обращеніемъ священническихъ дѣтей въ крѣпостныхъ? Въ ту пору, когда польская пропаганда приняла уже грозные размѣры, когда латиняне, имѣя усердныхъ покровителей въ столицѣ, захватили въ свои руки всю администрацію Виленскаго учебнаго округа, рѣшеніе такого вопроса зависѣло вполне отъ состоянія умовъ бѣлаго духовенства въ епархіяхъ.

Бѣлое духовенство уже давно подбирало силы своей интеллигенціи въ капитулахъ. Собственно говоря, капитулы были представителями коалицій бѣлаго духовенства. Такъ было по крайней мѣрѣ въ Брестской и Виленской епархіяхъ. Брестскій капитулъ показалъ своими протестами съ 1810 года, что бѣлое духовенство не намѣрено болѣе терпѣть самоуправства базилианскихъ монаховъ. Удастся ли базилианскому ордену преодолѣть эту силу, чтобъ удержать до конца въ своихъ рукахъ латинское знамя? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно, если знать, что базилианскій орденъ въ униі поддерживался искусственно, требуя постоянного пополненія своихъ силъ польскими дворянами или тайными іезуитами, между тѣмъ какъ многочисленное бѣлое духовенство, отрицаясь отъ тягостной зависимости отъ латинскаго ордена базилианъ, искало только правды и, какъ русское, по преданію своихъ отцовъ, стремилось къ сохраненію своей церкви и уже потому имѣло право разчитывать на поддержку русскаго правительства.

Между тѣмъ желанія бѣлаго духовенства въ то время, то-есть, послѣ 1820 года, были ограничены: оно домогалось получить не болѣе того, чѣмъ пользовалось бѣлое греко-униатское духовенство въ странахъ католическихъ, а именно — въ Австріи. Но и это небольшое связано было съ закрытіемъ многихъ монастырей, бывшихъ прежде приходскими въ рукахъ священниковъ, или подлежавшихъ упраздненію по каноническимъ законамъ. Очевидною становилась невозможность разрѣшенія распри посредствомъ добровольныхъ уступокъ безъ помощи правительства.

Фанатизмъ и слабодушіе митрополита Булгака, неспособность и развращенность епископа Головни, честолюбивые планы Мартусевича, друга іезуитовъ, и склонность къ латинству базилианскихъ провинціаловъ, консульторовъ и небольшого кружка олатинившихся базилианскихъ богослововъ (и профессоровъ), вполне объясняютъ то слѣпое упорство, съ какимъ базилианскій орденъ отказывалъ бѣлому духовенству въ уступкѣ, отстаивая вмѣстѣ съ тѣмъ формы и обряды,

чуждые древней греко-славянской церкви въ Западной Россіи, даже послѣ изгнанія іезуитовъ, когда правительство въ 1822 году подняло вопросъ о закрытіи нѣкоторыхъ базилианскихъ монастырей съ цѣлью учрежденія семинаріи, и когда оно показало недовѣріе къ притязаніямъ провинціаловъ, поддерживаемыхъ всѣми епископами и митрополитомъ. Мы легко поймемъ, къ чему стремились базилианскіе провинціалы, и самъ начальникъ ордена митрополитъ Булгакъ, когда припомнимъ, въ какомъ настроеніи въ эти годы было общество въ Западной Россіи, особенно въ Вильнѣ. Намъ нужно еще знать, какими силами располагали обѣ партіи въ униі.

Въ четырехъ греко-униатскихъ епархіяхъ числилось прихожанъ до 1¹/₂ милліона, приходскихъ церквей, не считая приписныхъ 1466, монастырей мужскихъ 84 и женскихъ 11, священниковъ 1985, монаховъ болѣе 751¹⁾.

Эти данныя по епархіямъ представляются въ слѣдующемъ видѣ²⁾:

	Прихожанъ. 1822 г.	Церквей. 1823 г.	Священ- никовъ. 1823 г.	Монастырей.	Монаховъ.
Виленская митрополитчья . . .	29.465	304	850	Литовской 38	Провинц. 330
Брестская . . .	533.943	549	675		
Полоцкая . . .	533.903	463	500	Вѣлорусской 18	Провинц. 115
Луцкая	111.185	160	460	Русской 28	Провинц. 306

¹⁾ Арх. св. син. по 2-му департ. 1822 г., № 2. Болѣе полныя свѣдѣнія: дѣло 1857 г., № 78.—Здѣсь прихожанъ 1.521,312, церквей 1456 приходскихъ и 426 приписныхъ, собственно часовенъ. О монахахъ см. д. 1813 г., № 12. Сравн. показанія графа Толстаго, *Le Catholic. Romain*, ч. II, стр. 375 и слѣд.

²⁾ По свѣдѣніямъ 1827 года числилось:

Въ епархіяхъ.	Прихожанъ.	Церквей.	Монастырей.
Виленской	270.407	301	10
Брестской	617.221	540	27
Полоцкой	514.354	436	13
Луцкой	119.330	189	26
	1.521.312	1.466	76

Въ числѣ прихожанъ 1608 душъ Виленской епархіи не имѣли приходскихъ церквей; во многихъ приходахъ Виленской епархіи находилось по 1, по 2, по 3 приписныхъ церквей, такъ какъ прихожане обращены были въ разное время въ латинскую вѣру. Въ числѣ монастырей не показаны архимандричья и женскіе, не подчиненные орденскому управленію. Арх. св. син. дѣло 1827 г., № 78.

За исключеніемъ 135 клириковъ, обучавшихся въ новиціатахъ и богословскихъ студіяхъ, монаховъ числилось 616, а именно: въ провинціяхъ: Литовской 278, Русской 243, Бѣлорусской 95. Въ 11 женскихъ монастыряхъ считалось 116 монахинь.

Приведенная таблица объясняетъ численное отношеніе монашествующихъ къ священникамъ по епархіямъ, и тѣхъ, и другихъ къ прихожанамъ. Бѣлое духовенство было разбросано въ одиночку по обширной территоріи, тогда какъ монахи соединились въ известныхъ пунктахъ, особенно тамъ, гдѣ были публичныя школы для образованія свѣтскаго юношества. Самыми значительными по числу монаховъ и обучавшихся новиціевъ были монастыри Почаевскій, Виленскій Св. Троицы и Жировицкій. Въ этихъ трехъ главныхъ центрахъ базилианскаго ордена собрано было до 150 монаховъ и кандидатовъ къ монашескому сану. Затѣмъ было до шестидесяти монастырей, столь незначительныхъ по числу иноковъ (менѣе 8), что на основаніи законовъ каноническихъ, они подлежали упраздненію ¹⁾. Но базилианы не подчинялись и этимъ законамъ во всѣхъ случаяхъ, когда они не согласны были съ интересами ихъ ордена.

Нельзя не остановиться еще на крайне неравномѣрномъ распределеніи матеріальныхъ средствъ между монахами базилианскаго ордена и свѣтскимъ клиромъ. Здѣсь мы позволимъ себѣ привести слѣдующія строки изъ сочиненія графа Толстаго:

„Въ Россіи, хотя церковь греческая, обряды которой сохранены были греко-уніатами, была господствующею, духовенство греко-уніатское (бѣлое), имѣвшее сколько явное отвращеніе къ латинству, столько же симпатизировавшее русской (православной) церкви, во все продолженіе царствованія Александра I не пользовалась не только охраною со стороны русскаго правительства, но и защитою; оно лишено было законной и справедливой помощи. Почти двѣ тысячи приходскихъ причтовъ должны были довольствоваться доходами съ незначительныхъ участковъ земли по 36 дес. на каждый приходъ; церковныя капиталы были ничтожны въ сравненіи съ капиталами базилианъ, и дѣти священниковъ, лишеныя способовъ существованія, становились простыми крестьянами не только въ духовныхъ имѣ-

¹⁾ Приложение № 25, въ сочин. Le Cath. Rom., стр. 516. Прикладывая установленный въ законахъ масштабъ, слѣдовало бы закрыть монастыри: въ Бѣлорусской провинціи 15 изъ числа 18, въ Русской—11 изъ 28, въ Литовской 12 изъ 38. Въ теченіе 15 лѣтъ число монаховъ значительно сократилось въ Бѣлорусской провинціи.

няхъ, но также и въ имѣніяхъ господскихъ ¹⁾). Самъ митрополитъ Булгакъ, такъ мало расположенный къ свѣтскому клиру греко-униатовъ, оставилъ намъ слѣдующее показаніе весьма замѣчательное въ его устахъ: „Свѣтское греко-униатское духовенство, говоритъ онъ, пользуясь доходами большею частью отъ пахатной земли, въ размѣрѣ весьма ограниченномъ, рѣдко населенной крестьянами, и имѣя чрезвычайно скромные денежные капиталы, не смотря на все свое трудолюбіе, едва можетъ существовать прилично съ своими семействами“ ²⁾).

О неравномѣрномъ распредѣленіи денежныхъ капиталовъ между монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ по епархіямъ даетъ наглядное понятіе приведенная графомъ Толстымъ таблица № 26. На основаніи этихъ данныхъ общая сумма капиталовъ въ 1822 г. достигала до 1.000,000 руб., и въ томъ числѣ на 2,000 священниковъ съ причтомъ приходится менѣе $\frac{1}{7}$ части.

	Капиталы базиліанъ.	Капиталы свѣтоваго клира.
Лумдоровъ.	61,547	595
Талеровъ	12,550	3,441
Рублей сер.	631,725	102,732
Рублей ассиг.	5,900	153,066
Всего въ рубляхъ сер. до .	952,000	153,000

Стало быть, на каждого монаха причтается капиталовъ 1,360 рублей, на каждого священника 77 рублей.

Въ частности по епархіямъ распредѣленіе капиталовъ было еще болѣе неравномѣрно: въ Брестской епархіи на долю каждого монаха приходилось фундушей земли 259 дес., капитала 1,500 руб., дохода 180 руб., на долю священника—земли $32\frac{1}{2}$ дес., капитала $32\frac{1}{2}$ руб., дохода 9 рублей ³⁾).

Большая часть базиліанъ происходила изъ мѣстныхъ дворянъ, изъ коихъ многіе давали монашескіе обѣты въ юношескомъ возрастѣ, дѣтъ даже 14, весьма немногіе получили хорошее образованіе, нѣко-

¹⁾ Въ 1818 г. считалось 118 лицъ изъ семействъ низшаго греко-униатскаго духовенства, обратившихся въ крестьянъ: 3 въ Минской губери., 107 въ Гродненской и 8 въ Вѣлостокской области, кромѣ того, 34 обратились въ крѣпостныхъ подданныхъ помѣщиковъ: 3 въ Минской губери., 30 въ Гродненской и 1 въ Вѣлостокской области. Зап. грава Толстаю, Le Cath. Rom., II, стр. 377.

²⁾ Le Cathol. Rom., II, 376, 377.

³⁾ Дѣян. благотв. 1824 г., т. III, № 12.

торые не умѣли даже читать по церковно-славянски. Праздная жизнь, тунеядство, беззаботность развивали въ монастырской жизни пороки. Монастырская дисциплина совершенно упала. Особенно развито было пьянство. Встрѣчаемъ такую аттестацію: „пьяница и склоненъ къ прелюбодѣянью“, „пьяница безворотный“, „пьяница и неспособенъ“. На всеобщій упадокъ монашеской дисциплины указывали официальные отчеты еще со времени Отечественной войны. Рассмотрѣвъ послужные списки о 600 монахахъ, мы должны сказать, что въ 20-хъ годахъ базилианскій орденъ опирался въ сущности на незначительную партію монаховъ, изъ среды которой избирались провинціалы, консульторы, настоятели монастырей, секретари консулаты. Эта-то партія, сильная единодушіемъ преступныхъ дѣйствій и дерзкихъ замисловъ, собственно и была источникомъ и проводникомъ латинской пропаганды въ русскомъ населеніи и союзникомъ польской аристократіи, двигавшей всѣми пружинами колонизаціи въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ. Силы этой-то партіи (богослововъ и профессоровъ) были сконцентрированы въ Вильнѣ, Жировицахъ, Почаевѣ и Тадулишѣ (близъ Витебска). Они-то мутили всѣ отношенія, улитывая почву фанатизмомъ, и не хуже іезуитовъ, развивали латино-польскую пропаганду.

Съ партіей латинизаторовъ, правящей орденомъ, не трудно было бы справиться капитулу, еслибъ она не находила ободренія въ іезуитскомъ ордѣнѣ (до изгнанія іезуитовъ), поддержку у епископовъ изъ базилианъ и у Мартусевича, въ лагерѣ князя А. Чарторыйскаго и въ самомъ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Стало быть, не съ одними только монахами приходилось бороться греко-уніатскимъ священникамъ за свои права въ униі: имъ приходилось защищать интересы церкви передъ своими и епархіальными епископами, передъ правительственными чиновниками, передъ дворянствомъ польскимъ, окатоличеннымъ!

По счастью, базилианскій орденъ, лишившись поддержки своего главнаго союзника—ордена іезуитскаго, видимо падалъ, разлагался, можно сказать—угасалъ вслѣдствіе упадка монашеской дисциплины и ограниченія источниковъ для освѣженія своихъ дряхлѣющихъ силъ.

Латино-польской партіи, устремившей всѣ пружины къ возвращенію утраченныхъ Польшею русскихъ областей, необходимо было спасти падавшій базилианскій орденъ, который оказывалъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ такія услуги польской цивилизаціи и іезуитской пропагандѣ на Руси. Вполнѣ сознавая дурныя послѣдствія отъ неми-

нуемаго пораженія базилианскаго ордена, вслѣдствіе возростанія моральныхъ силъ въ свѣтскомъ клирѣ, митрополитъ Булгакъ, съ самаго начала своей дѣятельности: 1) ввелъ представителя базилианъ въ составъ униатскаго департамента, 2) сталъ настаивать на отміѣнѣ постановленія, коимъ возбранялось принимать въ монашество лицъ римско-католическаго исповѣданія, 3) ходатайствовалъ объ ограниченіи доступа въ архіереи прелатамъ и каноникамъ, и наконецъ, 4) поддерживалъ просьбы базилианскихъ провинціаловъ о присоединеніи Бѣлорусской провинціи къ Литовской.

Булгакъ, какъ дѣйствительный представитель базилианскаго ордена, его глава и начальникъ, съ фанатизмомъ, напоминающимъ подвиги нѣкоторыхъ его предшественниковъ XVIII в., самымъ безцеремоннымъ образомъ относился къ заявленіямъ и нуждамъ бѣлаго духовенства, а такія дѣйствія митрополита вели іерархію къ распаденію.

Разсмотримъ въ частности намѣченные нами четыре пункта. Прежде всего митрополиту нужно было посадить базилианина во 2-й департаментъ коллегіи. Митрополитъ Виленская епархія, подобно другимъ, имѣла своего ассессора въ коллегіи; митрополитъ Булгакъ нашелъ, что представитель отъ епархіи, нужды которой ему лично извѣстны, совершенно лишній, и что въ замѣнъ его долженъ быть назначенъ архимандритъ базилианскаго ордена, „чтобы сохранить единство и расширить вліяніе коллегіи на дѣла свѣтскаго и монашескаго духовенства и такимъ образомъ доставить базилианскому ордену способы имѣть самоточнѣйшія свѣдѣнія, столь желательныя, о фундашахъ, капиталахъ, монашеской дисциплинѣ, и т. п.“ Замѣчательная административная заботливость въ митрополитѣ, главѣ униатовъ, который прежде въ качествѣ епископа Брестскаго, интриговалъ въ пользу возстановленія должности протоархимандрита и никогда не доставлялъ правительству точныхъ свѣдѣній о монастыряхъ!

Соображенія Булгака были уважены кн. Голицынымъ, и указомъ сената 31-го января 1819 г. было объявлено, что Его Величество соизволило признать ненужнымъ имѣть засѣдателя отъ Виленской епархіи прелата или каноника, а признавъ нужнымъ избрать изъ архимандритовъ базилианскаго ордена двухъ кандидатовъ для выбора государемъ одного ¹⁾ Поэтому бывшій засѣдатель Брестскій каноникъ

¹⁾ Арх. св. син., дѣло 1819 г., № 5. По поводу предложенія Булгака графъ Толстой замѣчаетъ, что разсужденія митрополита были неосновательны; если

Өеодоръ Бѣлиновичъ выбылъ изъ Петербурга въ февралѣ 1819 г. и избранный на его мѣсто архимандритъ Аврелій Сулатыцкій, настоятель Черейскаго монастыря, Полоцкой епархіи, прибылъ въ С.-Петербургъ 19-го января 1820 г. Присутствіе представителя базилианскаго ордена въ коллегіи потому еще было необходимо теперь для митрополита Булгака, что онъ 19-го декабря 1819 года отправился на дѣлный годъ во вѣранныя ему непосредственно Виленскую и Брестскую епархіи для разрѣшенія дѣлъ, требующихъ его личного присутствія ¹⁾. Но устраненіе ассессора изъ коллегіи съ замѣною его базилианиномъ было нарушеніемъ правъ бѣлаго духовенства и послужило однимъ изъ поводовъ къ извѣстному намъ протесту Брестскаго капитула (въ февралѣ 1819 года). Какого же рода были дѣла у митрополита, занимавшія его около года (онъ вернулся въ Петербургъ 30-го ноября 1820 года)? Вспомнимъ о жалобахъ Брестскаго капитула 1819 года на злоупотребленія базилианъ, которыя нельзя было оставить безъ всякаго удовлетворенія, вслѣдствіе предложенія министра отъ 7-го мая 1819 года о принятіи мѣръ къ улучшенію бѣлаго духовенства Брестской епархіи. Вспомнимъ еще объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ отрѣшенію архіепископа Красовскаго отъ управленія Полоцкою епархіей: напимѣръ, неожиданное появленіе въ коллегіи священника Ѳомы Артамовича въ 1820 году, настоятеля Воронежскаго прихода (Полоцкой епархіи), для принесенія личной жалобы министру князю Голицыну (на обиду и угнетенія епархіальнаго архіерея), жалобы, присланная въ департаментъ помѣщиками на дурное и предосудительное поведеніе приходскихъ священниковъ, жалобы священника Лукашевича на неправильность дѣйствія Полоцкой консисторіи ²⁾. Булгакъ дѣйствовалъ съ обычною іезуитамъ такти-

---

онъ находилъ лишнимъ присутствіе въ коллегіи представителя отъ Виленской епархіи, потому что онъ самъ зналъ ея нужды, то еще менѣе надобности было въ присутствіи ассессора отъ Брестской епархіи, которою управлялъ съ 1795 г. Le Cathol. Rom., II, 362, 363.

¹⁾ Арх. св. син. по 2-му департ., д. 1819 г., № 36.

²⁾ Архивовъ св. синода по 2-му департ. 1820 г., №№ 33, 8, 15, 37. Главными двигателями доносовъ на архіепископа Красовскаго были базилиане, которыми руководили въ Полоцкой епархіи архимандритъ Полоцкаго Борисоглыбскаго монастыря Шулякевичъ, а въ Петербургѣ секретарь митрополита Мудровичъ. „Записки Василія Лужинскаго, архіепископа Полоцкаго“, стр. 48—53. Тоже Tolstoy, Le Cathol. Rom., II, 365. При ревизіи Полоцкой епархіи Булгакъ нашелъ все въ большомъ порядкѣ, и благодарилъ Красовскаго, а въ то же время поручилъ архимандриту Шулякевичу, базилианину, личному врагу Красовскаго, слѣдить секретно за всеми дѣйствіями архіепископа.

кою: въ Полоцкѣ онъ ободрилъ архіепископа Красовскаго и установилъ за нимъ секретный надзоръ, въ Жировицахъ онъ обѣщалъ удовлетворить требованія брестскихъ канониковъ и не исполнилъ обѣщанія, а въ Петербургѣ доказывалъ, что образованіе для священниковъ вредно!..

Едва только Вулгакъ достигъ митрополичьяго достоинства, какъ не замедлилъ заявить жалобу о неправильномъ постановленіи 2-го департамента 1812 года, коимъ возбранялся приемъ латинянъ въ базилианскій орденъ, на томъ основаніи, что если въ базилианскій орденъ перестанутъ вовсе поступать римскіе католики, то онъ долженъ прекратить свое существованіе. Поднималась и другая старая исторія, сданная въ архивъ еще въ 1810 году, о возведеніи базилианъ на степень ученаго сословія, противъ чего возставали защитники блага духовенства греко-униатской церкви Лисовскій, Кохановичъ, Красовскій ¹⁾. Самому митрополиту являться ходатаемъ въ щекотливыхъ вопросахъ было неудобно. На помощь базилианамъ явился князь Чарторыйскій. Онъ возобновилъ въ министерствѣ просьбу о приведеніи въ исполненіе его проекта (1807 г.) относительно базилианскаго общества, о допущеніи его единовѣрцевъ къ вступленію въ этотъ орденъ, о выборѣ епископовъ исключительно изъ базилианъ, о разрѣшеніи снова воспитывать въ Римѣ новиціевъ (клириковъ, готовящихся къ монашеству), и особенно, о недопущеніи перехода базилианскихъ фундушей; въ распоряженіе блага греко-униатскаго духовенства въ своей защитѣ базилианъ попечитель Виленскаго округа увѣрялъ, что на эти фундуши означенное духовенство не имѣетъ никакого права (хотя богатства базилианъ образовались изъ фундушей, отнятыхъ у блага духовенства), что священникамъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей достаточно и того, что они имѣютъ, и что обогащеніе свѣтскаго клира (который по бѣдности едва влачилъ свое существованіе) на счетъ базилианскаго имущества ослабило бы орденъ, столь полезный для имперіи. Однако тотъ же князь Чарторыйскій хлопоталъ о закрытіи римско-католическаго монастыря въ Каргузъ Березѣ для того, чтобы,

¹⁾ Вотъ что писалъ митрополитъ Кохановичъ князю Голицыну въ 1812 г.: „Всякому извѣстно, что конгрегація базилианъ, какъ и всѣ монастырскіе ордена греко-восточной церкви, учреждена не для обученія наукамъ въ публичныхъ школахъ, но чтобы вести жизнь въ воздержаніи и постѣ и чтобы возносить горячія молитвы къ Богу, совершать святыхъ таинства, проповѣдывать Слово Божіе, что мы и видимъ у монаховъ въ монастыряхъ греко-русской церкви“. *Tolstoy, Le Cath. Rom., II, 371.*

воспользовавшись его богатыми фондами, избавить другихъ монаховъ отъ складки на главную семинарію.

Можно подумать, что западныя губерніи уже вошли въ составъ новаго, воображаемаго польскою партией государства!

Послѣ изгнанія іезуитовъ министерство духовныхъ дѣлъ не относилось уже къ базилианамъ съ прежнимъ слѣпымъ довѣріемъ; оно начинало понимать, для достиженія какой цѣли князь Чарторыйскій хлопоталъ о возобновленіи комплектованія базилианскаго ордена римскими католиками, вовсе незнакомыми съ языкомъ, на которомъ совершается богослуженіе въ греко-уніатской церкви, и конечно, не ради приверженности къ греческому обряду въ униі. Притомъ базилиане вовсе не обязаны обучать римскихъ католиковъ, напротивъ того, они, казалось бы, должны обучать исключительно людей своего исповѣданія, преимущественно дѣтей бѣдныхъ уніатскихъ священниковъ, которые по недостатку средствъ оставались въ невѣжествѣ.... Поэтому въ министерствѣ полагали не только оставить въ своей силѣ сенатскій указъ 1812 г., но, по мнѣнію директора департамента Тургенева, необходимо было бы немедленно же закрыть многіе базилианскіе монастыри, а изъ остальныхъ образовать одну провинцію, не похожую на существующія три провинціи, устроенныя по образцу римско-католическихъ. Но на такую рѣшительную мѣру не согласился князь Голицынъ ¹⁾. Министръ, какъ кажется, шадилъ базилианскій орденъ, потому, что представители его были такими усердными сторонниками библейскаго общества и оказывали ему значительныя личныя услуги, между прочимъ и для униженія Полоцкаго архіепископа, считавшаго библейское общество франкъ-масонствомъ, самымъ лучшимъ проповѣдникомъ протестанства въ Россіи.

Опираясь на князя А. Н. Голицына и Чарторыйскаго, имѣя на своемъ челѣ усерднаго ходатая въ митрополитѣ, одобряемые своими агентами въ столицѣ, особенно Мудровичемъ, базилиане не смущались неудачей. Они посылаютъ въ Римъ секретныя жалобы о преслѣдованіяхъ, которымъ базилианскіе монахи подвергаются въ Россіи; испрашиваютъ дозволеніе отправить въ Петербургъ депутацію, дабы формально заявить о нуждахъ базилианъ. Но и въ отправленіи депутаціи въ Петербургъ было отказано ²⁾.

¹⁾ *Tolstoy, Le Cathol. Rom., II, 372.*

²⁾ *Tolstoy, Le Cath. Rom., II, 383.* Базилиане, вѣрные послѣдователи іезуитовъ, пускали въ ходъ тѣ же приемы, когда желали добиться какой-либо важной цѣли. Исполненіе іезуитскихъ ходатайствъ при Екатеринѣ II и Павлѣ при-

Эти дѣйствія литовскихъ базилианъ нами будутъ еще разсмотрѣны въ слѣдующихъ главахъ.

Воспользовавшись перемѣною въ судьбѣ архіепископа Красовскаго и разчитывая на поддержку князя Голицына и сочувствіе митрополита, бѣлорусскіе базилиане подняли одновременно вопросы о соединеніи своей провинціи съ Литовскою и о предоставленіи права на занятіе епископскихъ кафедръ исключительно базилианамъ.

Провинціями базилианскаго ордена управляли: Бѣлорусскою — Никодимъ Смыковичъ, Литовскою — Цезарій Каминскій и Русскою провинціей исправляющій должность провинціала Левъ Дешковичъ. Изъ нихъ особеннымъ значеніемъ и авторитетомъ у базилианъ пользовался литовскій провинціалъ Каминскій, произведенный въ 1821 г. въ архимандриты Лещинскаго монастыря ¹⁾.

Каминскій происходилъ изъ литовскихъ дворянъ и, вступивъ въ монашество на пятнадцатомъ году жизни въ Виленскій базилианскій монастырь, посѣщаль лекціи физики, логики и математики Виленской академіи; затѣмъ прошелъ богословскую студию въ Жировицахъ (1787—1792 гг.) и наконецъ Collegium de propaganda fide въ Римѣ (1792 — 1794 гг.), курсъ которой окончилъ со степенью доктора философіи. Подобно многимъ своимъ собратамъ, монахъ Каминскій сначала избралъ дѣятельность ученую и въ теченіе семи лѣтъ читалъ астрономію въ Виленскомъ университетѣ съ званіемъ адъюнкта. Въ 1812 г. онъ принадлежалъ къ составу комитета, учрежденнаго Наполеономъ, для собранія контрибуціи съ духовенства и между прочимъ заботился о низверженіи съ епископскихъ кафедръ Кохановича и Красовскаго. Въ 1814 г., оставивъ профессорскую дѣятельность въ университетѣ, Каминскій былъ назначенъ игуменомъ Виленскаго Свято-Троицкаго базилианскаго монастыря. Уже тогда Каминскій заявилъ себя гонителемъ образованныхъ униатскихъ священниковъ. Въ 1818 г. онъ избранъ вторымъ консульторомъ базилианской провинціи и вслѣдъ

несло много вреда православію и русской народности въ Бѣлоруссіи. *Морозкинъ*, *Иезуиты въ Россіи*, ч. I, гл. VI и VII. *Потемкинъ*, *Чернышевъ* и *Безбородко* были защитниками иезуитовъ—при *Еваторинѣ*, *Завадовскій*, *Разумовскій*, *Долухивъ* и *Голыцынъ* при *Александрѣ I*.

¹⁾ Архивъ св. синода, по 2-му департ., дѣло 1821 г., № 34, 1822 г., № 59. Консульты составляли въ провинціяхъ—Бѣлорусской: *Иларіонъ Родзевичъ*, *Сильверстъ Буковскій*, *Феликсъ Подобъдъ*, въ Литовской: *Иосаатъ Слободскій*, *Венедиктъ Ленартовичъ*, *Леонтій Околовъ*, въ Русской: *Ипполитъ Порницкій* и *Симплицій Держановскій*.

за сими провинціаломъ. Это былъ одинъ изъ ученѣйшихъ монаховъ въ орденѣ, фанатически приверженный къ латинству, а потому злѣйшій врагъ русской народности въ Западной Россіи. Болѣе десяти лѣтъ онъ стоялъ во главѣ партіи базилианъ, враждебно относившейся къ духовному образованію свѣтскаго клира въ униіи и стремившейся къ удержанію за базилианскимъ орденомъ тѣхъ привилегій, которыми его щедро надѣлило бывшее правительство Рѣчи Посполитой, и которыми монастыри овладѣли посредствомъ насилій и захватовъ.

Ученый базилианскій фанатикъ рѣшился выступить защитникомъ своего ордена передъ правительствомъ, послѣ того, когда министерство отклонило присылку депутаціи въ столицу. Помѣстивъ въ число базилианъ Іоанна Златоуста, Кирилла и Меодія, Московскихъ митрополитовъ Петра и Алексѣя и т. п., литовскій провинціалъ старался представить важность и высокое назначеніе своей конгрегаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ унижалъ бѣлое греко-униатское духовенство, объясняя, что самое названіе поповичъ (сынъ священника) всегда считалось у поляковъ подлымъ; а такъ какъ, по польскимъ законамъ, дѣти греко-униатскихъ священниковъ по записямъ относились въ разрядъ крѣпостныхъ людей, то какимъ образомъ можно допустить пріемъ подобныхъ людей въ орденъ, столь аристократическій, какъ базилианскій, который принималъ въ составъ своихъ членовъ только представителей лучшихъ польскихъ фамилій? „Литовскіе базилиане“, продолжаетъ Каминскій,— „не безъ основанія опасаются такого же упадка своего ордена, въ какомъ находятся ихъ собратья въ Бѣлоруссіи, которые потеряли свое значеніе единственно потому только, что въ этой странѣ стало подниматься свѣтское духовенство, тогда какъ на базилианъ не обращалось вниманія“ ¹⁾.

Въ заключеніи своей просьбы литовскій провинціалъ высказываетъ такую точку зрѣнія на унию: „Изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ, что число греко-униатовъ уменьшается постоянно, что нѣтъ никакого средства остановить это несчастіе, и что, поэтому, допущеніемъ римскихъ католиковъ въ орденъ базилианскій (воспрощенное правительствомъ) нельзя будетъ даже и вознаграждать постоянного умень-

¹⁾ *Tolstoy*, *Le Cathol. Rom.*, II, 373. Здѣсь Каминскій, очевидно, намекаетъ на усилія Лисовскаго и Красовскаго поднять изъ ничтожества духовенство Полоцкой епархіи. Припомнимъ также, что это прошеніе послышалось въ министерство въ то именно время, когда надъ Красовскимъ готовился судъ по интригамъ базилианъ.

шенія числа греко-униатовъ, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, и это весьма скоро, унія приведена будетъ къ ничтожеству“¹⁾).

Сужденія провинціала Каминскаго показываютъ, что сами базилианскіе монахи смотрѣли на свой институтъ въ русской уніи, какъ на орудіе латинизаціи. Обратившись въ покорныхъ слугъ польской интеллигенціи въ западныхъ губерніяхъ, будучи орденомъ аристократическимъ, базилиане тѣмъ самымъ, съ одной стороны, объявляли себя врагами русской народности, представителемъ которой въ уніи оставался свѣтскій клиръ, а съ другой — становились въ открытую оппозицію намѣреніямъ русскаго правительства, которое, въ послѣдніе годы царствованія Александра I, желало оказать поддержку бѣлому духовенству греко-униатской церкви. Но именно въ виду готовившагося неизбежнаго удара—секуляризаціи монастырей, представители базилианскаго ордена стали усердно хлопотать о соединеніи своихъ силъ, все болѣе и болѣе слабѣвшихъ вслѣдствіе запрещенія поступленія въ монахи римскихъ католиковъ. Положимъ, постановленіе это до сихъ поръ базилиане обходили, у нихъ были новіиціи, которыхъ доставляли вѣрныя имъ публичныя школы, наполненныя большею частью католиками²⁾. Тѣмъ не менѣе, число монаховъ видимо уменьшалось, особенно въ Бѣлорусской провинціи, и во многихъ монастыряхъ оставались одни только старики, ни къ чему уже не способные, такъ что некому было отправлять духовныхъ требъ. Даже въ Супраляскомъ монастырѣ настоятелю приходилось для совершенія богослуженія приглашать священника соседняго прихода!

Въ прошеніи Литовскаго провинціала упомянуто объ упадкѣ базилианскихъ монастырей въ Бѣлорусской провинціи. Мы видѣли, что тамошніе монастыри пришли въ упадокъ еще послѣ Отечественной

¹⁾ *Tolstoy, Le Cathol. Rom.*, II, 374. Почтенный авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ изъ прошенія базилианскаго провинціала, которымъ уничтожается всякое сомнѣніе относительно намѣреній латинскаго духовенства совратить греко-униатовъ въ латинство; унія поддерживалась тѣмъ, что въ ней не было греко-униатскаго, то есть, базилианами; орденъ базилианскій сохранялъ свое существованіе потому только, что ему дозволялось быть не греческою конгрегаціею, а латинскимъ орденомъ, составленнымъ исключительно изъ католиковъ. О томъ, что унія поддерживалась только базилианами, главнымъ образомъ, Свято-Троицкимъ монастыремъ, говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ профессоръ Бобровскій.

²⁾ Въ 1822 г. въ 6 публичныхъ школахъ Литовской провинціи состояло 1202 ученика римско-католическаго исповѣданія и только 213 греко-униатскаго.

войны, и знаемъ, кромѣ того, что этотъ упадокъ выражался тогда не одною малочисленностью монаховъ, но и крайнею распущенностью монашеской дисциплины, на что указывали визиты самихъ провинціаловъ (напримѣръ, Романовскаго). Архіепископъ Красовскій, имѣя въ виду общіе государственные законы и правила, относящіяся къ базилианамъ Бѣлорусской провинціи, не допускалъ базилианскихъ провинціаловъ нарушать эти законы, на сколько это касалось его власти. Иначе было въ Литовской и Русской провинціяхъ: тутъ все дѣлалось по регламенту 1801 года, который предоставлялъ монашескимъ орденамъ широкое самоуправленіе.

Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита въ Петербургъ съ поѣздки по епархіямъ, во 2-й департаментъ коллегіи поступило отъ него предложеніе 28-го января 1821 года, основанное на рапортѣ къ нему бѣлорусскаго провинціала Смыковича отъ 5-го декабря 1820 года (изъ Тадулина). Послѣдній проситъ о присоединеніи своей провинціи къ Литовской— „для славы и блага нашего вселенскаго ордена и для будущей пользы бѣлорусскихъ монастырей“ ¹⁾. Причины для соединенія провинціи были преставлены имъ неосновательныя, и притомъ, въ представленіи были искажены историческіе факты. Но провинціалу нуженъ былъ только предлогъ для достиженія извѣстной цѣли тогдашнихъ честолюбцевъ ордена. Самъ митрополитъ, въ своемъ предложеніи 2-му департаменту, поддерживалъ необходимость присоединенія Бѣлорусской провинціи къ Литовской. Между тѣмъ въ силу такого акта литовскій провинціалъ Каминскій долженъ былъ стать полновластнымъ распорядителемъ монастырей Литвы и Бѣлоруссіи, а затѣмъ уже не трудно было убѣдить министра въ необходимости „для славы ордена“ присоединить къ двумъ провинціямъ и третью—Русскую, въ которой, кстати сказать, не было еще назначено провинціала. Каминскій не замедлилъ прислать въ департаментъ свое заключеніе объ единогласномъ постановленіи консулты о пользѣ соединенія для „славы ордена“, объясняя притомъ что базилиане всегда были склонны къ соединенію монастырей въ одну провинцію, о чемъ и состоялось постановленіе генеральнаго капитула, собраннаго въ Тороканахъ, въ 1802 году. Какъ видно изъ представленныхъ документовъ, Каминскій охотно принялъ бы въ свои руки заботы надъ духовнымъ образованіемъ на

¹⁾ Въ подлинникъ: „dla ocalenia stawy i dobra powszechnego zakonu naszego, dla zabezpieczenia w czas dalszy dla kraju tutejszych klasztorów». Арх. св. сн. по 2-му деп. 1821 г., № 8.

всемъ пространствѣ территоріи, занятой базилианскимъ орденомъ. Составленная имъ вѣдомость о состояніи монастырей Литовской провинціи, удостовѣряла, что провинціалъ усердно заботится о процвѣтаніи духовнаго и свѣтскаго латино-польскаго образованія. Въ 39 монастыряхъ Литовской провинціи тогда состояло 187 монаховъ и до 72 новиціевъ и учениковъ, обучавшихся богословскимъ наукамъ, риторикѣ и латинскому языку въ спеціальныхъ и духовныхъ школахъ, куда не хотѣли, однако, посылать своихъ дѣтей священники. Процвѣтали также публичныя и приходскія школы для мірянъ ¹⁾.

Проектъ Смыковича съ особеннымъ жаромъ старался поддерживать также и администраторъ Полоцкой епархіи, который затрудненія въ выборѣ настоятелей, ректоровъ, учителей классовъ и проповѣдниковъ въ Бѣлорусской провинціи объяснялъ недостаткомъ образованныхъ монаховъ. Съ обращеніемъ Софійскаго монастыря (въ Полоцкѣ) въ семинарію, отняты—писалъ Шуляковичъ—способы къ образованію духовенства базилианскаго ордена,—самъ митрополитъ убѣдился въ недостаткѣ свѣдущихъ монаховъ Бѣлорусской провинціи, но этотъ недостатокъ, по его мнѣнію, легко устранить, если состоится присоединеніе этой провинціи къ Литовской.

Архіепископъ Красовскій, отъ котораго также потребовалось объясненіе, хорошо видѣлъ, къ чему клонились затѣи базилианскихъ монаховъ. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту Булгаку отъ 6-го марта 1821 года ²⁾, не смотря на петлю накинутую на него базилианами, архіепископъ напоминаетъ объ указѣ 8-го октября 1795 г., который

¹⁾ Богословская и философская студія при Виленскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ немъ 17 клириковъ; классъ риторики при публичной школѣ, въ Жировицкомъ монастырѣ, въ немъ 20 учениковъ; латинская школа въ Торокахъ:—въ 1-мъ классѣ 16 учен., во 2-мъ 11 учениковъ. Кроме того, въ Сутковскомъ и Волчанскомъ монастыряхъ были школы нравственнаго богословія, и въ нихъ состояло 8 клириковъ. Въ провинціи находилось 6 публичныхъ школъ для мірянъ, гдѣ преподаваніемъ занимались до 40 монаховъ, и нѣсколько приходскихъ школъ, гдѣ преподавали также монахи. Архивъ св. синода, д. 1821 г., № 8, л. 24 и слѣд.

²⁾ Къ письму приложены два рапорта архіепископа Красовскаго о томъ же предметѣ во 2-й департ. коллегіи отъ 13-го мая и 28-го сентября 1815 г., №№ 214 и 449, рапортъ къ нему провинціала Хотинскаго, копія указа коллегіи къ архіепископу Лисовскому, отъ 6-го іюня 1804 г., № 552, копія указовъ сената 15-го января 1790 г. и 26-го августа 1792 г. два декрета апостольской столицы съ утвержденіемъ особой базилианской провинціи св. Николая въ Бѣлоруссіи. Арх. св. снв. 1821 г., № 8, л. 31 и слѣд.

число монастырей во всѣхъ базилианскихъ провинціяхъ русской уни ограничивалъ лишь 24—27; и этихъ монастырей было бы достаточно для помѣщенія всѣхъ духовныхъ особъ базилианскаго ордена. Поэтому домогательства провинціала Смыковича онъ, Красовскій, считаетъ неприличною выходкою. Упомянутое же о Тороканскомъ орденскомъ капитулѣ 1802 г., бесполезно, такъ какъ этотъ капитулъ не признанъ правительствомъ, а слѣдовательно, и всѣ дѣйствія его, то-есть, соединеніе провинцій и выборъ одного начальника или протоархимандрита, не дѣйствительны. Самостоятельное существованіе Бѣлорусской провинціи утверждено палскою буллою. Далѣе, напоминая митрополиту о докладѣ министра П. В. Завадовскаго, относительно преобразованія базилианскихъ монастырей въ воспитательное общество, Красовскій присовокупляетъ, что эта стратагема достаточно открыта и объяснена митрополитомъ Лисовскимъ.

Послѣ такихъ разоблаченій архіепископа старый вопросъ, поднятый бѣлорусскимъ базилианскимъ провинціаломъ, пришлось сдать въ архивъ. Явился однако еще мотивъ къ усиленію злобы базилианъ на упорнаго Полоцкаго архіепископа.

Между тѣмъ какъ провинціалы базилианскаго ордена тревожили министерство духовныхъ дѣлъ своими интригами, происками и домогательствами, положеніе главной семинаріи становилось критическимъ вслѣдствіе значительныхъ недоимокъ, съ году на годъ увеличивающихся. Попечитель Виленскаго учебнаго округа сталъ даже опасаться за самое существованіе заведенія, „если эта несправность будетъ продолжаться“. Въ одномъ только 1820 году недоимки простирались до 9.121 рубля, то-есть, составляли почти $\frac{2}{3}$ годоваго оклада (15.000 р.), а съ недоимками прежнихъ лѣтъ, весь недоборъ достигъ уже 56.015 рублей. Спустя два года (1823 г.), не смотря на строжайшія предписанія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ обѣщаніемъ привлечь виновныхъ настоятелей, провинціаловъ и даже епископовъ къ отвѣтственности, въ недоимкѣ оставалось 51.601 р. 92 $\frac{1}{2}$ к., въ томъ числѣ на базилианскихъ монастыряхъ, подчиненныхъ орденскому управленію, 8.541 р. 32 $\frac{1}{2}$ к. и на 8 женскихъ монастыряхъ, считавшихся подъ управленіемъ епископовъ, 1.326 р. Какъ видно, предписанія министромъ Голицынымъ строжайшія мѣры ко взысканію недоимокъ, оказали слабое дѣйствіе. Коллегія даже собиралась еще разъ возбудить вопросъ о закрытіи главной семинаріи. Требованія, понужденія, угрозы инистерства еще пуще раздражали монаховъ противъ учрежденія, обязаннаго доставлять епархіямъ ученыхъ

пастырѣй съ правомъ занимать высшія должности въ епархіяхъ и достигать епископскаго сана.

Чтобы сколько-нибудь затруднить бѣлому духовенству доступъ къ епископскому достоинству, Булгакъ испрашивалъ подтвержденіе постановленій Замойскаго синода, въ которомъ опредѣлялось, что епископъ, избранный изъ свѣтскаго клира, прежде принятія монашескихъ обѣтовъ, долженъ пройти въ теченіе года, согласно правиламъ базилианскаго ордена, искусь, установленный для посвященія въ монахи,—иначе онъ не можетъ произнести свои обѣты.

Домогательства митрополита Булгака, происки провинціаловъ Каминскаго и Смыковича, интриги Шулякевича и Мудровича были разстроены удаленіемъ Чарторыйскаго отъ попечительства и Голицына отъ управления министерствомъ. Не оставался безъ дѣла въ столицѣ и опальный архіепископъ Красовскій. Съ назначеніемъ А. С. Шишкова министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія теченіе дѣлъ въ греко-униатской церкви приняло направленіе, неблагоприятное для замысловъ латинизаторовъ.

Послѣ изгнанія іезуитовъ, въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ произошла перемѣна взгляда на роль базилианскаго ордена въ греко-униатской церкви. Припоминались петиціи бѣлаго духовенства о томъ, что свѣтскій клиръ, лишенный способовъ образованія, находится въ состояніи униженія, что базилиане никогда не допускали выбора епископовъ изъ бѣлыхъ священниковъ, что они захватывали и незаконно присвоивали церковныя имущества, продавали и продаютъ монастырскую собственность въ городахъ евреямъ. Справки въ дѣлахъ и въ канцеляріи 2-го департамента убѣждали, что значительная часть базилианскихъ фундушей безнадежна, вслѣдствіе разоренія тѣхъ помѣщиковъ, которымъ настоятели ввѣрили капиталы подъ залогъ ихъ имѣній, что базилиане, какъ и іезуиты, обращаются съ крестьянами монастырскихъ имѣній самовластно, что провинціалы утаиваютъ фундуши и капиталы, что монастыри неисправно вносятъ складчину на содержаніе главной семинаріи, и что вообще монашескій орденъ въ униі нарушаетъ своею дѣятельностію обѣты и государственные законы. Обвиненія, возводимыя на Красовскаго священникомъ Артамовичемъ, каноникомъ Лавецкимъ и другими, оказались ложными или не доказанными; напротивъ, какъ видно изъ дѣлъ, архіепископъ имѣлъ особенное попеченіе о благосостояніи своихъ крестьянъ во время голода и другихъ несчастій въ сельскомъ быту, оказывалъ имъ по-
часть ссѣхив, отд. 2.

мощь, не требуя возврата, прощаль недоимки, заботился объ образованіи священниковъ. Благочинные различныхъ деканатовъ Полоцкой епархіи, возмущенные дѣйствіями администратора Шулякевича и происками Смыковича и Буковского, умоляли императора Александра I, для блага сельскаго духовенства, по просьбѣ прихожанъ, возвратить епископа въ свою епархію и представляли, что въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго управленія (1809—1821) епархіей, Красовскій поддерживалъ самый строгій порядокъ въ быту духовенства, заботился о дѣтяхъ и вдовахъ священнослужителей, устроилъ епархіальную семинарію (полоцкую). Просители выражали опасеніе, что распоряженія базилианна, которому ввѣрено управленіе епархіей, могутъ разстроить введенный уже порядокъ, особенно подорвать семинарію. „Свои опасенія представители Полоцкой епархіи основываютъ на извѣстныхъ приемахъ базилианъ держать бѣлое духовенство въ невѣжествѣ, изъ котораго оно начало выходить, благодаря стараніямъ митрополита Лисовскаго и архіепископа Красовскаго“¹⁾.

Разоблаченія бѣлаго духовенства Брестской, Виленской и Полоцкой епархіи о злоупотребленіяхъ базилианъ совпали съ тѣми событіями, которыя, какъ теперь извѣстно, повели къ реакціи правительственныхъ мѣръ по общественному образованію въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ къ признанію ошибочности дѣйствій министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія по отношенію къ русской греко-уніатской церкви.

---

¹⁾ *Tolstoy, Le Cathol. Rom.*, II, 363—367. Главные обвинители Красовскаго, Артамовичъ и Лавецкій, были орудіемъ базилианскихъ монаховъ, особенно архимандрита Шулякевича. Записки Василя Лужинскаго епископа Полоцкаго, стр. 48: „Базилиане имѣли и въ столицѣ своихъ агентовъ, а въ средѣ ихъ и каноника уніатскаго Полоцкой епархіи Григорія Лавецкаго, который запродажнымъ сталъ ихъ орудіемъ, былъ въ званіи ассессора во 2-мъ департаментѣ римско-католической коллегіи, и поддерживалъ ихъ клевету лично“. Подробно о судѣ надъ Красовскимъ въ Запискахъ Юсіеа (Съмашко), митрополита Литовскаго, т. I, стр. 27, и приложеніе № 1. Автобіографъ говоритъ о пристрастіи и натяжкахъ при веденіи дѣла о Красовскомъ, слѣдствіе производилъ самъ Булгакъ, его недоброезатель; самая нетрезвая жизнь, въ которой Красовскаго обвиняли, не имѣла въ дѣлѣ твердыхъ основаній. Юсіеъ Съмашко и Василій Маркевичъ подали особое мнѣніе, которое, по словамъ Съмашка, удержало въ нервѣшніи участь архіепископа. Конечно, на это мнѣніе Голицынъ не обратилъ бы никакого вниманія равнѣ, когда былъ еще въ силѣ; теперь же рѣшена была и его участь партіей, враждебною библейцамъ.

Съ 1820 г. въ столицу чаще и чаще стали доходить смутныя вѣсти о какихъ-то затѣяхъ польской пропаганды въ Виленскомъ учебномъ округѣ, пропаганды, прикрывавшейся дѣятельностью благотворительныхъ обществъ или кружковъ, разрѣшаемыхъ и даже поощряемыхъ правительственными органами. Принятіе домашнихъ полицейскихъ мѣръ Чарторыйскимъ, съ конца 1821 г., не могло остановить уже возбужденія горячихъ головъ школьной молодежи.

Между тѣмъ, въ извѣстныхъ слояхъ Петербурга замѣтно усилилась группа людей, смущаемыхъ дѣятельностью библейцевъ и особенно главнаго ихъ представителя. Кружки Румянцова и Шишкова, при своемъ общеніи съ ученымъ западно-славянскимъ міромъ, не могли относиться равнодушно къ латино-польскому духу просвѣщенія въ странѣ искони русской и православной. У западныхъ славянъ, по примѣру нѣмцевъ, націонализація культуры пріобрѣтала права гражданства. Достаточно напомнить о цѣли съѣздовъ ученыхъ славянъ въ Вѣнѣ и, особенно, въ Задрѣ, въ 1820 году. Даже въ Парижѣ русскій нѣмецъ Кюхельбекеръ, въ 1821 г., заинтересовалъ французовъ своими лекціями о славянской литературѣ и славянскомъ языкѣ. Но у насъ въ Западной Руси, по непонятному недоразумѣнію, русскія стихіи едва обнаруживали свое бытіе: ихъ подавляла латинизація. Въ кружкахъ людей, чисто русскихъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, не омраченныхъ космополитизмомъ, среди лицъ, приближенныхъ къ Государю, въ 1821—1822 г. стало явственно пробиваться признаніе необходимости оказать правительственную защиту отъ притѣсненій латинянъ бѣлому греко-униатскому духовенству, какъ единственному оплоту русской народности въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ. Рѣшимость помочь греко-униатамъ, защитить ихъ, оказать правосудіе, дать имъ способы и средства для духовнаго образованія была естественнымъ порывомъ души добраго Государя, до свѣдѣнія котораго, съ 1818 года, чаще и чаще доходили жалобы на притѣсненіе, совращеніе, преслѣдованіе и гоненіе. И этотъ порывъ являлся какъ бы слѣдствіемъ облегченія въ 1818 г. участи крестьянъ, страдавшихъ отъ произвола помѣщичьей власти въ западныхъ губерніяхъ.

Нужно ли говорить, что высочайшее распоряженіе, выраженное въ предложеніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 28-го сентября 1822 года о закрытіи базилианскихъ школъ съ цѣлью устройства семинарии встрѣчено было бѣлымъ духовенствомъ съ восторгомъ. Брестская консисторія свои соображенія объ

устройствѣ епархіальной семинаріи и духовнаго училища въ Жи-
ровицкомъ базилянскомъ монастырѣ (въ отвѣтъ на предложеніе) за-
ключила слѣдующими благодарными словами: „Да укрѣпитъ Всеблагій
Податель, Отецъ Небесный, благотворительныя намѣренія Всеавгу-
стѣйшаго Монарха! Да ниспошлетъ свою благодать и дѣлу сему дасть
споспѣшествованіе“ ¹⁾).

Обратимся теперь къ составу бѣлаго духовенства и его стремле-
ніямъ въ началѣ 20-хъ годовъ.

И. Бобровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Архивъ св. синода по 2-му деп. Дѣло 1822 г., № 61. Рапортъ Брестской
консисторіи (отъ 12-го марта 1823 г., за № 151, изъ Жировиць) подписали: пред-
сѣдатель *Антоній Тупальскій*, вице-оенциаль *Антоній Сосновскій*, ассессоры:
брестскіе каноники: *Махцевичъ*, *Бодановичъ* и *Пильговскій*.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾.

(Опытъ историко-библиографическаго обзора).

II.

Историческое изученіе эпохи Петра Великаго началось еще при жизни преобразователя. Самъ царь далъ первый толчокъ этому дѣлу. Чѣмъ ожесточеннѣе проявлялась оппозиція его реформамъ, тѣмъ настоятельнѣе чувствовалъ онъ необходимость найти себѣ оправданіе въ глазахъ подданныхъ; чѣмъ сдержаннѣе и неприязненнѣе относились на западѣ къ попыткамъ его занять видное мѣсто въ ряду европейскихъ государей, тѣмъ необходимѣе было Петру привлечь на свою сторону общественное мнѣніе этого запада. Какъ ни увѣренъ былъ преобразователь въ правотѣ своего дѣла, какъ ни высоко держалъ знамя самодержавныхъ правъ своихъ, но въ общественномъ мнѣніи видѣлъ онъ силу, съ которою приходилось считаться и избѣгать столкновеній. Онъ первый въ Россіи призналъ громадное вліяніе за печатнымъ словомъ и поспѣшилъ имъ воспользоваться, какъ могучимъ воспитательнымъ средствомъ. Одна внѣшняя сила еще не создавала устойчивости нововведеніямъ; опираясь на нее одну, реформа не могла бы прочно привиться въ Русской землѣ. Приходилось воспитать умы, убѣдить въ необходимости преобразованій, и вотъ за это-то и берется Петръ Великій.

Еще въ 1702 году русское правительство вошло въ соглашеніе съ барономъ Гюйссеномъ, обязавъ его пропагандировать за границей путемъ печати идеи царя, знакомить Европу со всѣми его распоряженіями, сочинять книги и статьи, оправдывающія дѣятельность преобразователя, переводить правительственные указы, полемизиро-

---

¹⁾ Окончаніе. См. июльскую книжку 1889 г. *Жур. Мин. Нар. Пр.*

вать съ враждебными мнѣніями, нанимать для той же цѣли журналистовъ въ иностранной печати, доставлять имъ матеріалъ, сырой и обработанный и т. п. Изданіе Рабенера *Europäische Fauna* въ теченіе многихъ лѣтъ помѣщало сочувственныя Россіи статьи, служа такимъ образомъ нѣкотораго рода офиціознымъ органомъ русскаго правительства за границей ¹⁾.

Но это все была пропаганда русскихъ идей передъ иноземцами. Для своихъ подданныхъ Петръ поручаетъ Шафирову написать знаменитое „Разсужденіе о причинахъ войны“ ²⁾. Оно явилось какъ бы оправдательною запискою царя въ отвѣтъ на ропотъ народный, стремясь представить борьбу съ Шведскимъ королемъ необходимою, вызванною насущными потребностями государства. Въ то же время сочиненіе это оправдывало правительство и передъ лицомъ Европы въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Извѣстно непосредственное участіе Петра въ составленіи „Разсужденія“ ³⁾: перу царя принадлежитъ такъ-названное „Заключеніе къ читателю“ ⁴⁾, гдѣ проводится мысль о необходимости довести дѣло до конца и не мириться прежде чѣмъ не обезпечено будетъ обладаніе Балтійскимъ побережьемъ ⁵⁾.

¹⁾ *Лекарскій*, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, I, 90—95.

²⁾ С.-Пб. Первое изданіе 1717 г., in folio; второе—1722 г., in 16°.

³⁾ „Разсужденіе“ начинается разборомъ „древнихъ причинъ“, вызвавшихъ настоящую войну (стр. 1—23 перваго изданія), другими словами—обзоромъ отношеній Россіи къ Швеціи съ Грознаго вплоть до 1700 года. „Причины новыя“ (23—35) состоятъ преимущественно изъ жалобъ на Дальберга, рижскаго коменданта, на дурной пріемъ царя въ Ригѣ, во время проѣзда его за границу и на притѣвленія русскіихъ. Доказательству мнѣнія, что истиннымъ виновникомъ продолжительности войны были не русскіе, а шведы, посвящена слѣдующая глава (35—57); на страницахъ же 57—72 доказывается, „кто умѣреннѣе въ семъ войнѣ поступилъ“.

⁴⁾ Стр. 72—78. Объ участіи Петра въ составленіи „Разсужденія“ см. *Устряловъ*, I, прилож. № IV.

⁵⁾ Мириться на условіи уступки завоеваннаго края, лишь бы освободиться отъ дѣйствительно большихъ пожертвованій людьми и деньгами, — будетъ, по мнѣнію Петра, безразсудствомъ: шведы давнишніе наши враги; не объяви мы имъ войны, они сами навязали бы ее намъ; они хотять во что бы то ни стало стѣснить насъ, и, отдавъ имъ завоеванные города, намъ все равно придется рано или поздно снова пріобрѣтать ихъ. — Съ цѣлью распространенія взглядовъ царя второе изданіе „Разсужденія“ было выпущено въ количествѣ 20,000 экземпляровъ по цѣнѣ 10 алтынь, но расходилось оно туго: при жизни Петра его было продано не болѣе 50 экзмп., и въ 1756 г. оставалось еще 16,000 (*Лекарскій*, Наука и литер., II, 585).

Впрочемъ Петръ начиналъ войну съ Карломъ XII безъ достаточно яснаго сознанія тѣхъ послѣдствій, какія она повлечетъ за собою; съ каждымъ годомъ борьба увеличивалась въ размѣрахъ, поглощая всѣ силы страны и становясь центральнымъ событіемъ для Россіи въ глазахъ современниковъ. Но потому-то Полтавская битва, помимо ея значенія военнаго и политическаго, разсѣивала возникавшія было сомнѣнія, приободряла; значеніе предшествовавшихъ ей годовъ выяснялось теперь съ каждымъ новымъ успѣхомъ, и у Петра зарождается понятное желаніе сохранить на память эти трудные дни умственнаго и физическаго напряженія, а предъ потомствомъ найти новое оправданіе своимъ поступкамъ. Однимъ словомъ, онъ задумываетъ Исторію Шведской войны.

Такъ, еще въ первые годы рѣшено было вести діаріушъ военнымъ событіямъ, съ каковою цѣлью въ мартѣ 1705 года велѣно всѣмъ извѣстія „о поведеніи нынѣшней свѣйской войны, что будетъ чиниться въ воинскихъ походахъ“, присылать въ посольскій приказъ¹⁾. Очевидно, мы присутствуемъ при зарожденіи „Гисторіи Свейской войны“, которой суждено было пережить столько перипетій. Въ 1711 году составленіе ея было возложено на Шиллинга, переводчика названнаго приказа; какое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ предоставленныхъ въ его распоряженіе матеріаловъ, не извѣстно²⁾; позволительно думать, что—никакого, ибо въ слѣдующемъ, 1712, году за сочиненіемъ Исторіи о шведской войнѣ мы видимъ уже другое лицо (по всей вѣроятности), Поликарпова³⁾; „и то же самое велѣно дѣлать въ посольскомъ приказѣ секретарю Шафирову“⁴⁾.

Недолгое время спустя эта работа переходитъ снова въ инныя руки, къ барону Гюйсену, который и приготовилъ въ 1715 году⁵⁾

¹⁾ Полн. Собр. Закон., IV, № 2040, стр. 298—299.

²⁾ *Устряловъ*, т. I, стр. XXX, примѣчаніе и приложение № 1.

³⁾ *С. Зеленый* въ рецензій на книгу О. О. Веселаго: „Очеркъ русской морской исторіи“. Отчетъ о 19-мъ присуд. награжд. гр. Уварова, стр. 137.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Этотъ годъ устанавливается на основаніи слѣдующихъ соображеній: въ 1714 году государь приказалъ: „Журналы всѣ отдать Гизену“ (*Устр.*, I, стр. XXX—XXXI); на стр. 315 (*Туманск.*, ч. III) Гюйсенъ ссылается на Марсову книгу, вышедшую въ 1713 году; о царевичѣ Алексѣѣ упоминается въ очень сочувственномъ тонѣ (*Туманск.*, VIII, 7—8),—значить, писано до 1718 года. Наконецъ, Веберъ (*Das veränd. Russland*, I, 253—254) прямо указываетъ на 1715, какъ на годъ, когда работа была окончена и даже приготовлена къ печати. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (*Туманск.*, III, 230) авторъ сообщаетъ, что съ

„Журналъ государя Петра I съ 1695 по 1710 годъ“¹⁾. Этотъ трудъ имѣлъ въ виду нѣчто большее, чѣмъ одна исторія войны, а именно описаніе всего царствованія Петра Великаго. Матеріалами Гюйссену служили официальные бумаги, переданныя ему въ 1714 году²⁾, „короткія денныя росписи о е. и. в. походѣхъ“, разказы участниковъ событій и литературныя пособія, иностранныя и отечественныя³⁾. Веберъ⁴⁾, а особенно Устряловъ⁵⁾, отозвались о Журналѣ Гюйссена неодобительно, называя его трудомъ непереработаннымъ, неосвѣщающимъ эпохи, излагающимъ факты безъ всякой связи и т. п. Взглядъ этотъ сталъ, кажется, общепринятымъ. Если онъ по существу и справедливъ, то ошибоченъ именно по своей односторонности. Не забудемъ, что Соловьевъ, столь разборчивый на источники и пособія, пользовался Гюйссеномъ въ своей Исторіи⁶⁾. Ниже, разбирая „Поденную записку“ Петра, мы будемъ имѣть случай ближе ознакомиться съ содержаніемъ труда нѣмецкаго барона и опредѣлить его историческое значеніе, если на значеніе научное онъ не можетъ претендовать.

Теперь же перейдемъ къ другому труду, составлявшемуся также по инициативѣ и подъ наблюденіемъ Петра; это — „Исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской битвы“⁷⁾, приписываемая обыкновенно Теофану Прокоповичу. Самый вопросъ объ авторѣ этого сочиненія нельзя еще впрочемъ считать

1701 года начался новый вѣкъ и счастливая для Россіи эпоха завоеваній, „для того, что отъ сего вѣка оное благополучіе послѣдовано и продолжено безъ престаія лѣта отъ лѣта, даже до 1715 году всегда бо находятся или биталии выиграны, или взятіе городовъ, либо завоеваніе цѣлыхъ областей надъ Швеціею“. Можетъ быть, время составленія журнала и дало поводъ Устрялову ошибочно сказать (I, стр. XXXI), что Гюйссенъ довелъ изложеніе событій до 1715 года, тогда какъ онъ остановился на 1710-мъ.

¹⁾ Въ печати онъ появился, и то не весь, а только за годы 1695—1704, 1709 и 1710 у *Туманскаго*, ч. III, стр. 3—493; ч. VIII, стр. 5—336; въ этомъ же видѣ (въ рукописи) хранится въ Государственномъ Архивѣ (*Устрял.*, I, XXXI, прим. 13); сверхъ того, есть другой списокъ Имп. Публичн. Библіотеки, содержащій въ себѣ 1695—1699, и²⁾ 1708—1710 гг. (Письма Петра Великаго, изд. А. Ѳ. Быховымъ (С.-Пб. 1872, стр. 105).

²⁾ *Устряловъ*, т. I, стр. XXX—XXXI.

³⁾ Собственное свидѣтельство Гюйссена. *Пекарскій*, Наука и литер., I, 320.

⁴⁾ *Das veränd. Russland* (L. 1744), I, 253—254.

⁵⁾ Т. I, стр. XXXI.

⁶⁾ Дѣлаетъ то же и Погодинъ въ статьѣ: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ“.

⁷⁾ Два изданія: С.-Пб. 1773 и М. 1788.

окончательно выясненнымъ. Князь М. М. Щербатовъ, издававшій книгу ¹⁾, митрополитъ Евгеній ²⁾, Н. Г. Устряловъ ³⁾, С. М. Соловьевъ ⁴⁾ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ ⁵⁾ приписываютъ ее Теофану; по мнѣнію Н. И. Костомарова, „Теофанъ получилъ порученіе отъ государя пополнить исторію Петра, написанную неизвѣстно кѣмъ, быть можетъ, самимъ Петромъ; она въ значительной степени была исправлена и выглажена“ псковскимъ епископомъ ⁶⁾. И. А. Чистовичъ, разсматривавшій рукопись сочиненія, отвергаетъ авторство Теофана, признавая за нимъ только частныя поправки и мелкія дополненія ⁷⁾. П. О. Морозовъ держится середины и, въ основѣ принимая мнѣніе г. Чистовича, думаетъ только, что участіе Теофана было болѣе дѣятельнымъ и содержательнымъ ⁸⁾.

Послѣднее мнѣніе кажется и намъ ближе къ истинѣ. Однако и оно не разъясняетъ, кто же былъ первымъ сотоварищемъ, такъ-сказать, основнымъ авторомъ „Исторіи“? Не былъ ли таковымъ Федоръ Поликарповъ? На послѣднемъ лежали обязанности управляющаго московскою синодальною типографіей; онъ занимался переводами и составленіемъ разнообразныхъ книгъ, будучи обязанъ „браться за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія“ ⁹⁾. Въ 1708—1715 гг. онъ составляетъ исторію Россіи со временъ великаго князя Василія III; въ концѣ 1715 года часть ея была представлена на разсмотрѣніе государя и не апробована имъ ¹⁰⁾. Нельзя ли предположить, что Поликарпова освободили отъ продолженія, замѣнивъ одну работу другою, описаніемъ Шведской войны, тѣмъ болѣе что, какъ было выше указано, вѣроятно, эта работа возложена была на него еще въ 1712 году? Сознаемся, что эти соображенія довольно шатки; убѣдительнѣе можетъ показаться слѣдующее сопоставленіе: въ маѣ 1722 года Поликарповъ по наговорамъ былъ уволенъ отъ званія

¹⁾ См. предисловіе къ „Исторіи имп. Петра Великаго“.

²⁾ Словарь писател. духовн. чина, изд. 2-е, т. II, стр. 309.

³⁾ Т. I, стр. XXXI.

⁴⁾ XVIII, 190.

⁵⁾ Исторія Россіи, I, 60 первой пагин.

⁶⁾ Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. 6-й, стр. 875.

⁷⁾ Теофанъ Прокоповичъ и его время, 122—124.

⁸⁾ Теофанъ Прокоповичъ. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 324.

⁹⁾ *Пекарскій*, Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, I, 174; II, 637. Сравн. *Русск. Архивъ* 1868, 1041—1058.

¹⁰⁾ *Голицы*, 2-е изд., IV, 299; V, 323; VI, 369.

директора типографіи ¹⁾, а въ августѣ того же года Теофанъ Прокоповичъ пишетъ царю въ Астрахань: „что присланнымъ нынѣ в. в-ва указомъ въ достопамятной славныхъ в. в-ва дѣлѣ исторіи пополнить и исправить миѣ повелѣно, то дѣломъ исполнить тщуся“ ²⁾. Отставка Поликарпова не вызвала ли необходимости передать окончаніе вачатой „Исторіи“ другому лицу?

Отмѣтимъ въ разбираемомъ сочиненіи мѣста, которыя, по нашему мнѣнію, не могли принадлежать Теофану:

1) Говоря о военныхъ дѣйствіяхъ на Невѣ въ 1702—1703 годахъ, авторъ даетъ краткую, но рѣзко очерченную характеристику чухонъ, въ то время тамъ жившихъ ³⁾. Характеристика эта походитъ на свидѣтельство очевидца, а Прокоповичъ въ описываемое время не былъ на берегахъ рѣки Невы.

2) Не былъ онъ тамъ и въ 1713 году ⁴⁾; а между тѣмъ страницы 66—72 даютъ обстоятельную топографію р. Невы и планъ Петербурга („за время десятилѣтнее“). Свидѣтельство Устрялова ⁵⁾, что „Исторія“ составлена по „Марсовой книгѣ или собранію реляцій о баталіяхъ до 1713 года“ ⁶⁾, скорѣе говоритъ не въ пользу авторства Теофана: свѣжіе матеріалы изданной книги и послужили побужденіемъ не медля, въ томъ же 1713 году, сѣсть за работу.

3) Странно было бы услышать отъ Теофана похвалу „мудрости“ Стефану Яворскому (стр. 136), злѣйшему его врагу.

А вотъ мѣста въ пользу того, что Теофанъ принималъ участіе въ составленіи книги:

1) Пребываніе Петра въ 1706 г. въ Кіевѣ, встрѣча царя духовенствомъ, значеніе Печерскаго монастыря и его топографія (стр. 134—136). Въ 1706 г. въ Кіевѣ, какъ извѣстно, Петръ впервые познакомился съ будущимъ составителемъ Духовнаго регламента.

2) Характеристика Мазепы (156—162), — мастерская и мѣткая. П. О. Морозовъ ⁷⁾ замѣчаетъ, что никто по языку не могъ бы такъ

¹⁾ *Пекарскій*, II, 637.

²⁾ *Соловьевъ*, XVIII (М. 1870), 190.

³⁾ Стр. 59 перваго изданія.

⁴⁾ Въ первый разъ пріѣхалъ Теофанъ въ Петербургъ только осенью 1716 г. *Чистовичъ*, Ф. Прокоповичъ, 25.

⁵⁾ Том. I, стр. XXXI.

⁶⁾ А „Марсова книга“ издана въ 1713 и частью въ 1714 г. *Пекарскій*, II, 290, 303.

⁷⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, № 8, стр. 325.

написать въ то время. Можно прибавить: и по таланту, по наблюдательности. Наконецъ, только мѣстный житель могъ схватить всѣ мелочи впечатлѣній, а онъ-то въ данномъ случаѣ и обусловили цѣльность картины.

3) Характеристика запорожцевъ (199—205). П. О. Морозовъ ¹⁾ и ее причисляетъ къ безспорнымъ произведеніямъ Теофановскаго пера, ничѣмъ, впрочемъ, не подтверждая своего мнѣнія. Между тѣмъ, если по языку этотъ отрывокъ и слабѣе предыдущаго, то опять въ немъ встрѣчаются такія данныя, такія мѣстныя черты, которыя доступны были только туземцу-малороссу. Кромѣ того, есть еще одно важное мѣсто: заканчивая характеристику запорожцевъ, авторъ замѣчаетъ: „стояло Запорожье подъ королевствомъ Полскимъ около 140 лѣтъ, а подъ монархіею Россійскою 56 лѣтъ“ (стр. 205). Складывая 56 съ 1667 годомъ, Андрусовскаго мира, получимъ 1723, то-есть, годъ, слѣдующій за тѣмъ, какъ Теофану послана была „Исторія“ для дальнѣйшей обработки ²⁾.

4) Описаніе Полтавскаго боя (212—213) полно жизни и картинности; написано съ увлеченіемъ и тѣмъ мастерствомъ, которымъ въ такомъ совершенствѣ владѣлъ Теофанъ.

Безразлично могли быть составлены и Теофаномъ, и кѣмъ-либо инымъ, такія, напримѣръ, страницы:

1) Рѣчи Карла XII и Петра I, обращенныя къ войскамъ въ 1702 году, во время ожиданія Шведовъ въ Архангельскѣ (стр. 43—45).

2) Описаніе Жолквы и праздника въ немъ, 1707 года (147—148), — по видимому, очевидцемъ.

3) Событія отъ битвы при Лѣсной вплоть до Полтавскаго боя (178 слѣд.), изложенныя подробнѣе, чѣмъ въ „Поденной запискѣ Петра Великаго“ (можетъ быть, потому что дѣйствіе происходитъ въ Малороссіи и въ тѣ годы, когда тамъ жилъ Теофанъ?) ³⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Начало Запорожья Теофанъ такимъ образомъ относитъ къ началу XVI вѣка, около 1517 года. Это скорѣе время возникновенія украинскаго малорусскаго казачества (старосты Лянскоронскій и Дашкевичъ); Запорожье же въ собственномъ смыслѣ возникло, вѣроятно, нѣсколько поздне (Костомаровъ, Южная Русь и казачество до возстанія Богдана Хмельницкаго. *Отч. Записки* 1870, № 1, стр. 38—44. Сравни его же, *Русск. истор. въ жизнеоп.*, вып. V, стр. 222—224), но авторъ, надо думать, не дѣлалъ между ними въ данномъ случаѣ различія.

³⁾ „Исторія имп. Петра Великаго отъ рожденія его до Полтавской баталиа“ не потеряла значенія и въ наши дни. Цѣнными могутъ быть, кромѣ упомяну-

Между тѣмъ мысль объ исторіи войны все сильнѣе овладѣвала Петромъ. Не ограничиваясь порученіемъ ея другимъ лицамъ, онъ приказалъ въ 1718 году кабинетъ-секретарю Макарову заняться ея составленіемъ, снабдивъ его съ этой цѣлью массою самыхъ разнообразныхъ и цѣнныхъ матеріаловъ, шедшихъ изъ первыхъ рукъ. Распоряженія правительства, „подлинныя журналы походовъ и путешествій, донесенія полководцевъ и министровъ, реляціи сраженій“ ¹⁾ и т. п. были предоставлены въ распоряженіе составителя. Макаровъ добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ, но его книга ²⁾ вышла скорѣе льтописью, погоднымъ расположеніемъ сыраго матеріала, чѣмъ дѣйствительною исторіею. Впрочемъ отнюдь нельзя считать царскаго кабинетъ-секретаря единственнымъ авторомъ „Поденной записки“. Петръ Великій взялся быть ея редакторомъ и нѣсколько разъ передѣлывалъ работу на столько, что, можетъ быть, правильнѣе всего будетъ приписать этотъ трудъ, въ окончательномъ его видѣ, имени самого государя. Царь вставилъ множество подробностей, отбросивъ все льстивое, не преувеличивая побѣдъ, не скрывая промаховъ... ³⁾.

Трудъ Петра важенъ во первыхъ, какъ личное свидѣтельство царя, какъ источникъ первой руки; во вторыхъ, какъ вѣрное средство поправить хронологію другихъ источниковъ и поэтому возстановить правильный ходъ событій. Если настоящая книга, какъ исторія, не можетъ считаться удовлетворительною, будучи въ цѣломъ сырымъ, едва тронутымъ матерьяломъ, — то именно какъ матеріалъ она пріобрѣтаетъ цѣну въ нашихъ глазахъ. Превосхода работы Гюйс-

---

ныхъ въ текстъ рѣчей двухъ государей (43—45 перв. изд.), характеристика чухонъ (59), запорожцевъ (199—205), Мазепы (156—162) описанія Петербурга (66—72), Жолквы (147—148), — также и разказъ о пребываніи Петра въ Ригѣ въ 1697 г. (19—22), детали побѣды подъ Нарвой 1704 г. (92), отзывъ Петра о положеніи Августа Польскаго въ 1706 г. (137) и объѣздъ царя въ петербургскомъ домѣ Меншикова въ день именинаъ хозяина (23-го апр. 1707), хотя и въ отсутствіе его (150). Последний фактъ не отмѣченъ въ „Поденной Запискѣ“ (сравн. I, 162).

¹⁾ Устряловъ, I, стр. XXXII.

²⁾ Журналъ или Поденная Записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира. 2 части С.-Пб. 1770—1772. V (нев.) + 460 + 763 + 8 стр., in-4.

³⁾ Устряловъ, I, стр. XXXI—XXXIX и приложение № II. Есть указаніе, что въ этой работѣ принималъ участіе и Шафировъ. См. Устр., т. I, приложение № II, стр. 317. Сравн. Зеленый въ Отчетъ о 19-мъ присуд. наградъ, гр. Уварова, стр. 138.

сена и Теофана, „Журналъ Петра Великаго“ является ихъ заверше-
ніемъ и органически связанъ съ ними. Эта связь особенно замѣтна
въ сочиненіи нѣмецкаго барона. Щербатовъ, издавая „Поденную за-
писку“, говоритъ (въ предисловіи), что рукопись, по которой онъ
печаталъ, была „шестаго черненія“; другими словами, окончательной
редакціи предшествовало пять передѣлокъ. Позволяемъ себѣ сдѣлать
догадку, что трудъ Гюйсена, если не въ цѣломъ, то по крайней
мѣрѣ частями, представляетъ одну изъ этихъ пяти первоначальныхъ
редакцій. Отказавшись отъ надежды найти въ Гюйсенѣ достойнаго
выразителя своего времени, царь принимается за работу самъ, при
содѣйствіи Макарова. А такъ какъ сочиненіе его предшественника
основывалось на официальныхъ реляціяхъ, преслѣдовало (въ общемъ)
ту же цѣль, то отчего было не воспользоваться готовымъ, въ той
мѣрѣ, въ какой это соотвѣтствовало намѣреніямъ Петра? Царь воленъ
былъ одно выбросить, другое сократить, третье расширить, четвертое
замѣнить новымъ и т. д. Онъ такъ и поступаетъ, и если его „жур-
наль“ во многомъ отличенъ отъ „журнала“ Гюйсена, то въ то же
время во многомъ и сходенъ.

Прежде всего въ системѣ: и тамъ, и здѣсь одинаково хроноло-
гическій лѣтописный характеръ изложенія; за тѣмъ — въ единствѣ
матеріала: нѣкоторыя мѣста изложены почти дословно въ обоихъ
источникахъ ¹⁾. Далѣе можно было бы указать не мало мѣстъ, если
не буквально сходныхъ, то весьма приближающихся къ полному
тождеству ²⁾. Какъ матеріалъ историческій, интересны у Гюйсена
страницы, излагающія событія подробнѣе Поденной записки ³⁾; почему

¹⁾ Напримѣръ, осада Нотебурга (*Тум.*, III, 301—308 и *Под. Зап.*, I, 55—61),
день 15-го іюня 1809 г. (*Тум.*, VIII, 90 и *Под. Зап.*, I, 210).

²⁾ Для примѣра слич. *Тум.*, III, 290 и *П. Зап.*, I, 44—45 (захвачены тро-
еи), *Тум.*, III, 318 и *П. Зап.*, I, 66 (набѣгъ попа И. Окулова на шведскія вла-
дѣнія), *Тум.*, III, 449 слѣд. и *Под. Зап.*, I, 94 слѣд.; *Тум.*, VIII, 47 слѣд. и *Под.*
Зап., I, 203 слѣд. (событія въ началѣ апрѣля 1709 г.), *Тум.*, VIII, 233—235 и
П. Зап., I, 257—258 (роспись троесеевъ въ Эльбингѣ), *Тум.*, VIII, 259—261 и *П.*
Зап., I, 267—268 (условія сдачи Выборга), *Тум.*, VIII, 287—293 и *П. Зап.*, I,
302—309 (троеи въ Ригѣ).

³⁾ Напримѣръ, *Тум.*, III, 291—293 и *П. Зап.*, I, 45 (дни непосредственно
слѣдующіе за Гуммельсгоескимъ боемъ), *Тум.*, III, 316—318 и *П. Зап.*, I, 64—65
(подробности въ именахъ и наградахъ за взятіе Шлессельбурга), *Тум.*, III,
325—327 и *П. Зап.*, I, 67 (событія въ январѣ 1703 г.), *Тум.*, III, 328—329 и
П. Зап., I, 67 (событія въ мартѣ 1703 г.), *Тум.*, VIII, 144, 175 и *П. Зап.*, I,
241, 260 (подробности путешествія Петра въ 1709 г. изъ Полтавы въ Кіевъ

послѣдняя сокращала ихъ, не соотвѣтствовала ли подробность истинѣ, считалъ ли царь ее просто излишнею, — это вопросъ критики; но какъ матерьялъ, эти страницы, разъ послѣдняя ихъ не отвергла, нельзя считать не имѣющими цѣнности ¹⁾. Но еще болѣе важными, конечно, будутъ тѣ мѣста Гюйсеновой книги, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ Журналѣ Петра. Дѣло въ томъ, что царь въ своемъ трудѣ, въ общемъ излагая событія совершенно въ томъ же порядкѣ, съ тѣми же характеромъ и часто тѣми же словами, какъ и Гюйссенъ, совершенно выбрасываетъ нѣкоторыя подробности ²⁾. Замѣтимъ, что Поденная записка составлялась послѣ смерти царевича Алексѣя, а потому все, что въ трудѣ Гюйсена такъ или иначе отзывалось о немъ сочувственно, не нашло себѣ здѣсь мѣста ³⁾. Въ числѣ доказательствъ тому, что Гюйссенъ служилъ одною изъ первыхъ редакцій для Поденной записки, можно отмѣтить и тотъ фактъ, что редакція Маварова о поведеніи Петра во время Полтавской битвы, какъ извѣстно, сильно измѣненная государемъ ⁴⁾, почти дословно схожа съ редакціею Гюйсена ⁵⁾.

Значеніе Гюйсена выростеть еще болѣе, если мы вспомнимъ, что сочиненіе его богато свѣдѣніями, происхожденіе которыхъ несомнѣнно офіціальное или свидѣтельства личныя, — свѣдѣніями, къ тому же болѣею частью опущенными въ Поденной запискѣ. Таково, напримѣръ, описаніе Стрѣльцоваго бунта 1698 ⁶⁾, очеркъ шведско-

и тогда же изъ Маріенвердера въ Митаву), *Тум.*, VIII, 145—146 и II. Зап., I, 242 (манускр. Августа II отъ 8-го августа 1709 г.), *Тум.*, VIII, 317—327 и II. Зап., I, 323—324 (перечень захваченнаго при взятіи Ревеля).

¹⁾ Такія же подробности можно отмѣтить и въ „Исторіи“ Феодана Прокоповича; напримѣръ, въ перечнѣ военныхъ снарядовъ, захваченныхъ русскими въ Шлиссельбургѣ и Нарвѣ (Под. Зап., I, 62—63, 98—99 и Исторія, стр. 53 слѣд., 95 слѣд.).

²⁾ Напримѣръ, данныя изъ Марсовой книги, *Тум.*, III, 312—315, сравн. II. Зап., I, 63—64; взглядъ Петра на казенныя деньги и 27-е апрѣля 1703, *Тум.*, III, 331—332, сравн. II. Зап., I, 68; слова государя по поводу измѣны Мазепы, *Тум.*, VIII, 17 (II. Зап., I, 199); о 9—22 апрѣля 1709, *Тум.*, VIII, 46 (II. Зап., I, 203); о 7—19 мая 1709, *Тум.*, VIII, 48 (II. Зап., I, 204); о 1-мъ іюня 1709, *Тум.*, VIII, 85 (II. Зап., I, 209).

³⁾ Объ участіи Алексѣя въ осадѣ Нотебурга, *Тум.*, III, 302 (II. Зап., I, 56); о пребываніи царевича въ 1709 г. за границей, *Тум.*, VIII, 177 (II. Зап., I, 251).

⁴⁾ *Устряловъ*, I, стр. XXXVIII, 319—322.

⁵⁾ *Туманскій*, VIII, 105.

⁶⁾ III, 103—112.

русскихъ отношеній, предшествовавшихъ войнѣ 1700 года ¹⁾, переченьъ обидъ, послужившихъ къ началу войны ²⁾, о казакахъ польскихъ ³⁾, въѣздъ царя въ Москву 11-го ноября 1703 и послѣдовавшія за тѣмъ торжества ⁴⁾, описаніе гроба, въ которомъ будто бы былъ похороненъ Овидій ⁵⁾, о лапонцѣ ⁶⁾, описаніе Воронежа 1709 года ⁷⁾, о Мазепѣ и его козняхъ ⁸⁾, просьба генералитета къ Петру передъ Полтавской битвой и отвѣтъ царя ⁹⁾, отношеніе къ Карлу XII и забота о немъ послѣ Полтавы ¹⁰⁾, отношеніе царя къ полтавскимъ плѣннымъ, празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ, стихи въ честь побѣдителей и пр. ¹¹⁾, празднованіе Полтавской побѣды за-границей ¹²⁾, наконецъ, оскорбленіе посла Матвѣева въ Лондонѣ, пріемъ Уитворта царемъ и возникшая по этому поводу переписка между дворами русскимъ и англійскимъ ¹³⁾.¹

Помимо всего въ „Журналѣ“ барона Гюйсена не мало документовъ чисто officialнаго характера. Таковы разныя дипломатическія ноты первыхъ лѣтъ войны ¹⁴⁾, письма Патеуля къ царю ¹⁵⁾, письмо кн. Д. М. Голицына ¹⁶⁾, универсалъ къ казакамъ ¹⁷⁾, указъ 3-го февраля 1709 года ¹⁸⁾, рядъ officialныхъ донесеній 1709 года ¹⁹⁾, указъ 26-го мая 1709 года ²⁰⁾ собственноручное письмо царя къ сыну о побѣдѣ Полтавской ²¹⁾, донесеніе П. А. Толстаго изъ Константино-

¹⁾ *Туманскій*, III, 122—185.

²⁾ III, 185—192.

³⁾ III, 350—361.

⁴⁾ III, 369—375.

⁵⁾ VIII, 40—41.

⁶⁾ VIII, 42—43.

⁷⁾ VIII, 45—46.

⁸⁾ VIII, 69—71.

⁹⁾ VIII, 93—94.

¹⁰⁾ VIII, 115—117.

¹¹⁾ VIII, 117—134.

¹²⁾ VIII, 165—174.

¹³⁾ VIII, 205—224.

¹⁴⁾ III, 240—245, 253—262.

¹⁵⁾ III, 470—475, 478—484.

¹⁶⁾ III, 484—488.

¹⁷⁾ VIII, 11—16.

¹⁸⁾ VIII, 17—30.

¹⁹⁾ VIII, 57—68.

²⁰⁾ VIII, 71—84.

²¹⁾ VIII, 96—97.

поля отъ 7-го января 1710 года въ письмѣ къ графу Г. И. Головкину ¹⁾ и реляція князя В. Л. Долгорукаго изъ Даніи отъ 17-го января того же года ²⁾, официальное объявленіе Б. П. Шереметева 15-го мая 1710 года подъ Ригю ³⁾, переписка Шереметева съ командантомъ Риги ⁴⁾, рѣчь рижскаго дворянства къ Шереметеву ⁵⁾ и грамота царя къ султану отъ 17-го іюля 1710 г. ⁶⁾.

Нельзя не отмѣтить, какъ Журналъ Гюйсена отражаетъ на себѣ вполнѣ состояніе историографіи своего времени. Цѣнность содержанія не исключаетъ самыхъ неумѣлыхъ приемовъ построенія. Какъ механически шивалъ авторъ бывшіе въ рукахъ его документы, какъ далеко былъ онъ отъ какой-либо системы и порядка, можно судить хотя бы по тому, что, разказавъ осаду Нарвы ⁷⁾, онъ тотчасъ же возвращается къ изложенной темѣ и на той же страницѣ повторяетъ разказъ объ этой осадѣ, въ нѣсколько только переименованной редакціи ⁸⁾.

Дальнѣйшее сравненіе обѣихъ трудовъ—Журнала Гюйсена и Поденной записки Петра—показываетъ, что послѣдняя имѣла въ виду дать свѣдѣнія только о дѣйствіяхъ царя или, самое большее, о дѣйствіяхъ его арміи и ближайшихъ сотрудниковъ; сочиненіе же болѣе раннее задалось болѣе широкою программю, пытаясь создать исторію времени (хотя бы чисто внѣшнюю);—вотъ почему Гюйсенъ говоритъ не объ однихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но и о многомъ другомъ, что такъ или иначе имѣло отношеніе къ войнѣ. Поэтому и источникамъ для него служатъ не однѣ официальныя вѣдомости, а и такія монографіи, какъ сочиненія Пуффендорфа ⁹⁾, Локценія ¹⁰⁾, или же: Шведскій Штатъ ¹¹⁾, Шведское Зерцало ¹²⁾ книга Маккавеевъ ¹³⁾ и друг. Закончимъ свои замѣчанія указаніемъ на фактъ, наглядно подтверж-

¹⁾ *Туманскій*, VIII, 224—227.

²⁾ VIII, 227—229.

³⁾ VIII, 250—252.

⁴⁾ VIII, 276—280.

⁵⁾ VIII, 282—285.

⁶⁾ VIII, 303—309.

⁷⁾ III, 434—449.

⁸⁾ III, 449 слѣд.

⁹⁾ III, 146, 150, 154, 270.

¹⁰⁾ III, 128, 132, 134, 137, 147.

¹¹⁾ III, 147.

¹²⁾ III, 147.

¹³⁾ III, 373.

дающій, что въ общемъ такіе труды, какъ Гюйссена, Теофана Прокоповича, Шафирова преслѣдовали сходную цѣль и пытались одинаковыми источниками. Обиды, послужившія для Россіи поводомъ начать войну, перечислены у Гюйссена очень обстоятельно ¹⁾. Тѣ же обиды, въ томъ же порядкѣ, въ тѣхъ же выраженіяхъ, только короче и съ пропускомъ несущественныхъ деталей, указаны въ „Исторіи Петра Великаго до Полтавской битвы“ ²⁾. Въ „Разсужденіи“ Шафирова ³⁾ разказъ объ этихъ обидахъ, правда, переданъ иначе, въ иномъ, пожалуй, духѣ; но сходныхъ чертъ сохранилось все-таки очень много.

Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ сочиненія одолжены своимъ происхожденіемъ инициативѣ Петра; но эпоха преобразованій оставила потомству еще одинъ трудъ, явившійся помимо участія Русскаго государя. Хотя это сочиненіе и имѣло въ виду исторію собственно Россіи съ древнѣйшихъ временъ, но заключительныя страницы посвятили обзору царствованія Петра Великаго, доведя разказъ до 1712 г. Мы говоримъ о „Ядрѣ исторіи російской ко угожденію проискательныхъ“, написанномъ Манкіевымъ и долгое время приписывавшемся князю Хилкову ⁴⁾. Авторъ, находясь въ шведскомъ плѣну, по личному желанію принялся за свою книгу. Событія современнаго ему царствованія, какъ и слѣдовало ожидать, изложены очень кратко ⁵⁾. Плѣнъ, отсутствіе подъ рукою необходимыхъ матеріаловъ неблагоприятно отозвались на достоинствѣ работы, чего не отрицалъ и самъ составитель. „Во истинѣ“, — такъ заканчиваетъ Манкіевъ свою книгу — „по преславленнымъ и всему свѣту удивительнымъ дѣламъ его величества, какъ въ гражданскомъ управленіи, такъ и въ многотрудныхъ войнахъ, и надъ непріятелями побѣдахъ, похвальныхъ въ старинѣ Навуходносоровъ вавилонскихъ, Кировъ перскихъ, Александровъ Великихъ македонскихъ, Улиссовъ греческихъ и славныхъ ихъ дѣлъ превосходить, почему бы и исторію о семъ государѣ подробно изслѣдовать и по достоинству описать надлежало; но меня отъ того по сіе время удержало, что, будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жесто-

¹⁾ *Туманскій*, III, 185—192.

²⁾ Стр. 19—21 по изд. 1773 г.

³⁾ Стр. 23—35 по изд. 1717 г.

⁴⁾ Ядро російской исторіи. М. 1770. (Были еще изданія 1784, 1791 и 1792 гг.).

Подробный заголовокъ, приведенный въ текстѣ, взятъ у *Востокова*, Описание Румянцовскаго Музея, 391.

⁵⁾ Ядро, 369—384, о 1682—1712 годахъ.

нимъ арестомъ, едва вышлепсанное къ объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, нахожуся перо побивнуть и прочее для описанія преславнаго нашего монарха безсмертныхъ дѣлъ другимъ оставить“¹⁾).

Мы видѣли, что Екатерина I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, поручила Шафирову написать исторію царствованія Петра Великаго. Шафировъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, ничего не сдѣлалъ²⁾. За то весьма возможно, по замѣчанію Соловьева, „что возбужденіе вопросовъ о событіяхъ во время малолѣтства Петра заставило старика Матвѣева написать извѣстныя записки объ этомъ времени“³⁾. Тогда же думали напечатать и первую часть Поденной записки, приготовили ее къ печати, но почему-то намѣреніе не было выполнено⁴⁾. Единственное, что было предложено въ ту пору читающей публикѣ, это „Краткая повѣсть о смерти Петра Великаго императора Всероссийскаго“, сочиненная Теофаномъ Прокоповичемъ⁵⁾,— очень простое, наглядное описаніе послѣднихъ дней и минутъ Петра, а также церемоніи погребенія императора и дочери его Наталіи Петровны, однако не болѣе. Въ этомъ свидѣтельствѣ очевидца найдутся, впрочемъ, нѣкоторыя черты, которыя историкъ не упустилъ изъ вида.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ только что завершившагося царствованія, Нартовъ, главный токарь и механикъ Петра, въ продолженіе многихъ лѣтъ выдавшій покойнаго царя въ повседневной обстановкѣ, спѣшитъ составить и оканчиваетъ къ 1727 году „Досто-

¹⁾ Ядро, 384.

²⁾ *Устряловъ*, I, стр. XXXVIII—XXXIX. Запросы Шафирова тамъ же, въ приложеніи № III; у *Соловьева* же, XVIII, 314—316, они приведены не съ такою полнотою.

³⁾ *Соловьевъ*, XVIII, 316.

⁴⁾ *Щербатовъ*, въ предисловіи къ Поденной запискѣ.

⁵⁾ С.-Пб. 1725; М. 1736. С.-Пб. 1819 (по этому изданію мы цитуемъ), перепечатано „изъ *Журнала древней и новой словесности*“, и С.-Пб. 1831. Кроме того, по указанію митр. Евгенія (Словарь писателей духовн. чина, изд. 1827, II, 308), повѣсть переведена была самимъ авторомъ на латинскій языкъ и выѣвъ съ надгробными словами издана въ 1726 г. въ Ревелѣ, подъ названіемъ: *Basimae Roxolanae*; въ томъ же году вышло въ Гамбургѣ два изданія на латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1743 г. архимандритъ Давидъ Нащинскій снова напечаталъ ее въ ряду другихъ сочиненій Теофана на латинскомъ языкѣ.

памятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго“¹⁾), какъ благоговѣйную дань великому человѣку. Съ большимъ тщаніемъ записываетъ Нартовъ все, что только слышалъ лично или черезъ другихъ о царѣ, не пропуская ни крупнаго, ни мелочей; и нужно отдать ему справедливость: его записки, хотя и въ формѣ анекдотической, очень живо рисуютъ намъ личность преобразователя.

Подлѣ Нартова по времени можно поставить другаго современника великой эпохи, новгородскаго дворянина Крекшина. Въ теченіе многихъ лѣтъ съ восторженнымъ чувствомъ собираетъ онъ разныя свѣдѣнія, письменныя и устныя; допущенный въ архивы императрицею Елизаветой, усиленно роется въ нихъ, но изъ всей его работы²⁾ выходитъ трудъ, гдѣ истинное перемѣшано со сказочнымъ³⁾. Хотя сочиненіе его и было задумано иначе, чѣмъ „Повѣствованія“ Нартова, имѣло въ виду дать не отрывочныя свѣдѣнія, а полную и связную исторію царствованія, но какъ мало былъ подготовленъ Крекшинъ къ выполненію этой задачи, видно изъ его признанія, что онъ не исторію пишетъ, а прославляетъ богоподобныя дѣла своего героя. Человѣкъ, считавшій себя недостойнымъ „отрѣзать“ ремень отъ сапога Петра, конечно, не могъ иначе и отнестись къ нему. Критики исторической здѣсь не могло быть и мѣста. Если Устряловъ, можетъ быть, не совсѣмъ правъ, утверждая, что Крекшинъ намѣренно выдумывалъ факты и положенія, только бы рельефнѣе представить своего героя,—очевидно, не понимая молитвеннаго настроенія автора, равно какъ и состоянія тогдашней критики и вообще исторической науки въ XVIII вѣкѣ,—тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что факты достовѣрные повсюду смѣшаны у Крекшина съ легендами, и послѣднія передаются, какъ истинныя событія. Понятно поэтому, что трудъ его изъ разряда историческихъ матеріаловъ въ значительной степени приближается къ тому отдѣлу, мѣсто которому въ историографіи.

Отсутствіе критики и выработанныхъ приемовъ, трудность для читателя опредѣлить происхожденіе того или другаго свѣдѣнія привело къ тому, что и до сихъ поръ представленіе о работахъ Крекшина во всемъ ихъ объемѣ остается далеко не яснымъ. Если исключить

1) *Сынъ Отечества* 1819, №№ 54—58, и *Москвитянинъ* 1842, №№ 4, 6, 7, 8, 11. \

2) *Сахаровъ*, Записки русск. людей, предисловіе къ запискамъ Крекшина. *Устряловъ*, I, стр. XL—XLIII.

3) Крекшинъ собралъ до 45 томовъ разныхъ записокъ, изъ которыхъ 27 составляли „Журналъ Петра Великаго, который онъ велъ даже до мелочей, еще при жизни государя сего“ (Митр. *Евгеній*, Словарь русск. писател., I, 317).

„Историческое извѣстіе о рожденіи Петра Великаго и описаніе жизни и дѣлъ сего великаго монарха, отъ рожденія до погребенія“, оставшаяся, по заявленію Сахарова ¹⁾, не напечатаннымъ, то изъ всего собранія Крекшина появилось въ свѣтъ собственно два сочиненія. Первое изъ нихъ, „Краткое описаніе дѣлъ Петра Великаго, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ“ ²⁾, слѣдуетъ довольно распространенной манерѣ XVIII вѣка рисовать событія путемъ разговора людей, уже сошедшихъ съ историческаго поприща. Содержаніе же этой книги есть, дѣйствительно, краткій обзоръ царствованія Петра; точка зрѣнія не противорѣчитъ только что сдѣланной характеристикѣ Крекшина, какъ историка.

Болѣе извѣстенъ другой его трудъ, который обыкновенно и связываютъ съ его именемъ, это—„Краткое описаніе блаженныхъ дѣлъ великаго государя императора Петра Великаго, самодержца Всероссійскаго, собранное чрезъ недостойный трудъ послѣднѣйшаго раба, Крекшина, дворянина великаго Новгорода“ ³⁾. Окружая личность Преобразователя свѣтлымъ ореоломъ, возводя сложившіяся о немъ легенды на степень историческаго факта, приобрѣта вслѣдствіе того чрезвычайную популярность и будучи распространено во множествѣ списковъ, „Описаніе“ однако не дошло до насъ въ полномъ видѣ ⁴⁾. Начало его вплоть до событій 1696 года напечаталъ Сахаровъ, затѣмъ Библиотека для Чтенія издала одинъ отрывокъ о 1709 годѣ ⁵⁾, и только. Правда, еще въ прошломъ столѣтіи Крекшина начали печатать, но только начальныя страницы его обширнаго труда, да и то не зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло ⁶⁾. Такъ и до сихъ поръ неуто-

¹⁾ Сахаровъ, предисловіе, стр. (не нум.) 3. Срав. также митр. Евгений, Словарь свѣтск. писателей, I, 316—317.

²⁾ Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ императора Петра Великаго, его знаменитыхъ побѣдъ и путешествій въ разныя европейскія государства, со многими важными и любопытства достойными происшествіями, представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ, ген.-фельдмаршала и кавалера Россійскаго и малтійскаго орденовъ гр. Б. П. Шереметева, боярина Ѳ. А. Голловина, боярина Шеина и самого сего великаго императора съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, съ Шведскимъ королемъ Карломъ XII, Израильскимъ царемъ Соломономъ и Греческимъ царемъ Александромъ. С.-Пб. 1788. 8°. 104 стр. Изданіе третье: М. 1794. 8°. 169 стр. Изданіе четвертое: М. 1808. 8°. 169 стр.

³⁾ Устряловъ, I, стр. XLII. Сахаровъ, стр. 1.

⁴⁾ Устряловъ, I, стр. XLII, примѣч. 25.

⁵⁾ Годъ изъ царствованія Петра Великаго. 1709. (Изъ записокъ Крекшина). *Библи. для Чтенія* 1849, т. 97-й, стр. 35—102.

⁶⁾ См. ниже.

мимый поклонникъ великаго императора ждетъ еще надлежащей оцѣнки и болѣе внимательнаго изданія.

Начиналась вторая половина XVIII вѣка, а русская историографія о Петрѣ Великомъ не занесла, можно сказать, еще ничего на свои страницы. Да и могло ли быть иначе? Время восторженныхъ похвалъ, какъ и время страстныхъ филиппикъ, одинаково неудобно для объективной исторіи. Прошлое думали увѣковѣчить пышными дифирамбами и въ то же время спойкойно смотрѣли, какъ гнили драгоценные документы, непосредственно относившіеся къ предмету этихъ дифирамбовъ. Кабинетный архивъ государя, куда были собраны разныя исторіи, писанныя о Петрѣ еще при его жизни, а также разныя бумаги, были опечатаны по смерти императора, „но безъ всякаго призрачія, въ безпорядкѣ“. Такъ онъ и оставался надолго заброшеннымъ; ко времени же Екатерины II много бумагъ оказались совершенно испорченными отъ сырости ¹⁾. Сохранилось любопытное показаніе Крекшина о томъ по истинѣ ужасномъ состояніи, въ какомъ находились бумаги Петровскаго царствованія черезъ какія-нибудь 25 лѣтъ послѣ смерти государя ²⁾. Знакомство съ архивомъ было таково, что даже Академія Наукъ, собиравшаяся тоже писать исторію Петра Великаго, должна была очень цѣнить случай, доставившій ей возможность узнать въ 1740 году о существованіи журнала „о баталіяхъ и всѣхъ воинскихъ дѣйствіяхъ“ императора и спѣшно хлопотала о полученіи такового ³⁾. Однимъ словомъ, нечего было и думать о сколько-нибудь серьезной попыткѣ нарисовать исторію еще недавняго царствованія. Собственныхъ силъ не хватало, такъ что рѣшились было прибѣгнуть къ содѣйствію Вольтера. Но сочиненіе знаменитаго писателя вышло на иностранномъ языкѣ ⁴⁾; такимъ образомъ литературѣ отечественной приходилось дожидаться новой поры, наступившей съ воцаренія Екатерины II. Ждать впрочемъ оставалось не долго.

Подобно тому какъ оцѣнка личности царственнаго реформатора въ Екатерининскій вѣкъ становится, сравнительно съ предшествующими десятилѣтіями, болѣе разностороннею, глубокою и содержа-

¹⁾ Предисловіе къ Исторіи Петра Великаго, *Геофана Прокоповича*.

²⁾ *Русск. Архивъ* 1873, № 5, 776—779.

³⁾ Матеріалы для исторіи Акад. Наукъ, IV, 390—391.

⁴⁾ *Histoire de Russie sous Pierre le Grand*. 2 vols. Первое изданіе (sine loco) въ 1759—1763.

тельно, такъ и исторіографія о Петрѣ значительно двигается впередъ, оставляя позади себя все появившееся въ 1725—1762 годахъ. Публикуются документы: свидѣтельства современниковъ, воспоминанія, письма, официальные бумаги; составляются полныя исторіи царствованія; описываются отдѣльные эпохи и эпизоды въ жизни государя; наконецъ, появляются историческія сочиненія разнообразнаго содержанія, имѣющія предметомъ изученіе отдѣльныхъ событій и лицъ эпохи преобразования. На всей этой литературѣ лежитъ однородный отпечатокъ глубокаго уваженія къ Петру Великому и желанія произвести надлежащую оцѣнку цара, желанія, ясно вытекающаго изъ пробудившагося сознанія, что дѣятельность великаго Русскаго государя успѣла отойти въ область прошлаго и дала результаты въ формѣ вполне осязательной.

Въ ряду изданій, посвященныхъ обнародованію матеріаловъ, первое, конечно, мѣсто долженъ занять десяти томный сборникъ Туманскаго ¹⁾. Издатель, видимо, не держался какой-либо системы, помѣщая все, что только удавалось собрать; тѣмъ не менѣе сборникъ его вышелъ очень богатъ содержаніемъ. За исключеніемъ весьма незначительнаго ²⁾, онъ весь посвященъ эпохѣ Петра Великаго. Здѣсь помѣщены записки Матвѣева (чч. I, IV), Медвѣева (V, VI), Желябужскаго (VII), Крекшина (I), Журналъ Гюйсена (вся III и VIII чч.), письма Петра Апраксину (V), рескрипты Крѣйсу и другимъ лицамъ морскаго вѣдомства (вся IX-я часть), разныя мелкія грамоты и указы и проч. (II, V), грамоты иностранныхъ державъ къ русскому двору (IV, X), текстъ договора 1686 года съ Польшею (X), Правда воли монаршей (X), рядъ статей (преимущественно академика Миллера) о молодости Петра Великаго (V, VII) ³⁾, статья Сумарокова о майскомъ бунтѣ стрѣльцовъ (IV) и переводъ двухъ сочиненій Крелля (I).

Какъ мало подготовленъ былъ Туманскій къ обязанностямъ издателя историческихъ документовъ, можно судить хотя бы по слѣдую-

¹⁾ Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго. Изданное трудами и иждивеніемъ *Феодора Туманскаго*. 10 частей. С.-Пб. 1787—1788. Нѣкоторыя указанія о ходѣ изданія см. у *Державина*, Сочиненія, изд. Акад. Н., V, 574, 602, 660.

²⁾ „Избраніе Михаила Феодоровича“ въ V-мъ томѣ.

³⁾ Статьи эти (см. ихъ перечень ниже) перепечатаны изъ *Опыта трудовъ вои. росс. собранія*, кромѣ небольшой замѣтки Миллера: „Поправленіе къ исторіи о воспитаніи Петра Великаго“ (*Тум.*, V, 143—150), которая появилась здѣсь впервые.

шему примѣру: напечатать въ первомъ томѣ (стр. 111—229) полныя записки Матвѣева (безъ имени автора), онъ, очевидно, по другому списку, печатаетъ два отрывка этихъ же записокъ, но уже съ именемъ автора въ шестомъ томѣ (стр. 8—54. 86—97). Или, напримѣръ, записки Медвѣдова раздроблены на множество мелкихъ кусочковъ и въ такомъ видѣ разбросаны на всемъ пространствѣ пятого и шестаго томовъ, гдѣ съ указаніемъ на автора, гдѣ безъ этого указанія, при чемъ многое такъ введено въ текстъ, что не знаешь: слова ли это издателя или автора ¹⁾.

Раньше еще „Собранія“ Туманскаго стали выходить Опытъ трудовъ вольнаго русскаго собранія ²⁾, помѣстившій нѣсколько изслѣдованій Г. Ф. Миллера, одно время остановившагося было на изученіи первыхъ лѣтъ жизни Петра Великаго. Это были: „Рожденіе Петра“ (V, 119—105), „Воспитаніе Петра“ (V, 106—118), „Первое воцареніе Петра“ (V, 11—157), „О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ“ (обоихъ братьевъ) (IV, 1—106) и „Извѣстіе о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ“ (IV, 107—144), съ прибавленіемъ къ послѣдней статьѣ „о журналѣ генерала Гордона“ ³⁾. Кромѣ того, въ Опытѣ же И. А. Навроцкій сообщилъ „Дворцовую записку по случаю рожденія Петра“ (V, 158—184) ⁴⁾, а пресвященный Антоній прислалъ „Лѣтописецъ Двинской“, доведенный до 1705 года (I, 113—195).

Еще болѣе матеріала встрѣчаемъ мы въ Древней Россійской Вивлиоикѣ ⁵⁾. Трудно было бы перечислить всѣ ея статьи, имѣющія право быть занесенными въ отдѣлъ Петровской историографіи, тѣмъ болѣе, что если изданіе и говоритъ о XVIII вѣкѣ, то мимоходомъ ⁶⁾, сосредоточивая все свое вниманіе, въ обзорѣ Петровскаго

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ статьѣ нашей: „О запискахъ Сильвестра Медвѣдова“. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1889, № 4.

²⁾ При Московскомъ университетѣ. Москва 1774—1783. 6 частей.

³⁾ Кромѣ первой („Рожденіе“) и прибавленія о Гордонѣ, статьи эти были, по свидѣтельству Пикарскаго (*Ист. Ан. Наукъ*, I, 416—417), тогда же переведены въ *St. Petersburgische Journal*.

⁴⁾ Всѣ эти статьи Миллера (кромѣ замѣтки о Гордонѣ) и Навроцкаго перепечатаны были Туманскимъ въ V и VII чч. его „Собранія“.

⁵⁾ М. 1788—1791. 20 томовъ (2-е изданіе).

⁶⁾ Письмо Петра Зотову, 1710 г. о пожалованіи его въ графы и жалованная грамота на это званіе (IX, 476—484); указъ о неперекрещиваніи лютеранъ и кальвинистовъ, 1719 г. (XI, 199—202); „объявленіе“ о составаніи еп. Питирима съ раскольниками, 1719 г. (XV, 405—438); уставъ благовѣста къ церковному

времени—главнымъ образомъ на концѣ XVII столѣтія, то-есть, на томъ періодѣ, гдѣ часто такъ трудно и даже не возможно отдѣлить, что должно быть отнесено къ царствованію Петра и что къ предшествующимъ годамъ. Оставляя поэтому въ сторонѣ статьи подобнаго рода, укажемъ на такія, которыя безусловно имѣютъ сокращеніе съ 1682—1725 гг.

Изъ статей, связанныхъ непосредственно съ личностью Петра Великаго, можно назвать перепечатку двухъ работъ Миллера изъ Опыта трудовъ вольнаго собранія ¹⁾, краткое описаніе свадьбы царя Алексѣя и Натальи Кирилловны ²⁾, данныя по избранію Петра на царство ³⁾, церемоніи „походовъ“ государевыхъ 1679—1687 гг. ⁴⁾, переписку царя съ патриархомъ Адрианомъ ⁵⁾ и обряды, совершенныя при рожденіи, крещеніи, бракѣ и погребеніи лицъ царской семьи въ 1668—1692 гг. ⁶⁾. Кромя того Вивліонка помѣстила журналы путешествій Избрандеса въ Китай ⁷⁾ и Б. П. Шереметева въ западную Европу въ 1697 году ⁸⁾. Внутренняя жизнь Русскаго государства рисуется въ Вивліонкѣ такими статьями, какъ Двинской лѣтописецъ ⁹⁾, послужной списокъ чиновъ администраціи въ 1682 г. ¹⁰⁾, челобитная Извольскаго ¹¹⁾, жалованная грамоты Лефорту и Шенну за Азовскій походъ ¹²⁾, указъ по дѣлу Соловнина и Цыклера ¹³⁾, гра-

пвію, 1722 года (XI, 197—199); описаніе брака Анны Петровны съ герцогомъ Голштинскимъ, 1725 г. (XIII, 235—247).

¹⁾ „Первое воцареніе Петра Великаго“ (VII, 372—402) и „О вѣнчаніи царскимъ вѣнцомъ“, 25-го іюня 1682 г. (VII, 403—484).

²⁾ XIII, 233—234.

³⁾ XI, 180—181; XV, 283—306. Последній документъ въ болѣе обширной редакціи напечатанъ у Соловьева, XIII (изд. 3-е), стр. 395—409.

⁴⁾ XI, 176—179.

⁵⁾ Два письма Адриана 13-го августа и 15-го октября 1697 г. и два письма царя 10-го и 31-го сентября того же года (XV, 368—373). Еще раньше Новиковъ опубликовалъ ихъ въ *Повѣствователѣ древностей російскихъ*, стр. 61—66; но ко времени выхода XV-го тома *Вивліонки* эти письма, въ составѣ другихъ, успѣли войти еще въ третье изданіе: Письма Петра Великаго брату Іоанну и патр. Адриану. С.-Пб. 1788 (см. ниже).

⁶⁾ XI, 182—189, 192—197, 202—218; XIV, 65—122.

⁷⁾ VIII, 360—475; IX, 287—462.

⁸⁾ V, 252—432.

⁹⁾ XVIII, 50—71. Перепечатка изъ *Опыта трудовъ вол. росс. собранія*.

¹⁰⁾ XX, 421—442.

¹¹⁾ XVI, 394—396.

¹²⁾ XV, 341—354.

¹³⁾ XV, 354—367.

мота и наказъ (1696) кн. Ѳ. Л. Волконскому ¹⁾ и переписныя книги 1700 и 1703 годовъ ²⁾. Нагробныя надписи помогаютъ опредѣленію родословныхъ и служебныхъ отношеній ³⁾. Такое же значеніе имѣетъ и синодикъ 1684 года ⁴⁾. Записи же о круговомъ оборотѣ праздничныхъ богослуженій, совершавшихся въ Успенскомъ соборѣ съ 1668 года, позволяютъ иногда прослѣдить факты изъ жизни лицъ царской семьи, обыкновенно не отмѣченные въ другихъ памятникахъ ⁵⁾.

Для исторіи церкви Вивліоѳика предлагаетъ читателю нѣкоторыя грамоты ⁶⁾, свѣдѣнія объ обрядахъ и „чинахъ“, совершаемыхъ въ разное время патриархами ⁷⁾, челобитную Палладія Роговскаго 1699 года ⁸⁾ и т. п. ⁹⁾. Культурная жизнь русскаго общества конца XVII вѣка намѣчалась всего двумя, тремя статейками ¹⁰⁾; такъ же скудны были свѣдѣнія и о внѣшней политикѣ ¹¹⁾; за то болѣе дано для исторіи Крымскихъ походовъ ¹²⁾.

Къ числу отдѣльно изданныхъ матеріаловъ за вторую половину XVIII столѣтія можно назвать Книгу Марсову ¹³⁾, Поденную За-

¹⁾ XI, 422—448.

²⁾ XVI, 368—372. Ранѣе были напечатаны въ *Помѣствователь дѣяностей російскія*, стр. 47—50.

³⁾ XI, 248—241; XVI, 311—326; XVIII, 200—201; XIX, 293—358, 367—407.

⁴⁾ VI, 420—506.

⁵⁾ Весь X томъ; XI, 1—160.

⁶⁾ Грамота патр. Іоакима (XVIII, 121—127), Адриана (XVIII, 128—142) и его же инструкція (XV, 373—405).

⁷⁾ VI, VIII, passim; XVI, 308—311.

⁸⁾ XVIII, 148—198.

⁹⁾ Освященіе церквей (XI, 269—273); чинъ погребенія Іоакима и избранія Адриана (XI, 367—368); слово благодарственное Іоакима по поводу событій 5-го іюля 1682 года (XV, 241—282).

¹⁰⁾ Исторія Законоспасенной школы, составл. Ѳ. Поликартовимъ (XVI, 295—306); уставъ школы и стихи *Сильвестра Медтеда*, обращенныя къ цар. Соѳіи (VI, 390—420); текстъ комедій, полностью или въ конспектъ (VI, 363—390; VIII, 34—60, 158—169, 187—329; IX, 462—476).

¹¹⁾ Польскія дѣла въ указѣ 29-го іюля 1686 г. думному дяку В. Г. Семепову (XV, 336—340); шведскія—въ запискѣ о формахъ приѣма пословъ въ 1683 г. (VIII, 169—187); о царѣ Арчылѣ (XV, 306—326; XVIII, 93).

¹²⁾ Нѣсколько указовъ 1686—1687 гг. (XVI, 372—410); церемонія и т. п., имѣвшія мѣсто въ Москвѣ (XI, 168—176).

¹³⁾ Книга Марсова или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества російскихъ во взятіи преславныхъ оортецій и на разныхъ мѣстахъ храбрыхъ

писку Петра Великаго ¹⁾, Походъ Шенна къ Азову ²⁾, Тетрати записныя 1704—1706 годовъ ³⁾, Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева ⁴⁾, Записную книжку 1697—1698 годовъ невин-

батацій учивенныхъ надъ войски его королевскаго величества швейцарскаго. Съ перваго Санктпетербургскаго 1713 года изданія вторымъ тисненіемъ напечатанная. С.-Пб. 1766. 4°. 193 стр. + 23 листа вставокъ.

¹⁾ Журналъ или Походная Записка, блаженныя и вѣчюдостойныя памяти государя императора Петра Великаго съ 1698 года, даже до заключенія Нейштатскаго мира. Напечатанъ съ обратяющихся въ кабинетной архивъ списковъ, правленыхъ собственною рукою его императорскаго величества. Часть первая. С.-Пб. 1770 г. V (нен.) + 460 стр. Часть вторая. С.-Пб. 1772 г. 763 стр. in 4°. Издавъ кн. М. М. Щербатовымъ. Страницы 193—763 второй части состоятъ изъ привоженій, документовъ, относящихся преимущественно къ высшей политикѣ. Тогда же походная записка переведена была Баккейстеромъ на нѣмецкій языкъ въ *Beiträge zur Geschichte Peters des Grossen, Bände I, II u. III. Riga. 1774—1784* (подробнѣе см. у *Минилова, Pierre le Grand, 202—204*). Давая отчетъ о первомъ томѣ, Баккейстеръ (*Russische Bibliothek, III, 272—283*) сопоставляетъ русскій текстъ записки съ различными ея переводами на французскій и нѣмецкій языки. Въ числѣ этихъ переводовъ (о нихъ у *Минилова, ibidem, 201—202*) любопытно стокгольмское издавіе съ дополненіями переводчика (шведскаго офицера), который основывался на шведскихъ источникахъ и могъ исправить нѣкоторые ошибки подлинника въ правописаніи шведскихъ именъ (*Миниловъ, Библиографич. отрывки. Отеч. Записки 1858 г., т. 118-й (№ 6), стр. 534*).

²⁾ Походъ боярина и большого полку воеводы Алексѣя Семеновича Шенна къ Азову, взятіе сего и Лютика города и торжественное отгуды съ побѣдоноснымъ воинствомъ возвращеніе въ Москву, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ военныхъ и торжественныхъ происшествій и съ именнымъ спискомъ бывшихъ при томъ: сухопутныхъ и морскихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, высшихъ и нижнихъ военачальниковъ, числѣ всѣхъ войскъ и учивеннымъ онымъ награждъ. Издавъ въ свѣтъ *Василій Рубанъ*. С.-Пб. 1773. 12°. 226 стр. Оглавленіе довольно полно передаетъ содержаніе книги. Это описаніе похода 1696 г., скорѣе даже смрой, почти не тронутый матеріалъ, извлеченный изъ канцеларій въ видѣ отчетовъ, донесеній, списковъ и т. п.

³⁾ Тетрати записныя всѣмъ писемъ и дѣламъ, кому что приказано и въ которомъ числѣ отъ его императорскаго величества Петра Великаго 1704, 1705 и 1706 годовъ съ приложеніемъ приличнай о службахъ тѣхъ людей, къ которымъ сей государь писывалъ. С.-Пб. 1774, 4°, XXVIII (нен.) + 271 стр. Издавъ кн. Щербатовымъ. Для указаннаго времени это одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ.

⁴⁾ Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, состоящая изъ челобитенъ, писанныхъ имъ къ царю и патриарху, также изъ писемъ къ разнымъ особамъ, съ приобщеніемъ объявленія о причинахъ его за-

вѣстнаго автора ¹⁾, одновременный съ нимъ дневникъ путешествія Б. П. Шереметева ²⁾, рѣчи Θεофана Прокоповича ³⁾ и первые издаанныя два небольшія сочиненія Посошкова ⁴⁾; а также

точенія и о возвращеніи изъ онаго, издавая *Н. Новиковымъ*. М. 1776. 8°. XX (неп.) + 400 стр. Изд. 2-е. М. 1785. 8°. XVI + 440 стр. П. М. Строевъ предпочиталъ первое изданіе второму (*Барсуковъ*, Жизнь и труды Строева, 436 и Протоколы археогр. ком. II, 180).

¹⁾ Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 1698 году. На ижд. П. Б. С.-Пб. 1788. 12°. 50 стр. Авторъ этого любопытнаго дневника и до сихъ поръ не опредѣленъ. Погодинъ, печатая эти записки въ *Моск. Вѣстникъ* (1830 г., ч. VI), обозначаетъ ихъ, какъ „журналъ веденный однимъ изъ чиновниковъ посольства“; князь Вл. К.—въ считаетъ возможнымъ приписать Петру Великому только начало (Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1846 г., № 8, стр. 126—156); Свиньинъ же, печатая дневникъ въ своемъ журналѣ (*Отеч. Записки* 1830 г., ч. 43, №№ 123, 124), прямо наваль его „путевыми записками, веденными самимъ государемъ Петромъ Великимъ“. Существуетъ еще одна малозвѣстная редакція дневника въ *Отеч. Запискахъ* 1848 г., т. LVII, и тоже подъ именемъ „журнала Петра I“. Наконецъ, недавно И. Θ. Горбуновъ помѣстилъ новый списокъ этого путешествія въ *Русск. Старинъ* 1879, май, 101—131.

²⁾ Записка путешествія ген.-фельдм. всероссійск. войскъ, тайн. сов. и кавалера малтійскаго, св. апостола Андрея, Бѣлаго орла и прусск. ордена графа Б. П. Шереметева, въ тогдашнія времена бывшаго ближняго боярина и наѣстника Вятскаго, въ Европейскія государства въ Краковъ, въ Вѣну, въ Венецію, въ Римъ и на Малтійскій островъ, издавая по подлинному описанію, находящемуся въ библиотекѣ сына его. . . . гр. П. Б. Шереметева. М. 1773 г., foіо. II + 90 стр. + 6 рисун. Перепечатано подъ именемъ „Статейнаго списка“ въ *Древн. Росс. Вивл.* (2-е изд.), V, 252—432. Кроме того, въ *Памятн. дипломат. сношеній*, X, 1581—1698 напечатане „Похожденіе въ Малтійскій островъ болр. Б. П. Шереметева“, по списку довольно нецсправному и лишнему текста грамотъ, находящихся въ предыдущихъ изданіяхъ.

³⁾ *Θеофана Прокоповича*, архіепископа великаго Новгорода и великихъ Лукъ, святѣйш. правит. синода вице-президента, а потомъ первенствующаго члена Слова и Рѣчи, поучительныя, похвальныя и поздравительныя, собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя. 4 части. С.-Пб. 1760—1761 г. 24 слова, произнесенныя Θεофаномъ въ царствованіе Петра Великаго, включая сюда и двѣ рѣчи „на погребеніе“ и „въ похвалу“ преобразователя, занимають весь первый и страницы 1—169 втораго тома настоящаго изданія.

⁴⁾ Россіянинъ прошедшаго вѣка, или предложеніе *Ивана Посошкова*, подавленное боярину Θ. А. Головину 1701 года; съ присовокупленіемъ отеческаго завѣщательнаго поученія, посланному для ученія въ дальнія страны, юному сыну, писанное въ 1708 году. Иждивеніемъ Θ. *Розанова*. М. 1793. 12°. 123 стр.

сборники „анекдотовъ“ Штелина ¹⁾, Бѣляева ²⁾ и Голикова ³⁾).

¹⁾ Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau und Petersburg vernommen, und der Vergessenheit entrissen von *J. V. Stählin*. Leipzig. 1785. 8°. 22 + 422. На русскій языкъ переведены и перевязаны были нѣсколько разъ. — Любопытныя и достопамятныя сказанія объ императорѣ Петрѣ Великомъ. С.-Пб. 1786. XVI + 386 стр. 2-е изданіе въ С.-Пб. 1787. XX + 468 стр. Въ обоихъ изданіяхъ текстъ тождественъ, содержитъ 110 анекдотовъ. — Подлинные анекдоты Петра Великаго, слышанные изъ устъ знатныхъ особъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, переведенные *К. Рембовскимъ*. М. 1787. XXII + 592 стр. 2-е изд. М. 1787. XXVI + 592 стр. 3-е изд. М. 1789. XX + 592 стр. Въ три изданія тождественны по тексту; послѣднія два даже сходны строка въ строку. Въ каждомъ по 113 анекдотовъ. — Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, слышанные изъ устъ знаменитыхъ особъ.... Нынѣ же вновь переведенные . . . съ прибавленіемъ многихъ другихъ на русскій языкъ неизданныхъ анекдотовъ. Съ присовокупленіемъ гравированныхъ сигуръ. Часть первая. М. 1800 XIX + 304 стр. Часть вторая. М. 1793 (sic), 259 + IV стр. Всего 143 анекдота. „Новый“ переводъ этотъ едва ли не правильнѣе назвать очень близкимъ воспроизведеніемъ перевода Рембовскаго; по крайней мѣрѣ можно указать на страницы почти дословно схожія (ср., напримѣръ, анекдотъ № 26). — Полное собраніе анекдотовъ о Петрѣ Великомъ, открывающихъ духъ и свойства и изображающихъ отличившія дѣянія сего неустрашимаго героя . . . съ послѣдняго изданія вновь переведенные, съ приобщеніемъ многихъ новѣйшихъ анекдотовъ, выбранныхъ изъ разныхъ иностранныхъ и русскіихъ писателей. 2 части. М. 1801. XVIII+213+VIII + 248 стр. Всего 176 анекдотовъ. — Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собраныя *Я. Штелинымъ*. 4 части. Второе изданіе, вновь исправленное. М. 1820. XVI + 231 + VI + 191 + VIII + 208 + VII + 214 стр. Въ первыхъ двухъ частяхъ 138 анекдотовъ; по тексту они сходны съ изданіемъ 1793 — 1800 гг., содержатъ въ себѣ только пять анекдотами меньше. Остальныя двѣ части содержатъ въ себѣ 120 анекдотовъ и носятъ особый заголовокъ: „Подлинные анекдоты о Петрѣ Великомъ, собранныя *Г. Голиковымъ*“. — То же, третье изданіе, вновь исправленное. М. 1830. XVI + 260 + IV + 179 + X + 210 + IV + 214 стр. Анекдотовъ 142 (въ 1-й и 2-й ч.ч.) + 214 (въ 3-й и 4-й ч.ч.). На этотъ разъ всѣ четыре части обозначены, какъ „собранныя“ *Я. Штелинымъ* (Всѣ изданія анекдотовъ Штелина въ октаву).

²⁾ Духъ Петра Великаго, императора Всероссийскаго, и соперника его Карла XII, короля Шведскаго. Издано трудами и иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ утѣрь-библіотекнаря *Осипа Бѣляева*. С.-Пб. 1798. 8°. 250 + 57 стр. На первыхъ 250 страницахъ 224 анекдота о Петрѣ, на послѣднихъ — 40 анекдотовъ о Карлѣ.

³⁾ Анекдоты, касающіеся до государя императора Петра Великаго, собранныя *И. Голиковымъ*. Изданіе 2-е, исправленное, дополненное и умноженное. М. 1798. 8°. XV + 535 стр. Какъ заявлено въ предисловіи, это повтореніе изданныхъ въ XVII томѣ „Дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго“, съ прибавкою „не

Анекдоты записанные Ригельманомъ ¹⁾, изданы были позднѣе ²⁾.

Императрица Екатерина не разъ высказывала желаніе имѣть обстоятельную исторію Петра и принимала живое участіе въ обнаруженіи матеріаловъ, касающихся его царствованія. Въ отвѣтъ на присылку Вольтеромъ второй части „Histoire de Russie sous Pierre le Grand“ государыня высказала ему сожалѣніе, что авторъ началъ работать не въ пору ея теперешняго положенія (1763 г.),—иначе она могла бы сообщить ему несравненно лучшіе документы ³⁾. Тогда же она приказала собрать отовсюду письма государя и собиралась даже печатать ихъ ⁴⁾, какъ бы предвосхищая мысль, положенную въ основу указа 1872 года, учреждавшаго комиссію для изданія „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Впрочемъ это были одни только *ria desideria*. Изданіе Петровой переписки пока осуществлялось путемъ частной инициативы. Такъ, въ 1774 году графъ П. Шереметевъ выпускаетъ въ свѣтъ роскошное изданіе писемъ Петра Великаго къ отцу его, Б. П. Шереметеву ⁵⁾, вслѣдъ за ними появляются письма самого фельдмаршала къ государю ⁶⁾, далѣе выходятъ письма государя къ

малаго числа новыхъ“ (въ Дополненіяхъ 120 анекдотовъ; въ изд. 1798 г.—132) и „многихъ историческихъ соравненій, подобій и разныхъ примѣчаній“.—То же, изданіе 3-е. М. 1807. 8°. XVI + 535 стр. Точное воспроизведеніе изданія 1798 года.

¹⁾ Андрей Ивановичъ Ригельманъ—авторъ „Малороссійской исторіи“, жилъ въ царствованіе Екатерины II.

²⁾ *Москвитининъ* 1842 г., № 1, стр. 84—89. Всего четыре анекдота.

³⁾ *Oeuvres complètes de Voltaire*. Nouv. édition, t. XLIII (P. 1881), pag. 16.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ Письма Петра Великаго, писанныя къ генералъ-фельдмаршалу, тайному совѣтнику . . . графу Б. П. Шереметеву, по большей части собственною государевою рукою, а нынѣ съ подлинниковъ, хранящихся въ Импер. Кабинетской архивѣ списанныя, сколько оныхъ нашлось у . . . гр. П. В. Шереметева, котораго желаніемъ и стараніемъ оныя нынѣ въ свѣтъ изданы, и съ предисловіемъ о происхожденіи и о службахъ предковъ Шереметевыхъ, особливо же о славныхъ дѣлахъ фельдмаршала гр. Б. П. и о потомкахъ его. М. 1774, folio. LXXVIII + 172 стр.—портретъ Б. П. Шереметева Предисловіе составлено Г. Ф. Миллеромъ. Въ текстѣ 238 писемъ съ 5-го декабря 1770 по 9-е октября 1718, въ томъ числѣ донесенія Шереметева съ отвѣтными на нихъ резолюціями государя; нѣкоторыя реляціи о битвахъ; „пункты предложенные магистрату города Гданска“ (№ 200) и „Расположеніе въ Украинѣ въ будущую кампанію“ (№ 150), оба за подписью царя; копія съ письма гр. Головкина къ Ильгену (при письмѣ № 203) и т. п.

⁶⁾ Письма къ государю императору Петру Великому отъ генералъ-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева. 4 ч. М. 1778—1779.

С. А. Колычеву ¹⁾, къ Н. А. Сивявину ²⁾, къ брату Іоанну и къ патриарху Адриану ³⁾. Еще раньше часть послѣднихъ перепечатываетъ Новиковъ въ Повѣствователѣ древностей россійскихъ и Древней Россійской Вивліюнкѣ ⁴⁾.

Къ тому же отдѣлу матеріаловъ можно отнести и изданіе медалей, выбитыхъ въ память дѣяній Петра I, напримѣръ, Слава Россіи ⁵⁾. Еще въ послѣдніе годы Елизаветы Петровны Штелиниъ занятъ былъ составленіемъ медалей на событія изъ эпохи реформы ⁶⁾. Въ семидесятыхъ годахъ былъ составленъ даже особый комитетъ или, вѣрнѣе, цѣлныхъ два, для сочиненія медалей. Первый, состоявшій изъ Щербатова, Хераскова и Нартова, выбиралъ темы и составлялъ описанія, какъ къ новымъ, такъ и къ ранѣе выбитымъ медалямъ: второй — изъ Штелина, Девилье и Козлова — проектировалъ самыя медали и наблюдалъ за ихъ рѣзкою. Событія Петровскаго царствованія были изображены болѣе чѣмъ 120-ю рисунками ⁷⁾.

¹⁾ Письма государя императора Петра Великаго къ С. А. Колычеву и отвѣты его на оныя. М. 1785. 12°. II + 110 стр. Всего 68 №№; отвѣтовъ Колычева (идутъ съ № 48-го) меньше, чѣмъ царскихъ писемъ. Въ число этихъ №№ входятъ и письма Макарова Колычеву, указы Петра на всю Россію; стр. 10—36 заняты „обстоятельною реляціою“ о Полтавской побѣдѣ и подробнымъ перечнемъ захваченныхъ пленныхъ. Переписка обнимаетъ 1708—1719 гг. Краткое предисловіе говоритъ „о службѣ и происхожденіи въ оной С. А. Колычева“.

²⁾ Письма и указы его императорскаго величества государя императора Петра Великаго, писанныя къ Н. А. Сивявину, продолжавшему службу въ россійскомъ корабельномъ флотѣ, съ начала оного отъ званія матросскаго до вице-адмиральскаго чина, хранящіеся у сына его флота адмирала и кавалера А. Н. Сивявина, коего желаніемъ по высочайшему ея императорскаго величества все милостивѣйшему благоволенію издаются съ краткимъ описаніемъ службы покойнаго родителя его. С.-Пб. 1786. 4°. XVIII + 75 + X стр. Содержаніе: послушной списокъ Сивявина; 48 писемъ и указовъ Петра съ 27-го іюля 1711 по 22-е декабря 1722; три жалованныхъ грамоты предкамъ Сивявинныхъ.

³⁾ Письма императора Петра Великаго къ брату своему царю Іоанну А—чу и патриарху Адриану съ отвѣтомъ на оныя и на отвѣты боярина и воеводы А. С. Шенна, кн. В. А. Голицына и боярина и воеводы Б. П. Шереметева. На ижд. П. В. С.-Пб. 1788. 12°. 82 стр. 17 писемъ за 1695—1697 г., сосредоточиваются на Азовскихъ событіяхъ.

⁴⁾ См. выше.

⁵⁾ Слава Россіи или собраніе медалей дѣлѣ Петра Великаго и еще нѣкоторые 1770 г. іюня 4-го дня. 8°. 21 листь рисунковъ и гравированный портретъ Петра.

⁶⁾ *Пекарскій*, Истор. Акад. Наукъ, I, 565—566.

⁷⁾ Нѣчто о комитетахъ, составленныхъ въ 1772 г. для сочиненія медалей. *Отч. Записки* 1821, ч. VII, № 16, августъ, 180—191. Сравни. *Доминговъ*, Рус-

Параллельно публикуемымъ матеріаламъ растетъ и литература, на нихъ основанная. Сочиняются и переводятся полныя исторіи Петрова царствованія. Въ ряду иностранныхъ произведеній, появившихся на русскомъ языкѣ, довольно удовлетворительно для своего времени была книга Алеца, переведенная Вас. Вроблевскимъ ¹⁾. Ее слѣдуетъ отнести къ разряду тѣхъ сочиненій, которыя въ наше время имѣли бы значеніе краткаго популярнаго разказа для юношества или народнаго чтенія. Но въ ту пору подобный трудъ имѣлъ право претендовать на вѣчто большее. Содержаніе, разумѣется, сосредоточивается преимущественно на внѣшней исторіи Петра (дѣтство, Азовъ, заграничныя поѣздки 1697—1698 и 1716—1717 годовъ, Шведская война, Полтава, Прутъ); „реформы“ только перечислены и притомъ такъ, что распоряженіе объ уличныхъ фонаряхъ передано на ряду съ таковымъ же объ учрежденіи синода и т. п. Но положительная сторона книжечки Алеца — толковое и ясное изложеніе, умѣнье разсортировать матеріалъ, остановиться на дѣйствительно крупныхъ чертахъ, простой, хорошій слогъ. Отсутствие прагматизма, немыслимаго въ ту пору да и излишняго въ виду того, что книга предназначалась для „большой публики“, не мѣшаетъ признать существованіе въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка не только интереса ко времени Петра, но и умѣнья до извѣстной степени разобраться въ этой эпохѣ и нарисовать ея картину. Сочиненіе Алеца, видимо, нашло себѣ читателей. По крайней мѣрѣ, 17 лѣтъ спустя неизвѣстный издатель нашелъ выгоду переиздать его вновь, хотя и подъ другимъ заглавіемъ, съ ничтожными измѣненіями и подъ видомъ оригинальнаго русскаго сочиненія ²⁾. Нѣсколько ниже мы увидимъ, что тотъ же

скіе писатели въ XVIII ст. *Русск. Старина* 1873, VIII, 582, *Пекарскій*, loco citato, 553.

¹⁾ Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго, императора всехъ Россій. Переведено съ французскаго. С.-Пб. 1771. 8°. 51 стр. Посвященіе гр. П. Б. Шереметеву подписано „Вараблевскимъ“. Изъ „предъувѣдомленія“ видно, что предлагаемая книга есть переводъ изъ четырехтомнаго сочиненія *Алеца*: *Les princes célèbres*. Paris. 1769.

²⁾ Краткое описаніе жизни и славныхъ дѣлъ Петра Великаго, перваго императора всероссійскаго. С.-Пб. 1788. 12°. 89 стр. Содержаніе совершенно сходно съ предыдущимъ „Описаніемъ“. Тѣ же ошибки (напримѣръ, Петръ ѣдетъ въ 1697 г. между прочимъ въ *Дамію*; Лесорть—уроженецъ Пюмонта); тѣ же рубрики и заголовки; только слогъ болѣе новый и гладкій, да сдѣланы нѣкоторые сокращенія. Такъ, напримѣръ, вѣтъ первыхъ вступительныхъ строкъ изданія 1771 г. выпущено трехкратное прогнаніе шведскаго флота изъ подъ Петербурга (изд. 1771, стр. 24;

трудъ французскаго писателя появился на русскомъ языкѣ въ третій разъ, въ видѣ приложения къ другому сочиненію ¹⁾.

Оставаясь въ предѣлахъ краткаго разказа, историка Петра оказывались еще удовлетворительными ²⁾; но писать большую исторію, въ широкомъ масштабѣ имѣ, очевидно, было не по силамъ. Въ 1772 году Дмитрій Θεодози выпустилъ изъ венеціанской греческой типографіи двухтомное „Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго“ ³⁾. Съ первыхъ же страницъ натываемся мы на очевидныя ошибки. Такъ, казнь Хованскаго отнесена къ 1685 году; участія Софьи въ этомъ дѣлѣ точно и не бывало (I, 170—171); сама Софья начинаетъ управлять государствомъ не то послѣ бунта 15-го мая, не то со времени перваго похода Голицына (I, 160 слѣд., 173). Авторъ все мѣряетъ аршиномъ своего вѣка, не будучи въ состояніи схватить ни духовной, ни внѣшней физіономіи разбираемой эпохи. Боярская дума у него сенатъ; Софья называется принцессой, а село Преображенское—увеселительнымъ замкомъ (I, 172, 162, 177)! Говоритъ нечего, что Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ отмѣченъ, какъ будущій геній. Еще питаюсь молокомъ матери, онъ подавалъ надежду, что возведетъ Россію на высочайшую степень славы

изд. 1788 г., стр. 42) или ерванъ: „онъ (Петръ) имѣлъ съ нею (Екатериною) трехъ дочерей“ (изд. 1771 г., стр. 32; изд. 1788, стр. 57). Сравн. также стр. 21 изд. 1771 г. о „старикахъ и робтакахъ“ со стр. 36 изд. 1788 г. Обиліе сходныхъ выраженій въ обоихъ изданіяхъ позволяетъ думать, что издатель 1788 г. не столько переводилъ, сколько перелалъ текстъ своего предшественника.

¹⁾ См. изданное *Вроблескимъ* сочиненіе *Крекима*: „Сказаніе о рожденіи“ и пр., изданіе второе. М. 1795.

²⁾ Впрочемъ едва ли это можно сказать про „Краткую исторію жизни и дѣланій Петра Великаго“ (12^о. 36 стр. На послѣдней страницѣ: „Москва. 1796. У В. Окорокова“); слишкомъ ужъ коротка она, будучи скорѣе похожа на простой перечень фактовъ, хотя съ сохраненіемъ повѣствовательной формы.

³⁾ Житіе и славныя дѣла государя императора Петра Великаго, самодержца Всероссійскаго, съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ царствѣ, нынѣ первѣ на славянскомъ языкѣ списана и издана. Венеціа. 1772. 4^о. 2 части. XVII (нен.)+400+362 стр.—Житіе и славныя дѣла Петра Великаго самодержца Всероссійскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ государствѣ, первѣ на славенскомъ языкѣ изданное въ Венеціи, а нынѣ вновь съ пополненіемъ и поправленіемъ какъ самой исторіи, такъ и съ предложеніемъ нѣкоторыхъ славяно-сербскихъ словъ на руссійской, съ гравированными планами баталий и взятыхъ крѣпостей, и на всѣ великія дѣйствія медалями напечатано. Печатано ишдивеніемъ купцовъ: Санктпетербургскаго Сергея Копнина и Иркутскаго Ивана Байбородина. 2 части С.-Пб. 1774. 4^о. XXV (нен.)+367+333+III (нен.) стр.

(I, 155 — 156); такъ, послѣ 15-го мая, получивъ полную свободу, онъ избираетъ себѣ пребываніе въ увеселительномъ замкѣ и начинаетъ упражняться въ воинскихъ дѣлахъ. Онъ хотѣлъ своимъ примѣромъ показать (это въ 11 дѣтъ!), что одна порода еще недостаточна для полученія чиновъ, а нужны и личныя заслуги,—поэтому и въ полкахъ служить солдатомъ, а не командиромъ (I, 184 — 185). Сочиненіе Θεοδοσι отталкиваетъ читателя XIX вѣка не столько ошибками фактическими, сколько всею манерой и точкой зрѣнія на предметъ. Авторъ и его читатели, очевидно, вполне удовлетворались тѣмъ, что можно бы назвать внѣшнею исторіей: вамъ излагаютъ фактъ, смѣну дѣйствій, но самого человека, это таинственное существо, смѣсь воли, желаній и разума, тѣ тайныя пружины, которыя создаютъ столько индивидуальности и оттѣнковъ, ничего этого не найдется въ подобныхъ исторіяхъ. Тамъ всѣ люди сросены по одному образцу. Софья — типъ холодной, безстрастной ученицы Макиавелли, съ которою едва ли могла бы поспорить и сама Екатерина Медичи; Петръ — типъ сказочнаго богатыря, съ первыхъ дней сознающій ту историческую задачу, какая увѣнчаетъ его впоследствии неуязвимою славой; Милославскій — типъ хитраго царедворца, и такъ далѣе до безконечности. Словомъ, это манекены, а не живые люди, въ которыхъ борятся разнообразныя чувства, долго не пересиливая одно другое, и гдѣ перевѣсъ одного еще не есть погибель другихъ. Развитія духовнаго, исторической преемственности, вліянія среды не ищите въ сочиненіяхъ, подобныхъ только что указанному.

Къ тому же разряду надо отнести и трудъ Катифоро, который появился въ свѣтъ одновременно съ книгой Θεοδοσι¹⁾. Книга, переведенная Березайскимъ²⁾, довольно поверхностна и не безъ сильной примѣсы

1) Житіе Петра Великаго, Императора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества, собранное изъ разныхъ книгъ, во Франціи и Голландіи изданныхъ, и напечатанное въ Венеціи, Медиоланѣ и Неаполѣ на діалектѣ италіанскомъ, а потомъ и на греческомъ: съ коего на Россійской языкъ перевелъ статскій совѣтникъ *Стефанъ Писаревъ*. С.-Пб. 1772 г. 4°. XII (нен.) + 511 стр. — Изданіе второе („Житіе Петра Великаго, императора и самодержца Всероссійскаго, отца отечества. Переводъ съ греческаго“) вышло въ М. 1788. 8°. IV (нен.) + 556 стр. Сравнительно съ первымъ въ немъ недостаетъ портрета Петра, посвященіи Павлу Петровичу и „дополненія къ историческому въ сей книгѣ, о Китайскомъ государствѣ, описанію“.

2) Храмъ безсмертныя славы императора Петра Перваго. Съ французскаго языка перевелъ, исправилъ и умножилъ *Василій Березайскій*. С.-Пб. 1789. 8°. 208 стр.

реторики. Авторъ оцѣниваетъ Петра, какъ преобразователя, создателя и завоевателя; поэтому его книга не есть систематическое (хотя по содержанию, и полное) изложеніе царствованія Петра Великаго.

Что касается отечественной исторіографіи, то конечно, въ этотъ счетъ не можетъ идти простой хронологическій перечень фактовъ, вошедшій въ составъ Краткой російской исторіи, приложенной русскимъ переводчикомъ къ „Универсальной исторіи“ Гильмара Кураса ¹⁾, и со стороны русскихъ современниковъ Вольтера было большою самонадѣянностью рекомендовать этотъ перечень „въ дополненіе и въ поправленіе“ сочиненія французскаго писателя ²⁾. Точно также приходится ограничиться однимъ упоминаніемъ о томъ, что въ посмертныхъ рукописяхъ Сумарокова отыскано было „Приступленіе къ исторіи Петра Великаго“, доведенное только до смерти Грознаго ³⁾. Вѣроятно, какъ на отрывки большой начатой работы, должно смотрѣть и на два его разказа о волненіяхъ стрѣльцовъ въ 1682 г. ⁴⁾. Точно также и Карамзинъ составляетъ только планъ Похвальнаго слова Петру Великому ⁵⁾; академику Миллеру поручено было написать исторію малолѣтства Петра ⁶⁾, но дѣло остановилось въ самомъ началѣ ⁷⁾.

За то надъ всѣми современниками царить знаменитый Голиковъ ⁸⁾. Его дѣянія Петра Великаго явились поистинѣ грандіознымъ трудомъ, составившимъ эпоху въ изученіи великаго государя. Старательно собравъ цѣнный матеріалъ, Голиковъ внимательно распредѣлилъ его въ хронологическомъ порядкѣ и годъ за годомъ

¹⁾ *Гильмара Кураса* Сокращенная универсальная исторія, содержащая все достопамятные въ свѣтъ случаи отъ сотворенія міра по нынѣшнее время, со многимъ пополненіемъ вновь переведенная и съ приобщеніемъ краткой Російской исторіи вопросами и отвѣтами въ пользу учащагося юношества. С.-Пб. 1762. 8°. 323 стр.—Тоже, второе изданіе. С.-Пб. 1762. 8°. 390 стр.

²⁾ *Ежегодныя сочиненія* 1763, май стр. 461.

³⁾ Полное собраніе сочиненій *Сумарокова*, изд. 2-е, ч. VI, стр. 215—224.

⁴⁾ Первый и главный стрѣлецкій бунтъ, бывшій въ Москвѣ, 1682 году въ мѣсяцъ май. *Ibidem*, VI, 167 — 202. Второй стрѣлецкій бунтъ. *Ibidem*, VI, 205—212.

⁵⁾ *Полодинъ*, Н. М. Карамзинъ, т. I, стр. 277, 294.

⁶⁾ *Соловьевъ*, Г.-Ф. Мюллеръ, *Современникъ* 1854, № 10, стр. 141.

⁷⁾ См. вышеупомянутыя статьи его въ *Опытъ трудовъ в. р. собранія*.

⁸⁾ Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразителя Россіи; собранныя изъ достоверныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. 12 гг. М. 1788—1789.— Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго 18 гг. М. 1790—1797.

разказалъ славную жизнь своего „ироя“. Сочиненіе было снабжено не менѣе важными приложениями: цѣлый томъ такъ-называемыхъ „Анекдотовъ“, до полутора тысячи писемъ, обстоятельный разказъ (на два тома) про измѣну Мазепы и Полтавскій бой. Чтò не умѣстилось въ 12-ти томахъ „Дѣяній“, было прибавлено въ 18-ти томахъ „Дополненій“. Но и выпущенные тридцать томовъ нельзя считать законченнмъ трудомъ. Обѣщаннаго продолженія писемъ, доведенныхъ въ изданія Голикова только до 1711 года ¹⁾, не появилось вслѣдствіе неожиданно обильнаго скопленія ихъ въ рукахъ коллектора ²⁾ и можетъ быть, за недостаткомъ, матеріальныхъ средствъ ³⁾. Также однимъ предположеніемъ осталось и „описаніе жизни многихъ особъ изъ служившихъ при его величествѣ, начиная отъ господина Лефорта“ ⁴⁾. Значеніе труда Голикова съ извѣстной стороны весьма правильно оцѣнено еще самимъ авторомъ. Въ предисловіи къ своему изданію онъ говоритъ: человекъ я неученый, незнакомый съ критикой, совсѣмъ не историкъ; не ждите поэтому отъ меня глубокомысленныхъ разысканій; благоговѣю передъ памятью Петра и признаюсь, часто рѣчь моя сбивалась на панегирикъ; въ работѣ находилъ я личное удовлетвореніе, и если валь она пригодится, то буду вполне радъ ⁵⁾. Воспоминанія о смерти Петра, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „извлекли и изъ моихъ очей струи слезныя, которыя упавая на пишущую мною въ семъ мѣстѣ бумагу, прервали теченіе мыслей моихъ, исторгли перо изъ рукъ моихъ и принудили закрыть сію жалостивѣйшую картину скорбною завѣсою молчанія“ ⁶⁾.

Книга Голикова, составленная безъ провѣрки фактовъ, съ частыми ошибками въ чтеніи рукописнаго матеріала, теперь не имѣетъ уже такой цѣны, какъ сто лѣтъ тому назадъ, но и до сихъ поръ отнюдь еще не лишена большаго значенія; для своего же времени она оказала услугу, какъ первый старательный сводъ фактовъ и какъ попытка систематизировать ихъ. Она впервые дала возможность представить фигуру царя, какъ нѣчто цѣльное ⁷⁾, и наглядно охватить

¹⁾ Дѣянія, т. X—XII.

²⁾ Дополненія, XVI, 462.

³⁾ Дополненія, IV, предисловіе.

⁴⁾ Дополненія, I, предисловіе.

⁵⁾ Дѣянія, I, предисловіе.

⁶⁾ Дополненія, XIV, 404.

⁷⁾ Вспомнимъ, какъ съ ея появленіемъ возможнымъ стало указывать на ошибки, допущенныя въ другихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, у *Ведозы* (Дополн., IV, предисл.).

всю его многогранную, гигантскую дѣятельность. Этою стороною сочиненіе Голикова пріобрѣтаетъ значеніе одинаково какъ историческое, такъ и воспитательное. Его читали и въ глухой помѣщичьей деревнѣ, не было оно забыто и представителями высшихъ классовъ. Лучшие люди того времени въ каждомъ изъ многочисленныхъ своихъ имѣній держали по экземпляру Голиковскихъ „Дѣяній“ ¹⁾). Послѣдующіе историки собрали обильную жатву съ этого труда, въ особенности Галемъ и Бергманнъ, которыхъ сочиненія суть преимущественно переработка Голикова ²⁾).

Менѣе важенъ и въ научномъ, и въ историографическомъ отношеніи другой писатель—Феодоръ Туманскій. Мы познакомились съ нимъ, какъ съ собирателемъ матеріаловъ; но основною его задачей было жизнеописаніе Петра, и десять томовъ изданнаго имъ „Собранія разныхъ записокъ“ должны были „служить изъясненіемъ самаго сочиненія и основаніемъ“, по которому читатели могли бы оцѣнивать самую его работу ³⁾. Таковая и не замедлила появиться, по крайней мѣрѣ ея начало ⁴⁾). Работа безъ какихъ-либо достоинствъ, хотя авторъ, помимо матеріала, бывшаго у него подъ рукою, старательно воспользовался всѣми русскими монографіями, посвященными Петру. Любопытно, что неудовлетворительный, какъ издатель документовъ, Туманскій предъявлялъ къ историку очень правильныя требованія: исторія, говоритъ онъ,—должна основываться на доказательствахъ, провѣренныхъ критикою, быть безпристрадною и давать не одни только факты, а и „обратить вниманіе читателя на связь содѣяннаго, представить всѣ обстоятельства, которыя были причиною такого или другаго дѣйствія“ ⁵⁾).

Объ „Исторіи“, обыкновенно приписываемой Феофану Прокоповичу, мы уже говорили ⁶⁾); небольшая книжечка Рубана: „Начер-

¹⁾ Д. Рябининъ, Графъ С. Р. Воронцовъ. *Русск. Архивъ* 1879, I, 486, примѣч.

²⁾ О Галемъ и Бергманнъ см. ниже.

³⁾ Собраніе разныхъ записокъ, т. I, предисловіе.

⁴⁾ Полное описаніе дѣяній его величества государя императора Петра Великаго. Сочиненное Феодоромъ Туманскимъ, часть первая. С.-Пб. 1788. 8°. LVI+282+VIII (нев.) стр. Роскошное изданіе съ 12-ю гравированными портретами и многими рисунками-внѣтками въ текстъ. Обширное введеніе посвящено обзору до-Петровской Руси; вся же книга доведена только до окончанія стрѣльцкаго бунта въ маѣ 1682 года.

⁵⁾ Полное описаніе дѣяній, предисловіе, стр. XVIII—XXI.

⁶⁾ Исторія императора Петра Великаго, отъ рожденія его до Полтавской баталіи и взятія въ плѣнъ остальныхъ шведскихъ войскъ при Переловчѣхъ,

таніе о достославномъ царствованіи Петра¹⁾ — сжатый и плохо скомпанованный разказъ о наиболѣ крупныхъ событіяхъ эпохи преобразованій, начиная съ Азовскихъ походовъ²⁾, не безъ ошибокъ и не безъ вліянія иностранныхъ пособій. Сравнительно съ Рубановымъ начертаніемъ книжка Алеца гораздо выше по стройности изложенія; но не дурно у Рубана то, что, при всей краткости разказа, событія внѣшней политики въ его сочиненіи не перевѣшиваютъ объемомъ событій внутреннихъ. Не безынтересно также личное свидѣтельство одного изъ участниковъ Крымскаго похода (1689 года³⁾).

Наконецъ, Иванъ Нехачинъ написалъ „Ядро исторіи Петра Великаго“, добросовѣстную компіляцію, на которой очень замѣтно отразилось существованіе Голиковскихъ „Дѣяній“⁴⁾. Погребеніе Петра разказано по Теофану Прокоповичу. Дѣло же царевича Алексѣя изложено непропорціонально подробно⁵⁾, съ сообщеніемъ почти цѣлкомъ всѣхъ документовъ, въ свое время обнародованныхъ по этому поводу⁶⁾. Въ „Новомъ ядрѣ Россійской имперіи“, излагая царствованіе Петра, Нехачинъ только сокращенно изложилъ содержаніе своей первой работы⁷⁾. Время Петра было еще разъ затронуто

включительно; сочиненная *Теофаномъ Прокоповичемъ*, послѣ бывшихъ архіепископомъ Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, изданная съ обратившагося въ Кабинетской архивъ дѣлъ е. н. в. списка, правленнаго рукою самого сочинителя. С.-Пб. 1773. 8°. V (не нум.)—217 стр.—То же, изданіе второе. М. 1788. 8°, 256 стр.

¹⁾ Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, съ приобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній жизни сего великаго государя. С.-Пб. 1778. 8°. 32 стр. Подъ посвященіемъ графу З. Г. Чернышеву подписался *В. Рубанъ*.

²⁾ Событія до 1695 г. изложены на столько, на сколько это необходимо для пониманія послѣдующаго.

³⁾ *Рубанъ*, стр. 3—4.

⁴⁾ *Иванъ Н. х. ч. ка.*, Ядро исторіи государя Петра Великаго, перваго императора Всероссійскаго, съ присовокупленіемъ описанія монумента, воздвигнутаго въ память сему отцу отечества Екатериною II Великою, и съ краткою исторіею сына его, царевича Алексѣя Петровича. Издвеніемъ *Ивана Водопьянова*. М. 1795. 8°. 447 стр.

⁵⁾ Стр. 170—270.

⁶⁾ Переписка Петра съ сыномъ, текстъ отреченія царевича, мнѣнія духовенства, отвѣтъ Алексѣя на предъявленные ему вопросные пункты и пр.

⁷⁾ *Иванъ Нехачинъ*, Новое ядро Россійской исторіи, отъ самой древности Россіянъ и до нынѣшнихъ дней благополучнаго царствованія Екатерины II Великой, на пять періодовъ раздѣленное. 2 ч. М. 1795. 8°. Событія 1682—1725 гг.

Львовымъ въ „Подробной лѣтописи отъ начала Россіи до Полтавской битвы“¹⁾; но большая часть его работы есть сплошное воспроизведеніе Крекшина²⁾.

Прошло очень немного лѣтъ со смерти Крекшина³⁾, а новгородскій дворянинъ уже былъ забытъ и потеряна нить, связывавшая его имя съ его трудами. Записки Крекшина въ многочисленныхъ спискахъ расходились по рукамъ читающей публики, но уже возникалъ вопросъ, кто былъ ихъ составителемъ. Болтинъ предполагалъ Теофана Прокоповича, Львовъ опровергалъ это, не пополняя пробѣла⁴⁾; Вороблевскій печаталъ трудъ Крекшина, даже и не задавался вопросомъ о ихъ авторѣ⁵⁾; также поступилъ и Туманскій⁶⁾. Даже въ

во 2-й ч. на стр. 344—400—То же, второе изданіе. 3 чч. М. 1809—1810. 8°. Событія 1682—1725 гг.—во 2-й ч. (М. 1809) на стр. 356—414, совершенно тождественно съ первымъ изданіемъ.

¹⁾ 4 чч. С.-Пб. 1798—1799. 8°. Событія 1672—1709 гг. въ IV-й ч. на стр. 18—199 (до конца).

²⁾ Именно страницы 17—36, 67—145 въ IV-й части суть нѣсколько сокращенный Крекшинъ (предсказанія Полоцкаго, Кирилла Новоезерскаго и др., рѣчи умирающаго царя Алексѣя и окружавшихъ его лицъ; воспитаніе Петра событія въ апрѣлѣ—октябрѣ 1682, Крымскіе походы и паденіе Союба). Стр. 146—199 (до конца) повѣствуютъ о походахъ за границу и битвахъ при Ласной и Полтавѣ. Можетъ быть, и это составлено по Крекшину, на основаніи утерянныхъ для нашего времени частей его сочиненія. (Событія 1709 г., напечатанныя въ *Библіотекѣ для Ученія*, не доведены до Полтавской битвы).

³⁾ Онъ умеръ въ 1763 г. (*Сахаровъ*, Записки русскихъ людей, предисловіе).

⁴⁾ Подробная лѣтопись, IV, 34, прим. Ср. митр. *Евгеній*, Словарь писат. духов. чина, изд. 2-е, II, 310.

⁵⁾ Сказаніе о рожденіи, о воспитаніи и нареченіи на всероссійскій престолъ его царскаго пресвѣтлаго величества государя Петра Перваго, находящееся въ библіотекѣ его сіятельства гр. П. В. Шерешетева, изданное библіотекаремъ *В. Вороблевскимъ*. М. 1787. 12. IV+58 стр. Событія доведены до 15-го мая 1682 г.—Сказаніе о рожденіи, воспитаніи и нареченіи на всероссійскій царскій престолъ государя Петра Перваго, съ присовокупленіемъ сокращеннаго описанія жизни и дѣлъ сего великаго императора, и съ приложеніемъ гравированнаго его портрета. Изданное *В. Вороблевскимъ*. Вторымъ тисненіемъ. Изданіемъ книгопродавца С. Н. Москва. 1795. 12°. VI+140 стр. Первые 58 стр. суть перепечатка строку изданія 1787 г., съ тѣми же заставками и виньетками. Со страницы 59-й идетъ „Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго“, дословная перепечатка изданнаго Вороблевскимъ въ 1771 г. перевода *Алея*; здѣсь только нѣтъ предисловія и указанія на то, что это есть именно переводъ.

⁶⁾ О зачатіи и о рожденіи великаго государя императора Петра Перваго самодержца Всероссійскаго и о прочемъ. Собраніе разныхъ записокъ, I, 283—309.

тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія В. Н. Олинъ, печатая „О рожденіи Петра. Преданіе“ ¹⁾, не знаетъ, что онъ пересказываетъ не кого иного, какъ все того же Крекшина ²⁾. Болѣе того, всего какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ, князь Козловъ (?) издастъ рукопись новгородскаго дворянина и остается въ томъ же невѣдѣніи ³⁾.

Пора отчетливаго изученія матеріаловъ еще не наступила; приходилось довольствоваться простымъ разказомъ или механическимъ собраніемъ фактовъ. Оцѣнка преобразовательной эпохи, въ родѣ той, какую предложилъ Болтинъ въ критикѣ на сочиненіе Леклерка, анализируя ошибки и ложныя толкованія послѣдняго ⁴⁾, являлась скорѣе исключеніемъ; легче было издавать такія книги, какъ „О высочайшихъ пришествіяхъ Петра на Двину“ ⁵⁾, „Кабинетъ Петра Великаго“ Бѣляева ⁶⁾, или „Списокъ кораблямъ россійскаго флота“ Шишкова ⁷⁾.

Отличія отъ текста, изданнаго Вороблевскимъ, самыя ничтожныя, если не считать несходства въ нѣкоторыхъ датахъ. За то Туманскій излагаетъ событія даѣе 15-го мая 1682 г. (до конца 1682 г. съ краткою хронологіей до 1722 г.), и со стр. 264 не имѣетъ болѣе въ Вороблевскомъ совмѣстна.

¹⁾ С.-Пб. 1835. 12°, 47 стр.

²⁾ „Неизвѣстный сочинитель“, какъ онъ его называетъ. Ср. то же и въ примѣчаніяхъ *Олина* къ Исторіи Вилліамса (Записки о Петрѣ Великомъ, Сочиненіе *Вилліамса*, стр. 4 второй пагин.).

³⁾ Кн. *Вл. К—въ*, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Отечеств. Записки* 1848, LIX, 152—210.

⁴⁾ Примѣчанія на исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка. С.-Пб. 1788. На стр. 481—615 первой части разобраны и опровергнуты 50 положеній Леклерка.

⁵⁾ О высочайшихъ пришествіяхъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея в. и м. и б. Россіи самодержца, изъ царствующаго града Москвы на Двину, къ Архангельскому городу, тоекратно бывшихъ; о нахожденіи шведскихъ непріятельскихъ кораблей на ту же Двину, къ Архангельскому городу; о зачатіи Новодвинской крѣпости и о освященіи новаго храма въ сей крѣпости. Издвеніемъ Н. Новикова и К°. М. 1783. 8°. 111 стр.

⁶⁾ Кабинетъ Петра Великаго или подробное и обстоятельное описаніе восковаго его величества изображенія, военной и гражданской одежды, собственноручныхъ его издѣлій и прочихъ достопамятныхъ вещей, лично великому сему монарху принадлежавшихъ. С.-Пб. 1793. 8°. 2 чч. 170+154+IV стр.—То же, второе изданіе. С.-Пб. 1800. 4°; въ трехъ отдѣленіяхъ. 215+287+278 стр.+четыре гравюры.

⁷⁾ Списокъ кораблямъ и прочимъ судамъ всего россійскаго флота отъ начала заведенія оного до нынѣшнихъ временъ, съ историческими вообщѣ о дѣйствіяхъ флотовъ и о каждомъ суднѣ примѣчаніями. Часть I, содержащая въ себѣ царствованіе государя Петра Великаго. Собралъ изъ достоверныхъ записокъ и журналовъ контръ-адмиралъ *А. Шишковъ*. С.-Пб. 1799. 4°. 323 стр.

Но и подобныя книги дѣлали свое дѣло, обогащая свѣдѣніями, расширяя историческій горизонтъ. Первое изъ трехъ только что названныхъ изданій очень дѣбно по многимъ указаніямъ, приведеннымъ дословно, и вообще по источникамъ первой руки ¹⁾; книга Бѣляева, такъ-сказать, вводила читателя въ повседневную обстановку, въ обиходъ жизни царственнаго реформатора, а „Списокъ“ Шишкова давалъ гораздо болѣе, чѣмъ можно ожидать, судя по одному заглавію. Ведя перечень построенныхъ судовъ и начиная его отъ „дѣдушки русскаго флота“ до смерти Петра включительно, авторъ особенно много сообщаетъ „историческихъ примѣчаній“, приводя для этого выдержки, а иногда и цѣликомъ правительственные указы, письма и инструкции; особенно обстоятельны свѣдѣнія за 1713—1721 гг. ²⁾, такъ что на трудъ Шишкова можно смотрѣть какъ на первую серьезную исторію молодого русскаго флота. Если „Списокъ“ уже и потерялъ нынѣ свое научное и практическое значеніе, будучи оттѣсненъ другими, болѣе совершенными, то исторіографическое значеніе его несомнѣнно.

Чтобы закончить обзоръ Екатерининской литературы о Петрѣ Великомъ, намъ остается назвать еще нѣкоторыя книги и статьи. Таково уже упомянутое раньше „Ядро исторіи Россійской“ Манкіева ³⁾, біографіи Лефорта и Гордона, составленныя Ильинскимъ ⁴⁾ и Голицынымъ ⁵⁾, исторія завоеванія Азова, академика Байера ⁶⁾, данныя

¹⁾ Издатели предвѣряли, что описаніе „собрано изъ старинныхъ записокъ, въ Двинскихъ церквахъ найденныхъ, и внесено сюда для вѣрности тѣми же словами, какія и въ запискахъ находились; перемѣны же онымъ словамъ никакой чинено не было“. Разказъ о пришествіи шведскихъ судовъ подъ Архангельскъ въ 1701 г. составленъ преосв. Аванасіемъ, а издателями „оное здѣсь предлагается слово въ слово“ (стр. 68). Кромѣ упомянутого прихода шведовъ, книга содержитъ въ себѣ разказъ о трехъ прѣздахъ царя въ 1693, 1694 и 1702 годахъ.

²⁾ Стр. 46—289, то-есть, почти вся книга.

³⁾ Ядро исторіи російской по угоденію проискательныхъ, изд. 1770, 1784, 1791 и 1799 гг.

⁴⁾ Житіе Франца Яковлевича Лефорта, російскаго генерала и описаніе жизни нижегородскаго купца Козьмы Минина. С.-Пб. 1799. 12°. 144+78 стр. Біографіа изложена старательно, не безъ (относительныхъ, конечно) достоинствъ.

⁵⁾ Историческое изображеніе жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женева Франца Яковлевича Лефорта, перваго любимаго Петра Великаго... и сослужбника его, подобно же посвятившаго себя службѣ отечества нашего, знаменитаго шотландца... Патрика Гордона... М. 1800. 8°. XVI+307 стр.

⁶⁾ Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу. Переведено съ нѣмецкаго языка чрезъ *I. K. Тауберта*, Академіи Наукъ адъютанта. Изданіе второе. С.-Пб. 1768. 8°. 292 стр. (первое—въ 1738). Было еще третье—въ 1782 г.

по сооружеію памятника Петру Великому Бакмейстера ¹⁾ описаніе Петербурга, Богданова ²⁾, очень цѣнный сводъ данныхъ для первоначальной топографіи сѣверной столицы, и книга ротмистра Могучева о сношеніяхъ Россіи съ средне-азиатскими странами ³⁾. Ежемѣсячныя Сочиненія помѣстили описаніе путешествія китайскаго посольства въ 1714 году черезъ Россію къ калмыкамъ ⁴⁾, о мѣрахъ Петра Великаго для развитія торговыхъ сношеній съ Бухарою ⁵⁾ и трудъ Соймонова о Каспійскомъ морѣ ⁶⁾. Послѣдній одновременно появился и въ отдѣльномъ изданіи ⁷⁾.

¹⁾ *И. Бакмейстеръ, Историческое извѣстіе о изваянномъ конномъ изображеніи Петра Великаго. Переведено Н. Карандашевымъ. С.-Пб. 1786. 8°. 100 стр.* Обстоятельное описаніе перевозки камня, выбраннаго подъ пьедесталъ, работъ надъ сооружеіемъ самаго памятника, характеристика изображеннаго Фальконе-томъ момента, открытіе монумента и т. п.

²⁾ Историческое, географическое и топографическое описаніе С.-Петербурга, отъ начала заведенія его, съ 1703 по 1751 годъ, сочиненное *Г. Богдановымъ*; со многими изображеніями первыхъ зданій, а нѣмъ дополненное и изданное.... *В. Рубаномъ. Изданіе первое. С.-Пб. 1779. 8°. VI (нен.)+528+XXIX (нен.) стр.*

³⁾ Рядное и достопамятное извѣстіе о бывшей изъ Россіи въ Великую Татарію экспедиція, подъ именемъ посольства, принадлежащее къ пользѣ, въ службѣ находящимся и въ коммерціи упражняющимся, всеавгустѣйшей монархини посвященное. С.-Пб. 1777. 8°. 63 стр. По даннымъ, сообщеннымъ генераломъ Тевкелевымъ. Содержаніе: обзоръ сношеній Россіи въ XVIII в. съ народами Средней Азіи; разказъ объ экспедиціи Бековича (стр. 9—27), описаніе морей Каспійскаго и Аральскаго, „о сухомъ пути въ полуденную Азію“ и „о восточной Индіи“. Сравни поправку въ рецензій *С.-Петербургскаго Вѣстника* 1778, ч. I, № 1, стр. 61—65.

⁴⁾ Описаніе путешествія, конемъ вѣздили китайскіе посланники въ Россію, бывшіе въ 1714 году у калмыцкаго хана Аюки на Волгѣ. *Ежемѣс. Сочин.* 1764, ч. II, июль—ноябрь. Свѣдѣнія очень интересныя.

⁵⁾ О способахъ къ произведенію русской коммерціи изъ Оренбурга съ Бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областями. *Ежемѣс. Сочин.* 1763, № 11, стр. 401—408.

⁶⁾ *Ежемѣс. Сочиненія* 1763, №№ 1—11. Также въ *Sammlung Russischer Gesch.*, т. VII.

⁷⁾ Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ русскими завоеваній, яко часть исторіи государя императора Петра Великаго, трудами тайнаго совѣтника, губернатора Сибири и орд. св. Александра кавалера, *Федора Ивановича Соймонова*, выбранное изъ журнала его пр.—ва, въ бытность его службы морскимъ офицеромъ и съ внесенными, гдѣ потребно было, дополненіями Академіи Наукъ конв.-секретаря, прое. исторіи и историографа *Г. Ф. Миллера. С.-Пб.* 1763. 8°. 24 листа. Сравни въ *Ежемѣс. Сочин.* 1763, № 12, стр. 558—559 указаніе Миллера на ошибку, имъ допущенную.—Наконецъ, можно отмѣтить немногія статейки, помѣщавшіяся въ тогдашнихъ мѣсяцесловахъ. Въ мѣсяцесловѣ на

Въ XIX столѣтіи Петровская литература значительно вырастаетъ въ объемѣ, и слѣдить за нею становится гораздо труднѣе. Кромѣ отдѣльных изданій, масса матеріала разбросана по журналамъ. Вотъ почему мы должны ограничиться указаніемъ на однѣ только крупныя вѣщи или напомнить болѣе забытыя. Да и этотъ планъ возможенъ только въ предѣлахъ первой половины столѣтія. Начиная же съ царствованія императора Александра II, историографія о Петрѣ Великомъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что перечислить даже только крупное значить совершенно выйти изъ рамокъ предположенной статьи. Къ тому же для этого послѣдняго періода существуютъ библиографическія пособия, дающія намъ новое право ограничиться самымъ бѣглымъ обзоромъ этой литературы за послѣднія 30—35 лѣтъ.

Начиная съ обзора матеріаловъ. Прежде всего упомянемъ о письмахъ, указахъ и другихъ правительственныхъ распоряженіяхъ. Такова переписка Паткуля, содержащая въ себѣ нѣсколько писемъ Петра, — въ которыхъ изъ нихъ впрочемъ довольно апокрифическаго характера ¹⁾; далѣе письма и указы царя В. Я. Левашову ²⁾. О. М. Апраксину ³⁾, майору Салтыкову ⁴⁾, П. А. Толстому ⁵⁾, генералу

1778 г. Богдановъ помѣстилъ выдержку изъ готовившагося тогда описанія Петербурга (Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы, II, 306—348); на 1782 г. — явился біографія Гордона (ibidem, V, 34—87); на 1783 и 1784 гг. — Извѣстія объ осадѣ Азова въ 1695 и 1696 (ibidem, V, 165—207 319—369), составленныя по Гордону, Байеру, выпискамъ Миллера и изданной Рубаномъ книгѣ: „Походъ боярина Шеина“.

¹⁾ Письма нещастнаго графа Ивана Рейнольда Паткуля, полководца и посланника рос. императора Петра Великаго Переводъ съ франц. 2 чч. М. 1806. 12°. 191+111 стр. съ портр. Паткуля. Преимущественно переписка съ Софіей Эйзендель. Всего 77 писемъ съ 12-го ноября 1705 по 3-е окт. 1707 г. Сравн. замѣтку *Н. А. Полеваго*: Паткуль и Пайкуль, въ *Русск. Вѣсти*, 1841, т. IV, № 10, стр. 188—190.

²⁾ Писма и указы государей имп. Петра Великаго (и другихъ)..... къ В. Я. Левашову. Изданныя съ подлинниковъ. Съ приложеніемъ одного изъ писемъ государя императора Петра Великаго въ точности скопированнаго и выражаннаго на мѣди, портрета В. Я. Левашева и краткаго описанія его жизни. М. 1808. 8°. XVI+112 стр. Изданіе *П. Бекетова*. Писемъ и указовъ Петра числомъ 14, съ 25-го марта 1716 по 10-е ноября 1724 г.

³⁾ Собраніе собственнор. писемъ государя императора Петра Великаго къ Апраксинымъ, 2 чч. М. 1811. 8°. XI+231+155 стр. 1 табл. 1 портр. Петра. Писемъ—одному О. М. Апраксину, включая и резолюціи на докладныхъ его, 201, съ 26-го марта 1698 по 25-е сентября 1724 г. Подъ посвященіемъ С. С. Апраксину подписался *П. Я.*

⁴⁾ *Русск. Архивъ* 1882, ч. 4, № 20, стр. 115 (29-го окт. 1715 г.).

⁵⁾ Инструкция 1702 г. передъ отправленіемъ въ Турцію—въ *Отеч. Записк.*

Матюшкину во время войны съ Персіей ¹⁾, нѣжинскому наказному полковнику Журавскому ²⁾, митрополиту Іову ³⁾, бригадиру Балку, 23 письма (1710—1712) ⁴⁾, разнымъ лицамъ—въ Сѣверномъ Архивѣ ⁵⁾ и цѣлое собраніе писемъ Петра тоже къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами государю, изданное Берхомъ ⁶⁾. Сюда же можно отнести письма Я. О. Долгорукаго ⁷⁾, Лейбница ⁸⁾, царевича Алексѣя ⁹⁾ къ царю; письма разныхъ лицъ къ гетману Скоропад-

1822, X, 258—272, 410—420; XI, 370—378; XII, 33—42; два письма—въ *Свер. Архивъ* 1827, XXVI, 335—336 (за 1706—1708).

¹⁾ *Отеч. Записки*, 1827, XXX, 387—413; XXXII, 242—264, 398—414. *Московский Телеграфъ* 1831, I, 154—155.

²⁾ *Отеч. Записки* 1830, ч. XLIII, № 124, стр. 355, 356.

³⁾ *Сынъ Отечества* 1834, ч. 163, стр. 114—118 (5 пис. 1713—1714 г.); *Отеч. Зап.* 1840, VIII, смѣсь, стр. 1 (пис. 29-го окт. 1715 г.).

⁴⁾ *Москвитинъ* 1852, XVI, 3—14; XVIII, 48—50.

⁵⁾ *Сверн. Архивъ* 1823, V, 34—36, по одному письму къ маіору Долгорукому (30-го окт. 1708 г.) и Кикину (14-го июня 1714 г.) и *ibidem*, V, 423—426; VI, 24—28, 104—183; VII, 358—361—24 письма къ И. И. Бутурлину съ 28-го февр. 1711 по 29-е апрѣля 1724 года.

⁶⁾ Собраніе писемъ императора Петра I къ разнымъ лицамъ съ отвѣтами на оныя. 4 чч. С.-Пб. 1829—1830. 8°. X+343+393+1+378+334 стр. Обширная переписка съ 9-го мая 1692 по 5-е ноября 1724 года съ алавитнымъ указателемъ и краткими біографіями корреспондентовъ Петра. Часть помѣщенныхъ здѣсь писемъ, по заявленію Берха, напечатана у Голыкова, Туманскаго и Шербатова, но „безъ всякаго порядка и преисполнены грубыми ошибками, имена же лицъ и мѣсть совершенно искажены“. Берхъ извлекъ свой матеріалъ изъ дѣлъ адмиралтействъ-коллегіи и адмиралтействъ-департамента. „Большая часть писемъ къ императору Петру I, а особенно отъ лицъ, за границую находившихся, преисполнены повтореніями однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, или, лучше сказать, суть настоящіе дубликаты и трибляты, чему служатъ доказательствомъ письма Федора Салтыкова“. Такія повторенія издатель выпускалъ. Пособіемъ Берху служило не доконченное собраніе писемъ, составленное адмираломъ А. И. Нецкевымъ. Всѣ письма Берхъ списывалъ собственноручно (I, стр. II—V).

⁷⁾ Одно письмо въ *Дружъ Пресса*. 1804, ч. IV, октябрь, 37—40: просьба помиловать кн. Вас. Влад. Долгорукова.

⁸⁾ *Сверн. Архивъ* 1823, V, 129—146, 224—239, письма и проекты, поданные царю и Шафирову (1713—1716 гг.); въ оригиналѣ (на нѣм. яз.) въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. V, стр. 244—254 (Полевой еще указываетъ на *Библ. для Читн. и Сынъ Отечества*).

⁹⁾ Письма царев. Алексѣя Петровича къ его родителю государю Петру Великому, государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и каб.-секр. Макарову, съ приложеніемъ писемъ царевича Петра, царевны Наталіи и князя Вяземскаго къ его высочеству. Изданы съ подлинниковъ, хранящихся въ бібліотекѣ кн. М. С. Воронцова. Одесса. 1849. 4°. VIII+89+IX+3 листа факсимиле: 134 письма

скому ¹⁾), Кирхена—канцлеру Г. И. Головкину ²⁾), переписку Ѳ. А. Головина съ Б. П. Шереметевымъ ³⁾), письмо русскихъ плѣнныхъ генераловъ изъ Стокгольма ⁴⁾) и нѣкоторыя второстепенныя распоряженія государя ⁵⁾).

Нѣсколькими изданіями появились анекдоты о Петрѣ Великомъ,

Петру Великому, съ 25-го августа 1703 по 27-е августа 1716 г.; 2 п. Екаторинѣ въ 1714 г.; 9 п. Макарову съ 5-го авг. 1707 г. по 5-е янв. 1712 г.; по одному письму отъ сына и дочери, 8-го нояб. 1716 г.; 1 п. отъ кн. Долгорукаго, 7-го апр. 1712 г.; 1 п. отъ капитана Петрова-Соловаго 1712 г. и 3 письма отъ князя Н. Вяземскаго 1716 года. Предисловіе и притѣчанія составлены Мурзакевичемъ.

¹⁾ Матеріалы для отечественной исторіи. Издавъ М. Судіенко. Томъ второй. Кіевъ. 1855. 511 стр.: 66 пис. кн. Д. М. Голицына, съ 7-го янв. 1709 по 26-е авг. 1718; 121 пис. канцлера графа Г. И. Головкина, съ 10-го авг. 1708 по 14-е февр. 1722; 18 пис. А. Д. Меншикова, съ 24-го янв. 1709 по 20-е апр. 1722; 11 пис. П. П. Шафирова, съ 31-го іюля 1709 по 4-е февр. 1716; 49 пис. Б. П. Шереметева, съ 23-го дек. 1708 по 27-е нояб. 1718; 57 пис. разныхъ лицъ съ 8-го нояб. 1709 по 22-е авг. 1721. — Кромъ того, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1848, I, 1—8 Судіенко помѣстилъ 10 писемъ Головкина къ Скоропадскому 1709—1718 г., не вошедшихъ въ „Матеріалы“. Подлѣе (221 письмо) письма Головкина съ 10-го авг. 1708 по 22-е апр. 1722 въ „Матеріалахъ военно-ученаго архива главнаго штаба“, томъ I (С.-Пб. 1871). (Любопытно, что и Судіенко, кажется, только по ошибкѣ не началъ переписку съ 10-го авг. 1708 г. (сравни оглавленіе въ его Матеріалахъ, и подобное же тамъ же для Меншикова). Тутъ же и письма Меншикова, числомъ 87, съ 3-го апр. 1706 по 20-е апр. 1722.

²⁾ Письма маора М. Б. фонъ-Кирхена къ канцлеру Г. И. Головкину (*Временникъ Общ. Ист. и Др.*, т. I, стр. 17—34); 20 писемъ съ 2-го апр. по 18-е іюня 1706 года.

³⁾ Переписка фельдмаршаловъ Ѳ. А. Головина и Б. П. Шереметева въ 1705 и 1706 годахъ. М. 1851. 8°. 68 стр. (33 письма).

⁴⁾ Коллективное письмо Я. Ѳ. Долгорукова, Грузинскаго царевича Александра, И. Ю. Трубецкаго, А. А. Вейде, А. М. Головина и И. И. Бутурлина на имя Ѳ. А. Головина отъ 24-го января 1702 (съ прилож. факсимиле). *Русск. Вѣстн.* 1841, т. I, № 1, стр. 283—284.

⁵⁾ О посольствѣ Карабагскихъ меликовъ (*Сво. Арх.* 1823, VI, 233 — 252). Указъ о липецкихъ минеральныхъ водахъ (*ibid.*, VII, 22—27); архангел. вице-губерн. Ладыженскому и Кольскому коменданту (*Москвит.* 1842, XII, 394—397), объ обученіи италіанскому языку, 15-го мая 1697 (*ibid.*, 1852, V, 1—3), въ Новгородскій митрополитій разрядъ (*ibid.* 1853, XVІІІ, 11—12), о разбоихъ Смоленской губ. (*ibid.* XXI, 1—5); указъ 1720 г. Ѳ. Румянцову (*ibid.* 1844, IX, 138—139). Кромъ того, см. Матеріалы для исторіи вѣка Петра Великаго. *Отеч. Записки* 1842, XX, 37—46 (поднесеніе сенатомъ царю императорскаго титула; записка о преставленіи и погребеніи царевича Алексѣя; пріятствіе царевичу Алексѣю; наказъ 1687 г. Я. Ѳ. Долгорукому при посылкѣ его во Францію; наказъ Ѳ. А. Головину 1685 при посылкѣ его къ гетману малороссійскому; выписка 1716 года изъ дѣла о князьяхъ Голицыныхъ).

основанные на Голиковѣ и Штелинѣ: князя Енгальчева, издашныя на французскомъ языкѣ ¹⁾, и нѣкоторые безымянные ²⁾. Особое мѣсто въ этомъ разрядѣ Петровскихъ матеріаловъ занимаютъ анекдоты о Балакиревѣ, который далъ за послѣдніе 50—60 лѣтъ матеріала на безконечное число изданій, преимущественно народныхъ. Если не ошибаемся, первая по времени книга, посвященная этому придворному шуту, появилась въ 1831 году ³⁾.

Гораздо важнѣе по своему содержанію мемуары Петровскаго времени. Молодые годы Петра, собственно конецъ XVII вѣка, очерчены въ цѣнныхъ запискахъ Медвѣдева, Желябужскаго, Крекшина, Матвѣева, Авриля, Невилля и Гордона ⁴⁾; поражение

¹⁾ Prince P. Engalitschef, Anecdotes de Pierre le Grand, empereur de toutes les Russies. Moscou. 1805. 12°. 121+V pages. Содержитъ въ себѣ 41 анекдотъ.

²⁾ Анекдоты Россійск. императора Петра Великаго и великихъ мужей, прославившихся въ его царствованіе. М. 1838. 8°. 82 стр. Портретъ Петра. Послѣ предисловія: „Часть первая, содержащая анекдоты, случившіеся въ царствованіе перваго Россійскаго императора Петра Великаго до царствованія Екатерины Алексѣевны“.—То же: Анекдоты..... царствованіе. Съ портретомъ. М. 1843. 16°. 111 стр.+портр. „Печатано съ изданія 1838 года“; указанія на то, что это часть первая,—нѣтъ.—То же: Анекдоты.... царствованіе. Съ портретомъ Петра I-го и картинами. Изданіе третье съ небольшими перемѣнами. М. 1850. 16°. 89 стр. „Печатано съ изданія 1843 года“. Картинъ двѣ.—Другая серія: Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Выбранныя изъ дѣяній сего монарха, описанныхъ гг. Голиковымъ и Штелинымъ. М. 1846. 16°, 4 ч. 44+45+50+51 стр. Вѣсто впаграфа на заглавномъ листѣ четверостишіе изъ Пушкина: „То академикъ, то герой“ и пр. То же: Анекдоты о Петрѣ Великомъ (съ его портретомъ). Выбранныя..... Штелинымъ. Изданіе второе. М. 1848. 16°. 4 ч. 44+45+45+44 стр. Первые двѣ части схожи съ первымъ изданіемъ строка въ строку (сравни впрочемъ послѣднюю строчку на стр. 35-й); остальные же двѣ печатаны разнымъ шрифтомъ.—То же: Анекдоты о Петрѣ Великомъ, выбранныя..... Штелинымъ. Изданіе третье съ 1848 г. М. 1853. 16°. 2 ч.ч. 76+92 стр. (безъ портрета). Сравнительно съ предшествующими изданіями, пропущенъ разказъ о томъ, какъ „Государь награждаетъ слугу достоинствомъ морскаго оицера, а господина его опредѣляетъ въ матросы“ (сравни стр. 42 слѣд. второй части первыхъ двухъ изданій: о помѣщикѣ Спафаріевѣ и слугѣ его калмыкѣ). Есть еще три анекдота о Петрѣ (перев. съ нѣм.) въ *Русск. Зритель* 1828, ч. 4, № XIII и XIV, 127—132 и одинъ въ *Московск. Телегр.* 1830, ч. 33, № 12, стр. 522—525. Сравни письмо В. Берга къ издателю *Моск. Телеграфа* (1826, ч. 12, № 24; стр. 237—242): разборъ нѣкоторыхъ недостоверностей въ анекдотахъ Штелина и Голикова.

³⁾ Анекдоты о Балакиревѣ, бывшемъ при дворѣ Петра Великаго шутомъ, съ его портретомъ. Соч. А. Д. М. 1831. 16°. 57 стр.

⁴⁾ *Медвѣдевъ* въ изданія Сахарова: Записки русскихъ людей. С.-Пб. 1841 (сравни *Туманскій*, Собраніе, V и VI); *Желябужскій*—тамъ же и отдѣльно: За-

подъ Нарвой—въ донесеніи генерала Алларта ¹⁾). Россія въ началѣ XVIII вѣка описана Перри ²⁾, Корнелиемъ-де-Бруиномъ ³⁾; Прутскій походъ—А. А. Яковлевымъ ⁴⁾. Вторая половина царствованія Петра I рисуется въ памятныхъ запискахъ Нащокина ⁵⁾, В. В. Головина ⁶⁾, Берггольца ⁷⁾, Лоренца Ланга ⁸⁾, Нартова ⁹⁾, Ми-

писки Желябужскаго съ 1682 по 2-е іюня 1769. С.-Пб. 1840. 8°. IV+314+XXXI (нев.) стр. (Ср. вни. *Туманск.*, VII); оцѣнка въ *Библ. для Чтен.* 1840, XLI, 47—68. *Отеч. Зап.* X, 62—70; *Крекимъ—у Сахарова* (ср. выше объ отдѣльныхъ запискахъ въ концѣ прошлаго и первой половинѣ нынѣшняго вѣка), у *Туманск.*, I, и въ *Библ. для Чтен.* 1849, т. 97-й; *Матюшевъ—у Сахарова* (ср. *Туманск.*, I, VI) и въ *Маякъ* 1841, ч. XIV, XV; *Аериль* (въ сокращ.) въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. VI, 69—104; *Невилль* (въ сокращ.) въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 9, стр. 596—614; т. IV, № 10, стр. 95—157; *Гордонъ—Tagebuch des Gen. P. Gordon.* 3 Bnde. Moskau u. Ptbg. 1849—1852, отрывками—въ *Смысл Отеч.* 1840, т. VI, 386—405 („Смятеніе въ Москвѣ 1689 года“) и у *Сахарова*. О Гордонѣ см. статью *А. Г. Брикера*, *Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. Журн. М. Н. Пр.* 1878 и отдѣльно. С.-Пб. 1878. 182 стр. О самомъ изданіи „Записокъ русскихъ людей“ отивтимъ критику въ *Отеч. Зап.* 1842, XX, 53—70.

¹⁾ *Съверн. Архивъ* 1822, ч. I, № 1, 2, стр. 3—25, 117—143.

²⁾ Записки капитана Перри о бытности его въ Россіи съ 1698 по 1713 г. *Русск. Вѣстн.* 1842, VI, 227—312. Полный переводъ: Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ. М. 1871.

³⁾ *Отеч. Записки* 1829, XXXIX, 345—365; XL, 46—66, 395—410; 1830—XLIV, 1—42; *Чтенія. Общ. Ист. Др. и Росс.* 1872, I—IV и 1873, I, и отдѣльно, М. 1872.

⁴⁾ *Отеч. Записки* 1824, XIX, 15—25. Ср. вни. его же о 1714—1727, *ibid.* ч. XX, 74—91, и 1825, ч. XXIII, 85—102.

⁵⁾ Отрывокъ о 1716—1723 г. г. въ *Отеч. Зап.*; 1830, XLI, 76—104; въ *Русск. Вѣстникъ* 1841, т. II, № 5, стр. 497—501 (о фельдм. Кейтъ); полностью: Записки В. А. Нащокина. С.-Пб. 1842. 8° VII+381+I стр., перепечатаны въ *Русск. Архивъ* 1883, № 4, стр. 243—351. Оцѣнка въ *Отеч. Зап.* 1842, XXV, 19—22 и *Библ. для Чтен.* 1842, LIV, 19—40.

⁶⁾ Записки бѣдной и суетной жизни человѣческой въ книгѣ *П. Казанскаю*: Родословная Головиныхъ, владѣльцевъ села Новоспасскаго. М. 1847. стр. 44—57.

⁷⁾ Отрывками: за апрѣль—іюнь 1721 въ *Отеч. Зап.* 1853, LVII, 47—70. 103—128; за сентябрь и октябрь того же года—*ibidem*, 1843, XXVI, 1—30. Полный переводъ *Аммо*на въ 4 г. г. М. 1858—1862.

⁸⁾ Шоденная записка пребыванія г. *Лоренца Ланга*, агента е. в. и. р. при Китайскомъ дворѣ 1721 г.—въ *Съверн. Архивъ* 1822, ч. III, IV, № 17—23, стр. 329—356, 413—448, 28—46, 85—114, 191—199, 265—282, 344—364. Еще раньше помѣщенъ былъ *Journal von Lorentz Langens Reise nach China Веберомъ* въ его *Das veränderte Russland*, I, 72—89. Кроме того, Дневникъ Ланга былъ напечатанъ въ изданіи: Белевы путешествія чрезъ Россію въ разныя Азіятскія земли. Черевель съ французскаго *М. Поповъ*. С.-Пб. 1776, часть III, стр. 1—150.

⁹⁾ Достопамятныя повѣствованія и рѣчи императора Петра Великаго. Перво-

нихъ ¹⁾ и славнаго Неплюева ²⁾. Есть свидѣтельства о существовавшихъ обширныхъ повседневныхъ запискахъ князя А. Д. Меншикова ³⁾.

Переходя въ пособіямъ, отмѣтимъ прежде всего соединеніи, задавшіяся цѣлью представить по возможности полный обзоръ царствованія Русскаго императора и его многосторонней дѣятельности. Слѣдя за ними въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, развѣ только для полноты біографической придется упомянуть о небольшой книжечкѣ Геракова, въ сущности простомъ погодномъ перечнѣ важнѣйшихъ событій въ Россіи отъ рожденія Петра до его смерти, не больше ⁴⁾. Въ 1812—1813 гг. переведена была съ нѣмецкаго ⁵⁾ книга Галема, основанная главнымъ образомъ на Голицковъ и ему подобныхъ ⁶⁾. Отсюда нѣкоторая мозаичность изложенія; весь трудъ—собраніе отдѣльныхъ разказовъ и эпизодовъ, соединенныхъ одною хронологическою нитью. Разказы незамысловаты, иногда даже инте-

начально въ *Сынъ Отеч.* 1819, ч. 54—58, всего 74 анекдота; позже по тому же списку, но помѣе въ *Москвитянинѣ* 1842, №№ 4, 6, 7, 8, 11. Напечатано 162 анекдота, съ пропускомъ нѣкоторыхъ (№№ 3, 5, 19, 24, 87, 137, 139, 145, 146, 154, 157 и окаяніи 10-го. Рукопись, по которой началъ Погодинъ, хранится въ Румянц. музеѣ (Отчетъ этого музея, за 1879—1882 г. стр. 81). Анекдотъ, помѣщенный въ *Сынъ Отеч.* за № 70, отсутствуетъ въ *Москвитянинѣ*.

¹⁾ Переводъ „Ebaüche“ *Минина* въ *Русск. Вѣстникѣ* 1842, 76—131.

²⁾ Жизнь *И. И. Неплюева*, имъ самимъ описанная. *Отеч. Записки* 1823 (ч. XVI, №№ 43, 44), 1824 (ч. XIX, №№ 51, 52; ч. XX, № 54), 1825 (ч. XXI, № 59; ч. XXII, №№ 64, 65; ч. XXIV, № 67), 1826 (XXV, № 71). Еще ранѣе у *Голицкова* въ Дополненіяхъ XVII, 416—441 (по 2-му изданію XV, 248—262), сокращенно; Голицковъ же записалъ со словъ Неплюева нѣсколько анекдотическихкихъ воспоминаній (XVII, 74—79, 204, — 208, 293 — 294, 311 — 312, 352—353, 375—382, 397—399). Полное изданіе записокъ въ *Русск. Архивѣ* 1871, 577—694.

³⁾ Нѣкоторыя свидѣнія о журналѣ *Меншикова* съ приложеніемъ небольшихъ выдержекъ находимъ въ *Отеч. Запискахъ* 1821, ч. VI, 364—366; и у *Ковалевскаго*, Блудовъ и его время (С.-Пб. 1866), стр. 210—221.

⁴⁾ *Гавриилъ Гераковъ*, Достопамятныя прозшествія въ російской исторіи съ рожденія Петра Великаго до кончины его. Петроградъ. 1807. 16°. 34 стр.—То же, Петроградъ. 1808. 16°. I+24 стр. Отличіе этого изданія (не указаннаго, что оно второе), по видимому, только въ иной датѣ на заглавномъ листѣ, да въ лѣшнемъ не нумерованномъ листѣ посвященія ея высокопревосходительству М. А. Нарышкиной, урожденной Сивянской.

⁵⁾ *Leben Peters des Grossen von G. A. Halem*. 3 Bnde. Münster und Leipzig. 1803—1804.

⁶⁾ Жизнь Петра Великаго, описанная *Г. Галемомъ*. Переводъ съ нѣмецкаго, Печатано по высочайшему повелѣнію. 3 ч. С.-Пб. 1812—1813. 8°. IV+294+IX+445+III+332+I стр.+родословная таблица. Подъ посвященіемъ императору Александру подписался „трудившійся надъ переводомъ *Евгеній Ушаковъ*“.

ресенъ, но слишкомъ уже отзывается популярнымъ изложеніемъ „для юношества“. Переводчикъ не исключилъ и многочисленныхъ примѣчаній оригинала, почерпнутыхъ изъ разныхъ источниковъ:—писемъ, статей, мемуаровъ, Бюшингова магазина, Штелина и др., — но значительно сократилъ ихъ.

С. Н. Глинка въ своей „Русской Исторіи“ отводитъ достаточно мѣста эпохѣ преобразования ¹⁾. Навязное перо автора чуждо критики, но любовное отношеніе къ герою, непритязательное простосердечіе придають своеобразный отпечатокъ его страницамъ. Въ обрисовкѣ этого писателя сглаживаются темныя краски эпохи, мягче звучать сурово-безпощадныя требованія царственнаго реформатора, и чѣмъ-то свѣтлымъ, благодушнымъ вѣетъ отъ Петра и его сотрудниковъ. Исторія царя, написанная Бергманномъ ²⁾ и переведенная на русскій языкъ Аладьинымъ ³⁾, одного типа съ книгой Галема: и для нея Голиковъ служить главнымъ источникомъ, хотя построена она и не столь мозаично, почему и имѣетъ видъ болѣе цѣлостнаго труда. За то нѣтъ въ ней тѣхъ приложений, коими Галемъ снабдилъ свою работу: за послѣдними же нельзя не признать нѣкотораго значенія, хотя бы по одному тому, что въ нихъ собрано много мелочныхъ данныхъ, взятыхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Не похоже ни на Галема, ни на Бергманна сочиненіе Вилліамса ⁴⁾. Переводчикъ, Олинъ, остановилъ свой выборъ на немъ по-

¹⁾ Русская исторія, сочиненная С. Глинкою. Изданіе третье и вновь дополненное. М. 1823. 8°. Событія 1676—1725 гг. изложены въ ч. VI, 151—203 (1676—1689 гг.) и чч. VII и VIII полностью. Болѣе раннія изданія 1817—1819 гг. подъ заголовкомъ: Русская исторія въ пользу воспитанія.

²⁾ Peter der Grosse als Mensch und Regent. 6 Bände. 1823—1830.

³⁾ Исторія Петра Великаго. Сочиненіе *Веніамина Бергмана*. Перевелъ съ нѣмецкаго *Егоръ Аладьинъ*. 6 тт. С.-Пб. 1833. 8°. То же, второе, скатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. 6 тт. С.-Пб. 1840—1841. 8°. Сравн. рѣзкій отзывъ *Н. А. Полеваго*. (*Русск. Вѣсти*. 1841, т. II, № 4, стр. 231); сверхъ того, см. *Отч. Зап.* 1841, XVIII, стр. 53.

⁴⁾ Записки о Петрѣ Великомъ, сочиненіе *Вилліамса* (Sir Charles Hanbury Williams), бывшаго въ Россіи полномочнымъ посланникомъ отъ великобританскаго двора при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и въ первые годы царств. Екатерины II, съ замѣчаніями автора: 1) о земледѣльческомъ, мануфактурномъ и торговомъ состояніи Россіи и 2) о доходахъ и финансовыхъ средствахъ оной; о ея сухопутныхъ и морскихъ силахъ. Перевелъ съ англійскаго *В. Н. Олинъ*. Съ примѣчаніями переводчика. Часть первая. С.-Пб. 1835. 8°. VII+281+34+I стр. Сочиненіе Вилліамса переведено все, и выраженіе „часть первая“ означало, что во второй части, не вышедшей, предполагалось помѣщать примѣчанія,

тому, что, по его мнѣнію, „Вилліамсъ не есть просто повѣствователь обнаженный; онъ почти вездѣ рассуждаетъ; вездѣ, рисуя характеръ въ очеркѣ общемъ, онъ естественно развиваетъ его въ мысляхъ читателя, представляетъ событія въ чертахъ рѣзкихъ, располагая умъ къ размышленію... Разказъ его простъ и пріятенъ. Сверхъ сего, онъ рѣшительно безпристрастенъ“. Для современнаго читателя въ книгѣ Вилліамса бросаются въ глаза скорѣе другія стороны: ошибки фактическія, невѣрное освѣщеніе событій, непониманіе описываемыхъ явленій, хотя можно принять мнѣніе Олина, что читается она легко и свободно. Авторъ умѣло распоряжается готовымъ матеріаломъ и удачно его конструируетъ.

Въ 1843 году появилась Исторія Петра Великаго, составленная Ламбиниумъ ¹⁾. Это не столько исторія, сколько патріотическая дань, вѣнокъ на могилу героя, свѣточъ, зажженный въ сердцахъ благодарныхъ россиянь ²⁾.

Слѣдя за послѣдовательнымъ накопленіемъ литературы и развитіемъ взглядовъ на Петра, нельзя опустить безъ вниманія „Исторію“ Карамзина; если она и ничего не говоритъ о самомъ преобразователѣ, то, внося строго обдуманной, цѣльной взглядъ на до-петровскую эпоху, впервые обстоятельно знакомя съ фактическимъ матеріаломъ этого времени, она помогла правильнѣе подойти и къ самому Петру, уяснить его, какъ явленіе историческое, поставить его въ ряду

объяснанныя переводчикомъ въ предисловіи. Издатель разчитывалъ дополнить извѣстія Вилліамса свѣдѣніями, почерпнутыми изъ документовъ по дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ, описанія бунтовъ стрѣльческаго и раскольниковскаго, извѣстій о стрѣльцахъ, о государственныхъ доходахъ, о политическомъ состояніи Россіи въ началѣ XVIII вѣка и т. п. Вышедшій томъ впрочемъ содержитъ въ себѣ нѣсколько „примѣчаній“, хотя, страннымъ образомъ, они помѣщены только частью и притомъ въ разбивку. Не приведенныя промежуточныя—должны были явиться во второй части.

¹⁾ *Н. П. Ламбинъ*, Исторія Петра Великаго. Съ 600 оригинальными рисунками, портретами и украшеніями *Д. Янца*. Посвященное всемъ русскимъ издателямъ *Ф. И. Эльснеромъ*. С.-Пб. 1843. 8°. II (нен.)+VIII+740 стр. Подробный и неодобрительный отзывъ *Н. А. Полега* въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. IV, № 10, стр. 158—180. То же въ *Отч. Зап.* 1842, XIX, 57; XX, 33—36; XXI, 28, 60—61; 1843, XXXI, 22.

²⁾ См., кромѣ того, Краткую исторію Петра Великаго для дѣтей, украшенную 18-ю литографированными рисунками, работы *Н. Кюм.* С.-Пб. 1845. 16°. 146+VIII (нен.) стр.—2-е изд. 1849. 16°. Разборъ появившейся въ 1829 году *Histoire de Russie et de Pierre le Grand, Sejour*, помѣщенъ въ *Московск. Телегр.* 1829, ч. 30, № 21, стр. 62—84, № 22, стр. 205—226.

другихъ событій, а не такъ произвольно, какъ это допускалось раньше. Сознаніе, что Петръ есть сынъ своего времени, что дѣло его есть слѣдствіе всей предшествовавшей эпохи, стало возможнымъ только съ появленіемъ „Исторіи“ Карамзина. Впрочемъ, эта возможность долгое еще время не получала реальной оболочки. Для этого, очевидно, требовался бѣльшій запасъ матеріала, чѣмъ тотъ, какой былъ въ ту пору въ распоряженіи исторической науки.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ историками Петра Великаго являются Пушкинъ, Полевой и Устряловъ. Хотя послѣдній выпустилъ свой трудъ много позже, но началъ работать почти одновременно, да и по взглядамъ своимъ, по манерѣ примыкаетъ къ исторической школѣ скорѣе Николаевскаго, чѣмъ Александровскаго царствованія. Вслѣдствіе того мы рассмотримъ его рядомъ съ двумя только что названными писателями. Пушкину, съ дозволенія государя, были открыты всѣ архивы и стали доступны самыя щекотливыя матеріалы, заключающіеся въ нихъ: дѣло царевича Алексѣя, первой жены Петра и секретныя бумаги бывшей тайной канцеляріи. Но дѣло ограничилось одними подготовительными работами. Пушкинъ конспективно изложилъ событія первыхъ семнадцати лѣтъ жизни Петра, намѣтивъ только порядокъ изложенія и предполагая въ будущемъ выяснитъ еще многія детали; но смерть прекратила его начинанія. Изъ того, что осталось, трудно сказать, какимъ бы вышелъ его трудъ, тѣмъ болѣе, что критической работы надъ источниками въ конспектѣ вельзя прослѣдить ¹⁾.

Одновременно съ Пушкинымъ остановился на мысли писать исторію перваго Русскаго императора и Н. А. Полевой ²⁾. Черезъ

¹⁾ *Пушкинъ*, Сочиненія, изд. 1882, т. VI, стр. 422—452, 480—481. *Анненковъ*, А. С. Пушкинъ. Матеріалы для біографіи. С.-Пб. 1873, стр. 396—398. Въ Румянцовскомъ музеѣ хранится за № 2388, въ числѣ бумагъ поэта, „Матеріалы для исторіи Петра Великаго. 1) Abrégé chronologique des événements... du règne de Pierre I, 1672—1725 г. 2) Снимки и списки съ автографовъ (указовъ и писемъ) Петра Великаго. 3) Пребываніе Петра въ Астрахани. 4) Каталогъ иностранныхъ и русскихъ сочиненій, относящихся къ исторіи Петра Великаго“. Послѣдніе два нумера писаны не рукою Пушкина (Отчетъ Москов. Публич. и Румянц. музеевъ за 1879—1882 гг., стр. 40—41).

²⁾ Еще ранѣе (Живописное обзорніе достопамятныхъ предметовъ, издан. А. Семеновъ, ч. I, М. 1835, стр. 105—111) написалъ Полевой статейку: „Памятникъ Петра Великаго“, ничѣмъ особенно не замѣчательную. Отмѣчаемъ ее потому, что она остановила на себѣ вниманіе императора Николая Павловича и вызвала его похвалы (*Записки К. А. Полеваго*, 360).

шефа жандармовъ, графа Бенкендорфа, онъ обратился съ просьбою открыть ему доступъ въ архивы и дать возможность съѣздить за-границу для собранія матеріаловъ; однако послѣдовалъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что за границей слишкомъ сгладились и даже исказились воспоминанія о Петрѣ,—русскіе же архивы ранѣе открыты Пушкину. Сообщая Полевому такой отвѣтъ, Бенкендорфъ, присоединяясь къ нему, прибавлялъ отъ себя: „Посѣщеніе архивовъ не можетъ заключать въ себѣ особенной для васъ важности, ибо ближайшее разсмотрѣніе многихъ вашихъ твореній убѣждаетъ меня въ томъ, что, обладая въ такой степени умомъ просвѣщеннымъ и познаніями глубокими, вы не можете имѣть необходимой надобности прибѣгать къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ“ ¹⁾. Если Бенкендорфъ хотѣлъ позолотить пиллюлю, то, надо сознаться, онъ это сдѣлалъ, не пощадивъ себя. Неудача однако не остановила Полеваго. Въ 1838 году онъ печатаетъ „Опытъ историческаго разказа о Петрѣ Великомъ“, заявляя, что давнишнею мечтой его было посвятить себя исторіи Петра ²⁾; въ слѣдующемъ году печатаетъ статью „О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра Великаго въ его собственномъ кабинетѣ“ ³⁾, пользуясь для этого „Дѣяніями“ Голикова (Допол. XVI, 241—462); а въ 1841 году мы видимъ его за первымъ томомъ исторіи Петра ⁴⁾. Въ это время ему улыбнулась была надежда получить разрѣшеніе заниматься въ архивахъ, онъ горячо лелѣялъ эту мысль; но и на этотъ разъ расчеты не оправдались ⁵⁾. Начатую работу Полевой впрочемъ не бросилъ, и въ 1843 году появились четыре маленькхъ томика его „Исторіи Петра Великаго“ ⁶⁾. Научнаго значенія трудъ этотъ, конечно, не имѣетъ, будучи написанъ безъ критики и предварительнаго серьезнаго анализа фактовъ. Легенда не отдѣлена въ немъ отъ достовѣрнаго (предсказанія Симеона Полоцкаго). Факты не изучены, а переданы въ той обрисовкѣ и ком-

¹⁾ Письмо Бенкендорфа Полевому 25-го янв. 1836 г. *Русск. Архивъ* 1874; ч. I (№ 4), стр. 1052.

²⁾ *Смыслъ Отеч.* 1838, I, 27—69 (о событіяхъ 1672—1682 гг.). Свои взгляды на Исторію Полевой высказалъ во введеніи къ начатому было разбору Дѣяній Голикова (*Смыслъ Отеч.* 1838, III, 67—92).

³⁾ Сто русскихъ литераторовъ, т. I (С.-Пб. 1839), 529—552.

⁴⁾ Записки К. А. Полеваго, 515, 521 слѣд. ♦

⁵⁾ *Ibidem*, 516—517.

⁶⁾ Исторія Петра Великаго. 4 чч. С.-Пб. 1843. 8°. 352+V+305+V+355+IV+344+V стр.

позиціи, какъ они успѣли сложиться въ предшествовавшей литературѣ¹⁾; авторъ болѣе заботится о легкомъ, общедоступномъ изложеніи, живой передачѣ событій и слѣдуетъ довольно обычной манерѣ своего времени излагать содержаніе нѣсколько торжественнымъ слогомъ и съ отбѣнкомъ мелодраматизма. Отсутствие изученія преобразовательной эпохи дѣлаетъ трудъ Полеваго вариацией на старую тему и не двигаетъ исторіографіи Петра Великаго сколько-нибудь впередъ. Собственно реформаторская дѣятельность царя сведена почти къ нулю. Отношеніе автора къ предмету своего сочиненія, разумѣется, самое восторженное. Послѣдняя глава специально разсматриваетъ его „какъ царя, человѣка и избранника судьбы“. „Міровое явленіе въ-ковъ“, говоритъ Полевой, — „Петръ Великій можетъ быть достигнутъ тогда только, когда достигнута будетъ судьба Россіи и опредѣлится мѣсто ея въ исторіи всемірной“ (IV, 304). „Онъ родился, предназначенный, онъ совершалъ предопредѣленіе Божіе, онъ не могъ жить иначе, и бытіе его составляло подвигъ его“ (IV, 305, курсивъ въ подлинникѣ). Впрочемъ съ точкой зрѣнія автора мы имѣли случай ознакомиться еще въ первой нашей статьѣ²⁾.

Не довольствуясь сдѣланнымъ, Полевой намѣревался переработать свою книгу, придавъ ей гораздо болѣшіе размѣры, но успѣлъ приступить только къ началу. Въ 1846 году вышло его „Обозрѣніе русской исторіи до единой державіи Петра Великаго“³⁾, при чемъ заглавіе не вѣрно опредѣляетъ содержаніе: въ книгѣ разсмотрѣнъ періодъ времени отъ 1670 по 1697 годъ.

Между тѣмъ въ 1842 году, по смерти Пушкина, правительство поручило составленіе исторіи Петра Устрялову, бывшему тогда профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Въ промежутокъ 1858—1863 гг. вышли пять томовъ (1, 2, 3, 4, 6) не оконченной, впрочемъ, „Исторіи царствованія Петра Великаго“⁴⁾, и въ нихъ впервые чи-

¹⁾ „Но Теодоръ не хотѣлъ вступать въ супружество, чувствовалъ безнадѣжность своего здоровья, неспособность большаго брата Юанна и, *моя мысль родителя, предполагалъ* передать престолъ Петру. Потому *хотѣлъ* онъ приложить *особенное попеченіе* воспитать его, какъ единственную будущую *надежду* Россіи“ (I, 41).

²⁾ Изъ современныхъ Полевою разборовъ его книги довольно поверхностный въ *Отеч. Зап.* 1843 г., XXVIII, 13—17. Сравни также отзывы А. С. Хомякова (Сочиненія (М. 1861), т. I, стр. 24).

³⁾ С.-Пб. 1846. 8°. LIII+360+67 стр.

⁴⁾ Томъ I: Господство царевны Софій. С.-Пб. 1858. LXXXVIII+400+V стр. Т. II: Поташные и Азовскіе походы. С.-Пб. 1858. 582+VII стр. Т. III:

тающая публика нашла научно обставленное изложеніе эпохи преобразованія. Обиліе новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ иноземныхъ и отечественныхъ архивовъ, документальное разъясненіе многихъ вопросовъ, ранѣе бывшихъ совершенно неясными, и связанное, систематическое, охватывающее всѣ стороны царствованія, изложеніе, масса документовъ, приложенныхъ къ самому сочиненію,—вотъ несомнѣнныя достоинства труда Устрялова. Но было бы ошибочно думать, что авторъ сказалъ послѣднее слово о Петрѣ. Какъ историческая личность и какъ государь, Петръ остается у него совсѣмъ не выясненнымъ. Историкъ указываетъ на недостатки XVII вѣка, на слабость политическую, неразвитость промышленности, знанія и искусства, отсутствіе чувства законности; однимъ словомъ, говоритъ онъ, Россія была державою полуазиатскою, отставшею отъ Европы—и задача Петра сводилась къ тому, чтобы оевропеизировать Россію. Но мысль свою авторъ только намѣчаетъ, не доказывая и не обставляя ее разъясненіями, точно требуя вѣры на слово. Въ трудѣ, задуманномъ по широкой программѣ, это довольно существенный недочетъ. Личность самого Петра создана по шаблонному образцу: это герой, съ юныхъ лѣтъ орлинымъ взоромъ проникнувшій въ будущее; его величіе въ томъ будто бы и заключалось, что, благодаря какой-то неестественной силѣ, онъ ломалъ и рушилъ всѣ препоны, насильно облагодѣтельствовалъ невѣжественную страну. Никакой внутренней связи между нимъ и Россіей, средой, въ которой онъ дѣйствовалъ, не видно. С. М. Соловьевъ съ своею обычною прямою поставилъ работу Устрялова на одну доску съ сочиненіемъ Крекшина ¹⁾, чтѣ, къ слову сказать, не мѣшало ему однако признавать и положительныя стороны въ трудѣ петербургскаго историка ²⁾.

Путешествіе и разрывъ съ Швеціею. С.-Пб. 1858. 652+IX стр. Т. IV, часть 1: Битва подъ Нарвою и начало побѣдъ. С.-Пб. 1863. 611+VIII стр. Т. IV, часть 2-я: Приложенія. С.-Пб. 1863. 672+XXVIII+1 стр. Т. VI: Царевичъ Алексѣй Петровичъ. С.-Пб. 1859. 628+XII+I стр.+7 листовъ снимковъ+1 таблица. Кроме того, ко всему сочиненію (in 8°) приложены портреты и два атласа плановъ и проч. Сверхъ того, въ печати появились два отрывка изъ не изданнаго *пятого* тома: 1) Смерть Паткула—въ *Русск. Вѣстникѣ* 1867, № 1, стр. 5—19; 2) Петръ Великій въ Жюльквѣ—въ *Древн. и Нов. Россіи* 1876, № 1, стр. 5—12.

¹⁾ *Атеней* 1858, т. IV, № 28, стр. 82.

²⁾ Среди многочисленныхъ критикъ на сочиненіе Устрялова отмѣтимъ разборъ *Миньцова* (*Отечеств. Записки* 1858, т. 118-й, № 6-й, стр. 531—553, подъ заглавіемъ: „Библиографическіе отрывки“): критикъ указываетъ на пропуски Устрялова въ иностранной литературѣ о Петрѣ, при чемъ дополняетъ и исправляетъ многія указанія автора.

Отъ сочиненій общаго содержанія перехода къ біографіямъ и и статьямъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, не много можно указать сочиненій, сохранившихъ и по настоящую пору еще нѣкоторое значеніе.

Относительно самага Петра укажемъ статьи о хѣстѣ его рожденія ¹⁾), гороскопѣ ²⁾), о погребеніи царя Θεодора ³⁾), о майскихъ дняхъ ⁴⁾), о посѣщеніяхъ Архангельска ⁵⁾), края Рязанскаго, ⁶⁾ Олонецкаго ⁷⁾).

¹⁾ *Русск. Зритель* 1828, ч. I, стр. 1—8. Сравни. 1829, ч. V, стр. 200. Сравни также *И. Сивирскіи*, Подмосковное дворцовое село Измайлово. *Русск. Вѣсти.* 1841, т. III, № 9, стр. 479—501.

²⁾ *Москвитинникъ* 1842, I, 58—76: *Н. Полескоіи*. Астрологич. предвѣщанія при рожденіи Петра Великаго. *Русск. Вѣсти.* 1842, V, 258—280 (критическій разборъ извѣстія Крещина и высказанныхъ по этому поводу мнѣній). *Ibid.* V, смѣсь, 42, поправки къ *Москвитиннику*. См. объ этомъ письмо съ рисункомъ гороскопа *С. Н. Глинки*, *Русск. Вѣсти.* 1842, VI, смѣсь, 1—8.

³⁾ *В. Б—въ*, Матеріалы для исторіи Петра Великаго. *Современникъ* 1849, т. XVI, № 8, стр. 57—72. Тутъ помѣщена „Записка о погребеніи Θεодора Алексѣевича“, подробное описаніе похороннаго обряда.

⁴⁾ Повѣствованіе о московскихъ прѣшествахъ по кончинѣ царя Алексія Михайловича, посланное изъ Москвы къ архіепископу Борнинскому Ф. Мартелли, флорентинцу, нунцію апостольскому при Іоаннѣ III, королѣ Польскомъ, найденное, переписанное съ подлинника и изданное Севастіаномъ Члыви. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1835, ч. V, стр. 69—82. По порученію Погодина перевелъ студентъ Московскаго университета *Лавдовскій* (*ibidem*, на отдѣл. листѣ).

⁵⁾ Петръ Великій въ Архангельскѣ въ 1693 и 1694 годахъ (изъ Схельтеми). *Смкъ Отеч.* 1838, V, стр. 43—47.

⁶⁾ *П. Гуллего*, Приготовленіе къ проѣзду Петра Великаго чрезъ Рязанскую провинцію въ 1722 (по опис. бумагамъ). *Отеч. Записки* 1828, XXXIII, 59—80, 269—289, 488—506.

⁷⁾ Преосвященный *Имятій*, Воспоминаніе о высочайшихъ прѣшествахъ великаго государя Петра Перваго, кои имъ осчастливленъ край, составляющій нынѣ Олонецкую губернію. Петрозаводскъ. 1841. 4°. 52 стр. (первонач. въ Прибавленіяхъ къ *Олонец. Губернск. Вѣдом.* 1841). Только при второмъ изданіи (Воспоминаніе о прѣшествахъ великаго государя Петра Перваго въ Олонецъ. С.-Пб. 1849. 8°. 148 стр.+планъ) обозначено имя автора. Довольно обстоятельный пересказъ этой книги см. въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1842, часть XXV, отд. VI, стр. 189—204. Сверхъ того, см. 1) *Н. Самойловъ*, Петръ Великій на Марціальныхъ водахъ, открытыхъ 1716 года въ Олонецкой губерніи. С.-Пб. 1852. 8°. 89 стр.; 2) Петръ Великій въ Олонцѣ въ 1702 г. въ *Памят. книжкѣ Олонецк. губ. на 1858 годъ*, стр. 98—114; 3) *В. Майновъ*, Осударева дорога въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи, *Древн. и Нов. Россія* 1876, № 2, стр. 182—187; 4) Онъ же, Петръ на Олонцѣ, *Дѣло* 1683, №№ 6 и 7, стр. 89—126, 57—90.—Воспоминанія о пребываніи и дѣятельности Петра не въ одной только Олонецкой губерніи, а вообще на всемъ сѣверѣ, см. уже въ болѣе позд-

Воронежа ¹⁾, Нижняго Новгорода ²⁾, развалинъ города Болгарь ³⁾, Астрахани ⁴⁾ и села Горы Валдай ⁵⁾; а также статьи Снегирева о трудахъ Петра Великаго въ книгопечатаніи ⁶⁾, и Бера — о заслугахъ его по географіи ⁷⁾. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Тьртовъ пишетъ „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, гдѣ сводитъ Фридриха II съ Петромъ и заставляеть ихъ говорить другъ другу комплименты ⁸⁾. Рядомъ съ этою безвкусною вещью можно поставить подобное же произведеніе досужаго пера, нѣкоего Розанова, именно „Преобразование Россіи Петромъ Великимъ“ ⁹⁾. „Членъ мануфактурнаго совѣта“, авторъ почерпнулъ историческія свѣдѣнія у Голикова, „прочее—изъ опыта послѣ двадцатилѣтнихъ развѣздовъ по Россіи и сношеній по дѣламъ съ людьми разныхъ состояній“. Задачею

нихъ по времени изданіяхъ: 1) *Е. В. Барсовъ*, Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ сѣвернаго края. *Бесѣда* 1872, № 5, стр. 295—309. 2) Картины изъ дѣлій Петра Великаго на сѣверѣ (изданіе *М. Сидорова*). С.-Пб. 1872. 8°. 1—48 (изъ Голикова и Штелина).

¹⁾ *А. С. Ѡ...*изъ, Краткое описаніе пребыванія г. ц. и в. кн. Петра Алексѣевича I въ Воронежѣ, и Митрофанѣ, первый епископъ Воронежскій. М. 1832. 8°. 119 стр. + потретъ.

²⁾ *С. Ешевскій*, Петръ Великій въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1722 году. *Нижегор. Губерн. Вѣдом.* 1845, № 42—43; перепечатано въ *Нижегородск.* на 1877 годъ, 249—252.

³⁾ *Л. Кавелинъ*, Посѣщеніе болгарскихъ развалинъ Петромъ I и Екатериною II. *Маякъ* 1844, т. XIV, сѣнь, стр. 52—58.

⁴⁾ *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1838, ч. 28, сѣнь, 65—68 (изъ *Астрах. Губернск. Вѣдомостей*).

⁵⁾ *А. С. Левашовъ*, Новая достопамятность императора Петра Великаго С.-Пб. 1849. 12°. 8 стр. (оттискъ изъ № 61-го *Полицейской Газеты*).

⁶⁾ Два матеріала для исторіи гражданскаго книгопечатанія въ Россіи. Статья *Снегирева* въ отвѣтъ на помѣщенную здѣсь же записку *Д. К—ва*. *Библи. для Читенія* 1834, III, кн. 2, литер. лѣтоп., стр. 38—46.

⁷⁾ *К. Бергъ*, Заслуги Петра по распространенію географическихъ знаній о Россіи и пограничныхъ съ нею земель Азіи. *Записки Русск. Геогр. Общ.*, кн. 3-я (1849) и 4-я (1850). Сравни его же: *Peter's des Gr. Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse*. St.-Ptg. 1872. 8°. XV+290+I Seit. (mit 2 Karten).

⁸⁾ *Е. Тьртовъ*, Разговоры, касающіеся до прошедшей войны Россіи и Пруссіи съ Франціею. Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Суворова съ Харовомъ, Фридриха Великаго, короля Прусскаго, съ его генералами, Кейтомъ и Шверинимъ, Петра Великаго съ Фридрихомъ Великимъ и съ Суворовимъ. Съ примѣчаніями. М. 1807. 8°. I+99 стр. + 3 рисунка.

⁹⁾ *Н. Розановъ*, Преобразование Россіи Петромъ Великимъ. С.-Пб. 1839. 12°. 132 стр.

книги — на сколько мы ее поняли — было доказать необходимость и плодотворность для развитія промышленности, а съ нею и могущества Русскаго государства, войны шведской. Попытку Петра утвердиться на степномъ югѣ (основаніе Таганрога), этомъ поприщѣ кочевой жизни, авторъ объявляетъ утопіей, ошибкою гениальнаго ума (стр. 37—39).

Несравненно болѣе интереса представляютъ статьи, въ которыхъ Петръ рисуется какъ человѣкъ. Таковы свѣдѣнія о подлинномъ портретѣ его, работы Паульсона ¹⁾, воспоминанія одной встрѣчи ²⁾, документальное свидѣтельство о присутствіи царя на свадьбѣ Макарова въ 1716 году ³⁾, разказъ современника — иностранца ⁴⁾ и мнѣніе одного испанскаго писателя первой половины прошлаго столѣтія, Фейхоо (Fejoo), сопоставившаго личность Русскаго государя съ другою знаменитостью того времени, Людовикомъ XIV ⁵⁾.

О лицахъ царской семьи находимъ свѣдѣнія: въ брошюркѣ В. Ц — на о Нарышкиныхъ ⁶⁾, въ замѣткѣ Берха о дѣтяхъ первыхъ государей дома Романовыхъ ⁷⁾, въ Чинѣ погребенія царицы Наталіи Кирилловны ⁸⁾, въ нѣсколькихъ документахъ, касающихся царевича Алексѣя ⁹⁾, и наконецъ, въ описаніи коронаванія императрицы Елизаветины ¹⁰⁾.

¹⁾ Д. Волковъ, Подлинное изображеніе Петра Великаго. *Смѣхъ Отеч.* 1813, X, 170—173.

²⁾ *Москвитиникъ* 1852, т. VI, стр. 1—4 (встрѣча Жданова съ царемъ въ 1720 г.).

³⁾ М. Макаровъ, Петръ Великій на свадьбѣ у Макарова. *Отеч. Зап.* 1840, XI, смѣсь, 8—10.

⁴⁾ *Отеч. Зап.* 1844, XXXIV, 77—87. Взято изъ извѣстнаго Exacte Relation von H. G. три отрывка: 1) сужденіе о Петрѣ въ 1713 г., 2) свадьба Анны Ивановны; 3) свадьба придворнаго карла.

⁵⁾ И. Петровскій, Мнѣніе испанца о Петрѣ Великомъ. *Смѣхъ Отеч.* 1842, № 2, 1—20.

⁶⁾ В. Ц — нъ, Историческое воспоминаніе о родѣ Нарышкиныхъ. Составлено по документамъ и печатнымъ автописямъ. Отдѣл. оттискъ (8°. 20 стр.) изъ С.-Пб. *Вѣдом.* 1845, №№ 129—132.

⁷⁾ В. Н. Бергъ, Письмо къ издателямъ. *Смѣхъ Отеч.* 1829, ч. 125, стр. 157—166: таблицы дѣтей царей Михаила, Алексѣя и Петра Великаго и составъ царской фамилии въ 1714 году.

⁸⁾ *Смѣхъ Отеч.* 1843, т. II, апрѣль, 7—10.

⁹⁾ *Отеч. Записки* 1845, XXXVIII, 1—17.

¹⁰⁾ 1) Наказъ, какимъ образомъ поступать при ученіи г. царев. Алексѣя Петр. (1703 г.). *Смѣхъ Отеч.* 1830, ч. 131, стр. 171—184; 2) Брачный контрактъ

Сотрудникамъ Петра Великаго посчастливилось на біографовъ въ періодъ царствованія Александра I. О Меншиковѣ ¹⁾ писалъ Гераковъ ²⁾ и какой-то анонимъ ³⁾; первый далъ двѣ ничтожныя брошюрки, у втораго приложены письма Петра и нѣсколько распоряженій и докладовъ царскаго любимица (60 №№) ⁴⁾. Гораздо важнѣе біографія, составленная другимъ анонимнымъ авторомъ на нѣмецкомъ языкѣ ⁵⁾ и напечатанная только въ русскомъ переводѣ ⁶⁾. Хотя и неравномѣрно изложенное, названное жизнеописаніе Меншикова вставлено въ широкую рамку современныхъ событій. Авторъ, по види-

царев. Алексѣя, учиненный въ Яворовѣ 10-го мая 1711 года. Ibid., 1830, ч. 134, стр. 23—39; 3) *Вл. К—въ*, Нѣсколько матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. *Отеч. Зап.* 1844, XXXIII, 77—108: переписка царя съ сыномъ, присяга и клятва (1716—1717); письмо А. И. Румянцова И. Д. (Титову). О значеніи этихъ документовъ для VI тома Исторіи Устрялова см. *Пекарскаго*, Свѣдѣнія о жизни и смерти царев. Алексѣя Петровича. *Современникъ* 1860, № 1, стр. 67—96; 4) Документы о Ровыскномъ дѣлѣ и судѣ въ *Московск. Вѣстникѣ* 1829, ч. V, 1—138.

¹⁾ Дипломъ на княжеское достоинство, данный кн. Меншикову Петромъ Великимъ 1707 г. (*Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 6, стр. 690—696: текстъ рескрипта).

²⁾ *Г. Гераковъ*, Князь Меншиковъ. Любопытный историческій отрывокъ. С.-Пб. 1801. 12°. 30 стр. (о событіяхъ 1725—1729, преимущественно о паденіи и ссылкѣ; за время Петра—ничего). Овъ же: Князь Меншиковъ и въ ссылкѣ великій человекъ. Исключая военныхъ дѣлъ, все основано на изустныхъ преданіяхъ. Марта 9 дня. Петроградъ. 1811. 8°. 84 стр. (хотя большая часть книги говорить о событіяхъ 1727—1728 гг., но есть и обзорніе дѣятельности Меншикова до 1725 года).

³⁾ Картина жизни и военныхъ дѣяній росейско-императорскаго генералиссима, князя А. Д. Меншикова, фаворита Петра Великаго 3 чч. М. 1803. 8°. VI+1—125—206—373 стр. +портретъ. То же, изданіе второе 3 чч. М. 1809. 8°. VIII+1—98—164—304 стр. +портретъ.

⁴⁾ Сравн. также краткій очеркъ или анекдоты о жизни кн. Меншикова и его дѣтяхъ (по запискамъ *Вильбуа*), въ *Русск. Вѣстн.* 1842, т. V, стр. 145—173.

⁵⁾ Dignitäten und Thaten Sr. Hochfürstl. Durchl. F. Al. Dan. Menschicow, worinen dasjenige, was auf allergnädigstem hohen Befehl Sr. Kaiserl. Mt. Petri Magni und allerdurchlauchtigsten Kaiserinn Catharinae, unter Sr. Durchl. Ministerio und Commando bey Hofe und den Armeen, so wohl als auch sonst im Russ. Reiche, merkwürdiges verrichtet worden, aus bewährten Documenten beschrieben.

⁶⁾ Записки и подвиги его великокняжеской свѣтлости, князя А. Д. Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по всемилостивѣйшему повелѣнію его императорскаго величества Петра Великаго и всепресвѣтлѣйшей императрицы Екатерины, было совершено подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ Россійскомъ государствѣ (переводъ съ нѣмецкой рукописи). *Сынъ Отечества* 1848, №№ 1—6, стр. 1—32, 1—54, 1—26, 1—28, 1—56, 1—36.

мому, живой свидѣтель и окончилъ трудъ свой еще при жизни Меншикова, въ 1726 году, остановившись въ своей работѣ на смерти Петра Великаго. Масальскій, редакторъ Сына Отечества, печатая „Заслуги и подвиги Меншикова“, замѣчаетъ между прочимъ: „По преданію, это сочиненіе приписывается, Остерману. Преданіе вѣроятное, потому что сочинитель, очевидно, былъ посвященъ въ государственныя тайны описываемаго имъ времени. Изображая жизнь и подвиги одного изъ главныхъ дѣйствователей эпохи Петра Великаго, авторъ развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную исторію царствованія безсмертнаго преобразователя Россіи и сообщаетъ объ этой славной эпохѣ много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго. Касаясь разныхъ государственныхъ событій, авторъ иногда дѣлалъ на поляхъ рукописи отмѣтки: „спросить поясненія у князя Меншикова или у такого-то“. Всѣ эти отмѣтки зачеркнуты, и противъ нихъ, рукою сочинителя, исправленъ текстъ, очевидно, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственными людьми. Все сочиненіе раздѣлено авторомъ на двѣ неравныя части: генеалогическую и историческую, которымъ предшествуетъ обзоръ сочиненія. Въ этомъ обзорѣ авторъ указываетъ только тѣ событія, которыя касались князя Меншикова, или въ которыхъ онъ принималъ личное участіе; между тѣмъ въ самомъ сочиненіи—какъ мы замѣтили выше—представлена полная картина знаменитой эпохи Петра Великаго“¹⁾.

Съ Минихомъ знакомитъ насъ Галемъ²⁾; Б. П. Шереметеву посвятилъ Тыртовъ „Историческое похвальное слово“, наборъ трескучихъ фразъ³⁾. Едва ли не тому же автору принадлежитъ большая біографія этого же лица, на которой очень замѣтны слѣды вліянія обстоятельнаго предисловія, приложеннаго Г. Ф. Миллеромъ къ изданнымъ имъ письмамъ Петра къ Шереметеву⁴⁾. Уже несомнѣнно

¹⁾ *Сынъ Отечества* 1848, № 1, стр. 2, примѣч.

²⁾ Жизнь графа Миниха, императорскаго російскаго генералъ-фельдмаршала. Сочиненіе г. Галема. 2 ч. (первую перевелъ В. Тимковскій). М. 1806. 8°. 221 + V (нен.) + 204 + IV (нен.) стр. Сравни записку, поданную Минихомъ (въ 1721 г.) при вступленіи на русскую службу. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. I, № 1, стр. 135 — 139. Тамъ же (1842, т. V, 76 — 134) и переводъ его мемуаровъ (Ebauche).

³⁾ *Евдокимъ Тыртовъ*, Историческое похвальное слово графу Б. П. Шереметеву. М. 1806. 8°. 52 стр. Посвящено гр. Н. П. Шереметеву.

⁴⁾ Жизнь, анекдоты, военныя и политическія дѣянія російскаго генералъ-фельдмаршала графа Б. П. Шереметева, любимаца Петра В. и храбраго полко-

изъ-подъ пера Тыртова вышла біографія Я. Ѳ. Долгорукаго, снабженная 28 письмами Петра, изъ коихъ не всѣ были ранѣе извѣстны въ изданіи Голикова ¹⁾. Освобожденіе Долгорукаго и товарищей изъ шведскаго плѣна съ приложеніемъ переписки по этому поводу находимъ въ маленькой статейкѣ Библіотеки для Чтенія ²⁾. По Бассевиллю нѣкто А. К. изложилъ жизнь Лефорта ³⁾. О Мазепѣ можно указать книгу Бантыша - Каменскаго ⁴⁾, статьи Маркевича ⁵⁾, переписку по поводу измѣны гетмана ⁶⁾, благодарственное письмо его къ царю за пожертвованіе ордена св. Андрея Первозваннаго ⁷⁾ и акты по дѣлу Искры и Кочубея ⁸⁾. А. С. Матвѣеву посвящена замѣтка К. Ѳ. Калайдовича ⁹⁾, біографическій очеркъ Львова ¹⁰⁾ и цѣлое пѣснопѣніе какого-то Данкова ¹¹⁾. Современниковъ Петра характеризуютъ также извлеченія изъ иностранныхъ свидѣтельствъ, собранныхъ А. И. Тургеневымъ ¹²⁾. Только что упомянутый Бантыш-Каменскій въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ цѣлые сборники біографій: таковы его „Знаменитые полководцы и министры Петров-

водца. Съ описаніемъ всѣхъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ происшествій, случившихся какъ въ домашней, политической, такъ и въ военной его жизни до самой кончины, съ историческимъ извѣстіемъ о его походахъ, сраженіяхъ и побѣдахъ. Россійское сочиненіе. С.-Пб. 1808 8°. 207 стр. + портретъ.

¹⁾ Исторія о князѣ Я. Ѳ. Долгоруковѣ. Съ прибавленіемъ свѣдѣній о другихъ знаменитыхъ мужахъ славной фамиліи князей Долгорукихъ. Сочин. Е. . . Т. . . р. . . м. 2 ч. М. 1807—1808. 8°. XXIV + 143 + XIV + 253 стр.

²⁾ *Библ. для Чтенія*, 1836, XIV, 73—76.

³⁾ А. К. Лефортъ, генералъ-адмиралъ и вице-роя новгородскій (извлечено изъ современныхъ записокъ). *Отеч. Записки* 1821, ч. V, № 11, стр. 290—308; ч. VI, № 12, стр. 23—39.

⁴⁾ Жизнь Мазепы. Съ портретомъ и снимкомъ подписи. М. 1834. 8°. 92 стр.

⁵⁾ *Маякъ* 1841, XXIII, 33—54; XXIV, 55—72; 1842, I, 1—15.

⁶⁾ *Молодикъ* на 1844 г., книга первая, 113—130 (6 писемъ).

⁷⁾ *Сынъ Отчества* 1849, июнь, 3—4.

⁸⁾ *Ibidem*, 1839, XI, 89—93.

⁹⁾ Нѣчто объ орднѣ подвязки, бывшемъ, будто бы, у боярина Матвѣева. *Ibidem*, 1814, XI, 15—18.

¹⁰⁾ *П. Львовъ*, Бояринъ Матвѣевъ. С.-Пб. 1815. 8°. 36 стр. Перепечатано въ его же — Достопамятное повѣствованіе о великихъ государяхъ и знаменитыхъ боярахъ XVII вѣка». М. 1821, стр. 155—189.

¹¹⁾ *И. Данковъ*, Могила боярина А. С. Матвѣева. М. 1840. 12°. 24 стр.

¹²⁾ *Б. Ф.*, Обзорнѣе современныхъ извѣстій о замѣчательнѣйшихъ лицахъ въ царствованіе Петра I и Екатерины. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1844, ч. XLI, февраль, 85 — 129 (Софія, царевичъ Алексѣй, герцогъ Голштинскій, Петръ II Елизавета Петровна, Меншиковъ, Шереметевъ, Апраксинъ, Матвѣевъ).

скаго времени“ въ двухъ изданіяхъ ¹⁾); вполсѣдствіи даже породившіе сокращенныя компіляціи ²⁾); таковы „Генералиссимусы и генераль-фельдмаршалы“ ³⁾ и наиболѣе извѣстный „Словарь достопамятныхъ россіянъ“ ⁴⁾. Къ категоріи такихъ же біографій принадлежитъ и трудъ Терещенки: „Опытъ обзорѣнія жизни сановниковъ, управляющихъ иностранными дѣлами въ Россіи“ ⁵⁾. Рядомъ съ названными писателями можно поставить В. Н. Берка, занимавшагося жизнеописаніями дѣятелей русскаго флота. Такъ имъ были

¹⁾ Дѣянія знаменитыхъ полководцевъ и министровъ, служившихъ въ царствованіе государя императора Петра В. Съ портретами ихъ. 2 ч. М. 1812—1813. 8°. XV + 290 + I + 352 + II стр. Въ первой части *десять* біографій Лефорта, Головина, Шереметева, Ромодановскаго, Апраксина, Меншикова, Головкина, Репнина, М. М. Голицына и Брюса. Во второй *одинадцать* біографій Я. О. Долгорукова, Куравина, В. В. Долгорукаго, Толстаго, Шафирова, Ягужинскаго, Бутуряина, Остермана, Румянцова, Чернышева и Ушакова. — То же, второе изданіе. М. 1821. 8°. XVI + 222 + I + 274 стр. Во второй части добавлена *одна* лишняя біографія кн. Дмитрія Кантемира.

²⁾ Петръ Великій. Его полководцы и министры. 23 портрета съ присовокупленіемъ краткихъ о жизни ихъ описаній. М. 1848. 4°. 50 стр.—То же: М. 1852. 8°. 82 стр.—То же: Второе изданіе. М. 1853. 8°. 83 стр. Всѣ три изданія совершенно одинаковы, разница только въ форматѣ. Текстъ—сокращеніе «Дѣяній знаменитыхъ полководцевъ» по изд. 1821 года. 22 біографіи, къ нимъ приложены портреты, взятые оттуда же. 23-й портретъ — самого Петра, но безъ біографіи.

³⁾ Біографія російскихъ генералиссимусовъ и генераль-фельдмаршаловъ. Съ 48 портретами. 4 ч. С.-Пб. 1840 — 1841. 8°. Въ первой части, между прочимъ, находятся біографіи О. А. Головина, герцога де-Кроа, Шереметева, Огильви, Гольца, Меншикова, Репнина, М. М. Голицына, Брюса, В. В. Долгорукаго, И. Ю. Трубецкаго, Миниха и Ласси.

⁴⁾ Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. 5 ч. М. 1836. Въ *первомъ* томѣ — Апраксинъ, Брюсъ, Вейде, Вейсбахъ, братья Веселовскіе, Возницынъ и Воляинскій; во *второмъ*—Гагаринъ, Гангаль, Гизенъ, Голицыны, Головины, Головкины, Девіеръ, Демидовы и Долгорукие; въ *третьемъ* — А. Кантемиръ, Крекшинъ, Мазепа, Макаровъ, Матвѣевъ, Менезіусъ, Минихъ и Моисъ; въ *четвертомъ* — Нарышкины, В. А. Нащокинъ, Полуботокъ и Румянцовъ; въ *пятомъ*—Свавронскіе, Скорняковъ-Писаревъ, Стефанъ Яворскій, Тимофей Надаржинскій, Украинцовъ и Шереметевы. — То же. 3 ч. С.-Пб. 1847 (дополненіе къ предыдущимъ 5 томамъ). Въ *первомъ* томѣ — Голицковъ, О. А. Головинъ и Дмитрій Ростовскій; во *второмъ* — Лефортъ, Меншиковъ и Неплюевъ; въ *третьемъ* — Сильвестръ Медвѣдевъ, В. Н. Татищевъ, Надаржинскій (исправленная біографія), Толстой, Шафировъ, Ягужинскій и Теофанъ Прокоповичъ.

⁵⁾ 3 ч. С.-Пб. 1837. Въ *первой* части помѣщены, между прочимъ, біографіи А. С. Матвѣева, В. В. Голицына и О. А. Головина; во *второй* — Г. И. Головина; въ *третьей*—Шафирова и Остермана.

написаны біографіи: Ѳ. М. Апраксина ¹⁾, И. М. Головина ²⁾, Крюйса ³⁾, Любераса ⁴⁾, А. И. Нагаева ⁵⁾, С. И. Мордвинова ⁶⁾ и многихъ другихъ ⁷⁾.

По внутренней исторіи Россіи въ эпоху преобразованія писали: Гагемейстеръ — о законахъ Петра ⁸⁾, Кранихфельдъ — о фи-

¹⁾ Жизнеописаніе генераль-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина. С.-Пб. 1825. 8°. 153 + I стр. + портретъ и факсимиле. Съ большими сокращеніями вошло въ „Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ“, ч. I, стр. 104 — 145. Въ отдѣльномъ изданіи помѣщены обширныя приложенія (стр. 46 — 153): письма Апраксину 1716 — 1720 гг. отъ Екатерины I, Меншикова, Шафирова, Анны Иоанновны, Макарова, А. Волкова, Я. Ѳ. Долгорукова; а также письма самого Апраксина 1700 — 1725 гг. Петру В., Екатеринѣ I и Меншикову. — Сравн. духовное завѣщаніе Апраксина въ 1728 г. *Русск. Вѣстн.* 1841, т. III, № 6, стр. 214—221.

²⁾ Жизнеописаніе адмирала и ордена св. Александра Н. кавалера И. М. Головина. С.-Пб. 1825. 8° 35 + III (нен.) стр. + портретъ. Въ текстѣ десятка полтора писемъ, коими обмѣнялись Петръ В. и Головинъ. Біографія эта, съ нѣкоторыми измѣненіями, вошла въ «Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ», ч. II, стр. 48—72.

³⁾ Жизнеописаніе россійскаго адмирала К. И. Крюйса. С.-Пб. 1825. 8°. 85 стр. (первоначально въ *Стеверномъ Архивѣ*, 1825, XIV, 305 — 336; XV, 3 — 33, 89—113). Въ текстъ введено не мало указовъ, инструкцій и еще болѣе писемъ Петра Крюйсу. Авторъ пользовался источниками первой руки. Съ небольшими сокращеніями біографія Крюйса вошла въ «Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ», ч. I, стр. 147—219.

⁴⁾ Жизнеописаніе генераль-аншефа барона Людвигъ Іоанна Поттъ фонъ-Любераса, знаменитаго строителя извѣстнаго Кронштадтскаго канала. С.-Пб. 1829. 8°. 30 стр. Составлено по документамъ.

⁵⁾ Жизнеописаніе адмирала А. И. Нагаева. С.-Пб. 1831. 8°. 84 стр. Вошло въ „Жизнеописанія первыхъ россійскихъ адмираловъ“, ч. IV, стр. 1—83. Дѣятельность Нагаева (род. 1704 г.) только началась при Петрѣ В.

⁶⁾ Жизнеописаніе адмирала С. И. Мордвинова. С.-Пб. 1831. 8°. 47 стр. Перепечатано въ «Жизнеописаніяхъ первыхъ россійскихъ адмираловъ», ч. IV, стр. 84—126. Авторъ пользовался мемуарами Мордвинова, кои вышли въ свѣтъ много лѣтъ позже: Записки адмирала С. И. Мордвинова, писанныя собственною его рукою. С.-Пб. 1868. 8°. 78 стр.

⁷⁾ Жизнеописаніе первыхъ россійскихъ адмираловъ или опытъ исторіи россійскаго флота. 4 ч. С.-Пб. 1831—1836. Кромѣ біографій моряковъ петровскаго времени, а также Л. Ф. Магницкаго и Гр. Гр. Скорнякова-Писарева, помѣщены списки морскимъ чинамъ 1715 года, галерной шквалды 1714 г. и историческій очеркъ первыхъ морскихъ училищъ. Авторъ пользовался архивнымъ матеріаломъ, и трудъ его и до сихъ поръ заслуживаетъ полнаго вниманія.

⁸⁾ *Гагемейстеръ*, О законахъ Петра В. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1836, ч. XI, № 7, стр. 21—92; № 8, стр. 270—328.

нансахъ ¹⁾, Аванасевъ — о государственномъ хозяйствѣ ²⁾, Бунге — о торговомъ законодательствѣ ³⁾. Сохранены документальныя свидѣтельства о работахъ царя по развитію шелководства на Кавказѣ ⁴⁾, объ улучшеніи овцеводства въ Малороссіи ⁵⁾, о введеніи въ Россіи кошения ржи ⁶⁾. Для исторіи духовной культуры за этотъ періодъ отмѣтимъ статьи: Куницына о юридическомъ образованіи ⁷⁾, бытовую картинку Корниловича ⁸⁾ и свидѣтельство Шендъ-Фандербекка о состояніи просвѣщенія въ Россіи за 1725 годъ ⁹⁾. Сюда же помѣстимъ мы и то немногое, что было напечатано о состояніи гороховъ: Ладоги ¹⁰⁾, Новгорода, Порхова ¹¹⁾, Петербурга ¹²⁾ и губерніи Азовской ¹³⁾.

¹⁾ А. Краингфельдъ, Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра В. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1845, т. XLVII, № 7, стр. 1—53, — и въ «Годичномъ актѣ въ Имп. С.-Пб. университетѣ, бывшемъ 8-го февраля 1845 года» (С.-Пб. 1845), стр. 61—132.

²⁾ А. Аванасевъ, Государственное хозяйство при Петрѣ В. *Современникъ*, 1847, т. IV.

³⁾ Бунге, Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра В. *Отеч. Зап.* 1850, LXVIII, 1—30, статья первая (продолженія не было).

⁴⁾ П. А. Кикинъ, Попеченія Петра I о шелководствѣ на Кавказѣ. *Землед. Журналъ*, 1835 № 6, 895—907 (изъ архивнаго дѣла 1710 по челобитью армянина Сафара Васильева).

⁵⁾ А. Ѡ. Малиновскій, Попечительность Петра В. объ улучшеніи овцеводства въ Малороссіи. *Земледѣльческій Журналъ*, 1828, № 23, 185—197 (4 документа).

⁶⁾ А. Т. Болотовъ, Новое доказательство заботливости великаго Петра о введеніи въ Россіи кошения ржи. *Землед. Журн.* 1833, № 2, 223 — 225 (указъ 11-го мая, 1721 изъ Рязи).

⁷⁾ А. Куницынъ, Стараніе Петра В. о введеніи въ Россіи теоретическаго образованія юношества въ правовѣдѣніи. *Сынъ Отечества* 1822, т. 67, стр. 252—256.

⁸⁾ А. Корниловичъ, Новый годъ въ 1724 году, *Сынъ Отеч.* 1824, ч. 91, стр. 115—121.

⁹⁾ М. Шендъ-Фандербекъ, О состояніи просвѣщенія въ Россіи въ 1725 году. *Сынъ Отеч.* 1842, I, 3—35.

¹⁰⁾ П. Б(утковъ), Состояніе города Ладоги въ 1699 году. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*. 1838, ч. 29, смѣсь, 1—7 (изъ Смѣтной описи).

¹¹⁾ Состояніе великаго Новгорода и Порхова въ 1699 году (выписка изъ подлинной смѣтной описи, сообщенной П. Г. Бутковому). *Ibidem*, 1841, ч. 41, стр. 361—420.

¹²⁾ А. Глазюлевъ, О дворцахъ, современныхъ Петру В. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1841, ч. 42, стр. 43 — 77. — Н. Цыловъ, Планы С.-Петербурга въ 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы 1853 года. С.-Пб. 1853. 4°. 2 портрета + 3 л. рисунокъ + 21 планъ и пояснительный текстъ (по листу на каждый).

¹³⁾ В. Берхъ, Табель, составленная ландратомъ Азовской губ. А. Книж-

Намъ остается еще отмѣтить десятка два статей о военно-морскомъ дѣлѣ и внѣшнихъ сношеніяхъ при Петрѣ. Введеніемъ къ этому отдѣлу могутъ служить извѣстія о Россіи, извлеченныя Тургеновымъ изъ иностранныхъ архивовъ ¹⁾. Далѣе, въ порядкѣ хронологическомъ, пойдетъ донесеніе Лаодикійскаго митрополита Парѣенія объ освобожденіи имъ русскихъ подданныхъ изъ турецкаго плѣна (1686 г.) ²⁾, о солдатѣ Бухвостовѣ ³⁾, о флотѣ на Переяславскомъ озерѣ ⁴⁾, Кожуховскомъ походѣ ⁵⁾, письмо Н. М. Зотова епископу Митрофану о взятіи Азова ⁶⁾, списокъ комнатнымъ стольникамъ, отправленнымъ за-границу (63 имени) ⁷⁾, о пребываніи Петра въ Зяандамѣ ⁸⁾, объ Азовскомъ походѣ Петра въ 1699 году ⁹⁾, о ра-

нынъ въ 1709 году и скрѣпленная И. Чашниковымъ. *Моск. Телеграфъ* 1825, № 12, стр. 201—213.

¹⁾ Б. Ф. Обзорніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра В., извлеченныхъ А. И. Тургеновымъ изъ разныхъ актовъ и донесеній французскихъ посланниковъ и агентовъ при русскомъ дворѣ. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1843, XXXVII, 1—29, 145—183.

²⁾ *Отеч. Записки* 1828, ч. XXXIII, № 94, 203—220.

³⁾ *Русскій Зритель* 1828, ч. I, стр. 152, 285—286.

⁴⁾ М. Ботикъ Петра В. *Сынъ Отеч.* 1833, ч. 158, стр. 72—87, 117—133.—

Извѣстія голландцевъ о началѣ въ Россіи флота и ботикѣ Петра В. *Сынъ Отеч.* 1838, V, 1—8 (изъ Схельтемы). Въ примѣчаніи къ этой статьѣ Н. А. Полевой указываетъ на *Моск. Вѣдом.* 1838, №№ 27 и 30, и *Стеери. Пчелу* 1838, № 175, полемизировавшія по вопросу о происхожденіи ботика.—Историческая записка о бывшей въ Переяславѣ Залѣскомъ флотиліи Петра I, составленная старшимъ учителемъ Владимірской гимназіи, А. Розовымъ, по случаю открытія памятника Петру I на берегу Переяславскаго озера, близъ села Велькова. М. 1852. 8°. 36 стр. Перепечатано въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1853, т. LXXVII, стр. 51—80, съ прибавленіемъ двухъ рисунковъ. Текстъ безъ измѣненія (крошъ одной фразы: срав. стр. 19 отдѣльнаго изданія и 64 въ журналѣ).—Значительно позже явилась брошюра К. Н. Тихомирова: Переяславскій ботикъ Петра Великаго (изданіе А. Мартынова). М. 1872. 8°. 32 стр., съ рисункомъ, и недавнее роскошное изданіе морскаго министерства: Свѣдѣнія о ботикѣ дѣдушки русскаго флота за 200 лѣтъ съ 1688 по 1888 годъ. С.-Пб. 1888. 43 стр. въ лѣтъ + 8 листовъ приложеній (текстъ Ф. Ф. Веселаго).

⁵⁾ А. Корниловичъ, Извѣстія о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I и особенно о Кожуховскомъ походѣ. *Сѣв. Архивъ* 1824, ч. 9, № 5, стр. 237—267. Много позже явилась статья М. И. Семевскаго: Кожуховскій походъ въ *Военн. Сборникъ* 1860, № 1, стр. 49—106.

⁶⁾ *Москвитянинъ* 1841, № 8, стр. 462—467.

⁷⁾ *Отеч. Записки* 1825, ч. XXIII, № 63, стр. 135—139.

⁸⁾ Изъ Схельтемы, въ переводѣ А. Корниловича. *Сынъ Отеч.* 1822, ч. 82, стр. 3—24. Дополненія, *ibidem*, 74—82.

⁹⁾ Походъ Петра В. изъ Москвы на Воронежъ, съ Воронежа на Азовъ, на

зысканіяхъ сдѣланныхъ въ томъ же году Крюсомъ на Дону и Азовскомъ морѣ ¹⁾, о Петрѣ, какъ организаторѣ войска ²⁾, подвиги русскихъ подъ Нарвою въ 1700 году ³⁾, о путяхъ изъ Россіи въ Швецію ⁴⁾, шведскихъ могилахъ ⁵⁾, реляція о Полтавской битвѣ ⁶⁾, характеристика Петра и Карла XII, какъ полководцевъ ⁷⁾, разказъ о торжественномъ англійскомъ посольствѣ, отправленномъ для принесенія извиненій за оскорбленіе русскаго посла Матвѣева ⁸⁾, извѣстная статья Н. Г.: „Петръ Великій на берегахъ Прута“ ⁹⁾, брошюрка Антоновскаго, перепечатанная изъ Голикова (Допол. IX, 312—317), правила Петра Великаго по веденію сраженія, предписанныя имъ въ 1713 году ¹⁰⁾, статьи: Глотова — о Гангудскомъ сраженіи ¹¹⁾, и Я. К. Грота: „Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ“ ¹²⁾ и „О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ“ ¹³⁾, рядъ данныхъ о

Таганрогъ и къ Керчи, а оттуда обратно въ Азову въ 1699 году (изъ журнала вице-адмирала Крюиса). *Малыя* 1842, т. VI, кн. XII, стр. 79—90.

¹⁾ Ровысканія о Донѣ, Азовскомъ морѣ, Вроневжѣ и Азовѣ, учиненныя по повелѣнію Петра Великаго К. Крейсомъ въ 1699 году. *Отч. Записки*, 1824, XIX, 295—318; XX, 46—78, 169—203, 471—494.

²⁾ *Медемъ*, Петръ В., какъ основатель арміи и военного искусства въ Россіи. *Библ. для Чтенія* 1831, XXV, 49—122.

³⁾ *Московский Телеграфъ* 1831, № 15, стр. 299—320.

⁴⁾ П. Б(утковъ), Описаніе трехъ путей изъ Россіи въ Швецію, составленное въ 1701 г. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1838, ч. 29, стр. 260—295.

⁵⁾ Шведскія могилы въ Либургскомъ уѣздѣ. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1838, ч. 28, смѣсь, 5—6.

⁶⁾ 1) *Сверный Архивъ* 1828, ч. 31, № 2, стр. 213 — 228; 2) *Записки военно-топографическаго депо*, ч. XIX (С.-Пб. 1857), стр. 157 — 167 (данныя извлечены изъ архива). Сравни мнѣнія русскихъ генераловъ о мѣрахъ для освобожденія Полтавы отъ осады шведовъ. *Москвит.* 1842, № 1, стр. 76—83.

⁷⁾ Петръ I и Карлъ XII. *Смыслъ Отечества* 1819, ч. 56, № XL, стр. 315 — 322 (отрывокъ изъ второй части Исторіи походовъ россиявъ въ XVIII столѣтіи, Бутурлина).

⁸⁾ *Русск. Зритель* 1829, ч. V, стр. 171—183.

⁹⁾ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1847, ч. LIII, №№ 1, 2, стр. 29 — 76, 85 — 123.

¹⁰⁾ Наука побѣждать по правиламъ величайшаго изъ монарховъ Всероссийскихъ Петра Перваго, собственноручно писаннымъ и подписаннымъ отъ сего самодержца. Изданная *Михаиломъ Антоновскимъ*. С.-Пб. 1808. 12°. 12 стр.

¹¹⁾ *Отч. Записки* 1821, VI, 253—269; VII, 34—49.

¹²⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1853, т. LXXVII, № 1, стр. 1—17.

¹³⁾ *Ibidem*, т. LXXVII, № 2, стр. 119—178.

пробываніи царя въ Парижѣ въ 1717 году ¹⁾, декларация царя 1719 г. о высылкѣ посланника Плейера и іезуитовъ ²⁾, свѣдѣнія о князѣ Бежовичѣ ³⁾, книга Попова о сношеніяхъ съ Хивой и Бухарою ⁴⁾ и наконецъ, статья Лебедева о походѣ Петра Великаго въ Персію ⁵⁾. Все-что изъ мелочей отнесено прямо въ примѣчаніе ⁶⁾.

¹⁾ Журналъ путешествія во Францію (*Отеч. Записки* 1822, XII, 145—166, 312—316). Избраніе Петра въ члены Академіи Наукъ (*ibid.*, 1821, ч. V, № 10, стр. 179—189, и *Маяк* 1840, № 1, стр. 1—6). Журналъ пребыванія Петра В. въ Парижѣ (*Маяк* 1840, ч. VI, стр. 77—81, и въ *Русск. Вѣстн.* 1841, т. II, № 5, стр. 401—413). Утро Петра въ Парижѣ, съ голландскаго перевелъ В. Берковъ (*Маяк*, 1844, т. XIII, смѣсь, 77—82). Отрывокъ изъ записокъ Семъ-Симона (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1856, т. 89, стр. 1—24). Кн. Августинъ Голицынъ, Петръ I, членъ Парижской Академіи Наукъ. Paris. 1859. 4°. 14 стр. (На основаніи архива Парижской Академіи. Приведено съ полнымъ соблюденіемъ орфографіи собственноручное (по русски) письмо Петра, 11-го февраля 1721, къ членамъ Академіи,—благодарность за выборъ). Указанія на остальную литературу послѣднихъ 30 лѣтъ сведены въ статьѣ В. С. Иконникова: „Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго“ (сношенія Россіи съ Франціей). Кіевъ. 1887, стр. 26 (оттискъ изъ *Кіевскихъ Университетск. Извѣстій* 1886, № 5).

²⁾ *Русск. Вѣстникъ* 1842, VI, 68—71.

³⁾ Записка о поѣздкахъ кн. А. Бековича къ Каспійскому морю и экспедиція въ Хиву. *Москвитинъ* 1842, XII, 373—394. *Н. Семеновскій*, Путешествіе въ Хиву А. Б. Черкаскаго въ 1716 году. *Финскій Вѣстникъ* 1846, X, смѣсь, 15—21. В. Лебедевъ, Посольство въ Хиву въ 1716, 1717 и 1718 гг. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1846, сентябрь, ч. LI, 137—155.

⁴⁾ А. Поповъ, Сношенія Россіи съ Хивой и Бухарою при Петрѣ В. С.-Пб. 1853. 8°. II + 188 стр. (изъ IX-й книжки *Записокъ Русскаго Географическаго Общества*).

⁵⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1848, т. 60, октябрь, 1—39.

⁶⁾ 1) Д. Д., О знакахъ отличія временъ Петра В. *Маяк* 1844, т. XVII, смѣсь, 78—79. 2) Н. П. Экспедиція къ сѣверу въ 1707 г. изъ *Mémoires du comte de Forbin. Сѣверн. Архивъ* 1823, ч. 7, № 14, 121—132. 3) Духовное завѣщаніе генерал. обознаго И. Ломѣковскаго, писанное въ Яссахъ 25-го марта 1711. *Молодикъ* на 1844 г., кн. 1-я, 71—85. 4) П. Львовъ, Петръ Первый, творецъ Маріинскаго канала. *Отеч. Записки* 1871, VII, 277—308. 5) Эпитаѳіонъ на кончину протоіерею Тим. Вас. Надаржинскому, духовнику Петра I и Екатерины I. *Молодикъ* на 1844 г., кн. 1-я, 257—266. 6) *Татищевъ*, Россія или, какъ нынѣ зовутъ, Россія. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1839, № 6, стр. 319—406. 7) Меморія, поданная Петру В. А. П. *Волинскимъ. Русскій Вѣстникъ* 1841, т. II, № 5, стр. 378—380. 8) Малороссійскіе акты (указы Б. П. Шереметева, 26-го февраля 1709 г., и Шафирова, 11-го іюля 1710 г.). *Ibidem*, 495—497. 9) Выписка изъ разряда 1683 года. *Ibidem*, т. III, № 8, стр. 444—445. 10) Портретъ царевны Софія Алексѣевны. *Ibidem*, № 9, стр. 695—698. 11) *Элегія*

Мы подходимъ къ концу своего очерка. Намъ остается только бѣгло обозрѣть литературу послѣднихъ тридцати лѣтъ. Капитальнымъ и руководящимъ трудомъ, составившимъ эпоху въ изученіи реформы, былъ трудъ С. М. Соловьева. Какъ и въ остальныхъ сочиненіяхъ московскаго ученаго, такъ и въ этомъ ¹⁾, мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ трезваго ума, спокойнымъ аналитикомъ, для котораго реальная правда, абсолютная истина дороже всего. Ея онъ не отдастъ ни за какія симпатіи и увлеченія. Вооруженный громаднымъ знаніемъ, онъ является спокойнымъ въ сознаніи своего всеоружія. Отнюдь не художникъ, онъ, благодаря этому подавляющему знанію, проникаетъ на столько въ глубь вещей, что нерѣдко даетъ живые образы и еще болѣе мѣткія характеристики; но это только такъ, между прочимъ: самъ онъ торопливо спѣшитъ дальше къ новымъ полкамъ архива и набрасываетъ въ беспорядкѣ одну новость за другою, въ той случайной формѣ, въ какой самому ему она досталась, въ формѣ чаще всего не обдѣланной и сырой.

Основной взглядъ Соловьева на реформу, полагаю, достаточно извѣстенъ, чтобы нужно было вполнѣ развивать его. Въ сущности онъ сводится къ слѣдующему. Разрыва между прошлымъ и новымъ никакого не было. Новая Россія началась еще задолго до Петра. Еще Иванъ Грозный стремится къ Балтійскому морю; еще Годуновъ сознаетъ необходимость образованія; задолго до Петра видѣли необходимость реорганизовать войско, создать флотъ, улучшить финансы. Но чтò сознавалось только смутно, чтò предпринималось робко и неумѣло, то было понято гениемъ Петра. Онъ нашелъ силы и средства исполнить желаніе предшествовавшихъ поколѣній и самую идею реформы не выдумалъ изъ своей головы,—не была она его личнымъ капризомъ или наятіемъ свыше, а воспринята имъ въ той средѣ, въ которой онъ воспитался, и гдѣ давно уже искали выхода изъ ненормальнаго положенія. Заслуга Соловьева и заключается въ уясненіи

(латинская, въ стихахъ) на отступление *русскихъ войскъ* изъ Саксоніи въ 1707 г. Ibidem, 1842, т. V, смѣсь, 91 — 92. 12) Характеристика Карла XII, писанная Остерманомъ въ 1718 г. Ibidem, 1842, VI, смѣсь, 8 — 10.

¹⁾ Кромѣ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», томы XIII — XVIII, сюда же надо отнести его «Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, изданныя по распоряженію юбилейной комиссіи Московской политехнической выставки». М. 1872. 4°. 134 + I стр., перепечатанныя позже въ «Сочиненіяхъ С. М. Соловьева». С.-Пб. 1882, стр. 88 — 225. Сюда, однако, не вошла университетская рѣчь 30-го мая 1872 г. (см. «Публичныя чтенія», стр. 119—134).

этой преемственности. Историкъ даетъ генетическую связь Петра съ XVII вѣкомъ и вообще выводитъ изслѣдователя на прямую дорогу. Можетъ быть, не мало спорнаго найдется въ отдѣльныхъ толкованіяхъ автора, но основная мысль его въ состояніи выдержать самую строгую критику.

Къ возрѣнію Соловьева тѣсно примыкаетъ возрѣніе Кавелина; впрочемъ, какъ оно ни близко къ нему, но сохраняетъ свои особенности и отгѣнки ¹⁾. Реформа Петра для Кавелина есть также органическое явленіе русской жизни; Петръ не создавалъ направленія, а только усилилъ его, возвелъ въ систему; какъ и другіе, авторъ признаетъ, что къ концу XVII вѣка проявилось особенно сильное броженіе въ Московскомъ царствѣ, а Петра Великаго считаетъ „съ головы до ногъ великорусскою душой“ (380, 390, 394—395). Но въ то время, какъ Соловьевъ въ эпохѣ преобразования видитъ переходъ изъ состоянія дѣтства въ состояніе возмужалости, зрѣлости умственной, Кавелинъ находитъ въ ней собственно начало героическаго періода, когда молодая здоровая сила рвется на просторъ, стремясь все подчинить себѣ, не всегда сообразуясь, возможно ли это (383, 389). Московское государство, продолжаетъ нашъ авторъ,—было слишкомъ однословно, внутренней бытъ его построенъ по одному типу или идеалу; вотъ почему, когда вѣковой исторической типъ отжилъ свое время, то новый идеалъ пришлось искать на чужбинѣ. Потребность же въ этомъ идеалѣ могла почувствоваться сперва только въ высшихъ слояхъ русскаго общества, отчего и преобразование пошло неизбѣжно сверху внизъ, а не на оборотъ (386—387).

На предыдущихъ страницахъ мы уже видѣли, что Погодинъ въ теченіе всей своей жизни интересовался личностью Петра и время отъ времени посвящалъ свой досугъ изученію его эпохи. Но онъ не остановился на этомъ. На склонѣ дней, уже маститымъ историкомъ, онъ принялся писать послѣдовательную и полную исторію Русскаго царя, но могъ довести ее только до 1694 года. Это такъ-называемые „Семнадцать первыхъ лѣтъ жизни Петра Великаго“ ²⁾ и посмертный не вполне законченный отрывокъ послѣдующихъ годовъ ³⁾. Точка

¹⁾ Мысли и замѣтки о русской исторіи. *Вѣсти Европы* 1866, т. II, стр. 395—404.

²⁾ Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. 1672—1689. Сочиненіе М. П. Погодина. М. 1875. 8°. IV + 204 + 242 стр.

³⁾ Петръ Первый. Первые годы единодержавія. 1689—1694. *Русск. Архивъ* 1879, № 1, стр. 5—57.

зрѣнія на реформу и въ этихъ послѣднихъ работахъ остается такою же, какую мы привыкли встрѣчать въ другихъ болѣ раннихъ трудахъ автора; что же касается изложенія, то оно всецѣло отразило на себѣ черты и свойства, характеризующія Погодина, какъ историка и ученаго.

Вышедшій изъ среды простаго народа, человекъ, въ сердцѣ котораго всегда былъ отзвукъ для русскаго и національнаго, съ чуткою душою, отзывчивый, умѣвшій тепло отнестись къ изучаемымъ явленіямъ, Погодинъ, можетъ быть, и не всегда удовлетворялъ строгимъ требованіямъ науки, но за то всегда умѣлъ въ исторіи подмѣтить человека, а не одни только его дѣйствія. Поэтому чѣмъ-то согрѣвающимъ вѣетъ отъ его сочиненій. Они, если можно такъ выразиться, душевно написаны. Я думаю, что это же свойство ума и сердца мѣшало ему пристать къ какому-либо опредѣленному направленію или создать свою школу. Живя и дѣйствуя въ разгарѣ двухъ направленій, онъ не присталъ ни къ одному изъ нихъ: въ немъ и западнаго много, и славянофильскаго; на ряду съ Соловьевымъ онъ горячо станеть ратовать за Петра, но рѣзко разойдется съ нимъ изъ-за Грознаго; за-одно со славянофилами онъ готовъ преломить литературное копье за Минина, Сусаннина и Скопина, но въ „петербургскомъ періодѣ“ не увидитъ ничего спеціально-петербургскаго. И это отнюдь не безпринципность: у Погодина есть свои твердые взгляды; но его ли вина, если ихъ нельзя приурочить ни къ какой изъ существующихъ школъ? Я позволилъ бы себѣ сказать, что онъ видитъ дальше каждой любой школы, при чемъ, конечно, черты этой послѣдней не всегда вполне ему усвоены.

Едва ли не самый симпатичный историкъ изъ всѣхъ тѣхъ, кто уже сошелъ съ поприща русской исторической науки, Погодинъ, по свойству своего таланта, почти что подходитъ къ группѣ историковъ-художниковъ, но только „почти“, и въ этомъ его громадный недостатокъ. Онъ какъ бы сталъ въ дверяхъ художественной исторіи, но не пошелъ дальше. Умѣнье проникнуть въ душу человека ему дано. Въ то время какъ другой, хотя бы, напримѣръ, Соловьевъ, пойметъ эту душу путемъ анализа, научныхъ приемовъ, Погодинъ схватитъ ее непосредственно чуткомъ, инстинктомъ. Но, понявъ извѣстный образъ, онъ не сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, ясно нарисовать его. Вотъ онъ возсоздаетъ его передъ вами: даетъ первое очертаніе, приступаетъ къ внѣшнему построенію, отдѣлываетъ части картины, связываетъ

ихъ въ одно цѣлое,—съ каждымъ движеніемъ образъ получаетъ все бѣльшую и бѣльшую законченность; казалось бы, вотъ, вотъ нѣсколько послѣднихъ штриховъ, послѣднихъ взмаховъ исторической кисти, и полнота художественнаго образа будетъ достигнута. Не тутъ-то было! Художникъ останавливается и покидаетъ васъ, оставляя съ досаднымъ чувствомъ неудовлетворенности. Вы видите передъ собою эти отдѣльныя части картины, чувствуете даже, какъ бьется въ нихъ жизнь; но законченнаго образа все-таки нѣтъ!.. Такова бѣльшая часть работъ Погодина. Такова же и его исторія о Петрѣ. Мѣстами въ ней найдутся чудныя, обработанныя страницы, и рядомъ страницы, про которыя такъ и хочется сказать, что это первый набросокъ, первоначальный эскизъ, конспектъ работы... Не даромъ же Соловьевъ, разумѣется, черезъ-чуръ рѣзко, отзывался о трудахъ Погодина, какъ о черновыхъ тетрадахъ, не переписанныхъ даже набѣло.

Шестой выпускъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, Костомарова ¹⁾, посвященъ Петру и его сотрудникамъ. Въ сочиненіяхъ этого писателя мы привыкли видѣть талантливое, всегда живое изложеніе, умѣніе, при должной группировкѣ матеріала, создавать изъ него цѣльную картину. Между тѣмъ только что названный трудъ представляется въ такомъ видѣ, что скорѣе напоминаетъ едва начатую работу: это какая-то не разобранная куча фактовъ, лабиринтъ, въ которомъ тщетно было бы искать выхода. Составитель, очевидно, работалъ слѣпно и совершенно не позаботился о соразмѣрности частей, забывъ требованія исторической перспективы. Обиліе деталей положительно давитъ его; отсюда неизбежное слѣдствіе—излишняя хронологичность изложенія. По всему видно, что Костомаровъ далеко не былъ такимъ хозяиномъ въ исторіи XVIII столѣтія, какимъ онъ является для болѣе раннихъ вѣковъ. Особенно замѣтны недостатки книги въ тѣхъ отдѣлахъ, которые касаются внутренней политики Петра. Авторъ, пожалуй, даже ничего фактическаго не упустилъ изъ вида, но за то ничего и не далъ, кромѣ массы механически связанныхъ фактовъ. Наконецъ, неудобная манера излагать исторію странъ по біографіямъ, заставила его на-

¹⁾ С.-Пб. 1876. 8°, стр. 537—885. Второе изданіе (Русская Исторія . . . ., томъ 2-й (продолженіе), XVIII-й вѣкъ). С.-Пб. 1886. 8°. 349 стр. Пять біографій Петра, Мазепы, царевича Алексѣя, Меншикова и Ѳ. Прокоповича. Въ пятомъ выпускѣ, между прочимъ, помѣщены біографіи Софьи и Дмитрія Ростовскаго.

сильственно разрывать части одного цѣлаго. Такъ, напримѣръ, въ біографіи Петра, говоря о походѣ Карла въ Малороссію и вообще о военныхъ дѣйствіяхъ 1708—1709 гг., авторъ только для проформы, вскользь говорить о роли гетмана и украинскихъ казаковъ для того, чтобъ дать этому мѣсто въ отдѣльной біографіи Мазепы. Біографіа Меншикова захватила царствованія Екатерины I и Петра II и въ отдѣль, посвященный эпохѣ преобразования, внесла нѣчто постороннее.

Точка зрѣнія Костомарова на личность Русскаго царя представляетъ середину между взглядами западнической и славянофильской школь. Петръ, какъ рисуется его намъ историкъ, человекъ съ неудержимою волею, у котораго всякая мысль искала немедленнаго осуществленія. Въ то время, какъ Соловьевъ видитъ успѣхъ реформы во внутренней ея законности и необходимости, Костомаровъ объясняетъ его самодержавіемъ. И вотъ почему, говоритъ онъ,—тамъ, гдѣ пониманіе Петра расходилось съ пониманіемъ народа, онъ ничего не могъ сдѣлать, новой души онъ не могъ въ нее вдохнуть. Указывая же на темныя стороны Петра, авторъ готовъ извинить ихъ чертами вѣка; но если, по его мнѣнію, первый Русскій императоръ не стоялъ выше окружающихъ въ нравственномъ отношеніи, то и Россія при немъ не стала лучше по существу. Зо то преданность Петра идеѣ, любовь къ Россіи заставляетъ насъ, по мнѣнію Костомарова, помимо даже воли, любить его и „простить ему все, что тяжелымъ бременемъ легло на его памяти“ (стр. 780—785 перв. изд.).

Въ числѣ сочиненій, порожденныхъ юбилеемъ 1872 года, можно назвать еще два съ характеромъ обзора дѣятельности Петра во всей ея совокупности. Книга Задлера: „Peter der Grosse als Mensch und Regent“¹⁾ скомпилирована, главнымъ образомъ, по русскимъ источникамъ²⁾, но обработка ихъ очень поверхностная; для цѣльной характеристики авторъ запасся слишкомъ скромнымъ количествомъ пособій; въ результатѣ получился полужурнальный очеркъ, не болѣе: ни связанная послѣдовательная исторія, ни полный обзоръ отдѣльныхъ моментовъ³⁾. Соколовскій, авторъ другой книги: „Петръ Великій,

¹⁾ C. Sadler. Peter der Grosse als Mensch und Regent. Eine Charakterstudie. St. Ptbg. 1872. 8°. 298 + I seit.

²⁾ Преимущественно по Голицыну.

³⁾ Лучше вышли главы о Екатеринѣ и ея отношеніяхъ къ Петру (142—165) и о царевичѣ Алексѣѣ (163—214). Отмѣтимъ еще двѣ главы: 1) Zurückweisung einiger entehrenden ausländischen Anklagen gegen Peter und Katharina (285—299) и 2) Urtheile über Peter den Grossen (13 — 37). Въ послѣдней приведены

какъ воспитатель и учитель народа¹⁾, положительно не сумѣлъ разобратъся въ массѣ сыраго матеріала: послѣдній подавилъ его. Дѣятельность царя не опредѣлена ни съ одной стороны, а между тѣмъ задача автора была прекрасная, хотя, можетъ быть, и слишкомъ смѣлая: образъ Петра—наставника и вождя своего народа—едва ли не долженъ служить завершеиіемъ и вѣнцомъ всесторонняго изученія великой эпохи, пережитой русскимъ обществомъ конца XVII и начала XVIII столѣтія.

Послѣднимъ большимъ и законченнымъ русскимъ трудомъ о Петрѣ Великомъ является сочиненіе дерптскаго профессора А. Г. Брикнера²⁾. Основной взглядъ заимствованъ у Соловьева; большая часть матеріала у него же и у Устрялова. Сравнительно больше мѣста удѣлено свидѣтельствамъ иностраннымъ³⁾, но среди таковыхъ не мало съ достоинствомъ второстепеннымъ. Масса интереснѣйшаго матеріала о времени Петра, появившаяся въ сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, въ изданіяхъ Академіи Наукъ, морскаго министерства и св. синода, осталась почти нетронутою въ разбираемомъ нами сочиненіи. Впрочемъ мы должны оговориться, что большинство этихъ документовъ явилось только въ послѣдніе годы, одновременно съ печатаніемъ книги г. Брикнера или даже послѣ ея изданія въ свѣтъ, и что въ отдѣльныхъ статьяхъ они были своевременно разсмотрѣны и изучены уважаемымъ историкомъ. Во всякомъ случаѣ, какъ популярная книга для чтенія, дающая полный⁴⁾ обзоръ всей преобразовательной эпохи, „Исторія Петра Великаго“ является пока единственною въ нашей литературѣ.

сочувственные и несочувственные Петру отзывы современниковъ и потомства. Къ сожалѣнію, обзоръ сдѣланъ безъ системы и, очевидно, случайно. На ряду съ Неплюевымъ, Посошковымъ, Сень-Симономъ, мнѣнія которыхъ могутъ быть сочтены за голосъ времени, поставлены или ничего не говорящія фразы, или общія выраженія.

¹⁾ Казань. 1873. 8°. 148 + III стр. Первоначально въ *Учен. Записк. Казанск. Унив.* 1874, №№ 4 и 5.

²⁾ Исторія Петра Великаго. С.-Пб. 1882. 8°. I+XX+686+VIII+27 стр. Со многими рисунками. Первоначально (съ небольшими измѣненіями) на нѣмецкомъ языкѣ: Peter der Grosse. Mit Portraits. Berlin. 1879. 8°. VI+578 Seit. (въ изданіи *Опкена: Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen*).

³⁾ Сравни. отдѣльный трудъ А. Г. Брикнера: Матеріалы для источниковѣдѣнія исторія Петра Великаго (1682 — 1698). *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1879, № 8, 272—317; № 10, 250—285.

⁴⁾ Впрочемъ, надо замѣтить, что реформы и вообще внутренній строй Россіи въ эпоху преобразованія изложены слабѣ остальныхъ отдѣловъ.

Если и можно указать на что-либо однородное съ сочиненіемъ г. Брикнера, то такое надо искать въ литературѣ иностранной. Лѣтъ пять тому назадъ появился двухтомный „Peter the Great“, Скайлера ¹⁾. Это — книга, написанная умнымъ иностранцемъ, обстоятельно знакомымъ съ русскимъ языкомъ, жившимъ одно время въ Россіи, не чуждымъ литературныхъ и ученыхъ связей и вздумавшимъ подарить образованную публику Европы и Америки сочиненіемъ о Петрѣ, которое представляло бы сводъ тѣхъ выводовъ, до какихъ дошла нынѣшняя наука. Авторъ очень внимательно перечиталъ всѣ главныя русскія и иностранныя сочиненія объ эпохѣ преобразованія, близко освоился съ мемуарами того времени, памятниками законодательными, пересмотрѣлъ даже нѣкоторыя бумаги въ архивахъ Парижа и Гаги. Для насъ, русскихъ, не безынтересны страницы, обработанныя на основаніи трудовъ лучшихъ шведскихъ историковъ. Конечно, человекъ, знакомый съ Устряловымъ и Соловьевымъ, мало найдетъ здѣсь новаго; чувствуя себя въ зависимости отъ степени разработки эпохи, Скайлеръ почти весь первый томъ посвятилъ времени отъ 1682 по 1700 годъ; сильно бросается въ глаза и то, что исторія внѣшняя заполонила собою исторію внутреннюю, и реформамъ отведено не много мѣста, къ тому же и связь реформы съ XVII вѣкомъ осталась неясною. Но мы не въ правѣ примѣнять къ автору требованій русскаго масштаба. Для иностранца книга Скайлера прежде всего — связанный, живой разказъ, основанный на предварительной серьезной работѣ. Авторомъ перечитано дѣйствительно все сколько-нибудь цѣнное; не упущены изъ виду старинныя русскія изданія прошлаго столѣтія. То, что обыкновенно пропускается въ учебникахъ за недостаткомъ мѣста, въ книгахъ для публики — за неумѣніемъ сочинителя, а въ научныхъ трудахъ — какъ предполагаемое излишнимъ, все это нашло себѣ мѣсто въ сочиненіи американскаго писателя ²⁾. Не задаваясь большими претен-

¹⁾ *E. Schuyler, Peter the Great, emperor of Russia. A study of historical biography. 2 vols. Lond. 1884. 8°. IX+544+III+691 pag. (съ портр. и картою).*

²⁾ Автора можно было бы упрекнуть въ томъ, что онъ вдаётся въ мелочи, излишнія для иностраннаго читателя. Такъ, напримѣръ, поименованы стрѣльцкіе полковники, подвергшіеся, по свидѣтельству Матвѣева, мученіямъ своихъ подчиненныхъ лѣтомъ 1682 года (I, 107); перечислены села, въ которыхъ переѣзжалъ дворъ въ сентябрѣ 1682 (I, 112); поименованы Мельновъ, Ладогинъ, Елизаровъ и другіе участники событій августа 1689 года (I, 213, 216, 229) и т. п.

зіями, авторъ старался начертить живую, ясную картину прошлаго' и его попытка вполне удалась ¹⁾.

Сочиненіемъ Скайлера мы и закончимъ свой библиографическій обзоръ сочиненій о Петрѣ Великомъ и его времени. Въ литературѣ царствованія императора Александра II, какъ мы уже говорили, существующіе указатели значительно облегчаютъ поиски ²⁾. Мы можемъ только напомнить и на этотъ разъ безъ всякихъ подстрочныхъ примѣчаній и разъясненій главнѣйшее изъ появившагося за послѣднія 30—35 лѣтъ. Масса разнообразнѣшаго матеріала изъ году въ годъ накапливается въ Русскомъ Архивѣ и Русской Старинѣ, отчасти въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей; документы первостепенной важности помѣщаются въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, какъ напримѣръ, письма и указы Петра, переписка Б. П. Шереметева, донесенія иностранныхъ пословъ: саксонскаго, прусскаго, французскаго и англійскаго; къ сожалѣнію, очень мало извѣстны „Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба“; четыре

¹⁾ Одновременно съ книгой Скайлера появился и другой трудъ *J. Barrow, The life of Peter the Great* (Edinburgh. 1883. 8°. 414 pag.). Упомянемъ о ней съ единственною цѣлью показать, какъ за границей возможно рядомъ съ хорошими трудами появленіе такихъ жалкихъ компилляцій. Въ концѣ XIX столѣтія авторъ все еще считаетъ для себя позволительнымъ руководствоваться такими сочиненіями, какъ Nestesuganpoi, Mottley и т. п.; въ виду этого, не много пользы могъ онъ вынести изъ анекдотовъ Штелина и Поденной записки Петра. Въ результатѣ вышло нѣчто среднее между романомъ, журнальскою статью и дѣтскимъ разказомъ. Единственно, кажется, стоящее вниманія, какъ особенность для русскаго читателя, это разказъ о пребываніи Петра въ Англии въ 1698 году, на основаніи современныхъ журналовъ. *History of his own times Berneta, Life of Thomas Storey* и *Life of William Penn Кларксона*.

²⁾ Изъ таковыхъ отмѣтимъ главнымъ образомъ *Minsloff, Pierre le Grand dans la littérature étrangère. S.-Pbg. 1873. 8°. XV+691 pag. (Supplément. S.-Pbg. 1872. 692—721 pag.)*. Пользуясь этимъ трудомъ, не слѣдуетъ забывать болѣе ранней работы того же автора: „Библиографическіе отрывки. Статья пятая: Нѣсколько рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ иноязычныхъ сочиненій, относящихся до Петра Великаго и его вѣка“ (*Отеч. Записки 1856, CIV (№ 2-й), 345—395*). Въ ней описано 64 сочиненія; хотя они всѣ упомянуты въ „*Pierre le Grand*“, но замѣчанія *Отеч. Записокъ* гораздо полнѣе и содержательнѣе. Въ изданіи 1872 года не всегда даже возможно ознакомиться съ характеромъ сочиненія, тогда какъ въ журнальной статьѣ все это дано. Изъ русскихъ библиографій см. уже упомянутый трудъ *В. И. Межова*: Юбилей Петра Великаго. Библиографич. указатель литературы Петровскаго юбилея 1872 г., съ прибавленіемъ книгъ и статей о Петрѣ I вообще, явившихся въ свѣтъ съ 1865 до 1876 г. включительно. С.-Пб. 1881. 16°. XVIII+230 стр. (указано 1049 номеровъ).

выпуска „Писемъ Русскихъ государей“ всецѣло принадлежать Петровскому времени; „Письма и бумаги“ царя, изъ числа хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изданы А. Ѳ. Бычковымъ ко дню двухсотлѣтняго юбилея Петра; въ послѣдніе годы Академія Наукъ предприняла изданіе „Докладовъ и приговоровъ сената“; еще ранѣе синодъ и морское министерство начали публиковать важные матеріалы для исторіи этихъ учреждений; археографическая коммиссія печатаетъ разныя дѣла о Шакловитомъ; частныя лица—сочиненія Посошкова (Погодинъ) „Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“ (Есиповъ) и т. п.

Къ числу матеріаловъ же отнесемъ и мемуары; русскіе: Марковича, Ханенка, Неплюева, Мордвинова, перепечатку Нащокина въ Русскомъ Архивѣ и тамъ же недавно появившіяся записки П. А. Толстаго во время его заграничнаго путешествія; иностранные Корба, Берхгольца, Перри, Седерберга, Бассевича, Фокеродта и Плейера, а также статьи профессора Брикнера въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія о нѣкоторыхъ изъ названныхъ мемуаровъ (Фокеродтъ, Плейеръ, также Гордонъ, Рингуберъ и Веберъ).

Государственное устройство Россіи въ періодъ преобразованія, исторія ея учреждений, сословій и пр. изслѣдуется въ извѣстныхъ курсахъ профессоровъ Градовскаго, Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова; въ трудахъ Полѣнова (Уложеніе 1700 г.), Петровскаго (Сенатъ), Градовскаго (Вышняя администрація), Мрочекъ-Дроздовскаго (Губерніи), Романовича-Славатинскаго (Дворянство), Дитятина (Города), Побѣдоносцева (Историческія изслѣдованія) и Ключевскаго (статьи въ Русской Мысли о холопствѣ).

Организація войска раскрывается въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій Бобровскаго; недавно появилось сочиненіе Пузыревскаго: „Развитіе постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго“. По исторіи флота имѣются труды Елагина и Веселаго; по исторіи церковной—„Монастырскій приказъ“ и „О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода“ проф. Горчакова; по исторіи культуры—извѣстный трудъ Пекарскаго (Наука и литература), сборникъ драматическихъ произведеній конца XVII и начала XVIII в., Тихонравова, послѣднее сочиненіе Брикнера Die Europäisirung Russlands и другіе.

Отдѣлъ біографій состоитъ изъ изслѣдованій П. К. Щербальскаго и Н. Я. Аристова о царевнѣ Софіи, Поссельта—о Лефортѣ, Г. В. Есипова—о Меншиковѣ, Н. И. Костомарова—о Мазепѣ, В. И. Герье—о Лейбницѣ и его отношеніяхъ къ Россіи и Петру, А. Н. Попова и А. Г. Брикнера—о Посошковѣ, Д. А. Корсакова—о Вольтерѣ, Н. А. Попова, Н. Чупина и К. Н. Бестужева-Рюмина—о Татищевѣ, И. А. Чистовича, П. О. Морозова и Ю. Ф. Самарина—о Теофанѣ Прокоповичѣ, Н. А. Попова—о П. А. Толстомъ. Наконецъ, въ Русской Старинѣ явился переводъ сочиненія Гельбига: „Russische Günstlinge“.

Вся эта литература, взятая въ ея цѣломъ, отнюдь не такова, чтобъ ее можно было характеризовать однимъ общимъ опредѣленнымъ и положительнымъ признакомъ; у нея еще нѣтъ пока законченныхъ рамокъ, и самое развитіе ея совершается безъ какой-либо установленной программы, выработаннаго плана. Вліяніе Соловьева продолжаетъ сказываться; все чаще и чаще повторяются слова о глубокой коренной связи реформы съ XVII вѣкомъ; разработка отдѣльныхъ эпизодовъ и сторонъ преобразовательной эпохи позволяетъ говорить это все сознательнѣе и убѣжденнѣе; но яснаго, всесторонняго представленія объ этой связи мы пока еще не имѣемъ, и обилие Петра, въ конкретномъ представленіи, продолжаетъ стоять самостоятельнымъ и выдѣленнымъ отъ группы его предшественниковъ. Вотъ почему историографіи Петровскаго періода предстоитъ еще не мало работы въ ближайшемъ будущемъ.

Е. Шмурло.

РІНКВА—ЭСТОНСКОЕ НАЗВАНІЕ ГОРОДА ПСКОВА.

Предлагаемая статья принадлежит молодому даровитому слависту, слишком рано похищенному смертью, Петру Ивановичу Прейсу. Какъ известно, онъ нѣкоторое время, съ 1843 года по 1846 (когда скончался), занималъ кафедру славянскихъ нарѣчій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а до того состоялъ преподавателемъ въ Дерптской гимназіи. Замѣтка о названіи города Пскова—одна изъ раннихъ ученыхъ работъ Прейса, но и до сихъ поръ сохраняетъ интересъ при изученіи древнихъ отношеній между славянскими и финскими племенами. Будучи помѣщена въ дерптскомъ еженедѣльномъ *Das Inland* 1839 г., № 13, она до сихъ поръ ускользала однако отъ вниманія нашихъ изслѣдователей, почему и предлагается здѣсь въ переводѣ. Переводчикъ позволилъ себѣ снабдить ее нѣсколькими дополнительными примѣчаніями.

Эстонское названіе города Пскова — *Pihkwa* или *Pihkoa*, сравнительно съ русскимъ названіемъ Псковъ, Плесковъ, подаетъ поводъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Въ словѣ Псковъ окончаніе *овъ* въ творительномъ падежѣ даетъ не *имъ* (Псковымъ), а *омъ* (Псковомъ), и такимъ образомъ это слово не имѣетъ характера имени прилагательнаго, какъ въ прочихъ именахъ городовъ, кончащихся на *овъ* ¹⁾. Слово это, слѣдовательно, склоняется совершенно какъ имя существительное. Это почти единственное исключеніе должно имѣть свою причину. Рѣка

---

¹⁾ Прейсъ дѣлаетъ здѣсь нѣсколько поспѣшное обобщеніе: кромѣ Пскова, есть и еще нѣсколько названій городовъ съ окончаніемъ на *овъ*, *евъ*, не имѣющихъ формы прилагательнаго; таковы, напримѣръ: Тамбовъ, Туровъ, Ржевъ, въ творит. падежѣ—Тамбовомъ, Туровомъ, Ржевомъ. *Переводчикъ.*

Псковà, при устьѣ которой построенъ городъ, объясняетъ дѣло. Очевидно, она дала названіе городу; окончаніе ова принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя приставляются обыкновенно къ славянскимъ названіямъ рѣкъ, и грамматически точно соответствуетъ готскому *ahwa*, древне-верхне-нѣмецкому *aha*, древне-сѣверному *á* и латинскому *aqua*. Что и мужеская форма окончанія ова въ мѣсто ова не была совсѣмъ необыкновенна, доказываетъ между прочимъ названіе рѣки—Волховъ ¹⁾.

2. Еще въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ названіе Пскова встрѣчается въ двойной формѣ: Плесковъ (Пльсковъ) и Псковъ. Это различіе вызвало этимологическія объясненія, которыя однако не удовлетворительны, и именно потому, что не объясняютъ этого различія. Еще недавно Шафарикъ (*Staroř. Slow.*, стр. 530) возобновилъ еще разъ мнѣніе, что Плесковъ происходитъ отъ слова Плесо, озеро, „потому, что городъ лежитъ у большаго озера“ ²⁾. Онъ полагаетъ также, какъ и прежніе историки, что городъ дунайскихъ болгаръ *Pliskowa* или *Pliskuwa* носилъ то же имя. Но это положительно невѣрно—по слѣдующимъ причинамъ: а) Псковъ лежитъ не непосредственно при озерѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. б) Словомъ плесо не объясняется остальная часть слова, а именно: ковъ. в) Какъ, въ такомъ случаѣ, объяснить исчезновеніе звука *л* во второй формѣ: Псковъ? д) Множество мѣстностей въ славянскихъ земляхъ называются, вслѣдствіе своего положенія при озерѣ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій: Плесо, Плесъ, Плеса, напримѣръ, городъ въ Костромской губерніи Плесо (Софійск. Временникъ, II, 145). е) Названія города дунайскихъ болгаръ — *Pliskowa*, *Pliskuwa* ничего тутъ не разъясняютъ, потому что намъ не извѣстно положеніе этого города. При томъ же, славяне называли этотъ городъ Плиска, какъ это усматривается изъ болгарскаго перевода лѣтописи Константина Манассія ³⁾.

¹⁾ По свидѣтельству покойнаго Д. П. Европеуса, сообщенному академикомъ А. А. Кунякомъ, въ одномъ документѣ Гельсингборскаго архива встрѣчается древне-корельское названіе рѣки Волхова въ формѣ *O'lawwa*, съ удареніемъ на о.

Переводчикъ.

²⁾ Это слово имѣется также и въ лопскомъ языкѣ (см. *Lexicon Lapponicum von Lindahl und Oehrling*): „Plesse, lacus“.

³⁾ Рукопись этого перевода находится въ Римѣ, а копія съ него въ Румяновскомъ музеѣ. Извлеченія изъ этой рукописи см. въ Путешествіи въ Италію *Палацкаго* (Прага. 1838).

П. Прейсъ.

Полный списокъ болгарскаго перевода лѣтописи К. Манассія хранится также въ Московской синодальной бібліотекѣ.

Переводчикъ.

3. Эстонское названіе Pihkwa, Pihkow особенно важно въ данномъ случаѣ. Оно удостовѣряетъ насъ, что названіе рѣки, съ перемѣною рода, перешло на городъ. Такъ и вышеозначенный городъ Плесо называется теперь Плесъ. Далѣе мы видимъ, что звукъ *л* въ словѣ Плесковъ не имѣетъ кореннаго происхожденія, потому, что еслибъ эсти познакомились впервые съ городомъ или рѣкою подъ названіемъ Плесковъ, то они, сообразно съ духомъ своего языка, назвали бы его навѣрное—Lihkwa. Итакъ, первоначальная форма этого названія была безъ звука *л*, слѣдовательно, не Плесковъ, а Псковъ или по древнѣйшей орфографіи—Пьсковъ; эта послѣдняя форма въ достаточной мѣрѣ объясняетъ намъ вставку звука *л*: та вѣтъвъ славянскихъ языковъ, къ которой принадлежитъ русскій, отличается между прочимъ вставкою *л* послѣ *б*, *в*, *м*, *н*, если за этими согласными слѣдуетъ *о* или мягкій гласный звукъ (Dobrowsky. Institutiones Linguae Slavicae, p. III). Такимъ образомъ и здѣсь изъ Пьсковъ образовалась сперва форма Пльсковъ, а затѣмъ (такъ какъ древній полугласный звукъ *о* въ русскомъ языкѣ всегда переходитъ въ *е*) явилась и форма Плесковъ. Всѣ эти три формы встрѣчаются въ лѣтописяхъ. Совершенно подобно тому, какъ слова: корабль, рубль, журавль произносятся и безъ вставки звука *л*, въ особенности въ устахъ народа, такъ случилось и со словомъ Пьсковъ; то-есть, древнѣйшая форма существовала на ряду съ новѣйшею. Вставка звука *л* внутри слога послѣ губныхъ встрѣчается и въ другихъ случаяхъ.

4. Вѣрную этимологію слова Псковъ указалъ еще митрополитъ Евгеній (Исторія княжества Псковскаго, I, 12), такими словами: „...но жизнеописатель Ольгинъ производитъ названіе Пскова отъ рѣки Псковы, которая, кажется, такъ названа отъ пещанаго озера ¹⁾ и псковъ, изъ коихъ она вытекаетъ, и которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ городъ Псковъ“. На вышнюю орфографію песокъ вмѣсто пѣсокъ не слѣдуетъ обращать вниманія; она основывается на томъ, что русскій языкъ не знаетъ теперь звуковаго различія между *н* и *е*, тогда какъ другія славянскія нарѣчія, даже малорусское, строго соблюдаютъ его. Въ древне-славянскомъ языкѣ слово это имѣетъ форму пѣсъкъ. Знающему славянскій языкъ хорошо извѣстно, что въ случаяхъ сокращенія звукъ *н* переходитъ и долженъ переходить въ *о*. Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ названія рѣки по древ-

¹⁾ Сюда Прейсъ прибавилъ: „Псковица“.

ней орфографіи Пьськова (сокращенно изъ Пѣськова) произошло названіе города Пьськовъ (Пьсковъ) или съ вставкою—Пльсковъ, а впоследствии Плесковъ. Изъ этой послѣдней формы возникло нѣмецкое Pleskau, такъ какъ нѣмцы узнали этотъ городъ, конечно, позднѣе эстовъ. Эти послѣдніе знали о рѣкѣ Псковѣ, по видимому, еще до возникновенія на ней города; по крайней мѣрѣ, на это обстоятельство указываетъ намъ окончаніе Pihkoa, Pihkwa въ сравненіи съ Пскова и Псковъ.

5. Можно было бы сказать кое-что и по поводу новѣйшей формы Опсковъ, иногда употребляемой народомъ; но это потребовало бы пространныхъ сопоставленій изъ всей области славянской филологіи, съ присоединеніемъ родственныхъ языковъ. Уже изъ одного этого примѣра мы видимъ, какъ языкъ или, точнѣе, его діалектъ, по исчезновеніи праязыка, съ теченіемъ времени пользуется то однимъ, то другимъ средствомъ; съ одной стороны, это кажется непослѣдовательнымъ, но съ другой, напротивъ, является естественнымъ и объяснимымъ.

6. Знатоки эстонскаго языка, вѣроятно, найдутъ въ немъ причину того, почему въ словахъ Pihkoa, Pihkwa русское *с* (Псковъ) перешло въ *h* (произносится какъ русск. *х*). Или, можетъ быть, эсты, какъ это свойственно всѣмъ народамъ (ср. Нѣмецкую грамматику Я. Гримма, II, 547—548), приспособили чужо слово къ болѣе имъ удобному, въ родѣ pihhi, пынь, песокъ (Слс въ Гупеля. Изданіе 1780 года)?

III. Прейсъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. Изданіе Археологической Коммисіи. С.-Пб. 1888.

Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ со времени перваго изданія археологической комиссіей Синодальнаго списка Новгородскихъ лѣтописей подъ именемъ 1-й Новгородской лѣтописи; въ теченіе этого времени оно сдѣлалось библиографическою рѣдкостью, и всѣ занимающіеся изученіемъ отечественной исторіи съ нетерпѣніемъ ожидали новаго, готовившагося изданія, которое наконецъ и появилось въ прошломъ году. Исполненное подъ редакціей П. И. Саввантова, оно имѣетъ то уже преимущество предъ первымъ, что издано на основаніи четырехъ списковъ, между тѣмъ какъ у перваго издателя не было въ распоряженіи списка, принадлежащаго археологической комиссіи (рукопись половины XV вѣка). Въ основу новаго изданія (также какъ и перваго) положенъ, какъ и слѣдовало, древнѣйшій такъ-называемый Синодальный списокъ, а продолженіе напечатано по Коммисіонному списку.

Главное отличіе втораго изданія отъ перваго состоитъ въ слѣдующемъ: 1) въ болѣе точномъ опредѣленіи окончанія перваго почерка, которымъ писанъ Синодальный списокъ; именно: по первому изданію первый почеркъ оканчивается послѣ первыхъ пяти словъ 6708 г., а по второму—предъ двумя послѣдними извѣстіями 6707 г., то-есть, ровно на четыре печатныя строки раньше, и 2) въ болѣе правильномъ воспроизведеніи основнаго текста, такъ-называемаго Синодальнаго списка, при чемъ невѣрное исправлялось, а недо-

стающее дополнялось на основаніи поздвѣйшихъ списковъ, — Коммисіоннаго, Академическаго и Толстовскаго. Болѣе правильное чтеніе мы замѣтили въ слѣдующихъ мѣстахъ: подъ 6638 г. „а из дони“ вм. „а и въ доми“ (Новг. лѣт. по Син. сп. 125. П. С. Л. III, 6), подъ 6664 г. „пойдеши“ вм. „пидоша“ (Новг. лѣт. по Син. сп. 141. П. С. Л. III, 12), такъ какъ Аркадіѣ ходилъ въ Кіевъ для ставленья только въ 6666 г., „ини“ вм. „они“ (ib. 147, 14), „тировати“ вм. „жировати“ (ib. 169, 22), „управитися“ вм. „правитися“ (194, 31), „бързѣхъ“ вм. „бързѣ“ (201, 34), „ні по сихъ, ни по сихъ“ вм. „ни по сихъ, ни по онихъ“ (208, 37), „тысячского и Михайловъ“ вм. „тысячской Михайловъ“ (221, 41) „ижгоша“ вм. „изжгоша“ (224, 42), „сови“ вм. „совни“ (244, 49), „видимо“ вм. „невидимо“ (280, 57), „на все“ вм. „все“ (ib.), „в земли“ вм. „земли“ (286, 59), „ти“ вм. „ту“ (154, 16), „творяше“ вм. „творяху“ (159, 18), „даньници“ вм. „даньники“ (161, 19), „Въездѣ“ вм. „въ Незадѣ“ (163, 20), „съруби“ вм. „сърубиша“ (165, 20), „Яковли“ вм. „Яколи“ (128, 7). Впрочемъ нѣкоторыя невѣрности остались не исправленными; такъ подъ 6647 г. сказано, что Ростиславъ сидѣлъ въ Новгородѣ „8 лѣтъ и 4 мѣсяцѣ“, а слѣдовало бы исправить согласно съ другими списками: „лѣто и 4 мѣсяцѣ“; такъ какъ Ростиславъ ¹⁾ прибылъ въ Новгородъ 10-го мая 1138 г., а убѣжалъ изъ него 1-го сентября 1139 г.; подъ 6717 г. слѣдовало исправить явную ошибку „куры брати“ такъ, какъ было въ первомъ изданіи, то-есть, „куны брати“ (191, 30); думаемъ, что и самъ почтенный редакторъ согласится, что здѣсь идетъ дѣло не о курахъ; на стр. 203 напечатано „око“ вм. „яко“; на стр. 161 вм. „о Въскресения“ слѣдовало бы читать „оу Въскресения“; на стр. 201 напрасно вм. „Клавдія“ исправлено „Феодула“; слишкомъ большая разница между этими именами и въ произведеніи, и въ написаніи; лучше было бы поправить на болѣе сходное имя Пуплія, память котораго тоже празднуется 5-го апрѣля ²⁾; на стр. 291 слово „приде“, исправленное въ „при(ве)де“, могло бы остаться безъ исправленія: смыслъ въ обоихъ случаяхъ нисколько не измѣняется.

Вставокъ много; кромѣ малозначущихъ въ родѣ: *и, же, а, бы*,

¹⁾ Въ лѣтописяхъ вмѣсто Ростислава названъ Ярославъ (Лѣт. по Син. сп., 132), и эта ошибка осталась не исправленною.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Царскаго Сое. 1 лѣт. П. С. Р. № V, стр. 181, прим. е) читается Клавдіана, память котораго празднуется 5-го апрѣля.

ю, но и т. п., нѣкоторыя прибавки служатъ къ точнѣйшимъ хронологическимъ („мѣсяца февраля,“ 131 стр.) ¹⁾, или топографическимъ („у святаго Ильи“, стр. 311) ²⁾ опредѣленіемъ; или возстановляютъ пропущенныя въ подлинникѣ слова, напримѣръ: „Святослава“ (152), „в лойвахъ“ (163), (см. также стр. 305), или дополняютъ нѣкоторыя подробности: „с Псковичи“ (275), „с Югровъ“ (стр. 169) ³⁾; иногда прибавки взяты для ясности и связи рѣчи: „рекши тако“ ⁴⁾ (стр. 167); нѣкоторыя вставки являются какъ бы глоссами, напримѣръ: „то вашъ князь“ (241), „около Юрьева много и около Медвѣжьей Головы“ (243). Нѣкоторыя прибавки, очевидно, позднѣйшаго происхожденія и Синодальному списку принадлежать не могли; такъ, подъ 1242 г. въ древнѣйшемъ спискѣ о походѣ Александра Невскаго на нѣмцевъ сказано очень просто: „пойде князь Олександръ с Новгородци і с братомъ Андрѣемъ и с Низовци на Чюдскую землю на Нѣмци і зая вся пути и до Пльскова“; въ позднѣйшихъ спискахъ эта простая безыскусственность испорчена вставкою въ уста Александра гордой рѣчи: „да не похвалятся (то-есть, нѣмцы) ркуще: укоримъ Словенскій языкъ, ниже себе“ (стр. 259). Впрочемъ, не видно, чтобъ и редакторъ строго выполнялъ систему восполненія надлежащаго въ главномъ спискѣ побочными списками; такъ, пропуская множество мелкихъ реченій въ родѣ: къ (190, 191), и (193, 196, 197, 198), в (198, 199), ударити (П. С. Р. Л. III, 55), мы можемъ указать еще на пропускъ подъ 1207 и 1211 гг. молитвенной прибавки относительно Прокши Мальшевича и его сына (см. также стр. 322, пр. 3 и 14, стр. 324, пр. 9 и др.).

Всѣ вставки напечатаны особымъ шрифтомъ, если онѣ незначительны по объему, или, при большомъ объемѣ, отдѣлены продольною чертою съ отступленіемъ отъ поля страницы; есть недосмотры и въ этомъ отношеніи, такъ на стр. 220 слово „Новгородци“, внесенное изъ побочныхъ списковъ, напечатано обыкновеннымъ шрифтомъ. Благодаря нѣкоторымъ прибавкамъ, измѣняется смыслъ; такъ, подъ 6681 г. говорится о построеніи церкви св. Спаса на воротахъ св. Георгія; такъ въ первомъ изданіи; въ послѣднемъ изъ К. А. Т. списковъ прибавлено (у) св. Георгія, что не одно и то же; прежнее чтеніе „Ивачя“

¹⁾ См. также 125, 128, 196 стр.

²⁾ Стр. 123, 143.

³⁾ См. также: стр. 144, 165, 171, 225, 240, 277, 307, 311, 317.

⁴⁾ Также 136, 141, 217, 249, 277.

измѣнено въ „и Вачя“: первое можетъ быть уменьшительнымъ отъ слова Иванъ, а второе „Вячеславъ“ (161—19); на стр. 167 читается: „помя съ собою попа (и) Иванка Легена“, въ прежнемъ изданіи „и нѣтъ. Въ иныхъ мѣстахъ смыслъ измѣняется отъ разстановки зна-ковъ препинанія: на стр. 203 читается: „не можетъ умъ человѣчскъ домыслити избьенныхъ; а повязайныхъ Ярославъ... повеле въ метаті въ погребъ“; въ прежнемъ изданіи читается: „не можетъ умъ человѣчскъ домыслити, избьенныхъ и повязанныхъ“. На стр. 208: „угонивъше и, яша“ вм. „угонивъше и яша“ (стр. 36), на стр. 234: „розграбиша и. Посадникъ же опять възъвари городъ всь“ вм.: „разграбиша и посадникъ...“ (стр. 46).

Извѣстія, недостающія въ Синодальномъ спискѣ, восполнялись изъ другихъ; такъ, подъ 6711 г. вставлены извѣстія о походѣ русскихъ князей на половцевъ и постриженіи Рюрика (стр. 179); подъ 6730 г. вставлено извѣстіе о нападеніи смолянъ на Полоцкъ (стр. 213). Подъ 6712 г. напрасно въ другой разъ изъ Коммиссіонскаго и Толстовскаго списковъ помѣщены извѣстія: о побѣдѣ Ольговичей надъ Литвой, о смерти и погребеніи посадника Мирошки, о морѣ въ Новгородѣ и взятіи Константинополя, потому что первыя три извѣстія помѣщены и въ Синодальномъ спискѣ подъ 6711 г. (стр. 179 и 188) и почти буквально въ Коммиссіонномъ и Толстовскомъ спискахъ; извѣстіе о взятіи Константинополя, краткое, но самостоятельное, могло бы быть помѣщено въ примѣчанія, подъ чертой (см. также добавленія на стр. 271 и 272). Иногда не видно причинъ, почему при изданіи поступлено такъ, а не иначе. Почему, напримѣръ, повѣсть объ убіеніи Михаила Черниговскаго внесена въ текстъ, а повѣсть объ Александрѣ Невскомъ напечатана подъ чертой и мелкимъ шрифтомъ? Если судить по значенію этихъ личностей для Новгорода, то слѣдовало бы какъ разъ поступить на оборотъ. Въ историческомъ отношеніи ни та, ни другая повѣсть не даютъ ничего новаго сравнительно съ находящимися въ другихъ лѣтописныхъ сборникахъ.

Но главное и существенное отличіе настоящаго изданія отъ прежняго заключается въ слѣдующемъ: такъ какъ въ Синодальномъ спискѣ недостаетъ первыхъ пятнадцати тетрадей, то признано было цѣлесообразнымъ начало лѣтописи напечатать по Толстовскому и другимъ спискамъ. Противъ этого способа изданія мы можемъ возразить слѣдующее: прежде всего въ Толстовскомъ спискѣ (рукопись прошлаго столѣтія) помѣщено предисловіе, воспроизведенное и въ настоящемъ изданіи, при чемъ издатель руководствовался главнымъ образомъ авто-

ритетомъ Погодина. Но это совершенно неосновательно; ни Погодинъ, ни другіе его послѣдователи не привели никакихъ доказательствъ въ пользу принадлежности предисловія новгородскимъ лѣтописямъ ¹⁾. На страницахъ этого журнала мы уже старались доказать, по поводу книги г. Сенигова, что это предисловіе не принадлежитъ новгородскимъ лѣтописямъ; г. Сениговъ, при перепечаткѣ своего труда, не привелъ никакихъ новыхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія и не опровергъ наши доводы; съ своей стороны, мы можемъ еще прибавить, что подъ именемъ „поганыхъ“, о которыхъ говорится въ данномъ предисловіи, разумѣть половцевъ и такой знаменитый авторитетъ въ русской исторической наукѣ, какъ Соловьевъ (И. Р., III, 127 прим.), а упоминаніе о половцахъ, какъ о врагахъ Русской земли, болѣе всего естественно въ устахъ южнорусса-киевлянина, чѣмъ сѣвернорусса-новгородца, и никто, безъ сомнѣнія, не укажетъ, кого изъ Новгородскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ расилодившими Русскую землю. Такимъ образомъ въ виду сомнительности и недоказанности факта принадлежности предисловія новгородскимъ лѣтописямъ не слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, и печатать его.

Другое возраженіе мы имѣемъ слѣдующее: всѣ ученые согласны въ томъ, что въ недостающихъ тетрадахъ Синодальнаго списка находилась первоначальная лѣтопись; это вѣрно. Но вотъ вопросъ: съ тѣми ли прибавленіями, которыя находятся въ позднѣйшихъ спискахъ новгородской лѣтописи? Въ этомъ позволительно усумниться, и во всякомъ случаѣ кое-что находящееся въ нихъ, не могло находиться въ Синодальномъ спискѣ. Такъ, подъ 989 г. помѣщены списки великихъ князей Кіевскихъ и Новгородскихъ, до Василя Васильевича Темнаго включительно, митрополитовъ, Новгородскихъ архіепископовъ до того же времени, посадниковъ еще до болѣе поздняго времени (Новг. лѣт. по син., сп., стр. 66—71). Очевидно, эти списки позднѣйшаго происхожденія, составлены никакъ не раньше половины XV вѣка и никоимъ образомъ не могли принадлежать тому списку новгородскихъ лѣтописей, который теперь извѣстенъ у насъ подъ име-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Погодина: „Синодальный, Академическій, Толстовскій суть три списка одной и той же лѣтописи. Начало ея сохранилось въ Толстовскомъ. Оно было слѣдовательно и въ прочихъ, но утратилось. Нѣтъ никакого права предполагать, что этого начала тамъ не было“ (Исслѣд., зам. и лек., V, 332). Вотъ на этомъ-то: „слѣдовательно“ и „нѣтъ никакого права“ и зиждется вся аргументація.

немъ Синодальнаго; значить, не слѣдовало бы помѣщать и этого каталога и вообще всего начала позднѣйшихъ списковъ предъ Синодальнымъ.

Въ виду тѣхъ сомнѣній, которыя вызываются предисловіемъ и началомъ новгородскихъ лѣтописей, гораздо лучше было бы, по нашему мнѣнію, Синодальный списокъ—этотъ древнѣйшій и важнѣйшій памятникъ отечественнаго бытописанія—воспроизвести въ томъ видѣ, какъ онъ былъ воспроизводимъ первыми издателями, то-есть, напечатать его совершенно отдѣльно, чтобы рельефнѣе видѣть его составъ, а потомъ помѣстить начало и конецъ позднѣйшихъ списковъ, употребивъ ихъ для вариантовъ на пространствѣ существованія Синодальнаго списка.

Къ изданію приложены два снимка почерковъ съ Коммиссіоннаго и Академическаго списковъ. По нашему мнѣнію, было бы лучше помѣстить снимки съ Синодальнаго списка, который даетъ заглавіе тому и заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ древнѣйшій изъ всѣхъ обнаруженныхъ доселѣ памятниковъ отечественнаго лѣтописанія.

Кому же принадлежалъ списокъ, извѣстный теперь подъ именемъ Синодальнаго? По нашему мнѣнію, мы можемъ рѣшить этотъ вопросъ при помощи трехъ послѣднихъ приписокъ, которыми онъ заканчивается. Изъ этихъ приписокъ первыя двѣ ¹⁾ исключительно, а послѣдняя отчасти, касаются Новгородскаго-Юрьевскаго монастыря. Для рѣшенія даннаго вопроса особенно важна вторая приписка, въ которой мѣсто записи обозначено очевидно и несомнѣнно: „пововлена бысть“, сказано въ ней, „церки си святыи Георгий покровомъ.. поспѣшеннемъ святаго мученика Христова Георгия, повелѣниемъ боголюбиваго архимандрита Новгородскаго Есифа“ (Лѣт. по Сив. сп., 328—329). Третья приписка, хотя прямо и не относится къ Юрьевскому монастырю, но также могла быть сдѣлана въ немъ: Юрьевскій архимандритъ Никифоръ сопутствовалъ архіепископу Василию въ его поѣздкѣ во Псковъ. Значить, и самая тетрадь, на которой сдѣлана означенная приписка, принадлежала тому же монастырю. Привоминая, что нами сказано было о знаменитомъ Тимоѣѣ-пономарѣ, какъ авторѣ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, записанныхъ при Юрьевскомъ монастырѣ, мы теперь къ этому можемъ прибавить, что при

¹⁾ Замѣтимъ, что первыя двѣ приписки въ Академическомъ спискѣ вошли уже въ число лѣтописныхъ извѣстій и почти буквально.

означенномъ монастырѣ не ограничивались записью единичныхъ замітокъ, а списывали цѣлыя своды, и что самый древнѣйшій сводъ новгородскихъ лѣтописей, дошедшій до насъ, принадлежалъ Юрьевскому монастырю, и потому его справедливѣе было бы называть Юрьевскимъ, а не Синодальнымъ.

Ив. Тихомировъ.

Исторія среднихъ вѣковъ. Съ приложеніемъ очерка средневѣковой исторіографіи. Университетскія чтенія профессора *Н. А. Осокина*. Томъ первый (до XIII столѣтія). 1888. Казань.

Книга профессора Осокина, во многихъ отношеніяхъ удивительная, замѣчательна также совершенно разнорѣчивыми отзывами, которые уже успѣли о ней появиться. Въ Историческомъ Вѣстникѣ ее похвалили, но въ другомъ петербургскомъ журналѣ, именно въ Библиографѣ, совсѣмъ напротивъ — указали въ книгѣ много неисправностей. Въ Русскомъ Вѣстникѣ недавно появилась статья, подписанная весьма авторитетнымъ именемъ, извѣстіе котораго, можно сказать, и нѣтъ въ русской ученой и особенно учено-педагогической литературѣ, и въ этой статьѣ не безъ одобренія говорилось и о произведеніи казанскаго профессора. Въ противность тому въ другомъ учено-литературномъ журналѣ, выходящемъ въ Москвѣ, въ Русской Мысли, въ рецензіи, написанной, по всѣмъ признакамъ, знающимъ человѣкомъ, то же самое произведеніе названо явленіемъ патологическимъ, свидѣтельствующимъ о крайне небрежномъ отношеніи профессора къ своему дѣлу, либо о совершенномъ непониманіи своего предмета. Въ чемъ же заключается правда? Послѣ весьма тщательнаго изученія книги, мы должны сказать, къ нашему величайшему сожалѣнію, что справедливъ именно послѣдній отзывъ. Рецензентъ Русской Мысли произнесъ приговоръ вполнѣ справедливый, хотя онъ можетъ показаться на первый взглядъ недостаточно мотивированнымъ, такъ какъ въ рецензіи указано только небольшое количество ошибокъ и невѣрностей, притомъ не самыхъ вопіющихъ. То, что мы сами нашли въ этой толстой книгѣ, съ которою обязаны были ближе ознакомиться, превосходить всякое вѣроятіе, всяческія границы возможнаго и простибельнаго. Сочиненіе профессора похоже на отвѣтъ плохаго студента, кое-что читавшаго, кое-что слышавшаго, но ничего толкомъ не усвоившаго. Представляется трудная задача разъяснить загадку, какимъ образомъ могло произойти и появиться

на свѣтъ столь чудовищное произведеніе. Ради этого мы займемся имъ подробнѣе, постараемся собрать побольше разнообразныхъ примѣровъ.

О какихъ-либо идеальныхъ, высшихъ требованіяхъ, которыя слѣдуетъ предъявлять къ университетскому курсу, было бы совсѣмъ напрасно толковать по поводу подлежащей намъ книги. Довольно прочесть нѣсколько страницъ, посвященныхъ основнымъ явленіямъ средневѣковой исторіи, чтобы убѣдиться въ полномъ несоотвѣтствіи изложенія съ современнымъ состояніемъ науки. Приводятся, правда, внизу страницы новыя и новѣйшія, нѣмецкія и французскія, лучшія спеціальныя сочиненія, раздаются громкія имена Вайца и Рота, Гизо и Тьерри, но все это—пустое украшеніе. Профессоръ Осокинъ гордится полнотою своихъ библиографическихъ указаній и обращаетъ на нихъ наше вниманіе въ своемъ предисловіи, но тутъ просто какое-то упоминаніе. Въ самомъ изложеніи часто и слѣда нѣтъ какого-либо знакомства со взглядами авторитетовъ, приводимыхъ во свидѣтельство содержащимся въ текстѣ нелѣпостямъ. Посмотримъ, напримѣръ, что наговорилъ профессоръ Осокинъ о феодализмѣ въ спеціальной главѣ, озаглавленной „происхожденіе феодальной системы“ (стр. 171—186). На стр. 174 онъ сообщаетъ намъ, что по этому вопросу сдѣланы многія изслѣдованія, отмѣчаетъ Маурера, Рота и Вайца по изданію 1882 года, а затѣмъ прибавляетъ, что ихъ выводы вполне усвоены Вальтеромъ въ его „Исторіи нѣмецкаго права“, въ книгѣ, которая-де служитъ образцомъ исторической обработки древняго права... Но какъ же, однако, книга Вальтера, точное заглавіе которой почему-то не указано, могла усвоить всѣ выводы Вайца въ позднѣйшей ихъ видоизмѣненной формѣ, когда она (*Deutsche Rechtsgeschichte*) появилась даже во второмъ изданіи на тридцать лѣтъ ранѣе указываемой г. Осокинымъ обработки классическаго труда Вайца? Отмѣчено также ученое изслѣдованіе профессора Виноградова „Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи“ (Петербургъ. 1880). Но очевидно, что профессоръ Осокинъ мало знакомъ съ этимъ ученымъ изслѣдованіемъ; иначе онъ нашелъ бы сказать что-нибудь болѣе определенное и выразительное объ этомъ трудѣ своего сотоварища по наукѣ, трудѣ, составляющемъ по истинѣ украшеніе русской исторической литературы. Въ изложеніи происхожденія феодальной системы профессоромъ Осокинымъ нѣтъ и слѣда какого-либо изученія отмѣчаемаго имъ русскаго ученаго изслѣдованія, равно какъ знакомства съ Вайцемъ и Ротомъ. Иначе онъ

не напечаталъ бы такой безсмыслицы, образецъ которой можно читать тутъ же въ текстѣ, на верху страницы 174:

„Овладевъ извѣстною областью, германцы берутъ съ ея третью долю, иногда половину, а иногда $\frac{1}{3}$ земли себѣ. Такимъ образомъ количество несвободныхъ должно было возрасти, потому что увеличивалось покоренными. Но рѣдко гдѣ стирался національный элементъ; это случилось только въ С. В. Галліи, гдѣ были ничтожныя римскія колоніи, а кельтское населеніе было очень велико. Тутъ прежніе владѣльцы были уничтожены массой или обращены въ оброчныхъ. Напротивъ, чѣмъ южнѣе въ Галліи, тѣмъ менѣе было франковъ; они какъ будто боялись идти далѣе и селились ближе къ своимъ прежнимъ владѣніямъ. Въ Аквитаніи и южной Галліи ихъ почти не было, поэтому то тамъ въ большой чистотѣ сохранился латинскій языкъ. Вообще германцы не столько отнимали земли, сколько селились на пустопорожныхъ мѣстахъ или на доменахъ римскаго императора. Надо также замѣтить, что въ оброчныхъ германцы обращали только мелкихъ землевладѣльцевъ, а крупныя оставались неприкосновенными“...

Уже и здѣсь господствуетъ порядочная путаница, которая къ концу отрывка становится столь несносною, что мы прервали на время выписку. Прежде всего не объяснено самое существенное, способъ раздѣла земли при германскихъ завоеваніяхъ, если уже нужно говорить о завоеваніяхъ: раздѣлъ производился съ отдѣльными землевладѣльцами, а не по отношенію ко всей провинціи въ совокупности, такъ что подлѣ каждаго римскаго землевладѣльца появлялся новый, отобравшій у стараго треть или двѣ трети его земли. Какимъ же образомъ могло при этомъ увеличиться число несвободныхъ? Обыкновенно полагаютъ, что напротивъ, вслѣдствіе завоеванія число свободныхъ увеличилось. Далѣе, что за странное сопоставленіе—рѣдко и только? И какъ понимать, что кельтское населеніе было велико только въ сѣверо-восточной Галліи? Развѣ въ другихъ частяхъ Галліи, болѣе цвѣтущихъ и многолюдныхъ, оно было меньше? Развѣ профессоръ Осокинъ полагаетъ, что въ Галліи романизованное населеніе было только тамъ, гдѣ были римскія колоніи, подъ которыми онъ, очевидно, понимаетъ буквально выводъ жителей изъ одной страны въ другую? И что считаетъ онъ національнымъ элементомъ въ Галліи? Если галльскій, то-есть, кельтическій, то почему онъ долженъ былъ скорѣе стереться тамъ, гдѣ былъ наиболѣе великъ? Какой это латинскій языкъ сохранился въ своей чистотѣ въ Аквитаніи и до ко-

того времени? Литературный или разговорный, такъ-называемый вульгарный, крестьянскій (sermo rusticus)? Если утверждать о всѣхъ германскихъ племенахъ вообще, что они не отнимали земель у римлянъ, а селились на пустопорожнихъ земляхъ, то это будетъ вопиющая, колоссальная неправда. А что значитъ раздѣлы: бургундскій, вестготскій, герульскій, лангобардскій и т. д.? И отчего это авторъ, говоря объ южной Галліи съ точки зрѣнія возможности сохранить свою національность, забылъ, что, кромѣ франковъ, были въ ней еще ранѣе бургунды и вестготы? Изъ вышесказаннаго очевидна явная невѣрность утвержденія, что крупные землевладѣльцы вообще остались неприкосновенными; на оборотъ, именно они всѣхъ скорѣе и всѣхъ болѣе подвергались неприятой необходимости раздѣла. Однимъ словомъ, во всемъ отрывкѣ нѣтъ ни одной точной и сознательно сказанной фразы, а господствуетъ наборъ словъ, возбуждающій у сколько-нибудь понимающаго человѣка рядъ вопросовъ и недоумѣній. Дальше (стр. 175) идетъ не лучше, а пожалуй еще хуже:

„На новыхъ земляхъ германцы не сохраняютъ общиннаго строя; всякое преданіе о немъ исчезаетъ (?); всякій заботится о себѣ. Свободные люди, нѣкогда связанные общинною собственностью, они теперь разсѣялись по всей странѣ. Забыты идеи общины; у каждаго имѣется свой кусокъ земли, который онъ имѣетъ право передать своимъ дѣтямъ, онъ получаетъ его по жребію, или же по праву перваго захвата. Такъ какъ жребій назывался на старонѣмецкомъ языкѣ *Lod*, потомъ *Allod*, то и эти участки стали называться аллодами, а самая система аллодіальною“ и т. д.

Ничего подобнаго нѣтъ, конечно, ни у Вайца, ни у Рота, ни даже у Вальтера. Есть ученые, которые отрицаютъ общинное землевладѣніе у германцевъ даже въ первоначальную эпоху, описанную Тацитомъ, и тогда, конечно, совершенно послѣдовательно они не находятъ его слѣдовъ и въ позднѣйшемъ бытѣ. Но нѣтъ ни одного ученаго, который допускалъ бы и общинную собственность у германцевъ до ихъ поселенія въ римскихъ предѣлахъ, и затѣмъ не находилъ никакихъ ея слѣдовъ послѣ. Для этого нужна лишенная всякаго смысла непослѣдовательность профессора Осокина! Онъ какъ будто не слыжалъ о томъ, что въ Салической Правдѣ существуетъ статья *de migrantibus*, служащая главнымъ аргументомъ о существованіи общиннаго землевладѣнія у франковъ. Онъ совсѣмъ не знаетъ, что въ этой Правдѣ самое слово *alodis*, означающее полную собственность, прилагается только къ

движимому имуществу. И кто теперь говоритъ объ аллодіальной системѣ въ томъ смыслѣ, какъ въ вышеприведенной выпискѣ?

Понятія г. Осокина о бенефиціяхъ и ленахъ, изложенныя на стр. 177 и сл., такъ же отстали, сбивчивы и невѣрны, какъ и все предыдущее: „Когда король, въ благодарность за услуги, давалъ дружиннику землю, то эта земля дѣлалась только личною собственностію послѣдняго. Король не давалъ сначала въ наслѣдственное владѣніе земель. Это была пожизненная награда за услугу, родъ нашего стариннаго московскаго кормленія“. Зачѣмъ же путать столь бессмысленно термины собственность, владѣніе и кормленіе? „За это дружинникъ обязывался королю военною службой. Получившій такую землю, называвшуюся *beneficium*, приносилъ особую присягу, отличную отъ присяги всѣхъ прочихъ аллодіальныхъ владѣльцевъ“. Какъ извѣстно, господствующее теперь ученіе, развитое Ротомъ и принятое въ существенномъ, какъ-разъ обратное. Королевскія пожалованія или бенефиціи первоначально давались въ полную собственность, никакихъ специальныхъ обязанностей на получателя не возлагали и тѣмъ менѣе сопровождалась особою присягой. Послѣ (стр. 181), впрочемъ, г. Осокинъ утверждаетъ, что аллодіальные владѣльцы вообще не принимали присяги королю! Совершенно въ такомъ же родѣ изложены и разсужденія о вассальности (стр. 183), начинающіяся совершенно ложнымъ увѣреніемъ, что соответствующее выраженіе употребляется съ десятаго вѣка вмѣсто *commendatio*.

Посмотримъ теперь, какъ г. Осокинъ разсуждаетъ о другомъ основномъ вопросѣ средневѣковой исторіи, о происхожденіи городскихъ общинъ и о коммунальномъ движеніи (см. стр. 551). „Прежде всего послѣдствія этого историческаго движенія (крестовыхъ походовъ), отразились во Франціи. Съ этого же времени, то-есть, съ начала XII вѣка, подъ вліяніемъ крестовой идеи и по указанію прежнихъ древнеримскихъ традицій, появляется городская организація, связывающая интересы многихъ членовъ общества. Раньше нами было замѣчено, что города въ Италіи, при императорѣ Конрадѣ II, а потомъ при Фридрихѣ II, добились себѣ самоуправленія и что въ нихъ послѣ Констанскаго мира утвердилась коммунальная система. Это же названіе „коммуна“ перешло и на свободные города Лангедока, а оттуда распространилось дальше на сѣверъ. Самое латинское слово „коммуна“ обозначаетъ понятіе, выражающее общность интересовъ. Первое время въ памятникахъ, какъ галльскихъ, такъ и италіанскихъ, для выраженія идеи самостоятельности городовъ,

встрѣчаемъ терминъ *conjuratio, communa iugata* отъ *iugare* клясться. Такое названіе общины показываетъ, что ея члены давали клятву защищать общіе интересы и поддерживать другъ друга. Отсюда горожане, соединившіеся между собою такимъ взаимнымъ обязательствомъ, назывались *iugati (jugés)*, то-есть, присяжные.. Нѣкоторые изъ *iugati* входили въ составъ городского управленія“...

Во всемъ этомъ пропасть неточнаго и неяснаго, но все блѣднѣетъ предъ дальнѣйшими словами, какія слѣдуютъ непосредственно за выписанными: „Вообще коммуна во Франціи сложилась подъ вліяніемъ франкского этнографическаго элемента; франкамъ, какъ всему германскому племени, былъ свойственъ духъ ассоціаціи“. Вотъ тебѣ разъ! А при чемъ же прежнія древнеримскія традиции, съ которыхъ началось у насъ разсужденіе? Г. Особинъ открылъ новый способъ примирять двѣ научныя противоположныя теоріи. Слѣдуетъ только въ началѣ говорить одно, а въ заключеніе совсѣмъ другое, начать по Савиньи (римскія традиции), а закончить вообще по Гегелю (германскія гильдейскія ассоціаціи). Послѣдуемъ дальше: „Эта идея еще раньше XII вѣка проявлялась въ Германіи въ такъ называемыхъ цехахъ (нѣм. *ghilde*). Она же проявлялась и на почвѣ Галліи послѣ водворенія франковъ. Обыкновенно въ городахъ ремесленники, занимавшіеся однимъ ремесломъ, съ цѣлью взаимной помощи, для соблюденія своихъ интересовъ и для поддержки своего производства составляли небольшія кружки—цехи; они давали клятву неуклонно заботиться объ интересахъ своего цеха и не нарушать цеховыхъ постановленій. Цеховые меры и консулы были предшественниками коммунальныхъ меровъ и консуловъ, а самый цехъ былъ зародышъ коммуны“. Новый сюрпризъ заключается здѣсь въ томъ, что средневѣковыя гильдіи поняты какъ ремесленные цехи. Нужно ли говорить, что это совсѣмъ не вѣрно? Нужно ли разъяснять истинны почти азбучныя, имѣя предъ собою университетскій курсъ?

Обратимся отъ общихъ отдѣловъ къ повѣствованіямъ и сообщеніямъ объ отдѣльныхъ историческихъ явленіяхъ и фактахъ, выбирая наиболѣе важное.

Вотъ идетъ рѣчь о реформахъ Діоклетіана (стр. 14): „Натуральныя повинности были отмѣнены (не вѣрно). Для сбора поземельнаго налога вся территория каждыя 15 лѣтъ дѣлилась на равныя участки, опредѣлявшіеся числами годовъ и копытъ“. Копытъ!! Какихъ и чьихъ копытъ? Откуда явились эти копыта? Виногато ли тутъ созвучіе съ латинскимъ словомъ *capita* или же смѣшеніе двухъ нѣмецкихъ словъ

die Hufe и der Huf? Ничего невѣроятнаго нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ предположеніи, потому что и далѣе, кромѣ множества фактических невѣрностей, встрѣчаются безобразія въ родѣ *illustri, spectabiles* (стр. 15). Какъ бы мы ни повертывали приведенныя слова, они во всякомъ случаѣ будутъ доказывать, что написавшій ихъ совсѣмъ не заботился сообщить другимъ или даже для себя приобрѣсть ясное понятіе о податной реформѣ Діоклетіана. Цѣлыя двѣ страницы наполнены путаницею и вздоромъ: „Если случалось, что владѣлецъ участка не могъ заплатить налога, то за несостоятельнаго платилъ богатый, а господа за рабовъ“. Неслыханное законодательство! Не мѣшало бы объяснить, какой богатый: ужели первый показавшійся? „Конечно, всѣ эти гражданскія и военныя силы не могли придать прочности государству. Естественно, что имперія близка была къ паденію сама по себѣ. Реформы, введенныя Діоклетіаномъ и Константиномъ, могли только временно поддержать падающую имперію: онѣ не устранили главныхъ причинъ паденія. Никто не выразилъ точнѣе этого трепетнаго ожиданія чего-то новаго, какъ *Виргилій*, который предчувствовалъ новый порядокъ тремя вѣками раньше“... (стр. 15). Ясное дѣло, что *Виргилій* тутъ совсѣмъ не кстати, какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу. Трепетное ожиданіе его давно исполнилось, ибо его „пророческая эклога“ обыкновенно толкуется въ отношеніи къ ожидаемому Искупителю, къ явленію Христа. Вся статья, начинающаяся приведеннымъ отрывкомъ и озаглавленная „экономическія причины паденія древне-римскаго общественнаго строя“, представляетъ сумбуръ понятій и нескладицу, вполне соответствующія началу. Какъ своего рода перлы, тутъ выдаются строки, въ которыхъ утверждается, что въ Римской республикѣ въ періодъ, предшествовавшій ея преданію, избирали въ высшія должности (то-есть, пользовались избирательнымъ правомъ) только тѣ, которые владѣли обширными помѣстьями, и что республика пала между прочимъ потому, что уменьшилось число избирателей (стр. 16). Но вѣдь мы кое-что слышали о римскомъ пролетаріатѣ, который требовалъ хлѣба и зрѣлищъ и который за деньги и подачки продавалъ свои голоса при выборахъ на высшія должности...

Оставимъ римлянъ и обратимся къ варварамъ. Вотъ (на стр. 62 и сл.) профессоръ *Осокинъ* разсуждаетъ о новыхъ германскихъ народахъ, появляющихся на исторической сценѣ съ третьяго вѣка. Объ аллеманахъ написано нѣсколько строкъ, въ которыхъ совершенно игнорируются новѣйшія воззрѣнія на тожество этого племени съ

Тацитовскими семнонами или же свевами, но за то сообщается, будто Дюнъ Кассій, впервые называвшій аллемановъ, написалъ біографію Римскаго императора Каракаллы. Отъ автора, который ставитъ въ заслугу себѣ историографическій обзоръ источниковъ, приложенный въ концѣ тома, такого грубаго промаха ожидать было трудно. О франкахъ онъ трактуетъ, судя по ссылкѣ внизу страницы, на основаніи спеціальной диссертациі — Лейбница! Ужели послѣ Лейбница никто не занимался вопросомъ о происхожденіи франковъ? Ужели ни Зябель, ни Шредеръ (Schröder) не заслуживаютъ никакого вниманія?.. Чтѣ же нашъ авторъ почерпнулъ у Лейбница? „Издавна франки славились своею дерзкою отвагою и своими морскими походами, смѣлымъ плаваніемъ на плоскихъ лодкахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей, изъ Чернаго моря въ Нѣмецкое“. Можно подумать, что такое трудное и отчаянное плаваніе было постояннымъ занятіемъ племени, а не единичный фактъ, притомъ довольно сомнительный. „Эти походы и героическія странствія отразились на ихъ народномъ эпосѣ“. Никто не слышалъ о такомъ эпосѣ. „Можетъ быть, слово франкъ происходитъ отъ тевтонскаго *franc*, что значить блуждающій“. Самъ же авторъ сообщаетъ далѣе, что такое толкованіе слова несовсѣмъ правильно, а лучше сказать, совсѣмъ неслыханно. „Но это выраженіе правильнѣе переводитъ выраженіемъ свободный, свирѣпый“, сообразно древнѣйшему смыслу слова... Все остальное въ такомъ же родѣ, съ прибавленіемъ искаженій, которыя, пожалуй, можно объяснить небрежностію корректуры: узипетры, подобно тому какъ на предыдущей страницѣ на ряду съ маркоманнами какіе-то самониты.

Къ варварамъ профессоръ Осокинъ почему-то причисляетъ и знаменитаго Аэція, котораго обыкновенно называютъ послѣднимъ римляниномъ. Онъ твердитъ объ этомъ очень настойчиво и придаетъ этому — ложному — факту особенное значеніе. „Аэцій воспитывался при гуннскомъ дворѣ; можетъ быть, онъ и самъ былъ гуннскаго происхожденія“ (стр. 21, 22). Но вѣдь положительно извѣстно противное. „Мы не знаемъ, любилъ ли онъ въ душѣ римскую цивилизацію... онъ защищалъ честь и достоинство имперіи, самъ будучи варваромъ, противъ другаго (стр. 22)... Это показываетъ азіатскую изворотливость и хитрость Аэція“ (стр. 29)—а еще болѣе обличаетъ незнаніе того, кто это пишетъ...

Объ Одоакрѣ (стр. 105) написано нѣчто совсѣмъ невѣроятное. „Одоакръ, вождь геруловъ, рѣшилъ сбросить маску и объявить себя... настоящимъ господиномъ Италіи. Съ этою цѣлью, упоенный успѣхами,

онъ вступилъ въ Италію, свергнувъ съ престола Ромула Августула... это было въ концѣ 476 г. Одоакръ побѣдилъ, взялъ въ плѣнъ и казнилъ Ореста, а сыну его назначилъ богатня имѣнья. Побѣдитель провозгласилъ для проформы (sic) императоромъ сверженнаго Юлія Непота; но послѣдній даже не пріѣхалъ въ Римъ изъ своихъ далматскихъ имѣній, предоставивъ управленіе Италіей Одоакру. Тогда дружина Одоакра избрала императоромъ его самого“!! Начать съ того, что Одоакру не зачѣмъ было вступать въ Италію, когда онъ уже давно находился въ ней. Въ изложеніи г. Осокина утрачивается самый смыслъ событія, исчезаетъ именно та наиболѣе существенная черта его, что событіе 476 года вовсе не было слѣдствіемъ нападенія извнѣ, а внутреннимъ переворотомъ, произведеннымъ такими силами, какія уже давно укоренились въ Италіи. Совсѣмъ не вѣрно, что Одоакръ провозгласилъ императоромъ Непота: онъ и дѣла не хотѣлъ имѣть съ этимъ бывшимъ Западнымъ императоромъ, а обращался къ императору Восточному Зенону, котораго намѣстникомъ желалъ быть въ Италіи...

Нельзя пройти молчаніемъ двухъ безобразныхъ страницъ (115, 116), посвященныхъ законодательству Юстиніана. Хотя здѣсь и нѣтъ копьятъ, но за то многія другія прелести. „Кодексъ — официально введенъ 29-го декабря 529 года. Затѣмъ издаются *digestae, institutiones, repetitae praelectionis*, наконецъ *novellae*“. „Въ него (*Corpus juris civilis*) вошли 1) собственно *Codex Justiniani* (никогда такъ не пишеть), какъ существенный сборникъ положительныхъ законовъ... 2) *Institutiones*... 3) *Digestae*... 4) *Codex repetitae praelectionis* въ 12 книгахъ, тѣ же дигесты, съ дополненіями изданными въ 529 году“. Итакъ, историкъ то различаетъ какія-то особня *repetitae praelectionis*, то полагаетъ, что до насъ дошли два кодекса: просто кодексъ, и кодексъ *repetitae praelectionis*... Не желая истощать запасъ рѣзкихъ выраженій, скажемъ, что это—крайне любопытно!

На стр. 126, 127 рѣчь идетъ о Меровингахъ и первоначальной исторіи Франкскаго государства. Общія разсужденія автора можно пропустить; они не могутъ быть выше и лучше, чѣмъ его фактическія свѣдѣнія. Нельзя безъ смѣху читать даже и то, что въ извѣстной степени вѣрно. „До XI вѣка мы не знаемъ собственно французской исторіи, а знаемъ лишь борьбу германскихъ дружинъ (?) на галльской почвѣ. Дѣйствительно, центръ историческаго дѣйствія переносится изъ Рима въ Галлію, но это будетъ исторія германская, а никакъ не французская. Повелитель Галліи (Хлодовихъ) не зналъ другаго языка, кромѣ герман-

скаго. Даже Карлъ Великій не былъ знакомъ съ галльскимъ языкомъ“. Впервыхъ, откуда автору извѣстно, что Хлодовихъ, или, какъ онъ пишетъ, Клодовой (считая именно такую форму первоначальной), не зналъ по крайней мѣрѣ латинскаго разговорнаго языка? Дѣти его во всякомъ случаѣ его знали, а внуки даже дѣлали попытки преобразованій въ латинской грамотѣ. Г. Осокину все предносится кельтскій языкъ, и даже отъ Барла Великаго онъ готовъ потребовать званія кельтскаго языка. Но вѣдь это крайне наивно. Гдѣ было Карлу Великому научиться кельтскому языку, когда сами кельты (= галлы) давно его забыли? Отъ вниманія глубокомысленнаго автора ускользаетъ маленькій фактъ — романизация Галліи, и то, что прежде чѣмъ сдѣлаться французскою, Галлія при Каролингахъ и при Меровингахъ была страной романскою. „Монахъ Рихеръ (но когда онъ жилъ? развѣ нѣтъ на лицо ближайшихъ свидѣтелей?) въ своей лѣтописи (развѣ онъ писалъ лѣтопись?) говоритъ, что франки пошли въ Галлію съ цѣлю истребить римлянъ за ихъ притѣсненія, и что съ такою свирѣпостью они стали поступать съ перваго же города (кажется, что Рихеръ не говоритъ ничего подобнаго). Сѣверною Галліей (развѣ всею?) въ то время правилъ Сіагрій, намѣстникъ византійскій (терминологія не точная), ибо тогда уже имени Западной Римской имперіи не существовало. Онъ былъ разбитъ въ 486 году Хлодвигомъ при Суассонѣ... Хлодвигъ утвердился въ странѣ до самой Соммы“ (но дѣло въ томъ, что страной до Соммы Хлодовихъ владѣлъ еще раньше своей побѣды надъ Сіагріемъ)... Потомъ слѣдуютъ: „Бротекильда, прозванная потомъ Клотильдою“ (какъ будто это не одно и то же имя), „Григорій Турскій, галль по рожденію“ (а можетъ быть, чистый римлянинъ?) и т. п.

Въ такихъ вопросахъ, какъ слѣдствія лангобардскаго завоеванія въ Италіи (стр. 152, 153), г. Осокинъ столь же силенъ, какъ и въ объясненіяхъ о происхожденіи феодализма. Скучно выписывать цѣлыя страницы жалкой путаницы... Еще разъ пожалѣемъ, отчего казанскій профессоръ не обратилъ къ сочиненію своего московскаго собрата, которое ему по имени хорошо было извѣстно. Новый перлъ учености представляетъ замѣчаніе г. Осокина о мальбергскихъ глоссахъ въ Салической Правдѣ (стр. 129). Онъ рѣшаетъ вопросъ объ ихъ происхожденіи очень просто, хотя и съ нѣкоторою важностію въ тонѣ. „Что касается до вариантовъ въ рукописяхъ, то это объясняется записываніемъ перевода подъ диктовку германцевъ, когда естественно трудно было составителю быстро подобрать подходящій терминъ“.

Пропуская многое множество отмѣченныхъ нами при чтеніи примѣровъ нерашиливости, непониманія, пустословія, приведемъ два наиболѣе разительныхъ: одинъ—изъ исторіи византійской, другой—изъ нѣмецкой. Вотъ что г. Осокинъ изволилъ начертать о патриархѣ Фотіѣ (стр. 319): „Онъ (разумеется до своего избранія) не имѣлъ ничего общаго съ церковью. Онъ приобрѣлъ извѣстность, какъ наставникъ дѣтей императора Θεофила... Онъ понравился императрицѣ Θεодорѣ, которая отдала ему руку своей сестры. Съ тѣхъ поръ его карьера, говоря нынѣшнимъ языкомъ, упрочилась. Онъ сталъ первымъ секретаремъ имперіи. Ему было 60 лѣтъ, какъ императоръ предложилъ ему санъ патриарха. Онъ былъ вдовъ!“ Онъ былъ вдовъ! Конечно, это необходимо было прибавить, когда прежде было сказано, что онъ былъ женатъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ никогда не былъ женатъ; руку сестры Θεодоры получилъ не онъ, а его братъ (или по другимъ, дядя) Сергій. Наставникомъ дѣтей императора Θεофила онъ тоже не былъ. Наконецъ онъ родился въ 816 года, и слѣдовательно въ 857 году, когда ему предложено было патриаршество, достигъ самое большее сорока лѣтъ...

Теперь о папѣ Григоріѣ VII (стр. 454, 455)... Но слѣдуетъ ли много утруждать читателей и себя? Не довольно ли будетъ и такой оригинальной черты: въ числѣ анти-императоровъ, выставленныхъ противу Гейнриха IV папою, г. Осокинъ помѣщаетъ Генриха Распе (стр. 444). Сначала мы глазамъ своимъ не вѣрили, но такъ—Генрихъ Распе, и это повторено нѣсколько разъ, тутъ даже нѣтъ смѣшенія съ Генрихомъ Люксембургскимъ, который названъ отдѣльно (см. стр. 460: кромѣ Генриха Распе — Генрихъ Люксембургскій). Но какъ же это такъ? Въ учебникахъ обыкновенно значитъ, что Генрихъ Распе былъ противопоставленъ не Генриху IV, а Фридриху Гогенштауфену... Въ довершеніе сего, внизу ссылка, которая гласитъ, что „о Генрихѣ Распе есть специальная, основательно обработанная докторская диссертация В. А. Вильбасова (С.-Пб. 1886)*“. Что на это скажетъ В. А. Вильбасовъ? По нашему мнѣнію, онъ имѣетъ право преслѣдовать проф. Осокина судебнымъ порядкомъ, такъ какъ онъ своею цитатою бросаетъ недостойную тѣнь на его ученую репутацію.

Указанія на источники и пособия, которыми сопровождается основной текстъ въ книгѣ профессора Осокина, также не отличаются правильностью — помимо опечатокъ, могущихъ служить оправданіемъ. Здѣсь говорится о лѣтописяхъ Бэды достопочтеннаго и какого-то Вигорна (разумеется Florentius Wigornensis, хроника Флоренція

Ворчестерскаго; Florence of Worcester), а также о хроникѣ Симеона Дун. (то-есть, Symeonis Dumelmensis, Дертмагскаго, of Durham) и т. д. (стр. 159); здѣсь (стр. 188) сочиненіе Биндинга названо Geschichte der Burgunden, тогда какъ настоящее заглавіе есть „Geschichte des burgundisch-römischen Reichs“; вмѣсто Simson (на стр. 227) по опечаткѣ читается Simeon; Муральтъ (стр. 309) названъ Muralto и т. п. Тутъ же невѣрное сообщеніе, будто французское изданіе византійцевъ ограничивалось подлинниками, и будто только Нибуръ сталъ издавать источники византійскіе съ латинскимъ переводомъ: напротивъ, нѣмцы только перепечатавали старыя латинскія переводы французовъ...

Къ курсу приложенъ отдѣльный очеркъ средневѣковой исторіографіи. Задумано было дѣло хорошее, но задача исполнена тоже неудовлетворительно, хотя все-таки этотъ отдѣлъ представляетъ сравнительно лучшую часть большаго тома ¹⁾. Нельзя отрицать знакомства профессора Осоевина съ источниками средневѣковой исторіи; но тѣмъ удивительнѣе тѣ вопіющія невѣроятности, которыя наполняютъ его историческое изложеніе. Остается вопросъ: какъ объяснить столь чудовищное явленіе? Авторъ въ своемъ предисловіи сообщаетъ намъ, что „основаніемъ изданія послужили университетскія чтенія автора, нѣсколько разъ литографированныя въ продолженіе его университетской дѣятельности“, что „исторія первой половины среднихъ вѣковъ (=именно та часть, которая вышла въ свѣтъ и составляетъ предметъ нашей рецензіи) передъ выпускомъ въ свѣтъ подвергалась неоднократно переработкѣ“. Не совсѣмъ ясно, какимъ путемъ совершилась переработка; слово „неоднократно“ заставляетъ насъ пред-

¹⁾ Выборъ писателей, на которыхъ *останавливается* авторъ очерка, представляется иногда довольно случайнымъ; изданія ихъ сочиненій указываются не тѣ, какія слѣдуетъ указывать—старыя и недоступныя, вмѣсто новыхъ болѣе исправныхъ и легче доступныхъ: напримѣръ, для Иорданиса (Иорнанда) приведены изданія Муратори и Кюсса, а не отмѣчены изданія Гольдера и даже Моммсена (стр. 7); то же самое при Григоріѣ Турскомъ (стр. 10): тутъ является какой-то странный и неслыханный для насъ издатель „Les Francs“, а не указано изданіе Арндта. Объ Егнгардѣ (=Ейнгардѣ) все еще говорится, что онъ былъ женатъ на дочери императора Карла Великаго (стр. 30). То, что сказано о первыхъ историкахъ Крестовыхъ походовъ (стр. 43), совсѣмъ не вѣрно и даже ни съ чѣмъ несообразно. Съ какой стати авторъ сталъ называть франковъ въ исторіографіи *дикарями* (стр. 10), когда прежде довольствовался терминомъ „варвары“. Не *Абладій* назывался готскій историкъ, на котораго ссылался Иорнандъ, а *Аблавій* (стр. 6).

полагать, что переработка состояла въ повтореніи читаннаго прежде курса и въ новомъ его литографированіи студентами. Для чести профессора мы желали бы думать, что ранѣе печатанія онъ не далъ себѣ труда внимательно просмотрѣть записанное его слушателями, хотя противъ этого предположенія говорятъ иные случаи нарочитой путаницы, какой не могли бы придумать столь мало знающіе люди, какъ начинающіе студенты... Во всякомъ случаѣ очень жаль, что такая книга явилась, и притомъ съ именемъ автора, который имѣетъ извѣстныя заслуги предъ русскою наукою и, какъ доказываютъ другіе его труды (имѣемъ въ виду „Политическія движенія въ западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка“. Казань. 1885), обладаетъ талантомъ литературнаго изложенія, свободнаго отъ всякой неряшливости и дурной размахистости, характеризующихъ вышедшій теперь томъ. Для возстановленія своей чести профессоръ Осокинъ прежде всего долженъ былъ бы изъять его изъ обращенія и всѣ экземпляры предать сожженію.

В. В-скій.

О математическихъ сочиненіяхъ Герберта.

Dr. H. Weissenborn. GERBERT. Beiträge zur Kenntniss der Mathematik des Mittelalters. Berlin. 1888.

Въ ряду тѣхъ многихъ загадочныхъ личностей первой половины среднихъ вѣковъ, о которыхъ историческая наука, не смотря на упорныя усилія своихъ служителей, еще далеко не сказала своего послѣдняго слова, Гербертъ занимаетъ безспорно одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Начавъ свою блистательную карьеру скромнымъ монахомъ въ монастырѣ св. Геральда въ Орильякѣ въ Оверни, онъ былъ послѣдовательно: аббатомъ богатѣйшаго италіанскаго монастыря Боббіо, архіепископомъ Реймскимъ, архіепископомъ Равенскимъ, и, наконецъ, папой подъ именемъ Сильвестра II († 1003).

Такими необыкновенными успѣхами на политическомъ и церковномъ поприщахъ Гербертъ былъ обязанъ единственно своему уму, своей поражающей современниковъ учености, которая обвиняла всѣ *septem artes liberales* того времени, достигая своего кульминаціоннаго пункта въ наукахъ математическихъ, то-есть, въ квадривии. Не удивительно поэтому, что имя Герберта популярно одинаково, какъ въ политической и церковной исторіи, такъ и въ исторіи математики. Сборникъ

писемъ Герберта, писанныхъ имъ частью отъ своего имени, частью отъ имени другихъ лицъ, есть одинъ изъ важнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интереснѣйшихъ источниковъ для политической и церковной исторіи Франціи въ концѣ X вѣка. (Послѣднее, удостоенное prix Gobert, но тѣмъ не менѣе неудовлетворительное издание всѣхъ сочиненій Герберта: A. Olleris. Oeuvres de Gerbert. Clermont-Ferrand et Paris. 1867). Вопросъ о хронологической послѣдовательности этихъ писемъ, изъ которыхъ ни одно не имѣетъ даты своего написанія, а ихъ всѣхъ болѣе двухсотъ, есть въ сущности главный вопросъ, предъявляемый ими изслѣдователю. Онъ имѣетъ уже обширную литературу на западѣ и даже перекочевалъ къ намъ въ Россію. Такъ, у насъ есть сочиненіе г. Горюхова „Гербертъ или папа Сидивестръ II“, напечатанное въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1886 годъ. Авторъ настоящей статьи долженъ сознаться, что и онъ несетъ на себѣ отчасти вину водворенія этого вопроса въ русской исторической литературѣ, выпустивъ въ маѣ 1888 года первый томъ сочиненія „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ“. Это-то послѣднее обстоятельство, то-есть, нѣкоторое знакомство съ сочиненіями Герберта, не исключая и математическихъ, а особенно знакомство съ рукописнымъ состояніемъ этихъ сочиненій, и даетъ автору настоящихъ строкъ смѣлость говорить о сочиненіи Вейссенборна, разборъ котораго лежитъ собственно на обязанности историковъ математики.

Вопросы, которые связаны съ математическими сочиненіями Герберта, могутъ претендовать на интересъ, пожалуй, болѣе общій, чѣмъ тотъ, который представляютъ его письма и нѣкоторые другіе трактаты. Въ послѣднемъ изданіи произведеній Герберта, сдѣланномъ, какъ выше сказано, Оллерисомъ, напечатаны слѣдующіе математическіе трактаты Герберта: „Regula de abaco computi“ (pp. 311—348) „Libellus de numerorum divisione“ (pp. 349—356), „Geometria“ (pp. 401—470), маленькіе трактаты въ формѣ писемъ: „Epistola ad Adalboldum“ (pp. 477, 478), „Gerbertus papa Constantino abbati Miciacensi“ (p. 479, 480). Сюда слѣдуетъ, наконецъ, присоединить еще два письма, вошедшія въ составъ сборника писемъ Герберта, а именно „Gerbertus salutem dicit fratri Adae“ (p. 85, ep. 155) и „Remigio monacho Treverensi“ (p. 68, ep. 124). Послѣднее, не смотря на свой микроскопическій размѣръ (въ немъ всего нѣсколько строчекъ), подало поводъ къ весьма сложнымъ комментаріямъ, которые однако своей цѣли не достигли. Письмо къ Ремигію такъ и осталось загадкой, чему, впрочемъ, въ значительной степени способствовалъ

не совсѣмъ правильный текстъ его, установленный изданіемъ Оллериса. Автору настоящей статьи удалось найти четыре неизвѣстныхъ до сихъ поръ математическія произведенія Герберта, которыя далеко не лишены значенія. Они напечатаны въ „Сборникѣ писемъ Герберта“, стр. 315—321. Первое изъ нихъ связано съ упомянутымъ выше трактатомъ „*Libellus de numerorum divisione*“ и имѣетъ форму письма къ тому Константину, для котораго Гербертъ написалъ этотъ трактатъ. Второе и третье—письма къ тому же Константину, имѣющія цѣлю разъяснить главы 10-ю и 21-ю второй книги „Музыки“ Боэція. Наконецъ, четвертое есть комментарий на 1 главу второй книги ариметики Боэція. Такимъ образомъ, Гербертъ документально утверждается въ качествѣ комментатора „Музыки“ и „Ариметики“ Боэція, о чемъ Вейссенборнъ на стр. 242 могъ дать только весьма неопредѣленные соображенія.

Что касается трактата „*Regula de abaco computi*“, фигурирующаго первымъ въ этомъ перечнѣ, то онъ напечатанъ Оллерисомъ впервые. Приписавъ его Герберту безъ всякаго на то основанія, Оллерисъ оказалъ наукѣ плохую услугу. Friedlein, въ рецензіи на книгу Оллериса (*Schlömilch's Zeitschrift für Mathematik t. XII; Literaturzeitung*, p. 75), и Вейссенборнъ на стр. 210—214, чувствовавшіе, что здѣсь что, то не ладно, были принуждены искать сложныхъ доказательствъ противъ принадлежности этого трактата Герберту, между тѣмъ какъ при личномъ знакомствѣ съ рукописями всѣ сомнѣнія исчезаютъ сами собою и смѣняются изумленіемъ передъ критическими приемами Оллериса. Къ этому вопросу мы вернемся ниже.

По устраненіи этого послѣдняго трактата, столь неудачно вынурнувшаго изъ неизвѣстности подъ именемъ Герберта, за этимъ послѣднимъ, откидывая въ сторону его математическія письма, остаются еще два важныя сочиненія, а именно: „*Libellus de numerorum divisione*“ и „*Geometria*“. Она-то и обращали на себя главнымъ образомъ вниманіе историковъ математики и вотъ почему.

„*Libellus de numerorum divisione*“ есть въ сущности рядъ правилъ относительно умноженія и дѣленія чиселъ. Эти правила выражены столь кратко и сжато, что понять ихъ могъ развѣ ученый другъ Герберта Константинъ, по просьбѣ котораго Гербертъ взялся ихъ нанести на пергаментъ, или подобные ему ученые современники Герберта. Другіе же при чтеніи этого трактата должны были ломать себѣ голову и по большей части безуспѣшно. Уже въ XII столѣтіи Вильгельмъ изъ Мальмесбери говоритъ о правилахъ Герберта: „Не-

сомнѣнно, что Гербертъ первый похитилъ у сарацинъ искусство абака, относительно котораго онъ и далъ правила такого рода, что ихъ насиду могутъ понять абацисты, хотя бы они и напрягались до испарины" ¹⁾). Такимъ образомъ, если вѣрить Вильгельму изъ Мальмесбери, абацисты, хотя и съ трудомъ, но все-таки могли понимать смыслъ гербертовскаго трактата. Когда же съ теченіемъ времени способъ вычисленій, изложенный въ этомъ трактатѣ, былъ вытѣсненъ изъ употребленія другими способами и отошелъ въ область исторіи, „*Libellus de numerorum divisione*“ сталъ не разрѣшимую загадкой и остался таковою до первой половины настоящаго столѣтія. Въ это именно время на него обратилъ вниманіе знаменитый французскій математикъ Chasles и, при помощи своей обширной начитанности въ рукописныхъ математическихъ трактатахъ XI и XII столѣтій, впервые (хотя другой знаменитый историкъ математики Libri и пробовалъ оспаривать у него первенство) разсвѣялъ мракъ, окутывавшій до тѣхъ поръ это черезъ-чуръ лаконическое произведеніе Герберта ²⁾). Послѣ прекрасной статьи Friedlein'a „*Gerbert's Regeln der Division*“ ³⁾), продолжившаго дѣло Шала, всѣ сомнѣнія относительно смысла гербертовскаго трактата могутъ считаться устраненными. Шаль, впервые объяснившій этотъ трактатъ, первый и указалъ на его значеніе въ исторіи математики. „*Libellus de numerorum divisione*“ есть, какъ оказывается, первый по времени своего появленія трактатъ въ цѣлой серіи сходныхъ съ нимъ по системѣ вычисленія трактатовъ, появившихся въ теченіе XI и XII столѣтій и обыкновенно называвшихся „книгами“ или „правилами“ абака. „Абакъ“ этихъ трактатовъ есть въ сущности разграфленная вертикально доска (или

¹⁾ „*Abacum certe primus a Saracenis sapiens regulas dedit, quae a sudantibus abacistis vix intelliguntur*“ (Rec. des Hist. de Fr., t. X, p. 243).

²⁾ *Comptes rendus des séances de l'Académie des sciences*, t. XVI (1843), pp. 156—173, 218—246, 281—299, 1393—1420. Chasles привлекъ для объясненія „*Libellus*“ анонимный трактатъ, начинающійся словами: „*Ars ista vocatur abacus*“. Отъ обширной начитанности Шала не ускользнулъ и другой анонимный трактатъ, начинающійся словами „*Rationes numerorum abaci*“... Онъ цитируетъ его p. 1403 n. 1, 1411 n. 2, 1415 n. 3, въ первомъ случаѣ съ ссылкой на Маз: Bibl. Nat. fonds Baluze, arm. 4, paquet 6 n. 5 (=fonds Baluze № 129) и Bruxelles 10078—95. Мы думаемъ, что Шаль обратилъ бы болѣе вниманія на этотъ трактатъ, еслибъ ему была известна одна римская рукопись, изъ которой ясно, что это прямо комментарий на „*Libellus*“ Герберта. Но объ этомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ (ср. „Сборникъ писемъ Герберта“, стр. 144).

³⁾ *Schlömilch's Zeitschrift für Mathematik*, t. IX (1864), pp. 145—171.

кусокъ пергамента), на которой производились вычисления. Сами вычисления построены на признаніи значенія цифръ по ихъ положенію на графахъ абака: если считать справа, то каждая графа абака увеличивала значеніе стоящей въ ней цифры въ десять разъ. Такимъ образомъ, при помощи всего девяти знаковъ на абакѣ можно было выразить какое угодно число. Наша десятая цифра, нуль, не была необходимостью для абакиста, такъ какъ съ удобствомъ замѣнялась просто пустою графою абака. Напримѣръ, чтобы написать на абакѣ цифру 1001, достаточно было поставить по единицѣ въ четвертой и первой графѣ абака справа, графы же третья и вторая справа, оставаясь пустыми, замѣняли абакисту наши два нуля. Правда, за то, когда абакисту приходилось записывать результаты своихъ вычисленій въ абака, онъ долженъ былъ прибѣгать къ неудобной римской системѣ изображенія чиселъ. Въ своемъ сочиненіи Гербертъ ни слова не говоритъ ни объ абакѣ, ни о томъ, при помощи сколькихъ цифръ онъ изображалъ числа. Но свидѣтельство его ученика Рихера ¹⁾ ставитъ въ сомнѣнія фактъ, что Гербертъ изображалъ на своемъ разграфленномъ на 27 графъ абакѣ всѣ числа при помощи девяти вѣрзанныхъ изъ рога цифръ, въ которыхъ теперь не сомнѣваются видѣть цифры, обыкновенно называемыя арабскими. Какъ въ самомъ устройствѣ абака, числѣ и вѣшнемъ видѣ цифръ, употреблявшихся на немъ, такъ и въ правилахъ, которыя даются Гербертомъ и другими абакистами для умноженія и дѣленія чиселъ, нельзя не видѣть громаднаго сходства съ нашею современною десятичною системою счисленія: правила абака покоятся, очевидно, на десятичной системѣ. Только отсутствіе нуля мѣшало абакистамъ обходиться безъ абака, то-есть, безъ спеціальнаго аппарата для вычисленія, и перейти отъ инструментальнаго къ нашему современному письменному вычисленію. Такъ какъ трактатъ Герберта въ ряду сочиненій объ абакѣ XI и XII столѣтій занимаетъ по времени своего написанія первое мѣсто, то вопросъ въ томъ, откуда Гербертъ почерпнулъ свою систему вычисленій. Шаль, найдя въ „Геометріи“, приписываемой Боэцію, описаніе системы вычисленій, сходной съ Гербертовою, помимо прочихъ сторонъ, даже и по употребленію жетоновъ съ написанными на нихъ 9 цифрами (по всей вѣроятности, такъ-называемыми арабскими: по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ на абакѣ, нарисованномъ

¹⁾ Richeri Historiarum liber IV, c. 54 въ Monumenta Germaniae Historica Scriptores, t. III, p. 618.

въ концѣ первой книги „Геометриѣ“ Боэція, находятся изображенія этихъ цифръ), сталъ утверждать, что нашими цифрами и нашей современной системой счисления мы обязаны не арабамъ, какъ это обыкновенно принималось, а классическому міру. Гербертъ же только вновь обратилъ вниманіе на то, что уже было извѣстно Боэцію и что по непонятной причинѣ пришло послѣ Боэція въ забвеніе. Этотъ неожиданный, парадоксальный выводъ вызвалъ обширную полемику, которая сосредоточилась главнымъ образомъ около сочиненій Боэція и Герберта. Возникъ вопросъ о подлинности „Геометриѣ“ Боэція или, по крайней мѣрѣ, о подлинности той части ея, въ которой описывается вычисленіе на абакѣ. Этотъ вопросъ раздѣлялъ ученыхъ на два враждебные лагеря, но и до сихъ поръ еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Въ настоящее время къ числу наиболее ревностныхъ защитниковъ подлинности геометріи Боэція принадлежитъ Канторъ ¹⁾. Вейсенборнъ, слѣдуя по стопамъ Фридлейна ²⁾, придерживается противоположнаго мнѣнія и даже написалъ специальное сочиненіе съ цѣлью доказать, что „Геометриѣ“ Боэція явилась на свѣтъ нѣсколькими столѣтіями позже Боэція ³⁾.

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ „*Libellus de numerorum divisione*“, возбудила къ себѣ вниманіе критики „*Geometria*“ Герберта. Въ ея подлинности сомнѣвался еще Оллерисъ (р. 594), но гораздо болѣе авторитетныя сомнѣнія противъ подлинности ея высказалъ Фридлейнъ въ своей, указанной уже выше, рецензіи на книгу Оллериса. Онъ пришелъ къ заключенію, что такъ-называемая геометріа Герберта состоитъ изъ трехъ ничѣмъ между собою не связанныхъ частей (сс. 1—13; сс. 14 и, можетъ быть, до с. 40; сс. 41—94), изъ которыхъ только вторая часть могла бы скорѣе другихъ быть приписана Герберту.

¹⁾ *Cantor*. *Mathematische Beiträge zum Kulturleben der Völker*. Halle. 1863; *Die römischen Agrimensoren und ihre Stellung in der Geschichte der Feldmesskunst*. Leipzig. 1876; *Vorlesungen über Geschichte der Mathematik I*. Leipzig. 1880.

²⁾ *Friedlein*. *Gerbert, die Geometrie des Boetius und die indische Ziffern*. Ein Versuch in der Geschichte der Arithmetik. Erlangen. 1861.

³⁾ *H. Weissenborn*. *Die Boetius Frage*, *Schlömilch's Zeitschrift für Mathematik*, t. XXIV (1879), Historisch-Litterarische Abtheilung, Abhandlungen zur Geschichte der Mathematik, pp. 187—240. Вейсенборнъ написалъ еще слѣдующія сочиненія: *Die Entwicklung des Zifferrechnens*. Eisenach. 1877; — *Die Uebersetzung des Euclid aus dem arabischen durch Adelhard von Bath* въ *Schlömilch's Zeitschrift*, t. XXV (1880), Hist. Litter. Abth., Supplementheft, pp. 141—166; — *Die Uebersetzung des Euclid durch Campano und Zamberti*. Halle. 1882.

Ярымъ защитникомъ подлинности геометріи Герберта выступилъ опять-таки Канторъ.

Противъ Кантора вооружился Вейссенборнъ. Настоящее его сочиненіе занято главнымъ образомъ ученою полемикой съ Канторомъ по вопросу о подлинности „Геометріи“ Герберта, истинномъ источникѣ ея математическаго содержанія. Понятно поэтому, что оно не могло быть встрѣчено съ одинаковымъ сочувствіемъ нѣмецкими историками математики. Изъ двухъ краткихъ замѣтокъ о сочиненіи Вейссенборна, которыя намъ извѣстны, одна нисколько не лестна для Вейссенборна (*Deutsche Literaturzeitung*, № 22, 2-го іюня 1888 г.), авторъ другой (*Literar. Centralblatt*, № 30, 21-го іюля 1888 г.), напротивъ, его одобряетъ.

Книга Вейссенборна состоитъ изъ 5-ти главъ: I. Die Geometrie Gerberts (pp. 1—95), II. Alte Mess-Methoden und Mess-Instrumente (pp. 96—168), III. Die complementäre Multiplication (pp. 169—208), IV. Rechenbrett und Rechnen bei Gerbert (pp. 209—239), V. Ueberblick (pp. 240—251). Въ концѣ книги находятся шесть таблицъ чертежей. Первая половина книги, то-есть, главы первая и вторая, связана съ такъ-называемою „Геометріей“ Герберта и имѣетъ цѣлью доказать, что эта „Геометрія“ не есть цѣльное произведеніе, а состоитъ изъ трехъ ничѣмъ между собою не связанныхъ частей (въ дѣленіи геометріи на части онъ слѣдуетъ Фридлейну); что изъ этихъ трехъ частей только первая, представляющая собою, по всей вѣроятности, начало неизвѣстнаго намъ геометрическаго трактата, обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ человѣка, болѣе или менѣе владѣвшаго своимъ матеріаломъ, но и въ авторѣ этой первой части нѣтъ основанія видѣть Герберта, который уже давно не могъ быть авторомъ второй и третьей; что, наконецъ, все содержаніе такъ-называемой „Геометріи“ Герберта не можетъ быть выведено исключительно изъ области тѣхъ свѣдѣній, которыми обладали римляне и греки: извѣстная доля этого содержанія (особенно во второй и третьей части) носить на себѣ слѣды заимствованія изъ арабскихъ математиковъ. Вторая половина книги Вейссенборна связана съ „*Libellus de numerorum divisione*“. Главная мысль ея слѣдующая: Такъ-называемое „желѣзное“ дѣленіе, которому учитъ Гербертъ въ своемъ „*Libellus*“, и которое въ сущности состоитъ въ дѣленіи не на данный дѣлитель, а на дѣлитель, дополненный до слѣдующаго за нимъ кратнаго отъ десяти, и въ исправленіи происшедшей вслѣдствіе этого ошибки, основано, надо полагать, на такъ-называе-

момъ умноженіи съ дополненіемъ (до слѣдующаго кратнаго отъ десяти); а это послѣднее можно выводить изъ арабскихъ источниковъ. Слѣдовательно, и „*Libellus*“ Герберта, какъ и приписываемая ему „*Геометрія*“, носить на себѣ слѣды заимствованія изъ арабскихъ источниковъ. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ работы Вейссенборна. Къ несчастію, нѣкоторыя отступленія, ненужныя долги, обусловленныя желаніемъ опровергнуть Кантора по пунктамъ (даже тамъ, гдѣ въ этомъ не было особой нужды), нѣсколько искусственное расположение матеріала (особенно въ первой главѣ) въ зависимости отъ положеній Кантора, увеличили объемъ книги и нѣсколько затемнили ясность этого плана.

Глава I (*Die Geometrie Gerberts*) самая важная въ книгѣ Вейссенборна и потому заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора, чѣмъ остальные. Выводы этой главы зиждутся на данныхъ двоякаго рода: 1) на свѣдѣніяхъ о состояніи рукописей „*Геометріи*“ Герберта, 2) на фактахъ и соображеніяхъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ анализа содержанія „*Геометріи*“ и изъ литературы предмета.

Въ вопросахъ, подобныхъ рѣшаемому Вейссенборномъ въ первой главѣ своей книги, данныя о состояніи рукописей играютъ несомнѣнно первостепенную роль. Нельзя рѣшать вопроса о подлинности „*Геометріи*“ Герберта, не собравъ самыхъ точныхъ и по возможности полныхъ свѣдѣній о состояніи рукописей этой „*Геометріи*“ и не установивъ предварительно на основаніи лучшихъ рукописей правильнаго текста трактата. Къ несчастію, Вейссенборнъ и въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ вполне довольствуется тѣмъ, что нашелъ въ полной всяческаго смѣшенія книгѣ Оллериса, которому, такимъ образомъ, удалось ввести въ заблужденіе еще одного человѣка и присоединить его къ числу многочисленныхъ уже жертвъ своей небрежности. Собственно говоря, если Вейссенборнъ ваялся за вопросъ о „*Геометріи*“ Герберта, то хотя бы въ оправданіе авторитетнаго тона, которымъ онъ иногда говоритъ, ему было прямо обязательно постараться провѣрить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя показанія Оллериса, чтобы составить себѣ хоть какое-нибудь представленіе о томъ, на сколько имъ можно довѣрять; ввести, наконецъ, новыя рукописи въ свое изслѣдованіе, что, вслѣдствіе появленія со времени выпуска въ свѣтъ книги Оллериса новыхъ каталоговъ, было весьма возможно. По крайней мѣрѣ, полнѣйшее спокойствіе Вейссенборна въ этомъ отношеніи ему, какъ специалисту изслѣдователю, вполне прощено быть не можетъ. Но уже прямо можно поставить ему

въ вину то, что, изучая внимательно книгу Оллериса, онъ не замѣтилъ, что критическому рукописному аппарату Оллерисъ придавалъ значеніе не болѣе, какъ ученой декорации. Это тѣмъ страннѣе, что Вейссенборну не удалось окончателно избѣжать сомнѣній въ достовѣрности показаній Оллериса (см. р. 211).

Воспользовавшись такимъ образомъ сомнительнымъ матеріаломъ Оллериса, Вейссенборнъ построилъ всю свою первую главу, самую важную въ его книгѣ, на песчаномъ основаніи, которое не въ состояніи выдержать наплыва новыхъ и болѣе точныхъ рукописныхъ данныхъ и должно рушиться. Указать всѣ ошибочныя данныя о состояніи рукописей „Геометріи“ Герберта, которыя находятся въ первой главѣ сочиненія Вейссенборна, значило бы безъ необходимости злоупотреблять терпѣніемъ читателя. Здѣсь будутъ исправлены только главныя изъ этихъ ошибочныхъ данныхъ.

На стр. 4, 5 Вейссенборнъ даетъ списокъ девяти рукописей „Геометріи“ Герберта съ обозначеніемъ ихъ номеровъ, времени написанія и, наконецъ, номеровъ главъ, которыя въ нихъ встрѣчаются. Не во всѣхъ рукописяхъ встрѣчаются всѣ главы и не во всѣхъ онѣ расположены въ одномъ и томъ же порядкѣ. Это послѣднее обстоятельство должно было бы обратить на себя особенное вниманіе Вейссенборна. Къ несчастію, онъ не воспользовался тѣми (не всегда, конечно, вѣрными) указаніями, которыя Оллерисъ даетъ относительно порядка главъ, и перечисляетъ главы въ порядкѣ ихъ слѣдованія въ изданіи Оллериса. Не говоря уже о прочихъ неточностяхъ, это одно уже совершенно лишаетъ читателя возможности имѣть правильное представленіе объ описываемыхъ Вейссенборномъ рукописяхъ. Разсмотримъ подробнѣе этотъ списокъ.

№ 1 (Вейссенборна) есть MS Salzburg'a V. 7. Это единственная извѣстная до сихъ поръ рукопись „Геометріи“, заключающая въ себѣ всѣ 94 главы этого трактата ¹⁾). Оллерису не удалось ея видѣть, да и Вейссенборнъ (р. 7) взялъ ея описаніе изъ Cantor. Die römischen Agrimensoren, pp. 155—160 ²⁾).

¹⁾ Пишущему эти строки удалось найти еще одну такую рукопись, которая, по видимому, была оригиналомъ зальцбургской, но о ней будетъ данъ современемъ отчетъ въ другомъ мѣстѣ.

²⁾ О ней см. „Сборникъ писемъ Герберта“, ч. I, стр. 26, пр. 43. Пишущій эти строки, хотя и былъ лично въ Зальцбургѣ, но къ пользованію библиотекой монастыря св. Петра, гдѣ хранится эта рукопись, по непонятной причинѣ допущенъ не былъ.

№ 2 есть MS Bibl. Nat. 7185 „XII—XIII saec., cap. 1 incl. bis 13 incl. enthaltend“. Это не вполне верно: передъ с. 1 находится еще прологъ, о чемъ Вейссенборнъ могъ бы узнать изъ Оллериса, р. 401.

№ 3 — MS Bibl. Nat. № 7377, относящійся къ 1050—1150 годамъ, „Cap. 1 incl. bis 13 incl., ferner 14, 16, 17, 18, 21, 24, 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 93 enthaltend“. Это описаніе отъ истины, пожалуй, еще дальше, чѣмъ то, которое далъ Оллерисъ р. 593. Мы рассмотримъ, какимъ образомъ составилось описаніе Вейссенборна. Это необходимо, чтобы характеризовать, во первыхъ, точность указаній изданія Оллериса, а во вторыхъ, тѣ сомнительные приемы, при помощи которыхъ Вейссенборнъ долженъ былъ давать себѣ отчетъ о содержаніи рукописей. Можно положительно удивляться, что Вейссенборнъ, извлекая такимъ образомъ изъ различныхъ мѣстъ книги Оллериса его сбивчивыя показанія, не только не отказался отъ мысли составить по этой книгѣ краткое описаніе рукописей, но даже положилъ это описаніе въ основаніе первой главы своего труда. Оллерисъ сообщаетъ о занимающей насъ рукописи слѣдующее (р. 593): „On trouve dans le n. 7377, fol. 5, les chapitres: 14, 32, 17, 37, 16, 25, la lettre d'Adalbolde à Gerbert, 18, 23, 30, le moyen de connaître la hauteur d'un objet par la longueur de l'ombre, 28, 24 II° р. 33, la mesure, la profondeur d'un puits, 38, 39, 93“. Сравнивая это описаніе съ тѣмъ, которое даетъ Вейссенборнъ, читатель замѣтитъ слѣдующее: 1) Вейссенборнъ пренебрегъ порядкомъ, въ которомъ по указанію Оллериса слѣдуютъ главы въ описываемой имъ рукописи, между тѣмъ какъ для разрѣшенія вопроса о происхожденіи такъ-называемой „Геометріи“ Герберта порядокъ главъ въ рукописяхъ имѣеть, можетъ быть, гораздо болѣе значенія, чѣмъ количество этихъ главъ. 2) Вейссенборнъ выкинулъ письмо Адальболда, стоящее между главами „Геометріи“. 3) У Вейссенборна есть нѣсколько лишнихъ главъ, которыхъ нѣтъ въ описаніи Оллериса, а именно сс. 21, 26, 29, 31,—съ другой же стороны, у него нѣтъ сс. 23, 28, обозначенныхъ у Оллериса. Спрашивается: гдѣ причина этихъ измѣненій? Она, оказывается, заключается въ подстрочныхъ замѣчаніяхъ Оллериса къ тексту геометріи. Такъ, при с. 22 Оллерисъ замѣчаетъ (р. 433): „Nos capit et sequens (с. 23) desunt in codicibus“. Итакъ, этого неопредѣленнаго замѣчанія было для Вейссенборна достаточно, чтобы исправить описаніе Оллериса. Къ началу второй половины с. 28 Оллерисъ (р. 437) замѣчаетъ: „Quae sequuntur in cod. Reginae tantum reperies“ (то-есть, Vat. Reg. 1661). Вейссенборнъ отсюда уже прямо

ошибочно заключилъ, что с. 28 совсѣмъ нѣтъ въ cod. 7377. Оллерисъ р. 404 п. 3 объявляетъ: „Nis incipit codex Bibl. Imp. 7377 col. 35, quem distinguemus littera B“. Но этого пресловутаго В было бы напрасно искать во всей изданной имъ „Геометріи“. На р. 427 мы опять встрѣчаемъ рукопись 7377: о ней замѣчено, что она кончается fol. 65 (на самомъ дѣлѣ: 43 в.) концомъ с. 13, но что на fol. 8 той же рукописи находятся „Capit XIV seqq.“ (!). Потомъ въ вариантахъ мы встрѣчаемъ сокращеніе „Paг“, которымъ, оказывается, обозначается наша рукопись (вмѣсто обѣщаннаго В). Это-то сокращеніе позволило Вейссенборну замѣнить неопредѣленное обозначеніе Оллериса „la mesure, la profondeur d'un puits“ болѣе опредѣленнымъ „с. 21“ и прибавить къ описанію Оллериса еще три лишнихъ нумера „сс. 26, 29, 31“. Не извѣстно, замѣтилъ ли Вейссенборнъ, что „le moyen de connaitre la hauteur d'un objet par la longueur de l'ombre“ Оллерисова описанія есть въ сущности вторая половина уже упомянутой выше Оллерисомъ главы 25. Во всякомъ случаѣ, обозначая вмѣстѣ съ Оллерисомъ, что въ нашей рукописи находится глава 25-я, Вейссенборнъ повторяетъ ошибку Оллериса. Всей главы 25-й въ нашей рукописи нѣтъ, а есть именно только вторая ея часть, о чемъ самъ Оллерисъ замѣтилъ, р. 434 п. 3. Чтобы было ясно, на сколько описанія Оллериса, а тѣмъ болѣе Вейссенборна, уклоняются отъ дѣйствительности, здѣсь помѣщается краткое описаніе MS Bibl. Nat. fonds lat. № 7377. С (а не просто 7377, какъ она невѣрно обозначена у Оллериса и Вейссенборна): Foll. 8—10 v: сс. 14, 32, 17, 37, 16, 26, 28;—foll. 10 v.—13 г.: ерр. „Adalboldi ad Gerbertum“ и „Gerberti ad Adalboldum“, четыре задачи на измѣреніе при помощи астролябіи;—foll. 13 v.—16 г.: сс. 18, 24, „Ad altitudinem metiendam cum ortogonio“, сс. 30, 25 (вторая часть „Est etiam alia altitudinis“), „Componitur et hemispherium“. сс. Olleris р. 435 (пропущена въ нумераціи Оллериса), 33, 20, 21, 38, 39;—fol. 35 г.—43 в.: сс. 1 (съ середины „Quaesumque rationaliter“, Oll. р. 404, 21 стр. сверху)—13.

№ 4 Ein Codex von Chartres, Nr. 47, XI saec., Cap. 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 40 enthaltend“. Оллерисъ, pp. 427, 593, дѣйствительно упоминаетъ о № 47, какъ заключающемъ въ себѣ „Геометрію“ Герберта, но совершенно напрасно. Въ этой рукописи никому еще, кромѣ Оллериса, не удалось открыть „Геометрію“ Герберта (см. между прочимъ и Cat. des Mss. de Chartres, р. 9). Оллерисъ, по обыкновенію, слуталъ. Онъ раз-

умѣтъ, очевидно, cod. № 173 v. XII ex., гдѣ foll. 34 v.—38 r. находимъ: сс. 14, 32, 17, 24, 16, 30, 31, 25 (вторая часть „Est etiam“), 27, 28, с. Oll. p. 435, 29, 19, 26, 20, 21, 33, 18, 38, 39; наконецъ, совершенно отдѣльно на fol. 21 r. и v. : с. 28 (вторая часть „Cujuslibet quantitatis de ligno“), De probanda profunditate (Olleris, p. 446 n. 2 къ главѣ 40), 37 (сравн. слутанное описаніе Оллериса, p. 593).

№ 5 Montpellier Nr. 491. Здѣсь мы лишены возможности проверить показанія Оллериса, p. 593, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту „Геометріи“, такъ какъ рукописи этой намъ не удалось видѣть¹⁾. Замѣтимъ только, что у Оллериса рѣшительно нигдѣ не говорится о томъ, чтобы въ этой рукописи находилась глава 2-я, и потому не понятно, откуда почерпнулъ это свѣдѣніе Вейсенборнъ.

№ 6, № 7 и № 8 заслуживаютъ болѣе подробнаго разбора, такъ какъ оказывается, что № 7 есть не болѣе, какъ фикція Вейсенборна, основанная на опечаткѣ Оллериса.

Дѣло въ томъ, что, какъ въ примѣчаніяхъ подъ текстомъ „Геометріи“, такъ и въ маленькомъ экскурсѣ къ „Геометріи“ (p. 590 до p. 594) упоминаются всего двѣ римскія рукописи „Геометріи“: Vat. 4539, Vat. Reg. 1661. Только на страницѣ 594 является неожиданно рукопись 1660, и это есть просто опечатка вмѣсто 1661. На стр. 594 Оллерисъ устанавливаетъ (невѣрную, впрочемъ) серію главъ въ тѣхъ двухъ римскихъ рукописяхъ, о которыхъ онъ упомянулъ на предыдущей p. 593, то-есть, Vat. 4539 и Vat. Reg. 1661. Вотъ эта серія (въ ней мы для ясности заключаемъ въ скобки то, что у Оллериса стоитъ просто между точками): Manuscripts de Rome: 14, 15, 55, 49, 56, 16, 17, 18, 19, 20, 29, 23, 24 (Celui-ci est divisé en deux avec des titres différents dans le n. 4539), 25 (un peu différent dans le n. 1661 et placé le dernier), 33, 26, 27 (Ces deux chapitres sont réunis dans le n. 4539. Le n. 1660 ajoute un chapitre, то-есть, главу, которую Оллерису не удалось найти среди главъ перепечатанной имъ изъ Pez. Thesaurus anecdotorum t. III pars II „Геометріи“ Герберта), 28, 29, 30, 31, n. 1661: hauteur d'un objet par l'ombre, 2) 32, 33, 37, 38, 39, 40, moyen 3) de connaître la profondeur d'une mer, d'un étang (Voir aussi le n. 7185 fol. 93 pour ce problème), 82, 83, 84.

¹⁾ См. „Сборникъ писемъ Герберта“, ч. I, стр. 22, прим. 36.

²⁾ У Оллериса неудачная интерпункція: „31. № 1661, hauteur d'un objet par l'ombre. 32, 33 etc.“

³⁾ У Оллериса неудачная интерпункція: „40. Moyen de connaître“ etc.

Далѣе о рукописи 4539 сообщается, что она будто бы fol. 72 заключаетъ въ себѣ главы 67—76. Читатель напрасно будетъ здѣсь искать хоть намека на время написанія этихъ рукописей, и послѣ большой потери времени, почти шестьюстами страницами раньше (préf. p. VII) найдете слѣдующую фразу „La Vaticane possède d'excellents manuscrits du XI siècle et du XII, de l'arithmétique et de la géométrie de Gerbert“.

Этихъ неопредѣленныхъ указаній было для Вейссенборна достаточно для того, чтобы создать слѣдующія три рукописи.

№ 6 „Ein Vatican-Codex Nr. 4539, XI—XII saec., затѣмъ слѣдуетъ перечень главъ, указанныхъ Оллерисомъ, но только въ порядкѣ слѣдованія цифръ, съ прибавленіемъ почему-то главы 2 и исключеніемъ главы 23 (объ этомъ послѣднемъ см. выше). На самомъ же дѣлѣ это рукопись XVII s.; fol. 102 r.—111 v. ея представляютъ собой почти полное сходство съ Vat. Reg. 1661 и даже могутъ быть приняты за позднѣйшую копию съ этой рукописи, о которой см. ниже.

№ 7 „Ein Codex aus der Bibliothek der Königin Christine, gleichfalls im Vatican, Nr. 1660, XI bis XII saec., dieselben Capitel enthaltend wie № 6, mit Ausnahme von 2 und 68 incl. bis 76 incl. Мы можемъ увѣрить читателя, что, кромѣ приведеннаго выше описанія Оллериса, объ этой рукописи нигдѣ болѣе не говорится. Еще можно допустить, что Вейссенборнъ могъ придать опечаткѣ Оллериса серьезное значеніе, но совершенно непонятно, откуда онъ взялъ, что она „aus der Bibliothek der Königin Christine“. Неужели, далѣе, по неопредѣленной фразѣ Оллериса о какихъ-то ватиканскихъ рукописяхъ ариѳметики и геометріи Герберта, относящихся къ XI и XII столѣтіямъ, можно было судить о времени написанія злополучнаго cod. Vat. Reg. 1660, который на самомъ дѣлѣ никакой геометріи Герберта въ себѣ не заключаетъ?

№ 8 „Ein zweiter Codex aus der Bibliothek der Königin Christine ebenfalls im Vatican, № 1661, XI saec., dieselben Capitel enthaltend wie № 7. Такая рукопись, дѣйствительно, существуетъ, но и о ней описаніе Вейссенборна даетъ ложное понятіе. На самомъ дѣлѣ cod. Vat. Reg. 1661, относящійся къ XI столѣтію, содержитъ въ себѣ foll. 58 r. — 64 v: сс. 14, 32, 17, 24, 37, 16, 30, 31, 25 (вторая часть: „Est etiam“=„hauteur de l'objet par l'ombre“ Оллерисова описанія), „Componitur etiam aliud hemispherium“ (это-то и есть, должно быть, та злополучная глава, о которой Оллерисово

описание говоритъ: „Le n. 1660 ajoute un chapitre“), 29, с. Olleris р. 435, 19, 26, 33, 27, 28, 20, 21, 18, 40, 38, 39. Главъ же 15, 49, 55, 56, о нахожденіи которыхъ въ этой рукописи можно заключить изъ описанія Вейссенборна, здѣсь нѣтъ.

Наконецъ, № 9 „Ein Oxfordter Codex XII—XIII saec. Cap. 1 incl. bis 13 incl. enthaltend“ описанъ вѣрно. Нумера этой рукописи Вейссенборнъ не обозначаетъ, потому что Оллерисъ о немъ нигдѣ не проговорился (Oxford. Bodleian Library. Selden 25 supra, membr. in 8, saec. XII ex. XIII in.).

Мы считали своимъ долгомъ отвести такъ много мѣста разсмотрѣнію Вейссенборнова списка рукописей для того, чтобы показать, 1) что Вейссенборнъ не могъ не видѣть путаницы въ указаніяхъ Оллериса; 2) что, строя на этихъ путанныхъ указаніяхъ свое описаніе рукописей, Вейссенборнъ тѣмъ самымъ обнаружилъ, что не могъ устоять предъ заманчивою перспективою построить свое изслѣдованіе на рукописномъ матеріалѣ „quand même“; 3) что его описаніе еще болѣе уклоняется отъ истиннаго состоянія рукописей „Геометріи“ Герберта, чѣмъ Оллерисово, и наконецъ, 4) что всѣ его разсужденія, построенныя на этомъ описаніи (pp. 44, 40, 83, 84, 91, 92, 110, 111, 164), лишены серьезнаго значенія.

Было бы очень длинною работою указывать всѣ ошибки этого рода, которыя вралась въ первую главу сочиненія Вейссенборна. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ, изъ коихъ читатель увидитъ, что Вейссенборна нельзя обвинить въ недостаткѣ смѣлости въ заключеніяхъ,—недостаткѣ, который въ человѣкѣ, черпавшемъ изъ такого мутнаго источника, какъ Оллерисъ, былъ бы, впрочемъ, вполне естествененъ.

Такъ, разсматривая вторую часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, Вейссенборнъ (р. 22—24) нашелъ при сс. 18, 21, 40 стихишки: „Tali pictura fit declaratio pura“, „Sumas mensuram putei, si vis auferre staturam“, „Rebus in obscuris oritur lux clara figuris“. Стишки эти Вейссенборнъ приписываетъ безъ дальнѣйшихъ колебаній „dem im ersten und dritten Theile schweigsamen Schreiber oder Copist“. Кописта онъ противопологаетъ составителю (Vorfasser), котораго онъ, впрочемъ, находитъ тутъ же возможнымъ считать авторомъ другихъ подобныхъ же вставокъ, напримѣръ, „Exempli causa subdatur plana figura“ (геометръ, ничѣмъ не отличающійся отъ „Tali pictura etc.“). Вейссенборнъ нигдѣ не счелъ нужнымъ объяснить, почему вышеупомянутые три стихишки не могутъ принадлежать тому же составителю, и только для

второго изъ нихъ причина мнѣнія Вейссенборна можетъ быть усмотрѣна читателемъ: этотъ стихъ заключаетъ въ себѣ бессмыслицу, а потому не могъ принадлежать автору 21 главы, въ которой все ясно. Дѣло въ томъ, что исходною точкою измѣреній глубины колодца въ с. 21 является глазъ человѣка, стоящаго у отверстія колодца, а потому, чтобы получить истинную глубину колодца, надо изъ полученной въ результатѣ величины вычесть величину роста человѣка, производящаго измѣреніе. Послѣ сказаннаго ясно, что въ приведенномъ стихѣ, дѣйствительно, мало смысла. Вейссенборнъ иронизируетъ надъ копистомъ и сравниваетъ его стихъ со стихомъ: „Ich heiss' Hans Hildebrand, lehne meinen Spiess an die Mauer“ (см. „Wand“), а затѣмъ самъ пускается въ поэзію, предлагая его замѣнить стихомъ: „Aufser, mensur, staturam, putei quaerens mensuram“. Соглашаясь вполне съ Вейссенборномъ, что это „auch kein besonderer Vers“, мы опять-таки должны высказать свое сожалѣніе по поводу того, что Вейссенборнъ не былъ лично знакомъ съ рукописями. Это избавило его отъ необходимости грѣхи изданія Оллериса ставить въ вину средневѣковому писцу и рисковать собственной музой. При знакомствѣ съ рукописями становится ясно, что слово „putei“ въ этомъ стихѣ есть позднѣйшая и неумѣлая прибавка. Первоначальная же форма есть „Sumas mensuram, si vis auferre staturam“, то-есть, гекзаметръ. Въ такомъ видѣ стихъ означаетъ: „сними съ себя мѣрку, если хочешь отнять величину своего роста“ и по своей бессодержательности является достойнымъ товарищемъ всѣхъ вышеприведенныхъ. Отсюда однако еще далеко не слѣдуетъ, что онъ вмѣстѣ съ предыдущими не можетъ принадлежать составителю. Къ этимъ тремъ стихамъ Вейссенборнъ возвращается еще на стр. 43 и 44, гдѣ онъ, между прочимъ, на шаткомъ основаніи своихъ свѣдѣній о рукописяхъ „геометріи“ Герберта стремится установить, что стихи эти не могутъ принадлежать переписчикамъ рукописей, въ которыхъ они встрѣчаются, и поэтому эти послѣднія рукописи должны стоять въ зависимости другъ отъ друга. Но тогда чтó же это за „Schreiber“, которому по утверженію Вейссенборна должны принадлежать эти стихи?

Отъ рукописей обратимся къ тексту. Къ словамъ главы 10 „hypotenusa, id est obliqua“ (Ollaris, p. 417) Вейссенборнъ замѣчаетъ: „die einzige Stelle in der ganzen Gerbert-Geometrie, wo ich hypotenusa ohne h geschrieben finde“. Не говоря уже о томъ, что это замѣчаніе прямо не вѣрно и безцѣльно, оно свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ значеніи, которое Вейссенборнъ придаетъ печатному

тексту Оллериса, какъ будто это какая-нибудь древняя рукопись. Это тѣмъ непонятнѣе, что въ другихъ мѣстахъ онъ признаетъ же его испорченнымъ. Такъ, напримѣръ, Вейссенборнъ (р. 21) указываетъ на испорченность текста въ концѣ с. 12, которую однако при знакомствѣ съ рукописями легко исправить: „*Nam universae regulae, quae in superioribus pythagoricis sive ad laterum quantitatem alternatim dignoscendam, sive ad mensuram areae inveniendam traditae et exemplis dilucidatae sunt, in his nihilo minus eamdem consequentiam probantur retinere, (дальше читай) si tantum id, quod in singulis illorum ad cathetum specialiter videtur pertinere, hic basi, — et quod ibi basi, hic catheto quis meminerit attribuere*“. Испорченность текста с. 46 привела Вейссенборна (р. 25 и р. 62) къ невѣрному заключенію о значеніи этой главы, для исправленія которой, впрочемъ, не нужно и знакомства съ рукописями. Въ первой половинѣ этой главы излагается правило нахождения площади Пифагорова треугольника. Оно сформулировано у Вейссенборна р. 19, встрѣчается еще и въ с. 12 и годится только для Пифагорова треугольника, то-есть, такого, котораго катетъ, базисъ (=катетъ, служащій основаніемъ треугольника) и гипотенуза находятся въ отношеніи: 3 : 4 : 5. Между тѣмъ во второй половинѣ главы мы читаемъ по Оллерису (р. 449): „*In ampligonis autem vel oxygoniis jam dicta regula habet consequentiam, nec etiam in orthogoniis, nisi in illis, quos sesquitertia, vel sesquiquarta regit proportio*“ (то-есть, 3 : 4; 4 : 5). Не трудно видѣть, что здѣсь передъ „*habet*“ пропущено „*non*“, потому что иначе нельзя объяснить союза „*nec*“. (Такъ дѣйствительно мы и читаемъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ). Между тѣмъ Вейссенборнъ говоритъ, р. 25: „*Nur wird hier fälschlich hinzugesetzt, diese Regel gelte für stumpf—und spitzwinklige — Dreiecke*“. Наконецъ, пропускъ въ текстѣ с. 56 заставилъ Вейссенборна признать въ ней ошибку: „*Embadum si vis invenire (то-есть, circuli), vel tota circuitio per integrum diametrum ducenda est, et tunc quarta sumenda; vel dimidium circuitus per diametrum integrum et tunc (дальше читай) medietas, vel quarta pars circuitus per diametrum et tunc totum*“.

Показавъ, такимъ образомъ, что рукописная подкладка первой главы книги Вейссенборна не выдерживаетъ критики, перейдемъ къ краткому обзорнѣю содержанія этой главы.

За разобраннѣмъ выше спискомъ рукописей „Геометріи“ Герберта слѣдуетъ изложеніе взглядовъ Кантора на эту „Геометрію“ (pp. 6—13), опроверженіе которыхъ одно за другимъ и составляетъ все содержаніе сслxv, отд. 2.

віе первой главы, иногда всю цѣль Вейссенборна въ ущербъ логичности и цѣльности плана. Съ первымъ положеніемъ Кантора, признающаго раздѣльность (и даже иногда противорѣчивость) трехъ частей такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, и въ этой-то раздѣльности трехъ частей видящаго довольно непонятнымъ образомъ только подтвержденіе единства автора, Вейссенборну было не трудно справиться. Онъ разсматриваетъ подробно содержаніе этихъ трехъ частей (pp. 14—29), затѣмъ сравниваетъ ихъ между собою и показываетъ, что эти три части столь различны по характеру, такъ плохо связаны между собою, что авторомъ ихъ, или даже редакторомъ, считать одно лицо никакъ нельзя. Они соединены въ одно копистомъ, который этимъ самымъ показалъ свою неумѣлость и посредственность своихъ математическихъ познаній (pp. 29—38).

Соглашаясь въ общемъ съ доводами Вейссенборна, мы оставились только на одномъ, по нашему мнѣнію, весьма важномъ пунктѣ. Признавая въ авторѣ первой части „Геометріи“ „einen verständigen Mann von gesundem Urtheil“, Вейссенборнъ считаетъ его геометрическія познанія все же „nicht erheblich“, ссылаясь (p. 30) при этомъ на „seine Unsicherheit über die allgemeine oder beschränkte Tragweite des pythagorischen Satzes“ (сравни pp. 18, 33). Вотъ текстъ, который при этомъ имѣетъ въ виду Вейссенборнъ. Показать различные способы вычислять стороны Пифагоровыхъ треугольниковъ, неизвѣстный авторъ продолжаетъ такъ (с. 12, Olleris, p. 419): „Est etiam alla regula multo diligentiori speculatione dignissima, quae in his pythagoricis orthogoniis prorsus verissima, et in aliis omnibus orthogoniis vel omnino vera vel veritati proxima est. Hac quippe in omni fermetrigono orthogonio per duo quaevis latera tertii poterit indagari quantitas naturae constitutione certissima hoc modo: Ut ergo hypotenusa inveniatur, catheti numerus in se, ut tetragonus fiat, ducatur, etque basis numerus in se similiter ductus conjungatur. Hujus simul summae ex duobus scilicet tetragonis confectae latus tetragonale quaesitum et inventum hypotenusae numerus esse sciatur“. Это значить: „Есть еще другое правило (то-есть, для вычисленія сторонъ прямоугольныхъ треугольниковъ), которое достойно гораздо большаго вниманія. Для этихъ Пифагоровыхъ треугольниковъ оно исполнѣ точно, для другихъ же всѣхъ прямоугольныхъ треугольниковъ оно или совсѣмъ точно, или очень близко къ точности. Правило это, при помощи ко-

торого почти во всякомъ прямоугольномъ треугольникѣ, зная какія-либо двѣ стороны, можно, основываясь на несомнѣнной, естественной связи (между сторонами), вычислить третью, состоятъ въ слѣдующемъ. Чтобы найти гипотенузу, слѣдуетъ помножить само на себя число, выражающее собою катетъ, чтобъ оно сдѣлалось квадратнымъ, и къ этому полученному такимъ образомъ числу прибавить помноженное точно также само на себя число, выражающее собою базисъ. Корень квадратный (latus tetragonale) изъ этой суммы, составленной изъ двухъ квадратныхъ чиселъ, и будетъ число, выражающее собою гипотенузу⁴. Отсюда ясно, что авторъ первой части, который вообще интересуется не чистою геометріей, а примѣненіемъ ариметики къ геометріи, имѣетъ въ виду Пифагорову теорему въ формѣ: „Сумма квадратовъ чиселъ, выражающихъ собою катеты, равна квадрату числа, выражающаго собою гипотенузу“, а не въ чисто геометрической формѣ: „Сумма квадратовъ, построенныхъ на катетахъ, равновелика квадрату, построенному на гипотенузѣ“. Если къ этому прибавить еще, что дѣло здѣсь идетъ о вычисленіи изъ формулы перваго вида сторонъ прямоугольнаго треугольника, то станетъ понятна сама собою и осторожность, съ которою авторъ выражается. Дѣйствительно, по этой формулѣ гипотенуза ($h = \sqrt{c^2 + b^2}$) можетъ быть вычислена совершенно точно только тогда, когда сумма квадратовъ катетовъ ($c^2 + b^2$) есть точный квадратъ. Эту формулу авторъ потому называетъ для Пифагоровыхъ треугольниковъ совершенно точною, что въ Пифагоровыхъ треугольникахъ $\sqrt{c^2 + b^2}$ будетъ всегда количествомъ рациональнымъ. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Въ Пифагоровыхъ треугольникахъ $h : b : c = 5 : 4 : 3$. Общая формула его сторонъ будетъ: $5m : 4m : 3m$. Слѣдовательно, для Пифагорова треугольника выраженіе $\sqrt{c^2 + b^2}$ будетъ всегда имѣть видъ: $\sqrt{(3m)^2 + (4m)^2} = \sqrt{m^2(3^2 + 4^2)} = \sqrt{(9 + 16)m^2} = \sqrt{25m^2} = 5m$, то-есть, будетъ всегда количествомъ рациональнымъ. Для другихъ же прямоугольныхъ треугольниковъ, которыхъ стороны не связаны вышеприведенною пропорціей, то-есть, для не Пифагоровыхъ, выраженіе $\sqrt{c^2 + b^2}$ будетъ точнымъ квадратомъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, а почти всегда будетъ количествомъ иррациональнымъ, которое можетъ быть вычислено только по приближенію; на примѣръ, полагая $c = b = m$, получимъ $\sqrt{c^2 + b^2} = \sqrt{m^2 + m^2} = \sqrt{2m^2} = m\sqrt{2}$. Такимъ образомъ, авторъ первой части разбираемой „Геометріи“ и не думаетъ ограничивать значеніе формулы $h^2 = c^2 + b^2$ Пифагоровыми

треугольниками. Но говорить, что отсюда гипотенуза въ Пифагоровыхъ треугольникахъ ($h = \sqrt{c^2 - b^2}$) можетъ быть вычислена точно всегда въ другихъ же видахъ точно, иногда только приближительно, что и совершенно вѣрно. Одну сторону, приведенный выше классъ писателя не характеризуетъ какъ этого неизвестнаго автора, какъ геометра. В. доказываетъ въ немъ тонкаго для того времени ариметика. Далѣе авторъ доказываетъ способъ нахождения изъ формулы $h^2 = c^2 + b^2$ катета и базиса: $c = \sqrt{h^2 - b^2}$; $b = \sqrt{h^2 - c^2}$. Выраженія эти въ Пифагоровыхъ треугольникахъ будутъ тоже всегда количественно рациональными: $\sqrt{h^2 - b^2} = \sqrt{5m^2 - (4m)^2} = \sqrt{m^2 \cdot 5^2 - 4^2} = \sqrt{5m^2} = 3m$; $\sqrt{h^2 - c^2} = \sqrt{5m^2 - (3m)^2} = \sqrt{m^2 \cdot 5^2 - 3^2} = \sqrt{16m^2} = 4m$. Къ этому самому вопросу авторъ возвращается въ концѣ 13-й главы (Oll., p. 427: „Sunt item alii orthogonii non fisdem laterum proportionibus, quibus superiores, conjugati, sed ad ipsorum tamen similitudinem tali in lateribus numero insigniti, ut cathetus itemque basis in se singillatim ducti tales duos tetragonos efficiant, qui item conjunctione sui tertium tetragonum componant. Cujus videlicet tetragonale latus, juxta regulam superius prolatam, podismi (= hypotenusae) quantitatem conficiat, ut sunt subjecti, una sibi invicem laterum proportione germani“. Это значить: „Есть еще и другіе прямоугольные треугольники, которыхъ стороны связаны не тѣми отношеніями, какъ въ предыдущихъ (то-есть, Пифагоровыхъ), но которые тѣмъ не менѣе имѣютъ на своихъ сторонахъ такія числа, что совершенно также, какъ и въ предыдущихъ, катетъ и базисъ, помноженные каждый въ отдѣльности на самого себя, образуютъ два квадратныя числа такого рода, что отъ сложенія ихъ образуется третье квадратное число, корень квадратный изъ котораго—согласно высказанному выше правилу—дастъ величину гипотенузы. Такъ, напримѣръ, это будетъ въ нижеслѣдующихъ треугольникахъ, которыхъ роднить между собою пропорція, связывающая ихъ стороны“. Этими словами оканчивается текстъ 13-й главы во всѣхъ рукописяхъ, которыя содержатъ въ себѣ только первыя тринадцать главъ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Рисунокъ, который относится сюда, есть у Olleris fig. 36 и первыя пять треугольниковъ fig. 37. Пропорція, связывающая стороны треугольниковъ fig. 36, есть $h:b:c = 13m:12m:5m$, при m равномъ послѣдовательно: 1, 2, 3, $\frac{3}{4}$, $\frac{3}{8}$; а треугольники fig. 37: $h:b:c = 17:15:8$, при $m = 1, 2, 3, \frac{2}{3}, \frac{2}{6}$. Не трудно убѣдиться, что въ обоихъ случаяхъ выраженія $\sqrt{c^2 + b^2}$,

$\sqrt{h^2 - c^2}$, $\sqrt{h^2 - b^2}$, будутъ величины рациональныя. Дѣйствительно, въ первомъ случаѣ: $\sqrt{c^2 + b^2} = \sqrt{(5m)^2 + (12m)^2} = \sqrt{m^2(5^2 + 12^2)} = \sqrt{m^2(25 + 144)} = \sqrt{169m^2} = 13m$; точно также: $\sqrt{h^2 - c^2} = \sqrt{(169 - 25)m^2} = 12m$; $\sqrt{h^2 - b^2} = \sqrt{(169 - 144)m^2} = 5m$ и т. д. Во второмъ случаѣ: $\sqrt{c^2 + b^2} = \sqrt{(8m)^2 + (15m)^2} = \sqrt{m^2(8^2 + 15^2)} = \sqrt{(64 + 225)m^2} = \sqrt{289m^2} = 17m$ и т. д. Итакъ, авторъ первой части показалъ, что, кромѣ Пифагоровыхъ, есть еще и другіе прямоугольники, въ которыхъ стороны могутъ быть точно вычислены при посредствѣ формулы $h^2 = c^2 + b^2$. Съ его ариметической точки зрѣнія о прямоугольныхъ треугольникахъ сказать больше нечего, а поэтому Вейссенборнъ, совершенно не понявшій разобранныхъ нами выше пассажей, напрасно считалъ, что первая часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта обрывается въ самомъ началѣ ученія о прямоугольномъ треугольникѣ вообще (pp. 30 и 45). Какъ мы видѣли, она не обрывается, а оканчивается вполнѣ на мѣстѣ, и собственно по ея тексту, нѣтъ никакихъ основаній считать ее трактатомъ неоконченнымъ, или гадать о томъ, что должно было слѣдовать дальше. Что же касается до тѣхъ нѣсколькихъ строкъ, которыя Вейссенборнъ (p. 21) нашелъ въ текстѣ Оллериса за только что разобраннымъ нами пассажемъ, и которыя взяты изъ зальцбургской рукописи, то онѣ встрѣчаются и въ той извѣстной намъ рукописи, которая, какъ мы упомянули выше, есть, по всей вѣроятности, оригиналъ зальцбургской. Эти шесть строкъ принадлежать, очевидно, тому лицу, которое составило компиляцію, именуемую „Геометріей“ Герберта, и Вейссенборнъ могъ бы при болѣе внимательномъ изученіи текста этой 13-й главы прибавить еще одно мощное доказательство въ пользу своего положенія, что зальцбургская рукопись (или ея оригиналъ) обязана своимъ происхожденіемъ неумѣлому компилятору. Тогда, можетъ быть, и не было нужды для доказательства невѣжественности составителя зальцбургскаго списка прибѣгать къ ровно ничего не доказывающему факту, что въ этой рукописи сочиненія Герберта поставлены послѣ сочиненій Германа Контракта, жившаго позже Герберта, (стр. 43). (Какъ будто въ такихъ случаяхъ хронологическій порядокъ обязателенъ!). Дѣйствительно, шесть строкъ, оканчивающихъ 13-ю главу въ этой рукописи, не что иное, какъ глосса къ упомянутому нами выше рисунку. Первая ея половина: „*Hi sunt omnes tali proportione laterum connexi, ut cathetus et basis in se ducti duos tetragonos faciant: qui duo conjuncti tertium efficiant, cujus latus tetragonale constituat hypotenusam*“ указываетъ

на fig. 36. Вторая половина: „Porro isti sequentes, quisque ab alio diversa laterum proportione connexus item, ut praedicti, cathetus in se, basis in se, et hi duo tetragoni conjuncti, talem tertium faciunt, cujus latus est hypotenusa“ обнаруживаетъ все легкомысліе и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлость глоссатора. Рисунокъ, къ которому относится это послѣднее замѣчаніе, есть fig. 37 по Olleris. Нижніе четыре треугольника присоединены къ этому рисунку однако по ошибкѣ, такъ какъ они не что иное, какъ Пифагоровы треугольники, преобразованные по способу, указанному въ с. 12 (Olleris, pp. 424, 425), куда они и помѣщены въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Верхніе же пять треугольниковъ разобраны нами выше. О нихъ можно сказать словами автора первой части „Геометріи“, что они „una sibi invicem laterum proportione germani“, то-есть, пропорціей $h : b : c = 17 : 15 : 8$. Какимъ же образомъ могъ глоссаторъ сказать: „quisquis ab alio diversa laterum proportione connexus?“ Дѣло объяснится очень просто, если мы скажемъ, что въ упомянутой уже нами выше рукописи, по всей вѣроятности, оригиналѣ зальцбургской, въ цифрахъ, поставленныхъ около сторонъ, есть нѣсколько ошибокъ (напримѣръ, въ первомъ треугольникѣ $h : b : c = 23 : 15 : 18$ вмѣсто $17 : 15 : 8$), которыя, очевидно, попали сюда изъ рукописи, находившейся передъ компиляторомъ-глоссаторомъ. Эти-то ошибки и помѣшали глоссатору замѣтить, что всѣ пять треугольниковъ fig. 37 „una sibi invicem laterum proportione germani“, и онъ, не позаботившись провѣрить цифры путемъ вычисленія, назвалъ ихъ „quisquis ab alio diversa laterum proportione connexus“, чѣмъ и доказалъ свое полнѣйшее непониманіе дѣла. Было бы интересно узнать, какимъ образомъ онъ вычислилъ бы точно гипотенузу изъ треугольника $23 : 15 : 18$, находящагося въ указанной нами рукописи, или изъ треугольника $17 : 15 : 3$, находящагося—судя по изданію Оллериса—въ зальцбургской?

Коль скоро доказано, что такъ-называемая „Геометрія“ Герберта состоитъ изъ трехъ различныхъ по характеру и плохо между собою связанныхъ частей, то этимъ самымъ устанавливается тотъ фактъ, что авторомъ этой „Геометріи“ не могъ быть Гербертъ. Тѣмъ не менѣе Вейсенборнъ посвящаетъ еще много мѣста (pp. 38—80) этому вопросу, во-первыхъ, потому что ему надо было опровергнуть доказательства Кантора въ пользу авторства Герберта, и во вторыхъ, потому что Гербертъ могъ оказаться авторомъ не всей такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, а которой-нибудь изъ ея трехъ составныхъ частей, чего Вейсенборнъ допустить тоже не хочетъ.

Первое изъ приводимыхъ Канторомъ доказательствъ въ пользу авторства Герберта состоитъ въ томъ, что въ зальцбургской рукописи, относимой Канторомъ къ 1100—1150 годамъ, въ началѣ „Геометріи“ стоятъ слова: „Incipit Geometria Gerberti“, написанныя тою же рукой, какъ и остальной текстъ рукописи. Для устраненія этого доказательства, Вейссенборнъ старается установить неумѣлость и невѣжественность составителя зальцбургской рукописи, указываетъ на тотъ фактъ, что, кромѣ зальцбургской рукописи, имя Герберта встрѣчается въ парижской (7185) и оксфордской рукописяхъ, при чемъ въ первой оно написано навѣрно рукой, гораздо болѣе поздней, чѣмъ самый текстъ. Замѣтимъ, что въ этихъ двухъ рукописяхъ находится только первая часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Затѣмъ Вейссенборнъ обращается къ другимъ рукописямъ, въ которыхъ встрѣчается вторая часть „Геометріи“ Герберта. Изъ факта нахождения въ нихъ разобранныхъ выше стиховъ онъ заключаетъ, что онѣ не независимы другъ отъ друга, указываетъ, что между ними есть и очень древнія, и что между тѣмъ въ нихъ нѣтъ имени Герберта (за исключеніемъ зальцбургской, гдѣ эта вторая часть, составляя продолженіе первой, является однако уже съ нѣсколькими лишними сравнительно съ другими рукописями главами). Но что же это доказываетъ? Ничего, кромѣ того, что въ томъ спискѣ откуда происходятъ всѣ эти рукописи, переписчикъ, прибавившій, по мнѣнію Вейссенборна, указанные выше стихи, не помѣстилъ имени Герберта. Для Вейссенборна было бы гораздо выгоднѣе (чего онъ, по видимому, не замѣчаетъ), еслибы всѣ эти рукописи зависѣли не отъ одной какой-нибудь копіи, гдѣ имя Герберта могло быть пропущено по ошибкѣ, а были связаны между собою только происхожденіемъ изъ одного общаго оригинала; но онъ самъ лишилъ себя этой опоры, приписавъ безъ всякаго, какъ мы видѣли выше, основанія, вышеуказанные стихи какому-то переписчику. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ останавливаться на этой второй части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта долше и мы, поставивъ Вейссенборну въ вину, что онъ не обратилъ достаточно вниманія на различіе въ составѣ второй части въ зальцбургской и въ другихъ рукописяхъ, возвратимся къ первой части. Вейссенборнъ признаетъ, что эта первая часть написана хорошо, и въ авторѣ ея видитъ человѣка здравомыслящаго. Намъ удалось защитить этого автора противъ тѣхъ нападокъ, которыя направилъ противъ него Вейссенборнъ. Далѣе Вейссенборнъ (р. 45) самъ указываетъ на большое искусство въ вычисленіяхъ, обнаруживаемое авторомъ этой первой

части, и отмѣчаетъ, что этотъ авторъ производилъ свои вычисления на абакѣ. Выше мы уже обратили вниманіе на то, что имя Герберта встрѣчается въ двухъ рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ только первую часть такъ-называемой „Геометріи“ Герберта (отъ себя замѣтимъ, въ оксфордской оно написано тою же рукой, что и текстъ). Тутъ само собою навязывается предположеніе, что авторомъ первой части былъ Гербертъ. Легко могло случиться, что составитель компиляціи, сохранившейся въ зальцбургской рукописи и упомянутомъ уже нами выше кодексѣ, по всей вѣроятности, оригиналѣ зальцбургской (въ этомъ кодексѣ тоже находятся слова „Inscipit Geometria Gerberti“), поставилъ имя Герберта передъ своею компиляціей, относя его только къ первой, поставленной имъ въ самомъ началѣ, части своей компиляціи. Вѣдь достаточно было ему забыть поставить въ концѣ первыхъ 13-ти главъ слово „finit“, или переписчику списать это слово, чтобы вся компиляція явилась въ глазахъ послѣдующихъ копистовъ произведеніемъ Герберта! Возможность предположенія, что Гербертъ былъ авторомъ первой части разбираемой „Геометріи“, Вейссенборнъ не отрицаетъ (р. 45), но онъ не позаботился опереть его вѣроятность на только что высказанныя соображенія, чтобы имѣть возможность устранить его безъ особеннаго труда. И онъ, дѣйствительно, устраняетъ его весьма просто и смѣло, сославшись на то, что въ содержаніи этой первой части нѣтъ ничего, что заставляло бы въ авторѣ ея видѣть непременно Герберта (р. 47). Къ этому чисто отрицательному и весьма недостаточному доказательству Вейссенборнъ присоединяетъ еще и другое, еще болѣе слабое, которое онъ впрочемъ и самъ выдвигаетъ не особенно рѣшительно (pp. 45, 46). Авторъ первой части, возвышая въ одномъ мѣстѣ $6\frac{1}{3}$ въ квадратъ, говоритъ, что это „abacistaе facillimum est“. Въ этомъ-то выраженіи Вейссенборнъ ищетъ доказательства противъ авторства Герберта, который будто бы на своемъ абакѣ оперировалъ только съ цѣлыми числами: „Nun lehrte Gerbert ohne Zweifel das Rechnen auf dem Columnen—Abacus, allein die ganze Beschreibung seines Verfahrens lässt erkennen, das er dabei nur ganze Zahlen im Auge hatte (?); darüber aber, dass er den Abacus in irgend bemerkenswerter Weise (??!) auch bei Bruchrechnungen angewandt hätte, findet sich durchaus keine Andeutung“. Уже изъ самой этой фразы видно, что самъ Вейссенборнъ не слишкомъ-то вѣритъ въ то, что говоритъ. Къ чему эта „bemerkenswerte Weise“? Неужели это все для возвышенія $6\frac{1}{3}$ въ квадратъ? Въ „Libellus de numerorum divisione“ Гербертъ, дѣйствительно, даетъ правила только для

цѣлыхъ чиселъ, но это ровно ничего не доказываетъ. Онъ самъ первый признавалъ недостаточность и чрезмѣрную краткость этого трактата ¹⁾. Если же Бернелинъ, ученикъ Герберта (не извѣстно, непосредственный ли) въ своемъ трактатѣ „Liber Abaci“ (Olleris, p. 386) для дѣйствій надъ дробями обращается къ трактату Викторія, то это опять-таки доказываетъ только, что Гербертъ, по всей вѣроятности, не писалъ о дѣйствіяхъ надъ дробями, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не умѣлъ оперировать надъ дробями на абакаѣ и не училъ этимъ дѣйствіямъ.

О третьей части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта Вейссенборнъ говоритъ подробнѣе ниже, возражая на слѣдующее изъ приводимыхъ Канторомъ доказательствъ въ пользу авторства Герберта.

Доказательство это заключается въ слѣдующемъ. Всѣ источники; „Геометрія“, приписываемой Герберту, на сколько ихъ можно указать, находились въ распоряженіи Герберта, а именно: ариметика Боэція, Марціанъ Капелла, агримензоры такъ-называемаго „codex Arsegianus“, и, можетъ быть, задачи Алькуина. Особенно же Канторъ выдвигаетъ codex Arsegianus и утверждаетъ, что этотъ несомнѣнный, по его мнѣнію, источникъ первой и особенно третьей части „Геометріи“, находился будто бы при жизни Герберта въ Боббіо, гдѣ, слѣдовательно, Гербертъ, аббатъ Боббіо, имъ и пользовался.

Краеугольный камень этого доказательства есть codex Arsegianus, и потому Вейссенборнъ обращаетъ все свое вниманіе на эту рукопись (pp. 47—76). Сначала онъ основательно доказываетъ, что такъ-называемая „Геометрія“ Герберта не можетъ считать въ числѣ своихъ источниковъ codex Arsegianus, а лишь рукопись, сходную съ Arsegianus, но тѣмъ не менѣе представляющую не мало вариантовъ (pp. 47—63). Далѣе Вейссенборнъ выступаетъ противъ утверженія Кантора, что codex Arsegianus находился въ концѣ X столѣтія въ Боббіо, вопросъ, который уже собственно представляетъ мало интереса, разъ доказано, что эта рукопись не принадлежитъ къ числу источниковъ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Во всякомъ случаѣ, единственно на что слѣдовало Вейссенборну указать, есть то, что, хотя codex Arsegianus найденъ въ 1493 въ Боббіо, относительно нахождения его въ этой библиотекѣ въ концѣ X сто-

¹⁾ См. „Сборникъ писемъ Герберта“, ч. I, прил. I A. Inedita 1, стр. 315. „Sed de his omnibus, quantum ad intelligentie cumulum sat est, predictae causa familiaritatis deinceps, si vita suppetit, evidentius explicabo.“

лѣтія нѣтъ ровно никакихъ свидѣтельствъ. Поэтому изъ всего длиннаго разсужденія Вейссенборна объ этомъ вопросѣ (pp. 63—76) имѣютъ значеніе только pp. 68, 69, гдѣ онъ устраняетъ единственное считавшееся документальнымъ свидѣтельство въ пользу нахождения cod. Arcegianus въ концѣ X столѣтія въ Боббіо. Все остальное ни къ чему. Къ чему, напримѣръ, разсужденіе (совершенно неудачное) для доказательства бѣдности библиотеки Боббіо въ концѣ X столѣтія? Развѣ codex Arcegianus могъ находиться только въ богатой библиотекѣ? Къ чему на шести страницахъ экскерпировать каталогъ библиотеки Боббіо, относящійся къ X столѣтію и перепечатанный изъ *Muratorî* Оллерисомъ, pp. 489—497, когда, во первыхъ, въ немъ есть пропуски, о размѣрѣ которыхъ судить трудно (Вейссенборнъ, р. 70, голословно объявляетъ ихъ короткими), а во вторыхъ, достаточно было сказать, что въ немъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ *sodicis Arcegiანი*? Вейссенборнъ попробовалъ было усумниться въ возможности относить этотъ каталогъ къ концу X столѣтія, недоумѣвалъ относительно того, не пропустилъ ли чего изъ него Оллерисъ (р. 70); но изъ его сомнѣнія не вышло ничего, и онъ самъ, въ концѣ концовъ, употребляетъ этотъ каталогъ для сужденій о богатствѣ библиотеки Боббіо въ концѣ X столѣтія. Вотъ почему бѣдная на предыдущихъ (pp. 63—67) страницахъ библиотека на р. 66 оказывается состоящею изъ 600—700 сочиненій, на р. 74 не въ состояніи вмѣстить всѣхъ принадлежащихъ ей сочиненій, на р. 75 называется богатой, но только низа что не „*ausserordentlich reich*“ (?). Вейссенборнъ никакъ не можетъ понять самой простой вещи, что бѣдность матеріальныхъ средствъ монастыря Боббіо, явившаяся слѣдствіемъ дурнаго управленія предшественника Герберта Петроальда, нисколько не свидѣлствуетъ противъ богатства библиотеки этого монастыря. Библиотека имѣла тогда цѣну въ глазахъ незначительнаго меньшинства. Это были богатства, которыхъ не возможно было превратить въ деньги. На рукописи Гербертъ не могъ нанимать людей, чтобы послать ихъ въ армію Оттона II, отправлявшагося на сарацинъ, или чтобы поддержать свою власть въ самомъ Боббіо. Питаться рукописями тоже нельзя, и потому, сколько бы Гербертъ ни жаловался на бѣдность вѣреннаго ему монастыря, его жалобы безсильны убѣдить насъ въ бѣдности библиотеки этого монастыря. Что же касается полноты каталога библиотеки Боббіо въ изданіи Оллериса, то кто мѣшалъ Вейссенборну успокоить себя на этотъ счетъ, обратившись къ *Muratorî*, откуда его взялъ Оллерисъ?

Далѣе (pp. 76—80) Вейссенборнъ опровергаетъ выводы Кантора относительно времени и мѣста написанія такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Канторъ считаетъ несомнѣннымъ, что она написана въ Боббіо и притомъ до того времени, когда Гербертъ познакомился съ „Геометріей“ Боэція (981—983), то-есть, до времени написанія Gerb. ep. ed. Olleris № 76, въ которой Гербертъ пишетъ, что нашелъ между прочимъ „Геометрію“ Боэція; иначе Гербертъ не могъ бы въ своей „Геометріи“ отождествить выраженія „rodismus“ и „hypothenusa“, такъ какъ въ „Геометріи“ Боэція въ той задачѣ Нипса, испорченный въ cod. Argentinus текстъ которой могъ подать поводъ къ такому отождествленію, стоитъ какъ разъ „hypothenusae rodismus“. Возраженія Вейссенборна (pp. 78—80), основанныя на анализѣ „Геометріи“ Герберта и Боэція слѣдуетъ признать убѣдительными. Вейссенборнъ (pp. 77—78) вѣрно указываетъ на разногласіе въ опредѣленіи даты написанія ep. 76 (982, 985) и на то обстоятельство, что самъ Канторъ опровергаетъ свою дату (981—983), такъ какъ послѣ долгаго упорства въ пользу 982, какъ времени написанія ep. 76, начинаетъ въ своей Исторіи математики, колебаться между 980 и 985.

Наконецъ, въ заключеніе своего изслѣдованія о такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, Вейссенборнъ (pp. 80—95) стремится доказать, что математическія знанія Герберта не могутъ быть выведены исключительно изъ классическаго источника, какъ это утверждаетъ Канторъ, но что много долженъ былъ онъ почерпнуть и у арабовъ. Показавъ (p. 80—82) посредствомъ фактовъ біографіи Герберта возможность заимствованія Гербертомъ у арабовъ, которую, впрочемъ, врядъ ли кто и станетъ оспаривать, Вейссенборнъ не приводитъ никакихъ положительныхъ данныхъ, которыя превратили бы эту возможность въ достовѣрность, и прямо обращается противъ Кантора. Канторъ, признавая Герберта авторомъ компіляціи, сохранившейся въ зальцбургской рукописи, въ этой-то именно компіляціи видитъ доказательство того, что Герберту арабская наука осталась не извѣстна. Въ первой главѣ своего труда Вейссенборнъ хочетъ доказать литературную, такъ-сказать, зависимость такъ-называемой „Геометріи“ Герберта отъ арабскихъ источниковъ, то-есть, показать заимствованія отдѣльныхъ главъ или отдѣльныхъ отрывковъ, внутренняя же, методологическая зависимость разсматривается имъ во второй главѣ. На стр. 83—86 онъ останавливается на нѣкоторыхъ главахъ, которыхъ арабское происхожденіе болѣе или менѣе вѣроятно,

но въ концѣ концовъ долженъ признаться, что до достовѣрности здѣсь далеко. Гораздо болѣе убѣдительное доказательство приводится на стр. 86—92. Оказывается, что с. 22 и 82 такъ-называемой „Геометріи“ Герберта есть не что иное, какъ почти буквальная копія съ с. 6 и 7 второй книги сочиненія „De utilitatibus astrolabii“, приписываемаго обыкновенно Герману Контракту († 1054), хотя именно для второй книги этого сочиненія это ровно ни откуда не слѣдуетъ, и ее скорѣе слѣдуетъ считать не за вторую книгу „De utilit. astrolabii“, а за отдѣльное сочиненіе неизвѣстнаго автора и потому неизвѣстнаго времени. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ сочиненіи арабское вліяніе несомнѣнно и значительно, да и въ самой с. 6 (=с. 22 такъ-называемой „Геометріи“ Герберта) встрѣчается несомнѣнно арабское слово „alhidada“. Глава 6-я, равно какъ и слѣдующая за нею глава 7-я, трактуютъ о методахъ измѣренія высоты, и потому слова, стоящія въ началѣ 7-й главы, вполне на мѣстѣ: „Est et alia ratio altitudinem videndi, quae est hujusmodi“. Между тѣмъ, въ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта эти главы раздѣлены 60 главами, и вторая изъ нихъ есть только часть с. 82, гдѣ она идетъ прямо за вычисленіемъ объема шара, и гдѣ, слѣдовательно, слова „Est etiam ratio alia altitudinem videndi, quae est hujusmodi“ нисколько не на мѣстѣ. Заключение, которое отсюда дѣлаетъ Вейссенборнъ (р. 91), вѣрно только въ томъ смыслѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ неудачными заимствованіями изъ источника, не чуждаго арабскаго вліянія. Что же касается до того, будто бы с. 22 присоединена къ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта переписчикомъ зальцбургской рукописи или ея оригинала, а с. 82 уже раньше вошла въ составъ третьей части, включенной въ эту компіляцію, то оно основано на невѣрномъ представленіи, будто бы с. 82 встрѣчается въ рукописяхъ №№ 5, 6, 7 (?), 8, и притомъ въ той же связи, какъ и въ зальцбургской. Мы уже указывали выше, что рукописи № 7 не существуетъ, а № 6 есть копія съ № 8, при чемъ ни въ той, ни въ другой мы не нашли с. 82 (по крайней мѣрѣ мы не нашли ее въ связи съ другими главами геометріи). Мы не видѣли № 5, но если она, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ тѣ главы, которыя Вейссенборнъ приводитъ на р. 4, то ясно, что мы въ ней имѣемъ безформенную смѣсь, въ которой напрасно было бы искать хотя подобіе которой-нибудь изъ трехъ частей, вошедшихъ въ составъ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта. Все это тѣмъ страннѣе, что на стр. 40 Вейссенборнъ приходитъ къ заключенію, что такъ-называемая третья

часть зальцбургской компиляціи только ей одной и свойственна, въ другихъ же рукописяхъ встрѣчаются лишь небольшіе отрывки этой третьей части.

Но если „Геометрія“ зальцбургской рукописи не имѣетъ ничего общаго съ Гербертомъ, какъ это доказываетъ Вейссенборнъ, то невольно рождается вопросъ, какъ попало имя Герберта въ заглавіе этой компиляціи. Объясненіе этого факта, и по нашему мнѣнію совершенно неудачное, Вейссенборнъ даетъ въ концѣ главы (pp. 92 — 95). По Вейссенборну, компиляторъ зальцбургской рукописи, въ которой, кромѣ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, есть и другіе трактаты, или же компиляторъ оригинала зальцбургской рукописи 1) зналъ, что Гербертъ былъ въ Испаніи на границѣ Мавританскаго государства, 2) замѣтилъ, что въ находившемся передъ его глазами геометрическомъ трактатѣ, который онъ считалъ за цѣльную вещь, многое обязано своимъ происхожденіемъ арабамъ, и потому 3) пришелъ къ заключенію, что авторъ этого трактата—Гербертъ. Первый изъ этихъ пунктовъ еще можетъ быть допущенъ, такъ какъ пребываніе Герберта въ Испаніи было однимъ изъ основныхъ элементовъ распространенной уже въ XII столѣтіи легенды о Гербертѣ. За то со вторымъ согласиться довольно трудно. Какимъ образомъ малосвѣдующій въ математикѣ составитель зальцбургской рукописи, или ея оригинала, (p. 43 мы о немъ читаемъ: „die mathematischen Kenntnisse des Schreibers nicht gerade bedeutend gewesen sein mögen“, *ibid.*: „Einem Mangel an Überlegung oder an historischen Kenntnissen schreibe ich es auch zu, dass—in Salzburger Codex die Schriften des späteren Hermannus Contractus denen des früheren Gerbert vorangestellt sind“) вдругъ оказался на столько проникательнымъ, что арабскіе элементы въ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, существованіе которыхъ Вейссенборну пришлось доказывать противъ Кантора, отрицавшаго ихъ, стали для него сразу очевидными? Читатель этого никакъ понять не можетъ, не смотря на то, что Вейссенборнъ постарался сгладить эту логическую шероховатость фразами въ родѣ: „einem in mathematischen Dingen nicht ganz (!) unwissendem Compiler“ или „was (то-есть, присутствіе арабскихъ элементовъ) damals doch leichter (??) zu erkennen war, als jetzt nach Jahrhunderten“. Да, наконецъ, даже и допущеніе двухъ первыхъ пунктовъ нисколько не обязываетъ къ принятію третьяго.

Такимъ образомъ, хотя Вейссенборну и удалось защитить противъ Кантора не новыя уже, впрочемъ, положенія, что такъ-называетъ

мая „Геометрія“ Герберта состоитъ изъ трехъ много между собою связанныхъ частей, что она не могла быть написана Гербертомъ; хотя ему и принадлежитъ не совсѣмъ неудачная попытка показать въ этомъ трактатѣ арабскіе элементы, тѣмъ не менѣе указанные нами выше недостатки слишкомъ достаточны, чтобы признать, что вся работа Вейссенборна нуждается въ коренной переработкѣ на основаніи болѣе точныхъ и богатыхъ рукописныхъ данныхъ и съ приѣмленіемъ болѣе вѣрныхъ критическихъ методовъ для обработки этихъ данныхъ. Съ рукописями въ рукахъ только и можно разрѣшить сколько-нибудь удовлетворительно подобные вопросы. Такъ, мы полагаемъ, что интересный процессъ возникновенія такъ-называемой „Геометріи“ Герберта можно при помощи рукописей прослѣдить съ болѣею точностью, получая при этомъ не одни только отрицательные выводы.

Гораздо болѣе благоприятное впечатлѣніе производитъ вторая, наиболѣе математическая глава сочиненія Вейссенборна: „Alte Mess-Methoden und Mess-Instrumente“, которую математики прочтутъ съ интересомъ (pp. 96—168). Здѣсь (pp. 96—108) Вейссенборнъ излагаетъ на современномъ математическомъ языкѣ способы измѣренія, встрѣчающіеся во второй части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта и основанные на подобіи прямоугольныхъ треугольниковъ, указываетъ на ихъ сходство съ нѣкоторыми задачами оптики Евклида и отсюда выводитъ, что эти способы сдѣлались извѣстны христіанской Европѣ вмѣстѣ съ Евклидомъ отъ арабовъ. Мы однако полагаемъ, что именно въ математическихъ наукахъ одного сходства совершенно недостаточно для заключенія о заимствованіи, и сомнѣваемся, чтобы можно было сколько-нибудь точно доказать, что эти способы измѣренія (предположивъ даже, что ихъ первоисточникъ есть, дѣйствительно, Евклидъ) не могли проникнуть изъ классической древности въ средніе вѣка иначе, какъ черезъ посредство арабовъ. Затѣмъ Вейссенборнъ обращается къ „геометрическому квадрату“, инструменту, употребляемому для измѣренія во второй части такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, и къ связанной съ этимъ инструментомъ средневѣковой астролябіи. Онъ доказываетъ, что эта астролябія въ ея первоначальной и общей формѣ была построена арабами и есть въ сущности не что иное, какъ дальнѣйшее преобразованіе планисферіума Гиппарха и Птолемея,—геометрической же квадратъ даже изобрѣтенъ арабами. Это послѣднее заключеніе не можетъ однако считаться вполне несомнѣннымъ.

Итакъ, вторая глава сочиненія Вейссенборна, имѣющая цѣлью

указать арабскіе элементы въ такъ-называемой „Геометріи“ Герберта, есть въ сущности продолженіе той части первой главы, гдѣ Вейссенборнъ сдѣлалъ попытку прослѣдить чисто-виѣшнія литературныя заимствованія изъ арабскихъ сочиненій. Она, слѣдовательно, точно также, какъ и первая глава, направлена противъ Кантора. Впрочемъ, разъ Вейссенборнъ призналъ такъ-называемую „Геометрію“ Герберта за компіляцію конца XI или XII столѣтія, вопросъ о заимствованіяхъ въ ней изъ арабскихъ источниковъ теряетъ значительную часть того интереса, который онъ возбудилъ бы, еслибъ эта компіляція относилась къ X столѣтію. Заимствованія у арабовъ съ половины XI столѣтія (Германъ Контрактъ) совсѣмъ не рѣдкость.

Съ этой точки зрѣнія гораздо интереснѣе третья глава сочиненія Вейссенборна, озаглавленная „Die complementäre Multiplication“, такъ какъ въ ней авторъ дѣлаетъ попытку указать арабское влияніе въ сочиненіи, принадлежащемъ несомнѣнно Герберту, и слѣдовательно, относящемся къ концу X столѣтія, а именно въ „Libellus de numerorum divisione“. Содержаніе этой третьей главы (pp. 168—208) составляетъ рядъ чрезвычайно интересныхъ наблюденій Вейссенборна надъ происхожденіемъ умноженія съ дополненіемъ до слѣдующаго за множителемъ кратнаго отъ 10. Вейссенборнъ пришелъ къ тому заключенію, что этимъ умноженіемъ математики среднихъ вѣковъ обязаны не классическому міру, а арабамъ и черезъ нихъ индійцамъ. Но такъ какъ самъ авторъ въ началѣ и концѣ (p. 169 и p. 208) разсматриваемой главы признается, что еще далеко не установлено, чтобы происхожденія такъ-называемаго желѣзнаго дѣленія, излагаемаго въ „Libellus“, слѣдовало искать тамъ же, гдѣ явилось умноженіе съ дополненіемъ, то ясно, что вся эта третья глава является вставкой, хотя и интересною, но врядъ ли необходимою въ сочиненіи, имѣющемъ въ своемъ заглавіи имя Герберта. Соображенія, въ видѣ встрѣчающагося p. 208: „man könnte ferner die Ueberzeugung hegen nur (?) dem grübelnden Gehirn eines in allen Rechenkünsten wohl bewanderten Hindu könne diese eigenartige, in ihrer Art scharfsinnige, Divisions-Methode entsprungen sein“, врядъ ли могутъ установить болѣе прочную связь этой главы съ остальною частью книги Вейссенборна.

Наконецъ, въ четвертой главѣ „Rechenbrett und Rechnen bei Gerbert“ Вейссенборнъ опять возвращается къ Герберту (pp. 209—239). Прежде всего онъ направляетъ свои усилія къ разрушенію тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ трактатъ „Regula de Abaco

computi* былъ приписанъ Герберту. Въ общемъ Вейссенборнъ разсуждаетъ совершенно справедливо (р. 213, мы, если не ошибаемся, встрѣтили первое вѣрное объясненіе много коментировавшагося, но все же плохо понимавшагося письма Герберта къ Константину, стоящаго въ началѣ „Libelli“), и только отсутствіе вѣрныхъ данныхъ о рукописи Vat. Reg. 1661 помѣшало ему окончательно уличить Оллериса, который главнымъ образомъ на основаніи этой рукописи считъ себя въ правѣ приписать этотъ трактатъ Герберту. Мы рады, что можемъ придти на помощь Вейссенборну сообщеніемъ здѣсь болѣе точныхъ данныхъ объ Vat. Reg. 1661. Это пергаменная рукопись XI вѣка in 4. На fol. 2 г. находятся слѣдующія слова, написанна рукой, гораздо болѣе поздней, чѣмъ остальной текстъ:

„Gerberti Regula de Abaco computi
Ἰφσειν καὶ παρρησίαν

Né senza sfinge, né senza Edipo. H. Petavius*.

Остальная часть fol. 2 г. оставлена бѣлою. На fol. 2 v. — 4 г. помѣщается трактатъ, называемый обыкновенно „Libellus de numerorum divisione“ и начинающійся словами „Constantino suo Gerbertus scolasticus. Vis amicitiae“ etc. Вслѣдъ за этимъ трактатомъ слѣдуетъ fol. 4 г.—16 г. безъ заглавія трактатъ, которому Оллерисъ далъ имя „Regula de Abaco computi“. Отсюда ясно, что вышеприведенная позднѣйшая приписка на fol. 2 г. никакъ не можетъ относиться къ анонимному трактату на foll. 4 г.—16 г., а указываетъ лишь на то, что слѣдуетъ на foll. 2 v.—4 г. Неизвѣстное лицо, помѣстившее эту приписку, взяло имя Герберта съ fol. 2 г., а не имѣющій никакого особаго заглавія трактатъ foll. 2 v.—4 г. окрестило „Regula de abaco computi“, что вполне подходит къ его содержанию. Намъ (и Оллерису, стр. 586) извѣстно, что, напримѣръ, въ cod. Monac. № 14689 s. XII находится foll. 97 г.—98 г. тотъ же называемый обыкновенно „Lib. de num. div.“ трактатъ, заканчивающійся слѣдующими словами „Explicit lectiones vel regule Gerberti super abacum“. Итакъ, открытіе Оллериса не имѣетъ никакого другаго основанія, кромѣ его собственной небрежности.

Остановившись затѣмъ дольше, чѣмъ слѣдовало бы, на толкованіи одной и безъ того ясной фразы „Liber Abaci“ Гербертова ученика Бернелина, трактующей объ устройствѣ абака для вычисленій и отличающій такой абакъ отъ абака для черченія геометрическихъ фигуръ (рр. 214—217), Вейссенборнъ переходитъ къ самому вычисленію на абакѣ, впрочемъ, не для того, чтобы познакомить насъ съ

подробностями этого вычисления, а лишь для того, чтобы посредствомъ разсуждений, болѣе чѣмъ сомнительнаго свойства, прійти къ слѣдующему неожиданному результату (р. 226): „So viel aber ist gewiss, dass durch das Studium der Arithmetik des Boetius, wenn auch ohne ihre Schuld, die von Gerbert angestrebte Fertigkeit im Rechnen nicht nur gefördert, sondern gehemmt und aufgehalten worden ist“. Какимъ же, спрашивается, образомъ могла „Ариметика“ Боэція мѣшать усовершенствованію способовъ вычисления? Вейсенборнъ увѣряетъ (р. 220), что изъ чтенія „Ариметики“ Боэція читатель выносилъ убѣжденіе, что единица не есть число, что она не принадлежитъ къ числу натуральныхъ чиселъ, и что потому она не можетъ употребляться при вычисленияхъ. Вейсенборнъ утверждаетъ даже, что именно при употребленіи Гербертова абака съ графами являлось сомнѣніе, можно ли поставить жетонъ съ написанною на немъ единицей въ какую-нибудь другую графу, кромѣ графы единицъ, то-есть, другими словами, можно ли на этомъ абакѣ изобразить 10, 100, 1000 и т. д. Договорившись до подобныхъ вещей, Вейсенборнъ справедливо удивляется: „Wie sollte—ein Rechnen auf den Columnen—Abacus überhaupt möglich sein?“ Казалось бы, самый тотъ простой фактъ, что Гербертъ и его ученики производили же вычисленіе на абакѣ, долженъ былъ бы внушить Вейсенборну мысль, что въ его разсужденіяхъ есть что-то неладное. На самомъ дѣлѣ этого однако не происходитъ. Вейсенборнъ смѣло дѣлаетъ логическіе скачки, навязываетъ текстамъ тотъ смыслъ, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ, и все это для того, чтобы (р. 221) бессмыслицѣ, заключающейся въ пассажѣ объ абакѣ въ такъ-называемой „Геометріи“ Боэція, придать видъ цѣлаго ученія, широко распространеннаго въ средніе вѣка. Но вѣдь самъ Вейсенборнъ (р. 222) говоритъ, что авторъ этого пассажа объ абакѣ, дѣйствительно заключающаго въ себѣ вышеприведенное невѣроятное ученіе, по видимому, самъ не понималъ, что писалъ, и врядъ ли рѣшилъ когда-либо хоть одну задачу на абакѣ. Но если такъ, то, намъ кажется, было бы логичнѣе этимъ и ограничиться, а не извращать въ пользу этой бессмыслицы смысла другихъ текстовъ.

Мы поставимъ здѣсь слѣдующіе два вопроса: 1) дѣйствительно ли изъ „Ариметики“ Боэція можно, хотя бы и не „allgemein“, а только „häufig genug“ (р. 220) вычитать ученіе, что единица не есть число; 2) изъ ученія, что единица не есть число, слѣдуетъ ли, что она не можетъ быть употребляема въ вычисленіи. Тексты, которые

приводить Вейссенборнъ для доказательства этихъ двухъ положеній, нисколько не доказываютъ ни того, ни другаго.

Вейссенборнъ для доказательства перваго ссылается (р. 218) на слѣдующее мѣсто „Ариметики“ Боэція: „Est igitur unitas, vicem obtinens puncti, intervalli longitudinisque principium; ipsa vero nec intervalli nec longitudinis caraх, quemadmodum punctum principium quidem lineae est atque intervalli, ipsum vero nec intervallum nec linea“. Этотъ пассажъ есть не совсѣмъ буквальный переводъ слѣдующей фразы „Ариметики“ Никомаха, тоже приведенной у Вейссенборна тамъ же: „Ἐστὶ οὖν ἡ μὲν μονὰς, σημείου τόπον ἐπιέχουσα καὶ τρίπων, ἀρχὴ μὲν διαστήματων καὶ ἀριθμῶν, οὐκ ἂν δὲ διάστημα οὐδὲ ἀριθμός, ὡς τὸ σημεῖον ἀρχὴ μὲν γραμμῆς καὶ διαστήματος, οὐκ ἂν δὲ γραμμῆ οὐδὲ διάστημα. Изъ этихъ пассажей ясно, что мысль о томъ, что единица не есть число, могла мелькнуть въ головѣ того, кто читалъ Никомаха, но уже никакъ не въ головѣ читателя „Ариметики“ Боэція, который дважды — съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, это другой вопросъ — вмѣсто ἀριθμός поставилъ „longitudo“. Вейссенборнъ, р. 219 полагаетъ, что онъ это сдѣлалъ съ намѣреніемъ, и хвалить его за здравомысліе и желаніе не подать своимъ текстомъ поводъ къ опасному заключенію, что единица не есть число. На р. 220 Вейссенборнъ признается, что арабскій ученый Алхаризми усвоилъ себѣ это ученіе, по всей вѣроятности, изъ Никомаха, но что „Boetius in seiner Arithmetik weder an der eben angeführten, noch an einer anderen Stelle es behauptet“ (то-есть, что единица не есть число). Все это однако нисколько не мѣшаетъ ему продолжать только что приведенную фразу такъ: „las man doch, ich will nicht sagen allgemein, aber doch häufig genug (слова, слова и слова!), aus derselben die Lehre heraus, die Eins sei keine Zahl“. Можно положительно думать, что подобнымъ умозаключеніемъ Вейссенборнъ хотѣлъ только испытать, на сколько велика у его читателей способность къ логическому мышленію!

Теперь обратимся ко второму изъ поставленныхъ нами выше вопросовъ, то-есть, вытекаетъ ли изъ ученія, что единица не есть число, прямо заключеніе, что она не можетъ быть употребляема въ вычисленіяхъ на абакѣ. Какія Вейссенборнъ приводитъ доказательства въ пользу того, что такое заключеніе, дѣйствительно, дѣлалось? Никакого другаго, кромѣ уже упомянутаго пассажа объ абакѣ въ такъ-называемой „Геометріи“ Боэція, надъ авторомъ котораго онъ однако уже самъ произнесъ строгій и справедливый приговоръ.

Въ двухъ другихъ приведенныхъ имъ текстахъ (первый изъ приписанной Оллерисомъ Герберту „Regula de abaco computi“, а второй изъ „Liber Abaci“ Бернелина), во первыхъ, нигдѣ не говорится, что единица не есть число (въ текстѣ Бернелина о единицѣ мы читаемъ всего лишь слѣдующее: „unitas, — quae a nulla progrediens, omnium numerorum sola naturale sortita est principium“), а во вторыхъ, авторы этихъ пассажей нисколько не боятся пользоваться единицей для вычислений. Относительно Бернелина самъ Вейссенборнъ это признаетъ безусловно, относительно же „Regula“ — съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что этого послѣдняго текста Вейссенборнъ совсѣмъ не понималъ. Итакъ, остается не доказаннымъ, что кто-нибудь (кромя невѣжественнаго автора пассажа объ абакѣ въ такъ-называемой „Геометріи“ Боэція) дѣлалъ когда-нибудь подобное нелѣпое заключеніе изъ ученія, что единица не есть число.

Затѣмъ еще вопросъ: слѣдуетъ ли вообще логически изъ этого ученія, что единица не можетъ быть употребляема при вычисленіяхъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ прежде всего отдать себѣ отчетъ, въ какомъ смыслѣ говорилось, что единица не есть число.

Мы посмотримъ теперь на отвлеченныя числа исключительно, какъ на отвлеченныя понятія, какъ на матеріалъ, надъ которымъ или при посредствѣ котораго производятся математическія операціи. Съ этой точки зрѣнія насъ вполне удовлетворяетъ слѣдующее, пригнанное къ этой точкѣ зрѣнія опредѣленіе числа: „число есть сама единица или собраніе нѣсколькихъ единицъ“, потому что мы оперируемъ надъ единицей совершенно также, какъ надъ всякимъ другимъ числомъ. При такомъ взглядѣ на число сказать, что единица не есть число, дѣйствительно, значило бы утверждать, что единица не можетъ быть употребляема въ вычисленіяхъ, то-есть, утверждать вздоръ.

Но, во первыхъ, практичность опредѣленія не есть гарантія его правильности съ логической точки зрѣнія, а во вторыхъ, еще вопросъ, смотрѣли ли тѣ изъ древнихъ и средневѣковыхъ математиковъ, которые утверждали, что единица не число, на число съ нашей практической точки зрѣнія.

Логическая неправильность вышеприведеннаго опредѣленія числа, намъ кажется, ясна сама собою. Мы спрашиваемъ: что такое число? Намъ говорятъ: „число есть единица или“ и т. д. А если мы спросимъ, что такое единица, намъ отвѣтятъ, что это число. Сообразно

этому можно было бы вѣсто „число есть собраніе единицъ“, сказать „число есть собраніе чиселъ“, при чемъ все же остается неопредѣленнымъ. что это за особія числа собираются, чтобы составить число. Итакъ, если допустить, что числомъ можетъ быть собраніе единицъ, то отсюда слѣдуетъ логически, что сама-то единица (отвлеченная, конечно) не есть число, а что-то другое, служащее къ образованію чиселъ. Наконецъ, самое выраженіе „собраніе единицъ“ грѣшитъ нѣкоторою конкретностью: оно называло отвлеченной единицѣ конкретное реальное существованіе, котораго она не имѣетъ. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была сама по себѣ отвлеченная единица, несомнѣнно, что собраніе такихъ отвлеченныхъ единицъ есть столь же мало число, какъ и собраніе конкретныхъ единицъ. Напримеръ, 30 яблокъ не есть само по себѣ число, а просто куча яблокъ. Чиселъ нѣтъ внѣ человѣческаго ума: они не болѣе, какъ продуктъ особой организациіи человѣческаго ума, познающаго міръ не иначе, какъ въ пространствѣ и времени, и потому способнаго раздѣльно воспринимать и представлять себѣ предметы въ пространствѣ и времени. Число, такимъ образомъ, является итогомъ, подведеннымъ подъ тѣмъ, сколько разъ мы восприняли или вызвали въ себѣ извѣстное представленіе, а не итогомъ подъ самими этими представленіями и еще тѣмъ менѣе подъ реально существующими предметами. Если единицей назвать актъ, посредствомъ котораго мы однократно вызываемъ въ себѣ извѣстное представленіе, то разумѣется, и единица есть число. „Число есть результатъ счета“, говорить другое болѣе правильное, но не вполне ясное опредѣленіе числа. Мы называемъ его не вполне яснымъ, потому что самое понятіе „счетъ“ требуетъ разъясненія. При обыденномъ же понятіи о числѣ, оно есть именно итогъ, подведенный подъ собраніемъ какихъ-то неопредѣленныхъ представленій, называемыхъ единицами. Мы естественно расположены объективировать эти неопредѣленные представленія и считать ихъ существующими независимо отъ насъ. Такъ мы невольно представляемъ себѣ отвлеченную единицу въ видѣ короткой линіи, напоминающей цифру 1, подобно тому, какъ геометрическому пункту мы въ своихъ представленіяхъ даемъ видѣ чернаго кружка, хотя и знаемъ, что онъ не имѣетъ никакого измѣренія. Съ этой точки зрѣнія единица является уже не числомъ, а лишь матеріаломъ, изъ котораго образуются числа.

Если мы въ настоящее время, не смотря на все болѣе и болѣе развивающуюся способность къ отвлеченному мышленію и успѣхи

философіи, не можемъ освободиться отъ грубыхъ, чувственныхъ чертъ въ понятіи о числѣ, то понятно, что пластическому греку числа должны были представляться реально существующими сущностями, какъ Платону представлялись его идеи. Мы знаемъ, что пифагорейцы такъ именно и смотрѣли на числа: человеческую душу, элементы они отождествляли съ извѣстными числами. Для нихъ изучать свойства чиселъ значило изучать природу. Отсюда ясно, что и единица, изъ которой состояли всѣ числа, представлялась имъ реально существующею монадой, родоначальницей всѣхъ чиселъ, которую они по этому самому и не могли поставить въ одну категорію съ остальными числами. Пифагорейское ученіе имѣло громадное вліяніе на послѣдующее развитіе математики. Пифагорейскій взглядъ на числа приобрѣлъ широкое распространеніе, и въ немъ-то, въ этомъ взглядѣ на числа, лежитъ источникъ 1) ученія о томъ, что „*unitas numerus non est, sed fons et origo numerorum*“, 2) ученія о фигурныхъ (полигональныхъ и пирамидальныхъ) числахъ.

Отсюда ясно, 1) что ученіе о томъ, что единица не есть число, не есть какая-нибудь случайная бессмыслица, которая могла явиться вслѣдствіе невѣрнаго толкованія какого-нибудь запутаннаго текста, какъ это думаетъ Вейсенборнъ; 2) что это ученіе имѣетъ натуръ-философскую подкладку и не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ практическому вычисленію, другими словами, отсюда логически не вытекаетъ, что единица не можетъ быть употребляема при вычисленіяхъ на абакѣ или гдѣ бы то ни было.

Что касается до фигурныхъ чиселъ, то это, кажущееся намъ страннымъ, ученіе древнихъ выросло несомнѣнно, и притомъ вполне логически на той же пифагорейской почвѣ. Дѣйствительно, если единица есть реально существующая монада, что-то въ родѣ атома или реализованнаго геометрическаго пункта, то всякій предметъ есть собраніе монадъ, слѣдовательно, число. Обратное: когда у насъ есть число, то мы можемъ его реализовать. Обыкновенно для этого древніе выискивали такіа числа, которыя реализовались въ формѣ правильныхъ геометрическихъ фигуръ. Возьмемъ, наприимѣръ, число 10, то-есть число, состоящее изъ десяти монадъ. Обозначивъ эту монаду-атомъ какимъ бы то ни было образомъ, наприимѣръ, маленькимъ чернымъ кругомъ, точкой (или альфой, какъ дѣлаетъ Никомахъ), мы располагаемъ ихъ въ формѣ правильнаго равносторонняго треугольника: въ основаніи четыре кружка, потомъ три, потомъ два и въ вершинѣ одинъ. Такимъ образомъ мы получимъ правильную геометрическую фигуру,

площадь (между кружками, разумѣтся, будутъ интервалы, но и между атомами реального пространства необходимо предположить существованіе такихъ интерваловъ). Эта фигура и будетъ число 10. Такимъ же точно образомъ можетъ быть изъ монадъ построена пирамида. Фигурныя числа служили какъ бы нагляднымъ, графическимъ примѣромъ тождественности между числами и реальными вещами. На нихъ всякій долженъ былъ убѣдиться, что монада есть въ одно и то же время начало числамъ и пространственнымъ измѣреніямъ. Объ этихъ-то фигурныхъ числахъ и говоритъ новопифагореецъ Никомахъ въ приведенномъ нами выше пассажѣ: „Итакъ, единица, занимающая мѣсто и играющая роль точки (то-есть, реальная монада, пифагорейская отвлеченная единица), есть начало и разстояніемъ, и числамъ, но сама не есть ни разстояніе, ни число, какъ точка есть начало линіи и разстоянія, но сама не линія и не разстояніе“. Въ этомъ пассажѣ Боэцій, какъ это ясно изъ приведеннаго выше текста его „Арифметики“, поставилъ дважды вмѣсто ἀριθμός—longitudo, такъ что у него дважды очутились рядомъ въ данномъ случаѣ совершенно однозначущія слова „intervallum“ и „longitudo“. Ясно, что Боэцій не понялъ сокровенной мысли Никомаха, и хвалить его за это, какъ это дѣлаетъ Вейссенборнъ, не слѣдуетъ.

Изъ пассажа Никомаха видно, что монада не занимаетъ сама никакого мѣста (она „не есть разстояніе“), но тѣмъ не менѣе наполняетъ собою пространство („есть начало разстоянія“). Кто подумаетъ упрекнуть Никомаха въ этомъ противорѣчии, когда и въ нашемъ представленіи объ атомахъ, наполняющихъ собою пространство, заключается почти такое же противорѣчіе?

Монада, соотвѣтствующая въ ученіи древнихъ нашей отвлеченной единицѣ, разумѣтся, не могла быть ни увеличена, ни уменьшена (раздѣлена), какъ и наша отвлеченная единица не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена (раздѣлена). Отвлеченныя дроби суть только условные знаки, а не результатъ дѣленія. Но числа, состоящія изъ монадъ могутъ, конечно, возрастать (съ 2 до безконечности) и уменьшаться (съ безконечности до 2) безконечно. Точно также и какая-нибудь конкретная единица, которую слѣдуетъ строго отличать отъ монады, можетъ увеличиваться, уменьшаться и дѣлиться. Глубокое отличіе монады (unitas) отъ конкретной единицы (unum) прекрасно представлено въ слѣдующемъ пассажѣ, который Вейссенборнъ, р. 222, приводитъ для того, чтобы окончательно исказить его смыслъ: „Cum passione contraria, id est augmentatione et diminutione,

omnis ad infinitum tendat quantitas, ab utraque (то-есть, passione), ut mihi videtur, pura relinquatur unitas (=монада), sed rei alicui commixta et ad id, quod unum (=конкретная единица) dicitur, deveniens ab ipsa sua definitione utriusque facultati, ut ad infinitum procedat, largitur primordia. Erit igitur (то-есть, unitas) in sua puritate et castitatis vi, nec generat enim, nec generatur obtinens (=obstinans?) et suae integritatis dissolutionem nesciens. Quare cum ipsa a sua immobilitate vel soliditate, ut nostris divisionibus subiaceat vel augmentationibus, nequeat corrogari, velut reginam in suo adamantinis parietibus detexto quiescere permittamus cubili. Sed id, quod sua denominatione nobis effecerat, quod etiam unum superius nominari placuerat, quasi gaudentes et gratias agentes, ad dividendum et ad incrementum vel incrementandum suscipiamus... Unum ergo, quicquid illud sit sive pes, sive libra, si per XII divido, duodecimam unam uncliam... nomino“.

Въ этомъ пассажѣ совершенно ясно говорится о не измѣняющейся единицѣ (unitas), то-есть, монадѣ (соотвѣтствующей, но не равной, въ воззрѣніяхъ древнихъ нашей отвлеченной единицѣ). Этой единицѣ противопоставляется конкретная единица (unum), которая можетъ измѣняться, и увеличиваясь, и уменьшаясь (дѣлясь). Но Вейссенборнъ изъ-за своей теоріи не разглядѣлъ смысла этого пассажа и излагаетъ его такъ: „Mit der wahren und reinen Eins, der unitas, kann allerdings weder multipliziert noch dividiert werden (!? читателю легко убѣдиться, что въ нашемъ пассажѣ unitas разсматривается какъ множимое и дѣлимое, но не какъ множитель и дѣлитель), sie ruht wie eine Königin unbeweglich in ihrer diamantenen Zelle, nämlich in der Columne der Einer auf dem Abacus (?? гдѣ это послѣднее въ текстѣ?), und kann aus derselben (?) nicht entfernt werden; wenn sie aber nicht mehr die reine Einheit, die unitas, ist, sondern wenn sie das Eins, то unum, ist, dann, ja dann kann sie ihre Columne (?) verlassen, und dann kann mit der Eins gerechnet werden wie mit jeder anderen Zahl. Da nun aber gar nicht (??) angegeben ist, woran man erkennt, ob eine in einem vorliegenden concreten Falle vorkommende Eins die unitas oder то unum ist (??), и т. д.

Мы жалѣемъ, что и безъ того разросшійся объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ разсмотрѣть подробнѣе спутанныя и построенныя на рядѣ гипотезъ и риторическихъ вопросовъ разсужденія Вейссенборна относительно происхожденія абака Герберта, относительно того, откуда и какъ появились на этомъ абакѣ арабскія цифры

откуда, наконецъ, произошелъ самый способъ умноженія и дѣленія на этомъ абаѣ, изложенный Гербертомъ въ его „*Lib. de num. div.*“. Мы можемъ сказать, что всѣ эти разсужденія, занимающія конецъ четвертой главы (pp. 226 — 239), не подвигаютъ насъ ни на шагъ ближе къ разрѣшенію этихъ спорныхъ вопросовъ. Они обнаруживаютъ въ Вейссенборнѣ защитника системы, допускающей вліяніе арабовъ на христіанскихъ математиковъ уже во время Герберта, но и въ этомъ отношеніи не даютъ ничего новаго, кромѣ развѣ болѣе чѣмъ страннаго соображенія на стр. 233. Признавая, что арабскія названія для 1—9 и даже для 0 попадаютъ въ Европѣ еще съ начала XII вѣка, онъ утверждаетъ, что эти названія не приносили никакой пользы, такъ какъ не были извѣстны арабскія названія для 10, 100, 1000, и поэтому нельзя было выговорить написанную цифру, если она была болѣе десяти. Для примѣра Вейссенборнъ ставитъ между прочимъ слѣдующій вопросъ: *quinque (5) et septem (7) faciunt?* На этотъ вопросъ, по мнѣнію Вейссенборна, человѣкъ, не знавшій, какъ по арабски десять, не могъ отвѣтить. Прямое слѣдствіе изъ этой теоріи—то, что мы въ XIX столѣтіи совсѣмъ не можемъ производить вычисленій и выговаривать числа, такъ какъ мы 1) употребляемъ такъ-называемыя арабскія цифры и 2) не знаемъ арабскаго названія ни одной изъ нихъ. Другое заключеніе изъ этой теоріи,—то, что греки, употреблявшіе для обозначенія цифръ алфавитъ, должны были считать не *ἐπτά καὶ ὀκτώ εἰς πεντεκαίδεκα* „а *Ζῆτα καὶ ἦτα εἰς ἰῶτα ἓ ψιλόν*. Для средневѣковыхъ христіанскихъ математиковъ арабскія (или изъ какого бы источника они ни происходили) названія для 1—9 и 0 были лишь названіями цифръ, то-есть, самихъ знаковъ, и никому изъ нихъ не могла придти въ голову дикая мысль при устномъ счетѣ употреблять эти чуждыя названія цифръ вмѣсто латинскихъ числительныхъ (названій чиселъ).

Последняя, пятая глава („*Ueberblick*“, pp. 240—251) есть резюме всей книги, особенно же главъ первой и четвертой. Поэтому въ этой главѣ среди общихъ разсужденій встрѣчаются тѣ же, отмѣченныя нами выше, крупныя ошибки Вейссенборна. Такъ на р. 243 опять повторяется невѣрный выводъ изъ пассажей первой части такъ называемый „Геометрія“ Герберта о прямоугольныхъ треугольникахъ, а на pp. 242, 244, 248, 249 Вейссенборнъ съ видимымъ удовольствіемъ возвращается къ своей теоріи о томъ, что взглядъ на единицу, какъ не на число, былъ почерпнутъ изъ „Арифметики“ Боэція, что этотъ взглядъ мѣшалъ развитію практическаго вычисленія. Онъ снова хвалитъ Боэція за его пра-

вильный будто бы переводъ Никомача и вторично дѣлаетъ указанный нами выше логическій скачекъ (р. 248). Если мы къ этому прибавимъ произвольное, ничѣмъ не доказываемое, утверждение Вейссенборна на р. 243: „hielt man Untersuchungen über die Natur der Zahlen für identisch mit Rechnen“, и курьезъ на р. 240: „Gerbert selbst schreibt, Oll. ep. 155, an einen nicht weiter bekannten Bruder Ada, er habe Zeichnungen entworfen zur Anfertigung von Uhren für zwei Breitengrade“ (на самомъ дѣлѣ здѣсь рѣчь идетъ объ опредѣленіи въ часахъ сравнительной длины ночи и дня во всѣхъ мѣсяцахъ для такой широты, гдѣ наиболѣе длинный день 18 часовъ, и для такой, гдѣ этотъ день имѣетъ 15 часовъ, о пружинныхъ же часахъ Гербертъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія),—то читатель получитъ истинное понятіе о научныхъ достоинствахъ этой главы.

Итакъ, въ общемъ слѣдуетъ признать, что свою задачу Вейссенборнъ исполнилъ неудовлетворительно, и мы позволимъ себѣ не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое Вейссенборнъ поторопился высказать о своей работѣ въ предисловіи (р. VI), какъ бы съ цѣлью устрашить своего будущаго критика: „Seit lange geplant, hat mich diese Arbeit, das Ergebniss der sorgfältigsten (?) und eingehendsten Forschungen, Jahre(?) hindurch in meinen Musse-Stunden beschäftigt,—ich habe also hinreichend Zeit gehabt. Alles auf das Genaueste und Reiflichste zu überlegen, und darf wohl behaupten, dass dies auch geschehen ist“(?).

И. Бубновъ.

Донъ-Жуанъ. Повесть лорда Байрона. Переводъ П. А. Козлова. Двѣ части. С.-Пб. 1889.

Переводческая дѣятельность въ Россіи сопровождается двумя интересными явленіями: во-первыхъ, она распространена въ очень значительной степени, и во-вторыхъ, находится, въ одномъ отношеніи, въ весьма неблагоприятныхъ условіяхъ.

Что касается перваго явленія, то, какъ многимъ конечно извѣстно, переводить иностранныхъ писателей—и прозой, и стихами—начали у насъ очень давно, и главнымъ образомъ — въ царствованіе Екатерины II. Затѣмъ, эта отрасль литературы развивалась въ Россіи все больше и больше, развивалась такъ, какъ ни въ одной европейской странѣ, за исключеніемъ развѣ Германіи, и въ настоящее время находится въ такомъ положеніи, что ни одинъ европейскій писатель (я имѣю здѣсь въ виду беллетристовъ), сколько-

нибудь выдающийся, имѣющій право занять почетное мѣсто во всеобщей исторіи литературы, не остается у насъ не переведеннымъ— или wholly, или частями. При этомъ нельзя упускать изъ виду и то обстоятельство, что между именами нашихъ переводчиковъ встрѣчается не мало такихъ, которыя принадлежатъ весьма почтеннымъ и даровитымъ дѣятелямъ нашей словесности.

Второе изъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ заключается въ томъ, какъ относится къ русскимъ переводамъ иностранныхъ писателей наша критика. И здѣсь мы усматриваемъ явленіе, противоположное состоянію этого дѣла за границею, но уже далеко не къ нашей выгодѣ. Въ европейскихъ странахъ даже во Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, на иностранныхъ писателей, такихъ даже, какъ Шекспиръ или Гете, большинство смотритъ или по крайней мѣрѣ смотрѣло достаточно высокоумно, — всякій переводъ капитальнаго произведенія на туземный языкъ разсматривается критикою также серьезно и солидно, какъ выдающееся оригинальное произведеніе, чѣмъ и опредѣляется мѣсто, которое долженъ занять этотъ переводъ въ отечественной литературѣ. У насъ мы видимъ совсѣмъ не то. Здѣсь со стороны критики или полное игнорированіе предмета или мимолетный отзывъ газетнаго свойства въ нѣсколькихъ строкахъ, — и изъ множества примѣровъ этого явленія можемъ указать на слѣдующій, весьма характеристическій. Когда появилось Гербелевское изданіе сочиненій Шекспира—а это было первое полное собраніе его переводовъ на русскомъ языкѣ, при чемъ нѣкоторые переводы были здѣсь напечатаны въ первый разъ, — ни въ одномъ журналѣ нашемъ, въ газетахъ же и подавно, не дали, сколько мнѣ извѣстно, не только подробнаго, серьезно-критическаго разбора, но даже мало-мальски самостоятельнаго и солиднаго отзыва; вездѣ все дѣло ограничивалось болѣе или менѣе краткимъ „извѣщеніемъ“ чисто библиографическаго характера. Затѣмъ, то же самое, и даже въ большей степени, — такъ какъ тутъ дѣло обошлось и безъ „извѣщеній“ — повторилось недавно, при выходѣ четвертаго изданія того же полнаго собранія сочиненій Шекспира, хотя въ этомъ изданіи всѣ, помѣщавшіяся въ предшествовавшихъ изданіяхъ переводы А. Л. Соколовскаго (а ихъ чуть ли не десять), были замѣнены новыми, сдѣланными въ первый разъ, и притомъ писателями съ хорошо извѣстными въ нашей литературѣ именами.

Это по части игнорированія и библиографичности вмѣсто критики; но еще больше важности для дѣла имѣетъ отношеніе этихъ

рецензентовъ къ достоинству труда, о которомъ они докладываютъ читателю. Отношеніе это или въ высшей степени поверхностное, доказывающее, что рецензентъ почти въ глаза не видѣлъ предмета своей работы и отдѣлался только нѣсколькими общими мѣстами, или также въ высшей степени невѣжественное. Последнее объясняется совершенно естественно тѣмъ, что о достоинствѣ перевода берутся судить люди, почти читать не умѣющіе на языкѣ подлинника: и тутъ мы бы могли назвать нѣсколько именъ и привести много примѣровъ, которые можно бы призвать очень забавными, еслибы они не были ужъ черезъ чуръ возмутительны. А на счетъ поверхностнаго отношенія, изъ существующихъ тоже во множествѣ примѣровъ вотъ хоть бы два: выходитъ Дантовъ „Адъ“ въ переводѣ покойнаго С. И. Заруднаго, трудъ, гдѣ переводчикъ, независимо отъ многихъ очень вольныхъ отступленій отъ подлинника, не стѣснился помѣстить въ самый текстъ свои собственные примѣчанія и объясненія, и уже черезъ два, три дня послѣ выхода этой книги, въ нѣсколькихъ газетахъ встрѣчаемъ отзывы о вѣрности перевода; выходитъ Фетовскій переводъ „Фауста“ — и тоже не далѣе, какъ по прошествіи двухъ, трехъ дней, газетные и журнальные рецензенты свидѣтельствуютъ передъ читателями о близости къ подлиннику перевода; точно есть какая-нибудь физическая возможность въ такое короткое время добыть себѣ хотя приблизительное понятіе о вѣрности или невѣрности перевода такихъ произведеній, уже хотя бы по ихъ объему, какъ „Адъ“ или „Фаустъ“!

Вышесказанное отношеніе нашей критики къ переводческой дѣятельности есть, полагаемъ, одна изъ существенныхъ причинъ того, что у насъ до сихъ поръ не установились, до сихъ поръ остаются довольно разнообразными мнѣнія на счетъ того, что значить истинно хорошій переводъ, какія качества нужно имѣть, чтобы быть истинно хорошимъ переводчикомъ и т. п. Изъ отвѣтовъ на второй вопросъ представляются заслуживающими вниманія — уже по именамъ ихъ авторовъ — два: Жуковскаго и Тургенева. По мнѣнію перваго, „чѣмъ ближе къ дарованію образца стихотворное дарованіе подражателя тѣмъ лучше“ (Жуковскій, обмолвившись, говоритъ „подражателя“ вмѣсто „переводчика“, выражая этимъ неволью свою настоящую мысль, ибо, такъ какъ онъ самъ — о чемъ будетъ еще рѣчь ниже — никогда не былъ переводчикомъ въ истинномъ значеніи этого слова, то и на переводъ могъ смотрѣть не иначе, какъ на „подра-

жаніе"); „но“, прибавляетъ Жуковскій,—я позволяю себѣ думать, что оно (то-есть, стихотворное дарованіе переводчика) непременно должно быть съ нимъ (то-есть, дарованіемъ образца) одинаково—и тутъ же объясняетъ, что подъ „стихотворнымъ дарованіемъ“ онъ понимаетъ „способность воображать и чувствовать сильно, соединенную со способностью находить въ языкѣ своемъ такія выраженія, которыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь“. Тургеневъ же на этотъ счетъ говоритъ вотъ что (въ своемъ разборѣ Вронченкова перевода „Фауста“): „Талантъ, творческій даръ необходимъ переводчику; самая взыскательная добросовѣстность тутъ недостаточна. Что можетъ быть рабски добросовѣстнѣе дагеротипа? А между тѣмъ, хорошій портретъ не въ тысячу ли разъ прекраснѣе и вѣрнѣе всякаго дагеротипа? Заслуга переводчика чрезвычайно велика, но только тогда, когда ее дѣйствительно нельзя не признать заслугой. Многие, не совсѣмъ бездарные, но и не даровитые люди, охотно принимаются за переводы; переводя, они избавляются отъ необходимости прибѣгать къ собственной изобрѣтательности (которая, можетъ быть, уже не разъ измѣняла имъ): они имѣютъ предъ собою готовый матеріалъ, и между тѣмъ, все же они какъ будто создаютъ, какъ будто сочиняютъ. Но не такими воображаемъ мы себѣ истинно хорошихъ переводчиковъ. Такія натуры попадаются довольно рѣдко. Ихъ нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубокимъ и вѣрнымъ пониманіемъ красоты, уже выраженной другимъ, способностью поэтически воспроизводить впечатлѣнія, производимыя на нихъ любимымъ ихъ поэтомъ; элементъ воспримчивости преобладаетъ въ нихъ, и собственный ихъ творческій даръ отзывается страдательностью, необходимостью опоры. Они по большей части бываютъ люди съ тонкимъ вкусомъ, съ развитою рефлексіей. Таковъ былъ Шлегель. Таковъ былъ и Фоссъ. Невольная симпатія привлекаетъ ихъ къ тому поэту, котораго они стараются передать (вспомнимъ о Жуковскомъ и Шиллерѣ); всякій хорошій переводъ проникнуть любовью переводчика къ своему образцу—понятною, разумною любовью, то-есть, читатель чувствуетъ, что между этими двумя натурами существуетъ дѣйствительная, непосредственная связь...“

Въ интересахъ дѣла, имѣющаго—съ чѣмъ конечно никто не станетъ спорить—несомнѣнную литературную важность, было бы очень желательно и благотворно, взявъ въ основаніе вышеприведенныя мнѣнія такихъ авторитетовъ, какъ Жуковскій и Тургеневъ, подробно разобрать ихъ и, на фундаментѣ этого разбора, построить разъ на-

всегда теорію хорошаго перевода и соединенныхъ съ этимъ другихъ вопросовъ. Въ настоящемъ отчетѣ, и по размѣрамъ его, и по спеціальности его содержанія, гдѣ всѣ вышеизложенныя мысли приведены только, такъ-сказать, кстати, только по поводу того, что собственно вызвало этотъ отчетъ, конечно, не мѣсто подробному обсужденію и разрѣшенію затронутого нами общаго вопроса. Но затронувъ его, не можемъ все-таки не замѣтить, что изъ мнѣній Жуковскаго и Тургенева мы склоняемъ въ пользу втораго, хотя и тутъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Жуковскій, справедливо замѣчающій, что въ хорошемъ переводчикѣ должна существовать способность, какъ „воображать и чувствовать сильно“, такъ и (и это, какъ мы думаемъ, въ гораздо большей степени) „находить въ языкѣ своемъ такія выраженія, которыя соотвѣтствовали бы тому, что чувствуешь и воображаешь“,—Жуковскій, по моему мнѣнію, совсѣмъ не правъ, когда утверждаетъ, что стихотворное дарованіе переводчика должно быть одинаково со стихотворнымъ дарованіемъ образца. Если подъ „одинаковостью“ какъ мнѣ кажется, Жуковскій понималъ въ этомъ случаѣ одинаковость не направленія, образа мыслей и чувствъ, а степени, размѣра дарованія, то, соглашаясь съ нимъ, мы должны бы прійти къ заключенію, что большаго, первокласснаго поэта можетъ, какъ должно, перевести только такой же большой поэтъ, изъ чего вытекало бы другое естественное заключеніе, что переводъ, то-есть, хорошій переводъ большинства первоклассныхъ поэтовъ не возможенъ. Почему? Потому что большихъ поэтовъ, а ужъ подавно такихъ между ними, которые, оставляя даже на время свое собственное творчество, занимались бы передачею на свой языкъ того, что сказано другими на ихъ языкѣ, очень мало; а вовторыхъ, я позволяю себѣ думать даже совершенно напротивъ: не только первостепенный поэтъ, но поэтъ вообще въ истинномъ смыслѣ этого слова (излишне, кажется, объяснять что понимаемъ мы подъ такимъ поэтомъ), не можетъ быть хорошимъ переводчикомъ, даже если онъ отъ времени до времени—что случается впрочемъ рѣдко—возьмется за это дѣло. И тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: у истиннаго поэта столько своего, такой избытокъ собственнаго творчества, что чужіе стихи, которые онъ станетъ переводить, скоро становятся для него только какъ бы крючками, на которые онъ вѣшаетъ собственные образы. Мнѣ могли бы возразить—и въ частныхъ бесѣдахъ я слышалъ эти возраженія—ссылкою на Жуковскаго. Но ссылка эта неудачна, ибо человѣкъ, не одержимый слѣпымъ идолопоклонствомъ относительно авторите-

товъ вообще, признавая громадность заслугъ Жуковскаго относительно русской литературы, его великое, непреходимое значеніе историко-литературное, все-таки не станетъ признавать его не только великимъ, но и вообще первостепеннымъ поэтомъ-творцомъ, по отсутствію въ немъ оригинальныхъ, именно ему присущихъ—а не у другихъ поэтовъ заимствованныхъ мотивовъ, по однообразію и узкости области его поэзіи, по многимъ другимъ особенностямъ, которыя, конечно, извѣстны всякому, строго-критически изучавшему этого писателя. Да еслибъ и согласились мы съ мнѣніемъ о первостепенности самостоятельнаго поэтического дарованія Жуковскаго, то развѣ этимъ опровергалось бы то, что высказано нами выше? Полагаемъ, что нѣтъ, такъ какъ переводы Жуковскаго отнюдь нельзя признавать переводами въ полномъ значеніи понятія „переводъ“; всѣ они почти безъ всякихъ исключеній, въ высшей степени талантливны, доказывающія и духовное родство поэта съ образцомъ, передѣлки, подражанія, стихотворенія такъ-называемыя „на мотивъ“, все, что хотите, только не переводы,—такъ какъ въ множествѣ стиховъ этихъ произведеній, при внимательномъ сличеніи ихъ съ подлинникомъ, оказываются очень большія отступленія отъ этого подлинника, устраненіе переводчикомъ—умышленное или неумышленное—многихъ особенностей, частныхъ, своеобразностей и т. п., вслѣдствіе чего и говорятъ, совершенно основательно, что переводы Жуковскаго—вполнѣ самостоятельныя произведенія, въ которыхъ часто личность и особенности автора скрываются, уничтожаются предъ личностью и особенностями переводчика, и т. п. въ этомъ родѣ. Но врядъ ли это похвала Жуковскому, собственно какъ переводчику; врядъ ли мы можемъ ощущать полное удовлетвореніе въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда, читая переводъ „Шильонскаго Узника“, знаемъ, что во многихъ подробностяхъ этого перевода имѣемъ дѣло не столько съ Байрономъ, сколько съ его переводчикомъ. Говоримъ все это, само собою разумѣется, не въ укоръ и осужденіе Жуковскому, переводы котораго имѣютъ другое, громадное значеніе, о которомъ, понятно, намъ нѣтъ надобности здѣсь распространяться... Возвращаясь къ вопросу о качествахъ, необходимыхъ для истинно-хорошаго переводчика, позволяю себѣ высказать даже такое мнѣніе, что для удовлетворительнаго исполненія этой задачи не только не нужно истинное поэтическое дарованіе, но достаточно, при умѣннѣ владѣть стихомъ (если переводъ стихотворный), и самое главное—при способности быть полнымъ хозяиномъ своего языка (что тоже встрѣчается очень не

часто), имѣть поэтическое чутье, даже, пожалуй, только чутье критическое (въ родѣ того, которое помогало Лессингу, по его собственному сознанію, при отсутствіи собственно поэтическаго дарованія, создавать поэтическія произведенія).

Съ вопросомъ о необходимыхъ для хорошаго переводчика качествахъ тѣсно связанъ вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ переводъ долженъ быть признанъ хорошимъ, вопросъ, для рѣшенія котораго необходимо уяснить себѣ: для кого именно дѣлаются переводы иностранныхъ писателей? Здѣсь послушаемъ опять Тургенева. „Всякій переводъ“, говоритъ онъ, — „назначенъ преимущественно для не знающихъ подлинника. Переводчикъ не долженъ трудиться для того, чтобы доставить знающимъ подлинникъ случай оцѣнить—вѣрно или невѣрно передалъ онъ такой-то стихъ, такой-то оборотъ: онъ трудится для „массы“. Какъ бы ни была предубѣждена масса читателей въ пользу переводимаго творенія, но и ее точно также должно завоевать оно, какъ завоевало нѣкогда свой собственный народъ“. Оставляя въ сторонѣ неправильность послѣдняго замѣчанія, ибо Тургеневъ упустилъ тутъ изъ виду, вопервыхъ, условія времени, когда писалось данное произведеніе, условія, при которыхъ въ то время могло произойти „завоеваніе“, о какомъ онъ говоритъ, но отсутствіе которыхъ въ пору появленія перевода уже дѣлало такое же полное завоеваніе невозможнымъ, и, во вторыхъ, условія языка, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, — мы, конечно, соглашаемся съ мнѣніемъ, что переводъ дѣлается для не знающихъ подлинника, а отсюда приходимъ къ выводу, что обязанность хорошаго переводчика — стараться произвести на этихъ читателей своихъ такое же впечатлѣніе (впечатлѣніе, а не „завоеваніе“, о которомъ говоритъ Тургеневъ), какое производитъ и подлинникъ, дать объ этомъ послѣднемъ полное или, въ тѣхъ случаяхъ, когда это, по условіямъ языка, оказывается невозможнымъ, приблизительно полное понятіе относительно мысли, тона, всѣхъ частныхъ подробностей, каковы выраженія, эпитеты и т. п. Сохраненіе этихъ послѣднихъ въ ихъ полной по возможности неприкосновенности мы считаемъ весьма важнымъ, такъ какъ въ нихъ, то-есть, въ распоряженіи поэта своимъ языкомъ, заключается главнымъ образомъ своеобразность его; у большаго поэта (а мы здѣсь имѣемъ въ виду только большихъ, ибо относительно только ихъ считаемъ необходимымъ исполненіе вышеупомянутыхъ требованій) нѣтъ ничего лишняго, ничего, такъ-сказать, не рассчитаннаго, не находящагося въ органической связи или съ его собственной личностью

или съ его поэтическимъ міросозерцаніемъ, или съ условіями времени, когда онъ творилъ данное произведеніе. Поэтому его надо давать въ переводѣ читателю не только со всѣми его достоинствами, но и со всѣми недостатками (которые у такихъ поэтовъ являются недостатками болѣею частью съ точки зрѣнія воздѣйствіаго читателя), другими словами—переводчикъ долженъ стараться, если онъ переводитъ произведеніе цѣликомъ, не только вызывать въ своемъ читателѣ эстетическо-пріятное впечатлѣніе, но давать ему и то, что можетъ, по той или другой причинѣ, подѣйствовать на него непріятно. При несоблюденіи этого условія можно зайти очень далеко и дѣйствовать, руководясь не какими-нибудь опредѣленными теоретическими правилами, а личными взглядами и вкусами переводчика: одинъ переводчикъ станетъ „очищать“ Аристофана и Шекспира отъ ихъ такъ-называемыхъ „непріятностей“, другой сочтетъ нужнымъ выбросить изъ „Божественной Комедіи“ все схоластическое, третій освободить Виктора Гюго отъ всякаго риторическаго балласта, и т. д. Если же хотите производить на вашего читателя только впечатлѣніе эстетическое, знакомить только съ художественными красотами автора, переводите отрывки, исключительно тѣ мѣста, которыя съ точки зрѣнія современнаго читателя не заключаютъ въ себѣ ничего шероховатаго, непріятнаго, неумѣстнаго...

Много еще могли бы добавить къ вышесказанному, но намъ давно пора обратиться къ настоящему предмету этой статьи, къ появившемуся въ нынѣшнемъ году изъ-подъ пера П. А. Козлова полному переводу Байронова „Донъ Жуана“. Довольно значительная часть его была напечатана въ прошедшемъ году въ журналѣ Русская Мысль; здѣсь же, въ отдѣльномъ изданіи, нѣсколько пѣсенъ напечатаны въ первый разъ, а въ прежде напечатанныхъ сдѣланы нѣкоторыя существенныя дополненія возстановленіемъ бывшихъ пропусковъ.

Байрона (и это совершенно естественно при той роли, которую игралъ байронизмъ въ нашей литературѣ) стали переводить у насъ очень давно; въ одномъ антикварномъ каталогѣ находимъ, напримѣръ, подъ 1821 годамъ „Выборъ изъ сочиненій Лорда Байрона. Перев. съ французскаго М. Каченовскій“. Затѣмъ, переводы эти стали и продолжаютъ появляться въ большомъ количествѣ, но количественности въ весьма рѣдкихъ случаяхъ соотвѣтствовала и соотвѣтствуетъ качественность; такъ напримѣръ, „Чайльдъ Гарольдъ“ обезображенъ Д. Д. Минаевымъ точно также, какъ этотъ переводчикъ, по полному незнанію иностранныхъ языковъ, безцеремонности отношенія къ дѣлу

и т. п. особенностямъ своей работы, обезобразилъ рѣшительно всѣхъ иностранныхъ поэтовъ, до которыхъ касался; многія поэмы („Корсаръ“, „Лара“, „Осада Коринѳа“ и др.) въ переводѣ покойнаго Гербеля носятъ на себѣ печать крайней вялости и безпомощности переводчика; исключеній въ этомъ случаѣ (переводы Д. Л. Михаловскаго, П. А. Козлова) немного, и только лирическія стихотворенія Байрона, по крайней мѣрѣ, значительная часть ихъ, нашли себѣ достойныхъ переводчиковъ въ лицѣ Лермонтова (хотя онъ вносилъ много своего, будучи самъ большимъ поэтомъ), Дружинина, Плещеева, Михаловскаго, Тургенева и др.

Прежде, чѣмъ сказать о новомъ переводѣ г. Козлова, считаемъ не лишнимъ замѣтить о большой трудности перевода Байрона вообще, вслѣдствіе присутствія во всѣхъ его произведеніяхъ высоко-художественной формы, которою въ очень значительной степени объясняется громадное вліяніе Байрона на его ближайшихъ современниковъ и непосредственно послѣдовавшее за ними поколѣніе. Всякому, знакомому съ исторіей того явленія, которое навсегда получило названіе „байронизма“, извѣстно, что собственно элементы поэзіи Байрона жили и въ другихъ, шли преемственно съ давняго времени изъ поколѣнія въ поколѣніе, но никто до Байрона (да пожалуй и послѣ него) не выражалъ всю бездну разорванной, терзаемой внутреннимъ разладомъ души такъ величественно и съ такимъ богатствомъ красокъ, въ такой безпощадной наготѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ эстетически, какъ это дѣлалъ Байронъ, который въ этомъ отношеніи, какъ очень оригинально и мѣтко замѣтилъ одинъ старшій нѣмецкій критикъ, напоминалъ ту рыбу, что римляне, въ видахъ жестокаго увеселенія своего, разрѣзывали живою на своихъ банкетахъ, и которая въ минуту смерти доставляла пирующимъ зрѣлище великолѣпнѣйшей игры красокъ. У весьма немногихъ поэтовъ найдемъ мы такое необычайное богатство образовъ, сценъ, такой „благородный, могучій и мѣткій языкъ“, о какомъ въ Англіи до тѣхъ поръ не имѣли и понятія, и который соединялъ бы въ себѣ до такой степени „несказанную нѣжность съ громовою силою“, наконецъ, такой поэтическій стиль, который, напримѣръ, у Берне (по примѣненію къ „Донъ Жуану“) вызвалъ восклицаніе: „какъ нѣжно и сильно онъ гремитъ громомъ на флейтѣ!“ Къ этимъ достоинствамъ надо присоединить и то, что со строго-эстетической точки зрѣнія, пожалуй должно быть признано недостаткомъ, но что составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся своеобразностей поэзіи Байрона во внѣшнемъ отношеніи; это часто въ выс-

часть сслxiv, отд. 2.

шей степени капризна, небрежна по оборотамъ, приемамъ и т. д. форма, на которую—замѣчу кстати—какъ на должествующую непременно быть сохраненную въ переводѣ Байрона, указывалъ на Гете, самъ переведшій нѣсколько строфъ изъ первой пѣсни „Донъ Жуана“. Эти-то всѣ особенности и дѣлаютъ Байрона поэтомъ, весьма трудно поддающимся переводчику, и только что сказанное примѣняется въ особенно значительной степени къ „Донъ Жуану“ вслѣдствіе многихъ своеобразностей этого произведенія, на которыхъ мы уже не имѣемъ возможности остановиться здѣсь даже мимоходомъ.

П. А. Козловъ не новичекъ въ русской поэзіи вообще и въ передачѣ Байрона русскимъ читателямъ въ частности: до „Донъ Жуана“ имъ переведены „Манфредъ“, „Беппо“, нѣсколько лирическихъ стихотвореній. Обладая приятнымъ и симпатическимъ дарованіемъ стихотворца, дарованіемъ, отличительную черту котораго составляетъ легкій юморъ, очень хорошо владѣя стихомъ, г. Козловъ при этомъ имѣетъ всѣ качества, необходимыя для безукоризненнаго переводчика: то поэтически критическое чутье, о которомъ мы говорили выше, и которое помогаетъ ему отбѣять надлежащимъ образомъ все то, что въ подлинникѣ требуетъ именно отбѣненія, и находить для всего надлежащій тонъ, ту способность распоряжаться своимъ языкомъ, о которой тоже упоминали мы, наконецъ, ту литературную добросовѣстность, которая есть тоже одно изъ существеннѣйшихъ условий для переводчика и перевода и, къ сожалѣнію, встрѣчается у насъ весьма рѣдко. Благодаря этимъ качествамъ, къ которымъ необходимо присоединить, какъ весьма важное, знаніе въ совершенствѣ языка подлинника (явленіе, у нашихъ переводчиковъ тоже очень рѣдкое), г. Козловъ вполне удовлетворительно справился со своею задачею относительно соблюденія вѣрности тона (особенно въ мѣстахъ, имѣющихъ юмористическій характеръ, сообразно вышеупомянутому свойству его дарованія), и вѣрности передачи тѣхъ всѣхъ подробностей, особенностей и т. п., которыя нашли себѣ мѣсто въ переводѣ. Но вотъ тутъ мы и подошли къ существенному недостатку почтеннаго и талантливаго труда г. Козлова, ибо именно не всѣ подробности подлинника вошли въ переводъ: многое исключено или сокращено. Причина этого—отнюдь не неспособность или неумѣнье переводчика справиться съ встрѣчавшимися ему трудностями, такъ какъ онъ во многихъ другихъ мѣстахъ своего труда прекрасно доказалъ противоположное. Причина заключается въ желаніи—все, что включено у Байрона въ одну октаву, передать по русски одною октавою, желаніе,

которое не только не можетъ быть поставлено въ укоръ почтенному переводчику, а напротивъ того, много говоритъ въ его пользу, свидѣтельствуя о его полной добросовѣстности относительно подлинника, но тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ представляется совершенно не исполнимымъ безъ ущерба подлиннику и, вмѣстѣ съ тѣмъ, излишнимъ, непроизводительнымъ. Не исполнимо оно по условіямъ нашего языка относительно англійскаго, котораго слова, обороты, грамматическія формы гораздо короче и бѣднѣе того же въ нашемъ языкѣ; излишне и непроизводително потому, что ни красота подлинника, ни близость къ нему перевода нисколько не потеряли бы оттого, что вмѣсто, положимъ, четырехъ стиховъ подлинника оказалось бы шесть въ переводѣ, лишь бы въ этихъ шести не было прибавленій, сочиненныхъ переводчикомъ. Нѣкоторые изъ нашихъ переводчиковъ Шекспира пытались также переводить стихъ въ стихъ, и попытка также всегда оказывалась неуспѣшною: въ большинствѣ случаевъ приходилось выкидывать изъ подлинника кое-что, иногда существенное, и такимъ образомъ достигалась цѣль чисто внѣшняя. Въ оправданіе своего приѣма переводчики эти ссылались на нѣмцевъ, напимѣръ, на Шлегеля и Тика, у которыхъ весь Шекспиръ переведенъ стихъ въ стихъ, съ соблюденіемъ полнѣйшей вѣрности; но они забывали про филологическую и грамматическую близость англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Мы знаемъ, что у Байрона октава придаетъ разказу прелесть и оригинальность; но уже лучше пожертвовать этою чисто внѣшнею особенностью, чѣмъ гораздо болѣе существеннымъ, — тѣмъ болѣе, повторямъ, что красота формы мало потеряла бы оттого, что разказъ шелъ бы напимѣръ куплетами въ четыре стиха того же размѣра; сколько мнѣ помнится, такую же попытку перевода, и именно изъ Байрона, сдѣлалъ — и совсѣмъ не безуспѣшно — нашъ извѣстный переводчикъ Д. Л. Михаловскій. А чтобы наше замѣчаніе о выпускѣ у г. Козлова значительной части „существеннаго“ именно вслѣдствіе вышеупомянутаго стремленія (какъ это случилось бы и со всякимъ другимъ, самымъ опытнымъ и талантливымъ переводчикомъ) не представилось голословнымъ, приведемъ нѣсколько наиболѣе выдающихся примѣровъ.

Пѣснь 2-я, стр. 187. У Байрона (мы переводимъ слово въ слово): „Подъ длиною (рѣчь идетъ о поцѣлуй) я понимаю продолжительность; сколько длился ихъ поцѣлуй — это знаетъ небо, ибо несомнѣнно, что сами они не занимались исчисленіемъ, да еслибъ и занялись, то не могли бы подвести точный, до секунды, итогъ сво-

имъ ощущеніямъ. Они не говорили ни слова, но чувствовали себя влекомыми другъ къ другу, какъ будто ихъ души и губы неодолимо манили себя одна къ другой“.

У г. Козлова:

Порывы страсти сдерживать напрасно,
Тѣмъ больше взмѣрять. Безъ фразъ пустыхъ
Все для Гайде съ Жуаномъ стало ясно,
И ихъ уста слилися въ тотъ же мигъ.

Пѣснь 2-я, стр. 188. У Байрона: „Молчаливый океанъ и свѣтящійся звѣздами (то-есть, отражающимися въ немъ) заливъ, багровый блескъ сумерекъ, съ каждою минутой все болѣе и болѣе тускнѣвшій, безгласные пески, и сочащіяся каплями воды своды пещеры, окружавшіе ихъ, все побуждало ихъ прижиматься другъ къ другу, какъ будто бы подъ небомъ не было никакой жизни, кромѣ ихъ жизни, и какъ будто ихъ жизнь никогда не могла умереть“.

У г. Козлова:

. . . . . Внимая
Таинственному плеску сонныхъ водъ,
Что въ даль неслись, свѣтила отражая,
Глядя на берегъ, небо, море, гротъ,
Они, другъ друга страстно обнимая,
Весь забывали міръ: жизнь сферъ земныхъ,
Казалось имъ, заключена лишь въ нихъ.

Пѣснь 2-я, стр. 189. У Байрона: „Они вполнѣ (all in all) принадлежали другъ къ другу; хотя ихъ рѣчи были только отрывочныя слова, но они мыслью своею (thought—у Байрона курсивомъ) находили въ ней цѣлый языкъ, и всѣ сожигающія рѣчи, которымъ научаетъ страсть, находили себѣ въ одномъ вздохѣ лучшаго истолкователя оракула природы—первой любви, того, что только и оставила Ева своимъ дочерямъ послѣ своего паденія“.

У г. Козлова:

Любовь сжигала ихъ; порывовъ страстныхъ
Былъ выраженъ только нѣжный вздохъ,
Что замѣнялъ цстою рѣчей напрасныхъ;
Любви онъ и оракулъ, и залогъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ змій разъединилъ насъ съ раемъ,
Мы слаще ничего любви не знаемъ.

Пѣснь 9-я, стр. 3. У Байрона: „Хотя Британія должна тебѣ—и платить за это съ процентами—такъ много, но Европа, безъ сомнѣнія, должна еще больше: ты починилъ костыль легитимизма, опору

въ настоящее время совѣмъ уже не такую надежную, какъ прежде; испанцы и французы, и голландцы увидѣли и почувствовали, какъ ты умѣешь реставрировать, а Ватерло сдѣлало весь мiръ твоимъ должникомъ (я желалъ бы, чтобъ твои барды лучше воспѣвали этотъ подвигъ!)⁴.

У г. Козлова:

Британiи немовѣрны траты,
 Чтобъ наградить тебя; скажи, не ты ль,
 Чина Европы старыя заплаты,
 Легитимизма вновь скрѣпилъ костыль?
 Твоихъ дѣяній жалки результаты:
 Поддерживать напрасно глѣнь и гнiль!
 Хоть Ватерло—блестящая эпоха,
 Что жь подвигъ твой такъ воспѣвають плохо?

Пѣснь 9-я, стр. 9. У Байрона: „Теперь, когда замолкли первые суетные крики толпы, слушай вопли въ твоей голодной странѣ, смотри на мiръ и проклинай свои побѣды!“

У г. Козлова:

На Англію обрушились всѣ бѣды;
 Глядя на нихъ, кляни свои побѣды!

Пѣснь 9-я, стр. 11. У Байрона: „Истины, которыхъ ты не прочтешь въ газетахъ, но которыя пора уже высказать толпѣ наемниковъ, жирѣющихъ отъ крови и долговъ своей страны“.

У г. Козлова всѣ подчеркнутыя нами—и весьма характеристическія слова—исключены совѣмъ.

Намъ не возможно, по недостатку мѣста, привести здѣсь не только всѣ, подобные вышевыписаннымъ, примѣры, но даже большинство ихъ. Да это и не нужно: приведеннаго, надѣмся, достаточно для подтвержденія нашей мысли о невозможности включить въ одну русскую октаву все, находящееся въ одной октавѣ англійской. Читатель изъ нашихъ нѣсколькихъ цитатъ уже могъ увидѣть, сколько существеннаго приходилось переводчику или совѣмъ выкидывать, или сокращать, замѣняя даже иногда совершенно общими, безцвѣтными мѣстами, на примѣръ, въ цитированномъ нами окончаніи стр. 189 пѣсни 2-й, или въ 186 стр. 2-й пѣсни, гдѣ вмѣсто словъ подлинника: „Когда сердце и душа, и чувство дѣйствуютъ согласно, когда кровь—лава, пульсъ—страшный огонь, каждый поцѣлуй—сердцетрясеніе“ (earthquake, имѣющее въ подлинникѣ очевидное отношеніе къ слову earthquake, землетрясеніе), читаемъ:

Когда, какъ лава, въ жилахъ льется кровь,
И, какъ пожаръ, горить въ груди любовь;

или въ 175 стр. той же 2-й пѣсни, гдѣ поэтическія слова подлинника: „Они смотрѣли одинъ другому въ темные глаза, которые кидали яркій свѣтъ другъ въ друга“ замѣнены общимъ мѣстомъ: „Горя, ихъ взоры встрѣтились!“ и т. п. Въ то же время переводчику, дѣлая такія исключенія и сокращенія, приходилось иногда, для пополненія образовывавшихся пробѣловъ, дѣлать собственныя добавленія (иначе стихъ не выходилъ бы полнымъ), которыя въ иныхъ случаяхъ представляются довольно крупными, чтобы быть допущенными; на примѣръ, цитированныя нами въ 3-й строфѣ 9-й пѣсни слова „Чиня Европы старья заплаты“ и „Твоихъ дѣяній жалки результаты; поддерживать напрасно тлѣнъ и гниль!“—чего у Байрона совсѣмъ нѣтъ, или въ 8-й строфѣ той же 9-й пѣсни тоже принадлежащія только переводчику слова: „Но онъ (Вашингтонъ) иныхъ, чѣмъ ты, держался правилъ“, или въ 4-й строфѣ той же пѣсни, совсѣмъ не находящіяся въ подлинникѣ слова: „Да ты, что уподобился кумиру“ и т. п. И большинство всего этого - вслѣдствіе все той же весьма похвальной, но, повторяемъ, большею частію не осуществимой и всегда непроизводительной заботы о сохраненіи октавной формы! Но независимо отъ недостатковъ, обусловленныхъ именно этою причиною, безпристрастіе заставляетъ насъ указать и на другія (ихъ, впрочемъ, гораздо меньше) невѣрности относительно подлинника, причину которыхъ мы уже понять не можемъ. На примѣръ, въ 4-й строфѣ пѣсни 9-й читаемъ у г. Козлова: „Безспорно, ты головорѣзъ лихой (тѣмъ прозвищемъ обязанъ ты Шекспиру)“,—и такъ какъ эти слова обращены авторомъ къ Веллингтону, то мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ Шекспиръ могъ говорить о Веллингтонѣ; на самомъ же дѣлѣ у Байрона сказано такъ: „Ты лучшій изъ головорѣзовъ; не удивляйся: это фраза Шекспира, и къ тебѣ она вполне примѣнима“. Тамъ же, въ строфѣ 8-й, слова подлинника: „Питтъ, министръ съ высокой душою, пріобрѣлъ себѣ славу тѣмъ, что разорилъ Великобританію gratis“,—переведены: „Хоть разорилъ свою отчизну Питтъ, но онъ вполне былъ безкорыстный бриттъ!“ Въ той же пѣсни, стр. 14-я, читаемъ: „Отраднѣе быть здоровымъ бѣднякомъ, чѣмъ Цезаремъ больнымъ“, тогда какъ у Байрона: „Я хотѣлъ бы лучше имѣть здоровое пищевареніе, чѣмъ ракъ Бонапарта“; и т. п. Встрѣчаются въ переводѣ и стилистическія, и другія неловкости въ родѣ „врачъ жолчи печень“; „какъ поступила строго Пентефрія супруга, Федры мечь“ (какимъ

образомъ мѣсть можетъ поступать?), и др., куда слѣдуетъ отнести также частое и иногда неправильное употребленіе чѣмъ вмѣсто которой. Но на этомъ мы уже не останавливаемся въ виду многихъ крупныхъ достоинствъ труда г. Козлова.

Объ этихъ крупныхъ достоинствахъ мы уже упоминали; если недостатокъ мѣста заставилъ насъ ограничиться только немногими примѣрами отрицательнаго свойства, то онъ въ еще большей степени не позволяетъ намъ привести здѣсь даже часть тѣхъ стиховъ, которые придаютъ переводу неоспоримо серьезное литературное значеніе, производя по своему тону впечатлѣніе подлинника, а по близости къ этому послѣднему въ подробностяхъ давая о немъ въ этомъ отношеніи полное понятіе. Такихъ мѣсть въ книгѣ много, вслѣдствіе чего и труденъ выборъ (да врядъ ли онъ въ этомъ случаѣ нуженъ), и соединеніе ихъ дѣлаетъ то, что за трудомъ г. Козлова мы должны признать, какъ бы въ видѣ итога, одно очень большое общее достоинство—талантливость, благодаря которой къ этому переводу слѣдуетъ примѣнить въ совершенно противоположномъ смыслѣ то, что говорилъ когда-то Тургеневъ о Вронченковомъ переводѣ „Фауста“: „Его трудъ—дѣйствительно трудъ... Это не источникъ, который свободно и легко бьетъ изъ нѣдръ земли; это колодезь, изъ котораго со скрипомъ и визгомъ насосъ выкачиваетъ воду“.

Надѣмся, что почтенный переводчикъ не посѣтуетъ на насъ за сдѣланныя ему указанія существенныхъ недостатковъ его перевода, въ значительной степени умаляющихъ достоинство его прекрасной и капитальной работы; именно потому, что мы признаемъ эту послѣднюю за выдающуюся, отнеслись мы къ ней такъ внимательно и желали бы видѣть ее очищенною по возможности отъ всякихъ крупныхъ неудовлетворительностей. Желаніе это естественно еще потому, что кому много дано, съ того много и спрашивается, а какъ мы уже сказали, г. Козлову дано не только много, но и все, для того, чтобы быть вполне хорошимъ переводчикомъ. Мы не сомнѣваемся, что настоящій трудъ его выдержать еще нѣсколько изданій, и было бы въ высшей степени пріятно и желательно, еслибъ онъ нашелъ возможнымъ—такъ или иначе—поработать еще немного надъ своимъ переводомъ, чтобы довести его, въ предѣлахъ послѣдней возможности, до надлежащей степени совершенства.

Петръ Вейнбергъ.

Замѣтка по поводу рецензій на книгу: „Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibniz“.

Въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія помѣщена рецензія на диссертацию, представленную мною въ Дерптскій университетъ на соисканіе степени магистра философіи. Рецензія эта произноситъ о моемъ трудѣ судъ строгій, но не всегда справедливый. Въ доказательство послѣдняго скажу слѣдующее:

1) Рецензентъ не только говоритъ о моей книгѣ, но пытается характеризовать и мою личность, называя меня неоднократно пасторомъ. Пасторомъ я никогда не былъ и нигдѣ не состою.

2) На стр. 205 сказано: „Не упоминаемъ уже „о безристрастїи“. о постоянномъ стараніи во что бы то ни стало, хотя бы за волосы, привлечь Лейбница къ исповѣданію протестантизма“. Это совершенно несправедливо, какъ можно убѣдиться въ моей диссертациі на стр. 16—18. Ученіе о пресуществленіи, какъ извѣстно, не протестантское. На вышеозначенныхъ страницахъ я доказывалъ, что именно ученіе о пресуществленіи (Transsubstantiatio) дало Лейбницу вышней поводъ къ развитію его ученія о субстанціи, и что притомъ оно содѣйствовало желанію доказать существованіе Бога и бессмертіе души; поэтому я скорѣе могъ бы быть названъ католическимъ священникомъ, чѣмъ протестантскимъ пасторомъ.

3) На стр. 201 мой рецензентъ говоритъ: „Озе начертываетъ себѣ задачу опредѣлить методу Лейбница и „открываетъ“, что его метода есть „гипотеза“. На борьбу съ этимъ предложеніемъ рецензентъ употребляетъ почти три страницы. Въ моей диссертациі нигдѣ нѣтъ такого заключенія; тамъ идетъ рѣчь только о томъ, что Лейбницъ старается доказать свое ученіе о монадологіи тѣмъ особеннымъ сочетаніемъ между индуктивною аналитикой и синтетическою дедукціей, какое употребляется при основаніи ученой гипотезы. Поэтому рецензентъ передаетъ мои слова невѣрно, когда говоритъ: „Озе съ побѣднымъ торжествомъ (стр. 31) заявляетъ, что Лейбницева метода есть именно гипотеза“ (стр. 203). Ничего подобнаго нѣтъ на стр. 31 моей диссертациі. Тамъ я именно говорю: „Теперь мы обязаны изслѣдовать ту точку зрѣнія, посредствомъ которой различные моменты методы могутъ быть соединяемы. Эту точку зрѣнія предлагаетъ намъ Лейбницъ своимъ „ученіемъ о гипотезѣ“.

4) Въмѣсто того, чтобы разсмотрѣть содержаніе второй части моей диссертациі, рецензентъ довольствуется тѣмъ, что невѣрно передаетъ нѣсколько совершенно общихъ замѣчаній моихъ объ Аристотелѣ и о Лейбницѣ. Я будто бы говорю, напримѣръ, что Лейбницъ—мастеръ примирять противоположное и совмѣщать несомвѣстное. Такъ какъ рецензентъ совсѣмъ не постарался понять содержаніе моей диссертациі, то и не удивительно, что вся вторая часть ея должна была показаться ему „виннигретомъ цитать“.

5) Странно, что рецензентъ дѣлаетъ мнѣ упрекъ, что при изложеніи ученія Лейбница я привожу слишкомъ много цитатъ изъ его сочиненій. Скорѣе противоположное заслуживало бы осужденія. Не справедливо и то, что сказано въ рецензіи на стр. 201: „Цитаты эти не менѣе, какъ въ строкъ 7—8, а иногда и въ 15“. Въ общемъ я привелъ приблизительно 250 мѣстъ изъ сочиненій Лейбница, и изъ нихъ только около 15 цитатъ въ семь или болѣе строкъ.

6) Рецензентъ видитъ некритическій пріемъ съ моей стороны въ томъ, что я говорю объ исторіи философіи, какъ объ исторіи понятій. Онъ полагаетъ, что „исторія философіи есть исторія міровоззрѣній“. Я же говорю, что исторія философіи имѣетъ дѣло именно съ тѣми міровоззрѣніями, которыя изобразились въ понятіяхъ. Если бы мы хотѣли исполнить желаніе рецензента, то прямо перемѣшали бы разныя задачи совершенно некритическимъ образомъ, ибо въ каждой религіи находимъ мы извѣстное міровоззрѣніе, точно также видимъ его и въ великихъ произведеніяхъ искусства; а въ такомъ случаѣ исторія философіи должна бы быть и исторіей искусства, и исторіей религіи. Но если такъ, то на чьей же сторонѣ должно видѣть отсутствіе критики?

7) Рецензентъ подвергаетъ разбору и мои тезисы, внося притомъ въ нѣкоторые изъ нихъ безсмыслицу своимъ переводомъ; напримѣръ, будто бы я утверждаю, что главною цѣлью гимназическаго преподаванія древнихъ языковъ должно быть „усвоеніе грамматики“; рецензентъ, очевидно, не понялъ, что значить „грамматическое образованіе“. Онъ не доволенъ также моимъ вторымъ тезисомъ—что Платонъ учитъ о безсмертіи души и потомъ отрицаетъ его; но рецензенту, очевидно, не извѣстны новѣйшія воззрѣнія объ отношеніи между діалектикой и миѳологіей у Платона. Какъ государственный педагогъ, Платонъ учитъ о безсмертіи индивидуальной души, а какъ діалектикъ, отрицаетъ безсмертіе души. Указываемаго моимъ рецензен-

томъ тезиса о „Богословіи“ Ритшля совсѣтъ нѣтъ въ новыя печатныя тезисахъ.

Наконецъ, едва ли кто пойметъ замѣчаніе рецензента, что имѣло бы лучше было бы назвать мою диссертацию „*Beiträge zur Erklärung der Monadologie*“, а не „*Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz*“, какъ она названа.

И. Осс.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

—Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія поступили слѣдующія новыя книги:

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средно-учебныхъ заведеній. Составлено *Я. Г. Гуревичемъ*. Ч. III. С.-Пб.

Избранныя оды Горация, объясненныя преимущественно для гимназій профессоромъ *В. И. Модестовымъ*. Латинскій текстъ съ подробными русскими примѣчаніями, съ приложеніемъ стихотворныхъ схемъ и съ предварительными замѣчаніями объ одахъ Горация. С.-Пб.

Библиографическій списокъ литературныхъ трудовъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. Съ начала его дѣятельности, то-есть, съ 1847 года. Составилъ *И. А. Козеко*. С.-Пб. (Изданіе редакціи журнала Библиографъ).

Султаны Кенесара и Садмыкъ. Біографическіе очерки султана *Алмега Кенесарина*. Обработано для печати и снабжено примѣчаніями *Е. Т. Смирновымъ*. Съ портретомъ Садмыка, 5 рисунками и 9 политипажами. Изданіе Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета. Ташкентъ.

Населеніе С.-Петербурга по исчисленіямъ 15-го іюня и 15-го декабря 1868 года. Разработано завѣдывающимъ статистическимъ отдѣленіемъ С.-Пб. городской управы проф. *Ю. Э. Янсономъ*. С.-Пб.

И. Тарасовъ. Очеркъ науки финансоваго права. Изданіе второе вновь переработанное, въ трехъ выпускахъ. Выпускъ первый. Введеніе. Ярославль.

Методы превращенія органическихъ соединеній. *П. Алексеева*, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ.

НЕЕСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ СЕМИНАРІЯ И ЕЯ КУРСЫ РУЧНАГО ТРУДА.

Лучшіе педагоги послѣднихъ временъ, разработывая капитальные вопросы воспитанія и обученія, неоднократно указывали на односторонность его, усиливающуюся съ теченіемъ времени и очень вредную для человѣчества. Стараясь упростить приемы обученія, они сближаютъ его съ ходомъ естественнаго человѣческаго развитія и требуютъ отъ школьной работы гармоническаго согласія съ предстоящею ученику дѣйствительною жизнью. Однимъ изъ первыхъ заговорилъ объ этомъ Янъ Амосъ Коменскій. Славянской душѣ его не вынести было того ненормальнаго положенія, въ которое были поставлены современные ему ученики и учителя, не вынести того ужаса, которымъ въ дни его вѣяло на ученика отъ семьи и школы, отъ книги и учителя. Въ сочиненіяхъ своихъ этотъ гуманистъ-педагогъ рисуетъ высокіе педагогическіе идеалы, проблематически отмѣчаетъ такіа детали въ нихъ, съ которыми дѣйствительная жизнь встрѣтилась лицомъ къ лицу только въ наши дни. Создавая „чудный планъ радостнаго, свѣтлаго возростанія человѣческаго духа, питающагося соверщеніемъ необъятнаго вѣчно прекраснаго Божьяго міра“, Коменскій требуетъ, чтобы духовное развитіе учениковъ не шло въ ущербъ тѣлесному укрѣпленію ихъ, которое также необходимо, также дорого, какъ и духовное развитіе. Кромѣ того, по убѣжденію Коменскаго, „народная школа должна научить учащихся знанію большей части ремеслъ, хотя для той цѣли, чтобы ученики не были въ слишкомъ большомъ невѣжествѣ относительно того, что происходитъ въ человѣческой жизни, или же для того, чтобы впоследствии свободнѣе проявилось влеченіе къ труду“.

ченіе къ тому, къ чему каждый по преимуществу чувствуетъ склонность¹⁾. Послѣдующіе педагоги развиваютъ и дополняютъ идеи Коменскаго; но большинство ихъ сосредоточиваетъ свою дѣятельность на разъясненіи средствъ и способовъ, цѣлей и задачъ исключительно духовнаго развитія человѣка. Это объясняется направленіемъ дѣятельной жизни, начавшейся реакціей средневѣковому общественному строю, выдвинувшей гуманитарное знаніе очень высоко. Физическаго человѣка, которымъ такъ занимались и дорожили предшествовавшія времена, какъ будто игнорируетъ новое общество. Передовые люди, конечно, напоминаютъ о немъ, но такъ какъ вся жизненная энергія общества направлена въ другую сторону, то напоминанія эти не производятъ никакого дѣйствія, забываются, пока не подниметъ ихъ кто-нибудь вновь. Поколѣніе за поколѣніемъ, цѣлыя вѣка проходили вратами школьнаго ученія, и всѣхъ школа надѣляла по мѣрѣ силъ своихъ запасами гуманитарнаго знанія, развивающаго въ человѣкѣ умъ и сердце; но, до другихъ потребностей его природы она почти не касалась. Сравнительно въ недавнее время съ убѣдительною очевидностію выясняется вредъ такой школьной односторонности. Прежде всего оказалось это на западѣ, гдѣ жизненныя формы болѣе совершенны, болѣе сложны, гдѣ рѣзкости въ нихъ потому скорѣе и рѣзче бросаются въ глаза. Около двадцати лѣтъ тому назадъ на педагогическое поприще выступаютъ новые дѣятели, поставившіе своею задачей выяснитъ весь вредъ односторонняго воспитанія, поставить его на видъ и найдти разумное противодѣйствіе ему. Они производятъ рядъ опытовъ, составляютъ идеальныя, по ихъ мнѣнію, учебныя курсы, или же открываютъ новыя учебныя заведенія. Въ противовѣсъ и дополненіе къ учебнымъ предметамъ, имѣющимъ цѣлью духовное развитіе человѣка, педагоги эти вводятъ новыя предметы, развивающіе и укрѣпляющіе тѣлесный организмъ: гимнастику, танцы, разныя ремесла и работы. Мало по малу изъ различныхъ видовъ школьныхъ работъ образуется такъ-называемый „педагогическій ручной трудъ“. Болѣе совершенною системою его считается система Неесской семинаріи, созданная шведскимъ педагогомъ Отто Саломономъ. Съ личностію этого педагога, съ характеромъ руководимой имъ семинаріи, съ постановкою въ ней ручнаго труда наши педагогическіе журналы въ статьяхъ К. К. Сентъ-Илера отчасти уже познакомили интере-

¹⁾ Янъ Амосъ Коменскій. Великая Двѣдцатка. Изданіе „Начальной школы“, стр. 241—242.

сующихся дѣломъ воспитанія и обученія. Въ виду того, что новый учебный предметъ, ручной трудъ, возбуждаетъ у насъ живое вниманіе къ себѣ, въ виду того, что въ первыхъ попыткахъ обученія ему, какъ показали это курсы ручнаго труда въ Кіевѣ ¹⁾, видится непониманіе его, неумѣнье взяться за дѣло, я полагаю, не лишнимъ будетъ болѣе обстоятельно познакомиться съ прошлымъ Неесской семинаріи и со способомъ веденія учебной работы на ея курсахъ.

Южный скатъ Швеціи по направленію къ Каттегату весь изрѣзанъ маленькими проточными озерками, озерами и рѣчками. По береговымъ равнинамъ ихъ идутъ дороги отъ Стокгольма и центральныхъ пунктовъ къ южному поморью, къ богатымъ островнымъ и заморскимъ городамъ. Землевладѣльцы-помѣщики и богатые капиталисты подыали культуру края до высокой степени, и Швеція вполне справедливо гордится своими вестерготландскими хлѣбами, своею плодороднѣйшею Сконіей. Почти у желѣзной дороги въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ богатаго шведскаго города Гетеборга, въ Эльфсборгскомъ ленѣ (Län—губернія, округъ), находится имѣніе Неесъ (Näås). Оно разбросалось по извилистымъ берегамъ небольшого Зефелангенскаго озера живописными лѣсными нагорьями, между которыми виднѣются обработанныя травяныя и хлѣбныя поляны. Главный домъ имѣнія—старинный замокъ, принимавшій въ роскошныхъ покояхъ своихъ Шведскихъ королей, стоитъ на возвышенной эспланадѣ, окруженной съ трехъ сторонъ неширокими озерными протоками. Небольшая полоса ея—пахатное поле, остальное же занято садомъ, буковымъ паркомъ и оранжереями. На противоположномъ берегу озера виднѣется до десятка небольшихъ домовъ и домиковъ, разбросанныхъ неподалеку одинъ отъ другаго, между березовою и сосновою рощею, отчасти же въ той и другой. Неесъ принадлежитъ богатому землевладѣльцу Августу Абрагамсону. Это уже очень пожилой одинокій человѣкъ. Прежде онъ былъ въ Гетеборгѣ купцомъ и велъ торговое дѣло унаслѣдованной отъ отца богатой фирмы. Но въ шестидесятихъ годахъ онъ познакомился съ извѣстною пѣвицей Ефросиніей Леманъ, женился на ней и поселился въ Неесѣ, приобрѣтенномъ незадолго до того времени. Здѣсь жена его вскорѣ умерла, и безутѣшный мужъ замкнулся въ своемъ имѣніи, посвятивъ жизнь свою воспоминанію о безвременно погибшей супругѣ. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ

¹⁾ *Русскій Начальный Учитель* 1888 года. О курсахъ церковнаго пѣнія и ручнаго труда, бывшихъ въ г. Кіевѣ.

поръ, и двадцать лѣтъ стоитъ пустыи роскошный замокъ его въ безмолвномъ паркѣ, въ тихомъ саду. Лишь изрѣдка онъ перенѣняетъ свою физиономію, — когда изъ Англии и Германіи съѣдутся въ Неесъ сестры и племянницы Абрагамсона. Тогда освѣщаются залы его и наполняются живыми голосами, говорятъ и дышетъ огромный паркъ, какъ бы вторя голосамъ очнувшагося древняго замка. Вся жизнь свою Абрагамсонъ чтитъ память жены дѣлами громадной негласной благотворительности. Любимую виллу, въ которой жила покойница, онъ приказалъ перенести на другое мѣсто и приспособить для помѣщенія дѣвичьяго училища. Затѣмъ онъ открылъ училище для мальчиковъ, далѣе школу ручнаго труда ¹⁾.

Ближайшимъ помощникомъ его въ дѣлѣ устройства школы и руководителемъ ихъ былъ племянникъ Отто Саломонъ. Онъ тоже весьма состоятельный человекъ. Окончивъ курсъ технического образованія, онъ съ жаромъ предается идеѣ распространенія въ своемъ отечествѣ обученія ручному труду. Еще въ молодые годы пришелъ онъ къ мысли, что одностороннее мыслительное направленіе школьнаго ученія даетъ государству нездоровыя молодыя силы. Поэтому онъ всею душою принимается за устройство такой образцовой школы въ Неесѣ, которая возмѣщала бы недостающее по сравненію съ другими школами. Надо сказать, что школы ручнаго труда знакомы шведамъ съ конца прошлаго столѣтія, но число ихъ было сравнительно не велико, и вообще развивались онѣ какъ-то медленно. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ на нихъ обратили вниманіе видные общественные дѣятели, которые пробудили къ новой жизни техническое образованіе въ королевствѣ и вывели его на новую широкую дорогу. Названные годы составляютъ эпоху возрожденія ремесленнаго образованія въ Швеціи; эпоха эта и выдвинула энтузиаста-педагога Саломона, воспитавъ въ немъ особое стройное педагогическое мировоззрѣніе.

Неесская школа ручнаго труда сначала имѣла очень скромный характеръ. Она помѣщалась въ небольшомъ домикѣ недалеко отъ замка, за дворовыми службами. Привлеченіе въ школу достаточнаго числа учениковъ стоило учредителямъ заведенія много трудовъ и даже средствъ. Никому не могло прійти въ голову, что со временемъ

---

¹⁾ Довольно подробныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ, о семинаріи помѣщенны въ статьѣ „Das Slöjdlehrer-Seminar in Nääs“, приложенной во второй части „Handfertigkeit-Unterricht“ *Rauscher'a*.

школа эта немного въ другой формѣ получить всемірную извѣстность. Благодаря неутомимой энергіи и богатымъ матеріальнымъ средствамъ основателей, школа эта въ короткое время даетъ блестящіе результаты. Прошло всего четыре года, и число учениковъ ея возросло до того, что помѣщеніе ея оказалось тѣснымъ, и явилась необходимость въ расширеніи его. Въ 1876 году, на другой сторонѣ озера недалеко отъ виллы, въ которой живетъ Саломонъ, выстроено было новое просторное зданіе; въ него переводится училище ручнаго труда, преобразованное уже въ семинарію для приготовленія учителей этого учебнаго предмета.

Это было учебное заведеніе съ годичнымъ общеобразовательнымъ и спеціальнымъ курсомъ. Главнымъ предметомъ его былъ поставленъ ручной трудъ, на который назначалось по росписанію 32 часа въ недѣлю. На урокахъ его сообщались необходимыя свѣдѣнія, вырабатывалось умѣнье обращаться со столярными, токарными, рѣщицкими, бондарными и кузнечными инструментами. Учащіеся изготовляли простую домашнюю утварь и домашнія орудія, при чемъ особенная важность придавалась методическому выполненію работы; изготовляли они колеса, верстаки, учились владѣть напильками, исполняя простыя кузнечныя работы. На второмъ планѣ въ курсѣ семинаріи поставлено было черченіе, для котораго отводилось по росписанію 16 учебныхъ часовъ въ недѣлю. Учащіеся занимались точнымъ черченіемъ линий, фигуръ и тѣлъ, копировали готовые чертежи; послѣ предварительнаго точнаго измѣренія чертили планы построекъ, отдѣльныхъ частей ихъ, чертили модели и другіе предметы учебнаго заведенія. Изъ общеобразовательныхъ предметовъ въ курсѣ семинаріи по 3 часа въ недѣлю опредѣлялось на ариметику и физику, по 2 на родной языкъ, спеціальную методику и пѣніе, 1—3 на педагогику и по 1 на каллиграфію и геометрію. Въ занятіяхъ ариметикой имѣлось цѣлю выработать твердый навыкъ въ дѣйствіяхъ надъ десятичными дробями въ приложеніи ихъ къ рѣшенію практическихъ задачъ на построеніе и измѣреніе плоскостей; проходились въ курсѣ этомъ обыкновенныя дроби, правило процентовъ и занимались въ немъ умственнымъ счисленіемъ. Въ курсѣ физики заключались главы объ общихъ свойствахъ тѣлъ, свойственныхъ матеріи силахъ, описаніе и расчисленіе простыхъ машинъ, главнѣйшіе законы механики, жидкія и газообразныя тѣла (съ задачами на удѣльный вѣсъ), теплота и электричество. Программа педагогики заключала въ себѣ главнѣйшія основанія пси-

хологіи, ученіе о важности и отвѣтственности учительскаго призванія и о вытекающихъ изъ него желательныхъ качествахъ и дарованіяхъ учителя, — о прохожденіи учительскаго поприща предъ Богомъ и людьми; далѣе уяснялась задача обученія ручному труду въ отношеніи къ учителю, учебному предмету, помѣщенію, учебному времени и матеріалу ¹⁾. Разсматривая приведенное мной росписаніе, надо признать, что общее число уроковъ (учебныхъ часовъ) 63—65 очень велико. Но кромѣ того, лѣтомъ учащіеся по 2 часа въ недѣлю занимались гимнастикой, а зимой по вечерамъ для желающихъ устраивались чтенія изъ различныхъ областей знанія. Принимались въ семинарію молодые люди не моложе 20-лѣтняго возраста, крѣпкаго тѣлосложенія, уже знакомые съ ручнымъ трудомъ и прошедшіе курсъ хорошей начальной школы. Жили они въ интернатѣ семинаріи, платя за содержаніе 20 кропъ въ мѣсяцъ, то-есть, 7 золотыхъ рублей или около 10 кредитныхъ. По окончаніи курса они сдавали экзаменъ по всѣмъ предметамъ. Судя по всему, Нееская семинарія выпускала солидно подготовленныхъ учителей ручнаго труда.

Въ такомъ видѣ своемъ она существовала шесть лѣтъ, то-есть, до 1882 года. Изъ опыта выяснилось, что специально подготовленныхъ учителей ручнаго труда надобно немного, что нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ въ Нееской семинаріи не находятъ себѣ мѣста, что содержаніе отдѣльныхъ школъ ручнаго труда не подѣ силу многимъ общинамъ. Съ другой стороны выяснилось также, что введеніе ручнаго труда желательно въ курсъ каждой начальной школы, а потому многіе учителя стали стремиться поступить въ Неескую семинарію и усвоить этотъ предметъ, чтобы потомъ ввести его въ свои школы. Кромѣ того, оказалось, что эти учителя впоследствии становятся лучше специальныхъ учителей ручнаго труда, потому что они обладаютъ болѣе обширною педагогическою подготовкою. Тогда Саломонъ разбилъ учебный годъ на шестинедѣльные учебные курсы, съ небольшими между ними промежутками, и устроилъ рядъ такихъ курсовъ. Учебное время курсовъ въ 8 разъ короче учебнаго года. Поэтому изъ программы преподаванія были выключены всѣ общеобразовательные предметы и оставлены только специальные. Принимаются въ семинарію только начальные учителя или другіе учителя, прошедшіе ранѣе надлежащій образовательный курсъ. Въ реорганизаціи 1882 года Неес-

¹⁾ *O. Salomon. Handfertigkeitschule und Volksschule. Leipz. 1882. 37—38.*

ская семинаріа получаетъ совершенно новый видъ. Отъ прежняго въ ней остались только богатая коллекція моделей, изготовленныя ея учениками. Ими наполненъ и украшенъ теперь музей семинаріи. По коллекціямъ этимъ можно прослѣдить исторію заведенія съ первыхъ дней его до настоящаго времени.

Новая форма учебнаго заведенія дала возможность нѣсколько ограничить учительскій персоналъ семинаріи, много сократить учебный курсъ ея и сильно ускорить выпускъ учителей ручнаго труда. Это привлекаетъ въ Неесъ много желающихъ учиться. Директоръ заведенія любезно открываетъ двери его для каждаго желающаго. Никакой платы за обученіе въ семинаріи, за помѣщеніе въ интернатѣ ея никогда не полагалось; плата за содержаніе и прислугу назначалась самая умѣренная. Необычайная преданность высокой педагогической идеѣ такого образованнаго человѣка, какъ Саломонъ, и сравнительная доступность заведенія его быстро создали громкую популярность Нееской семинаріи по всему соединенному королевству, а потомъ далеко и за его предѣлами. Изъ всѣхъ странъ Европы стали прибывать въ Неесъ ученики. Ихъ принимаютъ здѣсь, какъ дорогихъ гостей, окружаютъ внимательною заботливостью. Наплывъ иностранцевъ постепенно увеличивается. Число учениковъ въ семинаріи возрастаетъ. На лѣтнихъ курсахъ 1888 года ихъ было уже 85 человѣкъ. За двѣнадцать лѣтъ существованія семинаріи ея было выпущено 45 курса. Здѣсь учились представители почти всѣхъ народностей Европы, были заѣзжіе люди изъ Азіи, Африки и Америки. По данной мнѣ справкѣ видно, что всего за это время училось въ семинаріи:

шведовъ . . .	766	итальянцевъ . . .	18	японцевъ . . .	2
англичанъ . . .	48	нѣмцевъ . . .	9	голландцевъ . . .	2
финляндцевъ . . .	33	русскихъ . . .	7	абиссинцевъ . . .	1
норвежцевъ . . .	21	бельгійцевъ . . .	3	американцевъ . . .	1
датчанъ . . .	19	шотландцевъ . . .	3	швейцарцевъ . . .	1

Всего было 935 человѣкъ. Въ этомъ числѣ заключается 783 мужчины и 152 женщины. Число послѣднихъ годъ отъ году возрастаетъ и на лѣтнихъ курсахъ 1888 года оно было равно числу мужчинъ. Къ началу текущаго года, по увѣренію г. Саломона, число выпущенныхъ семинаріей учителей должно было возрасти до 1000 и даже болѣе. Надо замѣтить, что многіе изъ учившихся въ Нееской семинаріи работали въ ней въ теченіе двухъ и даже трехъ курсовъ, но въ приведен-

ныхъ мною числахъ они сосчитаны только однажды. Если бы сосчитали участниковъ курсовъ, не обращая вниманія на двукратный или трехкратный прїѣздъ ихъ въ Неесъ, то число ихъ было бы очень близко къ 2000.

Съ наплывомъ иностранцевъ помѣщенія семинаріи быстро переполнялись. Мастерскія увеличили новыми пристройками, но этого оказалось мало. Въ 1887 году выстроенъ новый домикъ для мастерской на 40—50 человекъ, домикъ для интерната, и все же семинарія не можетъ помѣстить всѣхъ желающихъ, всѣхъ прибывающихъ въ нее. Теперь принято за правило принимать на курсы только учителей, состоящихъ въ данное время на дѣйствительной службѣ. Правило это одинаково чинится, какъ въ Шведакъ съ норвежцами, такъ и въ прїѣздъ зимы въ Неесъ иностранцамъ. На основаніи его въ 1888 году было оказано въ прїемъ болѣе чѣмъ ста лицамъ, желавшимъ поступить на курсы. Такъ какъ помѣщеніе интерната рассчитано на 60 человекъ, а прибываетъ въ Неесъ всегда болѣе того, то многіе, желающіе зачислиться на курсы по заключеніи этого комплекта, должны платить за помѣщеніе, которое отводится имъ въ домикахъ, назначенныхъ для служащихъ въ нѣбни или семинаріи. Здѣсь, какъ и въ интернатѣ, каждому предлагается постель со всѣмъ необходимымъ для жилой комнаты. Плата за это всего 15 кронъ, то-есть, немного больше 5 золотыхъ рублей въ теченіе курсовъ. Шведы и норвежцы зачисляются въ интернатъ преимущественно передъ иностранцами, если только не опоздаютъ въ комплектъ.

Въ настоящее время семинарія помѣщается частью въ большомъ двухэтажномъ домѣ, выстроенномъ въ 1876 году, частью въ новомъ, выстроенномъ въ 1887 году. Въ первомъ весь нижній этажъ занятъ двумя большими мастерскими, въ которыхъ достаточно мѣста для 45 человекъ,—помѣщеніемъ музея учебныхъ пособій, аудиторіей для чтенія лекцій; въ верхнемъ этажѣ находится квартира главнаго учителя и нѣсколько комнатъ интерната. Во второмъ домѣ—большая мастерская, уборная и модельная комната. Кромѣ того, нижній этажъ третьяго домика весь занятъ обширною столовою на 80—90 человекъ, библиотекой, читальною залой и кухней. Для помѣщенія учащихся назначено еще пять небольшихъ домиковъ, и въ случаѣ надобности отводится одинъ изъ флигелей главнаго замка. Зданіе бывшей школы ручнаго труда обращено въ складъ инструментовъ и верстаковъ. Здѣсь можно купить все необходимое для школы ручнаго

труда, дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Г. Саломонъ увѣрялъ меня, что складъ этотъ дѣлаетъ очень большіе обороты: вещи его расходятся по всей Швеціи и идутъ даже за границу. Возведеніе для семинаріи зданій, устройство мастерскихъ стоили Абрагамсону большихъ денегъ. Выѣстъ съ ежегодными затратами на заведеніе израсходовано до 500,000 кронъ, то-есть, болѣе 250.000 рублей.

Курсы Неесской семинаріи вызвали уже подражаніи себѣ. Въ Гельсингфорсѣ учреждены подобные курсы постоянные, у насъ въ Лугѣ, Кіевѣ и Ригѣ устраивались временные. Посмотримъ, какъ составляются курсы въ Неесѣ. Всѣ желающіе прибыть въ семинарію, обыкновенно пишутъ объ этомъ директору ея. Онъ очень предупредительно отвѣчаетъ на каждое заявленіе, извѣщая о началѣ и окончаніи очередныхъ курсовъ, объ условіяхъ приема, о наполненіи комплекта. Если комплектъ уже наполнился, то любезно предлагается зачисленіе на слѣдующіе очередные курсы. Всякій, обратившійся письменно къ Саломону, можетъ быть вполне увѣренъ въ томъ, что получить обстоятельные отвѣты на всѣ вопросы, идущіе къ дѣлу. Большинство извѣщенныхъ о зачисленіи на курсы связывается къ назначенному времени, хотя каждый разъ бываютъ и опоздавшіе. Приѣхавшіе являються къ директору; иногда онъ самъ встрѣчаетъ ихъ, указываетъ приготовленное помѣщеніе, знакомитъ съ прибывшими ранѣе земляками, если таковые окажутся между курсистами, или съ чужестранцами, знающими общій разговорный языкъ. Часто на станцію желѣзной дороги высылаются экипажи за ожидающимися въ Неесѣ пассажирами.

Начивается ученіе на курсахъ всегда нѣсколько торжественно. Въ 1888 году всѣ прибывшіе въ Неесѣ къ назначенному времени собрались 13 (25-го) іюня въ большой залѣ—аудиторіи. Явились Саломонъ и Абрагамсонъ. Шведы спѣли подъ аккомпаниментъ фисгармоники положенные хоралы; за ними то же самое сдѣлали англичане, которыхъ прибыло на курсы довольно много. Далѣе директоръ обратился къ собравшимся съ привѣтствіемъ: со шведами онъ говорилъ по шведски, съ англичанами по англійски, съ русскими по нѣмецки. Онъ благодарилъ всѣхъ за пріѣздъ въ Неесѣ, за перенесенныя безпокойства дальней дороги, выражалъ полную увѣренность въ томъ, что всѣ проживутъ здѣсь вполне благополучно, проведутъ время съ удовольствіемъ и пользою. Каждому изъ курсистовъ розданы были потомъ „памятныя карточки“. Въ нихъ напечатано недѣльное росписаніе за-

нятій, прилагаемое здѣсь ¹⁾, поставлена фамилія каждаго, принятаго на курсы, номеръ его зачисленія въ комплектъ, номеръ мѣста въ аудиторіи, номеръ верстака, назначеннаго для него, поставлено названіе той коллекціи моделей, которую онъ долженъ будетъ исполнять. На той же карточкѣ напечатано напоминаніе главнѣйшихъ правилъ, обязательныхъ для курсистовъ ²⁾; къ этому приложено росписаніе пассажирскихъ поѣздовъ между Гетеборгомъ и Флѣдой, ближайшею желѣзнодорожною станціей. На обратной сторонѣ карточки напечатанъ планъ мѣстности отъ Нееса до Гетеборга по линіи желѣзной дороги. Раздачей карточекъ и закончилось торжество открытія курсовъ. Надъ зданіями семинаріи поднялись національные флаги народностей, представители которыхъ прибыли въ Неесъ, а учащіеся отправились въ мастерскія отыскивать свои верстаки и инструменты. Последніе передъ тѣмъ приведены въ самый лучший порядокъ. Они занумерованы однимъ номеромъ съ верстакомъ, и съ карточкой въ рукахъ отыскать ихъ не трудно. Спустя какихъ-нибудь полчаса, въ мастерскихъ уже идетъ работа.

¹⁾ Росписаніе занятій на лѣтнихъ курсахъ 1888 года въ Неесской учительской семинаріи.

Часы.	7—8.	8,30—12.	12,30—3.	3—4.	3,30—7,30.
Понедѣльн. . .	Лекціи (систем.)	Ручной трудъ.	Ручной трудъ.	Лекціи (метод.).	Дискуссы.
Вторникъ . . .	—	—	—	Объясненіе инструментовъ.	Лекціи (исторіи).
Среда.	—	—	—	Ручной трудъ.	—
Четвергъ . . .	—	—	—	Лекціи (метод.).	Дискуссы.
Пятница . . .	—	—	—	Объясненіе инструментовъ.	Лекціи (историч.).
Суббота . . .	—	—	—	—	—

²⁾ Правила эти приблизительно можно выразить такъ:

Учащіеся должны извлечь возможно большую пользу изъ проходимаго ими курса. Отсутствие на занятіяхъ можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ уважительныхъ причинъ и только съ дозволенія директора. Учащіеся должны осторожно обращаться съ вещами семинаріи, не курить въ зданіяхъ учебнаго заведенія, работать только въ мастерскихъ, употреблять на работу все назначенное для того время, однако не переутомляя себя,—въ случаѣ желанія устроить какое-либо общее развлеченіе, должны спросить позволенія директора,—не забавляться въ помѣщеніяхъ заведенія танцами и играми. Безплатно помѣщающіеся въ интернатѣ въ половинѣ 11-го вечера, когда затворяются наружныя двери, должны находиться въ своихъ помѣщеніяхъ. Огонь гасится не позже 11-ти, послѣ чего до 6-ти часовъ утра должно избѣгать всякаго шума или разговора.

Учебный курс Неесской семинарии ручного труда распадается на двѣ части—теоретическую и практическую. Первая, конечно, много короче второй, потому что педагогически образованному слушателю гораздо легче уяснить, какъ, почему и зачѣмъ дѣлается та или другая вещь, чѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ исполнить ее. Поэтому въ теченіе шести учебныхъ недѣль, назначенныхъ для всего курса, на практическія работы въ мастерской отводится 250 учебныхъ часовъ, а на теоретическое обученіе—только 84, то-есть, въ три раза менѣе.

Теоретическая часть курса излагается самимъ директоромъ заведенія. Она состоитъ изъ лекцій (собственно—чтеній); уроковъ объясненія инструментовъ и такъ-называемыхъ дискусювъ. Г. Саломономъ читаются лекціи трехъ родовъ: 1) систематическаго изложенія ученія о ручномъ трудѣ; 2) методики обученія ручному труду и 3) исторіи ручнаго труда, какъ общеобразовательнаго предмета въ начальной школѣ. На лекціяхъ первой категоріи выясняются основанія той, конечно, системы, которая принята въ Неесѣ. Основные принципы ея, равно какъ и выводимыя изъ нихъ положенія, группируются въ строгой логической послѣдовательности, которая придаетъ всему ученію, по убѣжденію Саломона, характеръ доказательнаго педагогическаго знанія. Ученіе это до мельчайшихъ потребностей проводится въ практической работѣ. Для уясненія основныхъ положеній Неесской системы ручнаго труда и ея педагогическаго характера, я позволю себѣ конспективно изложить курсъ чтеній Саломона, проведенный имъ съ 13-го іюля по 23-е августа прошлаго года.

Всякій учитель ручнаго труда долженъ обладать слѣдующими качествами: 1) онъ долженъ чувствовать въ себѣ учительское призваніе, 2) долженъ вполне ясно понимать учебный предметъ и 3) въ совершенствѣ владѣть тѣми средствами, которыми вполне удовлетворительно достигается учебная цѣль. Первое качество учителя должно быть прирожденнымъ: никакое предварительное ученіе, никакой опытъ не могутъ придать человѣку этого качества; остальные же могутъ быть приобрѣтены ученіемъ и опытностію. Цѣлью учебной работы въ Неесской семинаріи служитъ сообщеніе желающимъ этихъ качествъ въ примѣненіи къ обученію ручному труду. Система обученія ему, принятая здѣсь, не точно называется Неесскою,—правильнѣе было бы называть ее педагогическою системою ручнаго труда. Она заключается не въ коллекціяхъ моделей, какъ нѣкоторые думаютъ, не въ конструированіи ихъ; система эта—логическое соединеніе въ стройное цѣлое такихъ педагогиче-

своихъ истинъ, которыя можно подтвердить доказательствами. Основаніемъ ея служитъ принципиальное положеніе: „всякое обученіе должно воспитывать человѣка“. Поэтому вскопленнымъ ученикамъ семинаріи вещамъ никакой практической цѣли не придется: важны не самыя вещи, а тотъ порадокъ, въ которомъ онѣ выполняются, та форма, въ которой онѣ требуются. Такимъ образомъ ручной трудъ ставится здѣсь, какъ ученый предметъ, имѣющій важное воспитательное значеніе. Воспитывать далеко труднѣе, чѣмъ учить, — поэтому каждому предмету школьнаго курса придется воспитательный характеръ. И не суммой практической пользы опредѣляется необходимость и важность учебныхъ предметовъ школы, а тѣмъ воспитательнымъ воздѣйствіемъ, которое оказываютъ они на учениковъ. Необходимость и важность ручнаго труда въ курсѣ начальной школы утверждается на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) ручной трудъ готовитъ ученика къ самостоятельной домашней жизни; 2) возбуждаетъ духовную человѣческую дѣятельность, 3) увеличиваетъ запасы положительнаго знанія, 4) даетъ знакомство съ инструментами и полное овладѣніе ими, 5) вообще способствуетъ формальному развитію человѣка. Непосредственнаго приготовленія къ жизни ручной трудъ, конечно, не даетъ. Ученикъ, продѣлавшій курсъ ручныхъ работъ, далеко еще не мастеръ, но онъ вѣсколько подготовленъ къ мастерству: многое онъ умѣетъ и самъ въ состояніи выполнять. Иногда говорятъ, что настоящее мастерство болѣе умѣство и болѣе полезно въ школѣ; но живѣе это ошибочно. Надо помнить, что мастерство трудно поддается методическому укладу, требуетъ долгаго ученія. Ручной трудъ въ этомъ отношеніи далеко выше всякаго мастерства: сильно отличаясь отъ послѣдняго, онъ весьма подготавливаетъ къ нему и вообще къ домашней жизни. Исторія мировой цивилизаціи показываетъ, что періодамъ сильнаго возбужденія человѣческой мысли предшествуютъ періоды напряженной физической дѣятельности. Размышленіе является какъ бы отдыхомъ отъ предыдущей трудовой напряженности. На этомъ основаніи построена извѣстная воспитательная система Фребеля. Система его оказалась неосуществимой: нельзя ученику передѣлать всѣ вещи, которыя необходимо изучить. Въ курсѣ ручнаго труда нѣтъ нужды передѣлать все. Необходимо только пробудить въ человѣкѣ дѣятельность тѣхъ силъ живаго знанія и умѣнья, которыя весьма цѣнны въ немъ; это даетъ интенсивность самодѣятельности человѣческой. Постоянное наблюденіе уже готовой вещи, представляемой моделью, провѣрка по ней собственной работы составляетъ высокую степень наглядности. Кромѣ общаго развивающаго значенія такой наглядности,

память ученика обогащается суммой многихъ формъ, частей ихъ. Въ работѣ этихъ вещей изучаются инструменты. Были попытки объяснять устройство ихъ, работу ими на особыхъ теоретическихъ урокахъ; но попытки эти ненормальны: существо вещей нельзя выяснять описаніемъ ихъ.

Въ отношеніи формальнаго развитія занятія ручнымъ трудомъ даютъ въ результатъ: 1) любовь къ труду вообще, 2) уваженіе къ грубой физической работѣ, 3) воспитываютъ самодѣятельность, 4) порядливость, чистоту, аккуратность и точность, 5) развиваютъ внимательность, 6) физическую силу, 7) способность наблюдать истинную форму вещей и 8) вообще развиваютъ человѣка. Здоровыя дѣти имѣютъ природную склонность къ работѣ, увлекаются ею, хотя увлеченіе это скоро остываетъ. Естественную склонность ихъ надобно удовлетворить и поддержать разумными педагогическими мѣрами. Удовлетворенная и укрѣпленная въ ученикѣ-ребенкѣ, она перейдетъ въ прилежаніе, а въ зрѣломъ человѣкѣ въ любовь къ труду. Обученіе ручному труду отчасти рѣшаетъ очень важный социальный вопросъ объ отношеніи высшаго класса общества къ низшему. Жизнью какъ будто назначены первому либеральныя профессіи, а второму—черная тяжелая работа. Давно составилъ неправильный взглядъ на нее, и ея избѣгаютъ, чуждаются. Грубая физическая работа, будучи поставлена въ учебный курсъ школы на ряду съ другими предметами, вызоветъ, воспитаетъ другой взглядъ на нее, заставитъ достойно цѣнить ее. Въ занятіяхъ многими учебными предметами можно смѣшать прилежаніе ученика съ его способностями. На занятіяхъ ручнымъ трудомъ то и другое стоитъ весьма раздѣльно. Ручной трудъ учитъ прилежанію постоянному, устойчивому. Здѣсь каждый ученикъ можетъ вполне самодѣятельно проявить лучшія свои способности. Самодѣятельное проявленіе собственныхъ силъ формируется мало по малу въ сильную дѣятельную энергію, составляющую основу дальнѣйшаго самостоятельнаго развитія. Методическое выполненіе работы, постоянно контролируемое и направляемое, приучаетъ къ порядливости, чистотѣ, аккуратности и точности. Ученикъ возвращаетъ въ себѣ стремленіе къ требуемымъ качествамъ работы, и въ немъ воспитываются душевныя свойства, весьма важныя въ жизни общественной и личной. Хорошее выполненіе работы обусловливается строгою внимательностью къ ней. Въ занятіяхъ ручнымъ трудомъ внимательность эта вполне ощутительна для самого ученика. Малѣйшая оплошность портитъ всю работу, дѣлаетъ потеряннымъ время. И оплошность эта ясно стоитъ передъ его глазами, какъ собственная вина. Ручной трудъ болѣе и

естественнѣе всякаго другаго учебнаго предмета развиваетъ физическую силу. До послѣдняго времени на развитіе ея смотрѣли какъ-то пренебрежительно, и потому наши такъ-называемые образованные люди очень слабы физически. Это лишаетъ организмъ человѣка естественной гармоніи, данной ему природою, и вредно отзывается на духовной дѣятельности. Наше образование даетъ только полуобразованныхъ людей. Физическая сила развивается и гимнастическими упражненіями, но занятія ими всегда имѣютъ въ себѣ что-то неестественное. Занятія ручнымъ трудомъ развиваютъ хорошее зрѣніе, умѣніе точно наблюдать форму предметовъ. Онѣ вообще развиваютъ въ человѣкѣ особую приспособительность его членовъ къ работѣ. Руки наши должны быть признаны такимъ совершеннымъ органомъ и до такой степени разнообразнаго приложенія, что его необходимо развивать также, какъ умъ и сердце; безъ развитія этого органа человѣкъ не можетъ быть признаваемъ за образованнаго.

Кромѣ всего сказаннаго, ручной трудъ имѣетъ и матеріальную цѣль: онъ даетъ умѣніе готовить вещи. Правда, онѣ малоцѣнны, онѣ не окупаютъ времени, потраченнаго на изготовленіе ихъ; но все же вещи эти далеко цѣннѣе исписанныхъ ученическихъ тетрадокъ!...

Стараясь быть краткимъ, я передалъ изложенное сжатымъ конспектомъ. Въ устномъ изложеніи лектора мысли эти развиты до полноты и законченности и пересыпаны живыми примѣрами. Рѣчь лектора полна глубокой опытности, проникнута живымъ энтузіазмомъ и убѣжденною ясностью педагогическаго міровоззрѣнія.

На основаніи главнѣйшихъ дидактическихъ положеній, на основаніи характерныхъ особенностей учебнаго предмета въ лекціяхъ методики Саломонъ даетъ рядъ весьма дѣльныхъ совѣтовъ, облегчающихъ достиженіе учебной цѣли. Онъ высоко цѣнитъ педагогическій тактъ, не поддающійся никакому опредѣленію, но тѣмъ не менѣе понятный каждому учителю и чувствующійся въ его работѣ. Въ планомѣрномъ достиженіи поставленныхъ учебныхъ цѣлей съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаетъ Саломонъ, что „всякое ученіе должно опираться на доброе основаніе“ и „должно будить самостоятельную энергію учениковъ. Не излагая методики Саломона, я упомяну только составленную имъ таблицу сравнительной пригодности десяти различныхъ ручныхъ работъ въ курсѣ школы. Въ первые годы существованія семинаріи, какъ было сказано, ученики ея занимались различными мастерствами. Но изъ всѣхъ ихъ теперь оставлена въ курсѣ только обработка дерева, потому что она, такъ ска-

затѣ, педагогичѣе другихъ работъ. Таблица показываетъ, что ручной трудъ оказывается удовлетворительнымъ предметомъ ученія съ десяти различныхъ пунктовъ, а плетеніе корзинъ, маларныя и кузнечныя работы совсѣмъ не пригодны для школы. Таблица эта составила и многократно обсуждалась на дискусахъ учителей. Многіе пункты ея и до сихъ поръ остаются открытыми.

Опустивъ третій видъ чтеній Саломона, какъ не представляющій въ себѣ ничего особеннаго, перейду къ его урокамъ объясненія инструментовъ. Для практическаго знакомства съ инструментами имѣется достаточно времени; но знакомство это создается безъ строгой системы; въ немъ не сводятся изучаемыя свойства къ одному знаменателю. Последнее же важно для учителя. Для уроковъ объясненія инструментовъ (Werkzeugstunden) по распisanію отводятся два послѣобѣденные часа въ недѣлю. На первый такой урокъ всѣ работающіе, кромѣ англичанъ, съ которыми Саломонъ велъ занятія отдѣльно, собрались въ болѣе помѣстительную залу. Заранѣе было объявлено, чтобы каждый запасся рабочимъ ножомъ, циркулемъ, полуметромъ и небольшою дощечкой вершка въ четыре длиной и три шириной. Въ залу принесена была большая классная доска. Предметомъ урока было объясненіе устройства столярнаго ножа и работы имъ. Въ краткомъ изложеніи лекторъ сообщилъ, какой инструментъ называется ножомъ, изъ какихъ частей состоитъ онъ, какъ надо держать его во время работы и вообще владѣть имъ. Онъ перечислилъ всѣ виды работы, производимой этимъ инструментомъ: 1) продольный отрѣзъ дерева, 2) поперечный отрѣзъ, 3) искосный отрѣзъ, 4) угловой отрѣзъ, 5) выпукло—округлый обрѣзъ, 6) вогнуто—круглая выемка и 7) гладкая строжка. На доскѣ была начерчена форма дощечки, принесенной каждымъ на урокъ. Отчертивъ въ ней съ правой стороны полосу въ сантиметръ шириной, лекторъ приказалъ каждому сдѣлать то же самое на своей дощечкѣ и отчерченную полосу гладко отрѣзать ножомъ. Когда это было исполнено, онъ приказалъ сдѣлать то же самое поперекъ дощечки. Затѣмъ отъ вершины обрѣзаннаго угла отмѣрено было по сторонамъ его по три сантиметра и сдѣлавъ былъ искосный обрѣзъ. Закончился урокъ исполненіемъ угловаго отрѣза (фасовка). Остальные виды работы ножомъ выполнены были на слѣдующемъ урокѣ. Надо замѣтить, что Саломонъ очень цѣнитъ ножъ въ занятіяхъ ручнымъ трудомъ. Простой инструментъ этотъ въ хорошихъ рукахъ имѣетъ такое многообразное примѣненіе, котораго не суждено никакому другому инструменту. Мно-

гія модели семинаріи исполняются ножомъ для того только, чтобъ исчерпать по возможности всѣ свойства его и овладѣть имъ. При тщательномъ исполненіи, модели эти вводятъ посторонняго человѣка въ обманъ: ему не вѣрится, что онѣ сдѣланы однимъ ножомъ, этимъ нехитрымъ инструментомъ. Предметомъ слѣдующаго урока была обыкновенная (лучковая) пила. Вотъ приблизительное краткое изложеніе его. „Инструментъ, который держу я въ рукахъ, называется пилой. Онъ состоитъ изъ восьми частей: 1) стальной пластинки, называемой полотномъ или полотенцемъ пилы, 2) двухъ ручекъ, въ которыхъ неподвижно укрѣплены концы ея желѣзными шпозками, 3) двухъ держалокъ, въ которыхъ свободно вращаются эти ручки, 4) распорки, 5) шнура и 6) закрутки. Все, что сдѣлано здѣсь изъ дерева, называется станкомъ. Шнурокъ играетъ въ немъ роль пружины, которую натягивается и, по мѣрѣ надобности, ослабляется полотно. Дѣйствуетъ онъ на концы держалокъ, какъ на рычаги—опирающіеся серединою на концы распорки. Для того, чтобы пила рѣзала дерево, ее надобно развести и заточить. Разводится она особою разводкою или просто тупою стамеской. Правильный разводъ состоитъ въ томъ, что всѣ четные зубья пилы стоятъ подъ однимъ небольшимъ угломъ къ нечетнымъ. Это даетъ возможность дѣлать болѣе широкій прорѣзъ, свободнѣе дѣйствовать въ немъ пилой и выносить наружу выбитыя частицы дерева. Точится пила трехграннымъ напилкомъ, для чего помѣщается или въ прорѣзъ дерева, или въ тиски. Правильно рѣжетъ она только тогда, когда полотно ея находится въ одной прямой плоскости; если же оно искривлено, то прорѣзъ получается также искривленный, кривизна его все болѣе и болѣе увеличивается, пила необыкновенно натягивается и лопается. Работа пилой требуетъ правильной постановки корпуса и правильныхъ движеній. Стоять надо такъ, чтобы лѣвая нога была отнесена немного назадъ и служила бы главною опорой корпуса. Нельзя дергать пилу короткими отрывистыми движеніями, какъ часто дѣлаютъ это дамы, а надо водить ее медленными широкими размахами, ничуть не нажимая книзу. Во время работы пилой станокъ ея откидывается немного вправо, чтобъ удобнѣе было видѣть, какъ идетъ прорѣзъ. Полезно учиться пилить обѣими руками. Не смотря на довольно сложное устройство свое, пила весьма ограничена въ употребленіи: ею можно только пилить дерево вдоль, поперекъ и узкою пилой по окружности“... Иллюстраціей излагаемаго служила настоящая пила, которую лезть оръ все время держалъ въ рукахъ, и чертежъ пилы на классной доскѣ. Части пилы были обозначены буквами и выписаны названія ихъ. На

слѣдующемъ урокъ были выполнены всевозможныя упражненія пилой, съ соблюденіемъ всѣхъ относящихся къ нимъ правилъ. Принесенныя на урокъ дощечки подъ контролемъ лектора были испилены по всѣмъ направленіямъ. На слѣдующихъ урокахъ также было объяснено устройство рубанковъ, стамески, струговъ. Надо сказать, что такія бесѣды объ инструментахъ полны живаго интереса и весьма полезны. Кто знаетъ хорошо устройство ихъ, понимаетъ механизмъ, тотъ смѣло и увѣренно употребляетъ ихъ въ работѣ.

Дискусы представляютъ собою педагогическія собесѣдованія. Руководить ими самъ Саломонъ. Предметами разсмотрѣнія на нихъ берутся или вопросы о постановкѣ ручнаго труда въ школѣ, или общіе педагогическіе вопросы.

Практическія занятія на курсахъ Неесской семинаріи состоятъ въ исполненіи простыхъ подѣлокъ изъ дерева, обыкновенныхъ въ хозяйствѣ шведскаго простолюдина средней зажиточности. Онѣ взяты изъ тѣхъ коллекцій, которыя составлены семинаристами въ первые годы существованія заведенія. Выборъ лучшихъ подѣлокъ и распределеніе ихъ въ коллекціи по степени трудности потребовали много времени, да и теперь еще руководители заведенія работаютъ надъ этимъ. Число подѣлокъ, исполняемыхъ на курсахъ, не одинаково. Два года тому назадъ оно доходило до ста и было распределено въ двухъ послѣдовательныхъ коллекціяхъ, по пятидесяти моделей въ каждой. Въ прошломъ же году, вслѣдствіе выключенія всѣхъ токарныхъ моделей и нѣкоторыхъ столярныхъ, число ихъ уменьшилось до 83. Модели эти сгруппированы въ четыре коллекціи (серіи). Первая заключаетъ въ себѣ 50 номеровъ. Она предназначена для сельскихъ начальныхъ школъ и называется основною коллекціей. Вторая состоитъ изъ 42 номеровъ, входящихъ въ первую, и 8 новыхъ. Она назначается для начальныхъ городскихъ училищъ. Третья состоитъ изъ 27 номеровъ первой коллекціи, 8—изъ второй и 15 новыхъ моделей. Подобно первымъ двумъ, она состоитъ изъ 50 номеровъ. Назначается эта коллекція для городскихъ училищъ, курсъ которыхъ выше курса начальныхъ школъ и ученики возрастѣе. Послѣдняя коллекція заключаетъ въ себѣ только 30 номеровъ ¹⁾). Новыхъ въ

¹⁾ *Перечень моделей основн. коллекціи:* 1) указка; 2) грабелный зубецъ; 3) колышекъ для цѣтвѣвъ; 4) ручка для пера; 5) колышекъ для цѣтвѣчнаго горшка; 6) ручка для грифеля; 7) ярыкъ для ключа; 8) моталка для нитокъ; 9) квадратный цѣтвѣчный колышекъ; 10) круглый колышекъ для клумбы; 11) подставка подъ цѣтвѣчный горшокъ; 12) ножъ для рѣзанія бумаги; 13) держалка для деревяннаго ведра; 14) корытце для письменныхъ принадлежностей;

ней 10 моделей, а остальные взяты изъ первыхъ трехъ. Назначается эта коллекція для женскихъ училищъ. Характеръ подѣлокъ повя-тенъ изъ прилагаемаго при семь списка моделей основной коллекціи. Вторая коллекція мало отличается отъ первой. Вещи обычныя въ городѣ замѣняютъ въ ней такія, которыя свойственны исключительно сельскому быту. Новыя модели третьей коллекціи по характеру подобны замѣняемымъ ими моделямъ второй, но онѣ нѣсколько сложнѣе ихъ и для выполненія своего требуютъ большей физической силы. Модели послѣдней коллекціи болѣе легки по выполненію и болѣе изящны по внѣшнему виду и назначенію. Выборъ ихъ отчасти примѣненъ къ женскимъ вкусамъ. Коллекція эта можетъ быть выполнена безъ употребленія тѣхъ движеній во время работы, которыя почему-либо вредны или несоотвѣтственны женскому организму. Дубовыя и буковныя подѣлки исключены изъ этой коллекціи. Всѣ подѣлки, входящія въ коллекціи, въ натуральную величину. Первыя изъ нихъ исполняются самыми несложными инструментами и самыми простыми приемами мастерства; чѣмъ далѣе, тѣмъ приемы эти становятся сложнѣе. Проведеніе строгой генетической послѣдовательности въ работѣ составляетъ одно изъ важныхъ отличій ручнаго труда отъ столярнаго мастерства.

Исполняя модели основной коллекціи, учащійся долженъ освоиться съ обработкой разныхъ породъ дерева—сосны, березы, ели, ольхи, дуба и бука, долженъ научиться 87 столярнымъ упражненіямъ. Онъ рѣжетъ дерево пилой, ножомъ, сверлитъ его разными инструментами, буравитъ, строгаетъ, чиститъ, клеитъ, связываетъ гвоздями, всякаго рода шипами и т. д. Упраженія эти начинаются при исполненіи коллекціи съ легчайшаго и потомъ постепенно усложняются. Директоръ семинаріи составилъ большія стѣнные таблицы по числу коллекцій.

15) ручка для молотка; 16) ручка для инструментовъ (рашпилей, напильковъ); 17) столовая ложка; 18) кухонная доска; 19) точильная доска (для косаря); 20) совокъ; 21) вѣшалка; 22) подставка подъ цвѣточный горшокъ большаго; 23) шведское топорище; 24) скамеечка подъ ноги; 25) крышка для кадки; 26) уполовникъ; 27) хлѣбная лопатка круглая; 28) вадекъ пращный (иральникъ); 29) линейка; 30) служба для обуви; 31) подставка для лампы; 32) твандій челновъ; 33) ящикъ для ножей; 34) русское топорище; 35) коробокъ для свичекъ; 36) толстая круглая палка (кѣй); 37) полуметръ; 38) ящикъ для перьевъ (пеналь); 39) скамейка подъ ноги; 40) наугольникъ; 41) ящикъ для тарелокъ; 42) ресмусъ; 43) грабельная колодка; 44) рамка для портрета; 45) полочка для инструментовъ; 46) маленькая кадочка (квашенка); 47) полка для книгъ; 48) кадочка-шайка; 49) письменная конторка; 50) ночной столикъ.

№№	Названія моделей.	Матеріалъ.	Упражнения, которыми готовится модель.												Новыя Упраженія.	СУММА.	Названія упражненій.												
12	Ножъ для рѣзанія бумаги.	Береза	5	7	12	8	9	10	22	16	6	23	13	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22, 23, 24	24	Волнистый обрѣзъ пилы, чиста рукоятка въ банкомъ и цѣпелъ.			
15	Ручка для молота	—	5	7	12	8	9	22	30	4	31	2	13	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30, 31	31	Строга ручной стругомъ, обдѣлка американскія стружкомъ.		
37	Полуметръ	Береза или ольха.	5	7	8	9	10	33	14	2	29	26	1	6	13	24	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Точное дѣленіе линіи.		
45	Полочка для инструментовъ	Сосна.	5	7	12	8	9	45	39	10	57	55	14	15	25	16	6	2	1	13	76	41	33	26	18	42	95	24	Зачинка полустружкомъ и шпона.

Въ первой широкой полосѣ таблицы помѣщены названія моделей по порядку, а противъ нихъ въ слѣдующей вертикальной колонкѣ названіе дерева, изъ котораго дѣлается модель; далѣе въ строку идетъ рядъ цифръ, обозначающихъ главнѣйшія столярныя упражненія, которыми исполняется каждая модель. Въ концѣ строки въ особой колонкѣ отмѣчаются новыя упражненія, только въ этой модели встрѣтившіяся, а потомъ и сумма всѣхъ упражненій, потребныхъ для выполнения этой модели и предшествовавшихъ ей. Далѣе въ послѣдней широкой полосѣ переименованы всѣ 87 упражненій, по мѣрѣ появленія ихъ въ работѣ вещей. Такимъ образомъ въ таблицѣ помѣщается полная исторія изготовленія модели, начиная съ того, какъ берется въ руки какая-нибудь доска или обрѣзокъ дерева, и кончая полировочною чисткой уже готовой вещи. Подъ № 15 стоитъ ручка для молотка; далѣе указывается, что она дѣлается изъ березоваго дерева, потомъ стоитъ рядъ цифръ 5, 7, 12, 8, 9, 22, 30, 4, 31, 2, 13 и 24. Это значитъ, что взятый для работы кусокъ доски надо обрѣзать пилой по концамъ (5), отпилить по продольной линіи (7), выстрогать гладкую грань (12), отвести ресмусомъ параллельныя линіи (8), обмѣрить прямыя углы (9), вырѣзать правильныя углубленія по бокамъ полученнаго квадрата (22), выровнять ихъ ручнымъ стругомъ (30), сдѣлать строжку фаса (фаску) (4), округлить полученную форму американскимъ стружкомъ (31), сострогать гладко одинъ конецъ (2), и вычистить рашпилемъ (13), а потомъ стеклянною бумагой (24). Въ послѣдней полоскѣ таблицы всѣ эти упражненія поставлены подъ своими нумерами, и найти ихъ легко. Первые номера моделей исполняются небольшимъ числомъ упражненій, потомъ число это увеличивается и въ 30 модели доходитъ до 40. Въ исполненіи цѣлаго ряда вещей упражненія эти многократно повторяются и весьма причудливо перемѣшиваются между собою. Въ таблицѣ основной коллекціи поставлено 774 числа, означающихъ упражненія, которыми исполняются модели. Каждое изъ 87 повторяется, слѣдовательно, въ среднемъ 9 разъ. При внимательномъ руководствѣ, при строгомъ контролѣ работы, при непремѣнной оцѣнкѣ каждой сдѣланной вещи учащійся имѣетъ полную возможность довольно основательно усвоить каждое упражненіе. И дѣйствительно, послѣ двухъ-трехъ учебныхъ недѣль становится замѣтно, что каждый смѣло беретъ въ руки нужный инструментъ, все менѣе и менѣе обращаясь за совѣтомъ къ учителю, и скорѣе кончаетъ свою работу.

Обученіе самой работѣ вещей, входящей въ коллекціи, ведется въ Неесской семинаріи особыми учителями-инструкторами и глав-

нымъ учителемъ. Первыхъ всегда полагается по одному на 13—15 учащихся. Инструкторами служатъ въ семинаріи учителя ручнаго труда изъ лучшихъ шведскихъ школъ. Лѣтомъ они охотно ѣдутъ въ Неесъ, какъ центръ, руководящій дѣломъ обученія ручному труду; здѣсь они получаютъ помѣщеніе съ готовымъ содержаніемъ и за шесть недѣль по 50 кронъ (около 30 рублей) жалованья. Каждый учитель-инструкторъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи опредѣленную мастерскую съ извѣстнымъ числомъ учащихся. Онъ назначаетъ работу, объясняетъ, какъ надо приняться за исполненіе ея, въ какомъ порядкѣ и какими инструментами она изготовляется; онъ слѣдитъ за точнымъ соблюденіемъ данныхъ имъ объясненій, и наблюдаетъ, чтобы въ работѣ не было употреблено ложнаго приѣма. То и дѣло останавливаетъ онъ работу, объясняя, чего не хватаетъ въ ней, и заставляетъ исправить ее. Въ каждую минуту онъ готовъ помочь совѣтомъ, указаніемъ, но дѣлать самую работу отказывается. Работающія въ мастерскихъ дамы часто просятъ: „сдѣлайте это: я не могу“. Въ отвѣтъ на такую просьбу слѣдуетъ новое объясненіе того, какъ надо дѣлать вещь, а на капризную просьбу простое замѣчаніе: „я также не могу“. Между работающими въ Неесѣ много такихъ лицъ, которыя до пріѣзда туда не брали въ руки ни одного инструмента, не знаютъ, какъ надобно держать пилу, управлять стамеской, какое надобно выбрать для работы дерево, какъ выгоднѣе отрѣзать его. Все это спрашивается у учителя. Въ первые дни занятій онъ мечется отъ одного верстака къ другому и изъ мастерской въ дровяной сарай, гдѣ сложенъ матеріалъ для работы. Онъ показываетъ, какъ надобно отрѣзать выбранный кусокъ дерева и какъ его укрѣпить на верстаки. Когда модель исполняется по чертежу, онъ указываетъ, какъ составляется чертежъ. Учитель-инструкторъ является первымъ цензоромъ оконченной работы. Послѣ дневной работы онъ собираетъ всѣ сработанныя его учениками вещи и представляетъ ихъ на обсужденіе совѣта учителей. Совѣтъ отбираетъ удовлетворительныя работы и возвращаетъ ихъ для полировочной чистки, а неудовлетворительныя предлагаетъ выполнить вновь. Кромѣ того, на обязанности учителей-инструкторовъ лежитъ забота о сохранности инструментовъ. Они контролируютъ ихъ по окончаніи дневныхъ занятій и довольно обстоятельно въ субботу. Помощниками ихъ въ этомъ служатъ избираемые каждой мастерской старшіе. Послѣдніе ведутъ списокъ учащихся и устанавливаютъ очереди для метенія, уборки мастерской и относа нарубленной щепы въ дровяной сарай. Старшій учитель надсматриваетъ за работою во всѣхъ мастерскихъ и отдѣленіяхъ. Онъ

ведеть журналъ успѣшности. Къ нему обращаются за совѣтомъ, какъ ученики, такъ и учителя.

Послѣ полировки исполненныя модели просматриваются на совѣтѣ учителей еще разъ и непременно въ присутствіи директора. Циркулемъ и наугольникомъ онъ самъ прикидываетъ главнѣйшія измѣренія. Въ большинствѣ случаевъ вещи признаются удовлетворительными и на нихъ кладется штемпель: „Хорошая работа—Неесъ“, а въ спискѣ учениковъ противъ фамиліи исполнителя ставится соотвѣтствующая работѣ отмѣтка по пятибалльной системѣ. Двойной осмотръ вещей—работа не легкая. Положимъ, на курсахъ прошлаго лѣта работало всего 80 человекъ, и каждый въ среднемъ выполнилъ только 35 моделей,—тогда въ суммѣ будетъ 2800 вещей, и каждый день необходимо дважды просматривать 80 вещей. Первые модели опытнымъ взглядомъ оцѣниваются быстро, но потомъ идутъ такія, которыя необходимо провѣрять съ циркулемъ и наугольникомъ въ рукахъ. Работа эта копотливая.

Заканчивается ученіе на курсахъ, какъ и начинается оно, торжественно. На канунѣ послѣдняго дня, въ который занятій уже не бываетъ, мастерскія убираются флагами, зеленью. Утромъ являются въ нихъ учащіеся, собираютъ въ музеѣ свои модели и складываютъ ихъ на своемъ верстаѣ. Потомъ всѣ идутъ въ залу-аудиторію. Здѣсь послѣ общей молитвы директоръ поздравляетъ всѣхъ съ окончаніемъ курсовъ и говоритъ свое прощальное привѣтствіе; ему приходится обыкновенно выслушать нѣсколько отвѣтныхъ благодарственныхъ рѣчей; затѣмъ онъ раздаетъ окончившимъ курсы свидѣтельства о томъ. Къ торжеству этому обыкновенно пріѣзжаетъ къ Саломону и Абрагамсону много гостей. Они идутъ въ мастерскія и рассматриваютъ вещи, сдѣланныя учащимися. Послѣ осмотра вещи упаковываются въ особыя коробки и отправляются на станцію желѣзной дороги, откуда и слѣдуютъ вмѣстѣ съ работавшими ихъ, какъ ихъ собственность. Въ день заключенія занятій Абрагамсонъ даетъ въ своемъ замкѣ прощальный парадный обѣдъ для курсистовъ. Обыкновенно онъ затягивается до поздней ночи; много бываетъ за обѣдомъ этимъ рѣчей и пѣнія. Хоръ изъ учащихся на курсахъ заранѣе готовится къ этому празднику. Поютъ шведскія, норвежскія пѣсни, гимны народныя, поютъ датскіе, финскіе, нѣмецкіе. Въ 1887 году на такомъ праздникѣ послѣ лѣтнихъ курсовъ какъ бы въ сюрпризъ бывшимъ на курсахъ русскимъ громадный хоръ спѣлъ на русскомъ языкѣ „Боже, царя храни“.

И. Шатаговъ.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Новый элементарный учебникъ французскаго языка, состоящій изъ трехъ частей, составилъ П. Мозеръ, преподаватель Сибирской военной гимназiи. Москва. 1887. Изданiе 2-е. Часть 1-я, стр. 72, цѣна 30 к. Часть 2-я, стр. 123, цѣна 50 к. Часть 3-я, стр. 197, цѣна 60 к.

Три части учебника г. Мозера представляютъ, по плану автора, указанному въ предисловіи, законченный элементарный курсъ, обнимающій три низшіе класса среднихъ учебныхъ заведеній всѣхъ категорiй. Каждый годичный курсъ этого учебника состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, неразрывно связанныхъ лексическимъ матеріаломъ и грамматическими формами и различающихся по внѣшности только тѣмъ, что первый отдѣлъ раздѣленъ на параграфы, состоящіе изъ ряда отдѣльныхъ фразъ французскихъ и русскихъ, а второй, значительно меньшій, включаетъ въ себя небольшія связныя французскія статьи, по матеріалу своему соотвѣтствующія, каждая, какому-нибудь параграфу перваго отдѣла. По существу обѣ эти части представляютъ одно и то же: отдѣльныя фразы параграфовъ, служащихъ выраженiемъ извѣстныхъ грамматическихъ правилъ или изображенiемъ формъ того или другаго времени глагола, составлены изъ словъ, входящихъ въ статьи, или цѣликомъ взяты оттуда, такъ что въ обѣихъ частяхъ и лексическiй матеріалъ, и грамматическія формы однѣ и тѣ же, но представлены въ различныхъ видахъ. Ученикъ, изучившій 34 параграфа 1-го курса, ничѣмъ не долженъ затрудниться при переводѣ второй части того же курса и ничего не прiобрѣтаетъ новаго; онъ

---

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензiи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенiя.

только въ другой формѣ повторить тѣ же слова, фразы и формы, которыя заучилъ въ разныхъ параграфахъ перваго отдѣла того же курса. Для статей втораго отдѣла нѣтъ даже отдѣльныхъ вокабуль или алфавитнаго словарика, такъ что для того, чтобы приступить къ связанному тексту необходимо изучить прежде всѣхъ 34 параграфа упражненій и очень твердо знать ихъ лексику. Такъ какъ для изученія 34 параграфовъ потребуется, по распредѣленію самого автора, менѣе 120 уроковъ, то очевидно, что ученики перваго курса, при трехъ учебныхъ часахъ въ недѣлю, имѣющіе около 90 уроковъ въ годъ, и не дойдутъ до связаннаго текста. Въ послѣдующихъ частяхъ учебника г. Мозера количество упражненій въ методической части увеличивается безъ всякаго со стороны автора вниманія къ количеству учебныхъ часовъ и другимъ обстоятельствамъ школьнаго преподаванія. Такъ, въ третьей части учебника, параграфы котораго представляютъ, каждый, не менѣе шести крупныхъ заданийъ, масса учебнаго матеріала потребуетъ не менѣе 180 уроковъ для изученія, при точномъ выполненіи задаваемаго: слѣдовательно, въ третьемъ курсѣ не только не можетъ быть рѣчи о занятіяхъ надъ связнымъ текстомъ, но въ одинъ годъ нельзя пройти всю методическую часть учебника, такъ какъ параграфы его тѣсно связаны между собою по лексикѣ и по формамъ. Въ учебникѣ г. Мозера нѣтъ никакихъ объясненій по грамматикѣ къ предложенному для изученія матеріалу и къ образцовымъ примѣрамъ; теоретическая сторона языка, слѣдовательно, предоставляется благоусмотрѣнію преподающаго и ускользаетъ отъ контроля, какъ въ отношеніи научной состоятельности, такъ и въ отношеніи объема. Строеніе текста и образцовые примѣры въ трудѣ г. Мозера указываютъ между тѣмъ, что авторъ въ формальномъ отношеніи желаетъ идти крупными шагами, не стѣсняясь ни характеромъ элементарнаго курса, ни трудностью усвоенія формъ чужаго языка, ни даже указаніями учебнаго плана: такъ, въ 6-мъ, 8-мъ, 10-мъ и послѣдующихъ параграфахъ начальнаго курса проводится изученіе особенностей 1-го спряженія, и даже, параллельно съ этимъ, съ 9-го параграфа начинается изученіе неправильныхъ глаголовъ, которое съ § 14 осложняется изученіемъ формъ и размѣщеніемъ мѣстоименныхъ дополненій въ разныхъ оборотахъ рѣчи; съ § 15 вводится форма возвратная, съ § 18 — форма страдательная, съ § 21 — самостоятельныя притяжательныя мѣстоименія, съ § 24 появляются вмѣстѣ обѣ группы среднихъ глаголовъ, и все это въ то время, когда еще учащіеся не успѣли изучить трехъ главнѣйшихъ временъ правильныхъ спряже-

ній. Намъ кажется очевиднымъ, что при этомъ послѣднемъ условіи затрогиваніе вопроса о залогахъ и неразрывно связаннаго съ ними вопроса о согласованіи причастія прошедшаго, а также проведеніе цѣлой системы неправильныхъ глаголовъ совмѣстно съ особенностями правильныхъ спряженій, составляетъ нѣчто просто невозможное для начальнаго курса въ теоретическомъ отношеніи. Смѣло можно сказать, что 34 параграфа, считая въ то число и 8 параграфовъ вступительной главы, не могутъ, по теоретической и формальной трудности, быть изучены въ одинъ годъ въ начальномъ курсѣ и не дадутъ желаемаго авторомъ результата; о двухъ остальныхъ частяхъ руководства, болѣе трудныхъ и обширныхъ, чѣмъ первая, по объему курсовъ сравнительно съ количествомъ годовыхъ учебныхъ часовъ, слѣдуетъ сказать то же самое.

Практическій курсъ французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Составилъ *П. Мозеръ*. Изданіе 3-е, исправленое. Москва. 1888. Стр. 336+84+XII въ 8-ку. Цѣна 1 руб.

Названное руководство г. Мозера въ первомъ изданіи было озаглавлено по французски „Cours pratique et théorique de langue française à l'usage des hautes classes des gymnases“ (С.-Пб. 1876.) и состояло изъ двухъ частей, соединенныхъ въ одной книгѣ; въ первой части были помѣщены французскія и русскія статьи для переводовъ въ старшихъ классахъ, а вторая часть, подъ заглавіемъ „Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса“, заключала въ себѣ соотвѣтствующій высшимъ классамъ гимназій курсъ французскаго синтаксиса, поставленнаго, въ расположеніи своемъ, въ нѣкоторую связь со статьями первой части. При второмъ изданіи этого труда въ 1880 г. авторъ обособилъ каждую часть, такъ что онѣ могутъ быть разсматриваемы какъ не зависящія другъ отъ друга учебныя пособія. Настоящее третье изданіе „Практическаго курса французскаго языка“ г. Мозера не сопровождается „систематическимъ изложеніемъ особенностей французскаго синтаксиса“, хотя въ текстѣ статей вездѣ сдѣланы цифровыя ссылки на параграфы этого послѣдняго сочиненія.

Въ первоначальномъ изданіи сборникъ г. Мозера представлялъ весьма незначительное количество статей: ихъ было 21, и всѣ онѣ, вмѣстѣ съ русскимъ текстомъ для обратнаго перевода, помѣщались на 65 страницахъ, включая въ то число и предпосланную сборнику полную таблицу неправильныхъ глаголовъ въ алфа-

вѣтномъ порядкѣ. Въ третьемъ разсматриваемомъ теперь изданіи прозаическихъ статей дано 68 и 12 стихотвореній, и весь этотъ текстъ, вѣстѣ съ русскими статьями для обратнаго перевода и съ дополнительными 13-ю статьями также для перевода съ русскаго языка на французскій, занимаетъ 336 страницъ. Такимъ образомъ небольшой, первоначально, сборникъ статей разросся въ довольно крупную хрестоматію, содержащую въ себѣ хорошій матеріалъ для чтенія въ старшемъ курсѣ; справедливость требуетъ сказать, что матеріалъ этотъ расположенъ съ соблюденіемъ постепенности въ трудности языка и слога и снабженъ необходимыми пособиями для изученія его.

Важную особенность въ сборникѣ г. Мозера составляютъ приспособленныя имъ статьи на русскомъ языкѣ, вставленныя за каждымъ французскимъ отрывкомъ (кромя басенъ), подъ заглавіемъ „обратный переводъ“. Статьи этой категоріи составлены главнымъ образомъ изъ лексическаго матеріала, входящаго въ составъ французскаго текста, и представляютъ собою довольно удачную переработку его, въ которую введены всѣ выраженія, заключающія въ себѣ какія-нибудь синтаксическія особенности и затрудненія при переводѣ французскаго текста предшествовавшей статьи; эти выраженія напечатаны въ текстѣ курсивомъ. Нужно однако замѣтить, что, прилаживая русскія фразы для того, чтобъ онѣ удобно могли быть переведены извѣстными французскими выраженіями и оборотами, авторъ нерѣдко жертвуетъ правильностью русской рѣчи. Для примѣра отмѣтимъ нѣсколько фактовъ: На страницѣ 89 фраза—„сказать все, что я испыталъ, услышавъ эти слова, это было бы не возможно“; „съ этою цѣлью онъ захотѣлъ испытать судьбу сраженія“. Такихъ погрѣшностей противъ чистоты русской рѣчи немного, но тѣмъ не менѣе было бы желательно, чтобъ авторъ принялъ мѣры къ совершенному ихъ уничтоженію.

Систематическое изложеніе особенностей французскаго синтаксиса въ сравненіи его съ русскимъ, составилъ П. Мозеръ. Москва. 1887. Стр. 120 въ 8-ку. Цѣна 65 к.

Означенное сочиненіе г. Мозера первоначально составляло приложение къ его „Практическому курсу французскаго языка для среднихъ и высшихъ классовъ гимназій и прогимназій“, появившемуся въ печати въ 1876 году. Четыре года спустя, то-есть, въ 1880 г. авторъ отдѣлилъ это приложение отъ своего „Практическаго курса“

и издалъ особю книжкой подь выписаннымъ выше заглавіемъ, такъ что теперь она уже является третьимъ изданіемъ.

Разсматриваемый трудъ г. Мозера отличается чрезвычайно тонкимъ анализомъ синтаксическихъ особенностей обоихъ сравниваемыхъ языковъ и разработкою нѣкоторыхъ вопросовъ до мельчайшихъ подробностей. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ по синтаксису сочиненій въ нашей учебной литературѣ нѣтъ такой полной обработки вопроса объ употребленіи временъ и наклоненій, о замѣнѣ однихъ временъ и наклоненій другими, о случайно вспомогательныхъ глаголахъ *aller, venir, laisser*, особенно глаг. *faire*, затѣмъ вопроса о дополненіи нѣкоторыхъ наиболѣе употребительныхъ глаголовъ какъ *croire, donner, traiter, venger*, а также о неокончателномъ наклоненіи при *avoir, se mettre, savoir, sembler, paraître, dire* и многихъ другихъ. Нѣкоторыя изъ обобщеній г. Мозера весьма удачны и избавляютъ отъ многихъ правилъ и лишнихъ перечисленій, которыя держатся до сихъ поръ въ грамматикахъ: къ этой категоріи слѣдуетъ отнести, между прочими, параграфы, касающіеся до значенія, постановки и опущенія членовъ при французскихъ существительныхъ.

Иногда впрочемъ желаніе сократить число правилъ и исключеній вовлекаетъ г. Мозера въ крайность; въ этомъ отношеніи особенно выдаются слѣдующіе параграфы: § 60 (стр. 44)—объясненіе о глаг. *se mettre*; § 120, п. 2-й (стр. 84)—о *conditionnel*; § 125, п. 3-й (стр. 90)—о замѣнѣ *conditionnel* на *imparfait*; и § 149, п. 1-й и 2-й (стр. 107) о роли *participe présent* въ сокращенныхъ опредѣлительныхъ придаточныхъ предложеніяхъ.

Вслѣдствіе неправильнаго взгляда г. Мозера на французское *participe présent* съ предлогомъ *en* и на обѣ формы причастія прошедшаго, XII глава его грамматики, начиная отъ § 147 (стр. 105), выходитъ довольно запутанною, и эта запутанность увеличивается еще тѣмъ, что въ концѣ главы съ § 153 (стр. 113) г. Мозеръ смотритъ на обѣ формы *participes passés* съ общепринятой точки зрѣнія и называетъ ихъ надлежащими именами. Въ настоящемъ изданіи г. Мозеръ кое-что измѣнилъ въ этой главѣ противъ перваго изданія, прибавилъ нѣсколько новыхъ параграфовъ, но, къ сожалѣнію, не отказался ни отъ своего неправильнаго взгляда на указанная выше формы, ни отъ неправильныхъ названій этихъ формъ, почему слѣданныя измѣненія и прибавки нисколько не уменьшили сбивчивости этой главы.

Система, принятая г. Мозеромъ въ его грамматикѣ—синтаксиче-

ская, то-есть, въ ней особенности французскаго синтаксиса разсматриваются не въ порядкѣ частей рѣчи, какъ это дѣлается обыкновенно въ теоретическихъ грамматикахъ, а по мѣрѣ того, какъ извѣстная часть рѣчи является необходимымъ ингредиентомъ развитія предложія. По такой системѣ составленъ общезвѣстный учебникъ Магера, французская грамматика Георга для нѣмецкихъ школъ и грамматика Фену для нашихъ учебныхъ заведеній. Нужно отдать справедливость этой системѣ относительно ея стройности и логичности: каждая часть рѣчи появляется въ ней со своими свойствами и особенностями, въ томъ именно мѣстѣ, которое указываютъ ей относительное значеніе ея и условія развитія предложія; но для проходящихъ гимназическій курсъ она несомнѣннѣе удобна тѣмъ, что разбиваетъ по разнымъ мѣстамъ формы одной и той же категоріи.

Третье изданіе грамматикѣ г. Мозера напечатано также удовлетворительно, какъ предыдущее.

GRAMMAIRE FRANÇAISE à l'usage des classes moyennes et supérieures des établissements d'éducation, par A. Challandes. Seconde partie. Troisième édition. Syntaxe. St.-Petersbourg. 1888. Pages 96. Prix 45 c.

COURS COMPLET DE LANGUE FRANÇAISE, par A. Challandes. Troisième année. St.-Petersbourg. 1889. Pages 100. Prix 50 c.

Вторая часть французской грамматикѣ г. А. Шалланда (Синтаксисъ) и въ третьемъ изданіи не отличается отъ втораго какими особенными достоинствами, кромѣ развѣ краткости; но краткость есть достоинство относительное и въ нѣкоторыхъ случаяхъ перестаетъ быть достоинствомъ, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о значеніи и правильномъ употребленіи временъ и наклоненій, вопросѣ весьма важномъ для русскихъ, изучающихъ французскій языкъ теоретико-практическимъ путемъ. Въ грамматикѣ г. Шалланда нѣтъ даже упоминанія о замѣнѣ однихъ наклоненій другими, ни о многихъ особенностяхъ употребленія временъ въ прямой и косвенной рѣчи, ни о сокращеніи придаточныхъ предложій въ *infinitif* и формы обонихъ причастій, что составляетъ первостепенную важность для иностранцевъ, изучающихъ французскій языкъ. Многія изъ совершенно мелочныхъ правилъ о согласованіи *participe passé*, нужныхъ при изящномъ владѣніи разговорнымъ языкомъ, а также первая глава, переполненная опредѣленіями всѣхъ терминовъ, относящихся до состава предложія и всѣхъ его видовъ, могли бы быть пропущены безъ вреда для учебнаго курса, — отсутствіе же въ

немъ вышеуказанныхъ, крайне необходимыхъ свѣдѣній составляетъ важный недостатокъ учебной грамматики.

Третья часть „Полнаго курса французскаго языка“ г. Шалланда соответствуетъ, до известной степени, курсу четвертаго класса гимназій и заканчивается собою элементарный курсъ изученія французскаго языка въ первыхъ трехъ классахъ (2-мъ, 3-мъ и 4-мъ). Содержаніе этой третьей части, въ теоретическомъ отношеніи, касается ознакомленія со свойствами возвратнаго и безличнаго залоговъ, даетъ правило образованія временъ изъ формъ первообразныхъ, излагаетъ особенности правильныхъ спряженій и неправильныхъ глаголовъ, главнѣйшіе случаи замѣны члена предлогомъ *de*, нѣкоторыя подробности въ образованіи формы женскаго рода и множественнаго числа въ существительныхъ и прилагательныхъ качественныхъ, а равно общія свѣдѣнія о *participe présent*, *adjectif verbal*, *gérondif* и главныя правила согласованія *participe passé*. Жаль, что г. Шалландъ принимаетъ пять формъ первообразныхъ временъ; присутствіе въ ихъ числѣ *participe présent* вносить только запутанность и лишнія оговорки въ вопросъ образованія временъ производныхъ. Кромѣ методической части курса, третья книжка г. Шалланда заключаетъ въ себѣ 16 французскихъ статей, 12 русскихъ и 19 небольшихъ стихотвореній для перевода, заучиванія наизусть и вообще для практическихъ упражненій; ко всѣмъ этимъ статьямъ даны готовыя вокабулы. Къ сожалѣнію, въ русскихъ упражненіяхъ встрѣчаются несовсѣмъ точныя и правильныя фразы, но ихъ немного, и можно разчитывать, что авторъ, при слѣдующемъ изданіи, постарается устранить и эти мелочныя недостатки.

Вообще третья часть „Полнаго курса французскаго языка“ г. Шалланда, представляя во всей своей совокупности матеріалъ удобный для усвоенія въ теченіе одного года, можетъ служить сподручнымъ руководствомъ для IV-го класса.

PRÉCIS D'HISTOIRE DE LA LITTÉRATURE FRANÇAISE DEPUIS LES ORIGINES JUSQU'À LA RÉVOLUTION FRANÇAISE, par A. Nalis. Одесса. 1888.

Трудъ г. Налиса первоначально былъ составленъ только для его ученицъ, какъ конспектъ чтеній по исторіи французской литературы, и не назначался къ печати. Рѣшившись издать этотъ трудъ въ свѣтъ, авторъ счелъ нужнымъ дать ему нѣсколько большее развитіе, но притомъ старался сохранить въ немъ простоту и непритязательность первоначальнаго изложенія. Въ предисловіи г. Налисъ указываетъ

два главных сочиненія — П. Альбера и Ш. Жиделя, изъ которыхъ оныя наиболѣе почерпалъ данныхъ для своего труда.

Краткій очеркъ г. Налиса въ разсматриваемой книжкѣ доведенъ до 1794 года, до смерти А. Шенье; вторая часть очерка, которая посвящена исторіи французской литературы въ текущемъ столѣтіи, до сихъ поръ еще не вышла въ свѣтъ.

Изложеніе г. Налиса отличается простотой и удобопонятностью; слогъ его ровный, ясный, свободный отъ неумѣстной въ школьной книгѣ витіеватости и запутанности. Вообще трудъ его читается легко и съ интересомъ. Подробное оглавленіе, приложенное въ концѣ книги, даетъ полную возможность ориентироваться въ ней на случай требуемой справки и дѣлаетъ ее весьма удобною, какъ въ этомъ отношеніи, такъ и для повторенія и привѣденія въ порядокъ слышаннаго на урокахъ по исторіи французской литературы.

P. CORNEILLE. I. Le Cid. Tragédie en cinq actes et en vers. — II. Novace. Tragédie en cinq actes et en vers. (Édition épurée). Выпускъ III. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабженъ объясненіями В. С. Игнатовича. С.-Пб. 1889. Стр. XVI+78+67+40+35.

Трудъ г. Игнатовича составляетъ несомнѣнно полезный вкладъ въ нашу учебную литературу и заслуживаетъ полнаго сочувствія, какъ по отношенію къ своей цѣли, такъ и по отношенію къ исполненію его.

Въ этой книжкѣ помѣщены два извѣстнѣйшія произведенія Корнеля „Le Cid“ и „Ногасе“. Въ началѣ книги, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ о Корнелѣ и его сочиненіяхъ“, находится толково составленное жизнеописаніе великаго писателя и прекрасный историко-литературный разборъ вышеупомянутыхъ двухъ трагедій.

Въ объясненіяхъ къ тексту трагедій, разъяснены обстоятельно мѣста текста, представляющія нѣкоторое затрудненіе, что способствуетъ значительно къ толковому пониманію текста. Къ сожалѣнію, въ объясненія эти вкрались нѣкоторые грамматическія погрѣшности; такъ, напримѣръ, г. Игнатовичъ, придерживаясь ошибочно мнѣнія нѣкоторыхъ составителей грамматикъ, смѣшиваетъ 2-ю форму *conditionnel passé* съ *plus-que-parfait du subjonctif* (стр. 13): *L'insolent en eût perdu la vie. Il ne l'eût jamais fait, si je l'eusse pu faire* (29). На стр. 3, при разборѣ выраженія: „Une indifférence qui n'enfle d'aucun d'eux ni n'abat l'espérance“, сказано: „Въ этой фразѣ первый предлогъ *de* является вслѣдствіе отрицанія при ска-

зуемомъ („n'enfle“), тогда какъ предлогъ *de* здѣсь просто выражаетъ родительный падежъ: Une indifférence qui n'enfle ni n'abat l'espérance d'aucun d'eux. На стр. 9 и 24: „Jusques вмѣсто jusque, для мѣры стиха“. Форма *jusques* употребляется и нынѣ въ высочайшемъ стилѣ, передъ гласною буквою, а во времена Корнеля это правописание было обязательно, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ. Желательно было бы, чтобы эти неточности были исправлены въ послѣдующихъ изданіяхъ, но, во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ уменьшить достоинства этого выпуска.

Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель I, II и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Этимология. Изданіе второе. Москва. 1885. Въ мал. 8-ку стр. 67. Цѣна 35 коп.

KURZGEFASSTE GRAMMATIK DER DEUTSCHEN SPRACHE für russische Schulen von *Ferdinand Mey*, Lehrer am I, II und IV Moskauer Kadettenkorps. ETYMOLOGIE. 3. Auflage. Moskau. 1885. Въ мал. 8-ку. Цѣна 30 коп.

Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть вторая. Синтаксисъ. Составилъ *Фердинандъ Мей*, преподаватель I, II и IV Московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Москва. 1886. Въ 8-ку стр. 62. Цѣна 45 коп.

Первыя двѣ изъ вышеозначенныхъ книгъ различаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одна издана на русскомъ языкѣ, а другая на нѣмецкомъ; содержаніе же ихъ до мелочей—одно и то же.

Существеннымъ достоинствомъ Этимологии нѣмецкаго языка слѣдуетъ признать способъ изложенія, отличающійся краткостью и опредѣленностью при достаточной полнотѣ и правильномъ распредѣленіи грамматическаго матеріала, изъ котораго тщательно исключено все, что относится къ общей грамматикѣ. Въ такомъ сжатомъ видѣ правила усваиваются легче, и наглядности ихъ способствуетъ употребленіе различнаго шрифта, при помощи котораго болѣе существенное отличается отъ менѣ важнаго. Все сообщаемое вѣрно; пробѣловъ мало; не указаны случаи опущенія гласнаго *e* въ окончаніяхъ слабого склоненія; но кое съ чѣмъ нельзя вполне согласиться, напимѣръ, съ отнесеніемъ глаголовъ *kennen* и *wissen* къ одному и тому же спряженію (стр. 36), но вообще трудъ г. Мей представляетъ весьма практическую учебную книгу.

Вторая часть грамматики, содержащая въ себѣ синтаксисъ, не смотря на русское заглавіе книги, написана на нѣмецкомъ языкѣ. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ слѣдуетъ изучать грамматику чужаго языка, трудно рѣшить принципиально. Въ концѣ концовъ все зависить отъ

качества преподавателя и отъ подготовки учениковъ. Но конечно, учебникомъ, написаннымъ по нѣмецки, можетъ пользоваться только преподаватель, хорошо владѣющій русскимъ языкомъ,—иначе онъ не будетъ въ состояніи дать необходимыя объясненія правилъ, что относительно правилъ синтаксическихъ сдѣлать не легко. Поэтому мы не рѣшились бы утверждать подобно составителю, что „Die Ansicht der Reaktionsperiode (?), dass die fremdsprachliche Grammatik nur in der Muttersprache gelehrt werden dürfe, erweist sich als nicht stichhaltig“, или что „der Einwand, dass der Schüler die Grammatik in der fremden Sprache nicht verstehe, scheint mir nur ein Stichwort der Reaktionsperiode (опять!) und vollständig hinfällig“ (см. стр. III и IV предисловія къ нѣмецкому изданію первой части грамматики). Напротивъ того, мы предпочли бы изложеніе синтаксиса на русскомъ языкѣ, полагая, что полное разумѣніе учениками преподаваемыхъ имъ правилъ важнѣе упражненія ихъ на этихъ правилахъ въ употребленіи нѣмецкаго языка. Для такихъ упражненій нѣтъ матеріала менѣе пригоднаго, чѣмъ грамматическія опредѣленія. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ написанъ синтаксисъ г. Мея, при оцѣнкѣ книги нельзя не указать на два преимущества ея, а именно—на краткость учебника и на вниманіе, съ какимъ составитель отнесся къ нуждамъ именно русскихъ учениковъ. Весь синтаксисъ разсматривается авторомъ съ точки зрѣнія русскаго языка и содержитъ въ себѣ только то, что составляетъ особенность нѣмецкой рѣчи. Въ этомъ проявляется опытная рука преподавателя-практика. Содержаніе книги слѣдующее: §§ 1—10 ученіе о расположеніи словъ въ предложеніяхъ, §§ 11—22 глава объ употребленіи членовъ; §§ 23—29 объ употребленіи временъ и §§ 30—35 наклоненій. Послѣднія двѣ главы не имѣютъ особыхъ оглавленій, что слѣдуетъ приписать недосмотру при корректурѣ; новое заглавіе является лишь передъ статью, §§ 36—55 объ управленіи словъ, къ которой въ видѣ дополненія присоединены „einige Regeln zum Uebersetzen aus dem Russischen in's Deutsche“, распределенныя по частямъ предложенія, §§ 56—65. Въ видѣ особой статьи, безъ раздѣленія на параграфы, помѣщены въ концѣ книги правила о переводѣ отдѣльныхъ словъ: союзовъ, нарѣчій, мѣстоименій и глаголовъ. Изъ этого перечня видно, что составитель, имѣя въ виду чисто практическія цѣли, не хлопоталъ о томъ, чтобы привести синтаксическія явленія нѣмецкаго языка въ строгую систему, а вслѣдствіе такого пріема книга его неудобна для справокъ, тѣмъ болѣе, что къ ней не приложено указателя. Ма-

теріалу собрано много, и много полезныхъ указаній въ книгѣ. Правила формулированы опредѣленно и по содержанію своему вѣрны. Промаховъ встрѣчается немного въ родѣ такихъ, какъ напримѣръ: § 1, 2: „Besteht das Praedicat aus einem zusammengesetzten Ausdruck wie: Abschied nehmen и т. д., so wird der undeklinitbare Theil (въ данномъ случаѣ это не несклоняемая форма, а просто—винительный падежъ) in den einfachen Zeiten ans Ende des Satzes gestellt“ или § 57, 2: „Die Vergangenheit von „sein“ (wie auch der andern Verben) stimmt im Deutschen nicht mit dem Subject im Geschlecht überein“. Изъ числа примѣровъ не совсѣмъ умѣстны въ учебной книгѣ слѣдующіе: стр. 11 „Es war einmal ein König, der hatt' einen grossen Floh“, стр. 16 „Sie ist eine Xantippe“ и стр. 51 „Nach der Meinung dieses Narren ist der Mond ein Pfannkuchen“.

Этимологія нѣмецкаго языка, изложенная сравнительно съ этимологіею русскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Августъ Гофманъ*, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи. Изданіе второе, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку стр. VII+118. Цѣна 75 коп.

Второе изданіе Этимологіи нѣмецкаго языка г. Гофмана значительно исправлено и дополнено авторомъ сравнительно съ первымъ ея изданіемъ. Со стороны изложенія книга тщательно пересмотрѣна составителемъ и въ настоящемъ видѣ не представляетъ промаховъ противъ правильной русской рѣчи, которыми страдало первое изданіе. Значительное измѣненіе къ лучшему сдѣлано и въ формулированіи правилъ. Все, что по указаніямъ программъ министерства народнаго просвѣщенія должно считаться самымъ существеннымъ для младшихъ классовъ, внесено въ составъ главнаго текста и напечатано болѣе крупнымъ шрифтомъ; кое-что лишнее, встрѣчавшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги, отнесено въ примѣчаніямъ и, будучи напечатано болѣе мелкимъ шрифтомъ, безъ всякаго затрудненія можетъ быть пропускаемо при прохожденіи курса; объемъ отдѣла о звукахъ уменьшенъ перенесеніемъ всѣхъ подробныхъ правилъ о произношеніи буквъ и о правописаніи изъ перваго отдѣла въ особое приложение, помѣщенное въ концѣ книги. Туда, по нашему мнѣнію, слѣдовало перенести весь этотъ отдѣлъ, такъ какъ онъ и въ настоящемъ видѣ недоступенъ для начинающихъ изучать нѣмецкій языкъ. Впрочемъ, едва ли найдется преподаватель, который вздумалъ бы проходить ученіе о звукахъ раньше изученія склоненій и спряженій, помѣщая

ученіе о звукахъ нѣмецкаго языка на первомъ мѣстѣ грамматики, авторъ только сдѣлалъ лишнюю, можетъ быть, уступку той системѣ, которая принята во многихъ грамматикахъ, особенно древнихъ языковъ.

Разсматриваемое второе изданіе является не только исправленнымъ, но и дополненнымъ. Дополненіе главнымъ образомъ относится къ ученію о глаголѣ, которое въ первомъ изданіи было изложено не вполне удовлетворительно. Изъ параграфовъ, предшествующихъ образцамъ спряженій, оставлены на прежнемъ мѣстѣ только тѣ, которые заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о формахъ глагола, тогда какъ примѣчанія о значеніи глагольныхъ формъ перенесены въ послѣдніе параграфы главы о глаголѣ. Тутъ же вновь прибавлены списки глаголовъ сильнаго и смѣшаннаго спряженій, которыхъ не было въ первомъ изданіи. Оставляя въ сторонѣ отдѣлъ первый, который, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы совсѣмъ исключить при новомъ изданіи, позволимъ себѣ указать на нѣкоторыя частности, надѣясь, что авторъ при случаѣ воспользуется этими замѣтками. § 12 о значеніи и употребленіи членовъ долженъ быть отнесенъ къ синтаксису. На стр. 29 читаются неупотребительныя формы die Munde и die Monden. На стр. 32 греческія окончанія *gog* и *thgor* должны быть измѣнены на *agog* и *anthgor*. Тамъ же встрѣчается *Canal—Canäle* и *Kanal—Kanäle*, какъ будто это два различныя слова. Предварительныя замѣчанія въ §§ 13 и 20 должны быть опущены какъ лишнія. На стр. 36 *Lausitz* переводится черезъ Лаузація. На стр. 39 § 21 А. а. слѣдуетъ прибавить слова: „или сложными существительными (срвн. примѣръ: страхъ Божій—*Gottesfurcht*)“. На стр. 41, въ 4-й строкѣ снизу, слѣдуетъ прибавить „безъ члена“ послѣ словъ „соединено съ существительнымъ“. Въ § 25 Б и въ § 30 вмѣсто того, чтобы излагать способъ склоненія числительныхъ порядковыхъ и притяжательныхъ мѣстоименій, слѣдовало просто указать, что они склоняются такъ, какъ и всѣ прочія прилагательныя. Примѣчаніе на стр. 78 о глаголахъ съ удвоеніемъ непонятно для учениковъ и неточно.

Первая нѣмецкая книга для чтенія (методическая хрестоматія), примѣнительно къ II классу мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Г. Гиршфельдъ*, преподаватель гимназій и прогимназій. — Вильна. 1887. Въ 16-ую стр. 78. Цѣна 35 коп.

Почти треть означенной книги, а именно 21 страницу, занимаетъ предисловіе, въ которомъ авторъ даетъ краткій историческій обзоръ попытокъ рѣшить вопросъ о преподаваніи иностранныхъ языковъ, характеризуетъ системы Гамильтона, Жакото, Робертсона, Зей-

денштюкера, Гаушильда и Магера и приходитъ къ выводу (стр. 12), что „систематическій методъ не долженъ распространяться только на грамматическія правила, но также и на чтеніе, начинающееся съ перваго курса“. Для такового чтенія авторъ и составилъ предлагаемую имъ систематическую христоматію и обѣщаетъ (стр. 14), что „въ скоромъ времени выйдетъ вторая книга для чтенія, приспособленная къ познаніямъ учащихся втораго курса“. Въ концѣ предисловія г. Гиршфельдъ даетъ нѣкоторые совѣты относительно практическихъ приѣмовъ самого преподаванія, останавливаясь особенно на способѣ выписыванія словъ учениками. Все это гораздо умѣстнѣе было бы въ особой брошюрѣ или журнальной статьѣ и совершенно напрасно занимаетъ столь значительную часть книжки, назначенной для учениковъ 2-го класса.

Христоматія состоитъ изъ небольшихъ статей; подъ каждою изъ нихъ обозначено русское значеніе встрѣчающихся въ ней словъ и выраженій, но не всѣхъ, такъ какъ предполагается, что ученики, приступающіе къ чтенію, владѣютъ извѣстнымъ запасомъ словъ, на приобрѣтеніе котораго, по мнѣнію автора (стр. 12), достаточно „при шести урокахъ, первое полугодіе“. Въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, однако, только три недѣльные урока назначено во второмъ классѣ на нѣмецкій языкъ, а потому весьма сомнительно, могутъ ли при настоящемъ числѣ уроковъ ученики пользоваться книгою еще въ томъ классѣ, для котораго она назначается авторомъ.

Статьи по формѣ изложенія представляютъ постепенный переходъ отъ самыхъ простыхъ предложеній къ болѣе сложнымъ; для облегченія учениковъ сложное сказуемое напечатано крупнымъ шрифтомъ.

По содержанію своему бѣльшая часть статей относится къ числу анекдотовъ, между которыми преобладаютъ анекдоты, основанные на игрѣ словъ или какой-нибудь остротѣ. Такой выборъ сдѣланъ съ цѣлью занять учениковъ и возбудить ихъ интересъ къ изученію нѣмецкаго языка, но едва ли можно ожидать такого результата. Вообще остроты и шутки представляются предметомъ, мало подходящимъ къ серьезнымъ занятіямъ, и могутъ предлагаться ученикамъ развѣ только изрѣдка, въ видѣ отдыха или награды послѣ болѣе основательныхъ занятій. Если же все чтеніе основано на подобныхъ пустыхъ вещахъ, то вмѣсто ожидаемаго оживленія на учениковъ наводится только скука.

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ, составленныхъ, по видимому, нарочно для этой христоматіи, встрѣчаются выраженія, не свойственныя вѣ-

мецкому языку, и даже просто ошибки. Отмѣтимъ слѣдующія мѣста: № 20 er will es einem seiner Freunde, Naturalisten, zum Geschenk machen (пропущенъ неопредѣленный членъ передъ приложеніемъ); ibid. man wartet mich *вм.* man erwartet mich; ibid. da ihn beides in den Händen stört. № 27 Habe Dank Euer Gnaden *вм.* habet Dank; ibid. war in Besitz *вм.* kam in Besitz или war in Besitz gekommen. № 28. setzte der König fort *вм.* fuhrf ort. № 31 er fragt mit Gelächter *вм.* lachend. № 32 Kam auf eine Poststation an, *вм.* auf einer. № 36 Sie sind nicht, liebe Frau, an den rechten Ort gekommen (отрицаніе не на мѣстѣ). № 40, b. zu welchem Preise muss der übrige Zucker verkauft werden um 264 Rubel zu haben (*вм.* zu geben). № 41, 6: er setzte fest—immer drei Schaltsage ausfallen su lassen *вм.* dass ausfallen sollten. № 48 er suchte wo Theer zu kaufen *вм.* zu kaufen wäre. № 52, 2. Die Vögel sind nicht so schön und gross, als in der heissen Zone, übertreffen sie (?) aber im Gesange (по крайней мѣрѣ слѣдовало сказать als die in der heissen Zone) и т. п.

Книга кишитъ печатками, изъ которыхъ многія скорѣе похожи на опiski. Изъ 52 страницъ, занимаемыхъ собственно хрестоматіей, только 7 страницъ оказываются безъ печатокъ; всего ихъ болѣе сотни, причеиъ надо помнить, что книга напечатана въ 16-ю долю листа. Опечатки относятся почти безъ различія, какъ къ нѣмецкому тексту, такъ и къ русскимъ словамъ подѣ текстомъ.

Вторая нѣмецкая книга для чтенія (методическая хрестоматія) примѣнительно къ III классу мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Г. Гиршфельдъ, преподаватель Виленскаго реальнаго училища. Рига. 1887. Въ 16-ую д. л. стр. 78.

И во второй, какъ въ первой книгѣ этого учебника, матеріалъ для чтенія состоитъ, главнымъ образомъ, изъ пустыхъ анекдотовъ, остроты которыхъ сводятся къ игрѣ словъ и часто не могутъ даже быть переведены на русскій языкъ (срв. статьи 3, 5 и 8); другія содержать въ себѣ шутки о такихъ предметахъ, съ которыми, особенно дѣтямъ, шутить крайне неудобно (напримѣръ, статьи 10 и 15). Объясненія атмосферныхъ явленій, помѣщенные (стр. 55 слл.) подѣ страннымъ заглавіемъ Auseinandersetzungen, запутаны и сбивчивы (срвн. статьи 50, 53 и 54).

Но не только по содержанію статьи не удовлетворяютъ требованіямъ школы,—овѣ не удовлетворительны и по изложенію; встрѣчаются даже неправильныя выраженія, напримѣръ, въ статьѣ 3-ей Mittag *вм.* Mittagessen, слово fragelos въ заглавіи статьи 12, aus niederer Her-

kunft stammen (ст. 24); nach Wissbegierde streben (ст. 58); hergehen *вм.* vorgehen (ст. 12); niedersetzen *вм.* niederlegen и sich Jemandes Gnade unterziehen (ст. 43). Къ синтаксическимъ ошибкамъ относятся слѣдующія: Deine Grossmuth wird nicht zulassen, dass du uns das Leben nehmen wirst *вм.* nimmst или nimmest (ст. 26), der Alte zählt das Geld, so dass beide Töchter hören *вм.* es hören (ст. 43); der Arzt lobte ihn darüber *вм.* dafür. Позволимъ себѣ указать на статью 42-ю, какъ на образецъ неуклюжаго стиля и неяснаго изложенія.

Въ словахъ, помѣщенныхъ подъ статьями, много несообразнаго. Такъ, напримѣръ, переводятся: herumtappen — ходить сюда-туда (ст. 1); geistreich — даровитый (ст. 13); Gemüth — душевное качество (ст. 19); schonen—беречь *вм.* щадить (ст. 21); Gliedermann — искусно устроенный человекъ (ст. 23); das Leben nehmen—отнимать жизнь (ст. 26); traurig aussehen — высматривать грустно (ст. 31); ungenutzt lassen — пользоваться, verändeln — промотать (ст. 32); daherziehen—заволочь (ст. 38) и т. д.

Отмѣтимъ еще ошибки противъ правописанія и флексіи русскихъ словъ, которыя только отчасти могутъ быть признаны опечатками: ст. 16 беречь *вм.* сберечь; ст. 19 кукли *вм.* куклы; ст. 25 подлинникъ *вм.* подлинникъ; ст. 26 виночерпъ *вм.* виночерпій; ст. 27 молеія *вм.* молнія; ст. 27 вредимо; ст. 28 проѣжалъ *вм.* проѣзжалъ; ст. 28 жинать *вм.* сжимать; ст. 31 ушли украдкою *вм.* украдкой; ст. 34 подаяніе *вм.* подаеніе; ст. 36 кайдалы *вм.* кандалы; ст. 37 замахать *вм.* замахнуть; ст. 37 одинаково длиной; ст. 38 край болоты; ст. 38 остороженіе *вм.* предостереженіе; ст. 39 объ его *вм.* о него; ст. 40 да не украли *вм.* не укради; ст. 47 (стр. 42) неприязно тамъ же: (стр. 48) кипѣла *вм.* кипятила; ст. 48 (стр. 55) осмѣлитыя *вм.* осмѣлиться; ст. 52 (стр. 58) ростеніе *вм.* растеніе; ст. 58 корыстіе *вм.* корысть; ст. 60 сочитаніе *вм.* сочетаніе; стран. 66 клювомъ стучить у стекла *вм.* клювомъ стучить въ стекло; тамъ же: радостно вывлицаетъ *вм.* восклицаетъ; стр. 71 крыльи *вм.* крылья; крылашаго *вм.* крылатаго; стр. 72 жальтесь *вм.* сжальтесь; тамъ же: горѣ мнѣ *вм.* горе мнѣ и стр. 76 придыраться *вм.* придираться и т. п.

DEUTSCHES LEBESBUCH für die unteren und mittleren Klassen höherer Lehranstalten von *Dr. I. Buschmann*, Direktor des Kgl. Gymnasiums zu Sigmaringen. Erste Abtheilung. Fünfte Auflage. Trier. 1885. Стр. XII+361. Zweite Abtheilung. Fünfte Auflage. Trier. 1886. Стр. XIV+603 въ 8-ку.

Хрестоматія, составленная д-ромъ Бушманомъ, принята во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи и вышла уже пятимъ

изданіемъ. Статьи, составляющія содержаніе, какъ первой, такъ и второй части ея, расположены по видамъ, къ которымъ онѣ относятся по формѣ изложенія. Прозаическія статьи первой части, числомъ 165, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: сказки, небылицы (Schwänke) и саги, басни, параболы, повѣсти и разказы, описанія и небольшой сборникъ сентенцій, а стихотворенія числомъ 171, пѣсни, притчи, басни, сказки, небылицы и саги, повѣсти и разказы, загадки и сборникъ пословиць. Во второй части подобнымъ образомъ помѣщены сперва басни и параболы, повѣсти, сказанія и саги, историческіе разказы, описанія и характеристики, а затѣмъ, въ отдѣлѣ, посвященномъ стихотвореніямъ,—образцы эпической поэзіи, какъ-то: басни, параболы, парамитіи, легенды, поэтическія повѣсти, баллады, романсы, рапсодіи, идилліи, описанія, а также примѣры лирической поэзіи, а именно: пѣсни, элегіи, нравоученія, епиграммы, посланія и загадки. Образцы драматической поэзіи уже потому не могли войти въ составъ хрестоматіи, что она содержитъ лишь цѣльныя произведенія, а вслѣдствіе большаго объема драматическихъ сочиненій помѣщеніе ихъ цѣлкомъ въ хрестоматіи оказывается невозможнымъ, отдѣльные же отрывки не могутъ дать учащимся вѣрнаго понятія объ этомъ родѣ поэзіи. Богатый и разнообразный матеріалъ, составляющій содержаніе, какъ прозаическихъ статей, такъ и стихотвореній, дѣлаетъ изъ этой хрестоматіи весьма полезную и притомъ интересную книгу для чтенія; помѣщенные статьи выбраны съ большимъ педагогическимъ тактомъ; онѣ доступны пониманію учащихся соотвѣтствующаго возраста и расположены въ порядкѣ постепенно увеличивающейся трудности. Пригодность книги возвышается еще прибавленіями къ первому и второму отдѣлу второй части. Въ первомъ изъ этихъ прибавленій (стр. 353) составитель предлагаетъ сборникъ образцовыхъ, составленныхъ извѣстными педагогами, плановъ для упражненій учениковъ въ письменныхъ сочиненіяхъ на заданныя темы. Слѣдуя тому же принципу дѣленія, по которому распредѣлены и статьи хрестоматіи, онѣ предлагаетъ: измѣненіе данной басни, составленіе басни на данную пословицу, схемы для разказовъ, пересказы даннаго разказа, изложенія темъ историческихъ или замѣчательныхъ изъ сказаній, схемы для описаній, разсужденій, синонимы, сравненія, схемы и планы для сочиненій на пословицы, хрѣю и примѣры логическаго разбора стихотвореній. Въ приложеніи второмъ (стр. 595) составитель, подъ заглавіемъ „Elemente der Poetik“, даетъ краткія свѣдѣнія о тропахъ и фигурахъ, о стихахъ и строфахъ и

о видахъ поэзій, а въ третьемъ приложеніи (стр. 601)—алфавитный указатель поэтовъ, стихотворенія которыхъ помѣщены въ хрестоматіи, съ указаніемъ соответствующихъ страницъ книги и сообщеніемъ о времени рожденія и смерти каждаго изъ нихъ. Этотъ послѣдній указатель весьма полезенъ и облегчаетъ пользованіе хрестоматіей, какъ пособіемъ при прохожденіи курса исторіи нѣмецкой литературы. Книга издана замѣчательно хорошо и исправно.

Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ русскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Р. Гретманъ*. Второе исправленное изданіе. Москва. 1886. Въ 8-ку стр. XXXII+536+240. Цѣна хрестоматіи съ словаремъ 2 р.

Первое изданіе разсматриваемой хрестоматіи составлено было гг. Гретманомъ и Кейзеромъ, а второе изданіе сдѣлано однимъ г. Гретманомъ; оно различается отъ перваго бѣльшимъ объемомъ, благодаря бѣльшему количеству помѣщенныхъ въ немъ статей. Основная мысль осталась одна и та же, а именно—„познакомить учениковъ съ богатой духовною и матеріальною жизнью германскаго народа“, какъ сказано въ извлеченіи изъ предисловія къ 1-му изданію (стр. V). Поэтому—продолжаютъ тамъ же составители—„въ хрестоматіи ученикъ найдетъ картины, изображающія вѣру, суевѣрія и повѣрія нѣмецкаго народа, міръ фантастическій и сказочный, образцы исторіи, какъ лѣтописной, такъ и критически разработанной, черты изъ жизни величайшихъ и замѣчательнѣйшихъ германскихъ дѣятелей и двигателей (?), народные разказы, въ которыхъ выразился юморъ и остроуміе націи, художественныя и научныя описанія общихъ и частныхъ явленій и произведеній природы, замѣчательныхъ мѣстъ и, наконецъ, разнообразный выборъ поэтическихъ произведеній изъ лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ“. Послѣ указанія на неудобство „брать матеріаль для хрестоматіи отовсюду, руководствуясь въ своемъ выборѣ только авторитетомъ писателя, интересомъ отдѣльной статьи и т. п.“, на стр. VI говорится: „Въ новѣйшее время составители русскихъ хрестоматій и книгъ для чтенія держатся того взгляда, что русская хрестоматія должна вводить русскаго ученика во все русское; нѣмецкая же должна его ограничивать областью одного только нѣмецкаго“. До извѣстной степени эта мысль вѣрна, но именно только до извѣстной степени, что, намъ кажется, чувствовали и сами составители, не рѣшившіеся въ выраженіи этой мысли провести полную параллель между русскою хрестоматіей и нѣмецкою. Значеніе русской хрестоматіи въ школахъ иное, нежели значеніе нѣмецкой, уже по

тому, что отношеніе русскаго ученика къ тому и другому учебному пособию совершенно иное. Русская хрестоматія служитъ одною изъ главнѣйшихъ задачъ всякаго учебнаго заведенія — средняго, какъ и низшаго—познакомить ученика съ родиною, языкомъ и духомъ роднаго народа, чтобъ онъ могъ сознательно относиться къ явленіямъ русской жизни и не быть чужимъ въ своемъ отечествѣ. Такимъ цѣлямъ не можетъ, да и не должна служить нѣмецкая хрестоматія—тутъ на первомъ планѣ стоитъ изученіе самаго языка и ознакомленіе съ образцовыми произведеніями нѣмецкой литературы, но только съ такими, которыя, благодаря своему общечеловѣческому содержанию и классической формѣ, доступны и важны для всѣхъ народовъ, слѣдовательно, и для русскихъ. Поэтому сочиненія, имѣющія предметомъ спеціальныя особенности нѣмецкой жизни или имѣющія спеціально нѣмецкій колоритъ, не должны входить въ составъ нѣмецкой хрестоматіи, назначаемой для русскихъ учениковъ. Русская рѣчь, даже если она по причинѣ древности памятника или народнаго ея происхожденія въ общемъ своемъ строѣ и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ сильно отступаетъ отъ разговорнаго языка, съ которымъ знакомъ русскій ученикъ, приступающій къ чтенію, не затрудняетъ его, потому что во всемъ для него новомъ и необычномъ, съ чѣмъ онъ знакомится, слышится для него что-то родное. Этого-то роднаго онъ не слышитъ въ произведеніяхъ чужаго народа, а потому оно для него остается сокровеннымъ, непонятнымъ и безынтереснымъ. Никакъ нельзя согласиться съ положеніемъ, высказаннымъ г. Гретманомъ въ предисловіи ко второму изданію, на стр. IX, въ защиту своего взгляда на дѣло, якобы „ученикъ, приступая къ чтенію нѣмецкой хрестоматіи, такъ же мало знакомъ съ бытомъ нѣмецкаго народа, какъ ученикъ, приступающій къ чтенію русской хрестоматіи, съ русскою жизнью“. Поэтому въ нѣмецкой хрестоматіи, назначаемой для русскихъ учениковъ, не слѣдуетъ помѣщать произведеній такихъ авторовъ, слогъ которыхъ или устарѣлъ, или же, благодаря своей своеобразности, слишкомъ далеко отступаетъ отъ общепринятаго современнаго литературнаго и разговорнаго языка. Въ хрестоматіи, составленной г. Гретманомъ, мы встрѣчаемъ, однако, статьи, заимствованныя изъ сочиненій Виланда, проза котораго и сама по себѣ устарѣла, а въ данномъ случаѣ, вслѣдствіе особенной цѣли сочиненія—сатирическаго романа *die Abderiten*—нарочно испещрена странными выраженіями и оборотами для того, чтобы произвести комическій эффектъ на читателя (ср. №№ 87 и 88). Еще менѣе пригодны

для чтенія учениками, тѣмъ паче русскими, помѣщенные въ хрестоматіи отрывки изъ Жанъ-Поля, писателя, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить образцомъ стиля и нарочно скрываетъ свои мысли въ кудравыхъ, даже уродливыхъ, періодахъ и подъ трудно понятными намеками и образами. Такія фразы, каковы помѣщенные въ 96-ой статьѣ (на стр. 67 съ начала, 69,3 съ начала, стр. 70, строка 20 слл. и стр. 71, строка 10 слл.), непонятны для ученика, не говоря уже о невозможности точнаго перевода ихъ на русскій языкъ. Недоступными по содержанию для учениковъ слѣдуетъ признать и параболы Гердера, помѣщенные подъ №№ 29—32, особенно же № 29. Кромѣ указанныхъ статей, найдутся еще и другія, болѣе или менѣе непригодныя, напримѣръ, № 94, стр. 62, Aus Saphirs Memoiren.

Въ хрестоматіи помѣщены 304 прозаическихъ статьи и 122 стихотворенія въ слѣдующемъ порядкѣ: Проза: I. Басни и параболы, №№ 1—32; II. Анекдоты и разказы, №№ 33—118; III. Сказки, саги и легенды, №№ 114—159; IV. Очерки изъ нѣмецкой исторіи, №№ 160—253; V. Описанія, №№ 254—273; VI. Сообщенія изъ области естественныхъ наукъ. В. Поэзія: I. Басни, параболы и аллегоріи, №№ 1—24; II. Сказки, саги и легенды, №№ 25—46; III. Лирическія стихотворенія и описанія, №№ 47—85; IV. Поэтическіе разказы, баллады, романсы, №№ 86—117 и V. Эпическія стихотворенія. Какъ видно изъ указателя, въ которомъ сопоставлены нумера статей перваго и втораго изданій, число статей значительно увеличено г. Гретманомъ при вторичномъ изданіи хрестоматіи. Самъ же авторъ заявляетъ на стр. XIX въ предисловіи, что „со многихъ сторонъ было высказано мнѣніе, что слѣдовало бы въ значительной степени уменьшить объемъ предлагаемой книги“ (при этихъ заявленіяхъ, конечно, могло имѣться въ виду лишь первое изданіе, болѣе краткое, чѣмъ настоящее), но утверждаетъ, что „къ сожалѣнію, ему при всемъ желаніи сдѣлать это было не возможно“. И вотъ почему: „Вопервыхъ, цѣли и требованія учебныхъ заведеній весьма различны, и для удовлетворенія ихъ надо имѣть крайне разнообразный матеріалъ; вовторыхъ, лучше дать нѣсколько больше, чѣмъ на оборотъ, такъ какъ не легко угодить на всѣ вкусы, и едва ли найдется преподаватель, который сталъ бы читать всѣ статьи подъ-рядъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ расположены. Втретьихъ, онъ по собственному опыту убѣдился, что даже при не особенно большомъ количествѣ уроковъ (среднимъ числомъ 4 въ недѣлю) удается прочитать болѣе трехъ четвертей всего содержанія,

а такъ какъ весьма неудобно каждый годъ непременно читать однѣ и тѣ же статьи, то во всякомъ случаѣ надо имѣть еще нѣсколько ихъ въ запасъ⁴. Эти доводы не убѣдительны. Что касается различія въ требованіяхъ учебныхъ заведеній, то, кажется, всякая учебная книга можетъ быть пригодна только для учебныхъ заведеній извѣстнаго общаго типа или точнѣе, для такихъ, которыя относительно даннаго предмета преслѣдуютъ приблизительно одинаковыя цѣли. Цѣли же преподаванія нѣмецкаго языка въ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различаются только степенью достигаемыхъ результатовъ, а не свойствомъ ихъ. Вездѣ эти цѣли—изученіе современнаго живаго языка и ознакомленіе съ образцовыми произведеніями изящной литературы, но ни въ одномъ учебномъ заведеніи не стремятся къ тому, чтобъ изучать на урокахъ нѣмецкаго языка исторію Германіи, по которой въ разсматриваемой книгѣ посвящено не менѣе 93 статей, составляющихъ эпизодическій курсъ, начиная съ похода Друза до царствованія Маріи Терезіи, или знакомить съ подробностями германской миеологіи (ср. №№ 132—143), или сообщать основныя понятія о естественныхъ наукахъ, къ которымъ въ данной книгѣ относятся 30 статей. Какъ во всякой учебной книгѣ, такъ и въ хрестоматіи, все лишнее, не служащее ея цѣли, понижаетъ степень ея пригодности къ употребленію въ классѣ. Главное достоинство всякой хрестоматіи состоитъ, именно, въ тщательномъ выборѣ статей, а потому нельзя согласиться съ принципомъ составителя: „чѣмъ больше, тѣмъ лучше“. Преподаватель, желающій пользоваться его книгой, долженъ составить изъ нея новую хрестоматію, выбравъ изъ массы предлагаемаго матеріала то, что стоитъ изучать, и не найдетъ въ самой книгѣ надлежащаго руководства для такого выбора. Ученики же, ради тѣхъ статей, которыя для нихъ полезны и доступны, должны покупать большую, дорого стоящую книгу, содержащую въ себѣ много совершенно для нихъ ненужнаго, только изъ-за того, что составитель желалъ угодить на всѣ вкусы.

Приложенный къ хрестоматіи словарь составленъ недурно, и переводъ нѣмецкихъ словъ вообще вѣренъ. Помимо значительнаго числа словъ, въ немъ пропущенныхъ, но дополненныхъ самимъ составителемъ въ концѣ словаря на стр. 238—240, намъ пришлось натолкнуться лишь на слѣдующіе пробѣлы: нѣтъ словъ *abhelfen* (ср. стр. 21), *heldisch* (стр. 36), *Pertinenzstück* (стр. 51). Встрѣчающееся въ той же статьѣ (№ 88) выраженіе *mit einiger Servitut verhaftet*, въ словарѣ передано невѣрно *im (sic) Servitut verhaftet*.

POESIE. DAS SCHÖNSTE UND BESTE AUS DES DEUTSCHEN LIED, SPRUCH, SCHERZ und Dichtung für Schule und Haus gesammelt, erläutert und mit fortlaufendem Wörterverzeichnis, so wie mit biographischen Angaben über die Dichter und einer Poetik versehen von *Max Fischer*, Sub-Inspektor an der Moskauer Praktischen Akademie für Handelswissenschaften. Moskau. 1889. Въ малую 8-ку стр. XXVI + 359 + 155. Цѣна 1 рубль.

Означенная книга составляетъ часть (№№ 5 и 6) болѣе обширнаго сборника, изданнаго составителемъ подъ заглавіемъ „*Max Fischer's Deutsche Lesehalle für die russische Jugend*“. Въ ней собрано, за исключеніемъ крупныхъ произведеній, все то изъ области нѣмецкой поэзіи, что можетъ служить развитію эстетическаго вкуса въ учащихся и дать здоровую пищу ихъ воображенію. Для младшаго возраста особенно трудно найти подходящій матеріалъ для чтенія и заучиванія наизусть, и сборникъ г. Фишера выгодно отличается отъ большей части употребляемыхъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣмецкихъ сборниковъ и хрестоматій богатымъ выборомъ именно такихъ стихотвореній, которыя доступны для пониманія учениковъ младшихъ классовъ, не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ тривиальными.

Содержаніе книги слѣдующее: въ первой части, назначаемой преимущественно для младшаго возраста, помѣщены 35 пѣсень, которыя, по мнѣнію составителя, ссылающагося въ предисловіи на слѣданный имъ опытъ, могутъ исполняться учениками и на урокахъ пѣнія; затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько загадокъ, шуточныхъ вопросовъ, скороговорокъ и стишковъ для отщитыванія при дѣтскихъ играхъ; но главную часть этого отдѣла составляютъ нетрудныя стихотворенія, группированныя по слѣдующимъ понятіямъ: Богъ и религія, школьная и дѣтская жизнь, природа и жизнь животныхъ, за которыми слѣдуютъ басни и сперва краткія, а потомъ болѣе обширныя стихотворенія повѣствовательнаго содержанія. Категоріи, по которымъ расположены стихотворенія второй части, назначаемой для средняго и старшаго возрастовъ, слѣдующія: Богъ, душевная жизнь человѣка (*Herz und Gemüt*), природа, правоученіе, поэзія, исторія. Послѣдняя, третья часть, состоитъ исключительно изъ стихотвореній Шиллера, который, по своему высокому значенію для воспитанія юношества, вполне заслуживаетъ оказаннаго ему предпочтенія. Вообще выборъ помѣщенныхъ въ сборникѣ стихотвореній весьма удаченъ; въ числѣ этихъ стихотвореній не находится ни одного, которое могло бы вызвать малѣйшее сомнѣніе

въ пригодности его для юношества. При этомъ составитель имѣлъ въ виду, что книга его назначается именно для юношества русскаго; это доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ помѣстилъ подъ текстомъ образцовые стихотворные переводы нѣмецкихъ подлинниковъ (ср. № 12, № 137 и № 149) и предложилъ подражаніе на нѣмецкомъ языкѣ прекраснаго стихотворенія Лермонтова „Молитва“ (№ 122). Стихотворенія Кернера „Moskau“ и Рюккерта „Die linke Hand“ не могутъ не одушевить русскихъ дѣтей высокимъ патриотическимъ чувствомъ.

Къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ, требующимъ объясненій, такковыя предлагаются въ примѣчаніяхъ, находящихся въ концѣ книги, стр. 320 и слѣд. Тамъ же помѣщены краткія правила нѣмецкаго стихосложенія и краткія же біографическія данныя о нѣкоторыхъ нѣмецкихъ поэтахъ. Въ видѣ отдѣльнаго томика прибавленъ поставленный словарь.

Біографіи и характеристики изъ исторіи нѣмецкой литературы. Сборникъ статей для чтенія и перевода въ старшихъ классахъ гимназій, реальныхъ училищъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Струве*, преподаватель реального училища св. Павла въ Одессѣ. Одесса. 1888. Въ 8-ву стр. VII+217.

Означенная книга представляетъ очеркъ нѣмецкой литературы въ видѣ книги, назначенной для класснаго чтенія. При составленіи ея г. Струве пользовался извѣстными сочиненіями по исторіи нѣмецкой литературы, изъ которыхъ иногда помѣшалъ цѣлыя отрывки, если таковыя казались ему доступными для пониманія учащихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ по содержанію и не представляли особенныхъ трудностей по языку. При пользованіи книгою составитель ея совѣтуетъ поступать слѣдующимъ образомъ: по прочтеніи отрывка и послѣ перевода и разбора его, предлагаются вопросы о содержаніи прочитаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобъ и отвѣты даны были на томъ же языкѣ, а затѣмъ уже учащимися передается содержаніе статьи по русски и по нѣмецки. При такомъ способѣ занятій книга, конечно, не можетъ быть прочитана въ классѣ отъ начала до конца, но такого полнаго усвоенія содержанія всей книги и не имѣлось въ виду составителемъ. Оно и не могло имѣться въ виду, потому что не всѣ статьи равнымъ образомъ могутъ интересовать русскихъ учениковъ; статьи, относящіяся къ періоду упадка нѣмецкой литературы и сообщающія довольно

подробныя свѣдѣнія о писателяхъ менѣе выдающихся или такихъ, съ которыми не придется ученикамъ знакомиться впоследствии, по нашему мнѣнію, лучше бы вовсе не помѣщать въ сборникѣ, такъ какъ онѣ только могутъ отвлечь вниманіе читающихъ отъ болѣе крупныхъ и дѣйствительно классическихъ явленій нѣмецкой литературы. Напротивъ того, съ большимъ интересомъ и съ пользою будутъ читаться помѣщенные въ началѣ каждого отдѣла общіе очерки отдѣльныхъ періодовъ нѣмецкой литературы, сообщенія о содержаніи Нибелунговъ и Гудруны и жизнеописанія Клопштока Виланда, Лессинга, Гердера, Гете и Шиллера. Если ограничиться этими статьями, то получится достаточно богатый матеріалъ для чтенія въ продолженіи курса трехъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Текстъ не сопровождается никакими замѣчаніями, а также нѣтъ словаря. И съ тѣмъ, и съ другимъ можно согласиться, въ особенности съ отсутствіемъ спеціального словаря, потому что учащіеся въ старшихъ классахъ должны пріучаться пользоваться общимъ лексикономъ. Книга издана исправно.

Русско-нѣмецкій сворникъ употребительнѣйшихъ словъ и выраженій, подобранныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Пособіе для устныхъ и письменныхъ упражненій въ русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Составилъ *Д. В. фонъ-Мевесъ*. Второе, дополненное и исправленное изданіе. Рига. 1887. Въ 8-ку стр. 81.

Первое изданіе означенной книги, вышедшее въ 1876 г. подъ заглавіемъ: „Словарь употребительнѣйшихъ словъ и выраженій въ русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ“, обратило на себя вниманіе въ качествѣ учебнаго пособія, для употребленія при первоначальномъ обученіи русскому языку въ тѣхъ школахъ, гдѣ учебные предметы преподаются на нѣмецкомъ языкѣ.

Второе изданіе этой книги состоитъ изъ 141 главы: въ каждой изъ нихъ предлагаются слова и выраженія, относящіяся къ извѣстному, опредѣленному кругу понятій или явленій природы и жизни, какъ напримѣръ, училище, одежда, торговля и промышленность, война, птицы, охота и т. п., причемъ предшествуютъ русскія названія предметовъ и дѣйствій, а за ними уже помѣщены соответствующія имъ по значенію нѣмецкія слова. Русскія слова снабжены знаками, указывающими удареніе, въ извѣстныхъ случаяхъ указана и флексія русскихъ словъ прибавленіемъ формъ родительнаго падежа, женскаго рода, втораго лица и т. п. По всему своему плану книга г. Мевеса назначается для учениковъ, родной языкъ которыхъ—нѣмецкій, и

должна служить болѣе къ ознакомленію ихъ съ русскимъ языкомъ, чѣмъ для изученія ими нѣмецкаго языка. Хотя книгъ въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, преподавательскимъ языкомъ сталъ обязательно русскій языкъ, но, вѣроятно, тамошніе ученики будутъ знакомиться съ русскимъ языкомъ главнымъ образомъ при посредствѣ нѣмецкаго языка, и пользованіе такими учебными книгами, какова изданная г. Мевесомъ, можетъ способствовать скорѣйшему и всестороннему ознакомленію учениковъ съ лексикою русскаго языка, такъ какъ въ этой книгѣ предлагается богатый матеріалъ для упражненій въ устномъ употребленіи русской рѣчи, притомъ въ извѣстномъ, систематическомъ порядкѣ. Русскія слова являются въ правильной формѣ, и переводъ ихъ на нѣмецкій языкъ точенъ; книга издана исправно.

Звѣздный атласъ для невесныхъ наблюденій. Изображеніе всѣхъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ до 35-го градуса южнаго склоненія и обозначеніе перемѣнныхъ и двойныхъ звѣздъ, звѣздныхъ скопленій и туманностей, которыя могутъ быть наблюдаемы невооруженнымъ глазомъ или обыкновенною зрительною трубою. Большая общая карта и 26 спеціальныхъ картъ, съ 12 листами объяснительнаго текста и 37 рисунками. Составилъ, начерталъ и описалъ *Яковъ Мессеръ*. С.-Пб. 1888. Стр. текста XVI+179.

Подробное заглавіе разсматриваемой книги достаточно уясняетъ ея цѣль и содержаніе. Другаго звѣзднаго атласа, подобнаго составленному Я. Мессеромъ, то-есть, содержащаго въ себѣ всѣ видимыя у насъ простымъ глазомъ звѣзды, на русскомъ языкѣ не имѣется. Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы привѣтствовать изданіе этой книги, единственной въ нашей учебной астрономической литературѣ, и пожелать ей возможно большаго распространенія.

Атласъ составленъ по Гейсу; но такъ какъ необычайная зоркость глазъ этого астронома была причиною включенія въ его атласъ множества такихъ звѣздъ, которыя были доступны безъ помощи зрительной трубы только ему, а не вообще людямъ, обладающимъ хорошимъ или нормальнымъ зрѣніемъ, то г. Мессеръ поступилъ весьма основательно, что не руководствовался одними лишь кельскими наблюденіями Гейса, а принялъ также въ соображеніе боннскія наблюденія Аргеландера, и потому не включилъ въ свой атласъ тѣ невидимыя невооруженному глазу звѣзды, которыя Гейсъ причислялъ къ 6-й величинѣ, то-есть, считалъ видимыми.

На спеціальныхъ картахъ этого атласа указаны прямые восхожде-

ніа звѣздъ съ точностью до 4 минутъ времени и склоненія—до 1°. За эпоху, въ которой отнесены эти координаты, избранъ 1880 годъ. Весьма многія изъ прямыхъ восхожденій (болѣе тридцати) были нами провѣрены, а также и нѣкоторыя склоненія, и ошибокъ не оказалось.

Отсутствіе пестроты на картахъ, зависящее главнымъ образомъ отъ удачно выбраннаго масштаба, весьма облегчаетъ пользованіе ими; форматъ книги и размѣръ спеціальныхъ картъ составляетъ также не малое достоинство, ибо дѣлаетъ ее удобною для переноски и для пользованія во время самыхъ наблюденій.

Предпосланный атласу текстъ не только содержитъ въ себѣ все необходимое для указанія читателю, неспеціалисту въ области астрономіи, какъ пользоваться атласомъ для изученія звѣзднаго неба, но и даетъ въ краткомъ и удобопонятномъ изложеніи, весьма обстоятельныя свѣдѣнія о природѣ звѣздъ и о ихъ собственныхъ движеніяхъ, а также о движеніи нашего солнца, о звѣздныхъ системахъ, о перемѣнныхъ звѣздахъ, звѣздныхъ скопищахъ, туманностяхъ и т. под.

Относительно недостатковъ книги или, вѣрнѣе, относительно того, что желательно было бы не встрѣчать въ дальнѣйшихъ ея изданіяхъ, можно сказать слѣдующее:

1) Невключеніе звѣздъ, лежащихъ за 35-мъ градусомъ южнаго склоненія, не представляетъ никакого неудобства для наблюдающихъ небо въ сѣверныхъ странахъ Россіи, напримѣръ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ или даже немного южнѣе; но для наблюдателя въ Харьковѣ уже окажется въ атласѣ недостатокъ близъ горизонтальныхъ звѣздъ на протяженіи пяти градусовъ, въ Симферополѣ—десяти градусовъ, а въ Тифлисѣ и южныхъ частяхъ Кавказа не достанетъ уже болѣе 13 и даже 15 градусовъ звѣздной полосы неба. Въ атласѣ нѣтъ не только спеціальныхъ картъ болѣе южныхъ созвѣздій, но не имѣется и общей карты южной полусферы неба. Было бы несравненно лучше, вмѣсто общей карты звѣздъ до 35° южнаго склоненія, помѣстить двѣ общія карты: одну—сѣверной, а другую—южной звѣздной полусферы. Притомъ, не представилось бы особаго затрудненія въ изображеніи на спеціальныхъ картахъ тѣхъ звѣздъ, которыя лежатъ за 35-мъ градусомъ, напримѣръ, до 45-го или даже до 50-го градуса южнаго склоненія. Всѣ данныя для этого авторъ нашель бы въ превосходныхъ аргентинскихъ работахъ 1879 года астронома Гульда или въ изданныхъ почти въ то же время и произведенныхъ вблизи экватора наблюденіяхъ бельгійскаго астронома Гузо. Еслибы авторъ лишь немного измѣнилъ масштабъ и размѣры спеціальныхъ картъ, то

могъ бы, воспользовавшись атласами Гульда или Гузо, значительно отодвинуть къ югу предѣльное склоненіе, почти не увеличивая объема своего атласа.

2) вмѣсто общепринятыхъ старинныхъ знаковъ для звѣздъ первыхъ пяти классовъ, авторъ обозначаетъ постоянныя звѣзды черными кружками различной величины, а переменныя — кольцами. Едва ли можно одобрить такое изображеніе, въ особенности для переменныхъ звѣздъ. Число этихъ послѣднихъ на каждой картѣ весьма ограничено, а на многихъ не оказывается даже ни одной, слѣдовательно, карты нисколько не потеряли бы въ ясности, еслибы переменныя звѣзды были изображены также, какъ и постоянныя, съ прибавленіемъ лишь къ первымъ обычной надписи *Vari*; между тѣмъ, принятый авторомъ способъ почти не даетъ возможности отличить переменную звѣзду 6-й величины отъ постоянной.

3) Въ текстѣ встрѣчаются, хотя впрочемъ крайне рѣдко, нѣкоторые пропуски; напримѣръ, говоря о различныхъ центрахъ движенія звѣздъ спутниковъ въ системахъ двойныхъ и вообще многократныхъ звѣздъ, авторъ не упоминаетъ о томъ, что центромъ движенія можетъ быть также темное тѣло; а между тѣмъ существованіе такихъ именно центровъ обнаружено точнѣйшими наблюденіями.

4) Встрѣчаются слова, обнаруживающія недостаточное знакомство автора съ русскимъ языкомъ и съ общепринятыми у насъ научными терминами; напримѣръ: проицирующее, проицируемое, вмѣсто — проектирующее, проектируемое; вмѣсто установившагося у насъ названіе „Зодіакъ“, авторъ говоритъ: животный кругъ. Можно бы также указать многіе примѣры неправильнаго согласованія или размѣщенія словъ, хотя и не препятствующіе ясному пониманію текста, но свидѣтельствующіе о томъ, что редакторомъ текста былъ не русскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

Полный конспект латинскаго синтаксиса. Составлено П. В. Федоровским.
Симбирскъ. 1888. Цѣна 40 коп.

„Цѣль настоящаго изданія“, говоритъ авторъ въ предисловіи,— „устранить многословіе и растянутость существующихъ учебниковъ и въ сжатой, краткой формѣ изложить весь тотъ матеріалъ, который содержится въ нихъ. Поэтому, съ одной стороны, здѣсь приведены всѣ необходимыя въ курсѣ гимназическомъ синтаксическія правила, съ другой—опущено все то, что не представляетъ особенности латинской рѣчи, что сходно съ законами нашего языка“. Вполнѣ раздѣляя взглядъ автора на то, что многословіе и растянутость составляютъ большой недостатокъ учебника, мы тѣмъ не менѣе сомнѣваемся въ томъ, чтобы предлагаемый имъ конспектъ латинскаго синтаксиса могъ быть таковымъ: учебникъ прежде всего долженъ содержать въ себѣ не только формулировку извѣстнаго явленія, но и его объясненіе: безъ этого послѣдняго онъ будетъ пригоденъ только для извѣстнаго числа учащихся; сверхъ того, онъ долженъ сопровождать формулировку правила болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ примѣровъ, на основаніи которыхъ оно могло бы быть сознательно усвоено; наконецъ, въ извѣстной степени, онъ долженъ заключать въ себѣ болѣе того, что обязательно должно быть усвоено учащимися; это болѣе пригодится имъ для справокъ. Поэтому невозможно согласиться съ г. Федоровскимъ, заявляющимъ въ предисловіи: „Если изучать, на примѣръ, употребленіе *ablat.* по программѣ Ходобая, въ которой напечатано объ немъ до 20 страницъ мелкаго шрифта, то потребуетъ

---

¹⁾ Помѣщенные здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

нѣсколько дней самаго утомительнаго труда, по настоящему же конспекту можно изучить то же самое не менѣе отчетливо. (?) въ одинъ часъ". Авторъ идетъ еще далѣе въ увлеченіи своимъ конспектомъ и утверждаетъ, что по нему ученикъ въ одинъ часъ можетъ повторить весь латинскій синтаксисъ.

Все это говорится не къ умаленію достоинствъ труда г. Федоровскаго, а къ тому, чтобъ указать на его надлежащее мѣсто въ преподаваніи латинскаго языка: учебникомъ быть онъ не можетъ, но въ качествѣ учебнаго пособия можетъ сослужить хорошую службу, освѣживъ въ памяти учащихся, въ сравнительно короткое время, главнѣйшіе законы латинской рѣчи.

При конспективной формѣ книжки и ея незначительномъ объемѣ особыхъ, частныхъ замѣчаній она не вызываетъ.

Dr. *Тегге*. Учебникъ латинской синонимики. Перевелъ и приспособилъ къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ *С. Рожанковскій*, инспектирующій учитель Московской V гимназіи. М. 1889. Въ 8-ку стр. VII+96.

Д-ръ Тегге извѣстенъ въ нѣмецкой ученой литературѣ своимъ замѣчательнымъ трудомъ: *Studien zur lateinischen Synonymik*, вышедшимъ въ 1886 году и благосклонно встрѣченнымъ критикой, которая признала въ немъ трудъ зрѣло обдуманнй и обстоятельно изложенный. Отличительною его особенностью является послѣдовательно проведенное стремленіе выводить употребленіе слова изъ его этимологическаго производства, причемъ послѣднее устанавливается въ большинствѣ случаевъ довольно убѣдительно и согласно требованіямъ современной науки; этимъ книга Тегге выгодно отличается отъ сочиненія Дедерлейна, этимологіи котораго признавались фантастическими его современниками. Выходя изъ словопроизводства, Тегге слѣдитъ словоупотребленіе въ наиболѣе характерныхъ сочетаніяхъ и оборотахъ, искусно группируя и сопоставляя ихъ, и этимъ выясняя ихъ особенности. Указанное сочиненіе, по своему объему и изложенію, предназначено для преподавателей; между тѣмъ небольшое руководство по синонимикѣ было бы не бесполезно дать въ руки и ученикамъ; вслѣдствіе того Тегге сдѣлалъ сокращеніе своей большой книги и предназначилъ ее для учащихся. Его русскій переводъ исполненъ въ настоящее время г. Рожанковскимъ. О томъ, что знаніе отгѣнковъ въ синонимическихъ словахъ представляетъ большое подспорье при чтеніи древнихъ авторовъ, нѣтъ необходимости распространяться: дѣйствительно, только зная, на примѣръ, различіе въ значеніи *gerregite* и *invenite*, ученикъ

может сознательно отнестись къ слѣдующей фразѣ Цезаря: *regrausci intribus inventis salutem sibi gerpererunt*; только зная отгѣнки въ употребленіи *metuere* и *vereri*, можно понять слова Цицерона: *metuebant eum servi, verebantur liberi*. Но, помимо этой, такъ сказать, практической приложимости, изученіе синонимовъ полезно въ школѣ еще и тѣмъ, что оно будитъ мысль учащихся, заставляетъ ихъ вниманіе останавливаться на такихъ вопросахъ, которые обыкновенно обходятся, возбуждаетъ пылливость и приучаетъ къ строго-обдуманному употребленію словъ въ родной рѣчи.

Переходя къ разсмотрѣнію труда г. Рожанковскаго, слѣдуетъ замѣтить, что вошедшій въ него матеріалъ, хотя значительно уступаетъ въ полнотѣ матеріалу, собранному въ Синонимикахъ Шульца, и даже Шмальфельда, тѣмъ не менѣе, въ объемѣ свѣдѣній гимназиста, представляется достаточнымъ. Онъ сгруппированъ по извѣстнымъ отдѣламъ, послѣ нѣсколькихъ характерныхъ фразъ и оборотовъ, въ которыхъ съ особенною наглядностью видна особенность того или другаго синонима, приводится краткое его опредѣленіе, нерѣдко подкрѣпляемое этимологическимъ производствомъ. Краткость эта, въ большинствѣ случаевъ достаточно ясная, тѣмъ не менѣе мѣстами представляется чрезмѣрною и ведетъ къ фразамъ и опредѣленіямъ мало вразумительнымъ, напримѣръ: стр. 7. „*interficere*“ о всякомъ убиваніи (также широко, какъ простое *facere*)“, стр. 13. „*luctus* обнаруживающаяся печаль отъ большаго несчастія. Для внутренней печали не пишутся регламенты“, стр. 65. „*duo* разсматриваетъ нумерически два, какъ множество“. Сверхъ такихъ и имъ подобныхъ темныхъ выраженій, въ трудѣ г. Рожанковскаго встрѣчается не мало опредѣленій неточныхъ, фразъ неловкихъ и возбуждающихъ недоумѣнія, напримѣръ, стр. 4 „хорошая латынь—*sermo latinus*“. Желательно было бы имѣть подтвержденіе тому, что *sermo latinus* обозначаетъ именно хорошую латынь.

Ibid. „*oratio* рѣчь, при чемъ слушатели молчатъ, какъ та проповѣдь, которая художественно и стилистически вполне обработана“. Какъ будто слушатели молчатъ на проповѣди только при этомъ условіи.

Стр. 5. „*belua* большое безобразное животное, напримѣръ, *elephas*, китъ, *balaena*, бегемотъ“. Значенія словъ здѣсь перепутаны.

Стр. 7. „*se interimere veneno*—негласно сойдти со свѣта при помощи яда“. Фраза странно вычурная.

Стр. 9. „*acies* въ боевомъ порядкѣ построенное войско... какъ бы

остріе и лезвее меча, представляющаго фронтъ войска, которое построено колоннами для битвы въ открытомъ полѣ“. Объясненіе мало повѣстное.

Стр. 16. „quod non viderat pro viso renuntiavit—сказалъ, что видѣлъ то, что привидѣлось“. Русскій переводъ не точно передаетъ смыслъ латинской фразы.

Стр. 29. „mulier носительница женственнаго характера“. Выраженіе неудачное.

Стр. 30. „antiquitas древность... Римскія древности“. Слѣдовало бы прибавить, что въ послѣднемъ значеніи это слово употребляется во множественномъ числѣ: antiquitates.

Стр. 50. „Кто дѣлаетъ то-то и то-то, eius carpit Iovi... sacrum esto, да будетъ обреченъ (на жертву) богу, то-есть, да будетъ проклятъ, какъ жертва“. Объясненіе странное и невѣрное. Ошибка произошла отъ того, что авторъ позабылъ, что подъ Iuppiter въ этомъ оборотѣ разумѣется не богъ вообще, а Dis pater—божество подземное, которому, если что посвящалось, должно было идти въ землю, а живыя существа—быть убитыми.

Ibid. „sanctus покровительствуемый богами“. Въ русскомъ языкѣ не существуетъ и не можетъ существовать форма: покровительствуемый.

Руководство для учениковъ высшихъ классовъ гимназій по римскимъ древностямъ. Составилъ К. Зембергъ. Изданіе 2-е. Рига. 1889.

Первое изданіе книжки г. Земберга было въ 1886 г. допущено въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Быстрая распродажа книжки свидѣтельствуетъ о томъ, что въ подобной книжкѣ чувствовалась потребность, и что она не преминула принести извѣстную пользу нашему учащемуся юношеству. Во второмъ изданіи авторъ воспользовался сдѣланными ему замѣчаніями и этимъ значительно увеличилъ достоинство своей книжки. Правда, и въ настоящемъ изданіи она нуждается въ пересмотрѣ, но онъ касается болѣе мелочей, чѣмъ существа дѣла: на примѣръ, на страницѣ 7-й говорится, что tituli въ шкафахъ соединялись между собою гирляндами—stemmata. Объ этомъ мы съ точностью не знаемъ, и быть можетъ, stemmata звались самыя генеалогическія деревья, а не гирлянды; тамъ же говорится, что coloniae Latinae состояли изъ латинянъ подъ предводительствомъ римлянъ—что не совсѣмъ понятно; на стр. 8-й не точно опредѣляется понятіе префектуръ: говорится,

что praefecturae „были municipia или coloniae, но первоначально sine suffragio, и получали ежегодно начальника—praefectus—изъ Рима“. Этотъ praefectus, собственно говоря, не былъ ихъ начальникомъ, но только судьей (praefectus iure dicundo), и первоначально посылался по порученію (mandatum) римскаго претора, для судоговоренія. Потомъ, четверо изъ этихъ префектовъ стали выбираться народомъ, и получили названіе praefecti Caruam Camos. Впрочемъ, такихъ недоумковъ немного.

C. JULII CAESARIS COMMENTARII DE BELLO GALLICO. Текстъ съ объяснительнымъ словаремъ и приложеніемъ карты Галліи. Издавъ для употребленія въ гимназіяхъ М. Блюса. Изданіе 3-е, вновь просмотрѣнное и исправленное. М. 1888. Ц. 1 руб. 40 коп.

Третье изданіе поименованнаго труда г. М. Блюса заявляетъ себя, какъ вновь просмотрѣнное и исправленное. Просмотръ и исправленіе не коснулись текста Цезаря, перепечатаннаго изъ изданія Крамера 1879 г., и только въ незначительной степени замѣчаются въ словарѣ, который и послѣ третьяго изданія нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и исправленіи. Въ доказательство приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ на удачу изъ буквы С:

Садурсі, народъ, . . . находившійся подъ покровительствомъ (clientela) Арверновъ. Срвн. s. v. clientela, покровительственная связь, покровительство. — Такое опредѣленіе слова clientela даетъ невѣрное о немъ понятіе, потому что имъ обозначается не покровительство сильнаго слабому, а подчиненность слабого сильному.

Caesar.—Невѣрно претора и пропретора отнесены къ разряду низшихъ должностей.

Слиенс отъ cliuo. — Этотъ глаголъ чаще встрѣчается въ формѣ cliuo. Далѣе, клиенты невѣрно отождествляются съ плебеями.

Comitium, площадь въ Римѣ близъ форума.—Это не вѣрно: comitium была не площадь, а мѣсто на площади, и находилось оно не близъ форума, а на самомъ форумѣ.

Conscribo.—Въ формулѣ patres conscripti послѣднее слово объясняется черезъ: „сенаторы изъ сословія всадниковъ“, что не вѣрно, потому что возникновеніе этой формулы относится къ тому времени, когда въ римскомъ государствѣ еще не было сословія всадниковъ.

Изъ этихъ замѣчаній явствуетъ, что приложенный къ книгѣ словарь нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и исправленіи.

Т. LIVII AB URBE CONDITA т. I. Съ объясненіями и введеніемъ, составленными И. Страховымъ. М. 1889 г. Стр. XVI+130. Ц. 65 коп.

Книжка г. Страхова восполняетъ до вѣкоторой степени пробѣлъ въ нашей учебной литературѣ: не смотря на распространенность чтенія Ливія въ нашихъ гимназіяхъ, не смотря на выдающіяся достоинства первой книги его исторіи, до сихъ поръ у насъ не было отдѣльнаго ея изданія, приспособленнаго для учебныхъ цѣлей. Ливій и по содержанію, и по изложенію принадлежитъ къ числу такихъ авторовъ, которые требуютъ обстоятельнаго объясненія какъ для приготовленія къ уроку, такъ и для домашняго употребленія. Особенно нуждается въ этомъ объясненіи первая книга, содержащая въ себѣ массу историческихъ и археологическихъ подробностей и изложенная языкомъ, носящимъ на себѣ слѣды сильнаго вліянія поэтическаго изложенія. Представивъ комментированное изданіе этой книги, г. Страховъ оказалъ существенную услугу нашей учебной литературѣ по классической филологіи.

Трудъ его въ общемъ представляется удовлетворительнымъ и вполне достигающимъ предположенной составителемъ цѣли—дать ученикамъ старшихъ классовъ гимназій пособие при классномъ чтеніи, и притомъ такое, которое не вредило бы ихъ самостоятельности. Чтò требуется отъ такого пособия, указываетъ издатель въ слѣдующихъ словахъ предисловія: „Чтобы читать съ успѣхомъ и пользой древнихъ классиковъ, необходимо, чтобы ученику прежде всего было все ясно въ грамматическомъ отношеніи, понятенъ ходъ и развитіе мысли, указаны особенности языка читаемаго автора, даны необходимыя реальныя объясненія; только послѣ этой подготовительной работы онъ можетъ приступить къ переводу, который долженъ быть точнымъ, яснымъ, и согласнымъ съ законами роднаго языка“. И эти требованія г. Страховъ старался исполнить при составленіи своего комментированнаго изданія. Положивъ въ основаніе текстъ Тейбнеровскаго изданія Вейссенборна, онъ, при помощи какъ собственныхъ наблюденій, такъ и иностранныхъ пособій (Вейссенборна, Фрея, М. Мюллера, Тюкинга и др.), даетъ обстоятельный экзегетическій комментарий латинскаго текста. Замѣчанія касательно различныхъ варьянтовъ издатель дѣлаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ бы мимоходомъ, и всегда въ весьма лаконической формѣ; при такомъ ихъ мѣстѣ и свойствѣ, они легко могли бы быть и совершенно опущены. Что касается экзегезы, то въ ней г. Страховъ старается обращать одинаковое вниманіе какъ на объясненія грамматико-стилистическія, такъ и на реальныя и облакаетъ ихъ въ краткую, но ясную форму. Объясненія эти отно-

сятся къ дѣйствительно труднымъ мѣстамъ текста и рѣдко оставляютъ учащагося безъ надлежащей помощи и указаній.

Книжка г. Страхова отърывается введеніемъ, въ которомъ изложенъ очеркъ развитія римской исторіографіи до Ливія, разказана его біографія и представлена характеристика его какъ писателя и историка. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ введеніе это вызываетъ замѣчанія: такъ на стр. VII утверждается положительно, будто великая лѣтопись сторѣла во время Галльскаго погрома 390 г., тогда какъ существуетъ цѣлый рядъ ученыхъ, отвергающихъ это и приводящихъ вѣскія доказательства основательности своего сомнѣнія. На той же страницѣ желательнo было видѣть точное разграниченіе libri pontificii и commentarii pontificum, на стр. VIII libri lintei объясняются, какъ записки, писанныя на полотнѣ; правильнѣе было бы сказать, что онѣ писались на льнѣ; на стр. XIII безъ основанія говоритъ авторъ, будто у Ливія часто встрѣчаются поэтическіе обороты, заимствованныя у Вергилія и т. д.

Текстъ 1-й книги заимствованъ г. Страховымъ, какъ было сказано выше, изъ Тейбнеровскаго изданія Вейссенборна. Рецензія этого учебнаго отличается большою консервативною, чтo въ изданіи, предназначенномъ для школьнаго употребленія, не можетъ не возбуждать сочувствія. Необходимо только, чтобы эта консервативность не переходила въ косность, не закрывала глазъ отъ исправленій очевидныхъ и требуемыхъ здравымъ смысломъ. Къ сожалѣнію, Вейссенборнъ, мѣстами, страдаетъ этою косностью и удерживаетъ въ своемъ текстѣ такіа чтенія, которыя представляются совершенно несостоятельными. Отъ него чтенія эти перешли и къ нашему издателю. Приведемъ въ доказательство два-три примѣра: гл. 27, 1 г. Страховъ читаетъ, слѣдуя Вейссенборну: *invidia vulgi, quod tribus militibus fortuna publica commissa fuerit*, не смотря на то, что Мадвигъ (Emendatt. Livian., p. 43) доказалъ, что здѣсь необходимо читать или *foget*, или *fuegat*, или, въ гл. 20, 7 продолжаетъ удерживаться чтеніе *quaeque prodigia... curarentur*, хотя уже Гроновій доказалъ, что *pr* латини не говорится *prodigia curare*, но постоянно *procurare*, и т. д.

Нѣкоторыя частности комментарія также представляются или не вполне точными, или недостаточно обоснованными; на примѣръ:

Стр. 63. *gea* отъ *geus*—виновная; *geus* собственно значить „подсудимый“.

Стр. 71. „Похищеніе есть мнѣическое представленіе свадебнаго

обрядъ, такъ какъ невѣста похищалась изъ дома своего отца*. Объясненіе невразумительное.

Стр. 74. „Ливій производитъ слово Quirites отъ Cures = Curites. но Quirites правильнѣе производить отъ quiris или curis = hasta (копьеносцы), или отъ curia (члены куріи)*. Въ такомъ темномъ вопросѣ, какъ этимологія Quirites, относительно которой ничего точнаго и опредѣленнаго не знали и сами древніе, невозможно говорить о болѣе правильномъ производствѣ.

Ibid. centuriae = centumviriae. Естественнѣе видѣть въ этомъ простое, а не сложное слово, образованное черезъ посредство суффикса — urius (сл. dec-uria, vet-urius).

Ibid. говорится, будто прилагательныя, образованныя отъ именъ собственныхъ, не имѣютъ суффикса ensis. Это не точно, ибо мы имѣемъ такія формы, какъ Alliensis, Minturnensis и пр.

Стр. 80. „ergo — собств. ablat., арханческаая форма (=έρως)*. Уже Борсенъ доказалъ, что ergo не есть грецизмъ, а чисто латинское слово, образованное изъ e-rego.

Стр. 82. „Сановники могли дѣлать предложенія и сообщенія народу (cum populo agere)*. Объясненіе не точно выражаетъ латинскій терминъ; уже по объясненію самихъ древнихъ (A. Gell. XIII, 16). cum populo agere est rogare quid populum quod suffragiis suis aut iubeat aut vetet, слѣдовательно имѣеть въ виду созваніе комицій для голо-сованія.

Стр. 100. „Темница... представляла собою... два этажа“, изъ которыхъ нижній назывался Tullianum (по имени Сервія Туллія), верхній — carcer Martius. „Новѣйшія изслѣдованія показали, что Tullianum получило свое названіе отъ бьющаго тамъ родника (tullius), и только впоследствии, по этимологическому мнѣю, было поставлено въ связь съ Сервіемъ Тулліемъ; верхній этажъ тюрьмы чаще зовется carcer Mamertinus.

Стр. 102. „L. образовалось изъ Lucumo“. Замѣчаніе выражено не точно, ибо можетъ навести учащагося на невѣрную мысль, будто римское praenomen Lucius стоитъ въ этимологической связи съ этрусскимъ словомъ lucumo.

Стр. 105. „Подъ concilia populi слѣдуетъ разумѣть, по всѣмъ вѣроятіямъ, трибутныя комиціи“. По всѣмъ вѣроятіямъ этого разумѣть не слѣдуетъ, ибо concilia populi, представляютъ видъ народныхъ собраній, отличный отъ concilia tributa, при чемъ послѣднія развились изъ первыхъ уже въ историческое время.

Въ виду того, что въ первой книгѣ Ливія встрѣчается масса топографическихъ указаній, относящихся какъ къ мѣстности, занятой городомъ Римомъ, такъ и къ Лаціуму, было бы неизлишне, еслибы къ изданію были приложены двѣ, хотя бы небольшія, карты города Рима и Лаціума.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ДЛЯ ГИМНАЗІЙ. Составилъ *О. Клеменчичъ*, преподаватель С.-Петербургской 2-й гимназіи. Часть II. Синтаксисъ. С.-Пб. 1889. Въ 8-ю стр. 144. Цѣна 80 коп.

Этотъ новый трудъ г. Клеменчича по объему, по содержанію и по источникамъ имѣеть тотъ же характеръ, какъ и прежде него изданные учебники, но онъ выгодно отличается отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не только подкупающею вѣдностью—шрифтомъ, бумагою, наглядностью печати и типографскою вѣрностью текста, но большею частью и способомъ изложенія, полнотою, богатствомъ примѣровъ, редакціей правилъ и знакомствомъ съ общою литературою по трактуемому предмету. Хорошо сдѣлалъ составитель, что во многихъ мѣстахъ къ приведеннымъ греческимъ примѣрамъ онъ присовокупилъ дѣльный русскій переводъ, мѣтко выражающій смыслъ подлиннаго текста. По изложенію особенно выдаются статьи о членѣ (§§ 185—193), о падежахъ (§§ 194—223), о наклоненіяхъ (§§ 238—260). Удачною слѣдуетъ назвать группировку глаголовъ (§ 210 sqq.), которые ученики должны запомнить наизусть, отдѣльно отъ значенія, рядами иногда стихоподобными.

Но слѣдуетъ указать и на нѣкоторые недостатки книги. Въ отдѣлѣ о падежахъ употребленіе латинскихъ терминовъ, рельефно опредѣляющихъ логическія видоизмѣненія одного и того же падежа, не проведено послѣдовательно, между тѣмъ какъ §§ 202—223 испещрены такими терминами; въ §§ 191—202, за однимъ исключеніемъ, ихъ не оказывается совѣмъ. Въ § 191 не довольно наглядно изложено различіе между атрибутивною и предикативною постановками члена. Статья о предлогахъ (§§ 224—230) значительно уступаетъ изложенію того же предмета въ учебникахъ гг. Канскаго и Чернаго. Въ § 226 составитель почему-то не оговорился, что предлогъ *οὐ* вообще мало свойственъ аттическому діалекту, кромѣ Ксенофонта, у котораго частое употребленіе этого предлога составляетъ особенность; напротивъ см. § 228, 3, I. § 229, 1, 1.—2. а.—2. II. Самый важный недостатокъ заключается въ § 230 и слѣд., въ которыхъ г. Клеменчичъ говоритъ о видахъ греческихъ глаголовъ.

Еще въ отзывѣ о первой части разбираемаго труда, появившейся въ 1887 г., указано было на то, что термины русской грамматики, прилагаемые къ видамъ греческаго глагола, не могутъ не сообщать превратнаго понятія объ этомъ явленіи языка. Не смотря на то, г. Клеменчичъ перенесъ неудачную терминологию и въ свой синтаксисъ. Поэтому и здѣсь представляется необходимость повторить, что группу временъ, состоящую изъ perfectum, plusquamperfectum и т. д., нельзя наименовать видомъ „совершеннымъ“, а аористъ — видомъ „однократнымъ, краткимъ или мгновеннымъ“. Путаница происходитъ оттого, что г. Клеменчичъ все еще держится страннаго убѣжденія, высказываемаго въ § 234: „Хотя основное значеніе видовъ въ русскомъ и греческомъ языкахъ тождественно, но употребленіе ихъ въ рѣчи не одинаково въ обоихъ языкахъ“. Тутъ скрывается логическая ошибка. Если виды того и другаго языка по значенію тождественны, то и употребленіе ихъ въ рѣчи должно быть одинаково, если же употребленіе ихъ не одинаково, то и значеніе ихъ не можетъ быть тождественно. Значеніе формы обуславливаетъ и употребленіе ея. Вообще въ школьной книгѣ слѣдовало бы еще повременить проведеніемъ полной аналогіи, такъ какъ 1) въ наукѣ еще не довольно выясненъ этотъ вопросъ, и 2) самъ авторъ доказываетъ непрочность своей теоріи, будучи принужденъ прибѣгать къ натяжкамъ и исключеніямъ (см. § 233, 3 и 4). Въ учебникъ слѣдуетъ вносить лишь то, что окончательно уже установлено, и что учитель самъ легко можетъ себѣ представить. Гораздо осторожнѣе относится къ этому вопросу г. Черный. Можно, пожалуй, въ примѣчаніяхъ упомянуть о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ греческіе виды совпадаютъ съ русскими, но нельзя провозглашать ихъ тождество категорически, не имѣя на то полнаго основанія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ книга г. Клеменчича заслуживаетъ вниманія гг. преподавателей древнегреческой словесности.

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ ГИМНАЗИЯХЪ. Составленная *М. Вукомъ*, преподавателемъ Троицкой гимназіи. Москва. 1889. Въ 8-ку стр. 273. Цѣна 1 р.

Учебникъ г. Вука состоитъ изъ трехъ частей: первая и вторая обнимаютъ этимологию, третья — синтаксисъ. Въ первой части (§§ 1—13) разбираются буквы, звуки, надстрочные знаки, количество слоговъ, удареніе и знаки препинанія. Во второй части (§§ 13—100) излагаются склоненія именъ, степени сравненія, нарѣчія, числительныя, мѣсто-

именія, глаголы, спряженія и предлоги. Въ составъ этой части входятъ (§§ 92—95) словообразованіе и два приложенія, изъ которыхъ первое содержитъ въ себѣ (§ 96) ученіе о звукахъ или фонетику, а второе—статьи: а) о Гомеровскомъ нарѣчій (§ 97), б) главныя особенности Геродотовскаго діалекта (§ 98), в) элементарную теорію о дактилическомъ гекзаметрѣ (§ 99) и ямбическомъ триметрѣ (§ 100). Синтаксисъ, или третья часть книги, заключаетъ въ себѣ два отдѣла; первый изъ нихъ (§§ 100—145) посвященъ словосочиненію въ простомъ предложеніи, временамъ и наклоненіямъ, а второй—предложеніямъ, соединеннымъ по способу сочиненія (§§ 146—150), соединенію предложеній по способу подчиненія и обзору отрицательныхъ частицъ (150—168). Сверхъ того, книга снабжена предисловіемъ и указателями греческимъ и русскимъ.

Въ виду того, что въ III и IV классахъ опускаются подробности, которыя потомъ добавляются въ V и слѣдующихъ классахъ, г. Вукъ раздѣлилъ весь этимологическій матеріалъ на два текста, такъ что обязательный курсъ вышеозначенныхъ классовъ напечатанъ болѣе крупнымъ шрифтомъ и надъ чертою каждой страницы, а необходимыя для старшихъ классовъ дополненія—мелкимъ шрифтомъ и подъ чертою. Въ синтаксисѣ шрифтами того же рода отдѣляются основныя и главныя правила отъ примѣчаній и замѣтокъ о болѣе тонкихъ свойствахъ языка. Количество матеріала, какъ въ этимологіи, такъ и въ синтаксисѣ, соотвѣтствуетъ требованіямъ учебныхъ программъ; планъ, по которому расположенъ этотъ матеріалъ, вообще цѣлесообразенъ; такъ, напримѣръ, въ этимологіи, по образцу новѣйшихъ нѣмецкихъ учебниковъ (Кэги; ср. Страховъ, Н. Греческая этимологія по Кэги. Москва. 1887, и др.), исключены рѣдко встрѣчающіяся слова и формы, напрасно обременяющія память учащихся; падежи въ склоненіяхъ расположены такъ, что именительный, винительный и звательный падежи предшествуютъ родительному и дательному на томъ основаніи, что первые три по своему образованію между собою болѣе сродны, чѣмъ со слѣдующими. По той же причинѣ составитель книги отдѣлилъ окончаніе мужскаго и средняго родовъ именъ прилагательныхъ отъ женскаго рода; затѣмъ г. Вукъ, гдѣ представлялась надобность, сопоставлялъ явленія греческаго языка съ соотвѣтствующими церковно-славянскаго, а въ синтаксисѣ, кромѣ того, съ оборотами латинскаго языка. Не безъ пользы (§ 86) помѣщена таблица, представляющая обзоръ глаголовъ I—VIII класса и глаголовъ на μ въ алфавитномъ порядкѣ. Не менѣе удачно г. Вукъ

разобралъ глагольные виды, безъ которыхъ, впрочемъ, въ этимологіи можно было бы обойтись безъ ущерба учащимся и во избѣжаніе сложной терминологіи; за то въ синтаксисѣ изложеніе видовъ неизбѣжно. Кромѣ того, составитель заслуживаетъ полнаго одобренія не только за то, что онъ (§§ 120 и слѣд.) только старался опредѣлить отношеніе греческихъ глагольныхъ видовъ къ русскимъ, но и за то, что онъ, по вѣрному пониманію греческаго аориста, отказавшись отъ неудачныхъ терминовъ (однократный, мгновенный, совершенный и т. д.), предлагаетъ терминъ: „видъ фактический“, который, по крайней мѣрѣ, точнѣ другихъ выражаетъ логическое свойство греческаго аориста и этимъ устраняетъ термины, причиняющіе лишъ путаницу. Удачными также можно признать §§ 129—139 (о падежахъ), составленные по нѣмецкому руководству: F. Holzweissig. Wahrheit und Irrtum der localistischen Kasustheorie. Leipzig. 1877. Указать слѣдуетъ и на то удобное распредѣленіе синтаксическаго матеріала, по которому, какъ въ учебникахъ Пота (Griechische Schulgrammatik. Zweiter Theil. Syntax. Von Carl Roth, Professor. Leipzig. 1877.) и другихъ, примѣры предшествуютъ правиламъ; самыя же примѣры подобраны только изъ образцовыхъ аттическихъ писателей, преимущественно изъ Ксенофонта, автора, лучше всего знакомаго приступающимъ къ систематическому изученію греческаго синтаксиса; каждый примѣръ снабженъ указаніемъ на сочиненіе и мѣсто, откуда онъ взятъ. Общій способъ изложенія во всѣхъ трехъ частяхъ книги по большей части отличается наглядностью и практичностью.

Указавъ хорошія стороны разсматриваемой книги, считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе и на нѣкоторые недостатки ея и недосмотры, устраненіе которыхъ было бы весьма желательно и очень возвысило бы достоинство учебника. Мы разберемъ ихъ по параграфамъ.

§ 18, примѣч. Говорится о причастіяхъ 3-го склоненія, которое излагается лишь съ § 19.

§ 18. 5. „Въ прилагательныхъ женскаго рода“ (?).

§ 20. 2 и 5. Дважды говорится объ одномъ и томъ же, то-есть, о выпаденіи звуковъ *υτ* и замѣнительномъ усиленіи.

§ 20. 7. Правило для 3-го склоненія не обнимаетъ всего предмета.

§ 22. 2. „Между двумя гласными *ο* выбрасывается, а затѣмъ происходитъ сліяніе. Точно также (?) въ *dat. pl.* предъ окончаніемъ

σ выбрасывается σ^α. Опускание звука σ не производится по одному и тому же правилу въ томъ и другомъ случаѣ.

§ 21. Прилагательныя и причастія трехъ окончаній просклонены только въ мужскомъ и среднемъ родахъ, а о женскомъ вѣтъ и помину, какъ будто πās, χαρίεις, λέξας и проч. только о двухъ окончаніяхъ. О женскомъ родѣ и далѣе не упомянуто; равнымъ образомъ поступлено съ прилагательнымъ γλοχός (§ 23). Только въ § 27, при общемъ обзорѣ прилагательныхъ именъ 3-хъ окончаній, неожиданно является женскій родъ этихъ частей рѣчи, причемъ и тутъ остается неизвѣстнымъ, писать ли πασών или πāsων, γλοχασών или γλοχασέων и пр.

§ 21 (стр. 29). Въ таблицѣ поставлена въ скобки слитная форма сравнительной степени именъ прилагательныхъ на ων, тогда какъ она употребительнѣе первой.

§ 50. Основа длительного вида смѣшивается съ глагольною основою, такъ какъ здѣсь во всѣхъ примѣрахъ основа длительного вида получается чрезъ отбрасываніе ω въ 1 л. единственного числа πααεσ. аст. Вообще этотъ § не на своемъ мѣстѣ.

§ 52. 4. b. „Зубная δ“ вмѣсто зубной звукъ δ.

§ 53. 2. (стр. 79). „Звукъ σ называется примѣтою основы и т. д.“ Тутъ пропущены слова: „въ этомъ случаѣ“, а то звукъ σ называется согласнымъ, шипящимъ и т. д.

§ 54. 2 и 3. „Слабая основа“. Терминъ взятъ изъ подстрочнаго текста, гдѣ онъ встрѣчается въ первый разъ въ дополненіи къ § 53. 1. Слѣдовало бы слѣлать изложеніе основнаго текста независимымъ отъ подстрочнаго, такъ какъ оба текста не должны входить въ курсъ одного и того же класса.

§ 54. 4, примѣчаніе. „Слогъ θη переходитъ въ θα“. Почему не наоборотъ?

§ 56. Повторяется одно и то же въ образованіи формъ глаголовъ.

§ 57. О вставкѣ σ говорится при pf. pass. и потомъ тоже самое въ § 60 при aor. pass.

§ 62. 3. „Τρέπω основное τραπ“, а въ слѣдующемъ § 63 примѣчанія мы видимъ, что въ глаголѣ τρέπω σ переходитъ въ α.

§ 68. 9. „ἡρόφιον“ не на своемъ мѣстѣ; оно не принадлежитъ къ VIII классу.

§ 80. 2. Слѣдовало бы упомянуть о формѣ opt. βιφην.

§ 81. Не указано на значеніе ἔφορα и πέφορα.

§ 108. 1. „Косвенные падежи возвратныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лица употребляются только въ томъ случаѣ, когда они отно-

сятся къ подлежащему того же предложенія, въ которомъ находится мѣстоименіе⁴. Не сказано, какія формы употребляются въ другомъ случаѣ.

§ 111. IV. 1. „Опредѣленіе ставится между членомъ и существительнымъ (если логическое удареніе на опредѣленіи), или съ членомъ послѣ существительнаго (если на существительномъ логическое удареніе), и примѣчаніе 1. 'Ο τοῦ Διός νεώς храмъ Зевеса (не Геры); ὁ νεώς ὁ τοῦ Διός храмъ (не изображеніе) Зевеса. 'Ο δῆμος ὁ τῶν Ἀθηναίων народъ А. (не βουλή); ὁ τῶν Ἀθηναίων δῆμος Аѳинскій (не Фиванскій) народъ“. Это правило не вѣрно, какъ и приведенные въ примѣчаніи примѣры. Логическое различіе существуетъ между атрибутивною и предикативною постановками члена, но нѣтъ особеннаго различія между обѣими формами одной и той же постановки члена, будь это постановка атрибутивная или предикативная. Поэтому ὁ τοῦ Διός νεώς или ὁ νεώς ὁ τοῦ Διός значить храмъ Зевеса (не Геры), и ὁ τῶν Ἀθηναίων δῆμος или ὁ δῆμος ὁ τῶν Ἀθηναίων значить народъ Аѳинскій (не Фиванскій). Но если придется противопоставить понятіе храма понятію изображенія, или понятіе народа,—понятію верховнаго совѣта (βουλή), то надобно прибѣгнуть къ предикативной постановкѣ члена: τοῦ Διός ὁ νεώς или ὁ νεώς τοῦ Διός будетъ храмъ (а не изображеніе) Зевеса, а τῶν Ἀθηναίων ὁ δῆμος или ὁ δῆμος τῶν Ἀθηναίων будетъ народъ (а не совѣтъ) Аѳинскій. См. любой греческій синтаксисъ—Кюнера, Крюгера, Коха и др.

§ 124, примѣчаніе 2. Въ началѣ примѣчанія сказано: „греческое причастіе выражаетъ только видъ дѣйствія (за исключеніемъ participium futuri)“, потомъ: „participium aoristi соотвѣтствуетъ русскому дѣепричастію и причастію прошедшаго времени“, а въ примѣчаніи 3-мъ: „если же русское причастіе выражаетъ дѣйствіе, которое предшествовало дѣйствію главнаго глагола, то оно переводится чрезъ part. aoristi“. Тутъ есть противорѣчіе, которое происходитъ оттого, что положеніе въ началѣ примѣчанія 2-го не вѣрно, такъ какъ participium aoristi не имѣетъ одного только видоваго значенія.

§ 137. Не сказано о тѣхъ случаяхъ, когда употребляется infinitiv. futur.

§ 140. Не выдѣлены тѣ случаи, въ которыхъ греческое причастіе переводится по русски неопредѣленнымъ наклоненіемъ; въ § 138 объ этомъ, правда, упомянуто, но лишь вскользь, и не сказано, когда именно такое употребленіе свойственно и русскому языку и т. д.

Во многих мѣстах не оказывается примѣровъ, какъ, напри-
мѣръ, § 101, примѣчаніе 1, § 111 с. и др.

Наконецъ, въ текстѣ книги много опечатокъ, не отмѣченныхъ въ
приложенномъ спискѣ, напримѣръ:

- Стр. 25, прим. 1. ἄλς.
 „ 24 и 31 ассигматически.
 „ 43 (последн. строк.) „(сравни. Прил. 1, 22)* вм. срав. Прил.
 1, 20.
 „ 46 (въ парадигмѣ) ἐνὶ вм. ἐνί
 „ 47 прим. 2. αὐτῆ безъ ударенія
 „ 51 αἰντιναῖν вм. αἰντινοῖν.
 „ 50 и 51, прим. 1 и 2, надстрочные знаки не вышли.
 „ 56 и 57 оклоненіе.
 „ 67 ἐκφερω безъ ударенія
     εἰρωσοῦμένη }
     πώραον   } безъ передыханія
     οὐκώπτερον }
 „ 79 (подъ графою) 3. а χρᾶν вм. χρῆν, τίκτο вм. τίκτω
 „ 80 (3-я строка) παιδαῦσαι, ἐλπῖται, τάται.
 „ 84 прим. 4. plusquam̄ perf. вм. plusquam̄perf.
 „ 85 (въ парадигмѣ opt.) βνβλαμμένος вм. βεβλαμμένος
 „ 88 (примѣры) κρίνω вм. κρίνω
 „ 103 (§ 75) plusquam̄. вм. plusquam̄.
 „ 121 (таблица) δεικνόντων вм. δεικνόντων. и т. д.

Вообще шрифтъ, употребленный при печатаніи книги, не отли-
чается ни изяществомъ, ни отчетливостью, особенно мелкій шрифтъ
даже неудободопустимъ въ учебной книгѣ.

С. И. Шохоръ-Троцкий. Учебникъ арметики съ приложеніемъ дополнитель-
ныхъ статей. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Москва. 1888. Стр. 130.
Цѣна 75 коп.

Авторъ названной книги, желая въ своемъ предисловіи оправдать
появленіе въ свѣтъ новаго учебника, говоритъ, между прочимъ, что
„учебникъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, не можетъ и не
долженъ преслѣдовать ни цѣлей научныхъ трактатовъ, ни цѣлей ру-
ководства для учителя, ни, наконецъ, цѣлей самообученія“. Прочитавъ эти строки, невольно задаешь автору вопросъ: какія
же, наконецъ, цѣли долженъ преслѣдовать учебникъ, и получаешь
такой отвѣтъ: „Учебникъ поэтому долженъ содержать въ себѣ крат-

кое и сжатое изложеніе учебнаго предмета (не науки), ибо въ немъ должны преобладать не психологическія и методическія, а исключительно логическія точки зрѣнія; и наконецъ, учебникъ непременно предполагаетъ работу учителя, неустаннаго руководителя занятіями учащагося,—руководителя, безъ помощи котораго учебникъ не только бесполезенъ, но иногда даже и прямо вреденъ въ рукахъ начинающаго⁴.

Признаемъ, мы смутно понимаемъ тѣ цѣли, которыя, по мнѣнію нашего автора, долженъ преслѣдовать составитель учебника. Цѣль, которую должно преслѣдовать при преподаваніи ариметики, въ высшей степени проста; цѣль эта—научить сознательно, быстро и изящно производить четыре дѣйствія надъ цѣлыми и дробными числами. Сознательное искусство вычислять основано, какъ извѣстно, на опредѣленіяхъ дѣйствій и на нѣкоторыхъ весьма простыхъ принципахъ. Хорошимъ учебникомъ будетъ тотъ учебникъ, гдѣ кратко, ясно и научно опредѣлены дѣйствія, просто доказаны основные принципы, на которыхъ эти дѣйствія основаны, и понятно изложены методы дѣйствій. Все лишнее, относящееся къ такъ-называемой теоріи чиселъ, должно быть выпущено изъ учебника ариметики. Ариметика должна избѣгать, по возможности, буквъ, и ея доказательства не должны основываться на тождественныхъ алгебраическихъ преобразованіяхъ. Ариметика должна быть пройдена въ первыхъ трехъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній окончательно и не должна, слѣдовательно, переучиваться въ старшемъ классѣ. Въ старшемъ классѣ ариметика, разумѣется, должна быть повторена, но повторена въ томъ видѣ, въ какомъ изучалась. Нѣкоторыя теоріи, не понятныя для дѣтскаго возраста, но облегчающія вычисленія, должны быть, при повтореніи, пройдены вновь; къ такимъ вопросамъ принадлежитъ, напримѣръ, принципъ Эвклида. Эти теоріи должны, однако, войти въ учебникъ ариметики въ надлежащемъ мѣстѣ его, но должны быть отмѣчены звѣздочками, показывающими, что онѣ (теоріи), какъ трудныя для дѣтскаго пониманія, должны быть выпущены при первоначальномъ прохожденіи. Учебникъ, написанный въ этомъ направленіи, будетъ и педагогиченъ, и наученъ. Онъ можетъ служить и пособіемъ для учителя, и пособіемъ для ученика, проходящаго ариметику подъ руководствомъ учителя, и самоучителемъ. Учебникъ непременно долженъ имѣть въ виду самообученіе, ибо ученикъ можетъ долго хворать и, слѣдовательно, не слышать преподаваемаго. Г. Шохоръ-Троцкій говоритъ, что учебникъ долженъ содержать въ себѣ краткое и сжатое изло-

женіе учебнаго предмета (не науки). Если учебный предметъ есть не наука, наприѣръ, гимнастика, танцы и т. п., то учебникъ долженъ содержать изложеніе этой не—науки; если же учебный предметъ есть наука, какъ, наприѣръ, ариѳметика, то учебникъ долженъ представлять изложеніе науки; предѣлы этого изложенія могутъ быть различны; все зависитъ отъ того, для какого возраста и для какихъ цѣлей назначенъ учебникъ. Учебникъ ариѳметики, назначенный для ея изученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, долженъ излагать то изъ этой безконечной науки, не имѣющей предѣловъ, что потребно для этихъ заведеній, но излагать научно, то-есть, всѣ опредѣленія должны быть правильны, всѣ изложенныя теоремы и методы должны быть доказаны. Та теорема, которая не можетъ быть усвоена ученикомъ, та метода, доказательство которой будетъ не понятно мальчику, должны быть выпущены изъ курса.

Г. Шохоръ-Троцкій хотя и говоритъ, что въ учебникѣ должны преобладать не психологическія, а инныя точки зрѣнія, но намъ кажется, что психологія руководила нашимъ авторомъ. Иначе нашъ авторъ не соединилъ бы въ своей книгѣ, въ сущности, два учебника ариѳметики: одинъ, предназначенный для первоначальнаго прохожденія ариѳметики, и другой—служащій для вторичнаго прохожденія ея. Въ первомъ учебникѣ весьма многое изложено догматически; многія изъ предложеній, на которыхъ основаны вычисленія, и которыя очень просто доказываются, даны безъ доказательствъ, за которыми читатель отсылается во вторую часть учебника, названную дополнительными статьями. На стр. 34, наприѣръ, авторъ достаточно изысканно говоритъ: „Ученіе объ измѣненіи произведенія и частнаго основано на слѣдующихъ свойствахъ дѣйствій умноженія и дѣленія: „величина произведенія не зависитъ ни отъ порядка производителей (зачѣмъ употреблять это (некрасивое) слово), ни отъ способа ихъ группировки (что это значитъ?)“, и этого предложенія не доказываетъ. Слѣдующее затѣмъ предложеніе, вытекающее изъ предыдущаго и формулированное такимъ образомъ: результатъ раздѣленія произведенія нѣсколькихъ множителей на одного изъ нихъ равняется произведенію остальныхъ множителей, доказывается. И вообще, одно доказывается, другое нѣтъ. Трудно уяснить себѣ, чѣмъ руководствовался авторъ при подобномъ изложеніи. Принципъ Эвклида излагается авторомъ, но не доказывается (см. стр. 58).

Ученикъ младшаго класса въ главѣ I изучаетъ счисленіе устное и письменное; ученикъ старшаго класса въ главѣ II дополнительныхъ часть сслхiv, отд. 3.

статей опять изучаетъ нумерацію и системы счисленія; ученикъ младшихъ классовъ въ главѣ II изучаетъ четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами; ученикъ старшаго класса въ главѣ III опять изучаетъ дѣйствія надъ числами въ формѣ тождественныхъ преобразованій, то есть, въ формѣ алгебраической. Определенія одного и того же понятія даются иногда нашимъ авторомъ въ различныхъ видахъ. Такъ, на примѣръ, въ первой части учебника авторъ даетъ такое определеніе пропорціональныхъ величинъ (стр. 118): „Двѣ величины, которыя находятся въ такой зависимости одна отъ другой, что, съ измѣненіемъ одной, другая, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, увеличивается или уменьшается ровно во столько же разъ, называются пропорціональными“.

На стр. 269 (во второй части учебника) пропорціональность определена такимъ образомъ: „Если двѣ зависящія одна отъ другой величины таковы, что кратное отношеніе любыхъ двухъ значеній одной изъ нихъ равно кратному отношенію соответствующихъ имъ значеній другой изъ нихъ, то такія величины называются прямо — пропорціональными“. Ясно, что одно изъ этихъ определеній нехорошо, и нехорошо первое; второе же совершенно научно и должно быть принято.

Языкъ, которымъ написанъ учебникъ, мѣстами слишкомъ отвлеченный и едва ли понятенъ мальчикамъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ. Желая, на примѣръ, объяснить, что иногда не существуетъ цѣлаго частнаго, авторъ говоритъ: „Очень часто, при дѣленіи одного числа на другое, случается, что какое бы изъ двухъ смежныхъ другъ съ другомъ цѣлыхъ чиселъ мы не приняли за частное, происходящее отъ раздѣленія даннаго числа на другое, произведеніе взятаго нами числа на даннаго дѣлителя, либо меньше, либо больше даннаго дѣлителя“.

Еще возьмемъ для примѣра слѣдующее мѣсто (стр. 32): „Величина арифметическаго выраженія, требующаго послѣдовательнаго примѣненія дѣйствій сложения и вычитанія, равна суммѣ всѣхъ слагаемыхъ, уменьшенной на сумму всѣхъ вычитаемыхъ. Результатъ раздѣленія какаго-либо, дѣлящагося на данное произведеніе нѣсколькихъ множителей, числа на это произведеніе равенъ окончательному результату, который получится, если первоначально раздѣлить данное дѣлимое на перваго изъ множителей, полученное на второго, вновь полученное — на третьяго, и т. д. до послѣдняго множителя включительно“. Все это хотя вѣрно, но слишкомъ отвлеченно для мальчика перваго класса.

Учебникъ, написанный подобнымъ языкомъ, будетъ вреденъ въ рукахъ начинающаго, ибо онъ заставитъ мальчика просто зазубривать напечатанное.

Что касается до погрѣшностей и неточностей, то онѣ почти что отсутствуютъ въ рассматриваемой книгѣ. Позволимъ себѣ указать однако на слѣдующія мѣста.

Разъясняя повѣрки дѣйствій (стр. 11, 16, 22, 27), авторъ ошибочно думаетъ, что обратныя заключенія будутъ справедливы, то-есть, если, напримѣръ, при сложеніи слагаемыхъ въ различныхъ порядкахъ будутъ получаться одинаковыя суммы, то отсюда можно будетъ заключить, что сложеніе сдѣлано вѣрно. И въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ, напримѣръ, складывая 315 и 214, написать ошибочно сумму 528, а потомъ складывая 214 и 315 написать ошибочно опять ту же сумму 528; и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ мы, получая одну и ту же сумму, дѣлаемъ все-таки ошибку.

Одна изъ самыхъ деликатныхъ частей ариметики есть та часть, въ которой излагается умноженіе дробей. Нашъ авторъ начинаетъ сперва (стр. 73) съ рѣшенія задачъ о нахожденіи частей даннаго числа цѣлаго и дробнаго, а потомъ переходитъ къ умноженію, сопровождая этотъ переходъ вступленіемъ, едва ли понятнымъ мальчикамъ втораго класса (стр. 71): „При умноженіи дробей должно различать два случая: 1) когда множитель есть цѣлое число и 2) когда множитель есть число дробное. Въ то время, какъ первый изъ нихъ не представляетъ собою ничего условнаго, относительно втораго случая непременно должно условиться, такъ какъ самый смыслъ умноженія на дробь не очевиденъ“. Сдѣлавъ это вступленіе, авторъ продолжаетъ: „Умножить дробь на дробь значитъ отыскать произведеніе дробей; произведеніемъ дробей называется дробь, числитель которой есть произведеніе числителей данныхъ дробей, а знаменатель—произведеніе ихъ знаменателей“. Мы видимъ, слѣдовательно, что авторъ принимаетъ правило умноженія за его опредѣленіе и не даетъ никакого отвѣта на вопросъ, который можетъ быть предложенъ автору, а именно на вопросъ: „Почему же полученная дробь называется произведеніемъ, а самое дѣйствіе—умноженіемъ?“ Хотя авторъ далѣе (стр. 79) и показываетъ, что число, названное имъ произведеніемъ дробей, обладаетъ всѣми основными свойствами произведенія цѣлыхъ чиселъ, но вѣдь оно, можетъ быть, обладаетъ и иными свойствами, а, можетъ быть, оно не обладаетъ нѣкоторыми свойствами произведенія цѣлыхъ чиселъ. Авторъ потомъ разъясняетъ, что дѣй-

ствіе, названное имъ умноженіемъ числа на дробь, приводитъ къ тому же результату, къ какому приводитъ нахождение такой части даннаго числа, какую часть единицы составляетъ дробь. Это неточно. И въ самомъ дѣлѣ, умножить, напримѣръ, 5 на $\frac{7}{3}$ значитъ взять семь третей пяти, но не значитъ взять такую часть 5, какую часть единицы составляетъ $\frac{7}{3}$, ибо не $\frac{7}{3}$ составляетъ часть единицы, а единица составляетъ часть $\frac{7}{3}$.

Кстати заговорили мы объ опредѣленіяхъ. На стр. 8 авторъ опредѣляетъ сложеніе, говоря, что цѣль сложенія есть нахождение суммы, при чемъ суммой двухъ или нѣсколькихъ чиселъ называется число, которое можно получить, сосчитавъ сколько единицъ во всѣхъ данныхъ числахъ. Опредѣленіе это есть опредѣленіе кажущееся, ибо въ немъ понятіе о сложеніи приводится къ понятію о сосчитываніи, къ понятію не менѣе простому.

На стр. 107 авторъ такимъ образомъ опредѣляетъ кратное отношеніе: „Арифметическое выраженіе, требующее отысканія кратнаго отношенія двухъ чиселъ, называется кратнымъ отношеніемъ“. Кратной пропорціи дано такое изысканное опредѣленіе: „Арифметическое выраженіе, свидѣтельствующее о равенствѣ двухъ кратныхъ отношеній, называется кратною пропорціею“.

Нашъ авторъ любитъ вообще изысканныя выраженія. Сдѣлаемъ одинъ упрекъ автору, который онъ, однако, вполне заслужилъ. Излагая на стр. 225 знаменитую теорему Эйлера, представляющую изъ себя обобщенную теорему Фермата (зачѣмъ ее излагать въ курсѣ арифметики?), которая, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ: Если n есть число чиселъ, простыхъ съ N и меньшихъ его, если a простое съ N , то разность $(a-1)$ дѣлится безъ остатка на N , г. Шохоръ-Троцкій формулируетъ теорему неправильно такимъ образомъ: „Если данному числу N въ натуральномъ рядѣ предшествуетъ n чиселъ, изъ которыхъ каждое есть число взаимнопростое съ N , то и т. д.“. Данному числу N въ натуральномъ рядѣ чиселъ предшествуетъ непременно $(N-1)$ чиселъ, и тутъ, очевидно, никакого условія ставить нельзя. Г. Шохоръ-Троцкій, разумѣется, это понимаетъ, и мы дѣлаемъ ему упрекъ не за непониманіе, а за невниманіе къ одной изъ гениальныхъ теоремъ арифметики.

Мы остановились такъ долго на сочиненіи г. Шохоръ-Троцкаго потому, что трудъ его есть трудъ почтенный, показывающій, что авторъ принадлежитъ къ числу образованныхъ математиковъ, вполне владѣющихъ предметомъ.

С. И. Шохоръ-Троцкий. Многодичскій сборникъ арифметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Двѣ части. Москва 1888. Стр. 79+223. Цѣна 70 коп.

Названный сборникъ составленъ въ высшей степени толково. Ученикъ переходитъ отъ задачъ простѣйшихъ къ задачамъ все болѣе и болѣе сложнымъ. Задачи-загадки отсутствуютъ въ сборникѣ. Задачи алгебраическаго характера выдѣлены въ отдѣльныя главы. Задачи на вычисленія составлены такимъ образомъ, что учащійся приучается къ быстротѣ и изяществу вычисленій. Сборникъ содержитъ въ себѣ много задачъ, требующихъ составленія формулъ изъ выраженной задачъ. Вообще рассматриваемая книга можетъ быть весьма полезнымъ учебнымъ пособіемъ при прохожденіи арифметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Составилъ *М. А. Страховъ.* С.-Пб. 1888. Цѣна 70 коп. Стр. II+142.

Въ „Предисловіи“ авторъ говоритъ, что его курсъ элементарной геометріи предназначенъ „для низшихъ спеціальныхъ школъ“; при этомъ, очевидно, подразумѣваются тѣ ремесленныя и низшія техническія училища, въ которыхъ, по недостатку времени и по малой подготовленности учениковъ, курсъ начальной геометріи не можетъ быть пройденъ въ полномъ объемѣ и по общепринятымъ методамъ. Согласно съ такимъ предназначеніемъ книги г. Страхова, она представляетъ существенныя отличія отъ другихъ учебниковъ того же предмета.

Одна изъ ея главныхъ особенностей заключается въ исключеніи многихъ теоремъ и даже цѣлыхъ отдѣловъ, обыкновенно считаеваемыхъ какъ бы неотъемлемою принадлежностью всякаго курса начальной геометріи; на примѣръ, въ ней не упоминается о средней пропорціо-нальной линіи, объ обратной пропорціо-нальности, о линіяхъ несоизмѣримыхъ между собою, о дѣленіи линіи въ крайнемъ и среднемъ отношеніи, опущены всѣ теоремы о пропорціо-нальныхъ линіяхъ въ кругѣ и т. п. Что касается стереометріи, то она изложена не только чрезвычайно кратко, но и почти безъ доказательствъ, такъ что исключено даже доказательство теоремы о равновеликости параллелепипедовъ при равенствѣ основаній и высотъ. (Относительно такого способа изложенія стереометріи въ „предисловіи“ сказано: „Въ предлагаемомъ курсѣ по возможности строго научно изложена только первая часть геометріи, то-есть, планиметрія“).

Другая существенно важная особенность этого курса состоитъ въ довольно обширномъ включеніи практическихъ приложений геометріи. Съ особенною полнотою развиты приложения къ топографіи; учебникъ г. Страхова содержитъ въ себѣ почти всѣ необходимыя указанія для рѣшенія простѣйшихъ топографическихъ задачъ, для измѣренія угловъ на мѣстности, производства мензульной съемки и нивелированія. Не мало также подробностей, относящихся до технического черченія. Что касается до приложения геометріи къ другимъ отраслямъ техники, то авторъ ограничивается немногими примѣрами и говоритъ: „Упражненія и разнородныя приложения геометрическихъ истинъ, встрѣчающіяся въ этомъ курсѣ, не приноровлены исключительно къ какой-нибудь спеціальности. Дѣло преподавателя развить болѣе тотъ или другой отдѣлъ приложений и упражненій, смотря по спеціальности школы. При преподаваніи этого курса, какъ упражненія, такъ и указаніе приложений должны слѣдовать тотчасъ же за тѣми истинами, на коихъ они основываются, какъ это сдѣлано въ первыхъ двухъ главахъ учебника“.

Нельзя не признать, что эти практическія приложения придаютъ весьма высокую цѣнность Геометріи Страхова, не только потому, что доставляютъ ученикамъ полезныя свѣдѣнія, но еще болѣе потому, что вызываютъ интересъ къ геометріи и облегчаютъ усвоеніе ея истинъ: приложения изложены кратко и отчетливо, и авторъ такъ искусно развѣстилъ ихъ, что они чрезвычайно способствуютъ уясненію смысла теоремъ и развитію геометрическихъ соображеній учащагося.

Вообще система и способъ изложенія свидѣлствуютъ, что авторъ тщательно обдумалъ и разработалъ предлагаемый имъ учебникъ и употребилъ не мало труда и умѣнья на то, чтобы приспособить его къ потребностямъ низшихъ школъ и уровню развитія учениковъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы онъ вполне достигъ этой послѣдней цѣли. Сравнительно съ другими курсами геометріи, предназначенными для низшихъ школъ, учебникъ М. А. Страхова имѣетъ вѣскія преимущества; но все-таки онъ содержитъ въ себѣ въ своихъ первыхъ главахъ такіе тормазы для недостаточно подготовленныхъ учениковъ, что для устраниенія этихъ тормазовъ потребуется отъ преподавателя много усилій и искусства.

Вопросъ объ учебномъ планѣ геометріи и о типѣ учебника этого предмета для низшихъ школъ представляетъ весьма большую важность; кромѣ общаго педагогическаго значенія, онъ имѣетъ еще такъ-сказать спеціальную важность, вслѣдствіе имѣющагося въ виду

широкаго распространенія въ нашемъ отечествѣ ремесленныхъ и низшихъ техническихъ школъ. Начальныя главы геометріи М. А. Страхова представляютъ удобный матеріалъ для заключеній относительно неудобопримѣнимости къ низшимъ школамъ курса геометріи, составленнаго по обычнымъ методамъ. Напримѣръ, авторъ доказываетъ такіи теоремы: Изъ всякой точки, взятой на прямой, можно возставить только одинъ перпендикуляръ къ этой прямой; всѣ прямые углы равны между собою; сумма смежныхъ угловъ равна двумъ прямымъ угламъ, и т. д. Способъ доказательства такой же, какъ и въ другихъ учебникахъ; напримѣръ, теорема о суммѣ смежныхъ угловъ доказана такъ: „Пусть будутъ смежные углы ABD и DBC . Докажемъ, что оба эти угла вмѣстѣ составляютъ два прямыхъ угла. Для доказательства проведемъ вспомогательную линію BE перпендикулярно къ AC . Сумма угловъ ABD , и DBE равна одному прямому углу, и уголъ EBC равенъ прямому. Сложивъ эти равенства, получимъ, что сумма трехъ угловъ ABD , DBE и EBC равна $2d$. Подставивъ вмѣсто $\angle DBE + \angle EBC$ имъ равный уголъ DBC , найдемъ, что $\angle ABD + \angle DBC = 2d$. Теорема доказана“.—Между тѣмъ въ число аксіомъ были включены слѣдующія: черезъ двѣ точки можетъ быть проведена только одна прямая; изъ линій, проведенныхъ между двумя точками, прямая короче всѣхъ. Рассматриваемая геометрія предназначена ея авторомъ для низшихъ специальныхъ школъ, слѣдовательно для такихъ учениковъ, вся подготовка которыхъ ограничивается курсомъ одноклассной сельской школы; можетъ ли ученикъ, находящійся на такой невысокой ступени умственного развитія понять необходимость доказательства вышеупомянутыхъ теоремъ? Вѣдь онъ для него столько же очевиденъ, сколько и аксіомы о прямой линіи; для чего же ихъ ему доказывать? А если ученикъ не видитъ необходимости доказательства, то онъ хотя и можетъ его заучить, но въ результатѣ все-таки не окажется сколько-нибудь сознательнаго отношенія къ доказательству. Наконецъ, какая затрата времени и сколько трудовъ потребуется, какъ отъ ученика, такъ и отъ учителя, чтобъ ученикъ могъ излагать доказательства и писать надлежащіи равенства и неравенства; и притомъ вся эта затрата не принесетъ ни малѣйшей пользы для дѣйствительнаго развитія ученика, такъ какъ его разсужденія и письмо останутся механическими. Усвоеніе понятія о синтезизмѣ, сознательное изложеніе доказательства простой теоремы, справедливость которой несомнѣнна для ученика или видна изъ чертежа, требуютъ уже не малаго развитія и навыка въ логическихъ упраж-

неніяхъ. Поэтому слѣдуетъ отказаться отъ попытокъ ввести въ ремесленные и вообще въ низшія школы преподаваніе геометріи по строго выдержанному синтетическому методу; но такъ какъ для удовлетворенія потребностей техники надо ученикамъ этихъ школъ сообщить нѣкоторыя геометрическія свѣдѣнія, то для этихъ школъ необходимъ учебникъ геометріи, составленный по другому методу. Начальныя истины должны быть изложены наглядно, безъ доказательствъ, а на примѣръ, при помощи упражненія въ геометрическомъ черченіи. Доказательства потребуются лишь для дальнѣйшихъ теоремъ, то-есть, для тѣхъ, которыя не очевидны ученикамъ, какъ на примѣръ: равенство суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ угламъ, равенство угла вписаннаго въ кругъ половинѣ соответствующаго центральнаго, пифагорова теорема и т. под., и эти доказательства не должны имѣть формальнаго (или, такъ-сказать, мѣлового) характера, а должны быть приспособлены къ понятіямъ учениковъ.

Ошибокъ въ разсматриваемой книгѣ не встрѣчается, но есть нѣкоторые не важные промахи. На примѣръ:

На стр. 1 помѣщена такая аксіома: „Сумма большихъ величинъ болѣе суммы меньшихъ“; но развѣ $7+6$ болѣе чѣмъ $5+4+3+2+1$.

На стр. 20 при описаніи устройства уровня не сказано, что стеклянная трубка должна имѣть нѣкоторую незначительную кривизну.

На стр. 1 простонародное выраженіе, неудобное въ учебникѣ — „зачастую“.

Учебникъ элементарной геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Я. Блюмбергъ*, преподаватель при Ревельской губернской гимназіи. С.-Пб. 1889. Стр. VIII+172. Цѣна 1 руб.

Названное сочиненіе не представляетъ изъ себя ничего новаго ни по способамъ доказательствъ теоремъ, ни по системѣ изложенія, хотя авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ и говоритъ, что онъ, стремясь къ возможно строго—систематическому изложенію, опередилъ въ этомъ отношеніи другихъ авторовъ, и для доказательства этихъ словъ, предлагаетъ взглянуть хотя бы на оглавленіе. Взглянувъ на него, мы увидѣли, что послѣдовательность въ изложеніи геометрическаго матеріала у нашего автора не отличается отъ подобной же послѣдовательности у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ излагаетъ сперва теоремы объ углахъ, потомъ переходитъ къ

теоріи параллельныхъ линій, далѣе излагаетъ равенство треугольниковъ, переходитъ потомъ къ четырехугольникамъ, изучаетъ далѣе окружность круга, и т. д., то-есть, вообще слѣдуетъ тому установившемуся пути, какому слѣдуетъ большинство авторовъ геометріи.

Прочитавъ книгу, мы увидѣли, что она несвободна отъ многихъ такихъ недостатковъ, отсутствіе которыхъ необходимо для учебника геометріи. Укажемъ на эти недостатки.

Доказавъ (стр. 14) теорему: Если двѣ прямыя образуютъ съ сѣкущею равные внутренніе, на крестъ лежащіе углы, то онѣ, ни при какомъ продолженіи ихъ (?), не пересѣкнутся, авторъ говоритъ, что теорема эта составляетъ признакъ параллельности двухъ прямыхъ. Авторъ дѣлаетъ поспѣшное заключеніе, ибо выше данная теорема представляетъ только достаточное условіе параллельности. Для полученія признака параллельности нужно показать, что условіе это и необходимо, то-есть, нужно доказать обратную теорему, для чего и вводится извѣстный постулатъ, называемый авторомъ почему-то аксіомою. Хотя авторъ далѣе доказываетъ эту обратную теорему, но не выясняетъ однако, что она необходима для полученія признака параллельности.

Доказательства перваго и втораго условія равенства треугольниковъ (стр. 25) неполны. Желая доказать, что треугольникъ abc равенъ треугольнику ABC при условіяхъ: $AB=ab$, $AC=ac$, $\angle A=\angle a$, авторъ накладываетъ $\triangle abc$ на $\triangle ABC$ такъ, чтобы вершина a упала въ вершину A , вершина c въ вершину C , и говоритъ, что тогда точка b совмѣстится съ точкою B , упуская изъ виду, что это случится только тогда, когда оба треугольника лягутъ по одну сторону прямой AC .

Доказательство теоремы: Два треугольника равны, если двѣ стороны и уголъ противъ большей изъ нихъ въ одномъ треугольникѣ соответственно равны двумъ сторонамъ и углу противъ большей изъ нихъ въ другомъ не выдерживаетъ критики. И въ самомъ дѣлѣ, ходъ разсужденій, по видимому, совершенно не зависитъ отъ того условія, по которому равны углы, лежащіе противъ большихъ сторонъ, такъ что, по видимому, разсужденіе осталось бы справедливымъ и тогда, когда были бы равны углы, лежащіе противъ меньшихъ сторонъ. Автора, видимо, соблазнило доказательство теоремы 26 (стр. 26) о томъ, что два треугольника равны, когда двѣ стороны ихъ соответственно равны, взятое имъ изъ превосходной раціональной геометріи М. С. Волкова.

Напрасно г. Блюмбергъ не вьялъ изъ упомянутой книги г. Волкова и доказательство предыдущей теоремы.

На стр. 31 авторъ даетъ неточное опредѣленіе правильному многоугольнику, говоря, что правильнымъ многоугольникомъ называется многоугольникъ, обладающій и равными сторонами, и равными углами. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, напримѣръ, что пятиугольникъ, обладающій двумя равными сторонами и тремя равными углами есть правильный.

На стр. 32 авторъ начинаетъ статью объ окружности теоремою: Чрезъ три точки, не лежащія на одной прямой, можно провести окружность, притомъ только одну. Доказательство этой теоремы неполно, ибо авторъ на предыдущихъ страницахъ нигдѣ еще не говоритъ, что общее мѣсто точекъ, равноотстоящихъ отъ концовъ прямой, есть перпендикуляръ къ прямой въ ея серединѣ. Вслѣдствіе такого неполнаго доказательства можно задать автору вопросъ, почему же онъ думаетъ, что не существуетъ, кромѣ точки пересѣченія перпендикуляровъ, возстановленныхъ къ прямымъ АВ и ВС въ ихъ срединахъ, еще точки, равноотстоящей отъ данныхъ точекъ А, В, С.

Доказательство теоремы: Окружность круга дѣлится діаметромъ пополамъ не есть доказательство. И въ самомъ дѣлѣ авторъ сгибаетъ окружность по діаметру СВ и говоритъ, что, вслѣдствіе равенства радіусовъ, правая часть окружности необходимо совмѣстится съ лѣвою. Для доказательства этой теоремы нужно показать, что каждая точка правой части имѣетъ соотвѣтственную себѣ въ лѣвой и на оборотъ. Совѣтуемъ автору обратиться за доказательствомъ этой теоремы къ геометріи Руше и Комберуза.

Въ статьѣ о геометрическихъ мѣстахъ (стр. 44) авторъ не разъясняетъ, что для доказательства того, что нѣкоторая линія представляетъ геометрическое мѣсто, должно доказывать двѣ теоремы: теорему о томъ, что всѣ точки, лежащія на рассматриваемой линіи, обладаютъ общимъ свойствомъ, и теорему обратную, и думаетъ, что одной теоремы достаточно для доказательства существованія геометрическаго мѣста.

На стр. 51 авторъ, не разъясняя, что нужно понимать подъ отношеніемъ двухъ однородныхъ величинъ въ случаѣ ихъ несоизмѣримости, находитъ приближенное значеніе этого отношенія, то-есть, приближенное значеніе чего-то такого, о чемъ еще не составлено никакого представленія. Этимъ недостаткомъ отличаются, впрочемъ, многіе русскіе авторы, которые не хотятъ понять, что, прежде чѣмъ приступать къ теоремамъ объ отношеніи величинъ въ случаѣ ихъ

несовмѣримости, нужно выяснитъ представленіе о самомъ отношеніи.

На стр. 54 дается такое неточное опредѣленіе подобнымъ многоугольникамъ: два многоугольника подобны, если углы ихъ соответственно равны, а стороны одного (какія?) пропорціональны сторонамъ другаго.

На стр. 81 авторъ говоритъ, что периметръ вписаннаго многоугольника стремится, при извѣстномъ условіи, совпасть съ окружностью круга. Авторъ ошибается, ибо у периметра не можетъ быть такого стремленія, такъ какъ не существуетъ такой малой части окружности, которая могла бы совпадать съ какою ни есть частью прямой линіи. Вопросъ о стремленіи связанъ съ вопросомъ о разности, а авторъ знаетъ, что вопросъ о геометрической разности требуетъ представленія о совпаденіи.

Въ теоріи предѣловъ (стр. 81) авторъ говоритъ, что безконечно большая величина обозначается знакомъ ∞ . Видимо, что авторъ смѣшиваетъ два понятія: понятіе о безконечно большой величинѣ и понятіе о безконечности.

Далѣе авторъ продолжаетъ: изъ даннаго нами опредѣленія предѣла переменнѣй величины слѣдуетъ, что если переменная величина x близка (?) къ своему предѣлу a , то она разнится отъ послѣдней (sic) на нѣкоторую безконечно малую величину α . Замѣтимъ автору, что безконечно малая величина всегда разнится отъ своего предѣла на безконечно малую величину, близка ли она къ нему, или нѣтъ, и что это значитъ: „близка къ предѣлу“?

На стр. 87 авторъ хочетъ доказать не доказуемое, а именно теорему: окружность круга есть предѣлъ периметровъ, и т. д. Мы уже выше замѣтили автору, что окружность не можетъ быть предѣломъ периметровъ, и въ этомъ мѣстѣ геометріи должно быть введено новое понятіе,—понятіе о длинѣ окружности. Еслибы авторъ задумалъ спросить, въ чемъ заключается ошибка въ его разсужденіяхъ при доказательствѣ выписанной quasi-теоремы, то мы ему отвѣтили бы, что ошибка заключается въ его желаніи разсматривать разность между окружностью и периметромъ, то-есть, разность между линіями, малѣйшія части которыхъ не совпадаютъ. Нѣкоторые авторы геометрій, и въ томъ числѣ г. Блюмбергъ, путають два вопроса: вопросъ объ измѣреніи длины окружности и вопросъ объ измѣреніи площади круга. Площадь круга, дѣйствительно, есть предѣлъ площадей вписанныхъ многоугольниковъ, при извѣстномъ условіи, ибо тутъ можетъ быть вопросъ о разности, такъ какъ часть площади круга совпадаетъ съ площадью вписаннаго мно-

гоугольника. Аналогичныя замѣчанія должны быть сдѣланы автору по поводу измѣренія поверхности и объема цилиндра, поверхности и объема конуса, поверхности и объема шара.

На стр. 96 авторъ неполно формулируетъ теорему о площади круга, забывая прибавлять необходимое условіе неопредѣленнаго убыванія сторонъ и ограничиваясь только условіемъ неопредѣленнаго возрастанія числа ихъ.

Ограничиваемся выпиской недостатковъ разсматриваемаго сочиненія.

Книга г. Блюмберга, обладая недостатками, не обладаетъ однако такими достоинствами, присутствіе которыхъ необходимо въ хорошемъ учебникѣ геометріи. Къ числу подобныхъ отсутствій относится, напримѣръ, отсутствіе понятія о противоположной теоремѣ и о взаимной зависимости между прямою, обратной и противоположною теоремами, объ общемъ признакѣ существованія теоремъ, и вообще отсутствіе всякихъ упражненій въ формальной логикѣ, между тѣмъ какъ геометрія представляетъ много разнообразныхъ и простѣйшихъ примѣровъ подобныхъ упражненій. Дадимъ здѣсь кстаті советъ автору никогда не доказывать теоремы, обратной теоремѣ о смежныхъ углахъ, методомъ приведенія къ абсурду, а доказывать ее прямымъ доказательствомъ, подобно тому, какъ это сдѣлано у Русе и Комберуза. Каждый учащійся, если и не спроситъ, то непременно подумаетъ, какъ же это предполагаютъ, что ABC прямая, а чертятъ не прямую. Доказавъ же теорему эту прямымъ путемъ, должно показать теорему противоположную способомъ приведенія къ абсурду, и тогда способъ этотъ сдѣлается совершенно ясенъ учащемуся.

Указанные выше недостатки, не соответствующіе пространному и многообъщщающему предисловію, не даютъ разсматриваемому сочиненію права сдѣлаться учебнымъ руководствомъ.

Принимая однако во вниманіе, что большинство теоремъ доказано и формулировано правильно, простымъ, удобопонятнымъ языкомъ, мы должны признать, что разсматриваемая книга можетъ быть полезна при повтореніи геометріи, при приготовленіи къ экзаменамъ и, вообще, какъ справочная книга по элементарной геометріи.

Руководство прямолинейной тригонометріи и собраніе 1770 тригонометрическихъ задачъ, составилъ по руководствамъ Дебова, Тотгента, Snowball'a, Beasley, Шпитца, Жюльена и другихъ преподаватель Нижегородской губернской гимназіи *Иванъ Шенрокъ*. Москва. 1888. Стр. 268. Цѣна 1 р. 35 коп.

Обиліе матеріала составляетъ одну изъ главныхъ особенностей Тригонометріи г. Шенрока. Въ „предисловіи“ авторъ говоритъ, что

онъ заботился о совмѣщеніи научной строгости съ простотою изложенія теоретическаго матеріала и о возможно большей системѣ въ распоряженіи практическихъ упражненій. Нельзя сказать, что такое стремленіе автора осталось безуспѣшнымъ — оно до нѣкоторой степени, имъ достигнуто; но несмотря на достоинства многихъ частныхъ, учебникъ этотъ, составленный по различнымъ образцамъ, представляетъ въ цѣломъ не что иное какъ сборникъ теоремъ и задачъ. Между теоремами не мало такихъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ руководствахъ, но онѣ не необходимы для пониманія основныхъ тригонометрическихъ теоремъ и потому безъ всякаго ущерба могли бы быть опущены. Примѣромъ ихъ можетъ служить § 7 (стр. 11): „Дуга равная суммѣ какихъ-либо дугъ, имѣющихъ общее начало и отложенныхъ въ какихъ-либо направленіяхъ, будучи отложена отъ общаго начала, концемъ своимъ упадетъ въ точку пересѣченія окружности съ линіею, проведенною изъ общаго начала параллельно хордѣ, соединяющей концы двухъ разсматриваемыхъ дугъ“. Доказательствамъ теоремъ и вообще своимъ разсужденіямъ авторъ придаетъ характеръ возможно большей общности: такъ, напримѣръ, слагаемыя дуги въ упомянутой теоремѣ обозначены черезъ $\alpha + 2\pi q$ и $\beta + 2\pi r$, гдѣ α и β наименьшія положительныя дуги, имѣющія данныя крайнія точки, p и q произвольныя цѣлыя числа. Хотя это и представляетъ нѣкоторый интересъ, но избытокъ теоремъ и подробностей вредитъ цѣльности изложенія и отчетливому усвоенію главныхъ частей курса.

Обиліе деталей и недостаточная сосредоточенность частей Тригонометріи г. Шенрока дѣлаютъ неудобнымъ ея употребленіе въ качествѣ учебника; но она, во первыхъ, можетъ оказать не малую услугу преподавателямъ среднихъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе большаго разнообразія и значительнаго числа искусно составленныхъ задачъ, и вторыхъ, будетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для тѣхъ учениковъ, у которыхъ окажется достаточно любознательности и времени для подробнаго изученія тригонометріи.

Сборникъ тригонометрическихъ задачъ (съ изложеніемъ многихъ методовъ ршенія ихъ). Составилъ П. В. Преображенскій, преподаватель Московской 4-й классической гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 1883. Стр. 40. Цѣна 20 коп.

Названный сборникъ обращаетъ на себя вниманіе своею краткостью; ближайшее знакомство съ нимъ обнаруживаетъ въ немъ много весьма вѣскихъ достоинствъ. Въ „Предисловіи“ авторъ говоритъ: „Тригонометрія проходитъ обыкновенно двумя способами: или весь курсъ

изучается сразу, со всѣми подробностями, или же сначала проходится лишь самое существенное, для лучшаго усвоенія повторяется при рѣшеніи достаточнаго числа задачъ и затѣмъ уже къ этой прочной основѣ присоединяются различныя детали. Руководство и сборникъ составлены нами примѣнительно ко второму методу⁴.

Дѣйствительно, на первыхъ двадцати-четырехъ страницахъ уже находимъ всѣ роды упражненій, существенно необходимыхъ для усвоенія какъ основныхъ началъ тригонометріи, такъ и ея приложений, а именно: задачи на соотношеніе тригонометрическихъ функцій, на вычисленіе тригонометрическихъ величинъ, на приведеніе выраженій къ удобному для логарифмированія виду, на рѣшеніе треугольниковъ и, сверхъ того, помѣщено весьма полезное примѣчаніе, относящееся до отысканія логарифмовъ въ таблицахъ и дѣйствій надъ ними. Вычисленіе тригонометрическихъ величинъ указано при помощи рядовъ, выражающихъ $\sin x$ и $\cos x$ посредствомъ длины дуги x , выраженной въ доляхъ радіуса; оно занимаетъ только двѣ страницы и можетъ быть выпущено безъ вреда для пониманія всего остальнаго.

За этими задачами слѣдуютъ дополненія, къ которымъ относятся: а) задачи на рѣшеніе тригонометрическихъ уравненій, б) примѣчаніе, относящееся до рѣшенія треугольниковъ и в) рѣшеніе четырехугольниковъ. Послѣднія страницы сборника посвящены болѣе труднымъ задачамъ—для повторительнаго курса.

Слѣдовательно, расположеніе матеріала вполне соответствуетъ основной мысли автора и способствуетъ постепенному расширенію и укрѣпленію понятій. Характеръ задачъ также соответствуетъ той же мысли: на первыхъ 24 страницахъ помѣщены исключительно задачи легкія, доступныя для только-что познакомившагося съ основными положеніями тригонометріи; здѣсь же (стр. 21) встрѣчаемъ задачи, относящіяся до приложения тригонометріи къ географіи и къ физикѣ (задача 49. „Города С и D лежатъ на широтѣ $\alpha = 37^\circ$ и разность ихъ долготъ $\delta = 8^\circ$. Найдти дугу CD“—слѣдовало бы сказать, что подразумѣвается дуга параллели. Задача 54. „На прямолинейный рычагъ АОВ, имѣющій точку опоры въ О, дѣйствуютъ уравновѣшивающіяся силы: $AP = p$ и $BQ = x$, Опредѣлить x , зная что $AO = a = 5$ ф. и $OB = b = 3$ ф., а углы $PAO = \alpha = 32^\circ 14'$ и $QBO = \beta = 41^\circ 56'$. Не смотря на всю легкость этой послѣдней задачи, указать путь ея рѣшенія). Полезность такого рода вопросовъ тѣсно связана съ ихъ простотой, потому что только при соблюденіи этого условія каждый обыкновенный ученикъ можетъ самостоятельно прилагать знаніе одного предмета къ другому.

Задачи, отнесенныя къ дополненіямъ, имѣютъ болѣе сложный характеръ, хотя и здѣсь постепенность ихъ усложненія и надлежащая классификація значительно облегчаютъ рѣшеніе. Въ главѣ А сначала помѣщены задачи, въ которыя входитъ только одна тригонометрическая функція, а затѣмъ такія, гдѣ требуется замѣна одной функціи ея выраженіемъ въ другой. Къ болѣе труднымъ задачамъ этого рода авторъ предлагаетъ полезныя объясненія и замѣчанія. Напримѣръ, на стр. 25 онъ говоритъ: „Если послѣ перенесенія всѣхъ членовъ въ первую часть уравненія, она распадается на множители, содержащіе неизвѣстную, то уравненію можно удовлетворить, приравнявъ эти множители нулю. Определенныя такимъ образомъ значенія неизвѣстнаго могутъ не удовлетворять данному уравненію, если они одинъ множитель обращаютъ въ нуль, а другой въ безконечность“. На той же страницѣ другое важное замѣчаніе: „Возвышая уравненіе въ квадратъ, мы послѣ перенесенія членовъ въ первую часть всегда получаемъ эту часть распадающеюся на 2 множителя и только одинъ изъ нихъ, приравненный нулю, дастъ уравненіе, равносильное данному, другой же можетъ ввести постороннія рѣшенія“. Такого рода замѣчанія приучаютъ любознательнаго ученика къ всестороннему разсмотрѣнію вопросовъ.

Весьма также полезны въ практическомъ отношеніи частныя приемы рѣшенія задачъ, сообщаемыя П. В. Преображенскимъ въ томъ же отдѣлѣ (6, стр. 26).

Глава В дополненій вся посвящена развитію слѣдующей мысли: „Форма и величина треугольника, какъ извѣстно, опредѣляются тремя условіями, но одна форма (то-есть, углы) двумя. Весьма часто въ задачѣ два условія опредѣляютъ форму, и по третьему можно опредѣлить величину, и если даже всѣ три условія относятся и къ тому, и къ другому, то всегда можно по этимъ тремъ условіямъ составить два, опредѣляющія углы. Когда углы треугольника опредѣлены, то, какъ бы ни было разнообразно 3-е условіе, рѣшеніе вообще говоря уже весьма просто. Такой взглядъ на рѣшеніе треугольниковъ позволяетъ сводить весьма большое число задачъ къ сравнительно небольшому ихъ числу“. Нельзя не признать, что такая классификація условій можетъ принести весьма существенную пользу ученикамъ, которые вообще склонны видѣть различіе тамъ, гдѣ его въ сущности нѣтъ.

Третья глава (с) дополненій содержитъ въ себѣ задачи на рѣшеніе четырехугольниковъ. Здѣсь разсматриваются случаи, представляющіе нѣкоторыя трудности и въ то же время отличающіеся своею типичностью.

Задачи для повторительнаго курса раздѣлены на собственно тригонометрическія и задачи для совмѣстнаго повторенія геометріи и тригонометріи. Первые не многочисленны и не отличаются особенною оригинальностью, а послѣднія заслуживаютъ вниманія, такъ какъ дополняютъ знаніе геометріи и явственно обнаруживаютъ отношеніе къ ней тригонометріи. То же замѣчаніе можетъ относиться къ нѣкоторымъ задачамъ физики, помѣщеннымъ на послѣднихъ страницахъ сборника.

Для еще большаго выясненія достоинствъ этого сборника, его полезно сравнить съ болѣе обширными и считаемыми наилучшими, напримѣръ, съ трудомъ И. Верещагина: „Собраніе вопросовъ и задачъ прямолинейной тригонометріи, для гимназій и реальныхъ училищъ“. Не смотря на то, что объемъ послѣдняго 307 страницъ, а въ сборникѣ П. В. Преображенскаго только 40 страницъ, онъ содержитъ въ себѣ всѣ типы задачъ, встрѣчающихся въ книгѣ И. Верещагина; разница только въ числѣ задачъ, въ ихъ меньшей сложности и замысловатости. Но для усвоенія навыка въ рѣшеніи тригонометрическихъ задачъ, вполне достаточно тѣхъ, которыя помѣщены въ сборникѣ П. В. Преображенскаго. Это, конечно, говоритъ въ пользу разсматриваемаго задачника и заставляетъ желать ему полнѣйшаго успѣха.

Недостатки книги незначительны и не многочисленны. Къ заслуживающимъ упоминанія слѣдуетъ отнести: 1) употребленіе словъ, не получившихъ права гражданства въ учебникахъ тригонометріи (функція, аргументъ); эти слова могутъ оказаться непонятными ученикамъ, такъ какъ ихъ нѣтъ въ руководствѣ, по которому они изучаютъ тригонометрію; притомъ нѣтъ никакой необходимости вводить эти слова въ элементарную часть математики. 2) Неудачное письмо тригонометрическихъ названій: Sn , Cs , tg , ctg , sc , Csc , вмѣсто общепринятыхъ: $\sin$, $\cos$. и т. под.; весьма желательно, чтобъ авторъ въ слѣдующемъ изданіи своего сборника отбросилъ это искаженіе тригонометрическихъ формулъ. Не удачно также изображеніе дробнаго числа секундъ; авторъ пишетъ, напримѣръ (стр. 3), 2, 14" вмѣсто 2", 14 или 16, 292" вмѣсто 16", 292 и т. под. Слогъ требуетъ улучшенія.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ 1888 ГОДУ.

Въ Московскомъ университетѣ къ концу 1888 года состояло слѣдующее число преподавателей: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 12, на физико-математическомъ 11, на юридическомъ 7, на медицинскомъ 13, итого 43; экстраординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 4, на физико-математическомъ 9, на юридическомъ 5, на медицинскомъ 15, итого 33; прозекторовъ 5, астрономъ наблюдатель 1, лекторовъ 4, итого 87 преподавателей. Кромѣ того, по приглашенію университета, состояли въ качествѣ преподавателей 6 лицъ, изъ нихъ четверо — для практическихъ упражненій въ древнихъ языкахъ, а остальные двое — для преподаванія еврейскаго, ассирійскаго и арабскаго языковъ. Сверхъ того, для желающихъ изъ студентовъ преподавались антропология и испанскій языкъ. Приватъ-доцентовъ состояло къ концу 1888 года 76, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 17, на физико-математическомъ—16, на юридическомъ—8, на медицинскомъ—35. Такимъ образомъ общее число преподавателей, считая какъ штатныхъ и сверхштатныхъ профессоровъ и преподавателей, какъ равно стороннихъ преподавателей и приватъ-доцентовъ, къ концу 1888 года было 108. Изъ числа преподавателей и другихъ служащихъ въ университетъ сслхiv, отд. 4.

ситетѣ командированы были съ ученою цѣлью: внутри Россіи—3, за границу — 9 лицъ.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля за занятіями ихъ при факультетахъ существовали семинаріи въ слѣдующемъ видѣ: на историко-филологическомъ факультетѣ происходили практическія занятія по древнимъ языкамъ подъ руководствомъ двухъ профессоровъ, трехъ приватъ-доцентовъ и четырехъ преподавателей; на юридическомъ — семинаріи были, подъ руководствомъ профессоровъ: а) по статистикѣ — разборъ источниковъ русской хозяйственной статистики и составленіе по нимъ рефератовъ, б) по политической экономіи — изученіе и комментированіе сочиненія Дав. Рикардо „Начала политической экономіи и налоговъ“, в) по исторіи русскаго права — чтеніе и толкованіе Троицкаго списка Русской Правды сравнительно съ академическимъ спискомъ, при чемъ отдѣльныя статьи были разсматриваемы въ предметномъ порядкѣ; кромѣ того, сообщено о происхожденіи и составѣ Русской Правды и о дошедшихъ до насъ спискахъ ея, при чемъ принято Калачовское дѣленіе послѣднихъ на фамиліи или разряды. На физико-математическомъ факультетѣ семинаріи и практическія занятія велись въ кабинетахъ, лабораторіяхъ, музеяхъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, а по нѣкоторымъ предметамъ и въ аудиторіяхъ. Такъ, въ механическомъ кабинетѣ студенты занимались рѣшеніемъ задачъ по начертательной геометріи и проектированіемъ деталей машинъ, а нѣкоторые упражнялись въ линейномъ черченіи. Въ физической лабораторіи, дающей мѣсто лишь 35 практикантамъ въ каждый семестръ, къ занятіямъ допускались только лица, прослушавшія весь экспериментальный курсъ физики и преимущественно тѣ, которые спеціально посвящаютъ себя физикѣ, а также стипендіаты министерства народнаго просвѣщенія. Общій курсъ практическихъ работъ обнимаетъ собою изученіе классическихъ измѣрительныхъ снарядовъ и методовъ, а наиболѣе успѣшно прошедшіе этотъ общій курсъ допускаются къ болѣе сложнымъ задачамъ и самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Въ зоологическомъ музеѣ 34 студента 4-го семестра познакомились съ анатоміею и систематикою ракообразныхъ какъ по собственнымъ препаратамъ, такъ и по изготовленнымъ ассистентами, а 51 студентъ занимались по программѣ для испытанія студентовъ въ комиссіяхъ. Изъ студентовъ старшихъ курсовъ одинъ занимался опредѣленіемъ и установкою систематическаго собранія рыбъ, а двое —

опредѣленіемъ и установкою собранныхъ ими лѣтомъ матеріаловъ. Въ минералогической лабораторіи 6 практикантовъ, студентовъ 7-го семестра, занимались опредѣленіемъ и анализомъ минераловъ. Въ лабораторіи ботаническаго сада лѣтомъ производились занятія по опредѣленію растений и по изученіи мѣстной флоры, при чемъ принято было нѣсколько загородныхъ экскурсій; студенты старшихъ курсовъ работали по гистологіи и морфологіи растений; для желающихъ изъ числа студентовъ-медиковъ 1-го семестра были устроены занятія по изученію растительной кѣтки и тканей. На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя для нѣкоторыхъ студентовъ продолжаются отъ 8-ми часовъ утра до 8-ми вечера. Сверхъ того, они занимались практически и въ часы свободные отъ лекцій, показанныхъ въ расписаніи. Студенты упражнялись въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ и занимались въ ботаническомъ саду. Въ анатомическомъ театрѣ студенты разсѣкали трупы съ цѣлью изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины, а также упражнялись въ производствѣ операций на трупахъ и изучали практически общую патологію. Въ кабинетахъ физиологическомъ и гистологическомъ, въ анатоми-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физиологіи и гистологіи, нормальной и патологической анатоміи. Въ гигиенической лабораторіи они занимались изученіемъ санитарныхъ способовъ изслѣдованія воздуха, воды и нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ. Въ клиникахъ они писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ и, въ случаѣ нужды, сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій.

Для присужденія наградъ медалями отъ факультетовъ предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета— „Развитіе философской мысли въ Россіи и болѣе замѣчательные представители ея съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка по 50-тые включительно“, „Разборъ польскихъ сочиненій Яна Кохановскаго главнымъ образомъ со стороны вліянія на него римскихъ и греческихъ образцовъ“, „Переписка Цицерона какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря за время отъ начала столкновенія Цезаря съ сенатомъ до смерти Цезаря“; отъ физико-математическаго— „Опредѣленіе продолжительности удара упругихъ тѣлъ“ и „Сводъ свѣдѣній по орга-

нвизаціи и біологіи гимнофіонъ“; отъ юридическаго—„О товариществѣ въ римской юриспруденціи“; отъ медицинскаго—„О вліаніи іодистаго калія на выдѣленіе ртути мочкою. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены: а) золотыми медалями—6 лицъ (2 историко-филологическаго факультета, 3—физико-математическаго и 1—медицинскаго), б) серебряными медалями—7 (5 историко-филологическаго факультета, 1—физико-математическаго и 1—медицинскаго; в) почетнаго отзыва—2 (оба историко-филологическаго факультета). Сверхъ того, одному студенту VII семестра историко-филологическаго факультета, за представленное имъ сочиненіе присуждена премія имени Н. В. Исакова.

Для приготовленія къ профессорскому званію командированы были за границу и оставлены были при университетѣ 42 лица. Изъ нихъ 21 получали стипендіи изъ разныхъ источниковъ, остальные же стипендіями не пользовались. Оставленные при университетѣ распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ—18 (стипендіатовъ 5), въ физико-математическомъ—9 (стипенд. 4), въ юридическомъ—11 (стипенд. 11). Собственно въ 1888 году былъ командированъ за границу 1, оставлено при университетѣ 14, получили продолженіе срока на оставленіе при университетѣ еще на одинъ годъ 3, испрошено содержаніе на командированіе за границу—1 и на оставленіе при университетѣ 6.

На основаніи постановленія университетскаго устава и съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, приобрѣвшій почетную извѣстность своими научными трудами профессоръ Болонскаго университета Эдуардъ Бриціо возведенъ въ степень доктора теории и исторіи искусствъ, безъ испытанія на степень магистра и безъ представленія диссертациі. На основаніи того же устава совѣтомъ университета утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора—11: 1—физики и 10—медицины, б) въ степени магистра—7: уголовного права, физики, ботаники, политической экономіи, гражданскаго права, философіи и фармаціи; в) въ степени кандидата—220 (историко-филологическаго факультета 35, физико-математическаго 50 (по отдѣленію математическихъ наукъ 37, по отдѣленію естественныхъ наукъ 13, юридическаго 135); е) въ званіи дѣйствительнаго студента—108 (историко-филологическаго факультета 14, физико-математическаго 26 (по отдѣленію математическихъ наукъ 14, по отдѣленію естественныхъ наукъ 12), юридическаго 68). По медицинскому факультету утверждено: въ степени лѣкаря—230, въ зва-

ни акушера какъ члена врачебной управы—10, уѣзднаго врача—2, въ степени провизора—87, аптекарскаго помощника—199, дантиста—1, повивальной бабки—108. Сверхъ того, изъ числа студентовъ Лицея цесаревича Николая удостоено: степени кандидата—11 (историко-филологическаго факультета 5, физико-математическаго 1, юридическаго 5). Званія дѣйствительнаго студента—5 (историко-филологическаго факультета—1, юридическаго—4). Независимо отъ сего удостоены степени кандидата три дѣйствительные студента. На званіе учителя гимназіи свидѣтельство получили 18 лицъ.

Въ теченіе 1888 года въ Московскій университетъ вновь поступило 887 студентовъ, изъ (правительственныхъ гимназій 718, изъ лицея цесаревича Николая съ аттестами зрѣлости 10, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній 40, изъ университетовъ 54, изъ высшихъ учебныхъ заведеній 6, изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета 59); въ теченіе года вышло изъ университета 732 (до окончанія курса 174, по окончаніи полного университетскаго курса и сдачѣ экзамена 558); затѣмъ къ 1-му января 1889 года, вмѣстѣ съ оставшимися отъ 1887 года, имѣлось 3,257, которые распредѣлялись по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 260, на физико-математическомъ—672 (въ отдѣлѣ математическихъ наукъ 419, въ отдѣлѣ естественномъ 253), на юридическомъ—1,080, на медицинскомъ—1,243. Сверхъ студентовъ, состояли: 53 стороннихъ слушателя и 294 аптекарскихъ помощника, посѣщавшіе въ качествѣ постороннихъ слушателей лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена. Въ теченіе года выдано было стипендій на сумму 115,468 руб.; сумма эта была распредѣлена: въ первомъ полугодіи—между 400 студентами, во второмъ полугодіи—между 390; размѣръ стипендій простирался отъ 50 до 500 руб. въ годъ. Отъ платы за слушаніе лекцій освобождено было: въ первомъ полугодіи изъ 3,240 студентовъ—648, во второмъ полугодіи изъ 3,271 студентовъ—630. Единовременныхъ пособій было выдано изъ университетскихъ суммъ: въ первомъ полугодіи 152 студентамъ на сумму 3,754 руб., во второмъ полугодіи—160 студентамъ на сумму 6,033 руб.; размѣръ пособій—отъ 20 до 100 руб. Независимо отъ сего, изъ процентовъ съ пожертвованныхъ двумя частными лицами капиталовъ, выдано въ пособіе 740 руб. и внесено за слушаніе лекцій 21 студенту 611 руб. Наконецъ, Общество для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета внесло за слушаніе лекцій 250 студентами всего 6,970 руб., выдано пособій на

руки 116 студентамъ—1,658 руб., за лѣченіе студентовъ уплачено больницѣ 391 руб., выдано билетовъ на бесплатныя обѣды на сумму 6,590 руб., ссудъ подъ стипендіи выдано на 2,664 руб., изъ которыхъ 2,544 возвращены въ томъ же году.

Денежныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи. А. Штатныя суммы: по государственной смѣтѣ и дополнительнымъ кредитамъ ассигновано на содержаніе университета 586,065 р. 20 коп.; въ томъ числѣ: на содержаніе личнаго состава 273,516 р. 60 коп., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 249,738 р. 60 коп., на стипендіи и пособія студентамъ 48,490 руб., на содержаніе кандидатовъ, оставляемыхъ при университетѣ и стипендіатовъ Варшавскаго учебнаго округа 8,160 руб., на содержаніе славянскихъ стипендіатовъ 3,660 руб., на пособіе Обществу естествоиспытателей 2,500 руб. Б. Специальныя средства: благотворительныхъ капиталовъ, въ процентныхъ бумагахъ и въ наличныхъ деньгахъ состояло 1.285,817 руб.; суммы сбора за слушаніе лекцій къ началу 1888 оставалось 99,747 руб. 99¹/₄ коп., поступило въ теченіе года 78,735 руб., въ теченіе года израсходовано 79,895 руб. 88 коп., затѣмъ къ 1-му января 1889 года состояло 98,587 р. 11¹/₄ коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора были слѣдующіе: 30,643 руб., на содержаніе учебно-вспомогательныхъ учреждений, 20,851 руб.—на хозяйственныя и разныя непредвидѣнныя расходы, 15,514 руб.—на жалованье и плату сверхъ-штатнаго положенія, 4,815 руб.—на пособіе служащимъ и ихъ семействамъ.

Дѣятельность клиникъ Московскаго университета и движеніе больныхъ въ нихъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ терапевтической факультетской клиникѣ (30 кроватей обоего пола) въ теченіе года состояло 150 больныхъ, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 129, умерло 5, осталось къ концу 1888 года 16; больныхъ, приходящихъ за совѣтами, было 1,866. Подъ руководствомъ профессора клиники, учащіеся упражнялись въ распознаваніи и лѣченіи болѣзней и вели подробныя исторіи своихъ больныхъ. Въ хирургической факультетской (50 кров.): больныхъ было 196, изъ нихъ выздоровѣло 146, умерло 5, къ концу 1888 года оставалось 45; приходящихъ за совѣтами было 2,147, операций произведено: большихъ 151, малыхъ 361. Учащіеся занимались подробнымъ изслѣдованіемъ больныхъ, вели исторіи болѣзней, дѣлали мелкія операціи и накладывали разныя повязки амбулаторнымъ больнымъ, нѣкоторые упражнялись въ массажѣ и электризаціи. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи

факультетской клиники (16 кров.) пользовались 64 больныхъ, изъ которыхъ выздоровѣло 27, получило облегченіе 23, умерло 3 и осталось въ клиникѣ 11; приходило за совѣтами 2,600, въ томъ числѣ болѣзнями горловыми, носовыми и ушными 565 лицъ. Учащіеся у кровати больного занимались распознаваніемъ болѣзней и веденіемъ исторіи оныхъ, въ лабораторіи же упражнялись въ химическихъ, микроскопическихъ и бактериологическихъ изслѣдованіяхъ. Въ спеціальной факультетской клиникѣ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ (11 кров.) отъ 1887 года оставалось 10 больныхъ, въ теченіе 1888 года вновь поступило 67, выздоровѣло 66, умеръ 1, въ концѣ года состояло 10; операций произведено: большихъ 40, малыхъ 609; амбулаторно пользовалось 1,122 больныхъ. Клиника посѣщалась студентами 7-го и 8-го семестровъ, которые занимались изслѣдованіемъ больныхъ какъ въ палатахъ, такъ и при амбулаторномъ приѣмѣ, слѣдили за теченіемъ, лѣченіемъ и исходомъ болѣзней; упражнялись, подъ наблюденіемъ профессора или ординатора, въ употребленіи инструментовъ, необходимыхъ при изслѣдованіи больныхъ; слѣдили за производствомъ операций, нѣкоторыя изъ малыхъ операций производили сами; въ большихъ операціяхъ упражнялись на трупахъ подъ руководствомъ профессора и ближайшемъ содѣйствіи ординаторовъ. Въ акушерскую клинику въ теченіе года поступило 908 женщинъ, изъ которыхъ 894 разрѣшились отъ бремени, а 14 выписались не разрѣшившись; изъ родившихъ заболѣло 69 и умерло 2, сверхъ того, умерли 2, привезенныя въ клинику въ безнадежномъ состояніи. Клиника посѣщалась студентами 7-го и 8-го полугодій. Студенты во время дежурства наблюдали за теченіемъ родовъ и, кромѣ того, подъ руководствомъ профессора, занимались изслѣдованіемъ беременныхъ, какъ приходящихъ за совѣтомъ, такъ и поступившихъ въ клинику, наблюдали за теченіемъ послѣродоваго періода, производили акушерскія операции на фантомѣ, присутствовали при производствѣ операций, дѣланныхъ въ клиникѣ профессоромъ и ординаторами. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники (11 кров. для обоюго пола) больныхъ въ теченіе года было 62, изъ нихъ выздоровѣло или получило облегченіе 53, умерло 2, осталось на излѣченіи 7; больныхъ приходило за совѣтами 1,126. Въ хирургическомъ отдѣленіи госпитальной клиники пользовалось 410 больныхъ; изъ нихъ выбыло 322, умерло 19, умерло въ самый день поступленія 4, оставалось на излѣченіи 69, приходило за совѣтомъ 2,140, операций произведено 564. Въ терапевтическомъ отдѣленіи той же кли-

ники: больныхъ было 722, выбыло 542, умерло 110 (16 чахоткою), умерло въ день поступленія 15, оставалось на излѣченіи 70, приходившихъ за совѣтомъ 150, операций произведено 70. Въ нервномъ отдѣленіи той же клиники: въ теченіе года пользовалось 120 больныхъ, выбыло 90, умерло 10, оставалось къ 1889 году 20, приходило за совѣтомъ 400, операций было произведено 12. Въ приемномъ покоѣ Екатерининской больницы: приходившихъ больныхъ было: хирургическихъ 8,306, терапевтическихъ 14,600, нервныхъ 1,502, сифилитиковъ 1,710, всего 26,118. Въ глазной больницѣ стационарныхъ больныхъ было 809 и ими проведено въ сложности 24,551 больничный день; число больныхъ, явившихся за совѣтомъ, простиралось до 9,554, конии сдѣлано въ общей сложности 21,820 посѣщеній; операций, большихъ и малыхъ произведено было 1,686.

Составъ и дѣятельность состоящихъ при Московскомъ университетѣ ученыхъ обществъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Московское Общество испытателей природы. Управление Общества составляютъ: президентъ, вице-президентъ, три секретаря, два члена совѣта, редакторъ, бібліотекаръ, три хранителя предметовъ, казначей и помощникъ бібліотекаря. Общество имѣетъ 535 членовъ, въ томъ числѣ 58 почетныхъ, 446 дѣйствительныхъ и 31 корреспондента. Общество имѣло 8 очередныхъ, одно годовое засѣданіе, и одно, посвященное чествованію памяти покойнаго Л. С. Ценковскаго. На этихъ засѣданіяхъ читаны были слѣдующія научныя сообщенія: И. Горожанкина — „О первыхъ работахъ Л. С. Ценковскаго по исторіи развитія хвойныхъ растений“, В. Мѣшаева — „О работахъ и заслугахъ Л. С. Ценковскаго по изученію водорослей“, В. Тихомирова — „О микологическихъ работахъ Л. С. Ценковскаго“, М. Мензбира — „О значеніи работъ Л. С. Ценковскаго для зоологовъ“, „О происхожденіи фауны Европейской Россіи“, „О кавказскихъ турахъ (горныхъ козлахъ)“ и „Объ ученыхъ заслугахъ проф. М. Н. Богданова“, К. Линдемана — „Объ изслѣдованіяхъ Л. С. Ценковскаго по прививкѣ сибирской язвы“, В. Бензенгра — „О первомъ президентѣ Московскаго Общества испытателей природы графа А. К. Разумовскомъ“, А. Артари — „Къ флорѣ Орловской губерніи“, М. Голенкина — „Матеріалы для флоры Калужской губерніи“, О. Гриневскаго — „Матеріалы къ изученію флоры Московской губерніи“, П. Мельгунова — „О флорѣ Задонскаго уѣзда“, С. Милютина — „О нѣкоторыхъ дополненіяхъ къ флорѣ Московской губерніи“, А. Павлова — „О ледниковыхъ и послѣ ледниковыхъ образованіяхъ Приалатырскаго края“, В. Соколова — „О характерѣ залеганія кри-

сталлическихъ породъ Крыма*, М. Цвѣтаева—„О результатахъ изученія головоногихъ верхняго каменноугольнаго известняка Средней Россіи“, А. Сабанѣва — „Объ одной минеральной водѣ окрестностей Москвы“ и „О чекса-брокъ-тетра-метилентъ и новыхъ способахъ опредѣленія молекулярнаго вѣса“, О. Бредихина — „О послѣднемъ солнечномъ затменіи“, „О полномъ затменіи луны 16-го января 1888 г.“, „О большой южной кометѣ 1887 г.“, „Наблюденія надъ качаніемъ маятника“ и „Нѣсколько словъ по поводу большой кометы 1887 г.“ — Общество состояло въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ 640 учеными учрежденіями, которыя распредѣляются по различнымъ странамъ слѣдующимъ образомъ: въ Европѣ — 517, въ Америкѣ—86, въ Африкѣ — 8, въ Азіи — 17, въ Австраліи—10, въ Полинезіи — 2. Въ 1888 году Обществомъ изданы были: а) четыре нумера Записокъ Общества, б) таблицы метеорологическихъ наблюденій за 1887 и первую половину 1888 г., в) 5-й выпускъ XV тома новыхъ Мемуаровъ, въ которыхъ помѣщены 23 научныхъ статьи. Въ обмѣнъ на свои изданія Общество получило всего около 1,237 томовъ книгъ, между которыми находится много драгоцѣнныхъ изданій всѣхъ странъ свѣта.

Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Общество состояло изъ 567 почетныхъ, непремѣнныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, не считая членовъ-сотрудниковъ и членовъ отдѣленій. Засѣданій Общества было 6, изъ нихъ одно общее съ отдѣломъ антропологіи и одно — съ отдѣленіемъ зоологіи; въ засѣданіяхъ было прочтено 16 отчетовъ и рефератовъ; засѣданій отдѣловъ, отдѣленій и комиссій было 31 и на нихъ прочтено было 70 сообщений и докладовъ. Въ 1888 году Обществомъ окончена печатаніемъ 8-я книга Трудовъ отдѣла этнографіи, подготовлялся къ печатанію выпускъ Трудовъ отдѣленія физическихъ наукъ, печатался новый выпускъ Трудовъ отдѣла антропологіи, заключающій въ себѣ изслѣдованія надъ великоруссами Н. Зографа; сверхъ того, частью отпечатаны: описаніе зоологическаго музея Московскаго университета, второй томъ собранія біографій русскихъ зоологовъ, монографія семейства Formicidae и монографія русскихъ дождяниковъ. По появленіи этихъ томовъ и выпусковъ въ свѣтъ, общее количество изданій Общества достигнетъ до цифры 60 томовъ, изъ которыхъ каждый среднимъ числомъ заключаетъ въ себѣ не менѣе 25-ти печатныхъ листовъ, а въ нѣкоторыхъ томахъ это число возвышается даже до 70. Общество обмѣнивалось изданіями съ 353 учрежденіями и частными лицами; изъ этого числа приходится 120 учреждений и

обществъ въ Россіи, 86 обществъ за границей, 188 частныхъ лицъ въ Россіи, 50 за границей. Членами Общества было сдѣлано не мало поѣздокъ и экскурсій съ цѣлью научныхъ изслѣдованій и собиранія научнаго матеріала; Общество, не имѣя необходимыхъ средствъ, снабдило командировочными отъ себя свидѣтельствами 14 членовъ, предпринявшихъ поѣздки въ Оренбургскую, Таврическую, Вятскую и Тамбовскую губерніи, на Кавказъ и Закавказье, спеціально въ Сванетію и въ Букеевскую Орду.

Общество исторіи и древностей россійскихъ. Бюро Общества составляютъ предсѣдатель, секретарь, казначей и библіотекаръ. Общество имѣло въ теченіе года 8 засѣданій, въ которыхъ, кромѣ рѣшенія текущихъ дѣлъ, обсуждаемы были и ученые доклады, какъ напримѣръ, „О Расправной палатѣ при сенатѣ временъ Петра Великаго“. Общество издало двѣ книги своихъ Чтеній, въ составъ которыхъ вошелъ цѣлый рядъ историческихъ изслѣдованій, сообщеній и матеріаловъ.

Физико-медицинское Общество. Общество составляли 18 почетныхъ членовъ въ Россіи и за границей, 87 дѣйствительныхъ членовъ и 37 членовъ-корреспондентовъ. Бюро его составляли: предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, секретарь, помощникъ секретаря, библіотекаръ и казначей. Общество имѣло въ теченіе года 10 засѣданій, въ которыхъ членами и посѣтителями сдѣланы слѣдующія сообщенія, напечатанныя въ Трудахъ Общества, вышедшихъ въ 5-ти нумерахъ: П. Алексѣева—„Медицинскія учрежденія Америки“, К. Адельгейма—„Ptosis какъ симптомъ перемежающейся лихорадки“, Ф. Блюментала—„О вліяніи анилина на животный организмъ“, Т. Вяземскаго—„Результаты опытовъ надъ дѣйствіемъ электрическихъ ваннъ“, П. Викторова—„О гипнотизмѣ и новыхъ фактахъ въ этой области“, Н. Гундобина—О дѣйствіи *extracti fluidi rhus aromaticaе* и „Къ этиологіи *lingua nigra*“, Н. Гагмана—„Случай врожденнаго вывиха тазобедреннаго сустава, излѣченный ортопедическими приѣмами“, А. Змѣева—„Протоколъ вскрытія лейбъ-медика П. З. Кондонди (1760 г.)“, Д. Зернова—„Демонстрація приготовленной имъ большой модели слухового лабиринта“, Н. Зака—„Случай стабильнаго отека“, А. Икова—„Случай табетической артропатіи“, А. Корнилова—„Хроническая наследственная хорея“, А. Ленца—„Случай *pterygiasis rubra*“, А. Мамуровскаго—„О происхожденіи жировъ животнаго организма“, Л. Минора—„Случай артропатіи при *tabes dorsalis*“, „Случай Браунъ-Секарловскаго паралича, И. Ноткина—„Къ вопросу о происхожденіи брюшной во-

дьяки“, А. Репманъ—демонстрировалъ устроенный имъ на рациональныхъ основаніяхъ столъ для цѣлей электротерапіи съ примѣненіемъ пахитропа, „Возраженія на рефератъ д-ра Вяземскаго объ электрическихъ ваннахъ“, „Нѣкоторые явленія, вызываемыя электрическими искрами большого напряженія“, Г. Россолимо—„Случай исторической олигурии“, В. Тихомирова—„Кавказскіе суррогаты чая“, С. Штейна—„Результаты опытовъ съ разрушеніемъ улитки слуховаго органа у животныхъ“, А. Щербакъ—„О круглой язвѣ желудка“.

Психологическое Общество. Общество управляется совѣтомъ, состоящимъ изъ предсѣдателя, товарища предсѣдателя, секретаря, товарища секретаря, бібліотекаря, казначея и товарища казначея. Общество состояло изъ 5 почетныхъ членовъ, 13 членовъ-учредителей, 104 дѣйствительныхъ членовъ и 18 членовъ-соревнователей. Общество имѣло 17 засѣданій, изъ коихъ одно торжественное, 4 открытыхъ и 12 закрытыхъ. Въ засѣданіяхъ доложены были слѣдующіе рефераты: Н. Грота—„О значеніи философіи Шопенгауэра“, „Объ отношеніи методовъ и задачъ психологіи и философіи“, „По поводу Этики г. Гёффдинга“ и „По поводу вопроса о „задачахъ искусства“, А. Лопатина—„О нравственномъ ученіи Шопенгауэра“, В. Преображенскаго—„Очеркъ теоріи знанія Шопенгауэра“, Е. Челпанова—„Общіе результаты психометрическихъ изслѣдованій въ Лейпцигской лабораторіи Вундта и ихъ значеніе для психологіи“, В. Михайлова—„Отчетъ о кн. Охоровича: De la suggestion mentale“, О. Герасимова—„Опытъ исторіи внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ“, А. Токарскаго—„Явленія гипноза и способы ихъ изученія“, В. Гольцева—„О задачахъ искусства“. Д. Стефановскаго—„Пушкинъ какъ психологъ“, Н. Тимеовскаго—„Нравственное ученіе Канта“. Кромѣ того, гг. Токарскій и Россолимо въ закрытыхъ засѣданіяхъ Общества демонстрировали на опытахъ явленія гипноза. Общество издало 1-й выпускъ своихъ Трудовъ—„Артуръ Шопенгауэръ. Очеркъ его жизни и ученіе“.

Московское юридическое Общество. Бюро Общества составляли: предсѣдатель, два товарища предсѣдателя, секретарь, два товарища секретаря, казначей и бібліотекаръ. Членовъ было: почетныхъ 28, дѣйствительныхъ 320. Въ теченіе года были доложены и обсуждены 22 реферата. Общество издавало журналъ Юридическій Вѣстникъ, который закончилъ 20-й годъ своего существованія. Въ статистическомъ отдѣленіи Общества доложены были 11 рефератовъ.

О. Ө. МИЛЛЕРЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Послѣдніе годы не разъ хоронили мы людей высокаго ума, яркаго таланта, или обширныхъ знаній,—но между этими горько оплакиваемыми усопшими едва ли кто-либо превосходилъ въ нравственныхъ качествахъ Ореста Ѳеодоровича Миллера, котораго неожиданная кончина поразила его многочисленныхъ друзей и почитателей. Для покойнаго наука и литература подчинялись высшимъ нравственнымъ требованіямъ духа; христіанскій идеалъ личнаго нравственнаго совершенствованія постоянно стоялъ передъ нимъ и постоянно выражался и въ его сочиненіяхъ, и въ его рѣчахъ. Выражался онъ также не только словомъ, но и дѣломъ; даже близкіе ему люди не знали всего размѣра его благотворительности. Вообще къ людямъ онъ относился благосклонно, но былъ непреклоненъ къ тому, въ чемъ ему видѣлся грѣхъ или порочность; эта черта тоже составляетъ рѣдкость въ наше мягкое уклончивое время, и даже люди, далеко не во всемъ согласные съ покойнымъ, смотрящіе на многое съ нѣскольکو иной точки зрѣнія, не могутъ отказать этой чертѣ въ своемъ уваженіи.

Орестъ Ѳеодоровичъ Миллеръ родился въ 1833 году въ г. Гапсаль; ему еще не было трехъ лѣтъ, какъ лишившись родителей, онъ взятъ былъ на воспитаніе бездѣтнымъ дядей своимъ Иваномъ Петровичемъ Миллеромъ. Семья эта, необыкновенно добрая, замѣнила Оресту Ѳеодоровичу его родную семью. Недавно умершая тетка его, Екатерина Николаевна, была для него какъ бы родною матерью, а онъ самъ относился къ ней, какъ можетъ относиться самый лучший сынъ.

Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни онъ окруженъ былъ атмосферой нравственною и религіозною. Переѣзжая съ дядей изъ города въ городъ, Миллеръ могъ получать только домашнее образованіе. Послѣдніе годы передъ поступленіемъ въ университетъ онъ провелъ въ Варшавѣ. Здѣсь, вѣроятно—подъ вліяніемъ тетки, онъ присоединился къ православію. Любопытно, что въ одинъ день съ нимъ принялъ православіе и незабвенный А. Θ. Гильфердингъ. Въ 1851 году онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ; здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе профессора Никитенка, который имѣлъ сильное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе, вліяніе, которымъ въ значительной степени объясняется послѣдующая ученая карьера Миллера. Еще студентомъ онъ помѣщалъ свои стихи въ журналахъ, а по окончаніи курса напечаталъ двѣ драмы, изъ которыхъ одна—„Подвигъ матери“—была вызвана тогдашними военными обстоятельствами, а другая—„Конрадинъ“—была результатомъ сочувствія къ трагической участи послѣдняго изъ Гогенштауфеновъ. Въ 1858 году Миллеръ защитилъ диссертацию на степень магистра: „О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ“. Выборъ темы чрезвычайно характеристиченъ: нравственная точка зрѣнія всю жизнь Миллера была основою его сужденій о произведеніяхъ литературы; исключительно съ нравственной точки зрѣнія постоянно судилъ онъ и людей. Въ свое время книга эта встрѣчена была въ журналахъ неблагосклонно; изъ статей, ею вызванныхъ, преимущественно замѣчательна статья покойнаго А. А. Котляревскаго, который, указавъ на недостаточное знакомство автора съ народною поэзіею, заставилъ Миллера изучать ее, а это изученіе составляетъ важнѣйшую заслугу его ученой дѣятельности. Уже въ 1862 году Миллеръ читалъ публичныя лекціи о народномъ поэзіи и въ то же время печаталъ въ журналѣ Учитель, гдѣ онъ помѣщалъ педагогическія статьи, рядъ статей о русской литературѣ до татаръ, которыя послѣ, въ переработанномъ видѣ, составили первую часть, къ сожалѣнію, не оконченнаго „Опыта историческаго обзорѣнія русской литературы“ (С.-Пб. 1865). Время съ 1862 по 1865 г. Миллеръ провелъ за границей, слушая лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Въ Берлинѣ видѣлъ онъ Якова Гримма, вскорѣ затѣмъ умершаго. Затѣмъ переѣхалъ онъ въ Прагу и здѣсь познакомился съ чешскими учеными. Возвратясь въ Петербургъ, онъ поступилъ приватъ-доцентомъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ началъ читать лекціи о народномъ словесности. Въ 1864

году онъ выбранъ былъ въ штатные доценты, а въ 1870 году защитилъ свою диссертацию на степень доктора, подъ заглавіемъ: „Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“. Книга эта, увѣнчанная Академіей Наукъ на основаніи рецензіи Ѳ. И. Буслаева и вызвавшая горячія возраженія В. В. Стасова, является важнѣйшею ученою заслугой автора. Характеръ русскихъ богатырей освѣщенъ въ ней сравнительно - историческимъ изученіемъ народныхъ литературъ другихъ арійскихъ народовъ, но главное значеніе книги не въ этомъ: изученіе многочисленныхъ варіантовъ привело автора къ опредѣленію историческаго развитія эпическаго героя въ соотвѣтствіи съ развитіемъ русской исторической жизни. Этой плодотворной попыткѣ, вѣроятно, суждена будущность, даже допуская то, что литература письменная имѣла весьма значительное вліяніе на словесность устную. Въ университетѣ Миллеръ преподавалъ до осени 1888 года ¹⁾. Кромѣ того, съ 1879 по 1889 годъ онъ былъ преподавателемъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Вездѣ нравственное вліяніе его было очень плодотворно, и вездѣ онъ оставался вѣренъ самъ себѣ. Съ 1867 года Миллеръ былъ дѣятельнымъ членомъ Славянскаго благотворительнаго комитета (впослѣдствіи переименованнаго въ Славянское благотворительное общество). Особенно жива была его дѣятельность во время сербско-турецкой войны: онъ писалъ воззванія, говорилъ рѣчи и помѣщалъ статьи въ журналахъ. Но и въ мирное время онъ весьма часто говорилъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ Общества, а въ засѣданіяхъ совѣта горячо защищалъ дѣло всѣхъ нуждающихся. Это я знаю по личному своему участию въ дѣлахъ Общества. Такова же была его дѣятельность въ Обществѣ пособія бѣднымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета, котораго онъ былъ постояннымъ вице-президентомъ. Бывали случаи, и нерѣдкіе, когда Миллеръ, за неимѣніемъ денегъ въ Обществѣ, помогалъ изъ своихъ. Мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ Миллеромъ членомъ комитета Общества пособія нуждающимся ученымъ и литераторамъ, и здѣсь его дѣятельность отличалась тѣмъ же горячимъ участіемъ къ судьбѣ нуждающихся. Не будемъ перечислять всѣхъ сочиненій и статей

---

¹⁾ Послѣ защищенія диссертациа онъ былъ сначала экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ.

покойнаго, такъ какъ ихъ перечень находится въ недавно изданной книжкѣ „Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Ѳ. Миллера“ (С.-Пб. 1889). Многочисленныя заявленія, полученныя Миллеромъ въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея (4-го января 1886 года), а также множество лицъ, присутствовавшихъ на панихидахъ и погребеніи — не смотря на лѣтнее время, свидѣтельствуютъ о томъ, что дѣятельность Миллера вполне оцѣнена, и преимущественно тѣми, для кого она была благотворна. Превосходныя рѣчи о. Антонія (Храповицкаго) и А. С. Будиловича представляютъ яркую характеристику почившаго. Не скоро дождемся мы другаго столь высоко нравственнаго дѣятеля, и не за него, а за себя скорбятъ такъ многіе о его смерти, ибо нельзя не признать вѣрности словъ царя Соломона: „Кто милосердъ къ бѣднымъ, тотъ блаженъ“ (Притчи XV, 21).

К. Бестужевъ-Рюминъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЗАМѢТКИ О ПРЕПОДАВАНИИ РОМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ ПАРИЖѢ ¹⁾.

Прѣбавъ въ Парижѣ, въ началѣ марта 1888 года, я имѣлъ въ виду двоякаго рода цѣль: съ одной стороны, присмотрѣться къ преподаванію романской филологіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Парижѣ и прослушать курсы нѣкоторыхъ изъ профессоровъ, съ другой—собрать матеріалы для диссертациі. Излагаю здѣсь свои наблюденія по первому вопросу, имѣющему болѣе общій интересъ.

Я прѣехалъ во время пасхальныхъ каникулъ, послѣ которыхъ начинается новый семестръ; но, это раздѣленіе на семестры чисто внѣшнее, и почти всѣ профессора продолжаютъ въ лѣтнемъ семестрѣ тѣ же курсы, какіе начали въ зимнемъ. Профессора обязуются лишь прочесть въ теченіе года известное число лекцій (напримѣръ, въ Collège de France количество лекцій опредѣлено въ 40, и т. п.), при чемъ отъ нихъ зависитъ распредѣленіе недѣльныхъ часовъ и, до известной степени, сроки начала и конца чтеній ²⁾, а также выборъ предмета и распредѣленіе занятій въ томъ или другомъ полугодіи. Такимъ образомъ мнѣ приходилось слушать лекціи съ сере-

¹⁾ Извлечено изъ отчета о занятіяхъ командированнаго за границу для приготовленія къ профессорскому званію приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета магистранта Э. Батюшкова.

²⁾ Учебный годъ обнимаетъ время приблизительно отъ половины ноября до половины іюля.

дины курса и только по нѣкоторымъ предметамъ чтенія были начаты съ новаго отдѣла.

Высшее преподаваніе словесныхъ наукъ сосредоточено въ Парижѣ, какъ извѣстно, въ четырехъ учрежденіяхъ, не считая *École Normale*, нынѣ почти утратившей значеніе самостоятельной школы ¹⁾, и не считая *École des langues orientales vivantes*, въ которой только занятія румынскимъ языкомъ (проф. Em. Picot) имѣютъ отношеніе къ романской филологіи. Въ четырехъ упомянутыхъ учрежденіяхъ, то-есть, въ Сорбоннѣ, въ *Collège de France*, въ *École des chartes* и въ *École pratique des hautes études*, характеръ преподаванія нѣсколько разнится, въ связи съ различною цѣлью и назначеніемъ того или другаго учрежденія. Однако, въ виду того, что одни и тѣ же профессора читаютъ одновременно въ разныхъ заведеніяхъ, и что слушателямъ предоставлено право посѣщать лекціи, по желанію, въ любомъ изъ этихъ заведеній, между ними нѣтъ рѣзкой обособленности. Напротивъ того, при выборѣ извѣстной группы предметовъ, является даже необходимымъ посѣщать единовременно разныя школы. По отношенію къ романской филологіи слѣдуетъ замѣтить что эта, сравнительно новая, научная отрасль до сихъ поръ еще не имѣетъ самостоятельной кафедръ въ Сорбоннѣ. Правда, въ послѣдней существуетъ кафедра средневѣковой французской литературы и языка, которую занималъ въ 1888 г. проф. Арс. Дармстетеръ ²⁾; но онъ читалъ исключительно лишь исторію французскаго языка, не касаясь общихъ вопросовъ романской филологіи. Въ данномъ полугодіи Дармстетеръ разбиралъ со студентами „*Chanson de Roland*“ и читалъ теоретическій курсъ исторіи языка, которую доводилъ примѣрно до XVI вѣка. Несомнѣнно, лекціи этого прекраснаго знатока и исследователя въ области исторіи французскаго языка представлялись весьма интересными, но такъ какъ я уже занимался памятникомъ, избраннымъ для разбора Дармстетеромъ, то и не считалъ необходимымъ постоянно посѣщать его лекціи. Дармстетеръ является уже ученикомъ г. Гастона Париса, подъ руководствомъ котораго ведутся занятія романскою филологіей

¹⁾ Студенты *École Normale* слушаютъ лекціи въ Сорбоннѣ и только по нѣкоторымъ предметамъ имѣютъ своихъ специальныхъ преподавателей. Такимъ образомъ школа эта сохраняла лишь значеніе интерната, преподаваніе же въ ней университетское.

²⁾ Арс. Дармстетеръ скончался въ началѣ 1889 года. Мы слышали, что кафедру, которую онъ занималъ, предполагаютъ раздѣлить, при чемъ введено будетъ преподаваніе романской филологіи, какъ самостоятельной дисциплины занятія.

въ Collège de France и въ École des hautes études. Такъ какъ этотъ ученый занимаетъ въ настоящее время одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду романистовъ, является до известной степени родоначальникомъ цѣлой школы, и въ области изученія старо-французской литературы и языка, несомнѣнно, долженъ быть признанъ лучшимъ знатокомъ, то его курсы представляли для меня особый интересъ. Ниже я даю объ нихъ подробный отчетъ. Рядомъ съ нимъ долженъ быть поставленъ его постоянный сотрудникъ по издаваемому ими журналу Romania, проф. Поль Мейеръ (директоръ École des chartes), который преимущественно занимается языкомъ и литературою южной Франціи (Прованса) и древне-италианскою литературою и языкомъ. П. Мейеръ въ лѣтнемъ семестрѣ не читалъ въ Collège de France (замѣстителемъ его былъ г. Морель-Фасьо, читавшій курсъ испанской литературы), ограничиваясь лекціями въ École des Chartes.

Школа эта является настоящимъ очагомъ романской филологіи во Франціи, хотя ближайшее назначеніе ея сводится къ болѣе скромной задачѣ-образовать ученыхъ архивистовъ. Между ними выдѣлился цѣлый рядъ весьма почтенныхъ изслѣдователей, и почти всѣ выдающіеся современные французскіе филологи являются питомцами École des chartes. Система преподаванія въ этой школѣ, по выраженію пр. Л. Готье ¹⁾, синтетическая, въ отличіе отъ которой въ École des hautes études принята система аналитическая, то-есть, слушатели прямо приступаютъ къ разбору отдѣльныхъ памятниковъ и разсмотрѣнію частныхъ вопросовъ, тогда какъ въ École des chartes они слушаютъ предварительно рядъ общихъ курсовъ. Синтетическая система полезнѣе для начинающихъ, такъ какъ она помогаетъ ориентироваться въ новой области изысканій и знакомитъ съ общими руководящими принципами науки. Впрочемъ въ теченіе трехлѣтняго курса ученики École des chartes не ограничиваются слушаніемъ лекцій, но должны представлять домашнія работы и сочиненіе, въ которомъ уже выступаютъ болѣе или менѣе самостоятельными работниками въ данной области изысканій. Дабы не стѣснять домашнія работы учениковъ и предоставить имъ возможность посѣщать, по желанію, другія высшія учебныя заведенія, число лекцій на каждомъ курсѣ очень ограниченное: отъ пяти до семи полтора часо-

¹⁾ Пр. Л. Готье посвящаетъ ежегодно вступительную лекцію краткому обзору исторіи École des chartes и ея организаціи. Намъ пришлось слышать ее уже въ декабрѣ 1888 года.

выхъ чтеній. Число ихъ еще уменьшается на послѣднемъ курсѣ такъ какъ въ теченіе его обыкновенно пишутся диссертациі.

Общій вводный курсъ романской филологіи читается на первомъ курсѣ г. П. Мейеромъ (2 лекціи въ недѣлю). Онъ начинается съ обзорѣнія и группировки романскихъ народностей и нарѣчій; затѣмъ, упомянувъ о главныхъ основахъ изученія романской филологіи, читаетъ сравнительную грамматику старо-французскаго и провансальскаго языковъ. Лекціи П. Мейера отличаются чрезвычайною ясностью и точностью изложенія. Предназначенныя для начинающихъ, онѣ содержатъ въ себѣ наиболѣе существенныя данныя предмета, при чемъ П. Мейеръ знакомитъ своихъ слушателей и съ методомъ изслѣдованія, подвергая критическому разсмотрѣнію тѣ или другія научныя гипотезы. Замѣчу, что элементарный курсъ П. Мейера нѣсколько разнится по характеру преподаванія отъ подобныхъ же курсовъ, которые мнѣ приходилось слушать въ германскихъ университетахъ. Между тѣмъ какъ нѣмецкіе профессора съ подавляющею обстоятельностью повторяютъ то, что имѣется въ учебникахъ и руководствахъ, почти не разбирая научныхъ вопросовъ по существу, и ограничиваются лишь указаніемъ библіографіи предмета, во Франціи библіографія вопроса излагается съ меньшею подробностью; за то обращается особое вниманіе на точную и ясную формулировку данныхъ науки и критическую провѣрку ихъ ¹⁾. П. Мейеръ выдѣляетъ въ своихъ лекціяхъ нѣкоторые вопросы, обсужденіе которыхъ требовало бы болѣе спеціальной подготовки отъ слушателей и слишкомъ детальнаго разсмотрѣнія. Онъ не обходитъ ихъ, а именно выдѣляетъ, вслѣдствіе чего его курсъ, будучи элементарнымъ по назначенію, сохраняетъ строго-научный характеръ. Относительно методичности занятій П. Мейеръ обнаруживаетъ большую строгость, которая въ спеціально-филологическихъ разысканіяхъ имѣетъ, конечно, большое значеніе. Познакомившись съ методомъ пре-

¹⁾ Конечно, и въ Германіи есть профессора, которые, не злоупотребляя излишнею обстоятельностью въ перечисленіи библіографіи вопроса, налагаютъ предметъ по существу и вносятъ критическій элементъ въ свои чтенія. Въ такомъ родѣ, напримѣръ, лекціи Вругманна по сравнительному языковеденію. Но въ общемъ нельзя не признать, что забота о полнотѣ библіографіи часто невыгодно отражается у германскихъ профессоровъ на изложеніи предмета, развивая и у слушателей наклонность довольствоваться вѣсными свѣдѣніями о предметѣ; заучиваніемъ чужихъ мнѣній вмѣсто того, чтобы усвоивать себѣ суть дѣла.

подаванія П. Мейера на его лекціяхъ, я кромѣ того очень обявляю этому профессору тѣми указаніями, которыя я получалъ отъ него въ частныхъ бесѣдахъ. Его обширныя познанія въ области старинныхъ рукописей, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ Франціи, Англіи и Италіи, составляютъ его главную силу, ибо имъ впервые были приведены въ извѣстность и описаны многіе неизданные памятники языка и литературы. Будучи нѣсколько рѣзокъ въ своихъ отзывахъ и скептикъ по натурѣ, П. Мейеръ сначала склоненъ выказывать нѣкоторое недовѣріе къ попыткамъ занятій въ области, особенно ему близкой; но, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, я вполне оцѣнилъ его любовную готовность помочь совѣтами и указаніями, охотно обсуждая тотъ или другой специальный вопросъ, интересующій его собесѣдника. Параллельно курсу романской филологіи, ученики *Ecole des chartes* проходятъ съ перваго же года курсъ палеографіи (французской и латинской) подъ руководствомъ профессора Л. Готье, а затѣмъ переходятъ къ слушанію лекцій по исторіи Франціи, которая преподается преимущественно со стороны литературныхъ источниковъ и исторіи организациі государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, данная школа, не теряя изъ виду своего specialнаго прикладнаго назначенія, даетъ солидное филологическое образованіе, подготовляющее и къ строго-научной дѣятельности.

Другая высшая школа—*Ecole pratique des hautes études*—является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пополненіемъ къ *Ecole des chartes*, но учрежденіе ея (въ 1868 г.) было вызвано главнымъ образомъ неудовлетворительною постановкою научнаго преподаванія въ Сорбоннѣ. *Ecole des hautes études* не имѣетъ строго установленной, цѣльной программы преподаванія; въ ней слушаются отдѣльные предметы, которые выбираются по желанію; но посѣщеніе лекцій ограничено тѣмъ, что слушатели допускаются лишь по личному разрѣшенію преподавателей. Такимъ образомъ на обязанности послѣднихъ лежитъ опредѣленіе степени подготовки лица, заявляющаго желаніе записаться въ ученики школы, равно какъ и дальнѣйшее руководство его занятіями по избранному предмету. Принципъ преподаванія въ этой школѣ, какъ указано, аналитическій: общихъ курсовъ въ ней не читается (за немногими исключеніями), но ведутся практическія упражненія подъ руководствомъ профессора. Въ этомъ отношеніи организациа *Ecole des hautes études* отчасти соотвѣтствуетъ практическимъ семинаріямъ, существующимъ при разныхъ германскихъ университетахъ: только въ Парижѣ семинаріи выдѣлены въ

особую школу, которая является какъ бы высшею инстанціей академическаго преподаванія. Свободная отъ всякаго рода прикладныхъ задачъ, она служитъ цѣлямъ чистаго знанія, готова работниковъ на поприще чистой науки. Приведу слова директора школы г. Гастона Париса, сказанныя имъ въ рѣчи по поводу празднованія двадцатилѣтія существованія *École des hautes études* ¹⁾: „Нашъ всѣхъ связываетъ страстная любовь и безкорыстное исканіе истины въ области исторіи. Ничто такъ не разъединяетъ людей, какъ притязаніе на обладаніе истинною; но ничто такъ не связываетъ ихъ, какъ дѣйствительно искреннее исканіе истины. Этому-то исканію истины, ради ея самой и только ради ея, мы посвятили свою жизнь. Знать и понимать то, чтò было,—вотъ въ чемъ заключается цѣль нашихъ учениковъ, когда они къ намъ приходятъ; разъяснить и растолковать то, чтò было,—вотъ къ чему сводится наша задача, когда мы ихъ принимаемъ, и вмѣстѣ съ ними мы продолжаемъ и сами искать“. Такой культъ истины составляетъ отрадное явленіе въ жизни Франціи, какъ и всякаго другаго государства, такъ какъ значеніе его врядъ ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Оно прекрасно было формулировано тѣмъ же Гастономъ Парисомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Историческія науки могутъ порою казаться почти праздною забавой сравнительно съ тѣми чудесными отраслями знанія, которыя, дѣлая ежедневно новыя открытія во внѣшнемъ мірѣ, подчиняютъ природу разуму; но на самомъ дѣлѣ ихъ значеніе можетъ быть еще больше, такъ какъ, раскрывая намъ законы и условія развитія нравственнаго міра, они способствуютъ подчиненію самого человѣка разуму и въ то же время освобождаютъ его отъ тысячи преградъ, унизительныхъ или опасныхъ; они создаютъ каждому народу, какъ и отдѣльному лицу, его настоящее сознаніе“.

Я уже имѣлъ случай высказаться о взглядахъ и трудахъ Гастона Париса по исторіи французской литературы, по поводу обнародованнаго имъ прошлою весною „*Manuel de l'ancien français*“ ²⁾, теперь я остановлюсь на его дѣятельности, какъ преподавателя, по поводу прослушанныхъ у него курсовъ.

Одинъ часъ въ недѣлю Гастонъ Парисъ посвящалъ занятіямъ романскою лексикографіей. Такого рода упражненія, которыхъ я не

¹⁾ Рѣчь Гастона Париса напечатана въ *Journal des débats*, 1-er janvier 1889.

²⁾ См. *Журн. Мин. Народн. Пр.* 1888 г., августъ.

видѣль въ германскихъ университетахъ, обычны во Франціи и по другимъ группамъ языковъ ¹⁾; они представляютъ особое преимущество именно по романской филологіи, такъ какъ словообразование и дифференціація значенія, перебой звуковъ и т. п. въ разныхъ романскихъ нарѣчіяхъ могутъ быть прослѣжены съ большою наглядностью, чѣмъ въ такъ-называемыхъ „первичныхъ“ языкахъ. Упражнения эти, такимъ образомъ, полезны и съ методологической стороны, не говоря уже о той главной пользѣ для сознательнаго усвоенія строя и развитія романскихъ нарѣчій, которая достигается при сравнительномъ изученіи ихъ лексического состава. Разумѣется, къ подобнымъ занятіямъ нельзя приступать безъ предварительной подготовки и Гастонъ Парисъ допускаетъ къ нимъ только тѣхъ, кто уже прослушалъ курсъ фонетики и исторіи одного или нѣсколькихъ романскихъ языковъ.

Въ настоящемъ семестрѣ Г. Парисъ выбралъ для лексикографическихъ упражненій провѣрку словаря народной латыни, который печатается Греберомъ въ *Archiv für lateinische Lexicographie* (съ 1885 года). Каждому слушателю предлагалось взять по 20—30 словъ и провѣрить Гребера на основаніи формъ, встрѣчающихся въ разныхъ романскихъ нарѣчіяхъ. Г. Парисъ въ свою очередь дополнял критическими замѣчаніями доклады учениковъ. Чтобы сдѣлать понятнѣе характеръ этихъ работъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самомъ трудѣ Гребера.

Общезвѣстный фактъ, что романскія нарѣчія возникли не изъ классической, а изъ народной латыни, вызвалъ со времени Дица весьма дѣятельное изученіе предполагаемой основы романскихъ нарѣчій. Капитальный трудъ Шухардта „*Vocalismus des Vulgärlateins*“ (1866, три тома) во многомъ уяснилъ процессы образованія романскихъ звуковъ и отличительныя черты ихъ общей основы. Дальнѣйшія работы по этому предмету указаны въ статьѣ В. Мейера о народной латыни въ *Grundriss d. Roman. Philologie*, hrg. von Groeber, Bd. II (1887). Восстановленіе архаичныхъ формъ и звуковъ оказывается возможнымъ только при сравнительномъ изученіи разныхъ романскихъ нарѣчій, причемъ мы должны принять произношеніе латыни отличнымъ въ разговорномъ и простонародномъ языкѣ отъ того произношенія, которое устанавливалось въ рѣчи литературной, въ тѣхъ слу-

¹⁾ Напримеръ, профессоръ Леже велъ подобныя же упражненія по славянскимъ нарѣчіямъ въ *Collège de France*.

чаяхъ, когда латинское слово, встрѣчающееся у того или другого писателя классической эпохи, не могло непосредственно служить прототипомъ романскихъ формъ; признавая законность и послѣдовательность звуковыхъ перебоевъ, мы должны предположить либо иную акцентуацію въ народной рѣчи, либо однина фonetическія, либо одновременно и то и другое для опредѣленія основнаго слова. Въ другихъ случаяхъ мы принуждены этимологически возстановлять слово, не засвидѣтельствованное въ письменныхъ памятникахъ и вполнѣ чуждое классическому языку. Помощью подобныхъ лингвистическихъ операций и руководствуясь тѣми скудными свѣдѣніями о народной латыни, которыя почерпаются у авторовъ первыхъ вѣковъ христіанской эры, удается возстановить искусственнымъ путемъ языкъ, послужившій общему основанію романскихъ нарѣчій. Словарь этого языка нынѣ печатается Грёберомъ въ вышеуказанныхъ статьяхъ Архива Вёльфлина, при чемъ составитель исключаетъ изъ своего списка всѣ тѣ слова, которыя, судя по ихъ романскимъ формамъ, были одинаково присущи литературному и народному языку. Но Грёберъ внесъ въ свою работу новый принципъ, который имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи народной латыни. Теорія его заключается въ слѣдующемъ: Латинскій народный языкъ въ живомъ устномъ обращеніи подвергался постепенному ряду фonetическихъ и морфологическихъ измѣненій, которыя всего быстрѣе и полнѣе совершались именно на почвѣ Италіи, гдѣ онъ былъ исконнымъ, туземнымъ языкомъ. Между тѣмъ въ провинціяхъ, куда этотъ языкъ былъ перенесенъ римскими завоевателями и усвоенъ завоеванными, замѣчается большая устойчивость въ сохраненіи формъ и словъ, которыя удерживаютъ свой архаичный характеръ и много позже подвергаются мѣстнымъ модификаціямъ, уже подъ вліяніемъ другихъ историческихъ условій. Этотъ фактъ чрезвычайно любопытенъ и имѣетъ рядъ параллелей въ другихъ проявленіяхъ умственной и общественной жизни. Напомню судьбу французскаго эноса въ Италіи и, съ другой стороны, устойчивость архаичныхъ учреждений, напримѣръ, въ Исландіи, куда они были занесены изъ Норвегіи. Такихъ примѣровъ много, и законъ, принятый во вниманіе Грёберомъ, не столько новъ самъ по себѣ, сколько ново и удачно его примѣненіе къ исторіи образованія романскихъ нарѣчій. Дѣйствительно, основываясь на данномъ наблюденіи, мы получаемъ крайне интересные результаты. Достаточно припомнить хронологію римскихъ завоеваній, чтобы установить приблизительные сроки существованія той или другой формы, того или

другаго слова въ народной латыни, и убѣдиться, что въ провинціи, завоеванныя въ разные времена, завоеватели приносили съ собою языкъ, находящійся на разныхъ стадіяхъ развитія. Такимъ образомъ, слѣдуя регрессивному порядку, мы прежде всего признаемъ, что въ Италіи языкъ представляется наиболее отдалившимся отъ первоначальной основы. Нѣсколько аркаичнѣе является тотъ народный языкъ, который былъ перенесенъ въ области, подвергшіяся романизации въ эпоху императоровъ, и послужилъ основой румынскаго и ретороманскихъ языковъ. Еще менѣе видоизмѣненная латынь проникла въ области, покоренныя римлянами въ республиканскую пору— въ Галлію, южную Францію и Испанію. Наконецъ, языкъ, едва отличившійся отъ аркаичной латыни, былъ перенесенъ въ Сардинію. Относительно Сициліи авторъ дѣлаетъ оговорку, что сицилійское нарѣчіе рано подверглось вліянію южно-италіанскихъ, также какъ въ галло-италіанскихъ областяхъ отразилось вліяніе центрально-италіанскаго. Такимъ образомъ, мы видимъ, что не смотря на общую основу романскихъ языковъ, обособленіе ихъ является исконнымъ фактомъ и началось со времени романизации первыхъ римскихъ провинцій внѣ Италіи. Не одна и та же латынь привносилась завоевателями и служила ближайшею основой вновь развившихся романскихъ нарѣчій. Но въ виду постоянныхъ сношеній, существовавшихъ между Римомъ и провинціями, нужно принять во вниманіе еще тотъ фактъ, что первоначальный составъ языка первыхъ римскихъ поселенцевъ постоянно осложнялся приливомъ новыхъ словъ и выраженій, приносимыхъ позднѣйшими пришельцами изъ Рима. Это возраженіе, которое Грѣберъ самъ себѣ дѣлаетъ, затрудняетъ установленіе первоначальнаго состава латыни, такъ какъ приходится различать возможные наслоенія. Какъ бы то ни было, руководствуясь указанными соображеніями, мы получаемъ слѣдующіе вѣроятные результаты относительно хронологіи данной формы слова: когда мы находимъ совпаденіе между сардинскимъ, испанскимъ, португальскимъ, каталонскимъ, провансальскимъ, французскимъ, ретороманскимъ и румынскимъ, и отличіе въ италіанскомъ, то можемъ признать существованіе данной народно-латинской формы приблизительно около 100 года по Р. Хр. Если отличіе замѣчается—не только въ италіанскомъ, но и въ румынскомъ, а совпаденіе—въ другихъ нарѣчійхъ, то данная народно-латинская форма была въ употребленіи лишь до начала I-го вѣка по Р. Хр. Устанавливая такую таблицу, мы наконецъ доходимъ до случая, когда совпаденіе замѣчается лишь въ Сардинскомъ

и въ Испанскомъ, а отличіе—въ остальныхъ нарѣчіяхъ, и тогда можемъ заключить о томъ, что эта форма существовала въ народной латини за 200 лѣтъ до Р. Хр. Если же между италіанскимъ и латинскимъ нѣтъ разницы, то стало быть, не было ея и между народнымъ и литературнымъ языкомъ римлянъ. Указанная теорія, чрезвычайно остроумная и важная по тому новому принципу, который она внесла въ изученіе народной латини, служитъ основаніемъ Грёберу для опредѣленія „народно-латинскихъ субстратъ для романскихъ словъ“. Разумѣется, въ его трудѣ могли оказаться погрѣшности или спорные пункты, провѣрка которыхъ и составляла ближайшую цѣль занятій подъ руководствомъ Г. Париса. Послѣдній пользовался случаемъ и для того, чтобы подвергнуть обсужденію разные фонетическіе законы романскихъ нарѣчій, такъ что критическая провѣрка данныхъ Грёбера служила одновременно провѣркою разныхъ вопросовъ романистики. Въ виду временной отлучки Г. Париса на сѣздъ въ Болонью, въ лѣтній семестръ 1888 года разобрано было лишь по 20—30 словъ изъ семи буквъ словаря; но этого было все-таки достаточно, чтобы освоиться съ приемами критики и одѣлать мастерской методъ профессора. Подобнаго рода занятія я считаю чрезвычайно полезными; для дополненія ихъ необходимо присматриваться и къ тому, какъ Г. Парисъ ведетъ лексикологическія упражненія, разбирая латинороманскія глоссы или памятники мервингской латини. Онъ предложилъ на обсужденіе одинъ такой памятникъ, изданный *Woscherie* (*Cinq formules latines du VII sc.*), но за неимѣніемъ времени текстъ былъ рассмотрѣнъ лишь на одной заключительной лекціи въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Параллельно указаннымъ занятіямъ, упомяну о курсѣ грамматики народной латини, который въ 1888 году былъ порученъ еще совсѣмъ молодому докторанту—г. Miget. Курсъ этотъ имѣетъ практическое значеніе, какъ общее введеніе въ романскую филологію. При этомъ слѣдуетъ не столько удѣлять вниманія тѣмъ вопросамъ, которые ближе интересуютъ латинистовъ по специальности, сколько указывать въ народной латини тѣ существенно важныя для романиста процессы, которые привели къ образованію ново-романскихъ языковъ. Тенеретнее обособленіе ихъ на столько рѣзко, что общая основа ихъ почти ступневывается; между тѣмъ, если замѣтить общіе основныя (фонетическіе и морфологическіе) процессы видоизмѣненій народной латини, то мы получимъ ключъ къ ориентированію въ разныхъ романскихъ языкахъ. Знаніе ихъ этимъ еще, очевидно, не

достигнется, но будетъ облегчена предварительная работа, и дальнѣйшее усовершенствованіе въ томъ или другомъ языкѣ будетъ зависѣть отъ личнаго желанія.

Кромѣ указанныхъ занятій въ *École des hautes Etudes*, Г. Парисъ посвящалъ еще одинъ часъ въ недѣлю (по воскресеньямъ) изученію памятниковъ древне-французской лирики. Эти занятія велись у профессора на дому и соответствовали какъ бы старшему курсу нѣмецкихъ семинарій. Въ началѣ зимняго семестра (до моего пріѣзда) разсмотрѣны были нѣкоторые тексты по изданію Барча: *Altfranzösische Romanzen und Pastourelles* и было сдѣлано общее обзорніе лирической поэзіи во Франціи XIII вѣка. Затѣмъ слушателямъ предложень былъ рядъ вопросовъ, на которые давались письменные отвѣты. Такъ какъ я раньше нѣсколько занимался даннымъ отдѣломъ французской литературы, то могъ присоединиться къ слушателямъ въ серединѣ курса, то-есть, съ начала лѣтняго семестра. Въ моемъ присутствіи прослушано было восемь рефератовъ, причѣмъ одинъ изъ нихъ не имѣлъ впрочемъ прямого отношенія къ французской лирикѣ и касался рыцарскихъ романовъ (они составляли предметъ занятій предшествовавшаго учебнаго года). Особенно интересны были чтенія г. Жапгоу, который приготавливаетъ къ печати обширный трудъ по исторіи средневѣковой французской лирики. Онъ прочелъ нѣсколько главъ изъ своего изслѣдованія о взаимоотношеніи лирики французской и провансальской, отчасти принимая во вниманіе итальянскую, испанскую и португальскую, въ которыхъ г. Жапгоу усматриваетъ отголоски утраченныхъ во французской литературѣ старинныхъ народныхъ пѣсень. Прослушана была еще работа одного нѣмецкаго докторанта объ отношеніи нѣмецкаго поэта Нидгарта къ французскимъ и провансальскимъ трубадурамъ; затѣмъ—рефератъ г. de Grave (голландца) о тенцолахъ и *jos-partitz*; рефератъ г. Валленшѣльда (изъ Гельсингфорскаго университета) о нѣкоторыхъ рукописяхъ сборниковъ пѣсень XIII вѣка; рефератъ г. Galino (румына) о музыкѣ древне-французскихъ лириковъ и объ отношеніи мелодіи къ размѣрамъ стихосложенія и т. п. Всѣ представленныя работы были выполнены добросовѣстно, хотя, конечно, были неодинаковаго достоинства. Передъ началомъ чтеній Г. Парисъ вкратцѣ резюмировалъ положеніе вопроса и точку зрѣнія референта (такъ какъ представляемыя работы прочитывались имъ заранѣе), и нужно признать, что эти краткія введенія стояли настоящихъ лекцій; по рельефности, точности и мѣткости формулировки они не оставляли желать ничего лучшаго и

сразу вводили слушателей въ сущность дѣла. Послѣ чтенія профессоръ дѣлалъ свои замѣчанія, какъ по существу, такъ и по формѣ. Чрезвычайно снисходительный къ погрѣшностямъ языка въ устахъ иностранца, онъ все таки настаивалъ на ясности и точности выраженій, качествахъ, которыми отличаются французскіе исследователи вообще, и которыя справедливо ими цѣнятся. Быть можетъ, на форму изложенія порой обращаютъ даже слишкомъ много вниманія, но не вдаваясь въ крайность, нельзя не признать значенія за этою заботой. Мнѣ доводилось слушать ответы студентовъ на экзаменахъ, и здѣсь выступали на первый планъ тѣ же требованія удовлетворительной формы изложенія: въ результатѣ оказывается, что къ общему большинству преподавателей и даже студентовъ прекрасно владѣютъ языкомъ и весьма внимательно относятся къ способу выраженія.

Въ *École des hautes Études* я принимаю еще участіе въ занятіяхъ испанскимъ языкомъ у профессора Морель-Фасьо. Текстомъ для чтенія служилъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ *Sançionero de Vafna*. Сравнивались изданія Фр. Мишеля и Пидала, причемъ преподаватель дѣлалъ исправленія къ нимъ на основаніи рукописи, хранящейся въ національной библиотекѣ. Методъ преподаванія Морель-Фасьо тотъ же, который установленъ романистами и общепринятъ для научныхъ занятій романскою филологіей, то-есть, каждое слово разбиралось съ этимологической и фонетической стороны, указывались диалектическія особенности и т. п. Область испанскаго языка и литературы наименѣе разработана, и критическихъ изданій старокастильскихъ текстовъ почти нѣтъ. Единственный сводный трудъ по испанскому языку Ферстера—во многихъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ; особенно сбивчивъ у него отдѣлъ о диалектическихъ особенностяхъ нарѣчій Испаніи. Въ виду того практическія занятія у Морель-Фасьо, прекраснаго знатока испанскаго, португальскаго и каталонскаго языковъ, имѣли особый интересъ. Упомяну здѣсь же, что въ зимнемъ семестрѣ 1888—1889 года Морель-Фасьо разбиралъ древне-испанскую поэму объ Александрѣ Великомъ, сравнивая текстъ, изданный Санчесомъ, съ вновь найденнымъ болѣе древнимъ спискомъ поэмы. Параллельно этимъ занятіямъ, онъ читалъ обзоръніе памятниковъ древне-кастильской литературы, предназначенное для тѣхъ изъ его слушателей, которые не были еще знакомы съ исторіею испанской литературы. Въ этомъ зимнемъ семестрѣ Г. Парисъ руководилъ занятіями критикою текстовъ у себя на дому, временно прекративъ лексикографическія упражненія. Не имѣвъ еще случая при-

нимать участіе въ подобныхъ работахъ, а съ особымъ удовольствіемъ откликнулся на любезное предложеніе г. Париса посвятить нѣсколько лекцій разсмотрѣнію рукописей древне-французской поэмы „Le débat du corps et de l'âme“, по сдѣланнымъ мною спискамъ. Теорія классификаціи рукописей сама по себѣ очень проста, но въ каждомъ отдельномъ случаѣ ея примѣненія встрѣчаются трудности, которыя часто остаются непреодолимыми, вследствие скудости нашихъ свѣдѣній о средне-вѣковыхъ нарѣчіяхъ. Результаты занятій надъ даннымъ памятникомъ я надѣюсь изложить въ особой статьѣ; вѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что, хотя я впоследствии отказался отъ намѣренія перевести поэму въ виду того, что новое изданіе уже принято было раньше меня профессоромъ Эрлангенскаго университета Фарнгагеномъ (о чемъ я узналъ лишь въ февралѣ), уроки г. Париса были мнѣ весьма полезны въ методическомъ отношеніи. Даже не имѣя въ виду посвятить себя спеціальной работѣ по изданію текстовъ, полезно ознакомиться съ техникою приемовъ и знать какимъ путемъ восстанавливается критическій текстъ. Въ томъ же полугодіи я прослушалъ еще доклады: г. Леграна о соотношеніи списковъ хроники Villehardouin и критику классификаціи ихъ, предложенной Natalis de Wailly; г. Бедѣ — о классификаціи рукописей и языкѣ фавль „Les trois aveugles de Compiègne“; г-жи Кольвинъ — классификацію рукописей произведенія Robert de Blois „Le castolement des dames“. Всѣ представленныя работы вызвали критическія замѣчанія г. Париса, который является особенно компетентнымъ именно въ этой области, такъ какъ изданный имъ въ 1872 г. текстъ поэмы „Saint Alexis“, произвелъ въ свое время нѣкоторый переворотъ въ наукѣ, по новизнѣ и смѣлости приемовъ, которые были имъ примѣнены при восстановленіи текста. Объ языкѣ этого памятника г. Парисъ читаетъ изъ года въ годъ лекціи въ Collège de France.

Основнымъ требованіемъ отъ чтеній въ Collège de France, учрежденіи, не имѣющемъ, какъ извѣстно, никакого прикладнаго назначенія, ни вступительныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, является условіе, чтобы лекторъ излагалъ новѣйшіе результаты знаній, сообщая, по возможности, новыя и самостоятельныя изысканія по данному вопросу. Г. Парисъ, сообщая о языкѣ памятника, обнародованнаго имъ 16-тъ лѣтъ тому назадъ, удовлетворялъ, конечно, прежде всего лишь требованію самостоятельности изысканій. Однако, онъ вносилъ въ свои лекціи также и много новаго, такъ какъ, при бы-

стромъ развитіи лингвистическихъ наукъ за послѣднее время, ежегодно измѣняются положенія и выводы по исторіи языка. Восстановленіе вѣроятныхъ оригинальныхъ формъ въ памятникахъ, который дошелъ до насъ лишь въ болѣе позднихъ спискахъ, представляетъ задачу весьма заманчивую для изслѣдователя; но результаты этихъ работъ не всегда бываютъ безошибочны: тотъ же Г. Парисъ принужденъ неоднократно переисправлять исправленія имъ формы. На лекціяхъ въ Collège de France онъ исключительно останавливается на фонетикѣ языка, при чемъ полный обзоръ звуковъ старо-французскаго завершается имъ въ нѣсколько семестровъ; случается, что въ теченіи цѣлаго полугодія г. Парисъ разсматриваетъ судьбу лишь одного какого-нибудь звука (такъ, семестръ 1885 года былъ имъ посвященъ исторіи *l*). Важное значеніе подобныхъ специальныхъ работъ не подлежитъ сомнѣнію, но нельзя не замѣтить, что для полученія успѣшныхъ результатовъ въ этой области, нужно посвятить себя лингвистикѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова и даже еще уже: лингвистическимъ занятіямъ въ одной небольшой группѣ языковъ. Такъ и поступаетъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ новой школы и едва ли не слишкомъ исключительно. Съ интересомъ прислушиваясь къ прекрасному изложенію г. Париса, я все-таки выдѣляю эту область работъ, какъ наименѣе подходящую для перенесенія въ наши университеты и полагаю, что русскимъ ученымъ излишне предаваться подобнымъ трудамъ исключительно, если только не быть фонетикомъ по профессіи.

Въ лѣтнемъ семестрѣ 1888 года г. Парисъ ограничивался указанными лекціями въ Collège de France; въ зимнемъ—онъ еще читалъ курсъ о циклѣ эпическихъ сказаній, группирующихся вокругъ четвертаго крестоваго похода. Эти лекціи являлись продолженіемъ курса, начатаго имъ въ 1887 году, и представляли какъ бы рядъ отдѣльныхъ этюдовъ о памятникахъ данной эпохи. Вообще преподаваніе въ Collège de France, по самому своему назначенію публичныхъ лекцій, не имѣетъ цѣльности университетскаго курса. Оно имѣетъ значеніе, какъ свободное преподаваніе послѣднихъ выводовъ науки, предназначенное для просвѣщеннаго круга слушателей, при чемъ профессоръ можетъ, не стѣсненный программой, входить въ разсмотрѣніе предмета *in medias res* и останавливаться на частныхъ вопросахъ. Такъ, въ томъ же зимнемъ полугодіи 1888—1889 года, пр. П. Мейеръ разбиралъ произведенія одного провансальскаго поэта Petre Cardinal; онъ приносилъ съ собой на лекціи списки съ разгич-

ныхъ рукописей произведеній указаннаго писателя, которыя раздавалъ слушателямъ, и затѣмъ, сличая эти списки, предлагалъ болѣе или менѣе остроумное возстановленіе текста. Для занимающихся провансальскимъ языкомъ лекціи П. Мейера представляли несомнѣнный интересъ, но носили, такъ же какъ и вышеупомянутые курсы Париса, крайне специальный характеръ.

Считаю излишнимъ говорить о лекціяхъ профессора по ново-французской литературѣ Дешанелъ, въ томъ же Collège de France. Онъ принадлежитъ въ числу тѣхъ модныхъ лекторовъ, которые особенно посѣщаются дамами парижскаго beau-monde. Я былъ на одной лекціи его о Шатобрианѣ: аудитория представляла весьма живописный видъ, при чемъ половина зала была исключительно отведена для дамъ. Лекторъ сообщилъ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни Шатобриана; въ красивыхъ фразахъ охарактеризовалъ его личныя свойства, сравнивалъ съ Ламартиномъ, но несмотря на изящную форму изложенія лекція не отличалась большими достоинствами и всего менѣе носила научный характеръ. Она подходила къ роду тѣхъ лекцій, которыя читаются въ Salle des conférences, на boulevard des Capucines, представителями журнальной критики, и гдѣ лекціи проф. Дешанеля были бы болѣе уместны. Истори о популярныхъ чтеніяхъ обще-образовательнаго характера: отиѣчу хорошій обычай публичныхъ лекцій въ театрѣ Одеона, передъ представленіемъ какой-нибудь классической пьесы. Цѣль этихъ чтеній—разъяснить смыслъ и значеніе пьесы, пониманіе которой представляетъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ выбираются по преимуществу пьесы изъ репертуара XVII вѣка. Чтенія происходятъ разъ въ недѣлю, по четвергамъ, на утреннемъ представленіи, при чемъ лекторами выступаютъ то критики-публицисты, какъ Francisque Sarcey, Jules Lemaitre, то профессора высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Lagroumet, Brunpetière и др. Благодаря этимъ чтеніямъ, театръ сохраняетъ свое воспитательное значеніе и руководство эстетическимъ вкусомъ зрителей, которымъ излагаются основныя приемы критики и критеріи для оцѣнки пьесы. Они могутъ и не быть всегда приняты безапелляционно, но прослушанные отзвѣвы вызываютъ на размышленіе и во всякомъ случаѣ въ публикѣ распространяются традиціи хорошей школы.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ французскою литературой въ Сорбоннѣ. Я уже упомянулъ о чтеніяхъ по средневѣковой литературѣ и языку пр. Арс. Дармстетера; по новой

литературѣ имѣется цѣлый рядъ профессоровъ и преподавателей (maîtres de conférences), каковы: Crouslé, Petit de Julleville, Leant, Gazier, Vertin, Larroumet, De-Job. Содержаніе лекцій, читаемыхъ профессорами publice, не имѣетъ строго научнаго значенія и сводится къ болѣе или менѣе блестящему изложенію предмета въ общедоступной формѣ. Не отрицаю общеобразовательнаго значенія этихъ публичныхъ чтеній, но для посвященія ихъ нужно много досужаго времени... Что касается до частныхъ conférences (privatis) въ ново-французской литературѣ, то онѣ имѣютъ специальную цѣль приготовления студентовъ къ экзаменамъ. Читается и разбирается авторы, указанные въ экзаменационныхъ программахъ для licence или agrégation. Толкованіе авторовъ основано на традиціяхъ классической школы XVII вѣка и ведется болѣе или менѣе школьнымъ образомъ. Новѣйшіе приемы филологической и историко-эстетической критики почти не коснулись преподаванія въ Сорбоннѣ и занятія словесностью до сихъ поръ какъ бы противопоставляются точнымъ наукамъ: противоположеніе, отразившееся и въ разномъ обозначеніи факультетовъ — faculté des sciences и faculté des lettres. Это устарѣвшее выдѣленіе словесности изъ круга точныхъ наукъ, конечно, могло бы быть не существеннымъ, если бы дѣло шло объ одномъ названіи; но и въ дѣйствительности, на сколько я могъ убѣдиться по нѣкоторымъ прослушаннымъ лекціямъ и отзывамъ профессоровъ, изученіе словесности ведется далеко не научнымъ образомъ. Не входя въ подробное сужденіе объ этихъ conférences, замѣчу только, что слишкомъ традиціонное толкованіе авторовъ по отвлеченному критерию приводитъ къ неправильному взгляду на историческое развитіе литературныхъ явленій и поддерживаетъ національную исключительность воззрѣній. Какъ долго французами не признавался, напримѣръ, Шекспиръ, и для сколькихъ учениковъ и учащихся въ Сорбоннѣ онъ еще является „нарушителемъ“ правилъ творчества! Не смотря, однако, на нѣкоторую отсталость въ научномъ отношеніи, курсы Сорбонны имѣютъ и положительную сторону: вопервыхъ, благодаря имъ, національные писатели внимательно прочитываются молодежью, которая до нѣкоторой степени воспитывается на нихъ; во вторыхъ — традиція языка, передаваемая отъ поколѣнія къ поколѣнію и строго охраняемая, способствуютъ той устойчивости, выработанности и точности французскаго языка, которая придаетъ ему почти всемірное значеніе. „L'art de bien dire“ составляетъ исконную отличительную черту французовъ, и конечно, это искусство поддерживается методомъ пре-

подаванія и родомъ упражненій, которыя ведутся со студентами. Наиболѣе цѣлесообразными они оказываются при занятіяхъ отечественною литературою. Недавно Ренанъ, въ рѣчи, сказанной по поводу приема Ж. Кларси во Французскую академію (23-го февраля 1889 г.), высказалъ предположеніе, что въ близкомъ будущемъ повсемѣство будетъ принято изученіе только своей родной литературы. „Le progrès de la civilisation“, говорилъ онъ, — „dont nous sommes les temoins est en extension, non en delicatessen. On ne verra plus guère, à ce qui semble, des langues apprises en vue de la culture litteraire par ceux dont elles ne sont pas la langue maternelle. La séparation des nationalités portée à l'excès fera croire à chaque peuple qu'il n'a pas besoin d'aller demander des modèles aux autres“. Слова эти характерны для опредѣленія того исключительно-прикладнаго значенія, которое придано занятіямъ словесностью въ Сорбоннѣ, и которое, вѣроятно, имѣлъ въ виду Ренанъ. Не входя въ разборъ большей или меньшей вѣроятности высказаннаго имъ пророчества, то-есть, будутъ ли слѣдующія за нами поколѣнія довольствоваться изученіемъ только своихъ классиковъ, или же для полноты образованія признаютъ необходимымъ знакомиться и съ выдающимися произведениями иностранной литературы,—нельзя не замѣтить, что изученіе исторіи литературы имѣетъ и другія задачи, кромѣ воспитанія вкуса на образцовыхъ произведеніяхъ и кромѣ усовершенствованія въ искусствѣ рѣчи. Этими-то задачами, которыя состоятъ въ изученіи законовъ историческаго развитія и процессовъ творчества, слишкомъ пренебрегаютъ преподаватели въ Сорбоннѣ. Безъ нихъ же, историко-литературныя науки теряютъ то существенное значеніе, которое, по вышеприведеннымъ словамъ Г. Париса, должно заключаться въ познаніи законовъ и условій развитія явленій нравственнаго міра, и которое ведетъ насъ къ самосознанію личному и народному.

Ф. Батишковъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

(Къ редактору Ж. М. Н. Пр.).

Гдѣ находятся ноты и письма князя А. Д. Кантемира, русскаго полномочнаго министра при королѣ Великобританскомъ Георгѣ II съ 1732 по 1738 годъ.

1-го іюля 1889 года.

Въ ноябрѣ минушаго 1888 года, когда я сообщилъ вамъ, что собираюсь съѣздить въ текущемъ году въ Англію, вы предложили мнѣ навести справки, существуютъ ли письма князя Антиоха Кантемира въ Оксфордѣ, въ знаменитой Водлеевой библиотекѣ, согласно указаніямъ небольшой замѣтки, появившейся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1878 г. (№ 258). Принявъ, однако, во вниманіе то обстоятельство, что о дипломатической миссиі нашего перваго сатирина въ Лондонѣ ¹⁾ извѣстно очень немногое ²⁾ даже тѣмъ, кто имѣлъ доступъ въ Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, пришлось подвергнуть вопросъ всестороннему изслѣдованію. У меня невольно возникало предположеніе, не имѣется ли какихъ-нибудь данныхъ о пребываніи Кантемира въ Лондонѣ въ здѣшнихъ архивахъ, самыхъ богатыхъ въ свѣтѣ, какъ извѣстно, по богатству и разнообразію документовъ.

---

¹⁾ Реляціи князя Кантемира изъ Парижа (за 1738 и 1739 гг.) были напечатаны „въ Памятникахъ новой русской исторіи“, т. III, стр. 117—255 (С.-Пб. 1873).

²⁾ Ср. ст. *Бантыш-Каменскаго* въ Словарѣ дост. людей, т. III, стр. 11—13, краткое изложеніе съ нѣкоторыми ошибками. *В. Я Стоянина*: „Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ“—*Вѣстникъ Европы* 1867 г., т. I, стр. 224—273, т. II, стр. 97—139.

Предварительно, въ февралѣ текущаго года, изъ Варшавы мною сдѣланъ былъ запросъ у завѣдывающаго рукописнымъ отдѣленіемъ Британскаго музея, и въ любезномъ отвѣтѣ уважаемый мистеръ Скоттъ (I. Edward Scott) увѣдомилъ, что въ Британскомъ музеѣ, въ рукописяхъ дипломатической корреспонденціи герцога Ньюкасла, имѣется одно письмо русскаго посланника князя А. Кантемира къ герцогу, отъ 17-го мая 1735 года. Другихъ какихъ-либо документовъ рукописныхъ, прямо или косвенно относящихся къ миссіи Кантемира, не удалось найти въ музеѣ. Спрашивается теперь: какимъ образомъ попало сюда это олинковое письмо, и каково его содержаніе? Нѣкоторое знакомство съ англійскою политическою исторіей легко устраняетъ могуція возникнуть въ данномъ случаѣ сомнѣнія и позволяетъ высказать предположенія, опирающіяся на свидѣтельства источниковъ, бывшихъ у меня подъ руками. Герцогъ Ньюкаслъ¹⁾ былъ однимъ изъ главныхъ статсъ-секретарей (Principal Secretary of State), по нашему—министровъ Георга, II и занималъ эту должность съ 1724 года. вмѣстѣ съ лордомъ Гаррингтономъ, также Principal Secretary of State (въ первой половинѣ XVIII столѣтія такихъ секретарей было всего двое), онъ завѣдывалъ иностранными сношеніями южныхъ государствъ, а лордъ—сѣверныхъ; въ отсутствіе же Гаррингтона Ньюкаслу приходилось единолично вести иностранныя сношенія съ представителями иноземныхъ державъ, аккредитованными при Сентъ-Джемскомъ кабинетѣ. Такой случай, напримѣръ, представился въ началѣ мая 1735 года, когда король Георгъ II и лордъ Гаррингтонъ отбыли въ Ганноверъ. Регентшей была назначена королева, а главнымъ ея министромъ—Ньюкаслъ. Въ XVIII вѣкѣ статсъ-секретарь, оставляя свою должность, при перемѣнѣ кабинета, забиралъ съ собою изъ министерства иностранныхъ дѣлъ (Foreign Office) для храненія въ собственной библіотекѣ и личную свою переписку съ коронованными особами, иностранными министрами, а также отечественными и иноземными посланниками и чрезвычайными уполномоченными²⁾.

¹⁾ The Duke of Newcastle, p. 1693 г., ум. 1768, получилъ титулъ герцога въ 1716 году; въ парламентѣ принадлежалъ къ партіи виговъ.

²⁾ Обращаемъ вниманіе изслѣдователей отечественной старины на то, что въ англійскихъ фамильныхъ библіотекахъ они могутъ найти драгоцѣнные памятники, важные и для нашей исторіи. Укажемъ для примѣра, что въ библіотекѣ герцога Мальборо есть письма Петра I и Меншикова (отъ 1710 г.). Въ такъ-называемомъ замкѣ Форбесъ (Castle Forbes) у графа Гранарда хранятся письма и дневникъ лорда Форбеса, англійскаго посла въ Петербургѣ при Аннѣ Іоанновнѣ.

Такъ поступилъ и герцогъ Ньюкаслъ, дипломатическая переписка котораго достигающая въ общей сложности до 307 рукописныхъ томовъ ¹⁾, была пожертвована Британскому музею лишь въ 1886 году нынѣшнимъ представителемъ рода Ньюкаслей—герцогомъ Чичестерскимъ. Письмо Кантемира сохранилось превосходно и написано отъ начала до конца одною рукою, чего, какъ показали дальнѣйшія разслѣдованія, далеко нельзя сказать о многихъ нотахъ, адресованныхъ Кантемиромъ къ англійскимъ министрамъ. Страдая глазами, Кантемиръ поручалъ иногда составленіе нотъ своимъ секретарямъ и самъ только подписывалъ, предварительно исправивъ ошибки письма или неточности ²⁾.

Въ письмѣ къ герцогу Ньюкаслу князь Кантемиръ просилъ его испросить у королевы разрѣшеніе поступить на русскую службу ³⁾ нѣкому капитану Мэтьюсу (Mathews); Кантемиру слѣдовало бы обратиться къ королю или Гаррингтону, но ихъ не было въ Англии. Приводимъ полный текстъ этого письма, удерживая орфографію князя Кантемира:

Mylord Duc!

Votre Excellence sans doute sera informé que j'ai eu la gracieuse permission du Roy d'engager deux officiers de la marine | au service del' Imperatrice ma Souveraine. En consequence | je suis convenu avec M-r le Capitaine Mathews qu'il iroit | à S-t Petersbourg pour y regler en personne ses conditions. | Mais comme on lui a dit qu'il ne pouvoit prendre | la service étrangère sans une permission du Roy par [ecrit il en avoit supplie My Lord Harintong ⁴⁾ qui partit | sans le

---

У графа Aschburnham имѣется слѣдующая рукопись (писанная по русски) съ англійскимъ заглавіемъ: *Lietopicets. Annals of the celebrated Solovetskoi Monastery in the island of the same name in the White Sea from its foundation in 1429 to the visit of Peter the Great in 1694.*

¹⁾ British Museum AD. MS. № 32686—32992. Official Correspondence of Thomas Pelham Holles, Duke of Newcastle 1697—1768.

²⁾ Такова, напримѣръ, нота князя Кантемира къ Гаррингтону отъ 2-го августа 1738 года. Поправки легко распознаются въ этомъ письмѣ и сдѣланы, какъ и подпись, другими чернилами.

³⁾ Подробности объ этомъ можно найти въ нашей замѣткѣ, помѣщенной въ журналѣ *The Academy* № 896 (13-го іюля 1889).

⁴⁾ Вместо Harrington. Нѣкоторые предлагали читать это мѣсто Кларингтонгъ, но такого лорда не оказалось по справкамъ, и остается лишь предположить, что здѣсь сдѣлана ошибка въ написаніи фамиліи лорда Гаррингтона.

lui avoir obtenu. Je supplie donc Votre Excellence d'en supplier de ma part la Reine: et je ne | doute pas que Sa Majesté n'aura aucun point de difficulté | de le lui accorder. Mon homme à ordre d'attendre | les ordres de Votre Excellence dont je suis avec | toute l'estime Imaginable,

Mylord Duc

Treshnmble et tresobei-
ssant serviteur

Londres 1735.

le 17. de May. 1735.

A. Pr Cantemir.

Изъ депешъ мистера Клаудія Рондо, англійскаго резидента при русскомъ дворѣ, узнаемъ, что капитанъ Мэтьюсъ ѣздилъ лѣтомъ 1735 года въ Петербургъ, но разошелся изъ-за чина и на русскую службу не поступилъ: ему предлагали должность перваго вице-адмирала, а Мэтьюсъ требовалъ чина адмирала и, не получивъ утверженія, 4-го сентября отплылъ изъ Петербурга въ Англiю¹⁾.

Имя въ рукахъ означенное письмо (съ него намъ разрѣшили снять фотографію), уже можно было взяться за пересмотръ дипломатической корреспонденціи, хранящейся въ государственномъ архивѣ, нынѣ такъ-называемомъ Public Record Office. Еще въ статьѣ покойнаго Стоюнина попадаются извѣстія, касающіяся переписки Рондо; но, къ сожалѣнію, онъ не пользовался перепискою англійскаго резидента въ С.-Петербургѣ и указанія свои заимствовалъ изъ сочиненія неизвѣстнаго автора, довольно легковѣснаго свойства²⁾. Просматривая дипломатическую корреспонденцію мистера Рондо³⁾

¹⁾ Дешеша къ лорду Гаррингтону отъ 6-го сентября 1735 года. P. R. O. St. P. Foreign, Russia т. 27.

²⁾ La Cour de la Russie il y a cent ans 1725—1783. Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin. 1858. Судя по характеристикѣ Россіи, сдѣланной на стр. 104, можно съ увѣренностью сказать, что неизвѣстный авторъ недостаточно знакомъ съ подлинною перепискою мистера Рондо.

³⁾ Кстати исправимъ ошибочное утверженіе Бантыша-Каменскаго. „Князь Антиохъ“, говоритъ онъ (Словарь, III, стр. 12 по изданію 1836 г.),— „явилъ себя въ Лондонѣ и великимъ политикомъ, успѣвъ въ короткое время привести взаимныя отношенія обѣихъ державъ въ наилучшее состояніе. Англія, не только согласилась вспомошествовать Россіи въ возведеніи курфирста Саксонскаго на польскій престолъ, отправила еще въ С.-Петербургъ, 1733 года, полномочнымъ министромъ лорда Георга Форбеса, вмѣсто находившагося при нашемъ дворѣ резидента Рондо“. Впервыхъ, назначеніе Форбеса никакого отношенія къ миссіи Кантемира не имѣетъ, а на оборотъ, за назначеніемъ Рондо резидентомъ въ Петербургъ послѣдовало назначеніе Кантемира *также резидентомъ* въ Лондонъ.

къ лорду Гаррингтону изъ Петербурга за 1735 годъ, я нашель письмо Кантемира, существованіе котораго до сихъ поръ врядъ ли было извѣстно даже и занимавшимся въ архивѣ. По характеру письма можно заключить, что и оно, какъ предшествующее, писано отъ начала до конца рукою Кантемира и адресовано къ герцогу Ньюкаслу. Возстановленіе текста потребовало нѣкоторыхъ усилій, такъ какъ письмо сохранилось плохо, вѣроятно, было отправлено въ Петербургъ къ Рондо и дорогою сильно подмочено. Нѣкоторыхъ словъ не возможно было прочесть даже при помощи сильно увеличивающей лупы. Воспроизвожу текстъ письма, на сколько оказалось возможнымъ его чтеніе:

My Lord Duc!

|Je manquerois a mon devoir si je ne remerciois tres humblement
Votre | Excellence dell'honneur qu'elle me fit bien par Sa lettre et par
la | communication del' ordre du Roy envoyé a My Lord Kinoul. J'ai |
expedié celui-ci à ma Cour La quelle sans doute y trouvera une | nou-
velle preuve de la sincere amitié du Roy envers l'Imperatrice | ma
Souveraine. J'ose même assurer Votre Excellence d'avance, | que Sa
Majesté Imperiale en... ¹⁾ au Roy sa reconois,sance, et sera toujours
prete à rendre des pareilles vos offices | à Sa Majesté Brit(?anique)
Je suis avec toutte l'estime et considera|tion imaginable,

My Lord Duc

de Votre Excellence

Londres 1735
le 18 de May.

Treshuble et tres obeissant servi-
teur

A. P-r Cantemir.

(Public Record Office, St. P. Foreign, Russia, vol. 27).

Такимъ образомъ слѣдъ былъ найденъ, и оставалось лишь идти далѣе. Остальные документы, найденные въ томъ же архивѣ состоятъ изъ переписки князя Кантемира по поводу регистраціи должностнаго персонала русскаго посольства (въ интересахъ неподсудности

Лордъ Форбесъ прожилъ въ Петербургѣ около года и дѣйствовалъ совместно съ Рондо. У насъ были въ рукахъ общія къ нимъ инструкціи. Рондо же не былъ отозванъ и оставался въ Петербургѣ до смерти († въ 1739 г.). Сохранилось прошеніе его жены къ Аннѣ Іоанновнѣ и переписка послѣдней съ Георгомъ II.

¹⁾ Вѣроятно: temoignera.

мѣстнымъ судамъ и лицамъ), освобожденія арестовываемыхъ по незнанію слугъ посланника, дажѣ изъ записокъ и мемуаровъ (писанныхъ отъ его имени, но не рукою Кантемира) по поводу разнаго рода политическихъ вопросовъ (войны съ Турціей, заключенія мира и проч.). Подпись Кантемира довольно однообразна, съ тою только разницею, что въ первые годы своего пребыванія въ Лондонѣ, онъ подписывался: A Pr de Cantemir, и затѣмъ просто A. Pr Cantemir. Ноты и письма, бывшія у насъ подъ руками, написаны почти всѣ въ Лондонѣ, за исключеніемъ одного письма князя Кантемира къ лорду Гаррингтону отъ 2-го апрѣля 1739 года, присланнаго Кантемиромъ изъ Парижа. Впрочемъ, это письмо только исправлено и подписано рукою Кантемира.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу вѣрительной грамоты князя Кантемира, касающейся назначенія его въ Лондонъ. „Намъ не извѣстна“, говоритъ Стоюнинъ ¹⁾),— „инструкція, данная Кантемиру при его отправленіи, но, соображая дальнѣйшія обстоятельства, мы можемъ сказать, что ему не было поручено никакого важнаго дѣла, для чего выбрали бы не столь юнаго дипломата“. Существовала ли такая инструкція—сказать трудно, но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что первоначально Кантемиръ, будучи лишь двадцати-одного года отъ рожденія, былъ назначенъ въ Лондонъ въ качествѣ резидента, и его кредитивная грамота, писанная по русски найдена. „Какъ вашего королевскаго величества“, говорится въ грамотѣ, писанной въ Москвѣ отъ 24-го декабря 1731 г., — „к намъ аккредитованной Резидентъ Рондо при позволенной ему аудиенціи дружески братскую вашу грамоту отъ 31 августа надлежаще подалъ, и притомъ намъ изустно именемъ вашимъ обнадѣживанія вашего королевскаго величества доброй дружбы пространнѣе учинилъ, и какъ оныя намъ не инако какъ весьма приятны быть могутъ, тако и мы для взаимно истиннаго засвидѣтелствованія нашего к вамъ имѣющаго особливаго эстима і совершенной дружбы умедлить не хотѣли, намъ любезновѣрнаго князя Антиоха Кантемира к вашему королевскому величеству въ характере нашего Резидента отправить“ ²⁾). На оборотной сторонѣ грамота адрессована слѣдующимъ образомъ: „Божиею милостію пресветлѣйшему и державнѣйшему | Князю Государю

¹⁾ *Вѣстн. Евр.* 1867 г. т. I стр. 235.

²⁾ См. Priuce Antioch Cantemir's Credentials of Resident. P. R. O. Royal Letters № 3. f. 17—20.

Георгію второму королю велико | Британскому Францускому и нидланскому Герцогу | Брауншвицъ Люнебургскому, Римскаго Государства Архиказначею и Курюрсту⁴ и проч. Изъ другихъ грамотъ, относящихся къ миссіи Кантемира непосредственно, найдены грамота отъ 17-го іюля 1733 года о назначеніи князя Кантемира полномочнымъ министромъ и грамота отъ 18-го апрѣля 1738 года, въ коей говорилось между прочимъ, что рѣшено „обрѣтающагося при дворѣ Королевскаго величества полномочнаго министра любезновѣрнаго князя Антоха Кантемира отозвать, и вѣдрутой комиссіи его употребить“.

В. Александренко.

P. S. Письмо было окончено, когда изъ здѣшняго министерства иностранныхъ дѣлъ (Foreign Office), куда также былъ сдѣланъ запросъ, не имѣется ли тамъ документовъ касающихся даннаго времени (1732—1738),—былъ полученъ отвѣтъ, что вся дипломатическая переписка за это время отправлена была на храненіе нѣсколько лѣтъ назадъ и нынѣ находится въ Public Record Office.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ
ИНСТИТУТЪ ВЪ 1888—1889 УЧЕБНОМЪ ГОДУ.

Въ 1888 году было принято въ число студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, по разсмотрѣніи присланныхъ при прошеніяхъ аттестатовъ и отзывовъ директоровъ гимназій, 23 молодыхъ человѣка, имѣвшихъ по существующимъ правиламъ право быть принятыми безъ экзамена. Изъ нихъ одинъ умеръ, два а оставили институтъ. Къ концу мая 1889 года въ I курсѣ института состояло 20 студентовъ, во II—22, въ III курсѣ—26, изъ нихъ 13 на разрядѣ древнихъ языковъ и 13 на разрядѣ исторіи и географіи, въ IV курсѣ—23, изъ которыхъ 15—на разрядѣ древнихъ языковъ и 8—на разрядѣ исторіи и географіи. Нѣкоторые студенты двухъ высшихъ курсовъ занимались также русскимъ языкомъ и русскою словесностью, кромѣ предметовъ своей специальности, а именно изъ числа студентовъ III курса—13, IV курса—8. Въ концѣ мая 1889 года въ институтѣ было 91 студентъ, изъ нихъ 82 на штатныхъ вакансіяхъ и 9 стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ.

Преподаваніе въ общемъ происходило по установленному плану. Новый законоучитель читалъ въ I курсѣ основное богословіе, то-есть, о коренныхъ убѣжденіяхъ, лежащихъ въ основѣ всякой религіи—о бытіи Божіемъ, о духовности и безсмертіи души человѣческой, о религіи вообще, о необходимости Божественнаго Откровенія, о внутреннихъ и внѣшнихъ признакахъ истинно Божественнаго Откровенія; во II курсѣ—христіанское богословіе, въ III—предложилъ рядъ бесѣдъ о главнѣйшихъ обязанностяхъ христіанина—вѣрѣ, надеждѣ и любви—и обязательности для христіанина выра-

жать общія евангельскія начала во всѣхъ состояніяхъ жизни общественной. Были прочитаны, по прежнимъ программамъ, съ небольшими измѣненіями, курсы слѣдующихъ предметовъ: логики и психологии, исторіи греческой литературы, греческихъ древностей, сравнительной грамматики древнихъ греческихъ діалектовъ (съ практическими упражненіями по отрывку Илиады и греческимъ надписямъ), исторіи греческаго алфавита (также съ практическими упражненіями по надписямъ), исторіи римской литературы, римскихъ государственныхъ древностей, древне-церковно-славянскаго языка, русскаго языка, исторіи русской словесности, общіе курсы древней, средней и новой исторіи и русской исторіи и спеціальные курсы объ источникахъ всеобщей и русской исторіи, общій курсъ географіи и спеціальные курсы политической, математической и физической географіи. Для тѣхъ изъ студентовъ старшихъ курсовъ, которые продолжали занятія русскимъ языкомъ и словесностью, были разбираемы древнѣйшіе памятники церковно-славянской письменности и читалось обзорніе русской литературы начала XIX вѣка.

Изъ произведеній древнихъ авторовъ читались: по греческому языку въ I курсѣ Илиада и „Федонъ“ Платона; во II курсѣ—Еврипида „Орестъ“, Поэтика Аристотеля и Геродотъ; въ III курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ—„Эдипъ въ Колонѣ“ Софокла и Періфоуѣс Аристотеля; со студентами разряда древнихъ языковъ—Оуклидъ и „Плутосъ“ и „Лягушка“ Аристофана; со студентами разряда исторіи и географіи Плутархова біографія Солона; въ IV курсѣ со студентами обоихъ разрядовъ „Агамемнонъ“ Эсхила; со студентами разряда исторіи и географіи Плутархова біографіяThemistocle. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ I курсѣ Илиаду и Μεταγαβίλια Ксенофонта, во II—Геродота и Панегирикъ Исократы, въ III курсѣ—„Медю“ Еврипида и „Федонъ“ Платона; въ IV курсѣ—„Антигону“ Софокла и пятую книгу Оуклида. По латинскому языку были читаны: въ I курсѣ—Цицерона рѣчь Pro Milone и сатиры Горация; во II курсѣ—Вергилія Энеида, Катуллъ и Цицерона De finibus bonorum et malorum; въ III курсѣ—оды Горация и Аннали Тацита; въ IV курсѣ для студентовъ обоихъ разрядовъ—сатиры и посланія Горация и Катуллъ; для студентовъ разряда древнихъ языковъ Плавта „Menaechmei“. Энеида во II курсѣ, Гораций и Катуллъ въ III и IV курсахъ были объясняемы на латинскомъ языкѣ. Безъ руководства преподавателей студенты читали въ I курсѣ Цезаря De bello civili и Георгики Вергилія; во II—Цицерона De finibus bonorum

et malorum и Фасты Овидія; въ III—элегіи Проперція и Тита Лвія; въ IV—комедію Теренція „Eunuchus“ и эпизодъ о Психеѣ и Амурѣ изъ „Метаморфозъ“ Апулея.

Повѣрка этихъ домашнихъ чтеній по обоимъ древнимъ языкамъ была произведена въ декабрѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ. Студенты разряда исторіи и географіи повторяли общіе курсы всеобщей и русской исторіи и сдавали испытанія изъ этихъ курсовъ во время повѣрки домашнихъ чтеній. Студенты всѣхъ четырехъ курсовъ постоянно упражнялись въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго языка на греческій и латинскій, соотвѣтственно степени познаній каждаго курса. Подъ руководствомъ профессора Зѣлинскаго студенты переводили съ латинскаго языка на греческій избранныя отрывки изъ Квинта Курція и Цицерона (Cato Major и Pro Milone). Въ младшихъ курсахъ, въ связи съ упражненіями въ переводахъ, были читаны грамматическіе курсы обоихъ древнихъ языковъ. Въ I курсѣ грамматическій курс латинскаго языка былъ соединенъ съ чтеніемъ и толкованіемъ избранныхъ надписей республиканскаго періода. Въ старшихъ курсахъ были повторяемы синтаксисъ и стилистика латинскаго языка.

Желающіе изъ студентовъ разряда древнихъ языковъ, III и IV курсовъ писали, въ замѣнъ домашнихъ чтеній, курсовыя сочиненія на заданныя профессорами темы, разработка которыхъ требовала чтенія древнихъ авторовъ или изученія надписей. Такихъ сочиненій было представлено пятнадцать. На тему, предложенную профессоромъ Миллеромъ: „Ovidii Tristium, Epistolarum ex Ponto, Fastorum res metrica enaggetur“ очень хорошее сочиненіе на латинскомъ языкѣ представилъ студентъ IV курса Андрей Виноградовъ. Въ работѣ его встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія, нѣкоторые вопросы не вполне исчерпаны; слѣдовало еще аккуратнѣе, чѣмъ сдѣлано авторомъ, сравнивать метрическія правила, наблюдаемыя Овидіемъ въ этихъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ изгнаніи, съ употребленіемъ другихъ поэтовъ и самого Овидія въ твореніяхъ, писанныхъ до изгнанія. Но наибольшая часть сочиненія Виноградова написана съ похвальнымъ прилежаніемъ въ сборѣ матеріала и съ разсудительностью въ пользованіи имъ. Авторъ не только воспользовался изслѣдованіями профессора Миллера и другихъ ученыхъ по избранной темѣ, но вездѣ передѣлалъ матеріалъ самостоятельно, такъ, что очевидно, отнесся къ скучному и сухому труду съ полнымъ усердіемъ. Латинскій языкъ сочиненія Виноградова достаточно чистъ и соотвѣтствуетъ предмету;

большая часть встрѣчающихся ошибокъ должна быть причислена къ опискамъ. На тему, предложенную профессоромъ Шеборомъ, написали сочиненія четыре студента. Студентъ IV курса Николай Заболотскій представилъ пространное сочиненіе на тему: „Римскіе грамматики, ихъ занятія и сочиненія на основаніи извѣстій Авла Геллія“. Трудъ студента Заболотскаго можно назвать образцовымъ по полнотѣ собраннаго въ немъ матеріала и цѣлесообразности его группировки. Кромѣ Авла Геллія, авторъ воспользовался и другими дошедшими до насъ извѣстіями о римскихъ грамматикахъ до конца II вѣка по Р. Х. Такимъ образомъ сочиненіе Заболотскаго представляетъ весьма дѣльный и полный очеркъ этого отдѣла исторіи римской литературы, отъ начала грамматическихъ занятій у римлянъ до Авла Геллія включительно. Рядомъ съ добросовѣстнымъ изученіемъ источниковъ въ трудѣ Заболотскаго видно знакомство съ лучшими пособиями по этому вопросу. Изложеніе отличается тщательностью, простотой и ясностію. Студентъ IV курса Василій Ивановскій представилъ сочиненіе на тему „Культурно-историческое значеніе Апулеевой апологіи“. Ивановскій взглянулъ на свою задачу гораздо шире, чѣмъ требовалось, въ сущности, темою: онъ не ограничился подборомъ и группировкой въ общій очеркъ фактовъ, характеризующихъ культурное состояніе современнаго Апулею общества, но и старался проникнуть въ сущность и изслѣдовать исторію затрогиваемыхъ въ рѣчи Апулея проявленій суевѣрія и выяснить отношеніе къ нимъ самого Апулея и тогдашняго интеллигентнаго общества. Съ этою цѣлью авторъ подвергъ тщательному разбору и критической оцѣнкѣ всѣ доводы, которыми Апулей защищаетъ себя противъ взводимыхъ на него обвиненій въ магіи, и взгляды его на факты, послужившіе поводомъ или предлогомъ къ такому обвиненію. Сочиненіе Ивановаго представляетъ такимъ образомъ цѣльный рядъ интересныхъ культурно-историческихъ экскурсовъ, служащихъ дѣльнымъ реальнымъ комментариемъ къ апологіи, почерпнутымъ изъ памятниковъ греческой и римской литературы, съ которыми авторъ обнаружилъ обширное знакомство. Весьма дѣльно и интересно очерчено Ивановскимъ стремленіе современнаго Апулею языческаго міра къ религіозно-нравственному возрожденію путемъ новыхъ религіозно-философскихъ комбинацій, въ которыхъ немаловажную роль играла и магія,—элементъ, обрекавшій а priori подобныя попытки на неудачу. На ту же тему студентъ III курса Игнатій Араловъ подалъ хорошее, но не вполне соответствующее требованіямъ темы сочиненіе. Авторъ подробно и

толково изложилъ всѣ обстоятельства процесса Апулея, разсмотрѣлъ его защитительную рѣчь, какъ со стороны содержанія, такъ и съ формальной ея стороны, далъ недурную характеристику личности и разносторонней дѣятельности Апулея, но не отвелъ особаго мѣста изложенію культурно-историческаго значенія апологій; въ сочиненіи Аралова, правда, встрѣчается не мало относящихся сюда замѣтокъ, но онѣ не даютъ цѣлостнаго представленія о рѣчи Апулея въ этомъ отношеніи. Студентъ IV курса Николай Гельвихъ представилъ сочиненіе на тему: „Паразиты въ палліатѣ“. Темою требовалось изучить восемь комедій Плавта и двѣ Теренція, въ которыхъ выведены паразиты, и, собравъ всѣ характерныя черты послѣднихъ, представить характеристику типа паразита въ палліатѣ, обращая при этомъ вниманіе на разницу между паразитами Плавтовыми и паразитами у Теренція. Кромѣ того, автору предоставлялось предпослать этой существенной части сочиненія сжатый очеркъ происхожденія и развитія типа паразита въ греческой комедіи. Студентъ Гельвихъ не только выполнилъ добросовѣстно свою задачу, но сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ отъ него требовалось, разработавъ обстоятельно по источникамъ необходимую часть темы и представивъ въ видѣ приложений къ своей работѣ прекрасно исполненный переводъ двухъ комедій, именно „Circulio“ Плавта и „Phogmion“ Теренція, да переводъ Лукіанова діалога *Περὶ παρασίτου*; всякое изъ этихъ приложений могло бы само по себѣ составить работу на годовичную тему. Разрабатывая первую часть темы, Гельвихъ изслѣдовалъ уцѣлѣвшія комедіи Аристофана, сохранившіеся отрывки аттической и скудные остатки дорическо-сицилійской комедіи и дошедшія до насъ извѣстія о той и другой, выбралъ изъ этого матеріала все, имѣющее отношеніе къ типу паразита, и, сгруппировавъ весьма толково и умѣло добытыя такимъ путемъ данныя, прекрасно изложилъ генезисъ и постепенное развитіе типа паразита въ греческой комедіи. При этомъ авторъ приводитъ мѣста изъ писателей и отрывки въ вполнѣ удачномъ русскомъ переводѣ, гдѣ нужно, съ дѣльными примѣчаніями. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, правильны и убѣдительны. Перейдя отъ новой аттической комедіи къ палліатѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло уже не съ одними только отрывками, а съ цѣльными піесами, Гельвихъ тщательно собираетъ въ каждой отдѣльной піесѣ всѣ касающіяся роли паразита данныя и опредѣляетъ характеръ паразита, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе его для экономіи данной піесы. И тутъ читатель находитъ весь матеріалъ въ точномъ русскомъ переводѣ. Гельвихъ

не потаготился пересмотрѣть и отрывки палліаты и выбрать изъ нихъ подходящія данныя. На основаніи добытаго такимъ путемъ матеріала авторъ даетъ весьма подробную, точную и тонкую общую характеристику типа паразита въ комедіяхъ Плавта и Теренція, указывая при этомъ на разницу этого типа у обоихъ комиковъ и объясняя ее разными требованіями времени и разными взглядами обоихъ поэтовъ на искусство. Въ объемистомъ трудѣ своемъ студентъ Гельвихъ обнаружилъ не только весьма солидныя познанія и начитанность въ древнихъ литературахъ, но и зрѣлость сужденія и умѣнье методически вести научное изслѣдованіе. Приложенные къ сочиненію Гельвиха переводы свидѣтельствуютъ о томъ трудолюбіи и увлеченіи избранною спеціальностью, которыми онъ отличался во все время своего пребыванія въ институтѣ. На темы, предложенныя профессоромъ Соколовымъ, представлены три сочиненія. Студентъ III курса Платонъ Селивановъ представилъ сочиненіе на тему: „Царствованіе Филиппа Арридэя“. Работа его заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ онъ поставилъ себѣ задачей разобрать критически всѣ извѣстїи древнихъ авторовъ и, по возможности, изслѣдованія и предположенія новыхъ ученыхъ. Трудъ молодого автора оставляетъ впечатлѣніе серьезной научной работы. Встрѣчая противорѣчія въ разказахъ древнихъ авторовъ, студентъ Платонъ Селивановъ не слѣдуетъ изложенію какого-либо новаго ученаго, свободенъ отъ вліянія самыхъ главныхъ и авторитетныхъ новыхъ историковъ и постоянно указываетъ на то, до какой степени трудно намъ прійти къ опредѣленному рѣшенію въ разныхъ отдѣльныхъ вопросахъ. Это качество его работы весьма цѣнно и вполнѣ вознаграждаетъ за нѣкоторыя ошибки и за то, что тема далеко не доведена до конца. Селивановъ успѣлъ изложить событія только за полтора года, съ половины 323 до начала 321 года, тогда какъ царствованіе Филиппа Арридэя продолжалось 6 лѣтъ и 4 мѣсяца, приблизительно до октября 317 года. Но сочиненіе заключаетъ въ себѣ болѣе 200 страницъ и служитъ доказательствомъ не только трудолюбія Селиванова и начитанности его въ древнихъ авторахъ, но и способности къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Прекрасно то, что Селивановъ во многихъ случаяхъ обращалъ вниманіе на *variae lectiones* текста древнихъ авторовъ. Въ упрекъ ему должно быть поставлено то, что онъ не читалъ Гиперида, а пользовался только цитатами изъ оратора, приводимыми въ новыхъ сочиненіяхъ. Онъ затрудняетъ себѣ дѣло тѣмъ, что принимаетъ, будто Кратеръ при первомъ распредѣленіи высшихъ долж-

постей былъ признанъ правителемъ государства. Слова Арріана: τὴν δὲ κληρονομίαν καὶ ὅσην προστασία τῆς βασιλείας Κράτερος ἐπετρόπη означаютъ, что Кратеръ былъ назначенъ попечителемъ особъ царей (слабоумнаго Филиппа и младенца, котораго рожденія ожидали) и главою придворнаго представительства, такъ-сказать, оберъ-церемоній-мейстеромъ. На это ясно указываютъ слѣдующія тотчасъ слова Арріана: ὁ δὲ πρῶτιστον τιμῆς τέλος παρὰ Μακεδόσι. Само собою разумѣется, что званіе регента или правителя имперіи не только у македонянъ, но и у всякаго другаго народа было бы πρῶτιστον τιμῆς τέλος. Ни малѣйшаго затѣмъ намека не встрѣчается, чтобы Кратера кто-либо признавалъ регентомъ имперіи. Напрасно также Платонъ Селивановъ предполагаетъ, что затѣмъ въ текстѣ Арріана ἰασινα. Стоитъ только поставить запятую послѣ слова Μακεδόσι вмѣсто точки, которую ставитъ Селивановъ, чтобы получился ясный смыслъ: Περίοικιας δὲ τὴν Πρωσιῶνος ὑπαρχίαν, то-есть, конечно, ἐπετρόπη. Не вѣрно также поняты слова Павсанія: Πτολεμαῖος... μάλιστα ἐγένετο ἐς τὰς βασιλείας αἴτιος τὰ ἔθνη παρεθῆναι. Это относится не къ первому раздѣленію провинцій, но къ заключительному результату всей борьбы диадоховъ. Птолемей раньше всѣхъ сознательно поставилъ себѣ задачей устроить себѣ отдѣльное Египетское царство, и потому онъ былъ болѣе другихъ виновникомъ окончательнаго раздѣленія имперіи Александра на царства. Но всѣ эти и другія менѣе значительныя недоразумѣнія и недостатки полноты могли бы быть поставлены въ вину только съ научной точки зрѣнія: какъ студенческое курсовое сочиненіе, работа Платона Селиванова должна быть признана превосходною. Студентъ III курса Павелъ Шокровскій подалъ сочиненіе на тему: „Событія въ Италіи съ начала 87 до конца 82 года до Р. Х.“, но успѣлъ написать только первую часть, отъ начала 87 до конца 84 года. Онъ прочиталъ и почти вездѣ вѣрно пересказалъ извѣстія всѣхъ древнихъ авторовъ о событіяхъ въ Италіи за эти четыре года, такъ что его работа должна быть признана удовлетворительною. Студентъ III курса Иванъ Макаренко вѣ написалъ на тему: „Агаооклѣ, тираннѣ Сиракузскій“. Макаренко вѣ изложилъ все правленіе Агаоокла до его смерти и перечиталъ и пересказалъ значительное количество текста Діодора; не упустилъ изъ виду Юстина и Поливія. Но въ работѣ его нѣтъ никакой самостоятельности и незамѣтно старанія сколько-нибудь уяснить себѣ дѣло хотя бы географическими справками.

На темы, предложенныя преподавателемъ Латышевымъ, представлено четыре сочиненія. Студентъ IV курса Сергѣй Селивановъ

представилъ объемистый трудъ (25 листовъ мелкаго письма) подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи острова Родоса въ III вѣкѣ до Р. X.“ Этотъ трудъ представляетъ собою продолженіе обработки той же темы, которою авторъ съ любовью и усердіемъ занялся еще въ прошломъ году. Представленная нынѣ часть труда отличается тѣми же солидными достоинствами, которыя еще въ прошломъ году заслужили ему весьма похвальный отзывъ: авторъ обнаружилъ весьма большую начитанность, какъ въ источникахъ литературныхъ, эпиграфическихъ и даже нумизматическихъ, такъ и въ трудахъ новыхъ ученыхъ; онъ весьма тщательно собралъ все, что имѣетъ прямое или косвенное отношеніе къ его темѣ и было ему доступно въ здѣшнихъ бібліотекахъ; онъ познакомился даже съ англійскимъ и голландскимъ языками на столько, чтобы читать въ подлинникѣ написанные на этихъ языкахъ труды новыхъ ученыхъ. Работая совершенно самостоятельно, самъ тщательно провѣряя и взвѣсивая каждое свидѣтельство, относящееся къ исторіи Родоса, авторъ обнаруживаетъ трезвый критическій взглядъ, нерѣдко удачно полемизируетъ съ учеными и вѣрнѣе объясняетъ нѣкоторыя свидѣтельства до сихъ поръ понимавшіяся болѣе или менѣе превратно или не вполне объясненныя. Любовь, съ которою авторъ работалъ надъ избранною темой, объясняетъ и извиняетъ нерѣдко замѣчаемыя въ его трудѣ увлеченія, преимущественно въ толкованіи надписей, въ приуроченіи ихъ къ исторически извѣстнымъ событіямъ и въ отождествленіи упоминаемыхъ въ нихъ лицъ съ встрѣчающимися у авторовъ. Можно отмѣтить еще, что авторъ нерѣдко отвлекается въ сторону отъ главной темы и представляетъ обширные и тщательные экскурсы о событіяхъ, лицахъ или источникахъ, имѣющихъ иногда лишь косвенное отношеніе къ темѣ, такъ что его трудъ скорѣе можетъ быть названъ рядомъ отдѣльныхъ изслѣдованій, относящихся къ исторіи Родоса въ III вѣкѣ, нежели его исторіей. Достоинства труда Сергѣя Селиванова значительно превышаютъ требованія, которыя могутъ быть предъявлены къ студенческому труду. — Студенты III курса Сергѣй Григорьевъ, Александръ Первухинъ и Александръ Свѣтозарскій представили переводъ двухъ біографій Плутарха и объяснительныя къ нимъ примѣчанія: Григорьевъ и Свѣтозарскій перевели біографію Перикла, а Первухинъ—біографію Алкивиада. Всѣ трое работали весьма тщательно и добросовѣстно; отдѣлы примѣчаній всѣми троица обработаны довольно полно и основательно, безъ большихъ промаховъ, на основаніи доступныхъ авторамъ пособій.

Къ сожалѣнію, всѣ они ограничились только примѣчаніями экзегетическими (грамматическими, фразеологическими и реальными), касаясь критики текста лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ, и не обратили должнаго вниманія на особенности языка изучаемаго писателя. Что касается самаго перевода, то онъ лучше другихъ обработанъ студентомъ Свѣтоварскимъ: онъ, почти вездѣ правильно понимая подлинникъ, передалъ его стройнымъ, правильнымъ и часто даже изящнымъ русскимъ языкомъ; переводъ Григорьева, также вездѣ почти вѣрный, нѣсколько тяжелѣе по языку, хотя въ общемъ также можетъ быть признанъ очень хорошимъ. Первухинъ слишкомъ близко слѣдовалъ подлиннику, стараясь передавать даже всѣ его частицы одними и тѣми же русскими словами (γάρ — вѣдь, μέγα — конечно, δέ — но и т. д.), такъ что его переводъ часто оказывается шероховатымъ и не всегда соответствующимъ духу русскаго языка; встрѣчаются иногда и случаи невѣрнаго пониманія подлинника. — На темы, предложенныя профессоромъ Зѣлинскимъ, поданы три сочиненія. Студентъ III-го курса Сергѣй Смирновъ написалъ сочиненіе на тему: „Характеристика рабовъ у Аристофана“. Аггическая комедія, зародившаяся на вполнѣ фантастической почвѣ, выросла, подвергаясь постоянному вліанію вполнѣ реалистической дорической комедіи, съ которою она и слилась въ IV вѣкѣ. А такъ какъ въ произведеніяхъ Аристофана намъ сохранились образчики, обнимающіе собою 40 лѣтъ развитія древне-аттической комедіи, то можно а priori предположить, что въ каждомъ слѣдующемъ изъ нихъ будетъ замѣтенъ прогрессъ въ сторону реализма въ сравненіи съ предыдущимъ. Этотъ прогрессъ авторъ взялся прослѣдить специально въ характеристикахъ рабовъ. Онъ различаетъ въ этомъ отношеніи три ступени, такъ-сказать, въ развитіи аристофановой комедіи: между тѣмъ какъ въ первыхъ двухъ комедіяхъ характеръ рабовъ или безцвѣтенъ (въ Ахарнянахъ), или двойственъ (во Всадникахъ), въ рабахъ Осъ и Мира онъ усматриваетъ довольно много типичныхъ чертъ, а въ рабахъ Θεσμοφορίαзусъ (скиеъ), Лягушекъ и Плутоса, сверхъ того, и чертъ индивидуальныхъ. Къ сожалѣнію, работѣ недостаетъ выдержки: самая интересная по части характеристики рабовъ комедія Плутосъ, съ ея рабомъ Каріономъ, рассмотрѣна наименѣе тщательно; недостаетъ и заключительной главы, въ которой должны бы были быть подведены итоги. Съ другой стороны, въ работѣ не мало излишняго (пересказы частей комедій и цѣлыхъ комедій, ничего общаго съ темою неимѣющихъ). Сверхъ того, авторъ

выражается ужь черезъ-чуръ развязно; нѣкоторая бойкость изложе- нія оправдывалась содержаніемъ разбираемыхъ комедій, но авторъ въ этомъ отношеніи зашелъ слишкомъ далеко. За то онъ обнару- жилъ вполне достаточное знакомство съ Аристофаномъ и несомнѣн- ную способность справляться съ вопросами литературной критики.— Студентъ III курса Зиновій Никитскій представилъ сочиненіе на тему: „Данныя для географіи и этнографіи востока въ біографіи Аполлонія Тианскаго, написанной Филостратомъ“. Работа состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ въ себѣ пересказъ фантастическихъ данныхъ по географіи и этнографіи востока, сообщаемыхъ Филостра- томъ въ первыхъ трехъ книгахъ его *Vita Apollonij*, вторая — сопо- ставленіе этихъ данныхъ съ аналогичными свѣдѣніями другихъ ав- торовъ. Большею частью авторъ ограничивается этимъ сопоставле- ніемъ; только разъ онъ замѣчаетъ, что Филостратъ, по видимому, пользовался однимъ изъ писателей, описавшихъ экспедицію Але- ксандра Великаго въ Индію. Еслибъ онъ рѣшился преслѣдовать эту мысль, то онъ — такъ какъ источники Арріана, Плинія и дру- гихъ до нѣкоторой степени извѣстны — могъ бы найдти не мало любопытныхъ результатовъ. Но разумѣется, первымъ шагомъ для этого должно быть сопоставленіе матеріаловъ, и эту первую часть задачи авторъ исполнилъ весьма удовлетворительно. — Студентъ III курса Модестъ Одинцовъ представилъ сочиненіе на латин- скомъ языкѣ: „De figurae etymologicae usu Aristophaneo“. Предла- галось первымъ дѣломъ собрать всѣ примѣры этимологической фи- гуры у Аристофана; эта первая часть задачи исполнена авторомъ вполне добросовѣстно. Но далѣе слѣдовало раздѣлить эти примѣры на логическія категоріи. Эти категоріи автору извѣстны, но онъ предпочелъ другое, чисто механическое дѣленіе. Латинъ сочиненія не особенно изящна, но вообще правильна.

По русскому языку и словесности въ I курсѣ студенты по- дали письменныя работы, состоявшія въ разборѣ отрывковъ изъ па- мятниковъ древне-церковно-славянской письменности. Студенты II курса подали курсовыя сочиненія по русской словесности на слѣ- дующія темы, предложенныя профессоромъ Ждановымъ: 1) Гер. Фр. Миллеръ, какъ журналистъ; 2) Разборъ старо-славянскихъ сказаній о Троѣ. Лучшее сочиненіе представлено студентомъ Аркадіемъ Му- хинимъ на тему о Миллерѣ.

Студенты разряда исторіи и географіи III и IV курсовъ писали годичныя сочиненія. На темы, предложенныя профессоромъ Астафье-

вымъ, представлено четыре сочиненія студентами IV курса. Студентъ Владиміръ Тарановичъ представилъ объемистый и вполне удовлетворительный трудъ на тему: „Карлъ Великій, его личность и мѣры къ распространенію просвѣщенія“. Нѣкоторые источники изучены по изданіямъ ихъ текстовъ, другія по извлеченіямъ, приведеннымъ въ трудахъ новыхъ ученыхъ. Авторъ подробно и систематически изображаетъ личныя качества Карла Великаго и его дѣятельность. Сочиненіе нѣсколько растянуто: такъ, напримѣръ, о войнахъ и внутреннихъ учрежденіяхъ Карла Великаго, какъ о предметахъ, не подходящихъ подъ тему, можно было бы сказать кратко. На ту же тему студентъ Ярославъ Кохъ представилъ небольшой, но прекрасный самостоятельный трудъ, составленный преимущественно по Эйнгарду и Санктгалленскому лѣтописцу, живо и всесторонне обрисовывающій личность Карла Великаго. Студентъ Владиміръ Глѣбовскій представилъ небольшое, занимательно написанное сочиненіе на тему: „Людвигъ IX по Жуанвилю“. Первая половина сочиненія вполне удовлетворительна, вторая мало обработана; въ ней видна торопливость. Студентъ Иванъ Любимовъ подалъ удовлетворительную работу на тему: „Вильгельмъ Оранскій и образованіе Голландской республики“.—На темы, предложенныя профессоромъ Замысловскимъ, было представлено четыре сочиненія студентами IV курса. Студентъ Иванъ Леонтьевъ написалъ на тему: „Шлецеръ, его біографія и оцѣнка его трудовъ по русской исторіи“; студентъ Яковъ Рудневъ на тему: „Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, 1725—27“; студентъ Августъ Галлеръ на тему: „Дѣянія и подъячіе XVII вѣка“; студентъ Иванъ Массальскій на тему: „Русскіе мемуары о 1812-мъ годѣ“. Изъ этихъ сочиненій признано наилучшимъ сочиненіе студента Массальскаго. Авторъ успѣлъ основательно изучить наиболѣе важныя записки современниковъ о войнѣ 1812 года и представилъ прекрасный разборъ нѣкоторыхъ любопытныхъ извѣстій объ этой войнѣ. На темы, предложенныя профессоромъ Соколовымъ, представлено четыре сочиненія студентами III курса. Студентъ Петръ Акимовъ на тему: „Агаѳоклъ, тираннъ Сиракузскій“ представилъ старательно составленную работу. Онъ изложилъ всѣ событія жизни и правленія Агаѳокла, ознакомился съ исторіею и географіею Сициліи и обратилъ вниманіе на работы новыхъ ученыхъ. Студентъ Владиміръ Груздевъ представилъ небольшую, но весьма удовлетворительную работу на тему: „Возвращеніе изгнанниковъ Александромъ Македонскимъ въ 324 году“. Груз-

девѣ внимательно изучилъ относящіяся къ предмету надписи и въ объясненіи ихъ не впадаетъ въ недоразумѣнія. Студентъ Гермогенъ Ивановъ вполне удовлетворительно обработалъ тему: „Пизистратъ и его сыновья въ Афинахъ“. Слѣдуетъ отмѣтить правильное критическое отношеніе его къ легендамъ и риторическимъ импровизаціямъ повднихъ авторовъ, а также то, что онъ старательно воспользовался работами новыхъ ученыхъ. Въ работѣ Иванова встрѣчаются недоразумѣнія. Студентъ Михайлъ Созоновъ написалъ на тему: Діонисій старшій, тираннъ Сиракузскій“ большое сочиненіе и изложилъ все правленіе Діонисія Старшаго. Но у Созонова, очевидно, не хватило терпѣнія прочитать по гречески всѣ главы Діодора, трактующія о Діонисіи старшемъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ работы несомнѣнны слѣды нѣмецкаго перевода исторіи Грота. Механической работы перевода и письма Созоновъ взялъ на себя много, но этимъ и ограничивается его заслуга; въ изложеніи фактовъ онъ впалъ во многія ошибки. Языкъ сочиненія въ высшей степени тяжелъ и неправиленъ. На темы, предложенныя профессоромъ Помяловскимъ, представлено восемь сочиненій студентами III курса. Изъ нихъ лучшее написалъ студентъ Василій Дейнеке на тему: „Что можно извлечь для изученія римскихъ древностей изъ комментарія Сервія?“. Студенты Петръ Виноградовъ, Константинъ Рыбинскій, Михайлъ Молчановъ, Иванъ Кельинъ, Павелъ Карзовъ, Василій Щиченковъ и Анатолій Терновскій представили сочиненія на одну и ту же тему: „Переводъ и объясненіе legis ursonitanae“. На тему, предложенную преподавателемъ Латышевымъ: „Древнія описанія Чернаго моря“ представилъ сочиненіе студентъ III курса Всеволодъ Власовъ. Авторъ внимательно прочиталъ относящіеся къ его темѣ отдѣлы сочиненій Геродота, Ксенофонта, Страбона, Аполлонія Родосскаго, Птолемѣя, Плинія, Мелы, географическую поэму Скимна, Периплы Діонисія, Арріана, Безыменнаго и пр. и почерпнутыя изъ нихъ свѣдѣнія изложилъ въ довольно стройной системѣ: сначала онъ говоритъ о происхожденіи названія Понта Евксинскаго, затѣмъ объ его географическомъ положеніи, величинѣ и кажущейся фигурѣ, далѣе объ островахъ, полуостровахъ, мысахъ, проливахъ и заливахъ, о впадающихъ въ Понтъ рѣкахъ и находящихся по его берегамъ горахъ, о климатѣ бассейна Понта и его фаунѣ, наконецъ представляетъ обзоръ народовъ и городовъ по берегамъ Понта. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія изъ авторовъ собраны не съ такою полнотою, какая была бы желательна, не вездѣ различены хронологически, приводятся

безъ точныхъ ссылокъ на авторовъ, кромѣ того, нерѣдко даетъ себя знать недостаточность знакомства автора съ историко-географическими трудами новыхъ ученыхъ.

Занятія студентовъ IV курса въ гимназiи при институтѣ въ истекшемъ учебномъ году происходили во всемъ по установленному порядку.

Въ гимназiи при институтѣ въ 1888 году былъ двѣнадцатый выпускъ воспитанниковъ. Окончили курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 13 человекъ. Къ 1-му iюня 1889 года въ гимназiи состояло 204 человекъ, въ томъ числѣ въ приготовительномъ классѣ 24. Въ настоящемъ году оканчиваютъ курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 11.

По постановленiю конференціи института, въ засѣданiи 5-го сего iюня, удостоены аттестатовъ объ окончанiи курса въ институтѣ 23 студента девятнадцатаго выпуска, въ томъ числѣ по разряду древнихъ языковъ—15 по разряду исторiи и географiи—8.

Въ личномъ составѣ преподавателей и наставниковъ института произошли въ 1888—1889 году слѣдующія перемѣны:

Лѣтомъ 1888 года бывший воспитанникъ института магистръ греческой словесности Новосадскій, бывший въ числѣ преподавателей дополнительныхъ лекцій греческаго языка въ институтѣ, опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ греческой словесности въ Варшавскій университетъ.

Наставникъ-руководитель по латинскому языку въ гимназiи при институтѣ и преподаватель латинскаго языка въ институтѣ Муссе-лиусъ уволенъ, согласно прошенiю, отъ службы. На должность наставника-руководителя по латинскому языку въ гимназiи при институтѣ опредѣленъ, съ 1-го августа 1888 года, преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназiи Санчурскій, также воспитанникъ института. Преподавателемъ латинскаго языка въ институтѣ избранъ конференціею и утвержденъ министерствомъ, съ 1-го сентября 1888 года, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета Холоднякъ.

С. С. ГОГОЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

29-го минувшаго іюня внезапно скончался отъ паралича сердца заслуженный профессоръ университета св. Владимира, докторъ философіи и древней филологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сильвестръ Сильвестровичъ Гогоцкій. Покойный профессоръ былъ сынъ кафедральнаго протоіерея города Каменецъ-Подольска. Онъ родился въ 1813 году и воспитаніе получилъ сначала въ Подольской духовной семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Сначала онъ былъ назначенъ преподавателемъ при академіи по классу польскаго языка, затѣмъ бакалавромъ нѣмецкаго языка и, наконецъ, пять лѣтъ спустя бакалавромъ философскихъ наукъ. Въ 1845 году С. С. Гогоцкій былъ признанъ кандидатомъ перваго отдѣленія философскаго факультета университета св. Владимира и затѣмъ удостоенъ степени магистра философіи. Въ 1848 году онъ былъ утвержденъ доцентомъ по кафедрѣ философіи въ томъ же университетѣ и тогда же избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Кіевской духовной академіи. Черезъ два года С. С. Гогоцкій былъ удостоенъ степени доктора философіи и древней филологіи и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ академіи по классу философскихъ наукъ, а въ 1851 году избранъ ординарнымъ профессоромъ педагогикѣ въ университетѣ. По выслугѣ тридцати лѣтъ, онъ былъ вновь назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ философіи, а по истеченіи пятилѣтія—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ; по выслугѣ новаго пятилѣтія, снова былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора. Такимъ образомъ, покойный Гогоцкій прослужилъ 45 лѣтъ, въ теченіе которыхъ постоянно читалъ логику, психологію, исторію философіи и педагогикѣ и временно латинскій языкъ. Изъ ученыхъ трудовъ покойнаго профессора наиболѣе извѣстны слѣдующіе: „Философскій лексиконъ“, „Критическій взглядъ на философію Канта“, „Діалектическая система Гегеля и обзоръніе системы философіи Гегеля“, „Педагогическое значеніе басенъ Крылова“ и „О высшемъ образованіи въ примѣненіи къ женщинѣ“.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ КАТАЛОГА АЕИНСКИХЪ АРХОНТОВЪ III ВѢКА ДО Р.-Х.

(300—265 г. до Р. Хр.)

В в е д е н і е.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлью снова разобрать на основаніи обогатившагося за послѣднее время аппарата источниковъ одинъ изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ хронологіи греческой исторіи III вѣка до Р. Хр., а именно—вопросъ о преемствѣ архонтовъ аеинскихъ. Авторъ ограничился первыми 35-ю годами этого вѣка въ виду того, что за это время несравненно болѣе сохранилось документовъ и существуетъ большая возможность провѣрять показанія эпиграфическихъ памятниковъ показаніями памятниковъ литературныхъ,—слѣдовательно, вообще можно быть болѣе увѣреннымъ въ выводахъ. На 265 годъ падаетъ смерть Арея Спартанскаго, стоящая въ связи съ такъ-называемою „Хремонидовскою“ войною Антигона Гонаты противъ аеинянъ ¹⁾. До этой именно даты мы и рѣшили только довести наше изслѣдованіе, такъ какъ Хремонидовская война составляетъ послѣдній хоть сколько-нибудь извѣстный фактъ аттической исторіи за это время. Уже она сама едва различается въ окружающемъ мракѣ, и

---

¹⁾ Дата смерти Арея—достоверна. Она опредѣляется изъ Діод. XX. 29, по которому онъ царствовалъ 44 года, а предшественникъ его Клеоменъ 60 л. 10 мѣсяцевъ. Братъ этого послѣдняго Агесиполидъ царствовалъ 1 годъ, при чемъ онъ наследовалъ павшему при Левитрахъ (іюль 371 года) Клеомвроту. Если разчетъ вѣренъ, получаемъ для смерти Арея май 265 года до Р. Хр. Ср. *Droysen*. *Epigon*. I. 243, прим 1. *Θ. Θ. Соколовъ*. Аеинск. постан. въ честь Аристомаха Аргосскаго. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1879, ноябрь, стр. 11 (отд. отд.).

нужна была вся принципиальность Нибура ²⁾, чтобы открыть самое ее существование.

Казалось бы, что дѣло идетъ о составленіи списка чиновниковъ, подобнаго другимъ, сохранившимся документально или составленнымъ прилежаніемъ новѣйшихъ ученыхъ, и, слѣдовательно, не имѣетъ особенно большаго, тѣмъ болѣе историческаго интереса. На дѣлѣ это вовсе не такъ. Классифицируя имена архонтовъ афинскихъ, мы имѣемъ съ тѣмъ классифицируемъ цѣлый рядъ единственныхъ современныхъ событіямъ документовъ аттической исторіи этого времени, документовъ, содержащихъ въ себѣ драгоценныя указанія для исторіи другихъ частей еллинскаго міра за то же время, и рѣшаемъ, кромѣ того, рядъ разнообразныхъ вопросовъ, какъ читатель увидитъ ниже. Если мы примемъ во вниманіе, что количество документовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ и что примѣръ недавнихъ важныхъ находокъ дозволяетъ надѣяться на подобныя же находки въ будущемъ, — то мы не преувеличимъ, если скажемъ, что, составляя списокъ архонтовъ, мы подбираемъ кость къ кости, самый скелетъ будущей аттической, а можетъ быть, и всеобщей еллинской исторіи того времени. Наставая на послѣднемъ выраженіи, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе на превосходство аттической датировки архонтами передъ датировкой документовъ другихъ мѣстъ греческаго міра царями или своими магистратами. Не говоря уже о послѣднихъ датировкахъ, которыя совершенно нѣмы для насъ, — датировка царями далеко неудовлетворительна. Во всѣхъ династіяхъ еллинистическихъ царствъ часто попадаются цари съ одинаковыми именами. Поэтому большая часть документовъ, датированныхъ такимъ образомъ, можетъ быть относима къ нѣсколькимъ царямъ — омонимамъ, что составляетъ немалое затрудненіе, такъ что рѣшающее значеніе имѣютъ побочныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, упоминаемая въ тѣхъ же надписяхъ войны и т. п. Но и тутъ часто остается еще мѣсто сомнѣнію. Кромѣ того, на сколько я знаю, въ надписяхъ съ именами царей чрезвычайно рѣдко называется также и годъ царства, такъ что документъ падаетъ въ лучшемъ случаѣ на опредѣленную эпоху въ нѣсколько лѣтъ, иногда въ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Аттическая датировка представляетъ неопѣненныя преимущества, первое изъ которыхъ уже то, что датируется не такимъ лицомъ, которое правитъ нѣсколько лѣтъ, а такимъ, которое обозначаетъ

²⁾ Kleine Historische Schriften, томъ I, стр. 451 слл.

прямо опредѣленный годъ. Годъ аттичскій почти совпадаетъ съ олимпійскимъ; это второе важное преимущество, такъ какъ счисленіе по олимпиадамъ есть, такъ сказать, основное еллинское счисленіе, которымъ датируются событія въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ греческаго міра. Оба эти преимущества были сознаны уже и древними, и датировка аттическими архонтами была одною изъ распространенныхъ. Кромѣ общепризнанности, аттическая датировка имѣетъ для насъ еще значеніе какъ единственная (послѣ, разумѣется, олимпійской) несомнѣнно засвидѣтельствованная и притомъ на длинномъ рядѣ годовъ. Въ „исторической вивлиоикѣ“ Діодора Сицилійскаго сохранился до насъ списокъ аттическихъ архонтовъ съ 480 до 302 года до Р. Хр. ³⁾, за исключеніемъ мелкихъ недочетовъ ⁴⁾, совершенно полный и подтверждающійся документами. Всѣ занимающіеся древнею исторіей знаютъ, какое важное значеніе представляетъ этотъ списокъ, имѣющій окончательный голосъ при рѣшеніи всякаго рода хронологическихъ вопросовъ и дѣлающій свѣдѣнія наши о соответствующемъ ему періодѣ гораздо болѣе ясными, чѣмъ какими они были бы безъ него. На 302 году до Р. Хр. Діодорова связная исторія прекращается, и въ отрывкахъ изъ слѣдующихъ книгъ, какъ нарочно, не попадаетъ уже ни одного имени архонта. Въ теченіе еще девяти лѣтъ насъ не покидаетъ, какъ увидимъ ниже, другой списокъ архонтовъ; но на 29¹/₂ годѣ до Р. Хр. обрывается и онъ, и мы оказываемся безъ всякаго руководства среди историческаго времени, свѣдѣнія о которомъ можно причислить къ разряду самыхъ плохихъ и скудныхъ, какія мы только имѣемъ изъ древней исторіи. Ни одного современнаго писателя не дошло до насъ цѣликомъ. Всѣ главныя извѣстія о борьбѣ діадоховъ, объ установленіи того порядка на еллинскомъ Востокѣ, который продолжался потомъ вплоть до подпаденія его власти Рима, мы получаемъ отъ писателей, жившихъ спустя четыре вѣка послѣ описываемыхъ ими событій, и потому, естественно, почерпавшихъ свои свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ и къ тому еще не всегда умѣвшихъ ими хорошо пользоваться. Именно главными нашими источниками для этого времени служатъ Плутархъ и Павсанія, къ которымъ уже присоединяются жалкіе отрывки современныхъ писателей, (какъ, напримеръ, Геронима Кардіанскаго, Дурида Самійскаго, Филохора и др.), сохраненные въ цитатахъ другихъ авторовъ, сочиненія разныхъ анек-

³⁾ Въ книгахъ XI—XX.

⁴⁾ О которыхъ будетъ упомянуто въ первой главѣ.

дотистовъ и епитоматоровъ, на первомъ мѣстѣ между которыми стоитъ Юстинъ, затѣмъ АѢней, Полиенъ, Діогенъ Лаертскій и др. Если каталогъ архонтовъ вносилъ ясность въ тѣ отдѣлы исторіи, для которыхъ мы имѣемъ непрерывное изложеніе Иродота, Фукидида и Ксенофонта, то можно себѣ представить, какъ существенна для насъ его потеря для III вѣка! Рядъ цѣнныхъ историческихъ намековъ, заключающихся, на примѣръ, въ документахъ начала III вѣка, которые намъ придется разобрать въ настоящемъ сочиненіи, получаетъ полное значеніе и ясность только тогда, когда самые документы расположены въ болѣе правильной хронологической связи, чѣмъ это дѣлалось доселѣ. Если попытка привести хотя нѣкоторые изъ нихъ въ эту связь, кажется, намъ удалась—то главнымъ образомъ благодаря двумъ обстоятельствамъ: во первыхъ, количество документовъ изъ интересующаго насъ времени значительно увеличилось и не перестаетъ увеличиваться, что представляетъ даже своего рода „счастливое неудобство“; во вторыхъ, неоднократныя попытки со стороны разныхъ ученыхъ восстановить списокъ архонтовъ послѣ 29³/₂ года, попытки хотя бы и не удавшіяся за недостаткомъ матеріала, перебрали такое большое количество вѣроятныхъ датированій этихъ архонтовъ, что если задача прямо и не облегчается, то, по крайней мѣрѣ, устраняется возможность многихъ ошибокъ.

Изъ ученыхъ, дѣлавшихъ такія попытки, прежде всего слѣдуетъ назвать Мейера ⁵⁾. Онъ ограничился еще алфавитнымъ сопоставленіемъ архонтовъ, правившихъ послѣ 29³/₂ года ⁶⁾. Такимъ же образомъ поступилъ Вестерманъ ⁷⁾. Первый, кому пришла мысль на основаніи надписей попытаться найти послѣдовательный порядокъ преемства этихъ архонтовъ (съ 29³/₄ по 26⁴/₃ годъ до Р. Хр.) былъ Диттенбергеръ ⁸⁾. Спѣша къ самому дѣлу, мы уже не будемъ разбирать

⁵⁾ Index Atticorum Archontum Eponymorum, qui post Olymp. CXXI. 2 ann magistratum obtinuerunt, приложенный къ его Dissertatio epigraphica secunda. Halis Saxonom. 1854 и въ Index Scholarum Галльскаго университета за тотъ же годъ.

⁶⁾ То-есть, по Мейеру и всѣмъ прежнимъ ученымъ, послѣ 29³/₄ года. См. первую главу нашей диссертациі.

⁷⁾ Во второмъ изданіи перваго тома Энциклопедіи Паули подъ сл. archontes (1866 г.).

⁸⁾ *Hermes*, т. II (1867 г.), стр. 285 слл. Я не привожу въ текстъ вышедшаго въ 1860 году перевода на ново-греческій языкъ учебника древностей Бойзена, къ которому переводчикъ Руссопулъ прибавилъ каталогъ архонтовъ, потому что врядъ ли у кого здѣсь эта книга имѣется. Изъ интересующихъ насъ архонтовъ, названныхъ по надписямъ, у него находится только Діотимъ и Исѣй.

въ подробностяхъ статью Диттенбергера. Какъ и всякая первая попытка, она во многомъ неудовлетворительна и теперь, при значительно увеличившемся матеріалѣ, является устарѣвшею. Замѣтимъ только, что уже Диттенбергеръ употребилъ для доказательства вѣрности своей расстановки архонтовъ сравненіе съ схемою Метоновскаго цикла, данною Иделеромъ⁹⁾. Какъ видно изъ выписаннаго мѣста, Диттенбергеръ самъ не былъ увѣренъ въ томъ, что Метоновскій циклъ былъ въ III вѣкѣ въ употребленіи въ Аѣинахъ. Ему казалось это только вѣроятнымъ. Къ вопросу о томъ, на сколько такое мнѣніе Диттенбергера было основательно, а также и о томъ, можно ли вообще, на основаніи даже доказанной послѣдовательности простыхъ и сложныхъ годовъ въ циклѣ, опредѣлять годы архонтовъ, мы еще вернемся—здѣсь замѣтимъ только, что „вѣроятность“ Диттенбергера безъ всякихъ особыхъ причинъ у его преемниковъ превратилась въ увѣренность, такъ, напримѣръ, Виламовицъ фонъ-Мѣллендорфъ¹⁰⁾ заявляетъ, что единственнымъ вѣрнымъ средствомъ восстановленія хронологіи аттическихъ архонтовъ „само собою понятно“ является циклъ, бывшій въ то время въ ходу въ Аѣинахъ. Но продолжимъ наше хронологическое перечисленіе важнѣйшихъ попытокъ распределенія архонтовъ по годамъ въ началѣ III вѣка.

Въ 1870 г. появилось изслѣдованіе бывшаго директора французской школы въ Аѣинахъ Dumont¹¹⁾. Dumont былъ наведенъ на хроноло-

⁹⁾ *Herm.*, стр. 304. „Die oben (то-есть, въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ документамъ) in Betreff der Schalt und Gemeinjahre ermittelten Resultate würden nur dann zur näheren Bestimmung der Zeit der einzelnen Archonten beitragen können, wenn die Frage nach dem damaligen attischen Kalender entschieden wäre. Dieselbe zu entscheiden, oder der Entscheidung näher zu bringen fühle ich mich nicht befähigt; ich beschränke mich daher darauf, am Schlusse meiner Abhandlung zu zeigen, wie sich die gewonnenen Resultate unter derjenigen Voraussetzung stellen werden, *die mir die wahrscheinlichste ist*, nämlich dass damals der metonische Kalender in der Form, wie er von Ideler hergestellt ist, in Athen gegolten habe“.

¹⁰⁾ *Antig. von Karystos* (Philol. Untersuchungen, т. IV), стр. 235. Die Archontenliste muss hergestellt werden, und zu ihrer Herstellung womöglich ein anderes Mittel als die Anordnung der historischen Tatsachen gefunden werden. Dies Mittel ist selbstverständlich der in Athen geltende Schaltcyclus. Dittenberger hatte diese Frage in vorsichtigsten Grenzen gehalten, Köhler war ihr ausgewichen“ и т. д. Далѣе Виламовицъ говоритъ, что надо быть весьма благодарнымъ за попытки Узенера и Унгера восстановить календарь, хотя и не признаетъ ихъ абсолютно удовлетворительными.

¹¹⁾ *Essai sur la chronologie des archontes athéniens postérieurs à la CXXII Olympiade*. Перепечатано безъ измѣненій во второмъ томѣ его *Essai sur l'éphébie attique*.

гическія изслѣдованія годовъ афинскихъ архонтовъ своими трудами по собиранію матеріала для исторіи аттической ефивіи. Совершенно вѣрна его мысль, что ефивическіе документы, доминирующіе въ аттической эпиграфикѣ съ конца II вѣка до Р. Х., должны быть считаемы однимъ изъ важнѣйшихъ основаній для будущей постройки какъ аттической хронологіи, такъ и исторіи аттической аристократіи¹²⁾. Документы эти соединяются въ группы именами различныхъ ефивическихъ магистратовъ, исполнявшихъ свои обязанности нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Если является возможность отнести къ опредѣленному году хотя одного изъ архонтовъ, упоминающихся въ этихъ документахъ — вся группа вмѣстѣ съ нимъ относительно датирована. Это, разумѣется, есть уже важная предварительная работа. Для нашего періода, однако, у Dumont весьма мало мы найдемъ чѣмъ попользоваться. Изъ группы ефивическихъ документовъ, относящихся къ началу III вѣка до Р. Х., онъ могъ пользоваться для своихъ цѣлей только двумя: С. I. A. II 316 и 324 съ архонтами Полиевтомъ (324) и Менокломъ и Никіей Отринеицемъ (316). Нѣсколькими новыми надписями воспользовался Dumont въ своемъ второмъ сочиненіи, специально посвященномъ уже хронологіи архонтовъ¹³⁾ и заключающемъ въ себѣ довольно много фрагментовъ, въ то время бывшихъ не изданными. Къ первой половинѣ III вѣка относится документъ С. I. A. II 338 съ неполнѣ сохранившимся именемъ архонта: ἐπι Φιλόν[εω ἄρχοντος], (какъ читаетъ Келеръ), изданный у Dumont подъ п. I¹⁴⁾ въ этомъ послѣднемъ сочиненіи. Изъ остальныхъ надписей того же времени надпись года Кимона архонта (С. I. A. II 330) напечатана во второмъ томѣ Ephébie подъ п. III безъ фрагментовъ а и b (по счету Келера), изъ которыхъ послѣдній имѣетъ рѣшительное вліяніе на восстановленіе имени архонта. Надписи С. I. A. II 339, 340, 341, въ которыхъ не сохранилось именъ архонтовъ, но изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, первыя двѣ несомнѣнно происходятъ изъ нашего времени, стали извѣстны послѣ изданія обѣихъ работъ Dumont¹⁵⁾.

¹²⁾ Ср. *Dumont. Essai*, стр. 13—14.

¹³⁾ *Fastes eponymiques d'Athènes. Paris. 1874.*

¹⁴⁾ И въ *Addenda* къ *Ephébie* подъ п. I^a.

¹⁵⁾ Въ п. 339 подотривъ, аконтасть и опломахъ тѣ же, что въ документѣ года Филона архонта. Въ п. 340 подотривъ тотъ же, что въ обѣихъ предшествовавшихъ надписяхъ. Въ п. 341 Кумандасъ восстанавливалъ опять его же имя, но подъ сомнѣніемъ. Нѣкоторые признаки заставляютъ отнести эту надпись, по видимому, къ нѣсколько болѣе позднимъ временамъ.

Мы намеренно нѣсколько долѣе остановились на трудахъ этого ученаго, такъ какъ онъ всталъ, по нашему мнѣнію, на единственно вѣрную почву, поставивъ всякое изслѣдованіе по хронологіи документовъ въ связь съ фактами, въ нихъ упоминаемыми. Онъ говоритъ, что счелъ своимъ долгомъ не прибѣгать за разрѣшеніемъ хронологическихъ затрудненій къ изслѣдованію календарныхъ особенностей различныхъ годовъ, такъ какъ календарь того времени далеко не можетъ считаться извѣстнымъ ¹⁶⁾. Къ сожалѣнію, Dumont не нашелъ себѣ подражателей среди германскихъ ученыхъ, къ трудамъ которыхъ намъ теперь приходится перейти, и которые предпочитаютъ со-всѣмъ замалчивать изслѣдованія Dumont, какъ будто бы послѣднія вовсе не существовали.

Въ 1879 году явилось сразу два изслѣдованія по аттической хронологіи. Одно изъ нихъ, имѣющее спеціальную цѣлью опредѣлить послѣдовательность аттическихъ архонтовъ съ 30¹/₀ по 28⁵/₄ годъ по Р. Хр., принадлежитъ Унгеру ¹⁷⁾. Другое, главнымъ образомъ имѣющее въ виду календарь,—Узенеру ¹⁸⁾. Календарная система Унгера нашла себѣ болѣе подражателей, къ которымъ надо причислить Вилламовица-фонъ-Мёллендорфа ¹⁹⁾ и, въ особенности, Шмидта ²⁰⁾.

¹⁶⁾ Essai, стр. 10. „J'ai cru aussi devoir m'interdire les données chronologiques qu'on a coutume de demander aux années intercalaires. . . . Les années intercalaires ne doivent pas entrer dans nos calculs; mais notre travail permettra peut-être d'étudier à nouveau la question des deux cycles“. По нашему мнѣнію, если когда мы узнаемъ въ точности календарь, бывшій въ концѣ IV и въ началѣ III вѣка въ употребленіи въ Афинахъ, то благодаря двумъ обстоятельствамъ. Увеличившееся количество граескриптовъ изъ времени до 29³/₂ года дастъ возможность точнѣе, чѣмъ то возможно теперь, опредѣлить календарныя особенности каждаго отдѣльнаго года, а увеличившееся количество документовъ III вѣка дастъ, надо надѣяться, полный списокъ архонтовъ времени слѣдующаго за 29³/₂ годомъ. Лишь когда списокъ этотъ будетъ точно установленъ, граескрипта отдѣльныхъ документовъ можно будетъ подвергнуть также изслѣдованію—и тогда на рядъ бесспорныхъ данныхъ мы въ состояніи будемъ составить представленіе о календарѣ. Отмѣтимъ еще одно весьма важное замѣчаніе Dumont на стр. 11, что надписи нашего періода нельзя датировать слишкомъ точно на основаніи формъ буквъ, такъ какъ надписи, раздѣленные иногда лишь нѣсколькими годами, показываютъ подъ-часъ довольно рѣзкую разницу въ написаніи. Слишкомъ большое довѣріе къ своему эпиграфическому чутью составляетъ, между прочимъ, коренную ошибку знаменитаго У. Келера, въ чемъ мы будемъ имѣть случай не разъ убѣдиться въ теченіи хода этой работы.

¹⁷⁾ *Philologus*, т. XXXVIII, стр. 423—502.

¹⁸⁾ *Rheinisches Museum*, т. XXXIV, стр. 388—441. Chronologische Beiträge.

¹⁹⁾ Antigonos von Karystos, составляющій IV томъ серіи „Philologische Untersuchungen“, стр. 235 сл. Chronologische Beilage.

²⁰⁾ *Jahrbücher für klassische Philologie*, 1884, стр. 649 сл.

Но пока Шмидтъ, какъ онъ выражается, „былъ удовлетворенъ“ своимъ согласіемъ съ Унгеромъ ²¹⁾, этотъ послѣдній сжегъ свои корабли и выступилъ съ совершенно новою гипотезой относительно аттическаго календаря въ интересующую насъ эпоху ²²⁾. Исторію различныхъ объясненій вышеупомянутаго календаря удобнѣе всего мы находимъ теперь въ „Учебникѣ греческой хронологіи“ того же Шмидта, вышедшемъ послѣ его смерти подъ редакціей Рюля ²³⁾, въ которомъ Шмидтъ уже знаетъ о „несчастной метаморфозѣ“ Унгера, но еще по коротенькому догматическому изложенію въ энциклопедіи Ив. Миллера.

Я сознаюсь, что приступаю теперь къ самому для меня тягостному отдѣлу работы. Не имѣя потребныхъ астрономическихъ свѣдѣній, я, разумѣется, не могу сказать о календарѣ аэинскомъ ничего самостоятельнаго. Какъ мною уже высказано ранѣе ²⁴⁾, мнѣ кажется, что вопросъ о послѣдовательности архонтовъ даже не слѣдуетъ вовсе приводить въ связь съ вопросомъ о календарѣ до тѣхъ поръ, пока каждый изъ этихъ вопросовъ не будетъ рѣшенъ самостоятельно. Но такъ какъ во всѣхъ послѣднихъ работахъ оба эти вопроса трактовались вмѣстѣ и въ зависимости одинъ отъ другаго — то я не нахожу возможнымъ совсѣмъ обойти и вопросъ хронологическій, то есть, календарный ²⁵⁾.

Подъ годомъ архонта Апсевда (Ol. 86. 4. = 43³/₂ г. до Р. Хр.) мы читаемъ у Діодора слѣдующее ²⁶⁾: „При архонтѣ же въ Аэинахъ

²¹⁾ *Schmidt*. Handbuch der Griechischen Chronologie herausg. v. *Fr. Rühl*. Jena. 1888, стр. 442, ... war ich in der Lage, in meinen „Chronol. Fragmenten“ 1884 S. 652. mit Genugthuung sagen zu können, dass diese wahre metonische Schaltordnung „auch von *Unger* anerkannt“ sei. Diese Genugthuung währte aber nicht lange“...

²²⁾ Въ *Iw. Müller's* Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, т. I, стр. 586 слл. и въ *Philologus*, V, Supplement-Band, въ статьѣ *Attische Archonten*, 292—260 v. Chr., 667 слл.

²³⁾ См. примѣч. 21.

²⁴⁾ См. примѣч. 16.

²⁵⁾ Нижеслѣдующій очеркъ основанъ главнымъ образомъ на упомянутыхъ только что учебникѣ А. Шмидта и краткомъ изложеніи Унгера въ энциклопедіи Миллера.

²⁶⁾ *Diod.* XII, 36. 'Επ' ἀρχοντος δ' Ἀθήνησιν Ἀψευδους.... ἐν δὲ ταῖς Ἀθήναις Μέτων ὁ Πανσανίου μὲν υἱὸς, δεδοξασμένος δὲ ἐν ἀστρολογίᾳ, ἐξέβηκε τὴν ὀνομαζομένην ἐνεακαίδεκαετηρίδα, τὴν ἀρχὴν ποιησάμενος ἀπὸ μηνός ἐν Ἀθήναις Σκιροφοριῶνος τρισκαίδεκάτης. Ἐν δὲ τοῖς εἰρημενοῖς ἔτεσι τὰ ἄστρο τὴν ἀποκατάστασιν ποιεῖται καὶ καθάπερ ἐναυτοῦ τινος μεγάλου τὸν ἀνακυλισμὸν λαμβάνει. διὸ καὶ τινες αὐτὸν Μέτωνος ἐναυτὸν ὀνομάζουσι· δοκεῖ δὲ ὁ ἀνὴρ οὗτος ἐν τῇ προῤῥήσει καὶ προγραφῇ

Апсевдѣ... Метонъ, сынъ Павсанія, прославившійся въ астрологіи, выставилъ въ Аѣинахъ, такъ-называемое, девятнадцатилѣтіе, начавшееся съ тринадцатаго числа аѣинскаго мѣсяца Скирофоріона. Въ теченіе означеннаго числа лѣтъ звѣздное небо принимаетъ прежнее положеніе и какъ бы снова начинается нѣкій большой годъ. Поэтому упомянутый періодъ нѣкоторые и называютъ годомъ Метона. По видимому, расчеты и предсказанія этого мужа дѣйствительно весьма удачны, ибо звѣзды двигаются и восходятъ согласно съ его предписаніями. Почему до нашего времени ²⁷⁾ большая часть еллиновъ пользуется девятнадцатилѣтіемъ и вѣрно считаетъ время“.

Кромѣ этого свидѣтельства Діодора, мы знаемъ еще, что въ девятнадцатилѣтіи Метона было семь сложныхъ годовъ ²⁸⁾. Но которые именно годы имѣли вставной мѣсяцъ? Если какой, то именно этотъ вопросъ могъ бы имѣть важность для приписанія документовъ тому или другому году. Но именно этотъ то пунктъ и неизвѣстенъ. Отсылая за подробностями къ указаннымъ сочиненіямъ, мы здѣсь сопоставимъ только проекты возстановленія Метоновскаго девятнадцатилѣтія, предложенные различными учеными. Сложные годы обозначены римскими цифрами.

А. Моммсенъ	I. 2. 3. IV. 5. VI. 7. 8. IX. 10. 11. XII. 13. XIV. 15. 16. XVII. 18. 19.
Скалгеръ. Е. Мюллеръ. А. Моммсенъ.	
Унгеръ	1. II. 3. 4. V. 6. 7. VIII. 9. X. 11. 12. XIII. 14. 15. XVI. 17. XVII. 19.
Шмидтъ. Унгеръ . .	1. II. 3. 4. V. 6. 7. VIII. 9. 10. XI. 12. 13. XIV. 15. XVI. 17. XVII. 19.
Додвелль. Иделеръ.	
Беккъ. Редликъ.	
Узенеръ. Грессвелль	1. 2. III. 4. V. 6. 7. VIII. 9. 10. XI. 12. XIII. 14. 15. XVI. 17. 18. XIX.
Петавій. Унгеръ . .	1. 2. III. 4. 5. VI. 7. VIII. 9. 10. XI. 12. 13. XIV. 15. 16. XVII. 18. XIX.
А. Моммсенъ	1. 2. III. 4. 5. VI. 7. 8. IX. 10. XI. 12. 13. XIV. 15. 16. XVII. 18. XIX.

Изъ нашего сопоставленія мы видимъ, что только два года 7-й и 15-й остаются во всѣхъ системахъ простыми, и что нѣтъ ни од-

ταύτη θαυμαστὸς ἐπιτετυχέναι· τὰ γὰρ ἄστρα τὴν τε κίνησιν καὶ τὰς ἐπισημασίας ποιεῖται συμφώνως τῇ γραφῇ. διὸ μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων οἱ πλείστοι τῶν Ἑλλήνων ἠρώμενοι τῇ ἐνεακαιδεκαετηρίδι οὐ διαφεύδονται τῆς ἀληθείας.

²⁷⁾ Діодоръ былъ современникомъ Цезаря и Августа.

²⁸⁾ Censorinus. De die nat. XVIII. Praeterea sunt anni magni complures; ut Metonicus, quem Meton Atheniensis ex annis undeviginti constituit eoque ἐνεακαιδεκαετηρίς appellatur et intercalatur septies. Я, для краткости, вездѣ называю сложными годы со вставнымъ мѣсяцемъ.

ного года, который былъ бы во всѣхъ системахъ сложнымъ. Уже одинъ этотъ результатъ заставилъ бы насъ относиться съ крайнимъ недоумѣремъ ко всякой изъ этихъ системъ, взятой въ отдѣльности. Но есть обстоятельства, усугубляющія ихъ подозрительность и просто на просто воспрепятствующія пользоваться ими какъ базисомъ для какихъ бы то ни было построений.

Таблица, подобная нашей, легко могла бы ввести въ заблужденіе неспеціалистовъ, еслибы факты въ ней сопоставленные значительно разнились другъ отъ друга по времени, то-есть, еслибы въ ней рядомъ стояли и системы, предложенныя нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, и системы, построенныя на основаніи увеличившагося матеріала. Тогда противорѣчіе первыхъ съ послѣдними не имѣло бы значенія. Но въ нашемъ вопросѣ, на оборотъ, колебанія и противорѣчія встрѣчаются почти одновременно. Одни и тѣ же ученые на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ мѣняютъ свои мнѣнія, порою снова примыкая къ мнѣніямъ старымъ, давно оставленнымъ. Такъ въ 1879 году Узенеръ ²⁹⁾ счелъ возможнымъ применить къ схемѣ Иделера, а Унгеръ, на основаніи различныхъ соображеній и сличеній съ мнимо безспорными показаніями епиграфическаго матеріала, составилъ совсѣмъ новую схему ³⁰⁾. Въ 1883 году Авг. Момсенъ ³¹⁾, выставляетъ опять новую схему, несогласную ни съ своими двумя прежними, ни съ какою другою, Шмидтъ приблизительно въ это же время, или немного позже, присоединяется къ Унгеру ³²⁾, а самъ Унгеръ бросаетъ въ 1886 году ту схему, которую въ 1879 году считалъ единственно возможною и доказывалъ на аттическихъ документахъ, и на тѣхъ же самыхъ документахъ доказываетъ, что въ Аэинахъ никогда не вводился Метоновскій кикль, а была введена какая-то, правда на него похожая, что касается порядка интеркалированія, новая система ³³⁾, а въ интеркалированіи Метоновскаго кикля примыкаетъ къ старому мнѣнію Петавія ³⁴⁾.

Ученые, хотѣвшіе для приданія большаго вѣса предложеннымъ ими схемамъ кикля дать имъ видъ проверенныхъ по докумен-

²⁹⁾ *Rheinisches Museum*, XXXIV, стр. 388 сл., у насъ рядъ четвертый.

³⁰⁾ *Philologus*, XXXVIII, стр. 423, у насъ рядъ третій.

³¹⁾ *Chronologie*, стр. 248, у насъ рядъ шестой.

³²⁾ *Chronologie*, стр. 434 и друг. мѣста.

³³⁾ „*Handbuch*“ *Миллера* и въ особенности *Philologus*, V, Supplementband, стр. 667 и слѣд.

³⁴⁾ *Handbuch*, стр. 575 и на выше цитированной страницѣ *Philologus*

тамъ, вляли эти документы на Прокрустово ложе заранѣе избрѣ-тенной ими схемы. Поэтому неудивительно, что одни и тѣ же до-кументы приводятся однимъ для доказательства простоты даннаго года, другимъ для доказательства сложности его. Но еще гораздо важнѣе то обстоятельство, что нѣкоторыя ново-найденныя надписи противорѣчатъ какъ отдѣльнымъ выставленнымъ схемамъ интеркалірованія, такъ и нѣкоторымъ изъ правилъ, полагавшимся въ ос-нованіе при составленіи этихъ схемъ. Такъ въ Athenische Mitteilungen, VIII, стр. 210, издана надпись съ слѣдующими вступитель-ными формулами:

Ol. CXIII. 4.

32⁵/₄.

Ἐπ' Ἀντιχλέους ἀρχοντος ἐπὶ τῆς Αἰγείδος πέμπτ-ης προτανείας ἢ Ἀντιφῶν Κοροΐβου Ἐλευσι. ἐγρε-μμάτευσεν. Ἐνδεκάτη. Τετάρτη καὶ τριακοστῇ τῆς προταν-είας и т. д.

Отсутствие имени мѣсяца, довольно обычное явленіе въ аттиче-скихъ надписяхъ этого времени, не мѣшаетъ тотчасъ же признать на основаніи этихъ прескриптъ годъ архонта Антикла сложнымъ. Только въ сложномъ году падаетъ тридцать четвертый день пятой пританіи на одиннадцатое число 7-го мѣсяца, то-есть, вѣроятно, въ данномъ случаѣ втораго Посидеона. Въ простомъ году этотъ день пританіи падалъ бы на одно изъ послѣднихъ чиселъ 6-го мѣсяца — Посидеона. Во всѣхъ схемахъ (за исключеніемъ 6-й Моммсеновской, гдѣ онъ 14-й годъ) годъ архонта Антикла 13-й годъ VI-го цикла ³⁵). Безспорное показаніе нашей надписи противорѣчитъ слѣдовательно схемамъ 1-й, 3-й и 5-й. Но за то оно подтверждаетъ схемы 2-ю, 4-ю и 6-ю. Лишь весьма недавно ставшее извѣстнымъ качество года архонта Анаксикрата 30⁷/₆ г. до Р. Хр. окончательно раз-рушаетъ всѣ схемы, такъ какъ показываетъ несостоятельность одного изъ основныхъ и общепризнанныхъ правилъ всѣхъ схемъ —

³⁵) На сколько мнѣ извѣстно, хронологи признаютъ первымъ годомъ Мето-новскаго цикла, независимо отъ того, былъ ли онъ тогда же введенъ въ упо-требленіе или нѣтъ, Ol. 87, 1. 43²/₁ до Р. Хр., такъ какъ обнародованіе его (см. приведенный въ прим. 26 текстъ Діодора) состоялось въ послѣдніе дни пред-шествовавшаго года. См. Schmidt, стр. 442. Умбергъ, Handb., I, стр. 579. Одинъ только Моммсенъ въ своей „Хронологіи“ дѣлаетъ исключеніе въ пользу 43³/₂ года. Такъ что у него всѣ года будутъ на единицу больше, чѣмъ въ другихъ системахъ.

а именно отрицанія возможности слѣдованія подъ рядъ двухъ сложныхъ годовъ ³⁶).

Одинъ въ послѣднее время найденный на Акрополѣ афинскомъ фрагментъ столь же бесспорно показываетъ, что 30^{7/6} годъ до Р. Хр.—(12-й или 13-й годъ VII-го Метоновскаго цикла) былъ также сложнымъ. Простое сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ разрушаетъ все, что до сихъ поръ было выставлено гипотетическаго относительно Метоновскаго цикла.

Но годъ архонта Анаксикрата, хотя и принадлежитъ еще IV вѣку, для насъ интересенъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, а потому мы позволяемъ себѣ остановиться на немъ подробнѣе здѣсь же.

Только что упомянутый нами новый фрагментъ изданъ Лоллингомъ въ новомъ изданіи греческой ефоріи древностей—'Αρχαιολογικὸν δελτίον, 1888, стр. 113, п. 8, какъ все тамъ издающееся, minusculis и безъ надстрочныхъ знаковъ. Вотъ онъ ³⁷):

³⁶) Эти правила лучше всего изложены у Унгера, *Philol.*, XXXVIII, стр. 437: „Die zwei Regeln, welchen jeder Mondjahreszyklus folgt, sind: 1) zwei Schaltjahre dürfen nicht aufeinander folgen, jedes muss von Gemeinjahre umgeben sein: denn der Schaltmonat entsteht aus dem im Gemeinjahre von 354 oder 355 Tagen nicht untergebrachten Rest des Sonnenjahrs, er entsteht aber erst, wenn dieser Rest sich multiplicirt hat; ein einziger Jahr liefert nur 10 — 12 Tage. 2) Jener Rest ist in drei gewöhnlichen Mondjahren zur Länge eines ganzen Monats angewachsen und weil sein dreifaches bereits die Dauer eines solchen übersteigt, so ist manchmal auch schon dem zweiten Jahr nach einem Schaltjahre wieder ein Monat beizugeben. Hieraus erwächst die andere Regel: dass nicht mehr als zwei Gemeinjahre auf einander folgen dürfen.

³⁷) Въ единственномъ имѣющемся въ Петербургѣ экземплярѣ этого изданія (въ библиотекѣ Академіи Наукъ) недостаетъ какъ разъ іюньскаго листа въ которомъ изданъ нашъ фрагментъ— и потому я весьма радъ, что сдѣлалъ надлежащую выписку еще въ Берлинѣ, хотя комментарий списанъ съ сокращеніемъ, о чемъ, можетъ быть, теперь придется пожалѣть. Присоединяю его здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ списалъ: „Τεμάχιον λίθου ὁπισθογράφου... πρὸς ἀριστερὰ ἄκρον σώζεται... ἀνήκει... εἰς τὴν αὐτὴν ἐπιγραφὴν μετὰ τῶν ἐν τῷ C. I. A. II 250. 733. 734 (ἐν τῷ τέλει τοῦ δευτέρου στίχου διέκρινα FIII) καὶ 735 δημοσιευθέντων τεμαχίων. Ἡ ἐν τῇ μιᾷ πλευρᾷ τοῦ λίθου ἐπιγραφὴ πραγματοῦται περὶ παραδόσεων ἱερῶν πραγμάτων τῆς Ἀθηνῶν (уже я совершенно не помню у Лоллинга ли опущена надпись этой стороны нашего фрагмента, или я опустил ее самъ въ своей выпискѣ) Ἐν δὲ τῇ ἀντιθέτῃ πλευρᾷ ἀνεγράφησαν τὰ ὄπλα, ἃ κατὰ τὸ φῆσιμα τοῦ Δημοχάρου... (etc. Здѣсь повторяется объясненіе данное Келеромъ при № 733 C. I. A. Объясненіе это, какъ мы постараемся доказать во второй главѣ нашей диссертациі, — невѣрно)... πιθανὸν ὅτι ὁ ἐν τῇ ἐπιγραφῇ C. I. A. II 320^b. ἄρχων Ἀναξικράτης ταύτιστός ἐστι μετὰ τοῦ ἐν τῷ νέῳ τεμαχίῳ μνημονευθέντος.

. υθ
 δημο
 ισηγο
 5 Επ Αναξιερ[ατους αρχοντος μηνος
 Γ]αμηλιωνος υστ[ερου κατα το ψηφισ
     μα του δημο[ο
 παρα των Δ[. . . . . Καλλ;
 ικρατους
 του παρα Φι
 10 παρ Αντιφ[ανους
 ντος Πανφ[ανους . . . παρα
 αρους Αφ[ιδναίου . . . παρα . . . Τρι
 νεμειεως
 παρα Φρυν[ισκου
 15 λ]ιστρατι
 πτ]ρεως Εο
 α]σπιδας
 πι]δας επι[χαλκουσ
 . .]ιας Δσται
 20 ε]υς : ΗΔΔΔΠ:
 ι]μενας : Δ
 α]σπιδας ε[πιχαλκουσ
 ανιομε
 ατης Δ
 25 πε]λτας
 ευτε] λεις
 : ΙΙΙ : πε[λτας
 ας ΔΙ

Замѣтимъ прежде всего, что Лоллингъ въ только что выписанномъ комментарий допускаетъ какую-то удивительную неточность, говоря, что нашъ фрагментъ несомнѣнно принадлежитъ къ одной надписи съ нп. 250. 733. 734 и 735. Даже не имѣя возможности снова сличить эти камни по однимъ изданіямъ ихъ, слѣдуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонить это утверждение. № 250 писанъ στοιχηδόν. Келлеръ въ примѣчаніи къ нему прямо говоритъ, что онъ издастъ во 2-й части другой документъ, изъ котораго видно, что въ Ol. 118. 3 было собрано большое количество оружія въ замкѣ, и считаетъ вѣроятнымъ, что и документъ 250 содержитъ перечисленіе оружія,

собранныго въ этотъ же годъ и по этому же обстоятельству ³⁸⁾). Нашъ фрагментъ описеографическій — п. 250 нѣтъ. № 733, напротивъ, несомнѣнно составляетъ часть одной и той же надписи съ новонайденнымъ фрагментомъ. Онъ также *ὁπισθόγραφον*, и содержаніе обѣихъ сторонъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ ихъ соприкосновенности. На сторонѣ, обозначенной у Келера буквою А, сохранилась часть каталога священныхъ предметовъ, принадлежащихъ Аэинѣ. Часть эта написана *στοιχῆδόν* буквами, попадающимися именно въ самомъ концѣ IV и началѣ III вѣка (φ — имѣетъ форму +), на сторонѣ В сохранилось то самое перечисленіе оружія, о которомъ упоминаетъ Келеръ въ примѣчаніи къ п. 250-му, № 733 и есть тотъ „другой документъ“, о которомъ онъ тамъ говоритъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно принадлежитъ къ одному документу съ ново-найденнымъ фрагментомъ. Что касается пп. 734 и 735, то первый изъ нихъ — маленький обломокъ, содержащій въ себѣ перечень оружія и по написанію схожій съ п. 733. В., второй — довольно большой кусокъ, имѣющій справа край, написанный *στοιχῆδόν* и содержащій въ себѣ перечисленіе священной утвари Аэины Полиады, слѣдовательно, схожій съ п. 733 А. Но оба послѣдніе фрагмента не описеографическіе, слѣдовательно, могли бы принадлежать къ одному и тому же документу лишь въ томъ случаѣ, если бы на обѣихъ сторонахъ его оставалось много пустого мѣста и притомъ, на пустое мѣсто одной стороны приходилось бы иногда написанное мѣсто другой. Но и эта возможность, по видимому, исключается тѣмъ, что Келеръ характеризуетъ п. 733, какъ „*pila*“, п. же 734, какъ „*tabula*“. Доллингъ въ примѣчаніи къ новоизданному фрагменту употребляетъ неопредѣленное выраженіе *τεμάχιον λίθου* и не говоритъ, написанъ ли онъ *στοιχῆδόν*, или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе при-

³⁸⁾ „Propter litteraturam haec ultimis saeculi quarti annis antiquiora haberi omnino non possunt. Atque Ol. 118. 3. magnam vim armorum publice comparatam esse monumento, quod infra in parte secunda locum habebit comprobatur. Haud immerito igitur Droysen, Hellenism., I, p. 501, ad hoc fere tempus, quod Cassander libertati vix recuperatae immineret rettulisse videtur, quod in populiscito in honorem Democharis facto Vitt. X or. p. 851 is auctor fuisse traditur, ut civitas armis et machinis ornaretur et munimenta urbis reficerentur. Itaque non dubito fragmentum, quod supra posui ad Democharem auctorem et ad annum Ol. 118. 3. referre“. Въ примѣчаніи къ п. 733 Келеръ повторяетъ это свое предположеніе: „In hac parte (B) de machinis et telis refertur, quae Ol. 118. 3 (30°/s) Demochare auctore ni fallor in arcem congesta erant, ubi in chalthoeca servata esse probabile est. cf. vita X orat. p. 851 et supra n. 250 cum nota. Litteratura in parte postica nec *στοιχῆδόν* disposita et partis anticae parum similis fuit.

надлежность его къ одному и тому же документу съ п. 733 можно, кажется, поставить внѣ всякаго сомнѣнія. Сопоставляя п. 733 В съ новымъ фрагментомъ мы встрѣчаемъ имена архонтовъ Анаксикрата и Корива. Намъ кажется, нельзя не видѣть въ нихъ двухъ архонтовъ — преемниковъ: Анаксикрата 30⁷/₆ года до Р. Хр. и Корива 30⁶/₆ года до Р. Хр. Мы видимъ, что годъ этого архонта Анаксикрата содержалъ вставной мѣсяцъ и, притомъ, этимъ мѣсяцемъ былъ не Посидеонъ 2-й (6-й мѣсяцъ афинскаго года), какъ обыкновенно, а Гамиліонъ 2-й (7-й мѣсяцъ афинскаго года).

Какъ мы выше уже замѣтили, изъ документально засвидѣтельствованной сложности 30⁷/₆ года до Р. Хр. (XII года 7-го Метоновскаго цикла, по обыкновенному счету) съ одной стороны и 32⁵/₄ года до Р. Х. (XIII года 6-го Метонскаго цикла) съ другой — неопровержимо слѣдуетъ:

вопервыхъ, что мы не знаемъ, былъ ли въ интересующую насъ эпоху Метоновскій календарь въ употребленіи въ Афинахъ.

вовторыхъ, если былъ, то для насъ совершенно не ясенъ способъ распредѣленія по 19 годамъ его—7-ми сложныхъ годовъ. Можно даже подозрѣвать, что никакихъ опредѣленныхъ правилъ на этотъ конецъ не было, такъ какъ вставной мѣсяцъ не всегда одинъ и тотъ же.

Здѣсь мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько на другихъ документахъ, помѣченныхъ именемъ архонта Анаксикрата.

Обыкновенно документы эти распредѣляются учеными между двумя архонтами этого имени.

Анаксикрата 30⁷/₆ года до Р. Хр. видятъ въ С. I. A. II. 241. 242. 238^b. 1289. Возстановляютъ его имя по разнымъ соображеніямъ въ пп. 238. 240. 493. 1290.

Надписи же С. I. A. 320^b, 1193 и 345^b (съ возстановленіемъ имени)³⁹⁾ приписываютъ другому архонту Анаксикрату, единственное упомина-

³⁹⁾ Возстановленіе предложилъ Вилламовицъ, Antigonos von Karystos, стр. 250, прим. 6, гдѣ онъ предлагаетъ дополнить сохранившуюся часть имени секретаря, сообразно своему же возстановленію п. 320^b: Λυσίας Νοδῖπλου Δισμ[ερούς. Νό-διπλοῦ; дѣйствительно атлическое имя, но возстановленіе п. 345^b представляетъ затрудненія независимо отъ имени архонта. Получаются строки неслыханно длинныя, даже если предположить, что имя архонта написано на архитравѣ. Возстановленіе это принято Унгеромъ, Philol., V, Supplemb., стр. 688, прим. 51.

ніе о которомъ сохранилось у Павсаниа X. 23. 14 въ описаніи вторженія галатовъ въ Грецію (27³/₈ г. до Р. Хр.).

Такое распредѣленіе документовъ между двумя упомянутыми архонтами не имѣетъ никакого основанія, даже болѣе того—зидется на ошибкѣ. Въ первой части втораго тома С. I. А. Келеръ отнесъ къ году Анаксирата 30⁷/₈ года до Р. Хр. четыре документа: пп. 238. 240. 241. 242. Изъ нихъ только въ двухъ послѣднихъ сохранилась часть имени архонта. Въ п. 240 имени архонта на камнѣ не сохранилось, но документъ представляетъ изъ себя подлинникъ сохранившагося въ жизнеописаніяхъ 10 ораторовъ, приписываемыхъ Плутарху, декрета Стратокла въ честь оратора Ливурга ⁴⁰⁾ въ п. 238. Келеръ возстановляетъ имя Анаксирата на томъ основаніи, что онъ усмотрѣлъ въ немъ одно и то же имя секретаря съ п. 241. Это и есть коренная ошибка, обусловившая появленіе всѣхъ прочихъ и до сихъ поръ никѣмъ не замѣченная. Въ п. 241, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Келеръ видитъ остатки имени секретаря стоитъ: αΣΑΝΟΙ, далѣе камень обломленъ. Къ п. 238 въ томъ же мѣстѣ Келеръ прочелъ ΑΝΟΠΟΝ..ΥΠ.ΤΑ... Онъ соединилъ эти мнимые остатки собственнаго имени, и у него получился секретарь для 30⁷/₈ г. до Р. Хр.: [ὁ δαίνα'] .ασανοπὸν[πο] Π[ο]τά[μιος]. На сколько, однако, самъ онъ былъ не увѣренъ въ своемъ чтеніи, доказываетъ примѣчаніе къ изданному имъ впоследствии въ Addenda къ этому тому п. 238^b, помѣченному архонтомъ Анаксиратомъ. Онъ отождествляетъ этого Анаксирата съ архонтомъ п. 241. Но въ п. 238^b ясно читается конецъ имени секретаря: . . ιος. Разумѣется—это не можетъ быть концомъ слова Ποτάμιος. Келеръ пишетъ по этому поводу: „Scriba fuit Paeaniensis. Idem demoticon restituendum esse puto in tit. 238 (et in tit. 246). In lapide quidem Π.ΤΑ esse visum est sed superficies ita est corrosa, ut omnis lectio incerta sit“. Последнее замѣчаніе особенно важно. Если чтеніе димотика оказалось невѣрнымъ, то таковымъ же можетъ быть и чтеніе отчества, тѣмъ болѣе, что оно совершенно неслышанное. Должно быть, дѣйствительно, уже почти все въ этомъ мѣстѣ стерто, если Келеръ такъ легко отказывается отъ своего чтенія, тогда какъ, казалось бы, нетрудно было стереть одного изъ Анаксиратовъ за архонта 27³/₈ г. до Р. Хр. Но Келера, несомнѣнно, побудило относить надпись 238^b къ 30⁷/₈ г. до Р. Хр. упоминаніе въ ней извѣстнаго Стратокла. Это, конечно, обстоятельство вѣское. Врядъ ли

⁴⁰⁾ Третій изъ приложенныхъ къ этимъ жизнеописаніямъ документовъ.

этотъ Стратоклъ могъ имѣть вліяніе еще въ 27⁹/₈ году ⁴¹⁾. Но вотъ въ Addenda Nova № 320^b появляется еще надпись съ именемъ архонта Анаксирата, которую Келеръ относитъ уже къ 27⁹/₈ году до Р. Хр. на основаніи имени секретаря Δουσίας . . . οὐ . . . οὐ Διομαεὺς ⁴²⁾. Очевидно, Келеръ во время изданія этой надписи все имѣлъ въ головѣ своего страннаго секретаря 30⁷/₈ года до Р. Хр. Но именно эта надпись лишаетъ его мнѣніе послѣдней вѣроятности — ибо на основаніи ея п. 241 восстанавливается совершенно иначе, нежели имъ предложено и, по нашему мнѣнію, гораздо вѣрнѣе. Въ букввахъ, въ которыхъ Келеръ видѣлъ часть имени секретаря, приходится видѣть начало имени мѣсяца. Вотъ наше восстановление:

ἐπ' ἸΑ να ξ ι χ ρ ἰ α τ ο υ ς ἄ ρ χ ο ν τ ο ς ἐ π ἰ τ ῆ ς . . . . . { ὁ γ ῶ δ ὁ η ς } π ρ ο τ α
 ν ε ἰ [α ς Ἀ ν θ ε] σ τ η ρ ἰ ῶ ν ο ς . . . . . { ἐ ν ἄ τ τ η ς } ἡ μ ε ρ ο λ
 ε γ ῶ ὄ ν ὁ γ ῶ ὄ η τ ι . . . . . ἡ μ ε ρ ο λ

Намъ кажется, его нельзя назвать насильственнымъ. Между именемъ мѣсяца и словомъ ἡμερολεῦδόν, принимая въ 1-й строкѣ названіе фила средней длины—въ 10 буквъ—, останется 25 мѣстъ для числительнаго. Но и большее количество (при самомъ длинномъ имени—Иппоонтиды—27 мѣстъ) не могло бы насъ смущать. Въ п. 320^b числа занимаютъ 33 мѣста. Самая большая длина строкъ при нашемъ восстановленіи—51 буква—также не препятствуетъ вѣроятности его.

⁴¹⁾ Стратоклῆς Εὐθύδημου Διομαεὺς, демагогъ и льстецъ Димитрія, особенно извѣстенъ изъ Плутархова жизнеописанія этого послѣдняго (Δημ. XI. XXVI), гдѣ въ первый разъ упоминается въ 30⁷/₈ году, при разказѣ объ освобожденіи Аѣны Димитріемъ, то-есть, какъ разъ въ годъ арх. Анаксирата. Изъ этого же года происходитъ предложенный имъ декретъ въ честь Дикурга, упомянутый выше; но въ этомъ году С. не могъ быть уже первой молодости, такъ какъ былъ уже извѣстнымъ демагогомъ и имѣлъ много противниковъ, въ томъ числѣ комика Филиппида. ср. Плутархъ 'Ερωτ. IV. У Димосеена въ рѣчи противъ Мидіи, 165 (рѣчь была держана по Шееру въ 34⁹/₈ г. до Р. Хр.), упоминается Εὐθύδημος ὁ τοῦ Стратокλέους — весьма вѣроятно отецъ нашего Стратокла. Въ надписяхъ С. начинается фигурировать тоже именно нъ это время. Кроме 238^b и 240 (30⁷/₈ г.), онъ встрѣчается въ 247 (30⁹/₈) 263. 264. (30³/₈) 265. 266. 267. 268. (все до 30¹/₈ г.) 302 (29⁴/₈) Αθην. V 522 № 6 (болѣе поздняго времени. Декретъ Стратокла приводится какъ архивный документъ); *Sitzungsber. B. Ac.* 88 стр. 245 п. 23 (= *Bull. de Corr. Hellén.* XII, стр. 146) неизвѣстнаго года. Во всякомъ случаѣ естественнѣе приписать надпись, упоминающую С. 30⁷/₈ г. чьмъ 27⁹/₈. Напротивъ—*Умеръ*, *Philol. Supplementb.* V, стр. 689. Тождественность нашего Стратокла съ обвиняемымъ Димосеена (*Din.* I, 20, 21) не доказана.

⁴²⁾ Ср. прим. 39. Келеръ предлагалъ восстановление Ποδαίου.

Извѣстная надпись о возстановленіи стѣнъ Аѣннъ и Пирея, времени правленія оратора Ликурга ⁴³⁾ содержитъ 71 букву въ строкѣ. Въ надписи въ честь Аристомаха Аргосскаго каждая строка, по возстановленію Э. Э. Соколова, содержитъ болѣе 60 буквъ ⁴⁴⁾. Въ надписи въ честь агоноеета Діонисій, Агаея, сына Автокла, годовъ Каллимида и Ферсилоха архонтовъ ⁴⁵⁾, каждая строка по 57 буквъ и т. д. Мы не имѣемъ никакого основанія предположить, что наша надпись не представляла собою также большого документа. Отсутствіе упоминанія секретаря при нашемъ возстановленіи также не безпримѣрно въ наше время ср. Athen. Mitteil. V, стр. 268 (въ надписяхъ того же года С. I. А. II, 246. 247. 248. 249. 249^b секретарь упомянутъ) С. I. А. II, 240 (тоже арх. Аваксикратъ) 237 (арх. Иероннимонъ 31⁰/₂ г. до Р. Хр.) и много другихъ.

Остается п. 238. Келеръ признается ⁴⁶⁾, что мѣсто, гдѣ, ему казалось, онъ прочелъ имя секретаря, такъ стерто, что „всякое чтеніе его спорно“. Намъ кажется, что, помимо этого, нашъ документъ происходитъ изъ гораздо болѣе поздняго времени. Во 1-хъ, онъ написанъ не *στοιχηδόν*, тогда какъ всѣ современные документы, а въ особенности официальные, писались этимъ способомъ. Во 2-хъ, въ строкѣ 18-й здѣсь стояло очевидно *βασιλέα Ἀντίγο[νον]*. Извѣстно, что Антигонъ и Димитрій приняли титулъ царей лишь послѣ Саламинской побѣды, приблизительно въ 305 г. до Р. Хр. ⁴⁷⁾. Правда тотъ же Плутархъ разказываетъ, что аѣннине первые привѣтствовали Антигона и Димитрія царями, и что это произошло именно въ эпоху взятія Аѣннъ Димитріемъ въ 30⁷/₆ г. до Р. Хр. ⁴⁸⁾, но это мѣсто заимствовано у него изъ плохого аѣнскаго источника, о которомъ будетъ рѣчь въ 1-й главѣ ⁴⁹⁾. Келеръ именно ссылается въ примѣчаніи къ нашей

⁴³⁾ С. I. А. II, 167.

⁴⁴⁾ С. I. А. II, 161. Э. Э. Соколовъ, Аристомахъ, стр. 46.

⁴⁵⁾ С. I. А. II, 307.

⁴⁶⁾ См. выше.

⁴⁷⁾ Плутархъ Δη. XVII.

⁴⁸⁾ Δη. X.

⁴⁹⁾ Здѣсь достаточно указать, что уже въ X главѣ у Плутарха сообщается много несообразнаго. Наряду съ упоминаніемъ о провозглашеніи царями, Плутархъ говоритъ еще, что аѣннине назвали Антигона и Димитрія „богами спасителями“, отменили должность перваго архонта и стали вмѣсто него избирать ежегодно „жреца спасителей“, который и писался въ заголовкѣ всѣхъ писемъ. Рѣшили такъ изображенія Антигона и Димитрія на пейлѣ Аѣнны, учредили жертвенникъ Димитрія, Сходящаго съ колесницы (Δημιτρίου Καταβάτου), учредили

надписи на это мѣсто Плутарха. Изъ датировки документа онъ заключаетъ, что Антигонида и Димитриада еще не были установлены въ это время—и ему вѣрять на слово ученые⁵⁰⁾, хотя въ цитированномъ имъ же мѣстѣ Плутарха всѣ дѣйствительныя и небывалыя почести поставлены рядомъ, какъ оказанныя въ одно и то же время⁵¹⁾. Но въ другомъ мѣстѣ Келеръ самъ противорѣчитъ себѣ. А именно, издавая надпись 1290, гдѣ выскоблено имя филия—слѣдовательно могла стоять только Антигонида или Димитриада—онъ относитъ ее къ Анаксикрату архонту 30⁷/₈ г. до Р. Хр. Конечно, слѣдуетъ думать, что филия были установлены тотчасъ по взятіи Афинъ. Даже странный счетъ времени, встрѣчающійся въ надписяхъ 241 и 320^b, проше всего объяснять именно новымъ распредѣленіемъ пританій въ серединѣ года. Если это послѣднее предположеніе вѣрно, то взятіе Афинъ Димитріемъ слѣдуетъ относить къ 1-й половинѣ года архонта Анаксикрата, такъ какъ въ п. 320^a—мѣсяць Гамиліонъ (1-й или вставной—не извѣстно). Въ этой послѣдней надписи также упоминается Антигонида, что послѣ отнесенія п. 1290 къ 30⁷/₈ году отнимаетъ у Келера послѣдній его доводъ въ пользу 27⁹/₈ года до Р. Хр.

Надпись п. 238, намъ кажется, естественнѣе всего относить ко времени царствованія Антигона Гонаты, какъ по манерѣ письма, такъ и по выраженіямъ. Декреты совершенно такой формы встрѣчаются въ очень, сравнительно, позднее время⁵²⁾.

Филия Антигониду и Димитриаду и совѣтъ 500 превратили въ совѣтъ 600. Изъ всего этого документами подтверждены филия и совѣтъ 600, документами *опровергнуто* епонимство „жрецовъ спасителей“ (см. *Курциофъ*: *Ist in Athen jemals nach Priestern von den Soteren datirt worden?* *Hermes* II, стр. 161). Остальное не извѣстно.

⁵⁰⁾ *Шмидтъ*, *Chronologie*, стр. 582. *Уилеръ*, *Philol. Supplem.* V, стр. 681.

⁵¹⁾ Одна весьма недавно найденная надпись, по видимому, подтверждаетъ наименование Антигона и Димитрія царями ранѣе битвы при Саламинѣ: (‘Арх. Делт. 88, стр. 186—187) .....ἐπειδὴ Μῆδειος πρότερόν τε παρά τῷ βασιλεῖ Ἀντιγόνῳ διατρίβων λέγων καὶ πράττων τὰ ἄριστα διετέλει τοῖς τῆ βασιλευσῖν καὶ τῷ δήμῳ τῷ Ἀθηναίων καὶ συναποσταλεῖς ὅτε ὁ βασιλεὺς Ἀντίγονος ἀπέταίλεν τὸν ὄν ἑαυτοῦ Δημήτριον ἐλευθερώσω[ν]τ[α]τῆν[ν] τε πόλιν καὶ τοὺς ἄλλους [Ἔ]λ[ληνας χρι]σταίος ἦν καὶ εὖρους и т. д. Но надпись эта могла быть написана даже послѣ битвы при Илсѣ (что видно изъ πρότερόν τε и т. д.) во все время пока, Димитрія почитали въ Афинахъ.

⁵²⁾ См., напримѣръ, документъ относящійся къ концу III-го вѣка, изданный въ 1-й разъ В. К. *Ернштедтомъ* и В. В. *Латышевымъ* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1880, г., ноябрь, стр. 467, (= *Athen-Mittel.* V, стр. 327 (1881) *Келеръ* и ‘Ефѣм. ‘Арх. III (1885), столб. 141—142. *Цунда*).

Мы видимъ, что не осталось никакого основанія для раздѣленія надписей, помѣченныхъ архонтомъ Анаксикратомъ, между двумя архонтами этого имени. № 241, 238^b 320^b, кажется намъ, несомнѣнно происходятъ изъ одного и того же года. Труднѣе отдать преимущество одному изъ Анаксикратовъ, такъ какъ возможность явленія Стратокла въ качествѣ оратора въ 27⁹/₆ году не можетъ считаться уничтоженной, а трудное счисленіе пп. 241 и 320^b можетъ быть объяснено какъ-нибудь иначе. Наконецъ, высказанное Лоллингомъ предположеніе относительно отождествленія архонта Анаксикрата новонайденнаго фрагмента съ Анаксикратомъ п. 320^b, (что заставило бы пп. 241 и 238^b также съ полною увѣренностью относить къ 30⁷/₆ г. до Р. Хр.),—такъ и остается простымъ предположеніемъ, да въ добавокъ еще, кажется, основаннымъ просто на упоминаніи мѣсяца Гамиліона въ обѣихъ надписяхъ и ошибочнаго принятія Гамиліона п. 320^b за вставной, тогда какъ изъ надписи этого не слѣдуетъ. Слѣдовательно, одинъ только новый фрагментъ несомнѣнно относится къ 30⁷/₆ году и, вмѣстѣ съ тѣмъ, своею датировкой разрушаетъ выставившіяся доселѣ хронологическія теоріи.

Такимъ образомъ мы снова пришли къ главному предмету этого вступленія.

Мы видѣли, что всѣ попытки возстановить Метоновскій киклъ, предложенныя доселѣ, были неудачны, и что мы просто не знаемъ этого послѣдняго.

Но прежде чѣмъ покинуть хронологическую область, въ которую мы попали противъ нашей воли, зададимся еще однимъ вопросомъ. Допустимъ, что мы знаемъ киклъ Метона и даже систему его интеркалярованія. Можно ли бы было даже въ этомъ случаѣ датировать опредѣленными годами архонтовъ и документы изъ того періода, „ubi fasti deficiunt“? Конечно нѣтъ! Вѣдь самое большее, что можно вывести изъ отдѣльнаго, хотя бы прекрасно сохранившагося документа—это его происхожденіе изъ простого или сложнаго года. Но вѣдь въ каждомъ киклѣ 12 простыхъ и 7 сложныхъ годовъ. Гдѣ же искать критерій, къ какому году относится, на примѣръ, документъ, упоминающій о царѣ Димитріи? Не говоря уже, что Димитріевъ въ III вѣкѣ было два—на царствованіе каждаго изъ нихъ приходится нѣсколько интеркалярныхъ, еще болѣе простыхъ годовъ. Критерій слѣдовательно даже при такомъ положеніи дѣлъ оставался бы одинъ: историческія событія, или вообще какіе-нибудь факты, попадающіеся въ документѣ. Тѣмъ болѣе нечего намъ ожидать помощи отъ календаря при нашемъ его незнаніи.

Намъ остается терпѣливо собирать матеріалъ и стараться опредѣлять съ тою степенью точности, съ какою только возможно, время надписей и годы архонтовъ на основаніи содержанія и взаимной связи документовъ. Мы не можемъ пожаловаться уже въ настоящее время на особую скудость матеріала, въ особенности для начала III вѣка. Почти съ каждымъ ново-находящимся объемистымъ документомъ удастся сдѣлать какіе-нибудь факты вмѣстѣ.

Посильнымъ отвѣтомъ на вопросъ: на сколько же намъ извѣстенъ порядокъ преемства аттическихъ епонимовъ въ началѣ III вѣка, служить все послѣдующее изложеніе, въ которомъ мы старались особенно рѣзко различить доказанное отъ предположительнаго, факты отъ гипотезъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Архонты 300—299—293/2 годовъ, сохраненные въ сочиненіи Діонисія „О Динархѣ“.

Выше уже было сказано, что Діодоровскій списокъ архонтовъ аэинскихъ обрывается, вмѣстѣ съ его связною исторіей, на 30²/₁ г. до Р. Х. Но здѣсь, случайно, на помощь намъ является перечисленіе архонтовъ, бывшихъ у кормила правленія въ теченіе жизни оратора Динарха, находящееся въ сочиненіи Діонисія Аликарнасскаго объ этомъ ораторѣ, входящемъ въ число его „ὁπομνηστικῶν περὶ τῶν ἀρχαίων ῥητόρων“. Перечисленіе это идетъ, какъ мы надѣемся показать, до 293/2 года до Р. Х. и содержитъ, такимъ образомъ, имена архонтовъ первыхъ восьми лѣтъ III вѣка. Этотъ рядъ восьми именъ, происходящій изъ одного общаго источника, естественнымъ образомъ, выдѣляется въ особую, такъ сказать, вступительную группу среди всѣхъ вообще архонтовъ, извѣстныхъ намъ изъ III вѣка и потому заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ въ специальной главѣ, тѣмъ болѣе, что Діонисіевскій списокъ имѣетъ свои недочеты и неясности, весьма для насъ, въ данномъ случаѣ, важныя и до послѣдняго времени удовлетворительно не разъясненныя.

Сопоставимъ сначала вкратцѣ извѣстія Діонисія о жизни Динарха. Въ самомъ началѣ онъ жалуется на то, что никто изъ знаменитыхъ грамматиковъ ничего дѣльнаго не писалъ о Динархѣ: „οὐδὲν ἀκριβές οὔτε Καλλιμάχου, οὔτε τοὺς ἐκ Περγᾶμου γραμματικοὺς περὶ αὐτοῦ γραψάντας“, жалуется на живость, недостаточность ихъ свѣдѣній. Затѣмъ цитируетъ длинное мѣсто изъ сочиненія „περὶ ὁμονύμων ποιητῶν καὶ συγγραφέων“ Димитрія Магнита (его имя въ рукописяхъ Діонисія стоитъ въ этомъ мѣстѣ въ формѣ Δῆμος. Описка это, или сокращенная форма имени—не беремъ рѣшить), въ которомъ дается характеристика Динарха, какъ оратора. Діонисій жестоко нападаетъ на эту характеристику. „Ἐκ τούτων οὐδὲν ἐστὶν οὔτε ἀκριβές, ἀλλ' οὔτε ἀληθές εὐρεῖν· οὔτε γὰρ γένος τάνδρος, οὔτε χρόνους, καθ' οὓς ἦν, οὔτε τόπον, ἐν ᾧ διέτριψε, δεδήλωκεν. ὀνόματα δὲ μόνον κοινὰ καὶ περιτρέχοντα

ἐσπούδασε¹. Показавъ, такимъ образомъ, до какой степени недостаточно преданіе объ обстоятельствахъ жизни Динарха, Діонисій продолжаетъ: „Вотъ что, приблизительно, я самъ могъ узнать о Динархѣ: Динархъ, ораторъ, былъ сыномъ Сострата, родомъ коринѳянинъ¹). Прибывъ въ Аѳины во время процвѣтанія философскихъ и ораторскихъ школъ, онъ попалъ въ кругъ Теофраста и Димитрія Фалирсаго²). Обладая талантомъ къ политическимъ рѣчамъ, онъ началъ писать таковыя еще въ то время, когда Димосеенъ и его современники были въ цвѣтѣ силъ, и понемногу приобрѣлъ себѣ извѣстность. Болѣе же всего получилъ извѣстности (ἤκμασε) по смерти Александра, когда Димосеенъ и другіе ораторы подверглись смертной казни и вѣчному изгнанію, и послѣ нихъ не осталось никого болѣе достойнаго вниманія³). Въ теченіи 15 лѣтъ, пока Кассандръ владѣлъ городомъ, онъ писалъ для желающихъ рѣчи. При Анаксикратѣ же архонтѣ, при которомъ цари Антигонъ и Димитрій, уничтожили поставленный Кассандромъ въ Мунихіи гарнизонъ, Динархъ подпавъ вмѣстѣ съ знатнѣйшими аѳинянами (не смотря на то что былъ чужестранецъ) подъ обвиненіе въ уничтоженіи димократіи, видя, что аѳиняне возбуждены, чувствуя себя небезопаснымъ по причинѣ своего богатства и опасаясь отъ этого дурныхъ для себя послѣдствій, не рѣшился предстать передъ судилище, но, удалившись изъ города въ

¹) У псевдо-Плутарха въ Βίοι δέκα ῥητόρων читаемъ: „Δεινάρχος Σωκράτους ἢ Σωστράτου, ὡς μὲν τινες ἐγχεύριος, ὡς δὲ τισὶ δοκεῖ Κορίνθιος“. Такъ что значить даже относительно самаго происхожденія его не было точнаго преданія. Впрочемъ жизнеописаніе у псевдо-Плутарха, какъ замѣчаетъ Блассъ, заимствовано изъ Діонисія, только съ кое-какими дополненіями изъ утеряннаго жизнеописанія Цецилія, см. *Блассъ* въ изданіи Динарха (текстъ), стр. XV—XVI. *Gesch. d. Beredsamkeit* III, Abth. 2, стр. 261—262. Въ отрывкѣ рѣчи противъ Прохсена въ томъ видѣ, какъ онъ сохраненъ Діонисіемъ въ гл. 3 жизнеописанія, Динархъ самъ называетъ себя сыномъ Сострата, коринѳяниномъ.

²) Послѣдній самъ былъ ученикъ Теофраста и моложе Динарха. *Блассъ*, *Vereds.* III, Abth. 2, стр. 263. По псевдо-Плутарху Динархъ прибылъ въ Аѳины „καὶ ὄν χρόνον Ἀλέξανδρος ἐπὶ τῆν Ἀσίαν (διέβαινε)“, слѣдов. около 334. По Діонисію онъ долженъ былъ прійти раньше, такъ какъ по его разчетамъ, къ которымъ мы еще вернемся, онъ выступилъ уже публично въ Аѳинахъ около года арх. Пнеодиа, то-есть, около 336—335 г., см. *Блассъ*, *ук. м.*, стр. 262.

³) Подъ этимъ пунктомъ вышяго процвѣтанія оратора подразумѣвается, конечно, знаменитый Арпаловскій процессъ, въ которомъ Динархъ является обвинителемъ Димосеена. У псевдо-Плутарха читаемъ: καὶ ἐπειδὴ Ἀρπαλος διέδρα, πλείους λόγους συνῆραψε κατὰ τῶν αἰτίων ἐχόντων δωροδοχεῖσαι, καὶ τούτους τοῖς κατηγοροῖς ἐξέδωκεν⁴. До насъ дошли три такіа рѣчи.

Халкиду, что на Еввіи, пробылъ тамъ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени, отъ Анаксикрата до Филиппа, ожидая, не представится ли ему черезъ Теофраста, или кого-либо другаго изъ друзей, какого-либо случая возвращенія. Когда же царь далъ разрѣшеніе ему вмѣстѣ съ другими изгнанниками возвратиться, онъ прибылъ въ Афины, но тамъ, введенный въ обманъ однимъ изъ своихъ друзей Проксеномъ, потерялъ состояніе, будучи уже старикомъ и болѣя глазами. Когда же Проксенъ пренебрегъ его просьбой (о возвратѣ денегъ) — онъ вчинилъ ему процессъ, въ которомъ въ первый разъ въ жизни самъ явился въ судъ⁴⁾.

Вотъ то, что сообщаетъ намъ Діонисій о событіяхъ жизни Динарха, которыя онъ могъ разузнать. Скучность ихъ говоритъ сама за себя. Мы можемъ пожаловаться, что мы не узнаемъ изъ Діонисія въ точности того самаго, на отсутствіе чего у Димитрія Магнита жаловался самъ Діонисій: „οὐτε τὸ γένος τάνδρος, οὐτε χρόνος, καθ' οὗς ἦν“. Всѣ хронологическія данныя сводятся къ тому, что Динархъ во время Арпаловскаго дѣла писалъ рѣчи, при Анаксикратѣ архонтѣ былъ изгнанъ, а на 15 годъ при Филиппѣ возвратился. Спустя неизвѣстный промежутокъ времени по возвращеніи, онъ судился съ своимъ гостепріимцемъ Проксеномъ, при чемъ въ рѣчи самъ назвалъ себя старикомъ. Сколько времени послѣ этого жилъ Динархъ — не извѣстно⁵⁾.

Но спрашивается, могъ ли Діонисій ограничиться такими свѣдѣніями? Разуmется нѣтъ. Если не было извѣстно ничего болѣе положительнаго о жизни Динарха, то существовало не мало ходячихъ рецептовъ, на основаніи которыхъ можно было разчитать приблизительные годы рожденія разныхъ лицъ, если мы имѣемъ о нихъ вообще какія нибудь извѣстія. Такіе приблизительные разчеты, пока имъ придается тоже не болѣе какъ приблизительное значеніе, никакого вреда, конечно, принести не могутъ и всегда будутъ при-

⁴⁾ Діонис. περί Δεινάρχου 2—3. Жизнеописаніе это помѣщено также вмѣстѣ съ жизнеописаніями псевдо-Плутарха и Свида въ изданіи Динарха — *Blaszc.* Лейпц. 1888 и у *Вестермана* въ его *Βιογράφοι*.

⁵⁾ Свида сообщаетъ нѣлвное свѣдѣніе о смерти Динарха: „ἐτελεύτησε δ' οὗτος, ἐπιμελητῆς Πελοποννήσου καταστάς ὕπ' Ἀντιπάτρου, μετὰ τὸ τελευτῆσαι Ἀντιπάτρου, Πολυσπέρχονος αὐτῷ ἐπιβουλεύσαντος“. Онъ смѣшиваетъ очевидно этого Динарха съ другимъ Динархомъ, также коринѣяниномъ, который, дѣйствительно, назначенъ былъ Антипатромъ правителемъ Πελοποννήσια. Плутархъ. Φωκίων 33. *Blaszc.* *Vereds.* стр. 265 прим. 1.

близительно вѣрны. Но бѣда въ томъ, что Діонисій, какъ и вообще всѣ древніе, совершенно не умѣетъ различать приближительнаго изслѣдованія отъ изслѣдованія точнаго. Сознаваясь самъ, что ничего не передано относительно времени и обстоятельствъ жизни Динарха, онъ, тѣмъ не менѣе, сейчасъ же пускается въ предположенія. „Послѣ всего этого“ продолжаетъ онъ въ главѣ 4,—„одно намъ остается и, притомъ, самое необходимое — опредѣлять время его жизни (τὴν ἡλικίαν αὐτοῦ διώρισαι) для того, чтобы быть въ состояніи сколько-нибудь ясно разграничить его подлинныя и неподлинныя рѣчи. Итакъ мы полагаемъ, что онъ на семидесятомъ году возвратился изъ изгнанія, какъ онъ и самъ свидѣтельствуетъ, называя себя старикомъ, а именно отъ этого возраста мы обыкновенно начинаемъ называть такъ человѣка ⁶⁾“. Всѣ эти предположенія основаны лишь на общихъ разчетахъ, ибо точныхъ извѣстій мы не имѣемъ. Итакъ пусть онъ родился при Никофимѣ архонтѣ..... Я думаю мы не ошибемся также, если скажемъ, что онъ началъ писать рѣчи приблизительно на двадцать пятомъ или шестомъ году и по другимъ обстоятельствамъ, и потому, что Димосеенъ тогда былъ въ славі. Двадцать шестой же (архонтъ) отъ Никофима—Пиеодиль. Итакъ тѣ рѣчи изъ числа всего наличнаго количества, которыя ему приписываются, а по времени старше вышеупомянутаго архонта, мы, по всей справедливости, должны признать подложными. Равно какъ и процессы, веденные отъ Анаксикрата до Филиппа, мы причислимъ къ подложнымъ: вѣдь не поплылъ же бы никто въ Халкиду за рѣчами по частнымъ или государственнымъ процессамъ, ибо не окончательно же оскудѣли въ этомъ отношеніи (сами аѣнныяне)“.

Далѣе, въ главахъ 5—8, Діонисій старается опредѣлить характеръ краснорѣчія Динарха и сравниваетъ его съ другими ораторами. Переходя въ главѣ 9 къ разбору дошедшихъ подъ именемъ Динарха рѣчей, онъ, для большей ясности, прилагаетъ въ видѣ вступленія списокъ архонтовъ, бывшихъ у кормила правленія отъ предполагаемой даты рожденія Динарха до возвращенія его. Это и есть списокъ, сохранившій намъ имена первыхъ архонтовъ III вѣка. Мы приводимъ

⁶⁾ Солонъ у Иродота также считаетъ 70-ти-лѣтній возрастъ границею чело-вѣческой жизни (I, 32), но это далеко не было общепринятымъ мнѣніемъ среди грековъ. Такъ, напримѣръ, въ кружкахъ пиеагорейцевъ и въ находящейся подъ ихъ влияніемъ литературѣ возрастъ старости опредѣлялся въ 80 лѣтъ. См. прим. 85 и 86 въ этой главѣ.

его здѣсь цѣликомъ въ томъ видѣ, какой онъ представляетъ въ рукописяхъ и изданiяхъ Дiонисiа:

„ἐπεὶ δ' ἀναγκαῖα πρὸς ταῦτα ἡ τῶν χρόνων διάγνωσις, τοὺς Ἀθηναίων ἄρξαντας, ἅσ' οὐ Δεῖναρχον ὑπεθέμεθα γεγονέναι χρόνου, μέχρι τῆς δοθείσης αὐτῷ μετὰ τὴν φυγὴν, καθόδοι γενομένους ἐβδομήκοντα, προθήσομεν. εἰσὶ δὲ οἷδα· ⁷⁾ Νικόφημος, Καλλιμήδης, Εὐχάριστος, Κηφισόδοτος, Ἀγαθοκλῆς, Ἑλπίνης, Καλλίστρατος, Διότιμος, Εὐδήμος ⁸⁾, Ἀριστόδημος, Θεσσαλός ⁹⁾, Ἀπολλόδωρος, Καλλίμαχος, Θεόμνητος ¹⁰⁾, Θεμιστοκλῆς, Ἀρχίδαξ ¹¹⁾, Εὐδωρος ¹²⁾, Λύσιχος, Πυθόδοτος, Σωσιγένης, Νικόμαχος, Θεόφραστος, Λυσιμαχίδης, Χαίρωνίδας ¹³⁾, Φρόνιχος, Πυθόδημος ¹⁴⁾. ἐπὶ τοῦτου πρῶτον αὐτὸν εἰς δικαστήριον τοὺς συγγραφεῖς ὑπεθέμεθα. Μετὰ δὲ τοῦτον Εὐαίνετος, Κτησικλῆς, Νικοκράτης, Νικήτης ¹⁵⁾, Ἀριστοφάνης, Ἀριστοφῶν, Κησιφῶν ¹⁶⁾, Εὐθύκριτος, Ἠγήμων, Κρέμης ¹⁷⁾, Ἀντικ-

⁷⁾ Мы приведемъ въ послѣдующихъ примѣчанiяхъ варианты этихъ именъ даваемые спискомъ Дiодора и, главнымъ образомъ, надписями. Для болѣе яснаго различiя формъ, даваемыхъ надписями выражены, уставнымъ шрифтомъ. Предупреждаемъ, что въ цѣляхъ нашихъ было при этомъ не сопоставленiе всѣхъ случаевъ, гдѣ данное имя встрѣчается, а констатированiе варианта. Опущены варианты, встрѣчающiеся въ другихъ литературныхъ источникахъ, кромѣ списковъ Дiодора и Дiонисiа (напримѣръ, варианты, встрѣчающiеся въ другихъ сочиненiяхъ самого же Дiонисiа). Что касается эпиграфическаго матеріала, то мы старались вслѣдiи разъ дать лишь одинъ, но хорошо гарантированный, случай, гдѣ попадаетъ разнищаяся форма. Можетъ быть, нѣкоторые изъ ново найденныхъ надписей нами упущены. Вообще работу сравненiя рукописнаго преданiя именъ аѳинскихъ архонтовъ съ подлинными формами ихъ, даваемыми надписями, еще предстоитъ сдѣлать. Слѣдуетъ сказать только одно, что рукописное преданiе въ данномъ случаѣ весьма неудовлетворительно. Это видно и на нашемъ спискѣ.

⁸⁾ Θεόδημος Diod. XVI, 32. ΘΟΥΔΗΜΟΣ С. I. А. II, 72.

⁹⁾ Diod. XVI, 40 также даетъ форму Θεσσαλός. Варья форма ΘΕΕΛΑΟΣ читается въ надписи С. I. А. II, 758, ср. В. В. Латышевъ. Эпиграфическіе стлуды I, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, ноябрь.

¹⁰⁾ Θεόφιλος, Diod. XVI, 53. ΘΕΟΦΙΛΟΣ, С. I. А. II, 803 столб. d., стр. 120.

¹¹⁾ Ἀρχίας, Diod. XVI, 59. ΑΡΧΙΑΣ, С. I. А. II, 803 столб. с., стр. 132, 164.

¹²⁾ Εὐβουλος, Diod. XVI, 66. ΕΥΒΟΥΛΟΣ, С. I. А. II, 803 столб. с., стр. 124.

¹³⁾ Χαίρωνδας, Diod. XVI, 84. ΧΑΙΡΩΝΔΑΣ, С. I. А. II, 807 столб. с., стр. 58.

¹⁴⁾ Πυθόδωρος, Diod. XVI, 91. ΠΥΘΟΔΗΛΟΣ, С. I. А. II, 808 столб. с., стр. 12, 31.

¹⁵⁾ Νικήρατος, Diod. XVII, 40. ΝΙΚΗΤΗΣ, С. I. А. II, 173.

¹⁶⁾ Κηφισοφῶν, Diod. XVII, 74. ΚΗΦΙΣΟΦΩΝ, С. I. А. II, 807, столб. b., стр. 30, 40.

¹⁷⁾ Архонтъ этотъ пропалъ въ большой лакунѣ, находящейся въ XVII книгѣ Дiодора между главами 83 и 84, въ которой пропало описанiе избенiя Вранхи-

λῆς¹⁸⁾, Κηφισόδωρος, Φιλοκλῆς· ἐπὶ τούτου τὴν φρουρὰν ἐδέξαντο Ἀθηναῖοι, καὶ ὁ δῆμος κατελύθη. Ἀρχιππος, Νέαιχμος¹⁹⁾, Ἀπολλόδωρος, Ἀρχιππος, Δημογένης, Δημοκλείδης, Πραξιβουλος, Νικόδωρος, Θεόφραστος, Πολέμων, Σιψω-

довъ, похода въ Согдиану съ возстаніями согдианцевъ, охоты въ Ваксѣтахъ, умерщвленія Клыта, смерти Баллисена, похода на Навтаконъ, брака съ Роксаной и начало описанія похода на Индію до вятія Массакки, конецъ котораго составляетъ содержаніе нашей 84 главы. Сравни древнее исчисленіе содержанія XVII книги Діодора, пуниты χ'—λγ' второй части этой книги. Виѣсть съ нимъ у Діодора пропала и соответствующая пара римскихъ консуловъ. См. подробное и прекрасное изслѣдованіе объ этомъ у *Corsini*. *Fasti Attici* II, dissert. IX, sectio XV. Въ этой IX диссертаціи Корсини окончательно рѣшилъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ восстановить списокъ афинскихъ архонтовъ на пространствахъ СХIII—СХIV олимпіадъ, гдѣ вслѣдствіе пропусковъ въ спискахъ Діонисія и Діодора и интерполяціи въ текстѣ послѣдняго между ними является разногласіе. Кратко резюмированъ вопросъ у *Clinton'a* F. H. (ed. *Kröger*) *prooemium*, стр. XIII—XV. *ΠΓΗΜΩΝ* С. I. А. II, 808, d., стр. 174.

¹⁸⁾ Χρέμης, *Diod.* XVII, 87. ΧΡΕΜΗΣ, С. I. А. 808, нѣсколько разъ.

¹⁹⁾ Здѣсь въ спискѣ Діонисія пропалъ архонтъ Ἠγησίας, который въ спискѣ Діодора является въ формѣ Ἀγησίας, но настоящая форма восстанавливается изъ надписей ΠΓΗΣΙΑΣ, С. I. А. 811, с. 72 и т. д. На счетъ пропуска не можетъ существовать никакого сомнѣнія. Въ доказательствамъ, собраннымъ съ обычною талантливостью *Corsini*. F. A. *Disa.* IX, стр. 23 слѣд., мы въ теченіе изложенія найдемъ возможнымъ присоединить еще одно. Ἀρχιππος и Νέαιχμος пропали у Діодора въ XVIII книгѣ. Но слѣдуетъ ли объяснять здѣсь дѣло лакуной въ текстѣ — еще вопросъ. Скорѣе, кажется, надо признать вѣрнымъ объясненіе Дройзена (*Gesch. d. Hell.* I^a часть 2, прилож. I. *Die Chronologie Diodor's*, стр. 364 сл.), что мы имѣемъ передъ собою какое-то сокращенное изложеніе, въ которомъ событія нѣсколькихъ лѣтъ стиснуты въ одинъ годъ. Въ древнемъ исчисленіи содержанія XVIII книги также заключается оглавленіе только тѣхъ событій, которыя разказываются въ дошедшемъ до насъ текстѣ. Пропускъ этихъ именъ можетъ быть съ полною несомнѣнностью доказанъ изъ самого Діодора, а именно въ главѣ I XVIII книги онъ говоритъ, что книга будетъ содержать событія семи лѣтъ. Въ сущности она содержитъ событія шести лѣтъ, такъ какъ арх. Δημογύνης, которымъ начинается XIX книга, есть седьмой отъ Киѣсодора. Но такіа неточности сплошь да рядомъ попадаются у древнихъ, такъ что Дройзенъ напрасно именно за это нападаетъ на Діодора. То же самое доказывается упоминаемыми олимпіадъ; у Діодора именно СХIV ол. упоминается подъ именемъ арх. Игесія (XVII, гл. 113). СХV, долженствующая падать на годъ Неехма, вовсе не упоминается, СХVI упоминается подъ арх. Димоклидомъ (XIX, 17). Архонтъ Неехмъ засвидѣтельствованъ эпиграфически, но, на сколько мнѣ извѣстно, ни одна изъ надписей не передаетъ имя его вполне. С. I. А. II, 581 имѣетъ форму ΝΕΑΙΝΧ[Μ]ΟΣ; II, 1246 несомнѣнно имѣла ΝΕ[ΑΙ]ΧΜ[Ο]Σ; но буквы, стояція въ скобкахъ, исчезли; II, 1217, на сохранившейся части читается только ΝΕΑ....

νίδης, Ἰερομνήμων, Δημήτριος, Καίριμος ²⁰⁾, Ἀναξικράτης· ἐπὶ τούτου ἡ κατασταθεῖσα ὑπὸ Κασσάνδρου ὀλιγαρχία κατελύθη, καὶ οἱ εἰσαγγεληθέντες ἔφυγον, ἐν οἷς καὶ Δεινάρχος ἦν. Κόροιβος, Εὐξένιππος, Φερεκλῆς, Λεώστρατος, Νικοκλῆς, Καλλίαρχος ²¹⁾, Ἠγέμαχος, Ἐκτῆμων. Μνησιδῆμος, Ἀντιφάτης, Νικίας, Νικόστρατος, Ὀλυμπιόδωρος, Φίλιππος ²²⁾ ἐπὶ τούτου κάθοδος ἐδόθη τοῖς τε ἄλλοις φυγάσι καὶ Δεινάρχῳ ὑπὸ βασιλείᾳ Δημητρίου“.

Итакъ (возстановляя очевидно пропущеннаго не Діонисіемъ, а лишь переписчиками, Игесію) Діонисіѣ, обѣщавъ перечислить 70 архонтовъ, перечисляетъ всего 69. Этотъ фактъ нужно во что бы то ни стало разъяснить, такъ какъ онъ имѣетъ весьма важное вліяніе на точность всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Лишь по отрицаніи всѣхъ другихъ возможныхъ объясненій дозволительно прибѣгнуть, въ такихъ случаяхъ, къ объясненію простою неточностію. Неточности совершенно такого пошиба чрезвычайно какъ часты у древнихъ, но во всякомъ данномъ случаѣ такая неточность должна быть доказана. Рассмотримъ прежде всего дававшіяся до сихъ поръ объясненія этого страннаго противорѣчія.

Самымъ естественнымъ объясненіемъ было, конечно, предположить пропускъ еще одного архонта въ дошедшемъ до насъ текстѣ Діонисія, тѣмъ болѣе, что одинъ такой пропускъ уже доказанъ. Искать пропускъ, всего естественнѣе, придется въ той части списка, которая извѣстна намъ изъ одного источника — Діонисія, то-есть, начиная съ архонта Клеарха.

Первый рѣшительно сталъ на сторону такого объясненія Clinton ²³⁾.

²⁰⁾ Χαρίνος, Diod. XX, 37, епиграфическихъ памятниковъ съ его именемъ, на сколько мнѣ извѣстно, не имѣется.

²¹⁾ ΚΑΕΑΧΟΣ, Bull. de Corr. Hellen. III, стр. 510.

²²⁾ Извѣстенъ также изъ надписи, дошедшей до насъ въ чрезвычайно плохомъ преданіи. Въ одной редакціи род. пад. имени читается ΦΡΑΙΠΑΟΣ, въ другой ΦΑΙΔΩΝΟΣ и наконецъ въ третьей ΦΙΛΙΠΠΟΥ. Надпись, теперь утерянная, найдена въ С. I. G. 6084 и въ новомъ С. I. G. въ томъ, долженствующемъ обнять Италію и Сицилію, подъ № 1184.

²³⁾ Fasti Hellenici. Prooem. стр. XIV—XV. Мы уже считаемъ возможнымъ обойти въ текстѣ мнѣнія старинныхъ ученыхъ, какъ Scaliger'a Ὀλυμπιάδων ἀναγραφῆ, изд. Scheibel, стр. 135, 139., который ставитъ Филиппа и на Ol. CXXI, 4 и на CXXIII, 2, Meursius, который во всемъ слѣдуетъ Скалигеру, счтя его древнимъ авономит, и притомъ перваго Скалигеровскаго Филиппа считаетъ тождественнымъ съ Плутарховскимъ Диевломъ, жрецомъ Спасителей De archontib. Atheniensium 1621, lib. IV, cap. 17 — 19 (= Gronov. Thes. IV, 1255 — 1266, въ

Ему слѣдуетъ Meier ²⁴⁾ и изъ самыхъ новѣйшихъ и самыхъ видныхъ Köhler ²⁵⁾). Ходъ разсужденія Клинтонна, приблизительно, слѣдующій ²⁶⁾): общая назваъ 70 и назвавъ всего 69 архонтовъ, Діонисій, очевидно, пропустилъ одного. Искать этотъ пропускъ надо, разумѣется, послѣ Филокла, такъ какъ при имени послѣдняго упоминается происшествіе дѣйствительно въ этотъ годъ случившееся ²⁷⁾). Но изъ обоюднo исправленныхъ списковъ Діодора и Діонисія явствуетъ, что и послѣ Филокла вплоть до конца связаннаго разказа Діодора мы имѣемъ совершенно полный списокъ еще за цѣлые 20 лѣтъ. Итакъ, пропускъ кроется въ послѣднихъ годахъ. Правда, Корсини отрицаетъ возможность всякаго пропуска въ рядѣ послѣднихъ 15 архонтовъ, ибо Діонисій говоритъ, что между Анаксикратомъ и Филиппомъ—разстояніе въ 15 лѣтъ. Но это еще сомнительно. Ибо изъ этихъ словъ явствуетъ, что Филиппъ былъ шестнадцатымъ отъ Анаксикрата, а не пятнадцатымъ. Иначе изгнаніе продолжалось

счетъ страницъ Экавара здѣсь печатка 1247—1248 вв. 1255—1256). *Sigonius De Atheniensium temporibus* 1564 (= *Gronov. Thes.* V, 1633 — 1670), вовсе не звалъ сочиненія Діонисія о Динархѣ. Считаемо возможнымъ обойти здѣсь молчаніемъ также и *Corsini*. Онъ объяснялъ дѣло некритическимъ пріемомъ допущенія архонта субъекта и опять все того же интерполированнаго у Діодора Сосикла, который надѣлалъ ему столько работы раньше. Итакъ, по *Corsini* 69 лѣтъ, но 70 архонтовъ, изъ которыхъ одинъ, и именно Сосиклъ, правихъ-де лишь нѣсколько мѣсяцевъ за умершаго или свергнутаго своего предшественника Антикла, и потому сосчитавъ Діонисіемъ, но не попалъ въ списокъ. *Fasti Attici* II, Diss. IX, глава XX, стр. 28 слл. Нечего и говорить, что такимъ образомъ можно все объяснить. Сосиклъ положительный *posseus*. Интерполяторъ, вставившій его въ Діод. XVII, 112, повторилъ при его имени тѣхъ же консуловъ, что при Антиклѣ (сл. объ этомъ *Droysen, Gesch. d. Hell.* I, прил. II, *Chronologie Diodora*, стр. 361). Онъ даже пропускается въ новѣйшихъ изданіяхъ Діодора (какъ напримѣръ, въ изд. *L. Dindorf*).

²⁴⁾ *E. Meier. Commentatio epigraphica secunda.* Halle. 1854, при которой приложенъ *Index Atticorum Archontum Eponymorum qui post Olymp. CXXI, 2 eum magistratum obtinuerunt*, имѣющійся также въ отдѣльныхъ оттискахъ.

²⁵⁾ С. I. А. II, 300 „*Decretum ad Ol. 121, 1 pertinere docuit Rangabis (n. 443). Idem annum intercalarem fuisse recte monuit. Igitur in archontum indice Dionysii post Ol. 121, 2 unum nomen exederit*“. Примѣчаніе, сдѣланное, впрочемъ, мимоходомъ со словъ Рангависа, который думалъ видѣть въ этой надписи подтвержденіе своего восстановленія Каллипповскаго календаря (*Ant. Hell.*, томъ II, стр. 93).

²⁶⁾ *F. H. прооеш.*, стр. XIV—XV и прим. g.

²⁷⁾ См. выше въ текстѣ Діонисія на стр. 27 и тексты, цитированные Клинтонномъ въ таблицахъ подъ годомъ арх. Филокла (322 г.).

бы не 15, а 14 лѣтъ. Динархъ вернулся при Филиппѣ; значитъ, онъ былъ въ отсутствіи 15 лѣтъ и вернулся на 16-й годъ. Итакъ, семидесятое имя выпало, по видимому, гдѣ-нибудь въ послѣднихъ десяти годахъ послѣ окончанія исторіи Діодора. Въ таблицахъ своихъ Клинтонъ принимаетъ пустымъ мѣсто непосредственно передъ Филипомъ (стр. 190, изд. Крюгера).

Мейеръ²⁸⁾ вполне принимаетъ разсужденіе Клинтонъ, сомнѣвается только на счетъ того, въ которомъ именно пунктѣ десятилѣтія съ 30¹/₀ по 29²/₁ г. надо искать потерянное имя. Келеръ, въ упомянутомъ замѣчаніи къ С. I. А. II, 300, считаетъ доказанною непрерывность списка до 29⁵/₄ года, основываясь на томъ, что архонтъ Никостратъ, восстанавливаемый имъ въ этой надписи²⁹⁾, какъ сказано, на основаніи Рангависовскаго разчета Каллипповскаго вѣкла, приходится по этому разчету на ОI. СXXI 2 (29⁵/₄ г. до Р. Х.).

Всѣ рѣшительно ученые, которые допускали пропускъ въ послѣднихъ годахъ Діонисовскаго списка и относили, такимъ образомъ, архонта Филиппа къ ОI. 122. 1 (29²/₁ г. до Р. Х.), приводили въ доказательство слѣдующую надпись, нѣкогда находившуюся въ Римѣ и теперь утраченную³⁰⁾.

²⁸⁾ Указанный въ прим. 24. „Catalogus archontum“ и т. д. стр. XVIII отдѣльнаго оттиска подъ словомъ Φίλιππος. Я не упомянулъ въ текстѣ *Dumont, Essai sur la chronologie des archontes athéniens*. Paris. 1870, такъ какъ онъ ограничивается въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, лишь ссылокъ на Мейера. Еще менѣе я считалъ нужнымъ упомянуть о спискѣ афинскихъ архонтовъ, приложенномъ къ пятому изданію Германовскаго „Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer“, который представляетъ лишь жалкую перепечатку списка, даннаго въ Дюмонтовскихъ *Fastes éponymiques d'Athènes*. Par. 1874, со всеми опечатками (ср. мою маленькую замѣтку въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г., май, и въ 'Еф. 'Арх. 87, стр. 50, прим. 1) и съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ несообразностей отъ себя, вродѣ удвоенія Діотима архонта и помѣщенія Діотима п. I, между Никостратомъ и Олимпіодоромъ. Также ничего не говорятъ о причинѣ допущенія пропуска именно передъ Олимпіодоромъ авторы двухъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ каталоговъ афинскихъ архонтовъ *Westermann* во 2 изданіи перваго тома *Real-Encyclopedie—Pauly*, подъ словомъ *Archontes*, стр. 1476 и *Rusconi* въ ново-греческомъ переводѣ учебника греческихъ древностей *Бойзена* 'Ελληνική ἀρχαιολογία. Αθ. 1860, стр. 169.

²⁹⁾ Восстановленіе, какъ увидимъ ниже, не безспорное.

³⁰⁾ Я привожу здѣсь текстъ, какъ онъ напечатанъ въ томѣ „*Inscriptionum Graecarum Italiae et Siciliae*“ (стр. 313, № 1184), который будетъ составлять часть новаго *Corpus Inscriptionum Graecarum*, предпринимаго Берлинскою академіей. Любезнымъ сообщеніемъ печатнаго листа, содержащаго нашу надпись, я обязанъ проф. Кайбелю, издающему этотъ томъ.

ΜΕΝΑΝΔΡΟΣΔΙΟΠΕΙΘΟΥΣ
 ΚΗΦΙΣΙΕΥΣΕΓΕΝΝΗΘΗΕΠΙ
 ΑΡΧΟΝΤΟΣΣΩΣΙΓΕΝΟΥΣ
 ΕΤΕΛΕΥΤΗΣΕΝΕΤΩΝ · Ν'
 ΚΑΙ · Β' ΕΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ
 ΦΙΔΙΠΠΟΥΚΑΤΑΤΟΒ
 ΚΑΙΔ'ΕΤΟΣΤΗΣΠΤΟΔΕΜΑΙ
 ΟΥΤΟΓΕΣΤΗΡΟΣΒΑΣΙΛΕΙΑΣ.

Но и текстъ этой надписи, и ея хронологическія показанія, и имя архонта Филиппа, и самая подлинность ея еще требуютъ доказательствъ, такъ что приводить ея въ подтвержденіе чего бы то ни было не возможно, прежде чѣмъ сама она не будетъ тщательно разобрана во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Виламовицъ-Меллендорфъ ³¹⁾ считаетъ возможнымъ, при разсужденіи о годѣ Филиппа, просто устранить этотъ документъ и высказаться за его подложность безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Мы считаемъ вопросъ болѣе важнымъ и интереснымъ, тѣмъ болѣе, что убѣждены въ хорошемъ источникѣ свѣдѣній, сообщаемыхъ надписью, будь она хотя бы даже поддѣлкой Лигорія, что, впрочемъ, весьма мало вѣроятно.

Въ настоящее время надпись должна считаться утерянною. Она находилась нѣкогда въ Римѣ. По послѣднимъ и самымъ категорическимъ свѣдѣніямъ въ 1765 году она хранилась въ библиотекѣ монастыря SS. Andreae et Gregorii на Целии. О дальнѣйшей судьбѣ ея издатели нынѣшняго столѣтія Францъ и Кайбель ³²⁾ ничего не сообщаютъ. Въ мое пребываніе въ Римѣ лѣтомъ 1888 года я старался всячески напасть на слѣдъ надписи. G. B. de-Rossi снабдилъ меня рекомендаціей къ аббату монастыря SS. Andreae et Gregorii—padre Dubbino, но оказалось, что помѣщеніе бывшей библиотеки находится во флигелѣ, отнятомъ у монастыря нынѣшнимъ италіанскимъ правительствомъ и занимаемомъ женскою богадѣльней. Я проникъ и въ богадѣльню. Въ залѣ, въ которой нѣкогда находилась библиотечка, я видѣлъ нѣсколько десятковъ, вдѣланныхъ въ стѣны, надписей, но надписи Менандра не оказалось между ними. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ разговоровъ де-Росси сообщилъ мнѣ, что монастырь подвергся разрушенію и разграбленію въ 1798 году во время безпоряд-

³¹⁾ Antig. v. Karyst., стр. 179 пр. 2 „C. I. G. 6084 sollte von rechts wegen nicht mehr spuken. Die fälschung ist Ligorisch“.

³²⁾ Кайбель приписалъ на присланномъ мнѣ листѣ „plura nescio“.

ковъ, сопровождавшихъ провозглашеніе республики въ Римѣ Бертье и Массеной, и что, завѣдомо, много надписей, прежде тамъ находившихся, уничтожено. Отъ нѣкоторыхъ, по его словамъ, хранятся весьма незначительныя обломки отчасти на монастырской территоріи, отчасти на отошедшей отъ монастыря. Производить дальнѣйшіе поиски за ними по ихъ незначительности онъ мнѣ не совѣтовалъ.

Въ виду всего этого я считалъ возможнымъ, какъ выше сказано, признать надпись пропавшею. Мы принуждены слѣдовательно имѣть дѣло съ копіями, которыя, къ сожалѣнію, оставляютъ желать многого.

Первый сообщилъ эту надпись знаменитый фальсификаторъ Рігго Ligorio ³³⁾ въ такъ называемомъ Сабинскомъ кодексѣ Ватиканской бібліотеки ³⁴⁾, гдѣ насчетъ мѣста ея находки приписано: „Nella villa Cornelia nei Sabini, dove oggidi si chiama il luogho Bocchignano nell'abadia di Farsa, anticamente Foro Decio“ ³⁵⁾. Строки 5 и 6 онъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

ΜΑΙΩΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ
ΦΡΑΠΑΟΣΚΑΤΑΤΟΒ.

Уже изъ-за этого одного надо признать вмѣстѣ съ Моммсеномъ ³⁶⁾ и Кайбелемъ ³⁷⁾ за несомнѣнное, что надпись не выдумана Лигоріемъ.

³³⁾ + 1583. О немъ см. С. I. L. II, стр. XII; V стр. XIX; VI стр. LI (всего подробнѣе) и стр. 19*. сл.; IX. X стр. XLVIII.

³⁴⁾ *Liber Sabinen(his)* (cod. Vad. 6040 f. 95—149). См. о немъ Моммсенъ С. I. L. IX стр. 439 и поправки въ спискѣ источниковъ при томъ же томѣ на стр. LX. Все собраніе принадлежитъ не Лигорію, а ивкому Юлію Якобіо Умбру и въ 1566 году поступило въ собственность Мануція Альда, что явствуетъ изъ приписки на листѣ 17 „1566. VII non. Sept. ex Iul. Iacobonio“. Къ сожалѣнію, я обработывалъ эту часть моей работы, когда уже поздно было справляться въ Ватиканской бібліотекѣ: ей оставалось быть открытою до лѣтнихъ ваканцій всего два—три дня. Г. Гюльзенъ, впрочемъ, взялся для меня навести справку и сказалъ мнѣ, что, дѣйствительно, такъ стоитъ тамъ, какъ приведено въ вариантахъ у Моммсена и Кайбеля, но не списалъ самой надписи. Конечно, этотъ самый сборникъ Велькеръ (Rh. Mus. 1845. B. III стр. 465) называетъ Ватиканскими сжедами Лигорія.

³⁵⁾ На картѣ III приложенной къ IX тому С. I. L. въ квадратѣ bF. Отожествленіе съ Forum Decium теперь, по видимому, оставлено. Ср. С. I. L. IX отдѣлъ CI. Inter Forum novum et Cures, гдѣ приводятся другія надписи, найденныя въ этихъ мѣстахъ и въ прим. къ п. 4855 также и наша (стр. 461—464).

³⁶⁾ Къ С. I. L. IX 4855 „errans in legendo, nequaquam igitur fingens“.

³⁷⁾ С. I. Gr. (nov.). Inscr. Ital. et Sic. 1184, повторяетъ доводъ Моммсена и далѣе самъ пишетъ: „Ipsum Ligorium titulum comminisci vel adeo lapidi inscribere potuisse incredibile plane est: sequitur ut genuinum esse credamus i. e. factum ab homine aliquo privato aetatis fortasse imperatoriae“.

Онъ, очевидно, ошибся здѣсь въ чтеніи и ошибка весьма легко объяснима и очень характерна для Лигорія. Въ особенности МАΙΩ, вмѣсто трудно читаемаго Κ]ΑΙ[Β неподражаемо. Всякій, кто знакомъ съ возстановленіями надписей, дѣлаемыми разными любителями просвѣщенія, коллекціонерами, знатоками мѣстныхъ древностей, которымъ имя легіонъ въ Греціи и Италіи — пойметъ меня. Греческая эпиграфика имѣла своего Лигорія въ лицѣ безсмертнаго Питтакиса, который, впрочемъ, не такъ часто поддѣлывалъ, какъ интерполировалъ надписи ³⁸⁾. Кромѣ „Сабинскаго“ кодекса эта же надпись находится въ другомъ, уже вполнѣ Лигоріонскомъ сборникѣ, а именно въ громадномъ тридцатитомномъ сборникѣ Туринской библіотеки, т. XXIII, листъ 33 ³⁹⁾. Сборникъ этотъ — позже Сабинскаго, такъ какъ цитируетъ многократно „ореографію“ Мануція Альда, вышедшую въ 1566 году ⁴⁰⁾. Въ него попала наша надпись, очевидно, изъ Сабинской книги вмѣстѣ съ другими, найденными въ сосѣднихъ мѣстностяхъ ⁴¹⁾. Но надо думать, что Лигорій, или видѣлъ еще разъ надпись, или догадался на счетъ чтенія строки 5-й, ибо въ Туринской коллекціи стоитъ уже вѣрное (то-есть, единственно возможное) чтеніе ΚΑΙ. Β'. Въ шестой же строкѣ имя архонта читается тамъ: ΦΑΙΔΩΝΟΣ ⁴²⁾. Это уже, разумѣется, придумано Лигоріемъ на свободѣ и не можетъ имѣть никакого значенія для дальнѣйшей критики текста надписи. Безсмыслица ΦΡΑΙΠΑΟΣ драгоцѣнна для насъ именно, какъ бессмыслица. За ней мы можемъ видѣть настоящее чтеніе, можемъ догадываться, что стояло на камнѣ. Φαίδων же прямо родился въ головѣ Лигорія и потому долженъ быть, безъ всякаго колебанія, вычеркнутъ изъ списка разночтеній.

Слѣдующее датированное упоминаніе надписи Менаандра встрѣ-

³⁸⁾ О немъ см. *Neubauer* въ *Hermes*, т. 11 (1876), стр. 374 сл.

³⁹⁾ Объ этомъ сборникѣ см. С. I. L. VI, 1, стр. LII.

⁴⁰⁾ См. С. I. L. VI, 1, стр. LI.

⁴¹⁾ С. I. L. IX, стр. 439. „Redeunt item errores quos in titulis genuinis describendis auctor libri Sabinensis commisit... in voluminibus Ligorii tam Neapolitanis quam Taurinensibus. Nonnumquam adeo interpolationes in Sabinensi libro ad genuinam lectionem postea adscriptae in recensionibus Ligorii posterioribus ita comparent, ut ibi veram lectionem expulerint (sic n. 4673, 4683, 4896). Такъ что Туринское собраніе является не просто механическимъ спискомъ. Да и люди, подобные Лигорію, врядъ ли даже могутъ списывать что-нибудь, не измѣняя.

⁴²⁾ См. *Моммсенъ* въ С. I. L. IX, 4854, *Кайбель*, ук. мѣсто.

чается у Фульвія Урсина ⁴³). На таблицѣ 33 находятся у него два изображенія Менандра и двѣ надписи, къ нему относящіяся, въ томъ числѣ и наша. Въ оглавленіи таблицъ противъ всѣхъ трехъ стоитъ „Romae apud Fulvium Ursinum“, такъ что не ясно, къ которому изъ трехъ предметовъ надо отнести поясненіе оглавленія. Въ этомъ помогаетъ намъ второе изданіе Урсина, редактированное Фабромъ, повторяющее приведенное указаніе на таблицѣ 90 надъ изображеніемъ Менандра на *imago clureata*. стоящей наверху таблицы 33 перваго изданія ⁴⁴). Наша надпись Менандра повторяется безъ указанія мѣстонахожденія на стр. 56 комментарія ко 2-му изданію. Вторая надпись въ честь Менандра (C. I. G. 6083—C. I. G. nov. Ital. et. Sic. 1183) уже у Грутера (tab. CXXVII) приведена, какъ находящаяся въ Туринѣ, гдѣ, по видимому, и до сихъ поръ находится. Трудно сказать, почерпнулъ ли Урсини свою копію изъ какого-нибудь источника, или самъ прочелъ на камнѣ. Предположеніе, чтобы онъ изъ нелѣпаго ФРАИПАОС догадался о томъ, что стояло на камнѣ, кажется невозможнымъ. Лигорій, пришедшій потомъ къ чтенію *Φαίδωνος*, врядъ ли могъ быть, въ этомъ случаѣ, его источникомъ. Въ копіи Урсина интересующія насъ строки 5 и 6 читаются также, какъ и теперь принято издателями, то-есть:

⁴³) *Imagines et elogia virorum illustrium et eruditorum ex antiquis lapidibus et numismatibus expressa cum annotationibus. ex bibliotheca Fulvi Ursini 1570. Romae, Ant.-Lafreerii formis. fol.*

⁴⁴) Второе изданіе сдѣлано уже по смерти Урсини Фабромъ въ 1606 г. in quarto. Оно составляетъ, по видимому, большую рѣдкость противъ перваго. По крайней мѣрѣ въ подробномъ перечисленіи литературы на стр. LIV—LV C. I. L. VI, 1, оно отсутствуетъ. Въ Берлинскихъ бібліотекахъ я нашелъ нѣсколько экземпляровъ 1-го изданія, второго же только одинъ у прое. Фуртвенгера, которому обязанъ, вообще, нѣкоторыми разъясненіями по исторіи коллекцій Урсини и Фарнезе. Дѣло въ томъ, что упомянутое выше изображеніе Менандра: *imago clureata* помѣчено въ сборникѣ Баумейстера *Denkm. d. klass. Altertums s. v. Menandros*, какъ находящееся „in Farnesischem Besitz“. Мнѣ объясненіе показалось сомнительнымъ, такъ какъ я знаю, что большая часть Фарнезской коллекціи перешла въ Неаполь, самое же palazzo Farnese въ Римѣ принадлежитъ французскому правительству. Прое. Фуртвенгеръ подтвердилъ, что никакой Фарнезской коллекціи въ настоящее время не существуетъ. *Imago* же *clureata* онъ не помнитъ, гдѣ находится. Я, въ послѣднее время, два раза былъ въ Неаполѣ и также не помню, чтобы видѣлъ тамъ это изображеніе. Висконти, издавшій его въ *Iconographie Grecque*, tab. VI № 3 и текста томъ I, стр. 89, говорить, что бесплодно искалъ его въ Римѣ и Неаполѣ.

ΚΑΙ Β' ΕΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ
ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΚΑΤΑ ΤΟ Β

Изъ того же, приблизительно, времени происходитъ копія, находящаяся въ рукописномъ сборникѣ Пигія (Pighius), принадлежащемъ Берлинской королевской библіотекѣ ⁴⁵⁾. Сборникъ этотъ состоитъ изъ отдѣльныхъ листовъ, разной бумаги, разнаго формата. Онъ заключаетъ въ себѣ множество рисунковъ съ антиковъ, произведенныхъ самыми разнообразными способами. Мы не удалось видѣть надписей, списанныхъ какъ таковыя. Всегда изображенъ весь предметъ, на которомъ надпись находится. Но между листами сборника находится нѣсколько другихъ листовъ другаго вида и формата (сравнительно весьма немнога), на которыхъ находятся просто копіи надписей въ тѣсномъ смыслѣ слова. Къ числу такихъ листовъ принадлежитъ листъ 61, на которомъ читается наша надпись. На верху болѣе новыми чернилами приписано: „Roma missum Pighio cum aliis inscriptionibus“, и затѣмъ, послѣ латинскаго перевода, написаннаго тѣми же рыжими чернилами, что и самая копія, снова тою же новою рукой: „vide Gellium ib' 4“. Копія согласна въ чтеніи 5 и 6 строкъ съ Урсиніевскою, но строку седьмую читаетъ:

ΚΑΙ · Α · ΕΤΟΣ ΤΗΣΠΤΟΑΕΜΑΙ,

что согласно съ копіей Лигорія по разночтеніямъ, приводимымъ Кайбелемъ, но въ обоихъ ли кодексахъ—не извѣстно. Что авторъ копіи дѣйствительно читалъ καὶ α', явствуетъ изъ латинскаго перевода приложеннаго къ копіи и писаннаго, очевидно, тѣмъ же, кто писалъ ее: „Menander Diopithi filius, tribu Cephista natus est | Archonte Sosigene, obiit annorum LII Archonte Philippo | circa secundum et primum annum regni Ptolomaei Sotiris“. По причинѣ имени архонта въ формѣ Φίλιππος несомнѣнно, что авторомъ этой копіи не могъ быть Лигорій, равно какъ по причинѣ чтенія Α вмѣсто Δ нельзя считать его тождественнымъ съ авторомъ копіи Урсини. Самый этотъ фактъ существованія трехъ почти одновременныхъ копій одного и того же документа служитъ лучшимъ доказательствомъ, если не подлинности его (въ пользу которой лучше всего говорятъ ошибки Лигорія, на котораго только и могло бы пасть подозрѣніе въ поддѣлкѣ), то дѣйствительно существованія надписи на камнѣ.

⁴⁵⁾ Lib. pict. A. 61. fol. max. О Пигіи см. С. I. L VI, стр. L; онъ род. въ 1520, умеръ въ 1604, былъ въ Римѣ два раза въ 1547—55 и 1574 годахъ.

Уже изъ этихъ источниковъ, основывающихся, по видимому, каждый на самостоятельной, хотя недостаточной, копии, заимствуютъ нашу надпись Фаберъ (въ указанномъ выше второмъ изданіи Урсини) и Грутеръ въ своемъ собраніи латинскихъ надписей, изданіе 2-е, дополненное Гудиемъ ⁴⁶⁾, томъ II, tab. 918, п. 12 и табл. 1027, п. 2. Уже изъ самыхъ приписокъ явствуется, что здѣсь простыя перепечатки старыхъ копій, при чемъ еще эти послѣднія старались согласить. При стр. 918, п. 12, читаемъ „Gruterus ex Ursini schedis“ Vochignani. Очевидно, здѣсь къ скеламъ Урсини (то-есть, попросту, къ печатной копии) присоединяется еще авторитетъ Лигорія въ Сабинскомъ кодексѣ. Еще яснѣе это изъ того своеобразнаго „исправленія текста“, которое претерпѣла наша надпись въ стр. 5: Она читается:

ΚΑΙ · Β · ΜΑΙΩΕΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ,

при чемъ ΚΑΙ стоитъ на полѣ. Въ замѣчаніи къ стр. 1027 п. 2. встречаемъ новый курьезъ: „in basi cui superposita Menandri effigies ⁴⁷⁾ Grut. a. Vocchignano. Gud. Contuli cum schedis Ursini. Id.“; здѣсь Vocchignano является уже, по видимому, именемъ человѣка.

Мы видѣли, что Урсини, Пигій и, тѣмъ болѣе, Грутеръ не знали мѣстонахожденія надписи. Въ 1765 году является она снова на свѣтъ Божій въ книгѣ Одерика ⁴⁸⁾, съ точнымъ показаніемъ мѣстонахожденія, а именно въ библиотекѣ уже упомянутаго раньше монастыря S. Gregorii in monte Coelio. „Requievit tandem in bibliotheca nostra praestantissima haec ἐπιγραφή“ пишетъ Одерикъ, или, вѣрнѣе, Sandrius, которому принадлежитъ у него отдѣлъ объ этой надписи. Копія Сандрія, какъ снятая съ оригинала и наиболѣе вѣроятная, и повторяется теперешними издателями и повторена нами вначалѣ всего этого разсужденія.

⁴⁶⁾ Inscriptiones antiquae totius orbis Romani in corpus absolutiss. redactae cum indicib. XXV ingenio ac cura Iani Gruteri auspiciis Ios. Scaligeri et M. Velseri. Ed. II edente Ioh. G. Graevio Amstelod. 1707. 4 vol. folio.

⁴⁷⁾ Въ 1-мъ изданіи Урсини на таблицѣ 33-й надъ надписью помѣщена, но отдѣльно, какая-то голова, пожалуй похожая на портретъ Менаандра. Эта голова потомъ, кажется, исчезла съ археологическаго горизонта.

⁴⁸⁾ Gasp. Aloysius Odericus Genuensis. Dissertationes et adnotationes in aliquot ineditas veterum inscriptiones et numismata. accedunt inscriptiones et monumenta quae extant in bibliotheca monachorum Camaldulensium S. Gregorii in monte Coelio. Romae. 1765. 4°. Единственный, видный мною, экземпляръ этого рѣдкаго изданія находится въ библиотекѣ германскаго археологическаго института въ Римѣ.

Вотъ исторія этой надписи. Читатель видѣлъ, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ея подлинности. Она найдена или, вѣрнѣе, впервые замѣчена и списана Лигоріемъ въ срединѣ XVI в. ⁴⁹⁾, затѣмъ ходила по рукамъ въ разныхъ, болѣе или менѣе, неудовлетворительныхъ копіяхъ, пока, наконецъ, не „requisivit“ въ библиотекѣ названнаго монастыря. Дальнѣйшая вѣроятность говоритъ за ея уничтоженіе во время погрома современнаго революціи. Теперь она должна считаться пропавшею.

Теперь надо постараться, хотя приблизительно, опредѣлить время, изъ котораго она происходитъ. По формамъ буквъ въ старыхъ изданіяхъ нечего и думать это сдѣлать, такъ какъ въ то время печатали какими попало маюскулами и о способѣ такого датирования надписей не имѣли никакого понятія. Францъ и Кайбель дѣлаютъ поэтому, намъ кажется, большую ошибку, печатая въ своихъ изданіяхъ надпись эпиграфическимъ шрифтомъ. Нѣсколько болѣе, можетъ быть, слѣдуетъ обращать вниманія на рукописные снимки и на такіе, гдѣ надпись передана отдѣльнымъ клише (какъ у Урсини въ первомъ изд.). Дѣйствительно, какъ въ рукописномъ сборникѣ Пигія, такъ и на клише Урсини Σ имѣетъ форму—С, тогда какъ Одерикъ, Корсини ⁵⁰⁾ и за ними Францъ и Кайбель печатаютъ Σ (четырехчертную). Ω, кажется, имѣло форму Ω ⁵¹⁾, тогда какъ указанные издатели печатаютъ Ω, форму сходную съ обычною нынѣ уставною формою этой буквы. Эти оба признака указывали бы, дѣйствительно, на весьма позднее, вѣрнѣе всего императорское время, въ какомъ мнѣніи склоняется и Кайбель ⁵²⁾. Но при настоящемъ преданіи текста надписи

⁴⁹⁾ Точнымъ показаніемъ мѣста находки не слѣдуетъ прельщаться. Вотъ что говорить по этому поводу о Лигоріи Генцевъ: С. I. G., VI, 1, стр. LII: *Inscriptiones quibus imprimis ad probanda inventa sua usus est Ligorius alias exhibet ubi agitur de urbibus, quibus vel iure vel fraude tribuuntur, alias adiecit ad nomina plerumque ficta familiarum hominumque in quorum villis et sepulcris dicuntur repertae esse: quae cum collocentur fere ad vias magnas ab urbe per Italiam ductas tituli Ligoriani permulti facile ea re agnoscuntur, quod in via aliqua dicuntur reperti esse. Cum sinceris, qui et ipsi plurimi sunt, miscentur ficti et interpolati; qua in re mirum, quod locis notissimis, ut hortis vel bibliothecae cardinalis Carpentis, domibus Maffeiolorum et Matthaiorum, hortis Fabiani de' Monti portenta sua falsarius ausus sit tribuere.*

⁵⁰⁾ *Fasti Attici* IV, стр. 76.

⁵¹⁾ См. *Моммсенъ къ надп.* С. I. L. IX, 4854.

⁵²⁾ Къ надп. 1184. „factum ab homine aliquo privato aetatis fortasse imperatoriae“.

вообще нельзя опираться на имѣющіяся въ наличныхъ копіяхъ формы буквъ. Постараемся отыскать въ самомъ текстѣ какой-нибудь терминъ, хотя бы для приблизительнаго датированія нашей надписи. При этомъ невольно бросается въ глаза, давно уже замѣченное, поразительное сходство ея съ отрывкомъ Аполлодора, находящемся у Авла Геллія (XVII. 4, текстъ по изданію М. Гертца. Berl. 1885).

Κηφισιεύς ὄν ἐκ Διοπεΐθους τοῦ πατρὸς.

Πρὸς τοῖσιν ἑκατὸν πέντε γράφας δράματα

Ἐξέλιπε, πεντήκοντα καὶ δύο τῶν ἐτῶν.

Пассажъ про Менандра былъ у Аполлодора обширнѣе, что явствуетъ изъ того, что говорить Геллій далѣе: „*Ex istis tamen centum et quinque omnibus, solis eum octo vicisse idem Apollodorus eodem in libro scribit*“. Спрашивается, не могла ли вся надпись быть скопирована изъ Аполлодора? Что онъ упоминалъ въ своей хроникѣ архонтовъ афинскихъ, стоитъ внѣ сомнѣнія, послѣ того какъ Рёперъ (Philol. Anz. II, стр. 22 сл.) блистательно доказалъ присутствіе отрывковъ изъ него въ знаменитомъ геркуланскомъ папирусѣ, заключающемъ краткую исторію Академіи⁵³⁾. Остается весьма странное⁵⁴⁾ упоминаніе Птолемея. Положимъ, Менандръ находился въ сношеніяхъ съ послѣднимъ, но этого недостаточно для объясненія датировки царемъ Птолемеемъ года смерти афинскаго комика, датированнаго притомъ уже архонтомъ. Это опять заставляетъ угадывать какой-нибудь хронографическій источникъ— и именно таковымъ былъ Аполлодоръ. Могутъ, однако, возразить, что въ находящихся на лицо фрагментахъ Аполлодора⁵⁵⁾ нѣтъ примѣровъ подобныхъ датировокъ. Но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что отрывки Аполлодора сохранились

⁵³⁾ Academicorum philosophorum index Herculanensis editus a Francisco Buechelero. Index schol. in Univ. Litterarum Gryphiswaldensi per semestre hibernum a. 1869—70.

⁵⁴⁾ Берлинскій египтологъ-специалистъ по времени лагидовъ Dr. U. Wilcken, съ которымъ я совѣтовался на счетъ этой даты, весьма удивленъ былъ именно титуломъ Πτολεμαίου τοῦ Σωτήρος, говоря, что въ оециальномъ или по крайней мѣрѣ современномъ египетско-греческомъ документѣ это было бы чѣмъ-то неслыханнымъ, и предлагалъ даже поправку θεοῦ Σωτήρος. Какъ поправка такъ и удивленіе его мнѣ кажутся однако излишними. Нѣтъ и рѣчи, чтобы мы имѣли передъ собою современный и притомъ египетскій документъ. Но и въ современномъ документѣ такой титулъ вещь возможная. См. Ditt. Syll. pp. 153. 249.

⁵⁵⁾ Кромѣ упомянутыхъ, найденныхъ въ текстѣ Геркул. папируса, изданы въ Fr. Hist. Gr. томъ I, стр. 435—449.

въ поразительно маломъ числѣ. Извѣстно ⁵⁶⁾, что онъ главнымъ образомъ сокращалъ Ератосеена. А именно Ератосеенъ работалъ надъ спискомъ древнихъ Египетскихъ царей, и именно отъ него, какъ ясно видно изъ Г. Синкелла, Аполлодоръ заимствовалъ этотъ списокъ ⁵⁷⁾. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что Ератосеенъ довелъ списокъ до своего времени (онъ умеръ въ началѣ II вѣка до Р. Хр.) ⁵⁸⁾. Такимъ образомъ есть большая вѣроятность, что Аполлодоръ пользовался египетскими царскими годами, въ особенности въ періодъ до основанія Пергамскаго царства, для датировокъ. Самый 32-й годъ Птолемея, приводимый въ нашемъ спискѣ, есть прямое заимствованіе изъ хронологическихъ источниковъ, такъ какъ извѣстно, что Птолемей, подобно другимъ діадохамъ, принялъ официально царскій титулъ лишь въ 305 году до Р. Хр. Мы подходимъ такимъ образомъ къ самому дѣлу, то-есть, къ попыткѣ опредѣлить годъ архонта Филиппа на основаніяхъ датировки нашей надписи. Во всемъ предшествовавшемъ мы старались только доказать подлинность нашей надписи, вѣрность принятаго теперь чтенія имени архонта и найти приблизительно время ея возникновенія. Мы нашли какъ *terminus post quem*, — *Χρονικά Απολλοδώρα* ⁵⁹⁾.

⁵⁶⁾ См. *Diels* въ *Rhein. Mus.* томъ XXXI, стр. 1 сл.

⁵⁷⁾ *Georg. Sync.* (изд. *Dindorf* въ *Corp. Scr. Hist. Byzantinae*), т. I, стр. 171 „Θηβαίων βασιλεῖς. Ἀπολλόδωρος χρονικός ἄλλην Αἰγυπτίων τῶν Θηβαίων λεγομένην βασιλείαν ἀνεγράφει βασιλείων λη', ἐτῶν αὐς ἥτις ἤρξατο μὲν τῷ βῆτῳ ἔτει τοῦ κόσμου, ἔληξε δὲ εἰς τὸ γμϵ' ἔτος τοῦ κόσμου, ὧν τὴν γνῶσιν, φησὶν ὁ Ἐρατοσθένης, λαβὼν Αἰγυπτιακοῖς ὑπομνήμασι καὶ ὀνόμασι κατὰ πρόσταξιν βασιλικὴν τῆ Ἑλλάδι φωνῆ παρέφρασεν οὕτως“ (слѣдуетъ списокъ).

⁵⁸⁾ *Christ*, *Geschichte der Griechischen Litteratur bis auf die Zeit Justinians* = VII томъ *Handbuch's der klassisch. Altertumswissenschaft*, изд. *Iw. Müller*. (1889), стр. 447.

⁵⁹⁾ Не намъ и не здѣсь уже рѣшать вопросъ о времени появленія хроники. По Дильсу (ук. ст. стр. 5), она появилась въ двухъ изданіяхъ, при чемъ первое, какъ свидѣтельствуемъ псевдо-Скимпъ, ст. 46 сл. (*Fr. Hist. Gr.* I, стр. 136), посвящено было Атталу II (ol. 155. 2—160, 3). Дильсъ считаетъ необходимымъ допустить 2-е изданіе, упоминавшее событія до 119 г. (см. *Nachtrag* статьи на стр. 54), на основаніи того, что у позднѣйшихъ встрѣчаются, напримѣръ, упоминанія о томъ, что у Аполлодора можно найти свѣдѣнія о Карнеадѣ и о знаменитомъ посольствѣ афинянъ въ Римъ (129 г. *Cic. ad. Att.* XII 23) и о нѣкоторыхъ позднѣйшихъ фактахъ; *Röper* въ *Philol. Anz.* ук. ст. Христъ приписываетъ такія позднѣйшія цитаты не второму изданію Аполлодора, а продолженію Кастора (*Gesch. d. Griech. Litteratur*, стр. 430).

Тридцать второй годъ Птолемея, какъ мы только что сказали, разчитанъ несомнѣнно на основаніи греческихъ хронографическихъ работъ, источникомъ которыхъ, по всей вѣроятности, служилъ выше цитированный списокъ Евратосѣена, составленный по царскому приказанію и, слѣдовательно, официальный. Доказательствомъ тому служить, что въ позднѣйшихъ спискахъ Евсевія и разныхъ его редакцій, равно какъ и у Синкелла, начало царствованія Птолемея I Сотира примыкаетъ непосредственно къ году смерти Александра Великаго. Прочно утвердившаяся династія не хочетъ знать о переходномъ времени, о времени, когда ея основатель былъ только сатрапомъ, а прямо выставляетъ его наслѣдникомъ великаго завоевателя⁶⁰). Поэтому намъ нужно прежде всего ориентироваться относительно эпохи смерти Александра Великаго.

⁶⁰) Вотъ свидѣтельства различныхъ редакцій Евсевіевскаго труда: *Армянскій переводъ* (*Schöne* Append. I, A. col. 15) „Ptolomaei CXIV Olympiade (incepturunt regnare). Post obitum Alexandri in Babelone, et ad multos imperio perveniente Egipto Alexandriae regnat —1) Ptolomaeus Lagi (filius) annis XL etc. *Иеронимъ* (ib. App. I. B. col. 29). „Incipiente Alexandrinorum regno regnat Aegypto Ptolomaeus Lagi filius annis 40“ *Epitome Syria* (ib. App. III, стр. 55. „Olympiad. CIV (sic), Alexander Macedo mortuus est Babylone. Et divisum est imperium Alexandrinorum et Aegyptiorum. Rex primus Ptolemaeus fil. Leporis. Ptolemaeus fil. Lagi ann. 40“. *Хронографείον σύντομον* (ib. App. IV. col. 90): 'Αλεξάνδρου τοῦ χριστοῦ τελευτήσαντος διηρέθη ἡ αὐτοῦ βασιλεία κατὰ τὰς αὐτοῦ διαθήκας καὶ τὴν πρόρρησιν τοῦ προφήτου Δανιὴλ εἰς τὰς τέσσαρας ἀρχὰς τοῦ οὐρανοῦ ὡς ὑποτέτακται... col. 91 *Δευτέρα ἀρχὴ* 'Αλεξάνδρου Αἰγυπτίων Πτολεμαίων βασιλεία. 'Εκράτησεν ἔτη σμα' ἐν τῷ δευτέρῳ ἔτει 'Ονίου ἀρχιερέως, α'. Πτολεμαῖος ὁ Λάγου ἔτη μ' διαβε въ col. 100 въ общемъ каталогѣ Египетскихъ царей подъ заглавиемъ Αἰγυπτίων βασιλεία: Δοιπὸν βασιλεύει 'Αλέξανδρος ὁ Μακεδὼν ἔτη ιβ', Πτολεμαῖος ὁ Λάγου ἔτη μ' ■ т. д. Въ *Excerpta latina barbari* (ib. App. VI, стр. 209): veniens ad mortem Alexander testamentum scripsit, ut unusquisque principum Alexandri regnarent singuli in proprias eorum provincias. Sicuti imperavit eis Alexander sic Macedonia quidem Arideum quem et Philippum praecipit regnare... Egyptum autem et quae circa eam usque superiore Lybia Filippo qui vocabatur Ptolemaeus donavit. Въ *Chronicae* *αἰον.* (Eusebius ed. *Schöne* II, стр. 114—115) подъ Ол. CXIII, 'Αλεξάνδρος λβ' ἔτος ἄγον ἀναireθεὶς φαρμάκῳ τελευτᾷ ἐν Βαβυλωνί. 'Αλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πρῶτος μετὰ τοῦ 'Αλεξάνδρου ἐβασίλευσε Πτολεμαῖος ὁ Λάγου ἔτη μ'. Въ армянскомъ (по переводу *Петерманна*): Alexander annos XXXII obiit Babelone. Post quem translato in multos imperio Egiptiis primus imperavit Ptolomaeus Lagi (filius) annis XL, Macedonibus Philippus, qui et Aridês, frater Alexandri, annis VII. Въ переводѣ *Иеронима*: Alexander XXXII aetatis suae anno moritur in Babylone. Post uem translato in multos imperio Aegypto I regnavit Ptolemaeus Lagi filius.

Изъ соединенныхъ свидѣтельствъ Арріана ⁶¹⁾ и Плутарха ⁶²⁾ мы знаемъ точную Македонскую дату смерти Александра, а именно 28 Даисія года афинскаго архонта Игесіи. Послѣ изслѣдованій Иделера ⁶³⁾ было всѣми принято, что эта дата падаетъ на аттический Фаргеліонъ 32⁴/₃ года до Р. Хр. Съ нимъ также самостоятельно сошелся Клинтонъ ⁶⁴⁾. Дройзенъ ⁶⁵⁾ усумнился въ возможности такъ точно опредѣлить дату, какъ это прежде дѣлали (Иделеръ относилъ смерть Александра къ 11—13 числамъ юліанскаго іюня 323 г. до Р. Хр.), и считаетъ смерть Александра падающею вообще на Фаргеліонъ или Скирофоріонъ 32⁴/₃ года. Мы тѣмъ болѣе воздержимся отъ всякаго намѣренія точнѣе опредѣлить дату смерти Александра, что, по нашему убѣжденію, еще далеко не своевременно возстановлять календарные кивлы, бывшіе въ употребленіи въ Афинахъ и манипулировать, какъ то дѣлаетъ въ данномъ случаѣ Дройзенъ, съ добытыми на основаніи ихъ данными. Для насъ вполне достаточно того, что смерть Александра падаетъ на лѣто 323 года до Р. Хр. — до начала 32²/₂ олимпійскаго года, слѣдовательно тѣмъ болѣе до начала слѣдующаго египетскаго года, который начинался въ это время глубокою осенью, по расчетамъ Иделера, 12-го ноября ⁶⁶⁾.

Раньше мы видѣли, что по лучшему источнику — Аристову ⁶⁷⁾, Александръ царствовалъ 12 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Между прочимъ уже Ератоссеенъ въ своей хроникѣ приписывалъ ему 12 лѣтъ ровно ⁶⁸⁾.

⁶¹⁾ Arriani 'Ανάβασις VII, 28. 'Ετελεύτα μὲν δὴ 'Αλέξανδρος τῆ τετάρτῃ καὶ δεκάτῃ καὶ ἑκατοστῇ Ὀλυμπιάδι ἐπὶ 'Ηγησίου ἀρχοντος 'Αθῆνησιν ἐβίω δὲ δύο καὶ τριάκοντα ἔτη καὶ τοῦ τρίτου μῆνας ἐπέλαβεν ὀκτώ, ὡς λέγει 'Αριστόβουλος, ἐβασίλευσε δὲ δώδεκα ἔτη καὶ τοὺς ὀκτὼ τούτους μῆνας.

⁶²⁾ Plut. 'Αλέξανδρος LXXVI. 'Εν δὲ ταῖς ἐφημερίαισιν οὕτως γέγραπται περὶ τῆς νόσον. Ὁγδόῃ ἐπὶ δεκάτῃ Δαισίου μηνός ἐκάθευθεν ἐν τῷ λουτρῶνι διὰ τὸ πυρέξαι..... τῇ δὲ τρίτῃ φθίνοντος πρὸς δείλην ἀπέθανε.

⁶³⁾ Ideler. Ueber das Todesjahr Alexanders въ *Abhandl. der Berl. Acad.* 1821 и *Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie I*, стр. 406 слл.

⁶⁴⁾ Fasti Hellenici, ed. Krüger, стр. 172, съ приложениемъ Крюгера.

⁶⁵⁾ Geschichte d. Hellenismus. I², ч. 2, приложение I. Die Chronologie des Todes Alexanders, стр. 343 сл., въ особ. см. стр. 356.

⁶⁶⁾ Ideler. Über die Redaction ägyptischer Data aus den Zeiten der Ptolemäer. Berl. 1834, стр. 7.

⁶⁷⁾ См. выше цитированное мѣсто Арріана 'Ανάβ. VII, 28.

⁶⁸⁾ Свидѣтельство его сохранилось у Климентя Александрійскаго *Стρωμ.* I, р. 336 с: „μετα δε ταῦτα! (смерть Филиппа) ἐπὶ τὴν 'Αλεξάνδρου μεταλλαγὴν ἔτη δώδεκα“.

Это же число сохранилось у Евсевія ⁶⁹⁾. Мало того, въ тѣхъ же изводахъ Евсевія всѣмъ Лагидамъ приписывается царствованіе, выражающееся полными годами ⁷⁰⁾. Все это не можетъ быть объяснено иначе, какъ то объяснилъ Иделеръ ⁷¹⁾, для періода Птолемеевъ и Еккель ⁷²⁾ для періода Римскихъ императоровъ—а именно особымъ способомъ считать царскіе годы, практиковавшимся въ Египтѣ. По изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ оказывается, что когда бы не вошелъ на престоль царь или императоръ, съ слѣдующаго 1-го $\Theta\omega\alpha$, перваго мѣсяца египетскаго года, онъ уже писался вторымъ годомъ, часть же времени, прошедшая до 1-го $\Theta\omega\alpha$, какъ бы мала она ни была, считалась первымъ его годомъ, равно какъ и мѣсяцы, протекшіе съ послѣдняго 1-го $\Theta\omega\alpha$ его предшественника, отнимались отъ годовъ послѣдняго. Но это могло быть сдѣлано, разумѣется, только по смерти предшествовавшаго царя; до смерти же документы, изданные въ мѣсяцы не дожитаго имъ года, помѣчались, конечно, соотвѣтствующимъ годомъ его правленія. Такимъ образомъ существуютъ монеты, помѣченныя двумя различными императорами и относящіяся къ одному и тому же году; такимъ же только образомъ можно объяснить датировки 2-мъ годомъ Гальбы, 22 Адриана, 5 Елагобала, 8 Проба и т. д. ⁷³⁾. Птолемеи, считавшіе себя прямыми и законными наследниками Александра въ Египтѣ ⁷⁴⁾, должны были, какъ я уже сказалъ, считать начало царствованія основателя ихъ династіи непосредственно

⁶⁹⁾ Евсевій ed. *Schöne*, I, col. 160. Τελευτῆ μὲν Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδών, ἐπὶ τῆς ἑκατοστῆς τέσσαρες καὶ δεκάτης Ὀλυμπιάδος, ἄρξας ἔτη τὰ σύμπαντα δώδεκα. Это же число видимъ во многихъ выше упомянутыхъ изводахъ Евсевія. Такъ въ „*regum series secundum Hieronymi codices*“ Appendix I, B. col. 27, въ *Χρονογραφείον σύντομον* App. IV col. 90.

⁷⁰⁾ Такъ по *χρονογραφείον σύντομον* царствовали: Πτολεμαῖος ὁ Λάγος - ἐτ. μ. Πτολεμαῖος Ἀλέξανδρος ἔτη λη. Πτολεμαῖος Ἀλέξας-ἔτη κε. Πτολεμαῖος ὁ φιλοπάτωρ - ἔτη ιζ - Πτολεμαῖος ὁ ἐπιφανής - ἐτ. κθ - Πτολεμαῖος ὁ φιλομήτωρ - ἐτ. λε. Πτολεμαῖος ὁ εὐεργέτης - ἐτ. κθ. Πτολεμαῖος ὁ Φούσκων - ἐτ. ιζ, Πτολεμαῖος Ἀλέξανδρος - ἐτ. ι - Πτολεμαῖος ὁ ἐξωθεῖς - ἐτ. η. Πτολεμαῖος ὁ Διόνυσος - ἐτ. λ. Κλεοπάτρα θυγάτηρ Διόνυσου ἐτ. κβ.

⁷¹⁾ Ук. ст. *Üb. die Redaction ägyptisch. Data etc.*

⁷²⁾ *I. Eckhel. Doctrina nummorum ueterum*, vol. IV, стр. 42.

⁷³⁾ *I. Eckhel. l. c.* Второй годъ Гальбы попадаетъ также въ одной надписи C. I. Gr. III, 4957=*Bruns. Fontes iuris Romani antiqui* ⁵, стр. 218, п. 7. Λ' Λουκίου Λιβίου Σεβαστοῦ Σουλπικίου | Γάλβα αὐτοκράτορος, Φαωφὶ α' Ἰουλίᾳ Σεβαστῆ.

⁷⁴⁾ Такъ въ известномъ торжествѣ, бывшемъ по поводу возведенія Птолемея Сотиромъ при жизни на престоль Птолемея Филадельфа, изображение перваго было выставлено рядомъ съ изображеніемъ Александра Ἀθην., V, p. 201 d.

примыкающимъ къ царствованію Александра и, слѣдовательно, по обычаю существовавшему уже и раньше въ Египтѣ ⁷⁵⁾, считать время, протекшее отъ смерти Александра, до 1-го слѣдующаго *Θοοα*, то-есть, отъ іюня до 12-го ноября 323 г. до Р. Хр. первымъ годомъ Птолемея, сына Лага. Только такимъ образомъ объясняется въ сущности, приписывавшееся ему впоследствии, сорокалѣтнее царствованіе ⁷⁶⁾. Принявъ это разсужденіе, мы получимъ вмѣстѣ съ Иделеромъ ⁷⁷⁾, для 32-го года Птолемея сына Лага промежутокъ отъ 4-го ноября (Юліанскаго) 293 г. до Р. Хр.—до 4-го ноября 292 г. до Р. Хр., промежутокъ, въ который войдутъ 8 мѣсяцевъ олимпійскаго 29³/₂ года ⁷⁸⁾, и 4 мѣсяца олимпійскаго 29²/₁ года. Архонтъ Филиппъ, современный 32 году Птолемея, можетъ быть такимъ образомъ архонтомъ одного изъ соответствующихъ двухъ аттическихъ годовъ. Все наше эпизодическое изслѣдованіе надписи Менандра привело насъ, такимъ образомъ, къ дилеммѣ. Основываясь на немъ, мы можемъ только сказать, что Филиппъ былъ архонтомъ въ одинъ изъ двухъ упомянутыхъ годовъ.

Перехода теперь къ списку Діонисія и къ архонту Филиппу, его кончающему, который, смотря по тому, примемъ или не примемъ мы пропуска въ списокъ, также будетъ колебаться между двумя и притомъ тѣми же самыми годами—мы должны прежде всего и, мнѣ кажется, безъ малѣйшаго сомнѣнія отождествить этихъ двухъ Филипповъ. Затѣмъ, такъ какъ на основаніи надписи, какъ мы видѣли, нельзя сдѣлать безпристрастнаго выбора между двумя пунктами, остается посмотреть, такъ ли безнадежно дѣло въ списокъ Діонисія.

Еслибы мы даже хотѣли только возстановить въ списокъ Діонисія обѣщанное имъ число 70, то ничто насъ не принуждало бы возстановлять пропавшее имя до Филиппа. Мы могли бы вмѣстѣ съ Вилламовицемъ-Меллендорфомъ ⁷⁹⁾ считать пропавшимъ послѣднее имя въ списокъ. Главнымъ поводомъ къ Клинтоновскому толкованію именно была надпись Менандра, которую не находили возможнымъ иначе

⁷⁵⁾ Докторъ Ульрихъ Вилькенъ сообщалъ мнѣ, что есть полное основаніе думать, что уже во время Самтской династіи былъ такой же счетъ царскихъ годовъ.

⁷⁶⁾ См. тексты, цитированные въ прил. 60.

⁷⁷⁾ „Redaction ägypt. Data“, таблица.

⁷⁸⁾ Который, для удобства, мы можемъ въ нашемъ случаѣ отождествлять съ афинскимъ.

⁷⁹⁾ Antigonos v. Karystos (=4-й томъ Philologische Untersuchungen), стр. 240.

датировать какъ 29²/₁ годомъ, такъ какъ не принимали во вниманіе египетскаго счета царскихъ годовъ и считали первымъ годомъ Птолемея Сотира годъ афинскаго архонта Киѳисодора, подъ которымъ Діодоръ ⁸⁰⁾ разказываетъ о раздѣленіи сатрапій Пердикомъ. Къ такому непремѣнному выводу, какъ мы видѣли, наша надпись насъ не принуждаетъ, а, напротивъ, сама ожидаетъ доказательствъ со стороны въ пользу того или другаго изъ двухъ представляющихся на выборъ годовъ.

Итакъ, разсмотримъ текстъ Діонисія совершенно независимо отъ надписи. Мы нарочно привели въ началѣ этой главы въ переводѣ все главное изъ Діонисіевскаго разсужденія о Динархѣ, касающееся вѣншихъ біографическихъ подробностей объ этомъ послѣднемъ.

Въ главѣ 2-й ⁸¹⁾ Діонисій говоритъ, что Динархъ, удалившись изъ Афинъ при Анаксикратѣ архонтѣ, пробылъ въ изгнаніи „15-ти лѣтній промежутокъ времени отъ Анаксикрата до Филиппа“ — „τὸν ἄπ' Ἀναξικράτους χρόνον ἕως Φιλίππου, πεντεκαδεκαετῆ γένόμενον, ἐκεῖ διέτριψεν“. Совершенно то же самое ясно выходитъ изъ фразъ, вставленныхъ въ каталогъ ⁸²⁾. При Анаксикратѣ—изгнанъ, при Филиппѣ (нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ самый годъ Филиппа — „ἐπὶ τούτου κάθοδος ἐδόθη κτλ.“) возвратился. Если считаемъ архонтовъ отъ Анаксикрата до Филиппа, разумѣется, включая ихъ обоихъ — такъ какъ иначе древніе не считали,—то увидимъ, что ихъ дѣйствительно 15. Не будь злосчастной надписи Менандра и еще болѣе злосчастнаго обѣщанія перечислить 70 архонтовъ, никому въ голову не пришло бы дѣлать тутъ никакихъ натяжекъ. Какимъ же образомъ, въ самомъ дѣлѣ, объясняется число 70? Недосмотръ Діонисія кажется намъ здѣсь несомнѣннымъ; но мы думаемъ, что недалеко ходитъ и за объясненіемъ причинъ этого недосмотра.

Прежде всего Діонисій самъ откровенно сознается, что весь его расчетъ только приблизительный. Динархъ въ рѣчи, держанной вскорѣ послѣ возвращенія, назвалъ себя старикомъ—значитъ ему было 70 лѣтъ ⁸³⁾. Но если мы всмотримся ближе, то увидимъ, что даже не

⁸⁰⁾ XVIII, 2 ср. *Clinton. Fasti Hellenici. Prooemium*, стр. XV, прим. g. 52-хъ лѣтній возрастъ, въ которомъ, по Аполлodore, умеръ Менандръ, не выходитъ и при Клинтоновскомъ расчетѣ. Такъ 52-й архонтъ отъ Сосигена падалъ бы на 29¹/₀ годъ, а не на 29²/₁.

⁸¹⁾ См. выше.

⁸²⁾ См. выше.

⁸³⁾ См. выше.

это было основаніемъ фиксированія года его рожденія Никофимомъ архонтомъ ⁸⁴). Тутъ пущенъ въ ходъ рецептъ весьма распространенный въ древности, а именно такъ называемая *ἀρχή*.

Приемъ этотъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, занимающимся исторіей греческой литературы. Собственно *ἀρχή* означаетъ періодъ процвѣтанія какой-нибудь личности. Въ александрійской школѣ этотъ періодъ стали принимать падающимъ постоянно на 40-й годъ жизни ⁸⁵) и пользовались этимъ предположеніемъ, какъ какимъ-нибудь неопровержимымъ, во всѣхъ случаяхъ пригоднымъ приемомъ при опредѣленіи года рожденія того или другаго писателя. Такая *ἀρχή* по большей части привязывается къ какому-нибудь внѣшнему событію, въ которомъ участвовало, или просто современникомъ котораго было (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) данное лицо ⁸⁶). Были даже любимыя даты, около которыхъ группировали „процвѣтанія“ многихъ личностей. Такими датами были, напримѣръ: паденіе Сардъ (546 г. до Р. Х.), походъ Ксеркса (480 г. до Р. Х.), основаніе Θурій (444 г. до Р. Х.), начало Пелопоннесской войны (431 г. до Р. Х.) и т. п. Стоило

⁸⁴) Тамъ же.

⁸⁵) Можетъ быть, здѣсь повліяло Пифагорейское ученіе объ эпохахъ жизни человеческой. Диогенъ Лаертскій говоритъ о Пифагорѣ VIII 10 „διαρείται δὲ καὶ τὸν τοῦ ἀνθρώπου βίον οὕτως· παῖς εἴκοσι ἔτεα νενησίος εἴκοσι νενησίας εἴκοσι γέρων εἴκοσι. ἔστι δ' αὐτῷ ὁ μὲν νενησίος μετράκιον ὁ δὲ νενησίας ἀνὴρ. Какъ мы видѣли выше, существовало и другое дѣленіе, по которому старость начиналась съ 70-го года.

⁸⁶) На *ἀρχή* и способъ разчета по ней годовъ рожденія первый обратилъ должное вниманіе Бергкъ въ *Gesch. d. Gr. Lit.* I, стр. 300 слл. Подробное изслѣдованіе примѣровъ, главнымъ образомъ почерпнутыхъ изъ Диогена и цитированныхъ въ качествѣ заимствованныхъ изъ хроникъ Аполлодора, далъ Н. Diels. *Rheinisch. Mus.* XXXI (1876), стр. 1—54. Онъ предполагаетъ, что такой способъ датировки ведетъ свое начало отъ Аристоксена, связь котораго съ Пифагорейцами извѣстна. Отъ Аристоксена его принялъ въ свою хронологію Аполлодоръ, чрезъ распространенный учебникъ котораго способъ разчета при помощи *ἀρχή* получилъ, кажется, уже свое окончательное право гражданства въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ позднѣе. Интересно замѣчаніе Дильса, что Аполлодоръ, на сколько можно судить по цитатамъ, совершенно произвольно то вѣчитывалъ одинъ изъ терминовъ, то не вѣчитывалъ при разчетѣ *ἀρχή*; равно какъ при указаніи общаго числа лѣтъ жизни то приводитъ число полныхъ протекшихъ лѣтъ, то присчитываетъ годъ, на средину котораго падала смерть лица. Ук. ст., стр. 17, прим. 2. Свидя въ громадномъ большинствѣ случаевъ (какъ указалъ *Rhodes* въ *Rheinisch. Mus.* XXXIII, стр. 161—220 *Γέγονε in den Biographica des Suidas*) также ведетъ счетъ по *ἀρχή*, но вмѣсто слова *ἤρπασε* или т. п. употребляетъ *γέγονε* и т. п.

только найти одинъ такой синхронизмъ, какъ сейчасъ отсчитывали отъ принятой даты 10 олимпиадъ взадъ—и получали такимъ образомъ годъ рожденія ⁸⁷⁾. Такимъ образомъ разчитано большинство датъ, относящихся къ исторіи греческой литературы. Принимать ихъ на вѣру нѣтъ возможности по причинѣ самаго способа ихъ разчета.

Если мы взглянемъ теперь на Діонисіевскій списокъ архонтовъ, то для насъ перестанетъ существовать возможность допустить, что Никодимъ, стоящій во главѣ его, разчитанъ какимъ-нибудь инымъ способомъ, кромѣ „занесенія въ счетъ“, какъ выражается Дильсъ, полныхъ сорока лѣтъ, считая съ архонта Филокла (32²/₁), при имени котораго находимъ приписку: „ἐπὶ τοῦτου τὴν φρουρὰν ἐδέξαντο Ἀθηναῖοι καὶ ὁ δῆμος καταλύθη“. Это-то самое событіе, конечно, и считаетъ Діонисій за ἀκμή—Динарха. Именно извѣстно, что Динархъ въ это время находился въ Афинахъ, извѣстно, что впоследствии при Анаксикратѣ архонтъ онъ былъ изгнанъ „αἰτίαν ἔχων ἅμα τοῖς ἐπιφανεστάτοις Ἀθηναίους καίτοι ξένος ὢν καταλύσαι τὸν δῆμον“ (гл. 2). Діонисій самъ же говоритъ, что онъ писалъ рѣчи главнымъ образомъ во время олигархіи, настроеніе его было, вѣроятно, аристократическое—чего же естественнѣе, какъ не положить начало его „процвѣтанія“ именно на тотъ годъ, когда олигархія вступаетъ въ свои права, тѣмъ болѣе, что всегда существовала тенденція привязывать такія „процвѣтанія“ къ какому-либо политическому событію ⁸⁸⁾.

Прослѣдимъ теперь дальнѣйшую работу Діонисія. Упомянувъ (гл. 2) о сдачѣ Афинъ Антипатру какъ о пунктѣ „процвѣтанія“ Динарха, онъ говоритъ, что послѣ того Динархъ διετέλεσεν ἐτῶν πέντε καὶ δέκα χρόνον λόγους συγγραφέων τοῖς βουλευμένοις ἕως Κάσσανδρος τὴν πόλιν κατέσχευεν ἐπὶ δὲ Ἀναξικράτους ἄρχοντος... ἐξελθὼν τῆς πόλεως καὶ ἐλθὼν εἰς Χαλκίδα τὴν ἐν Εὐβοίᾳ τὸν ἀπ' Ἀναξικράτους χρόνον ἕως Φιλίππου, πεντεκαίδεκαετῆ, γενόμενον ἐκεῖ διέτριψεν“. Всю вторую половину жизни Динарха Діонисій дѣлитъ такимъ образомъ на двѣ равныя

⁸⁷⁾ Дильсъ (ук. ст. на стр. 45) очень удачно выражаетъ процессъ такого разчета въ слѣдующихъ словахъ: „war also irgend eine Leistung, die Reife voraussetzte, anderweitig fixiert, so führte man diese Angabe mit der feststehenden Anzahl von 40 Jahren in die Rechnung ein und konnte daraus leicht die unbekanntenen Zahlen entwickeln.“

⁸⁸⁾ Собственно Динархъ получилъ извѣстность уже за два года ранѣе въ знаменитомъ Арпадовскомъ процессѣ (см. *Schaefer*, *Demosthenes III*², стр. 320 сл. и *Zeittafel* на стр. 451), но удобство прицѣпленія къ вѣдшему факту одержало верхъ.

части, по 15 лѣтъ каждая. Это опять чисто внѣшній приемъ. Первый и послѣдній архонтъ второго пятнадцатилѣтнаго промежутка Анаксикратъ и Филиппъ названы у него—между ними, какъ мы видѣли, дѣйствительно 15 лѣтъ. Чтобы первый промежутокъ сталъ также пятнадцатилѣтнымъ, надо допустить, что второй разъ сосчитанъ или Филоклъ, послѣдній архонтъ перваго, сорокалѣтнаго отдѣла жизни Динарха, или Анаксикратъ, первый архонтъ послѣдней пятнадцатилѣтной секціи. При античномъ способѣ всчитыванія обоихъ терминовъ такой промахъ былъ весьма возможенъ и имъ слѣдуетъ объяснять многія неточныя цифры, какъ то замѣтилъ уже Дильсъ. Вместь съ тѣмъ это, по нашему убѣжденію, единственное вѣрное рѣшеніе столь противорѣчиво до сихъ поръ объяснявшагося списка Діонисія. Число 70 получилось у него изъ сложения 40 (ἀρχή) + 15 + 15, при чемъ косвенно повліяло то обстоятельство, что Динархъ назвалъ себя старикомъ. Настоящій же списокъ, дающій только 69 именъ, могъ быть заимствованъ имъ у Филохора ⁸⁹⁾.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, никакого другаго пропуска, кромѣ доказаннаго уже Корсини, въ списокѣ Діонисія нѣтъ, и архонтъ Филиппъ относится въ 29³/₂ г. до Р. Хр. Смерть Менандра падаетъ, слѣдовательно, на промежутокъ отъ Мамактиріона — по Скирофоріонъ 29³/₂ года до Р. Хр. Наконецъ еще важное доказательство видѣли ученые, принимающіе пропускъ въ списокѣ Діонисія въ томъ обстоятельствѣ, что Евсевій и его переводчики ⁹⁰⁾ ставятъ смерть Менандра на ol. CXXI. 1. Но это чисто случайное согласіе Іеронима и армянскаго перевода въ нашихъ глазахъ не можетъ имѣть, въ виду выше приведенныхъ соображеній, никакого значенія, такъ какъ въ другихъ случаяхъ они же столь же, случайно или по крайней мѣрѣ столь же недоказанно для насъ, противорѣчатъ другъ другу ⁹¹⁾.

⁸⁹⁾ Діонисій, очевидно, пользовался имъ, какъ главнымъ источникомъ въ исторической части своего разсужденія. См. два фрагмента изъ 8-й и 9-й книги, приводимые въ главѣ 3.

⁹⁰⁾ Eusebius ed. Schone, II, стр. 118—119.

⁹¹⁾ Какъ, напримѣръ, въ показаніяхъ о годѣ смерти философа Пелемона, который армянскій переводчикъ ставитъ на ol. CXXVI, 4, тогда какъ Іеронимъ на ol. CXXVIII. 1. Вообще преданія о жизни Менандра были очень разнорѣчивы, какъ и все подобныя преданія. Уже выше было сказано, что 52-лѣтній возрастъ не выходитъ и при Евсевіевской датировкѣ года его смерти. Годъ постановки его перваго произведенія Ὀρχή падаетъ, по анониму περί χωμφδίας, (Dübner, Scholia Gr.

Остается воснуться того мнѣнія, по которому Филиппъ приходится на 29³/₂ г. до Р. Хр., но Діонисій все-таки пропустилъ одно имя въ своемъ спискѣ, именно имя семидесятаго архонта.

Такое мнѣніе было высказано прежде всѣхъ, кажется, Унгеромъ въ *Philologus*, т. XXXVIII, стр. 423—502. Онъ начинается съ того (стр. 445), что отвергаетъ надпись Менаандра, говоря, что еще Дройзенъ (*Diad. II*, 398) доказалъ, что „*πῦρ Pighius ἐπὶ Φιλίππου* gibt, *Ursinus aber ἐπὶ Φραγκῶ—und Ligorius selbst ἐπὶ Φαίδωνος*“.

Начать съ того, что Дройзену нечего было доказывать разночтеній, данныхъ Францемъ, но онъ самъ, по видимому, не пошелъ въ своихъ справкахъ дальше Грутера и статьи Велькера въ *Rheinisches Museum* и, кромѣ того, напуталъ. Унгеръ исказилъ показанія Дройзена, на которыхъ вообще и нельзя было ссылаться, такъ какъ онъ не произвелъ никакихъ новыхъ справокъ и нисколько не пошелъ дальше Францовскихъ разночтеній. Отдѣлавшись такимъ образомъ однимъ махомъ отъ надписи, Унгеръ говоритъ, что слѣдуетъ принять лауну въ спискѣ Діонисія между словами Φίλιππος и ἐπὶ τοῦτοῦ χάριδος κτλ., что пропалъ, такимъ образомъ, 70-й архонтъ списка. Выставивъ это ничѣмъ не доказанное положеніе, Унгеръ, по своему обыкновенію, начинаетъ гнуть и мять факты, лишь бы подогнать ихъ подъ свою ферулу. Надо знать нѣсколько Унгера, чтобы сейчасъ же понять,

---

ад. *Agistoph.* стр. XV) на годъ архонта Филокла ol. CXIV. 3 = 32³/₄, по Іерониму и армянскому переводу Евсевія на слѣдующій годъ (*Euseb. ed. Schöne*). Въ годъ постановки 'Ορϋή онъ долженъ былъ быть еевимомъ, то-есть, по стереотипнымъ разчетамъ, долженъ былъ родиться въ первомъ случаѣ при Никомакѣ (ol. CIV: 4 = 34¹/₀), во второмъ при Теофрастѣ (ol. CX 1. = 34⁰/₃₀). Но былъ еще третій источникъ, говорившій, что онъ былъ еевимомъ вмѣстѣ съ Эпикуромъ (*Стравоп.*, стр. 638). Эпикуръ, опять, разумѣется, на основаніи подобныхъ же разчетовъ, долженъ былъ родиться при архонтѣ Сосигенѣ. (*Diog. X*, 14). Какъ источникъ, цитируется при этомъ Аполлодоръ (что опять свидѣтельствуетъ, кажется, въ пользу нашего мнѣнія, что Аполлодоръ былъ источникомъ и надписи Менаандра). Евевія должна была при этомъ предположеніи передвигаться на годъ Клемендора (ol. CXIV, 2). Не говоря уже о томъ, что еевимы въ III вѣкѣ, очевидно, не были непременно всѣ одного и того же возраста, самый способъ всѣхъ этихъ разчетовъ показываетъ, что ничего положительнаго не было извѣстно. 52 года не получается ни въ одномъ изъ трехъ случаевъ. Если, действительно, Менаандръ умеръ при архонтѣ Филиппѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ 32-й годъ Птолея Сотира, то эти даты могутъ быть соединены только такъ, какъ мы это выше сдѣлали. Этимъ сопоставленіемъ добывается одна изъ немногихъ точныхъ до извѣстной степени датъ въ исторіи греческой литературы, въ особенности этого періода, и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ основаній будущей провѣрки разчетовъ Евсевія и его изводо-
въ.

что вся эта ломка производится по высшимъ соображеніямъ, до времени скрываемымъ. Унгеръ говоритъ что слова: τὸν ἀπ' Ἀναξικράτους χρόνον ἕως Φιλίππου, παντεκαίδεκαετῆ γενόμενον, ἐκεῖ διέτριψεν имѣютъ только кажущееся соотношеніе съ приписками, находящимися въ каталогѣ подъ именами этихъ архонтовъ; что ихъ слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ, что и годъ Филиппа былъ вполне прожить Динархомъ въ изгнаніи; что иначе нельзя объяснить, почему Діонисій считаетъ рѣчи, датированныя архонтами отъ Анаксикрата до Филиппа включительно, подложными; что Фотій (Bibliotheca 496 В. 27)⁹²⁾ гораздо точнѣе выражается (genaueste Angabe), когда говоритъ, что онъ былъ въ изгнаніи около 15 лѣтъ; что именно не въ самомъ началѣ года Анаксикрата Димитрій овладѣлъ Афинами, что явствуетъ изъ словъ Филохора, цитируемаго Діонисіемъ (гл. 3): Τοῦ γὰρ Ἀναξικράτους ἀρχοντος, εὐθὺς μὲν ἢ τῶν Μεγαρέων πόλις ἐάλω, ὁ δὲ Δημήτριος, ὁ καταλθὼν ἐκ τῶν Μεγαρέων, παρεσκευάζετο τὸ πρὸς τὴν Μουνοχίαν καὶ τὰ τεῖχη κατασχάψας ἀπέδωκε τῇ δῆμῳ, κтл., а напротивъ, возвращеніе должно было состояться въ началѣ года „um die Zeit des Archontenwechsels“. Почему непременно такъ—объ этомъ Унгеръ умалчиваетъ; лучше сказать, ему стыдно назвать причину, побудившую его къ такому утверженію. Причина находится въ той же главѣ Діонисія, въ другой цитатѣ изъ того же Филохора: Τοῦ δ' ἐναυτοῦ τοοῦδι διελθόντος, ἑτέρου δ' εἰσιόντος, ἐν ἀκρόπολει σημεῖον ἐγένετο τοιοῦτο· κύων εἰς τὸν τῆς Πολιάδος νεῶν εἰσελθούσα, καὶ δῶσα εἰς τὸ Πανδρόσιον, ἐπὶ τὸν βωμὸν ἀναβάσα τοῦ Ἐρχίου Διός, τὸν ὑπὸ τῇ ἐλαίᾳ, κατέκειτο. πάτριον δ' ἔστι τοῖς Ἀθηναίοις, κύνα μὴ ἀναβαίνειν εἰς ἀκρόπολιν. περὶ τὸν αὐτὸν δὲ χρόνον καὶ ἐν τῷ ἱερῷ μεθ' ἡμέραν, ἡλίου τ' ἐξέχοντος καὶ οὐσης αἰθρίας, ἀστήρ ἐπὶ τινα χρόνον ἐγένετο ἐκφανής, ἡμεῖς δ' ἐρωτηθέντες ὑπὲρ τε τοῦ σημεῖου, καὶ τοῦ φαντάσματος, εἰς ὃ φέρει, φυγάδων κάθοδον ἔφαμεν προσημáινειν ἀμφοτέρα, κтл. Принимая даже буквально эти негнѣпшіе анекдоты, можно только сказать, что знаменія совершились въ началѣ года, когда же произошло самое возвращеніе изгнанныхъ—неизвѣстно. Но лучше вовсе молчать о такого рода доказательствахъ. Рѣчь, держанная противъ Проксена, говоритъ далѣе Унгеръ, сказана, очевидно, послѣ Филиппа, такъ какъ считается Діонисіемъ подлинною. Объ этомъ также никто не споритъ. И это не доказательство противъ возвращенія Динарха при Филиппѣ. Изъ разказа Діонисія далеко не обязательно заключать, чтобы онъ судился сейчасъ же

⁹²⁾ ἐπὶ τῆς φυγῆς διαμεῖνας ἕγγυς ἐτη δέκα καὶ πέντε.

послѣ возвращенія; могло пройти около года времени. Главнымъ доказательствомъ противъ Унгера служить непредубѣжденное пониманіе словъ самого же Діонисія. Какъ пятнадцатилѣтній промежутокъ извѣстности Динарха онъ кончаетъ архонтомъ Анаксикратомъ и этимъ же архонтомъ снова начинается пятнадцатилѣтній промежутокъ его изгнанія, такъ точно и Филиппъ стоитъ у него, разумѣется, на грани періодовъ изгнанія и вторичнаго водворенія Динарха въ Афинахъ. Такимъ образомъ считалъ весь древній миръ и придирая къ словамъ въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлалъ Унгеръ, только показываютъ неумѣніе или нежеланіе понять это.

Выше уже мы намекнули на то, что если Унгеръ и извращаетъ намѣренно и сознательно факты, то дѣлаетъ это всегда по какимъ нибудь высшимъ соображеніямъ. Таковое руководило имъ и здѣсь и, притомъ, одно изъ самыхъ его любимыхъ—календарное. Лишь на стр. 489 и затѣмъ еще откровеннѣе на стр. 493 раскрывается эта истинная причина. Надпись С. I. A. II 305 года архонта Главкиппа, о которомъ рѣчь впереди, происходитъ по соображеніямъ Унгера изъ сложнаго года и виѣсть съ тѣмъ отнесена Келеромъ къ СХХII Олимпиадѣ приблизительно. По разчетамъ Унгера сложныхъ годовъ, между которыми можетъ быть выборъ, только два: $29\frac{2}{1}$ до Р. Х. и $28\frac{2}{3}$ до Р. Х. На эти годы имѣютъ претензію два архонта—Главкиппъ и Калимидъ. Вотъ она и истинная причина. „Von Philippos“ говоритъ Унгеръ (стр. 493) „kann für das erste von beiden Jahren schon desswegen keine Rede sein, weil wir für jene zwei Archonten kein drittes Schaltjahr zur Verfügung haben. Wir ergänzen daher die Lücke bei Dionys. Halic. Dein. 9. durch Einsetzung des Glaukippos an der letzten Stelle: „Νικόστρατος, Ὀλυμπιόδωρος, Φίλιππος, Γλαύκιππος· ἐπὶ τοῦτου κτλ.“ Архонтъ Главкиппъ, какъ мы увидимъ позже, дѣйствительно, можетъ быть, относится (но только въ самомъ широкомъ смыслѣ) къ началу III в. Калимидъ же относится ко времени царствованія Антигона Гонаты. Уже изъ этого одного видно, какую цѣну могутъ имѣть „точные“ заключенія на основаніи фантастическихъ календарей, изъ за которыхъ ученые въ родѣ Унгера готовы разрушить, извратить, самое ясное и простое преданіе.

Адольфъ Шмидтъ ⁹³⁾ вполне соглашается съ разсужденіями Унгера и еще подчеркиваетъ ихъ. Въ особенности ему нравится ба-

⁹³⁾ Handbuch der Griechischen Chronologie, изданный по смерти автора Фр. Рюлемъ. Jena 1888. стр. 594.

нальное объясненіе пропуска Главкиппа въ списокѣ тѣмъ, что Φίλιππος и Γλαυκίππος—оба кончаются на ιππος⁹⁴).

Гораздо осмотрительнѣе поступаетъ въ данномъ случаѣ Вилламовицъ-фонъ-Меллендорфъ⁹⁵). Онъ прямо утверждаетъ, что въ списокѣ Діонисія стояло всегда только 69 архонтовъ, объясняетъ число 70, общанное имъ, просто его собственнымъ недосмотромъ и упрекаетъ Унгера въ напрасномъ желаніи отдѣлаться отъ необходимаго заключенія, что Филиппъ дѣйствительно послѣдній архонтъ въ списокѣ Діонисія. Онъ недалеко отъ истины и если бы не вздумалъ просто отвергнуть надпись Менандра, а рассмотрѣлъ бы ея показанія внимательнѣе, то могъ бы придти къ окончательному выводу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, добыть точную дату смерти Менандра.

Мы можемъ теперь подвести итоги всего предыдущаго изслѣдованія, ставшаго, сознаемся, слишкомъ длиннымъ. Архонтъ Филиппъ съ полною увѣренностью можетъ быть отнесенъ къ 29³/₂ году до Р. Х. Такимъ образомъ мы получаемъ для первыхъ годовъ III столѣтія слѣдующихъ архонтовъ⁹⁶):

⁹⁴) Уж. мѣсто, Ol. 121,4 (29³/₂) und Ol. 122,1 (29¹/₂). Das *erste* Jahr erweist sich als das des Philippos und als Gemeinjahr, das *zweite* als das des Glaukippos und als Schaltjahr..... Endlich tritt die Erscheinung ein dass *in eben dieser Zeit* auch Kallimedes Archon in einem *Schaltjahre* war. Da dies kein späteres gewesen sein kann wie 122,4. so bleibt kein anderes Schaltjahr, überhaupt gar kein anderes Jahr für Glaukippos übrig als 122,1. Denn *weil* das Jahr des Glaukippos ein *Schaltjahr* war, so kann es weder mit 121,4 noch mit 122,1 identisch sein, da im ersten Fall die drei folgenden, im zweiten die drei vorangehenden Jahre hätten *Gemeinjahre* sein müssen, was unmöglich ist. Dergestalt kann Ol. 122,4 auch ohne die Beihülfe des korrespondirenden Jahres 112,3 und anderweitiger Kombinationen als *Schaltjahr* erwiesen werden. Folglich muss das Jahr des Philippos ein Gemeinjahr gewesen sein, und zwar notwendig das Jahr ol. 121,4 als das einzig vakante jenes Jahrzehnts. Damit vertritt Philippos in Wahrheit die Stelle, die er bei Dionysius als *neunter* der genannten Archonten einnimmt. Die Auslassung des *Zehnten* aber. d. i. des Glaukippos, erklärt sich nun sehr leicht bei der Thätigkeit des Kopirens durch die *gleiche* Endung der *beiden* letzten Namen auf ιππος“. Я выписалъ эту длинную тираду, чтобы показать на какихъ призрачныхъ основаніяхъ дѣлають свои „точные“ заключенія—хронологи.

⁹⁵) Antiqu. v. Karyst. стр. 240.

⁹⁶) Имена тѣхъ, которые сохранились епиграфическимъ путемъ, напечатаны маюскулами. Если имя секретаря года извѣстно, то оно также приписано. Далѣе подъ именемъ каждаго архонта слѣдуетъ по возможности полный списокъ сначала надписей, а потомъ мѣстъ писателей, гдѣ имя его встрѣчается. Надписи всегда указаны по послѣднему и лучшему изданію.

300/299 ΗΓΕΜΑΧΟΣ

Имя секретаря неизвѣстно.

Επιγραφικές источники:

C. I. A. II. 600. (Κонтрактъ объ отдачѣ Діалейцами земли вѣ-
коему Діонисию).

C. I. A. II. 611 (Δекретъ οιαсотовъ въ честь Димитрія Ολιβεινца,
бывшаго секретаремъ οιαза въ годъ предшественника Игемаха—
Κλεарха).

C. I. A. II. 612. (Δекретъ всадниковъ въ честь назначеевъ богини,
бывшихъ при Игемахъ арх. Самый декретъ происходитъ изъ года
его преемника Еветимона, имя котораго пропало вмѣстѣ съ отломлен-
нымъ началомъ надписи).

Bull. de corr. Hellén. III. стр. 510. (Третій изъ трехъ декретовъ
οιαсотовъ въ честь Стефана сына Милоера, оружейнаго мастера и ιερο-
πία Афродиты. Два предшествующія происходятъ изъ годовъ Никокла
и Κλεарха архонтовъ).

Ἐφ' Ἠγεμάχου ἀρχοντος ἀγαθεῖ τύχῃ
Σωκλῆς εἶπεν· ἐπειδὴ Στέφανος ἱερο-
ποιὸς γενόμενος εὖ ἐπεμελήθη τῆς θ[υ-
σίας τῆς Ἀφροδίτης δαδόχθαι τοῖς θε[α-
σώταις ἐπαινεῖσαι Στέφανον Μολωθρ[οῦ
καὶ στεφανῶσαι θαλλοῦ σταφάνωι καὶ
δοῦναι αὐτῷ ἀπὸ τοῦ κοινοῦ ΔΔ δραχ. τὸν
δὲ λαβόντα ἀναθεῖναι ἀνάθημα ἐν τοῖ
ἱερῶι ἐπιγράψαντα τὸδε τὸ ψήφισ-
μα ὅπως ἂν ὡς πολλοὶ οἱ φιλοτιμούμε-
νοι εἰδότες ὅτι ἐπίστανται χάριτας ἅ-
ποδιδόναι οἱ θιασῶται.

Литературные источники.

Dionys. de Dinarcho. 9.

Vol. Hercul². II, 24—36. 1151. (=Usener. Epicurea стр. 128).
ἘΠΙΚΟΥΡΟΥ | ΠΕΡΙΦΥΣΕΩΣ | ΙΕ | ἀριθ(μός) ΧΧΧΗΗ | ἐγράφη ἐφ'
ΗΓΕΜΑΧΟΥ.

29^{9/8} ΕΥΚΤΗΜΩΝ.

Секретарь: Θεόφιλος Σ..θέ[ον]τος ⁹⁷⁾ Κεφαλήθεν.

С. I. A. II. 297. Декретъ въ честь Посидиппа с. [В]акхія Кооо-кидда ⁹⁸⁾, особенно отличившагося въ посольствѣ къ царю Кас-сандру.

С. I. A. II. 314. Въ позднѣйшемъ декретѣ года архонта Евѳиі въ честь комика Филиппида, возвратившагося въ годъ Евктимона или, вѣрнѣе, въ концѣ предшествовавшаго года изъ посольства къ Лисимаху. Къ этому документу мы тотчасъ возвратимся.

С. I. A. II. 612. (см. подъ арх. Игемахомъ). Имя Евктимона пропало здѣсь вмѣстѣ съ началомъ надписи.

С. I. A. II. 613. Декретъ еіасотовъ въ честь Минида сына Мни-снеея Ираклеота. Здѣсь имя Евктимона восстановлено Келеромъ, какъ кажется, несомнѣнно.

Здѣсь умѣстно будетъ разобрать еще одну неудачную попытку пополнить предполагаемый пропускъ въ спискѣ Діонисія. Попытка эта сдѣлана въ X томѣ Hermes'a Шубертомъ ⁹⁹⁾. Но для луч-шаго подтвержденія несостоятельности его мнѣнія выпишемъ сна-чала весь пассажъ надписи въ честь Филиппида (на основаніи кото-рой Шубертъ развиваетъ свое объясненіе), относящійся къ году ар-хонта Евктимона. Пассажъ этотъ чрезвычайно важенъ во многихъ отношеніяхъ.

ст. 7—29.

.... ἐπειδὴ Φιλίππιδῆς διατετέλεχεν ἐν παντί καιρῷ[τῷ] ἀποδεικνόμενος τὴν πρὸς τὸν δῆμον εὐνοίαν καὶ ἀποδημήσας πρὸς [τ]ὸν βασιλεῖα Λυσίμαχον πρότερόν τε διαλεχθεὶς τῷ βασιλεῖ ἐκόμισεν τῷ δήμῳ δωρεὰν πορῶν με-δίμνος Ἀττικὸς μυρίους. τοὺς διαδοθέντας πᾶσιν Ἀθηναίους ἐπ' Εὐκτήμο-νος ἄρχοντος διελέχθη δὲ καὶ ὑπὲρ κεραίας καὶ ἰστοῦ ὅπως ἂν δοθεῖ τῇ θεῷ εἰς τὰ Παναθήναια τῷ πέπλῳ ἃ ἐκόμισθη ἐπ' Εὐκτήμονος ἄρχον-

⁹⁷⁾ Патронимика секретаря я не могъ восстановить. Во всякомъ случаѣ восстановление Θεοφώντος, которое предлагаетъ Келеръ, хотя и подходит по числу буквъ, кажется намъ весьма сомнительнымъ въ виду копии самого же Келера.

⁹⁸⁾ Посидиппа этого не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ комикомъ По-сидиппомъ, который былъ сыномъ Книиска и не былъ, кажется, афинскимъ гражданиномъ.

⁹⁹⁾ Hermes, X, стр. 447 слл. „Das archontat des Diocles“.

τος, καὶ νικήσαντος Λυσιμάχου τοῦ βασιλέως [τῆ]ν μάχην τὴν Ἰφωῖ γενομένην πρὸς Ἀντίγονον καὶ Δημήτριον τοὺς μὲν τελευτήσαντας ἐν τῷ κ[ινδύνῳ] τῶν πολιτῶν ἔθαψεν τοῖς ἑαυτοῦ ἀναλώμασιν, ὅσοι δὲ αἰχμάλωτοι ἐγένοντο ἐμφανίσας τῷ βασιλεῖ καὶ λαβὼν αὐτοῖς ἄφεσιν τοὺς μὲν βουλομένους στρατεύεσθαι διώικησεν ὅπως ἂν καταχωρισθῶσιν [ἐν] ἡγεμονίαις, τοὺς δὲ προαιρουμένους ἀπιέναι ἀμφίεσας καὶ ἐφόδια δοὺς παρ' ἑαυτοῦ ἀπέστειλεν οὗ ἕκαστοι ἤβ[ο]ύλοντο πλείους ὄντας ἢ τριακοσίους. παρειτήσατο δὲ καὶ ὅπως ἂν ἀφθῶσιν καὶ ὅσοι τῶν πολιτῶν κατελήφθησαν ἐν τῇ Ἀσίᾳ εἰργμένοι ὑπὸ Δημητρίου καὶ Ἀντιγόνου.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слова ἃ ἐχομίσθη ἐπ' Εὐκτῆμονος ἄρχοντος могутъ быть понимаемы только въ смыслѣ несенія въ самой процессіи панаѳинейской. Подтверженіемъ этому служить (хотя и безъ того, казалось бы, не могло быть мѣста сомнѣніямъ) параллельное выраженіе „τοὺς διαδοθέντας πᾶσιν Ἀθηναίοις ἐπ' Εὐκτῆμονος ἄρχοντος“. Но большинство издателей держится противоположнаго мнѣнія, а именно ἐχομίσθη значить только, что снасти прибыли въ Аѳины при Евктимонѣ, а употреблены были въ первый разъ въ великія панаѳинейскія слѣдующаго 29⁸/₇ года ¹⁰⁰). Именно эти великія панаѳинейскія и сбиваютъ ихъ всѣхъ. Извѣстно, что великія Панаѳинейскія праздновались въ Икатамбеонѣ каждаго 3-го олимпійскаго года ¹⁰¹), годъ же Евкτιмона по списку Діонисія выходитъ—вторымъ. Но, спрашивается, что дало право ученымъ видѣть въ Панаѳинейскаxъ, упоминающихся въ надписи Филиппида, непременно великія Панаѳинейскія? Несеніе пепла составляло необходимую составную часть ежегодныхъ Панаѳинейскія и, въ-

¹⁰⁰) *Асi. Моммсенъ* (Heortol. стр. 187) высказывается предположительно „Vermuthlich wurden die königlichen Gaben nicht an den (kleinen) Panathenäen in Euctemons Jahre zuerst producirt, sondern gingen im Vorsommer a. Chr. 298 ein, so dass die grossen Panathenäen von Ol. 120,2 zuerst durch sie verherrlicht wurden“. У послѣдующихъ уже на этомъ предположеніи строятся выводы. Такъ у *Дройсена* (Diad. 2, стр. 247 прим. 2) „es ist von Interesse, dass in dem erwähnten Deeret angeführt wird, könig Lysimachos habe auch einen neuen Fest für den Pepla der Panathenäen gestiftet; die (!) im ersten Monat jedes dritten Olympiaden Jahres gefeiert wurden; somit ist Euctemon wohl Archon für Ol. 120,2 und die Lücke in Dionys' Archontenreihe liegt später“. *Диттенбергеръ* (Sylloge Inscript. Gr. II. 143 прим. 6) „Sed cum Panathenaea Magna primo anni mense Hecatombaeone celebrata sint, non est cur cum eodem (т. е. съ Шубертромъ) Euctemonem Ol. 120,2 (298⁸/₇ а. Ch.) demum in magistratu fuisse statuamus. Immo sub finem anni antecedentis dona regis Athenas pervenerunt“.

¹⁰¹) См. *А. Моммсенъ*. Heortologie, стр. 119 сл.

роятно, онъ ткался каждый годъ заново¹⁰²⁾. Извѣстiе о томъ, что однажды во время процессiи пеплѣ, на которомъ были вытканы портреты царей Антигона и Димитрiя, разорвался отъ вѣтра¹⁰³⁾, также не дозволяетъ сдѣлать какихъ-либо основательныхъ заключенiй не только о годѣ Панаэней, упоминающихся въ надписи въ честь Филиппида, но даже относительно тѣхъ Панаэней, въ которыя разорвался пеплѣ. Не такъ поступаютъ упомянутые ученые. Исходя изъ того же ложнаго предположенiя о великихъ Панаэнеяхъ, они стараются опредѣлить объ дати¹⁰⁴⁾. Шубертъ въ сущности только послѣдовательнѣе прочихъ, когда онъ, исходя изъ ложной послышки великихъ Панаэней, приходитъ къ ложному же выводу о перенесенiи архонта Евтимона съ 29⁹/₈ г. до Р. X. на 29⁹/₇ г. до Р. X. Онъ объясняетъ при этомъ „ἐχορίσθη“ точно также¹⁰⁵⁾, какъ мы выше объяснили и какъ по нашему мнѣнiю, только и можно объяснить; но, твердо вѣря, что рѣчь можетъ быть только о великихъ Пана-

¹⁰²⁾ А. Моммсенъ, ук. соч., стр. 186 сл. Въ разсужденiи о томъ что „man für das grosse Fest schönere Peplen arbeitete und namentlich in dem sinkenden Athen sich für das kleinere Fest sogar zu zeiten wohl mit ausgebesserten Peplen begnügte“ и т. д. не имѣютъ никакой фактической подкладки въ источникахъ.

¹⁰³⁾ Плутархъ Δημήτριος 12: 'Ἐπεσήμηνε δὲ τοῖς πλείστοις τὸ θεῖον. Ὁ μὲν γὰρ πέπλος, ὅπερ ἐψήφισαντο μετὰ τοῦ Διὸς καὶ τῆς Ἀθηνᾶς προσενυφῆναι Δημήτριον καὶ Ἀντίγονον, πεμπόμενος διὰ τοῦ Κεραμαικοῦ μέσου ἐρράγη θυέλλης ἐμπεισοῦσης. Тотъ же Филиппидъ, который, какъ видѣли, хлопоталъ у Лисимаха о новыхъ снастяхъ, сочинилъ на Стратокла, димагога особенно врождебнаго Димитрiю, по поводу приключенiя съ пепломъ слѣдующiе стихи:

„ὅτι ὄν ἀπέλαυσεν ἡ πάχνη τοὺς ἀπέλους,
ὅτι ὄν ἀσεβοῦνθ' ὁ πέπλος ἐρράγη μέσος,
τὰς τῶν θεῶν τιμὰς ποιοῦντ' ἀνθρωπίνας,
ταῦτα καταλύει δῆμον, οὐ κωμῳδία.

Впрочемъ, обычай ткать на пеплосѣ изображенiя лицъ, оказавшихъ особымъ услуги городу, существовалъ независимо отъ лести Антигону и Димитрiю см. А. Моммсенъ, *Neertol.* стр. 186.

¹⁰⁴⁾ И здѣсь то, что прежде высказывалось въ видѣ гипотезы, является потому непреложною истиною. Такъ Шубертъ (*Негм. X.* стр. 447) говоритъ только: „nicht lange vor der Schlacht bei Ipsus war bei einer Panathenäenprocession der Peplos durch einen Windstoss zerrissen worden“. Пройдя черезъ разные отгѣнки, это предположенiе въ *Sylloge Dittmebergера* получило форму: „quod cum magnis Panathenaeis Ol. 119, s. (30⁹/₄ a Chr.) factum esse constat“.

¹⁰⁵⁾ Или, точнѣе, почти также, потому что онъ относитъ фразу надписи къ какому то (имъ изобрѣтенному и, конечно, совершенно ненужному) освещенiю новыхъ снастей, бывшему однако въ связи съ самою процессiей“.

оннеяхъ, онъ считаетъ необходимымъ подвинуть архонта Евктимона съ 29⁹/₈ на 29⁸/₇ годъ до Р. Х., такъ какъ послѣдній есть третій Олимпійскій годъ. Вѣря въ существованіе пропуска у Діонисія, онъ считаетъ, что нашелъ такимъ образомъ настоящее его мѣсто. Въ лагуну, то-есть, на 29⁹/₈ годъ онъ ставитъ архонта Діокла, что стоитъ въ связи съ его объясненіемъ „четырёхлѣтней войны“ и о чемъ рѣчь впереди. Но мы видѣли уже, что нѣтъ никакой необходимости думать именно о великихъ Панаэоннеяхъ и, такимъ образомъ, нѣтъ необходимости прибѣгать ни къ натяжкамъ въ пониманіи текста, ни къ манипуляціямъ со спискомъ Діонисія. Если мы рассмотримъ общую связь цитированнаго пассажа надписи, то еще болѣе въ томъ убѣдимся. Изъ всего видно, что главную цѣль посольства Филиппида къ Лисимаху составляли именно переговоры о плѣнныхъ аэиннахъ. Разумѣется Филиппидъ долженъ былъ отправиться какъ только получилась въ Аэинахъ вѣсть о дѣлѣ при Ипсѣ. По всей вѣроятности въ одно время съ Филиппидомъ отправилось и посольство къ Димитрію, которое должно было объявить ему, что онъ не будетъ допущенъ въ Аэины¹⁰⁶). Трудно сказать, куда ѣздилъ Филиппидъ къ Лисимаху, въ Малую Азію или во Фракію. Во всякомъ случаѣ, конечно, Лисимахъ остался въ Малой Азіи еще довольно продолжительное время послѣ битвы¹⁰⁷). Точная дата самой битвы неизвѣстна. Изъ Діодора можно только заключить, что она была приблизительно лѣтомъ 301 юліанскаго года до Р. Х.¹⁰⁸). Итакъ, положимъ что Филиппидъ началъ свои переговоры въ самомъ началѣ юліанскаго 300-го года до Р. Х. (то-есть, въ серединѣ года архонта Клеарха), — то обстоятельство, что выпрошенные имъ во время этихъ же переговоровъ подарки были употреблены въ Аэинахъ согласно своему назначенію лишь при Евктимонѣ архонтѣ, лѣтомъ

¹⁰⁶) Плутархъ Δημ.τρ. XXX.

¹⁰⁷) Это заключаетъ Дройзенъ (Diadoch. II, 234) изъ того, что Димитрій тотчасъ послѣ неудачныхъ попытокъ утвердиться въ Греціи отправился опустошать Фракійскій Херсоннесъ и дѣйствовалъ тамъ съ успѣхомъ (Плут. Δημ. XXXI). Лисимахъ былъ занятъ послѣ битвы при Ипсѣ переговорами о новомъ союзѣ съ Птоломеемъ противъ Селевка, для чего, конечно, долженъ былъ остаться въ Азіи. Самый раздѣлъ бывшаго царства Антигона могъ, конечно, произойти лишь въ присутствіи всѣхъ трехъ царей на мѣстѣ. Посылка хлѣба аэиннамамъ, о которой также хлопоталъ Филиппидъ, заставляетъ, кажется, склониться на сторону того, что переговоры велись уже по возвращеніи Лисимаха въ свою столицу.

¹⁰⁸) Diod. XX, 113. Дройзенъ. Diadochen. II, 216, прим. 2.

299-го юліанскаго года, то-есть, черезъ полтора года послѣ предложеннаго нами начала самыхъ переговоровъ,—не дозволяетъ еще сдѣлать никакихъ заключеній о продолжительности этихъ послѣднихъ или пребыванія Филиппида при дворѣ Лисимаха ¹⁰⁹). Филиппидъ могъ вернуться и раньше, но мачта могла не послѣтъ къ Панаэниемъ года архонта Игемаха, а посылка хлѣба была въ зависимости отъ времени года, жатвы и т. д. Рѣшить такіе вопросы разумѣется невозможно. Нельзя однако не сознаться, что промежутокъ между просьбой и исполненіемъ ея при нашемъ объясненіи не переступаетъ мѣру возможнаго, тогда какъ при общепринятомъ объясненіи, то-есть, принявъ, что снасти прибыли въ Аэины лишь въ концѣ года Евтимона архонта, а употреблены были лишь въ Панаэиней слѣдующаго года, равно какъ и при перенесеніи самаго Евтимона на 29⁸/₇ годъ до Р. Х. промежутокъ этотъ растягивается уже до 2¹/₂ лѣтъ, что во всякомъ случаѣ не такъ удобно.

29⁸/₇ Μνησιδῆμος

Извѣстенъ только изъ Діонисія.

περὶ Δεινάρου 9.

29⁷/₆ Ἀντιφάτης.

Имя этого архонта пробовали возстановить въ нѣсколькихъ надписяхъ, но безъ достаточной убѣдительности, а именно:

С. I. A. II. 252 в. Отрывокъ прескриптъ съ именами симпроедровъ. Возстановить въ немъ имя Антифата предлагаетъ Рейшъ въ *Herms* XV стр. 346, на томъ основаніи, что день пританей совпадаетъ съ днемъ мѣсяца, а это, по мнѣнію Рейша, продолжалось только съ 30⁶/₅ по 29⁴/₅ годы до Р. Хр., а съ тѣхъ поръ стала уже замѣчаться разница. Но этотъ послѣдній доводъ невѣренъ, такъ какъ, напримѣръ, въ надписи С. I. A. II. 332 года Пинодима архонта даты также совпадаютъ, но она относится ко времени Хремонидовской войны. Въ надписи С. I. A. II. 336 года архонта Клеомаха, мы наблюдаемъ то же самое явленіе и, однако, она также по всей вѣроятности позже 270 года и уже во всякомъ случаѣ позже того маленькаго промежутка времени, въ теченіе котораго, по мнѣнію Рейша, совпадаетъ день пританей съ днемъ мѣсяца.

¹⁰⁹) У Плутарха (Δημ. XLII) есть извѣстіе, что Димитрій задержалъ одно военское посольство два года при своемъ дворѣ. На это, впрочемъ, указывается, какъ на нѣчто изъ ряда вонъ выходящее.

Унгеръ восстанавливаетъ имя того же архонта въ С. I. A. II. 319 ¹¹⁰⁾ на основаніи календарныхъ соображеній — и потому мы уже не станемъ входить здѣсь въ его доводы. Съ исторической точки зрѣнія приходится оставаться на счетъ этого фрагмента пока при мнѣніи Келера, который, на основаніи того, что въ надписи упоминается лицо, находящееся въ чести у царя Лисимаха, считаетъ эту надпись происходящею или изъ періода $29\frac{9}{8}$ — $29\frac{5}{4}$ гг. до Р. Хр. или отъ $28\frac{7}{6}$ — $28\frac{1}{1}$ до Р. Хр. ¹¹¹⁾.

Рейшъ ¹¹²⁾ восстанавливаетъ имя Антифата также еще въ одной надписи, изданной въ 'Αθήναιον VI стр. 386 п. 4. Надпись эта происходитъ изъ того же года, что и С. I. A. II. 252 b. такъ какъ въ ней встрѣчается тотъ же секретарь: . . . ος Δύκου Ἀλωπακῆθεν.

Такимъ образомъ архонтъ Антифатъ засвидѣтельствованъ пока только путемъ литературнымъ. Онъ встрѣчается въ двухъ мѣстахъ: Діонисій Παρὶ Δυνάρχου 9.

Vol. Herc. ² VI 37—54. 1479 (Узенеръ—Epicurea стр. 128₀₀).

ΕΠΙΧΟΥΡΟΥ | ΠΕΡΙΦΥΣΕΩΣ | ΚΗ | ΤΩΝΑΡΧΑΙΩΝ ΕΓΡΑΦΗΕΠΙ-
ΝΙΚΙΟΥΤΟΥΜετ'ΑΝΤΙΦΑΤΗΝ.

$29\frac{6}{5}$ ΝΙΚΙΑΣ.

Секретарь года Ἀ[ν]τι[χρ]άτης Κρατίνο[ου]...

Источники эпиграфическіе.

С. I. A. II. 299. Фрагментъ прескриптъ.

Athen. Mitteil. V, стр. 326.

ε̅ π̅ ι̅ Ν̅ ι̅ χ̅ ι̅ ο̅ υ̅ ἄ̅ ρ̅ Χ̅ Ο̅ Ν̅ Τ̅ Ο̅ Σ̅ Υ̅ σ̅ τ̅ ε̅ Ρ̅ Ο̅ Υ̅ Ε̅ Π̅ Ι̅ τ̅ ἦ̅
ς̅ . . . . . ς̅ Τ̅ Ε̅ τ̅ Δ̅ ρ̅ τ̅ η̅ ς̅ π̅ ρ̅ ο̅ Τ̅ Α̅ ν̅ ε̅ ἰ̅ α̅
ς̅

По мнѣнію Келера надпись эта того же дня, что и С. I. A. II. 299, но отъ имени пританен сохранились только весьма сомнительные остатки. На основаніи этой надписи въ С. I. A. II. 299 слѣдуетъ, конечно, тоже восстанавливать ὄστέρου вмѣсто ὄστερον.

С. I. A. II. 331 надпись въ честь Федра. Здѣсь Никія $29\frac{6}{5}$ года упоминается мимоходомъ, но въ очень интересномъ и, вмѣстѣ съ

¹¹⁰⁾ *Philologus* XXXVIII стр. 456 прим. 20 и Supplementband V стр. 684.

¹¹¹⁾ Conlaudabatur vir quidam propter officia apud Lysimachum regem praestita. Actum id esse debet aut inter Ol. 120,² ($29\frac{9}{8}$ a. Ch.) et Ol. 121,² ($29\frac{5}{4}$ a. Ch.) aut inter Ol. 123,² ($28\frac{7}{6}$ a. Ch.) et Ol. 124,² ($28\frac{1}{1}$ a. Ch.), quo anno Lysimachum mortuum esse constat. прим. къ указ. надп.

¹¹²⁾ Указ. статья въ *Hermes*.

тѣмъ, трудно объяснимомъ пассажѣ: „καὶ ἐπὶ Νικίου μὲν ἄρχοντος στρατηγὸς ὑπὸ τοῦ δήμου χειροτονηθεὶς ἐπὶ τὴν παρασκευὴν δις πάντων ὧν προσῆκον ἐπεμλήθη καλῶς καὶ φιλοτίμως· καὶ ἐπὶ τὴν χώραν χειροτονηθεὶς πλεονάκις καὶ ἐπὶ τοὺς ξένους γινόμενος τρίς τὴν πᾶσαν ἐποίησατο σπουδὴν ὅπως ἂν οἱ στρατιῶται ὡς ἄριστα κατασκευασμένοι παρέχωνται τὰς χρεῖας τῷ δήμῳ· πρεσβεύσας δὲ πρὸς τὸν βασιλέα τὸν πρεσβύτερον Πτολεμαῖον ἐκόμισεν τῷ δήμῳ σῖτον καὶ χρήματα“. Ниже мы постараемся показать, что всѣ эти многообразныя услуги оказаны Федромъ въ одинъ и тотъ же годъ: именно при Никіи архонтѣ, а не въ разное время, какъ думаютъ всѣ толковавшіе объ этой надписи ученые.

C. I. A. II. 1350. Фрагментъ декрета въ честь ефивовъ. Сохранился только небольшой кусокъ нижней части съ словами „ἡ βουλή ἢ ἐπὶ Νικίου τοὺς ἐφήβους καὶ τὸν κοσμήτην“ написанными въ вѣнкѣ и затѣмъ еще ниже: ἐπὶ ἱερέως Δημογέη... Καλλικράτης Θεοφίλ.. Келеръ относитъ эту надпись къ году Никіи, бывшаго архонтомъ въ 29⁶/₅ г., очевидно только на основаніи начертанія, такъ что это для насъ является не обязательнымъ, и надпись съ такимъ же правомъ можно приписать году архонта Никіи Отринейца.

Литературные источники.

Діонисія Παρὶ Δαινάρχου 9.

Vol. Hercul.³ VI 37—54. 1479 (Узенеръ. Еписиграа стр. 128,00 см. подъ Антифатомъ).

Что касается собственно года, въ который правилъ Никіи, то уже самое упоминаніе его въ спискѣ Діонисія, полная достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію, ставить годъ 29⁶/₅ до Р. Хр. внѣ всякаго подозрѣнія. Тѣмъ не менѣе документы года архонта Никіи принадлежатъ къ числу наименѣе поддающихся удовлетворительному объясненію. Выше мы выписали пассажъ изъ надписи въ честь Федра, содержащій уже немало трудностей. Не менѣе серьезныя трудности представляетъ и C. I. A. II. 299, который для ясности мы также позволяемъ себѣ выписать здѣсь.

ἔ	π	ι	Ν	ι	κ	ί	ο	υ	ἄ	ρ	χ	ο	ν	τ	ο	ς	ὅ	σ	τ	έ	ρ	ο	υ	ἔ	π	ι
τ	ῆ	ς	Ἀ	χ	(α)	μ	α	ν	τ	ί	δ	ο	σ	τ	α	ρ	τ	η	ς	π	ρ	ο	υ	τ	α	
ν	ε	ί	α	ς	η	ῖ	Ἀ	(ν)	τ	ι	(χ	ρ)	ά	τ	η	ς	Κ	ρ	α	τ	ί	ν	ο	υ	.	
.	ι	ε	ὄ	ς	ε	γ	ρ	α	μ	μ	ἄ	τ	ε	ρ	ε	Μ	ο	υ	ν	ι	χ	ι	ῶ			
ν	ο	ς	ἔ	χ	τ	η	ι	ἔ	π	ι	δ	έ	χ	α	ἔ	β	δ	ό	μ	η	ι	τ	ῆ	ς		
π	ρ	ο	υ	τ	α	ν	ε	ί	α	ς	ἔ	χ	κ	λ	η	ο	ί	α	τ	ῶ	ν	π	ρ	ο	έ	

Уже выше мы замѣтили, что на основаніи фрагмента, изданнаго въ *Ath. Mitt.* V стр. 326, въ первой строкѣ здѣсь также слѣдуетъ восстанавливать ὕστερον, а не ὕστερον, какъ дѣлали то раньше.

Главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что, вопервыхъ, архонтъ носить необыкновенный эпитетъ ὕστερος — „поздній“, вовторыхъ, четвертая пританея года падаетъ на мѣсяць Мунихіонъ. Очевидно, оба эти обстоятельства стоятъ въ связи другъ съ другомъ; архонтъ Никія началъ править въ срединѣ года и вмѣстѣ съ нимъ съ середины года стали считаться и пританеи. Весь вопросъ въ томъ—какъ объяснить такую странность?

Уже въ первомъ изданіи этого фрагмента ¹¹³⁾, Келеръ отождествилъ упоминающагося въ немъ архонта Никію съ Никіемъ Діонисіевскаго списка и приводитъ въ связь его несвоевременное вступленіе въ должность съ падающею на этотъ же годъ тиранніею Лахара или, вѣрнѣе, сверженіемъ Лахара Димитріемъ. Димитрій при этомъ, по словамъ Плутарха, „κατέστησεν ἀρχὰς αἱ μάλιστα τῷ δήμῳ προφιλῆεις ἦσαν ¹¹⁴⁾“. Слѣдовательно, при Лахарѣ или, по крайней мѣрѣ, въ концѣ его правленія, демократическіе магистраты были уничтожены. Это все прекрасно совпадаетъ съ надписью. Вторая часть тогдашняго объясненія Келера совершенно невѣроятна. Именно онъ предполагаетъ, что Никія доархонтствовалъ недоконченный имъ въ 29^{6/8} г. годъ уже послѣ сверженія Димитрія въ 28^{7/8} г. до Р. Х. ¹¹⁵⁾.

¹¹³⁾ *Hermes*, II, стр. 321 сл.

¹¹⁴⁾ Плутархъ Δημήτριος 34.

¹¹⁵⁾ Аргументація Келера страдаетъ въ указанной статьѣ неясностью, которая подчасъ составляетъ вообще его существенный недостатокъ. Такъ на стр. 322 читаемъ: „Eine solche (Erklärung) gewähren, wenn ich nicht irre, die Ereignisse des Jahres Ol. 123, 2. In diesem Jahre nämlich vertrieben die Athener unter Anführung des Olympiodor die Besatzung des Demetrios Poliorketes, und einer der ersten Akte, durch welche sie von der wiedererlangten Unabhängigkeit Gebrauch machten, war der, dass sie den derzeitigen ἱερεὺς Σωτήρων aus der Liste der Eponymen strichen und wieder Archonten zu wählen beschlossen (Plut. Dem. 46. Что это извѣстие, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой передается Плутархомъ, совершенно невѣрно—доказалъ въ томъ же томѣ *Hermes*'а, на стр. 161 сл. Бирхгофъ). Eine genaue Angabe über den Zeitpunkt dieser Ereignisse besitzen wir nicht; nach Droysens Berechnung (Gesch. d. Hell. 612. 617) würde die Vertreibung der makedonischen Besatzung spätestens in den Anfang von Ol. 121, 2 zu setzen sein.... Unbedingt sicher indess scheint mir die Droysensche Berechnung nicht... Es ist mir daher sehr wahrscheinlich, dass Νικίας in Folge eines dieser beiden Ereignisse damals sein Amt nicht zu Ende geführt habe, und dass sich daraus seine Wiederwahl Ol. 123, 2, welche wenn nicht gegen das Gesetz, doch gewiss gegen den Gebrauch war, erkläre“.

Издавая вторично эту надпись уже въ С. I. А. Кёлеръ отказался отъ второй неудовлетворительной части своего объясненія и призналъ, что Никія вступилъ въ должность въ срединѣ года. Подъ п. 299 онъ удерживаетъ свое объясненіе причины, по которой Никія вступилъ такъ поздно, смутнымъ временемъ тиранніи Лахара, но вмѣстѣ съ тѣмъ, склоняется на сторону стараго еще Корсиніевскаго способа объясненія подобныхъ затрудненій суффлектами ¹¹⁶). Вскорѣ, однако, до его свѣдѣнія дошла другая надпись, также упоминающая одного архонта съ эпитетомъ *δαιταρος* (издана въ *Addenda* подъ п. 299 b.), которая заставила его окончательно перейти на сторону признанія существованія суффлектовъ въ Аэинахъ и датировки ими. Даже болѣе; онъ безъ всякаго основанія отрицаетъ въ примѣчаніи въ этой послѣдней надписи тожество архонта Никія Діонисіевскаго списка и Никіи надписи п. 299 ¹¹⁷).

Дройзенъ ¹¹⁸), подробно разсматриваетъ объ надписи, пространно разсуждаетъ объ ихъ календарныхъ особенностяхъ и склоняется на сторону прежняго Кёлеровскаго объясненія п. 299, то-есть, на то, что Никія вступилъ въ должность въ мѣсяцѣ Гамиліонѣ, потому что въ первую половину года правилъ Лахаръ и демократическія власти были уничтожены. Далѣе онъ касается вкратцѣ упоминанія Никіи въ декретѣ въ честь Федра и высказываетъ, между прочимъ, что Никія, при которомъ Федръ былъ агонистомъ, есть никакъ не Отрицеецъ, какъ могло бы показаться, потому что онъ упомянутъ внѣ хронологической связи, а все тотъ же Никія *δαιταρος* 29⁶/₆ г. до Р. X.

Унгеръ ¹¹⁹) исходитъ изъ послѣдняго объясненія Кёлера и отвергаетъ его. Надпись С. I. А. II, 299 b, заставившую послѣдняго столь рѣшительно перемѣнить свое мнѣніе, онъ приписываетъ году архонта Аполлодора Ol. 115, 2. 31⁹/₃ и объясняетъ вторичное избраніе его въ должность въ срединѣ (будто бы) года возвращеніемъ въ этотъ ходъ въ Аэины 2,000 изгнанныхъ гражданъ, что должно было произвести переворотъ въ правленіи (Diod. XVIII. Плут. Φοκίων 28).

¹¹⁶) „Haec mihi reputanti eo inclinat animus, ut quem Dionysius in indice recenset Niciam archontem suffectum fuisse existimem“, прим. къ п. 299.

¹¹⁷) „Nulla iam relinquitur causa cur Niciam archontem tituli 299 eundem esse putemus quem Dionysius in indice recenset“.

¹¹⁸) Gesch. d. Hellenismus II, Diodocheu. 2 прилож. 6. Das Jahr des archon Nikias. стр. 388 слл.

¹¹⁹) Въ указанной выше статьѣ XXXVIII-го тома *Philologus*.

Мы приводимъ ее здѣсь для того, чтобы болѣе къ ней не возвращаться. Въ скобкахъ поставлены дополненія Келера.

ἐ π . . .	Ι ο δ ὴ ρ ο υ ἄ ρ χ ο υ ν τ ο ς δ ε ο ὔ τ ε	ρ ο ν .
. . . . .	φ έ ο ς δ ε Ἐ π ι χ ο ῦ ρ ο υ τ ο ῦ	. . . . .
. . . . .	σ τ ο υ ἐ π ι τ ῆ ς Π α ν δ ι ο ν ἰ δ ο ς . . .	
. . π ρ	ο τ α ν ε ἰ α ς Μ ο υ ν ι χ ι ῶ ν ο ς	
. . . . .	τ ῆ τ ῆ ς π ρ ο τ α ν ε ἰ α ς ἐ κ κ λ η ρ ῖ α	
ἐ ν τ ῶ ἰ θ ε ἄ	τ ρ ω ἰ τ ῶ ν π ρ ο ἔ δ ρ ω ν ἐ π ε ψ ῆ φ	
ι ζ ε ν	Ν ι χ ῖ ο υ Φ ρ ε ἄ ρ ρ ι ο ς κ α ἰ ο	
υ μ π ρ ὀ ε δ ρ ο ἰ	σ α τ	

Читатель видитъ что при единственномъ не нарушающемъ στοιχηδόν дополненіи номера пританей ἔκτῃς надпись становится загадкой, требующей разъясненія. Но ничѣмъ не доказано что στοιχηδόν не былъ именно здѣсь нарушенъ, какъ нарушенъ онъ сотни разъ въ документахъ всѣхъ временъ. Уже это простое обстоятельство подрываетъ всѣ тонкости, какія только можно придумать и какія до сихъ поръ были придуманы для объясненія нашей надписи. Возстановлять пропавшее мѣсто такъ, что при этомъ получается исключительный смыслъ всегда рискованно. Тѣмъ болѣе рискованно привлекать одну загадку для объясненія другой, какъ то дѣлаютъ Келеръ и Унгеръ; результаты получаются у нихъ диаметрально противоположныя: Келеръ прямо видитъ въ . . . Ιοδὸν архонтъ суффекта, Унгеръ — архонта Аполлодора 31³/₈ года. Мнѣніе Унгера имѣетъ на первый взглядъ заманчивый видъ вѣроятности, такъ какъ во второй строкѣ надписи повидимому сохранилось упоминаніе ἀναγραφέος¹²⁰), каковая должность до сихъ поръ была извѣстна только изъ документовъ трехъ лѣтъ: Ol. 114,4—115,1. 2. Но это по нашему мнѣнію, не доказательство¹²¹). Документъ,

¹²⁰) Объ этомъ чиновникѣ см. *C. Schaeffer*. De scribis senatus populi que Atheniensium. Greifsw. стр. 31 \сл.

¹²¹) Унгеръ на этотъ разъ отличается добросовѣстностью и пишетъ, что Келеръ, по его просьбѣ, еще разъ осмотрѣлъ надпись. Результатъ получился слѣдующій: „Das in Rede stehende (первый въ имени архонта) Zeichen machte ihm auch *jetzt* noch den Eindruck einer Hasta; also eines Jota oder (*der Schreibweise des Fragments entsprechend*) vielleicht auch eines Rho; weil aber das Zeichen mit dem Bruch zusammenfällt, will er die Möglichkeit nicht durchaus in Abrede stellen, dass ein Lambda dort gestanden habe. Die Inschrift vorläufig in ol. 115 zu setzen, veranlasste, wie er hinzufügt, bloss die Erwähnung des Anagrapheus; den Schriftcharakter nach würde er geneigt gewesen sein sie für jünger zu halten“. Phil. I. I. стр.

на сколько позволяет заключить шрифтъ, употребленный въ Согрус, долженъ происходить изъ гораздо болѣе позднихъ временъ, а именно изъ конца III или изъ первой половины II вѣка до Р. Хр. ¹²²). Мы такъ плохо знаемъ перемѣны, происходившія въ государственномъ устройствѣ Аѣины въ единичическую эпоху, что не можемъ утверждать или отрицать никакой рѣшительно возможности. Наконецъ . . . φέος, начинающее 2-ю строку, можетъ быть прочтено не только ἀναγρ[α]φέος, но также ἀντιγρ[α]φέος ¹²³), συγρ[α]φέος и даже можетъ быть ἐ[σ]φέος, такъ какъ надпись найдена вблизи святилища Аскліпія и первыя буквы, какъ свидѣтельствуегъ Келеръ, находятся какъ разъ на изломѣ.

На позднюю же эпоху указываетъ и второе архонство . . . іодора, которое, разумѣется, нельзя понять иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что онъ два раза занималъ должность архонта, подобно Аргею и Мидіи ¹²⁴).

Итакъ, Унгеръ въ главномъ пунктѣ согласенъ съ Дройзеновскимъ и первымъ Келеровскимъ объясненіемъ. Архонтъ Никія вступилъ въ должность въ срединѣ года, потому что въ началѣ года правилъ Лахаръ и всѣ демократическія должности были отмѣнены, что явствуетъ изъ того, что Димитрій, взявъ Аѣины, реставрировалъ демократію. Что касается дальнѣйшихъ разчетовъ Унгера касательно того, сколько времени прошло между этимъ событіемъ и захватомъ македонскаго престола Димитріемъ и его разбора Порфиріевскаго списка Македонскихъ царей — это насъ здѣсь ближайшимъ образомъ не касается. Остановимся пока нѣсколько еще на мнѣніи Виламовица фонъ-Меллендорфа ¹²⁵).

Виламовицъ, исходя изъ документа п. 300 и изъ разчетовъ даты водворенія Димитрія на Македонскомъ престолѣ, основанныхъ на

451 прим. 17. Форма Р., о которой говоритъ Келеръ, есть конечно встрѣчающаяся въ надписяхъ, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь.

¹²²) Стоять только сравнить для этого изданныя въ Согрус же документы этого времени пп. 432. 433 (упоминается царь Евменъ II), 439. 442. 953 и др.

¹²³) Существовали ἀντιγραφεὺς τῆς βουλῆς и ἀντιγραφεὺς τῆς διοικήσεως. Были ли эти должности сохранены до нашего времени, не берусь рѣшить.

¹²⁴) Ἀργεῖος п. 985 Μῦθατος С. I. А. III. 1014, который долженъ быть датированъ иначе, чѣмъ въ Согрус. Первая половина относится къ концу II-го вѣка, вторая ко временамъ Сулян.

¹²⁵) Philologische Untersuchungen т. IV. Antigonos von Karystos, стр. 237 сл.

сравненіи Плутарха ¹²⁶⁾ и Порфирія ¹²⁷⁾, приходитъ къ заключенію, что Димитрій взялъ Аѳины въ 295^{5/4} году и въ слѣдующую же весну еще въ 294 г. до Р. Х. завладѣлъ Македоніей. Тѣ же самыя событія, которыя по Унгеру раздѣлены годомъ и девятью мѣсяцами ¹²⁸⁾, у Виламовица разыгрываются въ 3 — 4 мѣсяца. Это характерная иллюстрація того свободнаго обращенія съ источниками, которое позволяютъ себѣ нѣкоторые ученые и вмѣстѣ съ тѣмъ конечно лучшее доказательство недостаточности самыхъ источниковъ. Аѳины взяты въ мартѣ 294 года. Какъ же объяснить теперь позднее вступленіе Никія? У Виламовица ли не найдется на это сейчасъ же готоваго объясненія? — Лахаръ былъ занятый димагогъ — и вотъ онъ ввелъ избраніе въ должности по семестрамъ. Два раза въ годъ былъ выбранъ Никія въ архонты, такъ же какъ Федръ въ его правленіе, и конечно вмѣстѣ съ нимъ, два раза былъ избираемъ въ стратеги ¹²⁹⁾.

Противъ дѣйствительно невѣроятнаго предположенія Унгера о двукратной осадѣ и двукратномъ взятіи Аѳинъ Димитріемъ въ 295 и въ 294 годахъ (чтобы уже умолчать о походѣ въ Лидію, родившемся изъ анекдота Полиена V, 17) Виламовицъ возражаетъ справед-

¹²⁶⁾ Плут. Δημήτριος 44... Μακεδονίας νέμους ἐπιστασίαν ὑπὸ Δημήτρου βεβαίως ἀρχαίως. Виламовицъ приписываетъ тутъ Плутарху то, чего у него вовсе нѣтъ (стр. 237): „Die Zeitbestimmung muss methodischerweise von Plutarch ausgehen, denn dieser lässt unmittelbar nach Athens Eroberung den Demetrios gegen Sparta ziehen, von dort aber gegen Makedonien, das er nach einigem Hinundherziehen durch die Ermordung des Alexandros, Sohnes des Kassandros, erwirbt. Die Herrschaft in Makedonien rechnet Plutarch zu sieben Jahren. Setzen wir das Ende derselben 287 Sommer (ol. 123,2), was sich nicht bloss als wahre, sondern auch als Plutarchische Rechnung ergeben wird, so ist Ol. 121,1 oder 4 der Anfang“. Ничего этого нельзя выводить изъ разказа Плутарха, такъ какъ онъ даетъ только общую нить событій, вовсе не упоминая олимпійскихъ или какихъ либо другихъ годовъ. Дату 287 (Ol. 123,2) только тогда можно бы было назвать Плутархою, если бы онъ приводилъ олимпійскій годъ.

¹²⁷⁾ Евсевій изд. *III* вѣк I, стр. 242.

¹²⁸⁾ Philol. XXXVIII, стр. 457.

¹²⁹⁾ Ук. соч. стр. 238 „Wie kann man in einem Jahre ein Amt zweimal bekleiden? Offenbar waren die Aemter grade so wie die Prytaneen im Gamelion neu besetzt und Phaidros war wieder gewählt. Es liegt sehr nahe, dasselbe auch für Nikias anzunehmen: wenn irgend, war es beim Jahresbeamten angezeigt, keine Confusion zu machen, und politisch war kaum eine andere Stelle so bedeutungslos. Was nun den Grund der Aenderung anbetrifft, so ist vieles denkbar, unter anderem auch, dass man eine dauernde Institution beabsichtigt hatte: halbjährige Amtsperioden konnten ja viel demokratischer aussehen“ и т. д.

живо, но притомъ совершенно напрасно разрушаетъ мѣсто Павсаниа, говорящее о томъ, что Димитрій ввелъ въ послѣдствіи гарнизонъ въ городъ ¹³⁰⁾, также какъ прежде напрасно разрушилъ надпись Меландра. Извѣстіе это находитъ себѣ оправданіе въ преданіи, и война, въ немъ упоминающаяся, засвидѣтельствована эпиграфически. Но къ этому мы еще вернемся. Тиранию Лахара Димитрій свергалъ конечно одинъ разъ и никакой другой войны до занятія Македоніи въ Греціи не велъ. Это ясно изъ Плутарха, который описываетъ событія, предшествовавшія взятію Афинъ, довольно обстоятельно ¹³¹⁾.

Унгеръ въ послѣдней своей обработкѣ архонтовъ первой половины III вѣка ¹³²⁾ возражаетъ Виламовицу. „Historische Skizze“ Виламовица, говоритъ онъ, такъ слабъ, что не стоитъ собственно возражать противъ него. Съ Лахаромъ пала аристократическая партія, уже и прежде при Антипатрѣ и Кассандрѣ находившаяся у кормила правленія (322 — 307). (А Виламовицъ считаетъ Лахара дидамогомъ) ¹³³⁾. Полугодовые должностные періоды не выдерживаютъ критики уже потому, что исходя изъ датировки п. 299 (16 муніхіонъ IV пританея) слѣдуетъ заключить, что пританея были по 8—9 дней и что такимъ образомъ „поздній“ архонтъ Никія принялъ бразды правленія не за полъ-года до окончанія 29⁶/₂ олимп. года, а лишь за 3¹/₂ мѣсяца. Но главнымъ образомъ Унгеръ здѣсь обрушивается на Виламовица по поводу объясненія имъ пассажа въ надписи въ честь Федра. Оно заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Унгера, *Verstoss gegen die Grammatik*. Δις слѣдуетъ относить не къ словамъ, послѣ которыхъ оно стоитъ, а къ словамъ, слѣдующимъ за нимъ, то-есть, сочинять: δις πάντων ὄν προσῆκεν ἐπεραλήθη κτλ. Но это опять не только придирка, но одна изъ характеристичныхъ Унгеровскихъ натяжекъ, разчитанныхъ на то, что читатель не заглянетъ въ контекстъ. Изъ послѣдняго ясно (см. выше), что δις относится именно къ предыдущимъ словамъ и ближайшимъ образомъ должно быть

¹³⁰⁾ Paus. I, 25, 5.

¹³¹⁾ Δημ. XXX — XXXIII.

¹³²⁾ *Philologus* Supplementb. V, стр. 685—686.

¹³³⁾ Унгеръ пускается тутъ въ безцѣльную игру словами: „Das Auftreten eines ἄρχων ὑστερος und einer innerhalb des Jahres (inscr. 299) anfangenden Prytanieordnung kann, wie W(ilamowitz) behauptet, nur die Folge einer *Verfassungsänderung* sein; dieses „nur“ ist unberechtigt: beide Erscheinungen erklären sich eben so gut, ja weit besser aus dem „*Sturz eines Parteiregiments*“. Точно будто „*Sturz eines Parteiregiments*“ не есть *Verfassungsänderung*.“

соединяемо съ χειροτονηθεῖς, такъ точно какъ нѣсколькими строками далѣе читаемъ снова χειροτονηθεῖς πλεονάκις., и γενόμενος τρίς. Да и изъ дальнѣйшихъ словъ Унгера видно, что Verstoss былъ не столько противъ грамматики, сколько противъ его, Унгеровскаго, объясненія ¹⁸⁴⁾. Почему—уже если вообще при одномъ архонтѣ можно было два раза быть назначеннымъ въ какую-нибудь должность—двократное исполненіе Федромъ въ годъ Никии должности стратига ведетъ къ непремѣнному предположенію архонтствования Никии и въ первую половину года—совершенно не ясно и опять не вяжется съ контекстомъ, ибо тамъ видимъ τρίς и πλεονάκις, почему контекстъ благодаразумно и умалчивается Унгеромъ во всемъ этомъ мѣстѣ. Далѣе онъ настаиваетъ на двукратномъ взятіи Афинъ Димитріемъ и говорить, что его объясненіе анекдота Полиена V, 17, принято Мельберомъ въ специальномъ изслѣдованіи послѣдняго объ источникахъ Полиена ¹⁸⁵⁾. Этотъ замѣчательный Лидійскій походъ родился исклю-

¹⁸⁴⁾ Dass so erklärt werden muss, geht aus dem Verstoss gegen die Grammatik hervor, zu welchem W. durch die Consequenzen der Verbindung von δις mit ἐπὶ Νικίου χειροτονηθεῖς geführt worden ist: nicht bloss Phaidros, sondern auch Nikias müsste dann 121, 1. 296 zweimal sein Amt bekleidet haben. Dann würde aber inser. 299 der Archont, unter welchem jener Beschluss gefasst wurde, nicht ein späterer, zweiter des gleichen Jahres 121, 1 (Унгеръ принимаетъ адъсь, что первую половину года архонтовала какая-нибудь креатура Лахара, намѣренно опущенная Ератосеевомъ, то-есть, Діонисіемъ) gewesen sein, sondern die Eponymie der nähmliche aber zum zweiten mal in Jahre bekleidet haben, was nicht ἐπὶ Νικίου ἄρχοντος ὑστερόν sondern ἐπὶ Νικίου ἄρχοντος ὑστερόν, oder vielmehr wie inser. 299b ἄρχοντος δεύτερον heissen würde: ἄρχων ὑστερος wie es in Wirklichkeit heisst, setzt Verschiedenheit nicht bloss der Zeit, sondern zugleich der Person, gegensatz zu einem ἄρχων πρότερος voraus.

¹⁸⁵⁾ *Jahrbücher für Philologie*. Supplem. Bd. XIV, стр. 417—688. Ueber die Quellen und den Wert der Strategemensammlung Polyäns, стр. 643 слл. Анекдотъ находящійся у Полиена одинъ изъ интересныхъ и потому мы приводимъ его здѣсь дословно: Ἡρακλείδης Δημήτριος Ἡρακλείδην φύλακα τῶν Ἀθηνῶν συντάξας αὐτὸς μὲν ἦν περὶ τὴν Λυδίαν. οἱ δὲ στρατηγοὶ τῶν Ἀθηναίων ἐν ἀπορρήτῳ βουλευσάμενοι τὸν ξαναγόν Ἱεροκλέα, Κᾶρα τῷ γένει, ἔπεισαν νυκτὸς ἀνοίξαι τὰς πόλεις καὶ δεῦξασθαι στρατιώτας Ἀττικούς, οἱ κτενοῦσιν Ἡρακλείδην. ταῦτα μὲν δὴ συνέθεντο παρὰ τὸν Ἰλισσόν, οὗ τὸν καθαρμόν τελοῦσι τοῖς ἐλάττοσι μυστηρίοις, Ἰππάρχου καὶ Μνησιδήμου στρατηγῶν ὄρνια δόντων καὶ λαβόντων. Ἱεροκλῆς δὲ πιστὸς Ἡρακλείδῃ γενόμενος ἐμήνυσε τὴν πρῆξιν. ὁ δὲ συνέπραττε νύκτωρ αὐτοὺς εἰσεδέξασθαι ἀνοίξαντές τι μέρος [τῶν] πυλών. Καὶ δὴ νυκτὸς εἰσεδέξαντο τετρακοσίους καὶ εἴκοσι ἄνδρας, ὧν ἤγούοντο Μνησιδήμος, Πολυκλῆς, Καλλισθένης, Θεόπορος, Σάτορος, Ὀνηγορίδης, Σθενοκράτης, Πυθίων. Ἡρακλείδης δὲ στρατιώτας διαχλίους ὠπλισμένους ἐπαφήκεν, οἱ πάντας αὐτοὺς εἰσελθόντας ἐφόνευσαν. Разуивется, нельзя сомнѣваться въ разва-

чительно ad maiorem gloriam Унгеровской шпотезы, при чемъ имъ пущена въ ходъ одна изъ смѣлѣйшихъ ватажекъ, на которыя когда-либо онъ рѣшался. Послѣ сраженія при Исѣ (Плут. Δημ. XXX), Димитрій съ пятью тысячами пѣшаго войска и четырьмя тысячами всадниковъ удалился сначала въ Ефесъ, но оттуда, боясь, какъ говорятъ Плутархъ, чтобы солдаты не разграбили святилище, переправился въ Елладу, надѣясь главнымъ образомъ на аеинянъ, у которыхъ были оставлены имъ корабли, деньги и жена Диндамія. Но аеиняне не приняли его и отправили Диндамію въ Мегары. Не будучи принятъ въ Аеинахъ, Димитрій отправился на Исѣмъ, и такъ какъ дѣла его находились въ плохомъ состояніи (ибо отовсюду были изгнаны гарнизоны и все, прежде находившееся въ его власти, перешло на сторону враговъ), оставивъ въ Елладѣ Пирра, отправился въ Херсонисъ, гдѣ, вредя Лисимаху, поправилъ свои дѣла и увеличилъ свое войско, которое снова сдѣлалось значительнымъ¹⁸⁶⁾. На

занномъ происшествіи. Оно, повидимому, почерпнуто изъ хорошаго источника, такъ какъ приведены даже имена собственныя. Мельбергъ считаетъ, что источникомъ Полиена въ данномъ случаѣ былъ Дуридъ. Самъ же Мельбергъ различаетъ въ этомъ (какъ и въ другихъ) случаѣ между хорошимъ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ источника и начинающимся со второй еразы, и неудачною первою еразой, составленною самимъ Полиеномъ. На сколько она плоха, можно видѣть уже изъ того, что въ ней даже не упомянуто, что все слѣдующее будетъ происходить въ Пирѣѣ. Мельбергъ справедливо замѣчаетъ, что слова „ἀνοίξει τὰς πόλεις“ и т. д. уже списаны изъ источника, въ которомъ все предшествовавшее изложеніе не оставило никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о Пирѣѣ. Что это такъ—свидѣтельствуетъ коротенькая ераза Павсаниа I, 29, описывающаго гробницу павшихъ при этой попыткѣ солдатъ: „οἱ δὲ τοῦ Πειραιῶς κατάληψιν ἐβούλευσαν Μακεδόνων φρουρόντων, πρὶν δὲ εἰργάζεσθαι τὸ ἔργον ὑπὸ τῶν συνειδόντων μενοειμένους ἀπώλοντο“. Спрашивается—если въ вводной еразѣ Полиенъ забылъ даже обозначить мѣсто дѣйствія—неужели можно строить что-нибудь на этой еразѣ? Неужели можно опровергать ея ясный разказъ Плутарха? Неужели нѣтъ, наконецъ, возможности дѣйствительно отождествить упоминаемое здѣсь пребываніе Димитрія въ Лидіи съ засвидѣтельствованнымъ Плутархомъ его Лидійскимъ походомъ 287/6 года (Δημ. XLVI). По нашему мнѣнію если на какое, то именно на это время и падаетъ событіе, о которомъ разказываетъ Полиенъ, Пирей остался во власти Димитрія послѣ освобожденія Мусея (см. С. I. А. II, 312). Димитрій, попавъ въ плѣнъ къ Селевку (какъ предполагаетъ Θ. Θ. Соколовъ въ 285 г., см. Аристоммахъ, стр. 22, отд. отд.) писалъ въ Елладу „τοῖς περὶ τὸν οἶον καὶ τοῖς περὶ Ἀθήνας καὶ Κόρινθον ἡγεμόσι καὶ φίλοις“ (Δημητρ. LI). Что же удивительнаго, что въ одинъ изъ предшествовавшихъ годовъ, когда онъ находился въ Лидіи, и была сдѣлана попытка освободить Пирей отъ гарнизона?

¹⁸⁶⁾ Плут. Δημ. XXXI. Κομισάμενος δὲ παρέπλευσεν εἰς Ἰσθμὸν καὶ τὸν πρυμμάτων αὐτῶν χακῶς ἔχόντων (ἐξέπεσον γὰρ ἕκασταχόθεν αἱ φρουραὶ καὶ μεθίστατο

этой то фразѣ Плутарха и основываетъ Унгеръ все свое зданіе. Ἐξέλιπτον ἐκασταχοῦθεν αἱ πόλεις οὗτ' переводить ¹³⁷⁾: „zu gleicher Zeit hatten die asiatischen Städte die Besatzungen desselben verjagt“. Но очевидно здѣсь рѣчь идетъ не объ азиатскихъ городахъ, а о городахъ собственной Греціи ¹³⁸⁾. Но Унгеру это нужно для его вышнихъ соображеній. „Во всякомъ случаѣ“ продолжаетъ онъ „до 296 года (то-есть, до сочиненнаго Унгеромъ изъ двухъ словъ Полиена похода въ Лидію) изъ всего западнаго побережья Малой Азіи во власти Димитрія осталось мало или даже вовсе ничего ¹³⁹⁾. Но въ 294 году ему снова принадлежатъ нѣкоторые береговые города. Плут. Δημ. 35. Слѣдовательно онъ долженъ былъ между 296 и 298 годами приобрести нѣкоторыя части побережья Азіи“ и т. д. Но откуда взялъ Унгеръ, что Димитрій потерялъ все въ Азіи послѣ сраженія при Ипсѣ? Неужели же въ такомъ случаѣ Селевкъ сталъ бы искать сближенія съ нимъ и женился бы на Стратоникѣ? Сталъ бы дружить его съ Птолемеємъ? Этотъ послѣдній отдалъ бы ему дочь Птолемаиду? Города въ Малой Азіи, которые Лисимахъ отнялъ у Димитрія, когда онъ находился въ Греціи и воевалъ противъ Спарты (Плут. Δημ. XXXV), конечно, оставались въ его власти все время послѣ сраженія при Ипсѣ. Унгеръ идетъ во всемъ своемъ разсужденіи отъ одного неосновательнаго предположенія къ другому. Что заставило его сочинить небывалый походъ въ Лидію? Конечно отнесеніе анекдота ко времени войны Димитрія противъ Фивъ (приблизительно 293 г.), данное Дройзенемъ, прежде всего повліяло

πάντα πρὸς τοὺς πολέμιους) ἀπολιπὼν ἐπὶ τῆς Ἑλλάδος Πύρρον αὐτὸς ἄρας ἐπὶ τὴν Χερρόνησον ἔπλευσε, καὶ κακῶς ἅμα ποίων Δυσίμαχον ὠφέλει καὶ συνέιχε τὴν περὶ αὐτὸν δύναμιν ἀρχομένην ἀναλαμβάνειν καὶ γίνεσθαι πάλιν οὐκ εὐκαταφρόνητον“.

¹³⁷⁾ *Philologus* XXXVIII, стр. 463.

¹³⁸⁾ Такъ понимаетъ это и Дройзенъ. *Diad. II*, стр. 234: „täglich kamen Nachrichten von neuem Abfall; hier waren seine Besatzungen vertrieben, da Kassandros Truppen eingerückt, dort die freien Verfassungen gestürzt und Oligarchie oder Tyranie im makedonischen Interesse gegründet; bald war Hellas und die Peloponnes ihm so gut wie ganz entrissen; er musste sich begnügen, Korinth und Megara zu halten“.

¹³⁹⁾ Унгеръ смысляетъ при этомъ на *Дройзена Diad. I*, стр. 224, гдѣ приводится Аппиановское мѣсто (*Сур. 55*) о раздѣленіи земель между Селевкомъ и Лисимахомъ послѣ битвы при Ипсѣ; но это мѣсто не ясно, какъ сознается самъ Дройзенъ. Тамъ говорится только о земляхъ, полученныхъ Селевкомъ. Дройзенъ (*Diad. II*, стр. 258) признаетъ, что по крайней мѣрѣ Еоесь остался за Димитріемъ.

на Унгера. Дройзенъ тоже принужденъ для защиты своего мнѣнія прибѣгнуть къ нѣкоторому насилію, хотя его ударъ направленъ противъ дѣйствительно слабаго мѣста, противъ первой фразы анекдота Полиена. Не считая возможнымъ принять какое-либо другое пребываніе Димитрія въ Лидіи, кромѣ засвидѣтельствованнаго Плутархомъ¹⁴⁰⁾ и падающаго на 28⁷/₆ годъ, онъ видитъ здѣсь порчу текста и предполагаетъ, что въ источникѣ Полиена упоминалась какимъ-нибудь образомъ македонская рѣчка Λοοδία¹⁴¹⁾. Примѣрять анекдотъ къ тому, что намъ извѣстно о событіяхъ 28⁷/₆ года ему не пришло въ голову. Не пришло въ голову это и Унгеру и онъ, отвергая фантастическую конъектуру Дройзена, относитъ событіе все-таки къ пятидесятымъ годамъ, поступая еще безцеремоннѣе съ преданіемъ и сочиняя новый походъ. Онъ считаетъ возможнымъ отвергнуть всякую мысль о помѣщеніи событія, развазаннаго Полиеномъ, на 28⁷/₆ годъ соображеніемъ, что тогда Антигонъ, бывший въ то время въ Елладѣ, долженъ былъ быть упомянутъ здѣсь. Унгеръ упускаетъ при этомъ

¹⁴⁰⁾ Плут. Δημ. XLVI.

¹⁴¹⁾ Дройзенъ. Diad. II, стр. 272, прим. 3, гдѣ онъ приводитъ упомянутыя слова Павсани (I, 29) и прибавляетъ: „was nur in diese Zeit gehören kann. Hiermit verbinde ich Polyæn V, 17; dort heisst es zwar, Demetrios sei um diese Zeit περί τῆς Λοδίας gewesen; doch ist dies sicher fehlerhaft. Es könnte nur der Feldzug von 287 gemeint sein; damals aber war Pyrrhos schon in Athen gewesen, die Besatzung schon vertrieben, die Freiheit der Stadt von Demetrios selbst anerkannt“. Основанія, приводимыя здѣсь Дройзеномъ, совершенно прозрачны и противорѣчатъ его же собственнымъ протезамъ, высказаннымъ въ другихъ мѣстахъ. Что изъ того, въ самомъ дѣлѣ, что Пирръ былъ въ Афинахъ? Не самъ ли Дройзенъ, описывая это событіе, упоминаетъ о договорѣ Димитрія съ Пирромъ, намекъ на который находится у Плутарха (Πύρρος 12) и относительно котораго онъ (Диод. II, 302) пишетъ: „Die Bedingungen dieses Vertrages können wohl nur gewesen sein, dass Demetrios auf Makedonien verzichtete, Pyrrhos ihn als Herrn über Thessalien und die griechischen Staaten, die er jetzt inne hatte, so wie in dem Besitz von *Salamis, Munychia, Peiraeus* anerkannte“ и т. д. Какъ же здѣсь говорить онъ, что гарнизоны были выгнаны? Изъ Мусея былъ выгнанъ гарнизонъ Олимподоромъ, но въ Пирее еще находился въ 285 году. Освобожденіе Пирея тѣмъ же Олимподоромъ произошло позже (Павс. I, 26, ср. Θ. Θ. Соколовъ. Аристомахъ, стр. 22). Удачной попыткѣ Олимподора надо предположить неудачную, описанную у Полиена. Нашему объясненію благоприятствуетъ также нѣкоторымъ образомъ то обстоятельство, что Иероклъ, упоминаемый въ разказѣ Полиена, по видимому (какъ это указалъ впервые Вилламовицъ Antigonos, стр. 230), тождественъ съ Иерокломъ, комендантомъ Пирея и Мунихии при Антигонѣ, то-есть, послѣ хремонидовской войны. Диог. Лаерт. II, 127. IV, 39, 40, ср. Θ. Θ. Соколовъ, Аристомахъ, стр. 32, 41.

изъ виду, что дѣло идетъ о вводной фразѣ и безъ того уже завѣдомо небрежно составленной.

Но мы удалились такимъ образомъ отъ нашей главной цѣли — объясненія документовъ года архонта Никіи. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ: что же можно ближайшимъ образомъ вывести изъ нихъ, не дѣлая никакихъ натяжекъ.

Изъ надписи п. 299, разумѣется, несомнѣннымъ остается, что Никія вступилъ въ должность въ серединѣ года. Когда именно — это не беремса рѣшить. Объяснять такую неправильность конечно всего естественнѣе тѣмъ, что именно на это время падаетъ освобожденіе Афинъ Димитріемъ отъ Лахара¹⁴²). Это должно быть признано твердымъ хронологическимъ пунктомъ, какихъ немного въ исторіи разбираемаго нами времени. Какъ объяснить странную кумуляцію должностей, какую мы видимъ въ надписи Федра? На это мы должны, по моему мнѣнію, отвѣтить пока незнаемъ. Всѣ дававшіяся до сихъ поръ объясненія неудовлетворительны и можно даже сомнѣваться, что этотъ фактъ стоитъ въ какой нибудь связи съ позднимъ вступленіемъ въ должность архонта Никіи и съ сверженіемъ Лахара. Одно только по нашему мнѣнію несомнѣнно, что всѣ эти должности или такъ сказать „особыя порученія“ были отправляемы Федромъ при архонтѣ Никіи, иначе пришлось бы обвинить составителя текста декрета въ крайней нелогичности, такъ какъ оставалось бы необъяснимымъ, почему при двухъ случаяхъ отправленія Федромъ должности стратига названы архонты (Кимонъ и Ксенофонтъ), а при другихъ нѣтъ. Вообще я убѣжденъ, что во всѣхъ документахъ, гдѣ перечисляются заслуги какихъ нибудь лицъ и при этомъ упоминаются архонты — слѣдуетъ все, что написано подъ именемъ одного изъ нихъ вплоть до слѣдующаго имени архонта, относить къ одному и тому же году. Я настаиваю также, что хронологическій

¹⁴²) Въ первую половину года, надо думать, не было пританей и вообще демократическое устройство было отиѣнено. Когда была уничтожена Лахаромъ демократія, мы опять не знаемъ. Кассандръ, побудившій Лахара къ захвату власти (Павс. I, 25), умеръ, по Дройзену, въ 297/6 году — слѣдовательно при архонтѣ Минсидимѣ. Свидѣтельству Павсана нѣтъ никакого основанія не вѣрять, какъ то дѣлаетъ Вилламовицъ (Antiquos, стр. 289). Самымъ вѣрнымъ мнѣ кажется предположеніе, что Лахаръ управлялъ, сначала сохраняя демократическія формы и лишь въ концѣ скинулъ маску. Что, дѣйствительно, демократическое правленіе было имъ уничтожено, доказываетъ свидѣтельство Плутарха, что Димитрій возобновилъ его. Плут. Арц. 34.

порядокъ перечисленія заслугъ никогда не нарушался въ документахъ такого рода. Выше я старался показать это относительно надписи Филиппида, теперь утверждаю тоже самое относительно надписи Федра. Въ дальнѣйшемъ изложеніи постараюсь, исходя изъ того же принципа, дать новое объясненіе декрета въ честь Димохара, сохранившагося въ Плутарховскихъ жизнеописаніяхъ десяти ораторовъ.

Первый подробно объяснилъ надпись Федра О. Клуберъ ¹⁴³⁾. Но его объясненіе запутано, написано подъ влияніемъ изложенія Дройзена еще въ первомъ изданіи его Еллинизма и вообще теперь уже не выдерживаетъ критики. Впрочемъ основныя его идеи по-прежнему вѣрны. Въ томъ числѣ онъ также, между прочимъ, приводитъ мысль о томъ, что всѣ стратигіи и посольство къ Птолемию должны падать на одинъ и тотъ же годъ Никіи ¹⁴⁴⁾. Келеръ, издавая во II томѣ С. I. A. (п. 331) надпись Федра, не входитъ въ подробности; объясненіе мѣста о стратигіяхъ, данное Дройзеномъ ¹⁴⁵⁾, не ясно, но кажется, онъ думаетъ, что стратигіи Федра, упомянутыя безъ именъ архонтовъ, располагаются между нѣсколькими годами. Вилламовицъ, какъ выше сказано, объясняетъ двойное избраніе въ стратигіи ἐπι τῆν παρασκευὴν введеніемъ полугодовыхъ должностныхъ періодовъ въ правленіе Лахара; съ возраженіями Унгера мы также уже познакомились. Всѣ они располагаютъ остальные стратигіи Федра, не датированныя въ надписи именами архонтовъ, между разными годами. Вилламовицу слѣдуетъ также Дитгенбергеръ ¹⁴⁶⁾. Оветтъ-Бено ¹⁴⁷⁾; старается подробно доказать, что иначе нельзя понимать мѣста нашей надписи, какъ въ томъ смыслѣ, что эти стратигіи распределены

¹⁴³⁾ *Verhandlungen der Philologischen Gesellschaft in Würzburg*. Herausg. von Ulrichs. Würzburg 1862 стр. 97—126.

¹⁴⁴⁾ Въ примѣчаніи, впрочемъ, онъ беретъ отчасти свое слово назадъ и говорить „nonnullas res Nicostrato archonte administratas esse concedes“ стр. 116 прим. 5.

¹⁴⁵⁾ Diadochen II: „was doch bedeutet, dass er, zuerst als Strateg im Jahre des Nikias gewählt, zweimal Strateg ohne speciellere Function, mehrmal στρατηγός ἐπι τῆς ὑφῆρας, dreimal στρατηγός über die Söldner gewesen ist. Weiter werden seine Gesandtschaften und andere Dinge gerühmt“ и т. д.

¹⁴⁶⁾ *Sylloge Inscriptionum Graecarum*. n. 162 прим. 11. Въ своемъ прежнемъ разсужденіи объ архонтахъ (*Hermes* II, стр. 285—306) онъ, хотя и касается надписи Федра, но объ интересующемъ насъ мѣстѣ ничего не говоритъ (стр. 301 сл.).

¹⁴⁷⁾ *Am. Huetvette-Besnaul.* Les Stratèges Athéniens. Par. 1885 (*Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome*, fasc. XLI), стр. 165 сл.

между нѣсколькими годами, хотя самъ сознается, что прямая грамматическій смыслъ заставлялъ бы относить не только ихъ, но и посольство къ Птолемею къ одному году ¹⁴⁸⁾. Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ между прочимъ то обстоятельство, что въ опровергаемомъ имъ случаѣ оказался бы слишкомъ большой промежутокъ между заслугами одного лица, упоминаемыми въ одномъ и томъ-же документѣ. Но онъ самъ опирается при этомъ на совершенно ошибочные расчеты Кёлера въ комментаріи къ изданію надписи Федра въ С. I. А. II. п. 331 ¹⁴⁹⁾. Въ такомъ случаѣ дѣйствительно былъ бы, какъ онъ говоритъ, между двумя, рядомъ упомянутыми, заслугами Федра „промежутокъ по крайней мѣрѣ въ 24 года“. Но вновь найденное Елевсинское постановленіе въ честь стратига Аристофана ¹⁵⁰⁾ показало, что Кимонъ былъ архонтомъ еще во время, царствованія Димитрія. Ниже мы постараемся сдѣлать несомнѣннымъ что годъ исправленія имъ архонства падаетъ на 29¹/₀ годъ до Р. Хр. Такимъ образомъ затрудненіе остается даже при расположеніи стратигій Федра, упоминаемыхъ до архонства Кимона на разные годы согласно мнѣнію большинства ученыхъ. Оветтъ-Бено предполагаетъ, что подъ словомъ *πλεονάκις* надо разумѣть по крайней мѣрѣ четырехкратное отбываніе должности, что вмѣстѣ съ двоекратнымъ исполненіемъ должности стратига *ἐπί τῆν παρασκευήν* и троекратнымъ назначеніемъ *ἐπί τοὺς ξένοους* даетъ по крайней мѣрѣ 9 стратигій Федра, которыя столь же трудно размѣстить между пятью годами какъ и между однимъ или двумя. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ годъ архонта Кимона, для насъ является еще новая трудность въ этомъ мѣстѣ документа. Посольство къ Птолемею, стоящее послѣ всѣхъ стратегій Федра, никакъ не можетъ быть относимо ко времени послѣ 287 г. до Р. Хр., какъ думаетъ Диттенбергеръ ¹⁵¹⁾, ни къ 289—288 годамъ, какъ полагаетъ Видамовицъ ¹⁵²⁾. Старое мнѣніе

¹⁴⁸⁾ Стр. 165 „si l'on s'en tient à la rigueur du sens qu'autorise la construction grammaticale il faut aussi rapporter à la même année les autres charges de stratège mentionnées dans le reste de la phrase... l'ambassade même envoyée à Ptolémée et citée plus loin dans le décret, daterait de la même année.“

¹⁴⁹⁾ С. I. А. II 331 „Cimonem et Xenophontem proximis post Pyrrhi cladem annis quae Ol. 126, 4—127, accidit, Athenis archontes fuisse suspicamur“.

¹⁵⁰⁾ Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική 1884, столб. 135—136 и дополненія къ столб. 263—264.

¹⁵¹⁾ Sylloge 162, прим. 12 „Hanc legationem in proxima post urbem Demetrii imperio liberatam (287 a. Chr. cf. n. 140, 141) tempora incidere putaverim.“

¹⁵²⁾ Antigonus, стр. 192, прим. 13.

Клюбера ¹⁵³⁾ здѣсь опять должно получить перевѣсъ. Посольство къ Птолемею конечно должно быть соединено съ свидѣтельствомъ Плутарха ¹⁵⁴⁾, что именно во время осады Аѳинъ Димитріемъ появился около Егинны флотъ Птолемея изъ 150 кораблей на помощь Лахару и его партіи противъ Димитрія. Флотъ этотъ удался только тогда, когда къ Димитрію съ разныхъ сторонъ собрался флотъ вдвое сильнѣйшій ¹⁵⁵⁾.

Мнѣ могутъ возразить, что посольство Федра къ Птолемею не могло состояться въ такомъ случаѣ при Никіи архонтѣ, такъ какъ я самъ-же защищалъ мнѣніе, что позднее вступленіе Никіи въ должность объясняется тѣмъ, что при Лахарѣ вовсе не было демократическихъ властей и что слѣдовательно архонтъ Никіи принадлежить къ числу властей, восстановленныхъ Димитріемъ, по словамъ Плутарха. Во время его короткаго правленія, продолжавшагося всего можетъ быть 3 мѣсяца ¹⁵⁶⁾, участь Аѳинъ была уже рѣшена—онѣ были на сторонѣ Димитрія и посольство къ Птолемею разумѣется не могло имѣть мѣста. Но архонта Никію рано уже конечно стали считать прямымъ преемникомъ Антифата ¹⁵⁷⁾ и его именемъ обовначать весь годъ 29⁶/₅ до Р. Хр. Это вполне естественно, такъ какъ съ реставраціей образа правленія, считавшагося нормальнымъ, ненормальное и притомъ короткое правленіе Лахара не могло идти въ счетъ. Распредѣленіе событій по годамъ въ разказѣ Плутарха не ясно, но конечно за помощью къ Птолемею было послано не раньше, какъ послѣ первой неудачной попытки Димитрія захватить Аѳины, когда стало ясно, что онъ не покидаетъ мысли обложить Аѳины съ моря и заботится собрать снова флотъ на мѣсто потерпѣвшаго крушеніе у береговъ Аттики ¹⁵⁸⁾. Надпись Федра учитъ насъ, что посольство состоялось уже при Никіи, то-есть, въ 29⁶/₅ году; первая неудачная попытка Димитрія противъ Аѳинъ можетъ такимъ обра-

¹⁵³⁾ Verhandlungen и т. д., стр. 112—113.

¹⁵⁴⁾ Плут. Δημ. 33 Μικράν δὲ τοῖς Ἀθηναίοις ἀναγκοῦν παρέσχον ἑκατὸν πεντήκοντα νῆες φανείσαι περὶ Αἴγινα, ἃς ἐπεμπψεν ἐπικουροῦς αὐτοῖς Πτολεμαῖος.

¹⁵⁵⁾ Плут. Δημ. XXXIII Εἶτα Δημητρίῳ πολλῶν μὲν ἐκ Πελοποννήσου, πολλῶν δὲ ἀπὸ Κύπρου νεῶν παραγενομένων, ὥστε συμπάσαις ἀθροισθῆναι τριακοσίας ἔφερον ἄραντες αἱ Πτολεμαίου, καὶ Λαχάρῃς ὁ τύραννος ἀπέδρα προέμενος τὴν πόλιν.

¹⁵⁶⁾ Unger—Philologus. Supplementb. V, стр. 686.

¹⁵⁷⁾ Уже въ сборникѣ писемъ Епикюра онъ былъ названъ, по видимому, Νικίας ὁ μετ' Ἀντιφάτῃν см. текстъ изъ Vol. Herc. цитированный подъ годомъ арх. Антифата, на стр. 58.

¹⁵⁸⁾ Плут. Δημ., ук. м.

зомъ падать еще на $29\frac{7}{8}$ годъ ¹⁶⁹⁾. Посольство Федра въ началѣ $29\frac{8}{8}$ года. Вагтге Афинъ приблизительно въ мартѣ 295 до Р. Хр. На мессинскій походъ Димитрія намъ кажется вполне достаточнымъ удѣлить полъ-года—девять мѣсяцевъ.

Если событіе, упомянутое непосредственно передъ переходомъ къ архонту Кимону падаетъ на годъ Никіи архонта—то въ этомъ слѣдуетъ видѣть только сильное косвенное доказательство того, что всѣ упомянутыя до этого событія (посольства къ Птолемею) стратигія падаютъ на тотъ же годъ ¹⁶⁰⁾.

Въ декретѣ въ честь Димохара, племянника Димосѳена, сохраненномъ въ жизнеописаніяхъ 10 ораторовъ у Плутарха ¹⁶¹⁾, упоминается между прочимъ, что Димохаръ, возвратившись при Діоклѣ архонтѣ изъ изгнанія, получилъ большое вліяніе. По его возвращеніи тотчасъ-же было отправлено нѣсколько посольствъ къ разнымъ царямъ, и между прочимъ къ Лисимаху и Антипатру отправился онъ самъ, а къ Птолемею отправлено было другое посольство, впрочемъ по его же мысли ¹⁶²⁾. Клюбберъ ¹⁶³⁾ и Виламовицъ ¹⁶⁴⁾ отождествляютъ посольство къ Птолемею, упоминаемое въ этомъ декретѣ съ посольствомъ Федра. Дройзенъ ничего не говоритъ о послѣднемъ, а посольство Димохара разбиваетъ на двѣ части и заставляетъ его отправиться къ Птолемею въ 298 году ¹⁶⁵⁾, а къ Антипатру на са-

¹⁵⁹⁾ Выраженіе Плутарха „ἐχειμάσθη“ не можетъ здѣсь заставить насъ понимать непременно, что Димитрій плылъ зимою. Выраженіе это можетъ быть употреблено о бурѣ, случившейся во всякое время года.

¹⁶⁰⁾ Изъ того, что сначала перечислены стратигія, а потомъ упомянуто посольство, нельзя, разумется, заключать, что именно къ такому порядку Федръ исполнялъ всѣ эти обязанности. Ср. *Klueber*, стр. 114. „Temporum ratione in hac levi re non habita primum quid стратηγῶν, deinde quid πρεσβεύων fecerit proponitur.

¹⁶¹⁾ Ψήφισμα β'

¹⁶²⁾ Плут. Βίοι δέκα ῥητόρων γν. κ. καὶ ὡς κατήλθεν ἐπὶ Διοκλέους ἀρχόντος ὑπὸ τοῦ δήμου, συστειλάντι τὴν διοίκησιν πρώτῃ καὶ φεισαμένῳ τῶν ὑπαρχόντων, καὶ πρεσβεύσαντι πρὸς Λυσιμάχον, καὶ λαβόντι τῷ δήμῳ τριάκοντα τάλαντα ἀργυρίου, καὶ πάλιν ἕτερα ἑκατὸν καὶ γράψαντι πρεσβείαν πρὸς Πτολεμαίον εἰς Αἴγυπτον, καθ' ἣν ἐκπεύσαντες πενήτηντα ἐκόμισαν τάλαντα ἀργυρίου τῷ δήμῳ καὶ πρὸς Ἀντιπάτρον πρεσβεύσαντι καὶ λαβόντι εἴκοσι τάλαντα ἀργυρίου κτλ.

¹⁶³⁾ *Verhandlungen*, стр. 114—115. Онъ относитъ оба посольства къ году Никіи архонта $29\frac{8}{8}$.

¹⁶⁴⁾ *Antigonos*, стр. 192, прим. 13, относитъ оба посольства къ 287 г.

¹⁶⁵⁾ Діад. II, стр. 246 сл. Первое посольство, по его мнѣнію, происходитъ еще во время приготовленій къ четырехлѣтней войнѣ и стоитъ въ связи съ посольствомъ Посидиппа къ Кассандру (С. I. A. II. 297) и Филиппида къ Лисимаху (С. I. A. II. 314).

мое время осады Аэинъ Димитріемъ, то-есть, на $29^{6/5}$ годъ ¹⁶⁶), что стоитъ въ связи съ его искусственнымъ построениемъ „четырёхлѣтней войны“, упоминаемой въ декретѣ Димохара. Войну эту никто до сихъ поръ, по нашему мнѣнію, не объяснялъ вѣрно. Она должна падать на $29^{3/2}$ — $29^{0/3}$, годы. Ниже мы постараемся подробно обосновать наше воззрѣніе. Унгеръ также не упоминаетъ ничего о посольствѣ Федра. Посольство Димохара онъ относитъ совершенно вѣрно ко времени послѣ его возвращенія. Последнее падаетъ по Унгеру на 290 годъ, что доказывается Унгеромъ съ крайними натяжками и обусловлено датировкой архонтовъ Каллимида и Ферсилоха, основанною на призрачныхъ календарныхъ расчетахъ ¹⁶⁷). Все это будетъ нами рассмотрѣно подробно, когда будетъ рѣчь о четырехлѣтней войнѣ. Теперь скажемъ только, что посольство, снаряженное къ Птолемею по мысли Димохара, и посольство Федра не должны быть смѣшиваемы между собою. Последнее имѣло мѣсто при архонтѣ Никіи, то-есть вообще въ $29^{6/5}$ году, первое же при архонтѣ Діоклѣ, долженствующемъ относиться къ $28^{6/7}$ году. Димохаръ и Федръ дѣйствовали въ своихъ посольствахъ въ интересахъ совершенно противоположныхъ партій, хотя оба раза противъ Димитрія.

Наконецъ архонтъ Никія, упоминающійся въ строкахъ 54 нашего документа, конечно долженъ быть считаемъ за Никію Отрипейца, правившаго во время или тотчасъ послѣ Хремонидовской войны.

$29^{5/4}$ Νικόστρατος.

Діонисій Περί Δεσπάρχου. 9.

Обыкновенно восстанавливаютъ имя этого архонта въ надписи въ честь Иродора (С. I. А. II. 300), бывшаго въ чести у царя Димитрія и хлопотавшаго у него за аэинянъ въ то время, какъ изъ Аэинъ было послано къ нему посольство съ просьбою о мирѣ и дружбѣ.

Здѣсь мы постараемся показать, что мнѣніе это не такъ безспорно,

¹⁶⁶) Диод. II, стр. 250. Димитрій съ сильнымъ флотомъ въ аттическихъ водахъ. Егина, Саламинъ взяты имъ. Весь народъ отправился защищать Елевсинъ. „Demochares wurde von neuem ausgesandt; er schloss mit den Boeotern Frieden und Bündniss und gewann sie für den Kampf gegen Demetrios. Er ging zum König Antipatros, er empfing von ihm 20 Talente, er brachte sie dem Demos nach Eleusis“. Все это удается привести въ систему, Дройзену лишь при утверженіи, что хронологическій порядокъ въ декретѣ Димохара не соблюдень.

¹⁶⁷) Оба архонта правили, по всей вѣроятности, во время царствованія Антигона Гонаты, что явствуетъ изъ надписи С. I. А. II. 306, года архонта Каллимида. Подробности объ этомъ смотри во 2-й главѣ.

какъ обмененно полагають, хотя сознаемъ, что съ своей стороны не можемъ дать пока ничего болѣе положительнаго.

Отъ имени архонта сохранились только двѣ послѣднія буквы...οο, но такъ какъ надпись написана στοιχηδόν и длина строкъ извѣстна (30 буквъ), то можно довольно увѣренно сказать, что имя архонта состояло въ родительномъ падежѣ изъ 11 или 12 буквъ, смотря потому, стояло въ началѣ ἐπι или ἐπ'. Что подходитъ не только къ Никострату, но также, напримѣръ, къ преемнику его Олимпиодору.

Для ясности мы опять выпишемъ здѣсь ту часть надписи, которая особенно важна для опредѣленія даты.

Ε π	ου ἄρχοντος ἐπιτῆς . . .
. . . . .	της πρυτανείας Ἐλαφῆ
βωλιῶνος	εἰς ἀτάμενον ἐμπτεῖ
καὶ δεκάτειτῆς	κρυτανείας ἐκκλήσι
βαχουρίων προ	έδρων ἐπεψήφισεν Ἄντ
. . . . .	ὸ Ἀχαρνέων καὶ συμπρό
εδροῖ ἐδοξεν τ	ῶ Ἰδημίω Γόργος Φρουνί
χου	σεῖ πενεπειδῆ Πρόδωρ
οσπρότερόν τε	διὰ τριβων παρ' Ἄντιγό
10 νωσι τῶ βασιλε	ῖ εὐνοῦς ἦν τῶ Ἰδημίω τ
ῶ Ἰθηναιῶν καὶ ν	ὀν ἐμπιστεῶν τῶ Ἰβα
σίλε Ἰδημητρί	ῶ Ἰγαθὸν ὄτι δύναται
παρέχει κοινε	ῖ τε ὑπέρτης πόλεως κα
ῖ ἰδία ὑπέρεχ	άσ του Ἰθηναιῶν ἀεῖ το
15 ῖς ἦκουσιν ἀπο	φαίνουσιν δ' αὐτὸν καὶ
οἱ πρέσβεις οἱ	πεμφθέντες ὑπέρτης σε
ῖ ρήν ης πρὸς τὸ	ν βασιλέα Δημήτριον ο
ὀνα γωνίσασθα	ῖ τῶ Ἰδημίω εἰς τὸ σὺν τ
. . . . .	ῖ φιλιαντῆν πρὸς τὸν
20 βασιλέα Δημήτ	ριον καὶ ὄπως ἀνὸς Ἰημο
ς ἀπαλλαγείη	τὸ ὑπολέμου τῆν ταχίστ
ῖ ν καὶ χομισάμε	νος τὸ ἄστυδημοκρατ
ῖ αὐ ἐχοῖ ἀπολαβ	ῶν ἀγαθεῖ τὸ χειρτ. δ.

Первый отнесъ нашу надпись къ году архонта Никострата Раггависъ ¹⁶⁹⁾. Онъ руководился при этомъ своимъ возстановленіемъ

¹⁶⁹⁾ Келлеръ, стр. 13: ποιεῖ, συναργεῖ] τε ὑπέρ της πόλεως καὶ [τῆς ἐλευθερίας τοῦ (δήμου τοῦ предполагаемый пропускъ) Ἰθηναιῶν.

¹⁶⁹⁾ Antiquités Helléniques n. 443.

Каллипповскаго календаря ¹⁷⁰⁾ и Дройзеневскимъ (въ 1-мъ изданіи) датированіемъ взятія Аэинъ Димитріемъ ol. 121, 2. 29⁶/₄ годомъ, то-есть, годомъ архонта Никострата. Съ тѣхъ поръ возстановленіе имени архонта Никострата въ нашей надписи принято рѣшительно всѣми, не смотря на то, что всѣ по разному представляютъ себѣ событія, сопровождавшія взятіе Аэинъ Димитріемъ и одни относятъ самое взятіе къ ol. 121, 1 ¹⁷¹⁾, другіе къ ol. 121, 2 ¹⁷²⁾.

Мы раньше остановились на первой датѣ. Единственнымъ и притомъ очень вѣскимъ доказательствомъ въ пользу ея служатъ, по нашему мнѣнію, надпись С. I. A. II, 299. При такомъ датированіи взятія Аэинъ намъ кажется однако невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, мало вѣроятнымъ возстановленіе имени архонта Никострата въ нашей надписи. Въ самомъ дѣлѣ Аэинны взаты въ серединѣ или во второй половинѣ 29⁶/₅ года. Къ Димитрію, стоящему подъ самымъ городомъ, послано посольство. По всему смыслу обыкновеннаго объясненія за это-то посольство и долженъ былъ хлопотать Иродоръ, въ честь котораго составленъ настоящій декретъ. Но тогда непонятно, почему декретъ объявляется лишь годъ спустя послѣ происшествія. Вѣдь это посольство было не то, что посольство къ какому нибудь Спартоку или Авдолеонту царю Пеоновъ — тутъ все дѣло вмѣстѣ съ торжественнымъ приѣмомъ Димитрія могло кончиться въ одинъ день.

Но есть затрудненія гораздо болѣе серьезнаго свойства, къ сожалѣнію, не могущія быть разрѣшенными при настоящемъ положеніи критики источниковъ интересующаго насъ времени. Димитрій освобождалъ Аэинны въ 29⁶/₅ году отъ аристократической партіи, во главѣ которой стоялъ Лахаръ. Завладѣвъ городомъ онъ, по ясному свидѣтельству Плутарха, уже нѣсколько разъ приведенному, возстановилъ демократію ¹⁷³⁾. Между тѣмъ въ декретѣ мы находимъ нѣчто другое. Правда просьбы пословъ къ Димитрію о томъ, чтобы заключить съ нимъ дружбу, чтобы народъ аэинскій какъ можно скорѣе избавился отъ войны — могутъ подходить къ положенію дѣлъ въ

¹⁷⁰⁾ Въ разсмотрѣніе котораго мы не входимъ, какъ и вообще въ календарныя дѣла. Въ настоящее время, кажется, всѣ хронологи, кромѣ Унгера, согласны, что въ III вѣкѣ былъ въ Аэинахъ въ ходу еще календарь Метона.

¹⁷¹⁾ *Umeyer* въ послѣдній разъ въ *Philologus*, Supplementband V, стр. 686. *Дройзенъ*. *Hellenism*. II. 2. Стр. 253 и прилож. 6.

¹⁷²⁾ *Wilamowitz*. *Antig.*, стр. 238.

¹⁷³⁾ *Δημ.* XXXIV.

29⁶/₅ году, но слѣдующая просьба о „приобрѣтеніи города“ идетъ, кажется намъ, въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о разбирательствѣ событіи. Объ отнятіи *ἄστο* у Лахара — не можетъ быть и рѣчи. Дѣло Лахара въ моментъ посольства къ Димитрію, упоминаемаго въ 34-й главѣ Плутарха, уже окончательно проиграно и онъ самъ бѣжалъ. Война официально считается оконченною; Афины сдаются Димитрію на милость и не-милость — но *ἄστο* не отъ кого освобождать, скорѣе надо опасаться, чтобы оно не было именно теперь занято. Между тѣмъ для всякаго, кому знакомы аттическіе документы этого и слѣдующаго времени, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ моментъ посольства, упоминаемаго въ п. 300 *ἄστο* не принадлежитъ афинянамъ — короче занято македонскимъ гарнизономъ ¹⁷⁴). До взятія Афинъ Димитріемъ въ 29⁶/₅ году въ самихъ Афинахъ никогда еще не ставало македонскихъ гарнизоновъ. Димитрій первый ввелъ гарнизонъ въ самый городъ — и именно въ Музей. Но на счетъ точной даты введенія гарнизона въ Музей источники наши противорѣчатъ. Изъ Плутарха, по видимому, слѣдуетъ заключить, что гарнизонъ былъ введенъ тотчасъ же ¹⁷⁵), Павсанія напротивъ прямо утверждаетъ, что гарнизонъ былъ введенъ послѣ, и что этому предшествовала новая война ¹⁷⁶).

Дройзенъ ¹⁷⁷) полагаетъ, что свидѣтельство Павсаніи слѣдуетъ предпочесть свидѣтельству Плутарха, „такъ какъ онъ прямо (*ausdrücklich*) говоритъ“, что Музей былъ занятъ послѣ, и даже упоминаетъ

¹⁷⁴) Κομισασθαι τὸ ἄστο въ документахъ имѣетъ постоянно значеніе вывода гарнизона изъ Музея. См. С. I. A. II, 311, 312, 314 (гдѣ вмѣсто *ἄστο* стоитъ *ἐλευθερίαν*, подобно тому какъ у Евсевія сказано было объ Антигонѣ Гонатѣ, см. Евсевій, изд. *Schöne* т. II, стр. 120 и Θ. Θ. Соколовъ „Аристокмахъ“, стр. 47—48).

¹⁷⁵) Тотчасъ за разказомъ о возстановленіи демократіи „*Συνιδὼν δὲ Δρομοκλειδῆς ὁ ρήτωρ ὑπὸ χαρᾶς τὸν δῆμον ἐν τε φωναῖς ὄντα παντοδαπαῖς καὶ τοὺς ἀπὸ τοῦ βήματος ἐπαίνους τῶν δημαγωγῶν ἀμιλλώμενον ὑπερβάλλεσθαι, γνώμην ἐγραφε Δημητρίῳ τῷ βασιλεῖ τὸν Πειραιᾶ παραδοθῆναι καὶ τὴν Μουσικήν. Ἐπιψηφισθέντων δὲ τούτων ὁ Δημήτριος αὐτὸς ἐφ' ἑαυτοῦ προσέβαλε φρουρὰν εἰς τὸ Μουσεῖον, ὡς μὴ πάλιν ἀναχαττίσαντα τὸν δῆμον ἀσχολίας αὐτῶν πραγμάτων ἐτέρων παρασχεῖν.*

¹⁷⁶) Павс. I, 25, 5. Δημήτριος δὲ ὁ Ἀντιγόνου τυράννων ἐλευθερώσας Ἀθηναίους τὸ τε παραυτίκα μετὰ τὴν Λαχάρου φυγὴν οὐκ ἀπέδωκέ σφισι τὸν Πειραιᾶ, καὶ ὕστερον πολέμῳ κρατήσας ἐσῆγαγεν εἰς αὐτὸ φρουρὰν τὸ ἄστο, τὸ Μουσεῖον καλούμενον τευχίσας.

¹⁷⁷) *Diad. II, стр. 274, прим. 1* (гдѣ въ началѣ опечатка 299 вмѣсто 295 попала, вѣроятно, изъ перваго изданія) „*Gegen diese ausdrückliche Angabe, die des dazwischen liegenden Krieges erwähnt, hat die summarische bei Plut, Demetr. 34 geringere Geltung.*“

еще войну, лежащую между занятіемъ Пирея и Мунихіи. Но на этомъ нельзя успокоиться. Разработка и критика источниковъ древней исторіи идетъ такими крупными шагами въ послѣднее время, что даже Дройзеновскій способъ пользованія ими является уже устарѣлымъ. Изъ того, что Павсанія прямо говоритъ что нибудь, никакъ еще не слѣдуетъ, что то, что онъ говоритъ, непременно правда. Павсанія жилъ пять вѣковъ спустя послѣ событія имъ разказываемаго и достоинство его свидѣтельства стоитъ въ прямой зависимости отъ достоинствъ источника, которымъ онъ пользовался. То же самое сохраняетъ свое полное значеніе и для Плутарха, жившаго немного ранѣ Павсаніи. Но, къ сожалѣнію, на тѣ біографіи Плутарха, которыя важны для эллинистическаго періода, обращено до настоящаго времени мало вниманія, хотя всетаки можно назвать старательную работу Шуберта „Die Quellen Plutarchs in den Lebensbeschreibungen des Eumenes, Demetrius und Pyrrhus“¹⁷⁸⁾. Что касается историческихъ экскурсовъ Павсаніи, которые порою служатъ единственнымъ источникомъ—для нихъ почти ничего еще не сдѣлано научно критикою источниковъ¹⁷⁹⁾.

Шубертъ доказываетъ, что біографіи Евмена, Димитрія и Пирра

¹⁷⁸⁾ *Jahrbücher f. Philologie*. Supplementband IX, стр. 647—836 и отдѣльно Лейпцигъ. Тейбнеръ, 1878.

¹⁷⁹⁾ Цѣлая литература по Павсаніи, въ особенности оживившаяся со времени Олимпійскихъ раскопокъ, трактуетъ главнымъ образомъ о немъ, какъ перигитѣ. Удовившее обзоріе въ весьма детальной, хотя и гиперкритической книгѣ *Калькманна* Pausanias der Perieget und seine Quellen. Berlin. 1887. Авторъ въ предисловіи прямо отказывается разбирать историческія, генеалогическія и генеалогическія части, сознается, что это необработанное еще поле: „Sowohl die historischen wie die genealogischen Abschnitte bilden ein grosses Arbeitsfeld für sich; planmässige Behandlung derselben wäre über Gebühr breit geworden“. Отдѣльные нападки *Вилламовица* на историческія части Павсаніи слишкомъ субъективны и ни на чемъ не основаны. Онъ считаетъ возможнымъ прямо отвергать все то, что мы знаемъ отъ одного Павсаніи. Диссертація *Guil. Adolph. Schmidt's* De fontibus veterum aeteterum in enarrandis expeditionibus a Gallis in Macedoniam atque Graeciam susceptis“. (Berl. 1834) устарѣла и страдаетъ отсутствіемъ доказательствъ. Въ небольшой статьѣ Поундтнера въ *Jahrbücher*, т. XXIX, стр. 441 сл. „Die historische Quellen des Reisebeschreibers Pausanias“ посвящаетъ эпохѣ діадховъ только три странички. Оба считаютъ Иеронима за главный источникъ Павсаніи для этой эпохи (Шмидтъ колебался еще между нимъ и Тимеемъ); къ этому же заключенію приходитъ Шубертъ, см. его работу на стр. 693, 751, 794, 795, 805, 806, объ этомъ еще ниже. Недавно вышедшей книги *Immerwahr's*, Die Laconica des Pausanias я еще не видалъ.

заимствованы Плутархомъ изъ одного и того же источника (по его мнѣнiю Агаархида), въ которомъ, въ свою очередь, уже были смѣшаны и притомъ въ сухой хронологической схемѣ рассказы Иеронима Кардiанскаго и Дурида Самiйскаго. Первый — партизанъ и слуга Евмена, Антигона Одноглазаго, Дмитрiя, Антигона Гонаты—второй противоположной имъ партiи Кратера, Антипатра и всей старо македонской партiи. Но тогда какъ рассказъ Иеронима представляетъ собою въ своей главной части собственныя мемуары историка, участвовавшаго весьма дѣятельно во всѣхъ перипетiяхъ своихъ героевъ — рассказъ Дурида компилированъ изъ разныхъ источниковъ. Въ числѣ ихъ Шубертъ выставляетъ Филохора, Проксена, Идоменея и предполагаетъ возможность устныхъ сообщенiй офицера изъ армiи Кассандра, внослѣдствiи перешедшаго къ Антипатру и комика Филиппида. За доказательствами и отсылкаю читателя къ самой работѣ Шуберта, прибавлю здѣсь только, что онъ проводитъ этотъ извѣстный принципъ „одного источника“ слишкомъ прямолинейно и считаетъ работу автора этого источника—Агаархида, слишкомъ механическою. Такъ достаточно маленькой фразы, въ которой хоть сколько-нибудь свозить сочувствiе Дмитрiю, или признается за нимъ нѣкоторое достоинство — чтобы эту фразку вырѣзать изъ неблагоприятнаго Дмитрiю контекста и приписать Иерониму ¹⁸⁰⁾.

Для насъ въ данномъ случаѣ рѣшительно все равно, Плутархъ ли самъ соединялъ непримиримыя рассказы, которые означимъ вслѣдъ за Шубертомъ именами Иеронима и Дурида, или нашелъ ихъ у другаго лица—важно то, что дѣйствительно по прочтенiи указанныхъ биографiй съ комментариемъ Шуберта не остается никакого сомнѣнiя въ томъ, что въ нихъ слиты источники, представляющiе возрѣнiя двухъ различныхъ партiй. Части, приписываемыя Шубертомъ Иерониму ¹⁸¹⁾ (и, по нашему мнѣнiю, долженствующiя быть ему приписаны)

¹⁸⁰⁾ Такъ сразу въ гл. 34: Καὶ γὰρ τόνου φωνῆς καὶ ῥημάτων πικρὸς φησάμενος, ἐλαφρῶς δὲ καὶ φιλικῶς περιφάμενος αὐτοὺς διηλάσαστο онъ называетъ „eine Reminiscenz aus Hieronymos“. Все остальное въ этой главѣ происходитъ изъ смѣшаннаго преданiя Дурида.

¹⁸¹⁾ Вотъ какъ характеризуетъ Иеронима Brückner (De vita et scriptis Hieron. Card. въ *Zeitschr. f. Alterthumswissenschaft* 1842, стр. 253 сл., извлечено въ Fr. Hist. Graec. II при изданiи фрагментовъ на стр. 450: сл.) „Accedit quod rhetoricae artis affectatio in qua tantopere sibi placebant qui tum fuere historici, aliena fuisse videtur ab eo homine, qui in rerum gerendarum continuo usu versatus, subactum quoque et sanum ingenium ad historiam scribendam affert. Simpliciter

написаны совсѣмъ другимъ тономъ. Здѣсь является, положимъ, желаніе угодить своему патрону, выставить его въ благопріятномъ свѣтѣ, можетъ быть дать искусственную редакцію сообщенію событія, которое могло бы выставить въ неблагопріятномъ свѣтѣ героя разказа (см. напримѣръ разказъ объ умерщвленіи Димитріемъ Александра)—но нигдѣ не видно пересола, все держится строго фактической почвы, тонъ разказа спокойный, стиль выдержанный. Таковъ характеръ всѣхъ мѣстъ, написанныхъ въ биографіи Димитрія съ точки зрѣнія интересовъ послѣдняго. Перейдемъ къ мѣстамъ, написаннымъ въ той же биографіи съ точки зрѣнія Аэнианъ¹⁸²). Мы попадаемъ сразу въ другую атмосферу. Впечатлѣніе получается такое, какъ будто мы взяли въ руки современный политическій листокъ какой нибудь партіи съ его анекдотами, beaux mots, инсинуациями, смѣшеніемъ представителей противной партіи съ грязью и т. д. и т. д. Такъ же какъ и въ современныхъ (для большаго сходства, напримѣръ, греческихъ) подобныхъ листахъ все здѣсь лишено фактической основы, видно грубое незнаніе, или намѣренное искаженіе фактовъ, остроумничанье на казенный счетъ въ видѣ цитатъ изъ разныхъ поэтовъ и т. п. Что бы далеко не ходить за доказательствами, достаточно привести содержаніе хотя бы одной 34-й главы, именно той, въ которой находится важное для насъ свѣдѣніе о постановкѣ гарнизона въ Музеѣ.

Аэниане, хотя закономъ (раньше) постановили смертную казнь тому, кто только упоминаетъ о мирѣ съ Димитріемъ, тотчасъ открыли ему ворота (послѣ того какъ Лахаръ убѣждалъ) и послали посольство. Они терпѣли страшную нужду и голодь. Для иллюстраціи степени этого голода приводятся два анекдота. Какой-то отецъ подрался съ сыномъ изъ-за дохлой мыши, упавшей съ потолка дома. Философъ Эпикуръ кормилъ своихъ присныхъ бобами, раздѣляя ихъ по счету¹⁸³). Такъ вотъ въ какомъ положеніи былъ городъ, когда Ди-

igitur et incompto dicendi genere usus, nec neglectae tamen verborum compositionis notam apud Dionysium defugiens jejunitate magis orationis quam quaesito nimium ornatu offendisse videtur¹⁸⁴.

¹⁸²) Напримѣръ, гл. IX со словъ ποθόμενος δὲ τὴν Ἀλεξάνδρου—до конца; гл. X со словъ Ἀθηναῖοι δὲ ἀπολαβόντες—до гл. XIV включит. Глава XXIII со словъ οἱ δὲ καίπερ ἐκχευόμενοι—до конца главы XXIV; гл. XXVI, XXVII; XXXIV и нѣк. друг. мѣста.

¹⁸³) Тогда-то и Лахаръ долженъ былъ угощать своихъ друзей капорцами Аэни. IX. 405, за что Вилламовицъ его очень хвалитъ Antigonos, стр. 200.

митрій вошелъ въ него и велѣлъ всѣмъ собраться въ театрѣ, окруживъ сцену оруженосцами, а самъ, выйдя изъ тѣхъ дверей, изъ которыхъ обыкновенно выходили актеры, обратился къ афинянамъ съ милостивою рѣчью. Онъ не кричалъ и не говорилъ рѣзкостей, а слегка и по-дружески побранивалъ ихъ. Примирившись съ ними такимъ образомъ, онъ далъ имъ еще 100 тысячъ медимновъ хлѣба и возстановилъ демократическіе магистраты. Тогда Дромоклидъ ораторъ, увидѣвъ, что и народъ радостно восклицаетъ, и силится превзойти даже самихъ димагоговъ въ похвалахъ Димитрію, предложилъ передать ему Пирей и Музейю. А когда это было одобрено, то Димитрій самъ отъ себя прибавилъ постановку гарнизона въ Музей, чтобы народъ, снова возмущившись, не помѣшалъ ему въ исполненіи другихъ плановъ.

Мы не станемъ отрицать, конечно, что тутъ заключаются историческіе факты. Но разказъ такъ безпорядоченъ и обставленъ такими прикрасами, что въ цѣломъ нѣтъ никакой возможности принять его на вѣру. Неужели только потому, въ самомъ дѣлѣ, Димитрій занялъ гарнизономъ Пирей, что какой-то Дромоклидъ сдѣлалъ предложеніе въ такомъ духѣ? Дромоклиду этому и въ предыдущемъ изложеніи приписывается не менѣе нелѣпное предложеніе о вопрошеніи Димитрія, какъ оракула, относительно посвященія щитовъ въ Дельфы¹⁸⁴⁾. Очевидно, этотъ Дромоклидъ, вмѣстѣ съ Стратокломъ, принадлежалъ къ партіи, противной той, къ которой принадлежалъ составитель разказа, послужившаго источникомъ Плутарху. Все дѣло сводится на почву вражды партій. Повторяю, что стоитъ только сдѣлать аналогію съ современными партійными листками, чтобы убѣдиться, что здѣсь ничему нельзя вѣрить на слово. Столь же вѣрно, что Димитрій тогда же занялъ Музей гарнизономъ—сколь то, что онъ занялъ Пирей, именно благодаря Дромоклиду, во-время сумѣв-

¹⁸⁴⁾ Плут. Δημητρ. XIII предложеніе было сформулировано такъ: Ἀγαθὴ τούτῃ δεδούθα: τῷ δήμῳ χειροτονήσαι: τὸν δῆμον ἓνα ἄνδρα ἐξ Ἀθηναίων ὅστις ἀφικόμενος πρὸς τὸν Σωτῆρα καὶ καλλιεργούμενος ἐπερωτήσει [Δημητρίον] τὸν Σωτῆρα πῶς [ἀν*] εὐσεβέστατα καὶ κάλλιστα καὶ τὴν ταχίστην ὁ δῆμος τὴν ἀποκατάστασιν ποιήσειτο τῶν ἀναθημάτων: ὅτι δ'ἂν χρήσῃ ταῦτα πράττειν τὸν δῆμον. Статуи Сотировъ засвидѣтельствованы эпиграфически и именно нашею надписью С. I. А. П., 300. Все же, что касается остальныхъ почестей имъ (какъ, напримеръ, отъѣзны архонтовъ и замѣны ихъ жрецами Сотировъ, мѣсяца Димитріона и т. д.),—все это или завѣдомо ложно (ср. *Кирзюфа* въ *Hermes* II, 161 сл.), или весьма по-
двѣрительно.

пему подслужиться. Разказъ Плутарха заслуживаетъ малаго довѣрія, слѣдовательно, не по суммарности его, какъ говоритъ Дройзенъ, а потому, что заимствованъ изъ весьма ненадежнаго источника.

На фразу Павсанія, столь важную для насъ въ настоящемъ случаѣ, насколько я по крайней мѣрѣ знаю, изслѣдователи источниковъ не обратили должнаго вниманія. Единогласно утверждается ¹⁸⁵⁾, что Павсанія черпалъ изъ Иеронима ¹⁸⁶⁾ и по всей вѣроятности непосредственно, но именно наша фраза при этомъ просмотрѣнна. Конечно, если бы мы могли съ увѣренностью сказать, что Павсанія въ данномъ случаѣ передаетъ Иеронима—не могло бы быть и рѣчи о томъ, какому изъ разказовъ отдать предпочтеніе. Мы должны сознаться, что внутренне, для себя, не сомнѣваемся ни въ Иеронимовскомъ происхожденіи извѣстія Павсанія, ни въ его вѣрности,—но доказать такое наше убѣжденіе не можемъ.

Такимъ образомъ, передъ нами дилемма. Если Димитрій не ставилъ въ 29⁶/₅ году гарнизона въ Музей, а сдѣлалъ это лишь послѣ новой (и, какъ увидимъ ниже, всего вѣроятнѣе, „четырёхлѣтней“) войны—наша надпись не можетъ относиться къ году архонта Никострата, а должна падать на одинъ изъ болѣе позднихъ годовъ ¹⁸⁷⁾. Если же, согласно Плутарху, гарнизонъ тотчасъ же былъ введенъ,

¹⁸⁵⁾ Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, вышеуказанное изслѣдованіе *Шуберта*, см. Index, стр. 835 и тамъ указанныя мѣста, и книгу *Рейсса*, *Niegonymos von Kardis*. Berl. 1876. Рейсъ, впрочемъ, допускаетъ большія натяжки въ сопоставленіи мѣстъ авторовъ, заимствованныхъ, по его мнѣнію, изъ одного источника.

¹⁸⁶⁾ Онъ только два раза ссылается на Иеронима I. 9. 8 (въ исторіи Лисимаха) и I. 13. 9. (въ исторіи Пирра), но его манера рѣдко называть свои источники извѣстна.

¹⁸⁷⁾ Какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, многіе изъ слѣдующихъ годовъ должны считаться занятыми. Такъ, на 29²/₁ годъ я ставлю Лисію, на 29¹/₀—Кимона, на 28⁹/₁—Диокла, 28⁷/₆—Диотима, 28⁶/₅—Исея, 28⁵/₄—Евевія. Такимъ образомъ, изъ годовъ, въ теченіи которыхъ царствовалъ Димитрій въ Македоніи, остаются не занятыми только два 29⁰/₀₀ и 28⁰/₈. Но обо всемъ этомъ подробнѣе—ниже. Что касается имени архонта—разумѣется, оно не можетъ быть опредѣлено съ точностью. Изъ числа имѣющихся на лицо подходитъ по числу буквъ Сосистратъ С. I. A. II, 1295. Куманудисъ, издавшій эту надпись равнѣе, замѣчаетъ: „μετά τῆν ρηθ' Ὀλ. ἀλλ' οὐκ ἴσως πολλὰ ἐστὶν ὑστερον“. Но подобнаго рода изреченія въ устахъ Куманудиса стали постояннымъ шаблономъ, совершенно ничего не говорящимъ. Келеръ, переиздавая надпись въ С. I. A., ничего не прибавляетъ отъ себя. По формамъ буквъ и по содержанію ее можно лишь вообще отнести къ III вѣву.

то-есть, приблизительно въ мартѣ 295 года, то надпись можетъ относиться къ году Никострата архонта и ходъ событій надо представлять себѣ такъ, что по водвореніи Димитрія на македонскомъ престолѣ къ нему было послано посольство съ просьбою вывести гарнизонъ изъ города, но получило отказъ или, по крайней мѣрѣ, ничего не добилось, такъ какъ извѣстно, что пока крѣпость былъ Димитрій на македонскомъ тронѣ,—гарнизонъ не былъ выведенъ изъ города и лишь тогда въ состояніи были освободиться отъ него аэиняне, когда Димитрій, тѣснымъ Лисимахомъ и Пирромъ, принужденъ былъ бѣжать изъ Македоніи ¹⁸⁸). Но при такомъ объясненіи неумѣстными покажутся слова: ὅπως ἂν ὁ δῆμος ἀπαλλαγείη τοῦ πολέμου τῆν ταχίστην... и т. д. Впрочемъ, какъ выше замѣчено, я не считаю себя въ состояніи высказаться утвердительно въ пользу той или другой версіи извѣстія о постановкѣ гарнизона въ Музеѣ, равно какъ и о находящейся въ связи съ этимъ фактомъ датировки нашей надписи. Самое извѣстіе ждетъ подтвержденія отъ эпиграфики и, слѣдовательно, эпиграфическій памятникъ не можетъ быть имъ объясняемъ.

294/3. Ὀλυμπιόδωρος.

С. I. A. II, 302. Декретъ въ честь Филиппида сына Филомила ¹⁸⁹), имя дима пропало (ср. прим.), постановленный по предложенію зна-

¹⁸⁸) Плут. Δηр. 44—45.

¹⁸⁹) Лицо это не должно быть смѣшиваемо съ конякомъ Филиппидомъ, въ честь котораго составленъ выше разобранный документъ 314. Повѣтъ былъ сынъ Филокла и ярый врагъ Стратокла, предложившаго нашъ декретъ. Что касается здѣсь встрѣчающагося Филиппида, то онъ былъ членомъ значительной аэинской фамиліи, члены которой неоднократно упоминаются въ надписяхъ, хотя ихъ взаимное отношеніе между собою не достаточно ясно. Φιλόνηλος Φιλιστίδου Παιωνίου попадаетъ въ надписи С. I. A. II, 553, написанной нѣсколько лѣтъ спустя послѣ архонтства Екклида (отъ нея недавно найденъ снова маленькій кусочекъ, изданный въ 'Архαιολογ. ἔλατιον 1888, стр. 66, п. 2, хотя издатель Лоллингъ не замѣтилъ принадлежности его къ показанной надписи; фрагментъ содержитъ какъ разъ имя Филиппида), издаваемой въ С. I. G., 273, по копіи Чандлера. Бѣкъ въ комментаріи къ этой надписи указываетъ на то, что Филомиль Певниецъ современникъ Сократа и Пелопоннесской войны упоминается у Платона (Протагор., стр. 315 А.). Другой Филомиль Певниецъ попадаетъ у Давосеена (κατὰ Μελίου, стр. 571), но особенно рельезно упоминается въ этой же рѣчи дважды Филиппидъ оба раза вмѣстѣ съ другими личностями (стр. 581—582) и съ замѣчаніемъ, что это первые богачи и триерархи. (Рѣчь противъ Мидіи сказана по разчетамъ Шеера въ 34¹/₂ году). Филиппидъ Певниецъ также въ псевдо-

менитаго Стратокла сына Евондима Діомейца ¹⁹⁰). Написана надпись *στοιχηδόν*, сохранившаяся часть имѣетъ 18 буквъ въ строкѣ. Камень, какъ замѣчаетъ Келеръ ¹⁹¹), направо отпиленъ и притомъ строки, дополнение которыхъ достовѣрно, показываютъ, что пропала приблизительно половина камня (вся надпись имѣла 39 буквъ въ строкѣ). *Graescripta* этой надписи были совершенно особенныя. Возстановить ихъ за неимѣніемъ аналогичныхъ экземпляровъ нѣтъ возможности. Предложенное Келеромъ возстановленіе второй строки: [ὁ δαίνα — | . . Φ]ό[ρου Μ]ε[ρ]·[τ]·[εὸς (?) ἐ]γραμμάτευεν· ἐπὶ τῆς . . . . . | . .]δος и т. д. и самимъ Келеромъ (какъ видно изъ вопросительнаго знака) подвержено сомнѣнію и вообще можетъ быть названо недостаточнымъ. Что здѣсь стояло—никому еще, на сколько мнѣ извѣстно, не удалось разгадать съ достовѣрностью ¹⁹²); прилагаемая транскрипція первыхъ строкъ дозволить читателю лично убѣдиться въ томъ, какъ много здѣсь пропало и какъ оригинально расположеніе самыхъ *graescripta*.

ε	π	Ο	λ	υ	μ	π	Ι	σ	Δ	Ω	Ρ	Ο	υ	Δ	ρ	Χ	Ο	ν	τ	ο	ς	...
.	.	Φ	Ο	...	.	Ε	Ι	.	Τ	...	.	Ο	...	.	.	.	.	.	.	.	.	.
.	.	Δ	Ο	Σ	Δ	Ε	Κ	α	τ	Η	Σ	Π	Ρ	Υ	τ	α	Ν	Ε	ι	α	ς	Μ
v	.	ε	Α	Ι	Π	Ρ	Ω	Τ	η	ι	τ	Η	Σ	π	ρ	Υ	Τ	Α	ν	ε	ί	α
p	.	ω	Ν	Ε	Π	Ψ	Η	Φ	Ι	ζ	Ε	Ν	.	.	Ο	.	.	.	.	.	.	.
ε	.	σ	Υ	Ν	Π	Ρ	Ο	Ε	Δ	Ρ	Ο	Ι	Ε	Δ	Ο	ξ	ε	Ν	τ	ω	ϊ	
ο	.	Δ	Η	Μ	Ο	Υ	Δ	Ι	ο	μ	ε	ε	Υ	ς	ε	ί	Π	Ε				

и т. д.

Димосееновой рѣчи противъ Θεокрина, стр. 1332. Надписи морскаго дѣла даютъ интересныя иллюстраціи къ Димосееновскимъ мѣстамъ. Въ С. I. A. II, 808. (*Boeckh. Urk. XIII*) с. стр. 37—57 читаемъ: ἐπὶ Πυθοδῆλου ἀρχοντος (33⁹/₅) τῶν μετὰ Δινοκράτους τριῆραρχο[ς] Τριτότατος Ἀναφλύστιος καὶ συν[τριήρ]αρχος Φιλομήλου [Παιαν]ῶς κληρονόμ[ος] Φιλίπ[πι]δης Φιλε[ρ]ήλου Παιαν]εύς... (значитъ Филомиль умеръ въ этомъ году, будучи назначенъ триерархомъ, а его наслѣдникъ долженъ былъ за него исполнить повинность) ..... καὶ Φιλίππιδης Φιλομήλου Παιανεύς κατέβαλεν τὸ ἀπλοῦν τὸ κατ' αὐτὸν ΧΧΦ ἀποδάξαι τοῖς ἐπὶ Χρέματος ἀρουντος (32⁹/₅) κτλ. Был ли эти Филиппидъ и Филомиль отецъ и сынъ или, напротивъ, братья—не ясно. Нашъ Филиппидъ попадаетъ еще въ качествѣ оратора въ надписи. С. I. A. II, 297.

¹⁹⁰) См. вступление прим. 41.
¹⁹¹) „Pila marmoris Pentelici a dextra secta“.
¹⁹²) Мнѣ мелькала мысль о жрецѣ Спасителей, но мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу ихъ существованія и сохранившіеся отатки буквъ, ближайшимъ образомъ не намекаютъ на возстановленіе здѣсь этой должности.

Литературные источники.

Διονυσίῳ περὶ Δαιν. 9.

Vol. Herc. ² I, 114 (=Usener Episcurea, стр. 133) ἐπ' Ὀλυμπιοδώρῳ γ[ράφει ἤ]τοι γέ[τινα]δεῖ πόνων [ἀντέχεσθαι?] Можеть быть, также. Vol. Herc. ² I, 130, 4 (=Usener, ук. соч., index, стр. 415) τῶν στρατηγῶν παρ' Ὀλυμ[πιοδώρου?

29³/₂. Φίλιππος.

C. I. Gr. (novum) Italia et Sicilia (ed. Kaibel) n. 1184 (C. I. Gr. 6084) см. выше стр. 31.

Надпись на подножии изображения комика Менандра.

Литературные источники.

Vol. Herc. ² III, 86 (Φιλοδήμου περὶ πλοῦτου=Узенерь. Episcurea fr. 108, стр. 136):

τὸ μὲν δὴ πρὸς τοῦς ἐν] Δα[μ]ψάκῃ [φίλους ἐπὶ] Φιλίπ[π]ου καὶ πάν[τως] ἄ]π[ο]δεξιόμεθα τ[ί] γὰρ οὐδὲ [τὴν] πανίαν εἶπε μόνον, ἀλλὰ τὰς ἐ[ργα]σίας [x]αὶ λατο[μ]ίας ὀ**

Vol. Herc. ² I, 111. (Φιλοδήμου πραγματ.=Узенерь. Episcurea, стр. 141, fr. 127):

*πρὸς] Θε[μ]ίσταν ἐπὶ Φι[λ]ίππου

Vol. Herc. 176 с. 19 (у Гомперца Zeitschr. f. Oest. Gymn. 1866, стр. 694=Узенерь. Episcurea, стр. 149, fr. 156) отрывокъ изъ письма Епикюра къ Полиену.

ὁπὲρ ὧν καὶ Ἐ[π]ίκ[ω]ρ[ος] ἔ[γ]ρα[ψ]εν [ἐ]πὶ [τ]ῆ [Φι]λί[π]που πρὸς [α]ὐτὸν x]αί*

Относительно года архонства Филиппа мы подробно рассуждали въ началѣ этой главы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Архонты: Лисія. Ыммонъ. .... Діоклъ. Діотимъ. Исей. Евөій.
Четырехлѣтняя война. Сверженіе Димитрія.

29²/₁ до Р. Хр.—28⁵/₄ до Р. Хр.

Съ архонтомъ Филиппомъ кончается связанное преданіе каталога аѣннскихъ архонтовъ, и мы вступаемъ въ темный періодъ. Правда, эпиграфическимъ путемъ дошло до насъ не мало именъ архонтовъ и изъ этого періода, но критеріи для точнаго датированія ихъ такъ шатки, что нѣтъ ни одного изъ этихъ „эпиграфическихъ“ архонтовъ, который не получилъ бы въ разсужденіяхъ различныхъ ученыхъ разныхъ датъ и нѣтъ ни одного года, на который не было бы выставлено нѣсколько претендентовъ ¹⁾. Разсужденія наши должны, слѣдовательно, идти здѣсь крайне осторожно, и заключенія — не имѣть никакой претензіи на точность. Мы выставяемъ, какъ увидить читатель, нѣсколько новыхъ предположеній, но здѣсь же просимъ считать ихъ не болѣе, какъ предположеніями. Мы всегда старательно указываемъ на тѣ ихъ стороны, которыя могутъ казаться несогласными съ тѣмъ или другимъ показаніемъ источниковъ и стараемся сопоставить эти послѣдствія, какъ благопріятныя, такъ и неблагопріятныя для насъ, въ невозможной полнотѣ.

Если мы сопоставимъ всѣ, предлагавшіяся доселѣ, восстановленія списка архонтовъ за избранныя для настоящей главы годы, то увидимъ, что каждое изъ нихъ представляетъ нѣкоторую разницу ²⁾.

¹⁾ Это вѣрно только относительно тѣхъ архонтовъ, которыхъ мы называемъ „эпиграфическими“. Немногія имена, известныя изъ писателей, стоятъ прочно: Горγίας—28⁰/₁₀ г.; Ἀναξικράτης—27⁰/₈ г.; Δημόκλης—27⁰/₇ г.; Πυθάρατος—27¹/₀ г. Подробности о нихъ—въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Въ указанныхъ во вступленіи сочиненіяхъ: *Dittenberger—Hermes* II, стр. 285 сл., *Dumont—Fastes*, таблица, *Geltzer—Hermann. Staatsalterthümer*⁶, приложеніе, *Unger*¹ — *Philologus* XXXVIII, стр. 423 сл., *Unger*² — *Philologus. Supplementb.* V, стр. 629. *Usener—Rhein. Mus.* XXXIV, стр. 408, *Schmidt—Chronologie*, стр. 604, *Wilamowitz—Antigonos*, стр. 235 сл., *A. Mommsen—Chronologie*, стр. 317. *Spangenberg—De Atheniensium institutis etc.*, стр. 30.

	Dittenberger	Dumont	Geltzer Kommssen	Usener	Unger 1.	Unger 2.	Wilmowitz Spangenberg	Schmidt
29 ² / ₁	Φίλιππος	Φίλιππος	Φίλιππος	—	Γλαύκιππος	Γλαυκιππος	—	Γλαύκιππος
29 ¹ / ₀	—	—	—	—	Ἀντίμαχος	Σωσία στρατος?	—	Ἀντίμαχος
29 ⁰ / ₉₉	—	Καλλιμμήθης	Καλλιμμήθης	—	Διοκλήης	Διοκλήης	Διοκλήης	—
28 ⁹ / ₈	Καλλιμμήθης	Θεραϊλόχος	Θεραϊλόχος	—	Καλλιμμήθης	Καλλιμμήθης	Καλλιμμήθης	Καλλιμμήθης
28 ⁸ / ₇	Θεραϊλόχος	Διφιλιος	Διφιλιος	—	Θεραϊλόχος	Θεραϊλόχος	Θεραϊλόχος	Θεραϊλόχος
28 ⁷ / ₆	Διοκλήης	Διοκλήης	Διοκλήης	—	Διότιμος	Διότιμος	Διότιμος	Διοκλήης
28 ⁶ / ₅	Διότιμος	Διότιμος	Διότιμος	Διότιμος	Ἰσαίος	Ἰσαίος	Ἰσαίος	.....τος
28 ⁵ / ₄	Ἰσαίος	Ἰσαίος	Ἰσαίος	Ἰσαίος	Εὐθλιος	Εὐθλιος	Εὐθλιος	Διότιμος

На основаніи новонайденныхъ документовъ слѣдуетъ во многомъ измѣнить порядокъ слѣдованія архонтовъ, какъ за эти, такъ и за послѣдующіе годы. Ни одно изъ упомянутыхъ расположеній ихъ по годамъ не оказывается вѣрнымъ (какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать). Мы изложимъ поэтому сначала наше возстановленіе фактъ за поставленные въ заголовкѣ годы вмѣстѣ съ документами, на которыхъ мы основываемся, и лишь потомъ воснемся прежнихъ чпотезъ, отчасти опровергнутыхъ уже документами.

Мы исходимъ отъ постановленія въ честь стратига Аристофана, изданнаго Филемъ въ 'Εφθημ. 'Αρχαιολ. 1834, столб. 13^{5/6} и слл. Для насъ важенъ собственно второй декретъ (B)³⁾, который мы здѣсь и приводимъ цѣликомъ:

- Θεόδοτος Δημόκράτου Ἐλευσίνιος εἶπεν. Ἐπειδὴ Ἀριστοφάνη: [καὶ ἐν τῷ πρό-
 σθεν χρόνῳ πολλὰ καὶ μεγάλα: χρεῖαι παρέσχηται τῷ δήμῳ τῷ Ἐλευσίνιων,
 γυμνασιάρχος τε χειροτονηθεὶς ὅτε τὸ πρῶτον ὁ δῆμος αὐτετέλλεζε τὰ — —
 α προέστη τε τοῦ γυμνασίου καλῶς καὶ εὐσχημόνως πάντα πράττων πειθόμενος το-
5. ῖς τε νόμοις καὶ [τ]οῖς[ς] τοῦ δήμου ψηφίσμασιν. Φύλαρχός τε χειροτονηθεὶς καὶ ἐν
 ταύτῃ τῇ ἐπιμελείᾳ ἀπεδείξατο τὴν ἑαυτοῦ φιλοτιμίαν. [Τὸν δὲ ἑνᾶυτὸν τον ἐ-
 πί Λυσίου ἀρχον[τος], ἐν ᾧ ἑνᾶυτῷ ὁ πόλεμος ἐνεστή, διετέλ[σε* ἐν τῇ τῶν ἐφο-
 δίων ἐπιμελείᾳ οὐ]δ[ε] τῆν [τ]οῦ ἑαυτοῦ σώματος ἀσφάλειαν οὐτ' ἄ[λλο οὐδὲν πρόσ-
 θεν τιθέμενος: τοῦ τῇ πατρίδι συμφέροντος. Κατασταθείς δὲ στρατηγὸς ἐπ' Ἐλ-
10. ε]υσίνιος εἰς τὸν ἐπὶ Κίρωνος ἑνᾶυτὸν ἐπεμελήθη τῆς τε τῶν [— — — — —⁴⁾
 καὶ τῶν ἄλλων ὧν αὐτῷ προσέταττον οἱ τε νόμοι καὶ τὰ ψηφίσματα τοῦ δήμου.
 Ἐπὶ πᾶσι τούτοις ἐπεινήκε καὶ ἐστεφάνωκεν αὐτὸν ὁ δῆμος: [— — — — — ἐνεκα καὶ
 σπουδῆς πρὸς τὴν πόλιν, ἐπήνεκε δὲ καὶ ὁ δῆμος: ὁ Ἐλευσιν[ίων — — — — —
 Χειροτονηθεὶς δὲ τὸ δεύτερον στρατηγὸς ἐπ' Ἐλευσίνιος εἶ[ς: τὸν ἐπὶ — — — — — ἐ-
15. νᾶυτὸν ἐπιμελήθη τῆς τε τῶν τειχῶν ἐπισκευῆς καὶ τῆς [*φυλακῆς τῶν φρουρίων
 Ἐλευσίνιος καὶ Πανάκτου καὶ Φυλῆς. Ἐπεμελήθη ὅς καὶ ὅπως — — — — —
 τοι μετ' ἀσφαλείας εἰσνεχθῶσιν. Διατελεῖ δὲ καὶ ἴδια: [*παντὶ τῷ δεομένῳ
 χρεῖαι παρέχόμενος εἰς ἃς ἂν αὐτὸν παρακαλῇ, πολλοῖς: [δὲ τῶν Ἐλευσινίων
 ἐν τῷ πολέμῳ γέγονεν αἰτίας: τῆς σωτηρίας. Ὅπως ἂν οὖν πάντες: οἱ αἰρούμενοι
20. ἐπ' Ἐλευσίνιος στρατηγοὶ φιλοτιμῶνται: πάντα τὰ συμφέροντα ποιεῖν καὶ ἀποδει-
 χνύσθαι τὴν ἑαυτῶν σπουδὴν καὶ νῦν καὶ εἰς τὸ λοιπὸν εἰδότες: ὅτι οὐ μόνον ὑπὸ
 τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων τιμηθήσονται ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῦ δήμου τοῦ Ἐλευσινίων
 χορμιούνται: χάριτας ὧν προσήκει τυγχάνειν τοὺς [ἀ]γαθοῦς πολίτας: — Ἀγαθῇ τύ-
 χῃ: δεδύχθαι Ἐλευσίνιους ἐπαινῆσαι Ἀριστοφάνην] Ἀριστομένου Λευκονοῶα
25. καὶ στεφάνωσαι αὐτὸν χρυσῷ στεφάνῳ κατὰ τὸν νόμον ἐ[γ]νοίας: ἐνεκα καὶ φιλο-
 τιμίας τῆς εἰς τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων καὶ τὸν δῆμον τῶν Ἐλευσινίων καὶ ἀνει-

³⁾ Документъ состоитъ изъ двухъ декретовъ: А. — постановленіе гарнизоновъ крѣпостей Елевсинскаго округа, В. — постановленіе общины Елевсинна.
⁴⁾ Пантазидисъ (см. пр. 5) возстановляетъ здѣсь τειχῶν ἐπισκευῆς, заимствуя это слово изъ стр. 15. Намъ это кажется мало вѣроятнымъ.

καί]ν τὸν στέφανον τοῦτον [ἸΑλώϊων τῷ πα]τρὶφ ἀγῶνι καὶ ἀναγράψαι τότε τὸ ψήφισμα] ἐν στήλει λιθίνῃ καὶ αἰ στήσαι ἐν τῇ ἀ]ὐλῃ[τῇ τοῦ ἱεροῦ τῆς δὲ ἀναγορεύσεως τοῦ στε]φάνου καὶ [τῆς ποιήσεως καὶ στ]άσεως τῆς στή[λης ἐπιμεληθῆναι τὸν δῆμ-
30. αρχον καὶ τοὺς ἱ[ερομνήμο]νας ⁵).

Далѣе слѣдуетъ списокъ лицъ, которымъ поручено позаботиться объ изготовленіи статуи, также какъ и наемниковъ, участвовавшихъ въ приношеніи. Въ документѣ попадаются два имени архонтовъ: Лисія, въ первый разъ здѣсь встрѣчающійся, и Кимонъ, известный уже изъ С. I. А. II, 330, 331. Какъ видно изъ перваго декрета (А), надпись сооружена въ царствованіе Димитрія (имя его читается вполне въ строкѣ 36-й). Въ строкахъ 10 и слл. читаемъ обыкновенную въ нашу эпоху формулу: ὑπὲρ τὸ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων καὶ τοῦ βασιλέως [Δημητρίου (выскоблено) καὶ τῆς βασιλείσσης [выскоблено мѣсто для пяти буквъ ⁶]] καὶ τῶν ἐγγόνων αὐτῶν. Очевидно, что во время сооруженія документа власть Димитрія надъ Афинами была прочна ⁷). Но еще важнѣе для насъ чѣмъ упоминаніе царя Димитрія—имя царицы, въ которомъ мы не можемъ видѣть никакого другаго имени, кромѣ имени знаменитой Филы. Фила, какъ известно ⁸), лишила себя жизни при извѣстїи о потерѣ Димитріемъ македонскаго престола, то-есть, не позже, чѣмъ въ 287 г. до Р. Хр. Этѣмъ упоминаніемъ надпись наша помѣщается въ тѣсный промежутокъ времени между 29²/₁ г. до Р. Хр. — и 28⁷/₆ до Р. Хр. При внимательномъ разсмотрѣніи ея мы увидимъ, что ея содержаніе распредѣляется между четырьмя годами:

1 годъ. Архонтъ Лисія. Начало войны. Аристофанъ заботится о припасахъ, при чемъ подвергается опасностямъ.

⁵) Дополненія, помѣченныя звѣздочкой (*), принадлежатъ Пантандису въ томъ же журналѣ 1884, столб. 21²/₁. Я принялъ въ текстъ только тѣ, которыя показались мнѣ болѣе вѣроятными. Онъ же замѣчаетъ, что Ἀριστοφάνης Λευκοβοεύς попадаетъ въ документахъ морскаго дѣла С. I. А. II, 812 а, строка 117.

⁶) Надпись написана στοιχηδόν, хотя не всегда точно выдержаннымъ. Въ этомъ мѣстѣ, какъ видно изъ копїи, не существуетъ никакого сомнѣнія, что пропало не болѣе пяти буквъ.

⁷) На счетъ того, что упоминающійся въ нашей надписи Димитрій есть дѣйствительно Полиоркетъ, а не внукъ его, царствовавшій съ 239 по 229 годъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Надпись Федра, въ которой также упоминается Кимонъ и при Кимонъ война (см. пр. 9), никакъ не можетъ быть отнесена въ такое позднее время.

⁸) Плут. Δημ. 45.

2 годъ. Архонтъ Кимонъ. Аристофанъ — стратигъ заботится о чемъ-то, упоминаніе чего пропало въ лакунѣ ⁹⁾).

3 годъ. Архонтъ пропалъ. Аристофанъ, во второй разъ стратигъ, заботится о починкѣ стѣнъ и охранѣ крѣпостей и еще о чемъ-то ¹⁰⁾).

4 годъ. Архонтъ пропалъ въ началѣ перваго декрета, который въ этотъ годъ и былъ вотированъ.

Итакъ, передъ нами четыре года, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ аэниане вели какую то войну. При Лисии — πόλεμος ἐνέστη, при Кимонѣ были χαροὶ δόσκολοι и аэниане, конечно, не предвидя конца этихъ „временъ“, запасались провіантомъ. Въ третій годъ, по видимому, стало полегче; явилась возможность починить стѣны (по крайней мѣрѣ елевсинской крѣпости, или крѣпостей Елевсинскаго округа). Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что облегченіе разсматривалось какъ временное, а возобновеніе войны — какъ вещь возможная. Въ этотъ ли годъ, или въ слѣдующій за нимъ (годъ нашего документа) прекратилась война, рѣшить на основаніи его одного нельзя. Посмотримъ теперь, что бы это могла быть за война.

По нашему мнѣнію войну эту надо отождествлять съ „четырёхлѣтней войною“, упоминающеюся всего одинъ разъ въ декретѣ Лакета въ честь его отца Димохара (племянника Димосоена), приложенномъ къ псевдо-Плутарховскимъ жизнеописаніямъ десяти ораторовъ ¹¹⁾). Текстъ его чрезвычайно испорченъ. Мы приводимъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ изданіи „Биографовъ“ Вестермана, съ приведеніемъ его вариантовъ.

Ἄρχων Πυθάρατος. Δάχης Δημοχάρου Δευκωνὸς αἰτεῖ δωρεάν τὴν βουλήν καὶ τὸν δῆμον τῶν Ἀθηναίων Δημοχάρει Λάχητος Δευκωνοῖ εἰκόνα

⁹⁾ Очень характеристична фраза надписи Федра С. I. А. II, 331, упоминающая объ архонтѣ Кимонѣ и войнѣ, пришедшейся въ его годъ: „Χειροτονηθεὶς δὲ ὑπὸ τοῦ δήμου ἐπὶ τὰ ὄπλα στρατηγὸς τὸν ἐνιαυτὸν τὸν ἐπὶ Κίμωνος ἀρχοντος διετέλεσεν ἀγωνιζόμενος ὑπὲρ τῆς κοινῆς σωτηρίας καὶ περιστάσεων τῆ πόλει καιρῶν δυσκόλων διεφύλαξεν τὴν εἰρήνην τῆ χώρα ἀποφαινόμενος αἰεὶ τὰ κράτιστα, καὶ τὸν σίτον ἐκ τῆς χώρας καὶ τοὺς καρποὺς αἰτίως ἐγένετο εἰσκομιθεῖσθαι συμβουλευσας τῷ δήμῳ συντελέσαι (выскоблено приблизительно 38 буквъ) καὶ τὴν πόλιν ἐλευθέραν καὶ δημοκρατουμένην αὐτόνομον παρέδωκεν καὶ τοὺς νόμους κυρίου τοῖς μεθ' αὐτὸν (выскоблено приблизительно 50 буквъ) διετέλεσε καὶ λέγων καὶ πράττων ἀγαθὸν ὅτι ἠδύνατο ὑπὲρ τοῦ δήμου (выскоблено приблизительно 72 буквы).

¹⁰⁾ Πανταγιδίως возстановляетъ καὶ ὄπω[ς οἱ εἰσφερόμενοι φόρ]τοι μετ' ἀσφαλείας εἰσενεχθῶσιν.

¹¹⁾ Стр. 850.

χαλκῆν ἐν ἀγορᾷ καὶ σίτησιν ἐν πρωτανείῳ αὐτῷ καὶ τῶν ἐγγόνων ἀεὶ τῷ πρεσβυτάτῳ καὶ προεδρίαν ἐν πᾶσι τοῖς ἀγῶσιν εὐεργέτη καὶ συμβούλῳ γεγονότι ἀγαθῷ τῷ δήμῳ τῶν Ἀθηναίων καὶ εὐεργετηκότι τὸν δῆμον τάδε, πρεσβεύοντι καὶ γράφοντι καὶ πολιτευομένῳ* οἰκοδομῆν τειχῶν καὶ παρασκευὴν ὀπλῶν καὶ βελῶν καὶ μηχανημάτων, καὶ ὀχυρωσαμένῳ τὴν πόλιν ἐπὶ τοῦ τετραετοῦς πολέμου, καὶ εἰρήνην καὶ ἀνοχὰς καὶ συμμαχίαν ποιησαμένῳ πρὸς Βοιωτοῦς, ἀνθ' ὧν ἐξέπεσεν ὑπὸ τῶν καταλυσάντων τὸν δῆμον, καὶ ὡς κατῆλθεν ἐπὶ Διοκλέους ἄρχοντος ὑπὸ τοῦ δήμου συστίλαντι τὴν διοίκησιν πρώτῳ καὶ φεισαμένῳ τῶν ὑπαρχόντων, καὶ πρεσβεύσαντι πρὸς Δουσίμαχον καὶ λαβόντι τῷ δήμῳ ἑτάλαντα ἀργυρίου καὶ πάλιν ἕτερα ρ', καὶ γράψαντι πρεσβείαν πρὸς Πτολεμαῖον εἰς Αἴγυπτον, καθ' ἣν ἐκπέλευσαντες ν' ἐκόμισαν ἑτάλαντα ἀργυρίου τῷ δήμῳ καὶ πρὸς Ἀντίπατρον πρεσβεύσαντι καὶ λαβόντι κ' ἑτάλαντα ἀργυρίου καὶ Ἐλευσινάδε κομισαμένῳ τῷ δήμῳ καὶ ταῦτα πείσαντι ἐλεῖσθαι τὸν δῆμον καὶ πράξαντι, καὶ φυγόντι μὲν ὑπὲρ δημοκρατίας, μετεσχηκότι δ' οὐδεμιᾶς ὀλιγαρχίας οὐδ' ἀρχῆν οὐδεμίαν ἡρχότι καταλευκός τοῦ δήμου, καὶ μόνῳ Ἀθηναίων τῶν κατὰ τὴν αὐτὴν ἡλικίαν πολιτευσαμένων μὴ μεμαλετηκότι τὴν πατρίδα κινεῖν ἑτέρῳ πολιτεύματι ἢ δημοκρατίᾳ, καὶ τὰς κρίσεις καὶ τοὺς νόμους καὶ τὰ δικαστήρια καὶ τὰς οὐσίας πᾶσιν Ἀθηναίαις ἐν ἀσφαλεῖ ποιήσαντι διὰ τῆς αὐτοῦ πολιτείας καὶ μηδὲν ὑπενάντιον τῇ δημοκρατίᾳ πεπραχότι μήτε λόγῳ μήτε ἔργῳ.

1. Δεσπονός et 2. Δεσπονεί libri || 3. αὐτῷ om. libri, αὐτῷ v. || 6. post πολιτευομένῳ apparet nonnulla excidisse, velut ἀεὶ καλῶς καὶ καθαρῶς. καὶ κατεργασαμένῳ || καὶ post τειχῶν add. P. || 10. ὑπὸ] ἀπὸ libri || 10. Διοκλέους] cf. Droysenius Ephem. Darmst. 1836, p. 168 sq. || 11. φεισαμένῳ uti corr. Meziriacus. AHP, φεισαμένων cett. || 11. πρεσβεύσαντι Meziriacus, πρεσβεύοντων AH, πρεσβευσάντων cett. || 13. ἣν] ἣ P. || 14. Ἀντίπατρον] Αντίγονον Clinton fast. hel. 2, p. 380, sed. vid. Droysenius l. l. p. 164 sq. || 15. Ἐλευσινάδε Amiotus Ἐλευσίαια libri, πρὸς Ἐλευσίαια Xylander || 16. ὑπὲρ Xylander, ὑπὸ libri || 17. καταλευκός AHP. || 20. πᾶσιν] πάσις P. || 21. ἀσφαλῆ P. || 21. αὐτοῦ P. || 21. μηδενί P. || 22. δημοκρατεία H.

Уже по одному количеству вариантовъ, приведенныхъ Вестерманомъ, можно видѣть, какъ испорченъ текстъ нашего мѣста. Но и чтение Вестермана оставляетъ всетаки много сомнительнаго. Къ ближайшему толкованію отдѣльныхъ мѣстъ документа мы, однако, еще вернемся. Здѣсь насъ занимаетъ только „четырёхлѣтняя война“, въ немъ упоминающаяся (у насъ—строка 9-я). Врагъ, противъ котораго она была ведена, ближайшимъ образомъ не называется; дается только понять, что онъ побѣдилъ и уничтожилъ димократію, то-есть, по про-

сту выгналъ димагоговъ и въ томъ числѣ Димохара. При Диоклѣ архонтѣ, при которомъ послѣдній возвратился, очевидно, демократическая партія получила перевѣсъ, продолжавшійся еще при Горгіи, при которомъ Димохаръ проводитъ декретъ въ честь своего, давно умершаго, дяди Димосѳена. При архонтѣ Писаратѣ, предлагается интересующій насъ теперь декретъ въ честь самого Димохара сыномъ его Лакетомъ—слѣдовательно демократическая партія и въ этотъ годъ стоитъ у кормила правленія. По счастью изъ сопоставленія двухъ мѣстъ Диогена и Плутарха мы съ точностью знаемъ годы Горгіи и Писарата ¹²⁾; первый былъ архонтомъ въ 280/79 г. до Р. Хр.—второй въ 27¹/₀ г. до Р. Хр. Судя по всему тому, что мы знаемъ объ этомъ темномъ времени, въ названные годы должна была высоко держать голову партія, противная македонскому владычеству и въ частности Антигону Говатѣ. Въ 28⁰/₇₉ г.—Антигонъ былъ тѣснымъ Птоломеемъ Керавномъ и вся Греція, какъ говорить устами Юстина Трогъ Помпей, подъ руководствомъ спартапцевъ воспыала надеждой на освобожденіе ¹³⁾. Этоліицы, союзники Антигона, разбиты. Самъ Антигонъ изгнанъ изъ Македоніи, надъ которою царствуетъ Птоломей Керавнъ, покровительствуемый Филадельфомъ Египетскимъ — а извѣстно, что партія, къ которой принадлежалъ Димохаръ, всегда заяскивала передъ Птоломееми. Въ 27¹/₀ г. положеніе дѣлъ намъ хуже извѣстно, но, вѣжется, надо уже къ этому времени относить начало „Хремонидовской“ войны. Антигонъ укрѣпился на македонскомъ престолѣ тотчасъ послѣ того, какъ галлы, или по крайней мѣрѣ главныя толпы ихъ, схлынули изъ Греціи, приблизительно въ 278—276 годахъ. Въ аѳинской надписи, которую слѣдуетъ относить въ промежутокъ между 27⁸/₇ и 27¹/₀ гг. до Р. Хр., уже встрѣчаются

¹²⁾ Диогенъ X, 15 говорятъ, что Эпикуръ умеръ κατὰ τὸ δευτερον εἶτος τῆς ἐβδόμης καὶ εἰκοστῆς ὀλυμπιάδος ἐπὶ Πισαράτου, что прямо даетъ 27¹/₀ для Писарата, а изъ псевдо-Плутарха Vitae X orat. Δημοσθένης: 55—56 явствуетъ, что Писаратъ былъ десятымъ послѣ Горгіи: καὶ αὐτῷ τετελευτηκότι τὴν εἰκόνα ἀνέθεσαν ἐπὶ Γοργίου ἄρχοντος, αἰτησάμενοι αὐτῷ τὰς δωρεὰς τοῦ ἀδελφοῦ Δημοχάρου; ᾧ καὶ αὐτῷ πάλιν ὁ υἱὸς Λάχης Δημοχάρου; Λευκονοῦς ἤτηςατο, δωρεὰς ἐπὶ Πισαράτου ἄρχοντος δεκάτῳ δ' ἔτα: ὑστερον. Слѣдовательно Горгіи былъ архонтомъ въ 280/79 г. до Р. Хр.

¹³⁾ Justin. XXIV 1. Dum haec in Sicilia geruntur, interim in Graecia dissidentibus inter se bello Ptolemaeo Cerauno et Antiocho et Antigono regibus omnes ferme Graeciae civitates ducibus Spartanis, velut occasione data ad spem libertatis eiectae, missis invicem legatis, per quos in societatis foedera alligarentur, in bellum prorumpunt et, ne cum Antigono, sub cuius regno erant, bellum coepisse videntur, socios eius Aetolos adgrediuntur.

почетныя фразы объ Антигонѣ ¹⁴⁾). Но въ 274 г. возвратился Пирръ изъ Италіи и сталъ наносить Антигону ударъ за ударомъ. Въ 272 году мы видимъ его уже на пути въ Пелопоннисъ. Во время этого похода онъ былъ встрѣченъ, неизвѣстно въ точности гдѣ, посольствами аѣинянъ, ахейцевъ и мессинцевъ ¹⁵⁾. Аѣиняне, значитъ, были въ 272 г. на сторонѣ Пирра. Естественно ли предположить, чтобы Антигонъ, побѣдивъ Пирра, оставшись по смерти послѣдняго безъ соперниковъ, прошелъ изъ Аргоса въ Македонію мимо Аѣинъ, не наказавъ ихъ за отпаденіе? Но если даже допустить и это, то во всякомъ случаѣ онъ не заставилъ долго ждать себя и пошелъ на аѣинянъ войною въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ. „Хремонидовская“ война была отмщеніемъ именно за это отпаденіе. Смерть Арея, какъ можно заключить изъ пролога къ XXVI книгѣ Трога, была скорѣе послѣ побѣды надъ Аѣинами. Но объ этомъ ниже. Здѣсь намъ важно только, что въ годъ архонта Пиеарата, непосредственно слѣдующій за годомъ смерти Пирра, аѣиняне были враждебно настроены противъ Антигона, все равно, опустошалъ ли онъ уже ихъ предѣлы или только еще готовился къ этому. Итакъ, въ двухъ случаяхъ, когда партія, во главѣ которой стоитъ Димохаръ, заправляетъ дѣлами въ Аѣинахъ, эти послѣднія ведутъ политику враждебную Антигону; что же естественноѣе предположенія, что и упоминаемыя въ нашемъ декретѣ заслуги Димохара падаютъ на такіе годы, когда аѣиняне были во враждѣ съ отцомъ Антигона Димитріемъ? Вѣдь въ число заслугъ ему ставится, между прочимъ, что онъ всегда служилъ интересамъ одной партіи. Изъ этого ясно, что врагъ, съ которымъ аѣиняне вели „четырёхлѣтнюю“ войну и который обозначается описательнымъ выраженіемъ: „οἱ καταλόσαντες τὸν δῆμον“ былъ никто иной какъ Димитрій Полиорентъ. Вѣдь и въ документѣ года Пиеидима архонта, падающемъ тоже на промежутокъ 27²/₁—265 гг. до Р. Хр., Антигонъ Гоната, враждебный аѣинянамъ въ то время, названъ совершенно подобнымъ описательнымъ выраженіемъ: „οἱ καταλόεν ἐπυχεροῦντες τοὺς τε νόμους καὶ τὰς πατρίους ἐχάστοις πολιτείας“ (С. I. А. II, 332). Четырёхлѣтняя война была война аѣинянъ противъ Димитрія. Димохаръ, въ это время заправлявшій дѣлами, побудилъ аѣ-

¹⁴⁾ 'Εφημερ. Ἀρχαιολ. 1887. столб. 17¹/₂. Будетъ приведена въ третьей главѣ.

¹⁵⁾ Justin. XXV. 4. Itaque cum copias Cherroneso transposuisset, legationibus Atheniensium et Achaeorum Messeniorumque excipitur.

нанъ укрѣпить городъ, приготовить запасы всякаго рода оружія и, между прочимъ, заключилъ союзъ съ вѣотійцами, также, слѣдовательно, бывшими во враждѣ съ Димитріемъ. Побѣда осталась на сторонѣ Димитрія.

Если мы обратимся теперь къ надписи въ честь стратига Федра (С. I. A. II, 241) и внимемъ въ ея содержаніе, то увидимъ, что онъ принадлежалъ къ одной партіи съ Димохаромъ. Послѣдніе два архонта ея Никія (Отринеецъ) и Еввуль относятся ко времени Хремондовской войны ¹⁶⁾. Это уже опредѣляетъ въ совершенно достаточной степени политическую роль Федра ¹⁷⁾. Отдѣльныя выраженія также подтверждаютъ это. Съ какимъ явнымъ желаніемъ подчеркнуть сказано, напримѣръ, фраза, выписанная у насъ, въ примѣчаніи 9 къ этой главѣ. Она совершенно аналогична подобнымъ же фразамъ декрета въ честь Димохара. Въ уничтоженныхъ мѣстахъ, кажется, естественнѣе всего предполагать рѣзкости по адресу Димитрія и Антигона. Замѣтимъ, что главная часть желчи была излита именно въ части, слѣдующей за упоминаніемъ Кимона архонта, гдѣ сдѣлано три ремарки. Война, веденная аэнианцами при Кимонѣ, конечно также была ведена противъ Димитрія. Изъ декрета въ честь Аристофана мы знаемъ, наконецъ, что она продолжалась около 4-хъ лѣтъ и кончилась побѣдой Димитрія, котораго поминаютъ уже въ молитвахъ въ первомъ декретѣ надписи.

Намъ кажется, что сближеніе этихъ трехъ документовъ вполне позволительно ¹⁸⁾. Посмотримъ, на сколько остальные извѣстія, имѣющія нами объ эпохѣ, въ которую мы хотимъ помѣстить нашу „четырехлѣтнюю“ войну, соединимы съ этою гипотезой.

Разказавъ о взятіи или „освобожденіи“ Аэниѣ Димитріемъ отъ Лахара, падающаго, какъ намъ кажется, на начало 295 года до

¹⁶⁾ При Никіи, Главконъ, братъ Хремонда, по имени котораго названа война, является агонистомъ въ надписи, изданной Келеромъ въ *Ath. Mittel.* XI IX. стр. 49.

¹⁷⁾ Декретъ Федра будетъ рассмотрѣнъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

¹⁸⁾ Намъ могутъ возразить, что невѣроятны похвалы димократическому стратигу Аристофану въ эпоху власти Димитрія надъ Аэнианцами, похвалы за дѣйствія, враждебныя этому послѣднему во время войны, кончившейся неудачно для аэнианцевъ. Мы признаемъ силу такого возраженія. Замѣтимъ въ наше оправданіе, что во всякомъ случаѣ, въ документѣ Аристофана нѣтъ трескучихъ орава, выхваляющихъ вѣрность почитаемаго лица интересамъ партіи. О самой войнѣ упомянуто вскользь и нѣтъ никакихъ оскорбительныхъ для Македоніи выраженій.

Р. Х., Плутархъ не упоминаетъ ни о какомъ другомъ походѣ Димитрія на Аѣины вплоть до того времени, когда, изгнанный изъ Македоніи, онъ снова явился подѣ стѣнами Аѣинъ, но, по совѣту Кратита, снова оставилъ мысль объ осадѣ и удалился, на этотъ разъ навсегда, въ Азію ¹⁹). Изъ всѣхъ отношеній Димитрія къ Аѣинамъ во все время занятія имъ македонскаго престола, Плутархъ упоминаетъ только о справленіи имъ въ Аѣинахъ Пноійскаго агона (въ которомъ ученые согласно видятъ агонъ 29⁰/₈₉ года до Р. Х.) и о томъ, что онъ задержалъ какое-то аѣинское посольство въ теченіе двухъ лѣтъ при своемъ дворѣ ²⁰). Изъ этого еще нельзя вывести ничего опредѣленнаго о политическихъ отношеніяхъ Димитрія къ Аѣинамъ. Изъ другихъ источниковъ можно, однако, еще собрать кое-какія свѣдѣнія. Такъ, наприимѣръ, изъ Діонисія мы знаемъ, что Динархъ и другіе изгнанники олигархической партіи вернулись въ Аѣины съ соизволенія Димитрія въ 29¹/₂ году при Филиппѣ архонтѣ ²¹). Это фактъ, во всякомъ случаѣ, знаменательный. Возвращеніе изгнанниковъ какой нибудь партіи почти всегда ведетъ къ политическимъ переворотамъ. Что и въ нашемъ случаѣ было именно такъ, можно судить по отрывку Филохора, сохраненному тѣмъ же Діонисіемъ ²²). Возвращеніе предсказывается здѣсь, какъ общественное бѣдствіе, знаменіями. Какое основаніе имѣлъ Димитрій возвращать изгнанниковъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, это было сдѣлано просто съ цѣлью показать свою власть и силу, подобно Александру Великому. Другой намекъ на событія этого времени, находимъ у Павсавіи, который говоритъ, что Димитрій въ 295 году не отдалъ аѣинянамъ Пирея, а послѣ, еще разъ завоевавъ ихъ, ввелъ гарнизонъ и въ самый городъ ²³). Выше мы уже упоминали, что Дрой-

¹⁹) Плутархъ Δημ. 46.

²⁰) Ibid., 40, 42. См. внизу.

²¹) De Dinarcho. Онъ возвратился „συμφωρήσαντος τοῦ βασιλέως μετ' ἄλλων φυγάδων καὶ αὐτῶ καταλθεῖν“, ibid. гл. 3.

²²) Ibid. гл. 3. „τοῦ δ' ἐνιαυτοῦ τούτου διελθόντος ἐτέρου δ' εἰσιόντος ἐν ἀκροπόλει σημείον ἐγένετο τοιοῦτο. Κύων εἰς τὸν τῆς Πολιάδος νεῶν εἰσελθούσα καὶ οὐσα εἰς τὸ Παγῶρσειον, εἰς τὸν βωμὸν ἀναβάσα τοῦ Ἐρείου Διὸς τὸν ὑπὸ τῇ ἐλαίᾳ κατέκειτο. Πάτριον δ' εἶπτο τοῖς Ἀθηναίοις, κύνα μὴ ἀναβαίνειν εἰς ἀκρόπολιν. Περί τὸν αὐτὸν δὲ χρόνον καὶ ἐν τῷ ἰσρῶ μεθ' ἡμέραν, ἡλίου τ' εἰσέγοντος καὶ οὐσῆς αἰθρίας, ἀστὴρ ἐπὶ τινι χρόνον ἐγένετο ἔκφανής, ἡμεῖς ὕερωτηθέντες ὑπὲρ τε τοῦ σημείου καὶ τοῦ φαντάσματος, εἰς ὃ φέρει, φυγάδων κάθοδον ἔφαμεν προσημαίνειν ἀμφότερα, καὶ ταύτην οὐκ ἐκ μεταβολῆς πραγμάτων εἰσομένην ἀλλ' ἐν τῇ καθεστῶσῃ πολιτείᾳ καὶ τὴν κρίσιν ἐπιτελεσθῆναι συνέβη“.

²³) См. гл. 1, прим. 177.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН .
1. (17-го марта 1889 года). О производствѣ приемныхъ экзаменовъ для поступления въ гимназіи, прогимназіи и реальныя училища въ маѣ мѣсяцѣ	3
2. (3-го апрѣля 1889 года). О сохраненіи приготовительныхъ классовъ на счетъ казны при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ	—
3. (27-го марта 1889 года). О переводѣ стипендіи имени Алексѣя и Ильи Федоровскихъ изъ Харьковскаго реальнаго училища въ Сумское	4
4. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Астраханскомъ реальномъ училищѣ стипендіи на проценты съ капитала, пожертвованнаго астраханскимъ купцомъ Х. Е. Ефремовымъ	—
5. (27-го марта 1889 года). Объ учрежденіи при Нижегородской мужской гимназіи одной стипендіи на счетъ процентовъ съ капитала, отчисленнаго для сей дѣли изъ средствъ Нижегородскаго коммерческаго клуба	5
6. (27-го марта 1889 года). О возложеніи обязанностей попечительнаго совѣта Кутаисской женской гимназіи на совѣтъ благотворительнаго общества св. Нины и о переименованіи означенной гимназіи	—
7. (7-го апрѣля 1889 года). Объ измѣненіи порядка расходованія процентовъ съ капитала, пожертвованнаго докторомъ медицины Иваномъ Лернетомъ	63
8. (14-го апрѣля 1889 года). О принятіи участка земли, пожертвованнаго землевладѣльцемъ Дмитріемъ Самаринымъ въ пользу Владимірскаго начальнаго училища, Самарской губерніи	64

9. (20-го апрѣля 1889 года). Обь обращеніи доходовъ, выручаемыхъ отъ продажи произведеній Варшавскаго помологическаго сада, въ пользу сего же сада	65
10. (2-го мая 1889 года). О пожертвованіи жителями г. Межирѣчья капитала въ 1,200 р. съ назначеніемъ процентовъ съ онаго на пособіе для бѣдныхъ учениковъ Бѣльскаго гимназіи.	—
11. (2-го мая 1889 года). О принятіи капитала, пожертвованнаго почетнымъ членомъ Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи А. П. Раздвѣтовымъ, и обь учрежденіи на проценты съ сего капитала преміи и медали А. П. Раздвѣтова	66
12. (2-го мая 1889 года). Обь описаніи форменной одежды воспитанниковъ гимназическаго отдѣленія лица Цесаревича Николая въ Москвѣ.	—
13. (4-го мая 1889 года). О разрѣшеніи производить судебно-медицинское вскрытіе труповъ въ анатомическомъ зданіи Императорскаго Дерптскаго университета	67
14. (4-го мая 1889 года). О выдачѣ ученикамъ и преподавателямъ евангелическо-лютеранскихъ учительскихъ семинарій, волостныхъ и приходскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ установленныхъ документовъ для пользованія льготами по воинской повинности	68
15. (6-го мая 1889 года). Обь устройствѣ VIII сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ г. С.-Петербургѣ	69
16. (18-го мая 18889 года). О закрытіи Вольскаго прогимназіи и открытіи низшихъ классовъ при Вольскомъ реальномъ училищѣ	—
17. (18-го мая 1889 года). О дополненіи штата и положенія о реальныхъ училищахъ	71
18. (18-го мая 1889 года). Обь открытіи высшаго дополнительнаго класса при Рижскомъ русскомъ реальномъ училищѣ	—
19. (18-го мая 1889 года). Обь увеличеніи олада столовыхъ денегъ главному инспектору училищъ Восточной Сибири	72
20. (23-го мая 1889 года). О введеніи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаванія на русскомъ языкѣ	73

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

(28 го мая 1888 года)	6
---------------------------------	---

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (23-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Антонины Михайловны Кладбищевой, урожденной Сибиряковой, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	7
2. (23-го февраля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дворянки Маріи Павловны Макиной при Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ	3
3. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	9

4. (22-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	9
5. (26-го апрѣля 1889 года). Инструкція для преподаванія гимнастики въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	10
6. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при 1-й Ярославской женской гимназій имени полковника Семена Дмитріевича Хребтова	44
7. (3-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени протоіерея Уводскаго при Александровской женской прогимназій	45
8. (25-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи имени медицинскаго фельдшера Н. В. Васильева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	74
9. (22-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Михаила Андреевича Зензинова и братьевъ Зензиновыхъ при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	—
10. (27-го января 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени поручика Андрея Александровича Кирѣева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	75
11. (29-го января 1889 года). Положеніе о стипендіи коллежскаго секретаря Филиппа Гавриловича Соловьева при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	—
12. (8-го февраля 1889 года). Правила о преміи имени заслуженнаго профессора Андрея Федоровича Павловскаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ	76
13. (10-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени въ Божѣ почившаго Госудря Императора Александра II при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	77
14. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Людвига Эммануиловича Нобеля, учрежденной въ С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ товариществомъ нефтянаго производства братьевъ Нобель	—
15. (19-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Василія Васильевича Колобова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ	78
16. (20-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени губернскаго секретаря Ивана Николаевича Осипова при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ	79
17. (28-го марта 1889 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго студента Московскаго университета Евгенія Ивановича Миролюбова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ	80
18. (2-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Алексѣевича Гилярова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	81
19. (4-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени тюменскаго 1-й гильдіи купца Ивана Петровича Войнова при Императорскомъ Томскомъ университетѣ	—

20. (22-го апрѣля 1889 года). Правила выдачи пособій бѣднымъ студентамъ Императорскаго Харьковскаго университета изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго поручикомъ Андреемъ Александровичемъ Кирѣвымъ 82
21. (25-го апрѣля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени генерала-адъютанта графа Николая Павловича Игнатьева при Императорскомъ Томскомъ университетѣ . . . . . —
22. (6-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Васплевича и Елены Ивановны Малеванскихъ при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра 83
23. (13-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго присяжнаго повѣреннаго Василя Николаевича Данилова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго почетною гражданкою Фелицатою Ивановною Ушаковою 84
24. (15-го мая 1889 года). Положеніе о стипендіи покойнаго ординатора Одесской городской больницы Николая Михайловича Дитерихса при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ 85
25. (7-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Надежды Николаевны Сверчевской при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ 86
26. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени коммерціи совѣтника Захарія Михайловича Цибульскаго при Императорскомъ Томскомъ университетѣ 87
27. (10-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II и Наслѣдника Цесаревича внѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича при Императорскомъ Томскомъ университетѣ. —
28. (16-го іюня 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Его Величества Государя Императора Александра III при Слободскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ 88
29. (16-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Мейнгардъ-Крамерь при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 89
30. (17-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго городского головы Николая Ивановича Переломова при Нерчинскомъ уѣздномъ училищѣ . . . . . —
31. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи при Варшавской 4-й мужской гимназій въ память чудеснаго спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ при катастрофѣ 17-го октября 1888 года 90
32. (18-го іюня 1889 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени камердинера Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Павла Александровича, въ чинѣ VIII класса, Сергѣя Ивановича Терентьева-Датскаго, при С.-Петербургской 3-й гимназій 91
33. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софіи Анисьиной при Вятской Маріинской женской гимназій 92

34. (20-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи Общества вспоможенія частному служебному труду въ Нижнемъ-Новгородѣ при Нижегородской мужской гимназій	93
35. (24-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Евменія Филипповича Аристова при медицинскомъ факультетѣ Императорскаго Казанскаго университета	94
36. (29-го іюня 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени тюменской I-й гильдіи купеческой вдовы Ирины Григорьевой Вонновой при Тюменской женской прогимназій	96
37. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гвардіи капитана Александра Федоровича Григоріуса при Рязанской мужской гимназій	97
38. (4-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени Маріи Карловны Сухановой при Симферопольской мужской гимназій	—
39. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіяхъ имени покойной вдовы крестьянина Олопецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Толвуйской волости, деревни Масельской Горы, Ольги Петровны Захаревой, при Повѣнецкомъ городскомъ училищѣ	98
40. (8-го іюля 1889 года). Положеніе о стипендіи имени гофмейстера двора Его Величества тайнаго совѣтника Георгія Петровича Алексѣева при Екатеринославской Маріинской женской гимназій	99
41. (12-го іюля 1889 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ объ исчисленіи по финансовымъ смѣтамъ расходовъ въ металлической валютѣ и о производствѣ заграничныхъ платежей	100

Приказъ министра народнаго просвѣщенія.

(24-го мая 1879 года)	46
---------------------------------	----

Приказъ управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра.

(27-го іюня 1889 года).	102
---------------------------------	-----

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

О книгѣ: „Русская хрестоматія. Составилъ А. Галаховъ“	57
О книгѣ: „Произведенія Эврипида въ переводѣ Е. Ѳ. Шнейдера“	—
О книгѣ: „Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть <i>Евгеніи Туръ</i> “	—
О книгѣ: „М. Вольперъ. Этимологія русскаго языка въ таблицахъ“	—
О книгѣ: „Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>Николая Барсукова</i> “	—

О книгѣ: „Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. П. Дм. Брянцева“	112
О книгѣ: „Метеорологія и климатологія. Составилъ Д. А. Ложиновъ“ .	—
Объ учебникѣ: „Cours complet de langue française, par A. Chalandes. Première année. St.-Petersbourg. 1885. Составилъ А. Шалландъ“ .	113
О книгѣ: „J. Racine. I. Esther. Tragedie en trois actes et en vers. II. Athalie. Tragédie en cinq actes et en vers. (Edition épurée). Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Пинатовичъ“	—
О книгѣ: „О важнѣйшихъ повальныхъ заболѣваніяхъ дѣтей. Составилъ Р. Л. Кобылянский“	—
О книгѣ: „Уходъ за больными. Составилъ Михаилъ Залуковский“	—
О книгѣ: „Десять посланій Квинта Горация Флакка. Составилъ Георгій Ламе“	—
О книгѣ: „Extemporalia. Составилъ И. Виноградовъ“	114
О книгѣ: „Д. Шилле. Сборникъ статей для перевода на греческій языкъ“	—
О книгѣ: „Nouvelle grammaire française a l'usage de la jeunesse russe, pour les classes moyennes et supérieures, par Alphonse Rancu“	—
О книгѣ: „Rascovie ou La jeune sibérienne (Параша Сибирячка). Par Xavier de Maistre. Издавъ А. Алексеевъ“	—
О книгѣ протоіерея І. Наумовича: „Бесѣды Степана Сторуазумова о сельскомъ хозяйствѣ“	—
О журналѣ „Техникъ“, издаваемомъ въ Москвѣ подъ редакціей Г. Этельмейера	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгахъ, составленныхъ протоіереемъ Іоанномъ Наумовичемъ: 1) „Псалтырникъ“; 2) „Четыре путеводаителя доброй жизни“; 3) „О. Геодоръ. Повѣсть“	58
Объ изданіи: „Славянскія прописи для народныхъ школъ. Составилъ И. Н. Мамимовскій“	—
О книгѣ: „Диктантъ для начальныхъ сельскихъ и городскихъ училищъ. Курсъ I и II года. Составила О. Скворцова“	—
О книгѣ: „Русская исторія для начальныхъ школъ. Составилъ М. Н. Питяковъ“	—
О книгѣ: „Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Составилъ Н. Раевскій“	—
О книгахъ, составленныхъ П. Р. Фурманомъ: 1) „Григорій Александровичъ Потемкинъ“; 2) „Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ“; 3) „Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій“	—
О книгѣ: „На досугѣ. Бесѣды дѣдушки Андрея о печеночногемистной болѣзни овецъ. Составлены М. А. Исаковымъ“	59

О книгѣ: „Товарищъ. Книга для чтенія и письменныхъ работъ. Составилъ <i>Д. Поповъ</i> “	—
О книгахъ <i>А. Баранова</i> : „Наше Родное. Годъ 1-й, 2-й и 3-й“	115
Объ изданіи <i>А. Д. Ступина</i> : „Прописи и рисованіе по клѣткамъ“	—
О книгѣ: „Краткій еврейскій катихизисъ. Составилъ <i>В. Л. Сегаль</i> “	—
О книгѣ: „Пространный еврейскій катихизисъ. Составилъ <i>В. Л. Сегаль</i> “	—
О книгѣ: „Краткая исторія евреевъ до заключенія Талмуда. Составилъ <i>В. Л. Сегаль</i> “	—
О книгѣ „Полный курсъ исторіи Израильскаго народа отъ сотворенія міра до новѣйшихъ временъ. Составилъ <i>М. О. Немсеръ</i> “	116
Официальныя извѣщенія	59 и 116
Открытіе училищъ	59
О двѣнадцатомъ присужденіи премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	1

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>А. Н. Веселовскій</i> . Славяно-германскіе отрывки	
<i>А. И. Соболевскій</i> . Къ исторіи русскихъ былинъ	15
<i>П. О. Бобровскій</i> . Русская греко-униатская церковь въ царствованіе Императора Александра I	20 и 259
<i>Е. Ф. Шмурло</i> . Петръ Великій въ русской литературѣ	57 и 305
<i>П. Д. Погодинъ</i> . Обзоръ источниковъ по исторіи осады и взятія Византіи турками въ 1453 году	205

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

<i>В. Ф. Миллеръ</i> . Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII. Тифлисъ. 1889.	122
<i>Г. С. Дестунисъ</i> . Каталогъ греческихъ аеонскихъ рукописей	132
<i>Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ</i> . Сочиненія <i>А. А. Котляревскаго</i> , т. I. С.-Пб. 1889.	157
<i>И. П. Минаевъ</i> . Забытый путь въ Китай	168 ✓
<i>Е. А. Бѣловъ</i> . Историческій очеркъ Польскаго сейма. <i>Н. Картева</i> . Москва. 1888.	190
<i>И. Д. Тихомировъ</i> . Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку. С.-Пб. 1888.	380
<i>В. Г. В—скій</i> . Исторія среднихъ вѣковъ. <i>Н. А. Осюкина</i> . К. 1888.	386
<i>Н. М. Бубновъ</i> . О математическихъ сочиненіяхъ Герберта	398
<i>П. И. Вейнбергъ</i> . Донъ-Жуанъ. Поэма <i>Байрона</i> . Переводъ <i>П. А. Козлова</i> . С.-Пб. 1889.	437

И. Н. Осе. Замѣтка по поводу рецензій на книгу „Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibnitz“	452
Книжныя новости	200 и 454

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

И. Л. Шаталовъ. Нееская учительская семинарію и ея курсы ручнаго труда	1
Наша учебная литература (разборъ 31 книги)	23

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Ө. Д. Батюшковъ. Замѣтки о преподаваніи романской филологіи и французской литературы въ Парижѣ	17
В. Н. Александренко. Письмо изъ Лондона	32
Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1889 году. Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ въ 1888—1889 учебномъ году	1
К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. О. Ө. Миллеръ (<i>некрологъ</i>)	41
С. С. Гогоцкій (<i>некрологъ</i>)	12
	54

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

А. Н. Щукаревъ. Исслѣдованія въ области каталога аенискихъ архонтовъ III вѣка до Р. X.	1-91
--	------

**FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED**

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

~~OCT 2 1978~~	<i>M. S. ...</i>
REC. CIR. OCT 25 '78	
REC. CIR. JUN 1 1982	
LIBRARY USE DEC 16 '86	

LD 21-100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley